

СЕРИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

А. П. С. С. б.,
М. А. И.,
и др. др.
1888 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXI.

АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ.

1888 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кієвъ, 8-го Апрѣля 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXI. Апрѣль, Май и Іюнь, 1888 г.

	СТР.
I. Очеркъ литерат. исторіи малор. нарѣчія въ XVII в. П. Житецкаго.	1—21, 169—183, 389—408
II. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. Н. И. Петрова	23—51, 314—340
III. Экономич. замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣ- верщинѣ. П. Ефименна.	52—63
IV. На рубежѣ. IV—VII. Пер. съ пол. К. М. 64-99, 209-234,	365—388
V. Нелишнее слово о виршахъ. Михайлогорскаго.	100—108
VI. Алексѣй Алексѣвичъ Перовскій. В. Горленка	109—124
VII. Нѣжинская рада 1663 г. А. Востокова.	125—139
VIII. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург- скому праву. I—III. И. Каманина.	140—168
IX. Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. А. Потебни	184—208
X. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію Григоріанскій кален- дарь. Н. Ѡ. Сумцова.	235—258
XI. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. ра- вноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображе- нія П. Л.	259—264

- XII. О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.** 265—283
- XIII. Леонардъ Совинскій. Опытъ по смертной характеристике. **А. В. С—но.** 284—313
- XIV. Молотники. (Бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ** . 341—364
- XV. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. **А. Романовичъ-Славатинскаго** 409—432
- XVI. Критика. Архивъ юго-зап. Россіи. Ч. I, т. VII. **И. Новицкаго.** Обзоръ исторіи русск. права, **М. Ф. Владимірскаго-Буданова.** **И. М.** Истор.-стат. описаніе роменск. Свято-Духовскаго собора, **И. А. Курилова.** **Ө. Н. И. А. Устиновъ.** Литература о харьковск. губ. **А. Лебедевъ.** О брачныхъ разводахъ по арх. документамъ харьк. и курск. дух. консисторій **Д. И. Багалтя.** Личность и дѣятельность Симеона Полоцкаго (по пов. соч. о немъ **І. Татарскаго**), **Н. И. П.** „Русалочка“, **Петруся,** „Вивчарь“, **Пелипця,** „Зъ народнѣго поля“, **Чайченка.** **И. Ж.** Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ узглядненіемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Составилъ **Иванъ Ем. Левицкій.**—Галицко-русская библіографія за 1887 г. Составилъ **Иванъ Ем. Левицкій.** **Мирона.** **Н. Н. Оглоблинъ.** Провинціальныя архивы въ XVII вѣкѣ. **И. Каманина.** Украинскія легенды въ французскомъ журналѣ. **В. Горленка.** Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей съ 14-го ноября 1886 г. по 14 ноября 1887 г.—Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества **В. Я.** Сводная Галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца Августа 1772 года. Составилъ **А. С. Петрушевичъ.** **В. А. Diebold Wladimir.**—Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen. Dorpat. (Дибольдъ.—Къ антропологии Малороссовъ. **В. А. Czyński Edward,** Etnograficzno-statystyczny zarys liczebności rozsielenia

ludności polskiej. **Ц. Неймана.** Александра Барсукова. Родъ Шереметевыхъ. Книга пятая. **И. Каманина.** Литургическій календарь лудко-житомірской епархіи и костеловъ подольской губ., изданный по распоряженію преосв Симона Мартина Козловскаго, еп. лудко-житомірскаго, доктора богословія на 1888 г. **Михаленко-Юрновскаго**

1—64

XVII. Документы, извѣстія и замѣтки. Населеніе г. Кіева въ 1742 г. **М. В.—Б.** Къ исторіи финансовъ въ Малороссіи и слоб. Украинѣ. **И. В. Теличенка.** Неизд. стихотвореніе В. И. Забилы. **М. Комаровъ.** Къ малорусск. пѣснямъ объ освобожденіи крестьянъ. **Дм. Петровскаго.** Употребленіе табаку по народнымъ повѣрьямъ.—Острожское имѣніе. **П. Китицына.** Забытый городъ (изъ археол. экскурсіи). **Вл. Антоновича.** Къ литературн. дѣятельности **Ө. Г. Лебединцева.** Проекты Кіевской губернской канцеляріи, представленные въ Елисаветинскую и Екатерининскую законодательныя комиссіи. Сообщ. **М. Владимірскій-Будановъ.** На комъ былъ женатъ Мазепа. **А. Л.** Письмо воровскаго сотника Холодовича къ намѣстнику черниговской „кathedры“ Саввѣ Шпаковскому, 1721 г. **А. Л.** Легенда о Паліѣ. Право „презенты“ и его значеніе въ исторіи юго-западнаго края. **В. Чеважевскаго.** „Прыказка“ о нюхаряхъ. **Ив. Манджуры.** Отчетъ о рефератѣ проф. В. Б. Антоновича, читанномъ въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца 3 апрѣля 1888 г. **Н. Н. Чернышевъ** (Некрологъ). **Ө. М.** Къ редакторской дѣятельности **Ө. Г. Лебединцева.** **В. Г.** О происхожденіи гетмана Павла Тетеры. **В. А.** Поѣздка гетмана К. Г. Разумовскаго въ Батурино и Козелець. **Николая Баная.** Эпизодъ изъ исторіи малорусскихъ крестьянъ. **Н. Стороженка.** Изъ быта крѣпостнаго времени. **А. Залѣсскаго.** Картины, рисунки и офорты Шевченка. **В. Г.** Два слова о рисункахъ К. А. Трутовскаго. **Н. С.** Замѣтка о

IV

	СТР.
старопечатныхъ книгахъ Харьковской духовной семинаріи. Н Сумцова	1—92
XVIII. Для справокъ 31—36, 66—68,	90—92
XIX. Библиографическій листокъ	1—54
Приложенія: 1) Портретъ А. А. Перовскаго.	
2) Наказы малор. депутатамъ 1767 г..	43—138

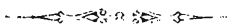
СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Апрѣль, 1888 г.

	СТР.
I. Очеркъ литерат. исторіи малор. нарѣчія въ XVII в. II—III. П. Житецнаго	1— 21
II. Къ исторіи колонизаціи Слоб. Украины. Н. И. Петрова	23— 51
III. Экономич. замѣтки и матеріалы. I. Рудни въ Сѣверщинѣ. П. Ефименка	52— 63
IV. На рубежѣ. IV—V. Перев. съ польск. К. М.	64— 99
V. Нелишнее слово о виршахъ. Михайлогорскаго	100—108
VI. Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. В. Горлека	109—124
VII. Критика. Архивъ юго-зап. Россіи. Ч. I, т. VII. И. Новицнаго. Обзоръ исторіи русск. права, М. Ф. Владимірскаго-Буданова. И. М. Ист.-стат. описаніе роменск. Свято-Духовск. собора, И. А. Курилова. Ф. Н. И. А. Устиновъ, Литература о харьковск. губ. А. Лебедевъ, О брачныхъ разводахъ по арх. документамъ харьк. и курск. дух. консисторій. Д. И. Багалѣя. Личность и дѣятельность Симеона Полоцкаго (по пов. соч. о немъ Г. Татарскаго). Г. Я. П. „Русалочка“ Петруся, „Вивчаръ“ Пелипця, „Зѣ народвѣго поля“ Чайченка. И. Ж.	1— 24
VIII. Документы, извѣстія и замѣтки. Населеніе г. Кіева въ 1742 г. М. В.—Б. Къ исторіи финансовъ въ Малороссіи и Слоб. Украинѣ. И. В. Теличенко. Неизд. стихотвореніе В. И. Забилы. М. Комаровъ. Къ малорусск. пѣснямъ объ освобожденіи крестьянъ. Дм. Петровскій. Употребленіе табаку по народнымъ по-	

II

	СТР.
вѣрѣямъ.—Острожское имѣніе. П. Кнѣиына . Забы- тый городъ (изъ археол. экскурсіи). Вл. Антоновича .	
Къ литературн. дѣятельности О. Г. Лебединцева. . .	1— 31
IX. Для справокъ	31— 36
X. Библиографич. листокъ	1— 16
Приложенія: 1) Портретъ А. А. Перовскаго.	
2) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.	

АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢВИЧЪ
ПЕРОВСКІЙ.

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ МАЛОРУССКАГО НАРЪЧІЯ ВЪ XVII В. ¹⁾

II.

Славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго.—Задачи автора.—Идея „чистаго“ славянскаго языка. Грамматическая регламентація.—Фигитивныя формы славянскаго языка.—Начало словопроизводства.—Употребленіе надстрочныхъ знаковъ по русскому выговору.

Еще въ 1586 году напечатана была въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоичей, „Граматыка словенска языка з газоѡилавіи славнаго града Острога власне отчизны яснѣ вельможного княжати и пана Константина Константиновича на Острогу ²⁾“. Въ 1591 году была издана въ Львовѣ „Грамматїка дозроглаголикаго Балинословенскаго ꙗзыка“. Сложена она „ѡ различныхъ грамматїкхъ спѣдѣли ѡже въ Лѡвкѡй школѣ“ ³⁾. Составители ея имѣли въ виду главнымъ образомъ греческій языкъ, но по временамъ увлекались аналогіями съ языкомъ славянскимъ. Грамматическую терминологию они заимствовали изъ славянскаго перевода греческой грамматики „О ѡсми частѣхъ слова“, сдѣланнаго въ IX вѣкѣ Іоанномъ, ексархомъ болгарскимъ.—Черезъ пять лѣтъ появилась въ

¹⁾ „Кіевск. Стар.“ 1888 г., т. I.

²⁾ Эта небольшая книжка—около 14 листовъ, по всей вѣроятности, была плодомъ грамматическихъ наблюденій надъ славянскимъ языкомъ переводчиковъ Острожской Библии. Въ настоящее время она составляетъ библиографическую рѣдкость. Неполный экземпляръ ея находится въ библіотекѣ кн. П. Вяземскаго, болѣе полный—въ библіотекѣ Перемышльскаго собора I. Крестителя. См. Голубева, Исторія кіевской академіи. Выпускъ I.

³⁾ Экземпляръ этой рѣдой книги безъ выходнаго листа хранится въ библіотекѣ кіевской духовной академіи подъ № 346 Г.

Вильнѣ „Грамматѣка Словѣнска съсоставленна Лаврѣнтѣмъ Зизанѣмъ“¹⁾. „За науку можно ся имаймо“, говоритъ авторъ въ предисловіи къ своему труду, чтобы книги словенскаго языка не только „добре читати, но и право писати“²⁾. Задача была ясно сознана, но для рѣшенія ея автору не доставало дара комбинаціи и нѣкоторой смѣлости въ установленіи славянскихъ формъ примѣнительно къ свойствамъ русскихъ нарѣчій. Тѣмъ и другимъ качествомъ въ полной мѣрѣ обладалъ извѣстный Мелетій Смотрицкій, авторъ славянской грамматики, напечатанной въ 1619 году въ Эвию (близъ Вильны).

Мы должны остановиться на этой книгѣ въ виду громаднаго вліянія ея на богослужебный языкъ православной церкви, который въ свою очередь былъ регуляторомъ книжной рѣчи у всѣхъ славянъ восточнаго исповѣданія. Отсюда ведетъ свое начало, такъ называемая, грамотность русская вообще и малорусская въ частности. Она выражается преимущественно въ умѣньи писать *грамматически* правильно. Въ Малороссіи съ большею точностію грамотныхъ людей называютъ „письменными“, такъ какъ главная трудность книжной рѣчи заключается не въ чтеніи ея, а въ письмѣ, гдѣ считается обязательнымъ употребленіе той или другой славянской буквы для выраженія разныхъ звуковъ, или-же наоборотъ — нѣсколькихъ буквъ для выраженія одного звука. Развитіе грамотности или „письменства“ обезпечено было грамматикой Мелетія Смотрицкаго, которая проникала въ самыя низшія школы посредствомъ славянскихъ букварей, и донныѣ еще сохранившихъ кое что изъ грамматической терминологіи М. Смотрицкаго, какъ-бы во исполненіе его мысли, выраженной имъ въ обращеніи къ учителямъ школьнымъ: *Дѣтѣкамъ, говоритъ онъ, ѡучитиса починяющимъ еѣкваръ, звѣкае рѣкомый Ѡлфактѣаръ, з той-же грамматѣки кычиринный, ѡбы склоненіамъ грамматичнымъ зъ лѣтъ дѣтинныхъ зъ мѡвою зѣразъ прикыкали, до выѣныа подаванъ нехѣй коудѣтъ“³⁾. А букварей такихъ*

¹⁾ Описание славянорусскихъ книгъ Каратаева, 257.

²⁾ Связанія русскаго народа Сахарова т. II, XIX.

³⁾ Первое практическое руководство для юношества, составленное на основаніи грамматики Мелетія Смотрицкаго, напечатано было въ Вильнѣ въ 1621 году

одна кіево-печерская лавра въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, т. е. со времени появленія грамматики М. Смотрицкаго, выпустила въ народъ безчисленное множество ¹⁾).

Но главной задачей М. Смотрицкаго—было поднять „Знамендканный, а цркви наший природный“ славянской языкъ до высоты литературнаго органа и такимъ образомъ доставить „славянскомъ въ народѣ нашимъ языкомъ подлинныи, върозумныи его и пожитокъ“. Для этого требовалось научить не только „читати по словянскому и чтѣмосе върозумѣкати“, но и „писати роздѣлане“, т. е. сочинять по славянски. Въ этомъ отношеніи М. Смотрицкій возлагаетъ большія надежды на свою книгу: „она, говорить онъ, наоучитъ порядокъ и споразумѣнъ словъ, которіи за которыми... бѣдѣтъ сочинѣнїа покладани быти мають... оукажетъ злѣ положенное слово, оукажетъ збытнои, оукажетъ и чого бы не достакало“. Этотъ рѣшительный тонъ объясняется убѣжденіемъ Мелетїя Смотрицкаго, которое въ его время было всеобщимъ не только у насъ, но и въ Европѣ, что грамматика есть „къ пониманью языка чистоты“, т. е. она есть сводъ постановленій и правилъ, которымъ долженъ подлежать языкъ для того, что-бы имѣть достоинство и силу языка *чистаго*. Ничего нѣтъ удивительнаго въ этомъ стремленіи создать *чистый* славянской языкъ,

подъ заглавіемъ: „Грамматика албо сложеніе письмени хотящимъ ся учити славенскаго языка, младолѣтнимъ отрочагомъ“ (См. Голубева, Исторія кіевской академіи вып. I). Другое подобное руководство вышло въ Кременцѣ въ 1638 году (есть экземпляръ этой книги въ кременецкой духовной семинаріи). Авторъ этой книги Аѳанасій Пузина, Луцкій епископъ (1633—1649), тотъ самый, который въ 1648 году послалъ Хмельницкому, поднявшему знамя возстанія противъ Польши, деньги, порохъ, пушки и пули (Памятникъ кіевской комиссіи, I. 60—63). Къ сожалѣнію, въ экземплярѣ, который былъ въ нашихъ рукахъ, нѣтъ первыхъ листовъ, на которыхъ обыкновенно помѣщалась въ тѣ времена „предмова“ къ читателю. Вообще-же въ книгѣ—то-же расцредѣленіе частей, та-же терминологія, тѣ-же примѣры, что и въ грамматикѣ М. Смотрицкаго.

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія было-бы интересно прослѣдить исторію кіевскихъ буквварей въ сравненіи съ буквварями виленскими, почаевскими, львовскими и московскими. Къ сожалѣнію, въ самой кіево-печерской лаврѣ мы не могли найти буквварей XVII в. Сохранились только букввари конца прошлаго вѣка. Самый древній относится къ 1791 году: въ немъ уже замѣтно вліаніе московскихъ изданій.

если два вѣка спустя знаменитый І. Добровскій въ своихъ Institutiones linguae Slavicae имѣлъ въ виду ту-же цѣль. Вся разница въ томъ, что Добровскій хотѣлъ возстановить идеальный типъ славянскаго языка, которому *долженъ былъ* соответствовать славянскій языкъ въ вѣкъ Кирилла и Меодія. Мелетій Смотрицкій не могъ идти такъ далеко: онъ пользовался славянскими рукописями русской редакціи, и при томъ поздними—не древнѣе XV—XVI в., поэтому въ его грамматикѣ получился не столько *чистый* славянскій языкъ, сколько языкъ *очищенный* отъ старинныхъ особенностей его, которыя могли быть свойственны нѣкогда и нарѣчіямъ древнерусскаго языка, но постепенно утратились въ немъ. Такимъ образомъ, позднѣйшіе—смѣшанные и искаженные звуки и формы русскаго языка Мелетій Смотрицкій приписываетъ *чистому* славянскому языку. Не имѣя, напримѣръ, надлежащаго понятія объ истинной природѣ глухихъ гласныхъ, онъ называетъ ихъ *припряжногласными* буквами, которыя сами по себѣ не произносятся, но только „ѣ дѣкіосѣ, ѡ-же чѣноксѣ окончіаніе чѣкорѣчѣ“. Точно также ему неизвѣстно было и носовое произношеніе юсовъ. Вотъ почему и формы съ глухими и носовыми гласными, видоизмѣненныя въ духѣ русскаго фонетика, Мелетій Смотрицкій считаетъ возможными въ славянскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, позднѣйшія формы творит. ед. именъ существ. мужес. р. *омъ, емъ* вмѣсто *гмъ, ѡмъ* онъ допускаетъ въ славянскомъ языкѣ,—винит. единств. именъ существ. женс. р. *у, ю* тоже считаетъ чистыми славянскими формами. Повинуясь установившимся въ его время особенностямъ живой рѣчи, онъ различаетъ имена существ. мужес. р. одушевленные отъ неодушевленныхъ, т. е. думаетъ, что въ церковнославянскомъ языкѣ были формы винит. падежа: *дрѣвѣга, сына, свидѣтель*,—думаетъ также, что въ немъ имѣло мѣсто позднѣйшее смѣшеніе въ тѣхъ-же именахъ темъ *а* съ темами *у*, а такъ-же темъ *а* съ темами *і* въ родит. множ., т. е. *дрѣвѣгѣкъ и дрѣвѣгъ, сынѣкъ и сынъ, свидѣтелѣи и свидѣтель*.

Очевидно, Мелетій Смотрицкій далекъ былъ отъ современныхъ намъ научныхъ стремленій поставить изученіе церковнославянскаго языка на историческую почву. Методъ у него тео-

ретическій. Онъ руководствуется грамматическими категоріями, принятыми въ языкахъ классическихъ, преимущественно въ языкѣ греческомъ. Такъ, напримѣръ,—въ ученіи о славянскомъ глаголѣ онъ старается скопировать наклоненія и времена съ греческаго глагола¹⁾. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдуетъ старинному грамматическому обычаю, ведущему свое начало отъ І. Екзарха Болгарскаго, ставить въ параллель славянскія формы съ греческими, а за отсутствіемъ соотвѣствующихъ славянскихъ формъ, Смотрицкій создаетъ фиктивныя. Таково, напримѣръ, выдуманное имъ *причастодѣтіе*²⁾. Таковы-же различныя формы времени (настоящее, прошедшее и будущее) въ неопред. наклоненіи, на самомъ дѣлѣ не существующія. Всѣ эти формы Смотрицкій образуетъ отъ соотвѣствующихъ формъ времени изъяснит. наклоненія, какъ и вообще всѣ наклоненія выводитъ оттуда-же, слѣдовательно, онъ даже не предчувствуетъ значенія глагольныхъ темъ. Любопытно, что въ своихъ апріорныхъ построеніяхъ онъ иногда наталкивался на такія явленія, которыя

¹⁾ Наклоненій у Смотрицкаго шесть:

- 1) Изъявительное (бѣю, чгѣ, стою).
- 2) Повелительное (бѣи, чгѣи, стѣи).
- 3) Молительное (оуслѣши, конми, прѣзри).
- 4) Сослагательное (аще бы хотѣлъ, даъ бы).
- 5) Подчинительное (да бѣю).
- 6) Неопредѣленное (бѣти).

Время тоже шесть:

- 1) Настоящее (бѣю, бѣиъ быкаю).
- 2) Преходящее (бѣхъ, бѣиъ ѣль).
- 3) Прешедшее (бѣахъ, бѣиъ ѣль или быхъ).
- 4) Мимолетное (бѣлахъ, бѣиъ бывахъ).
- 5) Непредѣльное (повѣхъ, повѣиъ быхъ).
- 6) Будущее (повѣю, повѣиъ бѣа).

²⁾ „Ѣсть Грѣкомъ, говорить Смотрицкій, нарѣчїе знаменсканїа положителнаго на εον (λεχτέον), Латїномъ *verbum participiale in dum* (legendum), намъ славаномъ причастодѣтїе речїно: „ѣсть же глаголъ причастенъ нѣждѣ бѣдѣщаго дѣнствїа знаменѣщїи, яко читателно.

не укладывались въ правила,—и вотъ здѣсь является у него живая мысль о томъ, что, кромѣ грамматическихъ правилъ, *ѣсть ѣбыкъ* или *нѣвыкъ*, присущій живой рѣчи. Это дало ему возможность подмѣтить нѣкоторыя особенности славянскаго языка, преимущественно развитыя въ русскихъ нарѣчїяхъ. Такова, на-примѣръ, замѣна въ русскихъ нарѣчїяхъ прошедшихъ простыхъ формъ глагола сложными¹⁾,—таково же русское *дѣепричастіе*, которое справедливо считаетъ Смотрицкій особеннымъ типомъ причастія, не сознавая того, что въ русской формѣ оно было чуждо славянскому языку²⁾.

Особенно поучительны соображенія Смотрицкаго о такъ называемыхъ *видахъ* глагола. Собственно говоря, смутное представленіе о видахъ имѣлъ уже І. Екзархъ Болгарскій. Онъ же первый предложилъ и самый этотъ терминъ, отличивъ въ глаголахъ видъ *первообразный* (*хощѣ*, *принимѣ*) отъ производнаго (*къхощѣ*, *въпринимѣ*). Смотрицкій развилъ дальше ученіе о видахъ, подраздѣливъ производный видъ на *начинательный* (*каменѣю*— всегда съ примѣтою *н*) и *учащательный* (*читѣю*). Обѣ эти разновидности производнаго вида потому такъ и названы, что онѣ происходятъ отъ вида совершеннаго. *Начинательный*, по мнѣнію Смотрицкаго, обыкновенно на *ню* (*чтѣнѣю*, *вѣлѣнѣю*, отъ *чтѣнѣ*, *вѣлѣнѣ*), а учащательный оканчивается обыкновенно на *аю* и *яю* (*вѣлѣаю*, *читѣаю* отъ *вѣлѣгоу*, *чтоу*). Не ускользнула отъ Смотриц-

¹⁾ Времена: *переходящее*, *прошедшее*, *минувшее* и *непредѣльное* наклоненія *изъявительнаго* рѣска *иногда* *языка* *нѣвыкомъ* *дѣйствительнѣ* и *страдательнѣ* произносима быти *сербѣаема*: *ице* *сдѣйствительнымъ* глаголомъ *растворѣема*, *яко*: *чѣлѣ* *ѣма*, *читѣлѣ* *ѣма*, *прочитѣлѣ* *ѣма* (вмѣсто *читѣахъ*, *прочитѣахъ* и проч.).

²⁾ „*Дѣепричастїа* *сѣуть* *причастїа* *чрезъ* *оуѣчїенїе* *или* *изъ-лѣтїе* *сокращенїа* *и* *знаменованїемъ* *ѣ* *причастїи* (*ѣ* *нихъ* *же* *и* *составляють*) *потолїкѣ* *различествующа*, *поколїкѣ* *прилагательное* *оуѣчїенное* *ѣ* *цѣлаго* *различествовати* *ѣбыче*“. Въ дѣепричастїяхъ вѣтъ падежей, за исключенїемъ именительнаго: *читѣа*, *читѣахъ*, *прочтоуѣцѣ*, *чтѣсѣмъ*, *чтѣнѣ* *читѣае* *и* проч.

ваго и связь между видами глагола и различными формами времени, но, выясняя эту связь, Смотрицкій не избѣжалъ всякаго рода натяжекъ. Такъ, онъ говоритъ, что въ первомъ спряженіи переходящее время образуется отъ 1 л. ед. числа наст. врем. глаголовъ вида совершеннаго (отъ *даю*, *вѣю*, *вѣдоу*—*дѣхъ*, *вѣхъ*, *вѣдохъ*),—во второмъ спряженіи отъ 2 л. ед. числа наст. времени, не поясняя при этомъ, отъ какихъ глаголовъ—совершенныхъ или несовершенныхъ, хотя примѣры взяты изъ глаголовъ несовершенныхъ (отъ *чѣити*, *гласѣти*, *вѣдѣти*—*чѣихъ*, *гласѣхъ*, *вѣдѣхъ*). Къ неправильнымъ образованіямъ онъ относитъ формы переходящаго на *ахъ* (въ глаголахъ втораго спряженія: *держѣхъ*, *стѣлѣхъ*, *молѣхъ*),—формы на *пхъ* (*тѣрпѣхъ*, *болѣхъ*, *горѣхъ*) и даже на *охъ* (*вѣгохъ*—всего одинъ примѣръ). Затѣмъ уже отъ переходящаго производится *непредѣльное* время съ помощію *наращенія* т. е. приставки (*вѣдѣхъ*, *прѣтѣрпѣхъ* и проч.). Куда-же относится *прошедшее* время, отъ котораго образуется и *мимошедшее*? Оно составляется, какъ говоритъ Смотрицкій, отъ 1 л. единст. чис. наст. вр. вида *учащательнаго*, приче́мъ *аю* измѣняется на *а* (*читѣхъ*), *аю* на *я* (*вѣхъ* отъ предполагаемаго *вѣлю*), *ую* на *ова* (*тѣскохъ*). Очевидно, прошедшее время есть тотъ-же аористъ, что и переходящее, слѣдовательно, одна и та же грамматическая категория времени разбита на двѣ. Мысль у Смотрицкаго была подвести итоги временамъ и видамъ, т. е. приурочить извѣстныя времена къ извѣстнымъ видамъ, именно времена переходящее и непредѣльное къ *совершенному* виду, а прошедшее и мимошедшее къ *несовершенному*. Вышло, однако-же, такъ, что спутаны, какъ мы видѣли, времена, спутаны и виды, ибо, по Смотрицкому, *вѣдѣти*, *держѣти*, *стѣлѣти*—нужно считать глаголами совершеннаго вида. А такъ какъ эти глаголы у него считаются первообразными, то отсюда новая сбивчивость: не различены надлежащимъ образомъ первообразные глаголы отъ производныхъ. Все это произошло отъ излишней регламентаціи. Смотрицкій хотѣлъ поставить въ причинную зависимость разныя свойства глаголовъ; изъ образованія ихъ хотѣлъ вывести и ихъ видовыя свойства, а изъ этихъ послѣднихъ—формы времени, не

рѣчѣ, —ѣ кмѣсто и, ѡ наскорѣчѣ (послѣднее правило для малорусскаго нарѣчія, а предыдущее для бѣлорусскаго), —ы кмѣсто и, ѡ наскорѣчѣ“. Отсюда произошло условное употребленіе разныхъ буквѣ, напримѣръ, буквы і въ срединѣ словъ предѣ гласными, или-же буквы ѡ, которую Смотрицкій совѣтуетъ писать въ предлогахъ о, обѣ и въ словахъ, въ составъ которыхъ входятъ эти предлоги, а также въ падежахъ числа множест.—родит. (тѣхъ зѣлѣ), дат. (члѣкъмѣ), въ родит. единств. числа мѣстоименія чѣи (чѣгѣ), наконецъ, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ (дѣгѣиѣ, прѣвѣднѣ). Такимъ образомъ, Смотрицкій задолго до Ломоносова установилъ въ правописаніи принципъ словопроизводства, основаннаго на письменномъ преданіи, поэтому и въ иностранныхъ словахъ онъ совѣтовалъ выдерживать на письмѣ коренные звуки тѣхъ языковъ, изъ которыхъ сами слова взяты: „кюдѣмо вѣдн, говоритъ онъ, къ грѣчѣскѣхъ рѣчѣиѣхъ ѡрдѣгѣфѣи грѣчѣской, къ латѣнскѣхъ латѣнской хрѣнѣмѣи вѣчѣи“.

Но есть отдѣлъ въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, можно сказать, фонетическій. Мы разумѣемъ ученіе его о *просодіи*. Она имѣетъ, по мнѣнію Смотрицкаго, два значенія—стихотворное, основанное на „скраціиѣи ѡли прѣгѣжѣиѣи глѣснаго, ліѣко слѣга“, и графическое, основанное на „кѣзнѣиѣи ѡли ѡчѣтѣиѣи глѣса пѣсьменнаго къ пѣсанѣи ѡли къ глаголѣиѣи“. Первая просодія или *припѣтѣиѣ* есть совершенная фикція, святая съ греческой метрики. Что касается до второй просодіи, то она тоже одѣта въ греческую терминологію, но моделью ей служило подвижное удареніе, свойственное русской рѣчи. Она обозначается тремя знаками. Первый изъ нихъ называется *оксіа* или *острая* (´). Она ставится вообще на ударяемомъ слогѣ, не исключая и послѣдняго, если только это слогъ закрытый (члѣмѣ, дѣрѣ),—надъ открытымъ же ударяемымъ слогомъ ставится *варіа* или *тяжкая* (˘), и при томъ всегда на концѣ словъ (чѣгѣи, зѣлѣ). Третій знакъ называется *периспомени* или *облеченная*, въ позднѣйшихъ букваряхъ *камора* (^). Она можетъ стоять только на послѣднемъ и предпослѣднемъ ударяемомъ слогѣ, и именно—надъ гласными *долгими по естеству*—и, ы, ѣ). 1) На послѣднемъ слогѣ ста-

вится *периспомени*, когда онъ есть слогъ закрытый, и притомъ *мягкій* (пѣть, рѣко́лѣть), но если это слогъ твердый, то ставится *оксія* и въ мягкихъ слогахъ, когда въ составъ ихъ входитъ болѣе одного согласнаго звука (смі́ръть вѣ́тъкъ). 2) На предпоследнемъ слогѣ ставится *периспомени* надъ долгими гласными и, ѡ, ѣ, если въ послѣдній слогъ входятъ краткія гласныя о, е, и при томъ съ *однимъ* согласнымъ (дѣ́ко, ѡ́ни, вѣ́ло), но не въ такихъ случаяхъ, какъ чѣ́сте, ѡ́мже. Совсе не полагаются знаки ударенія надъ односложными словами, которыя слѣдуютъ послѣ словъ, на которыхъ стоитъ удареніе въ предпоследнемъ и особенно въ послѣднемъ слогѣ (чѣ́сто ѡ, чѣ́тъкъ ѡ, при́лѣхъ тѣ, ѡ́ни мѡй и проч.¹⁾).

Какъ ни сложна эта система удареній, но все же она гораздо проще того хаоса, который господствуетъ въ славянскихъ рукописяхъ XV—XVI в. Онѣ представляютъ въ этомъ отношеніи не одну, а нѣсколько системъ, смѣшанныхъ и перепутанныхъ между собою въ слѣдствіе того, что русскіе писцы рукописей, отмѣчая мѣстное произношеніе славянскихъ словъ тѣмъ или другимъ знакомъ удареній, считали въ то же время для себя обязательнымъ сохраненіе тѣхъ знаковъ, которые они встрѣчали въ подлинникахъ, напечатанныхъ въ другихъ славянскихъ земляхъ—въ Сербіи или въ Болгаріи. Отъ этого недостатка

¹⁾ Кромѣ трехъ знаковъ, выражающихъ удареніе, Смотрицей насчитываетъ еще шесть. Два изъ нихъ выражаютъ—доу́хъ, —т. е.—„ѡгъщѣніе ѡгончѣніе гѡлоса“. Это *исим* или тонкая (´), которая ставится надъ начальными гласными въ славянскихъ словахъ (оу́слыши, ѣ́дино), и *дасія* или *пустя* (˘), которая ставится надъ начальными гласными въ греческихъ словахъ (ѡ́мнѣ). Гораздо болѣе соотвѣтствуютъ звуковымъ особенностямъ русской рѣчи остальные четыре знака. Они выражаютъ, какъ говоритъ Смотрицей, „сгъра́сгъ“, т. е. сокращеніе звуковъ, или въ формѣ сложенія двухъ слоговъ въ одинъ, или въ формѣ смягченія согласныхъ звуковъ. Это—*ерикъ*, *паерикъ* и *мякая*: въ начертаніи эти знаки очень сходны между собою (˘). Первые два знака имѣютъ мѣсто въ концѣ односложныхъ словъ, означая твердое и мягкое произношеніе согласныхъ (с' мѣ́рѡмъ, сѣ́н'). *Мякая* отличается отъ *паерика* тѣмъ, что ставится въ серединѣ словъ надъ мягкими (сѣ́дѣ́а, хѣ́а́л'ныи). Четвертый знакъ этой категоріи называется *слитная*—въ позднѣйшихъ букваряхъ *кавыка* (˘). Она ставится надъ краткимъ и или же іотой. Это единственный знакъ, который сохранился и въ современномъ русскомъ правописаніи (*мой, свой*).

несвободны были даже лучшія по языку рукописи, напр. Пересопницкая ¹⁾). Смотрицкій положилъ конецъ этой пестротѣ въ употребленіи надстрочныхъ знаковъ. Онъ слѣдовалъ въ этомъ отношеніи печатнымъ изданіямъ предшествующаго времени, особенно Библии Острожской, въ которой уже замѣтна постановка удареній по русскому выговору ²⁾. Такимъ образомъ, Смотрицкій вывелъ ударенія изъ области произвола, поддерживаемаго безсознательнымъ списываніемъ славянскихъ рукописей разныхъ редакцій. Существенный недостатокъ его системы заключается въ признаніи долготы за нѣкоторыми гласными, которые въ русскомъ произношеніи ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ краткихъ гласныхъ. Но такъ или иначе, важно было само по себѣ уже то обстоятельство, что русское удареніе явилось руководящимъ началомъ въ произношеніи славянскихъ словъ. Подъ защитой ударенія, поддерживаемаго грамматическимъ правиломъ, не искажались на письмѣ и малорусскія слова, сохраняя всѣ особенности живой рѣчи. Вотъ нѣсколько примѣровъ вполнѣ народнаго малорусскаго ударенія въ произведеніяхъ Іоанникія Галатовскаго, одного изъ популярнѣйшихъ малорусскихъ писателей XVII в: *кѡсна* (К. 149), *камѣн'а* (ib. 166), *камѣн'амъ* (Каз. 108), *мѣз'ика* (ib. 24), *кѡсн'аный* (К. 149), *малін'кѣй*, *подданнымъ* (ib. 62), *нѣкого* (ib.), *нѣз'ащо* (М. 350), *даси* (Каз. 3), *мѡжемо*, *гладнмѡ* (К. 141),—формы повелит. накл: *зверѣмо*, *чинѣмо*, *кѣпровоадьмо*, *намалюймѡ* (Каз. 24—25), *напишѣмъ* (К. 212).

¹⁾ *Оксія* въ Пересопницкоѣй рукописи часто стоитъ на томъ слогѣ, на который не падаетъ удареніе (*прѣшоль*, *кряча*). Часто нѣтъ и вообще никакого знака надъ многими словами (*когачетко*, *стокротъ*, *козметъ*). *Варія* и *оксія* часто встрѣчаются въ одномъ и томъ же словѣ (*здѡрокѣй*, *хѡщоу*, *жрѣтѣѣ*). *Писми* или *томкая*—въ позднѣйшихъ букварахъ *звательцо*—ставится, вопреки грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, *дважды* въ одномъ словѣ надъ гласными, слѣдующими одна за другою (*нѡудѣнскыа*, *ѡр'дана*). *Периспомени* часто не совпадаетъ съ удареніемъ (*народѣ мнози*).

²⁾ Есть въ Острожской Библии *оксія* и *варія*, и *писми*, но множество словъ оставлено безъ удареній, и при томъ словъ не односложныхъ, какъ у Смотрицкаго. *Писми* стоитъ, какъ въ Пересопницкоѣй рукописи, не только надъ начальными гласными, но и надъ срединными. Не видно также *периспомени*.

Такимъ образомъ, помимо сознанія самаго Смотрицкаго, церковнославянскій языкъ, представленный въ его грамматикѣ, сближенъ былъ съ общими свойствами русскихъ нарѣчій. Писатели малорусскіе, старавшіеся усвоить этотъ языкъ, охотно брали изъ богослужебныхъ книгъ церковнославянскія буквы, не соотвѣтствовавшія русскимъ звукамъ, не менѣе охотно брали церковнославянскія формы, чуждыя русскимъ нарѣчіямъ, но не отказывались и отъ нѣкоторыхъ особенностей живой рѣчи, если только она совпадала съ книжной рѣчью, хотя бы эти особенности составляли исключительную принадлежность того или другаго русскаго нарѣчія. Само собою разумѣется, что больше всего они дорожили сходствомъ церковнославянскихъ звуковъ и формъ съ общерусскими. Собственно говоря, этотъ языкъ можно назвать не столько церковнославянскимъ, сколько *славянорусскимъ* въ самомъ общемъ значеніи этого слова. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ послѣдовательно выдержанъ: попадаются въ славянорусскихъ произведеніяхъ малорусскихъ писателей звуки и формы общерусскія вмѣсто церковнославянскихъ, иногда даже мѣстныя—малорусскія. Но центръ тяжести славянской рѣчи—не здѣсь, а въ искусственномъ соединеніи стихій церковнославянской съ общерусскою, которая казалась сходной въ томъ или другомъ отношеніи съ церковнославянскою, при чемъ послѣдняя считалась не только регуляторомъ, но и украшеніемъ рѣчи.

Чтобы выяснитъ эти общія положенія, остановимся на синтаксическомъ построеніи славянской рѣчи въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ малорусскихъ писателей XVII в.

III.

Синтаксическіе архаизмы въ старинныхъ южнорусскихъ памятникахъ.—Фигурные архаизмы, не соотвѣтствующіе церковнославянскимъ.—Подлинныя архаизмы подражательнаго происхожденія.—Стилистическое значеніе церковнославянскихъ элементовъ рѣчи въ южнорусской письменности.

Извѣстно, что въ древнеславянскихъ письменныхъ памятникахъ краткія причастія дѣйствит. залога, наст. и прошед. I, были употребляемы предикативно въ трехъ случаяхъ: 1) въ со-

единеніи съ различными формами глагола *быти*, на примѣръ: „и пастури вѣдахъ въ той же странѣ вѣдаци“ (Остр. 250); 2) при глаголахъ воспріятія, ощущенія, наблюденія: „не прѣста съ локызанци нозѣ мон“ (ib. 233), „како не свѣтѣшася къ звращѣшиа дати славы Богоу“ (ib. 109); 3) послѣ вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій, занимая въ этихъ случаяхъ мѣсто личныхъ глаголовъ: „не вѣдати бо са что твораци“ (ib. 191) ¹⁾.

О первомъ изъ этихъ случаевъ Миклошичъ того мнѣнія, что это способъ выраженія не славянскій. Мы не отрицаемъ вліянія греческаго синтаксиса, и при томъ того греческаго синтаксиса, который явился въ твореніяхъ отцевъ церкви подъ вліяніемъ подражанія образцовымъ греческимъ писателямъ, которыхъ они хотѣли вытѣснить изъ византійскаго образованнаго міра собственными произведеніями, написанными по образу и подобию древнегреческихъ. Въ нашихъ Острогахъ и Триодяхъ—въ тяжеловѣсной славянской одеждѣ—и доннѣ еще сохранились нѣкоторые слѣды вліянія греческихъ поэтовъ, на примѣръ, Пиндара и даже Гомера. Подлинныя стихи этихъ поэтовъ, нужно сказать, были неясны уже и для позднѣйшихъ грековъ, поэтому неудивительно, что въ славянскомъ переводѣ смыслъ ихъ еще болѣе затмился. Тѣмъ не менѣе многіе, такъ называемые, грецизмы были свойственны и церковнославянской рѣчи. Доказательство, между прочимъ, заключается въ томъ, что въ старочешскомъ и старопольскомъ языкахъ есть обороты рѣчи аналогическіе съ церковнославянскими, которые считались грецизмами, тогда какъ чешскій и польскій языки не стояли въ непосредственной зависимости отъ богослужебныхъ книгъ, написанныхъ подерковнославянски. Вопросъ о степени вліянія греческаго синтаксиса на церковнославянскій нельзя считать вполне выясненнымъ въ наукѣ,—но и теперь уже, послѣ изслѣдованія объ этомъ предметѣ г. Потебни ²⁾, можно сказать, что

¹⁾ Miklos. Syntax. der Slav. Spr. 822.

²⁾ Мы разумѣемъ вторую часть капитальнаго труда г. Потебни: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“.

въ самой природѣ церковнославянскаго нарѣчія заключались естественныя условія для воспріятія вліянія со стороны греческаго синтаксиса, иными словами—сама по себѣ церковнославянская рѣчь не была чужда элементовъ, сходныхъ съ греческими способами слововыраженія. Если бы было иначе, то откуда славянскіе переводчики греческихъ книгъ могли бы заимствовать формы словъ, необходимыхъ для синтаксическихъ построеній, сходныхъ съ греческимъ строемъ рѣчи, на примѣръ, хотя бы формы краткихъ причастій? Не могли же они сочинить для церковнославянскаго языка отсутствующія въ немъ формы. Широкое употребленіе этихъ причастій, вообще говоря, свойственно было древнѣйшему состоянію славянскихъ нарѣчій. Было время, когда и въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ краткія формы причастій не были еще превращены въ такъ называемыя дѣепричастія, т. е. не были вовлечены въ сферу полной зависимости отъ личныхъ глаголовъ,—поэтому, какъ въ предикативномъ, такъ и въ аппозитивномъ употребленіи ихъ еще не нарушалось согласованіе съ именемъ въ родѣ, числѣ и падежѣ.

Первые слѣды потери краткихъ формъ причастія относятся къ XIII в. ¹⁾ Въ XIV в. рѣзко выступаетъ эта потеря, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ памятникахъ. Въ южнорусскихъ грамотахъ XIV в. постоянно встрѣчаются формы: *чтучи, рекучи, жививаючи*, при именахъ существ. въ множ. ч. ²⁾ Тѣмъ не менѣе, въ то самое время, какъ приходили въ забвеніе формы этихъ причастій, функціи ихъ присущи были живому чувству языка. Распредѣленные между многими формами, функціи съ теченіемъ времени, обыкновенно, отходятъ къ немногимъ уцѣлѣвшимъ формамъ, которыя служатъ для выраженія разныхъ функцій. Такъ случилось, какъ извѣстно, съ прошедшими простыми, функціи которыхъ сосредоточились въ прошедшемъ времени на *ль*, при чемъ самая форма эта съ теченіемъ времени поставлена

¹⁾ Очеркъ исторіи звуговъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI стол. Колосова, 99. Буслаевъ замѣчаетъ, что въ Кормчей по списку 1282 г. краткія формы причастій употребляются безъ различія по родамъ и числамъ (Истор. христ. 408).

²⁾ АЗР. I. 25. АЮЗР. II. 102.

была въ особенныя условія для выраженія тѣхъ оттѣнковъ времени, которые принадлежали прошедшимъ простымъ. То же самое мы видимъ и въ краткихъ причастіяхъ. Когда они перестали измѣняться по падежамъ, то на окончанія неизмѣнныя (для наст. врем. *чи*, для прошед. *ши*) перенесено было функціональное значеніе вышедшихъ изъ употребленія разныхъ падежныхъ окончаній. Въ этомъ убѣждаетъ насъ синтаксическое построеніе рѣчи, сохранившееся въ южнорусскихъ грамотахъ ХІІІ в. Оно отражается отчасти и въ современной намъ малорусской рѣчи, особенно въ языкѣ народныхъ пѣсенъ. Приведемъ примѣры:

Предикативное употребленіе краткихъ причастій:

I. съ вспомогат. глаголомъ: „*бачучи есмо* высокіи послуги князя“ (Грамм. 1552 г.)¹⁾ „Тую уставу нашу *давши есмо* поданнымъ нашимъ“ (Грамм. 1561 г.)²⁾.

II. при глаголахъ воспріятія, ощущенія, наблюденія и т. п. (соотвѣтственно съ греческой конструкціей *inf. cum accus.*): „шла она с поля з работы и *обачила* трехъ челоувѣковъ *трясучи* грушу ее“ (Гр. 1562) ³⁾, „*застали есмо* людей корсовскихъ *оручи* землю“ (Гр. 1562 г.)⁴⁾.

„Ударили дробні дощі, ударили тучі, ймили Петра Бондаряка у Харинюка спючи“⁵⁾.

III. послѣ вопросительныхъ и относительныхъ мѣстоименій: „купцы и ремесники всякіе мають добровольно огонь у своихъ домѣхъ завжды держати, *коли хотяче*“ (Гр. 1506 г.)⁶⁾ „Абы возы такъ продавали, *якъ зъ дому привезши*“ (Гр. 1541 г.)⁷⁾.

„Туть я шапку з себе хутко, в віконце, *як мога*“⁸⁾.

¹⁾ АЗР. II. 143. Многие примѣры мы взяли у Миклошича (*Vergleich. Syntax der Sl. Spr.*), другіе сообщены намъ О. И. Левицкимъ, за что приносимъ ему искреннюю благодарность.

²⁾ АЗР. III. 114.

³⁾ Луцк. кн. л. 179.

⁴⁾ *Ibid.* л. 127.

⁵⁾ Гол. I. 176.

⁶⁾ АЗР. II. 3.

⁷⁾ АЮЗР. I. 113.

⁸⁾ Чуб. V. 655.

„Нема спинѣу вдовиному синку, що звів з ума чужую дитинку: як *извівши*, на коника *сівши*: „будь здорова, любая розмова!“¹⁾).

Апозитивное употребленіе краткихъ причастій: здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ, такъ называемый, дательный самостоятельный. Слѣды этой конструкціи въ изобиліи встрѣчаются въ южнорусскихъ грамотахъ: „Поведили: *женучи* дей *намъ* вепровъ кормныхъ, то пакъ панъ Окуровскій споткалъ *насъ*, прудко у санкахъ бегучи“ (Гр. 1564 г.)²⁾; „*будучи* *намъ* *господарю* на великомъ соймѣ, донесли прозбы свои“ (Гр. 1565 г.)³⁾; „*намъ* *спдши* на отчизномъ нашомъ столцы, есмо напоминали“ (Гр. 1507)⁴⁾. Миклошичъ называетъ эти обороты рѣчи отголоскомъ (*nachklang*) церковнославянскаго языка, даже въ томъ случаѣ, когда причастіе сохраняетъ форму дат. падежа, напри- мѣръ: „сталося... лѣта Божьего... мѣсяца... при томъ *будущимъ*“... (далѣе слѣдуютъ имена свидѣтелей: Гр. 1510)⁵⁾. Мы тоже думаемъ, что это отголосокъ церковнославянскаго стариннаго—только, во всякомъ случаѣ, не подражательный. Доказательство заключается въ томъ, что и въ народной малорусской рѣчи встрѣчаются довольно частые слѣды дательнаго самостоятельнаго: „як *тий* *зозулі* въ саду *кучочи*, так *вашій* *сестриці* там *горюючи*“⁶⁾; „горе *мені* на чужини, без батенька *живши*“⁷⁾.

Но если и теперь еще въ малорусскомъ нарѣчійі продол- жается старинная традиція въ построеніи рѣчи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она составляетъ въ ней господствующее начало. Малорусское нарѣчіе въ своемъ историческомъ развитіи шло тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ другія, т. е. теряя старин- ную сжатость предложенія и безразличіе его составныхъ частей, постепенно переходило къ аналитическому строю рѣчи. По мѣрѣ

¹⁾ Ibid. 275. 8.

²⁾ Лукк. кн. л. 9.

³⁾ АЗР. II. 138.

⁴⁾ Ibid. II. 21.

⁵⁾ Vergleich. Syntax, 828.

⁶⁾ Чуб. V. 751.

⁷⁾ Ibid. 1041.

того, какъ краткія причастія получали неподвижную форму неизмѣняемыхъ словъ, они уже не могли согласоваться съ именами существительными, и вмѣстѣ съ тѣмъ начали тяготѣть къ глаголу, какъ къ центру предложенія, которое въ слѣдствіе того получило большую грамматическую опредѣленность, большую расчлененность своихъ составныхъ частей. Въ связи съ этими перемѣнами въ причастныхъ формахъ предиката и аппозиціи, падали и, такъ называемые, вторые падежи, замѣняясь развитыми придаточными предложеніями, неопредѣленнымъ наклоненіемъ и проч.

Вмѣстѣ съ разнообразіемъ, которое при этомъ не исключало единства, обусловленнаго болѣе отчетливыми требованіями мысли, предложеніе пріобрѣтало большую выразительность, и рѣчь становилась подвижнѣе.

Таковъ общій ходъ синтаксическаго перестроя рѣчи не только литературной, подвергавшейся разнообразнымъ постороннимъ вліяніямъ, но и болѣе консервативной народной рѣчи, какъ великорусской, такъ и малорусской.

Безъ сомнѣнія, въ XVI—XVII в. малорусское нарѣчіе слѣдовало новому теченію рѣчи, а не старому. Въ этомъ легко убѣдиться посредствомъ сравненія письменныхъ памятниковъ одинаковаго содержанія болѣе позднихъ съ древнѣйшими.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Пересопницкаго Евангелія сравнительно съ Остромировымъ.

Предикативное употребленіе краткихъ причастій:

I. Бѣ҃ахъ сѣдѣще фарисеи (Остр. 90, обор.).

И҃ сѣдѣли члѣмъ фарисеѣ (Перес. 34).

II. Нзиде и҃е и оузьрѣ мьздоньца именемъ леуиѣ сѣдѣща на мьчѣтницѣ (Остр. 92).

А҃ потѣмъ вѣншолъ и оузьдрѣль мьчѣтника имени Левію а҃ вонь сѣдѣти на мьчѣтницѣ (Перес. 35).

III. Въземаши его же не положь и жьнши его же не сѣ҃акъ (Луки 19. 21).

Берѣшь члѣ, гдѣ е҃и не положилъ и пожинаешь гдѣ е҃и не сѣдѣль (Перес. 66).

Дательный самостоятельный мелькает то тамъ, то здѣсь въ Пересопницкомъ Евангеліи въ видѣ подражанія церковно-славянской рѣчи, и въ этомъ случаѣ самое причастіе настоящего врем. является не въ русской формѣ (*чій*), а въ церковнославянской (*шій*). Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ этотъ оборотъ рѣчи выражается или полнымъ придаточнымъ предложениемъ, или независимымъ предложениемъ съ личнымъ глаголомъ:

Ище же кѣмоу не далече сѣшѣ отъ домоу послаи къ немому сътънникъ (Остр. 95).

И коли не далѣко былъ ѿ домоу послѣ прочить нигдѣ сътънникъ (Перес. 38).

Отъмѣтѣтъшии же сѣ вьсѣмъ (Остр. 101).

И не прїзнальсѣ никто (Перес. 43).

Вообще придаточныя предложенія, выраженные въ Остромировомъ Евангеліи посредствомъ краткихъ причастій, передаются въ Пересопницкомъ Евангеліи большею частію посредствомъ полныхъ:

Бѣ оуча нѣ на єдиноу отъ сѣбориць къ сѣботы и се жена дѣхъ имѣшии недѣлѣнъ нѣ лѣтъ (Остр. 105).

Быль пакъ тѣ на єдиноу ѿ сѣбориць и насъучаль всоуботѣ. была тѣмъ же тамъ жѣна таѣа которѣѣа не могла ѿ доуха нѣ лѣтъ (Перес. 55).

Встрѣчаются иногда въ Пересопницкомъ Евангеліи слѣды стариннаго синтаксиса, напр., вторые падежи, но въ употребленіи ихъ замѣтно колебаніе, склоняющееся къ именит. съ творит. вмѣсто двухъ именит., къ винит. съ творит. вмѣсто двухъ винительныхъ:

„Имѣи мѣнѣ ѿречѣніимъ, а въ слѣдующей строкѣ: „Имѣи мѣнѣ ѿречѣніа“ (Перес. 57).

„Тѣ не можѣ быти мѣимъ оубѣнникомъ“ (ib. 58).

„Вѣѣра тѣвоѣ тѣѣвѣ здѣорскѣго сѣчѣніа“ (ib. 43).

Что же представляетъ нижняя малорусская рѣчь XVII в., которую мы назвали *славянорусскою*?

Мы знаемъ общественно-религіозныя и политическія условія ея появленія, поэтому и не удивительно, что въ ней господ-

ствуетъ церковнославянская старина, и при томъ не всегда подлинная, но часто—подновленная, искусственная. Любопытная особенность этого подновленія заключается въ томъ, что малорусскіе писатели не отказывались отъ изобрѣтенія такихъ формъ, которыя нельзя назвать ни старыми, ни новыми, которыхъ нельзя отыскать въ древнеславянскомъ нарѣчій и ни въ одномъ народномъ славянскомъ нарѣчій.—Таковы, на примѣръ, формы причастій краткихъ и полныхъ въ мужес. р. имен. пад.: живѣщѣ, сѣщѣи, живѣщѣи, живѣщѣи, напр.: „ѡнѣ ѣсть пѣстырѣ дѣбрыи полагающѣ дѣшѣ своѣ за ѡвца“ (Мечъ Б. 189). Вообще славянорусская рѣчь изобилуетъ широкимъ употребленіемъ причастій, съ которыми связано старинное построеніе предложеній. Замѣчательно при этомъ, что краткія формы причастій (точно такъ же, какъ и краткія формы именъ прилагательныхъ) употребляются иногда атрибутивно, вопреки предписаніямъ грамматики Мелетія Смотрицкаго, который отрицалъ въ этихъ причастіяхъ косвенные падежи:

„Госкѣтковаше нарочитѣ и разѣминѣ мѣжѣ къ великѣ Нѣкгорѣдѣ живѣщѣ Гостомыслѣ“ (Син. 20).

„Ѣщѣ живѣ сѣщѣ ѡлгѣ“ (ibid. 25).

„Турцы отруиша своего царя Баязета, яко несчастлива суща“ (Густ. л. 363).

Гораздо чаще встрѣчаются эти причастія въ аппозитивномъ употребленіи, какъ съ именит. падежемъ, такъ и съ дательнымъ (въ видѣ дательнаго самостоятельнаго): „Тѣи ѣже ѣдетъ за щѣсѣтѣи ѡпокающѣ на нѣго“ (Мечъ Б. 134) „явился въ Полци новая немощъ, глаголемая франца, южѣ нѣкая жена ходяще на отпусты, принесе зъ Риму до Кракова“ (Густ. л. 360).

„Тѣло и душа, ѣщѣ къ рай ѣщѣма сѣ прелестивше. согрѣшнѣта: тѣло оузрѣвшѣ, ѡко запрѣщеннѣи ѡво зѣло еѣ краснѣ: дѣша колѣкѣши, ѡко ѡбѣзѣдѣ сѣ очи ѣлѣ“ (Мечъ Б. 129).

„Не мѣлу крѣмини пришѣдшѣ, прѣйдѣша трѣ вѣртѣлѣ“ (Син. 16).

„Бѣгѣ тѣко грѣхѣ рѣди члѣвѣчскихѣхъ похѣстѣншѣ“ (ibid.).

Вторые падежи составляютъ постоянную принадлежность славянорусской рѣчи:

„Бодѣласа кѣмъ рѣсѣи самодѣицѣ“ (Син. 38).

„Плѣтъи ідоле кѣпало, иго же Бѣга плѣдѣкъ зѣлнѣхъ
бѣтъи мѣхъ“ (ibid. 43).

Это одинъ изъ греческихъ оборотовъ рѣчи, которые, какъ извѣстно, съ особенною охотою вносились въ славянскій текстъ Библии Острожскими переводчиками ея.

Причастіе прошедшее гораздо чаще употребляется съ вспомогательнымъ глаголомъ, чѣмъ безъ него. Но особенное пристрастіе замѣтно къ старинному аористу и прошедшему продолженному времени. Простыя и сложныя прошедшія смѣшиваются иногда до безразличія. Иногда одинъ и тотъ же глаголь въ двухъ рядомъ стоящихъ строкахъ принимаетъ форму то простаго, то сложнаго прошедшаго, напримѣръ: „саранча великія шкоды *учини*“ и „огонь въ Краковѣ много шкоды *учинилъ*“ (Густ. л. 359). „Перунъ... распятіе рѣзанное *распоросилъ*“, а чрезъ нѣсколько строкъ: „распятіе паки *распороси*“ (ibid). Впрочемъ, большею частію простыя прошедшія употребляются въ прямой рѣчи, а сложныя въ косвенной, напримѣръ: „Устави (Патріархъ) братства и ставропигія, дабы наши овцы не *повиновались* намъ“ (Густ. л. 371). „Нынѣ мы *умыслихомъ* просити короля и всего сенату, дабы насъ *заховали* при волостяхъ“ (ibid).

Ко всему этому нужно прибавить, что въ славянорусской рѣчи для соединенія предложеній постоянно употреблялись церковнославянскіе союзы: *гдѣ, книгдѣ, пѣне, ѡце, ѡбаче, понѣже, занѣ, всѣже, ѡко* и т. п. Изъ русскихъ союзовъ приняты были только тѣ, которые имѣются и въ церковнославянскомъ нарѣчій. Это было своего рода архаическое украшеніе рѣчи, не мало вредившее простотѣ и естественности ея.

Такъ разрѣшали задачу свою тѣ малорусскіе писатели, которые въ церковнославянскомъ языкѣ видѣли готовый литературный органъ для выраженія мыслей. Они стремились возстановить этотъ языкъ во всей полнотѣ и чистотѣ его, но, помимо ихъ воли и сознанія, это уже не былъ церковнославянскій языкъ со всѣми его типическими особенностями. Въ приведенныхъ примѣрахъ рѣчи легко видѣть значительныя погрѣшности въ употребленіи церковнославянскихъ причастій, которыя часто не согласуются

съ своими существительными въ родѣ: *тѣй Ѡповѣдци, жена ходяци, тѣло ѡзубѣши*. Подобныя ошибки встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Очевидно, малорусскіе писатели употребляли церковнославянскія формы по русски,—иными словами, съ церковнославянскими формами они не соединяли тѣхъ функцій, которыя нѣкогда были имъ присущи. Слѣдовательно, сами по себѣ церковнославянскія формы составляли нѣчто внѣшнее по отношенію къ тому языку, на которомъ они думали и говорили въ обыденной жизни. Сохранялась такимъ образомъ одна видимость церковнославянской рѣчи, которая считалась нарядной одеждой мысли, всегда обращенной къ матеріямъ болѣе или менѣе важнымъ. Это была ветхая одежда старика-отца на молодомъ организмѣ юноши-сына. Она была надѣта отчасти по нуждѣ, отчасти по убѣжденію въ томъ, что она можетъ доставить почетъ и уваженіе отъ тѣхъ людей, которые привыкли цѣнить въ человѣкѣ не столько личныя достоинства, сколько наслѣдственные права его.

П. Житецкій.

(До слѣд. №).

КЪ ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦІИ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ.

8 апрѣля 1887 года дворянинъ Сергѣй Николаевичъ Шмитъ передалъ чрезъ члена церковно-археологическаго общества при кievской духовной академіи, доцента В. З. Завитневича, въ церковно-археологическій музей при этой академіи, для временнаго помѣщенія и пользованія, шесть свитковъ отписокъ XVII вѣка, касающихся заселенія Слободской Украины. По словамъ г. Шмита, свитки эти достались ему по наслѣдству отъ извѣстнаго малороссійскаго писателя Г. Ѳ. Квитки, родственника его по женской линіи. По разсмотрѣніи свитковъ оказалось, что они заключаютъ въ себѣ официальные документы относительно колонизаціи Слободской Украины съ 1639 по 1694 годъ, касающіеся двухъ важныхъ пунктовъ русской колонизаціи въ этомъ краѣ, именно городовъ Чугуева и Изюма, нынѣ Харьковской губерніи. Города эти были въ XVII вѣкѣ главными центральными пунктами двухъ укрѣпленныхъ линій, поочередно выдвигавшихся со стороны Россіи на югъ, первоначально для защиты русскихъ владѣній какъ отъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ и Ногайцевъ, такъ и отъ нападений со стороны польско-литовскаго государства, а впослѣдствіи для наступательнаго движенія русскаго государства на Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ.

Обѣ эти линіи созданы были и оберегались совокупными усиліями двухъ русскихъ племенъ, входившихъ въ составъ Слободской Украины, великорусскаго и малорусскаго, но съ нѣкоторою разницею въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и роляхъ. Болѣе ранняя, сѣверная линія укрѣпленій, которую можно назвать Чугуевскою, была создана и защищалась преимущественно Москов-

скими людьми. Она выдвинула свои сторожевые станы и форпосты далеко на югъ отъ главной линіи укрѣпленій и такимъ образомъ подготовила послѣдующее образованіе болѣе южной укрѣпленной линіи, которую можно назвать Изюмскою. Эта послѣдняя готовилась исподволь малорусскими выходцами, бѣжавшими сюда преимущественно изъ правобережной Украины отъ религіозныхъ преслѣдованій и соціальныхъ неурядицъ въ польско-литовскомъ государствѣ, и оканчательно образовалась уже къ концу XVII вѣка, съ постройкою въ 1681 году города Изюма, но съ участіемъ и московскихъ людей и воеводъ.

Названные документы далеко не обнимаютъ собою всей исторіи городовъ Чугуева и Изюма съ зависѣвшими отъ нихъ деревнями, слободами и укрѣпленіями и имѣютъ отрывочный характеръ. Въ первомъ свиткѣ заключаются документы времени царя Михаила Ѳеодоровича, съ 1639 по 1644 годъ; въ второмъ документы времени царя Алексѣя Михайловича, съ 1655 по 1658 годъ; въ третьемъ документы времени царствованія Ѳеодора Алексѣевича за 1676 годъ; въ четвертомъ времени царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей, за 1682, 1684, 1685 и 1687 годы; въ пятомъ документы того же царствованія за 1689 годъ; въ шестомъ документы того же царствованія за 1694 годъ. Тѣмъ не менѣе эти документы могутъ служить немаловажнымъ дополненіемъ къ изслѣдованію Д. И. Багалѣя: „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта стеной окраины Московскаго государства Томъ первый. Исторія колонизаціи“. Москва 1887. Поэтому мы рѣшили извлечь изъ нихъ болѣе или менѣе существенное содержаніе, связавъ и освѣтивъ разрозненныя, отрывочныя извѣстія ихъ общими свѣдѣніями изъ изслѣдованія г. Багалѣя и другихъ источниковъ. Трудъ этотъ, по нашему мнѣнію, тѣмъ болѣе необходимъ, что подлежащіе нашему разсмотрѣнію документы составляютъ частную собственность и могутъ быть впослѣдствіи утрачены для науки.

Документы всѣхъ шести свитковъ составляли архивъ чугуевскаго воеводы и потому главнымъ образомъ касаются исторіи Чугуева и зависѣвшихъ отъ него поселеній и укрѣпленныхъ мѣстъ. Но въ 1689 году, во время втораго похода князя Васи-

лія Васильевича Голицина въ Крымъ, велѣно было чугуевскому воеводѣ Степану Богдановичу Ловчинову „быть на ихъ великихъ государей службѣ по новопостроенной чертѣ на Изюмѣ с полкомъ для береженья украинныхъ городовъ одъ приходу неприятельскихъ людей“¹⁾). Поэтому въ Чугуевскомъ архивѣ сохранились свѣдѣнія и о городѣ Изюмѣ, и, новопостроенной Изюмской чертѣ укрѣпленій за 1689 годъ. Такимъ образомъ сообщаемыя нашими документами свѣдѣнія распадаются на двѣ группы, изъ коихъ одна касается Чугуева, а другая Изюма, съ ихъ укрѣпленными линіями.

I.

Въ 1638 году явились въ Бѣлгородъ, нынѣ курской губерніи, на государево имя малороссійскіе козаки съ гетманомъ Яцкомъ Острениномъ во главѣ. Они явились съ женами и дѣтьми, съ лошадьми, коровами и овцами и выпросили себѣ у государя разрѣшеніе основать въ степи, на Чугуевѣ городищѣ, поселеніе, построить городъ и всякія крѣпости. Всего пришло съ гетманомъ и сотниками 865 рядовыхъ козаковъ. Впослѣдствіи явились еще козаки изъ Азова и изъ литовскихъ городовъ, такъ что всѣхъ рядовыхъ козаковъ было 948 человекъ. Козацкое устройство новыхъ переселенцевъ не было нарушено Московскимъ правительствомъ. Но рядомъ съ властью гетмана и другихъ козацкихъ начальниковъ была поставлена власть воеводы, какъ органа центральной правительственной власти. Первымъ чугуевскимъ воеводою былъ князь Петръ Щетининъ, съ которымъ отправлены были въ Чугуевъ русскіе служилые люди: 100 человекъ дѣтей боярскихъ, 75 конныхъ козаковъ и 25 пѣшихъ стрѣльцовъ, всего 200 человекъ. Для двороваго строенія и первоначальнаго обзаведенія поселенцевъ велѣно было выдать имъ денежное и хлѣбное жалованье²⁾). Къ первымъ годамъ заселенія Чугуева и относятся старѣйшіе изъ разсматриваемыхъ нами документовъ. Это—почти

¹⁾ Свитокъ VI, документъ 13.

²⁾ „Очерки“ Багалъя, т. I, стр. 174—180.

исключительно круговыя обязательства и поручительства козацких пятидесятниковъ, десятниковъ и простыхъ козаковъ за новопоступающихъ и уже поступившихъ на службу своихъ товарищей въ томъ, что они будутъ вѣрно служить царю и не злоупотреблять государевымъ жалованьемъ. „Се яз Иван Михайлов сынъ Лучавской“, пишется въ поручной 1639 года, „да яз Тит Ми...ванов сынъ Оилонов, да яз Карпъ Васильевъ сынъ Сведенцов, да яз Гаврила Иванов сынъ Гневошев, да яз Оедор Совеев сынъ Хотянов новаго Чюгуева города полковныя козаки (поручились) по Акудки Молахове сыне Горлове в том, что жити ему Акудки за нашу порукою в новомъ Чюгуева городе у полковой козачей слободе, а служити ему Акудки государева служба с своею братею с полковыми казаками уряд поровенно, а во инныя государева города не сходить без государева указу. А как тот Акудка Горлов за нашу порукою с новаго Чюгуева города без государева указу из полковой казачей службы сойдет или у лицех его Акудки на Чюгуева городе не будет, и в его голову Акудкину места наши головы порутчиковы, а кой у нас поручик будет у лицех, на том порука и пеня, а пеня, что государь уважет, а поручную писал сию полковой козацка петидесетничиска Серешка Хомин сынъ Колычмановъ“¹⁾. Въ слѣдующемъ 1640 году тотъ же пятидесятникъ Сергѣй Колычмановъ съ девятью козаками его „пятины“ дали поручную запись по десятникъ Иванъ Лучавскомъ и семи козакахъ его десятка „въ томъ, что въ нынешнем во 148 (1640) году прислано на Чюгуевъ государева царева і великаго князя Михаила Оедоровича всеа руси денежное жалованье и велено то государево жалованье воеводе князь Петру Ивановичю Щетинину намъ роздать для нашей новой селидбы и дворового строеня по восьми рублев человѣку, и то намъ государево жалованя дано все и сполна и без вычету, и ему десятнику Ивану Лучавскому и всему его десятку козакомъ взято государева жалованя за нашу порукою на Чюгуеве городе на вечное житя устроицца и пашню пахать и хлеб сеять, а государева денежнаго жалованя не про-

¹⁾ Святозь I, док. 43.

пить и зернью не проиграть, и никаким воровствомъ не проворовать, и табаку не пить и у себе ево на держать, а служить имъ за нашою порукою Чюгуева города всякая служба, а с Чюгуева города не збежать, а государева жалованя не снести. А как тот Иван Лучавской десятник или хто ево Иванова десятку за нашою порукою на то государево жалованя на вечное жити не устроитца и пашни пахать не станеть и хлеба сеять, и денежное жалованя пропеть и зернью проиграет или каким воровствомъ проворует, и табак станеть пить, или станеть у себе табак держать, или с Чюгуева города збежит и государево жалованя снести и свою братю полковых козаковъ окрадет, ино пени государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Руси на нас на порутчиках, а кой съ нас порутчикъ будеть в лицах, на том пени и порука, а пени что государь укажет¹⁾. Такихъ поручныхъ сохранилось нѣсколько отъ 1640 года.

Но вслѣдствіе неудовольствій на своего гетмана Остренина и вслѣдствіе подстрекательствъ со стороны поляковъ, чугуевскіе черкасы (т. е. малороссіане) убили своего гетмана и 25 апрѣля 1641 года бѣжали обратно въ предѣлы польско-литовскаго государства²⁾. Послѣ этого Чугуевъ сталъ населяться преимущественно великороссами. Съ 1642 и до 1644 года мы имѣемъ кѣлый рядъ поручныхъ записей чугуевскихъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, станичныхъ головъ, станичниковъ или станичныхъ ѣздоковъ, козацкихъ пятидесятниковъ, десятниковъ, пушкарей и полковыхъ козаковъ за новоприборныхъ козаковъ въ томъ, что эти послѣдніе вѣрою и правдою будутъ служить государю. Но вѣроятно въ виду недавняго побѣга чугуевскихъ черкасъ изъ Чугуева въ предѣлы Польши, поручныя записи обстоятельнѣе прежняго перечисляютъ обязанности новоприборныхъ козаковъ и предусматриваютъ и предупреждаютъ измѣнническія дѣйствія ихъ и сношенія съ государевыми недругами. Въ одной такой записи 1642 года 10 чугуевскихъ полковыхъ козаковъ поручаются по новоприборномъ полковомъ козакѣ Прокофѣѣ Мартыновѣ „въ томъ, что ему,—какъ пишуть они въ записи,—за

¹⁾ Свят. I, догум. 13.

²⁾ „Очерки“ Бягалѣя, I, 190—195.

нашею порукою жить въ Чугуеве и служить государева царева і великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи козачья конная служба, из Чугуева не збежать и государю не изменить, в Крым и в Нагаи, в Литву и в Немцы, ни в которыя государства не отъехать и государева денежнава и хлѣбнова жалованя и государевы пищали и пороху и свинцу не снести и не пропить и не проворовать, и зернью и карты не играть, и вином и табаком не торговать, и корчмы и бл...дни и приѣзду у себя во дворе татем и разбойником и всяким воровскимъ людем не держать, и самому ему Прокоюю на разбой не ѣздить и инымъ какимъ воровствомъ не воровать и татиною и разбойною рухледю не промышлять, и стоя на государеве караулѣ над государевою казною никакия хитрости и дурна и подвоху не учинить, и будучи на государеве службѣ сидя в осаде з города не скинутца и з государевыми недруги никакими воровскими грамотами не ссылатца¹⁾ и проч. Вслѣдствіе недостатка и крайней нужды въ людяхъ принимали въ Чугуевѣ на государеву службу довольно безразборчиво. Есть извѣстіе, что въ козаки записывались бѣглеы крестьяне, перемѣнивъ свои имена, и нѣкоторые изъ нихъ служили даже въ дѣтяхъ боярскихъ²⁾. Иногда принуждали въ службѣ несовершеннолѣтнихъ ребятъ, не имѣвшихъ отдѣльнаго хозяйства³⁾.

Послѣ 1641 года новоприбираемые козачи попрежнему получали денежное пособіе на первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ по 8 рублей⁴⁾ и кромѣ того, ежегодное денежное жалованье, съ обязательствомъ нести государеву службу и вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься хлѣбопашествомъ. Ежегодное жалованье, по бѣдности просителей, нерѣдко выдавалось имъ впередъ за весь годъ⁵⁾. Однажды козакъ Гурь Чаплыгинъ въ 1642 году взялъ на съѣзжей избѣ во временное пользованіе за поручительствомъ товарищей „зипунъ лазоревой, и как тот зипунъ спросять, и ему

¹⁾ Свят. I, док. 5.

²⁾ Свят. III, докум. 50, 1676 г.

³⁾ Сито. П, докум. 5, 1658 г.

⁴⁾ Свят. I, док. 29, 78.

⁵⁾ Тамъ же, докум. 31, 37, 59, 69, 73 и 75.

Гуру за нашу порукою тотъ зичунъ опять привести въ съезжую избу передъ столника і воеводу предъ князь Василя Ондрѣвича Горченова¹⁾). Главною же притягательною силою для поступленія на государеву службу въ Чугуевъ была тамошняя благодатная почва, которая послужила источникомъ благосостоянія для чугуевскихъ служилыхъ людей, а впоследствии и государственныхъ доходовъ.

Еще при первоначальномъ заселеніи Чугуева, новыя поселенцы обязывались, кромѣ государевой службы, заниматься также хлѣбопашествомъ и слѣдовательно получили земельныя надѣлы. Вѣроятно эти надѣлы первоначально находились вблизи самаго города Чугуева. Но въ 1648 году „писецъ князь Яковъ Волконской да подьячей Осипъ Гнѣвошевъ“ распредѣлили между чугуевцами земли какъ подгородныя, такъ и отдаленныя отъ города. Въ этомъ году „писецъ столник и воевода князь Яковъ Петровичъ Волконской далъ на пашню земли чюгуевцамъ полковымъ наличнымъ козакомъ и которые впредь прибраны будутъ, всего тремъ стамъ человѣкомъ, подгороднюю землю, а за тою подгороднею землею два поля далних, да в той же землѣ по рѣчке Бабке сѣнные покосы, а трете далнее поле дано за рѣчкою Бабкою и по той рѣчке сѣнные покосы“. Подгородней земли на пашню дано было 1500 четей, да въ дальнихъ двухъ поляхъ и въ третьемъ полѣ за Бабкою 4600 четей въ полѣ, „а въ дву по тому жъ“, т. е. по стольку же четей въ двухъ смѣнахъ, слѣдовательно всего $1500+4600\times 3=18300$ четей, или по нынѣшнему измѣренію, 9150 десятинъ, по тридцать съ половиной десятинъ на человѣка²⁾). Изъ другихъ документовъ мы узнаемъ, что такой щедрый надѣлъ земли производился „вмѣсто государева денежнаго и хлѣбнаго жалованя“³⁾). Впоследствии размѣры земельныхъ надѣловъ служилымъ людямъ значительно уменьшились. Въ 1672 году боярскому сыну Ивану Малеховскому пожалованъ былъ починокъ въ чугуевскомъ уѣздѣ, удскомъ стану,

¹⁾ Тамъ же догум. 36.

²⁾ Свит. IV, догум. 2; Св. свит. II, догум. 29.

³⁾ Свит. III, догум. 32.

въ Васицевомъ селѣ, только въ 20 четей¹⁾. Въ томъ же году, по указу царя Алексѣя Михайловича, „в чюгуевскомъ уѣздѣ по речкѣ Бабки и на Огранове Колодези, гдѣ построены государевы пасеки, дано на папню земли тѣхъ пасекъ пасечникомъ Андриюшки Жураксину с товарищи десяти челоуѣомъ изъ остаточной земли чюгуевскихъ козаковъ вмѣсто государева денежного и хлѣбного жалованя по пятнатцати четь челоуѣку в полѣ, а в дву по томуж, да на кормъ пчель, с чего в лѣтнее время цвѣтъ имать, около государевыхъ пасекъ на версту“²⁾; слѣдовательно, получили по 22½ десятины на челоуѣка. Въ 1682 году въ селѣ Пятницкомъ, въ 10 верстахъ отъ Чугуева, было 92 служилыхъ людей, которые сообща имѣли только по 620 четей въ трехъ смѣнахъ³⁾; слѣдовательно, на каждаго приходилось только по 13-ти съ небольшимъ десятинъ земли.

Размѣры земельныхъ надѣловъ уменьшались пропорціоально заселенію края. Заселеніе это прежде всего совершалось служилыми чюгуевскими людьми. Получивъ въ надѣлъ обширныя земли, притомъ же значительно удаленныя отъ города, они сами стали селиться на этихъ земляхъ, приглашали къ себѣ работниковъ и крестьянъ и основывали цѣлыя деревни и села. Въ 1642 году нѣкто Прокоей Васицевъ числился рядовымъ чюгуевскимъ козакомъ⁴⁾; но въ 1658 году онъ уже значитя въ числѣ дѣтей боярскихъ, сообща съ двумя своими товарищами владѣть деревней Васицевой, очевидно получившей отъ него свое имя, и имѣть за собою нѣсколько людей⁵⁾. Около 1660 года до 30-ти челоуѣкъ чюгуевскихъ козаковъ поселились на отведенной имъ землѣ, на третьемъ полѣ, за р. Бабкою, и основали село Пятницкое. А такъ какъ подгородная земля, въ которой они имѣли долю, стала далеко отъ нихъ, то они въ 1681 году съ разрѣшенія генерала и чюгуевскаго воеводы Григорія Иванонича Косагова уступили чюгуевцамъ подгороднюю свою землю и въ за-

¹⁾ Свит. III, докум. 71.

²⁾ Свит. III, докум. 32.

³⁾ Свит. IV, док. 3.

⁴⁾ Свит. I, докум. 32.

⁵⁾ Свит. II, докум. 15.

мѣнъ ея взяли себѣ остаточную землю за рѣкою Бабкою¹⁾. На этомъ же третьемъ, отдаленномъ полѣ чугуевскихъ козаковъ во второй половинѣ XVII вѣка основаны были села Молодовое и Бабка, деревни Опакова и Прилѣпы и слобода Печенѣжская. Въ 1676 году чугуевскіе полковые козаки пятидесятники Микита Титовъ и Ермолай Семеновъ съ товарищами писали въ своей челобитной князю Ромодановскому слѣдующее объ этой землѣ: „та де помѣстная земля ихъ Микиты Титова с товарищи, а дана де имъ та земля третье поле полуторасту человекомъ, а ныне де ихъ налицо девяноста шесть человекъ, а шестдесят же четыре человекъ померли, а иных де крымские люди въ полонъ поймали, и которые де померли і в полонъ пойманы, и на ихъ де пустовыхъ земляхъ поселились Салтовского уѣзду села Молодоваго, да Чюгуевского уѣзду села Бабки, да деревни Прилѣп, да въ ихъ же де дачехъ поселилися черкасы села Печенѣги“²⁾. Такъ или иначе, въ разное время образовались вокругъ Чугуева, кромѣ вышеуказанныхъ, еще слѣдующія поселенія: села Веденское, Дмитревское, деревни Кирсанова, Шубина³⁾, деревня Лисенка⁴⁾, села Боровое, Терновое, деревня Красная Поляна, села Карпово⁵⁾, Телѣга, Пещана⁶⁾ и др.

Гораздо важнѣе было для колонизаціи Слободской Украины переселеніе въ нее малороссіянъ, начавшееся во время войнъ Богдана Хмельницкаго съ поляками, съ 1652 года, и продолжавшееся съ нѣкоторыми остановками и видоизмѣненіями до 1711 года. Въ 1652 году населены были малорусскими выходцами изъ Польши городъ Острогожскъ, нынѣ воронежской губерніи, и Сумы—харьковской губерніи. Съ 1653 по 1656 годъ основаны были малорусскими выходцами города Зміевъ и Харьковъ и слободы, или села Терны, Мохначи, Печенѣги, Хорошево и др. Последніе шесть поселеній, кромѣ Терновъ, находились въ предѣ-

1) Свит. IV, докум. 3.

2) Свит. III, док. 36; кн. свит. IV, док. 3.

3) Свит. III, док. 1676 г., № 10.

4) Тамъ же, док. 1685 г., № 10.

5) Тамъ же, док. 11.

6) Свит. V, док. 20, 1694 г.; свит. VI, док. 30, 1694 г.

лахъ стариннаго чугуевского уѣзда ¹⁾ и отчасти заняли земли чугуевскихъ козаковъ ²⁾. Вслѣдствіе этого всѣ эти малорусскія поселенія, состоя подъ главнымъ управленіемъ бѣлгородскихъ воеводъ, вмѣстѣ съ тѣмъ на первыхъ порахъ своего существованія стояли въ нѣкоторой зависимости отъ Чугуева и получали отъ него воинскую защиту, хотя нѣкоторыя изъ нихъ имѣли и собственныхъ воеводъ. Изъ одной челобитной чугуевцевъ, поданной въ 1658 году, видно, что ежегодно и зимою и лѣтомъ ихъ посылали во вновь построенные черкасскіе города Царевоборисовъ, Зміевъ, Харьковъ и Валки. Кромѣ того, они стояли въ самомъ Чугуевѣ (по 50 человекъ), ходили на отхожіе сторожи, на татарскіе перелазы, на Салтово и Гумницкое городища (по 35 человекъ), отправлялись по вѣстямъ въ разные города, и наконецъ ѣздили въ станицы до Царевоборисова и Тора ³⁾. Въ нашихъ документахъ имѣются свѣдѣнія о сторожевой службѣ чугуевцевъ въ Харьковѣ, Зміевѣ и другихъ мѣстахъ. Въ 1655 году бѣлгородскій воевода Семень Львовъ писалъ чугуевскому воеводѣ Исаю Савичу слѣдующее: „в нынешнем во 163 (1655) годе декабря во 23 день писал ко мнѣ в Белгородъ ис Харкова воевода Иван Селионтов, посылаеш де ты из Чугуева на государеву службу в Харьков вмѣсто служилых людей работников и робят малых, и тѣ иѣши и без ружя, и ты то дѣлаеш негораздо, что служилых людей не против государева указу посылаеш несполна и без ружя для своей безделной корысти. И тебѣ по государеву указу посылать служилых людей, которые написаны будутъ, а работников и робят и без лошадей и без ружя посылать не велѣтъ. А будеть, за тѣми служилыми людьми какое дурно учинитца от воинских людей над городом, и тебѣ за то от великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя росіи сомодержца (быть) в опале і в жестоком наказане безо всякие пощады“ ⁴⁾. Неохотно и неисправно

¹⁾ „Очерки“ Багалѣя, I, стр. 418, 421, 423 и др.

²⁾ Свит. III, док. 36.

³⁾ „Очерки“ Багалѣя, I, стр. 244.

⁴⁾ Свиток. II, док. 2. Считаемо нужнымъ замѣтить, что годы и порядокъ мѣсяцевъ мы обозначаемъ по церковному сентябрьскому лѣтосчисленію, употребляемому въ документахъ.

посылая своихъ служилыхъ людей на защиту Харькова, чугуевцы вмѣстѣ съ тѣмъ обижали харьковцевъ иными способами: одни изъ чугуевцевъ похищали у харьковцевъ ихъ домашній скоть, а другіе укрывали воровъ и не высылали ихъ въ Харьковъ для очныхъ ставокъ, не смотря даже на требованіе бѣлгородскаго воеводы. 16 Декабря 1658 года тотъ же Семень Львовъ писалъ въ Чугуевъ Исаю Савичу, что ему, Львову, подали челобитную „Харьковские черкасы атаманъ Иванъ Василевъ и сотники и всѣ рядовые черкасы всѣмъ городомъ на воровъ Чюгуевскаго уѣзду деревни Васищевой на Савостьку да на детей ево на Костьку да на Ониску да на Свиридку да на Зиновку Луниныхъ и на ихъ товарищей, а в челобитной ихъ написано. Живутъ де тѣ воры в той деревни Васищевой за чюгуевскими детми боярскими за Прокоемъ Васищевымъ да за Михайломъ Легоновымъ да за Сопронемъ Левинымъ. І в прошломъ де во 164-мъ (1656) и во 165-мъ (1657) і в нынѣшнемъ во 166-мъ (1658) году покрали тѣ воры у нихъ въ Харьковскомъ в разныхъ числахъ многие лошади, і в нынѣшнемъ же де во 166-мъ году стерегъ у нихъ наезной сторожъ черкашенинъ Миско Покатиловъ всего города згонные бараны барановъ с четыреста и болши, и тѣ де воры у тово ихъ сторожа у Миска Покатилова покрали згонныхъ шестидесятъ барановъ. И в нынѣшнемъ же де во 166-мъ годѣ Сентября въ 28 денъ поймали с поличнымъ з баранями головами вора Зиновку Лунина тотъ Миско Покатиловъ, а таварищи де ево ушли, и привелъ де тово вора с тѣмъ поличнымъ в Харьковской въ приказную избу, и тотъ де воръ въ Харковѣ передъ Воиномъ Селифонтовымъ распрашиванъ, а в роспросѣ де тотъ воръ Зиновка в тѣхъ покраденыхъ баранахъ на себя и на отца своево и на Костьку да на Ониску говорилъ. И по государеву указу и по моей отпискѣ велено тебѣ тѣхъ воровъ Свиридку да Савостьку Луниныхъ з детми прислать в Харьковъ к Зиновкѣ на очную ставку, и ты де прислалъ въ Харьковской одново Свиридку Лунина, а Савостьку Лунина з детми не прислалъ. А писалъ де ты въ Харьковской к Воину Селифонтову, будто де тѣхъ воровъ въ сыску нѣтъ, а тотъ де воръ Костька въ Чюгуевѣ сидѣлъ въ тюрмѣ і ис тюрмы де тотъ воръ Костька выпущенъ, а тѣ де Чюгуевцы дети боярские, за которыми тѣ воры жили, Прокоей

Васищев с товарищи от очной ставки тѣх воров Савостьку з детми укрывают, а жена де ево Савостькина и меншиє дѣти ныне живут у них детей боярскихъ у Прокоѣя Васищева с товарищи. И животы де тово вора Савостьки и детей ево Костьки да Ониски они ж Прокоѣей с товарищи разобрали по себѣ, а им де за тѣ их покражи ничево платежу нѣтъ. И государь бы их пожаловал, велѣл тѣх воров Савостьку Лунина зъ детми взятъ въ Харков на очную ставку. А я к тебѣ о тѣхъ ворах писал многожды, чтоб ты тѣх воров Савостьку Лунина зъ детми послал въ Харков для очной ставки. И ты государева указу и моихъ отписокъ не слушаешъ, въ Харков тѣх воров не отослал, и тѣм ты меня безчестиш, и я о твоєм непослушани а о своемъ бесчестьи стану писать к великому государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великия и малыя и бѣлыя росіи самодержцу. И тебѣ б по государеву указу по прежним и по сей моимъ отпискам Чюгуевского вора Савостьку з детми для очные ставки к Зиновки Лунину послать в Харьковской тотчас безо всякого мотчана, не дожидаясь о том инова государева указу“¹⁾. Зависимыя отношенія Харькова къ Чугуеву продолжались и въ послѣднее время. По одной памяти воеводы Степана Богдановича Ловчинова, 1689 года, Печенѣжская слобода харьковскаго полка представляется находящеюся въ чугуевскомъ уѣздѣ²⁾.

Въ одинаковыхъ съ Харьковомъ отношеніяхъ къ Чугуеву находился первоначально и городъ Зміевъ. Онъ получалъ отъ Чугуева военную помощь, но получалъ ее неисправно и не разъ жаловался на чугуевскаго воеводу въ Бѣлгородъ. Въ 1658 году извѣстный уже намъ Львовъ писалъ изъ Бѣлгорода къ чугуевскому воеводѣ Исаю Савичу слѣдующее: „в нынешнем во 166-м (1658) году октября въ 8 день писал ко мнѣ в Бѣлгород з Змиева Иван Ржевской, а в отписке ево написано. По государеву указу и по грамоте велено де тебѣ с Чюгуева станичных головъ и станичных ездовых в Зміевъ посылать по дватцать человекъ, а Октября де въ 5 день выслал ты въ Зміевъ всего

¹⁾ Свѣт. Ц, докум. 15.

²⁾ Свиток. V, докум. 11.

18 человекъ, а станичные де головы и станичники дали ему Ивану въ Змиевѣ скаску, за нѣтчиков в доѣздъ ѣздить к Муравскому шляху не хотят. И тое сказку прислал он Иван ко мнѣ в Бѣлгород, а в сказке написано, не бывали в Змиев на государеву службу чюгуевские станичники Меркушко Иванов да Оеонка Татаринов невѣдомо для чего. И напередъ сево писал я к тебѣ о нѣтчиках многожды“ и проч.¹⁾ Не смотря на угрозу Львова жаловаться царю, Исая Савичъ оказался неисправимымъ. 20 декабря того же года змиевскій воевода Иванъ Ржевскій вновь жаловался на чугуевского воеводу Семену Львову, а этотъ послѣдній писалъ Исаю Савичу между прочимъ слѣдующее: „и ты де на Змеевъ станичников посылаеш не всѣхъ сполна, в перемѣнахъ нѣтчиков по два и по три и по пяти человекъ, а иные де в свое мѣсто присылают наемщиков и батраковъ и малых ребят без ружья, и в приход де воинских людей оборонитца нѣчемъ. И тебѣ б, господине, въ Змеевъ Чюгуевских станичников посылать по наряду всѣхъ сполна с ружемъ, а наймитов и работников і малых ребят не посылать. А будет ты вперед на Змеевъ станичников посылать станеш не всѣхъ сполна, и я о твоём непослушані стану писать ко государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великия і малыя и бѣлыя росіи самодержцу“²⁾).

Чугуевцы имѣли своихъ постоянныхъ сторожей даже въ такихъ отдаленныхъ отъ Чугуева пунктахъ, какъ напримѣръ Балыклея и р. Осколь, содержали вѣстовщиковъ для сообщенія свѣдѣній преимущественно о непріятельскихъ набѣгахъ въ Бѣлгородъ и въ сосѣдніе города и укрѣпленія и давали подводы для разѣздовъ служилымъ людямъ. Въ 1676 году на чугуевцевъ возложена была обязанность содержать сторожу на рѣкѣ Осколь. Въ этомъ году бѣлгородскій воевода Григорій Ромодановскій писалъ чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу слѣдующее: „в нынешнем во 184 (1676) году апрѣля въ 24 день писал к нам в Бѣлгород з Болыклѣи полковникъ Яков Черниго-

¹⁾ Свиток. II, докум. 30.

²⁾ Свиток. II, докум. 11.

вещь, а в отпискѣ ево написано. Велено ему про приходу воинскихъ людей провѣдывать всякими обычай накрѣпо и по бродамъ держать ненужно сторожи крѣпкіе, чтобъ воинскіе люди безвѣсно не пришли, людей не побили і в полонѣ не поймали. И довелось де быть для сторожи на рѣкѣ Осколѣ Чюгуевскимъ сторожамъ двумъ человѣкомъ коннымъ и оружнымъ и стоять имъ на сторожи в причинныхъ і в тайныхъ мѣстехъ, гдѣ воинскіе люди татарова реку Осколь перелазеть, а какъ воинскіе люди гдѣ обявятца, и имъ бы давать знать в Большкѣю ему Якову і в иныхъ городѣхъ, гдѣ пристойно. И тебѣ б по указу великаго государя велѣть в Чюгуеве градцкимъ всякихъ чиновъ людемъ нанявъ дву человѣкъ конныхъ и оружныхъ и чтобъ имъ быть на стороже безпрестанно. А какъ воинскіе люди гдѣ на перелазехъ или у степи обявятца, и они б давали знать о ихъ приходе в Большкѣю і в иные города, а ково імяны в сторожи наймутъ градцкіе люди, і тебѣ б о томъ к намъ в Бѣлгородъ і в Большкѣю к полковнику къ Якову Черниговцу отписать не замотчав¹⁾). Для сношеній съ Бѣлгородомъ Чугуевъ содержать четырехъ вѣстовщиковъ, которые всѣ сполна и высылались въ Бѣлгородъ²⁾). 18 октября 1676 года, по указу великаго государя, посланъ изъ Курска на Тарскія озера бѣлогородецъ „Родионъ Масловъ для городского строенья, а велѣно ему про приходъ воинскихъ людей провѣдывать и о тамошнихъ вѣстяхъ и о городскомъ строеньи писать въ Курскъ къ Григорію Ромодановскому“. Вслѣдствіе этого, послѣдній предписываетъ чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу слѣдующее: „И какъ онъ Родионъ с Тарскихъ озеръ учнетъ к намъ писать и кого пошлетъ с отписки, і тебѣ б по ево подорожнымъ из Чюгуева подводы велѣть давать безъ задержаня“³⁾). Въ исключительныхъ случаяхъ чугуевскіе служилые люди посылались и въ болѣе или менѣе отдаленные походы. Въ 1658 году 10 чугуевскихъ пушкарей бѣлгородскаго полка находились въ г. Переяславлѣ, нынѣшей полтавской губерніи, подъ командою Григорія Ромодановскаго, который отпустилъ одного изъ нихъ на время въ Чугуевъ „для

¹⁾ Свят. II, док. 11.

²⁾ Свят. II, докум. 16—33.

³⁾ Свят. III, докум. 63.

всякие ихъ нужи и для подъемныхъ денегъ, которыи денги велено имъ взять с товарыщей ихъ им на подмогу“¹⁾).

Сторожевая служба Чугуевскихъ козаковъ имѣла въ виду охраненіе границъ русскаго государства частью со стороны польско-литовскаго государства, но главнымъ образомъ отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ.

Объ охранѣ русскихъ границъ со стороны польско-литовскаго государства мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній въ нашихъ документахъ. Въ 1658 году бѣлгородскій воевода Семень Львовъ писалъ чугуевскому воеводѣ Исаю Савичу слѣдующее: „въ нынешнемъ во 166-мъ (1658) году ноября въ 30 день писалъ ко мнѣ в Бѣлгородъ с Хотмышскаго воевода Истома Сухотинъ и прислалъ черкасъ з Глухова города Карпика Зубченка да Ивашка Гаврилова и распросные ихъ рѣчи, а в отписке ево і в распросныхъ речахъ написано, что де гетманъ Иванъ Выговской и полковники и сотники и есаулы и попы и вся толща богатые люди опричь черни, соединясь с лехами, хотятъ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всея великия и малыя и бѣлыя росіи самодержцу измѣнить и хотятъ де лехами и с татарами воевать государеру землю по нынешнему зимнему пути, какъ будетъ дорога. И тебѣ б, господине, въ Чюгуеве жить с великимъ береженемъ“ и проч.²⁾). Впрочемъ измѣна Выговскаго не коснулась Слободской Украины; но измѣна Брюховецкаго произвела здѣсь смуту и повлекла за собою измѣну Зміева, Царевоборисова, Маяцка, Волокъ, Мурафы, отчасти Харькова и др. Убивши воеводу, черкасы сожгли и разорили эти города, ограбили много населенныхъ мѣстностей Слободской Украины и отправились съ Иваномъ Сѣркомъ къ Брюховецкому. Города запустѣли и только нѣсколько времени спустя снова отстроились и стали заселяться новыми переселенцами³⁾). Объ этой смутѣ въ нашихъ документахъ сохранились самыя скудныя свѣдѣнія. Во время измѣны зміевцевъ разорена была государева пасѣва въ чугуевскомъ уѣздѣ⁴⁾).

¹⁾ Свитокъ. II, док. 9.

²⁾ Свитокъ. II, док. 20.

³⁾ „Очеркъ“ Багалъя, I, стр. 473.

⁴⁾ Свитокъ. III, док. 15.

Въ 1668 году изъ Зміева взяты были двѣ пушки съ ядрами и вѣстовой колоколь и перевезены въ Чугуевъ, откуда возвращены были въ Зміевъ по просьбѣ змиевцевъ въ 1676 году ¹⁾).

Больше всего дошло свѣдѣній о набѣгахъ татарскихъ на Слободскую Украину и о мѣрахъ предосторожности противъ нихъ. На первыхъ порахъ заселенія Слободской Украины набѣги эти были весьма часты, и Россія старалась только защищаться отъ нихъ; но впослѣдствіи, съ царствованія Θεодора Алексѣевича, она начинаетъ наступательныя дѣйствія противъ татаръ, сосредоточивавшіяся въ той же Слободской Украинѣ.

Старѣйшее свѣдѣніе о столкновеніи слободскихъ козаковъ съ татарами передаетъ довольно курьезныя обстоятельства. Въ 1658 году, около сентября мѣсяца, царевоборисовскіе, харьковскіе и змиевскіе черкасы разгромили крымскихъ гонцовъ и пограбили у нихъ рухлядь. Одинъ изъ участниковъ разгрома черкашенинъ Демка Ивановъ доставленъ былъ изъ Царевоборисова Прокошіемъ Коптевымъ въ Бѣлгородъ къ Семену Львову и отсюда послѣ допроса препровожденъ въ чугуевскую тюрьму, но съ дороги бѣжалъ отъ конвоя ²⁾). Но затѣмъ идетъ рядъ извѣстій о дѣйствительно враждебныхъ Россіи татарскихъ набѣгахъ на Слободскую Украину. Приводимъ эти извѣстія въ сокращеніи.

8 октября 166 (1658 г) змиевскій воевода Иванъ Ржевскій доносилъ бѣлгородскому воеводѣ Львову, что станичный голова Θεодотъ Крицынъ ѣздилъ въ доѣздъ черезъ Муравскій шляхъ къ Тройчатымъ боеракамъ, видѣлъ здѣсь сакму (слѣдъ, путь) татарскую челоуѣкъ въ тридцать, „учалъ тое сакму розѣзжать къ Берестовымъ вершинамъ“ и здѣсь увидѣлъ татаръ челоуѣкъ „с тридцать и болши, идутъ де вверхъ по реке Лопани, а приходу де ихъ чаеъ подъ Зміевъ“ ³⁾). 20 октября того же года писалъ „в Бѣлгородъ з Охтырки Павелъ Агалинъ, а в отписке его написано: Октября въ 20 день часу в первомъ дни писалъ къ нему с Колонтаева Давыдъ Протасовъ, Октября де в 19 день в ночи писали къ нему изъ Опушны сотникъ Катаминъ, а къ нему писалъ с Платавы

¹⁾ Свиток. III, докум. 67 и 68.

²⁾ Свт. П, докум. 33.

³⁾ Тамъ же, док. 35.

полковник Мартын Пушкар. Видели де Плотавские восщетки на Арели многую орду татарскую... Они не вѣдят, под которыя города тѣ татаровя войною пойдут. Да тогожъ де числа и часу приезжал въ Охтырской сторож черкашенин Оска Андрѣевъ, а в распросе ему сказал. Переѣхав он татарскую сакму у Липьского броду у рѣчки Коломки, по смете человекъ зъ десят, де те от болших людей. И поймано де под Жабодином под черкаским городом два татарина, і оны де в Чигринѣ им тѣ татаровя с пытки говорили, что стоят болшие люди и на Орѣли и хотят ити натрое под украинше города войною, как рѣчки станут“. Сообщая объ этомъ чугуевскому воеводѣ, Семень Львовъ прибавлялъ: „И тебѣ бы в Чюгуеве жить с великим береженем і вестей про воинских людей провѣдывать всякими обычаи неоплошно, чтоб воинские люди к Чюгуеву і в уездъ безвѣсно не вошли і дурна какова не учинили. А что у тебя каких вестей обявится, и про тѣ вѣсти писать ко мнѣ въ Бѣлгород“¹⁾. 13 ноября того же года писалъ къ Семену Львову въ Бѣлгородъ „из Змеева Иван Ржевской, а в отписке его написано. Писал де к нему из Цареваборисова города Прокоѳей Коштев, ноября въ 10 день часу в третьем дни прибежал въ Царевъборисов город ис Красненского юрта донецкой козак Оска Полкопаев, а в роспросе де ему сказал. Ъхал де он Оска с товарищем своим вверхъ по рекѣ Донцу из Айдарского юрта в Красненской юртѣ, и какъ де они будутъ против рѣчки Боровой ноября же въ 7 день за часъ до вечера, и на устье той рѣчки перелѣзло де татар человекъ с полтретяста и болши с Крымской стороны на Ногайскую сторону и пошли де тѣ татаровя вверхъ по рѣчки Боровой. Да он же де Оска сказал: как де он ѣхал по рекѣ Донцу, и ему де сказывал Сухоревского юрта козакъ Ивашка Щедра. Ходил де он Ивашка на степ для звериного промыслу к рѣчкамъ Бодару и к Каменной і видел де он Ивашка, на рѣчки Каменки против Айдарского устья кочюет де орда Нагайских татар, а сколько де тѣх татар кочюют, и тово де он смѣтитъ не умѣл. Да тово ж числа сказал ему в роспросе Змиевской вестов-

¹⁾ Тамъ же, док. 3.

щикъ Оедка Холод. Прибежал де при немъ въ Царевъборисов городъ Цареваборисова города черкашенинъ Лазарка съ реки Беремки съ Соловарского мосту и сказывалъ де ему: перешли реку Беремку у Соловарского мосту татаръ челоувѣкъ со ста и болши, а чае де тѣхъ татаръ приходу подъ Змиевъ и подъ Царевъборисовъ городъ и подъ Валки и подъ инше государевы украинныя города“¹⁾. 3 декабря того же года писалъ къ Семену Львову въ Бѣлгородъ „съ Колонтаева Давидъ Протасовъ, а в отписке ево написано. В нынешнемъ де во 166 (1658) году ноября въ 23 день приходили в Колонтаевской уездъ в село Сенолексевку (Синолицовку?) татарова и тово сельца черкаса Лукаша порубили, а дву челоувѣкъ черкасѣ в полонъ взяли і стада Опошенскихъ черкас... с степной стороны реки Мерла воловые и овечьи отогнали и овчаров в полонъ побрали. Да ноября же де въ 24 день писалъ къ нему Давиду с Платавы полковникъ Мартинъ Пушкаръ. Ноября де въ 14 день приходили подъ Платаву татарова і взяли де в полонъ девять челоувѣкъ черкас і стада животинныя отогнали, и онъ де полковникъ ходилъ за тѣми татарами в походъ на Сухую Стрѣлу і в ночи де на тѣхъ татаръ билъ и ихъ де татаръ погромилъ и полонъ і стада животинныя всѣ отбили и дву челоувѣкъ татаръ взял, и чае де тѣхъ татаръ от болшихъ людей“²⁾. 17 ноября того же года писалъ въ Бѣлгородъ къ Семену Львову „с Валокъ Семенъ Быковъ, а в отписке ево написано. В нынешнемъ во 166 году ноября въ 15 день ѣздили на сакму для своего скоту валковские казаки Демка Зиновевъ да Овилка Арѣховъ с товарищи, а в Валкахъ де ему в распросе сказали: какъ де они будутъ на степѣ Корчику, и наѣхали татарскую сакму выше острова Кургана, а по смѣте де татаръ челоувѣкъ со триста и болши, а пошли де тѣ татарова и животину взяли с черкасскихъ городовъ и пошли де къ Берестовымъ Вершинамъ, а чае де тѣхъ татаръ от болшихъ людей“³⁾. Тотъ же Семенъ Быковъ доносилъ 24 ноября того же года Семену Львову: „посылалъ де онъ с Валокъ въ Полтаву для проводываня

¹⁾ Святков. II, док. 27.

²⁾ Тамъ же, док. 19.

³⁾ Тамъ же, док. 23.

вестей чугуевского станичного голову Лариона Иванова с товарищами, и как де они будут к Коломку, и наѣхали де они на Коломке татарскую сакму, а по смѣте де прошло татар чело-вѣкъ со двѣсти и болши, а пошли де тѣ татарова через Коломок и обошли де за Коломком Оников Рог, а чаять де тѣх татар приходу под государевы украинные города“¹⁾. 6 декабря того же 1658 года писалъ къ Селену Львову „в Бѣлгород с Цареваборисова города воевода Прокоѣей Коптевъ, а в отписке ево написано. В нынѣшнем во 166 году декабря въ 1 день приехал въ Царевъборисов город изза порог Цареваборисова города черкашенин Павликъ Савелевъ, а в допросе перед ним сказал, что де крымской хан со всею ордою нынѣшней осени перевезся реку Днепръ под Ачаковым, а приходу де ево чаеет со всею ордою под государевы черкасские города, а на сей де сторонѣ Днепра крымской хан оставил татар тысячи с четыре и болши, а приходить де тѣм татаром войною под государевы украинные города“²⁾. Вѣроятно вслѣдствіе этого извѣстія 19 того же декабря прислана была царская грамота въ Бѣлгородъ, съ предписаніемъ Семену Львову „отписать в Валки к Семену Быкову і во всѣ города, что по чертѣ и за чертою... к воеводам і к приказным людям, от себя писать многожды з болшим подкреплением, чтоб в городех жили с великим береженемъ і от приходу воинских людей оберегались накрепко и сторожи денные і ночные по городу и цо крепостям и на отъѣзжих острожках держали крѣпки“. Сообщая объ этомъ чугуевскому воеводѣ, Семень Львовъ прибавлялъ: „да декабря въ 21 день писал ко мнѣ в Белгород с Харкова Иван Селиѣнтов. Декабря ж въ 20 день прибежал въ Харьков харковской же черкашенин Лучка Дехтерев, а в распросе де ему сказал. Был де он в Хорошевской слободе, і приходили де татарова с воровскими черкасы въ Хорошевскую слободу многие люди, а чаеет де тѣх татар от болших людей, и въ Хорошевской слободе многих людей поймали“³⁾.

¹⁾ Сверток. II, док. 25.

²⁾ Тамъ же, док. 18.

³⁾ Тамъ же, док. 10.

3 января 1658 года писалъ къ Семену Львову „в Бѣлгород с Олешки Пулуехтъ Шамордин. Декабря де въ 25 день писал к нему на Олешню с Плотавы полковникъ Мартинъ Пушкарь, а в листу де ево написано. Пришел к нему въ Плотаву с Орѣли козакъ Амелка Волочай, а сказал ему, что подлинно шлях татарской перешли на сухой Арѣли, трава бита до земли поперекъ стрелбища, а пошла де та сакъма вверхъ по Арѣли. Да к нему жъ Полуехту онъ полковникъ в том же листе (писалъ), чтобъ ему на Олешни жить с великимъ бережениемъ и городъ крепить, а отъ какихъ воинскихъ людей городъ крепить и держать береженье, и тово в листѣ ево не написано“¹⁾).

Гораздо меньше свѣдѣній мы имѣемъ о татарскихъ набѣгахъ на Слободскую Украину за 1676 годъ вѣроятно потому, что и самыхъ набѣговъ въ это время было меньше. Вотъ эти свѣдѣнія. 31 декабря 1676 года войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Иванъ Самойловичъ писалъ изъ Батурина въ Курскъ боярину и воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому: „ханской де сынъ со многими татарами подлинно идетъ великого государя подъ украинныя города войною и будетъ де в скорыхъ часехъ нынешнею зимою“²⁾. 11 января 1676 года тотъ же гетманъ Самойловичъ писалъ Ромодановскому: „в нынешнемъ де во 184 году генваря въ 7 день писалъ к нему ис Плтавы полтавской полковникъ, а в листу ево написано. Ходили де ево полку казаки сотни Новосажаровской для подлинныхъ языковъ подъ Очаковъ і взяли де татарина черемиского, а в распросе тотъ татаринъ сказалъ. Сего де мѣсяца ханъ крымской с ордами и четыре паши з Белгородщины с войскомъ турецкимъ хотятъ итти войною на сей бокъ Днѣпра для того, что де салтанъ турецкой увѣдавъ, что Петръ Дорошенко отступилъ богомерзкаго ихъ ига и учинился в подданствѣ великого государя“.

Сообщая объ этомъ чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу, Ромодановскій прибавлялъ: „и тебѣ б, господине, по указу великаго государя, в Чюгуеве отъ приходу воинскихъ людей жить с

¹⁾ Тамъ же, док. 6.

²⁾ Свиток. III, док. 58.

великим береженемъ и про приходъ воинскихъ людей провѣдывать всякими обычаями неоплошно, а чюгуевцомъ Белгородскаго полку разнымъ всякихъ чиновъ людямъ сказалъ всѣмъ, чтобъ они были во всякой воинской готовности и къ походу совсѣмъ были готовы, а какъ имъ ратнымъ людямъ впредь велитъ итти на службу великаго государя, и они ратные люди в то время шли на назначенные мѣста тотчасъ“¹⁾). Дальнѣйшія свѣдѣнія о татарскихъ набѣгахъ на Слободскую Украину за 1676 годъ сообщались изъ разныхъ мѣстъ уже непосредственно чюгуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу. 11 мая 1676 года писалъ ему Печенежскій сотникъ Данило Ивановъ Прилѣпченко, „что подлино есть татаровя межю Донцемъ и Осколомъ и поплы у Короченские уѣзды, и тебѣ би жити с великимъ береженемъ“²⁾). Вѣроятно, въ началѣ іюня того же года писалъ Осипу Яковлевичу полковникъ Балыклейскій Яковъ Черниговецъ, „что татарове пересли на сей бокъ на перелазъ на Осколѣ на Гороховѣ триста коней, и невѣдомо где они ударятъ, и тебѣ б у вострожке быть, а послано твоимъ вѣстовникомъ, а я и нинече у степу стою со всѣмъ полкомъ“³⁾). О томъ же татарскомъ отрядѣ писалъ 8 іюня въ Чюгуевъ Осипу Яковлевичу и балыклейскій атаманъ Есифъ Димидовъ: „вѣдомость тебѣ даю, государь, изъ докопечне воинские люди татарове пересли на сей бокъ Оскола и къ Бурлукамъ, и тебѣ б въ великомъ береженю бути, бо докопечне сторожъ прибѣгъ изъ Оскола и видѣлъ нако орда большая, да невѣдома, куда она замисль мѣгъ пойти“⁴⁾). Гроза разразилась наконецъ надъ харьковцами. Изюмскій атаманъ писалъ Балыклейскому полковнику Якову Черниговцу слѣдующее: „Его Царского пресвѣтлого величества пану полковнику Якову Естаповичу Черенѣвцу Балаклейскомъ ознаймуемъ симъ писаня нашимъ, же (та)таре докопечне есть на Каманци, розбили таборъ Харьковцув, и не малій бувъ, такъ тѣлко два утекли изъ рукъ, и пошли на низъ Донца изъ Каманьки. Вамъ сего добра зичливый атаманъ Изюмскій“. На оборотѣ сей записочки Яковъ Черниговецъ написалъ слѣдующее:

¹⁾ Тамъ же, док. 57.

²⁾ Тамъ же, док. 18.

³⁾ Тамъ же, док. 30.

⁴⁾ Тамъ же, док. 33.

„Иков Евфакевѣчь Чернѣговецъ полковникъ Балаклискій пану со(тн)ку Андрѣювскому і теж Бѣшкинскому приважаю вам обом, же бы вы тотчас ишли у войско, же допевне татаре побили табуръ великий Харьковскій, і вам сие писмо придет, жебы-сте тот час усѣ ишли, а не мѣ вѣри которий ити, тот певне буде каран, а череду держите у городу и сее писмо отсилайте до Чугуева тотчас. Июня въ 26 день“¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, защита края отъ непріятельскихъ набѣговъ организована была систематически и обезпечивала относительно его безопасность и экономическое развитіе. Въ Слободской Украинѣ все болѣе и болѣе умножалось народонаселеніе и развивались земледѣліе, промышленность и торговля. О развитіи ихъ могутъ свидѣтельствовать и различныя повинности, налоги и подати, которыя довольно рано начали устанавливаться въ Слободской Украинѣ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, и съ теченіемъ времени увеличивались все болѣе и болѣе.

Независимо отъ защиты государственныхъ границъ, московское государство извлекало изъ Слободской Украины матеріальныя выгоды или непосредственнымъ веденіемъ хозяйства въ своихъ новыхъ земляхъ, или путемъ назначенія различныхъ налоговъ, пошлинъ и повинностей.

Само правительство устраивало въ Слободской Украинѣ селитренные заводы, мельницы, пасѣки, виноградники и арбузные огороды. Въ нашихъ документахъ упоминаются два селитренные уговорщики Степанъ Тевяшовъ и Филать Ситниковъ. Первый изъ нихъ доносилъ 9 октября 1658 года, что онъ и Ситниковъ подѣлили между собою по 4 бочки вываренной селитры, и что онъ, Тевяшовъ, доставилъ свою часть въ Чугуевъ, а Ситниковъ оставилъ свою за городомъ у козака Ивашки Котова²⁾. 11 ноября того же года Тевяшовъ подалъ Семену Львову въ Бѣлгородѣ челобитную „а въ челобитной его написано. Указана ему варить селитра в степи за Чюгуевом на рѣчки Бурлуках, а на завод

¹⁾ Свиток. III, док. 47.

²⁾ Свит. II, докум. 34.

де ему дано четыреста рублей, и на тѣ де денги купил он шестьдесятъ волов да десять лошадей, а пригоннова двора у него не было, и онъ де купил двор на берегу на Донцѣ на государевы денги, а тот двор построил для государевой казны медной и железной и деревяной, и тот двор тѣсен, соломы и сѣна вѣласть негде, а подлѣ де того двора есть два двора пустых, и государь бы его пожаловал, велѣлъ ему тѣ дворовыя мѣста загородить, вѣласть ометы сѣно и солому, покамѣста побудет у селитренного дѣла“. Вслѣдствіе этой челобитной, Семень Львовъ писалъ Чугуевскому воеводѣ: „и будет, тѣ дворовыя мѣста порожжи, и тебѣ б, господине, велѣть тѣ мѣста отдать“¹⁾. 12 декабря того же года послалъ Семену Львову въ Бѣлгородъ челобитную „Хотмыжской селитерной уговорщикъ Филатъ Ситниковъ, государь бы ево пожаловал, велѣлъ товарища ево Чюгуевца селитерново ж уговорщика Степана Тевешева взять в Бѣлгород для их общева сщету и для работники, кому доведетца платить за работу“²⁾. Государевы мельницы завѣдывались особыми головами, которыхъ выбирали городскіе люди изъ своей среды. Около 1658 года избранъ былъ въ головы къ государевой мельницѣ чугуевскій боярскій сынъ Степанъ Смѣновъ, и выборъ городскіе люди принесли къ чугуевскому воеводѣ Исаю Савичу, и крестъ государю на вѣрѣ цѣловали съ прежнимъ головою Карѣемъ; но вскорѣ Савичъ отставилъ Смѣнова отъ этой должности на томъ основаніи, будто его городскіе люди не выбрали³⁾. Судя по документамъ, довольно развито было въ Слободской Украинѣ государственное пчеловодство. Въ 1669 году чугуевцы разныхъ чиновъ люди Василій Поплевинъ съ товарищами уступили безденежно на государеву пасѣвку 63 улья съ пчелами, но въ измѣну Зміевцевъ пчелиныя пасѣвки и пчелы были разорены, за которыя потомъ взыскивалось съ государева пасѣчника чугуевскія пасѣвки Андрюшки Кураксина съ товарищами его въ количествѣ 10 человекъ⁴⁾. Мы уже упоминали, что въ 1672 году, по государеву указу, „въ Чю-

1) Свит. П, док. 16.

2) Тамъ же, док. 17.

3) Тамъ же, док. 32.

4) Свит. III, док. 15.

гугевском уѣзде по речкѣ Бабки и на Огранове Колодези, гдѣ построены государевы пасеки, дано на пашню земли тѣхъ пасекъ пасечникомъ Андрюшки Кураксину с товарищи десяти человѣкомъ из остаточной земли Чюгуевскихъ козаковъ вмѣсто государева денежного и хлѣбного жалованья по пятнадцати четей человѣку в полѣ, а в дву по тому ж, да на корм пчель, с чего в лѣтнее время цвѣтъ имать, около государевыхъ пасекъ на версту“. Но эта земля послужила источникомъ споровъ между чугуевскими козаками и пасѣчниками. Козаки доказывали, что пасѣчники, продавъ пожалованныя имъ земли, несправедливо захватили и оттягали ихъ козацьи земли. Пасѣчники съ своей стороны доказывали, что „в прошломъ де во 182 (1674) году в Чюгуевѣ думной дворянинъ і воевода Ѳедоръ Прокоѣевичъ Соковнинъ подле государевы пасеки на даной ихъ земли построилъ дворами чюгуевскихъ полковыхъ козаковъ и даную ихъ землю у нихъ Андрюшки отнелъ и отдалъ имъ козакомъ“. Бѣлгородскій воевода князь Ромодановскій послалъ для разбора дѣла рейтарскаго строю майора Андрея Побѣдинскаго, который присудилъ землю пасѣчникамъ, а козаковъ переселилъ въ Чугуевъ¹⁾. Порядокъ и способы пчеловодства опредѣлялись предписаніями свыше. 7 апрѣля 1676 года стряпчій Михайло Кирѣевскій, да дьякъ Константинъ Михайловъ писали изъ Бѣлгорода чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу: „в нынѣшнемъ, господине, во 184 году в розныхъ мѣсяцахъ и числехъ писали мы къ тебѣ в Чюгуевъ многожды, чтобъ ты по указу великаго государя велѣлъ послать на Чюгуевскіе пасеки дворенина самого добраго, знающаго человѣка, с тутошними и сторонними людьми і велѣлъ тѣхъ пасекъ у пасечниковъ взять скаски за руками, сколько у нихъ на тѣхъ пасекахъ старыхъ и молодыхъ ульевъ со пѣчалами, а взявъ скаску, тѣхъ ульевъ велѣти досмотрѣть и перечестъ и переписать имянно, а переписавъ тѣ ульи со пѣчалами осмотра при стороннихъ людехъ добрую оставить къ весне, и вторая пчела впрокъ не годитца, и тое пчелу велѣти побить и медъ и сушь вынять, да тотъ медъ и сушь прислать в Бѣлгородъ, а что по осмотру на тѣхъ пасекахъ старыя и молодыя пчелы впрокъ ос-

¹⁾ Тамъ же, докум. 32, 36, 39 и 20.

тавлено и много ль старых же и молодых ульев побито и меду и суши из них вынето і в Бѣлгород послано будет и сколько по весу, и тому всему велено учинить посылным людем роспись, хто на тѣ пасеки для досмотру и переписи послан будетъ, и ту роспись за их и за своею рукою и пасечниковы скаски и мед и сушь прислать к намъ в Бѣлгород вскоре. И ты, господине, росписи и пасечниковых сказок и меду и суши к намъ въ Бѣлгород апрѣля по 7 число не присылываль невѣдома для чего, и тебѣ б, господине, по указу великого государя с Чюгуевских пасекъ побитой пчелы мед и сушь и роспись за своею и за посылшиковыми руками и пасечниковы скаски за руками ж прислать к намъ в Бѣлгород тотчасъ, не описываясь ничѣмъ, да о томъ к намъ велѣть «отписать»¹⁾. Вслѣдствіе этого предписанія, Осипъ Яковлевичъ 30 апрѣля того же года доставилъ въ Бѣлгородъ изъ Чугуева, съ двухъ государевыхъ пасѣкъ 2 пуда и 10 гривенокъ меду, 2 пуда и 35 гривенокъ суши и 2 пуда и 5 гривенокъ воску. Получивъ эту присылку, Кирѣевскій и Михайловъ требовали отъ чугуевского воеводы, для отчетности государю, обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ, „для чего побитой пчелы меду и суши в Бѣлгород не присылал и по какому великого государя указу сушь в воскъ велѣл перебивать и на государевъ обиход на виноградное дѣло оставил меду, и что на кормъ государственой пчелѣ меду оставлено было“²⁾. Изъ послѣдняго запроса видно, что заведеніе пасекъ стояло въ нѣкоторой связи съ винограднымъ дѣломъ въ Слободской Украинѣ. Послѣднее впрочемъ не получило здѣсь широкаго развитія. Въ 1676 году Иванъ Большой Зыковъ писалъ изъ Богородицкаго чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу слѣдующее: „в нынешнем, господине, во 184 году мая въ 17 день были челом великому государю царю і великому князю Феодору Алексѣевичю всеа великия і малыя і бѣлыя росіи самодержцу, а в Богородицкомъ в приказной избѣ мнѣ подали челобитную за рукою Чюгуева города виноградные садовники Емелка Михалев, Ершкка Малцов, а в челобит-

¹⁾ Свит. III, докум. 14

²⁾ Тамъ же, докум. 21.

ной их написано. В прошлом де во 183 году по указу блаженныя памяти великого государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа великия и малыя и бѣлыя росіи самодержца присланы они в Богородицкой с виноградными лозами, и тѣх лоз посадили де они въ Богородицком двѣ тысячи, и тѣх лоз взшло тысяча пятсотъ лозъ позного всходу, и тѣ де всходы побиты морозом. А в нынѣшнем де во 184 году тѣ лозы вызябли всѣ, и от тѣх де лоз всходу впредь не будет. А и в Богородицком жить не у чево и кормитца нечим, и что великии государь пожаловал их, велѣл из Богородицкого отпустить попрежнему в Чюгуевъ, и тѣх, господине, Чюгуевскихъ садовников Амелка Михалева да Ерошку Малцова отпустил я в Чюгуевъ мая въ 17 день нынѣшняго 184 году¹⁾. Но виноградныя огороды вмѣстѣ съ арбузными огородами существовали и въ послѣдующее время. Въ 1676 году чюгуевцы въ своей челобитной писали, что „они... строят государевы арбузные и виноградныя огороды безпрестанно, а в иныхъ городѣхъ государевыхъ арбузныхъ и виноградныхъ огородовъ нѣтъ“²⁾. Въ 1682 году въ селѣ Пятницкомъ чюгуевскаго уѣзда в числѣ другихъ обывателей жили виноградныя и арбузные садовники³⁾.

Государственные налоги, подати и пошлыны брались со Слободской Украины частью хлѣбомъ, частью деньгами. Въ 1657 году царскою грамотою предписано было „в украинныхъ и по чертѣ и за чертою въ городѣхъ со всякихъ чинов служилыхъ людей, оприч черкас, за которыми крестьянъ нѣтъ, и с тѣхъ самихъ и за которыми крестьяне есть, и с тѣхъ крестьянскихъ дворовъ, и которые служилые люди устроены пашенною землею, собрать на корм государевымъ ратнымъ людямъ со всякаго двора по полуосмине ржи, овса тожъ в московскую в таможенную мѣру, и устроить в тѣхъ городѣхъ житницы, чтобъ в приходъ воинскихъ людей государевымъ ратнымъ людямъ беззапаснымъ не быть“⁴⁾.

¹⁾ Свит. III, докум. 27.

²⁾ Тамъ же, докум. 54.

³⁾ Свит. IV, докум. 3.

⁴⁾ Свит. II, докум. 37.

Впослѣдствіи этотъ сборный хлѣбъ назывался четвериковымъ хлѣбомъ. Въ 1676 году бѣлгородскій воевода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ съ бѣлгородскаго полка четвериковаго хлѣба на 1676 годъ, по полуосминѣ ржи и по столько же овса со двора, и о немедленной присылкѣ его въ Бѣлгородъ, для выдачи государевымъ ратнымъ людямъ. Съ Чугуева, съ 503 дворовъ, приходилось всего 377 четвериковъ съ полосиною ржи и столько же овса¹⁾. Въ 1694 году, 12 февраля, бѣлгородскій воевода Борисъ Шереметевъ предписывалъ чугуевскому воеводѣ Семену, Еремѣвичу Папикову собрать четвериковый хлѣбъ и, смоловъ въ муку, прислать въ Бѣлгородъ на кормъ „стольника и полковника Сергѣева полку Головцына стрелцам“²⁾.

Изъ денежныхъ сборовъ раньше другихъ упоминаются таможенные доходы. 17 октября 1658 года чугуевскій таможенный голова просилъ у чугуевского воеводы распоряженія, чтобы взимать пошлины съ черкасскихъ людей, которые торгуютъ меринами въ Чугуевѣ и продаютъ ихъ градскимъ людямъ³⁾. Кроме того, собирались доходы и пошлины: съ кружечнаго двора или кабацкія, чрезъ выборныхъ головъ и цѣловальниковъ⁴⁾, съ мельницъ⁵⁾, мостовъ⁶⁾, судныхъ дѣлъ⁷⁾, ямскія и полоняничныя деньги⁸⁾, и высылались въ Бѣлгородъ по полугодіямъ⁹⁾. Въ 1676 году полоняничковы казны на выкупъ плѣнниковъ собрано было съ Чугуева 10 рублей¹⁰⁾. 21 января того же года князь Ромодановскій предписывалъ чугуевскому воеводѣ собрать съ служилыхъ и жилецкихъ людей и прислать въ Бѣлгородъ ямскія деньги за прошлые 1669—1670 годы 23 р. 29 алтынъ, да на

¹⁾ Свит. III, докум. 1 и 72.

²⁾ Свит. VI, докум. 37.

³⁾ Свит. II, док. 31.

⁴⁾ Свит. III, док. 2, 12, 17, 46 и 49.

⁵⁾ Свит. III, док. 2 и 49; свит. VI, док. 31—34.

⁶⁾ Свит. III, док. 2 и 49.

⁷⁾ Свит. III, док. 48 и свит. IV, док. 7 и 9.

⁸⁾ Свит. III, док. 19, 61 и 70; Свит. VI док. 29, 30 и 35.

⁹⁾ Свит. III, док. 2, 12 и др.

¹⁰⁾ Свит. III, док. 19.

1675 и 1676 годы „по окладом с 544 дворов по два алтына по две денги з двора на год, итого на два года 76 руб. 5 алтынъ двѣ денги“¹⁾. Въ 1694 году грамотою изъ Ямскаго приказа „велѣно Белгородцкаго розряду с однодворцовъ детей боярских полковые и городовые службы со всяких чинов людей ямских і полоняничныхъ денегъ на прошлой 201 год из доимки, а на нынешней 202 год по окладу по две денги з двора, а с монастырских вотчинъ і с церковных земель с крестьянских и бобыльскихъ дворовъ по гривне з двора, а с помѣщиковых і вотчинниковых с крестьянских же и бобыльскихъ дворов по десяти денегъ з двора на год серебряными денгами, а не полскими чехами, а взяв тѣ денги и тѣмъ денгамъ зборные книги прислать к великимъ государемъ к Москве въ Ямской приказ“²⁾. Во исполненіе этой грамоты чугуевскій воевода далъ 1 февраля память одному чугуевскому стрѣльцу ѣхать въ чугуевскій уѣздъ, въ Удской станъ, во всѣ села и деревни, для сбора ямскихъ и полоняничныхъ денегъ. „И ему стрелцу,—сказано въ памяти,—приѣхав в тот станъ и того стану в села и деревни, Чюгуевцом однодворцом полковые службы копейщиком и рейтаром и солдатом, а городовые службы детем боярским и станичником и казенным плотником великих государей указ сказать“³⁾. Смѣтные книги доставлялись въ Москву въ сентябрѣ, октябрѣ и въ началѣ ноября каждаго года, чрезъ Бѣлгородъ. Въ 1676 году къ назначенному сроку „тѣ смѣтные книги к великому государю к Москве не посланы потому, что в Белѣгородѣ государевых дѣл всяких много, а подъячих мало, смѣтных книгъ дѣлать нѣким“. Поэтому бѣлгородскій воевода князь Ромодановскій требовалъ прислать въ Бѣлгородъ одного чугуевскаго подъячего, особенно потому, что „ис Чюгуева смѣтные книги присланы несправчивы“, и изъ-за нихъ нельзя посылать смѣтныхъ книгъ въ Москву⁴⁾.

Впослѣдствіи изъ семействъ чугуевскихъ козаковъ брали рекрутовъ въ регулярныя войска, въ солдаты и рейтары.

¹⁾ Тамъ же, док. 61.

²⁾ Свят. VI, док. 29.

³⁾ Тамъ же, док. 30.

⁴⁾ Свят. III, докум. 42 сн. докум. 59 и 66.

Постепенно входя въ колею мирной, осѣдлой жизни и приравниваясь къ податнымъ сословіямъ, чугуевскіе козаки и вообще служилые люди однако же въ послѣдней четверти XVII вѣка стали привлекаться русскимъ правительствомъ къ участию въ отдаленныхъ наступательныхъ походахъ Россіи противъ татаръ и къ защитѣ южной или Изюмской укрѣпленной линіи въ Слободской Украинѣ отъ татарскихъ набѣговъ и такимъ образомъ несли на себѣ двоякія обязанности и воинскаго и податнаго сословія.

Н. Петровъ.

(До слѣд. №).

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СТАРИНѢ И МАТЕРІАЛЫ.

I.

Рудни въ Сѣверщинѣ.

Къ большому удовольствію всѣхъ интересующихся исторіей нашего юга, П. П. Червинскій не хочетъ ограничиться тѣмъ сравненіемъ экономическаго прошлаго съ настоящимъ, какое онъ сдѣлалъ на основаніи данныхъ Румянцевской описи 1767 г., въ заключительномъ томѣ работъ черниговскаго статистическаго бюро (Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, т. XV, Кролевецкій уѣздъ); онъ продолжаетъ разрабатывать ту же тему, полную глубокаго интереса и значенія, и мы полагаемъ, что дальнѣйшее углубленіе въ предметъ приведетъ его къ смягченію тѣхъ рѣзкихъ выводовъ, съ какими онъ выступилъ въ „Кролевецкомъ уѣздѣ“. Какъ бы то ни было, П. П. Червинскій пока обращается къ людямъ, занимающимся исторіей, съ просьбой на счетъ нѣкоторыхъ данныхъ, необходимыхъ ему. Данныя эти касаются эпохи составленія Румянцевской переписи и сводятся къ слѣдующимъ категоріямъ. Во-первыхъ, техника земледѣлія: орудія—изъ какого желѣза были плуги и сохи, изъ мѣстнаго или привознаго, и если привознаго, то откуда? отсаливались-ли они? Способы обработки земли. Во-вторыхъ, производительность земли на старопольѣ и на новинахъ, способъ расчистки новинъ. Въ-третьихъ, техника винокуренія—примѣрная крѣпость горѣлки; сколько хлѣба и дровъ шло на ведро горѣлки; ввозился ли хлѣбъ для винокуренія, и откуда? Сбытъ вина. Въ-четвертыхъ, техника пчеловодства: за что собственно цѣнились борти—чѣмъ онѣ выгоднѣе стояна и мѣстнаго улья? Выходъ меду и воску. Въ-пятыхъ, матеріальные

расходы на отбываніе козацкой службы, въ чемъ она состояла въ мирное время? Роль подпомощниковъ; расходы козацкой службы сравнительно съ повинностями посполытыхъ ¹⁾).

Вотъ какіе вопросы ставить г. Червинскій историкамъ. Вопросы эти наводятъ на грустныя мысли о крайне младенческомъ состояніи нашей исторической подготовки. Относительно разработки экономическихъ явленій нашего прошлаго даже нельзя сказать, что она находится въ младенческомъ состояніи: она просто-напросто всецѣло отсутствуетъ. Конечно, г. Червинскій очень разочаруется, если рассчитываетъ получить отвѣты на всѣ пункты своихъ затрудненій; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что готоваго отвѣта нѣтъ нигдѣ и ни у кого ни на одинъ изъ заданныхъ вопросовъ, несмотря на то, что дѣло идетъ о близкой къ намъ эпохѣ, оставившей послѣ себя безчисленную массу памятниковъ. Мы говоримъ, что нѣтъ „готовыхъ отвѣтовъ“; матеріалы же для отвѣтовъ, по нѣкоторымъ конечно, пунктамъ, найдутся и печатные и архивные. Но ихъ надо разыскивать, подбирать по крупицамъ, сводить.

Занимаясь, съ одной стороны, немножко исторіей, съ другой—экономикой, мы чувствуемъ на себѣ нравственный долгъ по отношенію къ запросамъ подобнаго рода. Объ удовлетвореніи этихъ запросовъ пока не можетъ быть и рѣчи; но для успокоенія совѣсти думаемъ здѣсь собрать крохи, чтобы сложить изъ нихъ кой-какой отвѣтъ на одинъ пунктъ. И даже не нацѣлый пунктъ, а на первую часть лишь перваго пункта—относительно того, изъ какого желѣза дѣлались орудія, мѣстнаго или привознаго. Да и то, это не будетъ прямой отвѣтъ на вопросъ, а лишь косвенный, хотя настолько ясный, что имъ, кажется, можно удовлетвориться. Этотъ отвѣтъ будетъ заключаться въ констатированіи факта существованія мѣстнаго желѣзнаго производства, въ уясненіи его размѣровъ и движенія.

Если просмотрѣть „Списки населенныхъ мѣстъ Черниговской губ.“ ²⁾, то можно встрѣтить слѣдующій любопытный фактъ:

¹⁾ Мы привели подробно вопросы въ надеждѣ, что и другія лица, интересующіяся экономическими явленіями, съ своей стороны сообщать что-либо.

²⁾ Изданіе Центрального Стат. Комитета.

38 населенных мѣстъ губерніи носятъ названіе *Рудень*. „Рудня“ является именемъ собственнымъ или сама по-себѣ, или съ какимъ-нибудь прилагательнымъ: напр., Старая Рудня, Политическая Рудня, Рудня Гетманская, Миклашевская и т. д. Всѣ эти Рудни, съ прилагательнымъ или безъ него, большею частью небольшія владѣльческія поселенія. Что бы это могло значить? Заглянувши въ „Топографическое Описаніе Черниговскаго Намѣстничества“, составленное въ 1786 г. Шафонскимъ¹⁾, узнаемъ, что слово „рудня“ значить по-малорусски желѣзный или мѣдный заводъ, а также и поселеніе при заводѣ, точно такъ же, какъ „гута“ значить стеклянный заводъ и поселеніе, а „буда“ поташный заводъ и поселеніе. Итакъ, 38 населенных мѣстъ Черниговской губ. были прежде несомнѣнно рудокопными заводами; оставляемъ подъ сомнѣніемъ другія населенныя мѣста съ названіемъ Руда, Руденька, Рудовка.

Разумѣется, ничуть не обязательно предполагать, чтобъ всѣ эти рудни существовали одновременно: однѣ закрывались, другія открывались. Сохранился отъ 1755 г. документъ, вѣдомость о рудняхъ въ полкахъ Стародубскомъ и Черниговскомъ, составленная канцелярією войсковой генеральной артиллеріи. Изъ этого документа видно, что на упомянутой территоріи, почти обнимающей собою теперешнюю Черниговскую губ., въ 1756 г. было 29 рудень: въ Стародубскомъ полку 17, въ Черниговскомъ 12²⁾. Вотъ эти рудни: Въ Стародубскомъ полку рудни: Печерскихъ чернцовъ, Липчинская, Ропчицкая, Ельня бунчуковаго товарища Ивана Даровскаго, Ельня жъ бунч. тов. Антона Гарновскаго, Бѣловодская рудня его жъ, Воронуская бунч. тов. Есимонтовскаго, Косицкая генеральной артиллеріи, Ходинская бунч. тов. Данила Ширая, Палужная Печерскихъ чернцовъ, Заводъ бунч. тов. Ѳедора Корецкаго, Унецкая стародубскаго полковника Ѳедора Максимовича, Близковская бунч. тов. Ивана Борозны, Ельня его же, Голубовская бунч. тов. Ивана Гамалѣя, Чертовичская стародуб. полк. хорунжаго Михаила Якимовича, Рожновская

¹⁾ Стр. 196, 675.

²⁾ Дѣло Малоросс. Архива при Харьковск. универс. подъ № 2066 о сочиненіи на 1756 годъ новой ревизіи во всѣхъ Малоросс. полкахъ.

бунч. тов. Григорія Борозны, Вепренская вдовы бунч. тов. Андрея Миклашевскаго, Щербиницкая волости Ропской. Въ Черниговскомъ полку рудни: Угловская бунч. тов. Ивана Лизогуба, Радковская бунч. тов. Семена Полуботка, Разсудовская его жъ, Лесковская его жъ, Ново-Вертецкая его жъ, Гунковскаго ген. обознаго Якова Лизогуба, Вертецкая черниг. сотника Посудевскаго, Вертецкая жъ бунч. тов. Петра Лизогуба, Суховирская бунч. тов. Константина Лизогуба, Суховирская-жъ бунч. тов. Семена Лизогуба, на рѣкѣ Виру монастыря Троицкаго Черниговскаго, Ериловская того жъ монастыря.

Отсюда видно, что большая часть рудень принадлежала знатымъ козакамъ, немногія монастырямъ и войску (ген. артиллеріи). Итакъ, существованіе въ половинѣ прошлаго столѣтія значительнаго числа заводовъ для выдѣлки желѣза есть фактъ, точно констатированный. Но можетъ быть эти рудни были искусственнымъ насажденіемъ, возникшимъ благодаря указу Петра (1719 г. дек. 10),—однимъ изъ тѣхъ искусственныхъ насажденій, которыя возникали лишь вслѣдствіе льготъ, доставляемыхъ имъ, и, не удовлетворяя никакой насущной потребности, исчезали такъ же быстро и внезапно, какъ появлялись? Нѣтъ, этого никакъ нельзя сказать относительно рудень въ Сѣверщинѣ: доказательства опять таки на лицо. Съ одной стороны указъ этотъ, какъ видно, и не имѣлъ полнаго примѣненія къ нашему производству: такъ напр., по пункту 6-му этого указа въ казну идетъ съ желѣзнаго производства тридцать вторая доля готоваго продукта, между тѣмъ какъ у насъ—какъ будетъ разъяснено ниже—давалась въ войсковую казну десятая часть и т. п. Съ другой стороны, есть несомнѣнные документальныя свидѣтельства, что наши рудни существовали до этого указа, въ 17 вѣкѣ. Такъ, сохранился въ Румянцевской описи ¹⁾ очень интересный документъ отъ 1665 г., свидѣтельствующій объ открытіи въ этомъ году рудни на р. Передѣлѣ при селѣ Неданчицахъ (недалеко отъ Чернигова). Въ документѣ „подскарбій войска его царскаго величества запорожскаго „Романъ Ракушка“ маючи одъ его милости пана Івана Бруховецкаго до-

¹⁾ Обзорніе Румянцевской Описи, Лазаревскаго, стр. 52.

бродѣя моего, повѣренную власть „учиняеть постановление з паномъ Максимомъ Матвѣвичомъ и Шимкомъ Медведемъ обитателями черниговскими, на рудню новопоставленную, у селѣ Неданчичахъ стоячей, что они своимъ коштъ и працею греблю фундовали и рудню будовали, а нѣ од кого жадной помочи не маючи“... Къ этой руднѣ приданъ былъ и „млинь Ювтоховъ на рецѣ Белоусѣ з двома каменями и ступами“. Съ этой мельницы арендаторы обязаны были давать въ войсковой скарбъ на полтора года „тридцать возковъ, на каждую четверть року роздѣливши по пять возковъ“. Полтора года были связаны тутъ какимъ-то образомъ со „слободой“, срокъ которой долженъ былъ истечь черезъ эти полтора года. Документъ кончается приказомъ „дабы поменнымъ рудникомъ жаденъ не важился найменное кривди и перешкоди чинити и безъ писма его мил. пана гетмана нѣхто не повиненъ желѣза брать“. Отъ 17-го же стол. сохранился универсалъ Мазепы (1690 г) объ открытіи рудни Вепренъ на рѣкѣ Веприкѣ...¹⁾ „донесль намъ панъ Михайло Миклашевскій полковникъ стародубовскій, же угледѣвши онъ въ Ропщинѣ уезду стародубовского одно мѣстце прозывается Стрела на рѣцѣ Трубешу межи селами Куртановичами и Хороннимъ, другое на Веприкѣ въ свободнихъ войсковихъ ущерпскихъ грунтахъ хочеть тамъ завести для робленя желѣза двѣ руднѣ, при якихъ-то рудняхъ а именно при той якая мѣеть бити при урочищи Стрелѣ зичить и слободку осадити килко десять дворовъ людей“... Къ концу того же столѣтія относится возникновеніе рудень бывшаго Ильинскаго Троицкаго монастыря (черниговскаго) на рр. Виру и Немылькѣ²⁾). Затѣмъ есть свѣдѣнія объ устройствѣ рудень, относящіяся къ началу 18-го в. Изъ всего этого достаточно ясно, что желѣзное производство въ черниговской губ. имѣло самостоятельное и, очевидно, давнее происхожденіе. Какъ промыселъ самостоятельный и давній, онъ обнаруживаетъ и въ своей организаціи, и въ техникѣ нѣкоторыя опредѣленныя, повторяющіяся черты, которыя мы здѣсь и собрали.

¹⁾ Ib. 759.

²⁾ Шафонскій, Топографич. Описаніе Чернигов. Намѣстничества“, стр. 330.

Желѣзное производство, еще и до петровскихъ указовъ, не было дѣломъ частной, свободной инициативы. Владѣлецъ не могъ завести на собственной своей землѣ рудню безъ разрѣшенія гетмана, безъ гетманскаго универсала: Мазепа универсаломъ 1701 г. позволяетъ „д. Михайлу Шевченку, жителевѣ орловскому, при власномъ млинѣ на р. Ревнѣ у урочища Орлей стоячомъ, построить рудню и построивши робити желѣзо“¹⁾. Гетманъ Скоропадскій универсаломъ 1708 г. повелѣваетъ „кузню рудницкую для лѣпшого пожитку ему пану Аванасію (Есимонтовскому) постановити при млинѣ и гребли, на рѣчкѣ Осинци, не въ дальнемъ разстояніи отъ рудни войсковой Шуморовской“²⁾; тотъ же гетманъ универсаломъ отъ 1712 г. даетъ разрѣшеніе руднику Стефану Чумаку „на рудцѣ засыпати греблю и млинъ вешнякъ построить и поселить слободку“.

Въ связи съ условіями тогдашней техники, рудни всегда устраивались на рѣчныхъ плотинахъ и обыкновенно сопровождались водяными мельницами³⁾. Размѣры рудень опредѣлялись или числомъ ковадль, горновъ, или числомъ коль, т. е. мельничныхъ колесъ: „рудня на одно ковадро“, „рудня на два горны“, „желѣзный заводъ о трехъ колахъ“ и т. д.

Описаніе тогдашняго желѣзнаго производства мы находимъ въ стихахъ Климентія, современника Мазепы:

О рудникахъ, що зъ руди желѣзи робять въ рудняхъ.

Бо хочъ водою млати въ рудняхъ ударяють,
 Еднакъ безъ великої праці не бивають;
 Гди жь при болотахъ треба и землю копати
 Да руди зъ великою пильністю искати,
 А знайшедши где руду, особно копати
 И, въ кошниці беручи, въ воді полоскати:
 Потомъ на уголля дровъ въ дуброву рубати
 И вишей хлопа въ костеръ довгий тасовати;
 Напотомъ дернъ різати костеръ той вкривати
 И смотріть, жебъ поломъя не могло псовати...⁴⁾.

¹⁾ Описаніе старой Малороссіи, Лазаревскаго, выи. I-й. К. 1888 г., стр. 191.

²⁾ Обзор. Рум. описи, 659.

³⁾ Вышеприв. документы; такъ же Шафонскій, Зап. Чернигов. Ст. Комитета, кн. 2, стр. 54, 55, 110.

⁴⁾ Основа, 1861 г., янв. стр. 228.

Какъ видно изъ этого, хотя и очень элементарнаго, описанія, желѣзное производство представляло нѣкоторую сложность. Вслѣдствіе этой сложности въ немъ принимало непосредственное участіе нѣсколько видовъ специальныхъ работниковъ. Во главѣ предприятия стоялъ рудникъ; у него были „мастеровые люди“: кузнецы, дымари, курачи, рубачи. Всѣ эти мастеровые жили въ слободкѣ, которая всегда была при руднѣ: обыкновенно владѣлецъ, испрашивая позволеніе устроить рудню, вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалъ позволеніе осадить при ней слободку. Вотъ происхожденіе тѣхъ маленькихъ поселеній, которыя мы теперь встрѣчаемъ подъ именемъ „Рудни“.

Рудни принадлежали по большей части войсковой старшинѣ, монастырямъ, хотя случалось, что и простые „жители“ были этими владѣльцами ¹⁾. Но кто же были эти рудники? Сколько можно понять изъ короткихъ упоминаній въ документахъ, эти рудники были предприниматели въ техническомъ смыслѣ этого слова, т. е. люди, соединявшіе въ себѣ знаніе дѣла („художничествомъ рудокопанія бавячіеся“) съ капиталомъ. Они арендовали рудни у владѣльцевъ, платили за это частью продуктовъ или деньгами, а сами вели дѣло за собственный счетъ и на свой рискъ. Вслѣдствіе трудности дѣла и значительныхъ затратъ рудники часто соединялись въ компаніи; такъ, въ 1755 г. въ стародубскомъ полку на 17 рудень было 45 рудниковъ. Рудниками бывали и городскіе обыватели, но обыкновенно посполитые. Плата владѣльцамъ производилась, какъ нужно думать, въ болѣе отдаленныя времена исключительно продуктомъ. Позже, въ 18-мъ ст., платятъ уже деньгами, хотя воспоминаніе о прежнихъ натуральныхъ платежахъ еще держится въ вычисленіи доходовъ частями ²⁾. Арендная плата за рудни въ 18 ст. обыкновенно колеблется между 20—40 руб. Вѣроятно, рудники пользовались деревомъ въ владѣльческихъ лѣсахъ; но иногда они принуждены были брать лѣсъ на сторонѣ. Такъ, въ одномъ документѣ сказано: „онъ—Борозна—отдавалъ въ откупъ пуцу на зрубъ Голубовскимъ рудникамъ для

¹⁾ Опис. стар Малороссіи, Лазаревского, 191 стр.

²⁾ Матеріалы для отеч. исторіи Судіенка, т. I-й, стр. 94.

палѣння угля чрезъ пять лѣтъ, за что получалъ отъ техъ рудниковъ денегъ по 20 руб. и по десяти каменей жлуктяныхъ въ годъ“¹⁾). Въ описаніи имѣній гетмана Апостола, составленномъ въ 1734 г., заключаются свѣдѣнія о четырехъ гетманскихъ рудняхъ. Приводимъ здѣсь эти свѣдѣнія, какъ поясняющія наглядно то, что сказано нами о рудняхъ. Въ стародубскомъ полку въ волости Шептаковской „близъ деревни Погорѣлецъ рудня, прозываемая Шевченкова на два горны, со всякими принадлежащи инструмены рудника посполитого Ивана Михайлова. При той руднѣ мельница на рекѣ Ревнѣ о двухъ клеткахъ, въ одной клеткѣ два постава мучныхъ на ходу, въ другой клеткѣ ступъ просяныхъ четыре, сукновальныхъ три. При той руднѣ дворъ со всякимъ хороннымъ строеніемъ оною Ивана Михайлова. При той же руднѣ слободка, въ ней мастеровыхъ людей: кузнецовъ четыре двory, димаровъ два двory, курачевъ четыре двory, лесовыхъ мастеровъ пять дворовъ, мирочникъ одинъ дворъ, кузнецъ ручной одинъ дворъ; оную рудню и мельницу и слободку содержитъ откупомъ онъ Михайловъ зъ дворца Шептаковскаго. Годоваго окладу за рудню и за мельницкіе части, за показанщину—тридцать два рубля тридцать копеекъ. За тою жъ деревнею Погорѣльцами рудня, что делаютъ железо крушное (чугунъ), прозывасмая Лозовская со всякими принадлежащими до ней инструмены рудника посполитого Ивана Большаго Чумака на два горны. При той руднѣ мельница на рекѣ Слоту обѣ одной клеткѣ, въ ней одинъ поставъ мучной на ходу. При той же руднѣ слободка, где живутъ мастеровые люди, въ ней кузнецовъ, что делаютъ железо, пять дворовъ, димаровъ три двory, курачевъ два двory, рубачовъ четырнадцать дворовъ. При той же руднѣ дворъ со всякимъ хороннымъ строеніемъ его Чумака. Оную рудню и мельницу содержитъ онъ Чумакъ откупомъ зъ дворца Шептаковскаго. Рудня Лозовская годового денежнаго окладу двадцать рублей, да на мірскіе расходы два рубля, всего 22 рубля... Къ волости Ропской принадлежащіе две Рудни въ полку Стародубовскомъ, въ Чолховской волости, въ маестности полковника Стародубовскаго. Первая на рекѣ Вагѣ,

¹⁾ Обзор. Румянц. опис., стр. 720.

прозывается Щербиницкая рудника Осипа Рыфы на два горны съ принадлежащими матеріалы и инструменты. При той руднѣ дворъ съ хоромнымъ строеніемъ, и ниже той рудни мельница на той же рекѣ Вагѣ о двухъ колахъ, объ одномъ мучномъ, а другомъ валюшномъ оного-жъ Рыфы. Въ той мельницѣ и въ руднѣ две части до дворца Ропского, а третья его Рыфы. При той руднѣ имеется мастеровыхъ людей разныхъ званій тринадцать дворовъ. Отъ Юсифа Рыфы рудника Щербиницкого за рудню и млынъ, при ней имѣющійся, взимается въ годъ окладу тридцать рублей. Ниже той рудни и мельницы другая рудня, прозывается Кривушинская Василя Адамовича на два-жъ горны, на той-же рекѣ Вагѣ съ принадлежащими матеріалы и инструменты. При той руднѣ дворъ съ хоромнымъ строеніемъ и мельница на той же речкѣ объ одной клеткѣ; въ ней одинъ поставъ мучной на ходу, ступъ просяныхъ четыре, сукновальныхъ две. Отъ Василя Адамовича, рудника Кривушинскаго, за рудню и млынъ взимается въ годъ окладу денегъ тридцать рублей. Въ той мельницѣ изъ доходовъ две части до дворца Ропского, а третья часть Бунчуковаго Товарища Петра Чернолузского; а въ руднѣ две-жъ части до дворца Ропского, а третья часть означеннаго Адамовича¹⁾.

И старыя малорусскія обыкновенія, и общерусское законодательство одинаково не позволяли видѣть въ рудокопаніи и желѣзодѣланіи исполнѣ дѣла частной инициативы и вольной предприимчивости. Какъ мы уже видѣли выше, на каждую рудню требовалось спеціальное разрѣшеніе высшей власти, гетманскій универсалъ. Затѣмъ, каждая рудня должна была находиться подъ строгимъ контролемъ войска, такъ какъ туда шла часть продукта. Это была десятая часть, и поступала она въ распоряженіе генеральной войсковой артиллеріи, какъ видно изъ нижеприведеннаго акта: оттого генеральная артиллерія и была тѣмъ вѣдомствомъ, которое завѣдывало желѣзнымъ дѣломъ. Изъ того же акта видно, что генеральная артиллерія принимала близко къ сердцу интересы этой промышленности и защищала ихъ. Такъ

¹⁾ Матеріалы для отечеств. исторіи, Судіевка. К. 1853, кв. I-я, стр. 73—4, 76, 93—4.

напр., она отстаивала рудниковъ отъ привлеченія къ „консистентской дачѣ“, наирая на всѣ послѣдствія такого привлеченія. Вотъ этотъ актъ,—отношеніе Генеральной Артиллерійской Канцеляріи въ Генеральную Войсковую Канцелярію; приводимъ его цѣликомъ, какъ единственный письменный документъ по этому предмету.

„Имѣется въ полкахъ Стародубовскомъ и Черниговскомъ разныхъ владѣній рудни, кои нанимая, художничествомъ рудокопанія бавячіеся, рудники у владѣльцевъ и ссыскупа по удобнымъ мѣстамъ руду, дѣлають зъ оной желѣзо; и изъ того всего удѣланного желѣза десятую долю, за силу высочайшей грамоты и его ясневелможности г-на гетмана и разныхъ орденовъ кавалера универсала, на генеральную артиллерію поежегодно даютъ. Въ силѣ высочайшого привиллея безсмертнославныя памяти великаго государя Императора Петра I, самодержца всероссійскаго 1719 году декабря 10 о рудоконныхъ заводахъ состоявшагося, по 10-му пункту, оныя рудники напередъ сего отъ общенародныхъ повинностей были свободны и въ ревизіи между тяглыми не состояли. А нынѣ, какъ изъ доношенія рудниковъ Стародубовскаго полку въ Канцелярію генеральной артиллеріи поданнаго значитя, до консистентской дачи привлечены; и оныя далекою возкою такъ отягчены, что художество свое оставляють, а нѣкоторые уже и оставили. И хочай въ прошломъ 754 году декабря 19, въ силѣ оныхъ рудниковъ доношенія и вышеозначенного высочайшого привиллея, въ Генеральную Войсковую Канцелярію отъ Канцеляріи Генеральной Артиллеріи представлено, тоію на то никакой резолюціи не послѣдовало. Нынѣ же въ сочиняемую ревизію ежели оныя рудники будутъ написаны между тяглыми къ дачѣ консистентской, то и достальныя могутъ тое свое художество оставить, черезъ что привиллегія останется безъ исполненія, а нація малороссійская безъ пользы, якая поднесъ отъ тѣхъ рудень чрезъ дешевизну железа происходила, остаться можетъ. О выше писаномъ въ Войсковую Генеральную Канцелярію Канцелярія Ген. Артиллеріи представляя, просить, чтобы какъ по-прежнему, такъ и по сему доношеніямъ находячихся въ тѣхъ рудняхъ рудниковъ дѣлающихъ желѣзо, о непривлечаніи къ дачамъ консистентскимъ

и о написани въ нынѣ сочиняемую ревизію оныхъ между тяглыми милостивое учинить разсмотрѣніе и опредѣленіе ¹⁾).

Эти слова, относятся къ 1755 г., показываютъ, какое значеніе имѣло мѣстное желѣзо еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, лѣтъ за 10 до Румянцевской описи. Они совершенно оправдываются и распространенностью производства. Но производство это уже клонилось къ упадку. Еще какихъ нибудь лѣтъ тридцать, и описаніе черниговскаго намѣстничества Шафонскаго представляетъ уже положеніе желѣзнаго дѣла на территоріи бывшаго черниговскаго поля въ слѣдующемъ видѣ. Тамъ, гдѣ было въ 1755 г. 12 рудень, ихъ уже только 7. Двѣ, находящіяся въ теперешнемъ черниговскомъ уѣздѣ, такъ ничтожны, что выплавливаютъ желѣзо для домашняго употребленія, отправляя лишь въ маломъ количествѣ сошники на ярмарки Кіева и Чернигова; одинъ изъ этихъ заводовъ принадлежалъ кол. сов. Лаврентію Селецкому и былъ построенъ тестемъ его Василюмъ Лизогубомъ за 35 лѣтъ; другой принадлежалъ бунч. товарищу Ивану Посудевскому, построенъ тоже за 35 лѣтъ. Руду для нихъ добывали изъ около-лежащихъ болотъ, а уголь изъ своего лѣса. Нѣсколько значительнѣе остальные пять рудень, находящіяся на территоріи теперешняго городницкаго уѣзда. Это заводы: надв. сов. Михаила Стороженка на р. Вертечѣ, построенный за 80 лѣтъ полковникомъ Павломъ Полуботкомъ, бывшаго Троицкаго Ильинскаго Черниговскаго монастыря на р. Виру, построенный обывателемъ Лизуномъ лѣтъ за 90, того жъ монастыря на р. Немыльнѣ, построенный монастыремъ лѣтъ за 100; затѣмъ заводъ на рѣкѣ Виру кол. асс. Василя Лизогуба, построенный въ началѣ столѣтія, и на той же рѣкѣ заводъ надв. сов. Туманскаго, построенный Лизогубомъ лѣтъ за 80. Уголь для всѣхъ этихъ заводовъ владѣльцы добывали изъ своихъ лѣсовъ, лежащихъ около р. Вертечи, а для всѣхъ остальныхъ въ лѣсу, называемомъ Злой Островъ, изъ его болотъ, вѣроятно, очень богатыхъ рудой. Но производство и этихъ заводовъ 50—70 пуд.

¹⁾ Дѣло малор. архива, состоящ. при харьковскомъ университетѣ, подъ № 2066 о сочиненіи на 1756 годъ новой ревизіи во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ.

на каждый, не выше 120 пуд. въ годъ; одинъ изъ заводовъ работалъ только весной. Переработанное желѣзо отвозилось на ярмарки, главнымъ образомъ „въ степныя мѣста“ ¹⁾). Шафонскій даетъ слѣдующее заключеніе относительно мѣстнаго желѣзнаго производства: „заводы желѣзные въ лѣсныхъ и болотныхъ мѣстахъ у нѣкоторыхъ владѣльцевъ есть, гдѣ руда не изъ глубины какой матерой земли, но изъ болота достается, съ которой одинъ только чугуны плавится и мелкія полоски желѣза выковываются, которые въ сравненіи съ сибирскимъ и другимъ великороссійскимъ желѣзомъ ничего не значить, а только въ одной Малой Россіи и то мало продается“ ²⁾). Такъ было въ концѣ прошлаго столѣтія; въ настоящее время отъ мѣстнаго желѣзнаго производства сохранились только филологическіе слѣды въ названіи населенныхъ мѣстъ—и ничего больше.

Желѣзное производство исчезло; но отчего? Оттого ли, что мѣстному желѣзу, вслѣдствіе естественныхъ условій, невозможно было выдержать конкуренцію съ желѣзомъ привознымъ? Или тутъ дѣйствовали болѣе общія причины, которыя смели всю мѣстную промышленность, и рудни пошли вслѣдъ за гутами, будами, папернями и другими мелкими промышленными учрежденіями, которыми была усѣяна еще въ прошломъ столѣтіи территория Сѣверской Украины? Вотъ важный вопросъ: отъ такого или иного его рѣшенія зависитъ кое-что существенное въ нашихъ историческихъ взглядахъ.

П. Ефименно.

¹⁾ Шафонскій, „Топогр. описаніе черн. нам.“ 1786 г., стр. 229, 330.

²⁾ Тамъ же, стр. 20.

НА РУБЕЖЪ.¹⁾

IV.

На слѣдующій день возвратился Гордій Грыва, но возвратился невесело настроенный. Когда семья собралась къ обѣду, тетка Ярына вспомнила про слѣпного кобзаря.

— А гдѣ же это дѣдь? Позови его, Маруся, пусть идетъ обѣдать.

Гордій вопросительно посмотрѣлъ на Ярыну.

— Какой дѣдь?

— Вчера зашелъ какой-то съ бандурою, здѣсь и ночевалъ.

— Куда-же онъ дѣвался?—Гордія видимо интересовалъ неизвѣстный старикъ.

— Должно быть, пошелъ играть куда-нибудь, отозвалась Маруся,—я видѣла, какъ онъ уходилъ; говорилъ, что воротится къ вечеру.

Подъ вечеръ дѣйствительно явился Матвій. За ужиномъ говорили о томъ-о семъ, вспоминали старину, общихъ знакомыхъ, останавливаясь подолгу на нѣкоторыхъ именахъ, но разговоръ не выходилъ изъ этихъ предѣловъ. Послѣ ужина собесѣдники остались одни въ хатѣ.

— Теперь никто насъ не слышитъ,—обратился Гордій къ старику. Говори, что имѣешь сказать.

— А женщинъ нѣтъ? Я плохо вижу, шепотомъ спросилъ Матвій.

— Никого нѣтъ.

¹⁾ "Кіевск. Стар." 1888, т. 1.

— Я къ тебѣ отъ Верлана... нарочно прислалъ узнать отъ тебя, что слышно въ Кіевѣ?

— А я только что оттуда... — отвѣчалъ Гордій и задумался.

— И что-же?

— А то, что на помощь оттуда нечего рассчитывать... Нельзя увлекаться обѣщаніями, нужно принимать обстоятельства такъ, какъ они есть: тамъ думаютъ не объ Украинѣ, не о вольностяхъ нашихъ, а только о томъ, какъ бы самимъ хотъ немного подвинуться впередъ. Обѣщать—одно, а исполнить—другое дѣло. Вѣрилъ и Хмельницкій обѣщаніямъ, а что вышло? Надежды на помощь Россіи нужно оставить; тамъ свои планы, у насъ свои. Намъ нужно думать о томъ, какъ бы прожить спокойно въ своей землѣ, и если воевать, то для того только, чтобы добиться чего-нибудь лучшаго въ будущемъ, а не для того, чтобы ослаблять свои силы, а другіе пользовались бы этимъ... Такъ ему и передай.

Старикъ покачалъ головою.

— Плохо!.. Плохо!.. А что-же говоритъ игумень Досифей? Ты знаешь, игумень Мотроненскаго монастыря прислалъ къ Верлану посла съ письмомъ отъ Досифея, сказалъ ему самому быть въ Кіевѣ.

— Незачѣмъ!—возразилъ Гордій съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ—будетъ ему говорить то же, что и мнѣ... А я скажу, что мы должны сами добиваться своихъ вольностей, сами должны и охранять ихъ для себя. Важное дѣло нужно и вести разумно, а монахи слишкомъ много болтаютъ...

— Это и Верланъ замѣтилъ...

— И что-же онъ сдѣлалъ?

Морщинистое лицо старика освѣтилось довольною улыбкою.

— Хорошо сдѣлалъ!.. Нарочно ѣздилъ въ Немировъ и склонилъ на свою сторону Савву Чалого; тотъ пристанетъ къ вамъ со своими козаками.

Гордій задумался.

— Такъ-то, такъ... хорошо—заговорилъ онъ медленно, въ раздумьи, послѣ нѣкотораго молчанія.—Этотъ умѣть привлечь къ себѣ людей... только видишь, старый, тутъ одна загвоздка... Савва разъ уже измѣнили своимъ, какъ бы не вздумалось ему и въ другой разъ сдѣлать того-же.

— Едва-ли... онъ одумался... чѣмъ служить чужимъ, пусть лучше своимъ служить.

— Конечно!

— Ну, а какъ самъ полковникъ?

— За нимъ всѣ готовы въ огонь и воду... Онъ теперь о томъ только и думаетъ, какъ бы привлечь къ себѣ весь окрестный народъ; и нужно сознаться—имѣть на то хорошее средство.

Старикъ наклонился къ Гордію и тихо сказалъ ему что-то на ухо; тотъ выслушалъ съ большимъ вниманіемъ и замѣтилъ:

— Смѣлый это шагъ,—хорошо, если удастся. Какъ бы только тотъ полковникъ, когда придетъ до дѣла, не вздумалъ плюнуть изъ своихъ пушекъ на Верлана...

— Этого онъ навѣрно не сдѣлаетъ, не сможетъ. Говорилъ онъ Верлану по секрету, что имѣетъ приказъ занять Умань, будто для охраны саксонской партіи отъ Лещинскихъ, а разъ занявши, долженъ будетъ сидѣть тамъ съ войскомъ и носа не высунетъ изъ замка; тѣмъ временемъ Верланъ подниметъ народъ, соединится съ Чалымъ и пойдетъ къ вамъ на встрѣчу съ войскомъ...

— Мнѣ только, правду сказавши, не нравится эта пріязнь съ полковникомъ Полянскимъ. Какъ бы не вышло такъ, что напалъ хитрецъ на хитреца.

— Нѣтъ! Верланъ все хорошо обдумалъ... О! это голова! Другой Хмельницкій, даже лучше, потому что не пьетъ. Пусть только придетъ до дѣла... Ему нужно держаться съ полковникомъ, потому что отъ него онъ всегда выведаетъ что-нибудь, а самъ держитъ языкъ за зубами...

— А мнѣ все кажется, що „не буде зъ того пыва нїякого дыва“—замѣтилъ Гордій.

— Не слѣдуетъ такъ сомнѣваться—возразилъ старикъ серьезно.—Нужно сдѣлать все, что можно, обдумать все, какъ можно лучше, чтобы кровь людская не проливалась понапрасну,—а остальное не отъ насъ уже зависитъ...

Собесѣдники задумались.

— До сихъ поръ все идетъ какъ нельзя лучше. Савва нашъ, Верланъ, какъ искусный рыбакъ, повсюду запустилъ сѣти, поставилъ крючки; теперь очередь за тобою—дѣлай, что можешь... а потомъ всѣ разомъ за работу, двигать Украину!..

Слова эти придали бодрости, воодушевили Гордія.

— Только бы все пошло благополучно! Еслибы можно было еще Сичъ потянуть за собою, тогда бы закипѣла работа: запорожцы двинулись бы снизу, Савва Чалый изъ Брацлавщины, Верланъ изъ Шаргородщины,—сошлись бы себѣ потихоньку, безъ шума, а тогда можно было бы разговаривать съ ляхами!

— Подожди! подожди!—сдерживалъ его Матвій,—большія дѣла не такъ быстро дѣлаются...

— Подождемъ... а тѣмъ временемъ нельзя сидѣть сложа руки... нужно толковать людямъ, напоминать... пусть ожидаютъ чего-то... Съ гайдамаками нужно войти въ соглашеніе. Помоги мнѣ немного—обойди окрестности, села, мѣстечки, а я съѣзжу на Сичъ... времени впереди довольно; раньше будущей весны не выступимъ въ походъ, не успѣемъ подготовиться,—нужно до того времени набирать людей. Сторона здѣсь глухая, спокойная, можно свободно ходить съ бандурою... мѣсто для дѣла подходящее: можно и на русскую сторону переправиться, и тамъ поискать людей... тамъ это легко, на поляковъ позволяютъ выкликать сколько угодно, никто рта не завяжетъ... охотниковъ погулять на этой сторонѣ тамъ всегда достаточно,—пусть идутъ къ намъ. Развѣ каждому нужно говорить, что и какъ будетъ? Лишь бы люди были, а мы употребимъ ихъ въ дѣло.

Матвій одобрительно кивнулъ головою.

— А что это за хлопцы вертятся въ твоей хатѣ?

— На нихъ можно разсчитывать.... они тебя вездѣ проведутъ и покажутъ... не надо только много говорить при нихъ. Младшій Грыць—то „ледачый хлопецъ“, хотя моей дивчынѣ больше нравится, но добрый, искренній, а старшій, Игнатъ Голый, на того можно положиться.

— Если такъ, то пусть ведутъ меня, куда хотятъ, пусть соберутъ немного народа...

— И собирать не нужно. Въ воскресенье будешь пѣть въ Мошнахъ, въ Сокирной, потомъ переправишься за Днѣпръ... а осенью, какъ будешь возвращаться, опять зайди ко мнѣ. Теперь и я не буду сидѣть дома... отдохну немного, да и на Сичъ!

Поздно разошлись собесѣдники; дѣдъ пошелъ ночевать на токъ, а Гордій долго еще одинъ ходилъ по двору, раздумывая обо всемъ, что готовилось въ тишинѣ.

На слѣдующее утро старый Матвій распрощался и вскорѣ исчезъ гдѣ-то между хатами; впрочемъ исчезъ не надолго, въ субботу игралъ у Грыцька, а въ воскресенье утромъ отправился вмѣстѣ съ Игнатомъ въ знакомую намъ корчму надъ сокирненскимъ перевозомъ.

Небольшая корчмка за Сокирной ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ такого рода заведеній на окраинахъ; здѣсь сходились всѣ пьяницы, гайдамаки, весь гулящій людъ изъ цѣлой околицы, здѣсь составлялись проекты, обсуждались планы набѣговъ и грабежей, и затѣмъ все добытое пропивалось у Оруна. Положеніе корчмы надъ самымъ перевозомъ черезъ Днѣпръ было тѣмъ выгоднѣе, что все происходившее отсюда движеніе всегда оставляло слѣдъ въ кошелькѣ Оруна. Еврей быстро наживался, зналъ всю околицу, былъ посвященъ во всѣ планы и умѣлъ ловко пользоваться своими свѣдѣніями. Тутъ встречались сновашіе по черкасской дорогѣ послы между Кіевомъ, Каневомъ, Уманемъ, Шаргородомъ и Мотроненскимъ монастыремъ: за чаркою нерѣдко развязывались

языки и не разъ какое-нибудь неосторожное слово вырвалось безсознательно, незамѣтно для самихъ говорившихъ, а слухъ у Оруна былъ острый, онъ жадно ловилъ каждый намекъ, каждый жестъ, остальное дополнялъ воображеніемъ и умѣлъ изъ всего извлечь для себя пользу. Служилъ и нашимъ, и вашимъ; посламъ и гайдакамъ онъ умѣлъ во время шепнуть что-нибудь, предостеречь кстати о томъ, чего ожидали или опасались со стороны поляковъ, но о чемъ полякамъ и не снилось: иногда-же при случаѣ, прикрываясь какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, отправлялся съ донесеніями то къ черкасскому, то къ каневскому старостѣ, рассказывалъ небылицы о гайдамакахъ и съ той, и съ другой стороны извлекалъ для себя выгоды. Такъ жилъ и промыслялъ весь родъ Оруна, все его племя, пользовавшееся внутренними неурядицами въ краѣ для своего обогащенія.

Въ воскресенье, уже съ полудня, корчма была полна посѣтителей; звуки веселыхъ пѣсень, шумныхъ разговоровъ и восклицаній сливались въ одинъ общій гулъ и далеко разносились по лѣсу. Орунъ особенно любилъ такіе дни, тогда у него кипѣла работа. Веселый, улыбающійся похаживалъ онъ по хатѣ, заложивъ одну руку за поясъ, а другою поглаживая бороду и пейсы, выглядывалъ въ окошко, выходилъ на дорогу закликать прохожихъ,—однимъ словомъ, торжествовалъ въ роли хозяина, а тѣмъ временемъ балабуста и дѣти сновали между публикою, разнося жестяныя кружки съ водкою, пивомъ и медомъ.

Орунъ какъ разъ бесѣдовалъ въ веселой компаніи, столпившейся вокругъ стола, какъ вдругъ на дворѣ послышались болѣе громкіе голоса. Онъ выглянулъ въ окно, но кромѣ группы людей ничего не могъ различить. Тогда онъ вышелъ изъ хаты и приблизился къ этой группѣ. Толпа въ нѣсколько десятковъ человекъ окружала слѣпнаго бандуриста и начинала волноваться; слѣпой музыкантъ покорно стоялъ на мѣстѣ, держа съ лѣвою рукою

за бандуру, и обводилъ собраніе мутными бѣлками глазъ. Любопытный еврей протискался впередъ, пристально посмотрѣлъ на слѣпаго, — дѣдъ былъ неизвѣстный, но рядомъ съ нимъ стоялъ Игнатъ Голый. Орунъ кивнулъ ему головою.

— Ну, а на чарку не зайдете? Не годится обходить Оруна... Просимъ! и дѣда съ собою ведите—онъ, я вижу, съ бандурою, пусть сыграетъ; слава Богу, есть кому слушать.

Народъ не разступался, старикъ тоже не могъ двинуться съ мѣста; Орунъ обратился къ толпѣ:

— Панове козаки! позвольте дѣду пройти.—Одни отступили, давая дорогу, другіе протестовали.

— Слушай, Оруне, — отозвался кто-то изъ толпы. — Что-же это, дѣдъ въ гости къ тебѣ пришелъ, что-ли? Если пришелъ, то будетъ играть, а чѣмъ душиться въ хатѣ, пусть лучше играетъ здѣсь.

— Можно и здѣсь, — согласился шинкаръ.

Слѣпой Матвій погладилъ бороду, откашлялся и заговорилъ:

— Если панове громада прикажутъ, нужно пѣть... но—прибавилъ онъ въ раздумьи, — мнѣ бы хотѣлосьсегодня еще переправиться на ту сторону: въ Переяславѣ скоро ярмарка, нужно спѣшить туда. Кто зарабатываетъ бандурою, долженъ идти туда, гдѣ есть кому пѣть.

— Развѣ здѣсь некому? А мы что-же?

Матвій стоялъ, потупивъ голову.

— Люди всюду одинаковы, но гдѣ больше народа, тамъ больше дадутъ дѣду; жить надо...

— Погоди—отозвался голосъ изъ толпы, на все будетъ время; и съ голоду не пропадешь, и въ Переяславѣ поспѣешь.

— Хорошо! хорошо! Пусть будетъ по-вашему! Дайте-же мнѣ присѣсть, старыя ноги не хотятъ стоять.

Толпа немного разступилась, и Матвій, осторожно ощупывая палкою дорогу, медленно направился къ корчмѣ.

— Вотъ тутъ *призба*, диду, садитесь, сказалъ Игнатъ. Старикъ нащупаль мѣсто и сѣлъ. Всѣ окружили кобзаря, перешептываясь между собою въ полголоса, и поглядывали на него въ ожиданіи пѣсни. Матвій, по кобзарскому обычаю, молча наигриваль что-то, какъ бы подбирая мотивъ.

— И самъ не знаю, что сыграть, произнесъ онъ будто про себя, перебирая струны.—Играть не достаточно, нужно и пѣть, а старый голосъ безъ меду не вытянетъ; людской голосъ все равно, что колесо: не подмажешь— не поѣдешь...

— Гей, панове!—отозвался кто-то изъ толпы, у кого есть за что, пусть прикажетъ подать старому меду; не годится, чтобы онъ по-напрасну дралъ горло.

Въ то же мгновеніе изъ толпы поднялась надъ головами чья-то рука и громкій голосъ крикнуть:

— Оруне! гей, жыде! Орендарю!

Еврей стоялъ на порогѣ, внимательно прислушиваясь и приглядываясь ко всему происходившему.

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣчалъ онъ, откашливаясь и растягивая слова, скрылся въ корчму и вскорѣ вышелъ съ кружкою въ рукѣ.

— А кто заплатитъ? спросилъ онъ, проталкиваясь къ старику, и протянулъ руку; въ открытую ладонь упаль тынфъ¹⁾.

— Смотри-же, не забудь сдачи.

Матвій хлебнулъ меду изъ кружки и запѣлъ думу о козакѣ бандуристѣ; дума рассказывала печальную судьбу безпріютнаго кобзаря, который заблудился въ степяхъ и, видя приближеніе голодной смерти, пѣлъ про свою тоску. Старикъ кончилъ, а слушатели все еще молчали подъ впечатлѣніемъ грустной пѣсни; Матвій откашлялся и произнесъ, не то обращаясь къ публикѣ, не то про себя.

¹⁾ Тынфъ—серебряная монета стоимостью въ 38 грошей, или $\frac{1}{6}$ талера.

— Вотъ такъ-то по-напрасну пропадаютъ люди, если не съ голоду въ степи, то гибнуть на висѣлицахъ... а что-же дѣлать?

Слова эти, еще болѣе усилили удручающее впечатлѣніе пѣсни; казалось, они попали въ самое больное мѣсто, въ душу каждаго.

— Пропадаютъ люди,—отозвался голосъ изъ толпы, и ни откуда нѣтъ спасенія.

— Всѣ давятъ, со всѣхъ сторонъ, не знаешь, отъ кого и защищаться.

— Какъ это не знаешь, отъ кого? Неужели ты не знаешь, козаче?

— Правда! Кто давить, отъ того и отбиваться.

— Разумѣется, такъ.

— Такъ, да не такъ,—замѣтилъ другой.—Жмутъ насъ и татары, и турки, но пограбятъ, да и уйдутъ; одинъ годъ они насъ поприжмутъ, а на другой—мы ихъ. Не тотъ врагъ губить, что вдали, а тотъ, что сидитъ въ нашей хатѣ, отъ того и отбиваться.

Матвій одобрительно кивалъ головою.

— Вотъ, вотъ! Умныя рѣчи говоришь, козаче. Если комаръ сядетъ къ тебѣ на носъ и начнетъ сосать кровь, ты вѣдь не пойдешь въ лѣсъ бить тѣхъ, что летаютъ, а убьешь того, что сидитъ на носу.

— А такъ, такъ! дѣдъ правду говорить.

— Да! отозвался голосъ изъ толпы, уже намъ отъ этихъ комаровъ и свѣтъ не милъ, и жизнь опротивѣла.

— Погоди; избавимся... весною, какъ слышно, что-то начнется. Россія не выводитъ своихъ войскъ, а поляки вооружаются; пусть только возьмутся за чубы, мы нападёмъ съ тылу.

— Вотъ, вотъ!—съ живостью замѣтилъ кобзарь.—Смотрите только, панове молодци, чтобы не вышло такъ, „що доки сонце зійде, роса очи выистъ“.

— Выѣстъ намъ, такъ можетъ быть дѣти не ослѣпнуть.

— Какъ будто и дѣло говоришь, а не дѣло, отозвался Матвій. Пусть каждый старается самъ за себя; мы сами

по себѣ, а дѣти тоже сами по себѣ; чѣмъ больше мы сдѣлаемъ, тѣмъ меньше останется дѣтямъ... Да наконецъ, самъ за себя человѣкъ можетъ ручаться, а за дѣтей кто поручится?

— Дѣдъ правду говорить. Насъ кто не хочетъ, тотъ только не давить, всѣ кожу деруть, а мы будемъ ожидать, пока дѣти выростутъ и вступятся за насъ. *Чы-жъ-то способъ?*

Искра, брошенная Матвѣемъ, упала на благодарную почву и сразу воспламенила настроеніе толпы. Нужно было только заговорить, подсказать мысль, и всегда являлись люди, готовые тотчасъ же привести ее въ исполненіе. Ненависть къ шляхтѣ, вызвавшая войны Хмельницкаго, сообщилась по наслѣдству и слѣдующимъ поколѣніямъ, и хотя основная идея Хмельниччины съ теченіемъ времени забывалась, подвергалась искаженіямъ, а борьба за независимость мало-по-малу принимала болѣе или менѣе случайный, спорадическій характеръ, локализуясь въ болѣе тѣсныхъ районахъ, но броженіе не прекращалось; огонь покрывался пепломъ, но не угасалъ.

— Да, по всему видно, что-то будетъ... замѣтилъ кто-то.

— Разумѣется будетъ,—не утерпѣлъ Игнатъ Голый,— а что-же, неужели мы должны еще ниже клонить голову, пока насъ не растопчутъ, какъ червяка. Пускай другіе думаютъ по-своему, а мы тоже по-своему. Нужно, чтобы и тѣ, что имѣютъ силу, стали съ нами за одно!

— Вотъ добрый козакъ!

— А гдѣ-же взять такихъ, кто имѣетъ силу?—спросилъ кто-то изъ толпы.

— Гдѣ? а Сичъ на что?—отвѣчала Игнатъ.—Оттуда придутъ люди, да у насъ соберется немного, да немного есть уже у Верлана, у Чалого... а собрать всѣхъ вмѣстѣ, наберется порядочное войско.

Сгоряча молодой человѣкъ высказался не въ пору; хоть онъ и не былъ посвященъ въ планы Гордія Грывы, но, разговаривая постоянно о томъ, что всего сильнѣе

занимало его, онъ невольно попалъ на чужую дорогу.

Орунъ стоялъ на порогѣ, опершись о притолку, съ самымъ безпечнымъ видомъ, но жадно прислушиваясь ко всему, чтобы не проронить ни одного слова. Сердце его замирало отъ страха и тревоги и не напрасно; онъ выросъ и прожилъ полъ-жизни среди украинскаго народа, зналъ его характеръ, зналъ и то, съ какою неудержимою силою и какъ неожиданно вспыхивали народныя движенія. Каковы бы ни были пѣль и характеръ этихъ движеній, они всегда и прежде всего отзывались на ненавистномъ народу еврейскомъ элементѣ. Народъ долго терпѣлъ, долго позволялъ шинкарямъ и прочимъ пьявкамъ всячески эксплуатировать его, высасывать изъ него кровь по каплѣ, пропивалъ и переводилъ у нихъ все свое имущество, но когда переполнялась чаша терпѣнія, онъ сразу мстилъ за себя кровавыми расправами. Не удивительно поэтому, если Орунъ въ возгласахъ волновавшейся толпы почувялъ отдаленное эхо возстаній и запахъ крови. Молча слушалъ онъ эти возгласы и самъ внимательно вглядывался въ лица малоизвѣстныхъ людей, стараясь запечатлѣть въ памяти ихъ черты и всѣ подробности, какія могъ уловить въ разговорахъ.

Замѣтивъ, что Игнатъ болтаетъ лишнее, и желая изгладить произведенное его словами впечатлѣнїе, слѣпой кобзарь обратился съ вопросомъ къ собранію.

— Люде добри, а далеко ли еще до вечера?

Каждый изъ присутствующихъ поглядѣлъ на западъ.

— Вотъ-вотъ, зайдетъ солнце.

Матвій, встревоженный, быстро задвигался на мѣстѣ.

— Вотъ тебѣ и заболтался! А когда же на ту сторону!

— Успѣешь еще!—замѣтилъ кто-то.

Старикъ повидимому не обратилъ вниманія на эти слова, немного выше подтянулъ ремень отъ бандуры, прикрылъ ее полою и медленно началъ подыматься съ мѣста, крехтя и опираясь на палку.

— А ну, козаче Игнатку, достань гдѣ-нибудь лодку, да попроси людей перевезти меня на тотъ берегъ.

— Не далеко ходить,—отвѣчалъ Игнатъ,—у Оруна есть дубъ, онъ можетъ дать.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ услужливый еврей стоялъ уже передъ нимъ.

— Дубъ? Почему не дать дуба? Я для пановъ козаковъ и душу готовъ отдать,—произнесъ онъ обязательно.

— Отъ бреше, подлый жидъ!—замѣтилъ кто-то; въ толпѣ послышался смѣхъ.

— Одного дуба мало,—сказалъ Игнатъ.—Нужно еще хоть два человѣка на весла.

— И это найдется; тѣ, что ловятъ рыбу, могутъ и перевезти. Почему не услужить, если можно?

Нѣсколько человѣкъ, во главѣ которыхъ шелъ Орунъ, отдѣлились изъ толпы и начали спускаться съ крутаго откоса на берегъ Днѣпра, гдѣ у вбитаго въ мокрый песокъ кола плавалъ привязанный дубъ.

— Тише, тише,—говорилъ Матвій, осторожно пробуя налкою дорогу и съ трудомъ передвигая ноги, по косточку тонувшія въ желтомъ пескѣ,—еще голова можетъ закружиться.

Орунъ искоса смѣрилъ старика хитрымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ и произнесъ любезно, съ пріятною миною.

— Пане Игнате, поддержите немного дѣда, онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ упасть; это, я вижу, человѣкъ почтенный; а откуда, если можно спросить?

— Спросить можно,—отвѣчалъ невозмутимо молодой козакъ.—Но мы и сами не знаемъ, откуда онъ; такъ, забрелъ себѣ. Развѣ онъ одинъ бродитъ по свѣту? Онъ нѣлъ намъ, мы его накормили, теперь, если хочетъ идти дальше, пусть идетъ съ Богомъ.

Пришли на берегъ, усадили старика, и лодка отчалила; кучка провожавшихъ возвращалась въ корчму, медленно подымаясь на песчаный пригорокъ, какъ вдругъ изъ лѣсу послышался голосъ:

— Игнате! Гей! Гонь-гопъ!

— О, это васъ зовуть, пане Игнате,—толкнулъ его локтемъ еврей.

— А кто его знаетъ... можетъ быть...

Поднялись на гору—возлѣ корчмы стоялъ Грыць.

— Люди идутъ домой, а ты изъ дому,—замѣтилъ ему пріятель; тотъ почесалъ въ затылкѣ.

— Невозможно вырваться...

— Чтожь,—опять новая запаска не дастъ тебѣ покоя?

Еврей усмѣхнулся.

— Ну! Чтожь тутъ дурнаго? Затѣмъ посмотрѣлъ на солнце и прибавилъ:—до вечера еще далеко, прошу въ хату на стаканъ меду.

— Этотъ знай одно твердить. Рано — выпейте меду, поздно—выпейте меду; весело—выпейте меду, скучно—тоже лѣкарство.

Орунъ, довольный, улыбался, поглаживая бороду.

— Ну? а развѣ не такъ?

Молодые люди вошли въ корчму. Бѣльшая часть публики уже разошлась по домамъ, остались только завсегдатаи, которые, сбившись въ кучу, продолжали разговоръ на прежнюю тему. Обοимъ пріятелямъ Орунъ оказывалъ особое отличіе, какъ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ; подъ предлогомъ тѣсноты въ шинкѣ, онъ пригласилъ ихъ въ свою комнату, гдѣ стояли кровати его, балабусты и дѣтей; у окна стоялъ ольховый столикъ; хозяинъ придвинулъ къ нему двѣ скамейки и усадилъ молодыхъ людей. Все это дѣлалось не безъ умысла: еврей поминутно входилъ въ комнату съ какимъ-нибудь любезнымъ замѣчаніемъ въ надеждѣ, не удастся ли вывѣдать чего-нибудь.

— А что, старый Матвій уже не воротится къ намъ? спросилъ Грыць. Товарищъ толкнулъ его локтемъ.

— Какой Матвій? Знаешь вѣдь, что онъ поѣхалъ въ Кіевъ, поклониться святымъ мощамъ; если поѣхалъ, то и назадъ воротится.

Грыць сперва не сообразилъ, въ чемъ дѣло, и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Игната; тотъ подъ столомъ толкнулъ его ногою.

Сцена эта объяснялась очень просто: за спиною его стоялъ Орунь съ хитрою улыбкою и протягивалъ впередъ маленькое ухо, стараясь лучше разслышать; онъ понялъ все съ перваго взгляда, чутьемъ отгадалъ о чемъ не могъ спросить, но не выдалъ себя ни однимъ движеніемъ.

На дворѣ уже стемнѣло, когда оба пріятели оставили корчму и пошли по дорогѣ въ Мошны.

— Вотъ, проговорился ты! — упрекнулъ товарища Игнатъ. — Не можешь удержать языка за зубами; къ чему еврею знать, называется ли онъ Матвій, или не Матвій? Извѣстно, что жидъ — собака; онъ тебѣ скалитъ зубы, показываетъ лицо, но не душу; не угадаешь, что тамъ кроется. Онъ выпроситъ у тебя все, какъ на исповѣди, а послѣ пойдетъ и донесетъ старостѣ все, что знаетъ и чего не знаетъ.

— А кто же его зналъ? — оправдывался Грыць.

— Надо быть осторожниѣе! Самъ знаешь, какія теперь времена! Можно ни за что, ни про что попасть на висѣлицу.

Разговоръ на минуту прервался; оба шли молча.

— Что это ты опоздалъ? Должно быть, баклуши билъ?

Грыць молодцовато покрутилъ усы.

— Заболтался съ этой противной Гандзей.

Игнатъ угрюмо смотрѣлъ въ землю.

— Ты всегда заболтаешься, разъ съ противной, другой разъ съ хорошей, а если удастся, такъ и съ обѣими въ одинъ день.

— Да ужъ конечно бѣжать не стану, не дамъ на себя наплевать, — усмѣхнулся Грыць.

— Совсѣмъ излѣнишься, убѣждалъ его товарищъ, — и правду сказавши, грѣхъ такъ дѣлать, какъ ты дѣлаешь: бѣгалъ къ Марусѣ по двадцать разъ на день, кружилъ ей голову, рассказывалъ всѣмъ, что хочешь свататься, а

когда дѣвушку подняли кумушки на языки, такъ ты за другою ухаживаешь.

— Вотъ разболтался! Что это съ тобою случилось? Мнѣ Маруся нужна, какъ прошлогодній снѣгъ. Я говорилъ, что пошлю за рушниками? Неправда! Бабы говорили что-то между собою, это другое дѣло. Какаля теперь женитьба? Черезъ недѣлю-двѣ, а весною найпозже нужно брать коня, саблю, да и въ поле, а жену оставить на попеченіе ляховъ, что ли?

Игнатъ еще больше нахмурился.

— Слушай, брате! Мнѣ Маруся тоже не сестра и не невѣста, значить, не въ томъ дѣло, а я тебѣ прямо скажу, что такъ поступать безсовѣстно. Что ты ей говорилъ, я не знаю, но помню, какъ ты не разъ твердилъ мнѣ, что тебѣ полюбилась эта дѣвушка, что ты хочешь жениться. Говорилъ вѣдь? Правда?

Грыць, прижатый къ стѣнкѣ, колебался съ отвѣтомъ.

— Такъ что жъ, что говорилъ? Мало ли кто приглянется, на всѣхъ вѣдь не женишься. Видишь самъ, какія теперь времена!

— То одно дѣло, а это другое.

— Совсѣмъ не другое... Не хочу жениться и только!

— И прекрасно сдѣлаешь,—сказаль Игнатъ послѣ нѣ котораго молчанія,—для такого вѣтрогона жаль порядочной дѣвушки.

Разговоръ прекратился, впереди показалось мѣстечко и вскорѣ оба пріятели исчезли между хатами.

Между тѣмъ въ корчмѣ попойка, по обыкновенію, продолжалась до полуночи; Орунь по прежнему охотно прислуживаль всѣмъ, а проводивши послѣднихъ гостей, приказаль наймыту закрыть оконцы, заперся изнутри, но огня не гасиль и не шель спать. Хайка уложила дѣтей, укрыла ихъ перинами, вытряхнула кожаный карманъ, наполненный дневною выручкою, разсорттировала золотую, серебряную и мѣдную монету, разложила въ отдѣльныя кучки, сосчитала все и уже два раза позвала

мужа, чтобы тотъ шелъ провѣрить еще разъ и спрятать деньги, но Орунь отвѣчалъ однимъ только словомъ „погоди“, а самъ, заложивши обѣ руки за поясъ, продолжалъ ходить по корчмѣ изъ угла въ уголь, молча, въ глубокомъ раздумьи. Дѣйствительно, было о чемъ подумать: старый кобзарь и вызванные имъ разговоры отгоняли сонъ отъ глазъ. Не хотѣлось ему сообщать своихъ опасеній женѣ, чтобы не растревожить ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что нужно рѣшиться на что-нибудь.

Хайка уже нѣсколько разъ выглядывала изъ другой комнаты, но видя, что Орунь продолжаетъ ходить задумавшись и не смотритъ на нее, не рѣшалась подойти. Наконецъ, она приблизилась къ порогу, устремила на мужа вопросительный взглядъ и съ безпокойствомъ спросила:

— Что случилось?

Орунь остановился посреди хаты и произнесъ съ нескрываемою тревогою:

— Скверная исторія... гайдамаки!..

Дѣйствительно, скверная исторія приближалась; чутье не обманывало еврея. Онъ не боялся тѣхъ гайдамаковъ, что бродили въ одиночку по степямъ и урочищамъ отъ корчмы до корчмы, равно какъ и тѣхъ, что по ночамъ выходили за добычею; съ этими послѣдними онъ, напротивъ, жилъ въ пріязни, такъ какъ они все награбленное исправно сносили къ нему, закладывали или просто пропивали въ шинкѣ. Теперь онъ предчувствовалъ нѣчто болѣе грозное. По всему, что говорилось въ корчмѣ, по самому поведенію ея воскресныхъ посѣтителей, Орунь догадывался о чемъ-то несравненно худшемъ, чего имѣлъ серьезныя основанія опасаться.

Одно слово „гайдамаки“ произнесенное Оруномъ, какъ громомъ поразило его жену; она поблѣднѣла, вперила въ мужа неподвижный взглядъ, какъ бы спрашивая, что теперь дѣлать, и съ минутою стояла такъ, словно окаменѣлая. Она не спрашивала, гдѣ гайдамаки, сколько ихъ, должно-ли имъ опасаться нападенія,—все это выражалось въ ея во-

просительномъ взглядѣ; потомъ вдругъ всплеснула руками, схватилась за голову и снова бессильно опустила руки. Орунъ стоялъ тоже весь блѣдный, блуждающими глазами водилъ по хатѣ, по временамъ останавливая ихъ на испуганномъ лицѣ Хайки, наконецъ произнесъ какъ бы про себя:

— Надо что-нибудь придумать.

Оба ушли въ свою комнату, усѣлись за столомъ и принялись пересчитывать разложенныя кучками деньги, разсуждая о томъ, какъ быть дальше; такъ незамѣтно прошла половина ночи. Когда пропѣли послѣдніе пѣтухи, Орунъ обратился къ женѣ:

— Ложись спать! утро вечера мудренѣе.

Хайка сбросила башмаки, Орунъ—только халатъ, и оба исчезли подъ пуховиками. Вскорѣ все покоилось мирнымъ сномъ въ лѣсной корчмѣ.

Прошло нѣсколько дней въ тревожныхъ совѣщаніяхъ, въ которыхъ посторонніе не могли понять ни слова; изрѣдка только можно было уловить чаще другихъ повторявшееся названіе Немирова, да нѣсколько еврейскихъ именъ. Въ этомъ никто не могъ бы увидѣть ничего подозрительнаго; Орунъ самъ былъ родомъ изъ Немирова, тамъ жили его родственники, и только онъ, ища заработка по свѣту, забрелъ въ Сокирну, прожилъ здѣсь много лѣтъ и, какъ ходили слухи, нажилъ немалое состояніе, признаковъ котораго впрочемъ ни въ чемъ нельзя было замѣтить. Все его богатство составляли, повидимому, нѣсколько коровъ и козъ, бродившихъ по лѣсу, пара лошадей и крѣпкій фургонъ на желѣзныхъ осяхъ, выглядѣвшій весьма невзрачно. Въ этомъ фургонѣ Орунъ и Хайка ѣздили въ городъ для продажи молочныхъ продуктовъ и для покупки необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Орунъ посылалъ наймыта пасти коровъ подальше въ лѣсъ, а самъ втихомолку подсыпалъ лошадямъ овса безъ мѣры; лошади были на видъ такія же невзрачныя, какъ и фургонъ, но молодыя, здоровыя и безъ изъяна; они отбывали всѣ хозяйственныя потребо-

сти: возили изъ степи сѣно для коровъ, воду изъ Днѣпра, такъ какъ поблизу не было колодца, возили въ городъ угли для продажи, такъ какъ владѣлецъ ихъ между прочимъ занимался выжиганіемъ угля.

Однажды Орунь приказалъ наложить на фургонъ плетенку и приготовить уголь къ нагрузкѣ; работникъ наносилъ, сколько нужно было, и хотѣлъ уже насыпать фургонъ, но еврей велѣлъ подождать до слѣдующаго дня.

Поздно ночью, когда никого уже не было въ корчмѣ, Орунь осторожно вышелъ изъ хаты, обошелъ и осмотрѣлъ полянку, словно опасаясь чьего-то присутствія. Но никого не было; только гдѣ-то въ сторонѣ залаяла собака, искавшая въ сорной кучѣ чего-нибудь съѣдобнаго. Противъ обыкновенія хозяинъ подозвалъ ее и бросилъ кусокъ хлѣба; голодная собака съ жадностью подхватила хлѣбъ и убѣжала въ кусты. Не замѣтивъ ничего подозрительнаго, Орунь воротился въ хату и заперъ желѣзными крючками всѣ двери, какъ наружную въ сѣняхъ, такъ и дверь изъ корчмы во вторую комнату.

— Никого нѣтъ... можно вынуть...— обратился онъ къ женѣ, снялъ халатъ, засучилъ рукава, взялъ топоръ и клещи и полѣзъ подъ кровать. Жена подвинула ему небольшой каганецъ, при свѣтѣ котораго можно было свободно хозяйничать подъ кроватью, такъ какъ Хайка изъ предосторожности уложила дѣтей спать въ первой комнатѣ.

Между тѣмъ какъ въ корчмѣ полъ былъ просто смазанъ глиною, въ комнатѣ хозяевъ былъ деревянный помостъ изъ толстыхъ досокъ, скрѣпленныхъ крупными желѣзными гвоздями. Влѣзши подъ кровать, Орунь принялся вытаскивать клещами гвозди одинъ за другимъ, затѣмъ поднял топоромъ широкую доску, поставилъ ее къ сторонѣ, но подъ нею ничего не было замѣтно, кромѣ желтаго песку; тогда онъ взялъ лопатку и началъ осторожно выгребать песокъ, складывая его тутъ-же на полу. Работа эта продолжалась около получаса; уже набралась довольно

большая куча, когда желѣзный заступъ ударился о что-то твердое. Очевидно, весь этотъ песокъ покрывалъ собою другую доску, до которой Орунъ хотѣлъ добраться; онъ поднялъ топоромъ эту доску, такъ же, какъ и первую, и тоже отложилъ ее въ сторону; тогда передъ нимъ открылась какая-то темная дыра. Орунъ взялъ плошку, осторожно наклонился впередъ, поглядѣлъ внизъ и началъ медленно спускаться въ погребъ, освѣщая себѣ дорогу.

О существованіи этого погреба не знали никто, кромѣ самихъ хозяевъ; здѣсь прятали они всѣ свои богатства, — деньги и прочія драгоценности, добытыя въ разное время отъ гайдамаковъ. Все это составляло весьма цѣнное сокровище, и не удивительно, что хозяева такъ заботливо скрывали его. Въ одномъ углу свалены были въ кучу серебряные и золотые сосуды: церковныя чаши, подсвѣчники и прочая утварь; панское столовое серебро, дорогіе кубки; однимъ словомъ, здѣсь можно было найти все, чѣмъ блистали богатые шляхетскіе дворы того времени. Въ другомъ углу сверкали жемчужныя ожерелья, кораллы, брилліантовые перстни, серьги; здѣсь складывалъ Орунъ мелкія украшенія, которыя, какъ воронъ, собиралъ вездѣ, гдѣ-бы они ни заблестали. Дальше, еще въ другомъ концѣ, прямо подъ кухонною печью, помѣщалась жаровня и лежала куча угля.

Пока Орунъ хозяйничалъ въ погребѣ, Хайка тоже не теряла времени наверху; она развела огонь въ печи, сдѣлала небольшое отверстіе въ лежанкѣ, обогрѣвавшейся только зимою, и посредствомъ жестяной трубы соединила это отверстіе съ горящею печью. Все это было въ прямой связи съ тѣмъ, что дѣлалось внизу. Тамъ Орунъ тоже развелъ огонь подъ двумя жаровнями; въ большую онъ бросалъ серебряные предметы, въ меньшую золотые. Нужно было переплавить всѣ эти вещи. Огонь, разведенный наверху и проходящая къ кухонной печи труба — все это должно было усилить тягу изъ погреба, гдѣ происходила главная работа. Чтобы замаскировать ее на

всякій случай, Хайка разставила горшки, какъ будто готовила что-то.

Послѣ двухчасовой работы въ подземельѣ всѣ эти груды золота и серебра превратились въ безобразные слитки, въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ; никто съ перваго взгляда не отгадалъ бы драгоценныхъ металловъ въ этихъ сѣрыхъ, пористыхъ кругахъ, изрѣдка отливавшихъ какимъ-то неяснымъ блескомъ. Мелкія драгоценности Орунъ сложилъ всѣ вмѣстѣ въ деревянный сундучекъ и, когда все было готово, постучалъ женѣ, чтобы та помогла ему вынуть вещи изъ погреба; затѣмъ сундучекъ и слитки хозяева спрятали въ уголь, тщательно прикрывши сверху тряпьемъ, а сами принялись задѣлывать ходъ изъ погреба: дѣло было не трудное и вскорѣ не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ горсти песку, который Хайка подмела по утру.

На другой день Орунъ съ утра отослалъ работника въ мѣстечко съ какимъ-то порученіемъ, а самъ съ женою насыпалъ въ фургонъ слой угля, уложилъ въ него слитки и ящикъ съ драгоценностями и все это снова покрылъ углями. Пока работникъ успѣлъ возвратиться, возъ былъ почти совсѣмъ нагруженъ.

— Ну, Иване, — обратился къ нему хозяинъ, — тебе только по смерть посылатъ!

Иванъ отеръ рукою потъ на лбу и въ недоумѣніи посмотрѣлъ на еврея.

— Ну, чего вытарачилъ глаза? Видишь, я уже почти полный возъ насыпалъ, а тебя все нѣтъ какъ нѣтъ!

Работникъ посмотрѣлъ на возъ, дѣйствительно — полонъ. Странно ему показалось, тѣмъ болѣе, что хозяинъ никогда не дѣлалъ этого раньше, а теперь онъ и самъ не могъ сообразить, точно ли ходилъ такъ долго, хотя ему казалось, что спѣшилъ, потому что воротился весь въ поту.

— Отсе! — однимъ словомъ выразилъ онъ свое удивленіе.

— Ну! досыпай угли! будешь еще думать цѣлый часъ.

Иванъ докончилъ нагрузку, напоилъ лошадей и началъ собираться въ дорогу.

— Въ Каневъ, или въ Триполье? спросилъ онъ,—Нужно знать, сколько брать овса.

— Я самъ поѣду, отвѣчалъ Орунь.—Можетъ быть, завтра и ворочусь; ты оставайся дома, а то некому будетъ хозяйкѣ ни воды принести, ни дровъ нарубить.

— Про мене!—отвѣчалъ Иванъ равнодушно.

Послѣ завтрака Орунь отправился въ путь.

V.

Изъ разговоръ его съ женою можно было догадываться, что Орунь поѣхалъ въ Немировъ. На то были важные поводы: во-первыхъ, самъ онъ происходилъ изъ этого города, тамъ жили его родные. Во-вторыхъ, Немировъ слылъ хорошо укрѣпленнымъ городомъ, въ которомъ можно было безоопаснѣ скрыть свои сокровища, нежели въ глухой лѣсной корчмѣ, гдѣ каждую минуту приходилось дрожать за ихъ цѣлость. Наконецъ, онъ нажилъ уже достаточно и теперь подумывалъ о томъ, чтобы навсегда поселиться въ родномъ городѣ, заняться какою нибудь торговлею и спокойно доживать вѣкъ, въ кругу дѣтей и родственниковъ. Нужно было осмотрѣться, самому разузнать все на мѣстѣ. Дѣдъ его и тезка, во время непродолжительнаго существованія Сарматскаго княжества, содержалъ въ Немировѣ школу одалисокъ, которыхъ воспитывалъ для султанскихъ гаремовъ; но не поладилъ съ Юріемъ Хмельницкимъ, и тотъ приказалъ снять съ него кожу. Хотя Юрій вскорѣ и самъ поплатился жизнью за такое самоуправство, но богатство уже не воротилось въ разоренную семью еврея. Орунь былъ первый изъ его потомковъ, которому улыбнулось счастье; онъ возвращался въ родное гнѣздо едва ли не богаче, нежели былъ его дѣдъ.

Еще одну тайную надежду лелѣялъ онъ въ глубинѣ души: у него было вѣрное, повидимому, средство войти въ милость и довѣріе начальства, средство, стоявшее едва ли не дороже, чѣмъ все его золото и серебро— это были важныя для своего времени свѣдѣнія о замыслахъ гайдамаковъ. Нужно только выждать удобную минуту, во-время шепнуть, кому слѣдуетъ, свои догадки, дожидаться ихъ исполненія, и будущность его обезпечена. Если счастье поможетъ ему, если все пойдетъ такъ, какъ онъ думаетъ, тогда онъ можетъ смѣло рассчитывать на какой-нибудь пожизненный откупъ, въ которомъ привлекалъ его не столько вѣрный доходъ, сколько спокойная жизнь.—Такъ мечталъ онъ, сидя на возу съ углями. Куда онъ ѣхалъ, этого не зналъ никто, кромѣ Хайки; каждому встрѣчному по пути Орунъ выдумывалъ что-нибудь другое и помаленьку сворачивалъ на Немировъ. Онъ возобновлялъ въ памяти посѣщеніе слѣпаго Матвія, припоминалъ до мельчайшихъ подробностей все, о чемъ сгоряча проговорился тогда Игнатъ, но главнымъ двигателемъ онъ подозрѣвалъ Гордія Гриву. Давно уже слѣдилъ за нимъ Орунъ и только теперь успѣлъ уловить связь между нимъ и руководителями того возстанія, которое чуялось въ воздухѣ. Кобзаря привелъ въ корчму Игнатъ, а онъ былъ вѣдь правая рука Гордія... Не напрасно слоняются они между народомъ и толкуютъ, Богъ вѣсть о чемъ. Орунъ зналъ о поѣздкѣ сотника въ Кіевъ; зачѣмъ онъ ѣздилъ? Во всякомъ случаѣ не по своимъ дѣламъ; сидѣлъ вѣдь безвыѣздно двадцать-пять лѣтъ, могъ бы просидѣть и дольше, еслибы не какія-то постороннія причины. Все это соображалъ еврей и уже заранѣе строилъ планы о томъ, какія милости и въ какихъ размѣрахъ достанутся ему отъ ясновельможнаго гетмана. Времени для размышленій было достаточно, путь лежалъ далекій, тѣмъ болѣе, что ѣхать прямою дорогою онъ не рѣшался, опасаясь, какъ бы не напали на него какіе-нибудь бродяги, а больше держался окольныхъ

тропинокъ по направленію къ Таращѣ и Ставищамъ. Около полудня выѣхалъ онъ на „Багатырскій степъ“, своротилъ въ сторону отъ дороги и остановился подъ лѣсомъ кормить лошадей; распрегъ ихъ, стреножилъ и пустил на траву, а самъ внимательно оглядывалъ окрестности и что-то соображалъ. Вдругъ изъ-за пригорка показалась конная фигура и направилась прямо къ нему по узкой степной тропинкѣ.—Еслибы только Богъ пронесъ его мимо!—съ тревогою думалъ Орунь. Всадникъ ѣхалъ медленно; очевидно, онъ тоже замѣтилъ фургоны подъ лѣсомъ и присматривался, сдерживая коня. Орунь, какъ человѣкъ осторожный, спрятался за тѣлегу и незамѣтно выглядывалъ оттуда, чтобы не накликать бѣды. Онъ боялся, и не безъ основанія, какъ бы проѣзжіи не замѣтили его длиннаго халата и пейсовъ и не придрался за что-нибудь; зналъ онъ отлично, что народъ не любитъ евреевъ, слѣдовательно, и проѣзжіи могъ придраться къ нему безъ всякаго повода; онъ вѣрилъ по-неволѣ въ справедливость пословицы: на грѣхъ и ракъ свистнетъ.

Между тѣмъ всадникъ поровнялся съ фургономъ, стоявшимъ въ какихъ-нибудь ста шагахъ въ сторонѣ отъ дороги, и остановился, обративъ вниманіе на лошадей.

— Что-то какъ будто оруновы кони,—замѣтилъ онъ про себя и посмотрѣлъ въ другую сторону.—Да и возъ его. Не украсть-ли кто?

Эта догадка заставила его своротить съ дороги и приблизиться къ фургому съ углями. Орунь между тѣмъ, притаившись въ травѣ, притворился крѣпко спящимъ. Всадникъ подъѣхалъ къ нему, остановился и съ удивленіемъ смотрѣлъ на храпѣвшаго еврея. Въ первую минуту лицо его озарилось добродушною улыбкою, говорившею: уснулъ, а еслибы теперь кто-нибудь украсть у тебя лошадей? Но черезъ минуту удивленіе смѣнилось раздумьемъ, выразившимся въ заданномъ самому себѣ вопросѣ: зачѣмъ онъ здѣсь и куда ѣдетъ? Отвѣтъ, очевидно, получился неудовлетворительный,—проѣзжіи на-

хмурилъ брови, глаза его засверкали; онъ хотѣлъ уже разбудить спавшаго еврея, когда тотъ, успокоенный окружающею его тишиною, самъ внезапно открылъ глаза и встрѣтилъ устремленный на него взглядъ Гордія Грывы.

Встрѣча эта была такъ неожиданна для Оруна, наполнила его такимъ смущеніемъ и страхомъ, что онъ не смѣлъ раскрыть рта, не могъ свести широко раскрытыхъ глазъ съ сидѣвшаго на конѣ Гордія. Замѣшательство еврея вполне объяснялось его тайными намѣреніями; ему казалось, что гайдамаки отгадали весь его планъ и поручили Гордію убить его. На ворѣ шапка горитъ, а ему было чего опасаться, хотя въ данномъ случаѣ опасенія эти не имѣли достаточнаго основанія: встрѣча была чисто случайная, обоимъ путь лежалъ почти въ одну сторону, одному въ Немировѣ, другому въ Шаргородѣ; а такъ какъ и тотъ, и другой имѣли основаніе ѣздить проселочными дорогами, то и встрѣтились, когда всего меньше могли этого ожидать. Гордій опомнился первый и заговорилъ съ блѣднымъ отъ страха евреемъ.

— Ото! развѣ можно такъ засыпать въ дорогѣ? А? Хорошо, что везешь угли, а еслибы что-нибудь получше?

— Ну, ну...—произнесъ Орунъ, съ трудомъ оправляясь отъ испуга.—Вотъ случай...

— А куда тебя Богъ несетъ?

— Въ Ставица... везу угли для комиссара... А вы?

— А я въ Паволочь.

Оба говорили неправду; каждый зналъ это, но ни одинъ не подалъ вида, что сомнѣвается въ истинѣ отвѣта. И тотъ, и другой знали, что нужно спросить и самому солгать что-нибудь въ отвѣтъ, чтобы не повстрѣчаться въ другой разъ на той же самой дорогѣ.

Гордій слѣзъ съ коня, разнуздалъ его, бросилъ поводья на сѣдло и пустилъ его на траву, а самъ поговорилъ съ Оруномъ о томъ-о-семъ и черезъ полчаса снова пустился въ путь.

Теперь старый сотникъ находился въ постоянныхъ разъздахъ. Едва успѣлъ онъ возвратиться изъ Кіева, какъ уже предстояла другая дорога: надо было съѣздить къ Верлану, затѣмъ на Сичь, вездѣ собственными глазами убѣдиться въ положеніи вещей, развѣдать—гдѣ и какъ можно приступать къ дѣлу. Ему не было времени заниматься домашними дѣлами; правда, Ярына постоянно твердила ему что-то о непостоянствѣ Грыця, но Гордій любилъ и баловалъ единственную дочь, былъ къ ней чрезвычайно снисходителенъ.

— Скажи ты этому вѣтрогону, чтобы не кружилъ головы Марусѣ,—говорила ему на выѣздѣ тетка Ярына.—Пусть себѣ идетъ, куда угодно. Дѣвушка плачетъ за нимъ, тоскуетъ, а ему и горя мало.

Гордій, недовольный, махнулъ рукою.

— Атъ, пусть его еще... хлопецъ хорошій, можетъ быть одумается. Не могу же я заставить Марусю разлюбить его, хоть бы даже и приказалъ, все равно ничего не поможетъ.

— Эй, послушай! какъ-бы послѣ не пожалѣлъ, да поздно будетъ...

Старикъ задумался.

— Пускай, когда ворочусь; тогда можно будетъ осмотрѣться, тамъ увидимъ.—Съ тѣмъ онъ и выѣхалъ.

Между тѣмъ Маруся, подслушавши на левадѣ разговоръ Гандзи съ Грыцемъ, не могла успокоиться съ тѣхъ поръ, не могла принудить себя заняться какою-нибудь работою. Что бы она ни дѣлала, пряла ли, вышивала, Грыць безпрестанно стоялъ передъ глазами, мѣшалъ работать; каждое воспоминаніе о немъ наполняло ея сердце чувствомъ глубокой обиды. Вѣдь онъ увѣрялъ, что любить ее, обѣщалъ прислать сватовъ, а теперь то же самое нашептываетъ другой, подаетъ ей тѣ же самыя надежды. Не говори онъ ей, что любить, она и до сихъ поръ жила бы себѣ спокойно и счастливо, можетъ быть и не узнала бы никогда, что такое любовь; а теперь?.. Она было ожи-

дала, что любовь принесетъ ей радость, а вмѣсто того пришло горе. Кому жъ вѣрить теперь, если Гандзя, такая вѣрная, сердечная подруга, манить его къ себѣ, какъ русалка? Когда Маруся начинала раздумывать обо всемъ случившемся, что-то сжимало ей грудь, задерживало дыханье, глаза смотрѣли блестящимъ неподвижнымъ взглядомъ, а сквозь стиснутые зубы глухо вырывалась угроза: не отдамъ его тебѣ живьемъ; мое счастье погубишь, а своего не создашь.

Теперь у нея не было друга, который могъ бы раздѣлить ея горе; она перестала уже вѣрить въ дружбу послѣ измѣны Гандзи и всю свою тоску изливала въ пѣсняхъ, въ нихъ только находя нѣкоторое успокоеніе. Никогда еще тетка Ярына не слыхала такихъ чудныхъ, задушевныхъ пѣсень; казалось, первое разочарованіе пробудило въ полной силѣ импровизаторскій талантъ дѣвушки. Такъ поетъ соловей на развалинахъ своего гнѣзда, разрушеннаго чуждою рукою. Надъ жилищемъ Гордія повисла темная туча; съ его спокойною семьею случилось такъ, какъ бываетъ иногда въ природѣ: ясно и весело свѣтитъ солнце въ синемъ, безоблачномъ небѣ, въ воздухѣ тишина, листъ не шелохнется, но вотъ на горизонтѣ показывается небольшая тучка, тихо плыветъ по небу, растетъ, темнѣетъ, заволакиваетъ все небо; солнце скрылось, вотъ подулъ холодный вѣтеръ, разъ, другой, все сильнѣе и сильнѣе, и забушевала гроза... Жила себѣ семья спокойно и счастливо, какъ вдругъ на горизонтѣ ея жизни показалась тучка, которая видимо росла, увеличивалась и быстро захватывала всѣхъ: Гордій совсѣмъ измѣнился, Маруся тосковала и блѣднѣла, одна энергичная тетка Ярына все еще хлопотала съ утра до ночи, слѣдила за порядкомъ въ хозяйствѣ, но и то больше по привычкѣ; казалось, прежнія занятія утратили и для нея свой жизненный интересъ. Можетъ быть, все это еще какъ-нибудь поправилось бы, еслибы Гордій подольше оставался дома;

но онъ бывалъ теперь только рѣдкимъ гостемъ подъ родною крышею.

Грыць, котораго бывало зачастую приходилось гнать изъ хаты, теперь являлся все рѣже и рѣже, а если и заглядывалъ иногда, то лишь на минуту, точно урывками; то же самое было и съ Гандзею. Такъ прошло лѣто, наступила осень, а ничто не измѣнилось въ общемъ положеніи вещей; Гордій все еще не возвращался, семья не получала о немъ никакихъ извѣстій, а въ домѣ становилось все скучнѣе и скучнѣе. Осторожная Ярына, не дожидаясь возвращенія главы семейства, сама позаботилась о томъ, чтобы по возможности отстранить Марусю отъ веселаго общества Гандзи, не слишкомъ-то заслуживавшей ея дружбы.

Однажды, не задолго передъ „другою Пречыстою“, старуха пряла, сидя у окна, то разговаривая съ Марусею, то поглядывая на улицу отъ скуки; вотъ за воротами промелькнула какая-то фигура; Ярына невольно наклонилась къ окну, нахмурилась и проговорила съ видимымъ раздраженіемъ:

— Отъ, прынесло!..

Маруся въ свою очередь выглянула въ окошко и замѣтила притворно-равнодушнымъ тономъ, въ которомъ тоже проглядывало неудовольствіе:

— Гандзя...

Гостья между тѣмъ перескочила черезъ перелазъ и вбѣжала въ хату; ея румяное лицо сіяло здоровьемъ и счастьемъ.

— Вотъ, насилу собралась!—сказала она вмѣсто при-вѣтствія и въ свою очередь тоже не встрѣтила со стороны хозяекъ такого сердечнаго, ласковаго приема, какъ бывало прежде; лицо старухи вытянулось, Маруся съ трудомъ принудила себя улыбнуться.

— Правда, прежде бѣгаешь, бывало, по три раза на день, а теперь и разъ въ мѣсяць не заглянешь; должно быть некогда?

Гандзя чувствовала себя очень неловко, но старалась казаться веселою.

— То сюда, то туда—не успеешь оглянуться, ужь и день прошелъ.

Ярына сердито молчала, Маруся время отъ времени отвѣчала что-нибудь сквозь зубы; по всему видно было, что старая дружба погибла на вѣки. Гандзя прекрасно сознавала все это, но вынуждена была показывать *bonne mine à mauvais jeu*.

— А знаешь, Марусе, въ субботу у титки Луцьки вечерницы съ музыкою?

Ярына кивнула головою.

— Вотъ, понадобится имъ. Не думаютъ ли они, что такъ скорѣ выдадутъ замужъ свою Горпыну?

— Кто его знаетъ, равнодушно отвѣчала Гандзя и обратилась къ Марусѣ.

— А ты пойдешь?

Старуха съ лихорадочною поспѣшностью начала наматывать нитки на веретено.

— Я? нѣтъ... зачѣмъ?...

Гандзя ничего не отвѣчала.

— А ты?—спросила Маруся послѣ нѣкотораго молчанія.

— Почему же нѣтъ? Нужно идти, когда просятъ.

— И Грыця съ собою поведешь? злобно прибавила Маруся. Бывшая пріятельница искоса взглянула на соперницу.

— Вотъ еще! Развѣ Грыць самъ не найдетъ дороги, если захочетъ?

Маруся съ принужденною улыбкою подняла на подругу горящіе ревностью глаза.

— Разумѣется, найдетъ; прежде могъ вѣдь ходить безъ тебя, а теперь вы уже такъ полюбились, что васъ и водою не разольешь.

— Что жъ это, уже и заговорить съ нимъ нельзя. что-ли? Прежде къ тебѣ улыбался, а теперь ко мнѣ—чѣмъ же я виновата? А какъ съ тобою Игнатъ зубы скалитъ, что мнѣ за дѣло?

Маруся сдѣлалось обидно.

— Цуръ тобі! Мнѣ Игнатъ такъ нуженъ, какъ прошлогодній снѣгъ...

— А мнѣ Грыць...

— Неправда!—Крикнула Маруся съ негодованіемъ.— Должно быть нуженъ тебѣ, если такъ пришла его къ своей запискѣ!

— Вотъ тебѣ на! Я его пришла? Самъ привязался, пусть его отстанетъ къ нечистому! Небось, какъ съ тобою шептался подъ вишнею, то ничего, а какъ со мною, то грѣхъ!

— Голубко моя!—вмѣшалась тетка Ярына,—возьми его себѣ, возьми... давай ему рушники, да и живите себѣ счастливо. Боже, поможи! Не о чемъ жалѣть, дитя мое: было бы тебѣ столько радости, какъ и матери: пѣлю зиму на печи лежить, если не въ корчмѣ гуляетъ, а лѣтомъ за дѣвушками гоняется.

— Хотя бы и такъ,—отстаивала его Гандзя.—Если есть и волы, и наймыты, есть кому на него работать, можетъ отдыхать.

— Отдыхать одно, а лежать на печи—совсѣмъ другое.—продолжала доказывать Ярына. Гандзя очевидно не была равнодушна къ этимъ замѣчаніямъ; она покраснѣла еще больше.

— Вотъ напали! Отвяжись ты отъ меня и съ Грыцемъ, и съ вечерныцами. Хочешь—иди, не хочешь—не иди, вольному воля, насильно никто не потащитъ.

Старуха пыталась было переменить разговоръ, заговорила о хозяйствѣ, но обѣ соперницы была такъ раздражены, что не могли ни слова сказать спокойно. Впечатлительный, поэтический темпераментъ Маруси живѣе и глубже чувствовалъ измѣну милаго и вѣроломство подруги; она работала молча, стараясь сдерживать волновавшія ее чувства; наконецъ мысли ея воплотились въ поэтический образъ и она запѣла, не переставая работать:

„Стоять въ поли двѣ тополи,
Одна другу выхытуе.
Кохавъ козакъ двѣ дивчины,
Одна другу выпытуе!!..

И Ярына, и Гандзя сразу поняли тайный смысл пѣсни, отгадали вызвавшія ее чувства; обѣ невольно замолкли, слушая эту горькую жалобу оскорбленнаго сердца.

— Такъ какъ-же, не пойдешь? — Наконецъ спросила Гандзя. Маруся задумалась.

— Нѣтъ! рѣшила она.—Обойдется тамъ и безъ меня. Только поклонись ему...

— Поклонишься и сама,—отрѣзала Гандзя, задѣтая за живое и вышла, едва кивнувъ головою на прощанье.

Ярына проводила ее глазами и долго не могла оторвать разгнѣваннаго взгляда отъ закрытой двери, потомъ плюнула и проговорила:

— Тю! Навижена!

Оставшись однѣ въ хатѣ, обѣ женщины молчали; каждая думала свое, и ни одна не могла подѣлиться своими мыслями съ другою. Ярына имѣла доброе сердце, она искренно жалѣла дѣвушку, рада была бы чѣмъ-нибудь утѣшить ее и въ то же время была довольна, что съ Грыцемъ все кончено,—не поженятся и только; дѣвушка поплачетъ, поскучаетъ, можетъ быть долго, можетъ быть годъ, другой, но не вѣкъ же за нимъ скучать; пойметъ же она со временемъ, что не могла бы жить счастливо съ такимъ легкомысленнымъ, пустымъ человѣкомъ, какъ Грыць? Но Маруся не могла помирится съ своимъ положеніемъ; пусть бы просто оставилъ, тогда она, можетъ быть, нашла бы ему оправданіе, но нѣтъ—онъ промѣнялъ ее на другую.

— Пора готовить ужинъ, дитя мое! Прервала молчаніе тетка Ярына.

— Еще успѣю. Гдѣ еще солнце!

— Все равно; тебѣ, я вижу, не работается.

Веретено быстрѣ забѣгало подь рукою Маруси, она упрямо кивнула головою, сопровождая это движеніе выразительнымъ возгласомъ: добре! и, какъ бы въ поясненіе своихъ мыслей, запѣла:

„Котылся возы зъ горы.
Та въ долини стали;
Кохалыся, любылыся,
Та вже й поресталы.

Тетка Ярына слушала печально, подавленная тяжелымъ горемъ любимаго дитяти, и жаль ей было этихъ разбитыхъ надеждъ на счастье; хоть сама она и не вѣрила въ это счастье, не видѣла въ дѣвичьихъ мечтахъ спокойной и счастливой будущности, но все-таки сердце ея болѣло, глядя на Марусю. Вспоминались ей ея молодые годы, ея собственные мечты, страстная жажда счастья, которая такъ и осталась неудовлетворенною; мечты остались мечтами, и жаль ей было этихъ послѣднихъ заблужденій. Казалось, пѣсня Маруси пробудила въ душѣ старухи давно забытыя воспоминанія; она съ лихорадочною поспѣшностью кружила веретено и, едва дѣвушка окончила куплетъ, обратилась къ ней съ просьбою: Довольно! Довольно!—помолчала немного и прибавила:

— Не о чемъ жалѣть!

Маруся положила работу и занялась приготовленіемъ ужина; брала горшки съ мысника, наливала водою, разставляла на прыпчкѣ, но все это дѣлала какъ-то автоматически, безсознательно. Тетка Ярына вышла изъ хаты, можетъ, быть для того, чтобы присмотрѣть по хозяйству, а можетъ, быть—и даже вѣрнѣе—для того, чтобы дать просторъ своимъ мыслямъ и оставить дѣвушку въ покоѣ.

Оставшись одна въ хатѣ, Маруся какъ-то машинально развела огонь, задвинула горшки въ печь, потомъ присѣла къ окну и снова задумалась. Нелегко ей было помириться съ такимъ положеніемъ вещей, нелегко разстаться съ мечтами о счастья, которое, повидимому, было такъ

близко, а въ дѣйствительности оказывалось совѣмъ не достижимымъ, и въ душу западала горечь, тоска... Теперь она убѣждалась въ ничтожествѣ человѣка, котораго любила, и невольно спрашивала себя: За что она его любила? Что нашла въ немъ? Что такъ сильно влекло ее къ этому парубку? На всѣ эти вопросы она не могла дать себѣ отвѣта; не видѣла въ немъ ничего, заслуживавшаго столь глубокой привязанности, а между тѣмъ какой-то тайный голосъ въ самой глубинѣ души нашептывалъ ей, что она все еще любить его...

Давно уже минулы вечерныи у титки Луцьки, причинившія Марусѣ столько горя, а она до сихъ поръ ни отъ кого не могла узнать, что тамъ было. Невольно, безсознательно для нея самой въ душѣ ея все еще таилась слабая надежда; трудно было сразу разстаться съ любимой мечтою молодости. Она чувствовала и сознавала, что ничего хорошаго не узнаеть, что нужно навсегда отказаться отъ этой мечты, и не смотря на то, наперекоръ очевидности, все еще надѣялась. Можетъ быть, люди говорятъ неправду, можетъ быть, сама она не такъ поняла, можетъ быть, ей только показалось, что онъ промѣнялъ ее на Гандзю... А въ то же время разсудокъ подсказывалъ ей другіе вопросы: почему же онъ не приходитъ къ тебѣ? Вѣдь прежде онъ слѣдилъ за каждымъ твоимъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ, ловилъ твой взглядъ, прислушивался къ голосу; а теперь! У нея просто кружилась голова. Все измѣнилось такъ быстро, такъ внезапно, что бѣдная дѣвушка не могла ничего сообразить. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ всѣмъ жилось такъ весело, счастливо, а теперь словно покойникъ въ домѣ: отецъ Богъ знаетъ гдѣ, уѣхалъ и не подаетъ о себѣ вѣсти, прежніе знакомые какъ-то оставили ихъ и даже онъ — Грыць, который столько разъ клялся вѣрно любить до гроба, теперь измѣняетъ ей.

Какъ будто черная туча нависла надъ домомъ и придавила своею тяжестью его обитателей; обѣ женщины

старались скрыть другъ отъ друга свою грусть и беспокойство, постоянно вспоминали Гордія, говорили о немъ одномъ, нетерпѣливо ожидая его возвращенія, словно надѣялись, что тогда все снова пойдетъ по-старому.

Однажды въ субботу, возвращаясь отъ вечерни, онѣ издали замѣтили Игната и прибавили шагу, желая поговорить о томъ-о-семь, узнать мѣстные новости. Пока сотникъ сидѣлъ дома, Игнатъ бывалъ у нихъ частнымъ гостемъ, а теперь ни разу не навѣстилъ ихъ. Ярына обратилась къ нему съ упрекомъ.

— Вотъ, гдѣ это ты запропастился, что и глазъ не кажешь? Я думала, тебя уже и на свѣтѣ нѣтъ!

— Я уѣзжалъ; вчера только воротился...

Старуха недовѣрчиво посмотрѣла на него.

— Не слыхаль-ли чего о Гордіи?

— Какъ-же, слыхаль... онъ можетъ быть скоро возвратится...

— Гдѣ-же онъ теперь?

— Не знаю... по дѣламъ...

Этотъ уклончивый отвѣтъ очевидно не удовлетворилъ Ярыну, напротивъ, заставилъ ее призадуматься: что это онъ говоритъ? Слыхаль о немъ—и не знаю, гдѣ онъ,—что же это значить? Куда-то ѣздить, что-то дѣлають, съ кѣмъ-то совѣщаются—зачѣмъ? Къ чему все это приведетъ? Чѣмъ оно кончится? Обѣ женщины шли съ Игнатомъ, продолжая разговоръ на ту-же тему.

— Зайди къ намъ—приглашала старуха—я приготовила свѣжаго пива,—попробуешь...

Маруся принужденно засмѣялась.

— Титка всегда найдетъ какую-нибудь приманку для хлопцевъ.

— Нельзя...—засмѣялась та въ свою очередь.—Знаешь, для хлопца, какъ для рыбки, всегда нужно надѣть что-нибудь на крючокъ.

Такъ въ разговорахъ незамѣтно подошли къ дому. Дѣвушка мучилась неизвѣстностью о томъ, что дѣлалось

на вечерницѣ, Игнатъ долженъ уже былъ узнать все если не отъ пріятеля, то отъ кого другаго, но ей не хотѣлось самой заговаривать объ этомъ. Тетка Ярына пришла ей на выручку.

— Вотъ, еслибы ты не разѣзжалъ, Богъ тебя знаетъ гдѣ, былъ бы навѣрно на послѣдней вечерницѣ у Луцьки; говорятъ, танцовали такъ, что ну!

— Да, слыхалъ. Гандзя тамъ и каблуки отъ красныхъ сапогъ оставила.

— Оттанцовала?

— А то-жь! отпадутъ, хоть бы и желѣзные,—замѣтилъ Игнатъ.

— И это съ тѣмъ вѣтрогономъ такіе *гоцки выбивала?* злобно отозвалась Ярына.

— А то съ кѣмъ же?

— Ну, какъ поженятся, будутъ всю жизнь отплясывать.

Игнатъ подошелъ къ Марусѣ и заговорилъ.

— А ты чего это такъ загрустила? Завидно тебѣ, что Гандзя каблуки оттанцовала?

— Вотъ, нашель чему завидовать! Пусть себѣ танцуетъ на здоровье.

Маруся была уже настроена противъ него и, хотя старалась казаться равнодушной, но не могла простить молодому козаку того, какъ попрекнула ее Гандзя его именемъ.

— А ты почему не пошла?—Допрашивалъ онъ.

— Не хотѣла,—отвѣчала дѣвушка съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ; Игнатъ не слишкомъ довѣрялъ этимъ словамъ.

— Слѣдовало пойти, развлечься немного.

— Зачѣмъ! Ты, можетъ быть, думаешь, что я скучаю? Она принудила себя улыбнуться.

— Заскучала немного, а можетъ быть, жалѣешь о чемъ-нибудь, чего не стоитъ жалѣть.

Слова эти задѣли ее за живое; она громко засмѣялась сухимъ, принужденнымъ смѣхомъ.

— Вотъ выдумаль, будто я скучаю! Неправда... Ошибаешься; мнѣ весело! Она смѣло подняла на него свои синіе глаза и запѣла, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ:

„Не прыходь, не нуды, не зальщайся,
Не буду кохаты—не сподивайся.

— А кому же это ты поешь?

— Кому? Почему я знаю?... можетъ быть, и тебѣ.

Послѣ этого Игнату и пиво показалось невкуснымъ; онъ насилу допилъ его большими глотками, придумаль какой-то предлогъ и поспѣшно распрощался.

Шель онъ разстроенный, недовольный. Маруся сильно правилаась ему, но, видя ухажаванье пріятеля и будучи увѣренъ, что дѣло кончится свадьбою, старался подавить свое чувство. Правда, положеніе дѣлъ теперь нѣсколько измѣнилось: его соперникъ бросилъ эту дѣвушку и началъ ухаживать за другою, но все это, какъ онъ убѣдился, нисколько не улучшало его шансовъ; послѣ этой пѣсенки нужно было оставить всякую надежду на будущее. Печально раздумывалъ онъ обо всемъ возвращаясь домой, и въ заключеніе произнесъ вслухъ:

— Не время думать о голубыхъ глазахъ! Вскорѣ позоветь меня нѣчто болѣе важное, чѣмъ улыбки любимой дѣвушки...

Но это легче было сказать, нежели исполнить на дѣлѣ! Наперекоръ самому себѣ онъ не переставалъ думать о голубыхъ глазахъ Маруси и говорилъ про себя:

— Погоди, придетъ время, полюбишь меня, и тогда, можетъ быть, пожалѣешь о томъ, что дѣлаешь.

Минула и Пречыста, время близилось до Дмитра, а Гордій не возвращался, и ничего не измѣнилось къ лучшему. Гандзя перестала навѣщать Марусю, а Грыць даже при выходѣ изъ церкви на цвинтарь не приближался къ ней. Маруся съ теткою жили, словно двѣ отшельницы.

Передъ самымъ Дмитромъ пришла тетка Луцька съ гребнемъ и дныщемъ, трещала о томъ-о-семь, то бросала работу, то снова бралась за веретено; ей не сидѣлось на мѣстѣ; по всему видно было, что она бережетъ подъ конецъ сямую интересную новость.

— Вотъ! будто вспомнила она,—чуть было не забыла... Грыць женится на Гандзѣ... Вчера посылалъ за рушниками, уже и хлѣбъ святой заминылы. Таки поженятся.

Въ хатѣ сдѣлалось тихо, только слышно было жужжаніе веретень.

— Не надолго,—раздался вдругъ тихій, но рѣшительный голосъ Маруси.

(До слѣд. №)

НЕЛИШНЕЕ СЛОВО О ВИРШАХЪ.

Въ предыдущемъ (XX) томѣ „Кіевской Старины“ напечатана „Вирша на Велькѣ-день“ (стр. 279). Такъ какъ она составляетъ очевидный продуктъ школьной науки, то можно было ожидать, что въ ней строго соблюдены всѣ условія мѣрной рѣчи. Между тѣмъ въ ней, написанной *четырёхстопнымъ хореемъ*, мы иногда встрѣчаемъ ямбъ:

„*Чого, Марусе, такъ ты плачеш?*“

Иногда пятистопный и 5^{1/2} стопъ хорей:

„*Показавъ чортяка морду й векла*“ (?)

Иногда строки вовсе на стихи не похожія:

„*Вылизла баба зъ печи*“...

(Мы приводимъ только по одному примѣру, а ихъ тамъ нѣсколько).

Кромѣ того въ виршѣ встрѣчаются очевиднѣйшіе пропуски (особенно въ концѣ), вопіющія ошибки (въ родѣ *кустовъ* на Голгоѣ),—вирша то дѣлится на куплеты, то сливается въ сплошную рѣчь: за мужскими риемами иногда опять идутъ мужскія риемы, вопреки принятому порядку. Все это даетъ полное право заключить, что сообщенный списокъ нельзя признать удовлетворительнымъ... Мы не противъ сообщенія и въ такомъ видѣ разныхъ памятниковъ старины и хотимъ сказать только, что сообщать ихъ надо бы съ нѣкоторой оглядкой и предлагать хоть какія-нибудь критическія замѣтки. Вирши этой есть списокъ и у насъ; онъ записанъ въ Конопѣ дворяниномъ Дм. Вас. Герасимовскимъ, народнымъ учителемъ, года два тому умершимъ; а покойный списалъ по пересказу своего дяди Ст. Ив. Герасимовскаго, бывшаго секретаря коноптской городской ратуши въ 30-хъ годахъ. Такимъ образомъ, лица, сохранившія эту виршу, обоѣ—*письменныя*, и вирша записана довольно грамотно. Ихъ списокъ гораздо полнѣе напечатаннаго (болѣе чѣмъ на *шесть*...

десять стиховъ) и вообще исправитѣ. Въ виду этого, а равно въ виду относительнаго достоинства вирши и приближающагося Свѣтлаго Праздника, мы предлагаемъ ее въ новомъ спискѣ, хотя и его не можемъ признать *вполнѣ* удовлетворительнымъ: въ немъ (по нашему мнѣнію) также есть пропуски, которые мы обозначаемъ точками. Разнорѣчія съ прежнимъ отмѣчаемъ курсивомъ. Можетъ быть, другія сообщенія помогутъ со временемъ установить точный текстъ этой „хитрости питической“.

„Вирша на Воскресеніе Христово“.

Кажуть, *будто* молодыци—
 Негодяйки, ледащыци
 И пужлыви якъ зайци;
 Ажъ неправда, *панотци!*
 Се Марія середь ночи
Изо всей *пустылась* *мочи*
 Плакати на гробъ Христовъ,
 На Голгоѳу, межъ *крестовъ.*
Позбывала вельмы ноги,
 Не збоялась сынагоги,
 И *напала* тамъ Хрыста;
 Винь ій такъ сказавъ съ-проста:
 „Чого *ты, Маріе,* плачешъ?
 „Я воскресъ уже, якъ бачышъ“!..
 А жыды на пугъ крычать,
 Що не рушена печать.
 Задалы жовнирамъ плату,
 Щобъ збрехали *такъ* Пылату,
 Будто змигъ ихъ крипкій сонъ,
 А Хрыста хтось вынисъ вонъ.
 А Хрыстось бувъ на работи—
 Попалывъ соби чобѣты,
 Покиль пекло погасывъ
 И Адама воскресывъ.
 Смерть сыдила у куточку,
 Рвала на соби сорочку,
 И надулась, и сопла,
 И на Бога щось човпла.

Куца сатана почула,
 Що и смерть уже заснула,
 И Адамъ сміяться ставъ,
 А Мойсей и засвыставъ,—
Прыбигае къ Аарону,
 Зробыть справку по закону:
Чы прыйшла седмина та,
Чы выйшлы Хрысту литъ.

.

Ааронъ очки надивъ,
 У біблію поглядивъ:
 Не утѣрпивъ, засміявся...
 Куцый зразу догадався,
 Що Хрыстось уже воскресъ:
 Затрусывсь, злякавсь увесь.
 Злізъ вінъ на пекельну браму—
 Ажъ иде Хрыстось къ Адаму:
 Брама впала передъ нымъ,
 Муръ *растаявъ*, такъ якъ дымъ.
Куцый упустывся зъ ляку,—
Трудно стало небораку,—
Заразъ пекло погасывъ;
 А Хрыстось его спросывъ:
 „Де старенька баба Ева,
 „Що глонула въ раю зъ древа?“
 Куцый кочергу узавъ
 И у лекли помишавъ,—
 Вылизае Ева зъ пемы:
 Обгорилы вельмы плечы;
 А за нею и Адамъ,—
 Ажъ Хрыстось злякавсь самъ:
Опалывся ввесь одъ жару,
Бачывъ бидный добру кару,—
Ввесь напайками избытъ,
Зъ голоду запавъ жывитъ...
Винъ слѣзами ввесь облывся,
Хрысту въ ноги поклонывся,
Гирко-гирко зарыдавъ

И на Еву поглядавъ.
 Выдачы такую муку,
 Взявъ Хрыстось его за руку:
 „Теперьъ адъ ты забувай,
 Дрызай зо всіма у рай“!
 За собою цилу здраю ¹⁾
 Повелы воны до раю,
 А Адамъ ажъ употивъ—
 Напередъ усихъ летивъ.
 Авраамъ сказавъ Исаку:
 „Забуваймо стару драку“!
 Да за руки узялысь,
 Прямо къ раю потовклысь.
 Вывелы старого Лота,
 Ажъ кровава смага зъ рота!
 Рудый багатырь Самсонъ,
 Що бувъ вельмы ласъ на сонъ,
 Наробывъ у пекли трусу—
 Кръкнувъ Навину Исусу,
 Щобъ винъ сонце придержавъ:
 Адъ затрясся, задрожавъ!
 Выскочывъ Мойсей зъ рогамы,
 Тупнувъ якъ солдатъ ногамы
 И назадъ рукою кывъ.
 Тутъ дванадцять ихъ полкивъ
 Якова старого вышлы;
 Илія летивъ пры дышли,
 Елисею давъ жупанъ—
 Запрудывся Йорданъ!
 Царь безъ племене, безъ роду
 Ихавъ верхи межъ народу,
 А за нымъ святыи Іафетъ
 Нисъ и шаблю и мушкетъ.
 Ной старенькій натоптався,
 Выпывъ съ праці—да й заспався;
 А премудрый Салиминъ
 Задзвонывъ у райскій дзвинъ:

¹⁾ Зираю — толпу, гурьбу.— Ред.

Затряслося вельмы было,
 Що и Ною догодыло,—
 Пробудывся старый дидъ,
 Ажъ зовуть всихъ на обидъ.
 Съ-крыва поглядивъ на Хама
 И пошовъ до Авраама.
 Тутъ посилы вси за стилъ,
 Подалы и хлибъ и силъ,
 Кожному по чарци пыва.
 Наробывъ Давыдъ тутъ дыва:
 Прыударывъ въ гусли такъ,
 Що пошовъ скакать усякъ.
 Сарра кинула и ложку,
 Пиднимала гарно ножку,
 А за нею и Рахиль,
 Ля кинула й костыль,
 Протырала хусткой очы,
 И Ревекка вышла зъ мочы,—
 Ударыла юпака;
 Тутъ Сусанна изъ садка
 На Даныла полядила
 И у танокъ полетила;
 А прыложая Эсфирь
 Красну выняла совиръ (Псалтирь?)¹⁾.
 Предъ Давыдомъ розвернула,
 Заирать его наткнула
 Ажъ до олтаревыхъ рогъ:
 Засмѣяся тутъ и Богъ.
 Тутъ и бабы, тутъ и внучки,
 Все побралыся за руки
 И пошлы у хороводъ.
 Слава Богу въ родъ и родъ!

Не здывуй, святыи владыко!
 Може, для тебе и дыко.
 Що я виршь таку сказавъ

¹⁾ *Совтира*—Псалтирь (Желеховскій. Малор.-Нѣм. Слов. т. 2-й).—*Ред.*

Да и пысавки не взявъ, —
 Не за тимъ, щобъ поскутився,
 А на гарну не розжывся,
 А погану якъ прынесть?
 Бо мы знаемъ трохи честь.
 Не прыпожа наша й мова,
 Да не збрешемъ мы ни слова,
 Хоть и серце розверты,
 То не найдешъ тамъ брешни.
 Вси.

 Ты, Всевидецъ и Творецъ,
 И начало и конецъ.

Такова вирша въ наиболѣ законченномъ своемъ видѣ. Вообще она заслуживаетъ вниманія болѣе другихъ: она и библии вѣрна ¹⁾, и радостью праздника дышетъ, и юморомъ проникнута, и картинками блещетъ, и стихомъ отличается—легкимъ и бойкимъ, особенно для прошлаго вѣка.

Всѣ вирши, напечатанныя доселѣ, хорошо бы издать особымъ сборникомъ (народъ ихъ слушаетъ съ удовольствіемъ), но только въ болѣе тщательной редакціи, чѣмъ онѣ доселѣ напечатаны. Въ прежней „Кіевской Старинѣ“ допущены пропуски и множество опечатокъ, часто нарушающихъ размѣръ стиха.

Любопытно было бы прослѣдить историческое развитіе всѣхъ подобныхъ виршей и отношеніе ихъ къ старѣйшимъ, каковы напр. „Виршѣ Памвы Берынды на Рождество Христово, для утѣхи православнымъ христіанамъ, напечатанныя во Львовѣ, въ 1616 году“, „Вирши на день Воскресенія Іисуса Христа, напечат. въ Кіевѣ 1630 г (Имнологія) и во Львовѣ того же года. Не были ли наши вирши протестомъ, сатирой, пародіей на господствовавшій въ про-

¹⁾ Можетъ быть, кому-нибудь изъ читателей надо связать, что стихъ: „Чи прийшла седмица та“, намекаетъ на седмины лѣтъ, о которыхъ пророчествовалъ Давидъ; „Мойсей зъ рогами“ напоминаетъ сіяніе лучей, съ которыми его изображаютъ; „Діял при дыцлю“—какъ вятій на колесницѣ; „пошовъ до Авраама“—на Авраамовомъ лонѣ блаженство; „Лія протырала очы“—у нея глаза были больны; „до олтаревохъ рогъ“—взято изъ 117 псалма, вполне вдущаго къ шестію изъ рая. Псаломъ этотъ—благодарственная пѣснь послѣ побѣды надъ врагами, и по мнѣнію толковниковъ, въ немъ Мессія славословитъ Бога, воскресившаго Его, и народъ при этомъ выражаетъ радостную благодарность за спасеніе.

ломъ вѣкъъ обычайъ духовноучебныхъ заведеній привѣтствовать разныхъ вліятельныхъ лицъ своими пѣснопѣвіями? Въ „Опытѣ Росс. библиографіи“ Соניкова мы видимъ длинный рядъ привѣтствій *Московской Академіи* императору Петру (№№ 9360 9363), имп. Елисаветѣ (7630, 11512), митрополиту Платону (4225, 4442, 8459, 8461, 8463, 9286, 10863, 11432, 11609), митрополиту Амвросію (3954, 7083, 9309, 9318, 9319), св. Синоду (7147, 7314), Потемкину (11431), импер. Павлу (4528, 7151), импер. Екатеринѣ (7153), импер. Александрю (3953, 8944). Кромѣ того были стихотворныя привѣтствія Академіи *Казанской* (3955) и семинарій: *Архангельской* (11461), *Визанской* (9977, 11503), *Вятской* (11154), *Лаврской* (8462, 8588, 8589, 11458), *Мошлевской* (3947), *Черевинской* (31548), *Смоленской* (8464, 11462), *Тверской* (11174)... Могли пріѣсться подобныя пѣснопѣвія и въ такомъ количествѣ; могли и вызвать противъ себя шутку и насмѣшку; но конечно, подобный отпоръ производился только въ рукописи, келейно.

Изъ статей о виршахъ намъ извѣстны (и то по указаннымъ лишь) „Свиточныя колядки и вирши“, К. Думитрашко (Полт. Епарх. Вѣдом. 1864, № 1) и „Колядки, щедрилки и виршівки“, Ст. Пр...ко (Пропенко? Кіевск. Вѣстникъ 1870. № 49). Съ ними не мѣшало бы справиться тому, кто вздумаетъ обстоятельно писать о виршахъ.

Михайлогорскій.

Отъ Редакціи. Принимаю съ благодарностью отъ почтеннаго автора настоящую замѣтку, предлагающую болѣе исправный текстъ пасхальной вирши, помѣщенной въ прошломъ томѣ, и цѣнныя замѣчанія о виршахъ вообще, мы считаемъ своимъ долгомъ сдѣлать нѣсколько поясненій и отъ себя.

Печатать подобныя литературныя памятники необходимо въ такомъ видѣ, въ какомъ они оказываются записанными, предоставляя будущимъ изслѣдователямъ, изъ сличенія разныхъ варьянтовъ, дѣлать свои болѣе или менѣе основательныя догадки о первообразѣ текста, вышедшемъ когда-то изъ-подъ пера грамотника. Въ особенности это нужно соблюдать по отношенію къ размѣру стиха. Современный грамотный записыватель, поддаваясь выработанному въ немъ чутью мѣрной рѣчи, можетъ при записываніи допустить личныя исправленія нарушеннаго размѣра и этимъ, во 1-хъ, пожалуй введетъ въ ошибку изслѣдователей, которые должны будутъ прійти къ выводу, что старинныя

вирши всегда выдерживали размѣръ до мелочей, а во 2-хъ, внести подѣ-часъ, ради сохраненіи мѣры, обороты, не соотвѣтствующіе народной рѣчи, которою онѣ писаны. Что касается перваго, то съ увѣренностью сказать нельзя, какъ были составлены въ первой редакціи такіа вирши, — были-ли въ нихъ строго соблюдены размѣръ, или нѣтъ; но что въ позднѣйшемъ пересказѣ размѣръ этотъ никогда не выдерживаетъ правилъ версификаціи, въ этомъ насъ убѣждаютъ всѣ до сихъ поръ напечатанныя вирши. Мы думаемъ, что это не всегда случайность, что это не зависитъ отъ утраты правильности стиха въ дальнѣйшемъ распространеніи вирши, а скрывается въ томъ, вполне естественномъ, настроеніи рассказчика ея, при которомъ больше вниманія сосредоточивается на простодушно-эпическомъ пересказѣ содержанія, нежели на безупречной музыкальности ритма. Эта черта обнаруживается всецѣло и въ народно-эпическихъ произведеніяхъ, гдѣ при разнородности стиха все-таки чувствуется какая-то неуловимо-музыкальная гармонія его, стоящая въ зависимости отъ плавно идущаго пересказа темы. То-же самое видимъ и у Шевченка, который почти ни въ одномъ произведеніи своемъ не выдержалъ однообразнаго ритма, а между тѣмъ едва-ли его кто-нибудь упрекнетъ въ немзыкальности стиха. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о первоначальной формѣ стиха въ виршахъ мы считаемъ открытымъ, а если такъ, то наше желаніе сводится къ тому, чтобъ записыватели ихъ руководствовались стремленіями фотографически воспроизвести слышанное, оставляя открытымъ поле догадокъ будущимъ изслѣдователямъ.

Что же касается втораго, т. е. искаженія въ иныхъ случаяхъ народной рѣчи ради правильности стиха, то вопросъ этотъ мы считаемъ еще болѣе важнымъ. Намъ не разъ приходилось видѣть черновыя рукописи прежнихъ издателей народныхъ малорусскихъ пѣсенъ, и насъ всегда поражало стремленіе ихъ дѣлать поправки въ стихѣ пѣсни; въ изслѣдованіи такіа догадки вполне умѣстны, но въ изданіи сыраго пѣсеннаго матеріала онѣ только могутъ вредить дѣлу. Кажется, не ошибемся, если сдѣлаемъ предположеніе, что и въ сообщенной г. Михайлогорскому виршѣ есть такіа поправки, вѣроятно записывателей, ради плавности стиха. По крайней мѣрѣ, мы утверждаемъ, что въ данной виршѣ первоначально едва-ли могъ быть стихъ: „*изо* всей пустылась мочи“, т. к. малорусская рѣчь варьируетъ предлогъ и приставку *зѣ* (= съ, изъ, въ) на разные лады (*зѣ, изъ, зо, изо, зи, зу*), и только въ сложныхъ глаголахъ

есть приставскою с, да и то сравнительно рѣдко, допускаетъ форму *изо* (изобгаты, изомлиты, изорнуты и нѣкотор. др), но никогда намъ не случилось слышать и видѣть отдѣльно стоящимъ предлогъ *изъ* въ такой формѣ. Равнымъ образомъ, въ стихѣ „затрусывсь, злякавсь увесь“—размѣръ соблюденъ, но стихъ „злякавсь, затрусывсь увесь“, какъ стоитъ въ прежнемъ вариантѣ, ближе къ логической правдѣ.

Алексі́й Алексе́вичъ Перовскій.

Въ исторіи литературнаго русскаго развитія упоминаніе о романѣ „Монастырка“ должно встрѣтиться необходимо. Его знаетъ всякій, кому не чужда русская словесность. Нѣкоторые знаютъ еще, что Погорѣльскій есть псевдонимъ Алексѣя Перовскаго, автора нѣсколькихъ другихъ произведеній. На этомъ свѣдѣніи о Перовскомъ и прерываются. Біографіи его не появлялось. Наличныя «Исторіи» литературы не перешли еще рубежа тридцатыхъ годовъ. Плохіе словари Толя и Березина отводятъ Перовскому по десять строкъ, перевирая въ имени и въ датахъ и повторяя одинъ ошибки другаго. Такое явленіе было бы страннымъ, еслибъ не было обычнымъ. Всѣ согласны однако, что, вмѣстѣ съ романами Нарѣжнаго, „Монастырка“ была однимъ изъ первыхъ произведеній, въ которыхъ, хотя нѣсколько, отразилась дѣйствительная жизнь, гдѣ, послѣ невѣроятныхъ Эрастовъ и Лизъ, мелькнули живыя лица, одновременно съ тѣмъ, какъ при живомъ свѣтѣ поэзіи Пушкина, въ область тѣней бѣжали блѣдные призраки доморощенныхъ Леноръ и Свѣтланъ.

Труды Нарѣжнаго появились раньше. У этого писателя было больше непосредственнаго таланта, чѣмъ у Перовскаго, но меньше образованія и литературнаго вкуса. Въ «Бурсакѣ», «Аристіонѣ», «Двухъ Иванахъ»—много неловкостей и анахронизмовъ, много хаотическаго, условнаго и грубаго. Но на ряду съ этимъ въ нихъ разбѣяно множество живыхъ наблюденій и характерныхъ чертъ старой украинской жизни. Исключительность темъ и рѣзкая, теньеровская манера Нарѣжнаго были причинами того, что романы его не овладѣли въ достойной степени вниманіемъ читающаго круга. Но смѣлый приѣмъ автора сдѣлалъ свое дѣло.

Онъ заставилъ писателей оторваться хоть отчасти отъ напускного миража и оглянуться на окружающую жизнь. Вторая половина двадцатыхъ годовъ и начало тридцатыхъ ознаменованы этими попытками и поисками. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ явился Гоголь.

Среди этихъ первоначальныхъ попытокъ, первая часть „Монастырка“, вышедшая въ 1830 году, была явленіемъ выдающимся. Окружающая литература имѣла съ жизнью слишкомъ мало общаго. Историческіе романы Загоскина и его послѣдователей рисовали русскую исторію такъ же точно, какъ Лизы и Свѣтланы русскіе нравы. Нравоописательныя произведенія были на перечесть. Самое напоминаніе объ извѣстнѣйшихъ изъ нихъ достаточно опредѣлитъ ихъ цѣну. То были „Иванъ Выжигинъ“ Булгарина (1829—30), выдержавшій три изданія въ два года, „Дочь купца Жолобова“ Калашникова (1832), соперничавшій съ болгаринскимъ романомъ по успѣху, или такія ужасныя вещи, какъ забытые нынѣ „Киргизъ-Кайсакъ“ Ушакова (1830) и „Семейство Холмскихъ“ (1830)... Около того же времени начали писать Полевой и Марлинскій. Но они описывали *страсти*, а не *нравы*, или писали историческіе романы. Появленіе романа искусно рассказаннаго, интереснаго въ отношеніи нравоописательномъ и вліяющаго на добрыя чувства, встрѣчено было понятнымъ успѣхомъ. Въ свое время „Монастырка“ была однимъ изъ озлобленнѣйшихъ произведеній, вызвала подражанія и даже одну откровенную контрфакцію („Монастырка“ романъ въ 3-хъ частяхъ, изданный безъ имени автора въ 1833 году въ Москвѣ), что для той скромной литературной эпохи нельзя не считать очень замѣтнымъ явленіемъ.

Со стороны исторической оцѣнки заслуги этого романа конечно заставляютъ теперь относиться равнодушно и къ сравнительной его блѣдности, и къ недостаткамъ. Критика современная произведенію не была слѣпа къ этимъ недочетамъ. На искусственность завязки, на отсутствіе силы и страсти указывали и въ то время писатели архаическихъ „Телеграфа“ и „Телескопа“. Наше дѣло—смотреть на Перовскаго, какъ на представителя до-гоголевской эпохи, ставя ему въ активъ то, что онъ сдѣлалъ хоро-

шаго, и не предъявляя иныхъ требованій, какъ къ явленію прошлаго. Кромѣ совершенно новаго тогда, занимательнаго и естественнаго разсказа и нѣкоторыхъ отмѣченныхъ имъ частности быта, мы видимъ въ трудѣ его нѣсколько характерныхъ обликовъ того далекаго времени. Въ нихъ нѣтъ, правда, достаточной жизни, они не дышутъ силою созданія, образцы которой вскорѣ далъ великій Гоголь. Но на ряду съ картинами могучей кисти зачѣмъ отвращиваться отъ скромныхъ акварелей, которыя писались когда-то съ любовью и трудомъ? Въ старомодныхъ рамкахъ, поблекшія и пожелтѣлыя, онѣ висятъ передъ нами, напоминая прошедшее. Гдѣ этотъ исчезнувшій міръ, какъ далеки эти люди въ странныхъ нарядахъ, изображенные здѣсь цвѣтущими и молодыми! Мы всматриваемся съ любовью въ ихъ лица, родныя намъ лица, такъ какъ въ этихъ портретахъ мы узнаемъ своихъ дѣдовъ, отцовъ и матерей.

„Высокая, стройная, съ голубыми глазами“, съ гладко причесанными волосами, вся въ бѣломъ,—это она, „монастырка“ Аня на двадцатой веснѣ своей жизни. Неужели это наша бабушка или мать, которую мы любили доброй старушкой и которой давно закрыли очи? Это исторія ея молодости, ея любовь къ красавцу—сосѣду, блестящему офицеру, гоненія, испытанныя ею отъ злого опекуна, побѣгъ изъ дому недобрыхъ людей и блаженная встрѣча съ своимъ Владиміромъ. Это было въ далекую крѣпостную эпоху. Они жили въ деревнѣ семьей, владѣли крестьянами. Ни по уму, ни по развитію своему они не жили выше своего вѣка. Но ихъ добрый нравъ смягчалъ ненормальность крѣпостныхъ отношеній, и наши дѣтскіе глаза не видѣли близъ себя обычныхъ въ то время отвратительныхъ сценъ рабовладѣльческаго насилія. Она была вся—семейная любовь, нѣжность, женственность, она жила для своихъ дѣтей, хоть и неумѣло ихъ воспитывала. Но своей кротостью, добротой, можетъ быть узкой,—она пробудила въ дѣтяхъ лучшія чувства души и послужила дѣлу человѣчности и просвѣщенія. Да, она была такова, хоть и родилась въ помѣщичьей семьѣ и получила тепличное воспитаніе. Не она ли была матерью тѣхъ избранныхъ людей, которые создали литературу, общественную мысль, служили наукѣ, служили на-

роду и подготовили его освобожденіе? Не имена ли ея дѣтей повторяетъ этотъ народъ?

Рядомъ съ нею—тотъ, кого она любила и кого пережила. Онъ изображенъ въ чинѣ штабъ-ротмистра, въ своемъ военномъ мундирѣ, стягивающемъ мужественный, стройный станъ. Отчего какъ-то не видно ужъ теперь такихъ „прелестныхъ, смѣлыхъ глазъ, кудрявыхъ каштановыхъ волосъ, небольшихъ, прекрасныхъ усовъ“, сводившихъ съ ума бѣдныхъ „монастырокъ“? Онъ былъ ремонтеромъ и на лихой тройкѣ часто скакалъ куда-нибудь отъ родной усадьбы, повергая въ безпокойство и слезы жену. У него были свои причуды, но было несомнѣнно развитое понятіе о чести. Очищенное отъ дворянскихъ предрасудковъ, оно сослужило добрую службу дѣтямъ его, людямъ 50—60-хъ годовъ, сослужило службу и обществу.

А вотъ старосвѣтская тетупка изъ Барвенова, съ дочерьми Праскутой и Гапочкой, одѣтыми по простотѣ въ плахтахъ („кадрилье, красное съ синимъ и зеленымъ, по объясненію „монастырки“). Вотъ уродъ Дюндикъ и злобная супруга его въ высокомъ чепцѣ съ перьями, черными отъ роменской пыли. Предъ ними дочери—*Фуа* и *Эсперансъ*, замѣнившія христіанскія свои имена Вѣры и Надежды этими переводами, сфабрикованными учителемъ ихъ Софроничемъ. Родственникъ ихъ Прыжковъ, урожденный Прыжко, герой неприличныхъ похощеній на роменской ярмаркѣ, выглядываетъ какимъ-то антикомъ въ своемъ модномъ уборѣ двадцатыхъ годовъ и вырисовывается близъ него косматая фигура добродѣтельнаго цыгана Василя, спасшаго монастырку въ тяжелую минуту. Изображенія эти блѣдны, кой-гдѣ смахиваютъ на каррикатуры и грѣшатъ ошибками въ рисункѣ. Но они хранятся только для памяти, такъ какъ играли роль въ исторіи молодости Аниюты.

Многія черты романа свидѣтельствуютъ о письмѣ съ натуры, во многомъ видно непосредственное впечатлѣніе. Прочтя описаніе знаменитой когда-то Роменской Ильинской ярмарки, мы повѣрили бы, что авторъ видѣлъ ее, еслибъ даже не знали изъ фамильных его бумагъ, что онъ ѣздилъ туда, между прочимъ, съ гр. А. К. Разумовскимъ въ 1819 году. Вотъ онъ описываетъ

пріѣздъ Дюндика къ тетускѣ—,тяжелую, четырехмѣстную карету, заложенную десятью измученными крестьянскими лошадьми, съ лакеемъ въ запачканномъ китайскомъ платьѣ и двумя человѣками на запяткахъ въ такомъ же видѣ“—и передъ нами возникаетъ характерная картинка. Рассказываетъ ли онъ о постройкѣ дома Дюндикомъ, онъ не забываетъ о томъ разореніи крестьянъ, какимъ сопровождалась эта затѣя помѣщика. „На подвозку матеріаловъ пошли всѣ лошади, для склада дерева и кирпича отняты были у поселянъ два гумна. Вокругъ снесены были хаты, садки которыхъ понадобились при домѣ“. У него встрѣчаются подлинныя имена, названія (деревня Андреевка, гадячскаго уѣзда полтавск. губ. бывшее имѣніе Разумовскихъ, настойка извѣстнаго доктора Трофимовскаго и проч). Отмѣчаемъ эти мелочи, какъ черты характерныя по реализму для произведенія, писаннаго въ двадцатые годы. Авторъ жилъ въ малороссійской деревнѣ долго, и у него чувствуются впечатлѣнія сѣверной Черниговщины, отъ ея угрюмыхъ сель и широкихъ дорогъ, до какихъ-нибудь „бортовыхъ деревень, на которыхъ часто нѣтъ ни одного сучка до самой вершины, но на которыя ловко лезятъ молодцы за пчелами“. Въ концѣ романа писатель сообщаетъ, что онъ, Погорѣльскій, женился на двоюродной сестрѣ „монастырки“, извѣстной читателю подъ именемъ Гапочки, и приглашаетъ къ себѣ на новоселье. Кто же былъ на самомъ дѣлѣ этотъ мистификаторъ?

Алексѣй Алексѣвичъ Перовскій былъ старѣйшимъ изъ четырехъ воспитанниковъ гр. Алексѣя Разумовскаго, сына гетмана¹⁾. По указаніямъ словарей Березина и Толя онъ родился въ 1789 году. Въ извѣстномъ трудѣ г. Васильчикова, „Семейство Разумовскихъ“²⁾ годомъ его рожденія показанъ 1787³⁾. Последнее свѣдѣніе кажется вѣрнѣе. Холодный и чопорный, графъ Алексѣй Кириловичъ сосредоточилъ на старшемъ Перовскомъ свою любовь. Самъ утонченно образованный, онъ далъ ему блестящее домашнее воспитаніе. Средствъ для этого было достаточно. Разумовскій владѣлъ 53.000 душъ крестьянъ и несмѣтными земельными

¹⁾ Николай *Ивановичъ* Перовскій, также воспитанникъ Алексѣя Кириловича, — является представителемъ другой отрасли этой фамиліи.

²⁾ Сем. Разумовск. т. II, 112.

богатствами. Впослѣдствіи Перовскій поступилъ въ московскій Университетъ, откуда вышелъ въ 1807 году докторомъ философіи и словесныхъ наукъ. Партизаномъ участвовалъ онъ въ войнѣ 1812 года, отличился подъ Моргуненомъ, Лосецами, Дрезденомъ и Кульмомъ. Былъ адъютантомъ князя Н. Г. Репнина въ Саксоніи, съ переводомъ въ л.-гв. уланскій полкъ. Въ 1825 году, 38-ми лѣтъ, онъ назначенъ былъ попечителемъ харьковскаго университета. Въ 1830 году вышелъ въ отставку и скончался въ 1839 году, проживъ всего съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ.

Къ этимъ внѣшнимъ біографическимъ даннымъ преданіе родныхъ его прибавляетъ нѣкоторыя подробности, рисующія его личность. Отданный въ какой-то петербургскій пансіонъ, Перовскій бѣжалъ оттуда къ своему воспитателю и во время бѣгства вывихнулъ себѣ ногу, такъ что всю жизнь немного хромалъ. Это обстоятельство еще усиливало его сходство съ Байрономъ, котораго, по отзывамъ его знавшихъ, онъ напоминалъ прекрасными чертами лица. Въ военную службу онъ вступилъ во время общаго возбужденія. По минованіи тревожнаго времени, онъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ сблизился съ выдающимися людьми образованнаго и литературнаго круга. Между аристократическою молодежью того времени, встрѣчались лица высокаго развитія и утонченнаго образованія. Вліяніе энциклопедистовъ въ екатерининскую эпоху вселило уваженіе къ наукѣ и, привитое воспитаніемъ къ натурамъ способнымъ, дало хорошіе результаты. По уму и по образованію Перовскій принадлежалъ къ этому цвѣту юношества.

Около 1817 года онъ переѣхалъ въ Малороссію. Графъ Разумовскій любилъ заниматься управленіемъ своихъ имѣній во всѣхъ частяхъ. Перовскій помогалъ ему въ этихъ занятіяхъ. Въ 1822 году Разумовскій скончался. Еще при жизни онъ предоставилъ старшему Перовскому, котораго особенно любилъ, выбрать себѣ любое изъ его имѣній. Перовскій взялъ с. Погорѣльцы, сосницкаго уѣзда, черниг. губ., удививъ всѣхъ скромностью выбора. Въ погорѣльскихъ дачахъ находились корабельные лѣса, изъ которыхъ Перовскій сплавлялъ лѣсъ по притокамъ Днѣпро и по Днѣпру внизъ, въ строившійся тогда Николаевъ. Изъ этого

матеріала построено было много кораблей на николаевскихъ верфяхъ. Перовскій былъ близокъ съ извѣстнымъ адмираломъ Мордвиновымъ, другомъ и душеприкащикомъ гр. Разумовскаго, и вѣроятно по его указаніямъ и сплавлялъ свои лѣса въ вновь строящейся городъ. Назначенный Разумовскимъ ближайшимъ исполнителемъ его воли, будущій писатель нажилъ себѣ не мало хлопотъ. Чтобы найти защиту отъ клеветниковъ, онъ обратился съ письмомъ къ императору Александру I. Императоръ поручилъ В. П. Кочубею написать Перовскому, что всѣ дѣйствія его во время болѣзни и кончины графа, какъ основанныя на чести и справедливости, онъ одобряетъ. Въ правахъ наслѣдства Перовскіе были утверждены комитетомъ министровъ съ одобренія Императора.

До самаго назначенія въ Харьковъ Перовскій оставался въ деревнѣ. Здѣсь написалъ онъ всѣ свои произведенія. Въ началѣ одного изъ нихъ, фантастическихъ очерковъ „Двойникъ, или Вечера въ Малороссіи“, онъ помѣстилъ бѣглое описаніе своихъ Погорѣльцевъ.

„Въ сѣверной Малороссіи—въ той части, которую по произволу назвать можно и лѣсною и песчаною, потому что названія эти равно ей приличны—находится село П. Среди онаго, на постепенно возвышающемся холмѣ, расположенъ большой садъ въ англійскомъ вкусѣ, къ которому съ сѣверной стороны примыкаетъ просторный дворъ, обнесенный каменною оградой; на дворѣ помѣщичій домъ съ принадлежащими къ нему строениями.—Изъ однѣхъ окошекъ дома виднѣнъ садъ, изъ другихъ видна улица, а по ту сторону улицы зеленѣются конопляники, составляющіе главный доходъ жителей тамошняго края.—Холмъ окруженъ крестьянскими избами, выстроенными въ порядкѣ и украшенными (на рѣдкость въ той странѣ) каменными трубами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ села, густой сосновый лѣсъ со всѣхъ сторонъ закрываетъ виды вдаль. Въ этомъ селѣ и въ этомъ помѣщичьемъ домѣ жилъ я безвыѣздно нѣсколько лѣтъ“.

Въ томъ же „Двойникѣ“ онъ набросилъ въ слѣдующихъ словахъ свой собственный портретъ:

„...Вошелъ въ комнату мужчина среднихъ лѣтъ и росту повыше средняго. Волосы его были кудрявые, глаза голубые, губы довольно толстыя и носъ вздернутый немного къверху. Когда онъ подходилъ ко мнѣ ближе, то я замѣтилъ, что онъ немного прихрамываетъ на правую ногу. Я взглянулъ на незнакомца пристально и внезапно холодный потъ облилъ меня съ ногъ до головы... Я удостовѣрился, что онъ похожъ на меня, какъ двѣ капли воды“.

Садъ, о которомъ говорится въ приведенной выдержкѣ, сохранился въ Погорѣльцахъ до сихъ поръ. Онъ насаженъ былъ извѣстнымъ Фишеромъ-фонъ-Вальдгеймомъ, искусникомъ, счумѣвшимъ развести хорошій Ботаническій садъ даже на петербургскомъ болотѣ. Подобно Разумовскимъ Алексѣй Перовскій страстно любилъ растенія и садоводство. За принявшееся дерево ему часто случалось давать садовнику червонецъ. Онъ былъ добръ, но вспыльчивъ, хотя вспыльчивость его проходила скоро. Въ Погорѣльцахъ онъ жилъ вліятельнымъ бариномъ и въ окружности назывался *генераломъ*. При немъ с. Погорѣльцы переименовано въ мѣстечко. Въ Погорѣльцахъ жила постоянно сестра его Анна Алексѣевна, бывшая замужемъ за гр. Конст. Петр. Толстымъ, братомъ извѣстнаго медальера и президента академіи художествъ — Ѳедора Толстого. Графиня Толстая была несчастлива въ супружествѣ и переѣхала къ брату вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Алексѣемъ, впоследствии извѣстнымъ поэтомъ. Бывая въ Петербургѣ, Толстой навѣщаль своего отца и помогаль ему средствами всю жизнь. Воспитаніемъ своимъ будущій поэтъ обязанъ былъ дядѣ, память котораго онъ необыкновенно чтить.

Въ тридцатыхъ годахъ Перовскій ѣздилъ за границу, гдѣ, въ Италіи, встрѣчался съ Брюловымъ. Къ этому времени относится посѣщеніе имъ вмѣстѣ съ юнымъ Толстымъ великаго старца Гете. Владѣя замѣчательнымъ вкусомъ, Перовскій пріобрѣлъ много первоклассныхъ произведеній искусства. Часть картинъ онъ продалъ по возвращеніи въ Россію въ нѣкоторыя лучшія частныя коллекціи, напр. Строгановскую, часть оставилъ себѣ. Въ Погорѣльцахъ у него была превосходная бібліотека, основаніемъ которой послужила завѣщанная ему петербургская

библіотека Разумовскаго. Изъ этой библіотеки племянникъ Перовскаго, нынѣшній владѣтель Погорѣльцевъ, Николай Михайловичъ Буда-Жемчужниковъ, передавшій намъ эти свѣдѣнія, не нашелъ ни одной книги. Она перевезена была въ другія имѣнія еще гр. А. К. Толстымъ. Въ Погорѣльцахъ оставались только всѣ бумаги и рукописи Перовскаго, но отъ ихъ обильнаго запаса не осталось ни клочка, ни даже письма его, что между прочимъ помѣшало приложить его подпись при печатаемомъ нынѣ портретѣ.

Бывшій управляющій имѣнія былъ любителемъ тонкихъ блюдъ, особенно котлетъ въ папильоткахъ и за долговременное пребываніе свое въ Погорѣльцахъ извелъ всѣ бумаги писателя на любимое кушанье. Такимъ образомъ погибель бумагъ Перовскаго и почти полное отсутствіе упоминаній о немъ въ литературѣ мемуаровъ оставляютъ его сочиненія единственнымъ источникомъ для уясненія его личности.

Литературныя наклонности нашего писателя сказались еще въ дѣтствѣ. Въ домашнемъ архивѣ кн. Н. В. Репнина, въ м. Яготинѣ полтавской губерніи, сохраняется изящно написанная тетрадка,—дѣтское сочиненіе Перовскаго, поднесенное А. К. Разумовскому въ день его именинъ. Первымъ трудомъ его, появившимся въ печати, была книга „Двойникъ, или Мои вечера въ Малороссіи“, вышедшая съ псевдонимомъ Погорѣльскаго въ 1828 г. Это собраніе рассказовъ о случаяхъ фантастическихъ и исключительныхъ, писанныхъ въ манерѣ Гофмана и связанныхъ между собою чисто внѣшнимъ образомъ. И время и мѣсто дѣйствія въ нихъ самое разнообразное. Въ „Исидорѣ и Анютѣ“, самомъ слабомъ изъ нихъ и отзывающемся еще Карамзинской манерой, повѣствуется о злой долѣ нѣкоего офицера, потерявшаго невѣсту въ войну 1812 года. Офицеръ закалывается на томъ мѣстѣ, гдѣ видѣлся съ своей возлюбленной въ послѣдній разъ. Въ рассказѣ съ дидактическимъ названіемъ „Пагубныя послѣдствія необузданнаго воображенія“ какой-то юноша Ансельмъ влюбляется въ автомата, принимая его за живую женщину, дочь „профессора механика“ Андрони. Когда обманъ обнаруживается, юноша бросается въ рѣку. „Лафертовская маковница“—самый фантасти-

ческой изъ всѣхъ разсказовъ. Старуха-колдунья, живущая въ Москвѣ въ Лефортовской части, промышляя маковниками, завѣщаетъ своей внучкѣ выйти за того, кого она ей назначить. Вскорѣ послѣ смерти старухи къ внучкѣ сватается титулярный совѣтникъ Аристархъ Фалальевичъ Мурлыкинъ, въ которомъ дѣвушка къ своему ужасу узнаетъ бабушкинаго кота, товарища ея колдовства. При всей странности содержанія, въ этомъ разсказѣ въ описаніяхъ быта московскихъ разночинцевъ есть живыя черты, и вся сказка разсказана очень мило. Въ перепискѣ Пушкина, въ письмѣ къ брату Льву, сохранилось свидѣтельство о впечатлѣніи, произведенномъ на него этой шуткой: „Что за прелесть Бабушкинъ котъ! Я перечолъ его два раза и однимъ духомъ всю повѣсть и теперь только и брежу Аристархомъ Фалальевичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмура глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?“¹⁾.

Въ манерѣ „Лефортовской маковницы“ есть что-то общее съ нѣкоторыми изъ „Повѣстей Бѣлкина“.

Въ послѣднемъ изъ разсказовъ „Двойника“ главное дѣйствующее лицо—обезьяна. Нѣкому господину въ Австраліи, украденному въ дѣтствѣ обезьянами и съ любовью воспитанному одною изъ нихъ, приходится потомъ застрѣлить свою воспитательницу въ угоду женѣ, не любящей обезьянъ, и онъ страдаетъ угрызеніями совѣсти, обвиняющей его въ неблагодарности. Разсказъ этотъ, нѣсколько комичный даже въ пересказѣ, имѣетъ въ себѣ что-то симпатичное. Это чувство жалости и состраданія къ животнымъ, какимъ онъ проникнуть. Эта же черта замѣтна въ дѣтской сказкѣ Погорѣльскаго „Черная курица“ (1829 г). Эта сказка впрочемъ замѣчательна и сама по себѣ, какъ одинъ изъ самыхъ удачныхъ опытовъ въ этомъ трудномъ родѣ въ русской литературѣ. Похожденія Алеши, спасшаго отъ ножа кухарки чорную курицу и за то получившаго волшебное зернышко, способствующее исполненію его желаній, волновали юныхъ читателей и въ старыя годы, производятъ неотразимое дѣйствіе и теперь. Молодое воображеніе любитъ свободу, и винить ли дѣтей за то, что они

¹⁾ (оч. Пушк. Изд. лит. фонда т. VII стр. 118. Письмо изъ Михайловскаго, 1825 г.

предпочитають яркій разсказъ стараго писателя прѣснотѣ и фальши морализирующихъ сказокъ? Все чаруетъ ихъ въ этомъ вымыслѣ, отъ путешествія Алехи въ подземномъ царствѣ въ странѣ лилипутовъ до директора школы, питающагося исключительно вареньемъ и возбуждающаго всегда зависть читателей.

„Двойникъ“ встрѣченъ былъ сочувственно. „Большихъ оригинальныхъ повѣстей“, пишетъ „Русскій Инвалидъ“ въ замѣткѣ своей о книгѣ ¹⁾—„мы до сихъ поръ еще не имѣли. Тѣмъ больше чести Антонію Погорѣльскому, который на сихъ дняхъ подарилъ насъ двумя томами повѣстей, заключающими одно цѣлое... Немногія повѣсти такъ занимательны, такъ остроумны; немногія разсказаны и связаны съ такимъ искусствомъ“. Похожъ на это и отзывъ второго, значительнаго органа тогдашней убогой журналистики, знаменитой „Сѣверной Пчелы“ ²⁾. „Содержаніе повѣстей можетъ быть названо правдоподобными небылицами. Авторъ искусно воспользовался разными повѣрьями, темными слухами и суевѣрными разсказами о несбыточныхъ происшествіяхъ и передалъ ихъ намъ еще искуснѣе, умѣя возбуждать любопытство и поддерживать его до самой развязки“. Отзывы эти поощрили автора, и вскорѣ вышелъ первый томъ „Монастырки“, начальныя главы которой еще раньше напечатаны были въ издававшейся бар. Дельвигомъ „Литературной газетѣ“.

Какъ произведеніе гораздо болѣе значительное, романъ Перовскаго возвысилъ и уровень требованій, предъявляемыхъ къ писателю. Оцѣненный вообще сразу же довольно правильно, что не часто случается, романъ вызвалъ и нѣкоторыя замѣчанія, имѣвшія цѣлью умѣрить излишнія похвалы ему въ печати. „Сей романъ, говоритъ „Русскій Инвалидъ“ ³⁾, есть необыкновенное, пріятное явленіе въ русской словесности. Онъ богатъ занимательными происшествіями и ярко обрисованными характерами, а потому живъ и любопытенъ“. Болѣе холодный „Московскій Телеграфъ“ ⁴⁾ отзывается гораздо сдержаннѣе. „Мы прочли первую часть „Монастырки“ съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ

¹⁾ 1828 г., № 83.

²⁾ 1828 г., № 38.

³⁾ 1830 г., № 17.

⁴⁾ 1830 г. Часть 32.

читывали романы Авг. Лафонтена. Тутъ не ищите ни страстей, ни мыслей, ни глубокаго значенія. Читайте „Монастырку“ какъ пріятное описаніе семейныхъ картинъ, какъ рассказъ добраго пріятели о добрыхъ людяхъ, которымъ встрѣчались иногда непріятности“. „Во всѣхъ лицахъ“ пишеть другой журналъ¹⁾), „видны портреты, вѣрно списанные съ природы, довольно одушевленные, но къ сожалѣнію довольно мелочные“. Мнѣніе публики было иное. Читающій кругъ былъ заинтересованъ и произведеніемъ, и авторомъ. Впечатлѣніе книги всего живѣе выразилось, кажется, въ замѣткѣ органа пушкинскаго кружка, „Литературной Газетѣ“²⁾). „Тайнственное имя Антонія Погорѣльскаго уже извѣстно съ выгодной стороны читателямъ русскимъ, помнящимъ таинственнаго „Двойника“. Можетъ быть оно многими уже и разгадано: въ малой республикѣ нашей словесности нѣтъ продолжительной тайны. Всѣ на виду, всѣ на счету. Эти авторскія маски у насъ похожи на простосердечныя хитрости семейныхъ маскарадовъ, въ которыхъ долго интриговать не можно. Тѣмъ болѣе дѣйствующее лицо должно быть занимательно собственною игрой, не надѣясь на одно любопытство, которое подстрекаемо прелестью тайны. Антоній Погорѣльскій совершенно удовлетворяеть сей необходимости и новое произведеніе его, романъ „Монастырка“, не имѣеть нужды ни въ какихъ затѣйливыхъ пособіяхъ и постороннихъ уловкахъ авторскаго кокетства. *Вотъ настоящий и вѣроятно первый у насъ романъ нравовъ...* Всѣ лица у васъ на примѣтѣ, вы ихъ разглядѣли“.

Между журнальными отрывками есть одинъ, совершенно своеобразный, написанный въ той же формѣ, какъ начало „Монастырки“, въ видѣ письма одной пріятелиницы къ другой, и укоряющей автора за карикатурное изображеніе малороссійскаго помѣщикаго быта³⁾). „Для васъ, лишь бы сказано было нѣсколько словъ мароссійскимъ нарѣчіемъ, вы и повѣрите, что малороссіяне описаны прекрасно. Ужели въ самомъ дѣлѣ „Сѣверная Пчела“ находить, что семейство Дюндика изображено мастерски?

¹⁾ Атевей, 1830 г. Ч. 2-я.

²⁾ „Лит. Газ.“ 1830 г., № 16.

³⁾ „Галатея“ 1830 г. Ч. 16.

Смѣшно, Лиза, что есть писатели, которые мечтають о малороссіянахъ, какъ о жителяхъ луны, т. е. выдумываютъ, что хотятъ. Я бы желала сказать этимъ господамъ: ради Бога удерживайте крылатое воображеніе ваше, когда оно, подобно древнему Эолу, стремится въ тихую Малороссію. Мы живемъ не за морями, не за тридевять земель: прежде узнайте хорошенько обычаи и нравы малороссіянъ, а тогда уже пишите, какъ есть, а не такъ, какъ вамъ грезится“. Эти слова, во многомъ вѣрныя и справедливыя до сихъ поръ, обращены были къ сожалѣнію не по адресу. Нѣсколько утрированное описаніе стараго панства въ основѣ своей все-таки было вѣрно, а по высказываемой дальше обидѣ на счетъ невѣрнаго описанія дамскихъ костюмовъ и т. п. видно, что письмо въ „Галатею“ писано было едва ли не одною изъ дочерей Дюндика.

Между появленіемъ первой части романа и всего произведенія въ цѣломъ видѣ прошло три года. Этотъ рискованный опытъ не ослабилъ однако интереса къ книгѣ. „Монастырка“ въ 1833 году встрѣчена была, какъ старая знакомая, судьбой которой интересовались. Отсутствие яркости и страсти заставляло относиться къ роману критику и публику, правда, не съ тѣмъ жаромъ, какой возбуждаютъ произведенія, въ которыхъ сказывается какое-нибудь новое слово. Но всѣ сходились въ оцѣнкѣ занимательнаго и пріятнаго разсказа, бывшаго недавно еще такой новостью, но теперь поблекшаго въ лучахъ новаго и яркаго свѣтила. Въ промежутокъ, отдѣлявшій выходъ одной части романа отъ другой, появился Гоголь.

Мы не знаемъ, имѣло ли вліяніе появленіе Гоголя на превращеніе дальнѣйшей литературной карьеры Перовскаго, или виною была разносторонняя, жизненная дѣятельность, охватившая его въ ту пору; но за послѣднія шесть лѣтъ своей жизни, послѣ выхода „Монастырки“, онъ написалъ только одну небольшую статью. Какъ человекъ съ очень развитымъ вкусомъ, онъ не могъ не чувствовать разницы своихъ работъ съ творчествомъ Гоголя. Но о раннемъ оставленіи имъ литературы нельзя не пожалѣть, такъ какъ онъ могъ быть очень интересенъ и оставаясь самимъ собой. Въ сочиненіяхъ его есть сторона, которой, повидимому, онъ не придавалъ большаго значенія, но которая въ дальнѣйшемъ развитіи могла доставать ему новые успѣхи. Есть

у него страницы, гдѣ онъ выступаетъ какъ *моралистъ*, понимая это слово въ смыслѣ литературнаго термина, присвоеннаго ему во французской литературѣ такими писателями, какъ Лабрюйеръ, Паскаль, Монтэнъ. У него встрѣчаются замѣчанія о разныхъ сторонахъ жизни и человѣческой души, тонкія и глубокія, высказанныя съ большою ясностью и простотой. Его письмо къ Гумбольдту, во время пребыванія нѣмецкаго ученаго въ Россіи, въ 1830 г., названное „Новая тяжба о буквѣ з“ чрезвычайно остроумно. Буква з встревожена высказаннымъ Гумбольдтомъ мнѣніемъ о ея бесполезности и въ письмѣ къ барону, полномъ эрудиціи, доказываетъ примѣрами и сопоставленіями необходимость своего существованія. Гумбольдтъ согласился съ справедливостью доводовъ обиженной буквы, признавъ ихъ въ отвѣтѣ, напечатаномъ при той же статьѣ въ сочиненіяхъ Погорѣльскаго. Нѣсколько афоризмовъ, взятыхъ изъ „Двойника“, дадутъ понятіе о сущности и манерѣ психологическихъ замѣтокъ Перовскаго.

— Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ слышать упреки въ неблагодарности. Я часто видѣлъ людей, которые называютъ себя благодѣтелями за то, что въ такомъ-то случаѣ не столько намъ вредили, сколько, по ихъ мнѣнію, они имѣли къ тому возможности“ (стр. 296).

— „Гостинный умъ (*esprit de societé*), по достоинству своему принадлежитъ къ числу самыхъ послѣднихъ; но онъ одинъ изъ самыхъ почетнѣйшихъ, если не для общества, то по крайней мѣрѣ для того, кто имъ обладаетъ. Впрочемъ гостинный умъ раздѣляется на разные разряды, смотря по разнымъ гостиннымъ. Часто случается, что человѣкъ, который блещетъ умомъ въ одной гостинной, совершенно глупѣетъ, переходя въ другую“ (152 стр.).

— Эгоистъ скрываетъ холодность своего сердца подъ личиною твердости духа“ (161 стр.).

Эти наблюденія и многія другія, разсѣянные въ сочиненіяхъ, обличаютъ въ Перовскомъ человѣка, знавшаго людей и жизнь и много издавашаго.

По условіямъ своей жизни, дѣйствительно, онъ стоялъ въ группѣ тѣхъ избранныхъ, передъ которыми открыты всѣ двери. Въ молодости своей онъ отличался веселостью и наклонностью къ мистификаціи и шуткѣ. Князь Вяземскій, въ своихъ воспоми-

наніяхъ, записалъ нѣсколько случаевъ такихъ продѣлокъ Перовскаго¹⁾. „Однажды онъ увѣрилъ сослуживца своего, что онъ великій мастеръ какой-то масонской логи и властью своею сопричисляетъ его къ членамъ ея. Онъ выдумывалъ разныя смѣшныя испытанія, черезъ которыя новообращенный покорно и охотно проходилъ. Наконецъ заставилъ его росписываться въ томъ, что онъ *бобра не убилъ*. Другой разъ Перовскій написалъ *амфиури* (amphigouri), шутоточную, веселую чепуху, начинавшуюся такъ:

Авдуть-визирь
 На лбу пузырь
 И холить и лелѣть;
 А Пайй сынъ,
 Взявъ апельсинъ,
 Желаньемъ пламенѣть...

Около дюжины куплетовъ, написанныхъ такими стихами, отнесъ онъ ректору московскаго университета Антонскому, председателю Общества любителей словесности, и высказалъ ему желаніе прочесть свои стихи въ первомъ публичномъ засѣданіи общества. Въ то время графъ А. К. Разумовскій былъ попечителемъ московскаго университета или уже министромъ народнаго просвѣщенія. По чиновничьей угодливости, Антонскій не смѣлъ сказать, что стихи никуда не годятся, и изворачивался въ уклончивыхъ отвѣтахъ передъ настаивавшимъ Перовскимъ²⁾. Повторилась сцена изъ Гамлета, извѣстный разговоръ съ придворными о формѣ облаковъ.

Когда вышла въ свѣтъ „Русланъ и Людмила“ Пушкина, то появились критики, какія появляются и до сихъ поръ, заключающія въ себѣ вздорныя и мелочныя придирки къ отдѣльнымъ положеніямъ, словамъ и фразамъ.

Въ предисловіи ко второму изданію поэмы (1828 г), Пушкинъ приводитъ нѣкоторые изъ этихъ допросовъ и говоритъ: „нѣкто взялъ на себя трудъ отвѣчать на нихъ. Его антикритика остроумна и забавна“. Этотъ нѣкто былъ Алексѣй Перовскій, какъ видно сразу оцѣнившій молодой геній Пушкина и ставшій въ ряды его поклонниковъ. Отвѣты эти сохранилъ аккуратный Плетневъ²⁾. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ, вмѣстѣ съ вопросами:

¹⁾ Сочиненія, т. VIII, 413—14.

²⁾ Сочиненія Плетнева, т. III, 331.

— „Зачѣмъ Финнъ разсказываль Руслану свою исторію?

— Затѣмъ, что онъ зналъ кто Финнъ; притомъ старики сло-воохотливы.

— Зачѣмъ Русланъ присвистываетъ?

— Дурная привычка. Или свистали вмѣсто того, чтобъ пого-нять лошадей англійскимъ хлыстомъ.

— Зачѣмъ трусъ Фарлафъ поѣхаль искать Людмилу?

— Трусы часто ѣздять туда же, куда и храбрые.

— Какъ Русланъ бросилъ Рогдая въ воду какъ ребенка?

— Прочитайте въ поэмѣ...“ и т. п.

Помѣщаемый нынѣ, благодаря любезному содѣйствію Н. М. Буди-Жемчужникова, портретъ Перовскаго снятъ съ оригинала, писаннаго Карломъ Брюловымъ въ тридцатыхъ годахъ и находящагося въ Петербургѣ въ семействѣ покойнаго графа Бориса Алексѣевича Перовскаго (существуетъ еще два портрета Перовскаго — одинъ акварельный въ Петербургѣ же, и другой масляными красками, поясной въ уланской формѣ, находящійся въ с. Красномъ Рогѣ, мглинскаго уѣзда, черниг. губ., у вдовы гр. А. К. Толстаго). Съ Брюловымъ Перовскій былъ одно время очень друженъ и, какъ знатокъ искусствъ, рано оцѣнилъ въ немъ и большаго, хоть и наклоннаго къ мелодрамѣ, художника, и великаго, безупречнаго портретиста. Воспитанный Перовскимъ племянникъ гр. А. К. Толстой сталъ въ послѣдствіи и его наслѣдникомъ. Даровитый родъ Перовскихъ, такъ же какъ и Разумовскіе, просуществовалъ не долго и не имѣетъ въ настоящее время мужскихъ представителей, кромѣ боковой вѣтви. Алексѣй Алексѣевичъ умеръ и схороненъ въ Варшавѣ въ 1839 г. Страдая уже чахоткой, онъ ѣхаль за границу, въ теплый климатъ и остановился въ Варшавѣ по пути. ⁹/₁₁ іюля, почувствовавъ приближеніе смерти, онъ попросилъ подвинуть его къ свѣту, къ окну, и скончался, крикнувъ находившимся тутъ сестрѣ и племяннику: „прощайте, друзья!“

Сочиненія его изданы были при жизни автора два раза, и полнымъ собраніемъ напечатаны Смирдинымъ въ 1854 году. Недавно „Монастырка“ вышла дешевымъ изданіемъ. На чешскій языкъ этотъ романъ переведенъ Вавромъ въ 1859 году.

В. Горленко.

КРИТИКА.

Архив Юго-Западной Россіи. Ч. первая, т. VII. Памятники литературной полемики православных южно-русцев (sic) съ латинианіатами. Кіевъ, 1887. 8°, стр. XVI+800+II.

Настоящій томъ „Архива“ (семнадцатый по общему счету) состоитъ не изъ архивнаго рукописнаго матеріала подобно всѣмъ прежнимъ, а въ наибольшей части своей изъ перепечатокъ старинныхъ изданій первой половины XVII вѣка. Въ предисловіи редактора, С. Т. Голубева, сообщены объ этихъ изданіяхъ бібліографическія свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что почти всѣ они не доступны въ наше время изслѣдователямъ, по чрезвычайной рѣдкости сохранившихся экземпляровъ, и то нерѣдко дефектныхъ. Нѣкоторыя извѣстны даже только въ уникалахъ, хотя намъ кажется, что многое по этой части можетъ еще быть отыскано; до сихъ поръ мы почти не видимъ слѣдовъ изысканій съ этой цѣлью въ главнѣйшихъ польскихъ бібліотекахъ: въ Варшавѣ, въ Краковѣ, въ Курникѣ (въ Познани) и т. д. Особенно же долженъ быть въ этомъ отношеніи богатъ Ватиканъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не поблагодарить нашу археографическую комиссію за переизданіе нѣкоторыхъ раритетовъ полемической литературы, такъ какъ безъ знакомства съ ними невозможно уяснить себѣ умственное движеніе той эпохи, а безъ этого конечно во многомъ не будутъ понятны и послѣдующія событія политическаго характера. Существовавшій по этому предмету пробѣлъ въ значительной степени восполненъ уже петербургскою комиссіею, удѣлившей въ своемъ изданіи „Русская Историческая Библиотека“ мѣсто и старопечатнымъ западнорусскимъ полемическимъ сочиненіямъ,—изъ нихъ составилось уже двѣ огромныхъ книги. Но памятники старинной литературы, нуждающіеся въ перепечаткѣ, такъ многочисленны, что получаетъ большую цѣну и участіе Кіева въ этомъ дѣлѣ. Намъ кажется, однако, что кіевская комиссія напрасно

ввела этотъ матеріалъ въ общую рубрику своего „Архива“, до сихъ поръ составлявшагося изъ архивныхъ, рукописныхъ документовъ, получившаго вполнѣ опредѣленный характеръ и фізіономію. Было бы удобнѣ настоящій матеріалъ выпустить подъ однимъ вторымъ его заглавіемъ, — „Памятники“ и т. д., измѣнивъ конечно въ немъ совершенно неудачный терминъ „южно-русцевъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, переиздавая литературные памятники, ихъ необходимо снабжать достаточными поясненіями и болѣе обширными библиографическими комментаріями, чѣмъ это сдѣлалъ г. Голубевъ въ своемъ предисловіи. Быть можетъ, онъ намѣренъ восполнить этотъ недостатокъ при второмъ предположенномъ имъ томѣ, который долженъ составиться „преимущественно“ изъ полемическихъ западно-русскихъ сочиненій православныхъ противъ протестантовъ различныхъ отѣнковъ. Въ такомъ предположеніи утверждаетъ насъ и то обстоятельство, что изслѣдованіе г. Голубевымъ матеріала будетъ для обоихъ томовъ общее и войдетъ только въ составъ втораго изъ нихъ подъ заглавіемъ: „Очеркъ литературной полемики православныхъ южно-русцевъ (! южноруссовъ) противъ протестантовъ и латино-уніатовъ“. Мы полагаемъ, что предметомъ этого очерка должна быть только историко-литературная сторона дѣла, но всякія частныя замѣчанія, библиографическія и другія, должны быть изъ него выдѣлены, чтобы не загромаждать изслѣдованія и не затемнять изложенія по вопросамъ существеннымъ.

Такимъ образомъ результаты изученія полемическаго матеріала г. Голубевымъ остаются намъ пока неизвѣстными. Но важно для насъ отѣнить общій его взглядъ на историческое значеніе этого матеріала, намѣченный въ предисловіи къ настоящему тому словами болѣе ранняго изслѣдователя церковной уніи, г. Кояловича, который вполнѣ основательно указывалъ, что „у насъ утвердилось почти всеобщее мнѣніе, что унія введена лишь насиліемъ, преслѣдованіями православныхъ. Подъ вліяніемъ этого взгляда унія обыкновенно представляется, какъ картина страданій, мученій, казней, — что, разумѣется, дѣлаетъ исторію уніи вовсе неинтересною для того, кто ищетъ въ событіи мысли, а не ужасныхъ и верѣдко бессмысленныхъ сценъ, въ которыхъ представляется съ одной стороны буйство, звѣрство, а съ другой — возмутительное страданіе“. Не отрицая варварскихъ мѣръ для утвержденія уніи, къ коимъ прибѣгали ревнителѣ папства, Кояловичъ совершенно справедливо (слова г. Голубева) думаетъ, что видѣть при означенной пропагандѣ католическихъ идей „одно

внѣшнее насиліе, одни гоненія, значить слишкомъ мало понимать страданія и твердость литовско-русскихъ православныхъ во время уніи и настойчивость ея поборниковъ. Рядомъ съ этими варварскими мѣрами и магометанскими гоненіями употреблялись съ той и другой стороны мѣры чисто европейскія, цивилизованныя, — убѣжденія, разсужденія, рассказы въ пользу или противъ уніи, въ формѣ проповѣдей, публикацій, брошюркъ, посланій и цѣлыхъ сочиненій. Такимъ образомъ подлѣ возмутительной картины гоненій и страданій развертывалась болѣе достойная изслѣдованій и болѣе важная по своимъ послѣдствіямъ картина словеснаго, ученаго спора, — картина религиозной полемики. На эту обширную и самую заманчивую въ свое время арену выступали сотни борцовъ, самыхъ разнообразныхъ званій, чиновъ, дарованій, образованія и добросовѣстности“. Выдѣлить изъ всей массы этихъ полемическихъ изданій тѣ, которыя сохранили историческое значеніе, по своему ли вліянію, какое они оказали въ свое время, или по силѣ своей аргументаціи, — такова, повидимому, задача, которую ставитъ себѣ г. Голубевъ, какъ предметъ общаемаго изслѣдованія.

Въ настоящій томъ собственно полемическихъ сочиненій вошло десять, изданныхъ первоначально въ 1587—1634 годахъ, кромѣ одного, 1616 г (Отписъ на листъ виленскихъ унитовъ), которое напечатано по рукописи. Кромѣ нихъ, здѣсь помѣщены подъ четырема нумерами документы рукописные, а именно. I. Письмо суральскаго архимандрита къ кіевскому митрополиту Макарію, 1536 г.; II. Форма церковнаго отлученія, составленная южно-русскими іерархами въ 1544 г.; III. Неизданныя сочиненія и посланія Іоанна Вишенскаго (извѣстнаго аѳонскаго монаха изъ города Вишни, въ нынѣшней Галиціи), числомъ пять; IV. Собственноручныя записки Петра Могилы, составляющія шесть отдѣльныхъ статей.

Самая большая по объему статья изъ рукописей Петра Могилы это — „Сказанія о чудесныхъ и замѣчательныхъ явленіяхъ въ церкви православной, — южнорусской, молдо-влахійской и греческой“. Извѣстій изъ послѣднихъ впрочемъ немного, а преобладаютъ конечно мѣстныя южнорусскія и въ частности — относящіяся къ Кіево-печерской Лаврѣ. Писаны они, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, въ 1629—1631 годахъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукою современнаго сочиненія Аѳанасія Кальновоїскаго „Тератургима“ (1634 г), посвященнаго Лаврѣ, пещерамъ и проявившимся здѣсь чудесамъ, чтобы сличить, пользовался ли онъ записками Могилы, если поль-

зовался, то въ какой мѣрѣ, и насколько имъ слѣдоваль? Это и должно бы было составить между прочимъ предметъ одного изъ тѣхъ комментаріевъ, въ отсутствіи которыхъ мы упрекнули г. Голубева, и который, по своему содержанію, не можетъ найти мѣста въ его будущемъ изслѣдованіи, основною темою котораго послужить литературная *полемика*.

Могила почти не заноситъ въ свои „Сказанія“ обычныхъ явленій жизни, хотя бы они прямо касались церкви православной, въ частности мѣстной, и даже той самой Лавры, гдѣ онъ состоялъ тогда священно-архимандритомъ. Онъ имъ даетъ мѣсто только тогда, когда съ ними связано какое-нибудь чудесное явленіе. Такимъ образомъ каждое отдѣльное сказаніе получаетъ обликъ поучительной легенды, и во всѣхъ ихъ отражается какъ личность самого Могилы, такъ еще болѣе характеръ эпохи, совмѣщавшей въ себѣ, наряду со скептицизмомъ иновѣрцевъ, происходившимъ то изъ фанатической нетерпимости (у католиковъ), то изъ столь же нетерпимаго раціонализма (у кальвинистовъ и особенно „аріанъ“, т. е. антитринитаріевъ), глубокую простоту вѣрованія, доходящую иногда, по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, до кощунственной наивности (таковъ, напр., рассказъ со словъ кіевского католическаго бискупа объ исцѣленіи по молитвѣ его къ Печерской Богородицѣ дорогаго *коня*, стр. 72). Черты эти интересны и сами по себѣ, а вмѣстѣ съ ними въ „Сказаніяхъ“ сохранилась и нѣкоторыя другія бытовья или историческія подробности.

Могила почерпалъ матеріалъ для своихъ сказаній изъ устныхъ разсказовъ людей самаго разнообразнаго общественнаго положенія, и съ замѣчательною добросовѣстностью хрониста отмѣчаетъ каждый разъ, отъ кого именно, даже когда и гдѣ слышалъ онъ о томъ или другомъ событіи, и если одно и то же передавали ему разныя лица, то онъ поименовываетъ по преимуществу очевидцевъ или участниковъ.

Иновѣрцы посѣщали въ тѣ времена Печерскую Лавру нерѣдко, какъ католики, такъ и протестанты, и по большей части относились къ мѣстной святынѣ благоговѣнно. Но нерѣдки бывали случаи, что посѣтители издѣвались надъ мощами и даже похищали части ихъ для обличенія „обмана,“ по мнѣнію ихъ, со стороны православныхъ. Могила приводитъ довольно много случаевъ подобнаго кощунства, за которое виновныхъ постигала кара (49—52, 68, 73, 74, 101, 109, 111). Любопытно, что мѣстный католическій епископъ

не только самъ бывалъ въ Лаврѣ на поклоненіи, но и порицалъ тѣхъ, которые позволяли себѣ насмѣхаться надъ ея реликвіями: однажды, въ поученіе кощунствовавшему бернардинскому монаху, онъ разсказалъ несчастный случай съ однимъ насмѣшникомъ, и пригрозилъ: „Не хули святыхъ, да и не ты, якъ же сей, зло нѣчто постраждеши.“ Рѣчь свою, передаваемую Могилою въ переводѣ, онъ закончилъ такимъ обращеніемъ ко всѣмъ „своимъ:“ „Иже хочетъ въ пещеру ити, да не входитъ, аще не имать вѣру, якъ къ святымъ вѣрити и честно сихъ тѣлеса посѣщати не хочетъ. Святая бо мѣста святолѣпно съ вѣрою посѣщати подобаетъ.“ Вообще, по свидѣтельству Могилы, бѣлое католическое духовенство не проявило такой нетерпимости, какъ униаты, а въ особенности іезуиты, всякій разъ представляемые въ весьма неблаговидномъ свѣтѣ (62—64, 93, 96, 105—109).

Со стороны иновѣрцевъ свѣтскаго званія насилія надъ православными чаще имѣли основаніемъ вовсе не религіозныя побужденія, а просто имущественныя, что случалось и со стороны православныхъ шляхтичей. Такъ, кіевскій земскій писарь Василій Вороничъ, завладѣвъ рыболовнымъ озеромъ Межигорской обители, грозитъ монахамъ: „Яко где обрящу инока съ вашего монастыря, яко же злодія висити повелю“ (53). Конечно, если преслѣдователемъ былъ иновѣрецъ, то православные старались придать факту окраску исповѣдную. Въ такомъ исключительно свѣтѣ представлены у Могилы случаи, когда иновѣрные помѣщики заставляли крестьянъ работать въ православные праздники, хотя здѣсь и на самомъ дѣлѣ не обходилось безъ насмѣшекъ надъ этими праздниками, — вообще введеніе у католиковъ григоріанскаго календаря увеличивало число столкновеній изъ за исповѣданія (102, 103, 104, 123).

Если свѣтскіе изъ жадности притѣсняли монастыри, то не всегда оказывались чистыми въ этомъ отношеніи и сами монашествоващія. Могила приводитъ примѣры утайки ими денегъ (73), даже святотатства (78), а бѣдствія, постигавшія монастыри, какъ истребленіе градомъ лаврскихъ посѣвовъ (55) и пожары аѳонскихъ монастырей, Діонисіатскаго (122) и Симопетра (тамъ же), онъ объясняетъ ихъ скупостью въ раздачѣ хлѣба нищимъ.

Событій изъ исторіи политической Могила приводитъ немного, и притомъ только мимоходомъ, по инымъ поводамъ. Такъ, у него упомянуты: татарскій набѣгъ и сожженіе Галича въ 1593 г (49), переходъ войскъ Лжедмитрія („Димитръ рострига“) мимо Кіева въ

1607 (109), неудачное нападеніе козаковъ на Сочаву во время Хотинскаго похода 1621 (77), морской набѣгъ ихъ на Турцію вслѣдъ за этой войною (54), походы поляковъ противъ козаковъ къ Корукову въ 1625 г (110, 112) и за Днѣпръ въ 1630, когда они переправлялись у Лавры и въ Стайкахъ (101). Къ этому можно добавить упоминаніе о моровомъ повѣтріи въ Вильнѣ въ 1625 и о бѣгствѣ тогда жителей изъ города (116).

Для старинной типографіи Кіева имѣютъ интересъ только два мѣста „Сказаній“: въ одномъ (55) говорится, что „окрестъ“ Печерской Лавры простирались ея пахатныя поля, но мы знаемъ по другимъ источникамъ, что въ этой мѣстности, кромѣ женскаго монастыря (упоминаемаго и здѣсь, 69), находилась еще и деревня монастырскихъ крестьянъ; второе мѣсто (70) касается одного изъ спорныхъ пунктовъ между Максимовичемъ и Закревскимъ, существовали-ли въ древности Андреевскій спускъ: здѣсь говорится, что дорога изъ Лавры въ замокъ (на Фроловскую гору) проходила черезъ гору „Вздыхалницу,“ слѣдовательно, спуска въ нынѣшнемъ направленіи не было, а дорога на Подоль огибала замковую гору съ юга, сворачивая съ Андреевской горы на Гончари (какъ сохранилась и теперь, выше дома Каллистратова), что не исключаетъ и другой дороги, отъ Софійскаго монастыря и его „слободы“ черезъ Кожемяки, со спускомъ у бывшей церкви Іоанна Златоустаго, наискось теперешней Старокіевской каланчи: пѣшеходная дорога была здѣсь еще лѣтъ 35 назадъ и засыпана только при постройкѣ зданія Присутственныхъ мѣстъ.

Изъ мѣстныхъ преданій и памятниковъ Могила упоминаетъ о древней церкви въ Туровѣ и о находящейся въ ней чудотворной иконѣ Богородицы, принесенной сюда изъ Корсуни (Херсона) по взятіи его св. Владиміромъ (91); ему же приписывается построение церкви Никольской въ Смединѣ, гдѣ хранилась и чудотворная икона св. Николая, но едва-ли въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, преданіе не смѣшало со св. Владиміромъ лица позднѣйшаго, князя Владиміра Ольгердовича, дарственная запись котораго въ пользу Смединской церкви на земельный участокъ была записана въ напрестольномъ евангеліи и воспроизведена у Могилы (59). Любопытно, что здѣсь же *впервые* встрѣчаемъ легенду о заблудившихся въ „Орельской“ пустынѣ „севрукахъ,“ т. е. охотникахъ-промышленникахъ Сѣверской земли (ловцы, ихъ же нарицаютъ севруки), встрѣтившихъ здѣсь отшельника изъ бывшихъ межигорскихъ монаховъ,

который и указалъ имъ настоящій путь въ „города.“ Позже, преданіе это было приурочено къ основанію Густынскаго монастыря, подлѣ Прилукъ на р. Удаѣ, возникшаго около того самаго времени, когда писалъ Могила (1629, а случай отнесенъ къ 1620), но онъ могъ узнать объ этомъ только позже. Преданіе мы считаемъ *приуроченнымъ*, такъ какъ Густынъ лежитъ очень далеко отъ р. Орели, и здѣшняя мѣстность, какъ видно, напр., изъ раскладки подымной подати на 1629 г (въ актахъ центрального архива), вовсе уже не представляла собою тогда пустыни, а была довольно густо заселена. Сказаніе это было уже напечатано въ Густынской лѣтописи, изданной Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общества.

Утрата православными общественной силы и вліянія, вслѣдствіе перехода въ иновѣріе, преимущественно въ католицизмъ, представителей наиболѣе знатныхъ русскихъ родовъ, побуждало ихъ относиться къ этимъ родамъ съ особеннымъ вниманіемъ. Изъ нихъ особеннымъ могуществомъ въ нашемъ краѣ пользовались тогда князья Вишневецкіе, Корецкіе и Острожскіе; первые еще держались православія, но оба послѣдніе и отступили отъ него, и сами находились уже на порогѣ вымиранія. На нихъ поэтому преимущественно и останавливалась мысль. Могила передаетъ намъ рассказъ о возвращеніи въ православіе вдовы Іоахима Богушевича Корецкаго, Анны Ходкевичевны, въ которомъ встрѣчаемъ нѣсколько интересныхъ подробностей. Княгиня Анна, по этому сказанію, отличалась крайнимъ религіознымъ непостоянствомъ: „отъ православныя отлучившись вѣры, въ многія ереси часто премѣняшеся: отъ калвинской въ новокрещенскую, еже есть арианскую, и въ инныя многія, даже и въ іудейское впаде невѣріе, якоже съ іудеи субботствовати; многа же зла творяше іереемъ, паче же инокомъ, сиче православнымъ, якъ же и латинскимъ.“ Наконецъ, обратилъ ее снова въ православіе монахъ изъ Скитскаго монастыря, и умерла она въ вѣрѣ предковъ.

Особенно беспокоила православныхъ будущая роль и судьба малолѣтнихъ князей Острожскихъ, сыновей Александра, послѣднихъ въ этомъ родѣ, въ лицѣ князя Константина II оказывавшаго православію сильную поддержку. Вдова Александра, княгиня Анна, изъ фамиліи Костка, ревностная католичка, подчинилась вполне вліянію іезуитовъ и поручила имъ воспитаніе своихъ дѣтей, устранивъ прежняго ихъ православнаго наставника, извѣстнаго Зизанія Тустановскаго. Въ результатѣ юноши оказались католиками. По поводу ихъ раньше еще княгинѣ было доставлено таинственными путями

предостерегательное письмо „пустынника Наревской пущи, Или,“ на польскомъ языкѣ, приводимое въ подлинникѣ въ „Сказаніяхъ,“ съ угрозою преждевременной ихъ смерти и жестокой кары самой княгини, если она отклонить ихъ отъ отцовскаго исповѣданія (93—96). Еще ранѣе, кн. Анна получила такое же грозное предупрежденіе по поводу преслѣдованія ею православныхъ въ г. Ярославѣ и отнятія у нихъ церкви, а передала его католическая монахиня, родомъ тоже Костчанка, по указанію явившагося ей видѣнія (61—65). Родъ князей Острожскихъ имѣлъ въ глазахъ всего населенія края такое высокое значеніе, что со смертью послѣднихъ его представителей, Константина и Ивана (въ католичествѣ обоимъ дано имя Адамъ) Александровичей, связалось преданіе о явленіи въ Острогѣ небеснаго знаменія, — видна была рука, держащая мечъ, съ котораго текла кровь.

Намъ, разумѣется, нельзя было исчерпать всего матеріала, заключающагося даже въ однихъ „Сказаніяхъ;“ но и приведеннаго достаточно, чтобы одѣлать ихъ важность. Замѣтимъ еще о языкѣ Могилы, что онъ сильно отличается отъ господствовавшаго тогда въ мѣстной письменности. Это болѣе или менѣе чистый церковно-славянскій, съ которымъ Могила хорошо познакомился еще на родинѣ, въ Молдавіи, и который здѣсь былъ языкомъ не только церкви, но также дипломатіи и права. Изъ особенностей мѣстныхъ отмѣтимъ одну, показывающую, что во всей Южной Руси вполнѣ уже установилось въ ту пору произношеніе *ъ* какъ *и*: не только первая буква замѣняется второю, но даже и наоборотъ (злодій, висити; и также: здохлѣ, свѣнѣ, вм. здохли, свиньи: 53, 102, 132).

Въ заключеніе укажемъ нѣсколько замѣченныхъ нами мелкихъ редакціонныхъ недосмотровъ, къ сожалѣнію, повторившихся и въ приложенныхъ въ концѣ книги указателяхъ. На стр. 120 говорится о „панѣ Киевскомъ Гаврилѣ Хойскомъ:“ это Гойскій или Гостскій (Hoysky, Hostsky), но онъ и въ указателѣ показанъ въ неправильной транскрипціи, а его званіе Киевскаго *каштелляна* („панъ“) вовсе не обозначено; поэтому и имѣніе его, о которомъ тамъ упоминается, не Хоище, какъ въ текстѣ, и не кievск. губ., какъ въ указателѣ: это Гоща, или Гуща, теперь м-чко Острожскаго у. Въ указателѣ лицъ вовсе пропущена фамилія Острожскихъ! Въ указателѣ мѣстностей пропущены: Скитъ (65, 67, извѣстный монастырь въ горной Галиціи), Стайки (101, 102, с. кiev. у). Одно и то же село Смидинъ (ковельск. у) внесено въ указатель дважды, по двоякому написанію въ тек-

стѣ „Мѣдвнѣ“ и „Смѣдинѣ“, съ неправильнымъ обозначеніемъ уѣзда Пинскаго (59, 60). На стр. 49 въ первыхъ же строкахъ „Сказаній“ очевидная описка или опечатка „Днѣпрѣ“ вм. „Днѣстрѣ“, что повторено и въ указателѣ, и вышла несообразность, будто Покутье (горная часть восточной Галиціи, Коломыйскій округъ) находится отъ Кіева за Днѣпромъ! На стр. 88 упоминается житель „веси Зарубинецѣ“, имѣнія „пани виленской“, и въ указателѣ находилъ: „Зарубенецѣ, д. Вилен. губ.“, тогда какъ это Зарубинцы, село каневск. у., владѣлицѣ котораго, виленской пани, т. е. вдовѣ каштеляна Ходкевича, Софѣѣ, по первому мужу, Роману, княгинѣ Ружинской, а урожденной Карабчевской, принадлежало въ Кіевщинѣ очень много имѣній; здѣшніе Зарубинцы должны бы быть знакомы историку мѣстной церкви, такъ какъ это древній городъ Зарубъ, изъ лѣтописнаго упоминанія о которомъ мы и знаемъ о существованіи въ до-татарскую эпоху особой епископской каеодры, на Поросы, въ Юрьевѣ (Бѣлой Церкви): во время одного значительнаго набѣга Половецъ кіевскій князь „изведе Гюрьгевци и епископа ихъ Марина, и приведе *Зарубу*, и велѣ имъ сѣсти ту и за Саковцемъ, а Гюрьгевъ Половци зажыгоша тощѣ...“

Ив. Новицкій.

Обзоръ исторіи Русскаго права. Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Изданіе второе съ дополненіями. Кіевъ. 1888 г. стр. I—XXVI, 1—542.

Предлагаемый „Обзоръ“, говоритъ почтенный авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, отнюдь не есть изложеніе науки въ полномъ учебномъ ея объемѣ; онъ долженъ служить только *пособіемъ при слушаніи лекцій*. Содержа въ себѣ указаніе вопросовъ науки въ ихъ систематическомъ порядкѣ, „Обзоръ“ предполагаетъ изложеніе дѣйствительнаго содержанія ея посредствомъ устнаго изложенія. Въ виду такого заявленія автора о своей книгѣ, принимающійся за чтеніе ея невольно останавливаетъ вниманіе на объемѣ книги, заключающей въ себѣ 542 стр. и притомъ очень убористой печати. Самый объемъ располагаетъ читателя къ надеждѣ найти въ книгѣ не только то, что она обѣщаетъ, но и нѣчто другое, большее. Эта надежда вполнѣ оправдывается при чтеніи книги. Читатель пріятно убѣждается, что въ томъ, что съ точки зрѣнія профессора есть только указаніе вопросовъ науки въ ихъ систематическомъ порядкѣ, дается читателю ясное, систематическое и сжатое изложеніе всей со-

вокушности главныхъ и существенныхъ предметовъ, понятій и данныхъ, составляющихъ дѣйствительное содержаніе науки, какъ опредѣлилось оно для читателя по прочтеніи введенія къ „Обзору“. Изложене оживлено обильнымъ подборомъ наиболѣе характеристическихъ свидѣтельствъ, примѣровъ и выраженій изъ лѣтописей и другихъ памятниковъ, который, вмѣстѣ съ отдѣльно изданными авторомъ тремя выпусками „Христоматіи по исторіи русскаго права“, даетъ твердую опору для сознательнаго усвоенія содержанія науки, обнимаемаго „Обзоромъ“. Впрочемъ съ нашей стороны было бы излишне распространяться о томъ, въ какой полнотѣ и съ какимъ успѣхомъ книга, носящая названіе „Обзора“, выполняетъ непосредственную задачу свою, въ качествѣ *пособія при слушаніи лекцій*.

Въ настоящей краткой замѣткѣ ограничимся обозначеніемъ лишь самыхъ общихъ чертъ той стройной системы, въ которой изложенъ „Обзоръ исторіи русскаго права“. Обзоръ раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ въ первой заключается исторія русскаго государственнаго права, а вторая содержитъ въ себѣ, такъ сказать, особенную часть курса этой исторіи, а именно: исторію русскаго уголовнаго и гражданскаго права, а также исторію процесса. Въ обѣихъ частяхъ исторія Русскаго права обзрѣвается по тремъ главнымъ періодамъ нашей исторіи, каковы: періодъ земскій (IX—XIII вв.), періодъ Московскаго государства и періодъ Имперіи.

Въ каждомъ изъ этихъ трехъ періодовъ исторія государственнаго права излагается по одной и той же строго опредѣленной системѣ, общее понятіе о которой даютъ слѣдующія рубрики: территорія, населеніе, власть, управление и законодательство. Въ свою очередь каждая изъ этихъ рубрикъ обнимаетъ цѣлую совокупность явленій, относящихся къ одной и той же области, но измѣняющихся въ своихъ формахъ, по даннымъ условіямъ историческаго развитія ихъ. Въ такой же стройной системѣ юридическихъ опредѣленій и данныхъ, выдвигаемыхъ послѣдовательнымъ движеніемъ правовой жизни, представлена исторія уголовнаго и гражданскаго права и исторія процесса. Слѣдя за частными и частнѣйшими отдѣлами каждой изъ этихъ исторій, читатель чувствуетъ, что относительное обиліе содержанія того или другаго изъ нихъ находится въ прямой зависимости отъ существа предмета и наличности матеріала, по которому онъ воспроизводится. Въ исторіи гражданскаго права особеннымъ обиліемъ и живѣйшимъ интересомъ содержанія выдаются отдѣлы, озаглавленные: исторія *русскаго семейственнаго права* и

исторія *вещного права*. Вообще при ближайшемъ ознакомленіи съ содержаніемъ частей и послѣдовательныхъ отдѣловъ „Обзора“ объемъ его уже не представляется превышающимъ то, что можетъ разумѣться подъ этимъ названіемъ: чувствуется напротивъ, что только благодаря сжатости изложенія, обусловленной ясностью и точно-стью опредѣленій, могло быть объято въ „Обзорѣ“ все обиліе содержанія его. При всей краткости и общности изложенія въ „Обзорѣ“, въ немъ встрѣчаемъ не мало объяснительныхъ указаній, касающихся самыхъ частныхъ явленій въ исторіи права, оставшихся незамѣченными у другихъ изслѣдователей предмета. Какъ на одинъ изъ многихъ примѣровъ этого рода, сошлемся на указаніе, касающееся рецепціи права изъ Литовскаго Статута, открываемой авторомъ въ исторіи права Московскаго государства еще въ эпоху Судебниковъ и Указанныхъ книгъ, т. е. еще до уложенія ц. Алексѣя Михайловича.

Исторія Русскаго права, построенная и обработанная такъ, какъ находимъ ее въ предлагаемомъ „Обзорѣ“, составляетъ существенное и весьма цѣнное пріобрѣтеніе для русской исторической науки вообще. Исторія права въ такомъ построеніи обнимаетъ самыя существенныя стороны и явленія всей исторической жизни нашей, рассматривая ихъ съ точки зрѣнія, направляющей къ тѣмъ яснымъ и общимъ опредѣленіямъ, которыя такъ важны для историка въ его работѣ надъ обобщеніями историческихъ явленій, надъ уясненіемъ внутренняго значенія и смысла ихъ. Разныя теоріи нашихъ историковъ, созданныя въ объясненіе главнѣйшихъ изъ этихъ явленій, находятъ вѣрную оцѣнку въ „Обзорѣ.“ Такъ напр. внимательный читатель замѣтитъ, что научныя опредѣленія и характеристики, предлагаемыя «Обзоромъ» въ области исторіи права за первый, земскій періодъ ея (IX—XIII в), заключающій въ своемъ составѣ начальную исторію Кіевской Руси,—что эти опредѣленія и характеристики оказываются весьма полезными для историка, имѣющаго дѣло съ дробностью и многовидностью явленій въ исторіи этого періода и съ разнообразіемъ существующихъ воззрѣній на ихъ значеніе и характеръ. Вообще исторію русскаго права въ системѣ „Обзора“ много облегчается та часть мыслительной работы историка, которая наступаетъ за изученіемъ и анализомъ данныхъ и фактовъ, и стремится къ синтезу въ построеніи зданія русской исторіи. Намъ остается констатировать то важнѣйшее достоинство „Обзора“, какъ научной работы, которое состоитъ въ непрерывныхъ и весьма обильныхъ указаніяхъ на литературу предмета передъ разными частями и

отдѣлами, а также въ неопустительныхъ, ясныхъ и точныхъ, ссылкахъ на первоисточники. Это обстоятельство придаетъ „Обзору“ значеніе настольной книги при занятіяхъ не только по исторіи русскаго права, но и русской исторіи вообще.

И. М.

Историко-статистическое описаніе роменскаго Свято-Духовскаго собора. Составилъ староста собора Иванъ Алексѣевичъ Куриловъ. 1887 г. Ромны. 77+XXVI.

Книжечка, можно сказать, вполне своя: составлена своимъ человекомъ, мѣстнымъ купцомъ, напечатана въ своей, роменской типографіи. Намъ пріятно удивило, что жители Ромна относятся къ ней любовно; купцы разобрали изданіе по лавкамъ—бакалейнымъ, галантерейнымъ, краснаго товара—и продаютъ своимъ покупателямъ. Внѣшность брошюры весьма недурна для типографіи уѣзднаго города.

Въ г. Ромнахъ, съ предмѣстьемъ Засульемъ, 5 церквей, не считая кладбищенской и новостроющейся базарной. Самыя древнія изъ нихъ—соборъ, Покровская, построенная Калнишевскимъ, и старая засульская, предназначенная къ сломкѣ. Каменный Свято-духовскій соборъ—старѣе всѣхъ; онъ освященъ въ 1747 году. Рядомъ съ нимъ, на одномъ „цвинтарѣ“, находится другая каменная, теплая церковь, во имя Св. Василія Великаго. Описаніе этихъ-то двухъ церквей и сдѣлалъ г. Куриловъ. Авторомъ руководила благая цѣль—сдѣлать такъ, „чтобы желающіе составлять историческія описанія нашего города имѣли хоть сколько-нибудь вѣрныя свѣдѣнія для своихъ описаній“.

Эта цѣль была бы вполне достигнута, еслибы г. Куриловъ ограничился хорошо извѣстной ему сферой—описаніемъ внѣшности собора, его имущества и хранящихся въ немъ бумагъ, на основаніи которыхъ онъ могъ бы отчасти возстановить и исторію постройки церкви. Но авторъ увлекся общенсторическими соображеніями о происхожденіи города, о церквяхъ, предшествовавшихъ описанному, и проч.,—и совершенно испортилъ дѣло. Г. Куриловъ соглашается съ предположеніемъ, что слово Римъ, упоминаемое въ „пѣсни“ о полку Игоревѣ, означаетъ Ромны; что Игорь, воспѣтый въ „Словѣ“, есть Игорь Рюриковичъ († 945 г), и что, стало быть, г. Ромны возникъ въ началѣ X вѣка, хотя и стоялъ „въ 20 верстахъ къ западу

(стр. 8) отъ нынѣшняго города“. Онъ совершенно убѣжденъ, что „Римъ, разоренный половцами въ X вѣкѣ“ (sic, стр. 8), перенесенъ на берега Сулы и Ромна кн. Владиміромъ Св., когда онъ строилъ города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Стугнѣ; что Владиміръ построилъ сейчасъ-же на самомъ высокомъ мѣстѣ „цитадель“ и даже окружилъ ее со всѣхъ сторонъ водою, такимъ образомъ, что омываемое Сулою и Ромномъ, какъ катетами, гористое, въ 14 сажень высоты, плато, перерылъ по гипотенузѣ каналомъ, сооруженіе, передъ грандіозностью котораго преклонились бы и нынѣшніе инженеры¹⁾). Какъ ревностный распространитель христіанства въ русской землѣ, равноапостольный князь Владиміръ въ то время всѣхъ ратныхъ людей своихъ обратилъ уже въ христіанскую религію, и по сказанію лѣтописца (препод. Нестора) „началъ строить церкви, поставлять священниковъ и приводить къ крещенію людей по всѣмъ городамъ и селамъ“, и вскорѣ за населеніемъ новаго города была устроена въ немъ, тутъ же на крѣпостномъ валу вблизи цитадели, деревянная церковь во имя Успенія Божія Матери, которая впослѣдствіи наименована соборною и существовала здѣсь почти до половины XVIII столѣтія, хотя можетъ быть въ теченіе столь долгаго времени она нѣсколько разъ починалась или передѣлывалась, но все таки осталась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ находится теплая церковь“²⁾).

Доказательствомъ того, что Успенская церковь въ г. Ромнѣ построена св. Владиміромъ, служитъ одно „дѣло“ соборнаго архива отъ 1763 года, въ которомъ говорится, что церковь существовала „издревле“. Неграмотные люди XVIII столѣтія не знали, кѣмъ именно построена церковь, и потому говорили *издревле*, а авторъ навѣрно знаетъ, что кн. Владиміромъ, потому что онъ ввелъ при церквяхъ „вѣсы и мѣры“, больше никто, а эти вѣсы еще въ прошломъ вѣкѣ составляли одну изъ доходныхъ статей церкви.

„Крѣпость роменская, въ которой находилась успенская соборная церковь, существовала со временъ Владиміра до XVIII вѣка безъ всякаго измѣненія“ (стр. 14).

Малороссійская коллегія—это, по мнѣнію автора, камеръ-коллегія, и „управляла“ она „экономією деревень и доходовъ: патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и соборныхъ“ (стр. 18).

¹⁾ Надо замѣтить, что нынѣшняя мѣстность г. Ромна не даетъ ни малѣйшей пищи воображенію автора.

²⁾ Стр. 10—11.

Всѣ эти разсужденія настолько наивны, что возбуждаютъ въ читателѣ истинно идиллическое настроеніе. Жаль только, что простаки, запасшіеся книжечкой, усвоятъ себѣ эту своеобразную исторію.

Но большая часть брошюры г. Курилова, содержащая документальную исторію собора и его описаніе, имѣетъ несомнѣнный, хотя и чисто мѣстный, интересъ. Авторъ прежде всего опровергаетъ укоренившееся въ мѣстномъ населеніи, ни на чемъ не основанное мнѣніе, что церковь построена Маврой Заборовской, сестрой митрополита Кіевскаго Рафаила Заборовскаго. Ни въ одной изъ бумагъ, тщательно разобранныхъ, г. Куриловъ не нашелъ никакихъ упоминаній объ этой личности. Есть только грамота митрополита Рафаила отъ 10 іюня 1747 года (приведена въ приложеніи) объ освященіи оконченнаго къ тому времени собора, съ разрѣшеніемъ богослуженія въ немъ. Авторъ полагаетъ, кажется основательно, что церковь построена на средства прихожанъ, съ участіемъ ктиторовъ Андрея Полетики, Ѳедора Лукьяновича и лубенскаго полковника Петра Апостола, а также на деньги, собиравшіяся съ церковной „важницы“ и ярмарочныхъ „лѣховъ“. Дальнѣйшая исторія собора ничѣмъ не выдѣляется изъ ряда подобныхъ ей: то крыша жестяная замѣняется за ветхостью желѣзною, то пристраивается придѣлъ на хорахъ, то сооружается новый кіотъ, или икона.

Изъ описанія иконостаса, ризницы и церковнаго имущества видно, что иконы въ соборѣ не замѣчательны ни живописью, ни стоимостью окладовъ, хотя весь иконостасъ имѣетъ величественный и типичный видъ, не уступая по высотѣ иконостасу кіевской лаврской большой церкви; изъ древнихъ же вещей, имѣющихся въ соборѣ, обращаютъ на себя вниманіе: два евангелія, одно львовской печати 1614 года, другое московской 1681 г., два большіе серебряные подсвѣчника и небольшая серебряная чаша, снабженные надписями XVII вѣка.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ книжечки помѣщены перечень служившихъ при соборѣ лицъ, описаніе недвижимаго имущества церкви и составъ прихода. Имѣнія собора весьма незначительны, а число прихожанъ не превышаетъ въ настоящее время сотни домовъ, съ 600 душъ обоего пола. Три священника и два діакона, составляющіе штатъ собора, положительно бѣдствуютъ и стараются переимѣститься при каждомъ удобномъ случаѣ.

Въ приложеніяхъ помѣщены 3 грамоты митрополитовъ Рафаила Заборовскаго и Тимофея Щербачкаго, разрѣшающія ктиторама и

прихожанамъ постройку церквей и ихъ придѣловъ, обязательство писаря роменской сотни Петра Яновскаго, при постриженіи его во священника (1737 г.), довольствоваться третьей частью парохіи, предоставляя двѣ остальныхъ части дѣтямъ покойныхъ соборныхъ священниковъ, и довольно безтолковый указъ изъ кievской консисторіи отъ 1763 г. о тяжбѣ собора съ генеральнымъ скарбомъ за церковныя „важницы“.

Въ заключеніе можно пожелать, чтобы наши уѣздныя церкви имѣли побольше такихъ трудолюбивыхъ и преданныхъ своему дѣлу старость, какъ г. Куриловъ.

Ө. Н.

И. А. Устиновъ, Литература о харьковской губерніи (библіографическій указатель). Изданіе Харьковского Статистическаго Комитета. X. 1887 г., 240 стр. Ц. 50 к.

И. А. Устиновъ, бывшій редакторъ неофициальной части „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, еще въ 1872 г. задался цѣлью „библіографически отмѣтить все, что появлялось когда-либо въ русской литературѣ по части исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и статистики Харьковскаго края“; но въ Харьковѣ оказалось невозможнымъ найти харьковскія изданія и потому „только черезъ 10 лѣтъ, въ 1883 г. составителю настоящей книги представилась возможность осуществить свое намѣреніе при посредствѣ колоссальнаго русскаго книгохранилища Имп. Спб. Публичной Библіотеки“. Харьковский Статистическій Комитетъ „въ виду полезности труда г. У—ва для всѣхъ лицъ, интересующихся литературой, касающейся харьковской губ., постановилъ напечатать этотъ трудъ на счетъ комитета въ видѣ отдѣльной брошюры“. Таково происхожденіе настоящей книжки. Составлена она на основаніи личнаго просмотра г. У—вымъ сочиненій и статей съ одной стороны и указателей и каталоговъ съ другой. Сюда вошли сочиненія и статьи по мѣстной исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и статистикѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывается и содержаніе или оглавленіе статей и книгъ. „Исполненный такимъ образомъ трудъ въ изложенныхъ предѣлахъ заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и *полный указатель „Харьк. Губ. Вѣд.“ за время съ 1838 по 1880 г. включительно, вмѣщавшихъ въ себѣ описанія, касающіяся исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и статистики края, столь давно ожидаемый и не*

появлявшійся донинѣ“. Дѣйствительно, нельзя не признать указателя г. У—ва очень полезной справочной книжкой. Стоитъ только прочесть это изданіе, чтобы убѣдиться, что здѣсь отмѣчено множество интересныхъ книгъ и въ особенности журнальныхъ и газетныхъ статей и статейекъ по указаннымъ выше предметамъ. Особенно много указаній найдетъ для себя лицо, интересующееся мѣстной стариной: историческими работами, матеріалами, данными для исторіи мѣстной литературы, просвѣщенія и театра. Разыскиваніе необходимыхъ свѣдѣній облегчается помѣщенными въ концѣ книги указателями—предметнымъ и личнымъ.

Таковы достоинства разбираемаго сочиненія; но есть въ немъ и кое-какіе пробѣлы и недостатки. Составитель извѣстенъ своими небольшими изслѣдованіями по мѣстной старинѣ: въ „Харьков. Губ. Вѣд.“, въ концѣ 70-хъ годовъ, печатались его замѣтки и матеріалы подъ общимъ заглавіемъ „Харьковская старина“; въ харьковскомъ календарѣ на 1886 г. была помѣщена его статья „Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія“; въ 1887 г. онъ издалъ нѣчто въ родѣ описанія или справочной книги о г. Харьковѣ подъ заглавіемъ „Описаніе г. Харькова“. Эти занятія, стоявшія въ прямой связи съ редактированіемъ имъ мѣстной газеты, дали автору возможность болѣе или менѣе удачно разрѣшить одну половину принятой имъ на себя задачи—ориентироваться въ библиографическомъ матеріалѣ, помѣщавшемся въ разныхъ мѣстныхъ изданіяхъ. Но кромѣ мѣстныхъ изданій г. У—въ рѣшился воспользоваться также и общими. Этимъ онъ значительно расширяя свою задачу, но и затрудняя удовлетворительное выполненіе ея. Широкая постановка темы привела къ тому, что оказались недочеты не только въ общихъ, но и мѣстныхъ изданіяхъ. Съ другой стороны внесено было въ указатель многое такое, что къ исторіи, географіи и этнографіи Слободской Украины не относится.

Представимъ въ подтвержденіе своихъ положеній нѣсколько фактовъ. Укажемъ сначала на пропуски, а потомъ на лишнія статьи. Г. У—въ указываетъ на описаніе г. Харькова 1678 г., помѣщенное въ IX т. „Доп. къ актамъ истор.“ и даже приводитъ нѣкоторыя выдержки изъ этого описанія, но неизвѣстно, почему игнорируетъ описанія другихъ слободско-украинскихъ городовъ, находящіеся въ томъ же документѣ (Алешни, Ахтырки, Сумъ, Вольнаго, Острогожска и многихъ другихъ); объ Актахъ Южной и Западной Россіи онъ вовсе не упоминаетъ, между тѣмъ какъ тамъ въ 3-мъ и другихъ

томахъ заключаются любопытныя свѣдѣнія о переселеніяхъ мало-россіяня въ нашъ край; точно также пропущены Акты историческіе (I-й томъ—о Черкасахъ на р. Донцѣ), Географическій словарь Семенова, Книги разрядныя, Дворцовыя разряды, Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, Книга Глаголемая большой чертежъ, изд. Спасскимъ, а раньше Языковымъ, и наконецъ такой источникъ первостепенной важности, какъ Полное собраніе законовъ; ничего не говорится о лѣтописяхъ (Самовидца, Грабянки, Величка и другихъ), о нѣкоторыхъ запискахъ (Я. Маркевича) и разнообразныхъ матеріалахъ, помѣщавшихся въ изданіяхъ ученыхъ обществъ (въ Сборникѣ И. Русск. Ист. Общ., на примѣръ, печатались протоколы Екатерининской Коммисіи для составленія проекта новаго уложенія, въ засѣданіяхъ которой принимали участіе и харьковскіе депутаты); можно было бы указать не мало пропусковъ и относительно изслѣдованій и статей по исторіи, археологіи и этнографіи. Не выбраны, на прим., свѣдѣнія изъ трудовъ археологическихъ обществъ о находкахъ монетъ и другихъ древностей въ предѣлахъ харьковской губ. (см., напр., „Изв. о находкахъ монетъ и другихъ древн. въ Россіи“ въ Зап. Спб. Нумизмат. Общ., т. 2-й, 1850 г. или ст. Пискарева „О мѣстонахожденіи каменныхъ бабъ“ въ Зап. Имп. Арх. Общ., т. III, 1851 г.); не указаны многіе важныя этнографическіе матеріалы (въ родѣ, на примѣръ, любопытныхъ разказовъ Вс. Коховскаго, записанныхъ изъ устъ народа въ изюмскомъ уѣздѣ харьковской губ. и помѣщенныхъ въ „Основѣ“ за 1862 г., май); не будемъ приводить другихъ примѣровъ, а замѣтимъ только, что и въ указателѣ къ Харьк. Губ. Вѣд. есть пропуски. Такъ, напр., пропущены статьи: „Описаніе древностей, отправленныхъ проф. Борисякомъ въ Московское Археологическое Общество“ (Х. Г. В. 1869 г., № 30) и 2) Нѣчто изъ старины. О первыхъ харьковскихъ училищахъ (Х. Г. В. 1872 г., № 52 и 53).

Мы не могли, конечно, взять на себя систематической провѣрки того, насколько книга г. У—ва является дѣйствительно полнымъ указателемъ къ Х. Г. В. съ 1838 по 1880 г., но отмѣченные нами пропуски, сдѣланные по нашимъ случайнымъ библиографическимъ замѣткамъ, приводятъ къ убѣжденію, что число такихъ пропусковъ не ничтожно.

На ряду съ пробѣлами мы должны отмѣтить такія указанія, которыя не должны были войти въ книгу г. У—ва. Очевидно, авторъ внесъ большую часть такихъ указаній изъ другихъ библиографиче-

скихъ сочиненій, будучи введенъ въ заблужденіе заглавіями статей. Такъ, напр., онъ приводитъ статьи, въ названіяхъ которыхъ было слово *Украина*, забывши, что кромѣ Слободской Украины была еще и лѣвобережная, и правобережная; нерѣдко также онъ отождествляетъ *слободскихъ* козаковъ съ малороссійскими, гусарскіе слободско-украинскіе полки съ новороссійскими и т. д. Спрашивается, какое отношеніе къ харьковскому краю имѣютъ, напр., слѣдующія статьи: Головатый—Квитки, Первая войны малорос. козаковъ—Н. Костомарова, Михайло Чернышенко Л. Кулиша, Афанасій Колпакъ—Скальковскаго, Замѣтка о Петрѣ Вел.—Зернина, Суворовскія бумаги—Г. Данилевскаго, Критическія замѣчанія, относящіяся къ исторіи Малороссіи—Максимовича, Украинскіе юридическіе акты XVII в.—А. Л—каго, Памятники украинской народной словесности—П. Ефименка, Малороссійскіе чумаки (въ „Калейдоскопѣ“ и „Рус. Инв.“), Акты оскольскаго края—Голицына, Краткая записка о малороссійскихъ козакахъ—кн. Рѣпина, Г-нъ Костомаровъ, какъ историкъ Малороссіи—Г. Карпова, Малороссійскіе города—Г. Карпова, Физико-химическое врачебное испытаніе минеральныхъ водъ, открытыхъ въ полтавск. губ., конст. у.—Гизе, Письма Императора Петра I-го къ гетману Скоропадскому и мног. др.? Еще въ большую ошибку впадаетъ г. У—въ, когда приводитъ въ своемъ указателѣ статью Германова „Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ ворон. губ.“ и при этомъ дѣлаетъ отъ себя такое примѣчаніе: „однодворческое населеніе образовалось въ мѣстности бывшаго Острогожскаго слободскаго полка изъ войсковыхъ обывателей“; на самомъ дѣлѣ однодворцы представляютъ изъ себя потомковъ великорусскихъ служивыхъ людей, а войсковые обыватели—малорусскихъ слободскихъ козаковъ; слѣдовательно, это двѣ различныя въ этнографическомъ и бытовомъ отношеніи группы населенія; Острогожскій слоб. полкъ былъ населенъ главнымъ образомъ войсковыми обывателями, а не однодворцами. Наконецъ, въ заключеніе мы должны отмѣтить еще нѣкоторыя чисто внѣшнія неисправности или, лучше сказать, недосмотры; одна и та же статья указывается иногда въ книгѣ г. У—ва по два раза: о слободѣ Каплуновкѣ говорится подъ № 129 и 132 (правильно первое указаніе), о статьѣ Квитки „Украинцы“ подъ № 138 и 161 (правильно второе указаніе), о статьѣ Г. П. Данилевскаго „Частныя и общественныя собранія старинныхъ актовъ“—подъ № 443 и 449 и нѣк. др. Не указываемъ на нѣкоторыя опечатки, не исправленныя составителемъ.

Отмѣчая всѣ эти промахи, мы конечно сознаемъ всю неизбежность ихъ въ подобныхъ работахъ. Въ общемъ трудъ г. У — ва является полезнымъ вкладомъ въ областную библиографическую литературу. Нельзя не выразить по этому случаю пожеланія, чтобы авторъ нашелъ себѣ продолжателей, и чтобы, по образцу его книги, были составлены аналогичные указатели и по другимъ южнорусскимъ губ. Прекрасный трудъ А. М. Лазаревского „Указатель источниковъ для изученія малороссійскаго края“ къ сожалѣнiю остановился на первомъ выпускѣ; притомъ онъ доведенъ былъ только до 1857 г. Такимъ образомъ, полная южнорусская историческая библиографія можетъ повидимому появиться въ свѣтъ при одномъ условіи: если предварительно будутъ составлены частные указатели, обнимающіе сравнительно небольшую территорію губ. или maximum области, т. е. Новороссійскаго края, Кубанской области, Лѣвобережной Украйны, Юго-Западнаго края. Только при наличности такихъ библиографическихъ указателей областная разработка южнорусской исторіи можетъ дѣйствительно подвинуться впередъ.

А. Лебедевъ, О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьковской и Курской духовныхъ консисторій. М. 1887 г. 30 стр.

Брошюра представляетъ оттискъ изъ „Чтеній Моск. Общ. Ист. и Древн.“ Авторъ ея, профессоръ церковной исторіи въ харьковскомъ университетѣ А. С. Лебедевъ, извѣстенъ своими работами по изданію и разработкѣ мѣстныхъ историческихъ матеріаловъ (харьковскихъ и курскихъ). Результатомъ его архивныхъ занятій въ харьковской и курской духовныхъ консисторіяхъ является и настоящій сборничекъ систематизированнаго и и сгруппированнаго матеріала. Матеріаль этотъ относится къ весьма важному и любопытному вопросу и, по справедливому замѣчанію собирателя, „помимо собственно церковно-правоваго значенія и въ бытовомъ отношеніи представляетъ не малый интересъ“. Поводы къ разводу, какъ видно изъ документовъ почтеннаго профессора, были слѣдующіе: 1) болѣзненное состояніе одного изъ супруговъ, 2) многобрачіе, 3) несовершеннолѣтіе, 4) прелюбодѣяніе, 5) взаимное согласіе супруговъ на разводъ. Каждую изъ этихъ причинъ къ разводу А. С. Лебедевъ иллюстрируетъ нѣсколькими фактами живой дѣйствительности. Дѣйствительность эта подъ-часъ является довольно своеобразной и носить на себѣ печать мѣстныхъ бытовыхъ условій. При расторженіи брака, вслѣдст-

віе половой неспособности одного изъ супруговъ, лицо, признанное неспособнымъ къ супружеской жизни, не обрекалось и напередъ, какъ это практиковалось въ московской епархіи, на вѣчное безбрачіе. Такъ именно было съ жителемъ села Могрицы, миропольскаго округа, Захаріемъ Бобрицкимъ. Многобрачіе въ Бѣлгородской епархіи, въ особенности среди простолюдиновъ, было явленіемъ обычнымъ; оно поддерживалось условіями мѣстнаго быта: частыми переходами жителей съ одного мѣста на другое, бѣгствомъ, военными походами, татарскимъ полономъ“ и т. п. Провинившагося въ такихъ дѣяніяхъ наказывали плетью и возвращали къ первой женѣ. Но проф. Лебедевъ приводитъ одинъ характерный случай, гдѣ многобрачіе совершилось съ соизволенія церковнаго начальства. Копіистъ Недрыгайловскаго уѣзднаго суда Василій Яковлевъ былъ выкрещенный еврей; принявъ св. крещеніе, онъ разошелся съ прежней женой еврейкой Итой, отъ которой у него были и дѣти, и женился на православной обывательницѣ г. Сумъ Дарьѣ Наталушенковой; но вскорѣ вошелъ съ просьбой о дозволеніи ему разойтись со 2-й женой и снова жениться на 1-й, такъ какъ она также приняла православіе; просьба его была уважена, и на него консисторіей была наложена только эпитимія, да и та преосвященнымъ отмѣнена. Этотъ случай ясно свидѣтельствуешь, что духовное начальство въ брачныхъ дѣлахъ обращало большое вниманіе на житейскія бытовыя условія. Среди однодворческаго, великорусскаго населенія часты были случаи разводовъ по несовершеннолѣтію женъ, нерѣдко соединенному съ снохачествомъ; на это зло указывалъ Сенатъ и Св. Синоду:... „между однодворцами непотребивый, обычай въ великомъ употребленіи, что они малолѣтнихъ своихъ сыновей, лѣтъ осьми и десяти и двѣнадцати женять и берутъ за нихъ дѣвокъ лѣтъ по двадцати и болѣе, съ которыми свекры ихъ много впадаютъ въ кровосмѣшеніе“. Особый интересъ представляютъ случаи разводовъ по взаимному согласію супруговъ. „Въ дѣлахъ харьковской духовной консисторіи“, говоритъ проф. Лебедевъ „мы нашли указанія, что при взаимномъ согласіи на разводъ, супруги давали одинъ другому разводныя письма и безъ участія отцовъ ихъ духовныхъ, лишь при свидѣтельствѣ мѣстныхъ жителей, особенно властей; и что по такимъ письмамъ фактически и бывали разводы, хотя, само собою понятно, духовная власть, когда открывалось дѣло, не признавала за ними легальной силы“. Подобные разводы опять таки въ большинствѣ случаевъ вызывались условіями самой жизни. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, при-

водимыхъ проф. Лебедевымъ (замѣтимъ, что всѣ они относятся исключительно къ маллороссіянамъ): „Житель Мерефы Прокофій Деденко въ 1712 г. взятъ былъ татарами въ плѣнъ и былъ въ ономъ 22 года; жена его Елена оставалась вдовою 8 лѣтъ, а затѣмъ вышла замужъ за другаго, съ которымъ жила 14 лѣтъ и прижила дѣтей. Возвратившійся изъ плѣна первый мужъ Елены, въ виду ея продолжительнаго сожитія со вторымъ мужемъ и прижитія ими дѣтей, не хотѣлъ разлучать ихъ, а взялъ только съ нихъ 5 рублей для вступленія самому въ другое супружество и кромѣ того, отъ нея письмо въ доказательство, что женится свободно, которое, письмо, и дала она ему при свидѣтеляхъ — атаманѣ той слободы и другихъ“.

Такимъ образомъ, разобранныя нами брошюра представляетъ нѣсколько новыхъ и любопытныхъ фактовъ для характеристики развода въ XVIII в. въ той мѣстности, которая съ этой стороны изученію еще не подвергалась; вмѣстѣ съ тѣмъ она даетъ дополнительный матеріалъ для исторіи семейныхъ отношеній въ Южной Россіи вообще, для исторіи, начало которой положено цѣнной статьёй О. И. Левицкаго. „О семейныхъ обычаяхъ въ Ю.-З. Руси“ (Рус. Ст. 1880, Ноябрь).

Д. И. Багалъй.

Личность и дѣятельность Симеона Полоцкаго (По поводу сочиненія о немъ І. Татарскаго). Г. Я. Кіевъ. 1887.

Въ 1886 году въ Москвѣ напечатана была магистерская диссертация І. Татарскаго, подъ заглавіемъ: „Симеонъ Полоцкій. Его жизнь и дѣятельность. Опытъ изслѣдованія изъ исторіи просвѣщенія и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII вѣка“. Мы читали ее въ свое время, когда она печаталась еще отдѣльными статьями въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцевъ въ русскомъ переводѣ“, издаваемыхъ при Московской Духовной Академіи, и вынесли изъ ея чтенія хорошее о ней представленіе. Авторъ пользовался свѣжими архивными матеріалами и изобразилъ жизнь и дѣятельность Симеона Полоцкаго довольно полно и обстоятельно. Мѣстами замѣтно у г. Татарскаго понятное и извинительное у молодого автора увлеченіе избраннѣйшимъ предметомъ, выразившееся отчасти въ стараніи обфлѣить Полоцкаго отъ возможныхъ и дѣйствительныхъ нареканій, отчасти въ излишнихъ подробностяхъ. Но въ общемъ итогѣ недостатки диссертации значительно перевѣшиваются ея до-

стоинствами. А между тѣмъ Г. Я. въ своей брошюрѣ топчетъ диссертацию г. Татарскаго въ грязь и обвиняетъ автора диссертациі въ ненаучности пріемовъ, въ какомъ-то тенденціозномъ, злокозненномъ пристрастіи къ Полоцкому и даже въ неустойчивости нравственныхъ воззрѣній! Во имя чего же ратуетъ Г. Я. противъ г. Татарскаго и какіе факты противопоставляетъ ему? Укажемъ одинъ примѣръ, близко касающійся нашего Кіева. „Симеонъ (Полоцкій) отлично зналъ“, пишетъ г. Я., „что въ Кіевѣ и въ Кіевской Академіи уніаты имѣли силу только до 1625 года. А съ 1625 года водворяется въ тамошнемъ училищѣ православіе, благодаря дѣятельности Петра Могилы,—этого ревнителя православія, который въ противовѣсъ ученой дѣятельности іезуитовъ, наводнявшихъ Малороссію католическими сочиненіями, создалъ и воспиталъ цѣлую школу истинно-православныхъ ученыхъ. Симеонъ Полоцкій учился тамъ въ сороковыхъ годахъ, слѣдовательно къ концу долгодѣтней дѣятельности Петра Могилы, когда, можно думать, Кіевская Академія сдѣлалась строго православной школой“ (стр. 18). Сколько въ этихъ немногихъ словахъ грубыхъ ошибокъ, доказывающихъ невѣжество рецензента! Во-первыхъ, Полоцкій никогда не высказывалъ приписываемыхъ ему рецензентомъ знаній; во-вторыхъ, унія никогда не имѣла силы въ Кіевской Академіи; въ-третьихъ, въ 1625 году Петръ Могила не былъ еще Кіево-Печерскимъ архимандритомъ и потому не могъ предпринять преобразованія Кіевской Академіи; въ-четвертыхъ, подозрѣніе въ приверженности къ унії скорѣе падало на преобразованную Петромъ Могилою школу, а не на прежнюю до-Могилинскую. Объ этомъ рецензентъ могъ бы прочитать въ „Исторіи Кіевской Академіи, С. Голубева, Кіевъ, 1886“. Мы впрочемъ не взяли бы и за перо, еслибы не увидѣли въ брошюрѣ, кромѣ невѣжества, еще другаго чего-то, худшаго. По тону рѣчи можно предполагать, что у рецензента есть какіе-то личные счеты съ г. Татарскимъ; но Г. Я. не открыто нападаетъ на г. Татарскаго, а во-первыхъ, прикрывается ничего не говорящими, вѣроятно псевдонимными инициалами и, во-вторыхъ, издалъ свою брошюру въ Кіевѣ, какъ бы сваливая нравственную отвѣтственность за нее на мѣстныхъ кіевскихъ ученыхъ. Поэтому мы считаемъ нравственнымъ долгомъ заявить, что брошюра Г. Я. составлена не въ Кіевѣ.

П.

„Русалочка“ З. Петруся, „Вівчарь“ Пелипця, „Зъ народного поля“ Чайченка.

Иные наивные „поэты“ воображаютъ, что всякое ихъ душевное изліяніе можетъ представлять общественный интересъ и должно дѣлаться общественнымъ достояніемъ. Нѣсколько примѣровъ подобнаго заблужденія дала и малорусская литература за прошлый годъ. Такова прежде всего „Русалочка. Збирнычокъ творивъ З. Петруся. Посвята коханій дружыны В. О. З—ій“. А за посвященіемъ появляется и русалочка, которая „вдывлася на село свое убоге“, и авторъ, въ душѣ котораго „голодный пугачъ вые“ и всякая другая „нысенытныця“, перемѣшанная стихами фривольнаго характера („Вітеръ віе доломъ“), подражаніями Кольцову („Занудылась я у хати“ и др) и какими-то удивительными уже не стихотвореніями, а неудачными словопостроеніями, менѣе нежели прозаическими въ родѣ „Зъ писень“ (Жыто жала). Для характеристики автора приведемъ одно изъ его стихотвореній:

Умовлася зъ козакомъ дивчына,
 Ай хто бильше наже жыта за день.
 Нажавъ козаць двадцать ще й три снопы,
 А дивчына двадцать и чотыри...
 Ой, язь силы въ вечери вечерять,—
 Выивъ козаць двадцать ще й три ложки,
 А дивчына двадцать и чотыри..
 Ой язь стало вранци розвяднатысь,
 Лежыть козаць, головы не зрушыть,
 А дивчына дрибну лыштву шыє.

Назидательно!

Ну и къ чему все это? Кому оно нужно, кромѣ П. З. да В. З—ои? Всякій, кому муза „съ помыйныци воду брала“, и кого этой водой „напувала“, вообразивъ себя поэтомъ, напишетъ не хуже Петруся. Но зачѣмъ же терзать читателей малорусскихъ книжекъ!

Не лучше „Вівчарь“, поэма (sic) Пелипця. Кромѣ самаго изложенія „вівчарной“ трагедіи, тутъ много плохаго низкопробнаго лиризма. Содержаніе поэмы таково: вівчарь Васыль и богата дивчына Мелася любятся, но родители Меласи не жалуютъ этой любви. Съ цѣлью разбогатѣть Васыль поступаетъ „въ экономію“ къ нѣмцу и скоро начинаетъ разживаться. Мелася между тѣмъ отпросилась у родителей „на буряки“, гдѣ ее встрѣтилъ Васыль; скоро эта парочка обвѣнчалась и пришла къ Меласинымъ родителямъ съ повинной. Разсудительные и

родители прогнали новобрачныхъ. Одною ночью, когда работницы на бурякахъ и съ ними Мелася послули въ сараѣ, этотъ сарай по-дожгли пьяные парубки: видите, они хотѣли пошутить (?) и напугать дивчатъ краснымъ пѣтухомъ. Меласю спасъ изъ пламени Васыль, но она скоро умерла; родители плакали по Меласѣ; обожженный на пожарѣ Васыль скоро тоже умеръ. Родители Меласи получаютъ упреки отъ автора.—Поэма достойна руки Петруся, какъ Русалочка руки Пелипца. Въ экономіи „Васыль мотається“, Мелася „прокралась“,

По плесахъ какають утята,
Бугай озветься въ очерети.
Летать вивчарики, свистать“...

„Мара увьжається съ туману“, „Васыль не чувствіе ничего“; есть поэтическія сравненія въ родѣ „море якъ дрова лежать“.

Отъ зла скалки зъ рота летать“,
Дві доли... Одна дву за патлы скубеть, и т. д. и т. д.

Красотъ этого рода не оберешься.

Петрусямъ и Пелипцямъ не только не слѣдуетъ печататься, но и писать, дабы не мучить читателей и не давать пищи дешевому остроумничанію насчетъ малорусскаго языка и литературы. Совѣтъ нашъ пускай примуть Тыбитьки, Бораковскіе, Устенки, Онуфровичи-Шовковые и имъ подобные. Признаемся, только ради этого совѣта мы и написали настоящую замѣтку.

Напротивъ, съ большимъ удовольствіемъ останавливаемся на одномъ изъ послѣднихъ произведеній Чайченка: три сказки, переложенныя въ стихи. Стихъ сказокъ легокъ и замѣчательно выдержанъ, варианты взяты самыя удачныя, а передѣлки и добавленія автора ни на минуту не лишаютъ сказокъ ихъ простаго, изящнаго народнаго тона. Въ особенности хорошо рассказана „Сонилка“, такъ что стихъ достигаетъ нѣкоторой виртуозности, а самый рассказъ, полный захватывающей душу меланхоліи, ведется съ старательнымъ соблюденіемъ смысла, какой самъ народъ вложилъ въ эту сказку.

Удачное соединеніе личнаго творчества съ народнымъ дѣлаеть сказки Чайченка очень хорошей книжкой для простаго не мудрствующаго лукаво читателя. Для дѣтей онѣ положительно прекрасны.

И. Ж.

Документы, Известія и Замѣтки.

Населеніе г. Кіева въ 1742 году.

Во время принесенія присяги великому князю Петру Феодоровичу, какъ наслѣднику престола, всѣ жители города Кіева мужскаго пола свыше 12-ти лѣтъ были поименно перечислены въ присяжныхъ листахъ. Эта перепись, уцѣлѣвшая до нашихъ дней, представляетъ собою до нѣкоторой степени полное поименное счисленіе всего населенія Кіева въ 1742 году. Изъ нея можно сдѣлать выводы какъ относительно общей населенности города, такъ и численныхъ отношеній по сословіямъ и отчасти по отдѣльнымъ частямъ города. Точность этихъ цифровыхъ данныхъ отчасти нарушается примѣсью къ городскому населенію духовенства и жителей нѣкоторыхъ сель, подчиненныхъ кіевскимъ монастырямъ; но въ приводимыхъ ниже цифровыхъ итогахъ мы отбрасывали эту примѣсь. Другимъ нарушеніемъ точности исчисленія могло бы служить то обстоятельство, что нѣкоторые, хотя и немногіе, жители Кіева, отсутствуя изъ города во время принесенія присяги, не попали въ списки. Но въ сохранившемся дѣлѣ о присягѣ переписаны и эти отсутствующіе въ особомъ списокѣ, который и мы внесемъ въ свои итоги. Слѣдуя за переписью, мы представимъ численность населенія по слѣдующимъ классамъ: во 1-хъ, духовенство и люди, которыми оно владѣло, а также и ученики духовныхъ школъ; во 2-хъ, чиновники; въ 3-хъ, мѣщане и цеховые, въ 4-хъ, иногородное населеніе, въ частности великороссійскіе люди.

Внѣ этихъ разрядовъ стоятъ высшіе чины администраціи и духовенства, а именно слѣдующіе: генераль-губернаторъ Михаилъ Леонтьевъ, генераль-майоры: Петръ Стрѣшневъ, Андрей Беренсъ и Степанъ Юрьевъ, архіепископъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій, архимандриты: Николо-Пустыннаго монастыря Назарій Солонина, Михайловскаго Сильвестръ Думницкій, Братскаго Сильвестръ Кулябка,

Бизюковскаго Артемія Свидерскій ¹⁾, игумены: Выдубицкаго монастыря Гавріиль Леопольскій, Кирилловскаго Германъ (Ко)нашевичъ, Петро-Павловскаго намѣстникъ Іосифъ. Итого всѣхъ выспихъ чиновъ 11.

Духовное вѣдомство.

Кіево-Софійскій монастырь.

Въ немъ іеромонаховъ 19, кромѣ того одинъ архидіаконъ и одинъ вдовый священникъ.

Іеродіаконовъ	13
Монаховъ	22
Канцеляристовъ	16
Пѣвчихъ	11
Служителей	92
Послушниковъ	123

Итого 298

Кіево-Николаевскій Пустынный монастырь.

Въ немъ іеромонаховъ	18
Іеродіаконовъ	7
Монаховъ	9
Послушниковъ	152

Итого 186

Кіево-Златоверхій Михайловскій монастырь.

Въ немъ іеромонаховъ	16
Іеродіаконовъ	8
Монаховъ	21
Канцеляристовъ	2
Послушниковъ	161

Итого 208

Кіево-Братскій Богоявленскій училищный монастырь

Въ немъ іеромонаховъ	13
Іеродіаконовъ	9
Монаховъ	11
Служителей	6
Послушниковъ	101

Итого 140

¹⁾ Попавшій въ перепясъ случайно.

Учениковъ Кіевской Духовной Академіи:

Школы богословія	32
— философіи	48
— риторики	146
— піитики	82
— синтаксисы	70
— граматики	110
— инфимы	148
— аналогіи	300

Итого 936

Служителей учениковъ Академіи 56

Всего въ Братскомъ монастырѣ 1132

Кіево-Михайловскій Выдубицкій монастырь.

Въ немъ намѣстникъ іеросхимонахъ Василій Григорьевъ.

Іеромонаховъ	11
Іеродіаконовъ	6
Монаховъ	10
Служителей	37
Послушниковъ	60

Итого 125

Троицкій Межморскій монастырь.

Іеромонаховъ	7
Іеродіаконовъ	3
Монаховъ	7
Служителей	16

Итого 33

Петропавловскій монастырь.

Іеромонаховъ	5
Іеродіаконовъ	2
Монаховъ	2
Послушниковъ	4

Итого 13

Греческій Екатерининскій монастырь.

Геродіаконовъ	2
Послушниковъ	2
	<hr/>
Итого 4	

Вознесенскій дѣвичій монастырь.

Служителей	18
----------------------	----

Приходское духовенство Нижняго города (Подола):

Священниковъ	36
Діаконовъ	2
Писарей кievской протопопіи.	2
Дьячковъ	28
Пономарей.	16
Поповскихъ дѣтей	5
Школьниковъ.	51
	<hr/>
Итого 140	

Кіево-Печерская Лавра.

Архимандритовъ (Геннадій Комаровскій, Іосифъ Зап- кевичъ, Никодимъ).	3
Намѣстникъ—іеромонахъ.	1
Іеромонаховъ.	60
Геродіаконовъ	20
Монаховъ	93
Канцеляристовъ.	6
Архитекторъ у строенія колокольни Яганъ.	1
Служителей у іеромонаховъ и монаховъ.	80
Послушниковъ	544
Мастеровыхъ и купеческихъ людей вѣдомства Лавры.	530
Кіево-печерскихъ мастеровыхъ людей.	171
	<hr/>

Всего въ Кіево-Печерской Лаврѣ 1509

Въ нашъ итогъ не входятъ священнослужители сельскихъ церквей, подчиненныхъ Лаврѣ.

Приходское духовенство Печерска (съ нѣкоторыми сельскими священниками кievскаго уѣзда):

Священниковъ	8
Діаконовъ	3

Дѣтей священниковъ и діаконѡвъ.	10
Дьячковъ.	11
Школьниковъ.	34
Пономарей.	3

Итого 69

Всего присягавшихъ лицъ духовнаго вѣдомства было 3742; причисливъ сюда не присягавшихъ, которыхъ было 80, общая сумма взрослыхъ лицъ муж. пола духовнаго сословія и зависимыхъ отъ духовенства въ Кіевѣ за 1742 г. равняется 3812. Въ томъ числѣ монашествующихъ и послушниковъ 815 и приходскаго духовенства 122.

Самымъ населеннымъ церковнымъ учрежденіемъ является Лавра, за нею Братскій монастырь, благодаря присутствію въ немъ академіи, затѣмъ Софійскій монастырь. Монахини женскаго монастыря, какъ женщины, не включены въ перепись. Изъ указанныхъ группъ населенія только одна часть, именно ученики академіи, должна быть причислена къ пришлымъ элементамъ. Въ интересномъ поименномъ спискѣ всѣхъ учениковъ академіи можно найти представителей множества нынѣ существующихъ дворянскихъ и не дворянскихъ фамилій Малороссіи: Остроградскихъ, Рудановскихъ, Богдановичей, Григоровичей, Маркевичей, Савицкихъ, Вишневскихъ, Солонинъ, Базилевичей, Шкляревичей, Кулябокъ, Вернадскихъ, Щербацкихъ, Прокоповичей, Романовичей, Грабянокъ, Борецкихъ, Костенецкихъ, Малиновскихъ, Полетикъ, Балабухъ, Сукозагнетъ, Полонскихъ, Шостаковъ, Явубовичей, Двигубскихъ (Михаилъ), Желѣзняковъ (Петръ), Конисскихъ, Забѣлъ, Милорадовичей, Юзефовичей, Бутовичей, Тарновскихъ, Лукашевичей, Грановскихъ, Заводовскихъ (Николай) и др.

Управленіе.

Кіевская губернская канцелярія.

Секретарей.	2
Переводчикъ	1
Канцеляристовъ	4
Копіистовъ.	8
Толмачей	8
Сторожей	2

Итого 25

Полицейстерская контора.

Кошіистъ	1
--------------------	---

Гарнизонная канцелярія:

Канцеляристовъ	2
Писарей	5
Сторожей	2
Писцовъ	4
Недорослей	3

Итого 17

Провіатскій „дѣлъ“:

Писарей	2
Дѣтей канцелярскихъ служителей	7

Итого 9

Виноградный садъ и шелковая фабрика:

Садовникъ	1
Мастеръ	1
Ученикъ	1

Итого 3

Дворцовая конюшенная канцелярія:

Служителей	2
----------------------	---

Рейтары.

Вахмистровъ	2
Капраловъ	4
Рядовыхъ	23
Дѣтей рейтарскихъ	25

Итого . . 54

Гарнизонная австерія.

Прапорщиковъ	2
Надзирателей	6
Канцеляристъ	1
Канцелярск. служителей	2

Копистовъ	2
Австерскихъ служителей	92
Дѣтей ихъ	6
Кіевской австеріи броварскихъ служителей	21
Итого.	132
Генеральскихъ и офицерскихъ служителей	62

Флотскіе чины.

Офицеровъ	4
Матросовъ	15
Итого.	19

Отставные военные чины: полевой службы.

Вахмистръ	1
Капраловъ	2
Рядовыхъ	8
<i>Драгунъ:</i> офицеровъ	2
Рядовыхъ	2
<i>Пѣхотныхъ:</i> солдатъ	13
Итого.	28

Всего 351

Мѣщане Нижняго города.

Войтъ	1
Бурмистровъ	5
Райцевъ	5
Писарь	1
Регентъ	1
Канцеляристовъ	11
Лавниковъ	7
Шафаровъ	15
Урядниковъ	14
Служителей магистратскихъ	65
Мѣщанъ	274
Служителей кіевскихъ мѣщанъ	89

Ремесленниковъ:

Кравецкаго цеха	362
Рыбальскаго цеха	234

Кушнерскаго цеха	310
Шевскаго цеха	485
Ткятскаго цеха	76
Малярскаго цеха	69
Бондарскаго цеха	148
Музыцкаго цеха	35
Ковальскаго цеха	180
Рѣзницкаго цеха	140
Гончарскаго цеха	48
<hr/>	
Итого	2575

Козацкія сотни:

Бреусовой сотни	157
Головащенкоу сотни	62
Бучменковой сотни	75
Сальниковой сотни	77
Краморской сотни	27
Греваской сотни	62
<hr/>	
Итого	460

Населеніе предмѣстій.

Купеческіе и мастеровые люди села <i>Преварки</i> и урочища <i>Кореневицны</i> , состоявшіе подѣльніемъ Кіевскаго магистрата	219
Мастеровые и работные люди <i>Верхняго города</i>	70
Великороссійскіе купеческіе люди	129
Кіевская <i>карвасарія</i>	19
Кромѣ исчисленныхъ чиновъ не были приведены къ присягѣ за отсутствіемъ, всего	232
Изъ нихъ духовенства и монастырскихъ служителей 80; военныхъ и канцелярскихъ служителей 25 и мѣщанъ 120.	

Общее число всѣхъ присягавшихъ выведено въ дѣлѣ—8062; съ присоединеніемъ же числа не присягавшихъ, общее число всѣхъ будетъ равняться 8294. Но исключая изъ этого лицъ, не принадлежащихъ къ населенію Кіева, получаемъ чистый итогъ взрослыхъ мужчинъ города Кіева 7797.

Для вывода изъ этой цифры общаго числа жителей слѣдуетъ ее увеличить вдвое, чтобы получилась цифра населенія обоихъ по-

ловъ. Затѣмъ слѣдуетъ присоединить не менѣе ¹/₂ общей суммы, чтобы ввести въ итогъ число малолѣтнихъ. Такимъ способомъ получится всего населенія въ Кіевѣ около 20,000 человекъ,—населенность по тому времени не малая; обыкновенно въ Кіевѣ пребывало гораздо большее число людей; такъ войска не внесены въ перепись. Затѣмъ въ присяжные списки не вносились „пашенные“ (крѣпостные) крестьяне, какъ не имѣвшіе правъ гражданскихъ.

Въ этнографическомъ отношеніи населеніе Кіева отличается совершенною однородностью. Нѣмецкія фамиліи носятъ только два лица: генераль Беренсъ, да архитекторъ Яганъ. Польскаго элемента совсѣмъ нѣтъ. Все остальное населеніе принадлежитъ къ южноруссамъ. Великороссійскихъ торговыхъ людей, какъ мы видѣли, только 129.

По территориальному составу гор. Кіевъ представлялъ такъ сказ. „союзное“ поселеніе, состоявшее изъ трехъ независимыхъ одинъ отъ другаго городовъ; это: мѣщанскій Подоль—подъ муниципальнымъ управленіемъ; Печерскъ—подъ частною властью Лавры и Никольскаго монастыря; Верхній городъ—частью подъ властью Софійскаго и Михайловскаго монастырей. Общею связующею властью была власть губернской канцеляріи, которая, судя по ея малочисленности, имѣла мало дѣла, что и понятно при Магдебургскомъ управленіи Подола и при независимой церковной юрисдикціи въ прочихъ частяхъ города.

Вообще это былъ городъ наименѣе чиновничій, отчасти промышленно-торговый и преимущественно—духовный.

Для приблизительнаго вывода числа военнаго населенія у насъ есть другіе источники.

Въ томъ же 1742 году въ Кіевѣ былъ полученъ указъ о томъ, что слѣдуетъ имѣть накрѣпчайшее смотрѣніе, въ предостереженіе отъ пожаровъ, за устройствомъ и состояніемъ печей и трубъ. По распоряженію генераль-губернатора (Леонтьева), посланы были ордеры въ полки кіевскаго гарнизона и въ обѣ крѣпости. Плацъ-майоръ печерской крѣпости 9 октября донесъ, что по сдѣланному имъ обзору, во многихъ домахъ этой мѣстности трубы и печи весьма ветхи, во многихъ трубы не выведены надъ крышею, а въ нѣкоторыхъ совсѣмъ ихъ нѣтъ; при этомъ хозяева ссылались на бѣдность, говоря, что имъ не на что купить кирпича и нанять рабочихъ; другіе же хотя и имѣютъ средства, но не дѣлаютъ по упрямству. Тогда былъ пред-

ставленъ списокъ такихъ домовладѣльцевъ Печерска и слободы за Васильковскою рогаткою, изъ котораго оказывается, что въ этихъ частяхъ города былъ 481 домъ б. ч. совсѣмъ безъ трубъ. Большинство владѣльцевъ такихъ домовъ были солдаты и козаки разныхъ полковъ и ихъ жены и вдовы и лишь отчасти подданные Печерскаго и Николаевского монастырей. Гарнизонное населеніе, очевидно, плотно осѣлось въ Кіевѣ и должно быть причислено къ постояннымъ жителямъ Кіева. Такимъ образомъ общая сумма населенія этого города въ 1742 г., получаемая изъ присяжныхъ листовъ, должна быть увеличена на много, а именно: если въ Печерской крѣпости до 400 домовъ принадлежало однимъ низшимъ гарнизоннымъ чинамъ, то къ цифрѣ населенія одного Печерска надо прибавить до 2 т. Но это только однѣ курныя избы; офицерскіе и высшіе чины гарнизона несомнѣнно также жили осѣдло. Сверхъ того здѣсь нѣтъ свѣдѣній о Старо-Кіевской крѣпости. Итакъ, мы не ошибаемся, если къ 20 т. туземнаго населенія гор. Кіева за 1742 г. прибавимъ еще до 5 т. военныхъ, но постоянныхъ жителей.

Сообщилъ М. В—Б.

Къ исторіи финансовъ въ Малороссіи и Слободской Украинѣ.

Представляемая замѣтка имѣетъ значеніе для ознакомленія съ бюджетомъ расходовъ и доходовъ въ Малороссіи и Слободской Украинѣ половины прошлаго столѣтія. Имѣющіяся въ ней цифровыя данныя относятся къ 1740 г. и представляютъ только одни итоги бывшихъ въ то время доходовъ и расходовъ, не касаясь большихъ подробностей и подраздѣленій по мелкимъ рубрикамъ. Мы приводимъ ее здѣсь почти цѣликомъ съ сохраненіемъ языка и правописанія, измѣнивъ нѣсколько порядокъ изложенія.

Вѣдомость великое число въ Малой Россіи и в слободскихъ полкахъ въ казну Ея Императорскаго Величества зыскается и с какихъ званій денежной казны и что изъ оной въ годъ въ расходъ бываетъ.

Сборы въ Малороссіи.

Изъ собираемыхъ по именному Государя Петра Второго указу состоявшему минувшаго 726 году августа 22, въ рѣши-

тельныхъ пунктахъ по 7-му пункту и по данній изъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи подскарбіямъ малороссійскимъ въ 729 г. Мая 5 инструкціи доходу бываетъ въ годъ по *канцелярії малороссійскихъ сборовъ* напримеръ до 31.000 руб.

Токмо оніе зборы собираются неравномѣрно въ иномъ году более, въ иномъ и меньше, ибо неположенной окладъ, но собираются со всякихъ промысловъ.

Индукты малороссійской—30.000 руб.

По состоявшемуся минувшаго 732 г. генеральному опредѣленію по присланной въ томъ же году къ умершему гетману Апостолу изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ грамотѣ собирается съ козаковъ и посполитыхъ свободныхъ для произвожденія полковымъ и сотеннымъ служителямъ малорос. полковъ на канцелярскія потребности погодно въ мирное время—9695 р. 41 к., въ военное время—9895 р. 41 к.

Съ описныхъ Меншикова гетманскихъ маотно-стей до 25.000 р. —

Итого всего сбора въ Малороссіи въ мирное время 95.695 р. 41 к.
 въ военное время 95.895 р. 41 к.

Расходы въ Малороссіи:

На гусарскіе и компанейскіе полки, Чугуевскимъ калмыкамъ и козакамъ жолдакамъ, войсковоу музыкѣ и опредѣленнымъ къ дѣламъ членамъ и канцеляристамъ и на канцелярскіе расходы и на прогоны и протчая безъ которыхъ обойтись невозможно расходы въ 1738 году . . . 82.812 р. 12 к.
 въ 1739 году . . . 85.788 р. 27 к.

Токмо оныя расходы состоятъ неравномѣрно—въ иномъ году больше, а въ иномъ меньше и исправляются паче заимообразною суммою.

На содержаніе лантмилиціи Украинскаго корпуса отпускается въ годъ изъ индукты . . 13.333 р. 33 к.

да жалованья за порціи и раціи мекленбургскому корпусу неравно однако имѣеть быть до 4.000 руб., а остатки индукты употребляются въ расходъ положенный на канцелярію малорос. сборовъ.

Изъ суммы, собираемой чинамъ въ жалованье
и на канцел. потребности въ мирное время расходуется 9162 р. 22 к.
въ военное 9562 р. 40 к.

Изъ суммы собираемой съ описныхъ имѣній Менщикова
употребляется въ расходы при дворцахъ описныхъ на указан-
ные расходы и въ жалованье управителямъ и старостамъ такожь
министерской канцеляріи, секретарю и канцелярскимъ служителямъ
и на прогоны и другіе по той канцеляріи исправленія, и оста-
токъ взимается на расходы по канцеляріи войсковой генеральной
указные яко-то: Сербамъ, Венграмъ.

Слѣдовательно по этой рубрикѣ расходовались всѣ 25 т.,
собираемыхъ съ имѣній Меньшикова.

Вѣдомость о положенномъ въ Слободскихъ полкахъ зборѣ,
а имянно:

По Всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества имян-
ному указу положено слободскимъ полкамъ съ приписными къ
нимъ слободами съ 733 году довольствоваться провьянтомъ и фу-
ражемъ по пунктамъ воинской комиссіи по комплекту мирнаго
времени драгунскихъ три полка. А съ 734 г. по имянному указу
повелѣно довольствоваться по комплекту военного времени драгун-
скихъ же 2 полка.

На то число полковъ положены по росписанію подданные
владѣльческіе малороссіяне положенные въ присяжные дворы;
состоящій въ 45 душахъ каждый дворъ имѣеть заплатить по 1
порціи и 1 раціи. Ежели жъ полковъ стоять не будетъ, то въ
то число полковъ по стацкой цѣнѣ деньгами за порцію и рацію
по 9 руб. 43 копѣекъ $\frac{1}{3}$ зъ двора, а отъ души по 20 к. $\frac{1}{3}$ $\frac{1}{8}$ (?).

Да сверхъ того въ слободскихъ полкахъ козацкіе подсо-
сѣдки и подпомощники положены въ присяжные дворы состоя-
щіе въ 50 душахъ на которые положено противъ подданныхъ
въ годъ по 1 порціи и 1 раціи, а когда въ натуре збираемо не
будетъ, то деньгами по 9 рублей 43 коп. $\frac{1}{3}$ зъ дворовъ, а отъ
души по 18 коп. $\frac{3}{4}$.

Съ оныхъ подданныхъ и подпомощниковъ равномерно го-
доваго окладу положить невозможно понеже оные малороссіяне

прибываютъ и убываютъ и оной сборъ положено брать съ наличнаго числа душъ.

А въ 1739 году въ слободскихъ пяти полкахъ съ приписными слободами подданныхъ малороссіянъ и подпомощниковъ состояло душъ, а имянно:

подданныхъ	145.936
подпомощниковъ	59.106

Итого 205.042

Съ нихъ по означенному Ея Имп. В. имянному Указу надлежитъ собрать за порціи и раціи натурою или деньгами.

Съ подданныхъ 30 585 р. 74 к. $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{3}$

Съ подпомощниковъ 11.148 р. 86 к. $\frac{1}{4}$.

Итого 41.734 р. 60 к. $\frac{3}{4}$ $\frac{1}{2}$.

Сверхъ того въ канцеляріи комиссіи учрежденія слободскихъ полковъ и въ полковыхъ канцеляріяхъ собирается зъ челобитчиковыхъ дѣлъ и протчихъ пошлинъ неравное жъ число въ годъ, а по примеру 734 году имѣло быть въ зборѣ челобитчиковыхъ:

пошлинъ 25 р. 74 к.

печатныхъ 65 р. 24 $\frac{1}{4}$ к.

съ крѣпостныхъ 135 р. 45 к. $\frac{1}{2}$

Итого 226 р. 43 к. $\frac{3}{4}$

Откупныхъ цыганского збору погодно въ платеже 497 р. 4 к., которое число окладу началось съ нынѣшняго 1740 году.

Итого вышеписанныхъ зборовъ имѣеть быть въ приходѣ натурою и деньгами—42.458 р. 8 к. $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{2}$.

Изъ оной суммы по силѣ имянныхъ указовъ имѣеть быть въ указномъ расходѣ:

На опредѣленныя къ довольствію драгунскіе полки натурою и деньгами по мирному времени на 3 полка—32.603 р. 90 к. $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{2}$, а на 2 полка по военному времени—25.567 р. 72 к. $\frac{1}{2}$.

Затѣмъ изъ остаточныхъ за довольствіемъ полковъ зборныхъ денегъ по силѣ имянныхъ указовъ на протчіе расходы.

Въ канцеляріи комиссіи повелено быть членамъ жалованья получать по рангамъ ихъ противъ московскаго окладу и по

учрежденіи камисіи обретался одинъ членъ, которому производилось противъ майорскаго оклада половиннаго въ годъ 197 р. 90 коп.

Нынѣ на мѣсто бывшего въ Слободскихъ полкахъ бригадира Дунина опредѣленъ Бригадиръ Лесовицкій, а о даче ему жалованья точнаго указу не имѣется.

Секретарю и канцелярскимъ служителямъ жалованья 570 р.

Въ канцеляріи камисіи на канцелярской расходъ—200 р. Слободскихъ 5 полковъ полковымъ писарямъ, канцеляристамъ, канцелярскимъ писарямъ, войсковой музыкѣ жалованья—1245 р.

Сторожама 19 человекамъ 382 р. да вмѣсто хлѣба деньгами каждому ч-ку муки за 6 четв. по 1 р. 20 к., овса за 5 четв. по 45 коп. по стацкой цене на 179 р. 55 к.

На канцелярской въ полкахъ расходъ въ 3-хъ полкахъ, где дистрикты по 50 р., а въ двухъ полкахъ въ полковыхъ канцеляріяхъ по 25 р., итого—200 р.

Къ тому учиненному статусу въ прибавокъ на содержаніе полковыхъ канцелярій и дистриктовъ, на бумагу и прочіе расходы зборные деньги съ циганъ ис которыхъ употребляется въ годъ въ 3-хъ полкахъ, гдѣ дистрикты по 50 р., въ 2 полка въ полковыя канцеляріи по 15 руб., итого—180 р.

Въ 5-ти полкахъ положено быть лекарю жалованья ему 150 р., да на 4 раціи по статской цене—21 р. 60 к., на медикаменты 100 р., итого 271 р. 60 к.

По силе имянного Ея Императорскаго Величества указу въ положенное число на содержаніе ландмилиціи Украинскаго корпуса положено отпущать въ годъ противъ Малороссіи третью долю—6666 р. 66²/₃ к.

Итого, надлежитъ быть въ указномъ расходѣ съ положенными драгунскими полками, что положено на 3 полка

по мирному времени	42.696 р. 61 к.	² / ₃ ¹ / ₂ ¹ / ₃
съ двумя полками	35.660 р. 43 к.	² / ₃ ¹ / ₂

За тѣмъ збору съ подданныхъ и подпомощниковъ на 3 полка съ помянутыхъ расходовъ недостаетъ 782 р. ³/₄ к. ¹/₃ ¹/₂.

А отъ двухъ полковъ по военному времени въ остатке имѣеть быть—6.254 р. 16 к. ²/₃ ¹/₄., да неокладныхъ доходовъ

зъ дель челобитческихъ и печатныхъ крепостей пошлинъ по примѣру прошлыхъ лѣтъ 226 р. 43 к. $\frac{2}{3}$; цыганского сбора 317 р. 43 к.

Итого всего въ остатке—65.999 р. 74 к. $\frac{2}{3}$.

Сообщ. И. В. Теличенко.

Неизданное стихотвореніе В. Н. Забилы.

Извѣстныя въ печати малорусскія стихотворенія В. Н. Забилы, умершаго въ 1869 г., за исключеніемъ лишь стихотворенія „Остапъ и Чортъ“, сюжетъ котораго взятъ изъ народныхъ преданій, отличаются глубокою грустью и выражаютъ по преимуществу безнадежность любви и семейнаго счастья. Такой характеръ его стихотвореній, помимо господствовавшаго въ то время направленія поэзіи, находитъ объясненіе и въ личныхъ обстоятельствахъ жизни поэта, о чемъ нѣкоторыя свѣдѣнія сообщены мною въ замѣткѣ, напечатанной въ „Кіевской Старинѣ“ за 1886 г. Но въ то-же время поэтъ не чуждъ былъ и общественныхъ интересовъ. Нѣсколько такихъ стихотвореній, мнѣ помнится, я видѣлъ въ упомянутой въ той замѣткѣ рукописной тетради стихотвореній В. Н. Забилы, повидимому навсегда утраченной. Но одно изъ нихъ недавно удалось мнѣ записать отъ сосѣдки по имѣнію Забилы М. Л. Б., которая, кромѣ напечатанныхъ стихотвореній В. Н. Забилы, помнитъ нѣсколько отрывковъ изъ его стихотвореній, доселѣ неизвѣстныхъ, а одно изъ нихъ осталось въ ея памяти отъ начала до конца безъ всякихъ пропусковъ. По словамъ М. Л. Б., стихотворенія В. Н. Забилы были вообще очень популярны между сосѣдами и многочисленными его знакомыми, не только по задушевности его лирическихъ піесъ, изъ которыхъ двѣ переложены на музыку знаменитымъ Глинкою, а другія распѣвались Забилкой на народные мотивы подъ аккомпаниментъ гитары, но и потому еще, что въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ онъ касался общественныхъ интересовъ, обличая неправду и зло. Прилагаемое стихотвореніе, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанное, М. Л. Б. помнитъ въ особенности потому, что оно вызвано было дѣйствительнымъ случаемъ, хорошо извѣстнымъ М. Л. Б., когда одинъ богатый панъ „взорвался“ въ ниву бѣдняка сосѣда. Не смотря на всю правоту бѣдняка, богатый его сосѣдъ не смутился процессомъ и, пользуясь существовавшими въ то время судебными порядками, дававшими воз-

можность добиться благоприятнаго рѣшенія посредствомъ подкупа, не только отсудилъ захваченную у бѣдняка ниву, но еще и засудилъ его за произнесенныя въ пылу спора на межѣ похвалки. Привожу стихотвореніе въ томъ видѣ, какъ оно записано мною, безъ всякихъ измѣненій.

М. Комаровъ.

Зовсимъ свить перевернувся,
Усе не такъ стало:
Всюды кривда на покути,
А правды чортмало.

Крїй порога нема миста,
Мерзны за дверыма;
Бидна правда не багата,
А кривда зъ грошыма.

Отъ я знаю одынь случай—
Коло мене стався,—
Що багатый та бидному
Въ ныву уорався.

Бидный казавъ багатому,
Що той обижае,
Що останній шматокъ хлиба
Въ ёго однимае.

Ще й вылаявъ багачъ, якъ знавъ,
Та все шкоду робыть...
Прыйшла оранка—и бидный
Изъ плужкомъ выходыть.

Тутъ и почалы змагатыся,
Трохы не побылысь.
На послидокъ же въ суди
Позывать хвалылысь.

Бидный сказавъ богатому:
 Якъ бы не грихъ—въ суди бь не тягався,
 Розчавывъ бы, якъ ту жабу,
 Скоро бь розщытався.

Истыкомъ бы по голови
 Триснувъ разивъ двичы;
 Полетила бь душа въ пекло,
 Вылизлы бь и вичы.

„Протестую“,—заразъ крыкнувъ
 Багатый икъ людамъ.
 —„Кажить же все, що вы чулы,
 Та по правди судьямъ“.

Заразъ побигъ винъ до дому,
 Навявъ пьсарышку;
 Надрыгалы прошеніе
 Уже не безъ лышку.

Напысали, що той бидный
 Убыть похвалявся,
 Та що за нымъ зь сокирою
 По полю ганявся.

Позывалы свидителивъ;
 У бидного жь мало;
 Хто-жь за голого потягне?
 Отъ дило й пропало!

А багатый сынавъ грошы,
 Всяки лакгомынки,
 И хлибъ святой мишечкамы,
 Й годовани свынки.

Бидный думавъ бублычками
 Одмогтысь, сердешный;
 Та хто бильше дае грошей,
 Той и буде чесный.

Прысудылы изъ бидного
 За безчестя штрапу,
 Продалы у неборака
 Послiдную шкапу.

У манастырѣ за пѣхвалкы
 Каятыся вперлы,
 Та въ тюрми ще поморывшы,
 До' станку обдерлы.

Оттакимъ бы нашимъ судьямъ
 Петли дать на шыи,
 Та голодомъ поморывшы,
 Потопыть въ помыяхъ,

Щобъ и воды не паганыть
 Чыстоi, бигучоi:
 По два разы въ помыйныцю—
 Вони дуже гнучи.

Сообщ. М. Комаровъ.

Къ малороссійскимъ пѣснямъ объ освобожденіи крестьянъ.

Г. Кузмичевскій въ статьѣ „Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ“ (К. Ст. 87 г. 3, 4) приводитъ пѣсню „Була, була Польща“... Пѣсня эта помѣщена въ „Русской Старинѣ“ 86 г. 3, но въ „невозможной транскрипціи“, и гдѣ записана—неизвѣстно. Почтенный авторъ статьи говоритъ, что онъ приводитъ ее „ради прекраснаго содержанія“. Благодаря любезности Ольги Осиповны

Теляковской, которая по моей просьбѣ записала въ Гродненской губерніи очень много цѣннаго этнографическаго матеріала, я имѣю возможность сообщить вариантъ этой пѣсни.

Була Польща, була Польща,
 А теперь Россія ¹⁾);
 Не заступыть сынъ за батька,
 А батько за сына.
 Пишовъ батько изъ сохою,
 А сынъ изъ косою,
 Пишла маты жыта жаты
 У двохъ изъ дочкою.
 Жалы воны, жалы воны
 Дожалы до долу,
 Оглянулысь назадъ себе,
 Ажъ иде окономъ.
 Прилетила зозуленька
 И стала куваты,
 А панщына-даромщына
 Стала уतिकаты.
 Утикала та панщына,
 Ажъ горы тряслыся,
 А за ею паны—Ляхи:
 „Панщыно, верныся!“
 Утикала та панщына,
 Ажъ тряслыся мосты.
 „Ой верныся, панщынонько,
 До ляшенька въ гости“!
 „Ой не буду вертатыся,
 Не маю, до чого,
 Було хлопивъ шануваты,
 Якъ здоровья своего.

(Іюнь 86 г. село Хорсы, Брестскаго уѣзда, Гродненской губ. отъ Дарьи Костыковой).

Дм. Петровскій.

¹⁾ Опять Россія, какъ и въ спискѣ, помѣщенномъ въ „Р. Стар.“.

Употребленіе табаку по народнымъ повѣрьямъ.

Я. П. Новицкій доставилъ намъ интересный народный разсказъ, записанный 28 дек. 1887 г. въ деревнѣ Кушугумовкѣ, александр. у. екатериносл. губ. со словъ 65-лѣтняго старика Оксентія Орла.

Пустельныкъ.

Колысь то въ Запорожскихъ пущахъ живъ пустельныкъ. Довго винъ тамъ живъ и стало ему скушно: не истъ, не пье, не молыться. Прыкынувся лукавый чоловикомъ, приходе.—Чого, пустельныку, журысся?—Того, каже, шо одынъ въ пущахъ: скушно. —На тоби каламарчыкъ зъ порошкомъ, понюхаешъ,—буде наче вдвохъ. Пишовъ нечыстый. Пустельныкъ смыкнувъ носомъ разъ, вдруге, втретье—чхнувъ, и стало ёму весело. На другой день упъять иде нечыстый.—А шо, каже, якъ?—Весело, каже, наче вдвохъ.—На жъ тоби зилля и трубку: покурышь—буде наче втрѣхъ. Пишовъ. Покурывъ пустельныкъ и повеселишавъ ще дужче. Приходе нечыстый на третій день.—А шо, каже, якъ?—Весело, каже, наче втрѣхъ.—На жъ тоби каламаръ съ калямы: якъ выпьешъ,—буде наче вдесятѣхъ. Пишовъ. Выпивъ пустельныкъ, и стало ему наче вдесятѣхъ: якъ заспыва, якъ загра, якъ пидниме полы—пишовъ гопака навпрыядкы...

Лукавый прыносывъ тютюнъ и горилку, бо це его выгадка.

Въ первомъ выпускѣ 48 тома „Трудовъ этнографическаго отдѣла Имп. общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при московск. университетѣ“ (1886 г) помѣщена замѣтка П. В. Шейна „*Приговоры или причеты о табакѣ*“. Почтенный авторъ замѣтки приводитъ девять образчиковъ приговоровъ, записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ семи великорусскихъ и бѣлорусскихъ губерній и приуроченныхъ исключительно къ нюханію табаку, и дѣлаетъ отсюда заключеніе, что въ недавнее прошлое въ названныхъ въ замѣткѣ мѣстахъ Россіи нюханіе табаку распространено было сильнѣе, чѣмъ куреніе, преобладавшее въ тѣхъ же мѣстахъ въ XVII и XVIII вв. „Однако къ удивленію нашему“, замѣчаетъ г. Шейнъ, „этотъ крѣпко вкоренившійся

обычай, за исключеніемъ нѣсколькихъ пословицъ, не оставилъ почти никакихъ слѣдовъ вообще въ устной, чисто народной словесности ни Великоруссовъ, ни Бѣлоруссовъ, а въ лирической поэзии въ особенности... Не то видимъ въ Малороссіи; тамъ мы встрѣчаемъ совершенно обратное явленіе; куреніе табаку тамъ было и есть до сихъ поръ самый распространенный способъ его употребленія. Люлька (трубка) — это неразлучная подруга малоросса, его главная утѣха и въ горѣ, и въ радости: и дома, и въ полѣ за работой, и въ пути за обозами—нигдѣ онъ ея, можно сказать, не выпускаетъ изъ рта... Нюхать же табакъ, какъ видно, считалось у Малоруссовъ дѣломъ зазорнымъ, внушеніемъ нечистой силы“. Подтверженіе этого послѣдняго заключенія г. Шейнъ находитъ въ малорусской легендѣ, помѣщенной подъ н° 38 въ сборникѣ М. Драгоманова „Малорусскія преданія и рассказы“ (К. 1876, стр. 13), и повѣствующей о томъ, какъ „дознались люде, що чортяка похвалывъ нюхаривъ, тай давай и соби товкты табаку, та потягувать изъ рижка, якъ ты чорты, що за чортячою матерью плакалы“.

Но приводимая г. Шейномъ легенда, если позволительно строить на ней какія-либо бытовыя заключенія, показываетъ только, что по народному повѣрью малоруссовъ куреніе предшествовало нюханью: ту же послѣдовательность въ способахъ употребленія табаку авторъ готовъ признать и для нѣсколькихъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ губерній. Потомъ малорусская легенда изображаетъ нюханіе табаку даже болѣе пристойнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чѣмъ куреніе, и ничего не говоритъ ни противъ сверхъестественности происхожденія куренія, ни о „зазорности“ нюханья, хотя бы въ томъ, напр., смыслѣ, какъ ратовалъ противъ него архимандритъ Фотій. „Посмотрите“, говоритъ онъ, „на безсловесныхъ псовъ, откуда у нихъ блудъ начинается? Такъ и человекъ уподобляется скоту, коль услаждается нюханіемъ табаку“ (Рассказы объ архимандритѣ Фотіѣ. Историческій Вѣстн. 1885. сент. 507).

Сообщенный г. Новицкимъ рассказъ выражаетъ народное представленіе о томъ, что нюхательный и курительный табакъ, равно какъ и „горилка“, дѣло рукъ нечистаго. Очевидно, специфическое, возбуждающее дѣйствіе табаку (и водки) наводитъ простаго человека на мысль о сверхъестественномъ его происхожденіи; а разъ вызываемое куреніемъ или нюханіемъ возбужденное состояніе и доставляемое имъ удовольствіе почитаются грѣховными, первоначальный источникъ табаку неизбѣжно оказывается нечистымъ. „Табакъ вы-

рись изъ тіеи блудныци, шо голову Предтечи зняла“¹⁾). Можетъ быть, въ этомъ послѣднемъ повѣрѣ мы имѣемъ своеобразную форму протеста противъ вреднаго дѣйствія никотина, употребляется ли онъ въ видѣ курительнаго или нюхательнаго табаку,—безразлично.

Острожское имѣніе.

Покойный М. А. Максимовичъ, въ письмахъ своихъ къ графинѣ А. Д. Блудовой, извѣстной ревнительницѣ Православія на Волыни, говоритъ, что Острожское имѣніе при жизни князя Константина (Василія) было въ 1603 г. раздѣлено между двумя его сыновьями: Александромъ и Янушемъ, изъ которыхъ первый скончался 2 декабря того же года, а второй умеръ въ 1620 г. въ г. Тарновѣ²⁾). Мы излагаемъ ниже свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Острожскаго имѣнія, извлеченныя изъ дѣлъ Опекунскаго управленія, учрежденнаго надъ б. владѣльцемъ княземъ Артуромъ Яблоновскимъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что г. Острогъ съ селеніями въ 1386 г. былъ подаренъ польскимъ королемъ Владиславомъ Ягеллой князю Феодору Даниловичу Острожскому и его наслѣдникамъ; право на это имѣніе было подтверждено за ними королемъ Сигизмундомъ I въ 1544 г. Въ началѣ 1603 г. послѣ Пасхи въ Люблинскомъ коронномъ трибуналѣ совершенъ былъ раздѣльный актъ на Острожское имѣніе между Янушемъ, каштеляномъ Краковскимъ, и Александромъ, воеводою Волынскимъ, по которому князю Александру достался Острогъ, а Янушу Староконстантиновъ и часть Острога³⁾); раздѣлъ этотъ явленъ въ 1636 г. въ Луцкихъ градскихъ актахъ. Послѣ смерти князя Александра половина Острожскаго имѣнія съ княжескимъ дворцомъ перешла къ его дочери Аннѣ Хоткевичевой, основавшей въ Острогѣ въ 1624 г. Іезуитскій коллегіумъ, а потомъ къ Ивану Замойскому и Консопольскимъ. Въ 1690 г. Иванъ Консопольскій продалъ свою половину г. Острога князю Станиславу Ивановичу Яблоновскому, гетману и воеводѣ Русскому, отъ котораго это имѣніе перешло къ сыну его Дмитрію Яблоновскому. Другая половина Острожскаго имѣнія по смерти князя Януша, учредившаго ордынацію, или майоратъ, перешла къ князю Александру Ивановичу

¹⁾ Малор. нар. пред. и рассказы, № 38.

²⁾ (мotr. сочин. Максимовича, письмо 7-е стр. 191 т. 1. к. 1876 г.

³⁾ Описаніе Старо-Константинова соч. Зуцъ 1884 г., стр. 10.

Заславскому, женатому на дочери его Евфросиніи. Затѣмъ князь Янушъ—Александръ Сангушко, жившій въ г. Дубнѣ въ 1853 г., свою часть г. Острога, доставшуюся ему отъ матери его Анны, бывшей замужемъ за княземъ Павломъ Сангушкой, продалъ канцлеру Ивану Молоховскому, наслѣдникъ же послѣдняго Станиславъ Молоховскій продалъ это имѣніе 9 іюня 1793 г. Новоградскому старостѣ Фадѣю Чацкому, отъ котораго имѣніе перешло въ 1800 г. къ князю Карлу Яблоновскому. Такимъ образомъ г. Острогъ перешелъ во владѣніе Яблоновскаго по наслѣдству и по куплѣ; права эти утверждены за Яблоновскимъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Сенату 4 декабря 1806 года. По смерти князя Карла Острожское имѣніе въ цѣломъ его составѣ наслѣдоваль сынъ его Карлъ и отъ послѣдняго Артуръ Яблоновскій. Затѣмъ г. Острогъ былъ приобрѣтенъ у послѣдняго въ 1879 г. Дѣйств. Тайнымъ Совѣтн. С. Танъевымъ, отъ котораго купленъ удѣльнымъ вѣдомствомъ. Старо-Константиновъ принадлежитъ теперь княгинѣ Аннѣ Абамеликъ. Въ г. Острогѣ существуетъ три ярмарки, утвержденныя еще въ 1585 г. королемъ Стефаномъ Баторіемъ; доходъ съ права продажи вина и другихъ промысловъ на этихъ ярмаркахъ поступалъ въ пользу князя Константина Острожскаго, мѣщанамъ же города дано Магдебургское право и дозволено выстроить ратушу. Дворовъ, выстроенныхъ на чиншевомъ правѣ, числилось въ 1870 г. въ г. Острогѣ 942, лавокъ 232, за которыя чиншевики платили въ пользу владѣльца 2611 рублей. Кромѣ того, за право продажи питей съ пивовареннаго и медовареннаго заводовъ получалось владѣльцемъ 5220 руб., съ мельницъ 2200 руб. и проч., а всего 10,237 руб. въ годъ, изъ которыхъ ежегодно расходовалось на пожарную команду до 2,778 руб. и оставалось владѣльцу 7,459 руб. чистаго дохода. Въ настоящее время Богоявленская церковь въ г. Острогѣ возобновляется на деньги, ассигнованныя казной, а замокъ ремонтированъ на средства Удѣла, такъ что наслѣдіе знаменитаго князя Константина Острожскаго возстановляется послѣ долгаго запустѣнія. Добавимъ, что въ 1886 г. при очисткѣ фундамента Богоявленской церкви открытъ засыпанный склепъ, въ которомъ найдены полуистлѣвшія кости, останки погребенныхъ въ этой церкви князей Острожскихъ. Вотъ доказательство въ пользу мнѣнія М. А. Максимовича, что князь Константинъ (Василій) Острожскій былъ погребенъ въ г. Острогѣ, а не въ Кіевѣ, какъ предполагали нѣкоторые ученые.

П. КИТИЦЫНЪ.

Забутый городъ

(Изъ археологической экскурсіи) ¹⁾.

На сѣверной окраинѣ сквирскаго уѣзда расположено на верховьяхъ рѣки Ирпеня мѣстечко Ходорково; къ ходорковскому имѣнію принадлежитъ обширный лѣсъ, который тянется длиною тесьмою верстъ въ 12 къ сѣверу отъ мѣстечка и упирается въ границу радомысльскаго уѣзда. Лѣсъ этотъ пріятно поражаетъ путешественника своею сохранностью; владѣлецъ его В. Левандовскій содержитъ его и эксплуатируетъ, соблюдая всѣ правила раціональнаго лѣснаго хозяйства. Это отрядный, хотя, къ несчастью, весьма рѣдкій примѣръ въ нашемъ краѣ правильнаго лѣсоводства, которое введено владѣльцемъ, несмотря на то, что существующій въ Ходорковѣ большой сахарный заводъ представляетъ большое искушение, противъ котораго наврядъ-ли устоялъ-бы любой менѣе предусмотрительный хозяинъ.

Въ сѣверномъ углу ходорковскаго лѣса, въ 2 верстахъ отъ деревни Быкова, находится одно изъ замѣчательнѣйшихъ городищъ юго-западнаго края; оно расположено въ урочищѣ, называемомъ *Грубскъ*, и представляетъ цѣлую систему земляныхъ укрѣпленій, свидѣтельствующихъ о существованіи нѣкогда обширнаго города. Центральное укрѣпленіе Грубска состоитъ изъ хорошо сохранившагося вала, образующаго неправильный четырехугольникъ съ округленными углами; площадь этого четырехугольника, болѣе версты въ длину и около версты въ ширину, обнимаетъ пространство въ 64 десятины; она перерѣзана небольшою рѣчкою Тусквою (притокъ Здвижи), которая проходитъ съ южной стороны черезъ валь, окружающій городище, и выходитъ изъ него въ сѣверо-восточномъ его углу; рѣчка эта имѣетъ тонкіе берега, покрывающіе трудно проходимымъ болотомъ около ¹/₂ всей площади укрѣпленія. Валь круговой сохранился лучше всего въ восточной части укрѣпленія, гдѣ онъ достигаетъ до 2¹/₂ сажень высоты и до 7 сажень ширины у основанія; съ наружной стороны онъ сопровождается совершенно явственно сохранившимся широкимъ рвомъ, въ половинѣ-же высоты вала отчетливо замѣчается терраса; западная часть вала пролегаетъ по пахатному полю и вслѣдствіе этого запашки значительно понизили валь и изгладили его контуры.

Внутри городища, въ юго-восточномъ его углу, находится другое круглое укрѣпленіе, называемое „замчисько“, составлявшее вѣроятно цитадель бышаго города; оно обнимаетъ площадь въ 1100

¹⁾ Съ согласія автора перепечатано изъ „К. Слова“ № 344.

квадратныхъ сажень и окружено валомъ въ 2 сажени высотой, съ сохранившимся глубокимъ наружнымъ рвомъ. Уровень внутренней площади этого „замчиська“ аршина на два выше окружающей ее площади большого городища. Входъ въ „замчисько“ обращенъ къ востоку и оно съ этой только стороны доступно; съ запада оно омывается русломъ Тусквы, съ юга-же и сѣвера окружено болотистыми берегами этой рѣчки.

Въ разстояніи одной версты отъ Грубска, въ урочищѣ „Роскопане озеро“, находится другое городище, меньшее, служившее вѣроятно какъ-бы прибавочнымъ, передовымъ укрѣпленіемъ; оно имѣетъ видъ неправильнаго многоугольника съ округленными углами; валъ, окружающій, его высотой отъ 1—2 сажень; внутренняя площадь въ 8 десятинъ покрыта по большей части болотомъ и въ срединѣ ея находится небольшое круглое озеро.

Кромѣ этого вся мѣстность, на которой расположены городища, обнесена была длиннымъ валомъ, отъ котораго уцѣлѣли только отдѣльныя части; лучше другихъ сохранилась та часть, которая пролегаетъ въ верстѣ на западъ отъ Грубска; эта вѣтвь вала вѣроятно простиралась отъ верховьевъ Здвижи до притока р. Вилии — Дубовца и составляла съ запада оплотъ Грубска, съ единственной стороны, не защищенной болотами и рѣчками.

Среди валовъ въ разныхъ мѣстахъ разбросаны многочисленныя (до 900) курганы, составляющіе 9 или 10 отдѣльныхъ болѣе или менѣе численныхъ группъ. Курганы эти, различной величины, представляютъ языческіе могильники, въ которыхъ погребали жителей существовавшаго нѣкогда значительнаго городского поселенія. Въ теченіе двухъ недѣль я вскрылъ въ различныхъ группахъ 61 курганъ и всѣ они представляли могильные памятники одного времени и содержали покойниковъ, похороненныхъ по одному и тому-же погребальному языческому обряду, тождественному съ тѣмъ погребальнымъ типомъ, который понинѣ встрѣчался мнѣ во всѣхъ курганахъ, изслѣдованныхъ на территоріи древлянскаго племени отъ Припети до Ирпеня и Раставицы и отъ Днѣпра до Случи. Покойники лежатъ на спинѣ, горизонтально, головами къ западу, на уровнѣ горизонта или немного только ниже этого уровня. Скелеты были окружены по контурамъ тѣла желѣзными гвоздями, стоявшими шляпками вверхъ, безъ всякаго признака деревянныхъ гробовъ или досокъ. Предметы, встрѣчавшіеся у скелетовъ, представляли металлическія украшенія: кольца, серьги, перстни, пояс-

ныя пряжки и т. п. Всѣ эти предметы сдѣланы изъ серебра или бронзы, или литыя, или-же сдѣланы изъ согнутыхъ спирально или кольцеобразно проволокъ,—последнія всѣ безъ исключенія не спаяны. Кромѣ украшеній при скелетахъ находились въ небольшомъ количествѣ предметы, служившіе въ обиходѣ домашней жизни: маленькіе желѣзные ножики, огнива, кремни, иногда у ногъ покойника желѣзные обручи и дужки отъ маленькихъ ведерцецъ. Обыкновенно оружія у покойниковъ вовсе не встрѣчалось; исключеніе представила только одна группа кургановъ, расположенная верстахъ въ 2 къ сѣверо-востоку отъ Грубска, на землѣ села Быкова. Эта небольшая группа, заключающая въ себѣ только 5 кургановъ, отличалась отъ остальныхъ наружнымъ видомъ насыпей, которыя были гораздо выше и больше остальныхъ. При раскопкѣ ихъ найденъ былъ тотъ-же погребальный типъ, который замѣчался въ остальныхъ группахъ, но при покойникахъ находилось значительное количество желѣзнаго орудія: копья, дротики, кинжалы, стрѣлы и мечъ. Очевидно, въ этой группѣ похоронены были отдѣльно отъ другихъ жителей города лица, принадлежавшія къ военному сословію.

Послѣ осмотра и изслѣдованія этихъ памятниковъ, оставшихся отъ глубокой славянской старины нашего края, естественно является вопросъ: когда-же существовалъ городъ Грубскъ? Кто владѣлъ имъ? Когда и вслѣдствіе какихъ условій пересталъ онъ существовать? Къ несчастью, не сохранилось никакихъ точныхъ свѣдѣній, которыя помогли-бы намъ отвѣтить на эти вопросы. Русскія древнія лѣтописи не упоминаютъ имени Грубска—оно не встрѣтилось намъ ни разу и въ позднѣйшихъ документахъ XVI—XVII столѣтій. Въ началѣ текущаго столѣтія одинъ изъ помѣщиковъ основалъ было деревушку на старомъ городищѣ и назвалъ ее Грубскомъ по имени урочища, но вскорѣ онъ по экономическимъ соображеніямъ отказался отъ своей попытки и деревушка была перенесена въ другое мѣсто. Извѣстный знатокъ мѣстной этнографіи, исторіи и древностей Э. Руликовскій пытался было собрать относящіяся къ Грубску народныя преданія, но усилія его не увѣнчались успѣхомъ; онъ нашелъ лишь одну легенду, очевидно позднѣйшаго, книжнаго происхожденія, утверждающую, будто во время татарскаго нашествія окрестные жители въ числѣ 40,000 воздвигли грубскія укрѣпленія и пытались было защищаться въ нихъ, но были поголовно истреблены.

Не придавая этой легендѣ никакого реальнаго значенія, на основаніи историческихъ и археологическихъ соображеній, мы по-

звляемъ себѣ высказать слѣдующія предположенія: 1) Грубскъ существовалъ въ качествѣ большого городского поселенія еще въ языческое время, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные его могильники, содержащіе покойниковъ, погребенныхъ по языческому обряду. 2) Грубскъ лежалъ на территории древлянскаго племени: похоронный обрядъ его кургановъ тождественъ съ обрядомъ, встречающимся во всѣхъ могилахъ нынѣ изслѣдованныхъ на всемъ протяженіи бывшей древлянской земли,—онъ, вѣроятно, входилъ въ составъ того союза деревскихъ городовъ, которые упоминаются въ нашей лѣтописи въ разсказѣ о завоеваніи ихъ кн. Ольгою. 3) Городъ пересталъ существовать уже въ христіанское время; несомнѣнно послѣ завоеванія кіевскими князьями городское поселеніе еще просуществовало нѣсколько столѣтій и исчезло только во время удѣльнаго періода русской исторіи вслѣдствіе происшествій, не записанныхъ въ лѣтописи. Это послѣднее предположеніе мы основываемъ на характерѣ вещей, найденныхъ внутри Грубскаго городища—всѣ эти предметы тождественны съ предметами, найденными въ изобиліи во всѣхъ городахъ и городищахъ, существовавшихъ въ удѣльное время: въ Кіевѣ, Вышгородѣ, Бѣлгородѣ, Витичевѣ, Черниговѣ, Любечѣ, Галичѣ и т. д. Намъ удалось собрать на самомъ городищѣ небольшую коллекцію этихъ предметовъ, которая не позволяетъ сомнѣваться во времени намъ ихъ происхожденія: это большое количество пряслиць изъ краснаго шиффера, обломки стеклянныхъ браслетовъ, стекляныя „гала“, употреблявшіяся при производствѣ „намитокъ“, которыя носили женщины всѣхъ сословій древней Руси, какъ это видно изъ извѣстнаго изображенія семіи кн. Святослава въ его „изборникѣ“, наконечники бронзовыхъ стрѣлъ, употреблявшіяся кочевниками (половцами и т. п.), нападавшими на русскія области; сверхъ того мы имѣемъ въ коллекціи древнюю, вѣроятно церковную, печать, вырѣзанную изъ краснаго шиффера, съ изображеніемъ печатнаго знака, состоящаго изъ 4 крестовъ. У одного изъ крестьянъ с. Быкова мы видѣли бронзовый литой двухстворчатый тѣльникъ съ распятіемъ, найденный внутри Грубскаго городища: оба послѣдніе предмета ясно указываютъ на то, что послѣдніе обитатели Грубска принадлежали уже къ христіанской церкви.

Вотъ тѣ немногіе выводы, которые позволяю себѣ сдѣлать на основаніи находокъ и раскопокъ, произведенныхъ въ городѣ, забытомъ нашею лѣтописью.

Вл. Антоновичъ.

Къ литературной дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева.

Имя основателя и перваго редактора „Кіевской Старины“ тѣсно связано не только съ судьбою нашего молодого изданія. Поле дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева мѣнялось не разъ, но ни на какомъ поприщѣ не покидала его любовь къ литературнымъ занятіямъ. Для всесторонней характеристики и подобающей оцѣнки покойнаго требуется прежде всего старательное собраніе біографическаго матеріала и внимательная провѣрка его. Вотъ почему редакція не торопится печатаніемъ обстоятельной біографіи Ѳеофана Гавриловича. Но мы охотно даемъ мѣсто бібліографической замѣткѣ С. П., пополненной въ редакціи и составляющей необходимую часть біографическихъ матеріаловъ.

1860 г. „Руководство для сельскихъ пастырей“, т. I. *Поученіе въ 3-ю недѣлю В. поста.* № 1 стр. 8.

Поученіе въ 4-ю недѣлю Великаго поста, *ibid.* № 2, стр. 34.

Сонъ пресв. Богородицы, *ibid.* № 5 стр. 108.

О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ обычаевъ, соединенныхъ въ православной Церкви съ празднованіемъ св. Пасхи, *ibid.* № 6, стр. 127—143.

Т. II. *Сельскіе храмы, ихъ наружный и внутренній видъ, способы содержанія и средства къ соблюденію въ нихъ благолѣпія,* *ibid.* № 23, стр. 148—164.

Т. III. *Архимандритъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій († 1800).* *Ibid.* №№ 49—52 стр. 353—372, 378—408, 418—441 и 462—485. Перепечатано въ Кіевск. Губ. Вѣдомостяхъ 1861, №№ 16—22 и отсюда издано отдѣльнымъ оттискомъ, Кіевъ 1861. 8°. 96 стр.

Объ ярмаркахъ (До сельскихъ парафіанъ). Основа, № 6, стр. 72—78. Въ редакціонномъ примѣчаніи къ этой статьѣ читаемъ: „Оцю беседу съ селянами привізъ намъ, зъ Кіивщины, нашъ славный Кобзарь—народолюбець, дуже іи похвалячючъ. Винъ розумивъ іи образцемъ учительной розмовы зъ нашимъ щырымъ людомъ. Для того, щобъ народъ послухавъ нашої науки, треба говориты зъ нымъ уміючи, треба промовыть до его поэтичного, чулого серця. Сочынитель цей беседы ясно зрозумивъ свою задачу, и мы не знаємъ никого другого, хтобъ учывъ народъ такъ гарно, такъ просто и образно,—по нашому. Высокоповажный сочынитель не підписавъ свого имени: тимъ и мы тутъ не підписуемо, а радыбъ усимъ его оповистыты. Жадаемъ серцемъ, щобъ винъ выбравъ ще иши речы, зъ шыршоу

основой, для своей народней казанн“. А въ отдѣлѣ „отвѣты редакціи“, въ той же книжкѣ читаемъ: „Ѡ—ну Г—д—чу Д—д—ц—ву въ Кіевѣ. Змина заголовка и початку не зъ нашей выны. Ждемо-неждемось вашей посылки“.

Крестный ходъ въ Кіевъ въ день св. равно-апостольнаго князя Владиміра. Рувов. для сельск. наст. т. II, № 32, ств. 420—438 1862 г. *Братства* (Историческій обзоръ братствъ отъ перваго ихъ появленія до настоящаго времени). Кіев. Еп. Вѣд. № VIII, 258—274; IX, 310—325; X, 353—359. Перепечатывалось, въ извлеченіи, въ разныхъ изданіяхъ. *Бесѣда о празднованіи крещенія.* Ibid. № 22, стр. 668.

Замѣчательное открытіе въ области жизни (о существованіи въ кіевской губ. каневского уѣзда, въ селѣ Дубинцахъ братства въ такомъ же точно видѣ, въ какомъ существовали братства на юго-западѣ Россіи въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ). Вѣстн. Ю. З. Россіи № 2, 71—75. *Бесѣда къ сельскимъ прихожанамъ о св. Земль и святомъ градѣ и о пожертвованіяхъ на устройство Богоугодныхъ заведеній для православныхъ поклонниковъ гроба Господня.* Кіев. Еп. Вѣд. № XV, 506. Бесѣда эта такъ полюбилась въ Петербургѣ, что тамъ сдѣлано было распоряженіе отпечатать, помнится, 25,000 экземпляровъ ея для распространенія въ народѣ. Къ автору отовсюду шли хваленія за нее; министръ передавалъ „неизвѣстному автору бесѣды“ свою благосклонную признательность. Даже въ прошломъ (1887 году) послѣ того, какъ она прочтена была въ церкви малаго городка, предъ сборомъ пожертвованій въ пользу православныхъ поклонниковъ, на блюдо церковное набросали копѣйками нѣсколько десятковъ рублей. Покойный авторъ былъ очень утѣшенъ, когда сообщили ему объ этомъ живомъ успѣхѣ его слова, написаннаго 25 лѣтъ тому назадъ...

О жизни и трудахъ святыхъ Кирилла и Меводія, ibid. № XVI, стр. 537.

Речь при погребеніи профессора Кіевск. Дух. Академіи Чеховича, Труды Б. Д. Ак., № 11; Кіев. Еп. Вѣд. № XXIV, 758—763.

1863. Бесѣда о празднованіи брака. Кіевск. Еп. Вѣдом. № III, стр. 57.

Бесѣда о совершеніи погребенія и поминокъ, ibid. № IV, стр. 87.

Бесѣда о судѣ и расправѣ въ простомъ народѣ, ibid. № VI, стр. 87.

Поученіе въ день новаго юда, idid. № I, стр. 1.

Первыя три бесѣды обратили на себя вниманіе московскаго митрополита Филарета своимъ народнымъ языкомъ и вызвали его

замѣчаніе въ письмѣ къ кіевскому митрополиту Арсенію, которое было передано къ свѣдѣнію въ редакцію Епарх. Вѣдомостей. По мнѣнію преосв. Филарета важность церковной проповѣди требуетъ не допускать особеннаго приспособленія къ народной рѣчи, подобнаго оказавшемуся въ этихъ бесѣдахъ. Но знаменитому нашему богослову-архипастырю было неизвѣстно, что бесѣды эти не были произнесены во храмѣ и помѣщены только какъ образцы народной бесѣды пастыря съ пасомыми, которая могла быть и внѣ-церковною, но тѣмъ не менѣе весьма назидательною по своей простотѣ.

Протоіерей И. М. Скворцовъ. Некрологъ. Кіев. Еп. Вѣд. XVI, 500; XVII, 514; XVIII, 558, со спискомъ сочиненій отца протоіеря.

1864. *Дѣя бѣсѣды сельскаго священника о возстановленіи братства.* Кіев. Еп. Вѣд. №№ III, 65 и IV, 97.

Празднованіе 50-лѣтняго юбилея прот. Кіево-под. Воскресенской церкви Пантелеимона Визерскаго и рѣчь Ѳ. Г. Л., сказанная юбиляру при семь торжествъ. К. Еп. Вѣд. № V, стр. 148.

Евставій Пилипенко Самосвятъ. Эпизодъ изъ исторіи православной церкви въ предѣлахъ нынѣшней кіевской епархіи, *ibid.* № X, стр. 306.

1866. *Открытіе въ г. Холмѣ русской 7-классной гимназіи и педагогич. курсовъ,* *ibid.* № XXI, стр. 81.

Рѣчь при открытіи въ г. Холмѣ гимназіи и педагогич. курсовъ, *ibid.* № XXII, стр. 843.

Открытіе русскаго 6-класснаго женск. училища для греко-уніатскаго населенія въ г. Холмѣ, *ibid.* № XXI, стр. 704.

1867. *Рѣчь при открытіи въ г. Холмѣ русскаго женскаго 6-класснаго училища,* *ibid.* № I, стр. 22.

Имъ же изданъ томъ II Архива юго-запад. Россіи. Ч. I (Кіевъ 1864 г), заключающій въ себѣ 164 документа къ исторіи борьбы православныхъ жителей кіевской губерніи съ униєю въ половинѣ XVIII в. При этомъ томѣ въ видѣ объяснительной статьи или введенія—статья объ архимандритѣ Мелхиседекѣ Значко-Яворскомъ, въ значительно исправленномъ видѣ противъ 1-го изданія ея въ „Руководствѣ для сельск. паст.“ и въ „Кіевск. Губ. Вѣдомостяхъ“.

1882—1887. „Кіевская Старина“... Тутъ кромѣ подписанныхъ имъ статей есть очень много и неподписанныхъ. Ѳ. Г. не позволяя бывало обозначать ихъ даже въ годовыхъ указателяхъ журнала. Среди многихъ статей здѣсь обратимъ вниманіе на превосходный, истинно-сердечный и ярвій некрологъ высокопреосвященнаго Дмитрія (1883, № 12, 704).

Къ сему нужно добавить, что мысль объ изданіи „Руководства для сельскихъ пастырей“, программа изданія и первое редакторство въ немъ за 1860—63 гг. принадлежали Ѡ. Г. Лебеднцеву. Это было заявлено покойнымъ товарищемъ его по академіи, преосвященнымъ Филаретомъ при прощаньѣ, которое было устроено служащими въ кievской духовной семинаріи и академіи преосвященному, отъѣзжавшему на рижскую епископскую кафедру.

Для справокъ.

— При „Циркулярѣ по управленію Киевскимъ учебнымъ округомъ“ (Янв. 1888) напечатано „приглашеніе“ извѣстнаго собирателя и изслѣдователя по русской этнографіи П. В. Шейна „въ содѣйствію въ собираніи памятниковъ народнаго творчества“. По порученію Имп. Академіи Наукъ г. Шейнъ занятъ въ настоящее время пополненіемъ собранныхъ имъ матеріаловъ народнаго творчества бѣлорусовъ, и едва-ли можно сомнѣваться, что призывъ почтеннаго собирателя, поддѣрпленный авторитетомъ высшаго ученаго учрежденія въ Россіи, найдетъ себѣ желанный откликъ во всякомъ о разованномъ челоѣкѣ, понимающемъ цѣну подобныхъ трудовъ и обстоятельствами жизни поставленномъ въ благоприятныя для того условія. Съ своей стороны мы лишній разъ пользуемся случаемъ, чтобы напомнить любителямъ южнорусской старины, что поле и нашей этнографіи въ не меньшей мѣрѣ нуждается въ просвѣщенныхъ работникахъ, и что умѣлое собираніе относящихся сюда матеріаловъ составляетъ первый этапъ, закладываетъ краеугольный камень для будущаго зданія научной этнографіи южной Руси. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ перепечатать изъ „Циркуляра“ приглашеніе г. Шейна, содержащее въ себѣ нѣкоторыя цѣнныя указанія общаго свойства и предлагающее ясныя отвѣты на вопросы о томъ: „Что записывать?“ „Какъ записывать?“ „Отъ кого записывать?“ Разумѣется, программа г. Шейна обнимаетъ собою далеко не всю совокупность предметовъ, входящихъ въ задачи этнографіи, ибо произведенія народнаго творчества, понимаемаго даже въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, отражаютъ въ себѣ не всѣ черты народной фizioноміи: внѣшній бытъ въ многообразныхъ его проявленіяхъ, множество обычаевъ, обрядовъ и нѣкоторыхъ иныхъ народныхъ особенностей останутся для собирателя народныхъ произведеній за предѣлами наблюденія. Но помѣщаемая ниже программа ясно отмежевываетъ одну, притомъ весьма важную и по содержанію богатую и интереснѣйшую область этнографіи, или народовѣдѣнія. Удовлетворительное выполненіе предлагаемыхъ ей задачъ не возможно безъ дружнаго содѣйствія частныхъ лицъ.

Редакція „К. Старинн“, какъ разумѣется само собою, приметъ съ благодарностью всякое сообщеніе, будетъ-ли это пѣсня, сказка, пословица, анекдотъ или рассказъ, выражающій народный взглядъ на извѣстный предметъ, и постарается отвести доставленному сообщенію подобающее мѣсто въ работахъ по южнорусской этнографіи. Адресовать просьбъ въ редакцію „Кievской Старинн“, Театральная ул., д. № 4.

Приглашеніе къ содѣйствию въ собраніи памятниковъ народнаго творчества отъ П. В. Шейна.

Однимъ изъ главныхъ пособій при изученіи быта, исторіи, языка, религіозныхъ и другихъ вѣрваній народа современные, какъ европейскіе, такъ и отечественные ученые признають его исконные обычаи, обрядовую сторону его жизни въ ея знаменательныхъ моментахъ, остатки самобытнаго творчества его фантазій,—то есть пѣсни, сказки, легенды, загадки, и т. д., которыми народъ какъ въ минуты досуга, такъ и при тяжелой работѣ отводитъ себѣ душу. Поэтому и у насъ, въ Россіи, въ послѣднее время, остатки эти стали весьма тщательно собирать. преимущественно наши ученые общества, какъ напримѣръ, московскія: исторіи и древностей Россійскихъ, любителей російской словесности, антропологіи и этнографіи,—петербургскія: Русское географическое и Академія Наукъ. Результатомъ ихъ дѣятельности было изданіе въ свѣтъ нѣсколькихъ сборниковъ этнографическихъ матеріаловъ, но все это едва ли обнимаетъ и тысячную долю того, въ чемъ выражается какъ вѣшная, такъ и внутренняя жизнь народа, всего того, что такъ крѣпко хранится въ его памяти, что такъ нерушимо нока живетъ и дѣйствуетъ въ его старинныхъ обычаяхъ и правахъ, особливо въ болѣе отдаленныхъ отъ центровъ цивилизаціи мѣстностяхъ; что милліонами голосовъ до сихъ поръ такъ громко оглашало и еще теперь, хотя въ меньшей степени, оглашаетъ всѣ уголки и закоулки нашей необъятной Руси.

Если вы хотите испытующимъ окомъ заглянуть въ задушевную жизнь нашего народа, въ завѣтную область его сердечныхъ движеній, познакомиться съ болѣе крупными явленіями его характера, то наблюдайте его, въ особенности въ его торжественныя минуты, въ праздники, когда онъ беззаветно отдается веселью, когда у него вся душа на распашку. Тутъ онъ высказывается весь.

Изъ всѣхъ родовъ народной поэзіи пѣсня въ особенности играетъ важную роль въ жизни русскаго крестьянина: она, можно сказать, неразлучная спутница его жизни отъ колыбели до могилы; пѣснѣ онъ повѣрлетъ, въ ней высказываетъ, всѣ свои завѣтныя думы, всѣ сокровенныя движенія своей души. Поэтому она такъ разнообразна, такъ богата вариантами. Свадебныя пѣсни, напримѣръ, въ Велико-руссіи почти въ каждой деревнѣ яныя. Не менѣе того изумительна ихъ общая распространенность въ народѣ: ихъ поетъ старъ и малъ. Нѣтъ почти парня, мужика, дѣвки, бабы, которые бы не были въ состояніи спѣть вамъ за одинъ присѣсть отъ 20 до 50, даже до 100 пѣсень. Отсюда ясно, что ученые общества одни, безъ дружнаго содѣстія частныхъ лицъ, не много сдѣлають. А что же изъ частныхъ лицъ ближе къ простому народу, чаще приходится съ нимъ въ соприкосновеніе, лучше знаетъ всю обстановку его бытовой жизни, его умственное и нравственное состояніе, какъ въ сельское духовенство, помѣщики и помѣщичи, учителя и учительницы сельскихъ школъ? Стало быть, на нихъ теперь преимущественно вся надежда въ дѣлѣ собранія памятниковъ поэзіи народа и остатковъ его старины. Я сказалъ „преимущественно“ потому, что, по-моему, всякій образованный, даже просто грамотный, коренной мѣстный житель, начиная отъ ученика сельской школы, писаря, семинариста, гимназиста, до мѣстныхъ любознательныхъ наблюдателей народнои жизни, лучше и вѣрнѣе соберетъ названные остатки старины въ своей родной мѣстности, чѣмъ самый ученый завѣзшій собиратель, потому что первые поставлены въ болѣе

выгодныя условія, чѣмъ послѣдній, и могутъ исподволь и вовремя накопить обильныя и надежныя запасы этнографическихъ и лингвистическихъ матеріаловъ для передачи въ вѣдѣніе отечественной науки. Этимъ дѣломъ нужно поторопиться. Всѣ новыя благотворныя реформы, такъ мощно пробудившія народъ къ новой жизни: ежегодно прибывающія школы грамотности среди сельскаго люда, новый способъ землевладѣнія, введенія земства, новыя суды, всеобщая воинская повинность, постоянное проведеніе новыхъ желѣзно дорожныхъ линій и т. д. скоро, можетъ быть, изгладятъ изъ памяти народа и послѣдніе уцѣлѣвшіе до нашего времени слѣды его старинныхъ обычаевъ, его самородной поэзіи.

Поэтому, приступая къ пополненію своего обширнаго собранія памятниконъ народной словесности однородными данными, необходимыми какъ для критической оцѣнки достовѣрности тѣхъ изъ нихъ, которыя уже давно у меня подъ руками, такъ и для болѣе цѣльнаго, всесторонняго изученія бытовой жизни народа, я позволяю себѣ обратиться къ нашему образованному обществу съ покорнѣйшею просьбою о посильномъ мнѣ содѣйствіи въ моемъ крохоборномъ, муравьиномъ трудѣ доставленіемъ матеріаловъ по народной поэзіи и бытовой старинѣ. Этимъ содѣйствіемъ любители, которыхъ, я увѣренъ, не мало у насъ на Руси, скажутъ немаловажную услугу русской наукѣ, русскому обществу, которое въ правѣ ожидать посильнаго сотрудничества своихъ членовъ какъ въ общемъ дѣлѣ преуспѣяніи наукъ, такъ и въ разъясненіи многихъ, еще довольно темныхъ, сторонъ исторической вѣковой жизни какой-либо части великаго русскаго народа.

Что записывать?

Записываться нужно рѣшительно все, въ чемъ выражается бытовая, заветная жизнь народа, въ словѣ, въ обрядѣ, въ обычаяхъ старины и т. д. Мое уже дѣло будетъ разсортировать ожидаемый матеріалъ, разбирать его и рѣшать, что болѣе или менѣе нуждается въ обнародованіи для пользы науки. Преимущественно же нужно имѣть въ виду слѣдующее:

А. Сказки, байки, прибаутки, басни, присказки, анекдоты, легенды, шуточные рассказы, повѣствованія о богатыряхъ, о превращеніяхъ людей въ животныхъ и растенія и наоборотъ, мѣстныя преданія о лицахъ, чествуемыхъ народной памятью, о происхожденіи рѣкъ и озеръ, о церквахъ, странствующихъ чудотворныхъ иконахъ и колоколахъ, любимыя историческія воспоминанія о пребываніи французовъ въ странѣ, разныя дѣтскія игры и пр.

Б. Пѣсни: а) 1., крестинныя или хресбинскія, 2., колыбельныя, 3., дѣтскія, 4., обрядовыя: колядныя, 5., маслинничныя, 6., волочобныя (великодныя), 7., весеннія хороводныя (весну зазываютъ), 8., на св. Юрія (день великомученика Георгія, праздникъ пастуховъ), 9., троицкія или духовскія, 10., толочанскія, 11., купальскія (праздникъ Ивана Купала), 12., Петровскія, 13., жатвенныя (полевая, зажиночныя, дожиночныя), 14., еялустки, попрадныя или посѣдѣлочныя, голосивныя или протяжныя 15., застоольныя, 16., разгульныя (пріпѣвки къ танцамъ), 17., свадебныя, похоронныя, голосованія вопли или заплачки, 18., шуточные и скоморошныя; б) 1. рекрутскія, 2., солдатскія, 3., бурлацкія и чумацкія, 4., крѣпостныя (изображающія взаимныя отношенія между крестьянъ и помѣщиковъ во время крѣпостнаго права), 5., затюремныя и заключенныя, 6., разбойничьи, ссыльнокааторжныя, историческія (о разныхъ историческихъ лично-

стихъ и эпохахъ), былины (о разныхъ богатыряхъ), извозчичьи и пр.; в) духовные стихи, распѣваемые слѣпцами и нищими при церквахъ, на кладбищахъ, площадяхъ и по другимъ мѣстамъ,—съ описаніемъ относящихся ко всѣмъ имъ обычаевъ, обрядовъ, игрищъ, повѣрій, суевѣрій, примѣтъ.

Кромѣ того, желательно было бы имѣть описаніе обрядовъ, не обозначенныхъ въ приведенномъ выше перечнѣ, какъ напримѣръ описаніе похоронъ, и другихъ поминальныхъ дней родительской субботы, красной горки, семика, обычая хоронить кострому, обрядъ похоронъ мужъ, таракановъ и другихъ насѣкомыхъ, обрядъ онахиванія и пр., менѣе извѣстныхъ ученому миру.

Какъ записывать?

Относительно тѣхъ предметовъ, гдѣ требуется описаніе фактовъ, собственно изложеніе, этотъ вопросъ не имѣеть мѣста: тутъ одинъ другому не указъ; всякій пишетъ какъ знаетъ и умѣетъ, тѣмъ же способомъ и слогомъ, какимъ онъ рассказывалъ бы заинтересовавшій его случай, происшествіе въ кругу своихъ домашнихъ или самому короткому своему другу; стало бытъ, чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Иное дѣло записываніе произведеній народной словесности (легенды, сказки и т. д.). Особенно въ отношеніи къ записыванію пѣсенъ, разрѣшеніе этого вопроса ставится нѣсколько труднѣе и нуждается въ указаніяхъ опыта; поэтому для лицъ, мало знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, и предложилъ бы слѣдующій приемъ: пѣвца или пѣвицу заставить продиктовать себѣ съ начала до конца всю пѣсню, а тамъ, гдѣ они собьются, что обыкновенно весьма часто случается, предложить имъ пропѣть нѣсколько предыдущихъ стиховъ. Тутъ они, какъ показала опытъ, скоро припоминають связь и продолженіе пѣсни. Записавши, такимъ образомъ, всю пѣсню, необходимо заставить ихъ пропѣть ее снова съ начала до конца, уже безъ всякаго перерыва со стороны записывателя. Ему только остается, чутко слѣдя, по записанной имъ пѣсни, за пѣніемъ пѣвца или пѣвицы, тщательно отмѣчать тѣ слова и стихи, которые въ пѣсняхъ нерѣдко повторяются раза по два и болѣе, и исправлять тѣ ошибки и недомолвки, которыя неминуемо въ нихъ окажутся, вслѣдствіе сбивчивости связателя. Разница всегда будетъ немалая, потому что неразвитой человѣкъ рѣдко въ состояніи отчетливо и полно передать словами, говоркомъ (речитативомъ) поемую имъ пѣсню. Онъ обыкновенно поетъ ее полу-безсознательно, почти какъ птица въ лѣсу. Пѣсня живетъ и держится въ его памяти, преимущественно, силою однообразнаго мотива.

При этомъ считаю непремѣннымъ долгомъ обратить вниманіе будущихъ моихъ доброхотныхъ и сотрудниковъ и сотрудницъ на то, что всѣ матеріалы, которые имъ, надѣюсь, удастся записать непосредственно изъ устъ народа, подлинными его словами и оборотами, тогда только могутъ имѣть надлежащую цѣнность и служить надежнымъ основаніемъ для научныхъ изслѣдованій, когда въ нихъ, по возможности, будутъ сохранены всѣ оттѣнки мѣстнаго говора. А оттѣнки по различнымъ мѣстностямъ довольно разнообразны. Такъ напр. въ однихъ мѣстностяхъ: вмѣсто онъ везеть, гуляеть, говорятъ: ѣнъ везеть, гуляеть,—въ другихъ: ѣнъ везе, гуляе,—въ третьихъ: ѣнъ везѣ, гуляѣ и проч.—въ Тульской, Орловской, Калужской и др. говорятъ вмѣсто скамейка, молоко—скамейка, молочка, ѣнъ даетъ овецъ лошадемъ, на тѣй сторонѣ и пр. Приведенные примѣры, какъ мнѣ кажется, могутъ служить достаточно нагляднымъ указаніемъ того, какого рода точности необходимо держаться

при передачѣ звуковой стороны мѣстныхъ говоровъ. Однимъ словомъ, эта передача должна быть исполнена, по возможности, съ фотографическою вѣрностью.

Къ сказанному нужно прибавить, что многія областныя слова, кромѣ звуковаго отличія, представляютъ немало особенностей въ сравненіи съ литературными и въ удареніяхъ. Вотъ эти-то особенности также необходимо отмѣтить какимъ-либо знакомъ, напр. дочка (дочка) говориць, и говоряць (говорить), болотистый (болотистый), старой (старый), глупой (глупый), святки (святки) и пр.

Также весьма важно имѣть точныя указанія на то, гдѣ, кѣмъ, отъ кого и когда что записано изъ произведеній устной словесности народа, обрядовой и бытовой стороны его жизни.

Отъ кого записывать?

Преимущественно отъ деревенскихъ бабъ и старухъ. Въ ихъ устахъ выше означенныя произведенія сохраняются свѣжѣе, неприкосновеннѣе, потому что онѣ рѣдко или почти никогда не оставляютъ своей родной берлоги, стало быть, менѣе подвергаются вліянію чужестороннихъ элементовъ и вреднымъ осадкамъ полуграмотной цивилизаціи. Впрочемъ, бывають и изъ мужиковъ большіе мастера на пѣсни, сказки, прибаутки и т. д., — знахари своего дѣла. Они у себя въ деревнѣ пользуются особымъ почетомъ и авторитетомъ. Они, обыкновенно, весьма ревниво и свято оберегаютъ отъ всякой посторонней примѣси старинные лады и складъ, завѣщанныя имъ отъ предковъ пѣсни, сказанія, разныя преданія и изреченія житейской мудрости. Все записанное отъ такихъ деревенскихъ людей имѣетъ особенную цѣнность для науки. Свадебные же обряды съ относящимися къ нимъ пѣснями слѣдуетъ записывать отъ распорядителей и участниковъ этого обряда: отъ дружка, свахъ, сватовъ и дѣвушекъ. Пѣсни прочихъ родовъ всего удобнѣе записывать отъ лучшихъ запѣваль.

— 4-го и 5-го января происходили въ Москвѣ засѣданія предварительнаго комитета VIII съѣзда въ домѣ археологическаго общества на Берсеневкѣ, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой. Съѣздъ будетъ открытъ 8-го января 1890 г. въ Москвѣ и продлится до 24-го того же января. Ко времени съѣзда будутъ приглашены иностранные ученые, члены московскаго археологическаго общества и другія лица, труды и занятія которыхъ могли бы принести пользу русской наукѣ. Кромѣ обсужденія правилъ будущаго съѣзда, въ засѣданіяхъ комитета разсматривалось приглашеніе московскаго археологическаго общества къ составленію археологическаго словаря, для котораго обществомъ уже собрано до 700 объясненныхъ специалистами словъ. Также былъ прочитанъ докладъ особой комиссіи общества по вопросу о составленіи археологической карты Россіи, причемъ рѣшено обратиться за содѣйствіемъ къ провинціальнымъ властямъ и административнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ.

— Желая почтить память своего покойнаго основателя, пожизненнаго предсѣдателя и учредителя археологическихъ съѣздовъ въ Россіи, графа А. С. Уварова, московское археологическое общество, по соглашенію со своею предсѣдательницею, графинею П. С. Уваровой, учредило одновременно въ память 25-лѣтняго существованія преміи имени покойнаго графа А. С. Уварова. Всѣхъ премій три: одна въ 1,000 руб. и двѣ по 800 р. Выдаются онѣ за лучшія изъ написанныхъ на заданныя темы сочиненія, которыя представляютъ, въ рукописи и подъ девизомъ, къ 1-му

октября 1889 года. Тогда же будетъ выбрана спеціальная для ихъ разсмотрѣнія коммиссія изъ лицъ не писавшихъ на премію, и результатъ ея занятій будутъ доложены въ одномъ изъ первыхъ засѣданій VIII археологическаго съѣзда; премированныя сочиненія, равно какъ и рецензіи на нихъ, будутъ напечатаны, причемъ первыя—на счетъ общества. Изъ девяти назначенныхъ темъ слѣдующія шесть имѣютъ отношенія къ югу Россіи:

1. Заслуги графа А. С. Уварова какъ ученаго археолога для русской исторіи (Вопросы, затронутыя имъ въ своихъ трудахъ. Вліяніе его ученыхъ трудовъ на дальнѣйшую разработку русской исторіи. Вызванныя его работами другіе самостоятельные научные труды и т. д.).

2. Сводъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній древнихъ (классическихъ) писателей о русской землѣ, съ изложеніемъ комментарій на эти извѣстія въ русской и иностранной литературѣ.

3. Историческій очеркъ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Россіи, съ приложеніемъ систематической библіографіи сочиненій и статей археологическаго содержанія.

4. Вліяніе византійской иконописи и миниатюрной живописи на русскую иконопись и миниатюрную живопись съ X по XVII в.

5. Взаимодѣйствіе иконописи и словесной народной и книжной.

6. Исторія русскаго иконостаса (съ подробнымъ описаніемъ важнѣйшихъ памятниковъ какъ со стороны художественной, такъ и иконографической).

БИБЛІОГРАФІЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

І. Обзорніе газетъ.

Кіевлянинъ (№№ 41—69). *Кіевское Слово* (321—355). *Подольскія Епарх. Извѣстія* (1—11). *Волинскія Епарх. Вѣдомости* (1—9). *Волянъ* (1—36). *Екатеринос. Губ. Вѣдомости* (1—23). *Крымъ* (1—6). *Полтавскія Епарх. Вѣдомости* (1—6). *Черниговск. Губ. Вѣдомости* (1—23). *Южный Край* (2413—2487). *Смоленскій Вѣстникъ* (27—40).

Предварительно два слова къ читателю. Открывая съ І книжки „библіографическій листокъ“, редакція „Кіевской Старинны“ имѣетъ въ виду восполнить хоть отчасти недостатокъ такого библіографическаго органа, въ которомъ любитель и специалистъ-ислѣдователь находили бы для себя необходимыя справки о томъ, что по вопросамъ исторіи и археологіи мѣстнаго быта и народнаго творчества появляется въ періодическихъ изданіяхъ, мѣстныхъ и столичныхъ, въ журналахъ и газетахъ, въ сборникахъ или запискахъ ученыхъ обществъ и другихъ учреждений, и такимъ образомъ могли бы ориентироваться въ массѣ извѣстій, замѣтокъ, очерковъ и изслѣдованій, имѣющихъ прямое отношеніе къ южной Руси, разбросанныхъ во множествѣ изданій, нерѣдко доступныхъ лишь ограниченному числу читателей. Библіографическое обзорніе статей редакція считаетъ нужнымъ дополнять перечнемъ вновь вышедшихъ, отвѣчающихъ ея задачамъ книгъ. Полнота нашихъ обзорній, особенно на первыхъ порахъ, неизбежно можетъ быть лишь относительная, ибо въ этомъ случаѣ редакція находится въ зависимости отъ количества и своевременности полученія интересующихъ ее изданій. Для достиженія возможныхъ въ подобномъ дѣлѣ системы и порядка обзоряемыя изданія раздѣляются на двѣ категоріи: ежемѣсячно редакція будетъ предлагать обзорніе получаемыхъ ею мѣстныхъ изданій ежедневныхъ и еженедѣльныхъ, а въ концѣ каждаго тома, т. е. въ трехмѣсячные промежутки, сверхъ того и обзорніе ежемѣсячныхъ изданій, столичныхъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ, а равно выходящихъ не періодически записокъ университетовъ, ученыхъ обществъ и т. п. Перечень новыхъ книгъ будетъ слѣдовать въ каждой книжкѣ журнала. Въ заголовкѣ І отд. „библ. листка“ поименовываются

всѣ разсмотрѣнныя въ редакціи изданія и №№ ихъ, хотя бы не всѣ они давали матеріалъ, входящій въ нижеслѣдующее обзорѣніе.

Кіевлянинъ №№ 48, 49 и 50. Рѣшеніе кіевской судебной палаты по иску гр. Плятера противъ г. Толли—о *Вишневецкомъ имѣніи*, связанномъ съ именемъ Марины Мвишекъ и врага Богдана Хмельницкаго и козачества, свирѣпаго князя Іереміи Вишневецкаго (Тоже и въ „К. Ст.“ №№).

№ 50. Въ Черниговѣ найденъ недавно хранившійся гдѣ-то въ подвалахъ кафедральнаго собора, въ забвеніи, *крестъ святителя Θεодосія Улицкаго*, моща котораго почиваютъ въ пещерѣ при соборѣ. Крестъ выставленъ въ церкви, въ кіотѣ (Корреспонденція).

№ 52. Въ ознаменованіе истекающаго въ 1893 г. *столѣтія присоединенія Подолія къ Россіи* рѣшено соорудить въ Каменецъ-Подольскомъ церковь во имя св. кн. Александра Невскаго.

№ 56. *Преданіе о масленицѣ* (изъ „Черниг. Губ. Вѣд“).

№ 57. *Некроль Ѳ. Г. Лебединцева.*

— *Ив. Новицкій. Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый комиссією для разбора древнихъ актовъ. Ч. I, т. VII. Кіевъ 1887.* Общій очеркъ жизни въ южной и западной Россіи конца XVI и первой половины XVII вв., а также нравы и образъ жизни представителей высшей православной іерархіи въ краѣ того времени.

№ 60. *Засѣданіе историческаго общества лѣтописца Нестора, 13 марта.* Отчетъ. Засѣданіе открылось сообщеніемъ г. предсѣдателя о кончинѣ дѣйств. члена общ. Ѳ. Г. Лебединцева, основателя и перваго редактора-издателя „Кіевской Старины“. Рефератъ проф. А. И. Соболевскаго, къ вопросу о времени крещенія Руси. Референтъ признаетъ лѣтописную дату крещенія Владиміра, т. е. 988 г., какъ не имѣющую противъ себя никакихъ серьезныхъ возраженій, за единственную, которая можетъ быть принята въ наукѣ. Тотъ же 988 г., по мнѣнію проф. Соболевскаго, долженъ быть принятъ и за годъ крещенія Руси: Владиміръ, несомнѣнно, крестился не одинъ, но вмѣстѣ съ дружиною и войскомъ, что важнѣе, чѣмъ кіевская чернь, крещенная Владиміромъ въ Кіевѣ по возвращеніи изъ-подъ Корсуни.

№ 63. *Къ раскопкамъ въ усадьбѣ Чеботаревской.* Обнаруженъ фундаментъ храма великокняжеской эпохи.

— Въ Министерствѣ Государственныхъ имуществъ выработаны *правила относительно разрѣшенія многолѣтнихъ споровъ казны съ владѣльцами частныхъ имѣній въ Волинской губ.* и полюбовнаго размѣжеванія такихъ спорныхъ имуществъ узаконеннымъ коштнымъ межеваніемъ. Возникновеніе спорныхъ дѣлъ съ владѣльцами 175 имѣній относится еще къ началу нынѣшняго столѣтія.

№ 66. *Ив. Новицкій. О вышедшей въ свѣтъ первой книжкѣ „Кіевской Старины“, возобновленной подъ редакціей А. С. Лашкевича.* Изложение содержанія статей, вошедшихъ въ эту книжку, и сочувственный отзывъ.

№ 69. О предполагаемой въ нынѣшнемъ году *реставраціи Переяславской Успенской церкви и Черниловскаго кафедральнаго собора.*

Кромѣ того въ теченіе марта „Кіевлянинъ“ помѣстилъ немало извѣстій и замѣтокъ о приготовленіяхъ Кіева къ торжеству 900-лѣтія крещенія Руси.

Кіевское слово № 321. *Объ Успенской церкви въ г. Переяславѣ,* съ именемъ которой соединено воспоминаніе о присоединеніи Малороссіи къ Московскому государству (корреспонденція). Успенская церковь, въ которой Богданъ Хмельницкій съ козаками приносилъ присягу на подданство русскому царю, вскорѣ послѣ того сгорѣла; возобновленная затѣмъ „на государевъ коштъ“, она снова сгорѣла въ 1761 году. Спустя 6 лѣтъ на томъ же мѣстѣ сооружена была новая церковь того же наименованія, которая по ветхости разобрана въ 1887 году. Изъ святынь Успенскаго храма обращаетъ на себя вниманіе икона „Ченстоховской“ Божіей Матери, уважаемая народомъ, и напрестольное евангеліе, предъ которымъ по преданію малороссійскій народъ приносилъ присягу на вѣрноподданство Русскому царю.

№ 332. *В. Завитневичъ. Къ вопросу объ успѣхахъ нашей археологіи.* Въ курганахъ одного изъ могильниковъ, раскопанныхъ С. А. Мазараки, въ бассейнѣ р. Сулы, форма погребенія и найденныя вещи носятъ всѣ характерныя особенности предметовъ, встрѣчаемыя обыкновенно въ такъ называемыхъ скифскихъ курганахъ. Но здѣсь же оказались и слѣдующія особенности: во-первыхъ, костяки въ этихъ курганахъ лежали въ направленіи не съ С. на Ю., какъ это всегда бываетъ въ скифскихъ курганахъ, и не съ З. на В., какъ въ сосѣднихъ славянскихъ курганахъ,—а съ ЮЗ. на СВ., т. е. разсматриваемые курганы въ этомъ отношеніи представляли какъ бы переходную ступень отъ скифскихъ кургановъ къ славянскимъ: фактъ, уже раньше встрѣчавшійся въ ярмолинскомъ могильникѣ. Во-вторыхъ, въ одномъ изъ кургановъ оказалась форма погребенія покойника чрезъ сожженіе,—явленіе, насколько извѣстно, никогда не встрѣчавшееся въ скифскихъ курганахъ, но совершенно обычное въ курганахъ славянскихъ. Лейпцигскій профессоръ Обстъ, заинтересованный вопросомъ о родствѣ скифовъ съ славянами, а слѣд. и съ германцами, намѣренъ, по словамъ автора, въ нынѣшнемъ году пріѣхать въ Россію и принять личное участіе въ раскопкахъ въ Посульскомъ краѣ.

№ 336. *Къ вопросу о празднованіи 900-лѣтія крещенія Руси.* Указывая на то обстоятельство, что въ 1891 году исполнится тысячелѣтіе со дня кончины константинопольскаго патріарха Фотія, къ имени котораго сходятся воспоминанія о началахъ христіанства на Руси, авторъ предлагаетъ отпразд-

новать юбилей крещенія при Аскольдѣ, какъ и Владимірова крещенія—въ день кончины патр. Фотія, 9 февраля 1891 года.

№ 339. *Н. Б. Обогащеніе кіевскаго церковно-археологическаго музея новыми приобрьтеніями.* Музей приобрьлъ за 50 р. 8 портретовъ малороссійскихъ гетмановъ. Портреты сдѣланы, какъ видно, однимъ художникомъ, всѣ одного формата и относятся къ концу XVII вѣка. Кромя гетманскихъ, въ музей поступилъ портретъ ректора старой кіевской академіи (половины XVIII в), а затѣмъ игумена Выдубецкаго монастыря, Игнатія Оксеновича Струшича.

№ 343. *Феофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ* (некрологъ).

№ 344. *Вл. Антоновичъ. Забытый городъ (Изъ археологической экскурсіи).* Перепечатано въ этомъ же № „К. Старина“.

№ 345. *Отчетъ о засѣданіи 13 марта историческаго общества льтописца Нестора.*

№ 347. *О древнемъ Богоявленскомъ соборѣ въ г. Острогѣ.* Краткая исторія этого храма, сооруженнаго въ половинѣ XV вѣка кн. Василюмъ Острожскимъ, и извѣстіе о ходѣ его реставраціи, начатой въ маѣ прошлаго года.

№ 350. *Преобразование иконостаса кіево-софійскаго собора.* По инициативѣ кафедральнаго протоіерея П. Г. Лебединцева нынѣ составленъ проектъ пониженія иконостаса съ мозаичными и фресковыми изображеніями XI в. Проектъ этотъ (составленный архитекторомъ В. Н. Николаевымъ), одобренный кіевскимъ церковно-археологическимъ обществомъ и утвержденный его высокопреосвященствомъ, нынѣ препровожденъ къ г. оберъ-прокурору св. синода для представленія на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе.

№№ 352 и 355. *В. Завитневичъ. Къ вопросу о годѣ крещенія Руси.* Забѣтки по поводу рецензіи П. Голубовскаго на извѣстную брошюру автора, помѣщенной въ первой книжкѣ „Кіевской Старины“ за текущій годъ.

Кромѣ отмѣченныхъ статей и замѣтокъ въ мартовскихъ №№ „Кіевскаго Слова“ было помѣщено нѣсколько извѣстій о приготовленіяхъ различныхъ учреждений г. Кіева къ празднованію 900-лѣтія крещенія Руси.

Подольскія Епархіальныя Извѣстія. № 1. Задача Епархіальныхъ Вѣдомостей и въ частности Подольскихъ, съ 1888 года. Изданіе слѣдитъ за всѣми рѣшима епархіальными учрежденіями „которыя свидѣтельствуютъ о внутренней религіозно-общественной жизни каждой епархіи во всѣхъ ея проявленіяхъ, которыя при правильномъ ихъ, по извѣстному плану, составленіи и ежегодномъ опубликованіи, могутъ представлять въ данное время точныя свѣдѣнія о разнообразныхъ проявленіяхъ религіозно-просвѣтительной и христіанско-благотворительной дѣятельности въ каждой епархіи, а впоследствии времени даже самый цѣнный, полный и точный матеріалъ для исторіи мѣстной церковной жизни“. Въ

заключеніе редакція намѣчаетъ себѣ цѣль къ 1893 г. окончательно разработать исторію подольской епархіи за прошедшее столѣтіе.

№№ 2, 3. Отчетъ о состояніи Тульчинскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебно-воспитательной части за 1886 учебный годъ. Библиографія — Отчетъ о справочной книжкѣ подольской губерніи.

№ 7. Сказаніе о чудотворной иконѣ Божіей Матери, именуемой „Брайловскою“ — Св. В. Мартыновскаго.

№№ 10, 11. Отчетъ свящ. Овуфрія Кошубскаго, уполномоченнаго Съездомъ духовенства под. губ. для осмотра епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ харьковскаго и херсонскаго и практическаго изученія веденія свѣчнаго дѣла на этихъ заводахъ.

Волинскія Епархіальныя Вѣдомости. №№ 1—9. *Историко-стат. описаніе церквей и приходоѡв.* Описаніе 2 благочинническаго округа овручскаго уѣзда: с. Беги, Немировка, Голсуны, Бѣлошицы, Васьковицы, Межирѣчча, Игватполь, Выговъ, Дидковичи, м. Искорость; сс. Коленскіе, Кольскіе, Остапы, м. Лучины, сс. Михайловка, Могильно, Обиходы, Пашины, Ходаки, Татарновичи. 3-й благочинническій округъ свручскаго уѣзда: м. Веледники, сс. Липники, Гшовъ, Клинець Годотемя, Кобылинь, Левковичи, Можары, м. Норинскъ, сс. Петраши, Покалевъ, Контевшина, Раковщина, Великая Черниговка, м. Славечва, сс. Хлуплины, Черепинъ, Шоломки, Збранки. 4 благоч. округъ того же у.: сс. Боровое, Бѣлокуровичи, Голыши, Жужевичи, Войтѣвичи, Замысловичи, Озеряны, Копищи, Красноволока, Жеревцы, Новаки, Лопатичи, м. Олевень, сс. Кишиць, Радовель, Жубровичи, Рокитно, Косаричи, Сновидовичи, Собичинъ, Бѣловижъ, Сушаны, Хочинъ. Ровенскій уѣздъ: городской благочинническій округъ ровенск. у. г. Ровно, с. Басовъ-Кугъ.

№ 3. Православное Свято-Владимірское братство въ г. Владимірѣ-Волинскѣ и уставъ этого общества (№ 3 стр. 114—121).

№№ 4—9. Предметный указатель содержанія неофіціальной части изданія за первыя 20 лѣтъ существованія (сент. 1867—1887). А. Исторія. 1. Всеобщая, не включая Славянъ и юго-западной Россіи, съ подѣломъ. Лѣтопись текущихъ событій.

Волянъ. № 2. *Свято-Владимірское братство.* Главная цѣль новаго братства — борьба съ религіознымъ индифферентизмомъ въ православной церкви и обществѣ, а также сохраненіе многочисленныхъ памятниковъ былой религіозной жизни на Воляни.

№№ 7, 8. *Очерки Западной Россіи въ старину и нынче. Кіевъ въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка.* Личныя воспоминанія о городѣ и жизни въ немъ около 40-го года нынѣшняго столѣтія.

№ 12. *Нѣсколько словъ о Чехахъ, поселившихся на Волини.* Св. И. Н. Защищаются волинскіе чехи отъ насмѣшливыхъ и неодобрительныхъ отзывовъ о нихъ, причемъ указывается на ихъ трудолюбіе, умѣніе хозяйничать и любовь къ образованію.

№ 14. *Уроды нашего крестьянства.* Обрисовывается все чаще въ послѣднее время появляющійся въ малорусскомъ крестьянствѣ типъ „Сурдутовыхъ“. „Сурдутовый“ — крестьянскій парубокъ, пріучающійся въ городѣ, куда отправляется на заработокъ, къ легкому способу пріобрѣтенія, и приносящій въ село презрѣніе къ земледѣльству и стремленіе разжиться путемъ спекуляцій, выгодной жинитѣбы на богатой старухѣ и т. п.

№ 16. *Взаимно-отношенія нашихъ крестьянъ.* Д. Защищается малорусское крестьянство отъ карикатурнаго изображенія его и постоянныхъ упрековъ въ безнравственности со стороны интеллигентнаго общества. При этомъ приведено нѣсколько симпатичныхъ обычаевъ, показывающихъ живущее среди народа чувство равноправія, уваженія къ человѣческой личности и участія къ положенію ближняго.

№ 27. *Простонародная апокрифическая легенда о происхожденіи названія Волинской земли и города Коростеня, и о построеніи городовъ Бердичева и Житомира.* И. С. Легенда передана со словъ одного стараго крестьянина русскимъ языкомъ. Название города Коростеня (нынѣ Коростышева) произошло отъ слова *короста*, которая будто бы осыпала рабочихъ, строившихъ городъ. Сказаніе объ Игорѣ и убіеніи его древлянскимъ княземъ Малоюмъ и ищеніе Ольги сходно съ лѣтописнымъ. Волинь, прежняя древлянская земля, по легендѣ получила свое названіе отъ того, что воины Ольги, убивая на тризѣ по Игорю древлянъ, приговаривали смѣясь: А що поволалы? (т. е. Ольгу замужъ за Мала); Бердичевъ прежде назывался Бердышевымъ отъ того, что на мѣстѣ его войско Ольги перекрошило бердышами древлянскихъ бѣглецовъ. Житомиръ такъ названъ Ольгою потому, что его первый заложилъ мирочникъ (т. е. мельникъ).

№ 31. *Два слова о Евреяхъ.* О жизни Житомирскихъ евреевъ.

№ 31. *Присоединеніе къ православной церкви бывшаго чешскаго священника Іоанна Сасски.*

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости. № 1. Ч. неоффиц. Заявленіе о томъ, что съ измѣненіемъ вышшняго вида неоффиц. части Губ. Вѣдом. редація намѣрена обратить ихъ въ „мѣстный органъ печати“, на обязанности коего будетъ: разработка и сообщеніе свѣдѣній по этнографіи, топографіи, геологіи, археологіи, статистикѣ, касающихся губервіи, а также сельскаго хозяйства, промышленности фабричной, заводской, земской и городской дѣятельности.

№№ 2—6. 10—11. 16. 18. *По этнографіи* подъ заглавіемъ: *Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ*, изъ рукописнаго сборника извѣстнаго мѣстнаго этнографа Я. П. Новицкаго: драна зима 1813 г.,—пріемъ, оказанный запорожцамъ при дворѣ Екатерины II, — какъ литвины воевали серпъ, — характерство запорожцевъ въ народномъ представленіи: варианты А. Б. В., — Семень Палій (историч. преданіе), — чумаки и запорожская сторожа въ степи, — оплакиваніе тещи.

№ 17. Жидъ-шпіонъ, — велени (великаны).

№ 18, 21. Изъ церковной лѣтописи: 1) Образчикъ духовнаго суда 80 лѣтъ тому назадъ: „Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго изъ Екатеринославской духовной консисторіи въ Маріупольское духовное Правленіе. Послѣдовавшимъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода истекшаго 1807 г. декабря отъ 21 дня къ Его Высокопреосвященству Платону Архіепископу Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому и кавалеру, на представленіе его по опредѣленію сей консисторіи, указомъ велѣно: Новомосковского уѣзда, помѣщичьяго села Вольнаго Святодуховской церкви діакона Ивана Өминскаго за воровство трехъ лошадей, пьянство, самовольство и дерзость на основаніи согласно тому сей консисторіи опредѣленію, лишить діаконскаго сана вовсе и въ знакъ онаго остричь ему на головѣ и бородѣ волосы и обязавъ подпискою, чтобы онъ впредь себя діакonomъ не называлъ и одѣянія діаконскаго не носилъ, исключить его изъ духовнаго званія яко быть въ ономъ во всемъ ненадежнаго, и отослать въ Екатеринославское губернское правленіе для отдачи въ военную службу. Что съ нимъ Өминскимъ сего Генваря 8-го дня уже исполнено и потому въ сей консисторіи опредѣлено: всѣмъ состоящимъ въ здѣшней епархіи духовнымъ правленіямъ, отъ подобныхъ послѣдствій дать знать указами. Генваря 15 дня 1808 года ключарь протоіерей Іоаннь Стонославскій. Секретарь Сафоновъ. 2) Указъ отъ 1781 г. ноября 12 о высылкѣ въ Славенскую духовную семинарію священно и церковно-служительскихъ дѣтей. — №№ 21, 23. Изъ бумагъ И. М. Скрыльникова († 1872), мѣстнаго старожила. Городъ-подрядчикъ. А. Егорова.

№№ 4, 8, 10, 13—14, 20. *По экономическому быту*. Кромѣ текущихъ отчетовъ о дѣятельности земскихъ и другихъ органовъ губерніи: земельные переходы прошлаго года въ Новомосковскомъ уѣздѣ, купля-продажа земли въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, заводъ „Южно-Русскаго Днѣпровскаго металлургическаго общества“, купля-продажа земель въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, земельныя покунки при помощи крестьянскаго банка, ртутное производство въ Бахмутскомъ уѣздѣ.

№№ 8, 10, 12—22. *По исторіи просвѣщенія*. Два слова о давнемъ прошломъ екатериносл. Мар. женск. гимназіи, о бывшей въ Екатеринославѣ

публичной библиотекѣ и какъ дополненіе къ этой статьѣ письмо въ редакцію С. Чернова о дѣятельности Б. Корфа и Е. И. Шабельскаго въ александровск. уѣздѣ въ дѣлѣ народнаго образованія; нѣсколько словъ по поводу дѣятельности екатериин. общества любителей музыки, пѣвня и драматическаго искусства, итоги народнаго образованія въ александровскомъ уѣздѣ за 1866—1886, Я. П. Новицкаго.

№№ 8—11, 13, 15. *По археологii*, И. Шмакова: „Археологическій музей А. Н. Поля“ въ Екатеринославѣ (систематическая коллекція уцѣлѣвшихъ остатковъ древности, найденныхъ въ здѣшней губерніи и вообще на югѣ Россіи). Извѣстіе о предполагаемомъ открытіи для публики музея А. Н. Поля. З—скій, Новомосковский Свято-Троицкій соборъ и вызванная этою статьею корреспонденція изъ Новомосковска.

№№ 6, 9, 14, 16. *Библиографія*: замѣтка о вышедшихъ въ 1855 г. изъ-подъ пера членовъ гимназической корпораціи книгахъ: а) *Одинець-Заставскій* „Начальное ученіе французскаго языка“, 1800. Екат. б) *Граховъ Я. Д.* „Статистико-географическое описаніе Екатеринославской губерніи“—свѣдѣній о томъ, гдѣ и было ли напечатано нѣтъ,—извѣстно только, что было представлено въ Импер. Русск. Геогр. Общество. в) *Граховъ Я. Д.* и *Вереврюсовъ Ст. Из.* „Краткій историко-статистическій обзоръ екатеринославской гимназій и училищъ“, Од. 1855. г) *Вакуловскаго Н. Н.* „Матеріалы для библиографіи о г. Екатеринославѣ и екатеринославской губерніи“, замѣткой трудно пользоваться за неуказаніемъ годовъ періодическихъ изданій. Замѣтка И. Шмакова о вышедшей въ 1876 г. въ Екатеринославѣ брошюрѣ „Историческій обзоръ православной христіанской церкви въ предѣлахъ нынѣшней Екатеринославской епархіи до времени формальнаго открытія ея“.

Крымъ №№ 1—6. № 2. *Проектъ новой организаціи археологическихъ раскопокъ въ Херсонисѣ*, выработанный и представленный на Высочайшее утвержденіе Одесскимъ обществомъ исторіи и древностей, которому, совместно съ Имп. Археологич. Коммиссіею, поручено руководство раскопками на мѣстѣ древняго Херсониса и наблюденіе за храненіемъ находимыхъ тамъ древностей. Перепечатаны изъ отчета Од. общ. ист. и древн. за 1887 г.

№№ 2, 4, 5. *Херсонесъ, какъ купль Св. Владимира.—Х. Я.* Краткій историческій очеркъ Херсовеса.

№ 6. Таврическая ученая архивная коммиссія. Авторъ говоритъ о важности сохраненія документовъ и о значеніи архивныхъ коммиссій.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости. № 1. Ч. неофіціальная. Церковныя приходскія школы въ 1885 г.

№№ 2, 3. Свѣдѣнія о Переясловско-Полтавской семинаріи за время отъ 1798 по 1818 г., извлеченныя изъ дѣла архива полтавской духовной консисторіи (продолженіе начатыхъ статей въ 1887 г.).

№№ 2, 4. Юбилейное торжество въ честь высокопреосвященнаго архієпископа Іоанна, по случаю исполнившагося 25-лѣтія служенія его въ епископскомъ санѣ.

№ 3. Сорокалѣтній юбилей учебно-воспитательной службы о. инспектора полтавскаго епархіальнаго женскаго училища, протоієрея Алексѣя Ивановича Капустянскаго.

№ 4. Архивныя отрывки для исторіи Полтавской епархіи. IX, Описаніе Мгарскаго монастыря. 1769 г. X. О средствахъ на исправленіе „ринковой“ церкви въ Лубнахъ. 1692 г.

Черниг. Губ. Вѣдомости. № 1. Въ отдѣлѣ къ исторіи края мы находимъ въ 1 № изъ фамильнаго архива А. И. Ханенка: а) универсалъ 1680 г. гетмана Самойловича Ивану Рославцу на свободный проѣздъ въ Смоленскъ и Литву по торговымъ дѣламъ, б) универсалъ 1690 г. гетмана Мазепы Короткевичу на занятіе гребли и постройку млина на рецѣ Судости, в) универсалъ 1704 г. гетм. Мазепы, утверждающій владѣніе недвижимымъ имуществомъ, оставшимся послѣ смерти Ивана Рославца за Михаиломъ и Лукіаномъ Рославцами. Некрологъ В. В. Перекрестова († 21 дек. 1887 г.), отставнаго инженера полковника, виднаго общественнаго дѣятеля и автора многихъ статей въ горномъ журналѣ.

№№ 10, 12, 13, 17, 19, 21, 23. Распоряженіе графа П. А. Румянцева по управленію Малороссією. Ал. Л—ій. Изъ короткаго предисловія узнаемъ, что подъ этимъ заглавіемъ будутъ помѣщены тѣ изъ распоряженія графа по управленію Малороссією, которыми онъ подготовлялъ учрежденіе о губерніяхъ. Большая часть этихъ распоряженій касалась производства козацкой старшины въ чины, чѣмъ Румянцевъ, удовлетворяя исканія самой старшины, подготовлялъ послѣднюю къ новымъ формамъ гражданской жизни, слѣдовавшимъ за открытіемъ намѣстничества въ 1782 году: 1) Объ ограниченіи винокуренія для предохраненія народа отъ смертныхъ приключеній и для сбереженія лѣсовъ. 2) О постройкѣ мундировъ для трубачей и литавщика, состоявшихъ при коллегіи. 3) О пожалованіи Якова Завадовскаго Стародубскимъ полковникомъ. 4) О назначеніи секретаря генеральнаго суда Кондратьева переяславскимъ земскимъ судьей. 5) О порядкѣ замѣщенія вакантныхъ должностей полковой старшины и сотниковъ. 6) О пополненіи долга въ малороссійскій скарбъ тайнаго совѣтника Бублянскаго. 7) О назначеніи Архипа Худорбы шептаковскимъ сотникомъ. 8) О выдачѣ 100,000 р.

изъ малороссійскаго скарба на татарскіе расходы. 9) Объ увольненіи шаповаловскаго сотника Антона Соханскаго отъ службы съ производствомъ въ чинъ полковаго эсаула. 10) О выдачѣ денегъ, назначенныхъ на „татарскіе расходы“. 11) О назначеніи канцеляриста Якова Волватьева секретаремъ коллегіи съ производствомъ въ чинъ бунчуковаго товарища. 12) О назначеніи Андрея Таранскаго конюшимъ сотникомъ. 13) О назначеніи Петра Псіола шаповаловскимъ сотникомъ. 14) О назначеніи Василя Лазаревича секретаремъ коллегіи съ производствомъ въ полковые писаря. 15) Объ увольненіи въ отпускъ прилуцкаго земскаго судьи Андрея Якубовича „для отвоза въ училище дѣтей“. 16) О наборѣ пѣвчихъ для придворной „вокальной музыки“. 17) О собраніи свѣдѣній о количествѣ шинковъ въ Малороссіи. 18) О производствѣ канцеляриста Федора Савяча въ войсковые товарищи за познанія въ архитектурѣ. 19) О производствѣ „подписка“ Адріана Чены въ коллежскіе канцеляристы. 20) О порядкѣ набора пѣвчихъ ко двору. 21) О назначеніи Гавріила Золотаревскаго сотникомъ Второкамышанскимъ. 22) О производствѣ земскаго судьи Федора Свирскаго въ чинъ коллежскаго ассесора. 23) О назначеніи Павла Юзевовича Ирклѣвскимъ сотникомъ. 24) Объ увольненіи Остановскаго сотника Андрея Базилевскаго на годъ въ отпускъ. 25) О назначеніи Василя Левицкаго Липилевскимъ сотникомъ. 26) О производствѣ райцы Стародубскаго магистрата Яковлева въ чинъ войскаго товарища. 27) О производствѣ Алексѣя Огроновича въ чинъ войскаго товарища. 28) О назначеніи Ивана Забѣлы Ивангородскимъ сотникомъ. 29) О порядкѣ публикацій правительственныхъ распоряженій. 30) Объ увольненіи Воронковскаго сотника Матвѣя Сулимы и о назначеніи на мѣсто его Дмитрія Воляв ча. 31) О назначеніи Николая Станиславскаго гадяцкимъ второполковымъ сотникомъ. 32) О производствѣ гадяцкаго сотника Герасима Станиславскаго въ чинъ полковаго обознаго. 33) О переименованіи компанейскихъ полковъ въ легкоконные. 34) О поземельныхъ спорахъ Тарновскихъ съ П. В. Завадовскимъ. 35) Сенаторскій указъ о производствѣ бунч. тов. Михаила Гамалѣя въ чинъ коллежскаго ассесора. 36) Объ увольненіи войск. тов. Ивана Почеки отъ службы „для сысканія имъ въ С.-Петербургѣ иного званія“. 37) Предложеніе о разсмотрѣніи жалобъ примѣръ-маера на урядниковъ Кіевскаго магистрата. 38) Объ ускореніи дѣйствій отдаточныхъ комиссій. 39) О назначеніи лицъ для разсмотрѣнія жалобъ генеральнаго бунчучнаго Тарновскаго. 40) О производствѣ изъ полковыхъ обозныхъ Еремѣя Родзянки и Луки Лукашевича въ полковники. 41) О томъ, въ какомъ видѣ связывать въ „папуши“ табакъ, отираемый „за море“. 42) О назначеніи генераль-поручика Милородовича Малороссійскимъ губернаторомъ. 43) О назначеніи канцеляриста Павловскаго нѣжинскимъ полковымъ эсауломъ. 44) О назначеніи погарскимъ подкоморіемъ предводителя шляхетства Степана Лашкевича. 46) О наблюденіи за учрежденными въ Малороссіи хлѣбными запасными мага-

знами. 47) Обь уплатѣ конотопскими жителями Гацуками вексельнаго долга бреславскимъ и берлинскимъ купцамъ. 48) О производствѣ запорожскаго казака Щербака въ чинъ значковаго товарища. 49) Обь увольненіи бунч. тов. Петра Лашинскаго отъ службы. 50) О производствѣ канцеляриста Павла Дубовика въ чинъ нотаріуса. 51) О производствѣ слѣдствія по жалобѣ Павла Юзефовича за нападаніе на него жителей м. Веремѣвки. 52) О порученіи малороссійскому губернатору Милорадовичу обривизовать часть Малороссіи. 53) О выдачѣ Яготинскому сотнику Махайлу Юзефовичу справокъ о его хуторѣ Диковскомъ. 54) О преданіи суду Батуринаскаго почтмейстера Дмитренка Василя Косача за укрывательство бѣглаго крестьянина. 55) О производствѣ значковаго товарища Григорія Рубана въ чинъ войсковаго товарища. 56) По жалобамъ генеральнаго бунчужнаго Тарновскаго на Завадовскаго за разореніе его деревень Борковки и Піятина. 57) О производствѣ сотеннаго конотопскаго атамана Михаила Боклача въ чинъ войсковаго товарища. 58) О поимкѣ разбойниковъ, ограбившихъ Зыбковскихъ жителей около с. Любечань. 59) О поимкѣ разбойниковъ, появившихся въ лѣсахъ с. Щербиничъ.

№ 11. Юсифъ Ж—ій. Легенды о Мазепѣ и М. Кочубей, связанныя съ домомъ войсковой канцеляріи гетмана въ Черниговѣ и съ мѣстомъ на поляхъ между сс. Слабнымъ и Козерогама.

№ 21. Некрологъ И. И. Паевского († 6 марта 1888 г), одного изъ первыхъ воспитанниковъ кievскаго университета юридическаго факультета, наибольше работавъ на педагогическомъ поприщѣ.

№ 22. Некрологъ мѣстнаго общественнаго дѣятеля кн. М. Н. Кекуатова.

Южный край. 1888 г. Янв. Февр. Мартъ. **№№ 2413. 2419. 2426.** А. А. *На стражѣ Россіи.* Очеркъ колонизаціи Харьковской и смежныхъ съ нею губерній, составленный главнымъ образомъ по соч. Багалѣя— *«Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства т. Ї»*.

№ 2426. *Корреспонд. изъ Полтавы о сомнительномъ наследствѣ, оставшемся послѣ Семена Палія.*

№ 2427. Статья изъ «Новаго времени» *О сравнительномъ положеніи льсоразведенія на югѣ Россіи прежде и теперь.* Приведено въ сокращеніи.

№ 2436. *Корреспонденція изъ Екатеринослава обь урѣзкахъ Екатеринославской губ.* Къ Донской области отошелъ ростовскій уѣздъ, а теперь херсонцы собираются отрѣзать часть верхнеднѣпр. у., а таврич. губерн. ходатайствуетъ о заднѣпровскихъ Великихъ лугахъ. Въ корреспонденціи разсказывается и о плавняхъ, какъ разсадникахъ заразы и всякихъ міазмовъ.

№ 2439. *О новой обители—Высочиновскомъ Кизанскомъ монастырѣ въ Змьевскомъ у. Харьков. губ., учрежд. въ 1886 г.*

№ 2452. *О нареченіи ректора Курс. семин. Невскаго въ ладожскіе епископы.* Бывшій ректоръ нынѣ еп. Митрофанъ кончилъ курсъ учевія въ Кіев. Духов. Акад. со степенью магистра въ 1861 г.

№ 2454. Корресп. изъ посада Клинцовъ черниг. губ., гдѣ разсказываются о дѣятельности старообрядческаго архіерея Сильвестра.

№ 2456. *Корресп. изъ слободы Боромли объ обычаѣ «перезвы» въ малорусск. свадьбѣ.* Авторъ почему-то считаетъ этотъ обычай «фантасстическимъ» и «безобразіемъ».

№ 2461. Выписка изъ «Нов. Врем.» *Купянскій уѣздъ Харьк. г.* изобилуетъ массами кургановъ, хранящихъ въ своихъ нѣдрахъ очень часто много важныхъ въ археологич. отношеніи предметовъ. Нынѣ крестьяне ищутъ кладъ въ одномъ курганѣ, слывущемъ подъ названіемъ «Товста Могила».

Со словъ «Петерб. Газеты» разсказывается о пожертвованіи рукописей въ Петерб. Акад., относящихся къ 1-мъ вѣкамъ христіанства.

№ 2472. *Извѣщеніе о порученіи Имп. Акад. Худож. Т. Кибальчичу разобрать матеріалы о памятникахъ древне-русск. искусства,* поступающихъ въ Им. Ак. художествъ отъ епархіальныхъ архіереевъ и губернскихъ статистическихъ комитетовъ.

Смоленскій Вѣстникъ. №№ 29. 33. *Два замѣтки объ обычаѣ привязыванія «колодки» на масляницѣ въ смоленской губ.*

№ 34. *Краткій некрологъ покойнаго редактора «Кіевской Старины» Ѳ. Г. Лебединцева.*

Въ статьѣ г. Михайлова «Народныя пѣсни Смоленской губ.» приведена слѣдующая «чумацкая» пѣсня, записанная въ ельнинскомъ уѣздѣ смоленской губ. и занесенная туда, по словамъ автора, въ «старину», когда крестьяне въ некоторыхъ селеніяхъ ельнинскаго у. ходили въ южныя губерніи за солью:

Зеленый дубочекъ,
 Куда нахинулся?
 Молодой чумачекъ,
 О чемъ зажурился?
 Ты воли пристали,
 Ты съ дороги сбился?
 Ни воли пристали,
 Ни съ дороги сбился:
 Татка съ маткой померь,
 А я не женился...
 Пойду, чумакъ, съ горя
 Гулять въ чисто поле,
 Пойду въ чисто поле
 Искать себѣ доли...
 Не нашель я доли,

Пашель рыболововъ:
 Рыболовы братцы
 Закрийте мнѣ сѣтку—
 Вы поймите долю
 Парню молодому!
 Не поймали долю,
 А поймали рыбу...
 Щука-рыба играетъ
 И та пару маеть,
 А я чумачеъ
 Парочки не маю
 Холость не женился,
 Безъ доли родился...
 Только мою долю,
 Что черныя брови,
 Только мои пары--
 Моц очи кары...
 Пойду, чумаекъ, съ гори
 Гулять въ чисто поле...

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Адресь-календарь и справочная книга кievской губерніи на 1888 г.
 Подъ ред. В. Г. Мозговаго. Кіевъ 1888.

Альбомъ портретовъ начальниковъ, учителей и бывшихъ воспитанниковъ
 Михайловскаго воронежскаго кадет. корпуса и военной гимназіи въ 50-лѣтн.
 юбилею его основанія и открытія. Вып. I. К. 1887.

Андріевскій А. Отчетъ златопольск. гимназіи за 1886—87 г. и историч.
 записка о ней. К. 1887.

Брыкынскі А. Zapiski etnograficzne z Polesia wołyńskiego. Краковъ
 1887.

Вербуцкій Т. Краткое описаніе города Житомира. Житомиръ 1887.

Владиміровъ П. Докторъ Францискъ Скорина. Его переводы, печатныя
 изданія и языкъ (Общества любителей древней письменности. XC). Спб. 1888.

Владимірскій-Будановъ М. Ф. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 2-е,
 съ дополненіями. Спб. и Кіевъ 1888.

Головацкій Я. Черты домашняго быта русскихъ дворянъ въ Подляньѣ,
 т. е. нынѣшней сѣдлецкой и гродненской губерніяхъ, по актамъ XVI столѣтія.
 Вильна 1888.

225 засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей.
 Одесса 1888.

Езерскій О. Ю. Кіевскій путеводитель съ планомъ города и театровъ
 на 1888 годъ. Кіевъ 1888.

Ермолинскій І. Обзоръ хотинскаго уѣзда въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1887 г. М. 8°. XV+193 стр. 300 экз. 40 к.

Зб. В. Петро Дротарчукъ—повѣсть изъ жизни стрыйскихъ горцевъ. Львовъ 1887.

Карпенко-Карый. Наймычка, драма въ 5 дѣяхъ. Херсонъ 1887.

Кокорчукъ Викторъ. Поезіи. Станиславивъ 1887.

Костомаровъ М. Историчні монографіи. Богданъ Хмельницькій т. I, Тарнополь 1888. Изданіе Барвинскаго.

Костомаревъ Н. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. I. Господство дома св. Владимира. X—XVI ст. Изд. 3-е. Спб. 1888.

Левицкій Иванъ. Галицко-русская библиографія XIX столѣтія съ обзорѣніемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ 1801—1866. Выпускъ 2-й. Львовъ 1887. Выпускъ 3-й. Львовъ 1888.

Легасова А. Бандуристъ—збирникъ малороссійскихъ писень. Москва 1887.

Листовскій И. С. Филаретъ, архіеп. черниг. М. 1887.

Лугавское дѣло. Стеногр. отч. засѣданій харьк. суд. пал. 16 и 17 окт. 1887. Харьк. 1887.

Масловъ В. П. Т. Г. Шевченко. Біогр. оч. Изд. 2. М. 1887.

Мордовцевъ. Сагайдачный, повѣсть. Львовъ 1887.

Мещерскій кн. Пояснительная записка № 2 по поводу ходатайства полтавскаго дворянства о свободѣ завѣщанія заповѣдныхъ имѣній. Москва 1888.

Na kresach. Powieść z naszych czasów w trzech częściach. Wyd. nowe. Варшава 1888.

Некрасовъ В. Виленскій св. Николаевскій кафедральный соборъ. Краткій историч. очеркъ. Вильна 1888.

Опочяннинъ Е. Русскій театр, его начало и развитіе. Историческій очеркъ. Вып. I. Отъ начала театральныхъ представленій въ Россіи до царствованія Петра Великаго включительно. Спб. 1887. Выпускъ II, 16 д., 71 стр.

Отчетъ попечителя кіевскаго учебнаго округа С. П. Голубцова о народныхъ училищахъ за 1886 г. Кіевъ 1887.

Отчетъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей съ 14-го ноября 1886 г. по 14-е ноября 1887 г. Одесса. 1888 г.

Отчетъ дирекціи академической гимназіи во Львовѣ за 1886-87 годъ. Львовъ 1887. Въ приложеніи статья *Лукаковскаго*: Автонъ-Любичъ Могильницкій (поэтъ), и его значеніе.—*Его же*: Nestoris Chronicon cap. 21—25 in Romanorum sermonem conversum.

Отчетъ уполномоч. XI сѣзда горнопром. юга Россіи по ходатайствамъ сѣзда о нуждахъ каменноугольн. промышленности Донецк. бассейна и солезаводской промышленности. Хар. 1887.

Павлицевъ. Польская анархія при Янѣ-Казимирѣ и война за Украину. Изд. 2-е т. I—III. С.-Петербургъ 1887.

Памятная книжка виленскаго учебнаго округа на 1887—88 учебн. годъ. Изд. управленія виленск. учебн. окр. Вильна. 1888.

Паньковский Кость Русскій сыпаваншкъ. Львовъ 1888.

Парвовъ П. Папскія буллы по греко-уніатскому вопросу. Спб. 1888.

Петрушевичъ А. С. Сводная галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца августа 1772 года. Львовъ 1887.

Планъ г. Одессы. Спб. Fol. 1 стр. 1920 экз.

Поляискій Петръ. Карпацкія новеллы. Лейпцигъ 1888.

Почвенная карта Волинск. губ. Кіевъ 1 лѣтъ.

Rawita Fr. Pan hetman Mazera,—историческая повѣсть. Варшава 1887.

Раина Мошляка, княгиня Вишневецкая. Изд. „Кіев. Старини“. Кіевъ 1887.

Результаты подворной переписи александрійскаго уѣзда 1886 г. Приложение къ III тому матеріаловъ для оцѣнки земель херсонской губерніи—Изданіе Александрійской земской управы. Folio V—384. Александрія 1888.

Родословная дворянской, княжеской и графской фамиліи Милорадовичъ. Линія Михаила Ильича Гадацкаго полковн., поселившася въ Россіи въ 1711 г. К. 1887.

Stadnicka Lucyna hr. Pieśni i obrzędy weselne ludu ruskiego z okolic Niemirowa na Podolu. Kraków 1888.

Статистическое отдѣленіе черниговск. губ. Изд. губ. земства. Черниговъ 1886. 8° XV+44+88+XXII+249+239+38 стр. 2 р.

Stecki Tad. Jerzy. Z dziejów Wołyńskiego Gródka. Краковъ 1888.

Stecki Tad. Jerzy—Stecky-Olechnowicze herbu Radwan. Познань 1888 г.

Сумцовъ. Очерки исторія южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и лѣсенъ. Кіевъ 1888.

Труды одесской энтомологической комиссіи. Энтомологическія изслѣдованія и экскурсіи, произведенныя въ бессарабской, екатеринославской, полтавской, таврической и херсонской губерніяхъ въ 1887 г. Отчетъ областного энтомолога П. А. Забаривскаго. IV. Одесса 1888.

Труды одесской энтомологической комиссіи. Энтомологическія изслѣдованія и экскурсіи, произведенныя въ бессарабской, екатеринославской, полтавской,

таврической и херсонской губерніяхъ въ 1887 г. Отчетъ областного энтомолога П. А. Забаринскаго. VI. Одесса 1888.

Труды VII областного энтомологическаго съѣзда, созывавшагося въ мартѣ 1887 г. въ Одессѣ. Одесса 1887.

Угерь Штернбергъ. О винодѣліи на южномъ берегу Крыма. С.-Петербургъ. 8° 1+57+2 нен. стр. 612 экз. 60 к.

Федоровскій, Н. О шелководствѣ на югѣ Россіи. Черниговъ 1887.

Харьковское общество сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности. Матеріалы для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ по культурѣ сахарной свеклы. Подборъ свеклы. И. Н. Клингена. Харьк. 1888.

Chlebowski, B., i Walewski, W. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Według planu F. Sulimierskiego. Zeszyt 98. Tom. IX. Варшава 1888.

Чайченко. В. Зъ загадокъ про дитячи лита. Оповідання. Кієвъ 1887.

Шимановскій В. Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ. Изслѣдованіе съ прилож. полного текста сборника Святослава 1076 года. Варшава 1887. 1 палеогр. снимокъ.

Шимановскій М. В. О мѣстныхъ законахъ Бессарабіи. Сообщение одесск. юрид. обществу. Вып. I. Общіе вопросы. Одесса. 1887 8° 78+1 стр. 200 экз. 50 коп.

Szczepanowski Stanisław—Nędza Galicji w cyfrach i programie energicznego rozwoju gospodarstwa krajowego. Львовъ 1888.

Важливішія опечатки въ I т. ¹⁾.

		<i>Напечатано:</i>		<i>Читати:</i>
Стран. 39	сверху строка	23	на горной	пахатной
— 44	— —	1	хорошее	хоронное
— 55	— —	13	Добролицкаго	Добролицкаго
— 56	— —	23	киевскаго	любелскаго
— 81	примѣчаніе		Kurialu i swoei . . .	Kwiatu i owose
— 91		24	XVI	XVII
Критика				
Стран. 24	сверху —	33	складъ	окладъ
— 25	— —	4	юго западнаго галицко-русскаго	юго-западнаго и галицко-русскаго
— — — —		12	Рокосовской	Рокосовской
— — — —		16	Зличева	Злочена
Документы, извѣстія, замѣтки				
Стран. 1	сверху строка	15	кулѣ	кутѣ
— 4	— —	12	было	дѣло
— 5	— —	29	ускаржалс	ускаржалсе
— — — —		32	какъ заявсмо	казавсмо
— 7	— —	2	свою	тую
— — — —		8	осмогодцать	осмогодцать
— — — —		13	вслѣбнимъ	вслѣбнимъ
— — — —		23	острѣ	Острѣ
— — — —		34	нелушную	нелушную
— 8	— —	9	владѣти	владѣти
— — — —		10	те межесе	темежесе
— 31	— —	12	уло	цло
Библиографическій листокъ				
Стран. 15	сверху строка	7	Gimiginowicz	Simiginowicz
— — — —		25	przeszość	przeszość
— 17	— —	21	Волевскаго	Валевскаго

¹⁾ Благодаря несовершенствамъ типографскаго дѣла въ провинціи вообще, а также вслѣдствіе снѣжности, съ какою по необходимости печатался I т. „К. Ст.“, въ него вкралось не мало опечатокъ, требующихъ перемѣннаго исправленія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжные магазины Н. Я. Оглоблина,

Комиссіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Университета св. Владимира,
НИЕВЪ, Крещатикъ, № 33-й. ♦♦ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, М.-Садовал, № 4-й,

поступили въ продажу слѣдующія книги.

Андріевичъ В. К. Историческій очеркъ Сибири Т. IV. Періодъ Екатерининскаго времени. СПб. 1887, ц. 1 р.

Артамоновъ Л. К. Покореніе Туркменъ-Текинцевъ русскими войсками подъ начальств. ген. Скобелева въ 1880—1881 г.г. СПб. 1888, ц. 15 к.

Архангельскій А. С. Первые труды по изученію начальной русской лѣтописи. Каз. 1886, ц. 50 к.

Архивъ князя Воронцова. Кн. XXXIV. Бумаги разнаго содержанія. М. 1888, ц. 3 руб.

Архивъ Юго-Западной Россіи. Ч. 1-я. Т. VII. Памятники литературной полемики Южнорусцевъ съ Латино-уніатами. К. 1887, ц. 3 р.

Барсуковъ А. Родъ Шереметьевыхъ. Кн. 5-я. СПб. 1888, ц. 4 р.

Бутковскій Я. Сто лѣтъ Австрійской политики въ Восточномъ вопросѣ. 2 т. СПб. 1888, ц. 1 р. 50 к.

Веберъ Г. Всеобщая исторія. Перев. со 2-го изд. Перев. Андреева. Т. VIII. Исторія Среднихъ вѣковъ. Ч. 4-я. М. 1887, ц. 5 р., за 8 т. 39 р. 50 к.

Вельяминовъ-Зерновъ В. В. Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Ч. 4-я. вып. 1. СПб. 1887, ц. 1 р. 50 к.

Вержбовскій Ѡ. Начала католической реакціи въ Польшѣ. Варш. 1887, ц. 50 к.

Владимірскій-Будановъ М. Ф. Проф. Обзоръ исторіи Русскаго Права. Изд. 2-е съ дополн. 1888 г. I+XXVI+542 стр., ц. 4 р.

Историческая портретная галлерей. Собраніе портретовъ знаменитыхъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 г. съ кратк. ихъ біографіями. Фотогипси лучшихъ оригиналовъ. Вып. XX. СПб. 1888, ц. 2 р., за 20 вып. 40 р.

Русская портретная галлерей. Собраніе портретовъ замѣчательныхъ русскихъ людей начиная съ XVIII ст. съ кратк. ихъ біографіями. Вып. XIX. СПб. 1887, ц. 1 р., за 19 в. 37 р.

Головацкій Я. Черты домашняго быта русскихъ дворянъ въ Подляшѣ, т. е. въ нынѣшней сѣдлецкой и гродненской губ. по актамъ XVI стол. Вильна. 1887, ц. 50 коп.

Головацкій Як. Забѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ Европы за 1885 и 1886 годы. Вильна 1888, ц. 75 к.

Грегоровіусъ Ф. Исторія города Рима въ Средніе вѣка. Съ V—XVI в. Перев. подъ ред. В. И. Савина Т. II. (Кн. IV) и III. СПб. 1887, ц. 2 р.

Данилевскій П. Я. Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германо-романскому СѢВ. 1888, ц. 4 р.

Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Т. III. Г. 1713 кн. I, СПб. 1887, ц. 2 р.

Древности Россійскаго Государства. Кіевскій Софіевскій Соборъ. Вып. I, II, III, и IV. СПб. 1871—1887, ц. 30 р.

Дубасовъ И. Очерки изъ Исторіи Тамбовскаго края. Вып. 4. Тамбовъ 1887. ц. 1 р. 50 к.

Елпатовскій К. Учебникъ русской исторіи. Древняя Русь. СПб. 1888, ц. 1 руб.

Завитневичъ В. О мѣстѣ и времени крещенія Св. Владиміра и о годѣ крещенія Кіевлянъ. К. 1888 ц. 50 к.

Зерцаловъ А. П. Новыя данныя о Земскомъ Соборѣ 1648—1649 гг. М. 1887, ц. 80 коп.

Иконниковъ В. С. Новыя матеріалы для исторіи царствованія Петра Великаго (Сношенія Россіи съ Франціей). К. 1887, ц. 60 коп.

Иловайскій Д. И. Мелкія сочиненія, статьи и письма. 1857—1887, ц. 2 р. 60 к.

Кабинетъ нумизматическій. Изд. Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея. Вып. II. Каталогъ Римскихъ монетъ. М. 1885, ц. 1 р. 70 к. Тоже вып. III. Каталогъ Восточныхъ монетъ. М. 1886, ц. 2 р. 70.

Костомаровъ И. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ дѣятелей (Окончаніе). СПб. 1888, ц. 1 р. 90 коп., за 7 т. 9 р.

Лазаревскій Ал. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Т. I. Подкъ Стародубскій (Вып. I.) К. 1888, ц. 2 руб.

Матеріалы для исторіи Подольской губ. (1792—1796). Вып. I. Камен. Под. 1885, ц. 2 р. 50 к.

Меллиноуъ П. Первые уроки исторіи. Древній Востокъ. М. 1887, ц. 1 р. 50.

Моммсенъ Ф. Римская исторія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. До битвы при Пиндѣ. Съ военной картою Итали. М. 1887, ц. 6 р. Тоже Т. II. и III. Отъ битвы при Пиндѣ до битвы при Фансѣ. М. 1887, ц. 7 р.

Русскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича въ Турецкую войну 1877—1878 гг. Съ портр. рис. картою и планами наиболѣе замѣчательныхъ сраженій. СПб. 1887, ц. 2 р. 30 коп.

Петровъ А. Н. Война Россіи съ Турціей 1806—1812. СПб. 1887, ц. 2 р. 25 к.

Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Т. I. (1688—1701). СПб. 1887, ц. 4 р.

Сборникъ Археологическаго Института. Кн. 5-я. Полов. 2-я. Подъ ред. Н. Калачова. СПб. 1886, ц. 1 р.

Синовскій В. Д. Родная старина. Отечественная исторія въ разсказахъ и картинахъ 3 в. СПБ. 1888, ц. 6 р. 50 коп.

Стороженко Н. В. Западно-русскіе провинціальныя сеймики во второй половинѣ XVII в. К. 1888, ц. 1 р.

Труды для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи. 3 вып. Камен. Под. 1876—1887, ц. 6 р.

Тень. Наполеонъ Бонапартъ. Перев. съ франц. М. 1888, ц. 60 к.

Тумасовъ Н. Исторія древняго міра. Курсы среди. учебн. завед. СПБ. 1888, ц. 1 р. 15 коп.

Цытаевъ Дм. Литературная борьба съ протестанствомъ въ Московскомъ Государствѣ. М. 1887, ц. 1 р. 50 к.

Шубинскій С. Н. Очерки изъ жизни и быта прошлаго времени. Съ 30 гравюрами СПБ. 1888, ц. 1 р.

Щербатовъ кн. Генераль-Фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. По неизданнымъ источникамъ. Т. I. Съ 23 картами и планами 1782--1826 гг. СПБ. 1888, ц. 6 р.

Гг. Иногородные на пересылку прилагаютъ по 10 к. на рубль.

БИБЛІОГРАФЪ.

1888.

ВѢСТНИКЪ

Годъ IV.

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКЪ и ИСКУССТВА.

Журналъ библіографическій, критическій и историческій.

Выходитъ ежемѣсячно.

Ученымъ Комит. М-ства Народн. Просв. РЕКОМЕНДОВАНЪ для основныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.—Ученымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотекы духовныхъ семинарій и училищъ въ качествѣ справочной книги. По распоряженію Военно-Учебнаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ библіотекъ.

Отдѣлъ 1-й. Историческіе, историко-литературные и библіографическіе статьи, матеріалы и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отдѣлъ 2-й (справочный). Полная библіографическая лѣтопись, въ которую входятъ: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ; 3) *Rossica*; 4) постановленія и распоряженія правительства по дѣламъ печати и т. п. 5) объявленія. Этотъ отдѣлъ журнала предназначается для любителей и собирателей книгъ, библіотекарей и книгопродавцевъ.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безцлатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

И. О. Анненскій, А. И. Барбашевъ, И. О. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, П. В. Быковъ, Е. А. Бѣловъ, П. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. Н. И. Кирѣевъ, Д. О. Кобеко, П. А. Козеко, А. С. Лаппо-Давилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. П. Межовъ, С. О. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Д. Пташницкій, А. П. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середоничъ, С. Л. Степановъ, П. Д. Чучелинъ, П. А. Шаялкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

за годъ: съ доставкою и пересылкою въ Россіи 5 р., за-границу 6 р.
отдѣльно номеръ 50 к., съ пересылкою 60 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ редакціи (С.-Петербургъ, Обуховскій просп., д. № 7, кв. 13) и въ книжно-ѣ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (Сиб., Певскій просп., д. № 38). Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гг. иногородные подписчики и заказчики объявленной благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полные комплекты „Библиографа“ за 1885, 1886 и 1887 гг. можно получать въ редакціи и въ болѣе извѣстн. книжн. магазинахъ по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Тамъ же можно получать издавныя редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1 и 2. Ц. по 60 коп. 2) Библиографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меодіи. Ц. 40 к.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

Редакторъ Н. М. Лисовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

большую ежедневную политическую, литературную и общественную газету
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

МИНУТА

1888 — ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВОСЬМОЙ — 1888

Въ 1888 году газета „Минута“ будетъ выходить большими листами, ежедневно, по прежней программѣ.

Редакція газеты „Минута“ ставитъ себѣ задачею, въ наступающемъ году, дать своимъ читателямъ ежедневную газету, полную живаго интереса, помѣщая одновременно съ другими изданіями, на своихъ страницахъ, въ краткомъ изложеніи, всѣ важнѣйшія правительственныя и частныя сообщенія, руководящія статьи по всѣмъ,

вызывающимъ вниманіе общества вопросамъ, какъ внутренней, такъ и иностранной жизни. Кромѣ того въ наступающемъ году всѣ отдѣлы, посвященные городской жизни, будутъ значительно увеличены и въ общемъ газета „Минута“ дастъ своимъ читателямъ массу всевозможныхъ извѣстій и разнаго интереснаго литературнаго матеріала для чтенія.

Въ портфель редакціи для будущаго года имѣется нѣсколько оригинальныхъ романовъ изъ современной столичной жизни, между прочимъ одинъ романъ изъ театральнахъ сферъ, который захватываетъ собою событія послѣднихъ дней.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ежедневной газеты „МИНУТА“:

Безъ доставки: На годъ 6 р. 50 к.—На 6 мѣсяцевъ 3 р. 75 к. Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ: На годъ 8 р.—На 6 мѣсяцевъ 4 р. 75 к. Съ пересылкою во всѣ города Россіи: На годъ 9 р.—На 6 мѣсяцевъ 5 р. За границу: На годъ 17 р.—На 6 мѣсяцевъ 9 руб.

Городскіе подписчики, живущіе за чертою города, согласно новому распоряженію почтамта, вносятъ подписную цѣну, какъ иногородніе.

Адресъ Главной Конторы: Спб., Невскій проспектъ, у Аничкина моста, домъ № 68—40.

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Въ 1888 году.

Шестнадцатый годъ изданія.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ и ТОРГОВЛИ.

Выходитъ въ четныя числа мѣсяца, съ ежедневными прибавленіями.

Условія изданія, программа и подписная цѣна остаются безъ перемѣны.

Годовые подписчики, подписавшіеся не позднѣе 1-го февраля 1888 г., получаютъ при началѣ подписки въ видѣ бесплатнаго приложенія къ „Орловскому Вѣстнику“

ПАМЯТНУЮ КНИЖКУ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ,

составленную Я. И. Горожанскимъ.

Книжка въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 60 коп., съ пересылкой 70 коп.

Въ настоящее время готовится къ печати и будетъ заключать въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ

Контора въ г. Орлѣ: Зиновьевская, д. 1.

Отдѣленіе конторы при библиотекѣ и книжномъ складѣ „Орловскаго Вѣстника“, на болховской ул., д. 36.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

На годъ СЕМЬ руб.,

девять мѣс. — 6 р., шесть мѣс. — 4р., три мѣс. — 2р. 40 к., одинъ мѣс. — 90 к

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РОССІЯ.

Въ ряду художественныхъ еженедѣльныхъ приложений къ *каждому номеру журнала* редакція нашла возможнымъ начать давно задуманную ею серію рисунковъ, исполненныхъ красками *по новѣйшему хромофотографическому при-виллеитрованному способу* *І. П. Паикова* и изображающихъ

типы народовъ Россіи въ ихъ національныхъ костюмахъ.

„НАРОДЫ РОССІИ,“

изданныя Паули, печатанные въ Парижѣ и Берлинѣ, состоящіе изъ 63 хромофотографированныхъ рисунковъ, стоившихъ въ свое время 200 руб. и доходившіе до 300 руб. въ продажѣ, а теперь составляющіе библиографическую рѣдкость, сдѣлаются достояніемъ большинства, благодаря весьма **недорогой** подписной цѣнѣ на журналъ „РОССІЯ“ и будутъ заключать въ себѣ за два года не менѣе 70 хромофотографированныхъ рисунковъ, превосходящихъ по своей полнотѣ и вѣрности типы Паули, такъ какъ редакція, кромѣ такого цѣннаго руководства, вошла въ соглашеніе съ лучшими этнографическими собирателями и первоклассными музеями, для поименнаго пробѣловъ, найденныхъ въ сборн. Паули — такъ что подписчики „Россіи“ получатъ вмѣсто

63 рисун., стоящ. 300 р., 70 рисун., стоящихъ только 7 руб.

Очень важное пособіе для учебныхъ заведеній.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи, Солянка, Д. Кохтева; въ Парижѣ: Агент. Гаваса. Подписная цѣна за границую: для Европы, Сѣверн. Америки и Египта на годъ 25 франковъ, на полгода 15 франковъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:		УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:	
На годъ безъ доставки	5 руб.	Съ пересылкой въ гор.	4 руб.
Съ доставкой въ Москвѣ	6 —	На три мѣсяца безъ доставки	2 —
Съ пересылкой въ гор.	7 —	Съ доставкой въ Москвѣ	2. 50.
На шесть мѣсяцевъ	3 —	На 1 мѣс. 75 к., съ перес.	1. 25.
Съ достав. въ Москвѣ	3. 50.	Цѣна отдѣльн. №	— 20.

Редакторъ-Издатель Г. И. Пашовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
ВѢСТНИКЪ

финансовъ, промышленности и торговли,

указатель правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ.

Еженедѣльное изданіе.

Будетъ выходить по прежней программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ С.-Петербургѣ	На годъ.	На полгода.
безъ доставки	6 руб.	3 р. 75 к.
съ доставкую	7 "	4 " 50 "
Съ пересылкою:		
во все мѣста Имперіи	7 "	4 " 50 "
за границу	14 "	9 " — "

Подписка принимается въ Редакціи (въ зданіи Министерства Финансовъ, на Дворцовой площади).

IV годъ ————— ОТКРЫТА ПОДПИСКА ————— годъ IV

НА

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“

еженедѣльный иллюстрированный журналъ
въ 1888 году.

1) 52 еженедѣльныхъ номера, большаго формата, съ многими рисунками.

2) 6 томовъ литературныхъ прибавленій.

3) Роскошная премія олеографія

„Видъ Іерусалима при лунномъ свѣтѣ“.

„Русскій Паломникъ“ одобренъ: 1) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ для духовно-учебныхъ заведеній, а также для библіотекъ епархіальныхъ и благочинническихъ; 2) Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; 3) Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній; 4) Коммиссією городскихъ училищъ при С.-Петербургской думѣ и 5) Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ внесенъ въ списокъ книгъ для церковно-приходскихъ школъ, одобренный Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода.

Въ наступающемъ, четвертомъ году изданія журнала, редація намѣрена произвести въ журналѣ рядъ существенныхъ улучшеній по всѣмъ отдѣламъ журнала.

I. Литературный отдѣлъ „Русскаго Паломника“ въ наступающемъ году будетъ увеличенъ почти въ полтора раза.

Большія по объему литературныя произведенія будутъ выдѣлены редакцію въ особныя приложенія, которыхъ въ будущемъ году, на первый разъ, редація дастъ шесть томовъ, каждый не менѣе 10 листовъ (160 стр.) убористой печати.

Для этихъ приложеній редація имѣеть слѣдующія сочиненія:

1) Календарь-указатель всѣхъ православныхъ святыхъ, особенно-же св. мощей и св. иконъ. Календарь этотъ будетъ первымъ приложеніемъ и разошлетса съ № 1.

2) Осада Іерусалима (большая историч. повѣсть, рисующая послѣдніе дни Св. Града).

3) Священная географія или описаніе всѣхъ священныхъ мѣстностей (съ планами и картами).

4) Каллиста (большая историч. повѣсть изъ временъ гоненія при Деміи).

5) Праотецъ Авраамъ и его время (большой біографическій рассказъ) и др.

II. Художественный отдѣлъ журнала въ 1888 году будетъ также улучшенъ и значительно увеличенъ. Въ немъ будетъ помѣщено множество разнообразныхъ рисунковъ: виды св. мѣстъ, св. обителей, храмовъ; иллюстраціи къ статьямъ; портреты архимандритовъ, копія съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ, снимки съ св. иконъ, планы, карты и проч.

Большинство рисунковъ будутъ оригинальные, специально исполненные для „Русскаго Паломника“.

Кромѣ того всѣмъ годовымъ подписчикамъ въ 1888 году будетъ разслана роскошная премія,—большая, художественно исполненная многими красками олеографія

«Видъ Іерусалима при лунномъ свѣтѣ».

Картина эта будетъ разслана тщательно укуполенной, на скалкѣ.

Цѣна „Русскаго Паломника“: на годъ, со всѣми преміями и приложеніями, 6 руб. съ пер. Безъ премій и литер. приложеній 5 руб. съ пер. Допускается разсрочка. Пробный № высылается за 2 семикоп. марвы.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Владимірскій пр., д. 13.

Редакторъ-Издатель А. Поповицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

Въ 1888 году въ „Русскомъ Архивѣ“ напечатана будетъ біографія фельд-маршала князя А. И. Барятинскаго, написанная А. Л. Зиссерманомъ по неизданнымъ служебнымъ и частнымъ бумагамъ, полученнымъ отъ князя Виктора Ивановича Барятинскаго, съ портретами и рисунками.

Президентъ Императорской Академіи Наукъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой почтилъ наше изданіе, передавъ намъ Записки предка своего графа Петра Андреевича Толстаго.

Въ 1888 году продолжается печатаніемъ въ „Русскомъ Архивѣ“ Записки Николая Николаевича Карскаго и Воспоминанія (экономическія и бытовья) Василія Александровича Кокорева. Напечатанъ будетъ „Дневникъ 1812 года“ генераль-адъютанта Ф. Я. Мирковича. Сенаторъ Николай Петровичъ Семеновъ помѣститъ въ „Русскомъ Архивѣ“ нѣсколько важныхъ бумагъ по исторіи раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ. Мы получили статьи о временахъ Екатерины и Павла, написанныя Кіевскимъ профессоромъ В. С. Иконниковымъ.

Къ изданію въ „Русскомъ Архивѣ“ приготовлены нѣкоторыя новооткрытыя бумаги императрицы Екатерины Великой и князя Владиміра Сергѣевича Долгорукаго (Русскаго посла при Фридрихѣ Великомъ), письма изъ Петербурга въ Берлинъ Масова (автора извѣстныхъ Записокъ о Екатеринѣ и Павлѣ), письма баронессы Кріднеръ и графа Каподисеріи къ графинѣ Едлингъ, новыя прекрасныя стихотворенія Лермонтова, переписка о поединкѣ Пушкина и пр. пр. Съ нынѣшняго года получено нами дозволеніе пользоваться историческими сокровищами Государственнаго Архива. Словомъ, запасы „Русскаго Архива“ обильны.

Не имѣвъ доселѣ возможности выразить въ особомъ изложеніи нашъ образъ мыслей въ этомъ отношеніи, предлагаемъ читателямъ въ 1888 году сборникъ статей Николая Михайловича Павлова.

Вотъ содержаніе этого сборника.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

1. Русскій Архивъ. Три первые года.—Пчела, сборникъ для народнаго чтенія. Н. Щербинъ. Спб. 1865 г.—Исторія Россіи въ картинахъ Золотова.—Сынъ. Разсказъ изъ временъ XVII вѣка. Н. Костомарова. Спб. 1865 г.—Воевода (Сонъ на Волгѣ). Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стакахъ А. Н. Островскаго.—Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій. Драма г. Островскаго.—Сватъ Фадѣичъ, пьеса г. Чьева.—Князь Александръ Михайловичъ Тверской, драма г. Чьева.—Стихотворенія Н. Некрасова, ч. III. Спб. 1864 г.—Сочиненія С. Т. Аксакова. Дѣтскіе годы Багрова-внука, изд. второе.—Рой Феодосій Саввичъ на слокоѣ. Г-жи Кохановской.

II. Текущая баллетристика: „Отцы и дѣти“. II. С. Тургенева.—„Марсово“ г. Ключникова.—„Взбаламученное море“ г. Писемскаго (1864 г.).

III. Журнальныя замѣтки: „Библіотека для Чтенія“ и „Эпоха“.—„Современникъ“ и „Русское Слово“. Нерѣшенный для г. Писарева вопросъ.—„Земскія силы“ г. Боборыкина и „Лгуны“ г. Писемскаго.—Споръ „Современника“ съ „Русскимъ Словомъ“ о нигилизмѣ и о Неграхъ. Г. Варволомей Зайцевъ объ искусствѣ.—Замѣтка объ аскетахъ для г. Антоновича.—Его Итоги.—Отбой. (1865 г.).

ПУБЛИЦИСТИКА.

I. Новая общественная организація и старый казенный строй. 1873 и 1874 гг. Московскія Вѣдомости. Письма къ публикѣ I—XVII.—Русь 1880—1885 г. Скрытыя причины лѣвнаго зла.—Нѣчто о XVIII вѣкѣ.—Темныя пятна.—Мнимое земство.—Страшенъ сонъ, милостивъ Богъ.—Объ нашемъ statu quo.

II. Полемика газеты „День“ съ газетою „Вѣсть“ и „Московскими Вѣдомостями“.—Современныя темы (о сельской общинѣ).—Передовая статья Московскихъ Вѣдомостей.—Замѣтка для Московскихъ Вѣдомостей.—Исключительно для г-на Наличнаго.—Еще для г-на Наличнаго.—„О настоящихъ обязанностяхъ Русскаго дворянства. Paris, rue de Lille. 1861 г.“, брошюра графа В. П. О. Д.—Наши близорукіе публицисты.—Юмористъ газеты „Вѣсть“.—Газетѣ Вѣсть. (1865 и 1867 гг.).

III. По поводу разныхъ политическихъ событій, некрологи, замѣтки и мелочи.—Намеки тонкіе.—Польскій катихизисъ.—Изъ Каширскихъ писемъ.—Царевичъ въ Ниццѣ.—4-е Апрѣля.—Самооборона.—Храмъ на крови.—Отъ чего пала Римская Имперія?—Средство догнать Европу.—Князь Черкасскій.—Θ. В. Чижовъ.—Ю. Θ. Самаринъ.—Т. Н. Грановскій.

IV. Статьи разнаго содержанія.—О парламентаризмѣ.—Замѣтка для дипломатовъ „Новаго Времени“.—По поводу овацій г-ну Тургеневу.—Изъ письма къ М. Н. Каткову.

Цѣна Сборнику въ отдѣльной продажѣ два рубля. Для подписчиковъ „Русскаго Архива“ на 1888 годъ одинъ рубль съ пересылкою.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1888 году за 12 книжекъ съ пересылкою и доставкою—девять рублей, со сборникомъ статей Н. М. Павлова десять рублей.

Для Германіи—одиннадцать рублей; для Франціи, Италии, Англіи и остальныхъ странъ дѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартенеъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„РУССКУЮ СТАРИНУ“

1888 г.

ежемѣсячный историческій журналъ, съ портретами достопамятныхъ русскихъ людей, въ гравюрахъ лучшихъ художниковъ,

Деятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. Цинзерлинга на Невскомѣ, д. № 44, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, въ С.-Петербургѣ, Большая Подьяческая, д. № 7.

Имѣя въ распоряженіи небольшое количество оставшихся экземпляровъ нами изданныхъ книгъ, предоставляемъ тѣмъ лицамъ, которые возобновятъ подписку на „Русскую Старину“ и изд. 1888 года, получить нижеслѣдующія сочиненія:

I. Систематическая роспись содержанія „Русской старины“. Книга въ 8-ю долю, 300 стр., украшенная многими гравюрами. Цѣна три рубля, съ пересылкою.

II. Слово и дѣло! Историческіе очерки М. И. Семевского изъ эпохи Петра Великаго. Книга въ 330 стр., съ рисунками нитокъ. Спб., 1884, изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное. Цѣна два рубля съ пересылкою.

III. Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ. Историческій очеркъ М. И. Семевского изъ эпохи Петра Великаго, 1692—1724 гг. Книга 350 стр. Спб., 1884, съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ. Цѣна два рубля 50 коп., съ пересылкою.

IV. Подписывамъ „Русской Старины“ предоставляется получить за весьма уменьшенную цѣну, именно за два рубля съ пересылкою, вмѣсто объявленной цѣны 4 руб. 50 коп., обширное сочиненіе генерала И. И. Ореуса: Описаніе Венгерской Войны 1849 г., съ приложеніемъ 14-ти картъ и плановъ, составленное по архивнымъ, неизданнымъ матеріаламъ. Спб. 500 стр.

V. Подписчики „Русской Старины“ могутъ получить за два руб. (вмѣсто шести руб.) книгу: Альбомъ портретовъ русскихъ дѣятелей въ 50 гравюрахъ академика Л. А. Сѣрякова (второе и послѣднее изданіе, осталось лишь 43 экз.).

VI—за два руб. 50 коп. (вмѣсто 3 р. 50 коп.) второе изданіе книги: Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ Дунайской арміи въ 1877 г. Спб. 1887, стр. 537, значительно дополненное показаніями лицъ близко стоявшихъ къ особѣ Императора Александра II-го и

ВП—можно получить за семь почтовых марокъ или 50 копѣекъ превосходно напечатанный въ Парижѣ большой портретъ Императора Александра II, гравироваль въ 1866 году академикъ Сѣряковъ, удостоенный за этотъ, вполне художественный, трудъ ($\frac{3}{4}$ аршина высоты) званія гравера Его Величества. Портретъ высылается въ картонномъ сверткѣ, вполне бережно.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семеновскій.

Принимается подписка на 1888 годъ.

Годъ 3-й.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Годъ 3-й.

РУССКОЕ СУДОХОДСТВО

торговое и промысловое на рѣкахъ, озерахъ и моряхъ.

СОДЕРЖАНІЕ ЖУРНАЛА:

- 1) Узаконенія и правительственныя распоряженія, касающіяся судоходства.
- 2) Очередныя статьи о нуждахъ отечественнаго судоходства.
- 3) Обзоръ дѣятельности Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству и его отдѣленій.
- 4) Мореходные классы.
- 5) Внутреннія водныя сообщенія.
- 6) Рѣчное и морское судостроеніе.
- 7) Рѣчные, озерныя и морскіе промыслы.
- 8) Торговое мореходство.
- 9) Обзоръ иностраннаго судоходства и судостроенія.
- 10) Портовыя сооруженія и пристани.
- 11) Текущія извѣстія о русскомъ судоходствѣ.
- 12) Разсказы и воспоминанія о морскихъ путешествіяхъ и промысловомъ бытѣ; статьи историческія и повѣсти по содержанію своему соотвѣтствующія задачамъ журнала.
- 13) Отзывы объ изданіяхъ касающихся судоходства.
- 14) Разныя извѣстія и объявленія.

Къ задачѣ журнала „Русское Судоходство“—содѣйствіе развитію внутренняго судоходства и торговаго флота—долженъ относиться *со вниманіемъ и сочувствіемъ* не только каждый русскій производитель, но и каждый просвѣщенный русскій человѣкъ.

Подписная цѣна въ годъ, съ пересылкой восемь руб.

Желающіе получить журналъ „Русское Судоходство“ съ начала изданія по 1 Января 1888 года (№№ 1—21) высылаютъ въ редакцію, по нижеуказанному адресу, 12 рублей.

Отдѣльные №№ журнала—1 руб. съ пер., двойные №№, съ приложеніями къ нимъ, —2 руб. съ пересылкой.

Городская подписка принимается въ книжномъ магазинѣ газеты „Новое Время“.

Гг. иногородные обращаются прямо въ редакцію: С.-Петербургъ. Саѣчной пер., 17. Въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ подписка принимается также въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

ВЪ 1888 ГОДУ

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

издаются

по прежде утвержденной программѣ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“,

ЖУРНАЛЪ

научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній

блаженнаго Іеронима и блаж. Августина,

которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ:

„БИБЛИОТЕКА ТВОРЕНІЙ СВ. ОTCОВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ЗАПАДНЫХЪ“.

Указомъ Св. Синода отъ 7/10 февраля 1884 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“, такъ и на „Библиотеку твореній св. отцовъ и учителей ц. западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ

мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“—7 р.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатику, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.-Петербургѣ, 3) Е. П. Распопова, въ Одессѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: 1837—1871 гг. Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1883 г.г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 г.г. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп., а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 2 р. 60 к.; за 1869—1873 гг. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1886 гг. по 7 р. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ“ за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

Редакція проситъ г.г. подписчиковъ, въ случаѣ неполученія ими какой-либо книги журнала, заявлять объ этомъ не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера и по наведеніи справки въ мѣстной почтовой конторѣ или станціи.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

III ВЫПУСКЪ

ЮЖНОРУССКАГО СЛОВАРЯ**К. В. ШЕЙКОВСКАГО,**

Цѣна 60 коп. Продолжается пріемъ подписки на цѣлый томъ словаря. Въ немъ будетъ до 40 печатныхъ листовъ въ два столбца (20000 словъ; при нѣкоторыхъ изъ нихъ рисунки и чертежи). Подписная цѣна 4 руб. Для сельскихъ учителей и для духовенства въ районы, гдѣ живутъ малороссы, 3 руб. съ уплатою въ три срока. Таже цѣна для австрійскихъ русскяхъ.

За каждое новое слово назначается гонораръ отъ 2 до 15 коп. Слова принимаются только на тѣ буквы, на которыя уже отпечатанъ словарь.

Съ 1-го октября подписная цѣна на одинъ томъ будетъ 5 руб. Дальнѣйшіе выпуски будутъ печататься только по числу подписчиковъ. Словарь представляетъ попытку народной энциклопедіи.

Пробный листъ высылается за 15 коп.

Съ требованіями обращаться въ г. Мензелинскъ (Уфим. губ.) на имя Каллиника Васильевича Шейковского.

К. Шейковскій.

Газета политическая, литературная и коммерческая

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1888 г. ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и послѣпраздничныхъ дней, въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ русскихъ и заграничныхъ изданій. Вслѣдствіе этого въ „Одесскомъ Листкѣ“ помѣщается гораздо болѣе матеріаловъ, чѣмъ въ любой изъ провинціальныхъ газетъ. Открытіе же собственной типографіи, гарантируя газету отъ случайностей, сопряженныхъ съ печатаніемъ ея въ чужой типографіи,—даетъ полную увѣренность, что этотъ матеріалъ явится въ свѣтъ въ должное время и на должномъ мѣстѣ.

Особое вниманіе обращено редакцію на привлеченіе къ газетѣ лучшихъ, выдающихся литературныхъ силъ, что весьма не легко при всеобщей провинціальной розни. Наши стремленія въ этомъ отношеніи увѣнчались извѣстнымъ успѣхомъ. Мы горько слѣдимъ, чтобы ни одна отрасль общественной жизни не была забыта и наша себѣ выраженіе въ „Одес. Листкѣ“. Поэтому въ газетѣ помѣщаются всѣ распоряженія правительства, Высочайшія повелѣнія и награды, руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣншей политики, статьи по городскому и земскому хозяйству, всевозможныя новости изъ русской жизни, науки и искусства, рецензіи театральныхъ представленій и отзывы о новыхъ книгахъ, картинахъ, выставкахъ, концертахъ и т. п.

и корреспонденці изъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ нашего края. Въ отдѣлѣ Дневника читатели найдутъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, касающіяся наиболее животрепещущихъ вопросовъ, какъ Одессы, такъ и другихъ мѣстностей края. Въ Судебной хроникѣ помѣщаются статьи о наиболее выдающихся процессахъ изъ практики мировыхъ учреждений и общихъ судебныхъ мѣстъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Затѣмъ, въ газетѣ постоянно печатаются рефераты думскихъ засѣданій и отчеты о земскихъ уѣздныхъ и губернскихъ, а также дворянскихъ собраніяхъ, ученическихъ и благотворительныхъ обществахъ, и, наконецъ, въ Судебномъ указателѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ окружномъ и коммерческомъ судахъ, суд. палатѣ, въ мировыхъ сѣздахъ, городскомъ и уѣздномъ. Этотъ отдѣлъ особенно важенъ для иногороднихъ, съ помощью его они легко могутъ слѣдить за теченіемъ своихъ тяжбъ въ судебныхъ установленіяхъ.

Какъ ни трудно разобраться въ милліонахъ разнообразныхъ свѣдѣній со всѣхъ концовъ міра, — мы все-таки по мѣрѣ силъ группируемъ ихъ и освѣщаемъ въ фельетонахъ, „Маленькихъ Листкахъ“ и отдѣльныхъ статьяхъ. Такимъ образомъ „Од. Лист.“ старается помочь каждому своему читателю въ уразумѣніи явленій текущей дѣйствительности. Мы обращаемъ вниманіе на способъ изложенія и стараемся доставить читателямъ непременно интересное чтеніе. Отдѣлъ беллетристики будетъ расширенъ, что особенно важно для провинціи: иногородніе подписчики получаютъ такимъ образомъ въ продолженіи года массу разсказовъ, очерковъ, повѣстей, эскизовъ и т. п.

Возрастающій все болѣе и болѣе спросъ на „Од. Лист.“ заставилъ насъ принять особыя мѣры къ тому, чтобы удовлетворить всѣмъ, какъ городскимъ, такъ и иногороднимъ требованіямъ на газету; огромная ротационная машина Маринони, выписанная еще въ прошломъ году, печатая до 8000 экз. въ часъ, даетъ возможность своевременно печатать газету и помѣщать въ ней тѣ новости и телеграммы, которыя получаютъ даже поздней ночью.

Такимъ образомъ мы не остановились передъ крупными расходами болѣе 40,000 франковъ, по приобрѣтенію машины Маринони, лишь-бы предоставить удобства подписчикамъ газеты. Въ этомъ отношеніи названная машина удовлетворила вполне возлагавшимся на нее надеждамъ.

„Одесскій Листокъ“ печатается на безконечной бумагѣ, изготовляемой по специальному заказу на фабрикѣ князя Паскевича, и выходитъ въ количествѣ 350 №№ въ годъ. Не смотря на полноту содержанія газеты и назанныя улучшенія, введенныя въ ней для пользы дѣла, цѣна на „Одесскій Листокъ“ остается прежняя:

**Годовая цѣна съ ежедневною высылкою по почтѣ 12 руб. въ годъ,
7 руб. за полгода, 3 руб. 80 к. за три мѣсяца.**

Редакторъ-Издатель *В. В. Назвоукій.*

вины, отъ преходящихъ регулярныхъ войскъ претерпѣли крайніе обиды, ругательства и забойства, отъ чего лишились здравія, а иные безвременно жизни. Но какъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ Малороссію Губернаторомъ Его Сіятельство Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, то мудрыми его мѣроположеніями и строгостью правосудія хотя таковыя самовольства, служащіе здѣшнему народу разоренію, и пресѣкаются, однако сіе подвержено есть случаю переизмѣненія. Для того всеподданнѣйше просить: да благоведитъ Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше указать — учредить посреди Малой Россіи подъ вѣдомствомъ Губернаторскимъ Военную Комиссію на таковомъ точномъ основаніи, какъ она учреждена была по вышеизображенному именному указу въ 740 году. Такова Ея Императорскаго Величества Высочайшая милость и матернее благопріизрѣніе избавятъ насъ отъ крайнихъ обидъ и разореній къ подрѣзленію силъ и ревности нашей, какову въ потопные вѣчные времена заключили мы въ сердцахъ нашихъ къ вѣрной Ея Императорскаго Величества службѣ и вѣрноподданническому послушанію.

7.

Въ обрядѣ, при Высочайшомъ Ея Императорскаго Величества манифестѣ приложенномъ, указано выбрать Дворянскаго Предводителя, дая оному на два года полную довѣренность не только при нынѣшнемъ выборѣ Депутата, но и при случаяхъ, еслибъ послѣдовали отъ Верховной Власти каковыя особые повелѣнія, принадлежащіе до общаго дворянъ разсужденія, а чтобъ по прошествіи тѣхъ двухъ лѣтъ выбрать новаго Предводителя для таковыхъ дѣлъ, того не доложено. Для того всеподданнѣйше просить: дабы дозволено было намъ возобновленіе такова выбору, и ежели таковое дозволеніе изъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости учинится, то бы въ случае надобности для дворянина отвѣту предъ государевымъ правительствомъ (кромя земскихъ дѣлъ) требовано отъ Предводителя о высылкѣ оного; равнымъ образомъ и все званію секу приличное исправленіе къ должному исполненію предписанно бѣ

было; и ежели бы послѣдовали отъ кого изъ дворянства продажа деревень, мельницъ, футоровъ и протчихъ угодій, то бы никто сторонній къ покупкеъ допущенъ небылъ, докелѣ получить отъ Предводителя и всего Дворянства общимъ опредѣленіемъ за докладомъ Генералу Губернатору въ сообщество принятіе, каково найпаче обвязаны мы раздавать достойнымъ дворянамъ и природнымъ Ея Императорскаго Величества подданнымъ.

8.

Правамъ здѣшнимъ не противно и обычай Малороссійскій состоятъ въ томъ, что самое и Высочайшимъ имяннымъ святоусопной памяти Государыни Императрицы Анны Иоановны, Самодержицы Всероссійской, указомъ 1734 году утверждено, чтобъ продажа и купля козачихъ грунтовъ въ свободности состояла, и ежели козакъ, продавъ свой грунтъ, будетъ паки жить на ономъ, то бы отдавалъ повинность владѣльцы. А въ 739 году такова купля для военного времени до будущаго о томъ Высочайшаго самоизволенія пресѣчени. Когда же святославныя памяти Государыня Императрица Елисаветъ Петровна, Самодержица Всероссійская, Всемилостивѣйше соизволила пожаловать Гетманомъ Его Сіятельство Графа Кирила Григоріевича Разумовского, въ тѣ поры своею Императорскою грамотою Всемилостивѣйше подтвердить соизволила, возобновляя права, вольности и Малороссійскіе обычай, съ подтвержденіемъ поступать по онымъ безъ всякаго нарушенія. И такъ силою сей Высочайшей грамоты, оной Господинъ Гетманъ куплю козачихъ грунтовъ рѣшилъ свободно, съ тѣмъ только огражденіемъ: въ случаѣ нужды козачей, малою частію грунтовъ ихъ купить, а не совсѣмъ искупить, невозбранно было. Почему нѣкоторые владѣльцы и старшины, таковы частями небольшими козачихъ грунтовъ скупили не самовольно нижде тайнымъ образомъ, но законно, и учинили. Того для просить Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшую Государыню нашу пожаловать насъ Высочайшею матернею милостію своею: чтобъ таковы купленные грунты и угодія оставлены были при тѣхъ, кто купилъ, въ

ихъ потомственному обоюго пола владѣніи и утвердить на вѣчные времена въ числѣ прочихъ шляхетскихъ угодій Высочайшими грамотами. А впредъ каковъ на то Высочайше поставлень будетъ законъ, мы оной свято хранить и исполнять долженствуемъ.

9.

Просить всеподданѣйше, чтобъ здѣшнему шляхетству винное куреніе въ собственномъ имѣніи, дѣланіе всякихъ напитковъ, въ селахъ, деревняхъ, хуторахъ нашихъ шинкованіе всего того и продажа обтомъ, такожъ обращеніе всякого рода внутреннихъ продуктовъ свободны были безошлянно на вѣки. Притомъ же сколь есть нужда здѣшнему краю вывозка соли съ Крыму, а особливо надобность необходимая въ отгонѣ скота, лошадей, здѣсь (?) продукта, въ чужіе края, то чтобъ никто въ сихъ вольностяхъ, кромѣ одной заплаты пошлины, не чинилъ помешательства, и утверждено бѣ намъ было при сочиненіи новыхъ законовъ особою привилегією.

10.

Видя мы, что дворянство Россійское имѣеть хорошіи выгоды полученіемъ въ займы отъ учрежденія Государственныхъ Банковъ на необходимые свои нужды денегъ, а Малороссійское шляхетство, за неимѣніемъ онаго, впадаютъ подъ часъ такой нужды своей въ партикулярные долги подъ обязательство, какое кредиторъ взять захочеть, и тако лишаются имущества своего и приходятъ въ крайное разореніе, то сколь таково учрежденіе банка ость весьма полезное шляхетству и для казны государственной безприбыточное приращеніе процента, тако всеподданѣйше просить Ея Императорское Величество: да будетъ угодно учредить въ Малой Россіи казенной для шляхетства банкъ, отъ чего бы здѣшнее шляхетство ту пользу могло получать, какову имѣють протчіе Ея Императорскаго Величества вѣрноподданные, и тѣмъ моглибъ подкрѣплять себя въ случаѣ нужды отъ слѣдующаго имъ крайнаго разоренія.

11.

Отводъ квартиръ въ домахъ шляхетскихъ ость главнымъ основаніемъ ко пріявенію ихъ въ крайное изнуреніе и несостояніе къ

службъ Ея Императорскаго Величества, отчего въ городѣ Переясловлѣ почти всѣ дома знатнѣйшіе пришли въ крайное опустѣніе: ибо сей городъ, будучи пограничнымъ, терпитъ непремѣнные постои, какъ те генералитета, карабинерныхъ, инженерныхъ и артилерійскихъ и таможенныхъ командъ. А по указу блаженнаго памяти Государя Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссийскаго, въ ... году состоявшомусь, таковыя дома отъ постовъ исключены. Того для всеподданнѣйше просить матернаго отъ Ея Императорскаго Величества благопризрѣнія на здѣшное пограничнаго города Переясловля шляхетство, угнетенное и приведенное прежними военными обращеніи и пожарными случая къ немалой бѣдности, чтобъ Всемилостивѣйше повелѣно было домовъ ихъ въ постои не отводить.

V.

1767.

1) Прошеніе лубенскаго шляхетства.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна самодержица всероссійская Государыня всемилостивѣйшая.

Бьютъ челомъ малороссійскаго Лубенскаго полку полковникъ Иванъ Петровъ сынъ Кулябка, земскіе урядники, Бунчуковыя товарищи, полъковая старшина, сотничей, войсковые и зъначковыя товарищи и прочіе онаго полку чиновники и шляхетство; а въ чемъ наше прошение, тому слѣдуютъ пункты.

Ваше Императорское Всепресвѣтлѣйшее Величество от 14 декабря 766 году всевысочайшимъ манифестомъ обнародовать соизволили, что избранные съ высокославной Вашего Величества Имперіи для сочинения проекта новаго Уложенія депутаты созываются не только для того, чтобъ выслушать отъ нихъ нужды і недостатки каждаго мѣста,

но і допущены они быть имѣютъ въ комисію о сочиненіи упомянутого проекта. Таковое Вашего Императорскаго Величества матернее милосердіе есть руководствомъ того дерзновения, съ которыми мы всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы, приемлемъ трудить Всевысочайшую Вашего Императорскаго Величества особу въ слѣдующихъ нашихъ нуждахъ:

1.

По дѣламъ бывшой Генеральной Войсковой канцеляріи точніе о сочиненіи ревизіи о козакахъ, посполитыхъ и подусѣдкахъ имѣются Указы, яко то первой імянной Высочайшей за собственноручнымъ подписаніемъ Блаженныя і вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны самодержицы Всероссійской 1734 года августа 8 въ девятнадцати пунктахъ состоявшея указъ, по 5 пункту велѣно ревизію в Малой Россіи двороваго числа козаконъ и посполитыхъ подусѣтковъ в томъ годѣ учинить, чтобъ обыватели во всякихъ общенародныхъ повинностяхъ были уравнены и одни предъ другими неимѣли тягости, і въ предъ по вси годы или чрезъ несколько лѣтъ таковую жъ ревизію сочинить, въ томъ поступитъ по здешнему состоянію, смотря по переходамъ здешнихъ жителей; второй Правительствующаго Сената 1746 года марта 5 дня указъ, чтобы повелѣнные росписаніи на консистенты чинены изъ справедливымъ уравненіемъ по пропорціи имуществъ обывательскихъ и по числу хатъ.

2.

По тѣмъ и прочимъ указамъ въ Малой Россіи отъ давнихъ лѣтъ ревизіи писались по дворамъ и хатамъ и посполитые люди записываны по пропорціи имущества по дворамъ и хатамъ и раздѣлялись на пять статей, то есть мочно грунтовую, среднегрунтовую, малогрунтовую, нищетную и крайне нищетную; а подусѣдки, нычего у себя грунтовъ неимѣющие, но на собственныхъ владѣльческихъ земляхъ жителствующие, особо конные, особо пѣшіе записываны.

3.

А въ 752 году по унѣверсалу Господина Генераль фелтмаршала и разныхъ ординовъ Кавалера Графа Кирилы Григорьевича

Разумовского, по бытности ево малороссійскимъ Гетманомъ состоявшему, подсуѣтки сверстаны с прямыми посполитыми, грунты и угодїи за собою имѣющими і на своихъ земляхъ и въ своихъ дворахъ и хатахъ жительствовавшими, и тогожь года и по ревизїи между таковыми жъ поставлены; такимъ образомъ тѣже подсуѣдки и по ревизїи 755 года записаны.

4.

От того года даже до 763 года переписи людѣи нашихъ не было и чрезъ все то время расположенія на указные консистенты дѣлались по той одной ревизїи съ чувствительною народною тяжестью.

5.

А въ томъ 763 году, по унѣверсалу вышепомянутого Господина Генераль Фелтмаршала и кавалѣра графа Разумовского, здѣлана перепись по дворамъ, хатамъ и по душамъ безстатѣино и безразлично подсуѣтковъ и посполитыхъ и в сїю перепись вмещены наемники такия, которые вовсе ничего у себя не имѣютъ, а живутъ на всемъ хозяйскомъ содержанїи и с хозяями в однихъ дворахъ.

6.

За учрежденїемъ же в Малой Россїи коллегїи дѣлается по предложенїю Господина Генераль аншефа, Малороссїйского Генераль Губернатора, коллегїи Малороссїйской президента, Украинского и малороссїйскаго корпусовъ главнаго Командира и разныхъ ординовъ кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова, в Малой Россїи еще отличная перепись, такимъ образомъ: переписуются жилые наши дворы, пахатные и сѣнокосные поля, лѣса, луги, мельницы и прочїя угодїи и требуются показанїи, сколько хлѣба засѣвается и сколько на какомъ мѣсте сѣна укосивается и сколькожъ с мельницъ приходу въ годъ бываетъ; описывается скотъ нашъ и пчелы і ревидуются получаемые доходы; люди наши мужеска и женска полу и все ихъ имении, неминуя и самихъ дворовыхъ служителей, по душамъ описуются. Таковой переписи зъ самого того времени, когда малороссїйскїи гетманъ Богданъ Хмельницкїи со всемъ войскомъ запорожскимъ и со всемъ народомъ Малороссїйскимъ подъ всероссїйскую державу поддался, в Ма-

дом Россіи небывало, и чтоб оной быть, на то нетъ і небывало высочайшихъ указовъ. А имѣются точные таковыя указы, что здесь подушной переписи никогда не бываетъ, да і чтоб и ныне оной быть, на сие мы Имянного Вашего Императорскаго Величества всевысочайшаго указа не видимъ. По утвержденнымъ же всеми въ Бозѣ почивающими вашего Императорскаго Величества предками нашихъ правъ и стародавнихъ обычаевъ быть оной переписи не слѣдуетъ для того, что по праву книги статутъ по артикулу 15 розделу 3 установленно все привилегія стародавныя земскіе і вновь от насъ данныя волности и обычаи добрыя старинныя сохранять и нивчемъ того не нарушат, а новаго ничего неустановлят, а была бы надобность что новое прибавить к добру Речи посполитой, тогда сего не имѣемъ чинить ниже уставовъ какихъ либо делат, кромѣ за согласіемъ общимъ; нашего жъ согласія на обѣ объявленныя переписи небыло и к тому никого с насъ несызвано, но безъ всего то приказано здѣлать.

7.

Къ доволствию определенныхъ на содержаніе Малороссійскихъ обывателей шести армейскихъ полковъ, Генералитѣта, главной полевой аптеки и глуховскаго гарнизоннаго полку дѣлались прежде сего в полковыхъ Канцеляріяхъ въ присудствіи владѣльцовъ или ихъ повѣренныхъ расположеніи чинены по статьямъ в пропорцію каждого имѣнія, дабы обыватели убогшіе противъ можнѣйшихъ обиды не дознавали, а подсуеѣтки выстачали на мѣхъ конные по четырѣ, а пѣшіе по две копѣйки, а когда сверстаны подсуеѣдки съ настоящими посполитыми, то и сіи тоже самое платить начали, что і настоящіе посполитые.

8.

Высочайшимъ Имяннымъ Блаженныя і вѣчной славы достойныя памяти Великия Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны Самодержицы Всероссійской въ 749 году состоявшимся указомъ между прочимъ повелѣно: на указныя консистенты производить денгами по статеской ценѣ на одно наличество, но і затемъ указомъ неденежное, но натуральное производство провината і фуража от малороссійскихъ обы-

вателей происходило; въ бытность же в гетманскомъ достоинствѣ упомянутого господина Генераль фелтмаршала і кавалера графа Разумовскаго делались расположені на полны комплектъ; чего вѣсего выносыло выше девяти десяти тысячъ рублей.

9.

Другой уже год слѣдуетъ, какъ по предложению Господина Генераль аншефа і кавалера графа Румянцова вмѣсто натуралного производства указнымъ консистентамъ положено на здешнихъ обывателей посполитыхъ и козаковъ подпомощниковъ на каждую хату по одному рублю и двѣ копейки. Которой суммы выходитъ надъ надлежащую на указыныя консистентовъ сумму донесколко сотъ тысячей рублей. Сей окладъ взыскуется по ревизіи 763 года, а какъ сия ревизія здѣлана, какъ вышепредписано, безъстатейно, то одного рубля платитъ мужикъ тотъ, которой имѣетъ у себѣ имущество отъ ста до пятисотъ рублей, і тотъ послѣдней подуседокъ, которой едва ли имѣетъ у себя всего имѣнія на шездесять копѣекъ; хотя же отъ малороссійской Коллегіи і сложено на распоряженіе владѣльцовъ, чтобы они на можливишихъ мужиковъ болше, а на убогихъ менше полагали, но понеже здѣсь многіе имѣются такіа владѣльцы, которые у себя имѣютъ по одной, по двѣ, по пяти, по десяти хатъ подуседковъ, чего доказуетъ сама та ревизія, по которой и рублѣвой окладъ платится, і те все люди подуседки все обще такіе малоимущественныя, которые ничего у себя неимѣютъ, а питаются только однимъ заработкомъ, то сіи справедливыя притчины недопускаютъ учинитъ объявленнаго уравненія, и тако самыя убогыя люди остаются в несносной тяжести, а грунтовые прямыя подданыя напаче такіи, коихъ много в одномъ владѣніи, имѣютъ отличную выгодность, ибо естли положить десять конныхъ подусѣдческихъ и столкоже подданныческихъ хатъ, то по прежнему доводилось дачи въ мѣсяць отъ всехъ десяти хатъ сорокъ копѣекъ, а отъ подданныческихъ отъ одной малогрунтовой хаты по шездесять одной копейки три чети, а отъ протчихъ вышшихъ статей въ двое того болше.

10.

На обывателяхъ Малороссійскихъ взыскиваются доимочныя денги, подлѣжавшия въ отдачу указнымъ консистентамъ съ 735 года, та-

ковныя же денги нынѣ въ отдачу темъ консистентамъ уже неподлежать, обыватели же те, на коихъ доимка зависитъ, многи со всемъ по томствомъ померли, а многіе по свободности издревлѣ переходу безвѣстно походили, доимки же взыскуются на наличныхъ людяхъ і на техъ, кто землѣю изшедшихъ посполитыхъ владѣть; тѣже земли по правамъ нашимъ принадлежатъ владѣльцамъ, которые такова платежа чинить за все добро ни по какимъ законамъ необложены. Къ тому же малоросійские посполитые обыватели промыслъ свои имѣють почитатъ с одного толко земледѣлства и скотоводства, в нынѣшніи же времена ежечастно в хлѣбѣ недород, а в рогатомъ скотѣ і лошадяхъ почитатъ непрерывной падежъ бываетъ; о чемъ по малоросійской Коллегіи съ входящихъ от полковыхъ канцелярей репортовъ виды имѣются. А упователно и правительствующему сенату безвѣзвѣстно по симъ несчастнымъ случаямъ многіе изъ здешнихъ обывателей, а наипаче подсуеѣтки (которые какъ выше явствуетъ болшою частию заробляя хлѣбъ питаются) пришли до такихъ крайностей, что не точию доимки, но и настоящен дачи оплачивать чемъ неимѣють і лишаются съ женами и детьми и самыя дневныя пищи.

11.

Въ Грамотѣ Блаженныя і вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго Самодержца Всероссийскаго, 721 года Генваря 21 дня состоявшеися, повелѣно консистентовъ целыми ротами въ однихъ мѣстахъ неставить, а ставить, сколько гдѣ надлежитъ, толко неменше капралства; высочайшимже Імяннымъ блаженныя памяти Великия Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны Самодержицы Всероссийской указомъ, состоявшимся 742 году августа 18 дня, между прочимъ по 3 пункту повелено Генералитету, штапъ и оберъ афицеромъ, кои чрезъ Малую Россію и слободскіи полки времянно проезжаютъ іли винтеръ квартиръ имѣть будутъ, на квартиры свои уголья и дровъ от тамошнихъ обывателей и лѣсовъ для отвозу на дрова і на другія потребности безденежно отяудъ не требовать и не брать, под опасениемъ военнаго суда, а довольствоватся каждому покучая; а нынѣ в городе Лубне определенъ на непременно квартиры рязскіи пехотной полкъ и располагается зимнимъ временемъ

в самыхъ Лубнахъ и въ околичныхъ мѣстечкахъ ротами; да в сем же го(ро)дѣ имѣется государственная главная полевая аптека съ ея служители і главной криксь камисариатъ, куда немало приезжаетъ из разныхъ полковъ афицеров и с ними служивыхъ людей, от чего великое последовало тамошнимъ обывателямъ от всегдашнего постою въ ихъ домахъ утѣснение; да тѣже обыватели консистующихъ штацъ і оберъ афицеровъ отопляютъ собственными своими дровами; здѣшние обыватели въ лѣсахъ скудости, а въ иныхъ мѣстахъ и совсемъ оныхъ нѣтъ и болшою частію обыватели для своего обхожденія покупають дрова немалыми ценами с крапнею тяжестью; а некоторые огрѣваются тростникомъ и соломю.

Природное Вашего Императорскаго Величества челоувѣколюбіе толь намъ чувствитѣлно, что мы несумнонно уповаем, что Ваше Императорское Величество все выше донесенныя наши нужды и отягощенія принять соизволите, лицомъ во всемъ соотвѣтствующимъ премилосердному вашему сердцу.

І сего ради всеподданѣише просимъ Вашего Императорскаго Величества пожаловать насъ вѣрныхъ подданныхъ своѣхъ высочайшею матернею милостию в слѣдующемъ: 1, чинимую ныне с жилыхъ нашихъ дворовъ, імені і людей нашихъ перепись оставить, а повелѣтъ по прежнему обыкновению сочинять ревизию, какъ высочайшимъ указомъ, 734 года Августа 8 дня состоявшимся, повелѣно; 2, людям здѣшнихъ от рублеваго оклада уволить, а повелеть не болше доволствоват указныхъ консистентовъ производствомъ натурю провианта и фуража на одно наличество, и гдѣ консистенты на винтеръ квартирахъ состояти имут, тамо чинить произвождение натурю, а из другихъ мѣсть собирать деньгами по статской ценѣ; 3, людей здешныхъ от платежа доімочныхъ денегъ уволить, а повелѣтъ оныя, яко никуда в одачу уже не подлежащие, отоставить; 4, от неперемного полку пехотнаго рижского въ Лубнахъ и въ околичныхъ мѣстахъ квартирования уволит, да і отъ выстаченія Генералитету, штацъ і оберъ афицерамъ дровъ здешныхъ обывателей уволнено б, а повелено б доволствоватся, какъ выше высокоупмянутымъ 742 года указомъ повелено, покушкою.

Сие высочайше милосердіе темъ боліе на высочайшую степень славы возвысится и доидеть до самаго владѣющаго всею тварию Бога,

что въ ономъ имѣть будутъ участие самыя беднѣйшіе и безпомощнѣйшіе в свете люди; ¹⁾ мы все совокупленными серцами должность имѣемъ молить Всевышняго творца, да благословитъ Ваше Императорское Величество тысящною Милостию своею въ нынѣшнемъ і в будущемъ вѣке.

Вашего императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества вѣрныя подданныя и всенижайшіе раби:

Предводитель Бунчуковыя товарищъ Яковъ Кулябка, Полковникъ лубенскіи Иванъ Кулябка, абшитованны подкоморій Иванъ Александровичъ, абшитованны подкоморіи Иванъ Огроновичъ, судія земски повѣта Лубенскаго Иванъ Кулябка, повѣта роменскаго земскій судія Афонасей Шкляревичъ, Бунчуковой товарищъ Максимъ Жуковскіи, Бунчуковой товарищъ Андрей Новицкіи, Бунчуковой товарищъ Петръ Новицкіи, подсудокъ земскій повѣту лубенскаго Ѳеодоръ Максимовичъ, подсудокъ земски повѣта Роменскаго Стефанъ Лукьяновичъ, Бунчуковыя товарищъ камисаръ Яковъ Огроновичъ, Бунчуковыя товарищъ Григорій Огроновичъ, полковны судія лубенскіи Василь Стефановичъ, полковны Лубенскіи писаръ Яковъ Корняевичъ, асаулъ полковны Родіонъ Рвачевскіи, писаръ земскій повѣту Лубенскаго Ѳеодор Булюбошъ, Асаулъ полковны Лубенскіи Якимъ Максимовичъ, писаръ земскій повѣту Роменскаго Григорей Савицкіи, абшитованны харужій полковой Павелъ Огроновичъ, полковой лубенскіи харужій Михаилъ Булюбошъ, полковой абшитованной харужій Ѳеодор Хилчевскіи, сотникъ Костантиновскіи Стефанъ Полѣтика, сотникъ Горошинскіи Петро Сахновскіи, сотникъ Глинскіи Павелъ Свѣтъ, сотникъ сенчанскіи Тимоѳѣи Криштофовичъ, сотникъ яблуневскіи Алексеи Черняцкіи, сотникъ роменскіи Демьянъ Гайдукъ, сотникъ второлохвицкіи Василен Лукашевичъ, сотникъ сметинскіи Павелъ Кулябка, сотникъ Лукомскіи Иванъ Малковскіи, сотникъ перво пирятинской Максимъ Щербакъ, полковой лубенской сотникъ Трофимъ Значко, сотникъ второй полковой лубенской сотни Михало Скаржинскіи, Воисковой товарищъ Иванъ Ковалевскіи, Воисковой товарищъ Иванъ Манжосъ, Воисковой товарищъ Василь Магеровскіи, Воисковой товарищъ Максимъ Значко, абшитованны

¹⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

Воисковой товарищъ Васил Зарудный, Воисковой товарищъ Григорей Манжось, Воисковой товарищъ Гаврило Ігнатовъ, Воисковой товарищъ Петръ Воитенко, Воисковой товарищъ Дмитріі Жуковскіі, Воисковой товарищъ Яковъ Данковскіі, Воисковой товарищъ Іванъ Гамалія, Воисковой товарищъ Григорей Корсунъ, Воисковой товарищъ Семень Слюзь, Воисковой товарищъ Григорей Зарудный, Воисковой Канцеляристъ Петро Корсунъ, Воисковой товарищъ Григорей Огроновичъ, Воисковой Канцеляристъ Семень Корнѣвичъ, Воисковой Канцеляристъ Іванъ Жуковскіі, Возни повету Лубенского Яковъ Назаровичъ, Атаманъ полковой лубенскіі Павелъ Корнѣвичъ, повѣта роменского возни сотенныхъ роменскихъ Матвѣи Евфиміевъ, Значковий полку лубенского товарищъ Григорей Іваненко, Значковы товарищъ Стефанъ Засулскіі, Значковы полку лубенского товарищъ Васил Манко, Значковни полку Лубенского товарищъ Іосифъ Полянка, Возной сотнѣ Чигрин-дубровской Данило Григоровичъ Шепелявий, значковой товарищъ Александръ Шишка, Значковой товарищъ Павелъ Івахненко, Значковой товарищъ Андрей Афанасіевъ, Значковой товарищъ Омелянъ Сахненко, Значковой товарищъ Михайло Полунѣи, значковой товарищъ Ѳедоръ Жаданъ, генеральной артилеріі значковий товарищъ Григорей Осецкіі, Генеральной артилеріі товарищъ Степан Кислай, а вместо его неграмотного подписался по прошенію канцеляристъ Васил Гергелъ, Лубенского полку значковой товарищъ Якимъ Селастеникъ, Значковой товарищъ Ѳедоръ Матрозъ, а вместо его неграмотного по его прозбы значковой товарищъ Якимъ Селастеникъ, Значковой полку Лубенского товарищъ Григорей Рѣпчанской, Значковой полку Лубенского товарищъ Іванъ Максимовичъ, Значковые товарищи: Антонъ Коржевскіі, Григори Рева, а вместо ихъ і за себя подписался значкови полку лубенского товарищъ Ѳедоръ Цыганенко, умершаго Вунчуковаго товарища Іосифа Гамалѣи сынъ Михайло Гамалѣя, Значковни товарищъ Іванъ Шостакъ, Значковой полку Лубенского товарищъ Павелъ Ключковъ, Значковы товарищъ Павелъ Луговскіі, Значковни товарищъ Фома Тренбачъ, Значковни товарищъ Михайло Майборода, атаманъ Павелъ Самоиловскіі, Возни сотникъ яблуневскіі Андрей Божько, Значковой това-

рыщъ Иванъ Запорожскій, Значковой товарищъ Иванъ Павловскій, Канцеляристъ полковой Канцеляріи Петръ Свечка, Суда Земского повѣту Лубенского Канцеляристъ Павелъ Слюзь, Атаманъ перво-лубенской сотни Данило Немець, Атаманъ второй лубенской сотни Григорій Онищенко, Асаул полковой Лубенской Артилеріи Улас Рублевскій, Полковой Лубенской Артилеріи Хорунжі Игнатъ Щока, полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ Осипъ Семеновъ, Суда городского Лубенского Канцеляристъ Филиппъ Семеновъ, Суда городского Лубенского Канцеляристъ Герасимъ Сидонскій, Канцеляристъ полковой Лубенской Канцеляріи Василъ Гергель, Полковой Лубенской Канцеляріи канцеляристъ Никифоръ Волчанскій, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ Петро Любецкій, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ Степанъ Дорошенко, Полковой Лубенской Канцеляріи Канцеляристъ Григорей Белашъ, Полковой Лубенской Канцеляріи канцеляристъ Петръ Голецъ, Полковой Лубенской Канцеляріи канцеляристъ Лаврентій Васенко, Канцеляристъ полковой Лубенской канцеляріи Иванъ Киричевскій, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Яковъ Галичинъ, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Иванъ Самуиловскій, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Афанасей Савлукъ, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Яковъ Тищенко, Гродского Лубенского суда Канцеляристъ Якимъ Матій, Земского суда повѣста Роменского канцеляристъ Андрей Самохваль, асаул сотенный перво-лубенскій Ефимій Капуста, асаул второ лубенско сотни Андрей Циба, хорунжі сотенні роменскіи Яковъ Яковенко, городничіи полковаго Города Лубень Андрей Сидорскій, писар сотни перво лубенской Прокъпъ Зайкевичъ, Значковой товарищъ Иванъ Салимовскіи, а вместо его неграмотного по его прошению возни сотни снетинской Василъ Мирецъ подписался, атаманъ сотенні Кондратъ Яновскій, Значковы товарищъ Евтихій Величко, повѣста Лубенского сотни курѣнной возни Алексѣи Самуиловичъ.

2) Прошение Румянцеву отъ лубенскаго шляхетства.

Сіятеднѣйшій Графъ Высочайшепревосходительнѣй Г-нъ Генераль Аншефъ, Малороссійской Губерніи Генераль Губернаторъ, Украинскаго и Малороссійскаго Корпусовъ главной Командиръ и разнихъ орденовъ Кавалеръ!

Милостивій Государь!

Ввѣренное Вашему Высокографскому Сіятелству отъ Ея Императорскаго Величества Малой Россіи правленіе, что точно соотвѣтствуетъ обнадеживанію тому, которое въ Высочайшемъ манифестѣ въ 15 день 1764 году при учрежденіи въ Малой Россіи Колегіи предписанно, что Ваше Сіятелство о ползѣ собственной Малороссійскаго народа будете къ Ея Величеству всегда добрый и надежнѣй предстатель, доказивается изъ недавно полученнаго нами отъ Вашего Сіятелства цѣркулярнаго листа, изъ коего ми съ радостію нашею видимъ учиненное Вашимъ Сіятелствомъ къ Ея Императорскому Величеству о насъ увѣдомленіе и коимъ милостивое свое соизволили преподать намъ наставленіе, дабы при выборѣ въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества обнародованнаго манифеста съ предложенными при ономъ обрядами Предводителя и Депутата въ учрежденную въ Москвѣ Комисію для сочиненія проекта новаго уложенія наблюдали мы то, что прямо къ благоденствію нашему простираться можетъ. Ми, исполняя всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества высочайшее повелѣніе, приема Вашего Высокографскаго Сіятелства совѣтъ искреннымъ и благодарнымъ нашимъ сердцемъ и слѣдуя притомъ собственнымъ своимъ позволеннымъ ползамъ, выбрали отъ себя предводителемъ Бунчуковаго Товариша Якова Кулябку, а Депутатомъ Г-на Бригадира и Полковника Гадяцкаго Крижановскаго, людей, по извѣданнымъ ихъ качествамъ къ сему дѣлу достойныхъ.

Давъ избранному нашему Депутату наказъ и всенижайшія наши къ Ея Императорскому Величеству челобитныя съ прошеніемъ: 1-е, чтобъ Ея Императорское Величество соблагоизволила утвердить

стародавнее наше право, названное статутъ Княженія Литовскаго, которое въ бытность Малой Россіи еще при коронѣ Полской, привилегією Короля Сигизмунда Августа 1569 году Іюня 6 д. между иными волностями и преимуществами шляхтѣ и всему рыцарству земли и княжества Кіевскаго надано, и кое по отторженіи народа Малороссійскаго съ подѣ корони Полской и по благоприсоединеніи къ державѣ Россійской за утвержденіемъ оного права отъ всѣхъ Всероссийскихъ Государей какъ при Гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, такъ и за всѣхъ по немъ бывшихъ Гетмановъ, народъ Малороссійскій въ судахъ и росправахъ своихъ чрезъ стотринадцать лѣтъ до нынѣ употребляетъ къ своему удовольствію. 2-е, Волности и преимущества наши отъ Королей Полскихъ намъ наданные и отъ Всероссийскихъ Государей свято почившихъ предковъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйше народу Малороссійскому отъ времени принятія оного подѣ державу Россійскую за всѣхъ Гетмановъ множайшими указами и особливими договорными статьями утвержденны, чтобъ и Ея Императорское Величество всевысочайше подтвердили. По коимъ волностямъ дозволено намъ выбрать по прежнему обыкновенію волпами годовыми въ городскіе, земскіе и воинскіе чина изъ между себя. 3-е, Позволено намъ купля козачьихъ грунтовъ, какъ казаки однимъ правомъ и однимъ же шляхетскими волностями пользуются, и что казаки у чиновниковъ грунтовъ покупаютъ, отъ чего и умаленія въ службѣ быть немогутъ. Да и сходственно то будетъ съ правами Малороссійскими. 4-е, Всемилостивѣйше указано отъ Ея Императорскаго Величества сочинять въ Малой Россіи ревизію въ согласіе имяннаго указа 1734 году по годно или смотря по свободному переходу здешнихъ жителей по дворамъ и хатамъ и по имуществу; и чтобъ опредѣленнымъ къ безденежному Малой Россіи содержанію консистентамъ доводство производить въ натурѣ на одно наличное число людей и лошадей по указу, 1749 году Февраля 4 д. состоявшемуся. А рублевой на хати положенной окладъ (коего надѣ прежде бывшей зборъ нѣсколко сотъ тысячъ превосходить) снятобъ; равно и чинимую нынѣ въ Малой Россіи генеральную перепись обоюго пола душъ, недвижимаго и движимаго нашего имѣнія отставленобъ.

Б-е, Всемилостивѣйше уволенообъ здешнихъ жителей отъ непременнаго квартированія Пехотнаго Рязскаго Полку. Сіи пункта почли ми самонужнѣйшими въ нашихъ нуждахъ; и какъ Ваше Высокографское Сіятелство здешнего краю повелительной шефъ, и предопредѣлени битъ къ Ея Императорскому Величеству о благополучіи народа Малороссійскаго предстателемъ, то ми основательную имѣемъ причину всенижайше Вашего Высокографскаго Сіятелства просить въ дополненіе учиненнаго уже о насъ къ Ея Императорскому Величеству увѣдомленія ходатайственно представить отъ себя и нынѣ къ Ея Императорскому Величеству, чтобъ сохранени били мы при прежнихъ нашихъ правахъ, волностяхъ и преимуществахъ и во всѣхъ више выраженныхъ нашихъ нуждахъ Высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію пожаловани. Въ чемъ ми прямое свое находимъ благоденствіе. Таково Вашего Сіятелства предстательство обяжетъ насъ къ непримѣрной благодарности и тѣмъ имя Вашего Сіятелства прославлятимется отъ насъ и будущаго по насъ рода найчувствительнѣйшими сердцами въ позднѣйшія вѣки. Вашего Высокографскаго Сіятелства Милостиваго Государя всенижайшіе слуги:

Полковникъ Лубенскій Иванъ Кулябка, Абшитованій Подкоморій Иванъ Александровичъ, Абшитованіи Подкомори Иванъ Огроневичъ, Судия земски повѣта Лубенскаго Иванъ Кулябка, Повѣта Роменскаго земскій судія Афанасій Шкларевичъ, Бунчуковій Товаришъ Максимъ Жуковскій, Бунчуковой Товаришъ Андрей Новицкій, Бунчуковой Товаришъ Петръ Новицкій, Подсудокъ земски повѣту Лубенскаго Федоръ Максимовичъ, Подсудокъ земски повѣту Лубенскаго Стефанъ Лукяновичъ, Бунчуковій Товаришъ Григорій Огроневичъ, Бунчуковій Товаришъ Комисаръ земскій повѣту Лубенскаго Іаковъ Огроневичъ, Полковій судія Лубенскій Василь Стефановичъ, Полковій Лубенскій Писаръ Іаковъ Корнѣевичъ, Асауль Полковій Радіонъ Дачевскій, Писаръ земскій повѣту Лубенскаго Федоръ Булюбашъ, Асауль Полковій Лубенскій Іакимъ Максимовичъ, Писаръ земскій повѣту Роменскаго Григорій Савицкій, Абшитованій Хоружій Полковій Павелъ Огроневичъ, Полковій Лубенскій Хоружій Михайло Булюбашъ, Абшитованій Полковій Хоружій Федоръ Хиль-

чевскій, Сотникъ Горошинскій Петро Сахновскій, Сотникъ Глинскій Паволъ Свѣтъ, Сотникъ Сенчанскій Тимофей Криштофовичъ, Сотникъ Роменскій Демянъ Гайдукъ, Сотникъ второ-Лохвицкой Василь Лукашевичъ, Сотникъ Снѣтинскій Павелъ Кулабка, Сотникъ Яблуневскій Алексѣй Черницкій, Сотникъ Лукомскій Иванъ Малкевскій, Сотникъ перво-Пирятинскій Максимъ Щербакъ, Полковой Лубенской Сотникъ Трофимъ Значко, Сотникъ второй Полковой Лубенской сотни Михайло Скаржинскій, Войсковій Товаришъ Григорій Корсунъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Ковалевскій, Войсковій Товаришъ Иванъ Манжось, Войсковій Товаришъ Василь Магеровскій, Войсковій Товаришъ Максимъ Значко, Абшитованій Войсковій Товаришъ Василь Зарудній, Войсковій Товаришъ Григорій Манжось, Войсковій Товаришъ Гаврило Игнатовъ, Войсковій Товаришъ Петро Воитенко, Войсковій Товаришъ Иванъ Гамалѣй, Войсковій Товаришъ Дмитрій Жуковскій, Войсковій Товаришъ Яковъ Данковскій, Войсковій Товаришъ Григорій Зарудній, Войсковій Товаришъ Семень Слюзь, Войсковій Товаришъ Григорій Ограновичъ, Войсковій канцеляристъ Иванъ Жуковскій, Войсковій канцеляристъ Семень Корнѣвичъ, Возній повѣту Лубенского Яковъ Назарскій, Атаманъ Полковій Лубенскій Павелъ Корнѣвичъ, Повѣту Роменского Возній сотенній Ромен. Матвѣй Евфиміевъ, Значковій Товаришъ Григорій Иваненко, Значковій Товаришъ Стефанъ Засульскій, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Василь Манко, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Іосифъ Полянка, Значковій Товаришъ Александръ Шашка, Значковій Товаришъ Павелъ Ивахненко, Значковій Товаришъ Омелянъ Иваненко, Значковій Товаришъ Михайло Полунѣй, Значковій Товаришъ Федоръ Жаданъ, Генеральной Артилеріи Значковій Товаришъ Григорій Совецкій, Значковій Генеральной Артилеріи Товаришъ Степанъ Кисли а вмѣсто его неграмотно подписался по прошенію Канцеляристъ Василь Гергель, Лубенского Полку Значковій Товаришъ Якимъ Селастенникъ, Значковій Товаришъ Федоръ Матросъ а за его прозбу Якимъ Селастенникъ подписался, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Григорій Рѣпчанскій, Значковій Полку Лубенского Товаришъ Иванъ Максимовичъ, Значковіе Товариши Антонъ

Коржовскій, Григорій Рева а вмѣсто ихъ и за себе подписался
Значковій Полку Лубенского Товаришъ Федоръ Циганенко, Возній
сотнѣ Чигиринъ дубровской Давило Григоровичъ Шепелявій, Знач-
ковій Полку Лубенского Товаришъ Павелъ Клюковъ, Значковій
Полку Лубенского Павелъ Луговскій, Значковій Товаришъ Фома
Тренбачъ, Значковій Товаришъ Михайло Майборода, Значковій То-
варишъ Иванъ Шостаеъ, Значковій Товаришъ Иванъ Запорожскій,
Возній сотнѣ Яблуневскій Андрей Божко, Канцеляристъ Полковой
Канцеляріи Петръ Свѣчка, Суда земского повету Лубенского Кан-
целяристъ Павелъ Слюзь, Атаманъ Певро-Лубенской Сотнѣ Данило
Нѣмоць, Атаманъ второ-Лубенской Сотнѣ Григорій Онищенко, Аса-
уль Полковой Лубенской Канцеляріи Уласъ Рублевски, Полковой
Лубенской Артилеріи Хоружій Игнатъ Щочка, Полковой Лубенской
Канцеляріи Канцеляристъ Осипъ Семеновъ, Суда городского Лубен-
ского Канцеляристъ Герасимъ Сидорскій, Канцеляристъ Полковой
Лубенской Канцеляріи Павелъ Гергель, Полковой Лубенской Кан-
целяріи Канцеляристъ Никифоръ Богдановъ, Полковой Лубенской
Канцеляріи Канцеляр. Петро Любнѣцкый, Полковой Лубенской Кан-
целяріи Канцел. Степанъ Дорошенко, Полковой Лубенской Канце-
ляріи Канц. Григорій Бѣлашъ, Полковой Лубенской Канцеляріи
Канц. Петро Голецъ, Полковой Лубенской Канцеляріи Канц. Лав-
рентій Васенко, Канцеляристъ Полковой Лубенской Канц. Иванъ Ки-
ричевскій, Городского Лубенского Суда Канцеляр. Яковъ Галичинъ,
Гродского Лубенского Суда Канцеляр. Афанасій Савлукъ, Гродскаго
Лубенскаго Суда Канц. Иванъ Самуйловскій, Гродского Лубенского
Суда Канц. Якимъ Мамяшъ (?), Гродского Лубенского Суда Канц.
Яковъ Тищенко, Земского Повету Роменскаго Суда Канц. Андрей
Самохвалъ, Асауль Сотенній перво-Лубенской Ефимъ Капуста, Аса-
уль второ-Лубенской Сотни Андрей Циба, Хоружій Сотенній Ромен-
скій Іоанъ Яковенко, Городничій Полкового города Лубенъ Андрій
Сидорскій, Писаръ Сотни перво-Лубенской Прокопъ Задкевичъ.

VI.

1767.

1) Наказъ гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго шляхетства.

Наказъ выбранному отъ дворянства и шляхетства Малороссійскихъ полковъ: Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго, депутату, Господину Бунчуковому Товарищу, Василю Андреевичу Дунину-Борковскому.

Отъ 3-го дня Февраля сего 767 года, при Указѣ, коего копія прилагается, изъ Коллегіи Малороссійской помянутыхъ полковъ въ Полковныя Канцеляріи присланы Манифесты Ея Императорскаго Величества, Декабря 14-го 766 года состоявшіеся:

О учрежденной отъ Ея Императорскаго Величества для сочиненія проекта новаго Уложенія при Сенатѣ Коммисіи; и онымъ Малороссійской Коллегіи Указомъ велѣно: во всѣхъ сотняхъ, селахъ, хуторахъ и деревняхъ, даже до послѣдняго жительства, тѣ Манифесты обнародовать, какъ объ ономъ въ Указѣ Губернаторамъ, по 1-му пункту, точно изображено; а впредь, что принадлежитъ ко исполненію по силѣ того Манифеста, объ ономъ, за прибытіемъ Его Сіятельства, Господина Генераль Аншефа, Малороссійскаго Генераль Губернатора, Коллегіи Малороссійской Президента и Кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова, который тогда обрѣтался въ Санктъ-Петербургѣ и оныя Манифесты при предложеніи своемъ въ Коллегію прислалъ, учинено де будетъ должное распоряженіе.

Его же Сіятельство Графъ Петръ Александровичъ, тогожь Февраля отъ 26-го, изъ Глухова, при ордерѣ своемъ, прислалъ въ полковныя канцеляріи циркулярныя листы, надписанныя: „Благодарнымъ Господамъ, шляхетству и рыцарству, въ повѣтахъ вышеозначенныхъ полковъ вотчины и помѣстья имѣющимъ, гражданству и земству“, и въ тѣхъ листахъ созывалъ ихъ къ 15 числу Марта въ городъ Полтаву, къ достиженію лучшихъ въ подлежащемъ дѣлѣ

5*

успѣховъ, не въ предложеніе точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ оному шляхетству, рыцарству, гражданству и земству, мнѣніе свое подавалъ, чтобъ они всѣ приняли съ радостію сей подаваемый имъ случай къ достиженію общенароднаго благоденствія, выраженнаго въ томъ циркулярномъ листѣ (коею копія здѣсь прилагается), и избирали бы между собою Предводителя и депутата таковыхъ, кои бы всѣ свойства, прописанныя въ обрядѣ, имѣли. И яко въ особливомъ Его жъ Сіятельства ордерѣ, съ приложеніемъ росписанія, гдѣ для предпомянутого выбора назначены мѣста и сроки отъ 26-го Февраля сего года, въ полковья Канцеляріи присланнымъ, между инымъ показано: что, во исполненіе Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества Имяннаго Указа, Декабря 14-го 766 года состоявшагося, за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, и публикованнаго Манифеста, съ приложеніями о выборѣ депутатовъ въ учреждаемую въ Москвѣ Коммисію для сочиненія Проекта Новаго Уложенія, назначены отъ Его Сіятельства къ собранію для выбора тѣхъ депутатовъ сроки, по показанному росписанію, и для приведенія въ исполненіе всего, предписаннаго по оному всевысочайшему Указу, въ повѣтахъ Полтавскомъ, Миргородскомъ, Остановскомъ и Гадяцкомъ Господинъ Генеральный Обозный и Кавалеръ Кочубей опредѣленъ.

Для того живущее въ тѣхъ повѣтахъ дворянство и шляхетство на назначенное въ циркулярныхъ листахъ число въ городъ Полтаву съѣхались и, за выборомъ предводителя, въ 21-й день Марта сего 767 года, учина по формѣ въ обрядѣ, что подъ буквою В напечатано, и присягу, выбрали отъ всего означенныхъ Гадяцкаго, Полтавскаго и Миргородскаго полковъ дворянства и шляхетства депутатомъ васъ.

А понеже народъ Малороссійскій, въ числѣ котораго и поминаемыхъ полковъ дворянство и шляхетство, находится на особливыхъ правахъ, обыкновеніяхъ, вольностяхъ и привилегіяхъ, въ силу подтвержденныхъ себѣ отъ Всепресвѣтлѣйшихъ предковъ Ея Императорскаго Величества, Монарховъ Всероссийскихъ, высочайшихъ Грамотъ и Имянныхъ всемилостивѣйшихъ Указовъ, какъ то и Ея

Императорское Величество, нынѣ всещастливѣйше царствующая Монархиня, Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссийская, тѣже права и вольности Имянными своими Всевысочайшими Указами подтвердить всемилостивѣйше благоизволила, а именно: 1-е) 1763 года Апрѣля 19-го, по докладу бывшаго Гетмана, Его Сіятельства Графа Разумовскаго, съ прошеніемъ Генеральнымъ Старшинамъ, Полковникамъ и прочимъ чинамъ Малороссійскимъ классовъ противъ чиновъ Великороссійскихъ, Ея Императорское Величество, желая сей благоприсоединенный народъ въ Имперіи Ея Величества нетоко сохранить при ихъ правахъ и вольностяхъ, съ которыми они подъ державу предковъ Ея Величества, въ бозѣпочивающихъ, пришли, но, взирая на его всеподданническую вѣрность и усердіе, вяще оной къ службѣ Ея Величества ободрить, Всемилоствѣйше собранію, въ которомъ совѣтъ происходилъ о вольности дворянства, повелѣли помянутый докладъ рассмотреть; 2-е) 1753 года Маія въ 10-й день, на подданномъ отъ Всероссийскаго Сената о подкоморихъ докладѣ собственною своею матернею, высокодержавнѣйшею рукою изобразили: опредѣлить настоящихъ подкоморихъ и поступать по силѣ правъ Малороссійскихъ; 3-е) тогожь года Декабря 10-го числа, признавая правъ и вольностей Малороссійскаго народа отъ предковъ Ея Императорскаго Величества учиненное подтвержденіе, Ея жъ Священнѣйшее Величество Имяннымъ своимъ о Посполитомъ Малороссійскомъ народѣ Указомъ оному посполитому народу свободный съ мѣста на мѣсто переходъ дозволить благоизволили, во всемъ на точномъ и непремѣнномъ основаніи правъ Малороссійскихъ, въ книгѣ Статута изображенныхъ; якоже тотъ статутъ Малороссійскому народу въ 1569 году Іюня 6-го привилегією, коего копія прилагается, надданъ и отъ Всепресвѣтлѣйшихъ Государей, Монарховъ Всероссийскихъ, какъ выше значить, подтвержденъ,

Того ради живущіе въ повѣтахъ полковъ Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго Малороссійское шляхетство чрезъ васъ все-нижайше просимъ, дабы въ будущемъ новомъ уложеніи упомянуть былъ и край Малороссійскій, чтобъ оный, въ случаѣ касающихся

дѣль, трактованъ былъ по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ, по подтвержденнымъ пунктамъ, примѣромъ того, какъ гласить въ Генеральномъ Регламентѣ 27-я глава.

Съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Манифеста объ ономъ Уложеніи, Декабря въ 24-й донъ 766 года состоявшагося, здѣшнее шляхетство вида, что Ея Императорскаго Величества первое желаніе есть видѣть народъ Ея столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться, и что Ея Величество онымъ Манифестомъ созываетъ депутатовъ для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, особливо же здѣшнее шляхетство имяннымъ Ея Императорскаго Величества Указомъ, Ноября въ 10-й день 764 года о учрежденіи Коллегіи Малороссійской состоявшимся, обрадовано будучи, что Ея Императорское Величество, по своему матернему къ народу Малороссійскому прирѣвнію и покровительству, имѣеть на сердцѣ возводить благополучіе Малороссійскаго народа на такую степень, въ который бы онъ вѣще позналъ къ себѣ Ея Императорскаго Величества матернюю Милость, несумѣнно уповаеть, что Ея Императорское Величество, по такому безпримѣрному Ея къ подданнымъ милосердію, неточію оставитъ Малороссійскій народъ,—а въ числѣ онаго и здѣшнее шляхетство,—при прежнихъ ихъ правахъ, вольностяхъ, привилегіяхъ и обыкновеніяхъ, но и нужды наши, въ прошеніяхъ показанныя, милостиво выслушаетъ, и матернымъ своимъ покровительствомъ снабдитъ оныя благоизволить. Для сего оныя прошенія къ предоставленію куда надлежитъ и съ оныхъ, для вѣдѣнія вашего, точныя копии у сего прилагаются.

Отъ васъ же, яко надежнаго депутата объявленныхъ полковъ, шляхетство ожидать будетъ, что вы, поелику патриотъ нашъ, не оставите о успѣхѣ вышписанныхъ прошеній нашихъ приложить вашего прилежнаго старанія.—1767 года Марта 28 дня. На кошіи тако.

Подкоморный повѣту Полтавскаго Павелъ Кочубей, Подкоморный Федоръ Левенецъ, Войсковый Товарищъ Иванъ Кованько, Судья земскій Григорій Базилевскій, Сотникъ Василь Жученко, Подсудокъ

Яковъ Зарудный, Бунчуковъй Товарищъ Тимоѳей Левенецъ, Писарь Земскій Андрей Устымовичъ, Возный Семенъ Пилипенко, Войсковый Товарищъ Григорій Бужинскій, Значковый Товарищъ Іосифъ Литвиненко, Бунчуковый Товарищъ Ѳедоръ Заньковскій, Сотникъ Иванъ Кодионецъ, Войсковый товарищъ Василь Могилянскій, Сотникъ Николай Остроградскій, Бунчуковый Товарищъ Семенъ Милорадовичъ, Брегадиръ и Гадацкій Полковникъ Антонъ Крижановскій, Подкоморный Миргородскаго повѣту Павелъ Остроградскій, Подкоморный повѣту Остаповскаго Андрей Остроградскій, Коморникъ тогожъ повѣту Власъ Медвѣдецъ, возный сотни Богацкой Захарій Шкурка, Значковый Товарищъ Иванъ Павельковъ, Обозный полковый Гадацкій Іосифъ Ситенскій, Писарь полковый Василь Ковалевскій, Повѣту Гадацкаго земскій писарь Иванъ Ставицкій, Первый Асаулъ полковый Гадацкій Михайло Навроцкій, Асаулъ полковый Гадацкій Ѳедоръ Ставицкій, Сотникъ Ковалювскій Данило Лесевичъ, Сотникъ Вепринскій Прокопій Масюковъ, Сотникъ полковый Гадацкій Иванъ Манько, Сотникъ Зеньковскій Иванъ Бутовичъ, Сотникъ Зеньковскій Лукьянъ Бутовичъ, Сотникъ полковый Гадацкій Ѳедоръ Ситенскій, Сотникъ Куземынскій Иванъ Трипольскій, Сотникъ Зеньковскій Ѳедоръ Жадько, Сотникъ Ковалювскій Петро Киріяковъ, Сотникъ Грунскій Василь Бразоль, Сотникъ Рашевскій Павло Зеленскій, Войсковый Товарищъ Назаръ Пащенко, Войсковый Товарищъ Степанъ Киріяковъ, Войсковый Товарищъ Романъ Пащенко, Войсковый Товарищъ Михайло Киріяковъ, Войсковый Товарищъ Юріа Богаевскій, Войсковый Товарищъ Тимоѳей Пащенко, Войсковый Товарищъ Семенъ Болянскій, Значковый Товарищъ Иванъ Тымченко, Значковый Товарищъ Григорій Кирыченко, Значковый Товарищъ Иванъ Пащенко, Значковый Товарищъ Романъ Холодовскій, Атаманъ Сотенный Куземынскій Остапъ Редька, Атаманъ сотенный Третопошанской сотни Яковъ Навроцкій, Гадацкаго полку Старшый Полковой Канцеляристъ Иванъ Бѣленченко, Полковый Миргородскій писарь Иванъ Чарнышъ, Полковый Миргородскій Хорунжіа Левъ Данилевскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Куцевичъ, Сотни Остаповской возный Алексѣй Романскій, Значковый Товарищъ Иванъ

Чернякъ, Значковий Товарищъ Климъ Оврашенко, Обозный полковный Оедоръ Московъ, Войсковый Товарищъ Иванъ Воливачъ, Значковый Товарищъ Степанъ Чернякъ, Подсудокъ Земскій повѣту Зеньковскаго Иванъ Ставецкій, Сотникъ Потоцкій Илья Шутенко, Войсковый Канцеляристъ Корней Степановичъ, Сотни Яресковской возный Юсифъ Скиба, Войсковый Товарищъ Лука Гершунъ, Значковый Товарищъ Иванъ Глоба, Подкоморный Иванъ Родзянка, Бунчуковый Товарищъ Василь Родзянка, Сотникъ Хоролскій Иванъ Родзянка, Обозный полковный Миргородскій Іеремей Родзянка, Значковый Товарищъ Петро Цурка, Значковый Товарищъ Кирило Жученко, Сотникъ Старосанжаровскій Иванъ Зеньковскій, Атаманъ Сотенный Устивицкій Андрей Марченко, Войсковый Товарищъ Андрей Трощинскій, Значковый Товарищъ Михайло Роменскій, Атаманъ сотенный Яресковскій Оедоръ Певивскій, Значковый Товарищъ Данило Тымченко, Значковый Товарищъ Михайло Вечарка, Войсковый Товарищъ Яковъ Соколовскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Геевскій, Войсковый Товарищъ Кириль Демяновичъ, Сотникъ Яресковскій Аѳанасій Потапенко, Возный сотни Хоролской Исидоръ Вышнювскій, Значковый Товарищъ Алексѣй Боровыковскій, Капитанъ Демянь Молдавцовъ, Сотникъ Комышанскій Семень Михайловскій, Возный второкомышанскій Иванъ Трояновскій, Значковый Товарищъ Юсифъ Кырловъ, Сотникъ Лютенскій Илья Шостакъ, Бунчуковый Товарищъ Димитрій Бѣлуха, Полковный Судья Григорій Сахновскій, Войсковый Товарищъ Петръ Бѣлуха, Войсковый Товарищъ Иванъ Богдановичъ, Войсковый Товарищъ Григорій Богдановичъ, Войсковый Товарищъ Андрей Богдановичъ, Войсковый Товарищъ и войтъ Магистрата Полтавскаго Петръ Чарнышовъ, Войсковый Товарищъ Данило Терентенко, Значковый Товарищъ Матвѣй Кованька, Старшій Канцеляристъ Василь Марченко, Значковый Товарищъ Пантелемонъ Приказный, Войсковый Товарищъ Иванъ Яковенко, Войсковый Товарищъ Павель Яковенко, Повѣтовный Гадацкій возный Наумъ Марковичъ, Сотни второй Полковой Гадацкой Атаманъ Сергѣй Яновскій, Значковый Товарищъ Петръ Рубановъ, Возный Опошанскій Тыхоній Дехтенко, Войсковый Товарищъ

Федоръ Левенецъ, Атаманъ Городовой Никифоръ Леонтиевъ Черепаша, Войсковый Канцеляристъ и Атаманъ Великобудискій Емельянъ Петрашевичъ, Войсковый Товарищъ Иванъ Буцкій, Войсковый Товарищъ Семенъ Максименко. Сверхъ вышеподписавшихся живущіе въ Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ помѣщики Грузинскіе Князя и дворяне подали Предводителю доношеніе, что они всему тому, что отъ прочаго шляхетства написано будетъ, согласны и подписались: Секундъ-Маіоръ Герасимъ Чиквойдзевъ, Капитанъ Яковъ Нынйевъ, Капитанъ Матфій Канчеловъ, Капитанъ Яковъ Одшилизевъ, Порутчикъ Князь Давидъ Гурамовъ, Порутчикъ Князь Павелъ Селоговъ, Вахмистръ Николай Тухареловъ, Порутчикъ Егоръ Табататзевъ, Вахмистръ Макаръ Кафаровъ.

По листамъ подписалъ Предводитель Судья Земскій Федоръ Война.

2) Прошеніе гадяцкаго, полтавскаго и миргородскаго шляхетства.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемилостивѣйшая.

Бьютъ челомъ Малороссійскихъ полковъ: Полтавскаго, Гадяцкаго и Миргородскаго шляхетство; а въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Ваше Императорское Величество Высочайшимъ Имяннымъ Указомъ, отпущеннымъ въ собраніе Совѣта, о вольности дворянской всемилостивѣйше повелѣтъ соизволили: поданной отъ бывшаго Гетмана, Его Сіятельства Графа Кирила Григоріевича Разумовскаго, докладъ о уравненіи Малороссійскихъ чиновъ съ Великороссійскими разсмотрѣть и представить Вашему Императорскому Величеству уравненіе такое, которое бы согласовало достоинству Великороссійскихъ регулярныхъ съ чинами Малороссійскими; но потому рѣшенія доселѣ

невоспослѣдовало. Мы же низайшіе, будучи всегда презираемы и уполсѣждаемы во всякихъ случающихся комиссіяхъ и нарядахъ, отъ Великороссійскихъ чиновъ узнаемъ обиду. Сего ради всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ: всѣ Малороссійскіе воинскіе и штатскіе чины, по здѣшнимъ обыкновениямъ выбираемые и опредѣляемые, уравнить классами противъ Великороссійскихъ воинскихъ же и штатскихъ чиновъ, чтобъ Малороссійскіе чиновники, служа Вашему Императорскому Величеству вмѣстѣ съ Великороссійскими, могли пользоваться и онимъ съ ними уравненіемъ и презираемы быть немогли.

2.

Пребывающіе въ Малой Россіи шляхта имѣютъ привилегіи, права и вольности шляхетскіе, отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, а по подданствѣ своемъ съ Гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ подъ Всероссійскую Державу, Блаженныя памяти Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича и всѣхъ Всероссійскихъ Государей, предковъ Вашего Императорскаго Величества, генерально всѣмъ утвержденные, и оними привилегіями, правами и вольностями своими, по милости Вашего Императорскаго Величества и въ Бозѣ почивающихъ высокихъ Вашего Императорскаго Величества предковъ, пользуются. Что же касается въ особенности каждаго, у многихъ имѣвшіеся у предковъ ихъ на шляхетство дипломы и другія доказательства пропали, растеряны чрезъ бывшія въ Малой-Россіи междоусобныя брани и многочисленныя отъ Турковъ, Татаръ и Поляковъ войны, нападенія и послѣдовавшія городамъ, селамъ и деревнямъ огнемъ и мечемъ непріятельскія разоренія, плѣненія и пожары, такъ что многія фамиліи лишились всего имѣнія своего и, будучи многія года въ плѣну, переименованы, и нынѣ едва у кого, а болѣе того древнихъ, а притомъ въ нищету приходшихъ, фамилій, сыщется собственно служащаго ему на шляхетство доказательства. А извѣстны большая часть шляхты въ Малой Россіи по своей природѣ тѣмъ только, что имѣютъ: 1-е, жалован-

ныя и отъ Гетмановъ наданныя деревни, мельницы и прочія угодья, ибо по правамъ и привилегіямъ наддача таковыхъ имѣній узаконена и принадлежитъ однимъ природнымъ и заслуженнымъ шляхтѣ; 2-е, воинскіе, земскіе и гражданскіе чины, которые такожъ по привилегіямъ и правамъ выбираются въ тѣ достоинства съ знатнаго шляхетства, къ одному шляхетству принадлежатъ; 3-е, прежнихъ чиновныхъ людей дѣти, потомужъ праву, каково для дѣйствительныхъ чиновниковъ изображено; 4-е, имѣющіе дипломы и вновь набилетованные; но, сходящими вѣки, и сему нынѣ извѣстному шляхетству послѣдуетъ забвеніе, за неимѣніемъ въ Малой Россіи шляхетства герольдіи или порядочныхъ книгъ. Всеподданнѣше просимъ Вашего Императорскаго Величества повелѣть въ Малой Россіи, для незабвенныя памяти будущимъ вѣкамъ, сочинить герольдію Малороссійскому шляхетству, въ которую вписать вышеписанное, извѣстное по привилегіямъ и правамъ въ Малой Россіи шляхетство, и какъ оное Малороссійское шляхетство по своимъ привилегіямъ, будучи въ соединеніи съ Польшею, считалось съ Польскимъ короннымъ шляхетствомъ во всемъ наравнѣ въ честяхъ и преимуществахъ и съ тѣми жъ всѣми преимуществами приняты подъ всероссійскую Вашего Императорскаго Величества державу, то всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ, указать Малороссійское шляхетство допустить въ Шляхетскій Кадетскій корпусъ и во всѣ для дворянства въ Россіи учрежденныя науки и достоинства.

Всемиловѣйшая Государиня просимъ Вашего Императорскаго Величества о семъ нашемъ всенижайшемъ прошеніи учинить милостивое рѣшеніе. 1767 года Марта 28 д.

Подкоморый повѣту Полтавскаго Павелъ Кочубей, Подкоморый Полтавскаго полку Ѳедоръ Левенецъ, Подкоморый Иванъ Родзянка, Бунчуковый товарищъ Ѳедоръ Занковскій, Подкоморый Миргородскаго повѣту Павелъ Остроградскій, Судья Земскій Григорій Базилевскій, Бунчуковый Товарищъ Василь Родзянка, Бунчуковый Товарищъ Тимошею Левенецъ, Обозный Полковный Миргородскій Еремій Родзянка, Полковный Судья Григорій Сахновскій, Сотникъ Николай Остроградскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Кованка, Войсковый

Товарищъ Василь Пошлянскій, Сотникъ Хоролскій Иванъ Родзянка, Войсковый Товарищъ Иванъ Богдановичъ, Войсковый Товарищъ Ѳедоръ Левенець, Войсковый Товарищъ Григорій Богдановичъ, Старшій Канцеляристъ Василь Марченко, Асауль первый полковый Гадацкій Михайло Навроцкій, Сотникъ Василь Жученко, Полковый писарь Иванъ Чарнишъ, Сотникъ Лютенскій Илья Шостаць, Войсковый Товарищъ Юрій Богаевскій, Сотни второй полковой Гадацкой Атаманъ Сергѣй Яновскій, Повѣтовый Гадацкій Возный Наумъ Марковичъ, войсковый Канцеляристъ и Атаманъ Емеліянъ Петрашевичъ, Обозный полковый Гадацкій Іосифъ Ситенскій, Писарь полковый Гадацкій Василь Ковалевскій, Асауль полковый Гадацкій Ѳедоръ Ставецкій, Сотникъ полковый Гадацкій Ѳедоръ Ситенскій, Сотникъ Грунскій Василь Бразоль, Старшій полковый Канцеляристъ Иванъ Бѣленченко, Сотникъ Комышанскій Семенъ Михайловскій, Писарь Земскій Иванъ Ставицкій, Подсудовъ Яковъ Зарудній, Значковый Товарищъ Иванъ Павелковъ, Значковый Товарищъ Кирило Жученко, Писарь Земскій Андрей Устимовичъ, Сотникъ Второсанжаровскій Иванъ Занковскій, Войсковый Товарищъ Иванъ Буцкій, Войсковый Товарищъ Семенъ Максименко, Войсковый Товарищъ Григорій Бужинскій, во окончаніи подписалъ Предводитель.

II.

НАКАЗЫ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ.

VII.

1767.

Наказъ жителей города Глухова.

Наказъ избранному по силѣ высочайшаго Ея Императорскаго Величества манѣфеста, декабря 14 1766 году состоявшагося, отъ гражданъ города Глухова, дома свои, и дома и торги, и дома и ремесла имѣющихъ, Депутату въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, высокородному и высокопочтенному Господину Генеральному Асаулѣ Ивану Михайловичу Скоропадскому.

Во исполненіе всевысочайшаго милостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества 1766 году Декабря 14 дня состоявшагося и въ народе публѣкованнаго манѣфеста въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, граждане въ Глухове жителствующіе избрали васъ въ ту комиссію Депутатомъ, надѣясь, что вы въ семъ дѣлѣ, какое вамъ отъ общества повѣряется, не оставите усердствовать государственной и общей согражданъ вашихъ ползѣ и по возможности о томъ стараетя и тѣмъ приобрѣсть высочайшую Ея Императорскаго Величества милость и призрѣніе. А какъ онымъ манѣфестомъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше дозволяетъ принесть прозбы въ общихъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, въ чемъ бы оныя ни состоялы, то мы, повинуюсь высочайшей волѣ Ея Императорскаго Величества и возлагая всю нашу надежду на

Ея матернее къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ милосердіе, описавъ все тѣ отягощенія, нужды и недостатки, которые сей городъ имѣлъ и имѣеть, ко отвращенію того и къ достиженію желаемого во всемъ отъ Ея Императорскаго Величества благоустроенія и къ возведенію по мудрому Ея Величества узаконенію на степень такого щастія, въ которомъ бы здешніе сограждане видѣть себе могли благополучнѣйшими, вручаемъ вамъ о той гражданской нашей общей нужде и къ Ея Императорскому Величеству челобитную, нами подписанную, и даемъ полномочіе и довѣренность представить все то, что въ семъ наказѣ объяснено.

1.

Городъ Глуховъ, отъ давнихъ лѣтъ резиденція есть главного Малой Россіи правленія. Мѣщане сего города чрезъ сіе паче во оскудѣніе пришли, что въ семъ городе сперва дважды отъ 724 году немалой былъ пожаръ, въ коемъ здешніе жилци почти все имѣнія своего лишились; потомъ огда въ третьей разъ 748 году нечаянной и сильной последовалъ пожаръ (въ которомъ не токмо дома, лавки и прочее погорело, но и церкви Божіе иные згорели жъ, другіе каменные отъ огня чрезъ великую порчъ и не состояніе пришли), то съ того времени по такимъ несчастнымъ случаямъ, и что несколько лѣтъ сряду недородъ хлѣба продолжался и отъ того такъ же отъ пояденія саранчею цены хлѣбу высокіе были, лишася граждане имущества своего, домовъ, лавокъ и прочего, въ крайнемъ разореніи остались, и въ семъ городе Глухове мѣщанъ нынѣ уже остается немногочисленно, да и тѣ за неимѣніемъ надъ собою урядниковъ настоящихъ, Войта съ потрібными ему товарищами, будучи управляеми однимъ сотеннымъ правленіемъ, терпятъ крайнюю нужду, потому что въ безочередныхъ и во всегдашнихъ находятся они употребленіяхъ въ подводы, въ разные беззаплатные работы, словомъ сказать, кудабы только кемъ кто зъ мѣщанъ и подгородныхъ людей ни востребованъ, туда и посылаемы бывають; а найпаче зъ художниковъ, кузнецовъ, портныхъ, сапожниковъ, гончарей и прочихъ цеховыхъ повсюду почти непрерывно наря-

жають и высылають, и до такого послѣднего пункта не порядку приведено, что несколько надцять годъ нетолько Войта ниже Бурмистровъ при такомъ городе, где и главняя резиденція, по се время неимѣлось; что все виды мѣщане принуждены нѣкоторые съ нихъ художники, убѣгая и защищая себе отъ такихъ неочередныхъ излишнихъ работъ, отдатись въ протекцію разныхъ господъ, гдѣ и живутъ за ними, владѣя при томъ гражданскими домами и пользуясь тѣмъ же руководѣлемъ, чемъ и при цеху самоскудные остальные художники себе содержатъ; лучшіежъ съ мещанъ уписались въ козаки, отъ чего всего въ цехахъ и зделался крайній безпорядокъ, и остальнымъ мѣщанамъ въ дачѣ подводѣ и въ нарядѣ куда потребуютъ людей видимое настоятъ отягощеніе. И понеже сей выдимою безпорядокъ настоятъ точно по причинѣ неимѣнія здесь магистрата, по примѣру тому какъ въ другихъ знатныхъ городахъ имѣются оныя и соблюдается въ нихъ настоящій всегда порядокъ, для того мы сограждане города Глухова в разсужденіи сего, дабы оныя усмотрѣнные и довольно дознанные не порядки прекращены, а мѣщане приведены въ лучшее (примѣрное другимъ упривиліювенныхъ мѣстъ жителей) состояніе, и моглибъ пользоваться всемъ тѣмъ, что имъ по гражданскому праву принадлежитъ, за необходимость почли чрезъ васъ, яко уполномоченного нами, всенижайше отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшой нашей Государынѣ просить всевысочайшого Ея Величества благоволенія и указа, о учрежденіи въ городѣ Глуховѣ Магистрата, яко при такомъ мѣстѣ, гдѣ и главная Малороссійская состоитъ резиденція; а учредить оной на такомъ основаніи и при такихъ гражданскихъ правахъ и вольностяхъ, какъ есть въ привиліюванномъ городе Нѣжинѣ, или какъ по всеумудрому Ея Величества благоусмотрѣнію узаконено будетъ. А и къ содержанію оного Магистрата (буды за чемъ не можно возвратитъ тѣхъ селъ и деревень, которые будучи ратушными отойшли по Гетманскимъ надачамъ въ разные владѣнія) опредѣлить новостроющуюся при Глухове казеннымъ коштомъ мельницу по полученіи съ ней въ возвратъ суммы, на ее издержуемой, и дворъ, казеннымъ коштомъ за городомъ по Рыльской дорогѣ востроенный. А урядникамъ опредѣлить жало-

ванье по высочайшему благоусмотрѣнію, и во всемъ надобномъ сей магистратъ снабдить къ порядочному его на всегданное время бытію. А техъ художниковъ, которые кемъ изъ мѣщанъ и посполитства въ протекцїю приняты, повелено бы въ цехи возвратить и впредь не принимать; и сотенному правленію, ни инымъ ниже къ достальнымъ мѣщанамъ и подгороднымъ ни въ чемъ дѣла неиметь.

2.

Сей же городъ Глуховъ не при такомъ есть мѣстѣ, гдѣбъ мѣщанству можно другой какой кроме нижеписанного принять промыселъ, ни пенечныхъ, ни табачныхъ, ниже другихъ какихъ заводовъ къ препитанію и снабдѣнію своему не имеютъ, а токмо перепродывая въ лавкахъ разнымъ товаромъ, такъже солью, рыбою и другими дробязками въ рознь, въ локтѣ и фунты, и, тѣмъ себе питая, указно опредѣленное вистатчало. Когдажъ подъ вышеписанное вещасное ихъ отъ огня и недороду хлеба время, наѣхавъ изъ другихъ городовъ купцы, въ томъ числѣ и раскольники, и иные нанявъ, другіе, въ отмѣнность законовъ, искупивъ въ Глухове дома и лавки, какъ большими такъ и меньшими, однимъ словомъ, всѣми и всякими товарами учили торговать и торгуютъ (скупляя и перепродывая) въ рознь, а не обтомъ, надъ имѣючись о семъ высочайшіе Ея Императорскаго Величества 1755 году декабря 6 и 759 году октября 6 дня состоявшіе указы, и въ той купле и въ продаже, какую хотять цену, такову отъ себе, по неимѣнію здѣсь въ томъ должного присмотру, и устанавливаютъ. А сверхъ того не только оныежъ съ постороннихъ мѣсть прїезжіе купцы, но и отставные проживаютъ въ Глухове въ своихъ и въ наемныхъ дворахъ офицеры и рядовые, нѣкотррнежъ и служивіе при баталіони надъ законы шинкуютъ огочаимъ, простымъ и двойнымъ выномъ и другими напитками, то здешніе сограждане и того прежнего промыслу своего вовся лишились и въ такомъ предъ оными посторонними заѣзжими иногородцами уполслѣженіи остались, что ни мѣста, ни свободы какой къ продаже по своей волѣ отнюдъ не имѣютъ. Того ради всеподданнѣйше просить, чтобъ въ силу законовъ Ея Императорскаго Вели-

чества, запрещено было онымъ всѣмъ, и иногородцамъ и отставнымъ, въ рознь продавать и ни въ какіе промыслы до гражданства принадлежащіе надъ оныя законы не вступать.

3.

На городе Глухове почитается и взыскивается нынѣ за разные года неотданной отъ мѣщанъ по располженіямъ на указно полагаемыхъ консистентовъ доимки до дву тысячъ рублей, которая не почему больше запущена, какъ токмо по причинѣ обивательской бѣдности, которую они имѣли и имѣютъ съ предписанныхъ обстоятельствъ, что отъ пожара разорены, не меньшежъ отъ недороду и дороговизны хлеба въ нищету пришли и при томъ и промысловъ своихъ лишились; тажъ взыскуемая доимка топеръ никуда нужно къ отдачѣ не требуется, ибо указные консистенты должное себѣ по тогдашнему произвожденію наличество дѣйствительно получили, а опредѣленной на насъ рублевой окладъ по кварталамъ платится исправно. И дабы мѣщане Глуховскіе при такомъ взысканіи съ нихъ за давно прошедшіе года доимки при нынѣшней скудости немогли прійтить и до послѣднѣшаго разоренія, когда бо уже людей тѣхъ, съ кого оная доимка доводилась, за много прошедшимъ временемъ не стало, то есть: инныя змерли, а другіе безвесно сойшли, то слѣдуетъ тое съ наличныхъ доправить, наличныежъ по скудости и къ платежу въ совершенномъ находятся несостояніи. Сего ради всеподданнѣйше просить отъ Ея Императорскаго Величества милостивѣшаго благопризрѣнія объ отстановленіи таковой давнихъ годовъ доимки безъ взысканія.

4.

Во время ярмонковъ и торговъ, въ такихъ случаяхъ когда кто изъ пріезжихъ иногородцовъ и изъ живущихъ тутъ великороссійскихъ купцовъ изъ здѣшними гражданами съ соръ какою и драку здѣлають и доидеть драка до камендатской канцеляріи, та камендатская канцелярія забираетъ Малороссіянь и тамо роспросы производитъ между ими. А какъ таковы дѣла по гражданству точно слѣдуютъ до разбора Магистратского, а не до камендатской канце-

лярій, для того просить всеподданнѣйше, дабы ни въ какіе суды и росправы (что къ Малороссіянамъ принадлежитъ) камендатская канцелярія не вступала; но какъ въ ярмонки и торги, такъ и всегда во всякихъ случаяхъ судимыбъ были здешніе мѣщане и подгородніе люде правомъ гражданскимъ.

5.

По другимъ городамъ, гдѣ суть Магистраты, имеются полиціи и при нихъ полицмейстры, чрезъ которыхъ прилѣжное и всегдашнее смотреніе, какъ въ городѣ и по за городомъ чистота наблюдается, такъ и отъ пожарныхъ случаевъ содержится предосторожность; подражая сему доброму порядку сограждане Глуховскіе, желая такова же учрежденія и здесь, просятъ чрезъ Васъ отъ Ея Императорскаго Величества милостивѣйшаго на то соизволенія и указа о устроеніи въ Глухове полиціи съ опредѣленіемъ чиновъ на казенномъ жалованьи, откуда повелено будетъ.

И тако мы вѣрные и послѣдніе рабы Ея Императорскаго Величества въ несумнѣнномъ находимся упованіи, что по матерному Ея Величества милосердію въ порядочнѣйшемъ нашемъ пребываніи, при предстательствѣ за нами милостиваго шефа нашего, Господина Генералъ-Аншефа, Малороссійскаго Генералъ-Губернатора и кавалера Графа Петра Александровича Румянцова, яко мудрого обновителя сего города, утверждены будемъ отъ Ея Императорскаго Величества таковыми законами, которіе въ будущіе веки заставлятъ потомковъ нашихъ прославлятъ высокое имя и неописанніе ко всѣмъ матерніе щедроты Ея Императорскаго Величества. На подлѣнномъ подписано тако:

Выбранный отъ города Глухова Голова, Судія Земскій повѣту Глуховскаго Сергій Дергунъ. А которыхъ именно подпись значитъ на наказѣ, тѣ zde означены: Бунчуковный Товаришъ Дамянъ Оболенскій, Козакъ Юрій Даниловъ, Войсковій Канцеляристъ Семень Евсеѣвъ, Бурмистръ Глуховскій Федоръ Ревуцкій, Войсковій Канцеляристъ Александръ Григоровичъ, Войсковій Товаришъ Якимъ Нандза, Войсковій Товаришъ Петръ Герасимовъ, Атаманъ Глухов-

скій Александръ Славскій, Войсковій Канцеляристъ Андрей Дергунъ, Генеральной Войсковой Артилеріи Асаулъ Григорій Кологривій, Старшии Войсковій Канцеляристъ Антонъ Жайворонковъ, Старшии Войсковій Канцеляристъ Александръ Давидовичъ, въ должности секретаря канцеляристъ Дмитрей Карпѣвка, Сотникъ Глуховскій Семень Уманецъ, въ должности Секретаря Канцеляристъ Андрей Марковскій, Адвокатъ Климентъ Валковскій, въ должности Секретаря Канцеляристъ войсковій Григорій Красняковскій, Нотариусъ Николай Вербицкій, Адвокатъ Захарій Котляревскій, Войсковій Канцеляристъ Никифоръ Винда, Войсковій Канцеляристъ Максимъ Уманецъ, Полку Нѣжинского Значковый Товаришъ Андрей Войцехъ, Подпоруччикъ Марко Козловскій, Войсковій Канцеляристъ Иванъ Олдаховскій, Войсковій Канцеляристъ Иванъ Чарнуцкій, Войсковій Канцеляристъ Федоръ Григоровскій, Абшитованный певчій Лукьянъ Павловъ, Мѣщанинъ Глуховскій Григорій Хмельникъ, Мѣщанинъ Глуховскій Демянъ Горьковскій, Мѣщанинъ Иванъ Наметникъ, вмѣсто мѣщанъ Глуховскихъ: Федора Отроценка, Кондрата Петрова и Якова Демченка, неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Войсковій Канцеляристъ Лука Велентѣй подписался. Цехмистри: кравецкій Иванъ Бѣльскій, калачницкій Степанъ Макуха, а вмѣсто ихъ яко неграмотныхъ по ихъ прошенію Войсковій Канцеляристъ Иванъ Чарнуцкій подписался. Цехмистри: шевскій Яковъ Молодченко, гончарскій Гаврило Олѣйникъ и мѣщанинъ Яковъ Охлей, а вмѣсто ихъ яко неграмотныхъ по ихъ прошенію актуаріусъ Потапъ Адамовичъ подписался. Возній сотни Глуховской Иванъ Буявинскій, Войсковій Канцеляристъ Яковъ Яковлевъ, Войсковій Канцеляристъ Иванъ Кулешовъ, Войсковій Канцеляристъ Мойсѣй Шемшуковъ, Актуаріусъ Петръ Базилевичъ, Войсковій Канцеляристъ Григорій Козачинекій, Войсковій Канцеляристъ Василь Константиновичъ, Войсковій Канцеляристъ Иванъ Пѣсоцкій, Войсковій Канцеляристъ Максимъ Яценко, Войсковій Канцеляристъ Анисимъ Никифоровъ, Значковый Товаришъ и Почмейстеръ Глуховскій Алексѣй Родіоновъ.

1767 году

Мая 23 дня.

VIII.

1767.

Наказъ жителей города Чернигова.

Наказъ избранному по силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, Декабря 14 дня 1766 году состоявшагося, отъ гражданъ города Чернигова, дома свои, и дома и торги, и дома и ремесло имѣющихъ, Депутату въ комисію для сочиненія проекта новаго уложенія, почтенному Г-ну Бурмистру Черниговскому Ивану Самонову сыну Крутеню.

Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Всемиловѣйшей нашей Государыни благоволенія, объ избраніи отъ всехъ городовъ и частей Богомъ вѣрнной Ей Имперіи Депутатовъ и присилки въ комисію для сочиненія проекта новаго уложенія, граждане, въ Черниговѣ жительствоующіе, всеподданнѣйше приступаая ко исполненію, избрали васъ своимъ въ ту комисію Депутатомъ, надѣясь, что вы, какъ честной согражданинъ, въ семь дѣлъ, какое вамъ довѣренно будетъ, неоставите усердствовать государственной и общей согражданъ вашихъ ползѣ и по всей возможности о томъ старатся и тѣмъ пріобрѣсть Высочайшую Ея Императорскаго Величества милость и призрѣніе.

Со всѣхъ Ея Величества премудрыхъ узаконеній неусинное о ползѣ государства, самодержавно Ею обладаемого, матернее попеченіе всѣмъ Ея вѣрнымъ подданнымъ есть извѣстно. Нынѣ обнародованной манифестъ всѣхъ Ея Величества подданныхъ матернимъ Ея милосердіемъ найвысше обнадеживаетъ, когда каждому городу Ея Величество Всемиловѣйше дозволяетъ во общихъ нуждахъ, недостаткахъ и отягощеніяхъ всеподданнѣйше принести прозбы. Сіе толь великое Ея Величества къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ снисхожденіе и безъ прикладную матернюю милость здешніе граждане, съ истинною рабскою благодарностію и достоуважаемымъ послушаніемъ приема и взирая на состояніе здешнего города многими правленіями и давнего порядка отъѣнами наполненное, несоотвѣтствующее

правамъ, привилегіямъ и Высочайшимъ грамотамъ, сему городу Всемилоствѣйше отъ почивающихъ въ Божѣ Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества предковъ пожалованнымъ, отъ чего всѣ нужды и отягощенія народнія свое начало имѣли и имѣють, отвергаемъ сумнѣніе при извѣстѣйшей надеждѣ, что сія толь милосердая Государиня свое Императорское исполнить слово: неоставитъ призрѣтъ и на гражданъ благоприсоединенного Малороссійскаго народа, возводя на степень такого щастія, въ которомъ бы они себя видѣть могли благополучѣйшими, ползуясь вѣщшимъ Ея Величества матернымъ милосердіемъ, сего ожидать благонадежнѣйше можемъ, гдѣ объявленный о ползѣ здешняго народа представитель Малороссійскій Генераль Губернаторъ, Его Сіятельство Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, по достовѣрному о всемъ неустройствѣ здешнемъ освѣдомленію, о отвращеніи сего безпорядка и къ лучшему благоустроенію способствовать имѣеть.

Къ достиженію желаемого благоустройства осмѣливаемся нашими всеподданнѣйшими прозбами Всемилоствѣйшую нашу Государиню утрудять и, вручивъ о томъ, въ чемъ имѣемъ общую нашу гражданскую нужду, къ Ея Императорскому Величеству челобитную, нами подписанную, даемъ вамъ полномочіе и довѣренность представить наши нужды и отягощенія, какъ слѣдуетъ.

1.

По привилегіямъ отъ Королей Польскихъ: Жигмунта третьего, Владислава четвертого и Яна Казѣмира городу Чернигову даннимъ, между иннихъ, всѣ земли и угодія, въ окружности того города положеніемъ находячіесь, по ограниченію ревизора Геронима Цехановича, томужь городу отъ 1625 года наданы, и тѣми привилегіями оніе земли и угодія съ именнымъ предъ напоянутаго ревизорскаго ограниченія показаніемъ утверждены. Каковы Королевскіе привилегіи и Высочайшими грамотами 1-ю и 2-ю Великого Государя Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича 7163 Іюня 27 и 7168 годовъ Генваря 2, а 3-ю Великихъ Государей Царя и Великого Князя Иоанна Алексѣевича и Императора Петра Алексѣе-

вича, въ Бозѣ почивающихъ Государей, 7198 году Марта 26 дня состоявшими, зъ особливою Высочайшой къ гражданамъ города Чернигова милости и прирѣвнїа подтверждены, и всѣ земли и угодіа по томузъ ограниченію ревизора Геронима Цехановича Всемиловѣвѣнше городу Чернигову и всемъ того города гражданамъ жалованы и укрѣплены. Но по разности вѣременъ многіа земли и угодіа въ томъ города Чернигова ограниченїи, Высочайшими грамотами и королевскими привилегїями утвержденномъ, зъ владѣнїа магистратского и гражданского въ разніе поотходили владѣнїа, и за темъ Магистратъ и граждане полного владѣнїа въ земляхъ и угодіяхъ, по предъ упомянутымъ Высочайшимъ грамотамъ и Королевскимъ привилегїямъ ограниченїемъ показанныхъ, не имѣтъ. И для того всеподданнѣнше проситъ подтвержденїа онихъ Высочайшихъ Магистрату Черниговскому и гражданству жалованныхъ грамотъ и Королей Польскихъ привилегїй, и всѣхъ отшедшихъ по тѣмъ Высокомонаршимъ грамотамъ и привилегїямъ значачихся земель и угодій привращенїа Магистрату Черниговскому, а особливо пожалованныхъ въ томъже ограниченїи на уряди Войта, Бургомистровъ и писара волокъ къ тѣмъ урядамъ привращенїа.

2.

Городъ Черниговъ при такомъ мѣстѣ положенїемъ состоитъ, гдѣ противъ прочихъ городовъ Малороссїйскихъ никакихъ разныхъ заводовъ, скотоводства ни промисловъ пенеčníchъ и табачныхъ и ниже какихъ либо другихъ, чемъ бы граждане могли себѣ имѣтъ пропитанїе и снабдѣнїе, кромѣ выннаго куренїа и шинкованїа и продажи сѣвстнихъ вещей неимѣтъ; запрещенїемъ же и того утѣснени граждане отъ 1761 года, по бытности Его Сїятельства Графа Разумовского Гетманомъ, до нынѣ. А по Высочайшимъ грамотамъ, городу Чернигову жалованнымъ, и по королевскимъ привилегїямъ такое куренїе горѣлки и шинкованне оною и другими напитками Всемиловѣвѣнше дозволено и затверждено. Для сего проситъ Ея Императорскаго Величества всеподданнѣнше пожалованнїе гражда-

намъ волности въ куреніи горѣлки и шиньованіи оною и протчими напитками, безъ помѣшательства въ томъ отъ постороннихъ, Всеми-лостивѣйше подтвердитъ.

3.

Не безнужно намъ представить и о семъ, что городъ Черниговъ до тѣхъ временъ во множествѣ гражданъ въ лучшемъ доводствѣ пребывалъ, по коль жалованіе оному Высочайшіе грамоты и привилегія оставались безъ нарушенія; сколь же скоро тѣхъ Высочайшихъ грамотъ и привилегіевъ отъ времени до времени отмени начали следовать, а между тѣмъ наступила Шведская война, вскорѣ послѣ того моровая язва, а за тѣмъ не за долго и преужасній пожаръ, такъ что изъ многочисленности дворовъ гражданъ здешнихъ осталось малое число, отъ которого времени чрезъ пятьдесятъ уже летъ на многихъ местахъ, тогда опустѣвшихъ, и до нынѣ строенія небыло и нетъ. Посляжъ того всего, Польская и Турецкая войны, ввремя которыхъ сколь граждане здешніе претерпѣли высилкою людей по предложеніямъ: въ погонщики, захваченіемъ, не давъ о числѣ повелѣнія, на флотилію и къ полоненію лда, вистаченіемъ разныхъ матеріаловъ и инструментовъ, взятіемъ воловъ, возовъ, сѣдель, провіанта и фуража, отвозомъ оного въ далніе магазейны, кромѣ техъ, кои по предложеніямъ зъ гражданъ здешнихъ во всей воинской исправности были въ тѣхъ походахъ за всѣхъ гражданъ здешнихъ; что какъ все происходило по тогдашнимъ воинскимъ нужнѣйшимъ обстоятельствамъ, того всего и описать нетъ удобства; изъяснить же не безприлично о семъ, паче, что и въ мирное время здешніе граждане неимѣли, по силѣ жалованнихъ грамотъ, должной свободы, но непрестанно угнѣтаемы и утѣсняемы были высилкою въ деревенскіе, побытности Гетмана, смалчужніе и поташеніе заводы мѣщанъ и разныхъ майстеровыхъ людей, по немалому числу чрезъ нѣсколько годъ непрестанно, для рубки и клеймованія маштового дерева, вистаченіемъ матеріаловъ и инструментовъ, высилкою въ Батуринь на разніе работы и въ Козелець для возки колодъ, чрезъ что зъ города Чернигова къ большому опустѣнію разніе май-

стеровіе люде походили. По привилегіямъ же Королевскимъ, городу Чернигову даннымъ и Высочайшими грамотами утвержденнымъ, граждане отъ таковыхъ ꙗ отъ всѣхъ протчихъ постороннихъ работъ, висилокъ и вистатченій уволены. Для сего просить всеподданнѣше, когда будетъ угодно Ея Величеству на насъ вернихъ своихъ подданныхъ призрѣти и за таковія претерпѣнія помиловать, утвердить насъ при нашихъ прежнихъ въ привилегіяхъ и Высокомонаршихъ грамотахъ изображенныхъ свободахъ, дозволяя Всемилостивѣйше пользоваться намъ тѣмъ всѣмъ, чѣмъ и прежде городъ Черниговъ былъ пожалованъ.

4.

На непремѣненіе квартиры, опредѣленіе полковъ гражданамъ тѣхъ городовъ, гдѣ есть доволство и въ капиталѣ къ промисламъ нетъ нужды, весьма благополезное. Чтожь здешній городъ по опустѣнію вышеписанными случаи немного болше четырехъ сотъ въ себѣ имѣеть домовъ, неоставляя всѣхъ и тѣхъ, кои по Высочайшимъ грамотамъ и отъ постою уволены, и таковыхъ бедныхъ, коихъ много болше, что въ дворахъ при одной хатѣ и безъ дворовъ едними избами живутъ, имѣя у себе, кромѣ непремѣннаго полку, на всегдашнемъ постою горнизонній баталѣонъ зъ штапомъ, артилерійскую и инженерную команды зъ ихъ афицерами и штапомъ, терпитъ великое утѣсненіе, то хотя Его Сіятелство Малороссійскій Генераль Губернаторъ, видя неудобство къ помѣщенію полку, найпаче же въ соблюденіе казенного интереса, къ полученію въ полкъ сходнѣйшими ценами провіанта и фуража, въ мѣстечкахъ Черниговскаго полку, гдѣ суть таковіежь торги и множайшіе жилья и роспредѣлилъ, а для пріѣзжихъ, по благоразсмотренію бывшихъ до сель неустройствъ, назначилъ во всякомъ городѣ и мѣстечку и трактовихъ селахъ постоянніе дворы къ охраненію жителей отъ примѣтокъ и притѣсненій, переходящимъ же къ скорѣйшему и достаточнѣйшему полученію за настоящую плату всего потребного, и для того, учиня распоряженіе, во всѣ места предложилъ; но дабы сіе толь полезное учрежденіе и толь мудрое мѣроположеніе неосталось иногда пренебрегаемо,

да будетъ Ея Императорскому Величеству угодно на все сіе учрежденіе Всемилостивѣишій дать къ вѣчному того всего соблюденію и исполненію указъ.

5.

Не безнужно представить и о семъ, что здешніе граждане по болшой части всѣ весьма скудніе, по несколку же въ лутчемъ достаткѣ такъ мало, что и одному штапу зъ эскадромъ и Генералу-Маіору зъ его штатомъ, по причинѣ вышепомянутыхъ гарнизонной, артилерійской и инженерной командъ всегдашняго квартированія, офицерскихъ квартиръ, чтобъ хотя съ одною перемѣною для ихъ малой лготи, отводить неимѣють гдѣ; всегдашній же таковъ офицерскій постой гражданамъ тѣмъ, въ коихъ они квартируютъ, весьма есть тяжестній, такъ, что кроме того, что всякій таковій хозяинъ не толь что терпитъ утѣсненіе, и за тѣ хаты, гдѣ постой есть, неимѣя ни малѣйшаго въ оныхъ жительствомъ участія, платитъ квартальніе деньги, но того множае большъ къ обнищанію приходитъ чрезъ поупку дровъ числомъ неопредѣленнымъ для отопленія тѣхъ избъ, въ которыхъ есть постой. Осмѣливаемся утруждать освященную свою Государиню рабскимъ прошеніемъ, дабы соблагоизволила по матерному своему милосердію призрѣть на сей городъ къ лутчему оного распространенію и въ строевіяхъ поправленію, Всемилостивѣише повелѣть: во всей Малой Россіи какъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ толко суть торги, всѣхъ гражданъ безъ исключенія, такъ и посполитихъ во всей же Малой Россіи, въ селахъ и деревняхъ пребывающихъ, которіе, привоза въ городъ хлѣбъ и прочіе живности и гражданамъ и военно-служащимъ продавая для нихъ сходными ценами, гражданамъ же, по умноженію военно-служащихъ, противъ прежнихъ ценъ вишними не мало ползуются, а особливо и всѣхъ владѣльцовъ и чиновниковъ, тожь во всей Малой Россіи въ городѣхъ, въ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ жителействующихъ, кои, по состоянію въ Малой Россіи полковъ и командъ, входятъ въ разніе подряди, а паче къ поставкѣ провіянта и фуража, и съ того не менше другихъ прибыткомъ доволствуются,

необходя никого, со всѣхъ тѣхъ чиновъ, кромѣ козаковъ, изчислить дома и смѣтивъ всѣхъ полковъ, на непремѣннѣе квартиры въ Малую Россію опредѣленныхъ, число квартиръ и къ найму оныхъ сколько денегъ принадлежить, а при томъ разсмотря достовѣрно о количествѣ суммы, безъ всякаго излишества, но единственно толко необходимо-потребной на выстройку при техъ полкахъ какъ къ содержанію кавалерійскихъ и подъемныхъ лошадей, конюшень съ караульными, такъ и амбаровъ, однихъ для поклажи казеннаго провіанта и фуража, а другихъ къ содержанію казначейства, а особливожь того для больныхъ лазаретовъ [якожь бо въ занимаіи гражданскихъ подъ конюшни и подъ казначейство столдоля, а къ поклажѣ казеннаго провіанта и фуража амбаровъ, граждане, неимѣвъ гдѣ хлеба своего къ молотбѣ зложить и зъ домашнею своею экономіею воменчатся, немалое терпятъ утѣсеніе; въ расположеніиъ больныхъ по городу въ разныхъ домахъ внутрѣ живовъ, нетокмо тѣ болніе свои выгоди имѣть не могутъ, но надъ то можетъ иногда та болѣзнь по предъобъявленному резону и распространитя], оніе суммы такъ квартирную, яко и на выстройку конюшень, амбаровъ и лазаретовъ, порознь на всѣ дома безъ изятія, въ Малой Россіи имѣющіесь, кромѣ козаковъ, по препорціи имуществъ живущихъ въ оныхъ разчислить; а за тѣмъ, всѣмъ штабъ и оберъ афицерамъ и прочіимъ чинамъ Карабинерного и Нижегородского полку, такожь и находящихся здѣ гарнизонной артилерійской и инженерной командъ, Всемилостивѣйшежь указать, получая зъ квартирныхъ денегъ опредѣленное число, доброволно квартири себѣ нанимать и дровами отъ себе доволствоватся, зъ суммижь, на выстройку конюшень, амбаровъ и лазаретовъ асигнованной, искуця доброволными ценами потребніе къ тому матеріалы, выстроить оніе полковими служителями; и дабы та сумма на выстройку конюшень, амбаровъ и лазаретовъ асигнованная, не могла уже въ другой разъ взисканіемъ на обивателей обрататся, употребить такое мѣроположеніе, чтобъ, за взисканіемъ однажды той сумми, впредъ ежегодно на подчинку того строенія уже взискivano съ той сумми толко двадцатую долю, чемъ нетолько подчинки, въ случаи по времени обетшанія оного строенія, могутъ

быть удовлетвовани, но и вновь чрезъ нѣсколько годъ все то строе-
ніе, при добромъ порядкѣ экономіи, безъсумнѣнно обновится можетъ.
Въ семь высокоматерную Ея Императорскаго Величества безприклад-
ную милость здешніе граждане получа, къ домостроительству и промыслу
по волѣ своей имѣтимутъ способъ и охоту: афицери же, нанимая по
своей угодности квартиры, останутся въ лутчемъ своемъ доволствѣ;
да и болніи въ своихъ болѣзняхъ лутчую могутъ имѣть выгоду.

6.

Найвящшая можетъ быть и изъ сего здешнимъ гражданамъ.
какъ многочисленнымъ, полза, когда опредѣленный Генералътѣтъ
квартировать будетъ при брегадѣ своей съ перемѣною, по очередно;
полкъ же непремѣнной, въ лѣтное время не всегда при Черниговѣ,
но такожь съ перемѣною при мѣстечкахъ въ Черниговскомъ полку
становими, какъ и при Черниговѣ, водопоями и доволними ското-
пажитными мѣстами и дугами и при доволнѣвшихъ торгахъ состоя-
щихъ прибываемень. Всеподданнѣше просить о семь Высочайшаго
Ея Императорскаго Величества призравнїя, ибо и такимъ благо-
устроєніемъ можетъ раздѣлиться неспокойство и полза на всѣхъ равно
Черниговскаго полку гражданъ.

7.

Но безъ жалости воспоминають можемъ прошедшихъ временъ
последовавшіе здешнимъ гражданамъ притѣсенїя отъ квартировав-
шихъ и переходящихъ полковъ и командъ и нерегулярныхъ войскъ,
взятіемъ безъ заплата и безъ квитанцій провіанта и фуража, раз-
ныхъ съвѣстныхъ вещей, подводъ, упряжей и протчего, приключе-
ніемъ безвинныхъ побоевъ, разныхъ приметокъ и вимисловъ; за что
все искать и за полками для того следовать, невсякому возможно,
а болше и неудобно было. Дабы же иногда и въ нинѣшное время
таковїяжь отъ кого не последовали, былобы угодно Ея Император-
скому Величеству повелѣть, учредить на прежнемъ мѣстѣ, при ре-
зиденціи Губернаторской, въ городѣ Глуховѣ, военную комиссію,
опредѣливъ въ ней быть по равному числу Великороссійскихъ и

Малороссійскихъ чиновъ. Симъ образомъ возъмѣють надежду и здешніе граждане, въ случаи отъ кого обидѣ, получаютъ свое удовольство; напротивъ же того военнослужащіе неоставляютъ стараться убѣгать отъ таковыхъ делъ, за которіе они могли быть призванни въ ту комиссію.

8.

Въ Высочайшихъ Монаршихъ грамотахъ Всемилостивѣйше пожаловано городъ Черниговъ таковою милостію, чтобъ всякъ тотъ, кто толко обнялъ домъ или огородъ и промысль, или ремесломъ ползовался, былъ подсуденъ уряду мѣскому. Но какъ здесь жителствующіе разночинцы и команды, а къ тому и разного званія пріѣзжіе, имѣющіе здѣ дома и неимѣющіе оныхъ, въ случаи какой либо отъ нихъ бѣды, щитяся своими званіями и чинами, и по тѣмъ защищаясь разными командами, нетоль что оказываютъ непослушаніе Магистрату, но и гражданъ здешнихъ, ползуясь гражданскими промыслами, разнovidно притѣсняють, для того всеподданнѣйше просить, не токмо всѣмъ тѣмъ, кои подлежащими гражданству промыслами ползуются, но и кои здесь дома свои имѣють, и пріѣздомъ въ городѣ бывая, въ случаѣ причиненія отъ нихъ какой-либо здешнимъ гражданамъ обиды или побою, къ пресѣченію таковыхъ непорядковъ и въ отдаленныхъ местахъ по командамъ исковъ, дабы повелено было быть судимымъ, хотя и при депутатахъ, въ Магистратѣ; пріѣзжимъ же, кроме ярмонковъ, въ розны привозимыхъ товаровъ и ничего другого, въ силѣ жалованныхъ сему городу Высочайшихъ грамотъ, продавать запретить.

9.

Въ здешнемъ гражданствѣ, кромѣ первыхъ чиновъ, по привилегіямъ до живота опредѣляемыхъ, нижніе урядники Магистратскіе опредѣляются съ перемѣною, не имѣя, по причинѣ всегдашнего прісудствія, свободы къ произведенію своихъ промысловъ, хотя съ нихъ многіе достойны и способны безъ перемѣны быть у дѣлъ. Для того просимъ всеподданнѣйше объ опредѣленіи тѣмъ всѣмъ урядникамъ,

также писарю, канцелярскимъ служителямъ, у письменныхъ делъ находящимся, тожь и десятикамъ, которіе всегда въ разныхъ посліахъ указныхъ, магистратскихъ и гражданскихъ бывають, зъ Магистратскихъ доходовъ, по Высочайшимъ грамотамъ Магистрату подлежащихъ, жалованы. Симъ милостивимъ прирвнїемъ способные къ дѣламъ урядники и безъ перемѣни свои наблюдать должности и всевозможнымъ раченїемъ продолжать свою службу найващїе обязаны будутъ.

10.

По Высочайшимъ грамотамъ, въ городѣ Черниговѣ опредѣлены три ярморки, въ которыя прїѣзжающїе купечество и разнаго званїа люде бывають забираемы подъ судъ мимо Магистрата; многіе же съ купечества, показывая себе въ платежѣ по векселямъ денегъ безъ всѣхъ правильныхъ причинъ банкротами, лакомясь чуждимъ имѣнїемъ незаконно покористоваться, а тѣмъ самимъ и заимодавцовъ къ разоренїю привести, отбиваються отъ суда Магистратского; не безнужно и сіе гражданству, чтобъ купечеству и прїѣзжимъ людемъ, быть судимымъ постороннимъ судомъ. Для того просить всеподданнѣйше: для расправъ въ ярмонки, въ случаи всѣхъ прїѣзжихъ тяжобъ, особливо же показующихъ себе банкротами, быть суду отъ Магистрата; и какъ сіе зло, что касается до банкротовъ, весьма уже умножилось, и чрезъ таковы незаконныя показанїа банкротами многіе зъ купечества и добраго состоянїа принуждены приходятъ въ крайное несостоянїе и нищету, то повелѣнобыло было на сихъ незаконно показующихъ себе банкротами, въ пресѣченїе сего зла и многимъ чрезъ то разоренїа, срожайшіе учредить законы.

11.

Мы всѣ, вѣрнїе Ея Императорскаго Величества рабы, въ твердомъ находимся упованїи, что по матерному Ея Величества о всѣхъ Богомъ увѣренныхъ своихъ подданныхъ милосердію и по прозорливому Ея попечительному промыслу, въ порядочнѣйшемъ нашемъ пребыванїи и спокойствѣ утверждены будемъ таковыми законами, кото-

ріє на степень нашего вящшого благополучія возведуть и въ тако-
вомъ непремѣнномъ благосостояніи насъ оставять на вѣки.

Писарь Евфимъ Гранковскій. Съ подлиннымъ сводилъ Маги-
страта Черниговского Канцеляристъ Мойсей Бочко.

ІХ.

1767.

Наказъ жителей города Погара.

Наказъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества мани-
фесту, прошлаго 766 года Декабря 14 дня состоявшемуся, при
указѣ Ея Императорскаго Величества Малороссійской Коллегіи, въ
Магистратъ Погарскій присланному, отъ насъ всѣхъ нижеподписав-
шихся жителствующихъ въ городѣ Погарѣ мѣщанъ и другихъ чи-
новъ избранному Депутату Магистрата Погарского, Уряднику Райцѣ
Ивану Федорову сыну Грабару, отъ насъ, въ силѣ оногожь Ея
Императорскаго Величества Высочайшего манифеста, о общественныхъ
нашихъ нуждахъ и недостаткахъ препоручается вамъ полномочіе,
при томъ всеподданнѣйше наше челобитье и прошеніе, всѣми общежь
нами подписанныя, которое челобитье въ силѣ прописанного нашего
полномочія долженствуете поднести Ея Императорскому Величеству,
о общественныхъ же нуждахъ и недостаткахъ, объясненныхъ въ пунк-
тахъ сего указа, подавать отъ себе прошеніи, прилѣжая по обяза-
тельству присяги, какъ вѣрному Ея Императорскаго Величества
рабу и отечества истинному сыну, просить высокомонаршей милости.

1.

Въ лѣто отъ созданія міра 7174 Великому Государю Царю и
Великому Князю Алексѣю Михайловичу Самодержцу Всероссійскому
города Погара отъ Войта Кирилла Сурченка и всѣхъ мѣщанъ По-
гарскихъ поданы двѣ челобитные съ низайшимъ рабскимъ проше-
шеніемъ о выдачѣ имъ на Майдебурское право и волности противъ
Нѣжинскихъ, Черниговскихъ и Переясловскихъ мѣщанъ жалованной

грамоты; потому, что бывшія въ нихъ прежнія жалованныя грамоты и королевскіе привилегіи отъ разоренія Литовскихъ людей утерялись. И по тимъ челобитямъ Его Царское Пресвѣтлое Величество Погарскимъ мѣщанамъ на стародавнее ихъ право и волности такову свою Пресвѣтлого Величества жалованную грамоту далъ, съ тѣмъ выраженіемъ, что по Его Царского Величества Государевой милости Погарскимъ мѣщанамъ въ правахъ своихъ и волностяхъ, по той Его Царского Пресвѣтлаго Величества жалованной грамотѣ, и Его Царскому Пресвѣтлому Величеству, и всѣмъ Его Царского Величества Государскимъ наслѣдникамъ служить и всякого добра хотѣти и быти во всей Его Царского Величества, волѣ и послушаніи и на Его Величества Государскую милость быть надежнымъ безъ всякого сумнѣнія; а Его Царское Пресвѣтлое Величество Великій Государь учнетъ ихъ мѣщанъ Погарскихъ держати въ Его Царского Величества милостивомъ жалованіи и призрѣніи. Яковая Высочайшая жалованная грамота, за подписаніемъ собственнаго Его Величества руки подъ золотими буквами и печатю государственною, и нинѣ въ Магистратѣ Погарскомъ свято, благолѣпно, въ цѣлости содержится, и по оной Высочайшой жалованной Грамотѣ мѣщане Погарскіе подъ тѣмъ правомъ Майдебурскимъ находятся досель.

Въ другое же лѣто въ 7175 Ноября въ 28 день, послѣ означенной жалованной Высочайшей грамоты, по челобитю вишереченного Войта Кирилли Сурченка зъ Бурмистрами, Райцами, Лавниками и со всѣми Погарскими мѣщанами по указу Егожъ Царского Пресвѣтлого Величества Стольникъ Его Величества, Кирилла Осиповъ Хлоповъ, въ согласіе тойже Високомонаршей жалованной грамоты и стародавнихъ правъ и волностей насъ Погарскихъ мѣщанъ сравнилъ съ Кіевскими, Нѣжинскими, Черниговскими и Переясловскими мѣщанами; и въ примѣръ тѣхъ городовъ Магистратовъ Майдебурское жъ право крѣпостію своею, именуемою памятію, подтвердилъ и въ оной написалъ на Погарское Войтовство, бурмистровство, райчество, лавничество, которіе засѣдаютъ, и на писарей мѣскихъ, на фолварокъ ратушній и до скринки мѣской двѣ деревни Чаусы и Яковлевици съ мельницею, а сверхъ того для всякихъ расходовъ мѣскихъ раз-

ніе приходы; что все именно ясно и пространно въ той памяти Хлоповой изображено, съ коихъ Высокомонаршой жалованной грамоти и памяти Хлоповой при семь точній копій за справкою вамъ вручаются.

А въ 1662 году, Марта 2 дня, отъ Гетмана Демяна Игнатовича унѣверсаломъ, со упоминаніемъ прежнего унѣверсала Гетмана Ивана Мартиновича Брюховецкого, тожъ Майдебурское право подтверждено, село Чаусы и деревню Яковлевичи зъ млиномъ на Бойнѣ рече въ Севостяновичахъ съ каменни двома для росходу ратушного укрѣплено, съ таковымъ докладомъ и приказомъ, абы старшій и меншій козакъ, особливожь Сотникъ, Атаманъ Городовой съ товариствомъ, Погарскому Войтовѣ и всѣмъ магистратовимъ присяжнимъ въ ихъ Майдебурскихъ правахъ на судахъ перепоны въ маестностяхъ и млину, на ратушъ Погарскую наданныхъ, кривды и шкоды задавати не важились. А мещане, якъ звичай въ Майдебургіи идеть противъ иншихъ городовъ, сами судились; а если бы хто мимо тои унѣверсалъ Гетманскій магистратовимъ въ судахъ, яко и въ держаніехъ ратушное полѣцоннихъ селахъ, важился наименшую задати трудность и до чего ему неналежно сталъ бы интересоватись, таковыи кождій, яко нарушникъ и гвалтовникъ волѣ Государской и Гетманской, за скаргою каранъ отъ Гетмана будеть а инаичей. Которіе села отъ Магистрата Погарского отоишли и завладѣнни, а именно: село Чаусы умершимъ Хоружимъ Генеральнимъ Николаемъ Ханенкомъ, а деревня Яковлевичи умершимъ же Сотникомъ Погарскимъ Семеномъ Соболевскимъ, коими Магистратовими маестностями наслѣдники ихъ и нынѣ владѣють напрасно. Хотя же сверхъ тѣхъ на урядъ магистратовій жалованныхъ двухъ дерень Чаусъ и Яковлевичъ, какъ прежде при соединеніи Гетмана Богдана Хмельницкого съ краемъ Малороссійскимъ и со всѣмъ народомъ подъ Скипетродержавную Россійскую Руку, такъ и послѣ того были подъ владѣніемъ Ратуша Погарской села и деревнѣ, а именно: Куровъ, Суворовъ, Чубаровъ, Перегонъ, Дешковичи, Лукинъ, Марковскъ, Савичи, Случевскъ, Муравы, Дарѣвскъ, Гриневка, Городище, Лобки, Вобрикъ и Посудичи, съ которыхъ сель и деревень для подмоги мѣщанской, на всякіе градскіе расходи собирались хлѣбно

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ Кіевской Старинѣ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи Южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовыя и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи Южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
„КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“.

1888 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к., за 6 книгъ 5 р., на мѣстѣ 4 р. 25 к.

Для желающихъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ со внесеніемъ по 5 р. или по 4 р. 25 к. передъ началомъ полугодія.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4, и на Крещатикѣ въ магазинахъ писче-бумажномъ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго и книжныхъ: Оглоблина, Корейво, Гюнтера и Малецкаго, Динтера, Розова.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887 по 5 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 6 р., за 12 книжекъ 1886 г. 9 р., съ пересылкою 10 р., отдѣльныя книжки журнала по 60 к., съ пересылкою 80 к.

Редакторъ-издатель А. С. Лашкевичъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXI.

МАЙ.

1888 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кієвъ, 11-го Мая 1888 г.

КЛІВСКАЯ СТАРШНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.
МАЙ.

Годъ седьмой.

ТОМЪ ХХІ.

1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Мѣжинская рада 1663 г. А. Востокова (125—139).
- II. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебургскому праву. I—III. И. Камаинова (140—168).
- III. Очеркъ литерат. исторіи малор. нарѣчія въ XVII в. — Книжная малорусская рѣчь въ XVII в. I. П. Жатецкаго (169—183).
- IV. Сочиненія П. П. Гулака-Артемовскаго. А. Потебни (184—208).
- V. На рубежѣ. Перев. съ польск. VI К. М. (209—234).
- VI. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію григоріанскій календарь. Н. Ф. Сумцова (235—258).
- VII. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владимиръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? П. Л. (259—264).
- VIII. Критика (25—44). Галицко-русская библиографія XIX столѣтія съ увзглядомъ на изданія, появившіяся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1882). Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. — Галицко-русская библиографія за 1887 г. Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. Мирона. Н. Н. Оглобинъ. Провинціальныя архивы въ XVII вѣкѣ. И. Камаинова. Украинскія легенды въ французскомъ журналѣ. В. Горленка. Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей съ 14-го ноября 1886 г. по 14 ноября 1887 г. Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. В. Я. IX. Документы, извѣстія и замѣтки (37—68). Прокенты кіевской губернской канцеляріи, представленныя въ Елисаветинскую и Енаторининскую законодательныя комиссіи. Сробщ. М. Владимірскій-Будановъ. На комъ былъ женатъ Мазепа. А. Л. Письмо воронежскаго сотника Холодовича къ намѣстнику черниговской „катедры“ Саввѣ Шпаковскому, 1721 г. А. Л. Легенда о Палиѣ. Право „презенты“ и его значеніе въ исторіи юго-западнаго края. В. Чеважевскаго. „Признака“ о нюхаряхъ. Ив. Манджура. Отчетъ о рефератѣ проф. В. Б. Антоновича, читанномъ въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца 3 апрѣля 1888 г. Н. Н. Чернышевъ (некрологъ). Ф. М. Къ редакторской дѣятельности Ф. Г. Лебединцева. В. Г. X. Для справокъ (66—68).
- XI. Библиографич. листокъ (17—27).
- ПРИЛОЖЕНІЕ:** Наказы малор. депутатамъ 1767 г.

КІІВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1888.

НѢЖИНСКАЯ РАДА 1663 Г.

НѢжинская рада представляет историческій интересъ въ томъ смьслѣ, что она является наисильнѣйшимъ проявленіемъ борьбы партій, появившихся въ Малороссіи послѣ измѣны русскому дѣлу Юрья Хмельницкаго. Партіи эти не были политическими; это не была борьба между руссо и ляхофилами, это не была борьба за сохраненіе какихъ-либо привилегій или вольностей козачьихъ: борьба шла личная между претендентами на свободный гетманскій урядъ, при чемъ борьба была тѣмъ ожесточеннѣй, что въ случаѣ чьей-либо побѣды, противники при расчетѣ съ побѣдителемъ теряли все, а вмѣстѣ съ претендентами должны были пострадать и ихъ приверженцы, что заставляло и послѣднихъ принимать самое дѣятельное участіе въ борьбѣ. Въ данную минуту, передъ нѢжинской радой, претендентами на гетманскій урядъ явились: переяславскій полковникъ Якимъ Сомко, гетманъ войска запорожскаго Ив. Брюховецкій и нѢжинскій полковникъ Василій Золотаренко; партія послѣдняго была сравнительно гораздо слабѣе другихъ, а потому въ критическую минуту онъ примкнулъ къ Сомку. Такимъ образомъ оставались двѣ равносильныя партіи: Брюховецкаго и Сомка.

Не останавливаясь на тѣхъ раздорахъ, какіе происходили въ Малороссіи въ періодъ времени съ 1660—1663 г., такъ хорошо описанный Н. И. Костомаровымъ и С. М. Соловьевымъ, перехожу прямо къ событію нѢжинской рады, пользуясь для своего изложенія исключительно документами, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ М-ва Юстиціи, среди дѣлъ сибирскаго приказа подъ № 6672.

Крайніе безпорядки въ Малороссіи и просьбы всѣхъ полковниковъ о назначеніи рады вызвали наконецъ въ мартѣ 1663 г. объявленіе московскаго правительства, обращенное къ полковникамъ и всей войсковой старшинѣ, что быть „черной, зуполной радѣ“ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Нѣжинѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Москвѣ начались сборы окольногочаго, князя Данилы Степановича Великаго-Гагина, назначеннаго присутствовать на радѣ при выборѣ гетмана. Для такого торжественнаго случая ему придумали придать титулъ „намѣстника Галицкаго“, титулъ, которымъ „прежь сего писались въ 116 г. околничай Иванъ Ѳеодоровичъ Колычовъ, какъ былъ въ отвѣтѣ съ княземъ Ив. Мих. Воротынскимъ съ литовскими послы, а послѣ того Елизарій Благой, Михайло Татищевъ“. Отпуская своего представителя къ козакамъ, московское правительство постаралось обставить его какъ можно внушительнѣе; съ нимъ были отпущены: „для Божественной службы—крестъ благословенный, св. евангеліе, двѣ пелены, два налая съ сорочьи, священникъ, дьяконъ, священнику ризы, епитрахиль, стихарь, поясъ, поручи; дьякону—стихарь, орарь, поручи, кадило; книгъ: шестодневъ, минея общая, апостоль, псалтырь, часословъ, потребникъ, тріодъ постная, тріодъ цвѣтная; свѣчи восковыя, ладонъ. Для государевыхъ дѣлъ: переводчикъ, четыре подъячихъ, 20 стопъ бумаги, два ведра чернилъ, свѣчъ салныхъ, а для иноземцевъ въ запасъ и восковыхъ“. Кромѣ того ему же были вручены: 4000 р. серебряныхъ денегъ для уплаты долга правительства Якиму Сомку (деньги эти Сомку не были отданы), 300 р. серебряныхъ же—епископу Меѳодію по его челобитью „на бѣдность“, подарки гетману, котораго изберуть, и козацкой старшинѣ, деньги на расходы по поѣздѣ въ Нѣжинъ, разнаго рода дѣла, относящіяся до сношенія Москвы съ Малороссіей, какъ-то: статьи Богдана Хмельницкаго, Юрія, челобитныя козаковъ о разныхъ предметахъ и т. п. и наконецъ наказъ.

Въ наказѣ перечислены лица, назначенные въ свиту Гагина; это были, кромѣ товарища, стольника Кирила Осиповича Хлопова и дьяка Ив. Ѳомина, двѣнадцать человекъ дворянъ и начальныя лица съ ратными людьми: рейтарскаго строя полковникъ Ив. Шепелевъ, солдатскаго строя полковникъ же Юрій

Инглись да полуполковникъ Борисъ Воронинъ, московскихъ стрѣльцовъ головы Вл. Скрябинъ и Матвѣй Шишкинъ съ приказами, да драгуны подѣ начальствомъ полковника Страсбурга; всего ратныхъ людей съ нимъ было отъ 7 до 8 тысячъ человекъ. По дорогѣ въ Нѣжинъ, гдѣ была назначена рада, Гагину предписано провѣдывать, гдѣ находится наказный гетманъ Якимъ Сомко и кто при немъ изъ полковниковъ, кого войско желаетъ избрать гетманомъ, не было ли какой рады и не избранъ ли уже кто гетманомъ и наконецъ—съ кѣмъ у наказнаго гетмана Якима Сомка „большой совѣтъ и дружба“. По прибытіи въ Нѣжинъ Гагинъ долженъ былъ послать грамоты къ епископу Меѳодію, Якиму Сомку, гетману кошевому Ив. Брюховецкому, ко всѣмъ полковникамъ, козакамъ и черни, чтобы они съѣхались въ Нѣжинъ и учинили полную раду, на которой обрали бы совершеннаго гетмана всѣмъ войскомъ и чернью вольными голосами по стародавнему войсковому праву и по переяславскимъ статьямъ. Когда епископъ Меѳодій, оба гетмана и полковники съѣдутся въ Нѣжинъ, Гагинъ, послѣ обычныхъ распросовъ „о здоровьѣ“ долженъ былъ объяснить имъ, почему до сихъ поръ не была собрана рада для выбора гетмана; причиною этого было нашествие непріятелей на малороссійскіе города. А какъ наказный и кошевой гетманы, обозные, судьи, полковники, атаманы, старшаны и сотники, войско запорожское и чернь совершеннаго гетмана оберуть и скажутъ, что онъ имъ любъ, тогда Гагинъ долженъ привести новообраннаго гетмана къ присягѣ и дать ему жалованную грамоту; если же новообранный гетманъ присяги принять не захочетъ, ссылаясь на то, что онъ уже прежде присягалъ и служилъ государю вѣрно и радѣлъ и во всемъ добра искать, тогда Гагинъ долженъ былъ сказать, что онъ въ то время былъ подѣ властію, а теперъ все войско вручено подѣ его regimentъ и ему нынѣ, будучи въ наивышемъ урядѣ, на вѣрное подданство надобно учинить присягу вновь безотговорно, потому что и въ прежней жалованной грамотѣ написано: „Буде судомъ Божиимъ смерть случится гетману, а кого оберуть вновь, и тому новообранному гетману на подданство и вѣрность великому государю вѣру учинить при комъ государь укажетъ“; а

буде онъ гетманъ вѣры учинить не похочеть, и ему жалованной грамоты давать не велѣно впредь для иныхъ гетмановъ, потому только онъ теперь тому образецъ учинить, въ новообранномъ гетманствѣ вѣры не учинить, то послѣ чего и другіе гетманы также захотятъ дѣлать, и онъ бы упорство свое оставилъ“. Благочестивое московское правительство, какъ видно изъ этого пункта наказа, считало присягу самымъ надежнымъ средствомъ въ политикѣ, а потому и придавало ей значеніе, какого она давно уже не имѣла среди малороссійской старшины, готовой присягать кому угодно, лишь бы это было выгодно, и такихъ отговорокъ отъ присяги, какіе предполагаетъ наказъ, никогда не выходило изъ устъ ихъ. Дальнѣйшія статьи наказа касаются недавнихъ событій въ Малороссіи и выясняютъ взглядъ на нихъ московскаго правительства. „Если, продолжаетъ наказъ, на радѣ войскомъ будутъ говорить, что у нихъ на совершенное гетманство обранъ Якимъ Сомко и онъ имъ любъ, а иные будутъ говорить, что его, Якима, обрали не всѣмъ войскомъ, а обирали немногіе люди, и гетманомъ у себя имѣть его не хотятъ, и будутъ говорить, что онъ служить великому государю невѣрно, и имъ чинить обиды и налоги нестерпимые, и будутъ бить челомъ, чтобы позволить имъ обратъ гетмана всѣмъ войскомъ, кто имъ будетъ любъ, а Якима гетманомъ обирать не похотятъ, потому что онъ выбранъ одними старшими совѣтниками безъ совѣта всего войска запорожскаго и черни, и откажутъ впрямь, то Гагинъ долженъ дать имъ то на ихъ волю. А если наказный и кошевой гетманы и полковники и все войско о гетманскомъ обираиѣ всѣ не согласятся, то Гагину писать о томъ въ Москву“. Изъ этого пункта наказа видно, что московское правительство предвидѣло сильную борьбу партій, въ дѣйствительности почти равныхъ силами, и было къ тому готово. Затѣмъ велѣно требовать объясненій отъ новообраннаго гетмана, за что отставленъ отъ уряда кіевскій полковникъ Василій Дворецкій и кѣмъ, и требовать возстановленія его въ прежней должности. Далѣе, велѣно успокоить войско запорожское относительно слуховъ, будто государь хочетъ уступить Польшѣ нѣкоторые черкасскіе города, и объявить, что распространители такихъ слуховъ будутъ жестоко наказаны

по ихъ войсковымъ правамъ, а судъ, по жалованной грамотѣ, предоставлено вѣдать имъ самимъ по ихъ прежнимъ правамъ и нынѣ онъ бы гетманъ и все войско запорожское тѣмъ возмутителямъ учинили указъ сами по войсковому праву. Вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно объявить, что, если гетманъ учинить какой проступокъ, кромѣ измѣны, то само войско безъ царскаго указа не можетъ перемѣнить гетмана, а о томъ проступкѣ царское величество велитъ розыскать и по сыску всѣмъ войскомъ велитъ указъ учинить. Въ случаѣ смерти гетмана дозволяется избрать новаго гетмана, и въ такомъ случаѣ войско должно послать въ Москву посланниковъ знатныхъ людей, а съ ними долженъ ѣхать и новообранный гетманъ, чтобы видѣть царскія очи и принести присягу, а ему будетъ дана жалованная грамота и булава. Наконецъ, если войскомъ похотятъ которыхъ полковниковъ отставить, а въ ихъ мѣсто избрать другихъ, то Гагинъ долженъ позволить это сдѣлать, но новообранные полковники должны быть приведены къ присягѣ. Вмѣстѣ съ наказомъ Гагинъ получилъ: жалованную грамоту новообранному гетману (для имени оставленъ пробѣлъ) со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, подтверждающую ихъ войсковыя права и привилегіи, жалованную грамоту новообранному гетману (для имени—пробѣлъ) на булаву и на старство (для названія—пробѣлъ) и наконецъ вѣрительную грамоту, которая удостовѣряла правоспособность Гагина произвести выборъ гетмана. Грамоты писаны на александрійской бумагѣ, по „Московского“—золотомъ, а печатаны государственною большою печатью подъ гладкою кустодіею отворчата“. Подпись назади дьяка Ив. Михайлова такова: „Божіею милостію великій государь, царь и В. К. Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ“.

Шествіе окольнічаго кн. Великаго-Гагина въ НѢжинѣ по Малороссіи было очень торжественно: во всѣхъ городахъ и селахъ жители встрѣчали его съ крестнымъ ходомъ, съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Не доѣзжая 20 верстъ до НѢжина, его встрѣтили разныхъ полковъ сотники и козаки челоуѣкъ съ чотыреста, въ числѣ ихъ—прісланные нѢжинскимъ полковникомъ В. Золотаренкомъ для провѣдыванія, когда Гагинъ намѣренъ

вступить въ Нѣжинъ. За 7 верстъ до Нѣжина выѣхалъ на встрѣчу самъ Золотаренко съ 200 козаками. Послѣ привѣтствій Гагинъ пригласилъ Золотаренка въ свою карету и ѣхали они вмѣстѣ до *колодезя* за 5 верстъ отъ Нѣжина, гдѣ Гагинъ расположилъ свой станъ. Тутъ полковники, выѣхавшіе съ Золотаренкомъ изъ Нѣжина, пригласили Гагина въ свой станъ, гдѣ онъ пробылъ съ часть времени, а потомъ полковники были въ стану у Гагина. Наконецъ Гагинъ съ торжествомъ вступилъ въ Нѣжинъ и сталъ разсылать приглашенія явиться на раду.

Что же въ это время дѣлали претенденты на гетманскую булаву?

Брюховецкій съ своими запорожцами сидѣлъ въ Гадячѣ; при немъ находился и епископъ Меѳодій, но они не дремали. Для достиженія своей цѣли они дѣйствовали двумя способами: чернили Сомка въ глазахъ народа и правительства и прибирали сторонниковъ. Гагинъ былъ еще въ Сѣвскѣ, когда Брюховецкій прислалъ ему первый доносъ на Сомка, обвиняя его въ сношеніяхъ съ правобережнымъ гетманомъ Павломъ Тетерею. По его словамъ Сомко „за бытностью въ Варшавѣ присягалъ королю польскому, чтобъ какими нибудь обычаи Украину къ ляхомъ отвратить; и нынѣ онъ, Самко, вслѣски ищетъ, чтобъ посполитой чернецкой радѣ не быть, а быть ему Самку самовластнымъ гетманомъ“. Въ доказательство тяготѣнія Сомка въ Польшѣ приводились и родственныя связи: за Тетерею была сестра родная Сомка, а племянница его была за Даниломъ Выговскимъ. И вотъ эти родственники „межъ себя лукавствомъ пересылаючись, людей обманываютъ и губятъ, призывая татаръ, и если бы въ Переяславлѣ не было государевыхъ ратныхъ людей, тогда бы онъ Сомко и противъ ихъ войну бы началъ“. Для усиленія впечатлѣнія, производимаго на Гагина, а чрезъ него и на Москву обвиненіемъ Сомка въ измѣнѣ, Брюховецкій съ Меѳодіемъ обратились съ просьбой къ Гагину—дозволить маіору Дементью Дьякову, находящемуся въ Гадячѣ, проводить ихъ на раду въ Нѣжинъ, хотя бы и съ небольшимъ числомъ „для опасенія домашнихъ враговъ, Самка съ совѣтниками, потому что на сей сторонѣ Днѣпра въ Кременчугѣ и въ Потокѣ стоитъ Тетеря съ черкасами, чтобы

помѣшать и не допустить быть зуполной чернецкой радѣ и чтобъ краю до конца погибнуть; а его Самкова мысль—съ татары и съ ляхи, только нельзя ему Самку еще явно свою измѣну объявить, что государевы ратные люди въ Переяславлѣ, въ Нѣжинѣ и Черниговѣ стоятъ“. Въ доказательство измѣны Сомка были посланы три листа, писанные Тетерею къ Сомку, съ приглашеніемъ служить Польшѣ. Но этимъ листамъ не очень-то можно было довѣрять: Брюховецкій не прочь былъ и поддѣлать такіе листы; нужно было болѣе вѣское доказательство. Въ Гадячѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ былъ задержанъ черкашенинъ, лазутчикъ Тетери, Парфенка Протикъ; подержавши нѣсколько времени у себя, Брюховецкій послалъ его въ Путивль къ Гагину. На допросѣ черкашенинъ разсказалъ, какимъ образомъ онъ былъ захваченъ въ Гадячѣ, и прибавилъ, что „будучи въ Тетеринѣ войскѣ у Черкасѣ слышалъ въ разговорныхъ рѣчахъ, что изъ Переяславля гетманъ Якимъ Самко съ чигиринскимъ гетманомъ съ Панькою Тетерею безпрестани письма ссылаются и Апрѣля де въ 12 д. тотъ Якимъ Самко изъ Переяславля къ Панкѣ Тетерѣ писалъ и листъ свой прислалъ, а въ томъ де его листу написано, чтобъ Тетеря войско свое собралъ не замотчавъ, а къ Крымскому хану и къ ляхомъ отписалъ, чтобъ къ нему Тетерѣ прислалъ ханъ изъ Крыму многихъ людей татаръ, а ляхи бы къ нему къ Тетерѣ пришли не замотчавъ; а какъ де Тетеря войско свое сберетъ и изъ Крыму орда и ляхи пріѣдутъ и онъ бы Тетеря съ тѣмъ своимъ войскомъ и съ татары и ляхи шель на сю сторону Днѣпра, а онъ де Самко съ войскомъ своимъ на помощь къ нимъ будетъ, спедчись воевать имъ великаго государя черкасскіе и украинные города и которые де города имъ сдадутся, и тѣхъ людей не побивать и оставливать въ тѣхъ городѣхъ начальныхъ людей ляховъ а которые города не сдадутся, и имъ ихъ побивать“. Но дѣйствуя одними лишь доносами, Брюховецкій мало бы сдѣлалъ себѣ пользы среди народа; тутъ онъ дѣйствовалъ иначе: онъ назначилъ двухъ полковниковъ, Винтовку да Тишка, бывшихъ холопей, безъ полковъ, а велѣлъ имъ прибирать къ себѣ въ полки всякихъ вольныхъ людей, кто бы они ни были, только бы давали свои голоса на радѣ за него за Брюховецкаго. Винтовка и Тишко съ успѣхомъ вы-

полнили свое дѣло: они набрали такихъ сорванцовъ, что осѣдлые возаки прятались отъ нихъ, какъ отъ враговъ. Въ то же время Мееодій старался приобрести сторонниковъ въ свою партію изъ среды приверженцевъ Сомка. Съ этою цѣлью онъ между прочимъ въ началѣ мая пріѣзжалъ въ Нѣжинъ къ Золотаренку, у котораго на обѣдѣ вели очень крупный разговоръ по поводу предстоявшей рады, и отсюда Мееодій уѣхалъ ни съ чѣмъ, но за то оставилъ дѣятельнаго агента въ лицѣ нѣжинскаго протопопа, который велъ потомъ переписку съ нимъ и пропагандировалъ среди козаковъ, мѣщанъ и черни въ Нѣжинѣ.

Наказный гетманъ Якимъ Сомко мало былъ увѣренъ въ своемъ избраніи въ гетманы на нѣжинской радѣ со стороны козаковъ и черни, хотя имѣлъ на своей сторонѣ семь полковъ. Немудрено поэтому, что онъ завелъ сношенія съ Тетерею, предлагая ему придти войною на лѣвую сторону Днѣпра, обѣщая ему прислать нѣсколько тысячъ татаръ; вступленіе непріятельскихъ войскъ помѣшало бы состояться радѣ, а этого только Сомко и желалъ. Въ то же время онъ поднялъ на ноги свой полкъ и писалъ другимъ полковникамъ, чтобы они приготовили свои полки и пушечный снарядъ. „Надобно, писалъ онъ Золотаренку отъ 5 мая, по себѣ не спать, для чего повели твоя милость тотчасъ полку своему быть готову, какъ для непріятелей, такъ и для всякаго дѣла, се есть для встрѣчи Великаго-Гагина. Снарядъ прикажи твоя милость свой готовъ имѣть съ тѣмъ же войскомъ. А я своему полку также велѣлъ готову быть и всѣмъ полкамъ инымъ также“. По полученіи отъ Гагина 23 мая приглашенія прибыть на раду въ Нѣжинъ, Сомко отвѣчалъ сперва, что идти ему наказному гетману и войску запорожскому въ Нѣжинъ на раду за приходомъ воинскихъ людей нельзя. Іюня 1-го Гагинъ послалъ къ нему съ грамотою путивльца Михаила Головленкова, чтобы онъ ѣхалъ на раду не замотчавъ; воротившись 7 іюня въ Нѣжинъ, Головленковъ рассказывалъ, что, когда онъ подаль грамоту Сомку, тотъ, прочтя листъ, сказалъ: „на раду въ Нѣжинъ ѣхать готовъ, а со мною будетъ на радѣ шестнадцать тысячъ татаръ; а только де обранъ будетъ на радѣ совершеннымъ гетманомъ кошевой гетманъ Иванъ Брюховецкій, и го-

сударевымъ ратнымъ людямъ изъ черкасскихъ городовъ здорово не выѣхать“. Въ это время пріѣхалъ въ Нѣжинъ изъ Кіева маіоръ Матвѣй Сипягинъ, который, по порученію кіевского воеводы Ив. Чаадаева, сообщилъ Гагину, что по призыву Сомка на сю сторону Днѣпра пришли изъ Волошской земли три тысячи татаръ и тѣмъ татарамъ приказано было напасть на Гагина, когда онъ шель изъ Путивля къ Нѣжину, чтобъ до Нѣжина не допустить, но потомъ де Сомко съ совѣтниками своими: съ нѣжинскимъ полковникомъ В. Золотаренкомъ, переяславскимъ Аѳонасіемъ Щуровскимъ и черниговскимъ Аникиемъ Силичемъ нашли неудобнымъ напасть дорогою, потому что объ этомъ узнаютъ во всѣхъ черкасскихъ городахъ и примутъ мѣры предосторожности, а потому порѣшили, что татары должны придти изгономъ подъ Нѣжинъ въ то время, какъ тамъ будетъ происходить рада.

Насколько справедливы обвиненія Сомка въ сношеніяхъ съ татарами, а тѣмъ болѣе въ призывѣ ихъ подъ Нѣжинъ—рѣшить трудно; но несомнѣнно то, что Сомко сильно рассчитывалъ на радѣ воспользоваться перевѣсомъ *своихъ хорошо вооруженныхъ полковъ* надъ сбродомъ, приставшимъ къ Брюховецкому, а потому онъ очень настаивалъ, чтобы рада происходила непременно за кіевскими воротами, и полковнику Страсбургу, который былъ у него въ гостяхъ, на его предложеніе переѣхать изъ за кіевскихъ воротъ черезъ рѣку Остеръ къ московскимъ воротамъ, отвѣчалъ: „будетъ за кіевскими воротами радѣ быть, и я на радѣ буду, а только рада будетъ за московскими воротами, и я на радѣ не буду и уѣду въ Переяславль со всѣмъ войскомъ“; на возраженіе Страсбурга: „какъ же онъ уѣдетъ не бывши на радѣ“, Сомко отвѣчалъ: „я безъ государя не буду“. Наконецъ уже по окончаніи рады, когда Сомко съ полковниками были въ верхней нѣжинской крѣпости, укрываясь отъ бунтовавшихъ козаковъ, онъ въ разговорѣ сообщилъ своимъ товарищамъ: „дивлюсь, что татары въ то время не пришли, какъ рада была“. Сношенія Сомка съ Тетерею и его намѣреніе силой заставить избрать себя въ гетманы и послужили главнымъ *формальнымъ* поводомъ приговорить его въ смертной казни.

Какъ же относились люди, собравшіеся на раду, къ тому и другому конкуррентамъ? Стародубецъ Терентій Протопоповъ, присланный съ отписками отъ Гагина въ Москву 27 мая, въ распросѣ въ Приказѣ Малыя Россіи рассказывалъ, что козаки, которые выѣхали встрѣчать Гагина изъ Нѣжина, говорятъ „что многіе на совершенное гетманство хотятъ Якима Самка, а иные Брюховецкаго; а чернь говорятъ, что Самка и Брюховецкаго имъ на совершенное гетманство не надобно, а оберутъ они на радѣ опричь ихъ, кого излюбятъ всею чернью“. Черезъ нѣсколько дней, 5-го іюня, капитанъ Мих. Мостыковъ, пріѣхавшій изъ Нѣжина, о томъ же предметѣ въ распросѣ сказалъ, что полковники, выѣхавшіе изъ Нѣжина съ Золотаренкомъ на встрѣчу Гагина, жаловались ему на Брюховецкаго, что его войско „чинить многимъ людямъ налоги и отъ той ихъ налоги сотники изъ городовъ многіе выбѣгаютъ“, и что эти полковники желаютъ выбрать въ гетманы Сомка, „а чернь въ разговорахъ говорятъ, что имъ годенъ быть гетманомъ Брюховецкій, потому что де онъ человекъ смиренный и не гордый, а Самко и полковники гордые и имъ чинятъ налоги, а сами обогатѣли“. Наконецъ Гагинъ въ отпискѣ писалъ, что города, которые лежатъ ближе къ Переяславлю, желаютъ избрать въ гетманы Якима Сомка, а города ближайшіе къ Гадячу, Брюховецкаго; „а въ Нѣжинѣ сказывали казаки и мѣщане на радѣ хотятъ выбрать въ гетманы Полтавскаго полку козака Константина Суличича или нѣжинскаго казака Григорія Кобылецкаго“.

Вотъ въ какомъ положеніи находились обѣ партіи, когда открылась рада 17-го іюня 1663 года. По распоряженію Гагина царскій шатерь¹⁾ былъ раскинутъ за московскими воротами, здѣсь должна была собраться и рада. Первымъ прибылъ на раду

¹⁾ Н. И. Костомаровъ въ своей монографіи очень подробно описываетъ событіе рады, но вѣроятно, беллетристическая форма рассказа помѣшала ему передать это событіе съ точностью, или, быть можетъ, тѣ источники, которыми онъ пользовался при описаніи рады, передаютъ объ этомъ событіи такъ, какъ рассказалъ и Костомаровъ. Отписки Гагина и распросныя рѣчи лицъ, посланныхъ въ Москву съ извѣстіемъ о состоявшемся выборѣ гетмана, передаютъ объ этой радѣ нѣсколько иначе. Кстати замѣчу, что Н. И. Костомаровъ, рассказывая о радѣ, пишетъ: „уже врасовался *нирядный* царскій шатерь, присланный изъ Москвы“... Между тѣмъ въ одной

Меодій, епискомъ метиславскій и оршанскій; въ обозы къ наказному и кошевому гетманамъ былъ посланъ приказъ, чтобъ они, гетманы, полковникамъ, сотникамъ, атаманамъ, есауламъ, козакамъ, черни и мѣщанамъ приказали на радѣ быть безъ оружія, для того чтобъ между ними не произошло ссоры и убійства, однако и гетманы и все войско явилось съ оружіемъ. Тогда Гагинъ приказалъ имъ оружіе съ себя снять и положить; старшина послушалась, оружіе сняли и отдали держать своимъ челядникамъ. Затѣмъ Гагинъ приказалъ прочитать „вѣрющую грамоту“, по прочтеніи которой гетманы, старшина и все войско „на государевомъ жалованьѣ, на милостивомъ словѣ челомъ ударили“, а потомъ, согласно наказу, Гагинъ сталъ читать *речь*, но не выслушавъ всей рѣчи, „съ Ивановой стороны Брюховецкаго полковника и сотники, и атаманы, и есаулы, и казаки и чернь обирали въ гетманы его Ивана и по своему казачьему обычаю вверхъ шапки метали, а съ Якимовой стороны Самка полковники жъ и все войско въ гетманы обирали его Якима Самка и на томъ гетманскомъ обираеньѣ полку Якима Самка конные люди съ его Якимовымъ бунчукомъ и съ литавры и со многими знамены въ пѣшіе люди въ раду вскочили, а пѣхота его жъ Самкова съ ружьемъ прибѣжала и въ радѣ людьми замѣшали, а насъ (Гагина съ товарищами) съ мѣста сбили и обѣ стороны между себя бой учинили и многихъ людей казаковъ переранили, а иныхъ и до смерти побили и раду разорвали и разошлись въ свои обозы. А на завтрее того числа посылали мы рейтарскаго строя полка Шепелева маіора Вас. Непейцына къ наказному и къ кошевому гетманамъ говорить, чтобъ они гетманы на раду были, а въ войскахъ своихъ приказали накрѣпко, чтобъ на раду были безъ ружья и между ними ссоры, задору и убійства не было бы, и послѣ того вскорѣ съ маіоромъ В. Непейцынымъ къ государеву

изъ отписокъ Гагинъ писалъ въ Москву, что „присланный къ нему съ дьякомъ Ив. Ѳоминымъ казенный суконный шатеръ, отпущенный шатерничимъ Андр. Карбышевымъ, цвѣтомъ *черный* и того шатра въ Нѣжинѣ при обраньѣ гетманскомъ на радѣ безъ указу ставить *не смѣемъ*, потому что цвѣтомъ тотъ шатеръ *черный*“. Въ отвѣтъ ему писали изъ Москвы: „и вы бѣ при обраньѣ гетманскомъ ставили шатеръ тотъ, который къ вамъ присланъ съ Москвы“.

шатру къ намъ прибѣжалъ изъ своего обоза наказный гетманъ Якимъ Самко съ полковники: нѣжинскимъ Вас. Золотаренкомъ, черниговскимъ Аникіемъ Силинымъ (Силичемъ), переяславскимъ Аѳонасіемъ Щуровскимъ, прилуцкимъ Дм. Чернявскимъ, кievскимъ Сем. Третьякомъ и сказали, что ихъ полковъ сотники, атаманы и есаулы, казаки и чернь, которые были при нихъ, отошли въ обозъ къ кошевому гетману къ Ив. Брюховецкому, а ихъ хотѣли побить до смерти, и чтобъ ихъ Якима Самка съ товарищи черни убить не дать и мы отослали ихъ въ городъ къ воеводѣ Мих. Дмитріеву, чтобъ, ихъ убережъ и побить не дать и велѣли имъ тамъ быть до указа“. Тотъ же Непейцынъ былъ посланъ съ извѣстіемъ о случившемся и съ приглашеніемъ явиться на раду— въ обозъ Брюховецкаго, который не замедлилъ явиться со своими сторонниками, собравшимися въ числѣ до сорока тысячъ. Были повторены тѣ же дѣйствія, что и наканунѣ: прочитана „вѣрющая грамота“, сказана была рѣчь и затѣмъ предложено приступить къ выборамъ. Тихо и безмятежно, всѣми вольными головами въ совершенные гетманы былъ избранъ Брюховецкій и того жъ числа, послѣ молебствія въ соборной церкви о многолѣтніи государя, онъ былъ приведенъ къ присягѣ и ему были переданы Гагинымъ грамота, утверждающая его гетманомъ, жалованная грамота на булаву и на староство гадячское. Принявши грамоты, новообранный гетманъ билъ челомъ, чтобы ему дать булаву и знамя, „чѣмъ бы ему въ войскѣ означить великаго государя къ себѣ милость“. Въ отвѣтъ на эту просьбу Гагинъ отвѣчалъ, что знамя и булава будутъ даны ему, когда онъ увидитъ пресвѣтлыя царскія очи. Затѣмъ были приведены къ присягѣ вновь избранные полковники на мѣсто тѣхъ, которые бѣжали отъ своихъ полковъ. Нѣсколько иначе рассказываетъ о побѣгѣ Сомка съ полковниками изъ своего обоза въ царскій шатеръ черный дьяконъ Симеонъ, посланный Меѳодіемъ въ Москву съ извѣстіемъ объ избраніи гетмана: „Какъ на радѣ отъ наказнаго гетмана отъ Якима Самка начальныя люди, старшины и чернь отступили, и онъ Якимъ прибѣжалъ къ шатру окольного кн. Данила Степановича Великаго-Гагина съ товарищи, а съ нимъ прибѣжали полковники: переяславскій, кievскій, черниговскій,

прилуцкій, лубенскій и всѣ полковники, которые были въ войскѣ при Якимѣ Самкѣ, oprичь полковниковъ полтавскаго да зиньковскаго, потому что тѣ были при Брюховецвомъ, а Васюта Золотареновъ и тесть его Иванъ Поповичъ въ то время были у околыничаго въ шатрѣ, а не съ Якимомъ Самкомъ, а начальныя люди Вас. Золотаренка и чернь и армата была въ обовѣ, а не съ нимъ были. Да съ нимъ же Якимомъ Самкомъ прибѣжали къ околыничему въ шатру начальныхъ людей, черни и челяди по смѣтѣ чловѣкъ съ сорокъ, и околыничій велѣлъ Як. Самка и полковниковъ, начальныхъ людей и чернь, которые за ними прѣхали, отвезть въ городъ пѣшаго строю начальному чловѣку и иныя черни и челяди въ верхній и въ нижній городъ пускать не велѣлъ, чтобъ не учинилась въ городѣ какая ссора“. Изъ послѣдующей отписки Гагина оказывается, что въ городъ были отосланы изъ шатра съ ротмистрами рейтарскаго строя полка Ив. Шепелева съ Васильемъ и Яковомъ Бекарюковыми подъ прикрытiемъ ихъ ротъ, слѣдующія лица: „Наказный гетманъ Якимъ Сомко, нѣжинскій полковникъ Вас. Золотаренко, переяславскій—Аѳанасій Щуровскій, черниговскій Аникій Силичъ, кievскій—Семень Третьякъ, ирклевскій—Иванъ Папкѣвичъ, лхвицкой—Степанъ Шамрицкой, прилуцкій—Дм. Чернявскій, писарь Савицкой, писарь Васеевичъ, писарь Ѳома Тризничъ, Ив. Воробей, Семень и Прокопій Кулженскіе, Ананка есаулъ, Павелъ Килдѣй (Килдѣй?), Левка Буть, секретарь Самковъ (имени нѣтъ) и Ивана Поповича. Данила Повинный, Словинъ, Богдановъ, Ливогубъ Гелмазовскій, Ив. Шматовичъ и Жилка Сомковъ, тоже отосланные въ городъ съ Сомкомъ, на лицо не оказались. „А Якимъ Самко и полковники черниговскій и переяславскій, писалъ въ заключеніе Гагину, по многимъ причинамъ тебѣ великому государю не вѣрны“. Въ Москвѣ по полученіи ивѣстія о происшествiяхъ, случившихся на радѣ, немедленно сдѣлано было распоряженіе объ описи и опечатаніи имущества Сомка и другихъ полковниковъ и тотчасъ о томъ посланы къ воеводамъ грамоты, а Сомка съ товарищами до указа велѣно держать въ Нѣжинѣ. А въ Нѣжинѣ былъ посланъ изъ Москвы стольникъ, князь Н. Гагаринъ съ милостивымъ словомъ къ кн. Гагину и бывшимъ

при немъ ратнымъ, а также къ епископу Меодію и гетману Брюховецкому съ милостивыми грамотами; кромѣ того Гагаринъ повезъ съ собою два сорока соболей для епископа, а гетману знамя и булаву и тоже два сорока соболей. „А знамя каково послано: писано обѣ стороны Образъ Спасовъ—Эммануила, около Спасова образа по знамени звѣзды; булава серебряная, позолочена съ бирюзами да съ раковинами. На знамени сорочка сукна червчатого, на булавѣ тафта червчатая жъ“. Въ отвѣтъ на эти знаки царской милости Брюховецкій писалъ государю отъ 4 августа: „не мое какое съ высокихъ заслугъ уроченное достоинство а незначная въ службѣ вашего царскаго пресвѣтлаго величества моя прислуга, но напередъ недостижимыя разумомъ людскимъ судьбы Божіи, а потомъ особная и милосердая милость вашего ц. пресвѣтлаго величества съ маіестату сіе исправляетъ, что ты... съ пребогатыхъ щедротъ... мене вѣрнаго холопа и раба своего булавою и знаменемъ при неисчетномъ своемъ... жалованьѣ ущедрити и рабское мое художество украсить изволили, которая—та булава и знамя съ жалованьемъ... дня 2 Августа въ войскѣ въ недостойныя руки мои при преосвященномъ Меодіи... отданная вяжетъ мене непоколебимо во вѣки и неподвижно черезъ всѣ лѣта живота моего къ вашей... службѣ, надежнымъ будучи, что всемилостивый Богъ на мнѣ недостойномъ червѣ судьбы свои Божія исполняючи за праведными вашими... молитвами даруетъ мнѣ вѣрному вашему холопу при тѣхъ знакахъ войсковыхъ отъ лица вашего пресвѣтлаго царскаго величества присланныхъ святымъ и государственнымъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества благословеніемъ и счастьемъ свыше отъ Бога даннымъ, паче злата и бисера украшенныхъ, между вѣрнымъ войскомъ... запорожскимъ любовь и всякихъ мятежныхъ расколъ умерщвленіе, а надъ всякими вашими... врагами одолѣніе и побѣду, чтобъ тѣ всякіе враги на вѣру православную и на вашу... маіестать наступаючіе, увидѣвъ тѣ знаки и клейноты, не отъ нашихъ худыхъ войсковыхъ силъ, но отъ оныхъ, аки отъ вѣтру прахъ, утекали и врознь шли“. Далѣе онъ проситъ о присылкѣ ратныхъ людей для посылки за Днѣпръ, а ему самому безъ царскихъ войскъ за Днѣпръ идти нельзя, пока мятежъ и

нелюбовь, возбужденные въ низовыхъ и тутошнихъ городахъ нѢжинскою радою, не будутъ искоренены, а потому онъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и чернью просятъ „тѣхъ завистниковъ любви Богу и великому государю и войску всему запорожскому проступныхъ по своему милосердому государскому указу и по стародавнимъ правамъ войсковымъ войску и мнѣ на судъ съ города НѢжина велѣти дати, чтобъ намъ всему войску вѣрному сзади отъ нихъ безопаснымъ быть“. Какъ извѣстно, этотъ „наинижайшій подножекъ пресвѣтлаго престола“ добился суда надъ Сомкомъ и его друзьями и смертною казню его отомстилъ за тѣ хлопоты, которыя причинялъ ему Сомко своей конкуренціей на гетманскую булаву. Меѳодій за свое пронырство получилъ сорокъ соболей въ 100 рублей да триста серебряныхъ рублей.

А. Востоковъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ САМОУПРАВЛЕНІЯ КІЕВА ПО МАГДЕБУРГСКОМУ ПРАВУ.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ 23 декабря 1835 года Правительствующему Сенату, выражено: „Въ особенномъ Нашемъ вниманіи къ благосостоянію города Кіева, желая всемѣрно способствовать успѣхамъ населенія его и промышленности, признали нужнымъ обзрѣть въ подробности настоящей порядокъ его управленія. Изъ свѣдѣній, по сему Намъ доставленныхъ и въ Государственномъ Совѣтѣ подробно рассмотрѣнныхъ, удостовѣряюсь, что сей порядокъ не соотвѣтствуетъ существеннымъ выгодамъ города и что права, нѣкогда ему данныя *и на первый случай* впредь до усмотрѣнія подтвержденныя, одни давно уже сами собою прекратились, другіе же въ теченіи времени и съ переменною мѣстныхъ обстоятельствъ, измѣняясь въ ихъ дѣйствіи, *обратились во вредъ и тягоченіе цѣлому составу городскаго общества*, признали Мы за благо, согласно мнѣнію Государственнаго Совѣта, постановить: 1) по примѣру другихъ городовъ учредить на основаніи городского положенія Городскую Думу, а равно упразднить Городскую Коммиссію и передать ея дѣла въ Думу; 2) присвоить Магистрату Кіева въ отношеніи Губернскаго начальства и судебныхъ мѣсть всѣ права и обязанности, какія присвоены прочимъ магистратамъ; 3) освободить Городское Общество отъ содержанія городской стражи (2000 человекъ пѣхоты и 500 конницы), какъ отъ повинности для благоустройства города по настоящему его положенію бесполезной; 4) распространить рекрутскую повинность на всѣхъ мѣщанъ, приписанныхъ къ городу послѣ ревизіи 1782 года, а со старожилыхъ взыскивать по 1 т. руб. за каждаго слѣдуемаго съ нихъ рекрута; 5) подчинить мѣщанъ въ ихъ искахъ о безчестіи общимъ законамъ; тѣмъ же, которые пользо-

вались въ такихъ искахъ шляхетскимъ правомъ, назначать вознагражденіе вчетверо больше, сравнительно съ простыми мѣщанами“¹⁾).

Такимъ образомъ, въ 1835 году, въ Кіевѣ отмѣнено было магдебургское право, пожалованное ему еще въ концѣ XV в. и просуществовавшее въ немъ нѣсколько столѣтій. Съ воспоминаніемъ объ этомъ фактѣ соединяется обыкновенно неясное представленіе о какомъ-то чрезвычайномъ событіи, послужившемъ поводомъ къ отмѣнѣ стараго порядка, но остававшемся для насъ неизвѣстнымъ; этимъ же невѣдѣніемъ, полагаемъ мнимымъ, истинной причины реформы кіевского городского управленія пронизнутъ и памятники современной рукописной литературы: „Скорбь кіевлянь“²⁾), стихотвореніе магистратскаго писца, отдѣльвающагося намеками и гаданіями относительно совершившагося факта, вѣроятно, изъ боязни оскорбить рѣзкою правдою, которой онъ по мѣсту своего служенія въ магистратѣ не могъ не знать, самолюбіе своихъ недавнихъ, но еще сильныхъ покровителей и начальниковъ.

Разъясненіе этого затемненнаго, и благодаря прежнему порядку судопроизводства, малоизвѣстнаго событія оказывается нынѣ возможнымъ лишь по изученіи старыхъ дѣлъ, хранящихся нынѣ въ центральномъ университетскомъ архивѣ и проливающихъ свѣтъ на положеніе кіевского городского управленія въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтій. Изъ этихъ-то дѣлъ мы и узнаемъ о широкихъ злоупотребленіяхъ членовъ кіевского магистрата, кончившихся для нихъ отрѣшеніемъ, по указу Сената 10 авг. 1834 г., отъ всѣхъ занимаемыхъ ими должностей, какъ лицъ, состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, указу, исполненіе котораго во многомъ зависѣло отъ замѣны шести-гласной думою кіевскихъ городскихъ учрежденій, основанныхъ на магдебургскомъ правѣ, со всѣми привилегіями, отличавшими Кіевъ отъ другихъ русскихъ городовъ, малопонятными начальству и служившими только помѣхою контролю послѣдняго надъ городской автономіею.

¹⁾ Полн. Собр. Зап. Собр. 2, т. X., Приб., стр. 47, № 7694, а.

²⁾ Кіевская Старина, 1882 г., май.

На основаніи указанныхъ нами дѣлъ мы имѣемъ въ виду не только очертить злоупотребленія кіевскаго магистрата, кончающіяся его, такъ сказать, самоуничтоженіемъ, но и выяснитъ также исторически сложившіяся причины этихъ злоупотребленій, которыя приводили привилегированное самоуправленіе Кіева въ столь печальному исходу.

I.

Злоупотребленія кіевскихъ войтовъ и другихъ магистратскихъ чиновъ сдѣлались извѣстными, благодаря энергическимъ разоблаченіямъ кіевскаго мѣщанина Василя Наумовича Кравченка.

Сей послѣдній принадлежалъ въ мясному цеху и занимался въ мирное время торговлей, а въ военное время бралъ на себя подрядъ по поставкѣ для русской арміи лошадей. Человѣкъ онъ былъ болѣе или менѣе состоятельный, въ числу представителей городскаго суда и администраціи не принадлежалъ и часто съ ними враждовалъ. Возмущался ли Кравченко злоупотребленіями войтовъ и бургомистровъ въ силу своей честности, оскорблялось ли его самолюбіе тѣмъ, что ему самому не удалось засѣдать въ магистратѣ, или оно было уязвлено случайными столкновеніями съ магистратскими чинами,—рѣшить трудно. Изъ поднятаго имъ дѣла, тянувшагося свыше 20 лѣтъ, видно, что противники Кравченка, не смотря на сильное желаніе отомстить своему обличителю и привлечь его самого къ уголовной отвѣтственности, не могли при всемъ стараніи найти для этого какаго-либо повода и основанія. Остается поэтому думать, что Кравченко былъ честный, самоотверженный человѣкъ, во имя справедливости затѣявшій борьбу съ богатыми и сильными купцами, которые держали въ своихъ рукахъ судъ и управленіе городомъ и составляли между собою тѣсно связанную родствомъ и общими интересами лигу. Начавъ эту борьбу въ такое время, когда на судѣ правда оставалась за тѣмъ, кто больше платилъ, Кравченко, какъ самъ заявлялъ въ одномъ изъ своихъ прошеній, просудилъ большую половину своего

состоянія; тѣмъ не менѣе, съ замѣчательною энергіею и настойчивостью, онъ преслѣдовалъ разъ намѣченную цѣль и успокоился только тогда, когда достигъ желаннаго успѣха; успѣхъ же этотъ тѣмъ лишь и обезпечилъ, что сдѣлалъ преступленія магистратскихъ чиновниковъ на столько гласными, на сколько это было возможно въ его время; неутомимо одну за другою подавалъ онъ жалобы губернскому прокурору, гражданскому губернатору, генералъ-губернатору, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и даже въ Сенатъ, лишивъ такимъ образомъ своихъ противниковъ возможности замять дѣло въ мѣстныхъ низшихъ инстанціяхъ.

Началось это громкое дѣло по слѣдующему маловажному, повидимому, поводу: 8-го января 1821 г., въ магистратѣ происходили выборы ремесленнаго головы и на другія городскія должности. Выборы производились голосами, а не шарами. Были, вѣроятно, избраны негодные Кравченку лица, и онъ протестовалъ тутъ же, но не противъ избранныхъ, а противъ способа избранія. Присутствовавшій на выборахъ полиціймейстеръ Дуровъ, равно и члены магистрата, не обратили вниманія на его слова; Кравченко пожаловался губернатору, и выборы 8 января были отменены. На новыхъ выборахъ 11-го января того же года стали опять избирать голосами, а не шарами. Кравченко замѣтилъ, что выборы должны производиться шарами. Войтъ Григоренко, бургомистръ Лаверда и другіе члены магистрата отвѣчали, что такого закона нѣтъ. Кравченко стоялъ на своемъ и тѣмъ еще болѣе раздражилъ городскихъ представителей. Возгорѣлся общій споръ, пошли взаимныя пререканія на выборахъ, мѣщане раздѣлились на двѣ партіи: одна, по убѣжденію войта и магистратскихъ чиновъ, составила опредѣленіе объ исключеніи Кравченка, какъ человѣка безпокойнаго, изъ мѣщанскаго общества; другая, напротивъ, выдала ему свидѣтельство, что онъ „естъ честной и безпорочной жизни, полезный и сповойный въ обществѣ, защищающій вездѣ справедливость и отерывающій оную“. Чувствуя-ли себя не совсѣмъ правымъ, или не желая затѣвать большого дѣла, Кравченко на другой же день ходилъ къ войту и „убѣдительно и слезно“ просилъ его уничтожить обидное для него опредѣленіе.

Войтъ передъ иконою влялся, что исполнить просьбу, а между тѣмъ не исполнялъ; девять дней ходилъ въ нему Кравченко и все безуспѣшно. Это-то глубокое оскорбленіе мѣщанскаго самолюбія и было тѣмъ толчкомъ, который двинулъ Кравченка на борьбу съ вѣковой неправдой, успѣвшей пустить широкіе и глубокіе корни. Въ многочисленныхъ прошеніяхъ своихъ въ разныя правительственныя учрежденія и къ высшимъ сановникамъ государства Кравченко обвинялъ членовъ магистрата въ томъ, что они взыскиваютъ самовольно при сборѣ подушныхъ въ значительномъ количествѣ излишнія деньги, разоряя этимъ мѣщанъ и приводя ихъ къ нищетѣ; собранныхъ такимъ образомъ денегъ въ расходъ не показываютъ и вообще не даютъ обществу отчетовъ въ городскихъ суммахъ со времени „послѣдней ревизіи“ (1816 г.). Первая такая жалоба подана была Кравченкомъ 18 янв. 1821 г. кіевскому гражд. губернатору Бухарину. Это всполошило магистратъ, ибо еще на выборахъ 11 января мѣщане въ числѣ 42 человекъ жаловались на тягость и разорительность налоговъ, порицали избраніе стараго базарнаго Нечаева въ десятый разъ въ ту же должность и желали видѣть на ней новое лицо, а 7-го февраля всѣ цехи единодушно въ поданномъ ими въ магистратъ заявленіи протестовали противъ налоговъ, собиравшихся сверхъ подушныхъ, и отказались платить таковыя. Представители городского самоуправления возбудили вопросъ, имѣеть-ли право Кравченко подавать жалобы отъ имени цѣлаго общества, когда ему 42 мѣщанами выдано только свидѣтельство о поведеніи, а не довѣренность; рядомъ съ этимъ въ магистратѣ производилось „устрашеніе“ тѣхъ, кто раньше другихъ подписалъ выданное Кравченку свидѣтельство, и двое изъ нихъ перешли на сторону его противниковъ. Но нашлось 40 смѣльчаковъ, которые 9 февр. 1821 г. выдали Кравченку формальную довѣренность „доходить по начальству защиты и правосудія“. Эта довѣренность, или открытый „вѣрющій листъ“, выражаясь юридическимъ языкомъ того времени, была явлена и посвидѣтельствована 11 февраля въ кіевскомъ нижнемъ земскомъ судѣ, гдѣ и записана въ актовую книгу подъ № 744. Тѣмъ не менѣе, хотя губернское правленіе назначило слѣдственную комиссію изъ полиціймейстера Дурова

и казенныхъ дѣлъ губернскаго стряпчаго Бакалова для изслѣдованія, указанныхъ Кравченкомъ, злоупотребленій магистрата въ расходованіи общественныхъ суммъ, а по жалобѣ того же Кравченка на неправильность баллотировки и исключенія изъ состава общества, постановило сдѣлать магистрату выговоръ за нарушение закона, но оставило безъ вниманія остальные его жалобы. Магистратъ старался отклонить слѣдствіе, заявляя, что подписавшіеся на довѣренности Кравченка, какъ и онъ самъ, принадлежатъ будто бы къ банкротамъ, къ порочнымъ людямъ вообще, и что многіе изъ нихъ состоятъ подъ судомъ, но губ. правленіе, по разсмотрѣніи произведенныхъ 11 янв. выборовъ ¹⁾, хотя признало выборы правильными, но не утвердило всѣхъ избранныхъ, которые, будучи ремесленными головами, причастны были къ дѣлу объ излишне взысканной суммѣ (Бугаевскій и Диковскій), а также оцѣнщиковъ и базарныхъ, которые баллотировались не шарами, а голосами. Слѣдственная коммиссія, въ свою очередь, потребовала отъ магистрата объясненій, на какомъ основаніи, онъ, вѣдая только тяжёбныя и уголовныя дѣла, „вмѣшался въ раскладку на мѣщанъ излишнихъ денежныхъ налоговъ сверхъ указныхъ податей“: Магистратъ отстаивалъ свое право на сборъ налоговъ и, основываясь на XIV главѣ „о власти магистратской магдебурскаго права“, на „учрежденіи или уставѣ главнаго магистрата“, изд. 16 янв. 1721 г., и на городомъ положеніи 1785 г., доказывалъ, что принятый имъ порядокъ раскладки налоговъ въ присутствіи ремесленныхъ головъ, разныхъ цехмистеровъ и старшинъ отъ каждаго цеха вполнѣ законенъ, равно какъ и взысканіе и взносъ собранныхъ по сей раскладкѣ денегъ особо выбранными для сего сборщиками въ цехи, съ передачею ихъ оттуда чрезъ ремесленную управу въ казначейство, при чемъ относительно распоряженія остатками сборовъ въ пользу

¹⁾ Тогда же большинствомъ голосовъ были избраны: въ *бургомистры* Семенъ Балабуха; въ *ратсеры* Иванъ Григоренко (сынъ войта) и Іосифъ Диковскій; въ члены *городской коммиссіи* Андрей Скоролюбъ, Алексій Хоудуновъ, Федоръ Полонскій и Исидоръ Кириченко; въ члены *квартирной коммиссіи* Георгій Бугаевскій; въ *лавники* Иванъ Лакерда; въ *инститоры* Евфимъ Вишневскій; въ *квартиреры* Тимофей Островскій, Петръ Кобецъ, Миронъ Диковскій и Якимъ Федоровскій; въ *ремесленныя головы* Антонъ Новожацкій; въ *оцѣнщики и базарные* Семенъ Кочевой, Исаакъ Червинскій, Кондрать Шульгинъ и Алексій Бойковъ.

городскихъ обывателей, безъ представленія отчетовъ о томъ начальству, а съ правомъ отчетываться въ томъ только „предъ старшими и знатнѣйшими изъ посполства“ магистратъ оправдывалъ себя ссылками на 26 ст. губернаторскаго и воеводскаго наказа, изд. 12 сент. 1728, а также Высочайше жалов. грам. и привилегіями польскихъ королей Сигизмунда III 1 апр. 1626 г. и Яна-Казимира 12 янв. 1650 г., подтвержденныхъ впослѣдствіи указомъ Прав. Сената въ 1739 г. Отсюда возникла переписка, разросшаяся потомъ въ десятки томовъ, между подсудимыми и слѣдователями о взаимныхъ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдствіе началось и комиссія стала допрашивать свидѣтелей въ присутствіи Кравченка, слѣдившаго за показаніями и указывавшаго комиссіи на источники, подтверждающіе фактъ сверхсѣтныхъ налоговъ; домогательство же Кравченка, чтобы при слѣдствіи присутствовали и всѣ цехмистры, заявившіе отъ имени своихъ цеховъ о нежеланіи мѣщанъ платить излишніе налоги, оставлено было комиссіею безъ послѣдствій. Истину своихъ жалобъ Кравченко доказывалъ: 1) свидѣтельскими показаніями сборщиковъ и 2) тетрадами и документами о сборахъ и раскладахъ, хранившимися въ магистратѣ, при чемъ настаивалъ на необходимости произвести повѣрку съ 1813 года, не выясняя мотивовъ, почему онъ считаетъ излишнее взысканіе податей только съ этого времени, а не раньше,—вѣроятно онъ понималъ, что пожаръ 11 іюля 1811 г., когда всѣ обличающія дѣла и документы магистрата сторѣли или были сожжены, и наступившій за тѣмъ богатый событіями, требовавшими экстраординарныхъ расходовъ, 1812 годъ давали полную возможность его противникамъ оправдаться; только отсюда понятно, почему слѣдствіе о злоупотребленіяхъ городского управленія начинается съ 1813 г., когда должность войта занималъ Ф. Лаверда ¹⁾). Свидѣтелями комиссія вызывала всѣхъ цехмистровъ и альтермановъ, руководившихъ дѣлами цеховъ съ 1813 по 1821 г.; они давали

¹⁾ Филиппъ Лаверда, надо думать, началъ службу въ концѣ прошлаго столѣтія; въ началѣ текущаго вѣка мы застаемъ его бургомистромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнымъ и безконтрольнымъ распорядителемъ дѣлами общественной комиссіи, членомъ комиссіи о городскихъ доходахъ и расходахъ и однимъ изъ питейныхъ откупщиковъ; въ 1813 и 1814 годахъ онъ временно исправлялъ должность войта, т. е. отъ

однообразныя показанія въ слѣдующей формѣ: подати отъ сборщиковъ или отъ цеховъ принималъ, деньги вносилъ въ казначейство, изъ остатка производилъ цеховые расходы, излишекъ же передавалъ войту или кому-нибудь изъ членовъ магистрата; росписокъ въ пріемъ или сдачѣ денегъ многіе не имѣли вовсе, большинство же изъ нихъ отговаривалось то пожаромъ 1811 г., то утратой вслѣдствіе неважности самой росписки, то неграмотностью и пр. Въ вызовѣ же и допросѣ свидѣтелей изъ лицъ, не принадлежащихъ въ ремесленной управѣ, слѣдственная коммиссія почему-то отказала, а это весьма существенно должно было отразиться на дѣлѣ, такъ какъ въ качествѣ свидѣтелей привлекались только цехмистры и альтерманы, сами принимавшіе участіе въ преступленіяхъ, а иногда и обвинявшіеся въ прямой растратѣ общественныхъ денегъ. Требованіе слѣдственной коммиссію отъ обвиняемыхъ документовъ по раскладѣ и сбору податей вызвало тоже безконечную переписку, служившую къ оттягиванію результата слѣдствія. Магистратъ представилъ въ концѣ концовъ кое-какія тетради, но не за всѣ годы (1813—1821), не всѣхъ цеховъ (ихъ было 16) и въ добавокъ только черновые, что давало возможность, вслѣдствіе поправокъ и помарокъ на нихъ, обвиняемымъ оправдываться и оспаривать выводы коммиссіи. Естественно, что при такихъ свидѣтельскихъ и документальныхъ данныхъ вычисленіе собранной суммы для коммиссіи было невысказано; тѣмъ не менѣе, сопоставляя ихъ съ данными, сообщенными губернскимъ казначействомъ о количествѣ внесенныхъ за мѣщанъ податей, слѣдственная коммиссія пришла къ заключенію: 1, что въ періодъ времени съ 1813 по 1821 г. въ тетрадяхъ показано меньшее количество душъ, чѣмъ сколько ихъ было по даннымъ казначейства; это магистратъ объяснялъ тѣмъ, что казначейство при исчисленіи числа душъ руководствовалось показаніями послѣдней ревизіи, между тѣмъ какъ цехи въ своихъ тетрадяхъ обозначали только наличное число душъ, исключая умершихъ, отданныхъ въ

смерти Юрія Рыбальскаго до выбора Михаила Григоренка. Сынъ Лаврды: Антонъ, родившійся въ 1779 г., избранъ лавникомъ въ 1816 г., ратсгеромъ въ 1817 г. и бургомистромъ въ 1825 г. и Иванъ, родившійся въ 1789 г., избранъ въ 1822 г. лавникомъ, въ 1827 г. ратсгеромъ и въ 1831 г. бургомистромъ.

рекруты, сосланныхъ въ Сибирь, бѣглыхъ, а также бѣдныхъ, сиротъ, нищихъ, калѣкъ и вообще неспособныхъ въ труду и не имѣющихъ средствъ въ платежу податей, почему изъ общаго числа 6000 душъ, обязанныхъ платить подати, среднимъ числомъ исключалось 2102 души, за которыхъ городское общество взносило 26,501 р. 87 к. ежегодно, и 2, что всего въ означенный періодъ (1813—1821) взыскано съ мѣщанъ 444,032 р. 86 к., въ казначейство же внесено 402,209 р. 30½ к., откуда и явился у слѣдственной комиссіи вопросъ магистрату, куда дѣлись 40,823 р. 55½ к., собранные съ мѣщанъ, и на что израсходовало ихъ городское управленіе? Магистратъ, въ лицѣ своихъ представителей войта Григоренка ¹⁾ и бургомистровъ И. Романовскаго ²⁾ и С. Балабухи ³⁾, представилъ отчетъ въ израсходованіи на общественныя нужды означенной суммы ⁴⁾ копѣйка въ ко-

¹⁾ Мы не знаемъ, когда вступилъ въ магистратъ предпоследній войтъ Михаилъ Ивановичъ Григоренко, но въ эту должность онъ былъ избранъ въ 1816 году и занималъ ее до своей смерти въ февралѣ 1826 г. Его сынъ Иванъ сдѣлался ратсгеромъ магистрата еще при жизни отца, съ 1822 года, и участвовалъ въ городскомъ управленіи до полной отгѣны магдеб. права въ Кіевѣ.

²⁾ Романовскій Иванъ Петровичъ, зять Ф. Лаверды, род. въ 1787 г., избранъ въ 1820 г.—инстигаторомъ, въ 1825 г. лавникомъ, въ 1827 г. ратсгеромъ и въ 1830 г. бургомистромъ; его братъ Павелъ, зять И. Могилевскаго, род. въ 1778 г., избранъ въ 1802 году цехмистеромъ кузнецкаго цеха, въ 1805 году словеснымъ судьей, въ 1807 членомъ городской о приходахъ и расходахъ комиссіи, въ 1810 г. членомъ строительной комиссіи, въ 1816 г. ратманомъ полиціи, въ 1819 г. ратсгеромъ магистрата, въ 1821 г. бургомистромъ и въ 1828 г. еще разъ членомъ городской о приходахъ и расходахъ комиссіи.

³⁾ Служба семьи Балабухъ началась весьма рано, еще въ первой половинѣ XVIII в. Тогда, въ 1751 г., Василій Балабуха былъ бургомистромъ, а его братъ Григорій лавникомъ. Семень Балабуха въ 1782 г. занималъ должность бургомистра, а въ 1787—гласнаго въ новой думѣ (А. Андріевскій Истор. Мат. вып. I, стр. 135; вып. 2, стр. 29). Его сынъ Семень Семеновичъ род. въ 1771 г., въ 1804 г. былъ избранъ квартиргеромъ, въ 1812 г. членомъ квартирной комиссіи, въ 1816 г. ратсгеромъ, въ 1821 г. бургомистромъ и членомъ городской комиссіи. Братья Семена Балабухи старшій Константинъ былъ бургомистромъ и членомъ общественной комиссіи съ 1807 по 1811 г., а младшій Александръ ратсгеромъ магистрата.

⁴⁾ Вотъ цифры этого очевидно сочиненнаго отчета: 1, на городскую капеллю 13,833 р. 59 к.; 2, на содержаніе экзекуцій при взысканіи податей 97 р.; 3, на пополненіе убытка въ 110 р., понесеннаго изъ суммы 400 р., издерж. мѣщ. Калиновскимъ и Пискуновымъ во время поѣздки ихъ въ 1816 г., по повелѣнію начальства, за покупкою воловъ для составленія тагсы на мясо; 4, на починку пожарныхъ орудій, выписан-

пѣйку противъ сдѣланнаго комиссією начета,—въ общемъ же итогѣ слѣдственная комиссія, какъ изъ ея заключенія видно, нашла растрату магистратомъ городскихъ суммъ въ 67,325 р. 43¹/₂ к.

Въ мартѣ 1824 г. губернское правленіе, рассмотрѣвъ представленный (приведенный нами въ выносѣхъ) отчетъ магистрата, или вѣрнѣе, общій итогъ его расходовъ, признало его всецѣло неподтвержденнымъ и бездоказательнымъ, но при этомъ правленіе высказалось, что готово его признать, буде мѣщане г. Кіева дадутъ подписку, что своевременно извѣстны имъ были всѣ эти расходы и на нихъ они выразили свое согласіе. Магистрату не трудно было добыть эту подписку: въ четыре дня, съ 18-го по 21 апрѣля, на подпискѣ красовалось около 600 подписей, въ числѣ которыхъ были имена подсудимыхъ, т. е. членовъ магистрата, городской комиссіи, ремесленной управы и пр., а также и всѣхъ, когда либо принимавшихъ участіе въ городскомъ самоуправленіи.

Казалось, дѣло приведено было къ концу, такъ какъ количество излишне собранныхъ податей опредѣлено, расходъ ихъ указанъ и согласіе общества получено,—но не такъ отнесся къ дѣлу Кравченко; еще при производствѣ слѣдствія полиціймейсте-

ныхъ изъ Спб., и на погребеніе обучавшихся въ Петербургѣ мастеровъ—250 р. 27 к.; 5, на уплату извозчикамъ при поѣздкахъ въ казначейство для уплаты податей—483 р. 69 к.; 6, на письмоводителя, разсылныхъ и на покупку дровъ, въ добавокъ къ суммѣ, получаемой изъ кассы городской комиссіи (по 230 руб. ежегодно)—2,184 р. 50 к.; 7, на исправленіе домовъ, занимаемыхъ ремесленною управою и цехами—3,542 р. 37 к.; 8, на покупку бумаги для писанія ревизій о мѣщанахъ и штрафныхъ 638 р. 5 к.; 9, на уплату рекрутскихъ денегъ за приписанныя въ кievскому мѣщанству души для составленія полнаго числа, съ котораго можно было бы выставить рекрута,—2,139 р. 11¹/₂ к.; 10, кавалеру Филистри за поднесеніе имъ въ даръ городу хронологическую табель—300 р. („Генеалогическая, хронологическая и синхронистическая таблица Россійской исторіи, сочиненная кавалеромъ Филистри, придворнымъ королевскимъ Пруссіимъ поэтомъ и бывшимъ вице-директоромъ зрѣлищъ въ Спб. Въ типографіи Плюшара, 1818 г.); 11, на возвратъ поступившимъ въ рекруты взысканныхъ съ нихъ податей—15 р.; 12, на содержаніе городскихъ пушекъ—305 р.; 13, мѣщанину Кравченко по присужденію Правит. Сената передержанныхъ имъ въ 1812 г. при поставкахъ по контракту для дунайской арміи лошадей и пр.—447 р. 50 к.; 14, на постройку въ Кіево-Подолѣ для убоа скота бойни—1,316 р.; 15, на разныя общественныя надобности и содержаніе канцеляріи—15.106 р. 46¹/₂ к., а всего 40,823 р. 55¹/₂ к.

ромъ Дуровымъ и стряпчимъ Бакаловымъ, онъ „возымѣлъ на нихъ зазрѣніе“ и жаловался губернскому прокурору, въ 1-й департаментъ Сената, министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, съ указаніемъ на разныя безпорядки, упущенія и неясности, допущенныя слѣдователями при слѣдствіи; жалобы Кравченка поддержалъ и губернскій прокуроръ,—почему Сенатъ предписалъ губернскому правленію назначить новыхъ слѣдователей, и 23 марта назначены были новые слѣдователи: депутатъ 1-го департаментъ кіевскаго главнаго суда Стринжа и чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ Долинскій; имъ вмѣнено въ обязанность провѣрить дѣйствія своихъ предшественниковъ и исправить сдѣланныя ими упущенія, точно указанные прокуроромъ ¹⁾, въ заключеніи о которыхъ послѣдній высказался, что хотя по 26 ст. воеводскаго наказа, изд. 12 сент. 1728 г., и не возвращается собранныя деньги употреблять на общественныя нужды,

¹⁾ Прокуроръ указалъ на слѣдующія упущенія: 1, Дуровъ и Бакаловъ производили учетъ излишне-собранныхъ денегъ не съ 1813 г., какъ того требовалъ Кравченко, а съ 1814 г., слѣдствіе не велось въ его присутствіи, а вычисленіе и итоги растраты не скрѣплялись его подписью; 2, для опредѣленія количества незаконно взысканныхъ податей служили магистратскія тетради, большая часть которыхъ не была доставлена въ слѣд. комиссію магистратомъ, почему неизвѣстны основанія, служившія комиссіи для подведенія итога излишне-собранный суммы; 3, слѣдственная комиссія не требовала отъ магистрата ежегодныхъ отчетовъ о сборѣ и расходахъ податей, вмѣстѣ съ остатками отъ послѣднихъ у ремесленныхъ головъ, подаваемыми магистрату, и удовлетворилась только голословнымъ объясненіемъ послѣдняго, показавшаго расходъ на общественныя нужды, нѣмъ и ничѣмъ не удостовѣренный; 4, всѣ, исчисленные въ объясненіи магистрата, расходы не могутъ быть признаны необходимыми, ибо на нихъ ежегодно отпускается отъ города вполне достаточная сумма; 5, магистратъ не объяснилъ употребленія 3 т. р., ежегодно зарабатываемыхъ казначейю городу отъ свадебъ, театровъ, и др. случаевъ; 6, нѣкоторые расходы (содержаніе письмоводителя и разсылныхъ, выдача 300 р. Филистри и пр.) показаны магистратомъ вдвойнѣ; 7, вопреки заявленію магистрата, подтвержденному и слѣдователями, будто изъ собранныхъ денегъ „никакой части ни у кого въ удержаніи не осталось“, изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что изъ собиравшихся податей удержано: альтерманами: Дмитриемъ Плахотниковымъ 40 р., Семеномъ Зайкинымъ 25 р., Семеномъ Щербинскимъ 365 р., Романомъ Бровариновымъ 120 р. и сборщиками Саввою Моровскимъ (выдавшимъ на имя городской комиссіи вексель) 435 р. 20 к., Семеномъ Лагодой 213 р. и Иваномъ Пондиновымъ 54 р., всего же удержано 1252 р. 20 к.; между тѣмъ деньги эти еще до сихъ поръ не внесены въ магистратъ, а слѣдователи не потребовали отъ послѣдняго объясненій.

но такъ какъ 1, та раскладка налоговъ составлялась магистратомъ съ участіемъ только подчиненныхъ ему старшинъ и цех-мейстеровъ безъ всякаго согласія и приговоровъ общества, и 2, излишне-собранныя деньги не только употреблены магистратомъ безъ вѣдома и согласія общества, но и при томъ на такія нужды, на которыя по штатамъ и назначеніямъ опредѣлена особая сумма, то, поэтому, примѣняясь къ существующимъ на этотъ предметъ законамъ¹⁾, въ которыхъ для введенія налога требуется согласіе всѣхъ членовъ городского общества, онъ (т. е. прокуроръ) находилъ излишнее взысканіе податей неправильнымъ и противорѣчащимъ прямому смыслу закона, а дѣйствія губернскаго правленія, оставившаго эти противозаконныя распоряженія членовъ магистрата и ремесленной управы, не смотря на протесты Кравченка и съ нимъ 42 мѣщанъ, противорѣчащими смыслу 96 ст. Высоч. о губ. учрежденія.

Въ свою очередь и Кравченко, въ дополненіе къ указаннымъ выше прокуроромъ упущеніямъ, въ поданномъ 14 дек. 1823 г. прошеніи сдѣлалъ еще нѣсколько важныхъ разъясненій: онъ сообщилъ: а, что тѣ мѣщане (сосланные, бѣжавшіе, больные, бѣдные, умершіе и пр.), за которыхъ по объясненію магистрата будто бы уплата податей падала на все общество, уплачивали налоги сами черезъ своихъ родственниковъ или наслѣдниковъ, при чемъ имущество такихъ лицъ бралось въ опеку, а малолѣтніе наслѣдники отдавались въ обученіе мастерамъ, отчего и расходъ въ 26,501 р. 87 к., выведенный по этой статьѣ магистратомъ, теряетъ подъ собою всякую почву и вполне подлежитъ возврату потерпѣвшимъ мѣщанамъ, и б, что вообще онъ, Кравченко, не признаетъ необходимости со стороны магистрата вводить новые налоги на мѣщанъ, такъ какъ въ городской казнѣ должно было находиться до пожара 9 іюля 1811 года болѣе 600,000 р., изъ коихъ 200,000 руб. были отданы въ оборотъ питейному откупу; всю эту сумму, по словамъ Кравченка, бургомистръ Филиппъ Лаверда, „скрылъ“, пользуясь несчастнымъ случаемъ опустошитель-

¹⁾ 14 п. Высоч. уѣ. Пр. Сенату 16 авг. 1802 г.; 12 глава регламента глав. магистрата, изд. 16 янв. 1721 г.; 26 ст. воеводскаго наказа 12 сентября 1728 г. и указъ 15 окт. 1773.

наго пожара 9—11 июля 1811 г., и что назначенная для приведения въ известность бывшего городского капитала комиссия изъ шести гражданъ открыла болѣе 300,000 руб., находившихся въ рукахъ Лаверды и Григоренка, которыми сверхъ того присвоены себѣ городскія пожарныя и рекрутскія суммы,—объ этомъ, онъ, Кравченко, своевременно заявлялъ уже губернскому правленію и просилъ назначить комиссію изъ 12 представителей города, по ровну отъ cadaго изъ его сословій: чиновниковъ, почетныхъ гражданъ и простыхъ мѣщанъ, однако же губернское правленіе не постановило по его заявленію никакого рѣшенія, вслѣдствіе признанія его доносомъ. Указавъ такимъ образомъ на существованіе весьма значительнаго для своего времени капитала, избавлявшаго магистратъ отъ необходимости дѣлать сверхсмытные сборы и расходы, Кравченко безпощадно разоблачилъ всѣ доводы и оправданія своихъ противниковъ¹⁾. Въ поданномъ же тогда министру юстиціи прошеніи онъ сообщаетъ подробности о томъ, какъ общество согласилось на указанные въ объясненіи губернскому правленію расходы: 18 апрѣля 1824 г. слѣдователи Дуровъ и Бакаловъ съ членами магистрата собрали общество гражданъ въ контрактномъ домѣ и потребовали подписки къ „закрытію винности“ какъ

¹⁾ По словамъ Кравченка 1, на содержаніе городской капеліи употреблялось ежегодно по 2,500 р. изъ 110,000 руб. Высочайше разрѣшенныхъ къ ежегодному отпуску городу Кіеву изъ доходовъ по винному откупу, что вмѣстѣ съ ежегодно зарабатываемымъ ею (3,000 р.) и составляло ея содержаніе; 2, содержаніе экзекуцій производилось ежегодно изъ особаго, опредѣленнаго на мясниковъ, налога; 3, пріобрѣтеніе и исправленіе пожарныхъ орудій дѣлалось на счетъ комиссіи о городскихъ доходахъ и расходахъ; 4, извозчики при вносѣ податей въ казначейство не употреблялись, такъ какъ деньги туда доставлялись черезъ урядниковъ; 5, письмоводителю и рассыльнымъ назначалась сумма изъ городской комиссіи; 6, ремонтъ домовъ, находившихся подъ помѣщеніемъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, представлялся ненужнымъ, ибо всѣ городскія присутственныя мѣста помѣщались въ тольке что, въ 1819 году, отдѣланномъ на средства комиссіи, контрактномъ домѣ; 7, расходы на рекрутъ производились изъ суммъ особаго сбора съ мѣщанъ, наложеннаго исключительно для этой цѣли, отъ котораго были остатки, — почему и расходъ въ этой статьѣ магистратъ вывелъ неправильно; 8, кавалеру Фялистри уплочено за хронологическую табель изъ суммъ, собранныхъ съ мѣщанъ, пожелавшихъ имѣть выѣскы, отъ какой суммы оставались еще деньги; 9, для уплаты за воловъ, при составленіи таксы на мясо, по распоряженію Сената, былъ установленъ особый налогъ; 10, бойня выстроена мясниками на собственный счетъ;

войта, такъ и его сотрудниковъ, бургомистровъ, ратсгеровъ и др.; мѣщане зашумѣли, заволновались и не хотѣли подписываться; многіе стали выходить; тогда бургомистръ Романовскій приставилъ къ дверямъ двухъ сторожей, кричалъ и приказывалъ не выпускать не подписавшихся, послѣ чего „насиленнымъ образомъ къ подпису принуждалъ разными угрозами“, предлагая каждому изъ присутствовавшихъ отдѣльно въ подписи три бумаги: „одну за городъ“, „другую за Кравченка“, а третью—„кто вовсе не хочетъ подписаться“. На другой день 19-го марта члены магистрата собрали всѣхъ цеховыхъ мѣщанъ и подъ угрозами потребовали отъ нихъ такой же подписки,—подписавшихся набралось 650 человекъ, изъ которыхъ многіе не знали того, что они подписываютъ. Члены магистрата, оправдываясь отъ обвиненія Кравченка въ вымогательствѣ подписей, подали въ Сенатъ объясненіе, въ которомъ утверждали, что 650 мѣщанъ, подписавшихся на согласіи своемъ съ дѣйствіями магистрата, составляютъ изъ общаго числа 6000 душъ кіевскихъ мѣщанъ то почетнѣйшее общество, которому одному подлежитъ вѣдать городскія нужды,—остальные же по ихъ расчету или находятся подъ судомъ, или въ безвѣстной отлучкѣ, или сосланы въ Сибирь, или принадлежатъ къ малолѣткамъ, больнымъ, калѣкамъ, старцамъ, умершимъ и пр. и пр.; въ этомъ же объясненіи, члены магистрата обвинили и Кравченка въ неимѣніи будто бы довѣренности отъ гражданъ на ходатайство въ судъ и въ совершеніи подлога на свидѣтельствѣ о поведеніи.

Новые слѣдователи Стринжа и Долинскій, приступивъ къ слѣдствію, потребовали объясненій отъ магистрата, ибо послѣднее слово принадлежало Кравченку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и представленія къ слѣдствію недостававшихъ въ прежней комиссіи тетрадей раскладокъ и сборовъ податей; отсюда начало нескон-

11, содержаніе магистрата производится изъ суммъ, ассигнуемой комиссією; 12, домъ, занимаемый магистратомъ, принадлежитъ обществу и не требуетъ ни малѣйшаго расхода ни на ремонтъ, ни на наемъ. Такимъ образомъ, Кравченко старался доказать, что никакихъ расходовъ изъ противозаконно и излишне собранныхъ денегъ 67,325 р. 43 к. не могло быть дѣлаемо и всѣ эти деньги вполнѣ должны быть взысканы съ виновныхъ.

чаемыхъ пререканій: магистратъ репортуеть, что расходы сдѣланы имъ съ согласія общества, правильно и въ дѣйствительности, обзывая показанія своего обличителя бездоказательными,—Кравченко же, въ свою очередь, довазываетъ, что магистратъ утаиваетъ передъ слѣдователями налоговая книги и тетради изъ боязни обнаружить свою вину и подвергнуться огромной денежной отвѣтственности, и считаетъ всѣ показанія членовъ магистрата клонящимися къ сокрытію своей виновности. Переписка и пререканія въ этомъ смыслѣ достигли крайнихъ предѣловъ, что представляется вполне естественнымъ, когда и войтъ и члены магистрата оставались въ своихъ должностяхъ и держали въ рукахъ власть, какъ надъ личностью, такъ и надъ имуществомъ гражданъ, когда подъ страхомъ угрозъ съ ихъ стороны всякій гражданинъ предпочиталъ молчать. Дѣло не подвигалось ни на шагъ впередъ, шла одна переписка, служившая доходною статьею... Кравченко „возымѣлъ зазрѣніе“ на одного изъ членовъ слѣдственной комиссіи, Стринжу, жаловался на него въ Сенатъ, и вмѣсто Странжи назначенъ былъ престарѣлый совѣтникъ главнаго кіевскаго суда Александровичъ. Но и съ назначеніемъ Александровича дѣло не подвинулось впередъ,—длилась только переписка, вмѣщавшая въ себѣ и пререканія, и споры, и утаиваніе магистратомъ документовъ, и напоминанія губернаторовъ о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, и министерскія распоряженія о томъ-же, и пр., и пр. Такъ время затянулось до октября 1826 г.; слѣдователи надумались, можетъ быть по совѣту съ магистратскими дѣльцами, воспользоуаться манифестомъ, изданнымъ въ этомъ году по случаю коронаціи Императора Николая Павловича, чтобы окончательно прекратить дѣло, и въ виду того, что расходы произведены городскими властями дѣйствительно, на общественныя нужды, съ согласія общества и пр., и пр.,—производство слѣдствія приостановили и вошли съ ходатайствомъ о прекращеніи дѣла по начальству, т. е. въ губернское правленіе, къ губернатору и, наконецъ, къ министру. Такимъ образомъ цѣль была достигнута: дѣло пролежало безъ движенія годъ, такъ какъ отвѣтъ министра былъ полученъ только 27 сентября 1827 г.—Въ предложеніи своемъ генераль-губернатору, министръ

внутреннихъ дѣлъ, обнаружилъ строгость и безпристрастное отношеніе къ подсудимымъ: не признавалъ возможнымъ прекратить начатое дѣло, напротивъ же того, считая необходимымъ удостовѣриться во всѣхъ произведенныхъ съ мѣщанъ сборахъ и привести въ извѣстность сдѣланные расходы, полагалъ поручить ихъ обревизованіе казенной палатѣ,—въ то же время онъ находилъ недостаточною подписку 650 мѣщанъ о законности и правильности сдѣланныхъ магистратомъ расходовъ, въ виду того, что имъ и предметы расходовъ-то не были извѣстны, и самое число ихъ 650 душъ незначительно, сравнительно съ общимъ числомъ душъ всѣхъ кіевскихъ мѣщанъ. Мнѣніе министра было сообщено слѣдователямъ черезъ губернское правленіе и 30 ноября 1828 года вновь возобновлена столь же долгая переписка того же содержанія: стали опять требовать присылки недостающихъ тетрадей, написали также и вопросные пункты съ требованіемъ указать виновнаго; въ магистратѣ ихъ положили подъ суею, и пожалуй тамъ они еще долго бы пролежали, если бы губернское правленіе не побудило къ отвѣту; отвѣтъ данъ былъ магистратомъ слѣдователямъ черезъ полгода послѣ запроса, т. е. 28 марта 1828 г.; въ немъ, кромѣ обычныхъ выраженій въ родѣ: „нивазкихъ книгъ, записоць, счетовъ, бумагъ и пр. по сей части не имѣется и были ли когда оныя,—свѣдѣній имѣть не можно“, магистратъ выдаетъ головою виновныхъ. Таковыми по его мнѣнію слѣдуетъ считать: бургомистра *Филиппа Лакерду* (тогда уже умершаго), бывшаго „нареченнымъ“ войтомъ въ 1813 и 1814 гг., войта *Михаила Григоренка* (тогда уже умершаго), избраннаго въ іюнь 1814 г. и „войтовавшаго“ до смерти своей въ 1826 г., казначеевъ, или, какъ ихъ тогда называли, „содержателей вступающихъ въ магистратъ переходящихъ по дѣламъ денежныхъ суммъ“: въ 1813 и 1815 гг. *Акима Барскаго* ¹⁾ (тогда уже умершаго); въ 1814 г. бургомистра *Константина Балабуху* (тогда уже умершаго); въ 1816 г. ратсгера *Василія*

¹⁾ Барскій Акимъ Александровичъ—членъ магистрата и общественной коммиссіи; у него братъ Романъ Александровичъ въ 1811 г. квартирсгеръ, въ 1819 г. членъ квартирной экспедиціи, въ 1825г. ратсгеръ; сынъ же его Семенъ Акимовичъ въ это же время лавникъ.

*Тохая*¹⁾; въ 1817 и 1819 г. *Антоня Лакерды*; въ 1818 г.—ратсгера *Никифора Болотина* (тогда уже умершаго), и въ 1819 г. ратсгера *Павла Романовскаго*. Этимъ „чиновникамъ“, принимавшимъ участіе въ раскладкахъ и сборахъ податей, должны быть, по объясненію магистрата, извѣстны всѣ подробности о тетрадахъ цеховъ и регистровыхъ товарищей. Но изъ названныхъ 8 подсудимыхъ пять лицъ было умершихъ, отъ остальныхъ трехъ магистратъ потребовалъ объясненія, которыя и представилъ начальству; отсюда возникаетъ новый приѣмъ въ поведеніи на судѣ представителей городского самоуправленія: вся вина складывается на умершихъ, какъ магистратомъ, молчавшимъ при ихъ жизни, такъ и оставшимися въ живыхъ содержателями суммъ.

Одновременно съ перемѣною въ характерѣ оправданій обвиняемыхъ измѣняется и составъ слѣдственной комиссіи: Александровичъ за болѣзнию и старостью выходитъ въ отставку, Долинскій получаетъ отъ губернатора другое назначеніе, и по опредѣленію губернскаго правленія въ слѣдственную комиссію поступаютъ: совѣтникъ главнаго суда Водынский и губернскій стряпчій Дротаевскій,—при чемъ личность послѣдняго совершенно ступшевается передъ Водыескимъ, обнаружившимъ, какъ видно изъ дѣла, достаточно и энергіи, и безкорыстія при производствѣ слѣдствія,—магистратъ старается вездѣ его очернить передъ начальствомъ, подсудимые вмѣсто отвѣтовъ пишутъ ему иногда выговоры, начальство дѣлаетъ ему часто замѣчанія и пр. Но обратимся къ даннымъ, добытымъ новыми слѣдователями. По показаніямъ Тохая, Романовскаго и Лакерды положеніе и характеръ управленія въ магистратѣ представлялся въ такомъ видѣ: они, подсудимые, дѣйствительно завѣдывали кассою, но въ раскладку податей никогда не вмѣшивались; войтъ Григоренко, какъ „первѣйшій по городу и магистрату начальникъ“, самъ вѣдалъ это дѣло; правда, онъ призывалъ къ раскладкѣ ремесленныхъ головъ, альтермановъ и цехмистровъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ членовъ магистрата, но

¹⁾ Тохай Василій Андреевичъ род. въ 1776 г., въ 1813 г. былъ избранъ лавникомъ, въ 1816 г. ратсгеромъ и въ 1818 г. бургомистромъ; его дѣда или прадѣда Михаила Тохая мы встрѣчаемъ въ 1751 г. райцею магистрата.

никто изъ нихъ „не могъ ни мало ни въ чемъ противно волѣ начальника своего войта Григоренка дѣйствовать“; всякія книги и тетради велись домашнимъ образомъ („по домашнему веденію“); всѣ остатки отъ податей, если они были, поступали въ руки Григоренка „для зависящаго отъ него, яко начальника, распоряженія“; въ заключеніе, обвиняемые предполагаютъ, что, быть можетъ, у наслѣдниковъ Григоренка уцѣлѣли еще какія-нибудь бумаги или тетради по взысканію податей. Съ своей стороны и магистратъ, принимая во вниманіе имѣвшіяся квитанціи, выданныя ремесленнымъ головамъ въ приемѣ отъ нихъ податей, считалъ отвѣтственными тѣхъ лицъ, имена которыхъ находились подъ росписками, именно: войта Михаила Григоренка, бургомистровъ Филиппа и Антона Лавердъ, да ратсгера Михаила Гоцаенка¹⁾; остальные же члены магистрата неприкосновенны будто бы къ дѣлу, потому что только первые „управляли по городу всѣми экономическими распоряженіями“. Водынскій понялъ хитрость магистратскихъ „чиновниковъ“ и, донося о причинахъ медленнаго производства слѣдствія, говоритъ: „члены магистрата уклоняются отъ отвѣтовъ и поясненій, взваливая все на умершихъ, и тѣмъ задерживаютъ ходъ дѣла“; само собою разумѣется, что опять возобновилась переписка о доставленіи нужныхъ свѣдѣній, и магистратъ по прежнему отдѣлывался невѣдѣніемъ и неимѣніемъ ихъ; а между тѣмъ, нѣкоторые изъ свидѣтелей показали, что всѣ книги и тетради лежатъ на сундукѣ въ присутственной „коморѣ“; слѣдователи рѣшаются лично отправиться въ магистратъ и забрать необходимые для нихъ документы, но это рѣшеніе почему то не приводятъ въ исполненіе, а снова спрашиваютъ свидѣтелей, дѣйствительно ли они видѣли тамъ тетради; члены магистрата, конечно, тогда же скрыли ихъ и смѣло отрицали эти невыгодныя для нихъ показанія. Такимъ образомъ, для опредѣленія количества растраты приходилось довольствоваться свидѣтельскими показаніями и документами, присланными въ началѣ слѣдствія

¹⁾ Гоцаенко, Михаилъ Степановичъ, род. въ 1770 г., былъ избранъ урядникомъ въ 1795 г.; въ 1796 г. словеснымъ судьей, въ 1808 г. квартирмейстеромъ, въ 1810 г. членомъ городской комиссіи, въ 1815 г. ратсгеромъ магистрата, а въ 1827 г. бургомистромъ

магистратомъ. Новыя свидѣтельскія показанія также однообразны, какъ и прежнія, хотя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились характерныя черты: въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ отвѣтовъ магистратъ говоритъ, что войтъ Григоренко былъ самовластнымъ человѣкомъ; „ему одному ремесленныя головы давали отчеты и онъ одинъ всѣми сборами и расходами распоряжался, приглашая къ оному (къ слушанію отчета?) изъ членовъ или почетныхъ гражданъ, кого ему угодно было, власти коего никто не противился“. Мѣщанинъ Евтушевскій рассказывалъ при слѣдствіи, что до Григоренка подати разлагались самимъ обществомъ; но, со времени своего избранія въ войты, Григоренко измѣнилъ этотъ порядокъ и сталъ раскладывать самъ; этотъ порядокъ продолжался около 10 лѣтъ, то есть до 1825 г. (когда слѣдствіе приняло серьезный оборотъ); послѣ того раскладку опять начали дѣлать по цехамъ и съ согласія цѣлаго общества. Если ремесленный голова, получивъ отъ Григоренка раскладку, пробовалъ возражать ему, что мѣщанинъ по бѣдности не въ состояніи уплатить по ней податей, то войтъ грубо перебивалъ его словами: „пусть идетъ ко мнѣ на винокурню работать, и я заплачу за него положенныя деньги“. Голова Плахотниковъ добавилъ, что когда онъ въ свою очередь указывалъ войту на бѣдность какого-нибудь обывателя, то Григоренко, „обижаясь тѣмъ, приказывалъ молчать и писать то, что онъ велитъ“. Нѣсколько не безынтересныхъ подробностей находимъ мы въ дѣлѣ и относительно уже извѣстной намъ подписки, данной 650 мѣщанами 18 апр. 1824 г., послужившей было основаніемъ къ прекращенію этого процесса. Когда, по словамъ свидѣтелей, въ контрактномъ домѣ собралось уже до 200 человѣкъ, то члены магистрата *Кисилевскій*¹⁾, *Лакерда*, *Балабуха*, *Мажный*²⁾, *Романовскій*, *Тар-*

¹⁾ Кисилевскій Иванъ былъ бургомистромъ до 1815 г., сынъ его Григорій, послѣдній войтъ, родившійся въ 1776 г., избранъ инстагаторомъ словеснаго суда при магистратѣ въ 1807 г., браковщикомъ суевъ въ комиссаріатъ въ 1808 г., ратсгеромъ въ 1813 г., бургомистромъ въ 1815 г. (слѣдовательно тотчасъ же послѣ

²⁾ Мажный Андрей Гавриловичъ род. въ 1770 г., въ 1802 г. былъ избранъ аукціонистомъ, въ 1803 г. урядникомъ словеснаго суда, въ 1806 г.,—съ учрежденіемъ квартирной комиссіи,—квартирникомъ въ 3 подольскую часть; въ 1812 г. „во

новскій ¹⁾, Гоцаенко, Гроздовскій, Тохай и Пирожковъ стали упрашивать мѣщанъ согласиться „подарить“ имъ излишне перебранныя деньги, убѣждая ихъ въ томъ, что деньги истрачены на общественныя нужды; когда же многіе, не соглашаясь на подпись заготовленныхъ о томъ бумагъ, стали выходить, то двери заперли, послѣ чего первыми подписались члены магистрата, а за ними всѣ прибывшіе мѣщане, „боясь негодованія“ со стороны представителей городского самоуправления.

Теперь же, 1 авг. 1828 г., послѣ того, какъ подписка эта была признана министромъ внутреннихъ дѣлъ малозначущею и неубѣдительною и сдѣланное на основаніи ея представленіе слѣдователей Александровича и Долинскаго о превращеніи дѣла въ силу Всемилоствѣйшаго манифеста 1826 году не увѣн-

смерти отца), въ этомъ же году онъ получилъ за исправное содержаніе на почтовыхъ станціяхъ курьерскихъ лошадей Высочайшую награду: золотую медаль на Александровской лентѣ съ надписью „за усердіе“; назначенъ региментаремъ, т. е. предводителемъ вооруженнаго регимента, по заведенному въ Кіевѣ издревле порядку, изъ гражданъ кіевскихъ конныхъ и пѣшихъ, состоящаго для выполненія церемоніаловъ, опредѣленныхъ въ дни Богоявленія Господня 6 января, Маковея 1 августа, — въ 1823 г.; въ войты избранъ 26 января 1826 г.; 8 іюля 1826 г. присутствовалъ при коронаціи Императора Николая Павловича и получилъ серебрянную медаль 1-го разряда съ бюстомъ Государя; въ томъ же году награжденъ золотою медалью на голубой лентѣ съ надписью „за усердную службу“; наконецъ въ 1832 г. ему „за особенную дѣятельность по засвидѣтельствуванію начальства“ (вѣроятно во время польскаго мятежа 1830 и 1831 годовъ) пожалованъ орденъ св. Анны 3 ст.

время французской кампаніи исполнялъ разныя порученности, какъ по назначенію городского общества, такъ и бывшаго тогда губернаторомъ де-Санти для устройства по тому случаю разныхъ потребностей и въ охраненію города отъ опасности“; въ 1818 г. былъ избранъ лавникомъ; въ 1819 г. ратманомъ кіевской полиціи; въ 1831 г. ратсгеромъ магистрата. Региментаремъ Мажный былъ назначенъ въ 1826 г., когда Киселевскій сдѣлался войтомъ.

²⁾ Тарновскій Климентъ въ поданномъ въ концѣ декабря 1815 г. прошеніи объ увольненіи отъ должности вслѣдствіе потери зрѣнія заявляетъ, что онъ вступилъ въ общественную службу въ 1776 г. и послѣдовательно проходилъ должности комиссіонера по продажѣ соли, покупцѣ лѣса для постройки городскихъ зданій, по починкѣ мостовъ и городскихъ домовъ, квартирмейстера, эконома питейной конторы, словеснаго судьи, депутата въ комиссію обывательскихъ книгъ, казначея, ратмана въ управѣ благочинія (полиціи), ратсгера и бургомистра магистрата и, наконецъ, члена Высочайше учрежденной въ 1806 г. о городскихъ доходахъ и расходахъ комиссіи.

чалось успѣхомъ а производство слѣдствія находилось въ рукахъ несдававагося Водынскаго, члены магистрата пожелали воспользоваться этимъ днемъ, какъ торжественно праздновавшимся кievскимъ мѣщанствомъ въ тѣ времена. Въ день 1-го августа мѣщане собирались по цехамъ; былъ городской праздникъ общій для всѣхъ цеховъ; послѣ церковной церемоніи съ пальбою изъ ружей и пушекъ давалось обильное угощеніе на счетъ городскихъ суммъ и шло общее веселье, рассчитывая на которое, члены магистрата, заранѣе изготовивъ 16 экземпляровъ (по числу 16 цеховъ) подписныхъ листовъ „по предмету, что Кравченко бунтуетъ всѣхъ“, передали ихъ въ каждый цехъ цехмистрамъ и ремесленнымъ головамъ, строго наказавъ тѣмъ побудить мѣщанъ къ подписи листовъ; наблюдать за подписями ихъ взялся ратсгеръ *Коробка* ¹⁾, выполнившій, хотя и не съ большимъ успѣхомъ, взятую на себя роль.

Впослѣдствіи, по словамъ нѣкоторыхъ свидѣтелей (мѣщан. Игната Подоляки и др.), оказалось, что общество, не согласное ни на сборъ излишнихъ денегъ, ни на расходъ ихъ, какъ въ 1824 г., подписывалось на этихъ бумагахъ по принужденію; да и могло ли то быть иначе, когда мѣщане въ подпискахъ, данныхъ ими 1-го августа просили о прекращеніи дѣла, подъ тѣмъ предлогомъ, что и на сборъ излишнихъ денегъ они были будто бы согласны, и расходъ изъ нихъ былъ имъ извѣстенъ, и самыя излишніе налоги ихъ не обременяли.

Водынскій и Кравченко неоднократно указывали, хотя и тщетно, что пока власть находится въ рукахъ подсудимыхъ, то они всячески будутъ продолжать ставить преграды правосудію, то скрывая отъ слѣдователей и суда всякіе письменные документы, то вліяя на свидѣтелей, то на цѣлое общество, какъ это и случилось при „исторженіи“ подписоевъ; къ тому же въ это время должность прокурора, оффиціального обвинителя всякой неправды въ Кіевѣ, занялъ родной сынъ войта, привосновеннаго

¹⁾ Коробка, Федоръ Михайловичъ, родившійся въ 1784 г., въ 1813 г. былъ избранъ урядникомъ серебрянаго цеха; въ 1815 г. цехмистромъ и альтерманомъ того же цеха; въ 1824 г. инстигаторомъ въ словесный судъ; въ 1826 г. ремесленнымъ головою и въ 1829 г. ратсгеромъ магистрата.

къ дѣлу о злоупотребленіяхъ въ городскомъ управленіи, Н. Г. Кисилевскій, потребовавшій немедленнаго представленія себѣ дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось, съ желаніемъ поскорѣе его закончить; когда же слѣдователи не нашли возможнымъ выполненіе его требованій, то онъ писалъ имъ выговоры и дѣлалъ невыгодныя о нихъ представленія ихъ прямому начальству. Дошло до того, что слѣдователи въ 1829 г. вынуждены были жаловаться на прокурора, который своимъ настоятельнымъ требованіемъ прекратить слѣдствіе обнаруживалъ ужь „слишкомъ снисходительное въ сторону магистрата и войта Григорія Кисилевскаго предложеніе“. Въ свою очередь и подсудимые Кисилевскій, Лакерды, Григоренко, Балабухи, Романовскій и др., чувствуя, что на ихъ сторонѣ обвинительная власть, почли себя въ правѣ не давать слѣдователямъ отвѣтовъ, ссылаясь на „безыменность доказательствъ и обвиненій Кравченка“ (въ своихъ бумагахъ онъ, говоря о злоупотребленіяхъ магистрата, не называлъ членовъ его по фамиліямъ); далѣе, требованіе Водынскимъ объясненій „объ исторженіи у цеховъ подписокъ“ они называли слѣдовательскимъ „обмысломъ“ и считали его, имѣющимъ „наклонность къ доносителю“, подлежащимъ къ устраненію отъ слѣдствія, въ силу отд. 1 (о судьяхъ) указа 13 ноября 1724 г.—При такомъ положеніи дѣла губернское правленіе, на основаніи предложенія прокурора, хотя и „почло сію комиссію (т. е. слѣдователей) виновною за напрасное якобы домогательство и навлеченіе на членовъ магистрата и управы ремесленныхъ цеховъ сокрытіе нужныхъ свѣдѣній“, тѣмъ не менѣе предписало слѣдователямъ потребовать отъ обоихъ учреждений „доказательствъ, отвѣтовъ и оправданій по жалобѣ Кравченка“. Магистратъ упорно молчалъ, и слѣдственная комиссія, не получивъ отъ него никакихъ доказательствъ, отвѣтовъ и оправданій по жалобѣ Кравченка, принуждена была закончить дѣло, при чемъ, не смотря на всю неблагопріятную обстановку для раскрытія совершенныхъ городскимъ управленіемъ преступленій, она, основываясь на бывшихъ въ ея разсмотрѣніи доказательствахъ, опредѣлила противузаконный сборъ съ гражданъ и растрату его въ суммѣ 119,145 р. 99¹/₄к., которую и полагала взыскать съ винов-

ныхъ членовъ магистрата и ремесленной управы и возвратить потерпѣвшимъ¹⁾. Магистратъ заявилъ, что это исчисленіе ни на чемъ не основано и призналъ за собою излишне собранныхъ лишь 40,853 р. 43 к. податей, издержанныхъ на удовлетвореніе городскихъ потребностей, согласно тѣмъ отчетамъ, которые были представлены ими слѣдователямъ Дурову и Бавалову.

30 апр. 1830 г., т. е. почти черезъ 10 лѣтъ со времени подачи Кравченкомъ первой жалобы своей дѣло изъ слѣдственной комиссіи со всѣми счетами и бумагами перешло на ревизию въ контрольное отдѣленіе казенной палаты, которое, рассмотрѣвъ все дѣлопроизводство, въ сентябрѣ 1832 года, принявъ во вниманіе только одни документальныя данныя и оставивъ въ сторонѣ свидѣтельскія показанія, признало растрату, совершенною магистратомъ и ремесленную управою, подлежащую взысканію съ нихъ въ количествѣ лишь 68,557 руб. 44¹/₂ коп.²⁾ Растворка³⁾ этихъ денегъ на виновныхъ членовъ магистрата и ре-

¹⁾ При слѣдствіи, изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось, что ежегодно по цехамъ дѣлался еще сборъ на „ралець“. Откуда и съ какого времени въ Кіевѣ практиковался этотъ налогъ, никто не зналъ; въ описываемое же время онъ простигался до 150 руб., т. е. около 10 р. съ каждаго цеха; на собранныя деньги къ Рождеству и Пасхѣ отъ каждаго цеха покупался „ралець“ (хлѣбъ, соль, вода и сахаръ), и представители его цехмистры возили свои приношенія войту и членамъ магистрата при поздравленіи ихъ съ праздникомъ; отказаться отъ ралеца значило обидѣть мѣщанъ и показать имъ свое неудовольствіе. Сборъ на „ралець“ входитъ въ общую сумму начета.

²⁾ Сумма въ 68,557 р. 44¹/₂ к. образовалась по слѣдующему расчету казенной палаты: а) излишне взыскано податей 71,130 р. 17 к., изъ этой суммы исключается правильнаго расхода 7,234 р. 16¹/₄ к., а 63,896 р. 1¹/₄ к. подлежитъ возврату; изъ нихъ на долю ремесленныхъ головъ и алтермановъ падаетъ 2,072 р. 15¹/₄ к. и на магистратъ 61,823 р. 86 к.; б) излишне взыскано рекрутскихъ денегъ 3,171 р. 53 к., обязанность возвратить которые лежитъ на ремесленныхъ головахъ; в) собранныя на ралець 1071 р. 50 к. подлежатъ возврату съ тѣхъ, кто ихъ собралъ на праздники и принималъ въ подарокъ, и г) 418 р. 40 к. по претензіямъ цехмистровъ къ тѣмъ лицамъ город. управленія, къ коимъ заявлены будутъ ими требованія (сюда отнеслись претензіи на такіе расходы, какъ, напримѣръ, 95 р. за купленную на счетъ города корову для войта Григоренка, 31 р. 90 к. на угощеніе ремесленнаго головы Бугаевского и на покупку для него сахару и хлѣба за то, что онъ разрѣшилъ перевести цехъ въ болѣе удобное помѣщеніе и пр. и пр.).

³⁾ Съ 1813 по 1820 г. представителями кіевского общественнаго управленія были: въ должности войта Ф. И. Лакерда (1813—1814), М. И. Григоренко (1814—1826), съ которыхъ, какъ „перводѣйствовавшихъ“, контр. отд. казен. пал. предположило

месленныхъ управъ произведена была контрольнымъ отдѣленіемъ казенной палаты сообразно съ іерархическимъ положеніемъ ихъ въ городскомъ управленіи и по степени участія каждаго изъ нихъ въ преступленія. Затѣмъ отдѣленіе, согласно мнѣніямъ гг. генераль-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, признало подписки мѣщанъ, одобравшія дѣйствія городскихъ представителей, выданныя ими въ 1824 и въ 1828 г., ничтожными, какъ въ виду обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ составленіе, такъ и потому, что при разсмотрѣніи онѣ оказались подписанными и самими же обвиняемыми, находившимися подъ слѣдствіемъ, и лицами, не имѣвшими права подписи ихъ (иностранцы, пріѣзжіе купцы и др.); въ виду пристрастнаго, принужденнаго и противузаконнаго характера собиранія подписей городскими представителями, контрольное отдѣленіе виновныхъ полагало привлечь къ уголовной отвѣтственности; этой же отвѣтственности должны были подлежать, по его мнѣнію, и члены магистрата, скрывшіе книги, тетради, счета и всякаго рода документы, столь необходимые въ данномъ дѣлѣ; для устраненія же въ будущемъ подобныхъ злоупотребленій магистратъ и ремесленные управы обязательно должны были завести шнуровыя прихода-

взискать—съ Лакерды 7,960 р. 34½ к. и съ Григоренка 8,055 р. 89½ к.; въ должности бургомистровъ, съ которыхъ опредѣлялось—съ Я. И. Барлая (1813—1815), Я. К. Спѣжка (1813), М. И. Безсмертнаго (1813, 1814, 1816, 1818), К. С. Балабухи (1814, 1815, 1819), Б. П. Барщевскаго (1815, 1817), Г. И. Кисилевскаго (1815, 1816, 1819), Я. Т. Кобца (1817, 1820), В. А. Тохая (1818), К. И. Тарновскаго (1820) по 2856 р. 19¾ к. съ каждаго; въ должности ратсгеровъ, съ которыхъ назначено было взисканіе, К. С. Балабухи (1813), В. Н. Пирожкова (1813, 1816 г), П. В. Ризенка (1814, 1817), Г. И. Кисилевскаго (1814), А. С. Балабухи (1815), М. С. Гоцаенца (1815, 1818), В. А. Тохая (1816) А. Ф. Лакерды (1817 и 1820), Н. Т. Болотина (1818), П. П. Романовскаго (1819), С. С. Балабухи (1819), Я. И. Гроздовскаго (1820) по 2,289 р. съ каждаго; въ должности ремесленныхъ головъ, съ которыхъ назначено было взисканіе: Г. И. Иванченка (1813, 1814)—2,797 р. 7¾ к., Г. Богаевскаго (1819—1820)—2,094 р. 42¾ к. и И. С. Приза (1815), Я. И. Гроздовскаго (1816, 1817), О. Н. Диковскаго (1818) по 20 р. 21¾ к. съ каждаго; въ должности алтрмановъ, съ которыхъ и назначено было взисканіе: Ф. С. Моровскаго (1813), И. М. Синельникова (1814), А. Н. Новохацкаго (1814), С. С. Приза (1813), Ф. Т. Топальскаго (1813, 1814) Е. И. Лисенка (1813), П. С. Козыря (1814—1816), И. Г. Лукьяненка (1815), Ф. В. Замыслѣвскаго (1815), Ф. М. Коробки (1815), В. Н. Шафаревскаго (1816), С. Т. Каминовскаго (1816), Н. Т. Ванжи (1816), Н. И. Борзакова (1817),

расходныя книги и вести записи въ нихъ всѣхъ поступающихъ и исходящихъ суммъ, а также производить раскладку податей, согласно существующимъ для этого законамъ; стародавній обычай „ральцы“, какъ несогласный съ законами, уничтожить; слѣдовательно Водынскому за медленность и другія упущенія при производствѣ слѣдствія сдѣлать выговоръ. Въ заключеніе палата высказала, что, оставивъ въ сторонѣ свидѣтельскія показанія и основываясь исключительно на имѣвшихся въ дѣлѣ далеко не всѣхъ книгахъ и тетрадяхъ, она исчисляла растрату въ 68,557 р. 44¹/₂ к., но что растрата эта въ сущности оказалась бы гораздо больше, если бы магистратъ не скрылъ документовъ о сборѣ и расходованіи общественныхъ суммъ и тѣмъ не нарушилъ бы существующихъ законовъ, по которымъ виновные подвергались исключенію изъ общества, лишенію имущества и даже смертной казни¹⁾.

Изъ казенной палаты обревизованное дѣло поступило, вмѣстѣ съ составленнымъ къ нему экстрактомъ и таблицами, на рѣшеніе въ уголовную палату, согласившуюся съ мнѣніемъ казенной и положившую растроченныя деньги взыскать съ виновныхъ. Изъ уголовной палаты дѣло перешло на утвержденіе къ гражданскому губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ; въ высшихъ инстанціяхъ взгляды разошлись со взглядами казенной и уголовной палатъ: губернаторъ, примѣняясь къ ст. 147—154 V т. свод. зак. и ст. 310 т. IX, находилъ дѣйствія обвиняемыхъ не противными симъ узаконеніямъ, почему и предлагалъ освободить членовъ магистрата и ремесленной управы отъ опредѣляемаго взысканія; затѣмъ губернаторъ призналъ

С. С. Кириченко (1817), И. И. Щербини (1813), Ф. Г. Михайловскаго (1817), Т. К. Островскаго (1818), Г. И. Шеня (1818 г.), М. П. Могилы (1819), Д. Я. Плахотникова (1819, 1820 г.), К. К. Клименко (1818), Я. Ф. Воробьевскаго (1819 г.), М. И. Миньковскаго (1819), Ф. Г. Птицкаго (1820), С. Ф. Песоцкаго (1820), изъ нихъ назначены были взысканія съ Островскаго 445 р. 57¹/₂ к., съ Воробьевскаго 134 р. 88⁹/₉ к., съ Д. Плахотникова 120 р. 68 к., а съ остальныхъ по 20 р. 21⁹/₄ к. съ каждаго.

¹⁾ Глава магдеб. права—объ обязанностяхъ членовъ ратуши; гл. 90 Генерал. Реглам., п. 210, 229, 271; Уст. полиц., ст. 84 и 87; Город. полож., п. 26; Воевод. нах. изд. 12 сент. 1728 г.; указы 25 авг. 1713 г., 24 дек. 1714 г. и 22 іюня 1720 г.; указы сената, присланные изъ канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ въ кiev. магистратъ въ 1739 и 1740 г.; указы 11 дек. 1744 г., 26 сент. 1780 г., 3 мая 1783 г., 18 фев. 1798 г. и 8 сент. 1801 г.

Кравченка неправоспособнымъ къ веденію дѣла противъ магистрата на основаніи довѣренности, имѣющей на себѣ только 60 подписей, въ то время какъ по указу сената 9 мая 1805 г. такая довѣренность должна быть выдана отъ лица $\frac{2}{3}$ всего общества; подпискамъ же 650 гражданъ въ 1824 г. и 16 цеховъ въ 1826 г., одобвившимъ дѣятельность магистрата и признаннымъ раньше генераль-губернаторомъ, министромъ и всѣми вообще инстанціями ничтожными, онъ даетъ полное довѣріе и на основаніи ихъ считаетъ и сборъ и расходъ излишне собранныхъ денегъ правильнымъ, а для предупрежденія на будущее время подобныхъ злоупотребленій губернаторъ полагалъ необходимымъ завести шнуrowыя книги, куда записывались бы всѣ поступающіе въ магистратъ суммы; этою мѣрою, по его мнѣнію, сами собою прекратятся всѣ противозаконные сборы и расходы.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, принимая во вниманіе, что въ теченіи восьми лѣтъ, когда производилось излишнее взысканіе податей, жалобъ на обременительность поборовъ не поступало, что доносъ сдѣланъ Кравченкомъ изъ вражды къ членамъ магистрата, что со времени начала дѣла прошло болѣе 15 лѣтъ, въ теченіи которыхъ многіе изъ подсудимыхъ поумирали, и, въ случаѣ обвиненія ихъ, отвѣтственность ляжетъ всею своею тяжестью на невинныхъ ихъ семейства, что хотя расходъ собранныхъ денегъ и произведенъ магистратомъ „самопроизвольно и въ безпорядкѣ“, но тѣмъ не менѣе на общественныя нужды и согласно желаніямъ городского общества, что и выражено въ подписяхъ лучшихъ гражданъ кіевского общества и приговорахъ цеховъ, и что преступленія совершены до изданія манифестовъ 26 авг. 1826 г. и 16 апр. 1841 г., почему онъ, министръ, находитъ возможнымъ освободить членовъ магистрата отъ отвѣтственности и снять наложенное на ихъ имущество запрещеніе. Правительствующій Сенатъ, соглашаясь съ мнѣніемъ губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, 6 марта 1842 г. (спустя 20 лѣтъ послѣ начала дѣла) опредѣлилъ членовъ магистрата и ремесленной управы отъ отвѣтственности освободить и запрещеніе съ ихъ имущества снять.

При такихъ обстоятельствахъ хотя состоялось освобожденіе обвиняемыхъ городскихъ представителей отъ отвѣтственности за произведенныя ими злоупотребленія на службѣ, тѣмъ не менѣе растраты признаны всѣми правительственными лицами и мѣстами, но размѣръ ихъ, какъ мы видѣли, удалось скрыть обвиняемымъ, поэтому мы думаемъ, что Водынскій, былъ правъ исчисливъ эту растрату въ 119,145 р. 99¹/₄ к.

Перейдемъ къ другимъ дѣламъ, производившимся одновременно съ только что нами переданнымъ и рисующимъ дѣятельность городского кіевского самоуправленія.

II.

Въ 1824 г. возникло дѣло по обвиненію рочныхъ цехмистровъ кузнецкаго цеха Григорія Ценьковскаго, Ивана Щербини, Пантелеймона Козыря, Григорія Шеня, Антона Перепелицы, Григорія Пильника и Давида Ценьковскаго по жалобамъ на нихъ 20 рѣдниковъ за растрату собранныхъ съ нихъ 1350 р. податныхъ денегъ.

Двадцать рѣдниковъ съ женами своими и дѣтьми, отыскавъ свою свободу и освободившись по суду отъ крѣпостной зависимости, къ которой было привлекъ ихъ помѣщикъ радомысльскаго уѣзда Сугачъ, пожелали приписаться къ обществу кіевскихъ мѣщанъ, о чемъ и подали заявленіе въ ремесленную управу; со времени ихъ заявленія о припискѣ и по день разрѣшенія въ казенной палатѣ ихъ просьбы о томъ, вышеупомянутые рочные цехмистры успѣли взыскаъ съ нихъ 1350 р. податей, которые въ казначейство не поступили; кто ихъ удержалъ, слѣдствіе не обнаружило; казенная же палата требовала уплаты означенной суммы вдвойнѣ.

Деньги, очевидно, не миновали рукъ войта Григоренка и его товарищей, но на слѣдствіи и судѣ о немъ даже не упоминается; вся вина падаетъ на цехмистровъ, которые оправдывались тѣмъ, что, производя съ рѣдниковъ сборъ по приказанію ремесленной управы, они собранныя деньги представляли ей; управа же заявила, что деньги она передала въ магистратъ; послѣдній, въ свою очередь, по наведеннымъ будто бы справкамъ, отвѣ-

тиль, что цехмистры податей съ рѣдниковъ ни въ управу, ни въ магистратъ не представляли. Изъ обвиняемыхъ только одинъ Пильникъ сохранилъ росписку, выданную ему ратсгеромъ Ивановъ Смородиновымъ въ 1824 г. на пріемъ отъ него податей съ рѣдниковъ, остальные же всѣ растеряли свои росписки. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ 1-й департаментъ кіевскаго главнаго суда рѣшилъ, что, хотя бы и слѣдовало, въ силу 50-й главы Генер. Реглам. и 28-й гл. воинск. артик., поступить съ подсудимыми, какъ предписывалось тѣмъ закономъ, но, принимая во вниманіе манифестъ 1826 г., нашель возможнымъ ограничиться только взысканіемъ незаконно утаенныхъ цехмистрами податей, съ обращеніемъ ихъ въ уплату за рѣдниковъ и съ правомъ, вмѣсто денегъ, представить росписки управы или магистрата, буде онѣ у кого изъ нихъ найдутся. Рѣшеніе суда въ ноябрѣ 1829 г. было утверждено губернаторомъ и деньги съ цехмистровъ взысканы; магистратъ и управа остались внѣ всякихъ взысканій и отвѣтственности, хотя послѣдняя признавала за собою пріемъ денегъ отъ цехмистровъ и передачу ихъ въ магистратъ въ чемъ уличала обоихъ росписка Смородинова.

III.

Не мало интереса возбуждаетъ къ себѣ одно дѣло, если его разсматривать ради сравненія, въ связи съ только что нами изложенными, въ которомъ тотъ же кіевскій магистратъ является самъ судебнымъ мѣстомъ относительно проступковъ по службѣ низшихъ своихъ агентовъ, сборщиковъ податей; это—судебное дѣло кіевскаго магистрата о растратѣ въ 1835 г. сборщиками мѣщанами Федоромъ Фесенкомъ 154 р. и Язовомъ Григоренкомъ¹⁾ 111 р., податей собранныхъ съ кузнецкаго цеха.

При слѣдствіи открылось, что Фесенко и Григоренко на выборахъ, ссылаясь на свою бѣдность, умоляли членовъ управы избавить ихъ отъ выборной службы, не отрывать отъ работы и тѣмъ не лишать ихъ семей пропитанія. Управа не уважила ихъ просьбъ и въ результатѣ оказалась растрата собранныхъ денегъ

¹⁾ Однофамилецъ, но не родственникъ бывшаго войта.

которыя пошли на хлѣбъ для женъ и дѣтей голодныхъ сборщиковъ. Рѣшая это дѣло, магистратъ принялъ во вниманіе ст. 290, 292, 293 и 295 XV т. св. зак., и потому приговорилъ подсудимыхъ Фесеяка и Григоренка, „въ примѣръ имъ и въ страхъ другимъ, наказать черезъ низшихъ полицейскихъ служителей плетью и оставить на жительствѣ, внушивъ имъ, чтобы всячески старались остерегаться отъ подобныхъ поступковъ; а дабы впредь общество мѣщанъ г. Кіева несостоятельныхъ людей, не имѣющихъ своей осѣдлости, и неграмотныхъ въ должности сборщиковъ не выбирало, возложить пополненіе растраты на ремесленную управу; обществу же предоставить право получить удовлетвореніе съ подсудимыхъ“. Уголовная палата 20 дек. 1835 г. утвердила приговоръ магистрата, и въ маѣ 1836 г. полиція увѣдомила магистратъ о приведеніи ею этого приговора въ исполненіе.

И. Каманинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ МАЛУРУССКАГО НАРЪЧІЯ ВЪ XVII В. ¹⁾

Книжная малорусская рѣчь въ XVII вѣкѣ.

I.

Славенороссій лексиконъ Памвы Беринды.—Составъ лексикона.—Значеніе польскаго языка въ средѣ малорусскихъ писателей.—Взаимодѣйствіе вліаній между нарѣчіемъ малорусскимъ и польскимъ въ лексическомъ отношеніи.—Слова, встрѣчающіяся въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ.—Спрягаемое причастіе на *ль* съ глагольнымъ корнемъ *ис*.—Дѣйствительные полонизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Въ 1627 году напечатанъ былъ въ типографіи кіево-печерской лавры *Лексиконъ славенороссій* Памвы Беринды. Черезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ этого—въ 1653 году явилось второе (кутеинское) изданіе этой книги. Время между первымъ и вторымъ изданіемъ ея названо въ предисловіи къ этому послѣднему *не барзо долмиъ часомъ*, въ теченіи котораго лексиконъ Беринды „такъ ѡскѣдѣлъ, же ѡмалъ гдѣ ѡгò кидѣтъ бѣзо“ ¹⁾. Главнымъ

¹⁾ „Кіевск. Стар.“ 1888 г., Апрель.

¹⁾ Изъ бібліотеки кіевского университета кн. за № 74. Считаю нужнымъ предупредить тѣхъ, кто пожелаетъ пользоваться для изученія лексикона П. Беринды изданіемъ Сахарова (Сказанія русскаго народа, т. II), что оно на каждой страницѣ представляетъ множество опечатокъ и даже рѣзкихъ искаженій стариннаго текста. Для образца выписываю слово *тченіе*, которое у Сахарова объясняется подъ словомъ *тупносомъ* (sic) слѣдующимъ образомъ: „*тупносомъ*, плосконосій; *тченіе*, теанье полотна, или сукна; *або текстъ*, исправь послѣднюю строку, отъ самаго тченія, бо, чтенія, зле тамъ есть“ (стр. 106). И дѣйствительно, *зле есть*,—только не въ подлинникѣ, а въ выписанныхъ нами строкахъ, ибо здѣсь послѣ слова *текстъ* пропущены слова: „Бѣ: Ѧ: Ѧ: бѣѣ“ (174), т. е. „Бесѣды Іоанна Златоуста на посланія апостомскія“. П. Беринда предлагаетъ исправить слово „ѣѣѣѣ“, т. е. вмѣсто этого слова поставить слово „ѣѣѣѣ“.

побужденіемъ къ новому изданію его служило то обстоятельство, что „вѣлнкослѣвннй ѿ к мѣвѣ шырѣкнй ѡзвѣкъ славѣнскнй... тѣдѣно слѣ ѿ нѣзвнскѣ... не мѣло в' собѣ мѣт', зачѣ мнѣгѣ... которнхъ не чѣсто ѿдѣ зжнѣѣѣ, длѣ нѣвѣрѣзвѣмнѣ ѡмнѣ... мѣлнхъ з' чнѣлѣ ѡнѣслѣ пожнѣтѣ...“

И въ самомъ дѣлѣ, не велики были въ то время свѣдѣнія о славянскомъ языкѣ въ средѣ обыкновенныхъ читателей. Судить объ этомъ можно по тому, что въ лексиконѣ Беринды нѣкоторые слова приводятся въ разныхъ грамматическихъ формахъ, которыя, по видимому, затрудняли многихъ читателей такъ же, какъ и самое значеніе словъ. Такъ, напримѣръ, одни и тѣ же глаголы встрѣчаются въ 1 и 2 л. един. ч. наст. вр., хотя основною формою глагола считается первая изъ нихъ: вѣси (20), дѣмы (32): послѣдняя форма приведена для того, чтобы отличить ее отъ „дѣ“, стоящаго рядомъ съ мѣстоименіемъ „мы“. Одинъ и тотъ же глаголь объясняется въ формѣ аориста и преходящаго времени, въ формѣ повелит. накл. и причастія, напримѣръ, глаголь: наклѣнѣчн (54), а также формы: вѣстѣ (11), прѣстѣ (122), вѣждѣхѣсл (11), вѣдѣщѣ (11), коннѣ (16), коннѣмѣ (16) и т. п. Точно такъ же имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія часто приводятся въ косвенныхъ формахъ, напримѣръ: лѣкѣ (74), гадѣннѣ (27), замѣтѣвѣшнѣ (49), ѣмѣжѣ (4), мнѣ (78) и т. п.

Мы видѣли, что и въ средѣ писателей свѣдѣнія о славянскомъ языкѣ не отличались надлежащей полнотою и отчетливостію. Славянскимъ языкомъ они считали языкъ славянорусскій, употребляя его иногда въ сочиненіяхъ такого рода, которыя требовали рѣчи болѣе простой и естественной. Такъ, Петръ Могила въ собственноручныхъ запискахъ своихъ говорить о предметахъ и явленіяхъ обыденной жизни тѣмъ самымъ языкомъ, на которомъ написаны имъ же составленныя церковныя пѣснопѣнія и каноны. Чувствуется на каждой страницѣ его записокъ слишкомъ серьезный тонъ, который не соответствуетъ бытовымъ подробностямъ жизни. Приводимъ одинъ примѣръ изъ многихъ подобныхъ: „Въ градѣ Бѣлоцерковскомъ Яну Пивгловскому родися дщи. По обычаю же баба, въспрнѣмши отрѣча, пупожѣ

урѣза, нѣ недобрѣ связа. Не внемшижь се бабѣ, положи отроча въ корытцѣ, обѣ ноцѣ же кровь изъ отрочате течаше пупкомъ, кровію же исплвѣвъ, умираше“ (стр. 99).

Можно полагать, что и въ то время этотъ разладъ между словомъ и его содержаніемъ не могъ производить благопріятнаго впечатлѣнія на тѣхъ читателей, которые сознавали, что съ славянскою рѣчью нельзя было обращаться запросто, не роняя ея важности и достоинства. „Евангелія и Апостола, говорилъ еще І. Вишенскій, простымъ языкомъ не выворочайте; по литургіи же для выразумѣнія людского попросту толкуйте и выкладайте“¹⁾. Мысль о неприкосновенности славянскаго языка въ церковныхъ обрядахъ и богослужебныхъ книгахъ составляла общее убѣжденіе всѣхъ малорусскихъ писателей въ XVII в. Вотъ что пишетъ Арсеній Желиборскій, епископъ львовскій, въ предисловіи къ изданному имъ въ 1644 году Требнику: „штѣ са тѣчетъ новшынѣкыхъ, што дѣнь ѡтмѣннихъ, такъ тѣѣтѣ ѡако ѡ сѣнсѣ, ѡишимъ тупогрѣфѣамъ звычайныхъ корректѣръ ѡ поправкѣ, тымъ даллѣе покон: мѣючи за то, же в рѣчломъ (што дай Бже) чѣстѣ, за свѣщнимъ Архїерѣвкѣ православноѣ Цркви Россійскоѣ совѣтѣѣ, ѡ не ѡспалымъ старанїемъ, стѣнетъ ѣднѣ ѡакамъ статѣчнамъ ѡ не ѡмѣннамъ, такъ старшпрѣтѣламѣчѣныхъ книгъ корректѣра, ѡако, ѡ в ѡашомъ словѣнскомъ ѡзыцѣѣ ѣще не бѣлыхъ прѣтѣламѣчїе“²⁾.

Но какъ провести разграничительную линію между языкомъ *простымъ* и *непростымъ* „по литургіи“, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось говорить и писать „для выразумѣнія людского?“ Какъ воздержаться отъ книжнаго слова тамъ, гдѣ въ простомъ языкѣ не было подходящаго? Какъ устранить простое слово, не всегда удобное для выраженія важной мысли, тамъ, гдѣ книжное, болѣе солидное, было уже неясно?

Выходъ изъ этого положенія для малорусскихъ писателей представлялся въ сближеніи славянорусской рѣчи съ обыкновенною разговорною рѣчью грамотныхъ, „письменныхъ“ людей. Собственно говоря, вполнѣ сознательные первые шаги въ этомъ

¹⁾ АЗЮР. т. II, 210.

²⁾ Изъ бібліотеки вѣвской духовной академіи вв. подъ № с. 11.

направленіи сдѣланы были еще во второй половинѣ XVI вѣка, но, пока не приведены были въ извѣстность грамматическія особенности славянорусской рѣчи, оно не могло развиваться систематически. Только въ эпоху Петра Могилы, послѣ появленія грамматики Мелетія Смотрицкаго, сдѣлалось возможнымъ прочное взаимодѣйствіе между рѣчью книжною—славянорусскою и народною. Плодомъ этого взаимодѣйствія была *книжная малорусская рѣчь*, которая должна была удовлетворять, какъ людей болѣе книжныхъ своею грамматическою правильностію, такъ и людей менѣе книжныхъ своею общедоступностію. Писатели малорусскіе называли эту рѣчь *русскою мовою, російскимъ языкомъ*, иногда же просто—*языкомъ русскимъ*.

Сводъ матеріаловъ этой рѣчи мы имѣемъ въ *славеноросскомъ* лексиконѣ Памвы Берынды.

Началъ онъ свой трудъ въ домѣ благочестиваго пана Теодора Балабана, который понудилъ его, „аще и проста, реченія и имена славенская избирати“¹⁾. По смерти Балабана, Берында занимался исправленіемъ и печатаніемъ книгъ во Львовѣ. Какъ знатокъ типографскаго дѣла, вызванъ онъ былъ Елисеємъ Плетенецкимъ въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ должности Архитипографа кіево-печерской лавры (1632). Служебное положеніе его давало ему достаточныя побужденія и средства къ продолженію давно начатаго труда, которымъ занимался онъ въ теченіи тридцати лѣтъ своей жизни. Такимъ образомъ лексиконъ Берынды есть ничто иное, какъ записная книга умнаго типографа, который не могъ относиться безсознательно къ славянскимъ книгамъ, напечатаннымъ подъ его наблюденіемъ. Составитель лексикона имѣлъ въ виду прежде всего уяснить для самаго себя значеніе непонятныхъ для него словъ, руководствуясь не столько учеными соображеніями, сколько практическою надобностію. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Буслаева, что Берында былъ *ученымъ изслѣдователемъ*²⁾. Конечно, онъ былъ образованнымъ человѣкомъ своего времени: ему извѣстны были грамматическія формы словъ, правильное употребленіе и начертаніе

¹⁾ Сказанія русскаго народа, Сахарова, т. II, 7.

²⁾ Историческая христоматія Буслаева, 1111.

ихъ. Но мы не нашли въ лексиконѣ его того, что нашель г. Бу-слаевъ, т. е. „сравненія формъ различныхъ славянскихъ нарѣчій“¹⁾. Правда, Берында для объясненія значенія словъ прибѣгаетъ ино-гда къ другимъ славянскимъ и даже не славянскимъ нарѣчіямъ, но свѣдѣнія его въ этой области сбивчивы и скудны. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) пѣтель: чѣски и рѣски когѣтъ, колынки пѣкень, литѣ-ски пѣтѣхъ (133);

2) чпэгъ: кишѣна, шабѣлтѣ, бисѣга, тѣшка, кѣпа, тѣлокъ, кѣцокъ, слокацки, тѣрка, мошна, чѣ: тѣбѣла, мѣшо, оуѣорки, ѣршѣны (204).

Въ предисловіи къ первому изданію своего лексикона Бе-рында жалуется, что трудъ его былъ презираемъ со сторо-ны какихъ-то хульниковъ. Мы не знаемъ, въ чемъ заклю-чались мнѣнія этихъ хульниковъ. Можетъ быть, они смуща-лись наивной этимологіей лексикографа, который думалъ, что „цѣковъ назѣана ѣтъ ѡ царѣ, ѣжѣ цѣрскимъ дѣмомъ ѣтъ“ (201),—этимологіей тѣмъ болѣе странной, что въ другомъ мѣстѣ самъ Берында предлагаетъ другое—болѣе вѣроятное объясненіе слова *церковь*: „ѣтъ цѣковъ ѡкрѣжны ѡвѣдена и ѡвѣарѣвана цѣрклемъ, ѡ которого глѣва, и ѣтѣмонъ скѣн, чѣ ѣтъ, кѣкодѣ мѣтъ“ (219). Можетъ быть, они недовольны были граммати-ческимъ безпорядкомъ, который допускалъ Берында, отступая во многихъ случаяхъ отъ грамматической формы объясняемаго слова,—переводя, напримѣръ, слово „непорѣчнѣ“—словомъ: „сѣз-нагѣны“ (94), слово „тѣтнѣ“—словами: „гѣрѣмъ, перѣнѣ“ (174) и т. д. Могли не соглашаться они съ самою сущностію объяс-неній Берынды. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что для оцѣнки труда Берынды нужно принимать во вниманіе глухой намекъ его на современныхъ ему хульниковъ такъ же точно, какъ и мнѣніе кутейнскихъ издателей лексикона, которые назы-ваютъ его *потребнымъ и позитичнымъ для многихъ*. Дѣйстви-тельно, онъ былъ *потребнымъ и позитичнымъ*, какъ всякая

¹⁾ Смысл на кутейнское изданіе, приведенныя у Буслеева, при сличеніи оказались невѣрными.

справочная книга, съ которою можно было соглашаться и не соглашаться по мѣрѣ начитанности въ славянскихъ книгахъ и ученой подготовки самого читателя.

Въ наше время лексиконъ Берынды представляетъ интересъ этнографическій и историко-филологическій, какъ сборникъ старинныхъ понятій, вѣрованій и преданій, которыя отчасти сохранились въ народѣ и до настоящаго времени. Впрочемъ, для нашей цѣли гораздо важнѣе самый составъ *славянорусскаго* лексикона, и именно той части его, которую Берында называетъ *росскою*. Здѣсь собраны слова *подобоименные*, которыя Берында считалъ болѣе понятными для читателя, чѣмъ слова славянскія.

Итакъ, что же Берында называетъ словами *росскими*?

Во первыхъ, *славянорусскія* слова, свойственныя славянскому и всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, напр: „гѣри: гѣдѣ“ (30), „градѣ: ѿдѣ, проходѣ“ (32), „крѣвь: крѣвь, що в' тѣлѣ ѿ“ (68). Одно изъ этихъ словъ Берында сопровождаетъ любопытнымъ, орфографическимъ примѣчаніемъ: „благѣ, говоритъ онъ, гдѣ пишѣа безъ тѣтлы, въ русскои мовѣ значить: не гарѣдѣ, мдлѣ, недѣре, оуломне, зѣлно, лѣнѣко, гнѣсно, блѣдо, ѿне, що тѣрѣтѣ фѣрѣ мѣ“ (4). Сюда же относятся слова, выдуманная изъ корней славянорусскихъ: „бѣтѣ: бѣтѣсть“ (11), „кѣлѣ: кѣлѣко“, „высоко“ (13), „кѣкѣда: кѣнѣтѣкѣкѣдѣцѣ“ (16), „глубина: глѣбѣкѣсть“ (28).

Во вторыхъ, *общерусскія* слова: „блѣдѣтѣшѣ: погѣда, ѿсна погѣда“ (7), „ѿже: кѣтѣрѣй“ (63), „днѣсь: ѿгѣднѣ“ (34). Большею частію слова этой группы передаются посредствомъ измѣненія фонетики церковнославянскои на общерусскую: „кѣрака: кѣрѣка“ (67), „кѣрѣдѣ: кѣрѣзнѣ“ (10), „кѣждѣ: кѣждѣ“ (14), „загѣрѣдѣнѣ: загѣрѣжѣнѣ“ (47). Нѣкоторыя древнерусскія слова сдѣлались уже неопытными: такъ, слово „кѣтѣрѣ“ Берында считаетъ нужнымъ объяснить словомъ „кѣлѣ“ (67).

Въ третьихъ, польскія слова. Они представляютъ въ лексиконѣ Берынды значительный процентъ всего состава *росскихъ* словъ, причѣмъ объясняемыми словами иногда являются у него тѣ же польскія слова, напримѣръ: „жѣ: ѿ, лѣчь, кшѣкѣжѣ, ѿлѣ тѣжѣ,

„ѣ́зъ ѣлѣплѣщѣ“ (42); „кѣ́лѣ: ѣ́ша“ (63). Полагать надобно, что въ этихъ двухъ примѣрахъ польскія слова попали не на свое мѣсто по недосмотру лексикографа. По видимому, онъ считалъ нѣкоторыя слова, имѣющія въ польскомъ нарѣчїи специальное значеніе, органическою принадлежностію *росской мовы* въ томъ же значенїи: такъ, по поводу слова: „дѣ́ло“ онъ говоритъ: „роскѣ́ски ѣ́ полски стрѣ́блѣ кѣ́лѣкал зѣ́кѣтѣл“ (39). Вообще же онъ не считалъ искаженіемъ *росской мовы* употребленіе въ ней польскихъ словъ, лишь бы они написаны были славянскими буквами. Нерѣдко въ лексиконѣ своемъ онъ приводитъ *подобименныя* польскія слова для объясненія славянорусскихъ словъ, которыя не нуждаются въ объясненїи: такъ, при словѣ „кѣ́ра“ стоятъ у него: „нако́жѣтѣко, рѣ́лѣ“ (26), при словѣ „сѣ́ла“ — слова: „лѣ́щъ, тѣ́къ же цѣ́тѣ“ (136) и т. п.

Можно отчасти объяснить эту широкую терпимость Беринды къ польскимъ словамъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, какъ и большинство литературныхъ дѣятелей того времени, были уроженцы волынской и галицкой земли, гдѣ съ особенною силою чувствовалось вліяніе польской культуры съ литературнымъ и общественнымъ органомъ ея—польскимъ языкомъ. Но были и другія причины, дававшія этому языку вѣсть и значеніе въ глазахъ малорусскихъ писателей ХVІІ вѣка. Одна изъ нихъ указана въ книгѣ, которая вышла въ свѣтъ изъ типографїи кїево-печерской лавры въ 1645 году подъ заглавіемъ: „Сѣ́рѣ́нїе корѣ́ткон наѣ́ки ѡ́ артѣ́кѣлаѣѣ вѣ́ры православнока̀долѣ́чѣскон Хрѣ́стї́танскон“¹⁾. Въ предисловіи къ этой книгѣ, имѣвшей въ свое время для южной Руси глубоко православное значеніе, говорится, что она „ѣ́сѣ не́дѣ́лѣнѣ прѣ́шлогѣ“ напечатана была „дѣ́лѣ́тѣмѣ полѣ́кимѣ дѣ́лѣ пѣ́кнѣхъ ѣ́ покѣ́жнѣхъ прѣ́чїнѣ, а не мнѣ́н дѣ́лѣ тѣ́ен: ѣ́бѣ. о́ѣста неѣ́стѣдѣ́нѣхъ помѣ́вѣѣвѣ за́тѣ́мовѣ́ны былі, котѣ́рыѣ, ѣ́дѣ́чн не́прѣ́лѣ́тѣ́лн голѣ́внѣмн цѣ́ркѣн всѣ́ходнн, дѣ́лѣ́тѣмѣ полѣ́кимѣ смѣ́лн ѣ́ бѣ́жнѣнѣлѣ рѣ́знѣмн герѣ́зїѣмн цѣ́ркѣѣ православнока̀долѣ́чѣскѣѣ мѣ́жѣчн, свѣ́тѣѣ ѡ́гнѣ́жѣтн. ѣ́бѣ тѣ́кнѣмѣ же дѣ́лѣ́тѣмѣ (гды правѣ́нѣкоѣ,

¹⁾ Изъ император. публичной библіотеки кн. подъ № 13 (III—5).

вызнаніе цркви читати вбдѣтъ), зрѣжыны і поганцины, вѣчне зостакѣли. Типеръ заць повторѣ чѣм самѣм книжечка... дѣляктомъ рѣскимъ прѣ дѣжкѣ свѣтѣ пѣвликѣвѣтѣ...“ Выписанныя нами строки рисуютъ живую картину того отдаленнаго отъ насъ времени. Оказывается, что польскій языкъ проникалъ, такъ сказать, въ самое святилище церковно-литературной дѣятельности—именно потому, что она стремилась освободиться отъ польскихъ вліяній. Кто хотѣлъ распространить православныя идеи въ болѣе обширномъ кругу читателей, тотъ долженъ былъ обращаться къ польской рѣчи. Понятно такимъ образомъ, почему многіе малорусскіе писатели владѣли ею въ совершенствѣ. Самъ Петръ Могила написалъ лучшее свое сочиненіе попольски¹⁾. Отсюда ведутъ свое начало многіе полонизмы въ книжной малорусской рѣчи, отъ которыхъ не свободны были малорусскіе писатели не только въ періодъ польскаго государственнаго режима, но даже и тогда, когда онъ отошелъ уже въ вѣчность.

Есть нѣкоторая доля польской примѣси и въ самой народной малорусской рѣчи. Мы не беремся судить о томъ, какъ велика эта примѣсь. Думаемъ даже, что задача эта въ настоящее время совсѣмъ не выполнима за недостаткомъ подготовительныхъ работъ. Она будетъ рѣшена только тогда, когда мы будемъ имѣть истинно научный *историческій* словарь малорусскаго нарѣчія. Появился недавно малорусскій словарь Е. Желеховскаго, но это—простой перечень малорусскихъ словъ, составленный безъ всякой критики источниковъ²⁾. Во всякомъ случаѣ, не предрѣшая вопроса о вліяніи польскаго языка на малорусскій, считаемъ не излишнимъ замѣтить, что и въ польскомъ языкѣ не мало есть словъ малорусскаго происхожденія, которыя входили въ него въ теченіи многихъ вѣковъ совмѣстной жизни малорусскаго племени съ польскимъ. Въ основѣ современнаго намъ литературнаго польскаго языка лежитъ малопольское нарѣчіе, которое соста-

¹⁾ *Liθος abo kamii z prosy prawdy cerkwie świętej prawosławnoy Ruskiej.* Kiow. 1644. О сочиненіяхъ на польскомъ языкѣ Сильвестра Коссова, Лазаря Барановича и другихъ малорусскихъ писателей XVII в. см. Обзоръ русской духовной литературы, архіепископа Филарета.

²⁾ „Малоруско-німецкій словарь“, Львів, 1886.

вляеть юговосточную разновидность мазурскаго, сосѣднаго съ южнорусскими говорами галицкой Руси. Не могло не отразиться это сосѣдство на лексическомъ составѣ литературнаго польскаго языка. Творцы его *Кохановскій* и *Рей* были малополяне: послѣдній родился и выросъ въ Червонной Руси. Второстепенные поэты золотаго вѣка польской литературы *Шимоновичъ* (1557—1629) и *Зиморовичъ* (1597—1628) были уроженцы г. Львова. Произведенія ихъ пронивнуты искренней симпатіей къ жизни малорусскаго простонародья и переполнены словами, взятыми изъ устъ его. Въ польскую рѣчь такъ называемаго образованнаго общества входили малорусскія слова и другимъ путемъ,—путемъ усвоенія польской культуры, которое сопровождалось принятіемъ католичества и отреченіемъ высшаго южнорусскаго сословія отъ своей народности. Само собою разумѣется, что въ новой обстановкѣ не всегда была возможность подавить привычки къ родной рѣчи, которая незамѣтнымъ образомъ входила въ польскую рѣчь. На этой почвѣ взаимодѣйствія получились цѣлыя массы словъ, о происхожденіи которыхъ трудно сказать что нибудь рѣшительное. Сложность вопроса увеличивается еще оттого, что есть значительное количество словъ, по видимому, польскихъ или малорусскихъ, между тѣмъ слова эти встрѣчаются и въ великорусскомъ нарѣчій. Мы разумѣемъ не тѣ польскія слова, которыя появились въ литературномъ русскомъ языкѣ путемъ прямого или косвеннаго заимствованія изъ языка польскаго¹⁾. Мы имѣемъ въ виду такъ называемыя областныя слова, которыя не легко поддаются теоріи заимствованія²⁾. Есть, наконецъ, слова, общія

¹⁾ Такихъ словъ Я. Гротъ насчитываетъ 94. См. Филологическія разсужденія т. I.

²⁾ Представляемъ для образца нѣсколько десятковъ такихъ словъ:

Або — ли, или, иначе: *Рязанс.* Польск. *abo*, малорус. *abo*.

Абы 1) дабы, чтобы: *Пенз., Рязанс.*, 2) какъ-нибудь: *Казанс., Рязанс.* Польск. *aby*, малор. *abi*.

Вабить — обманывать, обольщать: *Тамб.* Польск. *wabić*, малор. *wabiti*.

Вадить 1) проводить время, пережидать, 2) не исполнять, обманывать: *Новг.* Польск. *wadzić* безпоконить, ссорить, малор. *waditi* — вредить.

Вежа — шалашъ, покрытый хворостомъ и дерномъ: *Арх.* Польск. *wieża* — башня, малор. *weжа* — въ томъ и другомъ значеніи.

Вечерять — ужинать: *Пенз., Смоленс.* Польск. *wieczerać*, малор. *wечеряти*.

нарѣчїямъ польскому и великорусскому, и чуждыя въ то же время нарѣчію малорусскому¹⁾). Полагать надо, что эти слова составляютъ общеславянское наслѣдство, не сохранившееся въ малорусскомъ нарѣчїи. Изъ того же общеславянскаго источника могли произойти многія малорусскія слова, существующія въ польскомъ и не сохранившіяся въ великорусскомъ нарѣчїи.

Господыня—женщина, готовящая пищу: *Тверс.* Польск. *gospodyni*, малор. *юсподыня*—хозяйка.

Громада—собраніе поселянъ, мірская сходка: *Курс.* Польск. *gromada* и малорус. *громада*—въ томъ же значеніи.

Добре—хорошо: *Тамб.* Польск. *dobrze*, малор. *добре*.

Дуже—очень, весьма: *Смоленс. Тверс.* Польск. *dużo*, малор. *дуже*.

Жадать—желать, хотѣть: *Вологод., Рязан., Тамб.* Польск. *żądać*, малор. *жадати*.

Жалковать—жалѣть: *Пенз.* Польск. *żałować*, малор. *жалкувати*.

Жито—рожь: *Донс. Курс.* То же въ польск. и малорус.

Живно—запаханное поле: *Яросл.* Польск. *żniwo*, малор. *живно*—жатва, *жнивѣ*—время жатвы.

Жупанъ—худой кафтанъ, армякъ: *Вологод., Смоленс.* Польск. *żupan*—кафтанъ, то же и въ малорус.

Заробить—заработать: *Арх.* Польск. *zarobić*, малор. *заробити*.

Зась (междом.) замолячи: *Калуж.*; въ томъ же значеніи это слово въ малорус. и польск., но въ послѣднемъ имѣеть еще значеніе союзовъ: *а, но, же*.

Заховать—спрятать: *Донс., Курс., Пенз.* Польск. *zachować*, малор. *захова́ти*.

Звычайно—обыкновенно: *Костром. Смолен.,* Польск. *zwycajnie*, малор. *звычайно*.

Знакомитый—привѣтливый, ласковый: *Ярослав.* Польск. *znakomity*—значительный, знаменитый. То же и въ малорус.

Базать—говорить: *Воронеж., Калуж., Курс. Орловс., Смоленс.* То же въ польск. и малорус

Кій—посохъ, палка: *Псков., Смоленс., Твер.* То же въ польск. и малорус.

Конать—умирать, кончаться: *Курс., Смоленс.* То же въ польск. и малорус.

Кунтошь—женская длинная шуба, покрытая вѣткой: *Тверс.* Въ томъ же значеніи *кунтышь*: *Рязан. и Тульс.* Польск. *kuntysz*, малор. *кунтуш*.

¹⁾ Вотъ для примѣра нѣсколько словъ:

Благой 1) худой, дурной, безобразный: *Пск., Симб., дураковатый: Курс.*

3) безпокойный: *Вологод., Рязан., Тамб.,* Польск. *bláhy* худой, дурной.

Въ малор. *блaшй*—добрый (см. малорусско-німец. словарь Партгцага).

Гѣди, овъ—празденство, пиръ: *Ворон., весельные годы*—свадебное празденство:

Ворон. Польск. *godu, weselne godu*.

Онадысь—недавно: *Пск.* Польск. *onegdaj*.

Ощера—зубоскаль, насмѣшникъ: *Тамб.* Польск. *oszczerca*.

Щегель—черель: *Влад., Тверс.* Польск. *przeg*.

Все это не больше, какъ только гаданія, которыя имѣють однако же всѣ признаки вѣроятности, на сколько мы можемъ судить объ этомъ по немногимъ болѣе или менѣе всякому извѣстнымъ лексическимъ даннымъ.

Гораздо тверже почва грамматическая.

Звуки и формы малорусскаго нарѣчія настолько своеобразны, что о польскомъ вліяніи на тѣ и другія не можетъ быть и рѣчи.

Куца—куца, группа: *Тулс.* То же въ польс. и малорус.

Лagodить—ладить: *Курс.* Польс. *lagodzić*—смягчать, умѣрять, облегчать, малор. *лагодити*—исправлять, приспособлять.

Ледва—едва: *Смоленс.*; *ледви*: *Тулс.* Польс. *ledwie*, малор. *ледви*.

Мара—призракъ: *Курс.* Польс. *mara*, малор. *марâ*.

Мары—носики для мертвыхъ: *Курс.* То же въ польс. и малорус.

Надѣя—надежда: *Арх.* Польс. *nadzieja*, малор. *надія*.

Нехай—пусть: *Донс.*, *Курс.*, *Нижегор.*, *Смоленс.* Польс. *niech*, малор. *нехай*.

Пильно—пристально, внимательно, прилежно: *Курс.*, *Смоленс.*, *Твер.* То же въ польс. и малорус.

Понурый—печальный: *Тверс.* То же въ польс. и малорус.

Посаг 1) приданое: *Орлов.* 2) свадьба: *Твер.* Польс. *posag*, приданое; то же значеніе этого слова и въ малорус.

Рачить—хотѣть: *Олонс.* Польс. *raczyć*—благоволнть, удостонть. То же въ малорус.

Смажить—жарить: *Псков.*, *Тамб.* Польс. *smazzyć*, малор. *смажити*.

Сподѣваться—налѣяться: *Псков.*, *Тамб.* Польс.—*sprodziewać się*, малор.—*сподіватися*.

Трохи—немного: *Калуж.*, *Тулс.*, *Смоленс.*, Польс. *trochę*, малор. *трохи*.

Хижий—аккуратный, опрятный: *Смоленс.* Польс.—*chyży* скорный, проворный, малорус. *хижий*—хищный, жадный.

Ховить 1) прятать: *Калуж.*, *Курс.*, *Смоленс.* 2) погребать: *Курс.*; въ обоихъ значеніяхъ польс. *chować*, малор. *ховати*.

Чествовать—угощать: *Арх.*, *Смоленс.* Польс. *częstować*, малор. *частувати*.

Чи—я, или: *Донс.* 2) развѣ: *Калуж.* Польс. *czy*, малорус. *чи*—въ томъ и другомъ значеніи.

Яловка—телица, молодая корова: *Волод.*, *Тамб.*, *Тулс.* Польс. *jałówka*, малор. *яловка*.

(Матеріалы для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики I—III. Спб. 1854 г. Подобныхъ примѣровъ много найти можно также въ изданномъ недавно словарѣ областного Архангельскаго нарѣчія. Спб. 1885 г.).

Расквелить—раздражить, разсердить: *Нижегор.*, *Тверс.*; *расквилить*—привести въ слезы: *Вологод.*, *Орлов.* Польс. *rozkwilić*—растрогать.

Тливкій, тливый—чувствительный къ вѣшнимъ вліяніямъ (о больныхъ членахъ тѣла), раздражительный: *Арх.* Польс. *tkliwy*—вообще чувствительный.

Торъ—видное мѣсто, гдѣ бываетъ много народа: *Волод.* Польс. *tor*—путь, дорога, слѣдъ.

(Ibidem).

Сомнительными остаются только нѣкоторыя глагольныя формы западныхъ малорусскихъ говоровъ, преимущественно галицкихъ. Это—такъ называемыя описательныя формы прошедшаго времени, которыя въ изъявит. наклоненіи образуются посредствомъ спрягаемаго причастія на *лз* съ глагольнымъ корнемъ *ис*¹⁾). Изъ тѣхъ же элементовъ и почти тѣмъ же способомъ образуются эти формы въ польскомъ языкѣ²⁾). Только гуцульское *сми* (*ходив-сми*) съ своими вариантами—*сме*, *смо* (1 л. ед.) значительно отличается отъ соотвѣтствующей формы, какъ въ польскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ³⁾). Мы думаемъ, что это *сми* образовалось изъ формы *исми* (1 л. ед.), которая утвердилась въ письменныхъ русскихъ памятникахъ сѣверныхъ и южныхъ не ранѣе XV в. Представляетъ ли это *исми* медіальную форму, или

¹⁾ 1-е л. един. ч. муж. р.: *ходивѣм* и *ходивѣем*, *ходивѣим*, *ходивѣим*, *ходивѣим*.

У Гуцуловъ: *ходивсми* или *ходивсме* или *ходивсмо* (изъ *исми*).

Женс. р. *ходилам*.

Сред. р. *ходилом*.

2-е л. един. ч. муж. р. *ходивъ иси*, *ходивъ есь*, *ходивѣишь*, *ходивѣишь* и *ходивишь*.

Женс. р. *ходилам*.

Сред. р. *ходилом*.

1-е л. множ. ч.: *ходилисьмо*, *ходилисьме*, *ходилим*.

2-е л. множ. ч.: *ходили нсте*, *ходилисьте*.

Въ 3-мъ л., какъ единс., такъ и множ. ч., вспомогательнаго глагола вѣтъ.

Точно такъ же къ корню *би* изъ *бытъ* присоединяется корень *ис*. Отсюда получаютъ формы: *би-м*, *би-сь*, *би-сьмо*, *би-сьте*. Для образованія прошедшаго условнаго времени эти формы присоединяются къ спрягаемому причастію: *ходив-бим*, *бись*, — *ходили бисьмо*, *бисьте*, — или же, сверхъ того, берутъ на помощь себѣ спрягаемое причастіе вспомогательнаго глагола: *був*, *булъ*, *було*, *були*: *був бим*, *був бись*, *був би ходив*, — *були бисьмо*, *були бисьте*, *булиб ходили* (Em. Ogonows. Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. 144—145).

²⁾ 1 л. ед. *chodziłem*, *am*, *om* 1 л. мн. *myśmy chodzili*, *ły*.

2 — *chodziłeś*, *łaś*, *łoś*, 2 — *wyście chodzili*, *ły*

3 — *chodził*, *ła*, *ło* 3 — *oni*, *e*, *e*, *chodzili*, *ły*.

³⁾ При единствѣ метода въ образованіи этихъ формъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ наиболѣе яркіе признаки самостоятельности состоятъ только въ своеобразной фонетической окраскѣ:

Чешс. *chválil jsem*, *jsi*, *chválili jsme*, *jste*.

Словац. *hvalil som*, *si*, — *hvalili sme*, *ste*.

Лужицко-Серб. *khwalil sym*, *sy*, — *khwalili smy*, *šce*.

Сербс. хвалио сам, си, — хвалили смо, сте.

Болгарс. хвалялъ съмъ, си, — хвалили сме, сте.

же оно образуется по аналогіи съ 2 л. единс. *ѣси*, для насъ это въ данномъ случаѣ безразлично. Важно то, что гудульское *сми* не одно и то же, что польское *м*. Гудульская форма болѣе полная: изъ древнерусской *ѣсми* она утратила только начальное *ѣ*. Мы можемъ такимъ образомъ указать слѣды этой формы въ древнерусскихъ памятникахъ, не прибѣгая въ гипотезѣ о польскомъ происхожденіи ея. Точно такъ же въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ встрѣчается и *ѣсмо* (въ грамотахъ XIV в.), рядомъ съ *ѣсмы* (1 л. мн), но не *есме* и не *есмя*, какъ въ сѣвернорусскихъ памятникахъ. Окончаніе *мо* появилось прежде всего въ формахъ повел. накл. (Книга поученій Ефрема Сирина XIII в.), затѣмъ распространилось и на 1 л. наст. вр. изъявит. накл. ¹⁾). Это, во всякомъ случаѣ, не то же самое, что польское *ту* въ *шту*, поэтому окончаніе *мо* можно прямо вывести изъ древнихъ южнорусскихъ памятниковъ, а не изъ польскаго языка. То же нужно сказать и о 2 л. един. ч. *ѣсь* (*сь*), которое встрѣчается уже въ волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку ²⁾). Наконецъ, есть одинъ примѣръ и формы *ѣмъ* въ начальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку ³⁾). Всѣ эти данныя располагаютъ насъ думать, что галицко-малорусскія формы прошедшаго времени возникли самостоятельно на древнерусской или, по меньшей мѣрѣ, на древней южнорусской почвѣ. Если и есть какая нибудь надобность допускать польское вліяніе, то, очевидно, оно не было безгранично, а имѣло значеніе только лишь охранительное, т. е. въ данномъ случаѣ оно укрѣпляло и поддерживало коренныя малорусскія формы, возникшія приблизи-

¹⁾ Мы предпочитаемъ объясненіе этой формы, предложенное г. Потемной (Зам. о малор. нарѣч. стр. 15), заявленію г. Соболевскаго, что эта форма должна быть считаемъ общеславянскою (Очерки изъ ист. рус. яз., 116). Думаемъ также, что книга поученій Ефрема Сирина относится къ XIII, а не къ XV в., какъ думаетъ г. Соболевскій. Историческія и палеографическія доказательства принадлежности ея XIII в., представленныя въ свое время Срезневскимъ (Свѣд. и зам. вып. I. стр. 37—47), не потеряли для насъ своей убѣдительности и послѣ замѣчаній объ этомъ предметѣ г. Соболевскаго (Жур. М. Н. Пр. 1883 г. № 5).

²⁾ „Брате! ты мене ни на лолону ялъ, ни зопьемъ мя *еси* добылъ, ни изъ городовъ моихъ выбилъ(ъ) мя *есь*“ (Ипат. 593); „ты ми братъ *есь*“ (ibid).

³⁾ „Я творилъ *емъ*“ (Лавр. 105 въ выносеѣ). Это *емъ* ни въ какомъ случаѣ не могло появиться здѣсь подъ вліяніемъ великорусскаго нарѣчія.

тельно въ XIII—XIV в. Что касается до восточныхъ малорусскихъ говоровъ, то и въ нихъ до настоящаго времени сохранилась наклонность къ употребленію причастія на *ль* съ вспомогат. глаголомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ великорусскомъ нарѣчій. Изъ двухъ вліяній — великорусскаго и польскаго — мы гораздо болѣе склонны допускать первое въ предѣлахъ восточныхъ малорусскихъ говоровъ, чѣмъ послѣднее въ предѣлахъ западныхъ говоровъ. Во всякомъ случаѣ, легче понять ослабленіе и утрату существующихъ формъ подъ вліяніемъ другаго языка, чѣмъ созданіе подъ такимъ же вліяніемъ новыхъ формъ, которыя никогда не были присущи чувству языка.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ произведеніяхъ тѣхъ малорусскихъ писателей, которые писали книжною малорусскою рѣчью. Здѣсь польскія вліянія очевидны, и притомъ не только въ лексическомъ подборѣ словъ, которыя служили для выраженія такъ называемыхъ культурныхъ понятій, но и въ сферѣ собственно грамматической. Замѣчая въ народной рѣчи формы, сходныя съ польскими, малорусскіе писатели сгущали иногда польскія краски безъ всякой надобности. Такъ, въ сложномъ прошедшемъ времени они предпочитали польскій типъ его малорусскому ¹⁾). Именные флексіи менѣе подчинялись польскому вліянію ²⁾, но въ употребленіи тѣхъ или другихъ падежей замѣтны иногда слѣды польскаго синтаксиса ³⁾. Особенно рѣзко бросаются въ глаза эти слѣды въ тѣхъ предложеніяхъ, которыя соединены польскими союзами въ замѣнъ церковнославянскихъ или народныхъ малорусскихъ ⁴⁾. Собственно говоря, это внѣшняя синтаксическая прикраса, въ сущности не измѣняющая строенія

¹⁾ Далемъ, далесь, а не даъемъ даветесь, дадемъ, давесь и проч.

²⁾ Изрѣдка встрѣчается мѣстный падежъ един. ч. именъ существительныхъ сред. р. въ польской формѣ: „на кѣждомъ мѣстѣцѣ, на сѣрдцѣ“ (Г. К. 35. 43).

³⁾ Таковъ, напримѣръ, творительный предикативный падежъ въ польской конструкціи: „кто́ хочитъ прїятелемъ бѣти кѣтотокѣ, то естъ не прїятелемъ Бжїимъ“. „Всѣ люде грѣшніи сѣ хѣрыми“ (Г. Кл. 39).

⁴⁾ Къ такимъ союзамъ относятся: *албо, иды* (въ смыслѣ *когда* и *если*), *же, поневажъ* и т. п.

рѣчи—такъ же, какъ и употребленіе нѣкоторыхъ предлоговъ и нарѣчій польскихъ¹⁾. Гораздо важнѣе встрѣчающееся иногда *построеніе* предложеній по польскому образцу²⁾. Что касается до *расположенія* словъ въ предложеніи, то въ этомъ отношеніи малорусскіе писатели нерѣдко руководствовались, подобно польскимъ, латинскою конструкціей рѣчи. Отсюда же они заимствовали всѣ риторическія средства выраженія, которыя, какъ извѣстно, даютъ соблазнительную возможность мыслить безъ мыслей. Съ самодовольствомъ человѣка, вѣрующаго въ чудеса риторики, І. Галатовскій такъ повѣствуетъ объ ея секретахъ: „спытáють кто, íакъ мóжетъ з'мáлон чáсти (т. е. изъ темы) великоє казанíе оучинити? вѣказю, трѣба тѣю чáсть казан'а аплѣфѣковати, розширѣти, трѣба пндакати до нѣн приклады, подобенства, сентенцій, фѣгѣры, то мálалá чáсть великими казанíемъ зостáнитъ“ СГ. Наука, 131).

Такимъ образомъ путемъ школы, путемъ общественныхъ вліяній малорусская книжная рѣчь воспринимала чуждыя ей черты польской рѣчи, подчиняясь вмѣстѣ съ нею вліянію латинскаго синтаксиса.

Какіе же въ ней признаки собственно малорусскіе?

Въ четвертую группу *росскихъ* словъ Берында внесъ огромную массу народнаго малорусскаго матеріала, которымъ, по мѣрѣ надобности, мы будемъ пользоваться въ обзорѣ звуковъ и формъ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка.

П. Житецкій.

¹⁾ *Ведлугъ, подлугъ, презъ, нѣды, южъ, завше* и проч.

²⁾ Таково, напримѣръ, превращеніе неопредѣленнаго наклоненія, составляющаго дополненіе не глагола или же имени, а цѣлаго предложенія, въ личныя глаголы такъ называемаго финальнаго придаточнаго предложенія: „Бáвлу́нчикскє вѣдóкáли кѣжд', вѣсòкòю а по нѣо, жѣбѣ собѣ славенє нáлá на свѣтѣ оучинили“ (Г. К. 23). „Нáдѣтѣ до нáсъ Х҃ не дла тóгò жѣбѣ грѣшны люде́и одослáлѣ до пѣклá“ (Ibid. 60).

Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака.

А. Л. Шимановъ передалъ мнѣ слѣдующее, полученное имъ отъ покойной жены Петра Петровича:

1. Посмертный фотографическій портретъ П. П. съ надписью на оборотѣ, сдѣланною, какъ полагаетъ А. Л. Шимановъ, рукою его жены:

„Скончался тихо, 1-го октября 1866 г. въ 4^{1/2} часа утра, при благовѣстѣ въ церковь, вовремя утренняго Богослуженія. Родитель его былъ священникомъ въ церкви Покрова и въ д. Покрова скончался, особенно любя этотъ праздникъ“.

2. Тетрадь изъ 3-хъ л. in 4°. Бумага троичк. фабр. Говарда № 4. Почеркъ П. П. А-го старческій. Правописаніе съ *н*. Здѣсь: а) „Солопій та Хивря“; б) „Пысульба и пр.“; в) „Тюхтій та Чванько; г) „Де-що про того Гараська“. Сочиненія эти въ первый разъ напечатаны въ „Украинскомъ Вѣстникѣ на 1819-й г.“, издававшемся (адъюнктомъ) Евграфомъ Филомаѳитскимъ, ч. 16-я, кн. 8, октябрь, стр. 80—94 и 235—9, отсюда перепечатаны другимъ правописаніемъ П. А. Кулишемъ (Основа 1861, III), а отсюда, съ приближеніемъ къ первоначальному правописанію А.—Г—а (съ *и* и *ы*, безъ *н*)—Ф. Пискуновымъ (Кобзарь П. П. Артемовскаго-Гулака. К. 1877); но, въ виду ббльшей исправности и полноты нашего текста, привожу ихъ вполнѣ, съ варіантами 1-го изданія въ выноскахъ, точно соблюдая правописаніе автора.

д) Здѣсь же три ненапечатанные „приказки“.

3. Одинъ листъ in 4°, бумага безъ клейма, почеркъ болѣе ранній, нѣсколько поправокъ старческимъ почеркомъ; правописаніе

саніе—какъ въ „Укр. Вѣстн.“, безъ ъ. Стихотвореніе на тему Горація, 34 Ода, кн. I, ненапечат.

4. Рисунокъ карандашомъ, тронутый сепіей, приписываемый самому Г.—А-му, иллюстрирующій послѣднюю строфу стихотворенія подъ 3.

3. Одинъ л. in 4°, на такой же бумагѣ и тѣмъ же поч. и правопис., что и 3, содержащій ненапечатанное стихотв. на тему Горація, 9 Ода кн. II.

По минованіи надобности, бумаги эти будутъ переданы въ Библиотеку Импер. Харьк. Университета.

А. Потебня'.

Солопій¹⁾ та Хивря, АБО ГОРОХЪ ПРЫ ДОРОЗЪ.

КАЗКА.

Vous voyez le grand gain, sans qu'il faille
le dire,

Que de ses ports de mer le roi tous les ans tire:
Or, l'avis, dont encor nul ne s'est avisé,
Est qu'il faut de la France,—et c'est un coup aisé,
En fameux ports de mer mettre toutes les côtes;
Ce serait pour monter à des sommes très-hautes!

Molièr.

Les fâcheux. Acte III, scène III.

Спромигся Солопій весною на горохъ,
Та-й, сѣвши зъ Хиврею, собѣ мѣркують вдвохъ,
Чы то продать ёго, чы-то ёго посѣять?
„А щожъ тутъ мѣрковать? не полѣнуйсь провѣять“,
Сказала Хивря тутъ; „въ мѣшечы позсыпай,
„Та-й сѣять на-поле, пидъ дощъ, мерщій чухрай!“
— „Воно-то, Хивре, бачъ, тутъ не за тымъ идеця;
„Але посѣять такъ, якъ у людей ведеця..
„Нехай ёму лыхе!... горохъ ласенька рѣчь,

¹⁾ Т. е. роззява.—А. П.

„И дѣтворá за нымъ полѣзо хочъ у пичъ!
 „Ты жъ рашъ сѣяты горохъ на перелозѣ!...
 „Эй, Хивре!... перелигъ лежыть нашъ пры дорозѣ:
 „Эй... обскубуть горохъ нашъ зеленцемъ... побачъ!...
 „Въ лопаткахъ обнесуть!... тогда—хочъ сядъ та-й плачъ!
 „Якои вражои ты матери сумуешъ?
 „Щуръ-дурня! нависный! Чы ты жъ того нечуешъ,
 „Що якъ уродыть Богъ, то дасть на долю всѣхъ?
 „Чы це жъ ¹⁾ не глумъ тобѣ, не сѣромъ и не смѣхъ,—
 „Врагъ-батька ²⁾-зна—чого безглуздому жахацьця?
 „Та джежъ, якъ кажуть-то, колы вовкывъ лявацьця ³⁾
 „То нічого ходыть зъ сокырою и въ лѣсь!...
 „Иды жъ, кажу, та сѣй! немымры тамъ пидъ нисъ!
 „Абы лышь, Господы, на нывѣ намъ вродыло,
 „То буде-й намъ ⁴⁾, и всѣмъ... Чы чуешъ ты, мурмыло!
 „Небудъ уѣдлывый, якъ брыдка та оса ⁵⁾,
 „И довше неспричайсь ⁶⁾, бо вылаю, якъ пса!
 — „Эй, Хивре“, Солопій сказавъ їй, „несварыся,
 „Бо, дáлыби ⁷⁾, горохъ нашъ згыне!... схаменыся!...
 „Ну, сількось!... я пійду ⁸⁾, посѣю, та не тамъ,
 „А де-небудъ въ кутку, що-й врагъ ненайде самъ.
 — „Неперебендюй бо такъ довго, Солопїю!
 „Бо я горохъ сама, де схочу, тамъ посѣю;
 „Сама я-й выкошу, якъ треба, на покисъ,
 „И ось тобѣ тогда я дулю дамъ пидъ нисъ!...
 „Але, мій голубе! прощу тебе по ласцѣ:

¹⁾ Чы се жъ.

²⁾ Врагъ-матирь.

³⁾ бояцца.

⁴⁾ То буде намъ.

⁵⁾ и впартый мовъ оса.

⁶⁾ Мовъ наровыстый кивъ.

⁷⁾ Бо далыби.

⁸⁾ пиду.

„Послухай часомъ тыхъ, що ходять у запасцѣ ¹⁾);
 „Плюнь, сердце, на того, хто такъ тобѣ сказавъ,
 „Що, бѣдимъ, Богъ жинкамъ волося довге давъ
 „За те, що розумъ їмъ укоротивъ чымало:
 „То погань такъ верзла, школярство такъ брехало!
 „А я-жъ-то й мужыквивъ... круты ты-неверты...
 „Неразъ вже бачыла такыхъ дурныхъ, якъ ти!
 „Отъ-такъ!... пытай людей; бо той, хто їхъ пытае,
 „Мовъ старецъ безъ ципка по стежкахъ неблукае.
 „Не разъ ты за двома зайцями полѣвавъ ²⁾,
 „За те жъ ни одного, гонившыся, непіймавъ;
 „Не разъ ты жаловавъ ухналыквивъ старенькыхъ,
 „За те жъ ты скільки ³⁾ вже згубивъ пидеивъ новенькыхъ!
 „Отъ-такъ ты и теперъ горохъ запропастышь,
 „Колы бъ ты-й самъ ⁴⁾ пропавъ!“

— „Чого ты тамъ гарчышь?“

Сказавъ нашъ Солопій, та-й, зъ сердца, дейко зъ хаты!
 Запритшы гулыхъ винъ, ну перелигъ ораты!
 Зоравъ, посѣявъ винъ горохъ, заволочывъ,
 Ажъ тутъ и дрибный дощъ риллю ёго змочывъ.
 Зійшовъ горохъ, пиднявся, пидрисъ, зацьвѣвъ рясенько ⁵⁾:
 Хто йшовъ, той прыглядався гороховѣ пыленько.
 Тымъ часомъ вже почавъ вбывацьця-й въ лопаткы;
 Ажъ тутъ прыйшла черга и на самі стручы.
 Хто йде,—горохъ скубне: гребецъ скубне у жменю;
 Иде косарь и жнець,—нагарбають въ кешеню;
 Прыскочыть дѣтвора,—и въ пѣлену смыкне...
 Зибравъ нашъ Солопій горохъ, та знай-клене ⁶⁾

¹⁾ и въ запасци.

²⁾ Не разъ вже за двома зайцями ты ганявъ.

³⁾ скільки.

⁴⁾ Колыбъ ты самъ.

⁵⁾ Зійшовъ горохъ, пидрисъ, зацьвивъ увесь рясенько.

⁶⁾ клене.

И, на чимъ свѣтъ стоять, по-сороміцький лао,
 Усихъ батькивъ зъ того винъ свѣта вывертае:
 „Стонадцятъ бы кониць зъ рогамы вамъ чортивъ!
 „А!... бѣсивъ народе!... колыбъ ты околѣвъ!
 „Колы бъ ты кожнымъ ¹⁾ бувъ стручечкомъ подавився!
 „Щобъ въ пельцѣ ²⁾ винъ тобѣ вилкомъ бувъ зупынився!
 „Колыбъ то ³⁾ триснувъ (s.) бувъ одъ ёго твій жывить,
 „Нижъ мавъ ты це мене такъ ⁴⁾ посадыть на лидъ!
 „Щобъ горошнычки ⁵⁾ въ твоихъ кышкахъ бѣсовськихъ
 „Такъ набубнявила, (s.) ⁶⁾ якъ барабанъ московський!
 Багацько дѣ-чого спѣвавъ тутъ Солопій;
 Молывся за ввесь ридъ хрещенный и за свій,
 7) И вже роззявивъ ротъ, щобъ по-кацапський лаять,
 Та засоромывся и, часу. щобъ незгаять,
 Гукавъ и верещавъ, и пѣнывся и плюявся,
 Неначе бъ то ёго и справдѣ хто злякався!... ⁸⁾
 До Хиври сыкався, за мокогинъ хапався ⁹⁾.
 И не на жартъ такы, сердега, розгулявся;
 То впѣять ¹⁰⁾, по доброму ладу, винъ ій казавъ:
 „Бачъ, Хивре нависна (s.), що нашъ горохъ пропавъ!
 „Бачъ, шкапо гаспыдзька ¹¹⁾, чого ты наробыла!
 „Та ты жъ мене на вѣтъ оце запропастыла!...“
 Ище смачненъке щось збиривъ ¹²⁾ сказать винъ ій,...
 „Послухай, бовдуре ¹³⁾“, сказала Хивря, „стій!

¹⁾ кожнимъ.

²⁾ въ горли.

³⁾ Колыбъ щобъ.

⁴⁾ Нижъ мавъ оце мене ты.

⁵⁾ горошнычка.

⁶⁾ набубнявила.

⁷⁾ ⁸⁾ Вм. втихъ 4-хъ стиховъ—То, вгамовавшись зновъ до свого вертався.

⁹⁾ хватався.

¹⁰⁾ То зновъ.

¹¹⁾ бисова.

¹²⁾ хотѣвъ.

¹³⁾ Послухай лишъ сюды.

„Уже, якъ бачу я, тебе непереперты:
 „Хто дурнемъ уродывсь, тому и дурнемъ ¹⁾ вмерты!
 „Але, мовлявъ, ище бѣ ²⁾ сюды й туды зъ дурнымъ;
 „Отъ горе ³⁾ та бѣда — зъ дурнымъ, та ще-й зъ лыхымъ!
 „Казала я тобѣ, що якъ намъ Богъ ⁴⁾ уродить,
 „То буде намъ, и всѣмъ, и злѣдѣй не зашкодыть;
 „Ажъ такъ и є ⁵⁾: хочъ ты посѣявъ два мѣшкы;
 „Хочъ, тилько хто хотѣвъ, той наши рвавъ стручки,...
 „(Нехай ёму въ корысть!), а все жъ, хвалыте (с.) Бога,
 Зибравъ ты сѣмъ мѣшкывъ гороху зъ перелога!
 „Де пють, то тамъ и льють ⁶⁾: безъ нкоды не бува.
 „Абы здоровенька лышь ваша голова!
 „Але ты хочешъ, щобъ нефлы козы сѣна
 „И смты щобъ булы? Ой мудрый дуже зъ сына!...
 „Ну, цуръ тоби та пекъ! роботы ты, що хоты:
 „Оры, мели и ѣжъ... хочъ голову скруты,
 „Про мене!... Я теперь и нероззявлю рота;
 „Та вжежъ побачымо, яка твоя робота!
 „Та-й люде жъ ⁷⁾, сѣючы, хочъ тратять, а орѣють:
 „То дурни, отъ якъ ты, несѣяни ростуть!...
 „Эй скаменеся ты, та низно, Солопію!“
 — „Та вжежъ, хочъ скаменусь“, сказавъ винъ, „хочъ посѣю,
 „Та не по твоему; зроблю, якъ самъ умѣю;
 „Зроблю, — щобъ и стручка ни якъй бѣсь невравъ“.
 Зробывъ нашъ Солопій, якъ самъ здоровый знавъ:
 Винъ на другу весну, плугъ и ралѣ забравшы
 И, мижъ шпеныцею и жытомъ пооравшы,
 Въ серѣдныи горохъ увесъ посѣявъ ⁸⁾ свій.

1) тому дурнымъ и.

2) Але бѣ, мовлявъ, ище.

3) Ось лыхо.

4) що Богъ якъ намъ.

5) Ажъ такъ и есть.

6) лють.

7) Тай люди жъ.

8) засіявъ.

„Теперь-то“, дума нашъ дуренькый Солопій,
 „Теперь-то мій горохъ вже, мабуть, розцвѣтає!
 „Нехай цвѣте, нехай, тымъ часомъ, доспѣвас;
 „Ось якъ пійду ¹⁾, въ жыва пшеницю й жыто ²⁾ жать,
 „То часу марно щобъ такъ-сякъ ³⁾ незваковать,
 „Скошу и свій горохъ, въ копыци поскладаю,
 „То й зъ нымъ управляюся ⁴⁾, и разомъ жывъ незгаю“.
 Пішовъ ⁵⁾ въ жыва, та ба! .. ни зѣрна не заставъ!

Проциндривъ Солопій горохъ и просвыставъ,
 А за горохомъ въ гуртъ,—и жыто и пшеницю
 И тилькы ⁶⁾ зо всёго соломы взявъ съ копыцю!
 А якъ же це?—Отъ-такъ: пронюхали въ селѣ,
 Що Солопій горохъ посѣявъ на риллѣ,
 Мижъ жытомъ та помижъ пшеницею своею:
 Давай ходыть въ горохъ!... ходыли, и хиднею
 Пшеницю-й жыто такъ помѣялы ⁷⁾ та стовкы.
 Що, сучный сынь, колы и мѣсе ихъ найшлы!...

Що-жъ Хивря?—Румсае!... а що жъ чыныть небозѣ?
 Якъ тилькы жъ зуздрѣла ⁸⁾ Роззяву на порозѣ,
 Зняла торбынкы двѣ зъ ряднычкы ⁹⁾ зъ килка:
 „А бачъ, гадюко, бачъ?... ты жаловавъ стручка,
¹⁰⁾ „Теперь, за ту-сяку-никчому горошнику,
 „Ты обголывъ мене и дрибнюю дытынку!
 „Такъ отъ-якого намъ ты пидпустывъ тхоря,
 „Що я осталася зъ дѣтмы бозъ сухара! ¹¹⁾
 „Бачъ, пько гаспыдзъка ¹²⁾, чортовський Солопѣяго!

¹⁾ Ось якъ піду въ жыва пшеници-й жыта.

²⁾ То часу марне щобъ мовлявъ.

³⁾ упорасъ.

⁴⁾ пишовъ.

⁵⁾ Бо тилько.

⁶⁾ Пшеницю й жыто все такъ змялы.

⁷⁾ Якъ тилько жъ задріла.

⁸⁾ Дви новисиньей.

¹⁰⁾ ¹¹⁾ Вмѣсто 4-хъ ст.—Теперь зъ дитками безъ хліба ми шмагта.

¹²⁾ Бачъ, сыну гаспыдзкый.

„До чого насъ довивъ ты, брѣдкый скупердяго! ¹⁾
 „Иды жъ теперь виденль! . ²⁾ щобъ твій и духъ не пахъ!
 „Невмѣвъ свого, — носы жъ ты хлѣбъ чужый въ торбахъ!“
 Сказала, та й торбы на ёго почипляла
 И мижъ старцѣвъ, мовъ пса, Солопія прогнала!

Послушайте мене, вы всѣ, Солопіи,
 Що знай-мудруете, и головы свои
 Чортъ-батька-зна-надъ-чымъ морочите—до ката:
 Якъ въ борщѣ, замѣсть курчятъ, намъ власты кошенята ³⁾;
 Якъ груши на вербѣ и дули вамъ растутъ;
 Якъ ѣты дазьбига, та ще-й гладкымы быть;
 Якъ локшыну крышыть для вѣсьба ⁴⁾ изъ паперу;
 Якъ квашу намъ робыть зъ черныла и тетерю;
 Якъ борошно молоть безъ жорнивъ, —языкомъ:
 Якъ бджолы годовать безъ меду, —часныкомъ;
 Якъ каву ⁵⁾ пыть панамъ зъ квасоли—зъ бурякамы;
 Якъ нывы засѣвать безъ сѣмѣя, ⁶⁾—кизякамы;
 Якъ зъ кожного ⁷⁾ зерна сѣмѣ кварть горѣлы гнать;
 Якъ сѣно намъ пиромъ (s.) ⁸⁾ косыть, якъ киньмы жать,
 Щобъ людяжъ и снѣпка недать на заробитокъ,
 И пташицѣ ни зерна погодоваты дѣтокъ:—
 Заплюйте лышь оцю, скажени вы, брѣдно! ⁹⁾
Де треба руки грѣть, тамъ треба и огню.
 Та вже зъ васъ не одынъ оравъ пидъ небесамы,
 А, якъ на землю злѣзъ, пійшовъ ¹⁰⁾ въ старци зъ торбама!

Харьковъ.

П. А. Г.

25 сентября 1819 г.

¹⁾ бисивъ скупердяго.

²⁾ звидциль.

³⁾ Кошныята.

⁴⁾ варыть для вѣсьба.

⁵⁾ Якъ кохвы.

⁶⁾ безъ сѣмѣ.

⁷⁾ зъ кожного.

⁸⁾ перомъ.

⁹⁾ брехню.

¹⁰⁾ пишовъ.

Пысулька

до того, котрый, що Божого мѣсяця, Украиньського Гинця (Украинскій Вѣстникъ) по вѣсхъ-усюдахъ розсылае.

ЇВГРАПЕ!

Бажавъ еси казки? На!..¹⁾ оть-тобѣ *Солоній* та *Хиеря!* Не здывуй самъ, та нехай выбачыть и громада, колы казка—не до шыгы и неподобаетца²⁾. Самъ бачывъ еси, а³⁾ дѣякымъ и неповылазылы⁴⁾, що я заклякъ та⁵⁾ захыривъ такъ, що й головы неспидведу, та ще може-й доведетца выстояты добрый калантыръ у домовни⁶⁾,—отъ, якъ йноди трапляетца зъ старшыною чотырнадцятого класа у насъ на станціяхъ⁷⁾!... А вже самъ-здоровъ, Ївграпе, знаешъ, що, лежачы, не въ Юрусалымъ зайдешъ: лежачы⁸⁾, я жъ кажу, яка вже тамъ у хрѣна работа?⁹⁾ Воно, Ївграпе, лѣжачы, добре тилько панамт; имъ скрызъ спирно йде работа; бо хочъ и лежни, часомъ¹⁰⁾, нападуть, то вони все-таки дарма¹¹⁾ годны¹²⁾ незгають. Гукнуть¹³⁾: давай!—и¹⁴⁾ дають! а кеды нема, то бѣють!... Кого?—Оце кого! Ужежъ на себе по кендюсъ...¹⁵⁾ Ну,¹⁶⁾ а колы быттѣ обрыдне?—Такъ¹⁷⁾ щожъ? то карты мнуть, та усе жъ¹⁸⁾ такы не гуляють!—Та ще-й паны, Ївграпе, не всѣ такі робочи та трудящи¹⁹⁾; бо вышній, сѣромъ и сказать...²⁰⁾ паномъ уродывсь,

¹⁾ Нѣтъ въ Укр. Вѣст.

²⁾ Нѣтъ.

³⁾ та.

⁴⁾ Sic. У Кулиша: „повылазило“.

⁵⁾ Що я захыривъ.

⁶⁾—?) Нѣтъ.

⁸⁾ не далеко зайдешъ.

⁹⁾ яка работа.

¹⁰⁾ Нѣтъ.

¹¹⁾—¹²⁾ дармо часу.

¹³⁾ кривнуть.

¹⁴⁾ Гѣтъ.

¹⁵⁾ Уже не собаку.

¹⁶⁾ Нѣтъ.

¹⁷⁾ То.

¹⁸⁾ та все.

¹⁹⁾—²⁰⁾ такы трудящи, бо вышній паномъ.

паномъ охрестывсь, паномъ зрись¹⁾ и звѣбовавъ, а, далеби, не тобѣ що... и клезнуть мужика невмиѣ!.. отъ-така чудасія!...¹⁾ Такый у насъ, Ёвграпе²⁾, и пидь Хѣрковимъ недалечко: ось... хочъ бы-й... хыба ныщечкомъ скажу... ба ни!...³⁾ нехочу... нехочу... далеби⁴⁾, не скажу!... грѣхъ!... Я у ёго хлѣбъ-силы ѣвъ⁵⁾, а теперечны бѣ оскарживъ ёго передъ громадою, що винъ и въ картахъ ничогинько не шупить, и мужыкивъ чубить не втне⁵⁾!—Та-й зъ насъ, Ёвграпе, зъ тобою⁶⁾ не якѣ робота! Ще жъ то тобѣ, мовлявъ, и сякъ—и такъ, бо тобѣ йноди дѣ-що и черезъ дзвінку перелѣзе, а я такый собѣ⁷⁾ прышелѣповатый удався⁸⁾, що-й сыѣи дурныци не тѣе⁹⁾... якъ ёго¹⁰⁾... не втну! Воно то я¹¹⁾ трохы и въ картахъ слезезую¹²⁾; 'бо такы, зъ першого¹³⁾ погляду, я(къ) тилькы¹⁴⁾ побачу, що зъ однимъ окомъ, то такы заразы и вгадаю, що то, мабуть, що-найстаршый дурень¹⁵⁾. Я такъ, часомъ¹⁶⁾, Ёвграпе, и людей розивѣрбовую¹⁷⁾: якъ тилько зуздрю¹⁸⁾ кого, що свои прытаманни—родыми ще¹⁹⁾ неповылазылы, а вже²⁰⁾ дывыцца въ одно чуже жодному²¹⁾ пидь нисъ, мовъ ёго недобачае, то я такы, далеби-що, и вгадую²²⁾, що то, мабуть, що-найстаршый дурбасъ²³⁾...

1) зрись; а далеби и мужика клезнуть невмиѣ,—отъ таке лыко!

2) бра.

3) хочъ бы й... нехочу.

4) ей Богу.

5)—5) а ты хочешъ, щобъ я выявлявъ, що винъ и въ карты гратъ негамить, ни мужыкивъ лупить не вмиѣ.

6) 7) 8) 9) 10) Нѣтъ.

11) Та я то.

12) шуплю.

13) зъ первого.

14) Якъ тилько.

15)—16) Нѣтъ.

17) признаю.

18) заздрю.

19) Ще-й.

20) та вже бачъ.

21) каждому.

22) То я—такы заразы, сучый сынь, колыневгадаю.

23) найстаршый дурень.

Ой!.. щось я дуже гóлосно, Ёвграпе, брязнувъ ¹⁾!... Колибъ лишень ²⁾ ножици на столъ необизвалньє! Та вже жъ, матери їхъ ковинька!... Чы будуть бытъ, то нехай бьють! Уже мене и не таки были, та й ти небагацько скóралы ³⁾; уже, я жъ кажу, менѣ гише nebude; я вже й такъ нью добру повну! Отъ—лежу та стогну та ялозюсь изъ знахарямы ⁴⁾, мовъ ⁵⁾ китъ зъ оселедцемъ. Ище разъ тобѣ, Ёвграпе ⁶⁾, кажу, що лежачы—не якà робота. Осъ Пана та Собаку и сьдячы написавъ, та й то дѣ-якымъ ⁷⁾ панамъ, може, такъ догодывъ, якъ *Рябка*—своєму. Що жъ матемешъ, Ёвграпе, чыныты ⁸⁾? Дурнямъ, якъ(то) кажуть, самъ Богъ неводьдѣть. Та вже то воно—грѣхъ казаты; бо могò *Рябка* у самому Пянтонбурсѣ, та-й скрызъ у Московщынѣ ⁹⁾ гладылы не сўпротывъ ¹⁰⁾ шерсты и такы трахтовалы ¹¹⁾, неначе кого й доброго; такъ отъ-же, бачъ, все-такы у дѣ-якыхъ пидпанкывъ шапкы на лысынахъ ¹²⁾ загорѣлысь ¹³⁾!.. А я тутъ нетилькы що... ни прѣ-що... абò-що!.. Та бодай вони такъ хотѣлы на свѣтѣ жыть ¹³⁾, якъ мене кортѣло зъ нымы грызтысь... òтъ-щò ¹⁴⁾. Цуръ їмъ! покъ їмъ! осывò їмъ—марына! То доброго, мовлявъ, полай и покаргай, то винъ тобѣ щей-й подякуе ¹⁵⁾; а ледачому щò? ты єму образы, а винъ тобѣ—дубья ¹⁶⁾! Ты єго въ плугъ, а винъ собѣ въ лугъ ¹⁶⁾! Нехай вони тямляця, Ёвграпе ¹⁷⁾. Леда-

1) дуже брязнувъ.

2) лишъ.

3) добра выбылы.

4) 5) вожусь изъ знахарямы, неначе.

6) Нѣтъ.

7) та ще й то декотрымъ.

8) Щожъ чыныты, Іовграпе!

9) Петенбурси, у Москви, и скрызъ такы.

10) не протывъ.

11) и прыймалы.

12) шапкы на голови.

13)—¹³⁾ Вм. этого; Бодай вони такъ на сгити булы.

14) Нѣтъ.

15) Повеловиця.

16)—¹⁶⁾ Нѣтъ.

17) Нѣтъ.

чого, мовлявъ нашъ Онопрій, незачипай и рукъ некалай¹⁾. Горбатого, сказано²⁾, хыба могла справыть³⁾. Непоможе, я-жъ кажу, бабѣ кадыло, колы вже бабу сказыло³⁾! Отъ-такъ-то, Ёвграпе, козаче⁴⁾! Лыхо й зъ правдою, лыхо и зъ брехнею! За правду бѣють, за брехню вѣрн не дають: отъ-така ловыся⁵⁾... Що чоловѣкъ тобѣ и зъ глуздомъ незберецця, якъ на-свѣтѣ и обертация⁵⁾! Що жъ робыть? Мовчать?— Та джежъ и мовчу... колы-бъ уже имъ зацѣпыло!—Я жъ-то-й⁶⁾ кажу, Ёвграпе, що нема ёго на-свѣтѣ, якъ зъ своею ривнею—зъ мужыкомъ: чы то полаяцця⁷⁾, чы то поскубтысь, чы то побыцця, чы-й помырыцця, то все воно такы, сказано, свій братъ. Я жъ-то одтого оце и на Солопій напався... Адже жъ панивъ нема Солопійивъ? Якъ твоя на се думка⁸⁾, Ёвграпе? Ты пысменнѣшый видъ мене; ты багацько дѣ-чого въ книжкахъ роздобавъ⁹⁾; ты вже такы¹⁰⁾ бувавъ въ бувальцяхъ; бувавъ, якъ кажутъ¹¹⁾, на конѣ и нидѣ конемъ; скажы жъ, будь ласкавъ, прыятелю, чы нема на-лыхо, часомъ, сѣго мення¹²⁾ мижъ панами, щобъ мени, хай Богъ бороныть, невзять иноди грѣха¹³⁾ на душу? А то, якъ що¹⁴⁾... то опавуе мене лыха та несчаслыва годына¹⁵⁾! Богъ ёго святый зна: може, не тутъ спомынаючы, и мижъ панами¹⁵⁾ вырвецця не одынь Солопѣяга! Бо вже у мене щось недурно свербыть на головѣ¹⁶⁾ чупрына! Эй!.. та будуть же лупыть¹⁷⁾... Скажени! Та вже жъ, силькось, нехай

1) незаймай и самъ себе некалай.

2) Уже горбатого, Іовграпе

3) — 3) Нѣтъ.

4) Отъ такъ-то, голубе!

5) — 5) Що сучый сынъ, колы знаешь, куды на свѣти й повернуцця.

6) Яжъ-то вже-й.

7) Нѣтъ.

8) Якъ ты думаешь.

9) — 10) дѣ-чого шунышь; ты вже.

11) Ты вже, я жъ кажу, бувъ и.

12) Скажы, будь ласкавъ, Іовграпе, чы нема сѣго имення.

13) щобъ мени часомъ грѣха невзять.

14) Нѣтъ.

15) — 16) Яжъ часомъ, врий Боже, изъ-помежъ лавкывъ.

16) Нѣтъ.

17) Та будуть бытъ.

б'ють; уже зъ мене, Ёвграпе, не багацко оли выб'ють¹⁾! Абы лышень мени, Господы, зъ кырпатою пораховацьця!... а кырпата не за горами; а тамъ сховаюсь въ домовину та-й покажу їмъ зъ за пазухы отъ-таку здоровецьку дулю!...²⁾ Ну, Ёвграпе! нічого довго роздобарёвать: беры³⁾ казку. Що буде, те-й⁴⁾ буде, а буде те, що Богъ намъ дасть. Беры⁵⁾ Солопія та й носы до дрюкарни⁶⁾: хай⁷⁾ тамъ твій Мыкола дрюкуе, якъ знае⁸⁾. Коли, я жъ кажу, вовка лякацьця, то и въ лѣсъ неходыть⁹⁾. Не такій и чортъ страшный, якъ ёго малюють!

Харьковъ.

26-го сентября 1819-го года.

Тюхтій та Чванькò.

ПОВРЕХЕНЬКА.

Mes jours sont le tissu d'un contraste étonnant:
Je ne vis qu'en pleurant, et je pleure en riant¹⁰⁾.
L'amour, pour tant de coeurs l'objet de plus doux charmes,
Fut pour le mien la source et des maux, et des larmes!
Pour adoucir mon sort et mes regrets cuisants
En poussant des soupirs, j'écris des vers plaisants.
Qu'ils sont drôles, ma foi, ces destins que les nôtres!
En voulant larmoyer, je fais rire les autres¹¹⁾.

Авторъ *Тюхтія та Чванька*¹²⁾.

Нашъ виршомазъ Тюхтій старыхъ людей шануе:
Гарасько якъ звеливъ, винъ такъ и компоуе.

¹⁾—²⁾ Абы лышь, господо, мени до смерти; а смерть моя не за горами: а тамъ я и дулю їмъ выставлю.

³⁾ Беры, Іовграпе.

⁴⁾ то.

⁵⁾ Беры, кажу.

⁶⁾—⁷⁾ въ дрюкарню, нехай.

⁸⁾ Нѣтъ.

⁹⁾ Я жъ кажу, коли вовка лякацьця, то и въ лѣсъ не-йты.

¹⁰⁾ Je ne vis qu'en pleurant, et je mourrai riant!

¹¹⁾ Quoi!... je pleure, et morbleu j'en fais rire les autres!

¹²⁾ *Примѣч. издателя Украинск. Вѣстника.* Эпиграфъ сей на французскомъ языкѣ сочиненъ самимъ авторомъ Тюхтія та Чванька, — и составляетъ вѣрное изобра-

Чы справжкы, чы ¹⁾ на жартъ, що тилькы напысавъ.
 То такъ на девять рикъ те въ бодню ²⁾ и захавъ;
 А на десятый рикъ, якъ выйме й прочытае,
 Побачыть самъ-здоровъ, що тамъ ладү бѣсь-мае;
 То въ грубу такъ-такы и впре шпаргалья все!...
 Отъ братъ ёго, Чванько, слабкый уже на се:
 Що начеркавъ, те ³⁾ такъ въ дрюкарню и несе!
 Але громада ихъ однако поважае:
 Того ни сномъ незна, другого нечытае!

Скажить, будь ласкави: хто зъ ихъ дурнѣшый двоухъ?
 Та глудзу, грѣхъ казать, скупенько у обоухъ!...
 Такъ першый же хочъ тымъ за працю надолужыть,
 Що въ девять рикъ, хочъ разъ тепломъ собѣ услужыть;
 Другый—такый дурный, що зъ холоду ⁴⁾ дрыжыть,
 А кнѣжокъ же ёго—съ пивъ сажня ⁵⁾ такъ лежыть

Харьковъ.

П. А. Г.

1-го ноября 1819-го года.

Дѣ-що про того ⁶⁾ Гараська.

Воно-то, бачъ, оце ⁷⁾ по нашому *Гарасько*, а по-московськый,
 лыбѣнь ⁸⁾ *Гораций*.—О! вже вони хочъ-що,—перековерсають по
 свѣому ⁹⁾! тамъ-то вже предывенна имъ ¹⁰⁾ мова! Отъ часомъ тра-

женіе сердца и жизни его въ миниатюрѣ. Находясь почти непрерывно и давно уже
 въ болѣзненномъ состояніи, онъ борется съ желаніемъ заниматься любимымъ своимъ
 предметомъ литературою, и съ трудностію удовлетворить желанію своему совер-
 шенно. Большую часть сочиненій своихъ, напечатанныхъ и находящихся еще въ
 рукописяхъ, написалъ онъ не вставая съ болѣзненнаго ложа. При всемъ томъ вся-
 кой, подобно мнѣ, его знающій, сказать объ немъ можетъ:

Онъ плачетъ для себя, онъ для другихъ смѣется;
 И въ шуткахъ и въ слезахъ—всѣ тотъ же остается!

¹⁾ Чы-й.

²⁾ въ скрню.

³⁾ то.

⁴⁾ що мерзне винь.

⁵⁾ съ пять саживъ.

⁶⁾ ⁷⁾ ⁸⁾ Нѣтъ.

⁹⁾ то по своему перековерсають.

¹⁰⁾ йому.

пыцця такъ, що стоишь передъ нымъ зъ добру годуу¹⁾, а винъ тобѣ съче та рубае!.. Що-жь?—²⁾ Хрѣнъ ёго-й сливце второпаетъ, що винъ тамъ верзе та папляе²⁾! Отъ-тільки, буцимъ-то-й дочувашь, що³⁾ „вотъ-съ“, та „што-съ“, та „да-съ“, та „нѣтъ-съ“³⁾, та „гаварю-кажу“, „гаварю-кажу“, а що винъ тамъ⁴⁾ гаворыть—каже, того, далѣйшо⁵⁾, и зъ попомъ нерозберешъ!

Отъ, хочъ бы, на прыкладъ, и се, що колысь, ще за царя Олексія Мыхайловыча, князь Гагынъ та боярынъ Хлоповъ, про нашего гетьмана-дряпичку, Брюховецького, лыстами Ёго Царьскому Велычеству лепортовалы: „Иванъ Мартыновычъ“, пысалы, „естъ честный чоловѣкъ...“ (эге!.. чесный, якъ капытаньска мазныця!) „и годыця быть гетманомъ, понеже онъ, хотя не ученъ, да уменъ и ужасть какъ *вороватъ* и исправенъ!“ *) Ну,... дей ёго честы!.. хай ёго халепа зъ такою честю! Ну, та се, бачъ, воно такъ выходыть по нашому, а по-московськый—ныше дѣло: по нашому бѣ-то *вороватый* знѣчыця *злодѣйковѣтый*, а по нѣхъ—*скусный*, *спрытныый*. Звѣсно, кожный хрещеный народъ говорыть по свѣму: въ турецкынь—по турецькому, въ нѣмечкынь—по нѣмецькому; тилькы вже нашъ Пречыстаньскый дякъ у кныжцѣ начытавъ, що „колы вже злѣдѣй, то скрызъ злѣдѣй, и у нѣмечкынь злѣдѣй, и у турецкынь злѣдѣй; ну, а, може де-инде и не такъ... Богъ ёго святы знае!⁸⁾ Щебъ⁹⁾ щось сказавъ, бо язнкъ дуже свербыть, та цуръ нѣмъ!... у насъ, бачъ, уся старшына московська: чы-то далеко до пени¹⁰⁾! Богъ зъ нымъ¹¹⁾!.. Возьмешъ, якъ-то кажуть, лычкомъ, а оддасы реминцемъ!

¹⁾ що зъ годуу стоишь передъ нымъ.

^{2—2)} Песъ, колы й сливце второпаетъ, що винъ тамъ гергоче.

^{3—3)} *Вотъ, вотъ* та *штѣд*, та *штѣо*.

⁴⁾ тамъ соби.

⁵⁾ далѣй-й.

*) *Прим.* См. Исторія Русовъ, соч. Г. Конисскаго. М. 1846. стр. 158. А. II.

^{6—7)} Всего мѣста нѣтъ.

⁸⁾ Ище бѣ-то.

⁹⁾ до лыха.

¹¹⁾ Я-жь кажу, цуръ нѣмъ.

— Я-то тилько, знаешъ, хотѣвъ дѣ-що розговпять ¹⁾ про того *Гараська*. Одже жъ то ²⁾ винъ уже по́давню сказавъ, що колы вже Луцыперъ пидцькуе кого базграты ³⁾ вирши, то нехай же, каже ⁴⁾. наялозыть, та й „*ponim prenat in animi*“. Винъ-то оцѣ сказавъ, бачъ, по *лытвыньскый*, бо винъ бувъ собѣ на-дыхо *лытвынъ*, а по нашому-бъ-то ⁵⁾ воно значыцца отъ що ⁶⁾: що, колы вже хто що скумпоновавъ та-й напысавъ ⁷⁾, то нехай же куды запровторить таеъ, щобъ тилькы мыши та пацюкы про те знали.

⁸⁾ Оджежъ, щобъ незбрехать, я такы иноди на сѣго *Гараська* недуже-то вважаю... мени про ёго-й байдуже! ⁸⁾ бо ѡнше дѣло у *Лытвъ*, а ѡнша рѣчь у *Москвѣ*. ⁹⁾ У *Лытвымывъ*, може, колысь воно-й ⁹⁾ добре було, а у насъ теи ¹⁰⁾ погани виршомазивъ стилькы наплодылось ¹¹⁾, якъ у доброго попа дѣтей ¹¹⁾; що якъ бы кожый ¹²⁾ ховавъ ¹³⁾ на девять рикъ, що за одну годыну пиромъ надрыга ¹⁴⁾, то нѣгдѣ бѣ чоловѣковѣ було и кватиру ¹⁵⁾ нанять за паперамы!

Вы, дурни, я жъ кажу, на те та ¹⁶⁾ неважайте;

Людей пытайтеся, а ¹⁷⁾ свѣй вы розумъ майте.

Не вамъ *Гарасько* свѣй ¹⁸⁾ указъ скумпоновавъ:

Винъ самъ розумный бувъ, розумнымъ и пысавъ.

¹⁹⁾ Пышитъ, и на вербѣ насъ грушамы трахтуйте ¹⁹⁾;

¹⁾ хотѣвъ сказать.

²⁾ Бо.

³⁾ маглѡвать.

⁴⁾ Нѣтъ.

⁵⁾ а по нашему то...

⁶⁾ т.э.

⁷⁾ що колы вже напысавъ що.

⁸⁻⁸⁾ Одже я ёго часомъ, такъ якъ и Чванько не дуже то слухаю; байдуже!

⁹⁻⁹⁾ Може воно тамъ колысь и ...

¹⁰⁾ тыи.

¹¹⁻¹¹⁾ Нѣтъ.

¹²⁻¹²⁾ кожый ховавъ те.

¹⁴⁾ що за годыну набазгра.

¹⁵⁾ то бѣ нѣгды було чоловѣкови й хаты.

¹⁶⁾ на се лышъ.

¹⁷⁾ та-й.

¹⁸⁾ сей.

¹⁹⁾ Нѣтъ.

Пышійть, и крамаривъ—паперныкивъ годуйте.
 У насъ—холодный край, а лѣсъ ставъ дорогой,
 Дурній-жь²⁾ ни-по-чому: що ступышъ, то й дурный!
 Пышійть, рыбъятушки!..¹⁾ подякують вамъ люде:
 За дурнымы та й веъшь розумнымъ тѣпло буде!..

Харьковъ,
 2-го ноябри, 1819-го года.

Дурень и Розумный.

ПРЫКАЗКА.

„На що-до халепы—той розумъ людымъ здався?“
 Разъ Дурень, зъ дуру, бовтъ!.. Розумного пытався.
 — „На те“, озвався сей, „колы кортытъ вже знать,
 Що бь дурнымъ на сей спрось *цурь-дурнивъ* видвѣчатъ“.

Харьковъ,
 1-го декабря 1820-го года.

П. А. Г.

Цикавый и Мовчунъ.

ПРЫКАЗКА.

Цикавый, Мовчуна зустрѣвши разъ, спытавъ:
 „Видь чѣго голосный такъ дзвинь той на дзвиниць“?
 — „Видь того, що (колы невтношь сей дурныци)
 „Вь середниъ, якъ ты, порожній винъ“, сказавъ.

Харьковъ,
 1-го декабря 1820-го года.

П. А. Г.

Лѣкаръ и здоровье.

ПРЫКАЗКА.

Йшовъ Лѣкаръ у село—селу на безголове,
 А изъ села бѣжыть, злякавшыся, здоровье:
 „Куды, здоровьячко?“ пыта винъ: „якъ ся можешъ“?
 — „Та цурь тобѣ!.. я йду, куды ты незаходышъ“!

Харьковъ,
 1-го декабря 1820-го года.

П. А. Г.

¹⁾ Дурный.

²⁾ Пышійть, будь ласавы.

XXXIV-я ода Горація, кн. I.

Parcus deorum cultor et infrequens,
 Insanientis dum sapientiae
 Consultus erro; nunc retrorsum,
 Vela dare atque iterare cursus
 Coëtor relictos.

Отъ и допывь
 Идохмелывь!
 Довику тямь буду!
 Ни въ ротъ небрать,
 Ни коштовать
 Нехочу ажъ до суду!
 Колыбъ вона
 Уся до дна
 Повытекала въ бочкахъ,
 То ще бь въ церквахъ
 Народъ въ свѣткахъ
 Стоявъ бы и въ сорочкахъ!
 Ни, Грыцьку, ни!
 Хочьбы мени
 Повисыцца-й на гильци,—
 А ни пидь нись!...
 Нехай їй бись
 Тій гаспыдзькій горильци!
 Вона мене
 Зь свита зжене.
 Колыбъ той исказывся ¹⁾,
 Хто божный даръ
 Гнать черезъ жаръ
 У винныци навчывся!
 Охъ! Охъ! Охъ! Охъ!
 Зубивъ щось зь двоухъ
 И нигъ недоличуса!

¹⁾ Поправка написанная сверху им. Колыбъ винъ изгугтывся.

Живить, на сѣмихъ,—
 Зѣ ковальськый михъ!
 Здаецця жѣ и недмусъ!
 Сами кышки,
 Мовъ бульбашкы
 У чауни, клекочуть;
 А пупъ набрякъ;
 Пидъ пушомъ — такъ,
 Мовъ жабы, знай¹⁾, скрегочуть!
 Нисъ —, лѣкъ пистрякъ,
 И скривъ — сынякъ;
 Бачъ, пыка яѣъ набрякла!
 Одна нога
 Щось швытыльга,
 Друга зовсимъ залякла.
 Така нудьга,
 Така туга,
 Що чортъ зна, де и диця!
 Отъ-тутъ пече,
 Тутъ горяче,
 А всебъ хотилось гриця....
 А исти щобъ?
 Та хочъ у лобъ!
 Крый Боже, якъ цураюсь!
 Всебъ дудльвъ, бачъ;
 Такъ-отъ, хочъ плачь!...
 Щось одъ воды жахаюсь!...
 Помацай чубъ:
 Бачъ, якъ оскубъ
 Діавольська лычына!
 Тыльки то сямъ
 Стырчыть, то тамъ
 Зѣ чупрыны волосына!

¹⁾ Такъ сверху, вм. зачервнутаго „все“.

Та вжежъ чиплявь!
Товкъ и знущавсь
Скажена москалюка!
Колинымъ гривь,
Поки невпривь,
А тамъ и взявь до дрюка!
Охъ! охъ! ахъ! ахъ!
Жовчъ въ печинкахъ
Мабуть всю стовкъ псяюха!....
Геть, Грыцьку, геть!
Та лучче смерть,
Нижъ гаспыдзька свуха!
Кахы! кахы!
Се за грихи
Мене поня спиткала!
Та вже-й дуривь!
За всіхъ кнуривь...
Вже душа погуляла!
Була, була
На пивъ села
Худобинка и гроши:
Изслызло се,
Процвындривъ все;
Зосталысь тилько воши!
Пустывъ дитокъ
Безъ сорочокъ,
И жинку безъ запаскы;
А самъ въ шинку
На привалку
Жду Лейбыной ласкы!
А Лейба—герштъ—
Въ бокы, якъ хверть,
Та Рухли щось гергоче;

На мене—зырк!
 Та знай—пыркъ-пыркъ!....
 Невира ще й рогоче.
 Забравъ воливъ,
 Овецъ, коривъ,
 Ще винъ же и здрочився!
 Загарбавъ кизъ
 И жыта¹⁾ визъ....
 Бодай имъ подавився!
 Ой такъ мени!
 Такъ сатани!
 Катюзи—по заслуги!
 Жлоктавъ жывить,
 Ажъ лывся пить;
 Теперь—засуха въ пузи!
 До церкви дзвинъ,
 А панъ Охримъ,
 Бувало, въ шинкѣ мандруе;
 Въ церквахъ „Святъ, Святъ“,
 Въ корчми „гвалтъ, гвалтъ“!....
 Охримъ жыдивъ муштруе!
 Було, въ посты,
 Ище чорты
 Небьюця на вкулачны;
 А вже Охримъ,
 На глумъ усимъ,
 Пьяненькый²⁾ лизе рачки!
 Було, пиць Петръ
 Въ Чыстый четверъ
 Юду вельчае;

¹⁾ И хлѣба.

²⁾ Зъ Денъсомъ.

Охримъ въ корчми
 Пойди ¹⁾ куми
 Весильныхъ затыгае.
 Чы въ хату пипъ,
 Охримъ захрипъ,
 Запинывсь, мовъ сказывся;
 Несповидавсь,
 Непрычащавсь
 Силъ рикъ, и нехрестывся!
 Попы й дякы
 Въ Риздво—въ святкы
 Зъ хрестомъ идуть, зъ кропыломъ;
 А вже колы
 Дере козлы
 Охримъ и рые рыломъ!
 На часточки,
 На свичечкы
 Шагомъ непоплатывся;
 А мысочокъ
 И граматокъ
 Нечувъ, ябъ и вродывся!
 Охъ! охъ! охъ! охъ!
 Зубивъ щось зъ двоухъ
 И нигъ недоличуся!
 Жывить, на смихъ,—
 Съ ковальськый михъ,—
 Здаецця жъ и недмуса!
 Ой! такъ мони!
 Такъ сатани!
 По дилу ся халяндра!
 Нехай, хутчій,
 Попа мерщій
 Повлычуть Олександра!

¹⁾ Написано сверху зачеркнутыхъ поочередно „Лазъ“ (отъ Агвіл?) и „Ганци“.

Скажу: допывсь
 И дохмельвсь!
 До вику тямьт буду!
 Ни въ ротъ небрать,
 Ни коштовать
 Не тилько що й¹⁾... до суду!
 А ты, пляшкы,
 Грыцьку, й чаркы
 Трошы, що маешъ духу!
 Тилькы... трывай!...
 Зъ ихъ позлывай
 Въ барыльце всю сывуху!

26 февраля
 1828²⁾ года.

IX-я ода Горація, кн. II.

Non semper imbres nubibus hispidos
 Manant in agros, aut mare Caspium
 Vexant inaequales procellae
 Usque; etc.

Не все жь, якъ зъ лотобивъ, изъ хмарь, Терешку, лье;
 Не все гилляч(ч)я гне хуртуна й завпрюха:
 Таджежъ и соняшно колысь-тамы стае,
 Такъ що бува байдуже безъ кожуха.
 Не всежъ трапляецця недоридъ на вгиркы;
 Не все пырїй, кукиль, замисть пшеници, сходять,
 И косять жыто на грабкы:
 Бува, пидъ иншый рикъ, якъ очереть, уродыть.
 Не все й на панщыни, Терешку, товчемось,
 И дбаемъ на панивъ въ жныва и въ косовыцю;

¹⁾ Вм. зачеркнутаго: „нехочу ажъ“.

²⁾ 8 я поставилъ гадательно: сначала было 2, потомъ поправлено на 3 или на 8. Внизу карандашемъ 1848.

А часомъ, такъ такы, хочъ въ празныкъ урвемось
 Та дѣ-яку й соби придбаемо копцяю.
 Воно минецця все, козаче, нежурьсь!
 Кынъ лыхомъ объ землю! якогъ ката слынешъ?
 Наймы псавтырь, та Богу помодысь:
 Вся померемо,—та-й ты-жъ, Терешку, згынешъ!
 Не першый твѣй та-й неостанній Власъ,
 Що въ москаляхъ уклалы пидъ Французомъ:
 Онь не такыхъ стяло,—нехай боронить Спась!
 Що-й кендохъ розлетивсь изъ одноральськымъ пузомъ!
 А щожъ робытymesъ? то сказано—вѣйна!
 Отъ! кулю замовлять хто вмѣе,—инше дило!
 Того вже нелызне ни самъ панъ Сатана;
 Той—на гарматы гайда сжило!
 Тай докыжъ каратать, Терешку, вѣкъ въ журби?
 Що зъ воза впало, те пропало!
 Такъ на роду напысано тоби!...
 Гай! братику, бодай тебе опановало!
 Та ну! негедзкайся! выймай-лышъ ключъ мерщій,
 Та дать калганной скажы твоей Одарци;
 Та люльку ке лышень!... ось-ось и Онопрій!...
 Эй, хлопци! выпиймо калганной по чарци!
 Воно-бъ невадыло сѣгодня й пидгулять...
 Хыба-жъ насъ Билый Царь до себе неголубыть!
 Звеливъ не некрута, а козака зъ насъ брать...
 Теперь-то будемо Ляхивъ и Турка чубыть!
 А тутъ до Репнына прыбигъ гинець на двирь,
 Тай каз: „помынай теперь Ляхивъ якъ звали“!
 „Вже Хведоровычъ нашъ зъ ихъ выдавывъ весь жыръ;
 „Вже, каже, й могорычъ въ Варшави запывалы“!
 Бачъ, ярспудова збентрежылась¹⁾ Ляхва!
 Бачъ, гири, бачъ, чого вискрывій заманулось!...

¹⁾ Sic.

А намъ и на руку ковинька! и лахва!
О! щобъ вамъ, ляшенькы, легенько тамъ ивнулось!
Та вжей натыкалы въ Варшави вы добра!
Ямь!... паль!... ривкивъ!... тыннеивъ!... шпычокъ и частоколу!...
А явъ гукнувъ Москаль по своему: гура!
Все къ гаспыду пишло!... дали-жь Ляшкамъ тутъ школу!
Оджежь нашъ князь Репнынъ сю чутку явъ почувъ,
Та зъ радощивъ гукнувъ свой княгынн Варци:
„Щобъ зъ мясомъ борщъ! и щобъ гарбузь молошный бувъ!
„И щобъ тернивкы всимъ було по добрій чарци“!
Вонн-жь пишлы круглять, а я кажу: пиду
Розбуркаю въ журби Терешка та Одарку,
Та похмелюсь и самъ.... такъ от-же, на биду,
Чы бачь!... яку внеслы маленьку чарку!

25 февраля
1832 года.

НА РУБЕЖЪ.¹⁾

VI.

Когда наконецъ, послѣ продолжительнаго пути, вдали показался Немировъ, Орунъ вздохнулъ свободно: теперь всѣ опасности миновали, онъ былъ у пристани, гдѣ могъ спокойно отдохнуть послѣ всѣхъ трудовъ и тревоженій дальней дороги. Выѣхавши на Замковую улицу, онъ слѣзъ съ фургона и пошелъ пѣшкомъ рядомъ съ лошадьми изъ предосторожности, чтобы не задѣть дышломъ кого-нибудь изъ проѣзжихъ. Шелъ онъ, весело поглядывая по сторонамъ, посвистывая на лошадей, и наконецъ остановился передъ однимъ домомъ не подалеку отъ замка. Домъ былъ невзрачный на видъ, но довольно обширный, съ трехъ-угольнымъ фронтономъ, гдѣ на бѣломъ фонѣ красовался рисунокъ, изображавшій внутренность корчмы: у столика, готоваго каждую минуту опрокинуться, сидѣлъ усатый шляхтичъ въ полиняломъ синемъ картузѣ, въ красной конфедераткѣ на бекрень; передъ нимъ стояла огромная кружка меду, наклоненная на столѣ и только какимъ-то чудомъ удерживавшая равновѣсіе. Вверху надъ картиною виднѣлась надпись, гласившая „подъ веселымъ товарищемъ“.

Снаружи домъ выглядѣлъ весьма непривлекательно: на улицу выступали четыре столба, подпиравшіе фронтонъ, когда-то окрашенные въ голубой цвѣтъ, теперь-же совершенно облынявшіе; въ глубинѣ за этой колонадой,

¹⁾ „Кіевск. Стар.“, т. XXI, 1888.

посреди дома чернѣли, какъ раскрытая пасть чудовища, въѣзжія ворота въ стодолу, дѣлившія все зданіе на двѣ половины, а справа и слѣва было по широкому венеціанскому окну. Одно изъ нихъ было открыто и на улицу долеталъ звонъ стекла; отрывки пѣсенъ и громкія восклицанія перемѣшивались съ бряцаніемъ ружей и сливались въ одинъ общій гулъ.

Орунъ оставилъ фургонъ на улицѣ, а самъ вошелъ подъ навѣсъ и вскорѣ исчезъ въ темной части заѣзда. То былъ домъ его двоюроднаго брата. Черезъ минуту изъ воротъ выбѣжали два еврейскихъ мальчика и начали поворачивать лошадей въ стодолу. Орунъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, съ довольною улыбкою поглаживалъ бороду, глядя на въѣжавшій фургонъ и при каждомъ скачкѣ, при каждомъ быстромъ движеніи покрикивалъ на мальчиковъ: — Тише! тише! осторожнѣ!..

Радость и удовольствіе сіяли на его лицѣ, выражались въ невольной улыбкѣ, въ поглаживаніи бороды, закручиваніи пейсовъ. И дѣйствительно, было чему радоваться: теперь ему не только удавалось скрыть въ безопасномъ мѣстѣ большую часть своихъ сокровищъ, но и всѣ его обольстительныя надежды на будущее были близки къ осуществленію. Съ этими надеждами, которыя въ продолженіи путешествія сдѣлались его идеей fixe, Орунъ вошелъ въ комнаты, предоставивъ наймыту заботу о лошадяхъ и поручивъ племянникамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы никто не красть угля.

Весь домъ, казалось, переполненъ былъ солдатами: всюду сновали усатыя шляхетскія лица, бряцали сабли и карабины; во всѣ отверстія слышался грубый смѣхъ, восклицанія, пѣсни; въ корридорѣ поминутно показывались фигуры посѣтителей, требовавшихъ вина или меду, и хозяина съ женою, разносившихъ кружки съ напитками въ ту свѣтлицу, выходившую окнами на Замковую улицу, откуда раздавался глухой, постоянный гулъ, прерываемый взрывами смѣха.

Когда лошади были выпряжены и поставлены къ жолобу, Орунъ съ спокойнымъ сердцемъ вошелъ въ комнату хозяевъ.

— Что это у тебя сегодня?—спросилъ онъ, указывая на свѣтлицу, откуда доносились пьяныя пѣсни.

— Жалованье получили вчера!—отвѣтилъ хозяинъ, махнувъ рукою съ видомъ пренебреженія—пусть себѣ пьютъ, пока есть деньги... Все равно, не у меня пропьютъ, такъ у другога.

— И долго будутъ сидѣть эти гои?

— Можетъ быть и до полуночи.

Оруну хотѣлось поскорѣе разгрузить фургонъ, чтобы кто-нибудь не заглянулъ туда изъ любопытства.

Рувимъ въ роли любезнаго хозяина отвелъ пріѣзжему отдѣльную комнату и занималъ его, какъ гостя. Впрочемъ, онъ ни однимъ словомъ не спросилъ о томъ, зачѣмъ пріѣхалъ Орунъ и на долго-ли; онъ совершенно справедливо рассудилъ, что если тотъ предпринялъ такую отдаленную поѣздку, то вѣроятно и поводы къ тому были важные—но вопросовъ не предлагалъ, оставляя на дальшее удовлетвореніе своего любопытства, а занималъ гостя посторонними разговорами. Между тѣмъ въ комнату вошла хозяйка, накрыла стоявшій у окна столикъ и начала готовить закуску, не обращая вниманія на разговоръ, который въ полголоса вели мужчины. Накрывши столъ, она принесла хлѣбъ и соль, графинчикъ съ водкою, кусокъ шабасковаго гугеля на тарелкѣ, потомъ въ одной мисочкѣ два яйца, въ другой—нѣсколько кусочковъ тушеной говядины; все это разставила посрединѣ стола, затѣмъ поставила передъ каждымъ по глиняной тарелочкѣ и удалилась.

Рувимъ взялъ графинчикъ, налилъ полрюмки водки, кивнулъ бородою гостю, сказалъ:—Хаймъ!—выпилъ водку и передалъ графинъ и рюмку Оруну. Тотъ, также не торопясь, налилъ себѣ полную рюмку, кивнулъ бородою собесѣднику, отвѣтилъ:—Шулемъ! и выпилъ въ свою очередь.

Затѣмъ гость и хозяинъ принялись за закуску, состоявшую изъ нѣсколькихъ яицъ и небольшого ломтя жареной говядины; они ѣли медленно, не торопясь, систематически вылуцивали яйца изъ скорлупы, макали ихъ въ солянку и старались, очевидно, продлить время угщенія; закусывая, они вели въ полъ голоса тихую бесѣду. Наконецъ, въ сѣняхъ раздалось пѣніе пѣтуха. Рувимъ помолчалъ и затѣмъ проговорилъ какъ-бы про себя: —уже полночь, скоро гоимы стануть расходиться по домамъ. Затѣмъ, обращаясь къ Оруну, онъ прибавилъ: ты, вѣроятно, усталъ... хочешь отдохнуть?

— Да, я усталъ. Но прежде, чѣмъ ляжемъ спать, ты поможешь мнѣ выгрузить угли.

— Тамъ у тебя спрятано нѣчто?

— Спрятано.

— То-то!—я сообразилъ, что ты не такъ глупъ, чтобы везти въ Немировъ для продажи угли.

Они замолкли. Между тѣмъ изъ шинка мало по малу посѣтители стали уходить. Небольшая группа завсегда-таевъ нѣкоторое время сидѣла еще, допивая стоявшіе передъ ними „кухли“. Рувимъ кротко, но внушительно напомнилъ имъ позднее время и посоветовалъ подумать объ отдыхѣ; они немного поспорили, но вскорѣ согласились съ его мнѣніемъ и ушли.—Хозяинъ притворилъ ставни, большой желѣзный запоръ задвинулъ поперекъ дверей, женѣ приказалъ ложиться; затѣмъ вмѣстѣ съ Оруномъ они вышли въ сѣни и принялись разгружать возъ; они высыпали на землю угли, вынули коробъ и слитки золота и серебра и перенесли эту цѣнную ношу въ комнату, назначенную для Оруна. Рувимъ съ восторгомъ осматривалъ слитки, одобрительно наклонялъ голову и причмокивалъ въ знакъ удовольствія.

— Откуда ты ихъ добылъ?

— Самъ сплавилъ.

— Ай вай!.. Жаль—за цѣльныя вещи тебѣ-бы гораздо дороже заплатили.

— Знаю,—иначе не могъ: опасно было.

Рувимъ сразу сообразилъ и не спрашивалъ о подробностяхъ.—Да, не могъ!—Все-таки это гораздо лучше, чѣмъ всего лишиться. Ну, мы это припрячемъ, а затѣмъ ты распорядишься, какъ захочешь.

Орунъ сталъ подробно излагать проэктъ своего переселенія вмѣстѣ съ семействомъ въ Немировъ. Рувимъ одобрялъ планъ, но, подумавъ немного, спросилъ:

— Что-же ты сдѣлаешь со своею корчмою?

— Брошу, долѣе жить тамъ нельзя.—опасно! Время пошло скверное, очень скверное!

Рувимъ кивнулъ головою; онъ понималъ, что означаетъ выраженіе „скверное время“ и не спрашивалъ подробностей. Помолчавъ, онъ только замѣтилъ, поглаживая бороду:—Жаль, не скоро найдешь другое мѣстечко при такихъ выгодныхъ условіяхъ.

— Послушай! сказалъ Орунъ, понизивъ голосъ: я придумалъ дѣло, которое если выгоритъ при Божьей помощи, то я обезпечу богатство не только свое, но и своихъ дѣтей, внуковъ и далекихъ потомковъ.

Рувимъ выслушалъ полу-признаніе пріятеля спокойно. Онъ зналъ, что Орунъ человѣкъ умный, наблюдательный и находчивый; угадывалъ, что, рѣшившись переселиться въ Немировъ, онъ должно быть придумалъ для себя выгодное дѣло. Онъ одобрительно наклонилъ голову, но соблюдая приличіе, удержался отъ разспросовъ, предоставляя собесѣднику повѣрить ему тайну въ той мѣрѣ, въ какой онъ самъ найдетъ удобнымъ. Орунъ между тѣмъ нуждался въ его совѣтѣ; ему необходимы были помощь и указанія, собранныя на мѣстѣ;—онъ продолжалъ шопотомъ:

— Я тебѣ все расскажу, только ша!—говорилъ онъ съ таинственнымъ видомъ: готовится новая гайдамачина въ большихъ размѣрахъ; по всему краю ведутъ агитацію, вербуютъ людей, организуютъ возстаніе; я многое вывѣдалъ, я все могу открыть властямъ, я могу назвать зачинщиковъ и руководителей, могу указать, кто они и

гдѣ живутъ,—но этого не могу сказать первому встрѣчному гоиму, мнѣ необходимъ доступъ къ воеводѣ или по крайней мѣрѣ къ региментарю.

Лицо Рувима просіяло выраженіемъ удивленія и уваженія къ себесѣднику.

— Да, сказалъ онъ, послалъ Господь тебѣ счастье.

— Скажи мнѣ, спросилъ Орунь: кто здѣсь могъ-бы мнѣ облегчить доступъ къ панамъ?

— Не безпокойся, найдемъ! Вотъ у меня бываетъ часто одинъ поручикъ; зовутъ его Игнаць Цалинскій. Это франтъ, человекъ задорный, кутила и пьяница, но онъ пользуется большою милостію региментаря; онъ ловко танцуетъ съ панями на его вечерахъ; говорятъ, что оказываетъ ему еще кое-какія услуги... ну, это все равно, но онъ въ милости.

Оруна передернуло отъ радости.—Ну, ну, вскричалъ онъ,—такого-то мнѣ и нужно!

— Завтра я тебя сведу съ нимъ, сказалъ Рувимъ, самъ поговоришь съ нимъ, сообразишь, насколько онъ окажется пригоднымъ для твоего дѣла,—а теперь пора спать.

Дѣйствительно, на слѣдующій день въ трактиръ Рувима зашелъ Цалинскій въ обществѣ нѣсколькихъ веселыхъ товарищей. Офицеры держали себя заносчиво и развязно: они усѣлись въ „чистой“ комнатѣ заведенія и позвали хозяина.

— Ну, ребе Рувимъ! сказалъ Цалинскій: ты поилъ насъ вчера венгерскимъ квасомъ за здоровье Лепинскаго; теперь подавай меду выпить за здоровье Саса,—только меду хорошаго, а не подслащенной воды... понимаешь, мы вѣдъ будемъ пить здоровье важнаго лица,—смотри, чтобы не быть тебѣ въ отвѣтѣ.

Рувимъ отвѣтилъ, улыбаясь подобострастно:—Развѣ я могъ-бы осмѣлиться предложить ясневельможному пану квасъ или воду?

Титуль „ясневельможнаго“¹⁾), очевидно, сильно нравился Цалинскому. Онъ важно облокотился, бросилъ милостивый взглядъ на Рувима, и лицо его просіяло широкою улыбкою.

— Ну, крикнулъ онъ,—нечего терять времени, неси скорѣе.

Минуту спустя Рувимъ съ тою-же подобострастною улыбкою размѣщаль на столѣ „коновку“ меду и стаканы; при этомъ, какъ будто нѣхотя, онъ промолвилъ:

— Лишь-бы Господь дозволилъ все хорошо покончить, а то вѣдь опять появились тревожные слухи о гайдамакахъ.

Слово гайдамаки заинтересовало гостей.

— Какіе тамъ слухи? Что? опять ждете Хмельницкаго или Кривоноса?—Вздоръ! Жидовская трусость! кричали офицеры.

— Я не знаю, возразилъ Рувимъ: я слава Богу живу далеко отъ нихъ, подъ защитою храбраго войска и доблестныхъ офицеровъ речи посполитой; но вотъ вчера пріѣхалъ мой родственникъ изъ Черкасъ, — онъ такое страшное рассказываетъ, ай вай миръ!

— Что-же онъ рассказываетъ?

— Я не умѣю толкомъ рассказать, мнѣ отъ его словъ вчужѣ страшно становится; онъ сильно перепуганъ, а въ чемъ дѣло, я не разберу: ясневельможный панъ вѣдь знаетъ, что мы, еврей, плохо понимаемъ военныя дѣла.

— Ну, такъ пришли сюда этого жида изъ Черкасъ, мы его поразспросимъ... интересныя новости, а извѣстно, никто быстрѣе жидковъ не узнаетъ, гдѣ что творится; подавай-ка его сюда!

Вскорѣ Орунъ смиренно стоялъ у стола. Цалинскій высокоомѣрно взглянулъ на него и спросилъ:

¹⁾ Въ номенклатурѣ, принятой въ шляхетскомъ обществѣ, дворянина называли „уроженный“ (почти то же, что, „ваше благородіе“), помѣщика, офицера, и т. п. „вельможный“ (высокоблагородный). „Ясневельможный“ (превосходительный, excellenz) былъ титуль сенаторовъ, сеймовыхъ депутатовъ, генераловъ и т. п.

— Ты изъ Черкассь?

— Нѣтъ, ясный пань! Я живу въ окрестности Черкассь.

— Глушь ты! Это для меня все равно. Какіе слухи привезъ ты оттуда?

Орунь серьезно покачалъ головою.— Ясне-вельможный пань!... слухи нехорошіе.

— Что такое: у васъ есть гайдамаки?

— Есть... куда же имъ дѣваться?

— Какъ, куда дѣваться?— Всѣхъ ихъ слѣдовало давно перевѣшать.

Орунь насмѣшливо улыбнулся. — Ясневельможный пань! сказалъ онъ: вѣдь они всѣ гайдамаки. Вѣдь всякій хлопь—гайдамака, такъ и выжидаетъ случая пролить кровь. Лишь только увидятъ возможность кровопролитія, такъ и сбѣгутся толпами со всей Украины,—такова уже ихъ природа. Всѣхъ ихъ перевѣшать нельзя: кто-же будетъ для вельможныхъ пановъ пахать землю и жать хлѣбъ?— а всякій хлопь и есть гайдамака.

— Всѣхъ ихъ мошенниковъ перевѣшать, пусть-бы и племени ихъ не осталось! кричалъ съ азартомъ Цалинскій, ударяя кулакомъ по столу.

— Ахъ, если-бы это было возможно! сказалъ Орунь со вздохомъ.

Цалинскій сообразилъ, что дѣйствительно всѣхъ перевѣшать нельзя, нѣсколько унялъ свой азартъ и спросилъ спокойнѣе.

— Что же,—они еще только собираются бунтовать, или уже составили „купы“?

Орунь посмотрѣлъ съискоса на офицера и отвѣтилъ смиренно:

— Ясневельможный пань! Я многое знаю, я вѣрный слуга пановъ и Рѣчи Посполитой, но... и замолекъ.

— Продолжай! крикнулъ Цалинскій.

— Важныя дѣла не передаются публично. Они—онъ указалъ глазами въ окно, сквозь которое видна была группа крестьянъ, стоявшихъ на базарѣ—они дѣйствуютъ осто-

рожно, хитро: зачѣмъ-же намъ громко болтать?—Хитрыхъ слѣдуетъ перехитрить. Я слышалъ, что Вы, ясновельможный панъ, въ большой милости у ясновельможнаго региментаря. Ну, потрудитесь намекнуть ему о томъ, что я привезъ кой-какія извѣстія; лишь-бы онъ позвалъ меня къ себѣ, я ему расскажу все, что знаю,—а можетъ быть, я знаю и не совѣмъ пустыя вѣсти. Сдѣлайте великую милость, прибавилъ онъ съ поклономъ: и Вашей милости это зачтется въ заслугу, и мнѣ будетъ польза.

Цалинскій сталъ продолжать разговоръ съ Оруномъ въ значительно болѣе мягкомъ тонѣ и въ концѣ общалъ ему выхлопотать аудіенцію у региментаря ¹⁾).

Дѣйствительно, въ слѣдующее утро Оруна позвали къ ясновельможному пану Малинскому, старостѣ новгородскому, региментарю Украинской партіи. Орунъ рассказывалъ подробно все то, что успѣлъ подмѣтить и вывѣдать, и сообщилъ свои заключенія и догадки. Малинскій слушалъ его доклады съ видимымъ недовѣріемъ; изъ лаконическихъ его вопросовъ видно было, что онъ подозреваетъ еврея въ умысленной утрировкѣ ничтожныхъ фактовъ съ цѣлью заслужить награду. Тѣмъ не менѣе онъ принялъ къ свѣдѣнію сообщенныя имъ извѣстія, общалъ щедрую награду, но потребовалъ, чтобы Орунъ возвращался въ свою корчму, чтобы втеченіе зимы продолжалъ слѣдить за подготовляющимся движеніемъ, чтобы общалъ собранныя свѣдѣнія указаннымъ региментаремъ лицамъ и чтобы весною явился къ нему съ общимъ категорическимъ докладомъ. Подробную инструкцію онъ поручилъ составить Цалинскому, къ которому и отправилъ Оруна.—Цалинскаго региментаря считалъ самымъ опытнымъ офицеромъ и вполне на него полагался въ дѣлѣ борьбы съ гайдаками. Репутацію эту поручикъ приобрѣлъ нѣсколькими удачными стычками съ мелкими гайда-

¹⁾ Должность региментаря отвѣчала нынѣшней должности начальника военнаго корпуса.

мацкими отрядами, которые ему удалось выслѣдить и уничтожить; эти, правда не особенно крупные, успѣхи выдвинули этого бѣднаго и незнатнаго шляхтича и положили начало той милости, которую оказывалъ ему regimentarъ.

Недовѣріе и подозрительность regimentarя къ извѣстіямъ, сообщеннымъ евреемъ, возбуждены были по преимуществу тѣмъ обстоятельствомъ, что Орунъ назвалъ въ числѣ зачинщиковъ заговора Верлана и Савву Чалаго. Помимо степени довѣрія, какимъ пользовались эти козацкіе полковники у своего начальника, Малинскій зналъ, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Шаргородомъ расположены русскія войска, которыя могли подавить въ зародышѣ всякую попытку къ возстанію. Относительно же Чалаго извѣстно было всѣмъ, что онъ рѣзко разорвалъ всякія отношенія съ Сѣчью и гайдамаками; послѣднихъ онъ преслѣдовалъ неутомимо съ того времени, какъ сталъ полковникомъ немировской надворной милиціи гетмана Іосифа Потоцкаго. Непримирая, озлобленная вражда навсегда, казалось, раздѣлила его отъ бывшихъ сотоварищей. Возвратиться въ Сѣчь онъ не могъ: тамъ его ожидала вѣрная гибель,—и потому онъ долженъ былъ оставаться вѣрнымъ слугою и защитникомъ Речи посполитой. Притомъ Савва за годъ только до описываемаго времени женился на шляхтянкѣ, дорожилъ родствомъ со шляхтичами и старался всячески втереться въ ихъ общество. Всѣ эти соображенія значительно подрывали въ глазахъ regimentarя довѣріе къ словамъ Оруна. Онъ сообщил свои сомнѣнія Цалинскому и поручилъ ему не упускать ихъ изъ виду при составленіи инструкціи.

Въ тотъ-же день вечеромъ Цалинскій явился въ домъ Рувима и, позвавъ Оруна, уединился съ нимъ въ отдѣльной комнаткѣ. Онъ обстоятельно еще разъ выспросилъ всѣ извѣстія о гайдамакахъ, кое-что отмѣтилъ для памяти, сообщилъ изустно подробную инструкцію и заставилъ Оруна дважды повторить ея содержаніе, а затѣмъ,

окончивши официальную часть разговора, началъ шутить и балагурить. Въ головѣ его мелькало какое-то пріятное соображеніе, подѣ вліяніемъ котораго онъ лукаво улыбался.

— Знаешь, что мнѣ не вѣрится, чтобы Савва могъ снюхаться съ гайдамаками!—Это извѣстіе выходитъ что-то нескладно... „Де Рымъ, де Крымъ, де Бабиньски корчмы“.

— Однако это правда. Развѣ вельможный панъ не знаетъ ихъ права? — Гайдамаки — словно волки: перегрызутся между собою, а почувятъ кровь, всѣ сбѣгаются въ гуртъ.

— Если бы онъ хоть пальцемъ шевельнулъ въ пользу гайдамаковъ, мы бы его изжарили на мѣдномъ быкѣ. Если бы оправдалось хоть малѣйшее подозрѣніе, regimentарь выдалъ-бы его генералу Вейсбаху, а тамъ за нимъ числятся всякіе „криминалы“, — и воронъ костей его не принесъ бы обратно!

— Погодите, вельможный панъ: слова мои оправдаются, какъ черное на бѣломъ; а пока не довѣряйте ему; это хамъ,—все равно, что лисица: притворится мертвымъ, лишь-бы удобнѣе укусить. Онъ такъ ловко шевелитъ пальцами, что въ Немировѣ этого не видно.

Цалинскій былъ хорошо знакомъ съ Саввою Чалымъ. Онъ встрѣчалъ его и въ замковыхъ палатахъ, и въ веселыхъ разгульныхъ пирушкахъ. Савва, хотя козакъ, но старался водить дружбу съ шляхтичами; въ ихъ обществѣ онъ вель себя развязно, былъ находчивъ и остроуменъ, усвоилъ шляхетскія манеры и обращеніе. Жилъ онъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Немирова, въ селѣ Рубани, пожалованномъ ему въ безсрочное владѣніе гетманомъ Потоцкимъ; въ Немировѣ заѣзжалъ часто по дѣламъ своей службы и довольно близко сошелся съ Цалинскимъ. Но у послѣдняго были съ нимъ свои тайные интимные счеты, въ виду которыхъ поручику и хотѣлось бы сжарить козацкаго полковника въ мѣдномъ быкѣ; вслѣдствіе этихъ интимныхъ побужденій Цалинскій страстно желалъ, чтобы свѣдѣнія, сообщенныя Оруномъ, оправдались по возможности нагляднѣе.

Покончивъ переговоры съ Оруномъ, поручикъ вышелъ изъ комнаты. Еврей смиренно сопровождалъ его до выхода изъ дома. Но на крыльцѣ Цалинскій столкнулся неожиданно съ проходившимъ мимо дома лицомъ и, находясь подъ впечатлѣніемъ только что оконченнаго разговора, онъ растерялся. Прохожій былъ никто иной, какъ Савва Чалый.

— Вотъ такъ! вскричалъ Цалинскій, ударивъ руками по своему желтому кунтушу: „про вовка помовка“... не докончивъ пословицы, онъ спохватился и примолкъ; но черезъ мгновеніе опомнился и продолжалъ развязно: „челомъ, челомъ пану атаману“!

— Челомъ, челомъ пану гетману! отвѣтилъ въ томъ же шуточномъ тонѣ Савва,—да продолжайте: какая такая была у васъ „помовка про вовка“? Онъ бросилъ испытующій взоръ на Цалинскаго и на Оруна, стоявшаго за нимъ и колебавшагося, слѣдуетъ ли уйти или остаться.

— Не то, чтобы „помовка“, а я только что думалъ о васъ... не мудрено, о такомъ веселомъ собесѣдникѣ часто вспоминается. При этихъ словахъ онъ обратился рѣзко къ еврею: а ты чего ждешь, пейсатый? ступай, скажи хозяйкѣ, пусть намъ внесетъ гарнецъ меду. Пожалуйте, панъ полковникъ, обратился онъ къ Чалому, взявъ его подъ руку,—не откажите выпить стаканчикъ съ пріятелемъ.

— Не могу, ей Богу, не могу, я долженъ сейчасъ же идти по дѣлу.

— Да выпьемъ лишь глоточекъ.

— Не могу! Жена моя больна, я оставилъ ее у родителей, и мнѣ необходимо поскорѣе позвать къ ней фельдшера.

— Ну, панъ атаманъ! мы дѣлу поможемъ; конечно, болѣзнь жены—серьезное несчастье, но я сейчасъ же туда отправлю нашего полковаго фельдшера, а мы тѣмъ временемъ зайдемъ запить горе.

Нечего было дѣлать, Савва вошелъ въ избу вмѣстѣ съ Цалинскимъ; они усѣлись за столомъ.

Савва Чалый былъ мущина лѣтъ сорока, высокій, сухощавый, мускулистый; костюмъ его былъ полу-козацкій, полу-шляхетскій; на головѣ его, высоко подбритой, красовался толстый „оселедецъ“ темно-каштановыхъ волосъ, конецъ котораго свисалъ на правое плечо; худое, желтоватое лицо было тщательно выбрито; лишь огромные, опущенные внизъ усы, подобно пожелтѣвшей травѣ, свисали небрежно до подбородка; изъ-подъ густыхъ бровей сверкали маленькіе подвижные сѣрые глазки, которые, казалось, проникали насквозь собесѣдника. На немъ былъ надѣтъ кунтушъ шляхетскаго покроя, подпоясанный ремненнымъ поясомъ, у котораго висѣла небольшая козацкая сабля; она исчезала въ складкахъ широкихъ синихъ „шароваровъ“, опущенныхъ въ голенища желтыхъ сафьяныхъ сапоговъ.

— Съ чего ваша пани вдругъ заболѣла? спросилъ Цалинскій.

Савва раздраженно махнулъ рукою.

— Бабское дѣло, панъ ротмистръ! (Усвоивъ себѣ шляхетскій этикетъ, Савва изъ приличія обращался къ собесѣднику, повышая его чинъ на двѣ степени). Вчера ей „бажалось“ кислога, сегодня „забажалось“ сладкаго... я и привезъ ее въ домъ родителей, пусть себѣ приищеть здѣсь, чего желаетъ по вкусу: у насъ вѣдь въ Рубани не достанешь всякихъ „выребенекъ“.

Цалинскій громко расхохотался.—Эй, панъ атаманъ! сказалъ онъ: и зачѣмъ это нужно было козаку жениться?

— Да затѣмъ, что Богъ создалъ красивыхъ женщинъ.

Цалинскій продолжалъ хохотать.—Какъ же вы безъ бабъ живали въ Сѣчи?

— Чужія попадались! съострилъ Савва.

Цалинскій продолжалъ хохотать.—Ай, да молодецъ! Такъ-то въ самомъ дѣлѣ лучше. Про себя скажу, что если бы ксендзы не пугали адомъ, въ которомъ будутъ насъ поить, конечно, не медомъ, а смолою, то я по вѣкъ бы

не женился: намъ вѣдь, жолнерамъ, какъ и вамъ на Запорожьи, по временамъ чужія попадаются.

Савва отпилъ большой глотокъ меду и продолжалъ.— Да, панъ ретмистръ,—съ женою возня; сегодня подай фельдшера и лѣкарства, завтра явится другая „примха“; такъ постоянно „журись и ложкою, и мискою, и третьею колискою“.

Поручикъ насмѣшливо улыбнулся и чокнулся стаканомъ.—Святая истина, сказалъ онъ: такъ выпьемъ же за процвѣтаніе и свободу холостяковъ.

— Выпьемъ! повторилъ Савва. А мнѣ все-таки пора домой. Жена осталась одна, родители ея уѣхали на „отпустъ“ въ Браиловъ,—мнѣ бы необходимо провѣдать ее, да къ ночи быть дома.—Не забудьте, Ваша милость, прислать фельдшера.

— Пришлю непременно! На обратномъ пути зайду самъ къ нему и немедленно пришлю куда нужно.

— Спасибо!

Цалинскій допилъ свой стаканъ, позвалъ Рувима, приказалъ записать медъ на свой счетъ, и оба собесѣдника вышли на улицу; они нѣкоторое время шли по одному направленію и продолжали бесѣдовать.

— Приходи, панъ атаманъ, вечеркомъ къ Рувиму, компанія будетъ хорошая, повеселимся.

— Не могу, сегодня я занятъ.

— Каковъ!—Разъ въ мѣсяцъ заѣдешь въ городъ, и то уклоняешься отъ веселаго общества.

— Не въ томъ дѣло, чтобы уклоняться, но у меня занятіе по службѣ; если бы не болѣзнь жены, мнѣ сегодня не слѣдовало бы вовсе отлучаться изъ дому; ночью я долженъ снарядить разъѣзды въ степь: есть извѣстія, что въ окрестности шляются гайдамацкіе лазутчики.

— Да, если дѣло въ службѣ, то перечить не смѣю, сказалъ Цалинскій.

Они остановились на перекресткѣ двухъ улицъ и радушно попрощались.

- Не забудь же, панъ ротмистръ, прислать фельдшера.
 — Черезъ полчаса доставлю.

Они разстались. Цалинскій пошелъ по направленію къ замку. Онъ шелъ медленно, поглаживалъ усы и улыбался. Не доходя до замка, онъ остановился передъ дверью скромной хатки, надъ входомъ которой на длинной жерди висѣлъ жестяной кружокъ, величиною въ тарелку, окрашенный ярко красною краскою; у дверей красовалась вывѣска, на ней виднѣлись черныя спиральныя линіи, долженствовавшія изображать пьявокъ, и лаконическая надпись: „Цырульникъ Гершко“.

Остановившись, Цалинскій окликнулъ хозяина; на крылечкѣ появился рыжій подвижной еврей и низко поклонился поручику.

- Ты знаешь, гдѣ живетъ подсудокъ Гротковскій?

Гершко приподнялъ брови:—Подсудокъ?—конечно, знаю.

Цалинскій прикрикнулъ:—Врешь, жидъ!—Скажи, гдѣ, если знаешь?

- Очень близко: на концѣ языка.

— Молодецъ! вижу, что попадешь. Такъ собирайся сейчасъ и бѣги туда... тамъ есть больная пани,—ты ей нуженъ.

- Слушаю вельможнаго пана, сейчасъ бѣгу.

— Постой!—прежде выслушай инструкцію. Когда побываешь у нея, на обратномъ пути зайдешь ко мнѣ разсказать, чѣмъ она больна.

- Слушаю.

- Теперь ступай!

Передъ закатомъ солнца Цалинскій, не дождавшись прихода Гершка, схватилъ съ досадою шапку и вышелъ изъ замка; онъ окинулъ глазами сновавшихъ по площади евреевъ и, примѣтивъ пробирающуюся рыжую фигуру Гершка, принялъ равнодушный видъ, будто его одолѣвала смертная скука, и, присѣвъ на скамейкѣ, устроенной у воротъ замка, устремилъ безцѣльно глаза въ пространство. Минуты три спустя, предъ нимъ стоялъ фельдшеръ; онъ самодовольно поглаживалъ пейсы и ждалъ вопроса.

— Ну, говори, что съ нею!

— Что съ нею? — Ничего! — Еврей вопросительнымъ взглядомъ окинулъ поручика.

— Какъ такъ ничего? Панъ Савва говорилъ, что она серьезно больна. Извѣстно, жена лишь бы сдѣлала гримасу, мужъ сейчасъ думаетъ, что она больна.

— Однако же, что съ нею?

— Что? — Она теперь совешенно здорова. Развѣ только весною будетъ больна, — ну, потому что тогда будутъ роды.

Извѣстiе это нѣсколько удивило поручика, но онъ принялъ равнодушный видъ и проговорилъ: — Такъ бы сразу сказалъ!

Гершко поправилъ на головѣ ермолку и, стоя передъ поручикомъ, дергалъ плечами, переступалъ съ ноги на ногу, поднималъ брови, очевидно, ждалъ новаго вопроса и хотѣлъ сообщить что-то, но самъ не осмѣлился начинать разговора.

Цалинскiй замѣтилъ тревожное состоянiе собесѣдника и спросилъ: — Ты хочешь, кажется, еще что-то сказать?

— Ничего особеннаго... она приказала благодарить вельможнаго пана за присылку фельдшера; то же приказалъ мнѣ и мужъ.

— Ничего больше?

— Чтожъ еще? Старики еще не воротились изъ Браилова.

— А мужъ?

— Уѣхалъ домой, въ Рубань.

Цалинскiй полѣзъ въ карманъ, вынулъ длинный шелковый кошелекъ, взялъ изъ него талеръ и молча подалъ еврею. Гершко низко поклонился, но продолжалъ стоять передъ поручикомъ.

— Конечно, ребе Гершъ, сказалъ въ полъ-голоса Цалинскiй: ты будетъ помнить... онъ докончилъ фразу мимикою: нѣсколько высунулъ языкъ и слегка прикусилъ его зубами. Гершко еще разъ поклонился.

— Какъ-же, вельможный панъ?.. Я вѣрно служу тому, кто даетъ мнѣ возможность заработать кусокъ хлѣба.

Цалинскій всталъ и медленно пошелъ по замковой улицѣ по направленію къ городу. Онъ нѣсколько разъ прошелся по ней, гуляя взадъ и впередъ, пока, наконецъ, среди сгустившейся темноты наступавшей ночи фигура его не исчезла на поворотѣ въ одинъ изъ мелкихъ переулковъ. Пробираясь по тѣснымъ и кривымъ улочкамъ, онъ вышелъ на закраину мѣстечка и приблизился къ оградѣ шляхетскаго дома, стоявшаго въ глубинѣ огороженнаго двора. Домъ этотъ принадлежалъ подсудку Гротковскому; онъ утопалъ въ зелени сада, окружавшаго его со всѣхъ сторонъ; спереди его заслоняли кусты сирени и жасмина, окаймленные рядками цвѣтовъ: разноцвѣтной „рожи“, душистаго „любытка“ и „канупира“, зеленой руты и „марыны“, голубой „той“. Сзади, изъ-за крыши дома, выглядывали вѣтвистыя груши и яблони. Цалинскій осторожно отодвинулъ задвижку у калитки воротъ и направился къ дому. Двери со стороны двора были заперты, окна не были освѣщены, на крыльцѣ никого не было. Поручикъ пошелъ по боковой тропинкѣ, обогнулъ домъ кругомъ и направился къ заднему крыльцу со стороны сада. Вечеръ былъ тихій и теплый; аромат травы и цвѣтовъ наполнялъ воздухъ благоуханіемъ; издали доносились неясные, смѣшанные звуки, въ которыхъ сливались голоса людей, ревъ животныхъ, кваканье лягушекъ и множество другихъ тихихъ, неуловимыхъ звуковъ. Все это соединялось въ какую-то странную гармонію, успокаивавшую и располагавшую къ мечтательности и нѣгѣ.

На крыльцѣ сидѣла на лавочкѣ женщина, облокотившаяся на перила, и о чемъ-то мечтала; вдругъ ей послышались шаги на боковой тропинкѣ, она встрепенулась и стала прислушиваться. Изъ-за кустовъ выступила фигура Цалинскаго.

— Наконецъ-то пришелъ! вскричала женщина, порывисто соскочила съ крыльца и повисла на шеѣ поручика.

Онъ обнялъ ея станъ, но шепнулъ нѣсколько встревоженнымъ голосомъ:—Берегись, ради Бога!

— Я здѣсь одна, сказала она спокойно.

— На долго?

— Не скоро онъ меня увидитъ! Я думала, что умру со скуки въ Рубани, въ обществѣ этого хлопа.

— Онъ не пускалъ тебя въ городъ?

Вопросъ этотъ, очевидно, напомнилъ женщинѣ цѣлый рядъ непріятныхъ столкновеній, она заволновалась, припала на груди Цалинскаго и стала громко рыдать.

— Что съ тобою, Елена? Случилось что-нибудь особенное?

— Ничего новаго... Но они меня отдали замужъ за этого козака, словно овцу продали на бойню. Всю жизнь мнѣ не съ кѣмъ слова промолвить; каждый день вижу лишь усатыя мужицкія хари. Она жаловалась и все громче плакала.

— Перестань, успокойся: горемъ вѣдь бѣдѣ не пособишь!

— Хорошо тебѣ утѣшать, успокоивать,—мнѣ же приходится жить въ постоянномъ страхѣ. Боюсь я товарищей и знакомыхъ моего мужа; всѣ они смотрятъ гайдамаками, все снуютъ около насъ подозрительныя личности.

— Ты сама себя напрасно пугаешь; вѣдь сослуживцы твоего мужа не гайдамаки,—они состоятъ на службѣ Рѣчи Посполитой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь ихъ! изъ глазъ ихъ смотреть что-то недоброе. Когда я одна среди нихъ, мнѣ кажется, что они убьютъ меня.

Она продолжала плакать, приговаривая съ отчаяніемъ:— Повѣнчали меня съ хлопомъ, заставили выйти за него замужъ, на всю жизнь меня связали.

Жалобы и нареканія плакавшей женщины волновали Цалинскаго. Лицо его приняло мрачное выраженіе; онъ молча поглаживалъ усы и наконецъ проговорилъ сквозь стиснутыя зубы:—Погоди! я знаю средство.

Елена еще крѣпче обняла его и, заглядывая ему въ глаза, сказала:—Милый мой! я уйду изъ дому, я убѣгу къ тебѣ.

— Не торопись, отвѣтилъ поручикъ: нечего горячиться. Если судьба свела насъ слишкомъ поздно, намъ необходимо сдѣлать кое-какія уступки въ пользу общественнаго мнѣнія; погоди немного! клянусь тебѣ, я знаю вѣрное средство для того, чтобы тебя освободить.

Елена не спрашивала, въ чемъ состояло это средство; она страстно любила Цалинскаго, глубоко вѣрила, что онъ не обманетъ. Она не признавала обязанностей, возложенныхъ на нее брачными узами. Выходила она замужъ по приказанію родителей, безъ любви, но и безъ отвращенія; она еще не знала тогда Цалинскаго. Теперь она бы, конечно, предпочла смерть разлукѣ съ нимъ; теперь ненависть къ мужу она считала естественнымъ, законнымъ чувствомъ. Елена пригласила гостя въ комнату; она угощала его, какъ гостя, и въ присутствіи слугъ обращалась съ нимъ по всѣмъ правиламъ принятаго въ шляхетской средѣ этикета, стараясь играть роль любезной хозяйки. Она угостила поручика ужиномъ, за который онъ принялся съ большимъ аппетитомъ. Онъ согласился посидѣть еще нѣсколько времени, въ ожиданіи пріѣзда родителей, но время шло, и становилось очевиднымъ, что они остались въ Браиловѣ на ночь. Въ виду поздняго времени, Цалинскому не приходилось долѣе оставаться: онъ долженъ былъ уйти домой. Елена проводила его до воротъ. За калиткою маленькая улица предмѣстья была совершенно пуста. Ночь стояла ясная, лунная. Они стояли за калиткою, прикрытые тѣнью вѣтвистыхъ деревьевъ, свѣшивавшихся изъ сада за ограду. Елена обняла своего возлюбленнаго и спросила:

— Когда же опять придешь?

— Постараюсь завтра.

— Непремѣнно приходи.—Она притянула его голову и шепнула на ухо: знаешь, я въ ожиданіи... онъ это знаетъ и считаетъ своимъ.

— Что-же, очень тѣшится?

— Какъ-же! объявилъ, что если родится сынъ, онъ непременно назоветъ его Саввою: у нихъ въ роду всѣ старшіе сыновья носятъ это имя.

— Подождемъ, увидимъ! сказала сдержанно Цалинскій и, поцѣловавъ Елену, пошелъ медленно по улицѣ, погружившись въ глубокое раздумье. Разговоръ съ Еленою произвелъ на него впечатлѣніе болѣе глубокое, чѣмъ онъ ожидалъ. Привыкшій къ разгульной солдатской жизни, молодой офицеръ смотрѣлъ въ началѣ на свою связь съ замуженю женщиною, какъ на мимолетное развлеченіе. Незамѣтно для него самого безграничная любовь Елены, ея преданность, нравственная безвыходность ея положенія заставили его смотрѣть серьезнѣе на легкомысленно начатую интригу; постепенно искренняя любовь западала въ его душу; онъ жалѣлъ ее, страдалъ ея страданіями, чувствовалъ необходимость измѣнить ея положеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстно ревновалъ ее къ мужу. Когда, успокоивая ее, онъ намекалъ на то, что онъ найдетъ средство избавить ее отъ Саввы, онъ говорилъ искренно; въ головѣ его давно уже шевелилась мысль, которую онъ постоянно обдумывалъ, развивалъ въ подробностяхъ, которая начинала слагаться въ послѣдовательный планъ дѣйствія. Но о содержаніи своего плана онъ упорно умалчивалъ,—потому ли, что исполненіе его требовало довольно продолжительнаго времени, или потому, что онъ не успѣлъ еще собрать и приготовить всѣхъ нужныхъ для исполненія его данныхъ; можетъ быть, не смотря на личное увлеченіе, въ глубинѣ души онъ чувствовалъ что-то въ родѣ угрызенія совѣсти. Во всякомъ случаѣ онъ не проронилъ ни слова о сущности своихъ предположеній. Теперь, двигаясь медленно по безлюднымъ улицамъ мѣстечка, онъ еще разъ обдумывалъ и приводилъ въ порядокъ свои соображенія; невольно изъ устъ его вырывались несвязныя слова:—Если-бъ узнать, насколько

это вѣрно!.. Если-бъ можно слѣдить за тѣмъ, что онъ дѣлаетъ въ настоящую минуту...

Между тѣмъ въ это время Савва не думалъ ни о женѣ, ни о Цалинскомъ; связи ихъ онъ не подозрѣвалъ. Онъ безпечно оставилъ жену въ домѣ ея родителей, считывая, что она отдохнетъ у нихъ и полѣчится; одолевавшую ее грусть онъ объяснялъ себѣ тѣмъ, что жена не успѣла еще привыкнуть къ новой обстановкѣ и тоскуетъ по родителяхъ, по дому; онъ воспользовался временнымъ ея нездоровьемъ, чтобы дать ей возможность пожить нѣкоторое время въ прежней обстановкѣ и такимъ образомъ смягчить тревожившую ее тоску.

Солнце было уже на закатѣ, когда Савва подѣзжалъ къ своему хутору, лежавшему верстахъ въ пяти отъ Немирова. Онъ ѣхалъ шагомъ по узкой дорожкѣ, пролегавшей среди садовъ, хатъ и огородовъ Рубани. Вскорѣ среди густо посаженныхъ черешень онъ увидалъ бѣлѣющія стѣны своей усадьбы и услышалъ на своемъ дворѣ назойливый лай собакъ, очевидно провожавшихъ кого-то чужаго, зашедшаго въ усадьбу. Изъ-за кустовъ и бурьяна онъ не могъ разглядѣть, въ чемъ дѣло, и направился къ воротамъ. Отсюда онъ увидѣлъ, что собаки преслѣдуютъ нищаго старика, который, спасаясь отъ нихъ, прижался спиною къ кустамъ. „Дѣдъ“ былъ безъ шапки; вѣтеръ развѣвалъ его сѣдые волосы и лоскуты, висѣвшіе въ разныхъ мѣстахъ на его изорванной и покрытой разноцвѣтными заплатами свиткѣ. Дѣдъ держалъ за руку мальчика, одѣтаго въ такую же изорванную и заплатанную свиту и измятую соломенную шляпу; черезъ плечо на мальчикѣ надѣта была полотняная „торба“, — мѣшокъ, въ который сердобольныя женщины клали подаяніе: ломти хлѣба, „паляныци“, калачи и т. п. И дѣдъ, и его „михонша“ успѣли добраться до забора и, прислонившись къ нему спиною, отбивались отъ собакъ своими длинными дорожными палками; собаки съ громкимъ лаемъ подсекали къ нимъ, но должны были удерживаться на почти-

тельномъ разстояніи. На дворѣ не было живой души. Савва, остановившись у запертыхъ воротъ, приподнялся на стременахъ и разглядѣлъ описанную картину; онъ отозвалъ собакъ. Услышавъ голосъ хозяина, послѣднія при-смирѣли. Тогда онъ позвалъ зычнымъ голосомъ слугъ. Два козака показали изъ конюшни; одинъ немедленно побѣжалъ отворить ворота, другой сталъ отгонять собакъ.

— Что, вы оглохли?... не слышите лая?... Собаки чуть не растерзали дѣда, а вамъ лѣнь выглянуть изъ конюшни?

— Мы не видали дѣда, онъ должно быть сейчасъ только забрался во дворъ.

Савва отдалъ козаку коня и, недовѣрчиво покосившись на старика, спросилъ.

— Ты, дѣдъ, откуда?

Нищій не отвѣтилъ на вопросъ, онъ словно не слышалъ его и заговорилъ:—Ну, злая же ваши собаки! Я думалъ, что онѣ съѣдятъ меня; я вѣдь слѣпъ и прошу подавнїя.

— Подойди къ крыльцу! сказалъ Савва, самъ туда направляясь.

Дѣдъ дернулъ за рукавъ своего михоношу и указалъ ему ту сторону, въ которой слышны были шаги Саввы. Мальчикъ тронулся съ мѣста и пошелъ въ указанномъ направленіи; дѣдъ медленно двигался за нимъ, не выпуская изъ своей руки свитки.

Дворъ былъ очень обширный. Савва часто объѣзжалъ на немъ верховыхъ лошадей и потому поверхность его была выравнена и гладка. Въ глубинѣ двора стоялъ домъ, у вхожихъ дверей котораго придѣлано было крылечко подъ крышею, опиравшеюся на четыре деревянныя колонны. Савва взошелъ быстро на крыльцо и, не останавливаясь, прошелъ въ сѣни. Онъ осмотрѣлъ, нѣтъ ли кого-либо изъ прислуги въ ближайшей къ выходу комнатѣ и, увидѣвъ, что она совершенно пуста, притворилъ ее входную дверь, осмотрѣлъ сѣни и заперъ ихъ также, наконецъ усѣлся на скамейкѣ, устроенной на

крыльцѣ, и молча вперилъ испытующій взоръ сначала въ старика, потомъ въ его провожатаго. Они стояли молча у крыльца, ожидая вопроса хозяина. Савва еще разъ быстро окинулъ взоромъ дворъ и, остановивъ пристально глаза на нищемъ, спросилъ:

— Кто твой провожатый?

— Онъ глухъ и нѣмъ отъ рожденія.

Савва всматривался въ лицо дѣда и тщетно старался вспомнить черты его лица; ему казалось, что онъ никогда его прежде не встрѣчалъ. Помолчавъ немного, онъ вновь къ нему обратился:

— Ты кто?—Мы знаемъ нищихъ такого разбора... Ты ходишь не за подаянiемъ.

— Одного поля ягода, отвѣтилъ насмѣшливо нищій: развѣ ты не узналъ меня, атаманъ?

Савва съ досадою сплюнулъ,—голосъ былъ ему знакомый.—Тю, нечистая сила!—Да самъ чортъ не узналъ бы тебя.

— Это дѣло: для чертей-то собственно я и мѣняю обликъ.

— Хорошія вѣсти принесъ ты?

— Слава Богу, не дурныя.

Мнимый нищій былъ никто иной, какъ знакомый намъ уже Матвій. Онъ все время странствовалъ отъ одного „ватажка“ къ другому, сообщалъ вѣсти, передавалъ взаимно ихъ мнѣнія и по временамъ прибавлялъ отъ себя совѣтъ или соображеніе, основанное на подмѣченныхъ имъ данныхъ.

— Я полагаю, сказалъ Савва, что тебя давно вздернули на висѣлицу: жду тебя и не могу дождаться.

Матвій наклонилъ голову.—Да, теперь я старъ!—Когда былъ моложе, ходилъ попроворнѣе.

— Ну, старикъ, рассказывай!

— Мы порѣшили окончательно планъ дѣйствій; дѣла, кажется, складываются лучше, чѣмъ мы предполагали. Я зашелъ къ тебѣ передать подробности теперь, потому что врядъ ли успѣлъ бы весною. Дѣло въ томъ, что

изъ Запорожья двинется прежде всего отрядъ челоуѣкъ въ пятьсотъ; онъ переберется „Дикими полями“ къ Могилеву, а затѣмъ черезъ Студеницу попытается пройти на Орининскія поля въ Жванецъ и дальше. Отрядъ этотъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, по дорогѣ увеличится вдвое, втрое, можетъ быть вдесятеро. Запорожцы постараются сдѣлать все, что будетъ возможно, но, главное, они отвлекутъ вниманіе ляховъ и заслонятъ отъ нихъ на первое время главное движеніе. Затѣмъ изъ Переяславля переправятся къ намъ охотники, которыхъ уже вербуютъ въ гетманщинѣ—начальство общало смотрѣтъ на нихъ сквозь пальцы—они соединятся съ отрядомъ Гордія и, разбившись на небольшія кучки, будутъ пробираться различными путями за Бугъ, въ „Черный лѣсъ“. У Дзыговки назначенъ сборный пунктъ; здѣсь поджидать насъ будетъ Верланъ со своимъ ополченіемъ. Тогда только, соединившись, мы откроемъ настоящую войну и пойдемъ впередъ по слѣдамъ, проложеннымъ передовымъ отрядомъ сѣчовиковъ: по дорогѣ и тебѣ слѣдуетъ къ намъ присоединиться. Такъ-то, панъ атаманъ, начнется наше дѣло. Какъ оно кончится,—про то вѣдаетъ лишь Господь, Отецъ нашъ небесный... въ руцѣ его успѣхъ или пораженіе наше; но каковъ бы ни былъ исходъ нашего предпріятія, мы должны его поддержать; въ крайнемъ случаѣ мы должны доказать ляхамъ, что отечество намъ дорого, что мы не отказались отъ мысли о нашей волѣ, что готовы ее требовать при каждомъ удобномъ случаѣ и готовы ³ всегда сложить за нее свои головы. Ты самъ обсуди, гдѣ и какъ ты примкнешь къ нашему войску,—назначай самъ мѣсто, гдѣ найдешь удобнымъ соединиться съ Верланомъ и Грывою; о времени тебя извѣстятъ исправно; пока же старайся слѣдить за движеніями польскаго войска и сообщай намъ все, что удастся тебѣ вывѣдать о ихъ намѣреніяхъ и предположеніяхъ... Да, кстати,—у насъ есть еще одна, хотя и не вполне вѣрная, надежда. Тебѣ извѣстно, что въ Умани стоитъ русское войско; оно явилось защищать Саксонца.

Слѣдуетъ развѣдать ихъ отношеніе къ нашему предпріятію. Это, впрочемъ, дѣло Верлана:—ему ближе, да и притомъ онъ умѣетъ вести такого рода сношенія. Онъ уже подружился съ полковникомъ Полянскимъ и постарается склонить его на нашу сторону. Да поможетъ ему Господь! Хоть вполне на это полагаться нельзя, а все-таки попытаться слѣдуетъ.

Матвій замолкъ и призадумался, затѣмъ тяжело вздохнулъ и прибавилъ, какъ бы продолжая вслухъ свои мысли: — Да, неохотно помогаютъ тому, кто слабѣе! Многіе готовы снять послѣднюю рубашку съ того, кто связанъ и беззащитенъ.

Оба нѣкоторое время молчали.

— Когда думаете тронуться? спросилъ Савва.

— Люди уже собираются, будутъ собираться незамѣтно втеченіе всей зимы. Лишь только сойдетъ снѣгъ, мы выступимъ къ Шаргороду.

Савва выслушалъ внимательно разсказъ Матвія; онъ вдумывался въ каждое его слово, соображалъ, взвѣшивалъ всѣ подробности, но, казалось, колебался и не довѣрялъ. Онъ глубоко задумался и, насупившись, смотрѣлъ въ землю; лирникъ неподвижно, какъ статуя, сидѣлъ рядомъ съ нимъ на скамейкѣ, и только по складкамъ, все болѣе и болѣе обрисовывавшимся у его губъ, можно было замѣтить то напряженіе, съ которымъ онъ ожидалъ отвѣта своего собесѣдника. Молчаніе Саввы и смущало его и приводило въ негодованіе, но старикъ привыкъ сдерживать свои душевныя волненія. Онъ молчалъ и съ виду казался равнодушнымъ.

Вдругъ Савва встрепенулся, выпрямилъ станъ, рѣзкимъ жестомъ схватилъ рукоятку своей сабли и сказалъ, ударяя концемъ ея о полъ.

— Скажи, старикъ, Верлану и Гордію, что Савва готовъ сражаться за Украину вездѣ, гдѣ за нее будутъ сражаться другіе. Пусть не пеняютъ на меня за то, что я, повидимому, усердно служу ляхамъ... до поры, до времени учусь

у нихъ уму-разуму, но когда встанеть во весь ростъ народное дѣло, тогда и я послужу не хуже другихъ.

— Дай, Господи!

Савва всталъ со скамейки.—А теперь, диду, сказалъ онъ, ступай съ Богомъ! мнѣ ляхи не особенно довѣряють, и имъ не безъизвѣстно, зачѣмъ по селамъ ходять лирники и мнимые нищіе.—Прощай!...

Старикъ молча наклонилъ голову и подалъ рукою знакъ своему молчаливому „михоношѣ“. Они направились къ воротамъ и вскорѣ исчезли среди тѣсныхъ улицъ лѣснаго хутора.

(До слѣд. №).

Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію григоріанскій календарь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Религіозно-церковное примѣненіе юліанскаго календаря. Пасхальныя таблицы. Компуты. Недовольство старымъ календаремъ на православномъ Востока и католическомъ Западѣ. Исправленіе календаря папой Григоріемъ XIII. Причины враждебнаго отношенія православныхъ народовъ, въ особенности южнорусскаго, къ новому календарю. Константинопольскій соборъ 1583 года. Недовольство католиковъ новымъ календаремъ. Лютось. Львовскіе безпорядки 1583 г. Суликовскій и Гедеонъ Балабанъ. Грамоты Стефана Баторія 1584, 1585 и 1586 годовъ. „Ключъ царства небеснаго“ Смотрицкаго. „Бнижапа“ Суражскаго. Стефанъ Зизавій и Жебровскій. Защита стараго календаря Христофоромъ Филалетомъ. Левъ Мамоничъ. Упадокъ православной полемики о календарѣ въ XVII в. Причины этого упадка. Замѣтки и статьи православныхъ въ защиту стараго календаря въ XVII вѣкѣ. Отношеніе къ старому календарю Потѣя и Терлецкаго. Сочиненія католиковъ Вуйна, Гродзицкаго и др. въ защиту новаго календаря. „Sowita wiņa“. „Roztowa“ Скупинскаго. Кассианъ Саковичъ. Его „Kalendarz stary“. „Apologia“ Яна Брожека „Kalendarz prawdziwy“ Яна Дубовича. „Ierarchia“ Дубовича. „Herby“ Рутки. Общая характеристика отношеній католическихъ полемистовъ къ православнымъ. Научная высота полемистовъ о календарѣ. Прекращеніе полемики о календарѣ въ южной Россіи. Преслѣдованіе календаря Дунчевскаго въ 1738 г. Возобновленіе полемики о календарѣ въ послѣднее время въ Галиціи. „Polityka perwów“ А. Z. Защита стараго календаря Ст. Качалой въ „Дѣлѣ“. „Нови хмари“ и „Што намъ чинити?“—переводныя статьи редакціи „Дѣла“. Заключеніе.

Въ IV столѣтїи на первомъ Никейскомъ соборѣ было опредѣлено время празднованія Пасхи по юліанскому календарю, и съ того времени къ научной астрономической части календаря тѣсно присоединилась часть религіозная и церковно-бытовая. Народныя массы обращали вниманіе на календарь и дорожили имъ преимущественно съ точки зрѣнія опредѣленія времени праздниковъ и прежде всего Пасхи. Многіе христіанскіе писатели, преимущественно александрійцы, занимались пасхальными вычисленіями. Древнѣйшіе опыты этого рода относятся къ концу IV и началу V столѣтій. Большой извѣстностью въ древности пользовались пасхальныя таблицы Діонисія Малаго (+556) и Беды Почтеннаго (+735)¹⁾. Составленіе пасхаль-

¹⁾ Сухомлиновъ. О древн. рус. лѣтописи, 25.

ныхъ таблицъ было любимое занятіе древнихъ русскихъ грамотныхъ людей. Уже въ XII вѣкѣ Кирикъ написалъ „Ученіе, имже вѣдати челоуѣку числа всѣхъ лѣтъ“, гдѣ изложено ученіе объ индиктѣ, о высокосныхъ лѣтахъ и т. п. Въ западной Европѣ пасхальныя таблицы, заключавшія въ себѣ опредѣленіе времени Пасхи и подвижныхъ праздниковъ вообще, назывались въ XIV—XVI вѣкахъ компутами. Въ половинѣ XVI вѣка понятіе о компутѣ опредѣлялось такъ: „est ars considerans tempora, quae a solis et lunae motu nata, ecclesia observat. Hoc autem nominis a computando dicitur habere“¹⁾.

Астрономическія вычисленія указываютъ на неточность солнечнаго года по старому юліанскому календарю. Ежегодно получается излишекъ въ 11 минутъ и $13\frac{9}{10}$ секунды, что въ 128 лѣтъ составляетъ день. Неточность эта давно уже была усмотрѣна какъ въ православной Византіи, такъ и на католическомъ Западѣ, и въ первой чуть ли не ранѣе, чѣмъ на второмъ. Матеей Властарь, ученый іеромонахъ греческой церкви, жившій въ первой половинѣ XIV ст., уже указалъ на недостатки юліанскаго календаря, именно на то, что, по вычисленію Властаря, солнечный годъ имѣетъ не 365 дней съ четвертью, а на пять минутъ менѣе²⁾. Подобнаго рода замѣчаніе сдѣлалъ и другой старинный византійскій писатель Никифоръ Григора³⁾. Западъ настойчивѣе стремился къ исправленію стараго календаря. На Констанцкомъ и Базельскомъ соборахъ сдѣланы были заявленія о необходимости исправить старый календарь. Новый календарь введенъ былъ въ 1582 г., по распоряженію папы Григорія XIII, на основаніи вычисленій, сдѣланныхъ ученымъ калабрійцемъ, врачомъ и астрономомъ, Алоизіемъ Лиліо. Такъ какъ нужно было прибавить десять дней, то папа повелѣлъ день утвержденія новаго календаря 5-ое октября считать 15-мъ, черезъ что весеннее равноденствіе на этотъ годъ возвращалось на 21 марта, какъ было на Никейскомъ соборѣ, опредѣлившемъ время празднованія Пасхи. Такимъ образомъ, новый календарь былъ дѣломъ науки, хотѣвшей однако согласоваться съ церковнымъ уставомъ. Вводимый властью Рима, онъ становился нѣкоторымъ подспорьемъ латинской пропаганды. По этому первоначально онъ принятъ только въ Италіи и другихъ католическихъ странахъ, но долго не былъ принимаемъ въ странахъ протестантскихъ⁴⁾.

¹⁾ *Wiszniewski. Historia literat. polskiej VII. 363.*

Примѣчаніе: Въ XVIII ст. въ Малороссіи компутами назывались списки служащихъ въ полкахъ козаковъ.

²⁾ *Православ. Собесѣдникъ 1859. II. 164.*

³⁾ *Арсеній, архим. Лѣтопись церк. событій. 617.*

⁴⁾ *Малышевскій. Мелетій Пигасъ I. 237.*

Православные рѣшительно отстояли старый календарь. Главной причиной ихъ нерасположенія къ новому календарю было стремленіе католиковъ навязать вмѣстѣ съ новымъ календаремъ папизмъ и назойливое его предложеніе, переходившее иногда въ положительный гнетъ и гонительство. На греческомъ Востоцѣ противодействовали болѣе теоретически, точнѣе сказать, высказываясь противъ новаго календаря, спокойно сохраняли старый, такъ какъ тутъ не оказалось такихъ общественныхъ элементовъ, которые поставляли бы свою задачей провести его насильно въ обиходную практическую жизнь. Иначе стояло дѣло въ юго-западной Руси. Здѣсь на сторонѣ новаго календаря сразу оказалось много сторонниковъ среди могущественнаго землевладѣльческаго класса, частью совсѣмъ польскаго по происхожденію, частью изъ ополчившихся русскихъ. Здѣсь уже энергично работали іезуиты, пропагандируя папизмъ и разжигая вѣроисповѣдную вражду между католиками и православными. Оттого пропаганда новаго календаря въ южной Руси быстро оформилась въ тяжелую форму притѣсненія и гонительства. При такомъ положеніи дѣлъ, отстаиваніе стараго календаря высоко цѣнилось православными, и тотъ, кто становился въ ряды его защитниковъ или кто претерпѣвалъ изъ-за него гоненія и мученичества, пріобрѣталъ народное благорасположеніе и признательность. Молва о такомъ защитникѣ шла изъ рода въ родъ, и съ личностью его связывались благочестивыя религіозныя сказанія. Одно изъ такихъ религіозныхъ сказаній вошло въ Записки Петра Могилы. „Въ предѣлѣхъ Перемыскомъ, говорится здѣсь, благородный нѣкто, именемъ Еразмъ Гербортъ, въ постъ предъ Рождествомъ Христовымъ, колико дней передъ своимъ латинскимъ Христорождественскимъ праздникомъ, совѣтомъ своихъ іерей латинскихъ и слугъ, тоя же вѣры сущихъ (младъ сын), вся іерея православныя съ протопопомъ ихъ, числомъ яко дванадесять, отъ всѣхъ сель своихъ (богатъ бо бяше) собра и повелѣ имъ по новораствѣнному ихъ календарю латинскому вкупѣ съ ними Рождество праздновати и мяса ясти. Они же абіе вси отречеюшася не творити се и паче смерть нежели постъ разорѣти и Богоносными отцы преданный календарь измѣнати изволѣти господину своему обѣщанася. Онъ же, разгнѣвався, обезчести ихъ и, ругаясь православной вѣрѣ безбожно, въ темницу затворити повелѣ. Они жъ, плачуще и стѣнюще... совѣтомъ православнаго своего епископа тогда сущаго Михаила Коныстонскаго, еже не соизволяти прещенію господина ихъ, но пострадати съ людьми Божиими, нежели сласти временнѣй, съ иновѣрными сообщившись, вѣчную гибель себѣ снискати изволити, вси единодушно въ темницѣ гласъ и рудѣ къ Богу... воздвигоша, моляшеся да не оставитъ вѣру святую право-

славную въ смѣхъ и поруганіе мерзкому отступнику, но векорѣ да отомститъ озлобленіе ихъ. Молящимъ же имъ и къ Богу вошіющимъ... въ той часъ напрасно онъ Гербортъ разболелъ и... злѣ испроверже злую свою душу“¹⁾.

Кромѣ гонительства, какъ главной причины нерасположенія православныхъ къ новому календарю, былъ еще другой крупный поводъ къ неудовольствію православныхъ на новый календарь, вытекавшій изъ уставовъ православной церкви. Держась опредѣленія Никейскаго собора, православные никогда не празднуютъ пасху ни вмѣстѣ съ евреями, ни ранѣе ихъ, но всегда позднѣе ихъ, но крайней мѣрѣ на одинъ день, какъ требуетъ седьмое апостольское правило. Западныя же христіане, при астрономической точности своего календаря, не могли избѣжать нарушенія этого правила и часто впадаютъ въ ту и въ другую погрѣшность²⁾.

Въ добавокъ нужно замѣтить, что старый календарь находится въ тѣсной связи съ церковными обрядами, и православные тѣмъ болѣе имъ дорожатъ, что болѣе, чѣмъ западныя христіане, придерживаются постовъ и церковныхъ обрядовъ. По справедливому замѣчанію сербскаго митрополита Стефана Стратимировича въ докладѣ 1814 г. австрійскому императору о старомъ календарѣ „Римо-католическіе люди своя религія попеченіе обрядовъ и обычаевъ своихъ сохраненіе наипаче клиру, а сей папѣ простирающе, меньше такожде пекутся, меньше о своихъ обычаяхъ непоколебимостяхъ утрашени суть, еже вся сія у греческаго закона людей совѣмъ иначе имѣются“³⁾.

Весь православный міръ былъ взволнованъ появленіемъ григоріанскаго календаря, тѣмъ болѣе, что католики, въ особенности іезуиты немедленно приступили къ его пропагандѣ среди православныхъ народовъ. Уже въ 1583 г. папа Григорій XIII отправилъ двухъ агентовъ въ Константинополь къ патріарху Іереміи съ подарками и съ предложеніемъ принять новый календарь. Іеремія дружелюбно принялъ папскихъ пословъ и не порицалъ новаго календаря, съ которымъ имѣлъ въ виду ознакомиться ближе и затѣмъ надлежало выждать, какъ отнесутся къ нему православные въ Греціи и Россіи. Къ Іереміи обратились съ вопросами о новомъ календарѣ изъ Венеціи тамошній православный епископъ Гавріилъ Северъ и ефоры православнаго братства св. Георгія, изъ южной Руси — кн. Константинъ Острожскій, изъ разныхъ мѣстъ Греціи, наконецъ, и армяне. Требовались отвѣты и папѣ и всѣмъ вопрошавшимъ. Въ ноябрѣ 1583 года состоялся соборъ, на которомъ присутство-

¹⁾ *Архивъ юго-запад. Россіи* I. т. VII. 104.

²⁾ *Православ. Собесѣдн.* 1859. II. 163.

³⁾ *Чтенія въ моск. общ. ист. и древ.* 1864. II. 217.

валъ и патріархъ александрійскій Сильвестръ. 20-го ноября состоялось опредѣленіе о новомъ календарѣ. Онъ признанъ новымъ опытомъ нововведеній, какія обыкла самовластно устанавливать римская церковь; признана неправильность и въ старомъ счисленіи, но также и въ новомъ, предъ которымъ старое отличается ббльшей твердостью и, главное, сохраняется каноническое установленіе Никейскаго собора о времени празднованія пасхи, что невозможно при новомъ календарѣ. Въ этомъ смыслѣ даны отвѣтныя посланія папѣ, въ Россію, Венецію, армянамъ, сообщено и по всей Греціи ¹⁾).

Григоріанскій календаръ вызвалъ неудовольствіе даже въ странахъ католическихъ, между прочимъ, въ Польшѣ. Не работой здѣсь ловкіе и пронырливые іезуиты, противодѣйствіе новому календарю приняло бы довольно обширные размѣры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опасались народнаго волненія. Къ какимъ мѣрамъ прибѣгли іезуиты, чтобы ввести въ Польшѣ новый календаръ, показываетъ печальная судьба польскаго ученаго Лятоса. Южнорусскіе полемисты XVI и XVII вѣковъ съ уваженіемъ упоминають его имя. Янъ Лятось былъ докторъ медицины и астрономіи въ краковской академіи, человекъ съ обширными знаніями и прямымъ независимымъ характеромъ. Уже его могучій внѣшній видъ показывалъ, что природа щедро надѣлила его своими дарами. По словамъ іезуитовъ, Лятось былъ полный, красивый, ширебородый мужчина, съ большой физической силой (*miał dosyć ciała, urody z potrzebą, brodę jak u czapnika, a siłę tak wielką, iż nietylko niedzwiedziowi, ale i wielbłądowi mógł zdołać*). Лятось представилъ въ краковскую академію возраженія противъ новаго календаря еще до его утвержденія папой. Не смотря на то, что Лятось пользовался уже славой отличнаго астронома, академія не приняла его возраженій, будто бы по причинѣ ихъ смутности, въ дѣйствительности по соображеніямъ религіозно-церковнаго характера, *pod względem kanonicznym więcej niż astronomicznym porażkę kalendarza uważając*, какъ сознаются сами католическіе писатели ²⁾). Лятось отправилъ свое возраженіе на новый календаръ въ Римъ, гдѣ также на него не обратили вниманія. Настойчивый Лятось продолжалъ противодѣйствовать новому календарю на томъ основаніи, что онъ не согласованъ съ постановленіями Никейскаго собора. Краковская академія въ 1582 г. внесла въ гродскія книги заявленіе о своемъ несогласіи съ Лятосомъ, а въ 1601 г. Лятось удаленъ былъ изъ академіи, по настоянію краковскаго епископа Мацѣйовскаго. Заслуживаетъ вниманія замѣчаніе Мацѣйовскаго, что „русскій посполитый людъ“, опираясь на доводы

¹⁾ *Мальшевскій. М. Пагасъ I. 239.*

²⁾ *Wiszniewski. Historia literat. polskiej. VII. 369.*

Лятоса, будетъ порицать одобренный римскою церквою календарь. Къ этому то русскому люду и удалился Лятось, послѣ потери мѣста въ академіи. Онъ нашель убѣжище у князя Константина Острожскаго въ г. Острогѣ и здѣсь издалъ противъ новаго календаря „Минуціи“, гдѣ доказываль, что исправители календаря не приняли во вниманіе нѣсколько минутъ и потому исключили изъ стараго календаря десять дней, вмѣсто семи дней. Іезуиты упрекали Лятоса, что онъ играетъ въ руку православнымъ (Ruś w urogrze utwierdził). Жебровский, ученикъ виленскихъ іезуитовъ, возражая на „Минуціи“ Лятоса, жаловался, что Лятось въ изданныхъ въ 1598 году Минуціяхъ жестоко напалъ на новый календарь и что его Минуціями пользуются противники новаго календаря на Руси, въ Литвѣ и даже въ Москвѣ¹⁾. Долгое время Лятось былъ предметомъ злобнаго издѣвательства и насмѣшекъ религіозныхъ фанатиковъ и челоуѣконенавистныхъ іезуитовъ. Такъ, противъ него была пущена сатира „Dworskie Minucye powe Sowizrałowe“. Кромѣ Жебровскаго, противъ Лятоса писалъ въ 1604 г. плоцкій іезуит Альбертъ Росцишевскій, причемъ называетъ его козымъ докторомъ и оканчиваетъ свое полемическое сочиненіе грубой бѣлорусской пошлостью: „собака бреше, князь ѣдзе, а календарь календаремъ будзе“²⁾.

Если уже въ чисто польскихъ католическихъ земляхъ введеніе новаго календаря встрѣчено было населеніемъ съ неудовольствіемъ, то въ православной Руси къ нему отнеслись съ тѣмъ болѣшимъ негодованіемъ, что уже въ 1583 г. здѣсь примѣнены были католиками насильственные мѣры для введенія его въ бытовую жизнь. Въ этомъ году львовскій бурмистръ получилъ отъ Стефана Баторія предписаніе ввести въ дѣйствіе новый календарь. Львовскій католическій архіепископъ Суликовскій, подъ вліяніемъ іезуитовъ, открылъ гоненіе на послѣдователей стараго календаря. По его приказанію, братъ его Войтѣхъ, въ сопровожденіи крылошанъ и вооруженныхъ слугъ, въ навечеріе Рождества Христова по старому календарю ходилъ по церквамъ и монастырямъ, выгонялъ изъ нихъ молящійся народъ, изгонялъ священниковъ изъ алтаря, прекращалъ насильно богослуженіе, замыкалъ и опечатывалъ церкви. Это грубое насиліе взволновало львовскихъ жителей. Они сорвали печати³⁾. Православный епископъ Гедeonъ Балабанъ вошелъ въ соглашеніе съ Суликовскимъ, съ цѣлю оградить православныхъ отъ насилій со стороны католиковъ. Въ то же время была подана православными жалоба королю. Въ латино-уніатскомъ сочиненіи Sowita wina

¹⁾ Тамъ же, 371. Примѣчаніе 248.

²⁾ Тамъ же, 374. Примѣч. 258.

³⁾ Дѣло. Львовъ. 1883. № 26.

находится свидѣтельство, что соглашеніе Балабана съ Суликовскимъ расположило короля къ благосклонному отношенію къ православнымъ относительно календаря¹⁾. Несомнѣнно также, что Стефанъ Баторій, предоставляя православнымъ право на сохраненіе стараго календаря, руководствовался соображеніями государственной пользы. Онъ хорошо видѣлъ, что могущественный князь К. К. Острожскій, а за нимъ и весь русскій народъ, рѣшительно возстали противъ григоріанскаго календаря, и, какъ умный государственный дѣятель, съ широкими планами покоренія турокъ, нашель неудобнымъ раздражать своихъ православныхъ подданныхъ дальнѣйшими насильственными мѣрами по введенію новаго календаря.

Мировая запись и грамоты Стефана Баторія вошли цѣликомъ въ „Апокрисисъ“ (1597 г.) Христофора Филалета. Мировое соглашеніе между Суликовскимъ и Балабаномъ состоялось, какъ говорится въ самой записи, при посредствѣ канцлера литовскаго княжества и виленскаго каштеляна Евстафія Воловича, кievскаго воеводы кн. Константина Острожскаго, белзскаго воеводы Станислава Жолкевскаго и минскаго воеводы Ивана Глѣбовича. Эти вліятельныя имена, въ особенности имя кн. Константина Острожскаго, объясняютъ какъ появленіе самой мировой записи, такъ и заключающіяся въ ней извиненія Суликовскаго: „Хотя и произошло было нѣкоторое смятеніе и запрещеніе праздновать св. дни отъ архиепискупа львовскаго и его капитулы, которые, желая, чтобы народъ греческой вѣры праздновалъ св. дни по новому календарю, запечатывали церкви и другія производили смятенія, но поелику эти оскорбленія сдѣланы болѣе случайно, нежели съ намѣреніемъ, то подобные раздоры и смятенія съ обѣихъ сторонъ превращены и прекращаются заразъ на вѣчныя времена... Впредь же обѣ стороны условливаются никогда не дѣлать никакихъ препятствій какъ въ празднованіи праздникоу, такъ и въ отправленіи обрядовъ богослуженія и звона, равно и въ дѣлахъ власти и въ доходахъ“²⁾...

Никто такъ сильно не злоупотреблялъ словомъ „вѣчный миръ“, какъ злоупотребляли поляки въ старинное время. И во внѣшнихъ своихъ отношеніяхъ къ восточному сосѣду, Москвѣ, и во внутреннихъ дѣлахъ, по отношенію къ православнымъ украинцамъ, сплошь и рядомъ давались обѣщанія вѣчнаго мира, вѣчной згоды, вѣчнаго равноправія, и не успѣвало высохнуть чернило на договорахъ, какъ слѣдовало самое грубое нарушеніе договора. „Вѣчныя времена“ мирового соглашенія католиковъ и православныхъ 1585 года оказались очень кратковременными, и Стефанъ Баторій нѣсколько лѣтъ

¹⁾ *Sowita wina* въ *Архивъ* юго-зап. Россіи I. VII. 467.

²⁾ *Апокрисисъ*, кiev. изд. 1869. 44 и 466.

подъ-рядъ старался укрѣпить ихъ. Сохранилось три грамоты Баторія, ограждавшія православныхъ отъ насильственного введенія новаго календаря.

Первая грамота дана была въ Гроднѣ 21 января 1584 года. Здѣсь король торжественно заявляетъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія, отдавая приказаніе о введеніи новаго календаря, запрещать обряды и праздники греческой церкви, либо что другое, относящееся къ богослуженію. Поэтому вольно каждому отправлять свое богослуженіе и вѣру и праздновать святые дни безъ укоризны, убытка и грабежей. Король повелѣваетъ воеводамъ, каштелянамъ, маршалкамъ, старостамъ, войтамъ, бурмистрамъ, всѣмъ вообще должностнымъ лицамъ не препятствовать православнымъ въ празднованіи праздниковъ по старому календарю и заботиться о сохраненіи мира и согласія. „По силѣ законовъ и присяги нашей, говоритъ Баторій, мы обязаны одинаково охранять спокойствіе всѣхъ подданныхъ нашихъ“.

Вторая грамота, данная въ Неполоничахъ (вблизи Кракова) 18 мая 1585 г., въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ устанавливаетъ свободное отправленіе праздниковъ православными по старому календарю. Ссылаясь на соглашеніе Суликовскаго съ Балабаномъ, король говоритъ: „мы вознамѣрились дать, позволить и утвердить людямъ греческой вѣры полную власть и свободу спокойно употреблять и содержать въ княжествѣ нашемъ всѣ уставы и обряды греческаго богослуженія, по порядку и росписанію стараго календаря отправлять и всѣ прочіе обряды и благочестивыя дѣйствія, также строить церкви своего благочестія, госпитали или богадѣльни и школы, какъ каменные, такъ и деревянные и все прочее имѣть и содержать по принятымъ у нихъ способамъ и добрымъ обычаямъ, которые дозволены и утверждены привилегіями отъ нашихъ предковъ. Это мы и даемъ, позволяемъ и утверждаемъ“...

Добрныя намѣренія короля разбивались объ интриги іезуитовъ и своеволие шляхты. Черезъ годъ съ небольшимъ, 8 сент. 1586 г. король нашелъ нужнымъ еще разъ подтвердить права православныхъ на сохраненіе православной вѣры и стараго календаря, которые, очевидно, подвергались гонительству, не смотря на обиліе сильныхъ глаголовъ въ королевской грамотѣ 1585 года. Указывая на изданныя охранительныя грамоты 1584 и 1585 годовъ, король предписываетъ должностнымъ лицамъ г. Вильны и другихъ городовъ „не дѣлать православнымъ никакихъ затрудненій и препятствій въ празднованіи по древнему закону и обычаю ихъ праздниковъ, особенно Рождества Христова, Крещенія, Обрѣзанія, Свѣтлага Воскресенія, Вознесенія Господня, Сочествія св. Духа, Пресвятыя

Троицы, преблагосл. Дѣвы Маріи и другихъ праздниковъ апостольскихъ и не позывать и не отдавать ихъ въ эти дни въ ратушу къ суду войтовскому, бурмистровскому, радецкому, лавничему, гайному, выложному и потребному и къ присягѣ ихъ въ эти святые дни не приводить¹⁾).

Далѣе мы не встрѣчаемъ охранительныхъ королевскихъ грамотъ относительно стараго календаря, что обусловлено различными обстоятельствами. Однимъ изъ ближайшихъ преемниковъ Стефана Баторія былъ Сигизмундъ III, человекъ въ религіозномъ отношеніи нетерпимый и гонительный. Возникновеніе и развитіе въ южной Руси уніи подавало католикамъ надежду на успѣшное введеніе новаго календаря, и охраненіе стараго календаря административнымъ путемъ представлялось неудобнымъ. Эта надежда имѣла къ тому же подъ собой фактическую основу. Первые по времени уніатскіе полемисты дѣйствительно защищали новый календарь, хотя уніаты вообще остались при старомъ календарѣ.

Съ 1586 года начинается оживленная полемика между католиками и православными по поводу календаря. Въ концѣ XVI и въ XVII ст., точнѣе до пятидесятихъ годовъ XVII ст. появилось много полемическихъ сочиненій по этому поводу, причемъ по части аргументаціи, силы доказательствъ православные не уступали своимъ противникамъ, особенно въ концѣ XVI ст., къ какому времени относятся лучшія сочиненія православныхъ въ защиту стараго календаря. Все существенно важное было высказано православными, и когда въ нынѣшнемъ уже столѣтіи въ шестидесятихъ годахъ возобновилась въ Россіи полемика между протестантами и православными о календарѣ, и затѣмъ въ текущемъ столѣтіи при возникновеніи въ Галиціи споровъ о календарѣ между католиками и уніатами, старинная полемика по этому поводу оказалась гораздо болѣе сильной и болѣе содержательной, и не только Стефанъ Качала въ Галиціи, но и покойный О. М. Бодянский въ Москвѣ, писавшіе въ защиту стараго календаря, съ пользой для себя и для дѣла могли бы воспользоваться православными полемистами конца шестнадцатаго вѣка, Смотрицкимъ, Суражскимъ и Бронскимъ.

Первымъ по времени талантливымъ и сильнымъ защитникомъ стараго календаря является Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, отецъ знаменитаго впослѣдствіи Мелотія Смотрицкаго, авторъ бойкаго полемическаго сочиненія „Ключъ царства небеснаго“, въ который вошелъ трактатъ „Календарь римскій новый“. До послѣднаго времени эта книга принадлежала къ числу величайшихъ бібліографи-

¹⁾ *Апокрисисъ*, изд. 1869. 45—49, 468—472.

чекскихъ рѣдкостей, и извѣстія объ ней были очень скудны¹⁾. Въ прошломъ 1887 г. „Ключъ“ былъ изданъ въ 1 ч. VII т. „Архива юго-западной Россіи“ стр. 232—266. По содержанію, изложенію и языку—это одинъ изъ самыхъ крупныхъ и цѣнныхъ южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ конца XVI ст. „Ключъ“ вышелъ во Львовѣ въ 1587 г. Оставляя въ сторонѣ любопытныя въ историко-бытовомъ отношеніи предисловія автора съ обращеніемъ къ князю А. К. Острожскому и русскимъ народамъ, находящіяся въ началѣ книги, и нѣсколько замѣчаній его о различіяхъ между православіемъ и католицизмомъ, помѣщенныхъ въ концѣ книги, мы остановимся на главной ея части, средней, посвященной обличеніямъ новаго календаря. Смотрицкаго прежде всего возмущало дерзкое отношеніе папства къ старому календарю: „Домъ тежъ законный, на седми столпахъ мощныхъ оныхъ святыхъ соборовъ вселенскихъ укруптованный и вѣчно убудованный, (папа) перебѣгши недѣль четыре напередъ, ободралъ, порубалъ, поламалъ и розметалъ, мало ся кого въ томъ радилъ, все давное погамовалъ и огонь Духа Святаго до конца погасилъ... Мѣсяцы иначе покрестилъ, христіанскую пасху съ жидовскою далеко отмѣнилъ и опакъ посадилъ“ (253 стр.). Католики „не тылько дни и свята праздникамъ господскимъ и нарочитыхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ отмѣнили на земли, але и на небѣ лунного бѣгу дорочного, дванадеситимъ мѣсяцамъ имена, отъ начала свѣта ведле временъ и часовъ имъ данныя, поотмѣняли, подобно у римскую вѣру ихъ покрестили, хотяче и тыхъ подъ послушенство папы своего привести, абы и они безъ воли его ничего справовати не смѣли, февраль назвали мартомъ, а мартъ квѣтнемъ. Бачитмися, и май у нихъ змѣнить своего имение скутокъ, такъ и всѣ дванадесять мусятся мѣнити; что жъ дѣлать, коли то ихъ палѣ вольно чинити; только тое на него яко бы полихо, же ими отмѣнити можетъ, але прироженъ и скутку свыше поданаго трудно. Зимна въ тепло, снѣгу въ дождь преминити то не римского Бога сила и справа, хотя бы и всѣ кардиналы собралъ, до того не помогутъ ничего“ (стр. 264).

Смотрицкій не останавливается на томъ, была ли надобность въ исправленіи стараго календаря и въ чемъ состоятъ его недостатки или достоинства, сравнительно съ новымъ календаремъ. Вмѣсто того, онъ въ сильныхъ выраженіяхъ говоритъ о той массѣ практическихъ житейскихъ неудобствъ, которыя были вызваны появленіемъ григоріанскаго календаря. По словамъ Смотрицкаго, „съ котораго то посправленія яко видимъ заправды мало што доброе дѣтается, только

¹⁾ *Каратаевъ*, Описаніе слав.-рус. книгъ. 1883. I. 235.

великій и дивный розрухъ стался по всемъ праве свѣтѣ. Не только у дѣйствахъ законныхъ церковныхъ, але и во всѣхъ справахъ и поступкахъ свѣтскихъ, и великая васнь (ссора, злоба) и ненависть межи людьми съ того поправленія всчалася, тягнуче за собою много трудностей и утратъ безпотребныхъ невинне“.

„Первое. Человѣкъ бѣдный, убогий, который отъ працы рукъ своихъ и въ потѣ лица мусить ясти хлѣбъ свой и съ тояжъ працы и поту мусить досыть чинити и давати пану, што ему роскажутъ, звыкъль былъ отъ предковъ своихъ отдавати, што належало Богу и што належало пану, теперь ужъ въ тое жаднымъ способамъ гараздъ потрафити не можетъ. Панъ ему кажетъ у дни святые Богу ку чти и хвалѣ ведле звычаю церковнаго давного належачие робыты. Боятся и Бога, боятся и пана, мусить большого опустити, а меньшему служити, бо о ономъ слыхають, же есть долготерпеливъ и многомилостивъ, а сего вѣдають, же есть короткотерпеливъ и троха милостивъ. Если не его тѣло поведутъ, то волове певне. Панское тежъ свято прійдетъ, радъ бы бѣдный убожество свою работою подпомогъ, боятся пана, мусить лишити, а часомъ за тыми бѣдами но только панского нового свята не памятають, але и своего старого забываетъ, въ чемъ и Богу и пану неправъ бываетъ, а собѣ пакъ рѣдко або николи. Зверху нендза (нужда) добѣдають, а внутрь сумнене грызеть. Чого иншимъ способомъ ратоваты не могуци, мусить нареканіемъ, вздыханіемъ и слезами часто бѣду свою нагорожаты и не вѣдати, если въ таковой своей роскоши и оного календарного поправителя часомъ зъ-лиха не проклинають...

„Второе. Такъ тежъ въ мѣстахъ затвористыхъ (т. е. городахъ), нашихъ на свое новыя свята збронъ (изъ брамъ?) не пуцають, въ работахъ заказують, забирають и сажаютъ. Они тежъ, якъ христіяне правовѣрные будучи повинни свята свои церковныя давныя обходити и святити мусять, въ чемъ не малые забавы (т. е. промедленія), трудности и утраты въ своихъ справахъ и господарствахъ домовыхъ и полныхъ (т. е. полевыхъ) и дорогахъ гостинныхъ (т. е. въ торговлѣ), невинне мусять относити (т. е. переносить) и тые не мають, за што оногожъ благословиты.

„Третье. Такъ тежъ въ ярмаркахъ и у справахъ купецкихъ великихъ, въ записяхъ, въ цырокграфехъ (т. е. запискахъ, счетахъ) едны по старому, другіе по новому мѣшатися и великихъ трудностей и безпотребныхъ забавъ, накладовъ и утратъ, а часомъ и завасненья (т. е. злобы) уживаты мусять, и съ тыхъ подобно не всё мовятъ: бодай здоровъ поправлявъ, якожъ не много ся тутъ послѣ того забавлявъ.

„Четвертое. Къ тому еще мужъ и съ женою, которыхъ самъ Богъ напередъ прозираеть здалека, а потомъ словомъ своимъ всетворительнымъ черезъ слуги свои церковные звучаетъ въ одно тѣло, межи которыми въ доброй згодѣ и порядку, якъ тѣло едино, такъ воля и мысль маеть быти едина, первому розказовати и рядити, второму слухати и повиноватися... Теперь тотъ календарь новый нашель и тамъ скутки свои новые, въ тыхъ мовлю, где зъ религіи грецкое и римское станъ малженскій приняли, яко жъ то бывало не только межи посполитыми, але и межи зацными станы. Кгдыжъ единому бываеть средопусть, а другому мясопусты, потомъ единому жалостное роспамятованіе Христовыхъ страстей, а другому веселые роспусты; также тежъ и всѣ свята дорочные, што первѣй съ радостью, съ дѣтками и съ челядкою (т. е. прислугой) хвалу даючи Богу обходили сполечне, теперь мусять далеко розно. Съ чого подобно часомъ единому бываеть маркотно (т. е. скучно, досадно), а другому немилѣ“ (стр. 254—255).

Смотрицкій приходитъ къ тому выводу, что календарь потерпѣлъ „покривленіе“, а не поправленіе.

Глѣвомъ Божиимъ за покривленіе календаря авторъ объясняетъ холодную весну 1586 года, когда даже подъ Свѣтлое Воскресеніе было „бурливое и страшное зимно съ великимъ снѣгомъ, же не каждому вольно было и балачи до костела святити отослати, хто былъ въ мили або далей отъ костела, кгдыжъ не только санями или пѣшому, але и на кони не можно гдѣ потреба доѣхати. И много быдла розмаитого въ тотъ день отъ зимна, вѣтру и квалтовного снѣгу поздыхало, што и зъ людей мало ся кому не придало“ (стр. 258).

Уже изъ приведенныхъ отрывковъ „Ключа“ видны литературныя достоинства этого намятника: мѣткость, сила, выразительность и простота. Въ этомъ отношеніи, т. е. по складу мысли и способу выраженія ихъ, Герасимъ Смотрицкій имѣеть много общаго съ Иоанномъ Вишенскимъ, но онъ превосходитъ послѣдняго со стороны общаго своего развитія, что выражается преимущественно въ систематичности его полемическихъ доводовъ. По справедливому замѣчанію проф. Завитневича, „Ключъ царства небснаго“ не можетъ быть названъ ученымъ трактатомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. „Онъ больше напоминаетъ собою написанную въ популярной формѣ публицистическую статью, чѣмъ ученое сочиненіе въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, онъ отличается несомнѣнными достоинствами... Широта и трезвость взгляда, способность къ тонкому анализу, легкость изложенія, по мѣстамъ живой, невольнѣ вызывающій въ читателѣ улыбку, юморъ, все это

заставлетъ отнести этотъ небольшой трактатъ къ числу лучшихъ памятниковъ нашей первоначальной полемики¹⁾.

Почти одновременно съ Герасимомъ Смотрицкимъ противъ новаго календаря выступилъ острожскій священникъ Василій Суражскій, полемистъ столь же энергичный и даровитый. Католики, писавшіе о календарѣ, въ особенности Касьянъ Саковичъ, со злобой отзываются объ острожскомъ клирикѣ Василіѣ. Замѣчаніе Саковича, высказанное въ 1640 г., о томъ, что Василій Суражскій получалъ плату отъ князя Константина Константиновича Острожскаго, заслуживаетъ довѣрія. Князь Константинъ Острожскій, человекъ очень богатый, съ отличнымъ образованіемъ, покровительствовалъ вообще людямъ науки, каковы бы ни были ихъ религіозныя убѣжденія. При его дворѣ въ разное время жили и пользовались его высокимъ покровительствомъ и католикъ Лятось, и склонявшіеся къ соцініанству Мотовило и Бронскій. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ особенности благорасположеніемъ могущественнаго покровителя православія князя Острожскаго пользовались тѣ писатели, которые брали на себя тяжелый трудъ полемики съ латинцами и униатами, каковы Смотрицкій и Суражскій, православные типографщики, напр. Ѳедоровъ и другіе, столь же полезные люди для гонимаго православія. Въ самомъ фактѣ платы или денежнаго пособія, если только существовалъ такой фактъ, не было рѣшительно ничего предосудительнаго, такъ какъ въ шляхетной Польшѣ литературное меценатство было весьма развито и всѣ имъ пользовались, такъ что не существовало даже мысли, что такое патронатство можетъ стѣснять умственную свободу.

Настоящая фамилія автора извѣстна изъ польскихъ источниковъ, именно полемическихъ латинскихъ сочиненій XVII в. Въ „Книжицѣ“ 1588 г., гдѣ говорится о новомъ календарѣ, находится подпись: „многогрѣшный и худшій въ христіанѣхъ оубогый Василей“²⁾. Въ письмѣ къ Ипатію Потѣю 1596 года клирикъ Василій называетъ себя „наименьшимъ клирикомъ церкви острожской“. Довольно цѣннымъ представляется потому указаніе Касьяна Саковича, что фамилія просвѣщеннаго и энергичнаго сотрудника кн. Острожскаго была Суражскій.

Самое сочиненіе Василія Суражскаго, гдѣ между прочимъ говорится и о календарѣ, имѣетъ нѣсколько названій. Въ I т. „Описанія славяно-русскихъ книгъ“ Каратаева оно называется Сборникомъ; но въ старину оно было извѣстно подъ названіемъ „Книжицы“. „Кни-

¹⁾ *Завитневичъ*. Палинодія Захарія Кольстенскаго, 88.

²⁾ *Каратаевъ*. Обз. сл.-рус. книгъ I. 240.

жица“ эта вышла въ 1588 году въ г. Острогѣ. Названіе сборника она получила потому, что состоитъ изъ шести отдѣловъ: 1) о единой вѣрѣ; 2) объ исхожденіи св. Духа; 3) о первенствѣ римскомъ и о старшинствѣ ихъ епископа; 4) о нѣкоторыхъ разносяхъ въ ученіи между восточной и западной церквями (опрѣснокахъ, субботнемъ постѣ, чистилищѣ и др.); 5) объ измѣненіи дней и праздниковъ и 6) о храмахъ и иконахъ¹⁾. Въ „Книжицѣ“ затронуты и посильно рѣшены всѣ важнѣйшіе вопросы, волновавшіе православныхъ южно-русовъ конца XVI и въ первой половинѣ XVII ст. По замѣчанію г. Завитневича, „Книжица“ представляетъ лучшій полемическій памятникъ конца XVI ст. Слабость общей научной подготовки въ значительной степени искупаются другими достоинствами, напр. хорошимъ знакомствомъ автора съ св. Писаніемъ, богатый подборъ мѣстъ изъ котораго часто замѣняетъ недостатки научнаго приѣма²⁾. Въ пятомъ отдѣлѣ Суражскій говоритъ: „Непотребно мню и о нынѣшнемъ дерзопреступленію латинскомъ воспомянути: о премененію дней и святѣ, а наибольшей о самомъ томъ праздникѣ дня спасительнаго святя Пасхи, Вознесенія и Духа Святаго въшествія. То нынѣшняго времени латины самонѣиѣмъ ослѣпившіся и мудростью свѣта сего обезумѣвшія, все преницовали“³⁾. Суражскій говоритъ, что замѣчанія его о старомъ календарѣ вызваны главнымъ образомъ проповѣдями Станислава Млодецкаго, сказанными въ г. Вильнѣ въ 1587 г. противъ стараго календаря. Сочиненіе Суражскаго о календарѣ превосходитъ сочиненіе Смотрицкаго по величинѣ и научной основательности. Вообще, все сочиненіе свящ. Василя, въ особенности глава о календарѣ представляются капитальной научной работой. По обширности знаній, начитанности въ свящ. Писаніи и логичности изложенія Василій Суражскій стоитъ наряду съ Захаріей Копыстенскимъ. Въ началѣ трактата о календарѣ Суражскій говоритъ о сотвореніи міра и человѣка, о лунномъ и солнечномъ годахъ, о празднованіи пасхи евреями, затѣмъ о зодіакальныхъ знакахъ, о лѣтосчисленіи отъ сотворенія міра, о возникновеніи пасхальныхъ вычисленій, о соборныхъ постановленіяхъ касательно времени празднованія Пасхи и наконецъ обращается къ православнымъ съ увѣщаніемъ твердо сохранять старшій календарь, не поддаваясь на католическіе соблазны „Не подобаетъ преступати, говоритъ онъ,—предѣловъ старыхъ, яже положили отцове наши“⁴⁾.

¹⁾ „Книжица“ издана въ 7 т. Русск. историч. библіотеки (Вторая кн. памят. полемич. литер.). О „Книжицѣ“ см. *Завитневича*. „Палинодія“ 95—104, *Каратаева*. Обзоръ I. 240; *Филаретъ*. Обзоръ I, § 154.

²⁾ *Завитневичъ*, 103.

³⁾ *Русск. историч. библіот.* VII. 853.

⁴⁾ Тамъ же, 909.

Въ статьѣ „о премѣненію дней“ находится нѣсколько любопытныхъ замѣчаній автора о сотвореніи міра, недостаткахъ евреевъ и зодіакѣ. „Не мнимай, говоритъ онъ, о зодіакальныхъ знакахъ, ижъ бы што изъ тыхъ помененныхъ животовъ или быдлѣтъ въ обитаніи небесномъ быти мѣло. Ничого бо такъ грубого въ небѣ не есть, ни овецъ, ни быковъ, на львовъ и прочихъ бестій“ и далѣе объясняетъ названія зодіакальныхъ знаковъ: „1) *Овенъ*: Яко овенъ зимѣ лежитъ на сторонѣ лѣвой, на весну же начинаетъ лежати на сторонѣ правой, такъ же и солнце предъ тымъ часомъ пребываетъ на лѣвой сторонѣ тверди, т. е. на полудни, а въ то время входитъ на сторону десную, иже есть сѣверь. 2) *Быкъ*—есть моцнѣйши овна, также крѣпче солнца силою въ то время. 3) *Близнецъ*—зане въ то время мощь солнца двоится, начанаетъ бо быти тепло и сухотворительне. 4) *Ракъ*—солнце въ то время вспять грядеть, отходя отъ насъ, въ полуночной странѣ продолжаячи день. 5) *Левъ*—въ то время всякія сѣмена, плоды и быліе до совершеннаго возрасту и силы доспѣвше крѣпостью дебелиють. 6) *Дѣва*—остатная часть лѣта; яко бо дѣва ничтоже рождаетъ, сице и время то неплодно. 7) *Вѣсы* или *вагы*—отъ ровности ночи съ днемъ. 8) *Скорпионъ*—время то болѣзливо есть, для неравности воздуха: споранку бо студень дотыкаеть, а въ полудни теплота призноеть. 9) *Стрѣлецъ*—зане въ то время отъ работъ упразднившися чаще ловитвою забавляются. 10) *Туръ* или *козорогъ*—на высокихъ горахъ и въ глубокихъ роздолахъ пасется, также солнце на высочайшемъ стоипю къ полудню ночь продолжаетъ и студень умножаетъ. 11) *Водолей*—время то мокростью и вѣтры обфитующи, и 12) *Рыбы*—есть время рыболовства“¹⁾.

Такихъ житейскихъ, бытовыхъ доводовъ въ пользу сохраненія стараго календаря, какіе привелъ Смотрицкій, въ „Книжицѣ“ не оказывается.

Въ Слѣдованной псалтири, изд. въ Острогѣ въ 1598 г., Василій Суражскій снова говоритъ о „новоутворенномъ богопротивномъ календарѣ“²⁾.

Въ 1596 г. вышло „Казанье св. Кирилла объ антихристѣ“ въ переводѣ Стефана Зизанія, съ комментаріями, въ которыхъ развивается мысль, что римскій епископъ есть антихристъ. Мысль эта вышла изъ среды протестантовъ и охотно принята была православными въ лицѣ Стефана Зизанія, такъ какъ находила оправданіе въ тѣхъ насиліяхъ, которыя терпѣли православные отъ католиковъ.

¹⁾ Тамъ же 889—891.

²⁾ *Каратаевъ*, I, 298.

Видѣтъ съ „Казаньемъ“ Зизаній издалъ посланіе константинопольскаго патріарха противъ новаго календаря. Іезуитъ Жебровскийъ, возражая Зизанію, говоритъ, что въ своей книгѣ онъ преслѣдовалъ двоякую цѣль: имѣлъ въ виду поселить въ народѣ ненависть къ іезуитамъ и новому календарю и развить ненависть къ папѣ, выдавая его за антихриста. Далѣе Жебровскийъ отвергаетъ подлинность посланія константинопольскаго патріарха въ томъ видѣ, какъ привелъ его Зизаній, на томъ основаніи, что оно написано съ дѣтской наивностью и состоитъ изъ непристойныхъ словъ и ругательствъ, что не согласно съ достоинствомъ патріарха¹⁾.

Влестящій періодъ полемики православныхъ противъ новаго календаря завершается Апокрисисомъ Христофора Филалета. Въ первой части отвѣта главѣ 8 заключаются „разсужденія людей древней греческой вѣры о томъ, почему они не хотятъ принять новаго календаря“. Христофоръ Филалеть (Бронскій) съ свойственной ему силой логики, спокойно и послѣдовательно наноситъ ударъ за ударомъ гонителямъ стараго календаря. Прежде всего Бронскій указываетъ, что и на католическомъ западѣ новый календарь встрѣченъ съ неудовольствіемъ. „Нѣкоторые западные астрономы, говоритъ онъ, издали книги противъ этого исправленія, доказывая, что оно сдѣлано безъ нужды; другіе признаютъ, что исправленіе было нужно, но сдѣлано несоотвѣтственно нуждѣ“. Не упоминая о чужестранныхъ астрономахъ, Бронскій приводитъ выдержку изъ Мѣсяцеслова Лятося 1597 года, гдѣ говорится о нарушеніи правила Никейскаго собора о времени празднованія Пасхи. Не входя въ астрономическій споръ о календарѣ, авторъ Апокрисиса замѣчаетъ, что переимѣною прежняго церковнаго исчисленія у самихъ астрономовъ римской церкви, издающихъ календари, такъ помѣшаны соображенія, что они въ своихъ мѣсяцесловахъ на одинъ воскресный день полагаютъ разныя евангелія. Весьма важнымъ для пониманія исторіи полемики о календарѣ представляется слѣдующее замѣчаніе Бронскаго: „Когда мы видимъ, что господа римляне, называя это вещью маловажною, усиленно стараются и намъ внушить тоже, то опасаемся, чтобы подъ видомъ этого календаря не были приняты средства къ чему-либо иному и чтобы съ этимъ выдуманномъ папой календаремъ не было со временемъ выдано намъ изъ того же Рима что-нибудь болѣе пріятное. Поелику господа римляне принятіе календаря почитаютъ дѣломъ маловажнымъ, говоря, что оно не есть догмать вѣры и не относится къ спасенію, то имъ поэтому нечего догадаться отъ насъ принятія его, и они не имѣютъ причины негодовать на насъ, если

¹⁾ *Завитневичъ. Палинодія* 135.

мы не угодяемъ имъ въ томъ, что они сами считаютъ маловажными". — „Что во всѣхъ городахъ, исповѣдующихъ греческую вѣру, есть люди римскаго закона, объ этомъ мы не спрашиваемъ. Да если бы и въ самомъ дѣлѣ было такъ, поелику въ этихъ городахъ большинство людей греческаго исповѣданія, то справедливѣе было бы, чтобы въ этомъ случаѣ мѣньшая часть слѣдовала большей. Если же это не угодно, то что мѣшаетъ всякому праздновать святые дни по предаію своей церкви? Жидаы, явные хульники величія Божія, тоже не имѣютъ своихъ ни сель, ни городовъ, а живутъ вмѣстѣ съ христіанами; однакожь они празднуютъ святые дни свои, когда хотятъ, по своему закону. А мы, люди греческаго исповѣданія, легко можемъ доказать, что у насъ есть много сель такихъ, въ которыхъ римлянъ вовсе нѣтъ. Что касается согласія, то если дѣло идетъ о согласіи политическомъ, мы не видимъ, почему бы могла мѣшать ему теперь разность календаря, когда она не мѣшала ему прежде. А если дѣло идетъ о согласіи духовномъ, то начинать его принятіемъ календаря значило бы начинать съ весьма тонкаго конца, потому что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ мы имѣли одинъ календарь, и все таки твердаго согласія между нами не было, поелику была разность въ другихъ вещахъ“¹⁾).

Вишневскій въ числѣ защитниковъ стараго календаря упоминаетъ Льва Мамонича, не обозначая при этомъ ни его сочиненія, ни времени его составленія²⁾). Такъ какъ въ другихъ случаяхъ всегда упоминается и то, и другое, то можно думать, что Вишневскій не читалъ и не видѣлъ такого сочиненія Мамонича. Левъ Козьмичъ Мамоничъ принадлежалъ къ образованной и богатой семьѣ Мамоничей, имѣвшей въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст. въ Вильнѣ типографію. Самой ранней книгой, вышедшей изъ виленской типографіи Мамоничей, былъ Служобникъ 1583 г., затѣмъ идетъ цѣлый рядъ изданій этой типографіи, и послѣднее, Служобникъ, относится къ 1607 году. Изъ предисловія къ изданному Мамоничами книгамъ можно извлечь кое-какія данныя о самихъ издателяхъ. Оказывается, что типографія принадлежала двумъ братьямъ, Козьмѣ и Лукѣ, причемъ Козьма Ивановичъ Мамоничъ былъ бурмистромъ виленскимъ, а Лука Ивановичъ —скарбнымъ короля. Въ 1600 г. еще встрѣчается имя Козьмы Мамонича, но въ 1602 г. является уже въ предисловіяхъ сынъ его Левъ. Въ 1602 г. вышли въ Вильнѣ „Молитвы повседневыя“, въ типогр. Л. Мамонича, въ 12 д. л.

¹⁾ *Анохрисисъ*, 75—78.

²⁾ *Wisniewski. Hist. literat. polskiej. VII. 373.*

Здѣсь находится статья „О пасхалии и пасцѣ“. Пасхалия оканчивается 1615 годомъ; продолженіе утрачено¹⁾.

Такимъ образомъ православные вступили въ семнадцатый вѣкъ уже съ обширной литературой въ защиту стараго календаря. Для характеристики и правильной оцѣнки тогдашняго умственнаго состоянія русскаго общества важно, что православные столь быстро выдвинули научную и литературную защиту стараго календаря и сказали въ его пользу и огражденіе болѣе, чѣмъ сказали въ тотъ же періодъ времени его противники. Послѣдніе берутъ верхъ въ литературной борьбѣ въ половинѣ XVII вѣка, къ какому времени православная полемика относительно календаря слабѣетъ и почти совсѣмъ прекращается. Противники стараго календаря въ половинѣ XVII ст. нападаютъ лишь на старыхъ его защитниковъ, Герасима Смотрицкаго, Василя Суражскаго и Христофора Бронскаго. Вопросъ о превосходствѣ того или другаго календаря почти всегда разсматривался въ тѣсной связи съ догматическими и обрядовыми особенностями католицизма и православія, въ особенности въ связи съ латинскимъ ученіемъ о главенствѣ и непогрѣшимости папъ, и потому во всѣхъ статьяхъ о старомъ и новомъ календаряхъ находится много религіозной нетерпимости, полемическаго задора и страстныхъ выходокъ.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору направленныхъ противъ стараго календаря сочиненій римско-католиковъ, мы должны уяснить причину, почему въ семнадцатомъ вѣкѣ католики берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ православными въ литературной полемикѣ о календарѣ, какъ по числу сочиненій, такъ и по научной ихъ доброкачественности.

Сильное развитіе полемической литературы православныхъ въ концѣ XVI ст. объясняется тѣмъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, что въ это время православнымъ покровительствовалъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, человѣкъ могущественный по уму, энергіи, богатству и связямъ съ королемъ и высшей аристократіей. Онъ поддерживалъ защитниковъ православія матеріально и нравственно, настойчиво разыскивалъ ихъ и сближалъ на общей почвѣ литературнаго труда на пользу роднаго края. Важное значеніе князя К. Острожскаго хорошо оцѣнено было уже южнорусскими людьми XVII ст. и въ особенности Захаріей Коныщенскимъ. „Княжа Острожское Василій Константиновичъ, говоритъ онъ въ Палинодіи, рожай свой зъ благословеннаго Яфето-Русскаго поколѣнія провадить, пресловутаго Володимира, монархи великаго, и Данила, княжата Русскихъ, власный потомокъ... высоце преславный въ дѣлности и

¹⁾ Каратаевъ. Описаніе слав.-рус. вѣнгъ, I 221, 229, 232, 233, 235, 236, 246, 247, 250, 252, 254, 255, 256, 260, 292, 296 и 309.

правовѣрїи, первый межи князаты русскими, великій заступъ и утѣха всего народу руссого, муръ (т. е. стѣна) желѣзный на Украинахъ, страхъ и трепетъ татарамъ, слава и свѣча яснысвѣтная кровлества польсого, оздоба и окраса сеймовая, всѣхъ публичныхъ свѣздовъ око и сила потужная... урода Гекторова, красота лица и особы Гюсифа Прекраснаго, постава всѣнняя (т. е. величественнаго вида), мужъ обычаевъ царскихъ, ласкавости и цють побожныхъ полный... Згола (т. е. вообще)—мужъ словомъ, силою и дѣломъ, цютами и добродѣйствы преславный“. „Найдовалися при его дворѣ, говоритъ далѣе Копыстенскій, и мовцы оному Демосфенови ровныи и иные различные любомудрцы, найдовалися и докторове славныи, въ греческомъ, славенскомъ и латинскомъ языкахъ выцвѣчоныи, найдовалися и математикове и астрологове превыборныи, межи которыми презацный математикъ, философъ и астрологъ Янъ Лягось, который календаръ новый славне зганилъ и перомъ доводне чрезъ друкъ показаль, же есть омыльный“¹⁾. 13 февраля 1608 года скончался князь К. К. Острожскій. Дѣти его приняли католицизмъ, а внучка Анна Александровна является уже фанатической гонительницей православїя. Всѣ имѣнїя князя К. К. Острожскаго, острожское училище и типографїя перешли въ руки іезуитовъ. Полное паденіе Острога, какъ православнаго литературнаго и научнаго центра, должно было вредно отразиться и на Львовѣ, и на всей юго-западной Руси, черпавшей силы для научной и литературной борьбы съ католиками въ волинскихъ и галицкихъ школахъ. Люди науки не могли найти ни матеріальнаго обезпеченїя, ни простой безопасности. А потому они должны были молчать, а другїе переселились въ Кїевъ, пристроились къ Печерской лаврѣ, и здѣсь нѣкоторые, напримѣръ, Захарїй Копыстенскій, продолжаютъ трудиться въ направленїи, установленномъ ранѣе острожскими учеными. Важно при этомъ было то обстоятельство, что въ Кїевѣ подъ вліяніемъ Петра Могилы и учрежденной имъ коллегїи измѣняется вся система научнаго образованїя. Она рѣзко уклоняется отъ принятыхъ ранѣе въ братскихъ школахъ греко-славянскихъ началъ, особенно прочно установленныхъ во львовской школѣ учителемъ греческаго языка митрополитомъ оласонскимъ Арсеїемъ въ концѣ XVI ст., и усваиваетъ схоластическую форму и содержанїе латино-польской науки, а вмѣстѣ съ измѣненїемъ системы научнаго образованїя не могъ до нѣкоторой степени не измѣниться общїй характеръ религіозной полемики и выборъ полемическихъ темъ.

Латино-униаты неоднократно упрекали православныхъ, что они пользуются услугами арианъ. Въ этомъ упрекѣ была значительная

¹⁾ *Русская историч. библиотекa.* IV. 1135 - 1136.

доля правды, только въ приложеніи къ кн. К. К. Острожскому и главнымъ его литературнымъ сотрудникамъ. Князь К. К. Острожскій не отвергалъ услугъ иновѣрныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда услугами этими православіе ни мало не нарушалось, а воинствующему папизму наносился чувствительный вредъ. Такую услугу православнымъ болѣе всего могли оказать соцініане. Аріанство, отвергавшее божественное происхожденіе Спасителя, возникло въ IV ст. и было осуждено тогда же въ 325 г. на Никейскомъ соборѣ. Время отъ времени оно возрождалось въ разныхъ мѣстахъ Европы. Въ XVI ст. представителемъ аріанства въ Европѣ былъ Серветъ. Послѣдователи его, Лелій и Фаустъ Социны, внесли въ 1551 г. аріанство въ Польшу, гдѣ оно стало быстро развиваться подъ именемъ соцініанства. Въ богослуженіи и обрядахъ соцініанство представляло много сходнаго съ лютеранствомъ. Въ 1585 г. различныя аріанскіе толки и партіи были объединены въ Польшѣ Фаустомъ Социномъ, и въ концѣ XVI ст. соцініанство получаетъ блестящее развитіе въ Польшѣ и западной Руси. Въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ появились соцініанскія общины, а при нихъ школы и типографіи. Рука объ руку съ соцініанствомъ развивался протестантизмъ. Въ началѣ XVII в. іезуитамъ удалось подорвать протестантизмъ и лютеранство, при дѣятельномъ содѣйствіи правительства, которое въ 1644 г. закрыло соцініанскія церкви и школы на Волыни ¹⁾. Въ блестящій періодъ развитія соцініанство выставило рядъ энергичныхъ и талантливыхъ писателей. На почвѣ иновѣрческой протестантской науки воспитался, между прочимъ, Христофоръ Филалеть—Бронскій, одинъ изъ самыхъ сильныхъ защитниковъ православія и стараго календаря. Во мнѣніи о значеніи поминовенія усопшихъ на сторону лютеранъ склонялся и Василій Суражскій, такъ какъ, повидимому, молитвы за усопшихъ признавалъ полезными собственно для поминающихъ ²⁾. Уклоненія Христофора Бронскаго и Василія Суражскаго въ нѣкоторыхъ частныхъ богословскихъ вопросахъ въ сторону протестантизма давало латиноуниатамъ возможность частныя ошибки и заблужденія отдѣльныхъ лицъ распространять на весь южнорусскій народъ и обвинять его огульно въ склонности къ лютеранству, въ ереси. Между тѣмъ, эти ошибки и заблужденія обусловлены были лишь преобладаніемъ въ данный моментъ протестантскихъ научныхъ пособій. Отъ характера пособій зависѣлъ и позднѣе характеръ православныхъ полемическихъ сочиненій. Когда въ системѣ научнаго образованія окончательно утвердилась латино-польская схоластика, и православные полемисты

¹⁾ *Левцикій* въ Киев. Стар. 1882 г.; *Соколовъ*. Отнош. протест. къ Россіи 252—262, *Любовичъ*. Исторія реформациі въ Польшѣ, 273 и др.

²⁾ *Завитневичъ*. Палинодія, 100 и слѣд.

второй половины XVII вѣка стали руководствоваться почти исключительно католическими научными сочиненіями, преимущественно Бароніемъ, то въ ихъ трудахъ стали появляться латинскія мнѣнія, напримѣръ, мнѣніе о времени пресуществленія св. Даровъ.

Въ XVII вѣкѣ православные лишь изрѣдка выступаютъ въ защиту стараго календаря, причеиъ говорятъ о немъ въ короткихъ словахъ, удѣляя вниманіе преимущественно на полемику противъ латинскихъ ученій объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына и о главенствѣ римскаго папы. Они ищутъ не столько научной, сколько правовой опоры въ знаменитыхъ охранительныхъ грамотахъ короля Стефана Баторія 1585 и 1586 годовъ. Такъ, виленское православное братство издало въ 1621 году въ защиту возстановленной патріархомъ Теофаномъ западно-русской іерархіи сочиненіе „Verificatio niewinności“, въ которомъ заявляло, что по смыслу привилегій, данныхъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, православные не могутъ допустить ни малѣйшей переиъны въ календарѣ, церковныхъ обрядахъ и богослуженіи безъ разрѣшенія константинопольскаго патріарха ¹⁾.

Въ Палинодіи Захаріи Копытенскаго (окончена въ 1622 г., но не была въ XVII ст. издана) части II раздѣлѣ IX артик. 7 находится краткое замѣчаніе о новомъ календарѣ, какъ „правдѣ и старожитности противномъ“. Этотъ календаръ „весь христіанскій свѣтъ замѣшалъ и межъ всеиъ народамиг урбацію справиль“ ²⁾.

Въ сочиненіи Захаріи Копытенскаго „О правдивой едности“ (1623 г.) говорится, что не восточная, а римская церковъ должна быть приведена къ потерянному ею единству, такъ какъ она увлочилась отъ многоаго такого, что прежде сама признавала, напримѣръ, переиънила календаръ ³⁾.

Прежде чѣиъ обратимся къ направленной противъ стараго календаря полемической литературѣ католиковъ, опредѣлимъ здѣсь отношеніе къ нему первыхъ униатовъ, точиъ сказать, родоначальниковъ религіозной уни въ южной и западной Россіи, Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго. И въ этомъ случаѣ, какъ во всеиъ прочеиъ, относящемся къ южнорусской народности, эти дѣятели оказались измѣнниками и предателями. Но въ отношеніи стараго календаря ихъ предательство не нашло подражателей и послѣдователей, и униаты до сихъ поръ тщательно сохраняютъ старый календаръ. Изъ письма луцкаго бискупа Маціевскаго отъ 22 августа 1588 года къ папскому нунцію въ Польшѣ видно, что уже въ 1588 г. брестскій

¹⁾ Архивъ юго-зап. Россіи. I, VII. 316.

²⁾ Русская историч. библіотека т. IV. 785.

³⁾ Завитневичъ. Палинодія 292.

судья Адамъ Потѣй—впослѣдствіи владимірскаго епископа Ипатія, имѣлъ мысль подчинить южнорусскій народъ римскому престолу¹⁾. Подготавливая почву для открытой дѣятельности по уніатской пропагандѣ, Ипатій Потѣй обнаружилъ враждебное отношеніе, между прочимъ, и къ старому календарю. Въ число первоначальныхъ условій уніи была поставлена статья о введеніи новаго календаря, и епископы Терлецкій и Потѣй согласились на принятіе ея. Ома отъ Іисуса въ сочиненіи „*Orega omnia*“ (1684 г.) говоритъ, что отъ имени братіи еще до присоединенія къ уніи согласились принять новый календарь, но съ условіемъ сохраненія старыхъ праздниковъ: „*Calendarium novum, si secundum morem antiquum fieri possit, suscipimus*“. Они напечатали въ Римѣ въ 1596 г. книжку о новомъ календарѣ, изъ которой въ печати извѣстно только два листика, изданные Я. О. Головацкимъ въ Зап. Акад. Наукъ. И здѣсь авторъ книги выставляетъ на видъ, что „старая пасхалия и порядокъ святъ, въ ней предписанныхъ, не отмѣнился“²⁾. Православные, современники Потѣя, знали о его замыслѣ перемѣнить календарь и ставили ему это въ вину. Въ „Перестрогѣ“ неизвѣстнаго львовскаго священника (м. б. Андрея Вознесенскаго) 1600—1605 годовъ говорится, что Терлецкій и Потѣй, „склѣтивши тую унію и выдруковавши тамъ же (т. е. въ Римѣ) календарь новый, съ тымъ до насъ пріѣхали и не отворалися такъ явнѣ, только потаемнѣ и скрытнѣ межи собою то ховали.... И выдали еще книжку свою противъ книжки нѣякого Филалета, грозячи ему кіемъ.... и пишутъ въ этой книжкѣ Поцѣй о новомъ календарѣ, отпечатанномъ въ Римѣ, хвалячи той богопротивный календарь, яко есть добрый и весьма потребный“³⁾.

Ипатія Потѣя считаютъ авторомъ книги объ уніи, вышедшей въ 1595 г. въ Вильнѣ. Этотъ трактатъ былъ своего рода исповѣданіемъ вѣры, подъ которымъ должны были подписаться тѣ изъ православныхъ, которые рѣшили войти въ единеніе съ Римомъ. Въ числѣ главныхъ условій для уніи стоитъ перемѣна календаря, на томъ основаніи, что старый календарь подкрѣпляетъ въ православныхъ чувство вражды къ латинянамъ⁴⁾.

Въ защиту новаго календаря выступали преимущественно іезуиты, Жебровскій, Смиглецкій, Росцишевскій. Первоначально предметомъ нападенія былъ Лятошь, затѣмъ почти исключительно православные. Изъ польскихъ сочиненій въ защиту новаго календаря

¹⁾ Макарій, митроп. Исторія рус. церквн. IX. 470.

²⁾ Головацкій. Книга о новомъ календарѣ, XXXII.

³⁾ Акты Зап. Россіи. IV № 149, стр. 225.

⁴⁾ Завитневичъ. Палинодія, 104—110.

болѣе всего могли быть извѣстны православнымъ сочиненія Вуска, какъ довольно популярнаго въ Польшѣ писателя и двѣ проповѣди доктора и профессора Виленской академіи Гродзицкаго (1589 г.)¹⁾. Такъ какъ православные при всякомъ удобномъ случаѣ указывали на охранительныя грамоты Стефана Баторія, какъ на доказательство того, что по мнѣнію самаго короля принятіе новаго календаря могло состояться лишь съ разрѣшенія константинопольскаго патріарха, то католики издали въ 1621 году въ подрывъ православнымъ сочиненію „Sowita wina“ гдѣ приводится та мысль, что во всякой привилегіи есть двѣ стороны или части, главная и второстепенная, *principale et accessorium*. Въ грамотахъ Стефана Баторія главное дарованіе права хранить старый календарь, а второстепенное и неважное—вопросъ объ отношеніи православныхъ южно и западно-русось къ константинопольскому патріарху²⁾.

Въ 1634 г. нотаріусъ старой Варшавы Скупинскій издалъ полемическое сочиненіе „Rozmowa albo rellatia rozmowy dwoch rusinow schizmatica z unitem“. Сочиненіе это направлено противъ изданнаго въ 1632 г. православнымъ виленскимъ братствомъ „Synopsis'a“. Въ „Розмовѣ“ схизматикъ жалуется, что паписты испортили старый календарь, а уніатъ устами автора отвѣчаетъ ему, что въ общей суммѣ различій между православіемъ и католицизмомъ различіе въ календарѣ представляется наименѣе важнымъ. Скупинскій думаетъ, что западная церковь не обнаружила бы неудовольствія, если бы восточная церковь предупредила ее въ исправленіи календаря³⁾.

Наиболѣе сильныя нападенія католиковъ на старый календарь относятся къ сороковымъ годамъ семнадцатаго вѣка. Въ это время противъ него выпущены были спеціальныя объемистыя труды Саковичемъ, Брожекомъ и Дубовичемъ.

Кассіанъ, въ мірѣ Каллисть, Саковичъ родился около 1578 года въ Подтеличѣ отъ православнаго священника. Образованіе получилъ въ академіяхъ замойской и краковской. Нѣкоторое время онъ жилъ при дворѣ перемышльскаго уніатскаго епископа Аѳанасія Крупецкаго, затѣмъ перешелъ въ Кіевъ, гдѣ, какъ человѣкъ энергичный и хорошо къ тому времени образованный, быстро выдвинулся и занялъ мѣсто ректора кіево-братской школы. Саковичъ былъ человѣкъ весьма талантливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне легкомысленный и честолюбивый⁴⁾. Въ 1625 г. онъ, разсорившись съ

¹⁾ *Wiszniewski*. Hist. literat. polskiej, VII 373, X 517.

²⁾ *Архивъ* Юго-Зап. Россіи, I, VII, 467.

³⁾ Тамъ же, 693.

⁴⁾ *Голубевъ*. Исторія кіев. дух. акад. I, 216; *Wiszniewski*, VIII, 363.

люблинскимъ братствомъ, перешель въ унию, затѣмъ въ католицизмъ и написалъ въ пользу его нѣсколько сильныхъ полемическихъ сочиненій, въ которыхъ нападаетъ на православныхъ и униатовъ. Свою „многотытежную“ жизнь Саковичъ окончилъ въ 1647 г. въ Краковѣ, не достигнувъ высокаго іерархическаго положенія (пробощемъ)¹⁾.

Саковичъ написалъ много сочиненій— „Вирши на погребъ Конашевича-Сагайдачнаго“, „Трактатъ одушѣ“, „Епанортозисъ“ и нѣсколько другихъ, за исключеніемъ Виршей, на польскомъ языкѣ и въ католическомъ духѣ.

Въ 1640 году, состоя архимандритомъ Дубенскаго монастыря, Саковичъ издалъ въ Вильнѣ сочиненіе: „Kalendarz stary, w którym iawnny i oczywisty błąd pokazuje się około święcenia Paschy i responsy na zarzuty Starokalendarzan i co za pożytki ruskiemu narodowi z przyjęcia nowego kalendarza a jakie szkody z trzymania się starego, i jako się ma rozumieć poprawa kalendarza“²⁾.

Второе изданіе этого календаря вышло въ Краковѣ въ 1644 году подъ заглавіемъ „Okulary kalendarzowi staremu“. Мы пользовались экземпляромъ „Окуляровъ“, находящимся въ фундаментальной бібліотекѣ харьковской духовной семинаріи, и всѣ наши дальнѣйшія ссылки и цитаты сдѣланы по этому экземпляру.

„Окуляры“—небольшая книжка, въ 8 д. л. и 44 страницы. На заглавномъ листѣ авторъ уже объясняетъ, что онъ прежде (въ 1640 г.) былъ униатскимъ архимандритомъ Дубенскаго монастыря, а теперь, въ 1644 г., состоитъ католическимъ священникомъ.

На сочиненіе Саковича о календарѣ уже обратили вниманіе Пекарскій³⁾ и г. Кояловичъ, но замѣчанія ихъ ограничиваются нѣсколькими словами. Г. Кояловичъ называетъ „Окуляры“ „пустымъ“ сочиненіемъ⁴⁾, съ чѣмъ трудно согласиться. Сочиненіе это содержательно въ ряду другихъ схоластическихъ книгъ XVII в. и написано бойко и толково. Православнымъ приходилось серьезно считаться съ Саковичемъ, и Петръ Могила нашель нужнымъ выступить противъ него, именно другаго его сочиненія, „Епанортозиса“, не только съ серьезными фактическими опроверженіями, но и съ бранью и поношеніемъ Саковича, какъ чловѣка одноухаго и толстобрюхаго.

На первой страницѣ „Окуляровъ“ находится гербъ Любомирскихъ; на второй—посвященіе книги краковскому воеводѣ Станиславу Любомирскому. Безъ изображенія герба того или другаго магната и безъ посвященія ему книги, большею частью высокопарнаго и льсти-

¹⁾ Тамъ же, 216.

²⁾ *Wiszniewski*, IX, 517.

³⁾ *Пекарскій*, въ *Отечеств. Запискахъ* 1862, II, 573.

⁴⁾ *Кояловичъ*. *Литовск. церк. униа*, I, 203.

ваго, не обходилось ни одно сочиненіе XVII в. Обыкновеніе это глубоко вкоренилось въ нравы тогдашнихъ писателей, что вполне гармонировало съ шляхетскимъ строемъ польскаго быта. Самохвальство древностью и благородствомъ происхожденія, имѣвшее мѣсто въ западной Европѣ при феодальномъ строѣ западной жизни, вполне усвоено было поляками. Шляхтичи старались возводить исторію своихъ родовъ ко временамъ отдаленнымъ. По замѣчанію проф. Голубева, „іезуиты цѣлые полтораста лѣтъ наполняли Польшу дымомъ отъ сожигаемаго передъ панами и ихъ клейнодами ошмама. Гербы толковались и восхвалялись ими почти всюду, въ проповѣдяхъ, надгробныхъ эпитафіяхъ, панегирикахъ, предмовахъ въ книгамъ, рѣчахъ¹⁾“. Это обыкновеніе усвоено было въ XVII ст. православными писателями и получило широкое распространеніе въ южной Россіи; въ особенности прославлялся гербъ Петра Могилы, затѣмъ гербы князя Острожскаго, Желиборскихъ, Балабановъ и др. вельможныхъ.

Въ посвященіи книги Любомирскому Саковичъ говоритъ, что православные увидѣли уже свои нестроенія изъ другаго его сочиненія — „Перспективы“ (т. е., „Епанортосиса“ 1642 г.) и стремятся установить у себя порядокъ. Въ послѣднихъ словахъ нужно видѣть указаніе на просвѣтительную дѣятельность Петра Могилы.

Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе автора къ благочестивому читателю. Здѣсь Саковичъ жалуется, что подвергся „burliwosci у nieprawisci“ со стороны православныхъ, и въ отвѣтъ на ихъ нападенія онъ издастъ книгу о календарѣ, съ помощью пресв. Богородицы и католической церкви и съ одобренія уніатскаго митроп. Селявы.

„Okulary“ раздѣляются на 12 пунктовъ, или главъ. Въ первомъ пунктѣ Саковичъ говоритъ, что православные готовы принять унію при условіи, чтобы кievскій митрополитъ засѣдалъ въ сенатѣ, причѣмъ находить это условіе неудобноисполнимымъ, такъ какъ ничего подобнаго ранѣе въ Польшѣ не было и даже папскій нунцій не засѣдаетъ въ сенатѣ. На 4 стран. Саковичъ замѣчаетъ: „я знаю многихъ уніатовъ и православныхъ, которые желаютъ принять григоріанскій календарь, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много католиковъ (praevalet catholicismus) и гдѣ православнымъ русскимъ не позволяютъ ни торговать, ни заниматься ремеслами въ католическіе праздники“.

Во второмъ пунктѣ Саковичъ говоритъ, что католическая пасха освящается въ надлежащее время, а православная въ ненадлежащее. Въ этомъ пунктѣ на стран. 9 находится цѣнное свидѣтельство о „великомъ“ защитникѣ стараго календаря Василіѣ Суражскомъ, из-

¹⁾ Голубевъ, въ Трудахъ кievск. духов. акад. 1872, X, 300.

давшемъ въ Острогѣ въ 1588 г. книгу на русскомъ языкѣ въ защиту стараго календаря. Саковичъ слово великій въ данномъ случаѣ употребляетъ въ ироническомъ смыслѣ; но изъ того, что онъ неоднократно возвращается къ Василию Суражскому съ колкими и язвительными словами, видно, что этотъ малоизвѣстный православный писатель конца XVI ст. своимъ сочиненіемъ о старомъ календарѣ сослужилъ хорошую службу родному краю. Ко второму пункту близко стоятъ по содержанию пункты третій и шестой. Въ третьемъ пунктѣ Саковичъ довольно ловко и хитроумно, съ фактической аргументаціей, доказываетъ, будто православные въ 1643 и въ 1644 годахъ справляли пасху противъ правилъ св. отцовъ, а въ 6 пунктѣ осуживаетъ Василия Суражскаго за то, что онъ будто совѣтывалъ при опредѣленіи времени празднованія Пасхи руководствоваться не только правилами св. отцовъ, но и появленіемъ весенней растительности, травъ и цвѣтовъ. Саковичъ указываетъ здѣсь на позднее появленіе травъ и цвѣтовъ въ холодныхъ странахъ.

Въ 5 пунктѣ авторъ говоритъ, что математикъ Лягосъ находилъ недостатки въ старомъ календарѣ, и если потомъ писалъ въ его защиту, то будто бы по подкупу. Православные платили тѣмъ, которые писали противъ римской церкви и отклоняли православныхъ отъ соединенія съ нею, причемъ поименовываются Христофоръ Филалетъ и Василій Суражскій.

Въ 7 пунктѣ находится опроверженіе мнѣнія православныхъ, что римская Пасха можетъ иногда приходиться въ день еврейской Пасхи. Саковичъ усматриваетъ въ этомъ мнѣніи „хлопское“ пониманіе календаря.

Въ 8 пунктѣ опровергается мнѣніе старокалендарцевъ, что папа не могъ исправлять календаря безъ согласія восточныхъ патриарховъ. Въ этой же главѣ опровергается распространенное на всемъ православномъ востокѣ вѣрованіе, что подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе небесный огонь нисходитъ ко Гробу Господню въ Иерусалимѣ и возжигаетъ свѣтильники. На Руси вѣрованіе это встрѣчалось уже въ XII в., въ „Хожденіи“ игумена Даниила, гдѣ подробно говорится о „свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ ко Гробу Господню“. Старинные западные путешественники раздѣляютъ это вѣрованіе. Саковичъ усматривалъ въ этомъ вѣрованіи опору греческой вѣры и потому старался его устранить.

Въ пунктѣ 9 проводится та мысль, что многочисленность послѣдователей и сторонниковъ стараго календаря не можетъ доказывать его превосходства надъ новымъ календаремъ; въ пунктѣ 10,— что православнымъ, съ принятіемъ новаго календаря, не придется производить перемѣнъ въ праздникахъ. Въ 11 пунктѣ находится

объясненіе, когда, кѣмъ и какимъ образомъ исправленъ былъ юліанскій календарь.

Послѣдній пунктъ, 12-ый, посвященъ изложенію тѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ выгодъ, которыя получаютъ православные съ принятіемъ новаго календаря. Тутъ же высказывается и основное желаніе автора, чтобы православные приняли сначала новый календарь, а затѣмъ и все остальное въ католицизмѣ. Восхваляя послѣдній, Саковичъ дѣлаетъ любопытное признаніе, что онъ, будучи еще православнымъ священникомъ, поминалъ на литургіи папу и признавалъ латинскій догматъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына. Обращаясь въ концѣ своего сочиненія къ малороссіянамъ съ предложеніемъ принять григоріанскій календарь, Саковичъ проситъ ихъ не обращать вниманія на то, что стараго календаря придерживаются греки и москвитяне, причѣмъ старается унижить тѣхъ и другихъ. Въ вину грековъ Саковичъ ставитъ, что они живутъ подъ турецкимъ игомъ, а москвитянъ обвиняетъ въ жестокости и ереси. Въ московскомъ государствѣ, по словамъ Саковича, „*jak w Turcech o wierze nie disputują, boć mieczem gębe zatkają. Ale ty szczęśliwy narodzie ruski wrodziwszy się w złotej wolności możesz o sobie radzić, y to co y według dusze, y według ciała pożytecznego obierać*“. „Смилуйся надъ собой, добродѣтельный русскій народъ, восклицаетъ Саковичъ, и сбрось съ своихъ плечъ тяжесть стараго нелѣпаго календаря, какъ бы обрядъ жидовскаго закона, и прими календарь новый“.

Въ концѣ книги приложенъ указатель времени празднованія Пасхи православными и католиками съ 1645 по 1933 годъ.

Янъ Брожекъ, или Броціусъ, противникъ іезуитовъ, относительно календаря сыгралъ въ ихъ руку. Докторъ теологіи и профессоръ краковской академіи, Брожекъ (род. 1581, † 1652) пользовался славой знаменитаго математика. Въ 1641 г. онъ издалъ въ Краковѣ „*Apologia pierwsza kalendarza gzymskiego powszechnego... do zasnego narodu ruskiego*“ и въ томъ же году въ Варшавѣ „*Apologia wtóra*“¹⁾. Въ этомъ сочиненіи онъ подкрѣпляетъ доводы Саковича противъ стараго календаря²⁾. Нѣкоторые южнорусскіе писатели второй половины XVII в. изрѣдка упоминаютъ сочиненія Брожека, напр., Галатовскій, и потому можно думать, что и его апологіи не остались вполнѣ неизвѣстными православнымъ, тѣмъ болѣе, что Брожекъ прямо обращался къ русскому народу.

Сынъ виленскаго бурмистра, Янъ Дубовичъ († 1652) пользовался извѣстностью, какъ ученый полемистъ. Въ рукописныхъ за-

¹⁾ *Wiszniewski*, IX, 517; VII, 150, 374, 539, 544; VIII, 247; IX, 134, 506 и 523.

²⁾ *Macejowski*, Piśmiennictwo polskie III 830.

мѣткахъ Саковичъ вспоминаетъ, что Петръ Могила будто бы говорилъ: „*gdym miał pod moim poszluszeństwem oycsa Ioanna Dubowicza u oycsa Kassiana Sakowicza, tedy bym wszystkę Ruś do siebie przyciągnął*“¹⁾. Дубовичъ былъ архимандритомъ Дерманскаго монастыря, послѣ Мелетія Смотрицкаго, и издавъ много сочиненій противъ православныхъ²⁾, изъ которыхъ отмѣтимъ здѣсь его „*Kalendarz prawdziwy*“ и „*Jerarchia*“, такъ какъ мы нашли эти сочиненія въ бібліотекѣ харьковской духовной семинаріи.

„*Kalendarz prawdziwy*“ Дубовича вышелъ въ 1644 г. въ Вильнѣ, въ 8 д. л. Въ книжкѣ 2 л. посвященія и 45 л. текста. При составленіи „Календаря“ Дубовичъ зналъ о сочиненіи Саковича о календарѣ и ссылается на него въ пятой главѣ, при опроверженіи доводовъ православныхъ противъ новаго календаря.

Въ началѣ книги находится гербъ князей Острожскихъ и Заславскихъ, во владѣніи которыхъ находился Дерманскій монастырь. Отсюда вытекаетъ желаніе Дубовича угодить своему вельможному пану. За гербомъ на второй страницѣ находится посвященіе книги князю Острожскому и Заславскому Владиславу Доминику, причемъ перечисляются его предки, начиная отъ великаго князя кіевскаго Игоря и жены его Ольги.

Сочиненіе состоитъ изъ пяти главъ: въ первой говорится о тѣхъ, кто писалъ о календарѣ, т. е. излагается литература предмета, во второй—о солнечномъ и лунномъ годахъ; въ третьей—о ветхозавѣтной Пасхѣ и о времени празднованія Пасхи новозавѣтной, въ четвертой—о томъ, почему необходимо исправить старый календарь, и въ пятой главѣ находится опроверженіе мнѣній противниковъ новаго календаря.

Сравнительно съ Касьяномъ Саковичемъ Дубовичъ обнаруживаетъ болѣе спокойствія. Любопытна его наклонность къ историческимъ справкамъ. Такъ, Дубовича интересуетъ литература предмета; онъ начинаетъ съ указанія на египетскихъ и персидскихъ математиковъ и астрономовъ, положившихъ начало научнаго изученія солнечнаго и луннаго годовъ. По словамъ Дубовича, самымъ знаменитымъ астрономомъ въ древности былъ царь Соломонъ, но сочиненія его по астрономіи будто бы затеряны, равно какъ, по словамъ Дубовича, затеряны его книги объ изгнаніи нечистыхъ духовъ. Далѣе упоминаются александрійскій епископъ Теофилъ, Кассіодоръ и нѣкоторые другіе писатели древности, какъ составители пасхалій.

Во второй главѣ обнаруживаются астрономическія свѣдѣнія Дубовича. Свѣдѣнія эти отсталыя, средневѣковыя. Свѣтъ точной

¹⁾ *Голубевъ*. Исторія кіев. дух. акад. I. 216.

²⁾ *Wiszniewski*. VIII, 372, 373, 378, IX, 189; 518; VII, 374.

науки, распространявшійся въ западной Европѣ отъ сочиненія Коперника, долго не проникалъ въ Польшу. Дубовичъ говоритъ, что солнце движется вкругъ земли. На землѣ слѣдовало бы быть дню шесть мѣсяцевъ, когда солнце надъ землей, и ночи шесть мѣсяцевъ, когда солнце спускается подъ землю; но его уклоняетъ въ сторону особое солнечное небо десятого ряда (niebo sloneczne od dziesiątego koła).

Въ одномъ мѣстѣ „Календаря“ Дубовича находится замѣчаніе, что слущкій архимандритъ Шицкиъ въ одномъ своемъ словѣ высказалъ мнѣніе, что съ переменной календаря должно пострадать времясчисленіе и воскресенье обратится тогда въ четвергъ. Дубовичъ опровергаетъ это мнѣніе.

Въ концѣ книги Дубовичъ, подобно Саковичу, высказываетъ желаніе, чтобы православные присоединились къ католикамъ не только относительно календаря, но и во всемъ остальномъ, до вѣры относящемся.

Яну Дубовичу принадлежитъ еще другое сочиненіе, также направленное противъ православія, именно, „*Hierarchia abo o zwierzchności w cerkwi bożej*“, изданное во Львовѣ въ 1644 г. въ 8 д. л., стр. 256. При составленіи этого сочиненія авторъ пользовался преимущественно Анналами Баронія, на котораго ссылается на 101, 136 и др. страницахъ. Въ началѣ книги находится гербъ Гембицкихъ и посвященіе книги луцкому епископу Андрею Гембицкому. Затѣмъ слѣдуетъ апробация, или одобреніе книги, сдѣланное нѣкіимъ Скробышовскимъ, должно быть іезуитомъ, такъ какъ цензура духовныхъ книгъ въ Польшѣ семнадцатаго вѣка находилась въ рукахъ іезуитовъ. Сочиненіе раздѣляется на 4 главы. Въ первой главѣ находятся общія разсужденія о католической церкви, какъ единой святой и апостольской церкви,—верховномъ судѣ въ спорахъ и о священникахъ, какъ членахъ воюющей церкви. Во второй главѣ находится объясненіе словъ Спасителя къ Петру, находящихся въ 16 гл. Евангелія отъ Маттея и 21 гл. Евангелія отъ Іоанна, въ пользу главенства папы, и затѣмъ приводятся церковныя молитвы, говорящія, по мнѣнію Дубовича, въ пользу главенства папы. Въ третьей главѣ излагаются другія основанія римско-католическаго ученія о главенствѣ папы, какъ то: будто папы занимали первое мѣсто на вселенскихъ соборахъ; безъ папы не могъ состояться ни одинъ вселенскій соборъ; къ папамъ обращались съ жалобами, какъ вышей апелляціонной инстанціи; папы возстановляли константинопольскихъ патріарховъ, низложенныхъ свѣтской властью, иногда судили и проклинали патріарховъ. Дубовичъ говоритъ въ концѣ главы, что греки наказаны за отложеніе отъ римскаго престола во первыхъ

тѣмъ, что потеряли политическую независимость, во вторыхъ—они будто бы лишились проявленія благодати божіей въ мощахъ святыхъ; третье наказанье—у нихъ отняты науки и въ духовенствѣ происходятъ разныя нестроенія и замѣшательства. Въ четвертой главѣ говорится, что Русь крестилась три раза: а) при Рюрикѣ, Аскольдѣ и Дирѣ, б) Ольгѣ и в) Владимірѣ. Затѣмъ слѣдуетъ фактическое и довольно толково составленное перечисленіе русскихъ митрополитовъ отъ Михаила (ок. 1000 г) до Антонія Селявы, послѣ чего слѣдуетъ уже объясненіе вреда подчиненія Руси константинопольскому патриарху и пользы отъ подчиненія папѣ. Авторъ соблазняетъ православныхъ тѣмъ соображеніемъ, что „вольности, права привилегіи“ составляютъ удѣлъ лишь католиковъ и униатовъ, и для полученія ихъ рекомендуется унія.

Въ историко-литературномъ отношеніи „Hierarchia“ Дубовича любопытна потому, что подъ влияніемъ этого сочиненія въ концѣ XVII ст. (въ 1696 г.) Теофиль Рутка составилъ „*Herby abo znaki Kosciola prawdziwego*“. Книга эта издана въ Люблинѣ, въ типографіи мѣстной иезуитской коллегіи, и всецѣло направлена противъ православныхъ. Послѣ краткаго предисловія перечисляются признаки истинности и святости католицизма, съ иезуитской схоластической точки зрѣнія, именно: единство вѣры (jedność wiary), благочестіе католиковъ (świętobliwość), всеобщее распространеніе (powszechność), древность (starodawność), непрерываемость папской власти (succesia), причемъ перечисляются папы, начиная даже съ ап. Петра, сила дѣйствія вѣры и чудеса (scuteczność i cuda), пророки и мученики (światło prorockie i krew męczeńska), страшная смерть гонителей католицизма и свидѣтельства въ пользу католицизма враговъ его.

За этой спеціально католической частью слѣдуетъ обширное Corollarium или полемическій походъ противъ православія, съ доказательствами, что православная церковь не имѣетъ истинъ, не древняя, не крѣпка вѣрой, не имѣетъ чудесъ, подчинялась западной церкви, страдаетъ упадкомъ церковныхъ порядковъ, умноженіемъ ересей. Въ Corollarium'ѣ выдаются слѣдующія обвиненія православныхъ, по смѣлости самого обвиненія. Православные имѣютъ въ своемъ календарѣ имена людей, не достигшихъ святости (стр. 179), по отдѣленіи отъ Рима не имѣли ни одного святого (179), не имѣютъ чудесъ (196), не имѣютъ теперь того чудеснаго огня, который нѣкогда исходилъ съ неба въ Великую Субботу въ Іерусалимѣ (195), нанимаютъ еретиковъ для защиты своей схизмы, не обезпечили своего духовенства свободой (prawa i wolności duchownych były zepsowane, на стр. 209). Москвитяне обратили въ христіанство казанскихъ и астраханскихъ татаръ не проповѣдью, а силой (193). Почти всѣ эти доводы и

ранѣ выдвинуты были противъ православія, въ „Оборонѣ“ на стр. 43 и въ „Іерархіа“ на стр. 157.

Почти всѣ католическіе писатели, дѣйствовавшіе противъ православія, въ особенности Саковичъ и Рутка, напираютъ на невѣжество православныхъ, отсутствіе у нихъ наукъ, и превозносятъ свою схоластическую мудрость. Такъ, Рутка на стр. 205—206 говоритъ, что Богъ лишилъ православныхъ науки, хотя православные и завели школы въ Кіевѣ, но профессорами въ нихъ стоятъ люди, получившіе образованіе въ католическихъ учебныхъ заведеніяхъ, и самое обученіе производится по латинскимъ учебникамъ. Кто въ Кіевѣ учитъ грамматику, поэтику, риторикъ, философію? Отцы іезуиты: Эмануиль Альваръ и Кипріанъ Зоарій. Ни одного грека или русскаго. Если иные, какъ Ореологъ, учатся въ школахъ виттембергскихъ, лейпцигскихъ, крелевецкихъ (кенигсбергскихъ), то это должно составить стыдъ для православныхъ, „такъ какъ они ищутъ свѣта у Лютера и Кальвина“. Православные проповѣдники берутъ содержаніе изъ католическихъ сочиненій, хотя и нападаютъ на католиковъ, какъ на еретиковъ. Ранѣ Рутка Саковичъ въ „Kalendarg stary“ говоритъ, что въ любомъ предмѣстьѣ или пригородномъ мѣстѣ Кракова, Познани, Вильны, Львова, въ каждомъ большомъ католическомъ монастырѣ болѣе ученыхъ людей, богослововъ, чѣмъ во всей Россіи, а математика тамъ ни одного нѣтъ.

Это презрительное отношеніе къ русскому народу вообще, въ особенности къ его наукѣ, красной ниткой проходящее черезъ всѣ полемическія латино-уніатскія сочиненія, заслуживаетъ того, чтобы на немъ подробнѣе остановиться. Вматриваясь внимательно въ полемическую литературу католиковъ и православныхъ семнадцатаго вѣка, нельзя усмотрѣть въ католической литературѣ научной высоты, а въ православной—научной отсталости. И тамъ, и здѣсь мы видимъ опредѣленные, выработанные приемы въ расположеніи научнаго матеріала и въ пользованіи имъ; и тамъ и здѣсь мы находимъ много сходныхъ или даже тождественныхъ пособій. Сочиненія Петра Могилы и Сильвестра Коссова, не уступаютъ ни въ чемъ сочиненіямъ Саковича, Дубовича и Рутки, а такая крупная научная работа, какъ Палинодія Захарія Копыстенскаго, или такія сильныя и выразительныя произведенія, какъ посланія Іоанна Вишенскаго, составляютъ положительно блестящія явленія южнорусской науки и литературы семнадцатаго вѣка. Фактическій уровень знаній латино-уніатскихъ полемистовъ, равно какъ и нравственный ихъ уровень, насколько то и другое отразилось въ ихъ сочиненіяхъ, вовсе не говорятъ въ ихъ пользу. Узкіе фанатики и узкіе схоластики, они вертятся въ одномъ и томъ же кругѣ устарѣлыхъ литературныхъ формъ, и страхъ какъ

гордятся сухой и формальной стороною своей науки, своими избитыми аргументаціями, рогатыми силлогизмами и макаризмами. Свѣтъ европейской науки, правильное воззрѣніе на міроустройство, гуманное отношеніе къ человѣку не проявляются въ латино-уніатской литературѣ, тогда какъ и то, и другое начинаетъ уже изрѣдка пробиваться въ научныхъ и литературныхъ сочиненіяхъ православныхъ, напримѣръ, у Іоанна Вишенскаго и въ особенности у Епифанія Славинецкаго. Основное различіе воззрѣній Саковича, Дубовича и людей ихъ лагеря съ одной стороны отъ воззрѣній Вишенскаго, Петра Могилы, Славинецкаго съ другою—обнаруживается не въ научной сферѣ, а въ области національной, въ степени отрѣшенности отъ народа, въ степени большого или меньшаго предрасположенія и склонности измѣнить ему и предать его въ личныхъ эгоистическихъ интересахъ. Не въ слабости греко-славянской науки XVII в. скрывалась слабость южнорусскаго народа, а въ томъ, что по словамъ Іоанна Вишенскаго, „паны надъ Бога богами высшими надъ своими подручными подданными ся починили и надъ Творца, ровнымъ зданіемъ образа своего всѣхъ почтившаго, судомъ беззаконнымъ вознеслися“, а за панами потянулось и высшее духовенство, и хранителемъ лучшихъ преданій и обычаевъ страны осталось почти исключительно низшее духовенство, мѣщане и крестьяне,—люди, поглощенные матеріальными заботами текущаго дня. Здоровые и свѣжіе люди, вышедшіе изъ этой среды на поприще литературной дѣятельности, легко могли усмотрѣть, что латино-уніатскіе писатели „во тѣмъ поганскихъ наукъ затворились“ и что „злосварная латынская душа насыщена поганскими (т. е. языческими) тщеславными и гордыми догматами“.

Сочиненіемъ Дубовича о календарѣ заканчивается этотъ полувѣковой споръ, точнѣе сказать, замираетъ, и южнорусскіе писатели второй половины XVII вѣка почти вовсе ее касаются календаря, что не мѣшало имъ наносить посильные удары католикамъ въ томъ основномъ пунктѣ, откуда исходило, между прочимъ, и гонительство стараго календаря,—въ вопросѣ о церковномъ главенствѣ папы. Съ переходомъ южнорусской церкви подъ власть московскаго патріарха былъ устраненъ одинъ изъ крупныхъ поводовъ къ спорамъ о календарѣ—вопросъ о власти константинопольскаго патріарха въ предѣлахъ южной Россіи и объ отрицательномъ его отношеніи къ григоріанскому календарю. Съ переходомъ лѣвобережной Украины и Кіева во власть московскаго правительства, украинская интеллигенція и прежде всего кіевскіе ученые стали тянуть къ Велико-россіи и уклоняться отъ тѣхъ вопросовъ южнорусской жизни, которые сильно волновали умы и затрогивали интересы православныхъ въ первую половину семнадцатаго вѣка. Невозсоединенная часть

Украины пришла въ значительное запустѣніе, матеріальное и нравственное, и кіевская наука все съ большимъ и большимъ равнодушіемъ къ ней относилась, такъ что въ восемнадцатомъ вѣкѣ юго-западная Русь, холмская, волынская и галицкая, была почти забыта представителями науки и литературы. Возсоединенная часть Украины была свободна отъ какихъ бы то ни было новыхъ посягательствъ на старый календарь, подъ охраной московскихъ властей. Что русское правительство въ прошломъ вѣкѣ обращало вниманіе и на календари, даже выходившіе за границу въ польскихъ предѣлахъ, доказываетъ одно любопытное дѣло, находящееся въ настоящее время въ харьковскомъ историческомъ архивѣ (Малоросс. дѣла № 1091, изъ дѣлъ бывшей Малорос. Коллегіи). Въ 1738 году вышелъ въ Львовѣ на польскомъ языкѣ календарь доктора философіи и профессора математики Станислава Дунчевскаго. Такъ какъ въ „прогностикахъ“ этого календаря оказались „многіе непристойныя и весьма предосудительныя злостно вымышленныя пассажи“ объ императрицѣ, то послѣдовалъ указъ на имя войсковой генеральной канцеляріи объ отобраніи этого календаря отъ всѣхъ лицъ, какъ свѣтскихъ и духовныхъ, гдѣ только онъ окажется. Въ теченіи года не поступило въ генеральную канцелярію ни одного экземпляра, и генеральная канцелярія разслала снова напоминаніе о томъ въ разныя мѣста Малороссіи.

Въ исторіи многое повторяется, и съ грустью нужно сказать, что чаще всего повторяется то, что идетъ въ разрѣзъ съ чувствомъ справедливости и добра. Въ послѣднее время въ Галиціи въ миниатюрѣ повторяются многія изъ тѣхъ печальныхъ явленій народной жизни, которыя имѣли мѣсто въ южной Руси XVI и XVII вв. Воиствующій католицизмъ вноситъ въ край интригу, раздоръ и гнѣть. Появились іезуиты и принялись съ стародавнимъ усердіемъ разрушать основныя опоры мѣстной русской народности. Выплылъ изъ забвенія и стародавній споръ о календарѣ, — явились пропагандисты новаго и защитники стараго календаря.

Еще въ 1812 г. въ Галиціи проявилась было агитація о замѣнѣ стараго календаря новымъ; но австрійское правительство тогда послѣшило „*populum ruthenum pacificare*“, предоставивъ ему полную свободу въ сохраненіи стараго календаря и вполне безпрепятственное отпразднованіе праздниковъ¹⁾. Нѣсколько иначе стало относиться австрійское правительство къ старому календарю въ послѣднее время. Оно косвенно поддерживаетъ направленную противъ него агитацію католиковъ — подьяковъ.

¹⁾ Дѣло. Львовъ 1883. № 18.

Въ 1882 году нѣкто А. Z. издалъ въ Краковѣ брошюру „Polityka perwów. Авторъ, полякъ по происхожденію и образу мыслей, опредѣляетъ здѣсь тѣ мѣры, которыя могутъ содѣйствовать развитію политическаго значенія поляковъ. Мѣры эти— 1) unia i łączność z bóstwem, 2) unia z całością Polski, 3) unia z duchowieństwem, 4) unia z Rusią, 5) unia z żydami i 6) unia stanów,— шесть уній, столь разнородныхъ, частью прямо противорѣчивыхъ¹⁾.

Наиболѣе любопытной здѣсь является четвертая унія, съ галицкими русскими, такъ какъ въ основу этой унии полагается съ одной стороны согласіе поляковъ на умноженіе русскихъ школъ въ краѣ и признаніе его польско-русинскимъ краемъ, а съ другой галицкіе русскіе должны отказаться отъ стараго календаря и кириллицы,—условія, очевидно, для послѣднихъ невозможныя, особенно относительно замѣны кириллицы латинской азбукой.

Какъ А. Z., такъ и другіе противники стараго календаря въ Галиціи, указываютъ на то, что новый календарь превосходитъ старый въ научномъ отношеніи по точности и что съ принятіемъ его уменьшится число праздниковъ, такъ какъ галицкіе русскіе иные праздники справляютъ и по старому и по новому календарямъ, а съ уменьшеніемъ праздничныхъ дней выиграетъ экономическая жизнь народа. Остроумно отвѣтила на эти доводы газета „Дѣло“ въ 1883 г. (№ 83): Что бы А. Z. и его сторонники сказали, если бы русины, основываясь на прогрессѣ наукъ и имѣя въ виду экономическое развитіе края, предложили полякамъ во имя внутренняго согласія и дружбы отказаться отъ ультрамонтанства и аристократизма или шляхетскаго высокомерія, такъ какъ и то и другое наукой осуждено, и затѣмъ исторія доказала, что ультрамонтанство и шляхетское своеволие погубили Польшу, а затѣмъ предложили полякамъ во имя экономіи и справедливости провѣрить, сколько налоговъ они взвалили на народъ, польскій и русскій, и излишекъ принять на себя. Хотя бы народъ работалъ и всѣ 365 дней, говорится далѣе въ „Дѣлѣ“, онъ, при существующихъ тяжкихъ налогахъ, не можетъ заработать себѣ матеріальнаго благосостоянія и культурнаго развитія.

Въ № 26 „Дѣла“ за 1883 годъ извѣстный галицко-русскій историкъ и публицистъ Стефанъ Качала помѣстилъ „нѣсколько словъ о намѣреніи уничтожить старый календарь“. Прежде всего въ этой статьѣ бросается въ глаза большой пробѣлъ, строкъ въ тридцать, съ помѣткой въ серединѣ: „сконфисковано“. Оказывается такимъ образомъ, что галичане не могутъ въ конституціонной Австріи защищать печатно вполне безпрепятственно издавна существующій у

¹⁾ Дѣло, львов. газета. 1882. № 78.

нихъ старый календарь, и цензура въ этомъ отношеніи навлады-ваетъ на газеты свою руку—по истинѣ мизерная свобода слова, и въ этомъ отношеніи поляки конца XVI вѣка, современники Стефана Баторія, стояли несравненно выше своихъ галицкихъ соплеменниковъ конца XIX вѣка. Указавъ въ краткихъ словахъ на львовскія смуты 1583 г. и охранительныя грамоты Стефана Баторія, г. Качала говоритъ, что съ принятіемъ новаго календаря простой галицко-русскій народъ будетъ праздновать святые дни по прежнему, стародавнему обычаю. „Русинъ — селянинъ консерватистъ, винъ каже: „наши дѣды, батьки не робыли и мы не будемо“. На основаніи тридцатилѣтней близости къ народу, вообще хорошаго съ нимъ знакомства, г. Качала говоритъ, что народъ нерушимо празднуетъ дни, не признанные австрійскими властями за праздники, напри-мѣръ, второй день послѣ Крещенія и третій день Зеленыхъ свя-токъ. Если его принудить къ принятію новаго календаря, то онъ сохранитъ праздники и по старому, и по новому календарямъ, что только нанесетъ матеріальный вредъ краю. Въ концѣ статьи г. Качала говоритъ, что стремленіе католиковъ поляковъ и легкомысленно поддающихся ихъ внушеніямъ нѣкоторыхъ галицкихъ русскихъ замѣнить старый календарь новымъ ведетъ къ латинизаціи и поло-низации русскихъ. Новый календарь нанесетъ ударъ уни, направитъ народъ въ костелы и подготовитъ колонизацію края. Намъ грозитъ руина, замѣчаетъ г. Качала, и потому нужно отнестись очень внимательно и осторожно къ вопросу о перемѣнѣ календаря, особенно тѣмъ, кто дорожитъ нравственной самобытностью своего народа.

Такъ какъ въ настоящее время въ Австріи не можетъ быть практикуемо прямое насиліе въ дѣлахъ религіозныхъ и церковно-обрядовыхъ, какое было въ ходу въ Польшѣ XVII вѣка, то на первое мѣсто въ Галиціи выдвигается интрига и обманъ; галицкіе поляки, преимущественно іезуиты, примѣняютъ ихъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ для уничтоженія стараго календаря и русскихъ праздниковъ. Галицко-русская интеллигенція отлично поняла, что съ этой стороны грозитъ большая опасность національной самобытности галицкихъ русскихъ и успѣшила дать противникамъ стараго календаря посильный отпоръ въ преданныхъ народнымъ интересамъ органахъ мѣстной печати и прежде всего раскрыть махинаціи и интриги враговъ русскаго народа. Въ этомъ отношеніи весьма цѣнныя статьи помѣщены въ газетѣ „Дѣло“ 1883 г. „Нови хмары“ (№№ 12, 14 и 18) и „Што намъ чинити?“ (въ № 31).

Главными дѣятелями по части агитаціи противъ стараго календаря являются два поляка—помѣщикъ Поляновскій и ксензъ Стояновскій. Поляновскій уже въ семидесятыхъ годахъ выступилъ

на галицкомъ сеймѣ противникомъ греческо-православной обрядности униатовъ и въ особенности стараго календаря. Онъ имѣлъ продолжительную аудіенцію у австрійскаго императора, приче́мъ императоръ разспрашивалъ его о галицко-русскихъ дѣлахъ, послѣ чего Поляновскій съ большимъ усердіемъ сталъ стремиться къ уничтоженію стараго календаря, подбивая духовенство и мѣщанъ просить правительство о замѣнѣ стараго календаря новымъ. Ксендзь Стояновскій напечаталъ въ польскихъ газетахъ форму прошенія на имя императора о замѣнѣ стараго календаря новымъ, приче́мъ заявилъ, что такая замѣна желательна и для проживающаго въ Вѣнѣ папскаго нунція. Нѣкоторыя галицко-русскія повѣстовыя рады поддались на эту удочку. Поляновскій и Стояновскій нашли поддержку въ клерикальной польской печати. Съ наибольшей откровенностью о вождѣлвнѣяхъ галицкихъ поляковъ высказался познанскій „Przegląd Kościelny“ добрые русины, по словамъ этой газеты, должны признать, что въ Галиціи живетъ только одинъ народъ — польскій для укрѣпленія этого убѣжденія нужно ввести новый календарь, безбрачіе духовенства и нужно позаботиться, чтобы галицко-русскіе священники не писали „хлопскимъ діалектомъ“ и чтобы галицко-русскій народъ читалъ и молился по польскимъ книгамъ.

Не трудно представить себѣ, какое тяжелое чувство нравственнаго угнетенія вызываютъ эти интриги въ мыслящей части галицко-русскаго общества, и съ какой горечью приходится его встрѣчать, при сознаніи общей матеріальной и политической придавленности галицко-русскаго народа мѣстной польщиной.

„Кто такой этотъ ксендзь Стояновскій“, спрашиваетъ редація „Дѣла“, „что это за важная персона, что говоритъ *urbi et orbi*, отъ имени вышнихъ вѣнскихъ правительственныхъ сферъ, свѣтскихъ и духовныхъ? Это плебанъ изъ Куликова. Что будетъ, если каждый польскій плебанъ (т. е. приходскій священникъ) будетъ вести политическую агитацію, прикрываясь авторитетомъ папы и правительства, до чего мы тогда дойдемъ и какой хаосъ, какая анархія воцарятся въ краѣ. Русины не могутъ допустить, чтобы всякій ксендзь Стояновскій вторгался въ права русскаго духовенства и народа, тѣмъ болѣе, что, въ силу договора съ Римомъ, папа давно уже призналъ унию и обязался подвергать проклятію всякаго нарушителя церковнаго устава греческаго обряда“.... Какъ все это старо! какъ все это похоже на польскую исторію времени Сигизмунда III! Львовская галицко-русская газета нашихъ дней заговорила тономъ и въ духѣ православныхъ львовскихъ гражданъ 1583 года, и весь вопросъ въ силѣ сопротивленія и національной устойчивости современнаго галицко-русскаго народнаго организма.

Какъ глубоко взволнованы галичане іезуитскимъ подкопомъ подъ старый календарь и русскіе праздники, показываетъ горячая статья „Что намъ дѣлать?“... „Настоящая минута въ жизни галицко-русскаго народа обильна чрезвычайно важными фактами, опредѣляющими и настоящее, и будущее народа. Мы живемъ во время всякихъ неожиданностей. Какъ молнія, каждую минуту можетъ упасть на насъ какая-нибудь „реформа“. Ошеломленные ея скоростяжностью, мы теряемся; сначала мы съ раздраженіемъ и гнѣвомъ бросаемся то тогда, то сюда, но вскорѣ съ болью въ сердцѣ и бессильной злобой мы падаемъ. Такъ было въ 1882 году, когда появились іезуиты и захватили Добромильскій монастырь. Они сломали базилианъ, теперь принялись за всѣхъ насъ. Да! Теперь для нихъ въ Галичинѣ весна— время пахаты, еще снѣга по колѣна лежатъ на русскихъ нивахъ, а въ воздухѣ уже нависъ монсиньоръ жаворонокъ іезуитской весны эксъ-іезуитъ ксендзь Стояновскій. Петиціями къ императору объ уничтоженіи русскихъ праздниковъ онъ засыпалъ весь русскій край. Онъ навербовалъ много *завалюгъ* деморализаторовъ и агитаторовъ. Мы просили правительство о защитѣ, мы указывали, что агитація противъ русскихъ праздниковъ отзовется вредными послѣдствіями для края и государства; но министръ вѣроисповѣданій Конрадъ заявилъ, что правительство не получало отъ мѣстныхъ властей свѣдѣній объ агитаціи противъ русскихъ праздниковъ и что вообще онъ не намѣренъ вмѣшиваться въ это дѣло, какъ вполне будто бы церковное. Галицко-русское церковное начальство спокойно смотритъ на направленную противъ стараго календаря агитацію и упорно молчитъ. Чтожъ намъ дѣлать? „спрашиваетъ авторъ статьи“, молчать ли? Нѣтъ, въ дѣлѣ іезуитскихъ интригъ противъ русскихъ праздниковъ нужно говорить, потому что это дѣло не только церковно-обрядовое, но касается народно-политическаго и экономическаго положенія галицко-русскаго народа. Уничтоженіемъ русскихъ праздниковъ по старому календарю поляки и іезуиты хотятъ разорвать еще одну нить, связывающую галицкихъ русскихъ съ милліонами ихъ братьевъ, живущихъ за желто-черными пограничными австрійскими столбами, чтобы затѣмъ уничтожить народную особность галицкихъ русскихъ и ополячить ихъ“.

Вообще споры о календарѣ свидѣтельствуютъ, что строго научный интересъ тутъ не былъ замѣнанъ. Никто не принималъ близко къ сердцу различіе въ минутахъ или секундахъ и не волновался изъ опасенія, что при старомъ календарѣ черезъ десять тысячъ лѣтъ празднованіе Рождества Христова отодвинется на лѣто. Въ тѣхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь заходила о научномъ достоинствѣ юліанскаго и григоріанскаго календарей, высту-

пало сознание, что различіе между обоими календарями не крупное и что оба они неточны, хотя григоріанскій календарь и въ меньшей степени. Въ европейскомъ ученomъ мірѣ многократно обнаружались попытки исправленія григоріанскаго календаря. Въ 1835 г. такую реформу предлагалъ аббатъ Мастрозини, въ 1864 г. дерптскій профессоръ астрономіи Медлеръ. Французское астрономическое общество назначило даже премію за реформу григоріанскаго календаря и въ настоящемъ 1888 году выдало первую премію за эту работу „Гастону Армелину, который предложилъ ввести слѣдующія упрощенія въ счисленіи времени: день новаго года долженъ стоять отдѣльно отъ другихъ дней: онъ не причисляется ни къ днямъ недѣли, ни мѣсяца, а именуется прямо днемъ новаго года. Такимъ образомъ, остается раздѣлить 364 дня; эти дни раздѣляются на 4 триместра, по 91 дню или 13 недѣлямъ каждый. Изъ 3 мѣсяцевъ триместра, первый будетъ имѣть 31 день, а остальные по 30 дней каждый. День же, который прибавляется высокоснымъ годомъ, будетъ стоять совершенно отдѣльно, какъ и день новаго года. На взглядъ автора, календарь тогда значительно упростится; всѣ годы будутъ тогда одинаковы, а также всѣ триместры; мѣсяцы съ 31 днемъ слѣдовали бы одинъ за другимъ въ простомъ порядкѣ, а всѣ дни мѣсяца будутъ приходиться каждый годъ въ одинъ и тотъ-же день недѣли.

Въ основѣ споровъ о преимуществахъ юліанскаго и григоріанскаго календарей всегда лежали причины церковно-обрядовыя и политическія. Григоріанскій календарь пропагандировался какъ орудіе папскаго вліянія, а въ послѣднее время какъ средство полонизаціи. Пропаганда новаго календаря причинила южнорусскому народу много горя, много страданій, оскорбляла лучшія его чувства, вносила раздоръ и озлобленіе въ общество и въ семью. Исторія всей жизни русскаго народа за послѣдніе триста лѣтъ обязываетъ насъ вполне отрицательно относиться къ григоріанскому календарю, какъ орудію польско-іезуитской интриги, источнику гнета и насилія, духовнаго и матеріальнаго.

Н. Ө. Сумцовъ.

Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія?

Въ настоящее время, когда вся Россія готовится праздновать 900-лѣтіе крещенія своего при св. Владимірѣ, для всѣхъ сыновъ православной россійской церкви и для всѣхъ почитателей его памяти должно быть желательнымъ имѣть возможно вѣрное изображеніе просвѣтителя нашего отечества. Какія же у насъ есть данныя для того, чтобы составить хотя приблизительно вѣрный образъ св. Владиміра?

Древнихъ иконныхъ изображеній св. Владиміра, какъ извѣстно, не сохранилось. Но есть нѣсколько неиконныхъ изображеній его, по которымъ можно составить понятіе о внѣшнемъ его видѣ. Древнѣйшія изъ нихъ—на золотыхъ и серебряныхъ монетахъ св. Владиміра, лучшіе экземпляры которыхъ имѣются въ Императорскомъ Эрмитажѣ и въ музеѣ университета св. Владиміра, а оттиски ихъ можно видѣть въ „Родной Старинѣ“—Сиповскаго (ч. 1). На этихъ монетахъ св. Владиміръ изображенъ въ плащѣ, застегнутомъ на правомъ плечѣ, въ византійскомъ царскомъ вѣнцѣ на головѣ въ видѣ широкаго обруча, украшеннаго камнями и жемчугомъ, изъ коихъ одни лежатъ на вѣнцѣ, а другіе свѣшены на вискахъ въ видѣ прядей, и съ четвероконечнымъ крестомъ на длинной рукояткѣ въ правой рукѣ. Черты лица князя трудно опредѣлить по неотчетливости чеканки, но можно различать прямой носъ, длинные усы и небольшую пушистую бороду, которая впрочемъ видна только въ лупу.— Въ Новгородской Фѣдоровской церкви (1369 г.) изображены на стѣнѣ св. Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ въ высокихъ шапкахъ,

въ видѣ древнихъ круглыхъ клубуковъ съ мѣховыми околышками. Св. Владиміръ представленъ здѣсь съ сѣдою, кругленькою выющеюся бородою и съ длинноватыми, доходящими до шеи волосами; таковы же длинные волосы и у св. Бориса. Въ правой рукѣ Владиміръ держитъ четвероконечный крестъ, лѣвая его рука нѣсколько приподнята кверху и какъ будто держитъ что-то. Глѣбъ изображенъ съ четвероконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ и съ опущеннымъ внизъ мечемъ—въ лѣвой.—Въ Сборникѣ 1414 года подъ именемъ „Похвала св. Владиміру“, имѣется изображеніе сего князя—въ шапкѣ княжеской, плащѣ и въ длинной подъ плащемъ свитѣ (Археолог. Вѣстникъ.—„Древности“, январь—февраль 1867 г. ст. И. И. Срезневскаго). Черты образа св. Владиміра можно бы нѣсколько точнѣе опредѣлить по сравненію съ чертами его отца, Святослава Игоревича, описаннаго довольно подробно современникомъ его Львомъ Діакономъ, бывшимъ свидѣтелемъ его свиданія съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ на берегу Дуная. По описанію Льва Діакона, у Святослава была подстриженная борода и длинные усы, глаза голубые, брови густые, носъ немного плоскій; росту онъ былъ средняго, статенъ, широкоплечъ и съ мускулистой шеей. Но мы не знаемъ, было ли и какъ велико было сходство св. Владиміра съ его отцемъ, а по словамъ современника, Дитмара, онъ не отличался атлетическимъ сложеніемъ (Исторія Рос. Д. Иловайскаго, Кіев. періодъ, стр. 86).

Одежду, подобную Владиміровой на его монетахъ, носилъ современникъ Святослава, болгарскій царь Борисъ, внукъ царя Симеона, взятый Цимисхіемъ въ плѣнъ и приведенный потомъ въ Константинополь,—послѣ свиданія Цимисхіа съ Святославомъ. На Борисѣ были тогда слѣдующіе знаки его царскаго достоинства: 1) шитая золотомъ и осыпанная камнями шапка, 2) багряный плащъ и 3) красная обувь, которые по приказанію императора сняты съ него въ присутствіи народной толпы въ Константинопольскомъ Августеонѣ, а извѣстно, что внѣшніе знаки царскаго достоинства были пожалованы прадѣду Бориса Петровича, болгарскому царю Борису, крещенному въ Константинополь при императорѣ Михаилѣ III патріархомъ Фотіемъ. На полученіе ихъ еще болѣе имѣлъ правъ и безъ сомнѣнія полу-

чиль ихъ отъ Константинопольскаго двора русскій князь Владиміръ Святославичъ, вступившій въ бракъ съ сестрою императоровъ и давшій обѣтъ сдѣлать христіанскою всю обширную, ему подвластную страну. Ему, какъ шурина императоровъ, вѣроятно, даны были и высшіе знаки власти, полученіе которыхъ по темному преданію усвоится у насъ обыкновенно правнуку св. Владиміра, Владиміру Мономаху, т. е. бармы, порфира, унизанная золотомъ и жемчугомъ одежда, красныя сандалии и вѣнецъ, по свидѣтельству Анны Комнинъ составлявшіе принадлежность параднаго костюма сына кесаря и его дочери ¹⁾). Не удивительно потому, что св. Владиміръ на своихъ монетахъ изображенъ настоящимъ *василевсомъ*,—въ вѣнцѣ, украшенномъ камнями и съ прядями по вискамъ изъ камней и жемчуга, по свидѣтельству Анны Комнинъ составлявшими отличіе императора. Въ такомъ же нарядѣ съ четвердоконечнымъ крестомъ на длинной рукояткѣ изображена на монетѣ Лицинія—Евдоксія, супруга императора Валентиніана ²⁾).

На основаніи этихъ историческихъ указаній слѣдуетъ признать, что св. Владиміръ можетъ быть изображенъ человѣкомъ средняго роста, съ круглымъ, но не полнымъ лицомъ и прямымъ носомъ, съ голубыми глазами и густыми бровями, по подобію Святослава, съ небольшою, круглою, пушистою бородой и съ нѣсколько продолговатыми, спускающимися до плечъ волосами, въ украшенной камнями и жемчугомъ шапкѣ въ видѣ клобука съ мѣховымъ околышемъ или въ византійскомъ вѣнцѣ—въ видѣ широкаго обруча, украшеннаго камнями, но безъ верха круглаго, составлявшаго, по свидѣтельству Анны Комнинъ, принадлежность только императора; въ багряномъ плащѣ и въ красныхъ сапогахъ, съ четвероконечнымъ крестомъ въ приподнятой правой рукѣ и съ приложенною къ груди лѣвою рукою,—въ возрастѣ или 30-лѣтнемъ, въ какомъ онъ былъ во время своего крещенія, или въ 57-лѣтнемъ, въ которомъ онъ скончался. Конечно, на

¹⁾ Визант. Истор. въ перев. профессора Карпова, сказаніе о дѣлахъ царя Алексія Комнина ч. 1. стр. 142—145.

²⁾ Dictionnaire des Antiquités Chretiennes par Marthigny, стр. 462.

иконныхъ изображеніяхъ приличнѣе писать св. Владиміра не въ шапкѣ, а съ открытою головою, или въ вѣнцѣ и съ взоромъ, устремленнымъ къ небу. Не будетъ историческою погрѣшностію изобразить св. Владиміра и въ томъ парадномъ нарядѣ, въ какомъ въ торжественныхъ случаяхъ являлись не только императоръ, но и кесарь—сынъ императора, т. е. въ украшенной камнями и жемчугомъ одеждѣ, въ омофорѣ и нашивной епитрахили и съ вѣнцомъ на головѣ, въ видѣ обруча, но безъ креста на немъ.

Имѣется ли у насъ гдѣ-либо подлинное изображеніе св. Владиміра, не монетное?

Къ изданной въ прошломъ 1887 году книгѣ „Холмская Русь“ приложено изображеніе св. Владиміра, просвѣтителя Россіи, яко бы фресковое, и открытое недавно подъ слоемъ побѣлки въ Владимірскомъ (на Клязьмѣ) Успенскомъ Соборѣ, созданномъ в. княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ половинѣ 12 вѣка. На этомъ изображеніи св. Владиміръ представленъ сѣдымъ мужемъ, съ постнымъ лицомъ, какъ у преподобныхъ, и съ длинною остроконечною бородою, съ густыми, свернутыми и нѣсколько завитыми къ шеѣ волосами и въ расширенномъ кверху вѣнцѣ, по верхнему краю котораго сдѣланы вырѣзки, а круглая верхушка украшена крестикомъ. Одѣтъ онъ въ тунику, или „приволеку“ зеленаго цвѣта, испещренную золотыми квадратиками, поверхъ приволоки фerezь, или одежда безъ рукавовъ красноватаго цвѣта, обшита широкою золотою тесьмой, подобная которой идетъ и по подолу приволоки. Въ правой рукѣ князь держитъ небольшой 8-конечный крестъ, лѣвою придерживаетъ съ боку длинный мечъ, вложенный въ ножны. При очисткѣ этого изображенія подписи имени князя не оказалось. Въ альбомѣ открытыхъ въ семь соборѣ древнихъ фресковыхъ изображеній, представленномъ г. оберъ-прокурору св. Синода К. П. Побѣдоносцеву, а имъ переданномъ въ музей Кіевской Духовной Академіи, этого изображенія не имѣется. Хотя костюмировка въ немъ княжеская, но признать этого князя изображеніемъ св. Владиміра современнымъ построенію храма невозможно уже по тому одному, что онъ изображенъ съ крестомъ не четвероконечнымъ, а 8-ко-

нечнымъ, каковой формы кресты явились у насъ не раньше половины 16 вѣка, а раньше не извѣстны ни у насъ, ни на православномъ Востокѣ. Кромѣ того на бородѣ и на лицѣ князя примѣтны слѣды нашей сѣверовосточной иконописи 17 вѣка. Можетъ быть это изображеніе св. Владиміра, но обновленное и передѣланное по-своему мѣстными иконниками 16 или 17 вѣка, а вѣроятноже это изображеніе причисленнаго къ святымъ создателя сего храма в. князя Владимірскаго Андрея Боголюбскаго, котораго мощи почиваютъ въ этомъ же Успенскомъ Соборѣ у столба, рядомъ съ тѣмъ столбомъ, на которомъ изображенъ невѣдомый князь. Во всякомъ случаѣ его нельзя признать древнѣйшимъ и вѣрнымъ изображеніемъ св. равноапостольнаго Владиміра.

Изображеній св. Ольги изъ вѣковъ, близкихъ къ ея времени, не имѣется. На старинныхъ нашихъ изображеніяхъ св. Ольга представляется стоя, съ сложенными на груди руками, въ изукрашенной шапочкѣ, въ кикѣ, или коронѣ, надѣтой поверхъ покрывала, закрывающаго часть лба, виски и часть шеи, въ длинномъ подпоясанномъ платьѣ, похожемъ иногда на сарафанъ, т. е. съ накладкой по всему переду отъ шеи до подола, съ довольно широкими рукавами, изъ которыхъ видны другіе, узкіе; въ ожерельи, прикрывающемъ верхъ платья, т. е. плечи и часть груди, или же въ плацѣ съ отложнымъ воротникомъ, то просто накинута, то застегнута на груди ¹⁾). Въ подобномъ нарядѣ св. Ольга представлена и на изображеніи, приложенномъ къ изслѣдованію князя Михаила Оболенскаго „О первоначальной русской Лѣтописи“, именно въ длинной голубоватой съ узорами туникѣ, съ широкой накладкой по концамъ широкихъ рукавовъ и подолу и отъ подола до шеи, украшенною разноцвѣтными камнями, въ плацѣ багрянаго цвѣта, красной обуви и въ бѣломъ, спускающемся съ головы на плечи покрывалѣ, вверху коего на головѣ украшенный камнями зубчатый вѣнецъ. Заслуживаютъ также вниманія для костюмировки св. Владиміра и св. Ольги находящіяся на лѣстницахъ Кіевософійскаго Собора, ведущихъ

¹⁾ „Древности“. Вѣстникъ Московск. Археол. Общества, 1867 г. ст. Срезневскаго.

на хоры, фресковья XI вѣка изображенія судящаго князя въ византійскомъ вѣнцѣ и византійской туникѣ съ широкой украшенною камнями скрижалю на полѣ туники близь груди.

Всѣ эти историческія изображенія должны имѣть въ виду художникъ, желающій написать иконы равноапостольныхъ св. князя Владиміра и св. княгини Ольги, если желаетъ воспроизвести своею кистью что-нибудь близкое къ ихъ дѣйствительнымъ ликамъ.

П. Л

КРИТИКА.

Галицко-русская библиографія XIX столѣтїя съ узглядненїемъ изданїи, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. Львовъ. Изъ типографїи Ставропольскаго Института. Выт. I и II 1887, III 1888 г. 4°, стор. 1—72.

Извѣстный въ галицкой (русской и польской) литературѣ, какъ авторъ популярныхъ историческихъ разсказовъ и журнальныхъ статей и какъ редакторъ нѣсколькихъ періодическихъ изданїи („Другъ народа“ 1876, „Бескидь“ 1880, „Миръ“ 1882—87 г.), Иванъ Ем. Левицкій приступилъ въ концѣ минувшаго года къ публикаціи труда чрезвычайно важнаго и необходимаго для всякаго изслѣдователя исторїи умственнаго развитїя галицкой Руси, труда, котораго заглавіе мы выписали выше. Библиографія эта—плодъ десятилѣтнихъ тщательныхъ разысканїи, о которыхъ только тотъ будетъ имѣть надлежащее представленїе, кто знаетъ, какъ тяжело бываетъ найти какую-нибудь русскую книгу, особенно болѣе давнюю, не говоря уже объ очень многочисленныхъ и для изученїя умственнаго развитїя народа еще болѣе важныхъ, чѣмъ книги, періодическихъ изданїяхъ, которыхъ полныхъ экземпляровъ не имѣется обыкновенно ни въ одной изъ доступныхъ покуда публичныхъ библиотекъ львовскихъ. Еще болѣе трудно найти летучіе листки и брошюры, которыя иногда (какъ въ 1848 году) представляли самыя характерныя черты всей фізіогномїи литературнаго и политически-общественнаго движенїя русиновъ, печатались обыкновенно въ маломъ числѣ экземпляровъ и мало кѣмъ сохранялись. То же можно сказать и о временахъ болѣе новыхъ, послѣ 1848 года даже до половины 80-хъ годовъ; многїя изданїя того времени сдѣлались теперь большою библиографическою рѣдкостью, нѣкоторыя жѣ, какъ напр. всѣ номера газетки „Сельская Рада“ (1850) извѣстны только въ единственномъ экземплярѣ, ко-

торый удалось открыть г. Левицкому. Поэтому естественно, что полная и научная библиографія всѣхъ этихъ изданій, которой начало, обнимающее время отъ 1801 до половины 1852 года, далъ намъ г. Левицкій въ трехъ первыхъ выпускахъ своего труда, должна сдѣлаться необходимымъ пособіемъ для всякаго, кто захочетъ заниматься галицко-русской литературою.

Г. Левицкій не первый труженникъ на этомъ поприщѣ. Начало принадлежитъ бывшему профессору русскаго языка и русской литературы въ львовскомъ университетѣ, Якову Ѡ. Головацкому, который въ львовскомъ журналѣ „Галичанинъ“ 1864 г. кн. IV составилъ галицко-русскую библиографію съ 1772 по 1848 годъ. Прежде еще выслалъ онъ много рѣдкихъ книгъ и брошюръ галицко-русскихъ въ с.-петербургскую публичную библіотеку, гдѣ по этимъ изданіямъ русскій библиографъ Межовъ составилъ библиографію галицко-русской литературы съ 1830 до 1862 года, напечатанную въ іюльской книгѣ журнала „Основа“ 1862 г. и изданную тоже особымъ оттискомъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1870 году издалъ другой русскій библиографъ, В. Ундольскій, свой „Очеркъ славяно-русской библиографіи церковной печати“, въ который включилъ тоже галицко-русскую библиографію, но съ такими пропусками и такъ неполно, что составленное Головацкимъ и изданное въ 1874 г. въ С.-Петербургѣ „Дополненіе“ къ этому очерку и обнимающее только сочиненія, печатанныя кириллицей, представляетъ довольно объемистую брошюру. Эти четыре библиографическіе труда перечисляютъ изданія первой половины нашего столѣтія, вплоть до 1865 года; съ ними, значить, только и можно сравнивать библиографію г. Левицкаго какъ по методу, такъ и по полнотѣ. Правда, существуетъ еще одинъ огромный и почтенный во многихъ отношеніяхъ библиографическій трудъ, въ который, не безъ политической задней мысли, включена и галицко-русская литература. Это „Bibliografia polska XIX wieku“ краковскаго библиографа Карла Эстрейхера. Однако Эстрейхеру галицко-русская литература извѣстна слишкомъ мало и неполно, и самый методъ, какому онъ слѣдовалъ при составленіи своего труда, слишкомъ ненаучный, поэтому библиографія эта для историка умственной жизни не можетъ имѣть какого-нибудь серьезнаго значенія¹⁾.

¹⁾ Не смотря на скудость и неточность свѣдѣній, которыхъ недостатокъ г. Эстрейхеръ слишкомъ часто пополняетъ догадками, главными методическими недостатками его труда нужно считать транскрипцію всѣхъ заглавій латинскими

Прежде всего обратимъ вниманіе на массу собраннаго матеріала; здѣсь намъ представляются слѣдующія цифры. За весь періодъ времени съ 1830 до 1854 года включительно извѣстны Межову 104 галицко и угро-русскія изданія. Головацкій въ „Галичанинѣ“ за годы 1808 до 1847 включительно насчитываетъ русскихъ изданій 110; тотъ же Головацкій десять лѣтъ спустя въ „Дополненіи къ бібліографіи Ундольскаго“ насчитываетъ галицко-русскихъ изданій 1801—1854 годовъ 230. Г. Эстрейхеру съ 1837 до 1863 г. извѣстно произведеній русскихъ въ Галиціи всего только 250, въ Венгріи же до 1855 года только 10. Г. Левицкій съ 1801 до 1852 года включительно (хотя послѣдній еще не конченъ печатаніемъ) насчитываетъ произведеній на галицко-русскомъ нарѣчій, напечатанныхъ шрифтомъ кирилловскимъ, гражданскимъ и латинскимъ, 462. Однакожь на этомъ авторъ не остановился, и первый изъ галицко-русскихъ бібліографовъ (исключая Эстрейхера) попытался включить въ свой трудъ все, что печатали галицкіе русины на другихъ языкахъ: польскомъ, нѣмецкомъ, чешскомъ, латинскомъ, русскомъ и французскомъ. Такихъ сочиненій — отдѣльныхъ книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей — въ 3 первыхъ выпускахъ „Бібліографіи“ оказывается 293, хотя здѣсь именно должно оказаться наиболѣе пропусковъ.

Время, которое обнимаютъ три первые выпуска „Бібліографіи“ г. Левицкаго, во многихъ отношеніяхъ крайне интересно для историка умственнаго развитія галицко-русскаго народа. Въ первыхъ годахъ XIX стол. существовали еще „русскія“ (т. е. собственно церковно-русскія) лекціи въ львовскомъ университетѣ, но вліяніе ихъ на умственную жизнь народа, на литературу, равнялось нулю. Съ 1801 до 1809 года включительно издано въ галицкой и буковинской Руси всего только 5 сочиненій кирилловскимъ шрифтомъ, а именно одинъ катихизисъ, одинъ букварь, одна инструкція для учителей народныхъ и одинъ псалтырь.

Какой-нибудь научной дѣятельности профессоровъ русиновъ нѣтъ и слѣда. Сочиненій на иностранныхъ языкахъ 21, на сюжеты большей частью церковныя. Даже тогдашній митрополитъ галицкій Антоній Ангелловичъ пишетъ пастырскія посланія къ духовенству

буквами и недостатокъ хронологическаго распредѣленія матеріала. Весь матеріалъ у Эстрейхера расположенъ поазбучно, вслѣдствіе чего оказались нужными новыя объемистыя томы дополненій. Слѣдить въ этомъ лѣсу за постепеннымъ развитіемъ не только русской, но и польской литературы — совершенно невозможно.

по-польски, политическія статьи по-польски, по-нѣмецки и по-французски, но ни слова по-русски. Равнымъ образомъ и студенты-воспитанники духовной семинаріи привѣтствуютъ своихъ профессоровъ въ день ангела, встрѣчаютъ митрополита стихами латинскими или польскими—лучшее доказательство того, что языкъ, на которомъ читались эти несчастныя „русскія“ лекціи, всѣми считался мертвымъ и возбуждалъ большее отвращеніе, нежели мертвый же, но все-таки „ученый“ и въ то время оффиціальныи языкъ латинскій.

Годы 1810—1812 представляютъ совершенный антрактъ въ умственной жизни галицкихъ русиновъ. Ни одному библіографу не удалось до сихъ поръ отыскать хотя бы одну брошюру, одинъ букварь, одну статейку, написанную и изданную галицкимъ русиномъ въ эти годы. Немного живѣе становится письменная дѣятельность въ слѣдующіе годы 1813—1820. Особенно Перемышль дѣлается на время центромъ движенія къ просвѣщенію народа; въ 1816 году тамъ основывается даже общество съ довольно широкими образовательными цѣлями; но и на этотъ разъ дѣло не вышло изъ сферы благихъ начинаній и индивидуальныхъ усилій. Съ 1813 до 1820 г. включительно извѣстны г. Левицкому 14 сочиненій, напечатанныхъ кирилловскимъ шрифтомъ (на языкѣ церковномъ), и 14 на языкахъ польскомъ и латинскомъ. Изъ книгъ кирилловскаго шрифта 4 букваря, 2 катехизиса, 2 инструкціи для школъ и одно поученіе „подданныхъ о ихъ повинностяхъ къ монарху“,—прочія книги церковныя.

Слѣдующее затѣмъ девятилѣтіе 1821—1830 годовъ—это былъ періодъ броженія. Литература этого періода также скудна и ничтожна, какъ и прежняя,—всего 42 номера у г. Левицкаго, среди которыхъ 23 изданія, напечатанныя кириллицей (5 книгъ школьныхъ, 7 научныхъ, собственно грамматическихъ, и беллетристическихъ, прочія церковныя). Но нѣкоторые признаки новаго движенія, новыхъ умственныхъ потребностей начинаютъ уже сказываться. 1822 года издаетъ въ Вѣнѣ молодой студентъ духовной семинаріи, Іосифъ Левицкій, на летучемъ листкѣ, первое, хотя и совсѣмъ неудовлетворительное стихотвореніе не церковнаго содержанія, подъ затѣйливымъ названіемъ „Домоболіе проклятыхъ“. Въ томъ же году во Львовѣ профессоръ университета, нѣмецъ Гюттнеръ указываетъ на значеніе народныхъ пѣсенъ, а въ слѣдующемъ году въ календарѣ-альманахѣ „Der Pilger von Lemberg“ печатаетъ болѣе обстоятельную замѣтку о малорусскихъ пѣсняхъ народныхъ будущій историкъ „Галицко-русскаго княжества“, Денисъ Зубрицкій, присоединяя къ этому текстъ

двухъ пѣсень, которыя тутъ же переводятся и на языкъ нѣмецкій. Въ концѣ 1829 года появляется въ журналѣ библиотеки Оссолинскихъ замѣчательная для своего времени статья крилошанина Ивана Могильницкаго „О języku ruskim“, переведенная съ малорусской рукописи; здѣсь въ первый разъ высказано печатно мнѣніе о необходимости литературы на народномъ языкѣ и мѣтко указаны примѣты этого языка.

Десятилѣтіе 1831—1840 годовъ—это время народненія той народной литературы, которой необходимость чувствовалась хотя и смутно въ прежніе годы, время дѣятельности „русинской троицы“: Маркіана Шашкевича, Ивана Вагилевича и Якова Головацкаго, и цѣлой группы менѣе талантливыхъ, но не менѣе горячихъ писателей. Но возрожденіе это не ограничилось однимъ изданіемъ „Русалки Днѣстровой“, оно было органическимъ проявленіемъ общаго умственнаго возбужденія и проснувшагося народнаго самосознанія: въ этомъ убѣждаетъ насъ между прочимъ и настоящая библиографія. Въ это десятилѣтіе появляется почти столько же изданій, какъ въ предыдущихъ трехъ вмѣстѣ взятыхъ, т. е. 104. Изъ нихъ болѣе, чѣмъ половина (57) напечатана по-русски (кириллицей), хотя все еще, за немногими исключеніями, на языкѣ, далекомъ отъ чисто народнаго. Въ этомъ числѣ находимъ 7 школьныхъ книгъ, изданій беллетристическихъ и сборниковъ матерьяла этнографическаго 30, да научныхъ трудовъ, составленныхъ галицкими русинами на другихъ языкахъ, 21. И помимо Шашкевича и его кружка появляются сочиненія, близкія къ жгучимъ интересамъ дня, созрѣваютъ вопросы, которые долго еще впослѣдствіи будутъ волновать умы и ждать разрѣшенія, какъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ русиновъ и поляковъ, вопросъ о введеніи латинскихъ буквъ для русской письменности и проч. Процентъ сочиненій свѣтскихъ значительно увеличивается.

Съ 1841 и до конца 1847 года движеніе, начавшееся въ предыдущемъ десятилѣтіи, какъ будто пріутихло, хотя не исчезло. Въ эти тяжелые семь лѣтъ все-таки выходитъ 146 русинскихъ изданій—больше, чѣмъ за цѣлое прошлое десятилѣтіе. Изъ этихъ сочиненій только 63 изданы на русскомъ, все еще большей частью церковномъ языкѣ. Но процентъ изданій на народномъ языкѣ—беллетристическихъ, этнографическихъ и педагогическихъ становится больше, несмотря на сопротивленіе, оказанное новому движенію со стороны правительства и высшаго духовенства.

Сѣмена, брошенныя творцами новаго народнаго движенія, взошли вполнѣ только въ 1848 году, когда сразу уничтожились преграды къ ихъ развитію и когда правительство изъ роли гонителя сразу должно было перейти въ роль покровителя народнаго движенія русиновъ. Въ этомъ одномъ году появилось изданій русинскихъ болѣе, чѣмъ въ прежніе семь лѣтъ,—159. Интересно, что между этими изданіями только одна или двѣ книги религіознаго содержанія. Все прочее—сочиненія, листки, журналы и брошюры политическаго и полемическаго, литературнаго и научнаго содержанія. Интересно также, что значительную часть этой литературы 1848 года составляютъ сочиненія поляковъ, написанныя на малорусскомъ нарѣчій.

Слѣдующіе затѣмъ годы представляютъ картину постепеннаго и быстраго паденія того движенія, которое такъ живо вспыхнуло въ 1848 году. Не вдаваясь въ разборъ причинъ этого интереснаго явленія, мы констатируемъ только фактъ самаго уменьшенія литературной производительности. Въ 1849 году русинскихъ изданій насчитываемъ только 82, т. е. почти вдвое менѣе противъ предыдущаго года; въ 1850 году изданій еще менѣе—71, въ 1851 еще менѣе—50, въ 1852 году почти столько же. Очевидно, интересъ къ русинской письменности среди русиновъ сразу ослабѣлъ, потому что письменность эта не сумѣла удовлетворительно отвѣтить запросамъ и требованіямъ жизни. Можетъ быть впрочемъ, что и начавшаяся съ 1849 года Шварценбергско-Баховская реакція, стѣснивъ и обезличивъ всѣ проявленія печатнаго слова, была причиною такого быстраго паденія юной русинской письменности. Только десять лѣтъ спустя, съ 1860 года, вмѣстѣ съ конституціонной эрой и письменность эта вновь оживляется.

Я остановился, быть можетъ, слишкомъ долго надъ обзоромъ матерьяла, какой даетъ намъ первый разъ въ такой полнотѣ библиографія г. Левицкаго потому, что именно эти первые начатки русинскаго возрожденія въ Галиціи очень интересны и поучительны для всякаго историка. Исторія этого возрожденія, не смотря на многочисленныя попытки, все еще не вполнѣ разработана; въ послѣднее время посвящаютъ ей болѣе или менѣе обстоятельныя изслѣдованія гг. Головацкій, Коцовскій, Огоновскій, Терлецкій и Павликъ.

Что касается метода, какому слѣдовалъ авторъ при составленіи своего труда, то, по моему мнѣнію, онъ отвѣчаетъ вполнѣ требованіямъ науки. Библиографія г. Левицкаго представляетъ, во первыхъ, всѣ изданія, какія появились въ границахъ Австро-Венгріи на рус-

скомъ (въ широкомъ смыслѣ) языкѣ, печатанныя кириллическимъ, гражданскимъ, латинскимъ шрифтами, независимо отъ народности ихъ авторовъ; во вторыхъ, всѣ работы, гдѣ бы то ни было и на какомъ бы ни было языкѣ напечатанныя, которыхъ авторами были галицкіе русины. Не совсѣмъ ясно поставилъ авторъ вопросъ о русинахъ венгерскихъ и буковинскихъ. Изданія буковинскія, а особенно венгерскія, очень мало извѣстны въ Галиціи; прослѣдить участіе русиновъ въ изданіяхъ румынскихъ и мадьярскихъ у насъ нѣтъ почти никакой возможности. Сознавая это, г. Левицкій и обѣщаетъ въ самомъ заглавіи дать полную библиографію одной только галицкой Руси, „съ увзглядненіемъ“, на сколько будетъ возможно, Руси венгерской и буковинской.

При всякомъ сочиненіи библиографія г. Левицкаго передаетъ вѣрную копию заглавнаго листа, воспроизведенную на томъ самомъ языкѣ и такимъ самымъ шрифтомъ, какъ подлинникъ. Аккуратность его въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что не смотря на удвоенныя издержки печатанія, онъ употребляетъ восемь сортовъ шрифта. При изданіяхъ менѣе извѣстныхъ или болѣе важныхъ авторъ прибавляетъ подробныя данныя или указываетъ, гдѣ можно найти подробныя свѣдѣнія о данномъ сочиненіи. Такъ какъ самый богатый матеріалъ для исторіи галицко-русской литературы находится въ журналахъ и сборникахъ, то авторъ при заглавіи всякаго изданія такого рода сообщаетъ систематическій, составленный въ азбучномъ порядкѣ, указатель всѣхъ болѣе важныхъ содержащихся въ немъ статей.

Весь матеріалъ расположенъ хронологически по годамъ и только въ рамѣ всякаго года идетъ въ азбучномъ порядкѣ по фамиліямъ авторовъ или, въ случаѣ ихъ неизвѣстности, по первымъ буквамъ заглавія книгъ. Кромѣ того, авторъ къ нѣкоторымъ номерамъ прибавляетъ примѣчанія, въ которыхъ исправляетъ ошибочныя сужденія другихъ библиографовъ, разъясняетъ нѣкоторые спорные вопросы или же даетъ новыя, неизвѣстныя до сихъ поръ данныя, касающіяся исторіи изданія книгъ, цензуры и проч. Подробности эти почерпнулъ авторъ отчасти изъ разсказовъ ветерановъ галицко-русской письменности: Петрушевича, Дѣдицкаго, Малиновскаго,—отчасти же изъ малодоступныхъ рукописныхъ источниковъ, а именно изъ счетныхъ и дневныхъ книгъ института ставропигійскаго и типографіи Порембы, гдѣ печаталась большая часть русскихъ книгъ, далѣе изъ архива губерніальнаго, гдѣ, кромѣ многихъ рѣдкихъ печатныхъ изданій, встрѣчается много данныхъ о цензурѣ прежнихъ

время и о вносимыхъ въ нее сочиненіяхъ. Большая часть сочиненій, названныхъ въ библиографіи, имѣется въ библиотекѣ „Народнаго Дома“ или въ присоединенной къ ней библиотекѣ крылошанина Петрушевича; вотъ почему авторъ и не счелъ нужнымъ при всякомъ сочиненіи дѣлать замѣчаніе, гдѣ можно его найти. Самымъ крупнымъ недостаткомъ труда г. Левицкаго можно считать упомянутую мною выше неопредѣленность на счетъ библиографіи буковинской и венгерской. Другой недостатокъ въ томъ, что авторъ не включилъ въ свой трудъ также сочиненій чуженародныхъ авторовъ о галицкой Руси и о русинахъ, какъ это дѣлалъ Эстрейхеръ въ своей польской библиографіи. Въ концѣ концовъ, не смотря на десятилѣтній трудъ собранія, оказывается, что библиографія г. Левицкаго все-таки еще не полна даже по части галицкой Руси; къ первому тому, который долженъ появиться еще въ настоящемъ году, приложено будетъ дополненіе.

Галицко-русская библиографія за 1887 г. Составилъ Иванъ Ем. Левицкий. Львовъ 1888 (большое 8°, 60 стр. текста и 10 стр. указателя).

Такъ какъ галицко-русская библиографія XIX стол., о которой мы говорили выше, должна оканчиваться 1886 годомъ, то галицко-русское общество „Руска Матица“ поручило г. Левицкому составлять для издаваемаго имъ „Литературнаго Сборника“ ежегодную библиографію за слѣдующіе годы, по тому же методу, какъ и прежній трудъ. Такимъ образомъ „Библиографія“ 1887 года является прямымъ продолженіемъ неоконченной пока библиографіи 1801—1886 годовъ. Этотъ новый трудъ, напечатанный въ „Литературномъ Сборникѣ“ Матицы, вышелъ на дняхъ особымъ изданіемъ.

Помимо значительнаго количества—280 номеровъ—сочиненій и изданій галицкихъ русиновъ въ прошломъ году, литература ихъ представляетъ вообще довольно прискорбный видъ. Изъ 280 номеровъ 80 или не относятся совсѣмъ къ литературѣ (портреты и пр.), или напечатаны на иностранныхъ языкахъ. Остальная масса, за вычетомъ нѣсколькихъ книгъ и альманаховъ и около десятка газетъ и журналовъ, представляетъ эфемерную литературу листовъ и брошюръ, не имѣющихъ почти никакого значенія для умственнаго развитія страны, или же литературу популярную, почтенную слишкомъ часто болѣе по своимъ намѣреніямъ, чѣмъ по ихъ исполненію.

Очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ настоящей книгѣ является указатель именъ авторовъ и заглавія публикацій. При нѣкоторыхъ авторахъ, особенно галицкихъ, г. Л. разоблачаетъ ихъ псевдонимы, на сколько это было возможно.

Миронъ.

Н. Н. Оглоблинъ. Провинціальныя архивы въ XVII в. (Очеркъ изъ исторіи архивнаго дѣла въ Россіи). Спб. 1886.

Книга журнала „Вѣстникъ археологіи и исторіи“, въ которой помѣщенъ этотъ очеркъ, вышла только въ концѣ прошлаго года, чѣмъ и объясняется его позднее появленіе въ свѣтъ. Въ виду интереса этого очерка, проливающего много свѣта въ совершенно еще неразработанную у насъ область архивовѣдѣнія, мы считаемъ нелишнимъ хотя теперь дать о немъ отзывъ. Изслѣдованіе г. Оглоблина важно еще и потому, что, благодаря серьезному изученію авторомъ вопроса, оно прокладываетъ новый путь для подобныхъ же работъ, въ которыхъ особенно нуждаются южно-русскіе архивы, еще такъ мало разработанные. Правда, изъ южно-русскихъ архивовъ г. Оглоблинъ описываетъ одинъ только кіевскій, но и это одно уже заслуживаетъ вниманія со стороны южно-русской библіографіи. Почему наша задача сводится къ тому, чтобы указать изслѣдованныя г. Оглоблинымъ стороны вопроса объ архивахъ вообще и выдѣлито, что относится собственно къ Кіеву.

Указавъ на предъявленный въ началѣ текущаго столѣтія спросъ на архивный матеріалъ и на важность работъ, основанныхъ на этомъ матеріалѣ, авторъ ставитъ вопросъ о той обстановкѣ, въ которой находились архивы въ XVII в. Для разрѣшенія этого вопроса г. Оглоблинъ пользуется „смѣтными книгами“ и „росписными списками“, т. е. отчетами, составлявшимися при сдачѣ города однимъ воеводою другому, и ежегодными отчетами воеводъ, представлявшимися ими въ „разрядный приказъ“, вѣдавшій служилое сословіе и военныя силы государства. Въ числѣ столовъ „разряда“ былъ и кіевскій, учрежденный, конечно, со времени присоединенія Кіева къ Россіи. Въ своихъ отчетахъ воеводы, описывая городъ, сообщаютъ также о количествѣ и содержаніи разнаго рода документовъ, хранящихся въ „сѣзжихъ избахъ“, „приказныхъ палатахъ“ и т. п. учрежденіяхъ. Вотъ на этихъ то вѣдомостяхъ о дѣлахъ, или точнѣе

ихъ описяхъ, которымъ до сихъ поръ у насъ придавалось мало значенія, и построилъ авторъ свои интересныя заключенія.

Авторъ находитъ, что названіе „архивъ“, какъ собраніе документовъ, въ XVII в. было совершенно неизвѣстно и документы носили общее названіе „писма“. Далѣе, авторъ опредѣляетъ: 1) что главными начальниками центральныхъ архивовъ для всей провинціи были воеводы; провинціальными же архивами завѣдывали другіе лица, напр. земскіе старосты; наблюденіе за архивами въ воеводскихъ канцеляріяхъ распредѣлялось между подъячими, дежурившими вмѣстѣ со сторожами въ мѣстахъ храненія документовъ; 2) что помѣщеніями для архивовъ служили: избы, комнаты, казенки, чуланы, казенные дворы, амбары, житницы и даже зелейные (пороховые) погреба; само собою разумѣется, что здѣсь архивы страдали отъ тѣсноты, сырости, пожаровъ и т. п.; 3) что разнообразныя столпы и столпики, книги и тетради, связки и свертки помѣщались на столахъ, лавкахъ и даже на полу, уложенные въ коробки, деревянные или лубяныя, за печатями и замками, въ простые ящики или роскошныя ларцы (смотря по важности документовъ), въ сундуки или лукошки; 4) что архивныя описи составляютъ свѣтлое явленіе въ области архивнаго дѣла XVII в. Авторъ различаетъ описи краткія и подробныя и видитъ въ нихъ лишь зачатки систематическаго дѣленія документовъ на группы. Главныхъ системъ дѣленія авторъ различаетъ 4: а) по родамъ документовъ (встрѣчается довольно часто); б) хронологическое (самое распространенное); в) географическое (рѣдкое) и г) по содержанію, представляющее, по вѣрному замѣчанію автора, систему высшаго порядка. Въ заключеніе авторъ указываетъ на значеніе описей вообще, когда описанные документы уже не существуютъ. Въ приложеніи помѣщены типичные документы, подтверждающіе положенія автора: описаніе приказной (сѣвской) палаты, описаніе архива сѣвской (усердской) избы, стоимость канцелярскихъ принадлежностей, примѣры описи столпа и распоряженіе о вписаніи грамоты въ „росписной списокъ“, приписывавшееся въ концѣ грамоты.

Что касается до Кіева, то авторъ даетъ сначала довольно подробное описаніе кіевской приказной палаты, которое мы и приводимъ въ виду его мѣстнаго интереса. Эта палата помѣщалась, какъ извѣстно, въ верхнемъ городѣ (нынѣ Старый Кіевъ); она состояла изъ „горницы съ комнатою, къ комнатѣ прирублена казенка, передъ ними сѣни, въ сѣняхъ чуланъ на жилыхъ подклѣткахъ, покрыты тесомъ. А въ той приказной палатѣ моленіе иконы—образъ

Господа Бога“... и еще два образа. Далѣе, на столѣ находились: „книга Соборное Уложение, печатная, ветха; новоуказные, присланные съ Москвы въ Кіевъ, статьи ‘). На столѣ жъ коверъ старый, ветхъ, да сукно красное, да лазоревое, ветхи жъ. Лавки, гдѣ сидятъ бояре и воеводы, побиты сукномъ краснымъ, старымъ. Три тюшакъ коженныхъ, старыхъ. Два сукна красныхъ, одно жъ сукно старое вшивное, красное и зеленое. Два шендала мѣдныхъ, въ томъ числѣ одинъ двойной, другой—тройной“. Дѣла кіевской приказной палаты, какъ и въ другихъ палатахъ, распредѣлялись между подъячими, завѣдывавшими тѣмъ или другимъ столомъ. Описи этихъ дѣлъ весьма богаты указаніями на матеріалы, драгоцѣнные для политической и бытовой исторіи южн. Руси; изъ нихъ мы узнаемъ о существованіи въ архивѣ палаты „тайныхъ дѣлъ“, какъ напр. донесенія о приѣздѣ въ Кіевъ въ 1689 г. митрополита Досифея отъ волошскаго воеводы Стефана Петра, свѣдѣнія отъ 1669 г. о польскомъ и литовскомъ послѣ Беневскомъ, о бѣлоцерковскомъ комендантѣ 1679 г. да Степанѣ Куницкомъ; подъ 1694 г. упоминается о тайной царской грамотѣ къ воеводѣ кн. П. П. Хованскому, безъ означенія ея содержанія; далѣе указаны, напр., дѣла о приѣзжихъ изъ Польши Вас. Искрицкомъ, Геденѣ Одорскомъ, о подложномъ подметномъ письмѣ на Печерскѣ, о провѣдываніи вѣстей, донесеніе кіевск. воеводы о дьяконѣ Чудова м-ря Стефанѣ, грамота по письму патр. Досифея о раскольникѣ церкви Божіей, появившемся въ Мультанской (Молдаво-валашской, а не магометанской, какъ догадывается авторъ) землѣ, указано еще нѣсколько извѣстовъ о нечистойныхъ словахъ нѣкоторыхъ болтливыхъ кіевлянъ; другія дѣла касаются исторіи кіевскихъ монастырей, напр. Выдубицкаго; два дѣла трактуютъ вообще о судьбѣ малоросіянъ, извѣстныхъ въ сѣв.-русск. актахъ XVII в. подъ именемъ черкашанъ, напр: „поручная записъ отъ 1643 г. по черкашенинѣ... въ томъ, что дочь свою... онъ долженъ выдать за рускава челоувѣка, а за черкашанина не выдавать“, или грамота государева отъ 1644 г., что велѣно „измѣнничи черкасскіе жены и дѣти отдать воронезцамъ разнымъ людямъ въ работу на вѣки“ и др. Къ сожалѣнію, авторъ не упоминаетъ, сохранились ли эти дѣла до настоящаго времени и не находятся ли они въ Архивѣ М-ва Юстиціи, хотя, впрочемъ, повѣрка наличнаго по приводимымъ описямъ и не была цѣлью автора:

‘) Ни о литовск. статутѣ, ни о магдеб. правѣ совершенно не упоминается, хотя они должны были бы имѣть здѣсь мѣсто.

Это серьезное и вполне научное исследование Н. Н. Оглоблина оставляет желать очень немногo. Так, напр., авторъ не обратилъ вниманія на отношенія законодательства къ архивамъ, къ способу храненія документовъ и составленія ихъ описей, а такого рода указаніе было бы не бесполезно для сравненія, насколько города и учрежденія отступали отъ законныхъ требованій, да и каковы были сами требованія и какими цѣлями они вызывались. О строгихъ требованіяхъ власти относительно храненія документовъ можно судить лишь по одной цитатѣ автора изъ указа 1697 г., въ которомъ предписывается въ случаѣ потери документа производить розыскъ „со всею жесточью“, ибо „подъячіе старые и молодые“ обязаны „всякіе дѣла дѣлать и беречь со всякимъ опасеніемъ и радѣніемъ“, при этомъ упоминается о нещадныхъ наказаніяхъ и большихъ пеняхъ; само собою разумѣется, что этимъ однимъ указомъ законодательство не могло ограничиться, были, конечно, и другія распоряженія, съ которыми автору слѣдовало бы ознакомить читателей. Другимъ недосмотромъ разбираемаго труда мы считаемъ не строго установленную терминологию относительно описей. Авторъ различаетъ краткую и подробную опись; краткое и подробное описаніе документовъ; этого рода описи онъ дѣлитъ еще на меньшія группы, которыя часто перемѣшиваются одна съ другой, такъ что разобраться въ этой терминологіи можно лишь съ нѣкоторымъ усиліемъ. Въ понятіе о подробномъ описаніи авторъ вноситъ требованіе описанія внѣшности документа, кромѣ подробнаго изложенія его содержанія. Мы не вполне согласны съ опредѣленіями г. Оглоблина и различаемъ краткое и подробное описаніе архива, разумѣя подъ нимъ общій обзоръ архива относительно помѣщенія, внутренней обстановки, количества и качества заключающагося въ немъ матеріала, его расположенія, описей къ нему и пр., словомъ, вносимъ въ описаніе все, что мы замѣчаемъ при первомъ знакомствѣ съ архивомъ; далѣе, различаемъ списки (иначе: регистры, перечни, каталоги, росписи или назовите какъ хотите) связей, книгъ, ящичковъ и пр. съ указаніемъ на время документовъ, мѣсто (по происхожденію), количество и мѣсто, занимаемое ими на полкахъ; описи краткія излагаютъ самую сущность каждаго документа: время, мѣсто, предметъ договора и имена договаривающихся или родъ документа и лицо, его выдавшее; подробныя указываютъ внѣшніе признаки документа: форматъ и достоинство бумаги, почеркъ, особенности письма, водные знаки, украшенія и, наконецъ, подробное содержаніе документа съ

отмѣткой о степени его научной важности, по мнѣнію составителя описи. Мы думаемъ, что большимъ подспорьемъ (даже замѣной подробныхъ описаній) могли бы служить указатели: личный, географическій и предметный. Извлеченій изъ сыраго матеріала мы никоимъ образомъ отнести къ описямъ не можемъ, такъ какъ они скорѣе примыкаютъ къ собранію матеріаловъ, ибо въ извлеченія вносится лишь то, что кажется интереснымъ составителю, и опускаются подробности, важныя для другихъ изслѣдователей.

Для полноты очерка необходимо было бы также сказать, хотя нѣсколько словъ, объ архивахъ до XVII в.; это сдѣлало бы болѣе понятнымъ ихъ состояніе въ этомъ вѣкѣ.

Наконецъ, мнѣ кажется, читателей не мало затрудняетъ хронологія автора, которая ведется по древнему лѣтосчисленію, отъ сотворенія міра, вмѣсто привычнаго намъ отъ Р. Х.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ повторить, что указанные недосмотры нисколько не уменьшаютъ достоинствъ труда г. Оглоблина и является желательнымъ, чтобы этотъ трудъ былъ доведенъ до конца, т. е. чтобы авторъ познакомилъ общество съ судьбою архива въ XVI и XVIII вв.; авось тогда рѣшеніе вопроса о будущемъ этихъ „храмовъ безсмертія“ окажется легче.

Желательно также, чтобы трудъ г. Оглоблина вызвалъ подобныя же работы и по исторіи южно-русскихъ архивовъ.

И. Каманинъ.

Украинскія легенды въ французскомъ журналѣ.

Южнорусскія библейско-христіанскія легенды и апокрифы въ самое послѣднее время обратили на себя вниманіе изслѣдователей. Кромѣ извѣстнаго читателямъ нашего журнала труда Н. Θ. Сумцова, разработкой ихъ занимались и нѣкоторые изъ столичныхъ ученыхъ.

Излишне распространяться о значеніи этихъ сказаній, показывающихъ, какъ отражались библейскіе мотивы въ народномъ умѣ, поясняющихъ ихъ съ точки зрѣнія народной психологіи и особенностей народнаго быта. Можетъ казаться загадочнымъ ихъ возникновеніе и долгая жизнь въ народѣ. Но, имѣя въ виду обособленность этой жизни, совершившуюся въ ней, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій быта, выработку характера и понятій и близкую преемствен-

ность ея съ духовной жизнью эпохъ болѣе раннихъ,—существованіе легендъ и апокрифовъ становится понятнымъ. Какъ на ряду съ писаннымъ законодательствомъ, народъ создаетъ свое обычное право, такъ рядомъ съ церковно-библейскими книжными рассказами создаетъ онъ апокрифы, фантазируя на библейскія темы въ духѣ своихъ понятій и представленій, не останавливаемый здѣсь даже тѣмъ соображеніемъ, какое является на счетъ закона, „незнаніемъ котораго не можетъ отговариваться никто“. Въ числѣ другихъ проявленій самостоятельной умственной жизни народныхъ массъ, европейская наука усердно занимается и этими народно-библейскими рассказами, обычными многимъ племенамъ. Отрасль науки, получившая международное названіе Folk—lore (изученіе народныхъ вѣрованій, представленій, обычаевъ, творчества и жизни) дѣлаетъ на Западѣ все новыя и новыя завоеванія и обладаетъ въ настоящее время многими періодическими органами. Дѣло собранья и разработки наблюденій надъ жизнью и творчествомъ некультурныхъ массъ привлекаетъ къ себѣ постоянно научныя силы и изъ частичныхъ наблюденій этнологовъ и этнографовъ создается величественная наука исторіи развитія человѣческихъ идей и представленій, исторія раскрытія человѣкомъ міровой загадки. Понятно значеніе, какое имѣетъ въ этой разработкѣ элементъ національный. Какъ во всякой молодой наукѣ, методы здѣсь вырабатываются параллельно съ наростаніемъ, такъ сказать, самаго капитала науки. Теперь господствуетъ сравнительная теорія, изыскивающая у народовъ преемственность идей и представленій. Но недалеко, конечно, время, когда, насытившись сближеніями и исканіями *сходства*, адепты сравнительнаго метода обратятся и къ пунктамъ *различія* и, достаточно убѣдивши себя въ общности нѣкоторыхъ человѣческихъ чертъ (другіе въ этомъ и не сомнѣваются) умѣрятъ свои головоломныя экскурсіи по лицу земнаго шара.

Одинъ изъ французскихъ органовъ Folk—lor'a, парижскій „Revue des traditions populaires“, въ двухъ изъ недавнихъ своихъ книжекъ (1887 №№ 9 и 11) вводитъ украинскія христіанскія легенды въ кругъ научнаго изученія. Переводчикъ ихъ г. Инсъ и ранѣе занимался изслѣдованіемъ русской народной литературы и издалъ книгу по этому предмету („La Russie dévoilée au moyen de sa littérature populaire“. Paris—1883). Въ ней онъ не касался ни Южной Руси, ни ея христіанскихъ легендъ. Объ этихъ легендахъ во французской печати не появлялось до сихъ поръ ничего, кромѣ нѣсколькихъ стра-

ницъ въ „Russie Epique“ Рамбо, гдѣ разбираются легенды о Соломонѣ. Пока г. Инсомъ напечатанъ переводъ всѣхъ тринадцати легендъ, относящихся къ событіямъ и лицамъ Ветхаго Заветъа, помѣщенныхъ въ кievскомъ сборникѣ „Малорускіе народныя преданія и рассказы“.

Какъ общее впечатлѣніе отъ этихъ народно-библейскихъ рассказовъ, переводчикъ высказываетъ удивленіе тому, съ какимъ постоянствомъ народная память остается вѣрною идеямъ, вѣрованьямъ и нравамъ эпохи, жизнью которой народъ пересталъ жить давно. Въ большинствѣ легендъ онъ видитъ только легкую библейскую окраску. Дьяволь замѣнилъ въ нихъ просто имя стародавнихъ божествъ низшаго разряда, обитающихъ въ водахъ и болотахъ. Въ рассказахъ о Соломонѣ сведены черты многихъ стародавнихъ сказокъ, герою которыхъ придано библейское имя и оставлена его мудрость. Въ легендѣ „Про мудрого Соломона и его злую матирь“ имя его встрѣчается только два раза въ началѣ; дальше онъ называется просто богатыремъ и только въ рассказѣ о сотвореніи міра и благословеніи его Богомъ Сатанаилъ является такимъ, какимъ рисуется библейскій Сатана, напримѣръ, въ книгѣ Іова. Впрочемъ, рассказу этому, какъ и другимъ рассказамъ съ дуалистическимъ оттѣнкомъ, редакторъ сборника приписываетъ болгарское происхождение и приводитъ, въ подкрѣпленіе своей мысли, болгарскую легенду, во всемъ сходную съ украинской.

Переводъ легендъ сдѣланъ г. Инсомъ чрезвычайно близко къ подлиннику, совершенно согласно съ имъ же высказываемой мыслью, что въ дѣлѣ передачи на другой языкъ произведеній народного творчества личность переводчика, съ заботами о слогѣ, должна ступшеываться совѣмъ и что единственною его задачею должно быть стараніе о близкой и точной передачѣ выраженной оригинальнаго текста.

В. Горленко.

Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей съ 14 ю ноября 1886 г. по 14 ноября 1887 г. Одесса. 1888.

Одесское историческое общество, вступившее въ настоящемъ году въ 49-ю годовщину своего существованія, насчитываетъ нынѣ 15 почетныхъ членовъ, 100 дѣйствительныхъ и 35 корреспондентовъ. Въ отчетномъ году оно имѣло пять очередныхъ засѣданій. На нихъ сдѣланы слѣдующія сообщенія: вице-президентомъ В. Н.

Юргевичемъ: 1) составленный имъ указатель музея древностей, 2) о двухъ печатяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Херсонеса въ 1887 году; секретаремъ В. А. Яковлевымъ—о рукописномъ сочиненіи Дюбуа-де-Кура „Изысканія о приморской части азовской губерніи“, писанномъ въ 1794 г.; дѣйствительнымъ членомъ А. И. Маркевичемъ—переводъ узаконеній валахскаго господаря Іоанна Караджи 1817 г. и 8 писемъ къ генералу Инзову, основателю болгарскихъ и устройтелю нѣмецкихъ колоній въ Новороссіи и Бессарабіи (1817—1845); дѣйствительнымъ членомъ А. Л. Бертъе-Делагардомъ—составленный имъ каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и рисункамъ, хранящимся въ музеѣ общества; бразильскимъ консуломъ въ Генуѣ барономъ А. Биберштейномъ—переводъ сочиненія вице-адмирала Л. Финкати „Взятіе Константинополя турками“; дѣйствительнымъ членомъ А. А. Кочубинскимъ—славянская надпись изъ Аккермана, конца XV в.; дѣйствительнымъ членомъ П. О. Юрченкомъ—переводъ рукописныхъ статей бывшаго неаполитанскаго консула въ Θεодосіи Ф. Лагоріо „Четыре эпохи въ жизни Θεодосіи“, „Историческое свѣдѣніе о Θεодосіи и ея торговлѣ“, „Историческая записка о причинахъ упадка нынѣшней Θεодосіи“ и „Проектъ о средствахъ поднять гор. Θεодосію“, съ введеніемъ и примѣчаніями; дѣйствит. членомъ А. М. Подшиваловымъ—„о монетахъ царей босфорскихъ первой династіи“.

Заслужанные въ засѣданіяхъ общества матеріалы и статьи поступали потомъ въ издательскій комитетъ, состоявшій изъ вице-президента, секретари и дѣйств. членовъ А. А. Кочубинскаго и Θ. И. Леонтовича; въ настоящемъ году комитетъ намѣренъ приступить къ печатанію XV тома „Записокъ“.

Подобно тому, какъ и въ прошлые годы, общество принимало мѣры къ охранѣ мѣстныхъ памятниковъ старины. Дѣйствія его въ этой области выразились въ отчетномъ году въ слѣдующемъ: 1) Въ 1886 г. аккерманскій городской голова вошелъ съ ходатайствомъ къ губернатору о дозволеніи срыть аккерманскую крѣпость, или, по крайней мѣрѣ, разобрать на матеріалъ контръ-эскарповыя стѣны крѣпостнаго рва; временный одесскій генераль-губернаторъ запросилъ общество объ исторической важности этой крѣпости, на что оно представило свое мнѣніе; аккерманское городское общество, сославшись на свою бѣдность, уклонилось отъ принятія на себя обязательствъ по содержанію крѣпости въ исправности; общество, озабочиваясь вопросомъ о томъ, на какой источникъ отнести расходы по содер-

жанію и ремонту крѣпости, сносилось съ предсѣдателемъ археологической комиссіи гр. А. А. Бобринскимъ, но, хотя и получило общіаніе объ ассигновкѣ средствъ отъ правительства, въ концѣ концовъ остановилось на томъ, что достаточно оградить крѣпость отъ умышленнаго разрушенія, ибо стѣны ея, достаточно еще прочныя, могутъ простоять не одно столѣтіе. 2) Общество освѣдомилось, что крымскіе татары расхищаютъ на матеріалъ стѣны Мангупа, древней готской крѣпости, а караимы подобнымъ же образомъ разрушаютъ Чуфуть-Кале; сообщавшій объ этомъ членъ общества писалъ, что на его глазахъ разбита въ послѣднемъ каменная плита съ надписью, ломомъ отбитая отъ мавзолея дочери Тохтамыша. Узнавъ объ этомъ, общество просило начальника края обязать мѣстныя власти смотрѣть за сохранностью древнихъ памятниковъ. 3) За смертью И. С. Безкровнаго, завѣдывавшаго мелекъ-чесменскимъ курганомъ (близъ Керчи) и находящеюся въ немъ гробницу, приспособленную къ помѣщенію древнихъ памятниковъ, общество утвердило въ званіи завѣдывающаго этимъ курганомъ своего корреспондента В. Ѳ. Гролиха. 4) По вопросу о сохраненіи древностей Херсонеса въ Крыму и о раскопкахъ въ немъ вице-президентъ общества В. Н. Юргевичъ сообщилъ свои соображенія гр. А. А. Бобринскому, предсѣдателю археологической комиссіи; соображенія эти слѣдующія: впредь до построенія нарочитаго зданія подъ музей съ квартирою для зрителя и сторожа (на что имѣются небольшія средства), поручить наблюдать за сохранностью архитектурныхъ остатковъ Херсонеса зрителю изъ воиновъ-ветерановъ (по документальному выраженію), съ помощью сторожа и урядника; монеты и другіе предметы домашняго быта, находящіеся въ квартирѣ настоятеля херсонесскаго монастыря, оставить тамъ до постройки музея; половина ассигнованной правительствомъ на раскопки суммы отдается въ распоряженіе общества, которое производитъ ихъ по соглашенію относительно мѣста и плана съ археологической комиссіей; руководство раскопками принимаетъ на себя членъ общества, постоянно живущій въ Севастополѣ, А. Л. Бертъе-Делагардъ.

Библиотекой, а равно и другими коллекціями общества пользовались не только члены его, но и нѣкоторыя постороннія лица.

На ярославскій археологическій съѣздъ командированъ былъ д. чл. А. А. Кочубинскій, слѣлавшій на немъ сообщеніе „о русскомъ племени въ придунайскомъ Залѣсѣ (Трансильваніи)“.

Въ отчетномъ году общество пріобрѣло покупкою пять старинныхъ портретовъ малороссійскихъ гетмановъ Богдана и Юрія Хмельницкихъ, Мазепы, Апостола и Разумовскаго, кромѣ того—найденный около м. Криваго Рога камень съ высѣченною посерединѣ конскою головою, а вокругъ нея—загадочными знаками, и еще камень съ молдавскимъ гербомъ и славянскою надписью вязью, свидѣтельствующею о постройкѣ воротъ въ аккерманской крѣпости въ правленіе воеводы Стефана Великаго, около 1482 г.

Въ приложеніи къ „Отчету“ находимъ краткія свѣдѣнія о еоодосійскомъ музеѣ древностей, находящемся въ вѣдѣніи общества.

На заглавной страницѣ, въ видѣ виньетки, издана неизвѣстная доселѣ въ ученой литературѣ монета города Тиры времени императора Адріана.

Основываясь на обѣщаніи прошлагодняго отчета, мы ожидали найти въ нынѣшнемъ некрологѣ основателя общества и его вице-президента въ теченіе многихъ лѣтъ, Мурзакевича, но такового не нашли.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ XI. Выпускъ III. Москва. 1887.

Въ названной книгѣ „Трудовъ“ находимъ рефератъ А. В. Прахова о кіевскихъ памятникахъ византійско-русскаго искусства, читанный авторомъ въ московскомъ археологическомъ обществѣ въ декабрѣ 1885 г. Докладъ этотъ есть плодъ шестилѣтнихъ трудовъ г. Прахова по очисткѣ и изученію мозаикъ и фресокъ Софійскаго собора, Михайловскаго монастыря и Кирилловской церкви въ Кіевѣ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію своихъ открытій, референтъ выясняетъ историческое значеніе византійскаго искусства, при чемъ проводитъ параллель между этимъ послѣднимъ и древнегреческимъ искусствомъ. По заключенію г. Прахова, Византія выдвинула на первый планъ живопись, на смѣну скульптурѣ, созданной античною Греціей, и въ сферѣ зарожденія и развитія живописи имѣла такое же огромное значеніе, какъ древняя Эллада—въ области пластики.

Переходя затѣмъ къ памятникамъ кіевскимъ, авторъ задается слѣдующими вопросами: 1) что принесъ намъ христіанинъ-византіецъ: мертвенное ли что-либо, или зажигающее новую жизнь, и 2) какъ мы отнеслись къ этому культурному дару: были ли мы тѣмъ

лукавымъ рабомъ, который зарылъ въ землю свой талантъ, или мы были способны и готовы на тотъ живой отеликъ, какой видимъ во всей западной Европѣ?

Передавъ въ общихъ чертахъ исторію своей работы, г. Праховъ приступаетъ къ результатамъ ея, начиная съ Софійскаго собора, древнѣйшаго изъ изслѣдованныхъ памятниковъ. Разказавъ исторію собора, онъ описываетъ открытыя мозаики: изображеніе Иисуса Христа въ днищѣ главнаго купола, ангела—въ воронкѣ того же купола, св. Павла—между окнами главной бани и св. Аарона—на сѣверномъ столпѣ царской арки. Заключение автора объ этихъ мозаикахъ таково: „византійское искусство пришло къ намъ, въ XI в., въ лучшихъ своихъ образцахъ и въ ту пору, когда оно само было живымъ, ищущимъ и помогающимся искусствомъ, еще не замершимъ въ условномъ схематизмѣ, т. е. Византія въ области художествъ дала намъ могучій и живой толчекъ“.

Рѣшивъ въ такомъ смыслѣ первый изъ поставленныхъ двухъ вопросовъ, г. Праховъ переходитъ къ разсмотрѣнію того, „какъ мы воспользовались его ученьемъ“ (ученьемъ „византійскаго учителя“), и съ этой цѣлью описываетъ памятники XII в.: мозаики Михайловскаго монастыря и фрески Кирилловской церкви, останавливаясь подробно на послѣдней. Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ въ его изложеніи исторіи Кирилловской церкви и описаніи всѣхъ открытыхъ тамъ фресокъ,—большая часть ихъ открыта въ 1881—2 гг. и описана въ рѣчи, произнесенной имъ въ общемъ собраніи русскаго археологическаго общества въ началѣ 1883 г. и напечатанной сначала въ „Журналѣ Мин. Нар. Пр.“, а потомъ въ „Кіевской Старинѣ“ (томъ VI, май 1883 г., стр. 97—110), рѣчь эта теперь цѣликомъ включена имъ въ разбираемый рефератъ,—но укажемъ на дополненія, сдѣланныя въ немъ на основаніи работъ 1883 года. Мы находимъ въ немъ описаніе изображенія Рождества Христова и Успенія Богородицы на стѣнахъ теплаго алтаря, свв. Кирилла и Меодія (предположеніе автора), Климента Болгарскаго, Іоанна Македонскаго, Іосифа Селунскаго, Евмена, Наума и Кириака—всѣ на стѣнахъ „жертвенника“; на стѣнахъ главнаго алтаря: три фигуры свв. воиновъ безъ надписей, свв. Константина и Елены; на переходѣ изъ внутренней паперти въ среднюю церковь—св. Христины; въ проходѣ изъ паперти въ средній корабль—двухъ иноковъ. По разсмотрѣніи фресокъ Кирилловской церкви, авторъ приходитъ къ заключенію, что „въ живописи XII вѣка стиль, прежде условный и нѣ-

сколько деревянный, уступает мѣсто большей естественности, большей свободѣ“, что за сто лѣтъ ученія на югѣ Россіи народилась уже русская художественная школа, что можно видѣть какъ въ русскихъ костюмахъ на изображеніяхъ XII в., такъ и въ русскихъ надписяхъ къ нимъ. „Вѣкъ XI былъ для насъ вѣкомъ ученія, говорить г. Праховъ, XII—началомъ самостоятельной художественной дѣятельности; да, самостоятельной, повторяетъ онъ, такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ *наблюдать дѣятельность и вносить свои наблюденія* въ искусство“.

Оканчиваетъ свое сообщеніе г. референтъ указаніемъ важнаго значенія изслѣдованія древнихъ византійскихъ памятниковъ, а въ особенности внутренняго убранства и расписанія ихъ—для современнаго русскаго архитектора и перечисляетъ извѣстные въ наукѣ памятники, украшенные фресками и мозаиками. Статья заключаетъ въ себѣ и эпиграфическій матеріалъ. Къ ней приложено семь изображеній фресокъ и мозаикъ; изъ нихъ для историка южной Руси особенно важны два снимка съ фресокъ Кирилловскаго монастыря, на которыхъ византійскій императоръ изображенъ въ костюмѣ русскаго князя.

В. Я.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Проекты кievской губернской канцеляріи, представленныя въ Елисаветинскую и Екатерининскую законодательныя комиссіи.

24 августа 1754 г. сенатъ потребовалъ отъ кievской губернской канцеляріи составить „пункты“ (проектъ) реформъ и новыхъ учреждений, которыя „по мнѣнію мѣстнаго начальства необходимо принять во вниманіе при сочиненіи новаго уложенія“. Кievская губ. канцелярія, или, точнѣе, тогдашній вице-губернаторъ Ив. Ив. Костуринъ успѣшили выполнить указъ сената, а именно: уже 15 окт. 1754 г. вице-губернаторъ представилъ въ сенатъ „пункты“ о стародубскихъ и черниговскихъ раскольникахъ, а 27 окт. того же года — проектъ разныхъ учреждений и нововведеній по Кіеву и кievской губ., а въ 1755 г., по новому требованію сената, проектъ устройства запаснаго хлѣбнаго магазина.

Что сдѣлала Елисаветинская комиссія съ этими проектами, неизвѣстно. При созывѣ депутатовъ въ знаменитую Екатерининскую комиссію, сенатъ приказалъ кievской губ. канцеляріи (ук. нояб. 16 1766 и 4 янв. 1767 г.) вновь рассмотреть пункты 1754 г. и представить ихъ въ комиссію для сочиненія новаго уложенія. 15 февр. 1767 г. кievская губ. канцелярія донесла сенату и въ комиссію, что она не находитъ нужнымъ ничего добавить къ прежнему проекту.

Между тѣмъ генераль-прокуроръ кн. А. А. Вяземскій предложеніемъ отъ 29 августа 1768 года поставилъ на видъ кievской канцеляріи, что не смотря на всѣ предшествовавшіе указы сената о немедленной присылкѣ изъ каждой губ. канцеляріи пунктовъ о „недостаткахъ“ и о способахъ ихъ исправленія, изъ кievской канцеляріи они будто бы еще не были получены, „а комиссія о сочиненіи проекта новаго уложенія, находясь уже съ нѣкотораго времени

въ дѣйствиі своемъ, требуетъ тѣхъ пунктовъ“. Быть можетъ, сенать и кн. Вяземскій не считали пунктовъ 1754 г. достаточными.

Отвѣчая на это требованіе, кіевская канцелярія рѣшила представить опять безъ измѣненія копію тѣхъ же пунктовъ 1754 года, приложивъ къ ней докладъ Костюрина о раскольникахъ, и пункты 1715 года, представленные въ Кіевѣ губерн. кн. Голицынымъ Петру В. и имъ разрѣшенные.

Считаемъ нелишнимъ возстановить здѣсь содержаніе упомянутыхъ сейчасъ документовъ (къ сожалѣнію по рукописи, полуистлѣвшей). Изъ нихъ видно, какіе недостатки усматривала русская правительственная власть въ тогдашнемъ состояніи Малороссіи 1715—1754 г. Вниманіе ея, какъ увидимъ, было наиболѣе устремлено на недостатки экономическаго быта и на условія жизни въ Малороссіи великороссійскихъ людей: гарнизоновъ, раскольниковъ и купцовъ, которыхъ кіевская канцелярія беретъ подъ свою защиту отъ притѣсненій малороссовъ. Затѣмъ достойно замѣчанія, что кіевскіе правители считали своею прямою обязанностию заботиться о нуждахъ православнаго востока, или, какъ онѣ пишутъ, „Греціи“.

Пункты 1754 года.

1. „Малороссійскимъ и великороссійскимъ купцамъ о долговыхъ деньгахъ имѣть *судъ по вексельному уставу*, такъ какъ нынѣ у нихъ происходитъ, что малороссійскій купецъ возьметъ деньги и дастъ по ихъ называемой обликъ, а на срокъ не отдастъ, въ томъ производятъ въ малороссійскихъ канцеляріяхъ письменные суды и часто бывають долго не рѣшительны; а купецъ (великороссъ) принужденъ лишатися торгу, или отстать отъ дѣла.

2. Въ Кіевѣ, въ Нѣжинѣ, въ Стародубѣ, да и на ярмонкахъ въ малороссійскихъ городахъ: Королевцѣ, въ Ромнахъ, въ Борзнѣ, въ Переяславлѣ, для *словеснаго между купцами суда*, въ силѣ указа, избрать купцовъ, да и въ случаѣ великороссійскимъ съ малороссійскимъ и греческимъ братствомъ судъ производить имъ же.

3. Въ Кіевѣ, яко въ городѣ знатномъ и многолюдномъ, собираются для поклоненія святымъ мощамъ изъ разныхъ городовъ Россійской Имперіи, Сербіи, Греціи, Волахіи и т. д. (По

рукописи, совершенно испорченной, дальнѣйшій точный текст 3-го пункта возстановить нельзя; но сущность дѣла въ томъ, что проектируется для заболѣвающихъ богомольцевъ *устроить больницу* (шпиталь) на слѣд. основаніяхъ: по излеченіи больному выдается „докторскій аттестатъ“. Если выздоровѣвшій не имѣетъ ничего для своего пропитанія, то при выпускѣ изъ больницы, комисаръ выдаетъ ему 10 коп., „покажѣтъ сыщеть работу и нѣсколько выработавъ на дорогу, (долженъ) ити въ свою сторону, откуда пришелъ. А комиссару и доктору больныхъ въ работы свои по излеченіи отнюдь не принимать“. Для строенія того госпиталя и на содержаніе больныхъ, (на покупку) медикаментовъ, пици, устройство кроватей и для службы работнымъ людямъ опредѣлить сумму изъ прибыли отъ переписи въ малороссійскихъ раскольническихъ слободахъ. „Ежели повелѣно будетъ полевою аптеку изъ Лубенъ, яко изъ пустаго мѣста, гдѣ никакого лекаря нѣтъ, слѣдовательно и купить некому, перевезть въ Кіевъ,—оная (аптека) можетъ лекарства въ Кіевѣ продавать съ прибылью надежно, странныхъ больныхъ медикаментами удовлетворять; а къ тому въ здѣшнихъ мѣстахъ разныхъ травъ довольно можетъ збирать“.

4. „Оному доктору поручить завезть *ботаническій садъ* и збирать корни, травы, которыхъ въ Кіевѣ и около оногo число многое, какъ мнѣ ¹⁾ здѣшніе лекари объявляли. А оной садъ, по усмотрѣнію доктора, завезть на пустомъ мѣстѣ и взять то мѣсто котораго (бы) монастыря земля ни была, для такой государственной пользы и что отъ пустой земли пользы никакой не приходитъ, безденежно. Сіе кажется полезнымъ служить можетъ медицинской канцеляріи: то, что предъ симъ выписывали изъ другихъ государствъ, по здѣшнему (кіевскому) климату надежно рѣдко что-бъ родиться не стало“.

5-й пунктъ нельзя возстановить по истлѣвшей рукописи.

6. Народъ Малороссійской къ земледѣлію не прилеженъ и запаснаго хлѣба не имѣетъ; и когда у нихъ одинъ годъ хлѣба не родится, терпятъ голодъ, какъ то въ 1748 году, когда са-

¹⁾ Т. е. Костюрину.

ранча на полѣ хлѣбъ пожрала, въ 1749-мъ году всеобщимъ голодомъ назвать было мочно, ибо въ самомъ въ Кіевѣ, въ великомъ городѣ, въ торговые дни пятидесяти четвертей ни за какую дорогую цѣну купить было не мочно. Да и въ нынѣшнемъ году отъ недороду во всякомъ хлѣбѣ нужда необходимо быть можетъ. Не соизволено ль будетъ въ Кіевѣ магистрату *всегдашней имѣть магазейнъ*, хотя до 5 т. четвертей, и въ случаѣ нужды раздавать бѣднымъ людямъ съ поруками, а какъ хлѣбъ уродится и въ настоящую цѣну придетъ, збирать безъ излишества?

7. „Въ Кіевѣ и въ Переяславлѣ не малое число шелковичнаго дерева; ктобъ пожелалъ возрастить оныя, въ три и въ четыре года можетъ червей кормить и шелкъ дѣлать“; но „народъ къ этому полезному труду не прилежитъ“. Далѣе проэктируется, сколько можно усмотрѣть изъ истлѣвшей рукописи, развитіе въ Кіевѣ заведеній для *шелководства*.

8. „Въ Кіевѣ множество есть народа малороссійскаго празднаго безъ всякаго дѣла, не стараются, какъ токмо о ежедневной пищѣ, не думая о завтрашнемъ дни ни мало; да и способа къ поправленію себя отъ праздности не имѣютъ, ибо фабрикъ никакихъ нѣтъ и работы сыскать негдѣ. А способно видѣтся быть здѣсь *суконной фибрикой*, потому что шерсть изъ за Дунаю лучшею во всей Греціи почитается; а отъ Кіева разстояніемъ всѣхъ россійскихъ границъ ближе и можно тяжелыми возами пріѣхать въ двѣ недѣли, или малымъ чѣмъ болѣе, которая потому и дешевле другихъ всѣхъ мѣстъ станетъ, а къ тому и малороссійскую прибавлять годится и когдабъ расходъ (сбытъ) усмотрѣли, тогда-бъ можетъ быть Малороссіяне на ту шерсть своихъ овецъ и по два раза въ году стричь стали“.

9. „Здѣсь находится три *краски*, которыми здѣсь красятъ кушаки и шнурки: одна при нѣкоторыхъ травахъ при корени, которой цвѣтъ подходитъ къ кошенилю и называется здѣсь червецъ; другая трава—дрокъ красить желтою, третья материнка, мѣшая съ кисличными листомъ, малиновою. Оныя (краски) при доношеніи изъ кіевской губернской канцеляріи въ правительствующій сенатъ для пробы посланы. Ежели цѣна положена будетъ, почему (почемъ) за логъ червецъ, а прочіе травы за пудъ“

платить, всякая женщина и ребенокъ приносить будутъ къ тѣмъ, кому покупать приказано будетъ. И тако сими тремя, т. е. шелковичнымъ, суконнымъ и красочнымъ дѣлами, народъ постарается себя изъ праздности въ должный трудъ перемѣнять“.

10.—Десятый пунктъ касался торговли солью, но возстановить его нельзя.

11. Во всей Греціи въ монастыряхъ и по церквамъ рукописныя книги, и хотя въ Венеціи и печатаютъ, но тоѣмъ перемѣняютъ многія рѣчи по разсужденію западной церкви. Греки принуждены нынѣ оныхъ книгъ удаляться, почитая противными; а со временемъ какъ привыкнуть, можетъ западной церкви ученіе вкорениться въ Греціи. Не малое удовольствіе, яко единого исповѣданія, народу быть можетъ, когда соизволено будетъ повелѣть *въ Кіевъ учинить типографію* для печатанія книгъ греческихъ сперва церковныхъ, а потомъ разныхъ ученыхъ писаній. Для исправленія книгъ надобно совершенно знающихъ еллинскій языкъ и для набиранія литеръ таковыхъ людей изъ Греціи рѣдко сыскаться могутъ; а для заводу печатанія книгъ сперва сумма денегъ потребна, которая вскорѣ съ прибылью откупиться можетъ“

12. 12-й пунктъ касается кіевского гарнизона, который состоитъ изъ пяти полковъ. Служащіе въ гарнизонѣ не имѣютъ никакихъ *земельныхъ и лѣсныхъ угодій*. Поэтому „не соизвольно-ль будетъ имъ опредѣлить противъ Остзейскихъ пограничныхъ войскъ изъ состоящихъ въ близости къ Кіеву монастырскихъ земель на содержаніе нѣкоторую часть сѣнныхъ покосовъ и для рубки дровъ лѣсныхъ угодій“?

„Что-жь касается до другихъ приписныхъ къ Кіеву крѣпостей въ оныхъ все по воинскому артикулу и указамъ повелѣнное исполненіе чинится; а при тѣхъ крѣпостяхъ малороссійскіе города съ ихъ форштатами состоятъ подъ вѣдомствомъ малороссійскаго правленія, а до кіевской губернской канцеляріи совсѣмъ не принадлежать“.

Подлинныя подписано тако: *Иванъ Костюринъ*.

Пункты о раскольникахъ 1754.

1. „По указу блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго въ 1715-мъ году повелѣно въ Малой Россіи раскольниковъ переписатьъ и положить въ окладъ, чего ради и опредѣленъ былъ полковникъ Ергольскій съ товарищи, который опись учинилъ неосновательно, ибо описалъ токмо сколько въ Малой Россіи слободъ и въ нихъ жителей имѣется, а сколько въ которой слободѣ земли и пока тѣ урочища, того ничего не показано. А малороссійскіе владѣльцы, которые безъ указовъ тѣхъ великороссійскихъ людей на тѣхъ своихъ земляхъ селить допущали, послѣ той Ергольской описи, стали оныхъ раскольниковъ къ тому ихъ земляному владѣнію всячески не допускать, за что непрестанныя тѣхъ слободъ у жителей съ малороссіянами въ земляхъ ни токмо великія ссоры, но и смертныя убивства и челобитія въ малороссійскихъ канцеляріяхъ происходятъ“. Далѣе, повидимому, проектируется общее *размежеваніе* земель раскольниковыхъ слободъ.

2. Малороссійскіе правители берутъ съ раскольниковъ консистенскія дачи, между тѣмъ на раскольниковъ положенъ большой окладъ на военныя издержки. „Ежели такой окладъ на нихъ положится, то уже тѣ всѣ малороссійскіе сборы отставить, потому-что *великороссійскій народъ* кажется ни почему *не имѣетъ платить податей малороссіянамъ* въ положенье и ежели по сему тѣ раскольники переписаны и въ одинъ окладъ положены будутъ, то увѣдавъ за границею живущіе великороссійскаго и малороссійскаго народа раскольники въ Россійскую Имперію охотно на житье въ тѣ слободы переходить пожелаютъ“.

3. „Въ тѣхъ слободахъ, какъ о томъ не безъизвѣстно, земли весьма недостаточно; а по смежности тѣхъ слободъ имѣются немалое число ранговыхъ и владѣльческихъ земель, которыя состоятъ въ пустѣ. Кажется неза потребно повелѣть имъ добровольною цѣною *покупать земли въ Малой Россіи къ слободамъ*, а не къ одному крестьянскому дому и тѣ купчія писать у крѣпостныхъ дѣлъ въ Кіевѣ и записывать въ книги; а для отказа посылать великороссійскихъ служивыхъ людей“.

4. Въ четвертомъ пунктѣ дѣло идетъ о правѣ раскольниковъ держать своихъ поповъ. Пунктъ заключается такъ: „Изъ Польши вѣтковскіе жители особливо просятъ *устроить два монастыря одинъ мужескій, а другой женскій* и отправлять имъ (богослуженіе); ежели церкви построить не мочно, то хотя часовни, и какъ такое позволеніе они получаютъ, то совершенно могутъ нѣсколько тысячъ великороссійскаго народа людей вытти въ Россію безъ всякихъ затрудненій“.

5. „А ежели кто изъ тѣхъ слободъ жителей будутъ по купечеству, или другимъ какимъ дѣламъ имѣть претензію на малороссіанъ, о томъ имъ *искать суда* и просить по порядку въ *великороссійскихъ судахъ*, гдѣ кто вѣдомъ; тако-жь ежели малороссіане будутъ о чемъ имѣть претензію тѣхъ слободъ на обывателей,—искать и просить суда у управителей тѣхъ раскольническихъ слободъ въ волостной конторѣ, по которымъ прошеціямъ оному управителю безволочитно по самой справедливости чинить рѣшеніе въ силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ. Ежели же кто его судомъ не будетъ доволенъ, искать въ кіевской губернской канцеляріи“.

Что касается до пунктовъ, представленныхъ Петру Великому въ Кіевѣ въ 1715 году, то они касаются вывоза за границу монеты и юфти, устройства въ Кіевѣ аптеки для войскъ, найма рабочихъ для постройки кіевской крѣпости, обложенія раскольниковъ окладомъ. Изъ отмѣтокъ Петра интересно слѣдующее: „вмѣсто Полтавы сдѣлать замокъ въ Перевалочнѣ и тамъ быть главному мѣсту полку Полтавскаго... и прибавить великороссійскихъ сколько возможно“.

Сообщилъ М. Владимірскій-Будановъ.

На комъ былъ женатъ Мазепа.

„Мазепа былъ женатъ на богатой вдовѣ Фридрикевичъ, у которой отъ перваго брака былъ сынъ по имени Криштофъ. Бракъ этотъ совершился въ Корсунѣ, во время службы Мазепы у Дорошенка. Какое имя носила его жена по родителямъ—не извѣстно, но она была близкая родственница прилуцкому полковнику Горленку“. Такъ говоритъ Костомаровъ въ его монографіи „Мазепа“

(стр. 15). Къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ сообщаемъ здѣсь нѣсколько поясненій.

О томъ, что Мазепа былъ женатъ на вдовѣ Фридрикевичъ, свидѣтельствовали въ 1729 г. старожилы с. Смячи и д. Конотопа (городничкаго уѣзда), рассказывая, что Смячь и Конотопъ „якъ они упомвять были въ вѣдомствѣ и владѣніи полковниковъ черниговскихъ, а потомъ *гетманъ Мазепа отдалъ ихъ своему пасынку Криштофу Фридрикевичу*, а по немъ владѣлъ сынъ его Григорій“ и т. д.¹⁾—Кто же были отецъ и мать Криштофа Фридрикевича, объ этомъ говорятъ документы, находящіеся въ архивѣ черниговск. двор. депутатскаго собранія при дѣлѣ о дворянствѣ Фридрикевичей. Одинъ изъ этихъ документовъ—грамота польскаго короля Яна Казимира 1653 г., по которой король, „имѣя уваженіе и призрѣніе на вѣрные Рѣчи Посполитой заслуги шляхетныхъ *Самуила Фридриха*, полковника давняго, и *тестя его Семена Половця*“, подтверждаетъ за ними право на двѣ мельницы, „на грунтахъ ихъ Буки, на р. Роси“. Изъ этой грамоты видно, что Семень Половецъ съ своимъ зятемъ Самойломъ Фридрихомъ въ 1653 г. держали еще сторону поляковъ; но въ 1654 г. Семень Половецъ воевалъ уже противъ поляковъ, будучи полковникомъ бѣлоцерковскимъ²⁾. Бѣлоцерковскимъ полковникомъ былъ и Самуиль Фридрихъ, какъ видно изъ слѣдующаго акта: „мы особы по именахъ и прозвисклахъ выраженные, меновите: Я, Иванъ Кравченко, полковникъ войска его ц. пр. вел. запорожскаго бѣлоцерковскій, Тишко Деркачь, Андрей Проценко, атаманъ городовый, Яцко Клиша, Андрей Любарскій, Ляшко Гребюнка, Петро Яромленко, сотникъ, Иванъ Марченко, вѣдомо чинимъ симъ нашимъ писмомъ, ижъ за волю и позволеньемъ ясневельм. его мил. п. войскъ его ц. в. запорозскаго славной памяти пана и антецессора нашего, а тожъ за вѣдомомъ, радю и позволеніемъ всего товариства нашего, за высланьемъ и укладаньемъ и шацункомъ зъ вышереченныхъ особъ, продалисмо домъ дмитровскій, прозываемій Аврамковскій, въ рынку бѣлоцерковскомъ грунтомъ лежачій, арендарскій, противъ козацкаго шпитала будучій—славетному п. Самуелю Фридриховичу Козмѣ, а бывшему полковнику бѣлоцерковскому за 90 золотыхъ. Марта 11 року 1660“.

¹⁾ Генеральное слѣдствіе о маеност. Черниг. полка, рукопись б—ки коллегіи Павла Галагана.

²⁾ А. ю. з. Р., X., 405.

Такъ какъ въ грамотѣ Яна Казимира Самуиль Фридрихъ называется „давнимъ“ полковникомъ, то можно думать, что онъ занималъ этотъ урядъ въ Бѣлой Церкви прежде своего тестя и былъ полковникомъ польскимъ, а не козацкимъ.

Изъ приведенныхъ документовъ можно заключить, что Мазепа былъ женатъ на дочери бывшаго бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца, бывшей сначала замужемъ за иноземцемъ Самойломъ Фридриховичемъ, который умеръ послѣ 1660 г., оставивъ сына Криштофа. Съ этою женою Мазепа перешелъ и на лѣвый берегъ Днѣпра, въ 1674 г. ¹⁾.

Костомаровъ не говоритъ, откуда взято имъ свѣдѣніе о близкомъ родствѣ жены Мазепы прилуцкому полковнику Горленку. Повидимому, это свѣдѣніе не имѣетъ никакихъ основаній, какъ и другое, приводимое Русск. Родосл. Книгою (I, 150) о томъ, что Дмитрій Горленко былъ женатъ на дочери Мазепы, бывшей сперва за Голубомъ....

А. Л.

Письмо воронежскаго сотника Холодовича къ намѣстнику черниговской „катедры“ Саввѣ Шпаковскому, 1721 г.

Висоце в Богу преподобнѣйшій мосцѣ отче намѣстникъ катедры Чернѣговской, мой велце милостивій господине в Духу Светомъ отче и дознавний благодѣтелю благорачителнѣй висоце в Богу превелебности вашей листъ в отвѣтъ писемъ до его милости отца Думи, городничаго свѣржанскаго, посланнихъ ко мнѣ милостивно адрисованнѣй, которіи *typum veritatis exprimit calamo* з достойнимъ принявши почитаніемъ, ласкавіе а благоразсудителнѣе вичиталемъ в немъ контента. Правда же не надлежалобъ *in domestico opere* заводу нашего висоцезоважную рейментарскую всегда войсковими публѣчными и приватними дѣлами затрудненную особу, своими дисконмодовати доношеніи; еднакъ *nescit tacere dolor*, понеже отецъ Дума по своей сусѣдской приязни чили неприязни, ставши! *amicus personae inimicus causae* и давши *ansam* ясне в Богу преосвященному *concedere sibi* на власнихъ дѣлазнахъ, а по преставленіи родителей моихъ

¹⁾ А. ю. з. Р. XI, 611.

successive миѣ спалихъ нѣкою тридцати уже лѣтъ фундушами и унѣверсалами лицъ возможныхъ и нынѣшного ясневельможного добродѣя уконфѣрмованныхъ сѣножатахъ (якіе отецъ Дума sua sponte привлекаетъ) около млина моего и войскового будущихъ, на килко сотъ возъ exorbitanter забралъ и звюзъ; мусѣлемъ в томъ обжаловани ясневельможного добродѣя особу турбовати; и любо его панская велможность многократно писалъ листь свой доясне в Богу преосвященного, которого копію ввѣденіе висоце в Богу превелебности вашей тутже прилагаю, дабы помянутый отецъ Дума в тихъ моихъ заборахъ учинилъ реституцѣю, еднакъ вложенеса за мною его панской велможности ажъ до сихъ часъ пошло якъ горохъ о стѣну nonne laeditur honor principis если жъ не тяжесть сія терпѣтъ, не пронзаетъ ли жалость дому моего, же при якої колвекъ моей войсковой службѣ од отца городничего Свѣржанского нестерпимую терплю до сихъ часъ обиду. *Melius est ab externo hoste premi quam a domestico opprimi* подаю сіе ad trutinam mentis поважной особѣ висоце в Богу превелебности вашей и всепокорственно упрошаю благоволи преподобіе ваше, по своему природному паче же отческому ковсѣмъ благоугробію, увѣщаніемъ своимъ здевѣнковати отца Думу, аби такъ обжалованніе козаки сотнѣ моей преобразіевскіе в справѣ одержали з кого надлежитъ управу, яко и я *ne patiar plus injuriam*, жеби сѣя искерка *cineri posita doloso* од отца Думи возгнѣтившаяся, болшъ якого вперед не учинила *incendium*, бо если бы его м. отецъ Дума поважніе ясневельможного добродѣя прежніе писанія и нынѣшними его жъ рейментарской листь без сатисфакцѣи *in opprobrium* еще схотѣлъ пустити, то принужденъ буду на его жъ самого за волею принципала моего ясневельможного добродѣя, *alios querere Deos*, у пресвѣтлѣйшого двору монаршого его царского величества нашего всемилостивѣйшаго государя моего аппеляцѣею объявляю и при семъ премилосердной висоце в Богу превелебности вашей ласце и респектовѣ з всенижайшимъ моимъ поклоненіемъ.

Себе вручаю висоце в Богу преподобію вашему велце милостивому господину в Духу Святомъ, отцу и благодѣтелевѣ, щирозичливый и низайший слуга Иванъ Холодовичъ сотникъ воронѣжский. З Воронѣжа, 8 врія 31, року 1721.

Иванъ Ивановичъ Холодовичъ, воронѣжскій сотникъ (1713—23 г.), считался въ свое время однимъ изъ лучшихъ дѣльцовъ. Первую свою жалобу въ сенатъ на Вельяминова Полуботокъ отпра-

вилъ съ Холодовичемъ, который и исполнилъ это щекотливое порученіе очень успѣшно (Русск. Арх. 1880 г., I, 158 и 162). Будучи дѣльцомъ, Холодовичъ въ то же время слылъ еще и за хорошаго стилиста, которые и встарину цѣнились... Приведенное письмо Холодовича, списанное съ подлинника, представляетъ собою интересный образчикъ малорусскаго „стиля“ нач. XVIII в.

А. Л.

Легенда о Паліѣ.

Въ Екатериносл. Губ. Вѣдом. за настоящій годъ печатаются чрезвычайно интересныя легенды и преданія, записанныя изъ устъ народа мѣстнымъ любителемъ старины Я. П. Новицкимъ. Одна изъ такихъ легендъ приведена въ 4-й книжкѣ Кіевск. Стар. Здѣсь же перепечатаваемъ легенду о Паліи (Екат. Губ. Вѣд., 1888 г., № 10), которая тѣмъ интереснѣе, что представляетъ собою совершенно новый видъ изъ преданій о знаменитомъ бѣлоцерковскомъ полковникѣ, не имѣющей ничего общаго съ легендами, напечатанными въ Запискахъ о Южной Руси (I, 115—131).

Семень Палій.

Семень Палій бувъ лыцарь великій. Про его, було, де-чого розказують запорожци нашимъ батькамъ, а батькы уже намъ. Десь-то, кажуть, жылы козаки и мижъ нмы бувъ молодой козакъ Семень. Разъ кошовый зибравъ вѣйсько и махнувъ воювать орду и ляхивъ, а Семень zostався глядитъ добра. Тоди ще хать було не дуже товсто, бильше жылы куринымы. Отъ дохозяинувався той Семень, покы спалывъ кошового курины. Шо его робыть?—дума винъ: прыидуть—буде мини. Взявъ рушныцю и подався. Довго винъ ишовъ байракамы и зайшовъ въ таки пуци ¹⁾, шо тико небо и выдно. Сивъ винъ и спочыва. Ось насунула хмара, ставъ крапать дощъ, потимъ гримъ, блыскавка ²⁾. Дывитця винъ на скелю, колы выскакуе лукавый. Якъ загремыть гримъ, винъ пидъ скелю, якъ затыхне—винъ вылизе и гнивыть Господа. Семень и дума: шо-жъ теперь робыть? Або ему смерть, або мини. Тико шо выскочывъ винъ на скелю, Семень прыцилывсь и убывъ. „Ой, бый ще, каже, разъ бый“, просе

¹⁾ Пустыня.

²⁾ Молнія.

лукавий. „Буде съ тебе и разу“. Винь знавь, шо якъ выпале вдруге, то побижыть. Зарядывъ Семень рушныцю и посунувся очеретами въ пуцу. Иде винь, тай иде, а очеретъ густый та высокій и свита не видно. Чуеть винь, трицять очеретъ и шось суне прямо до его. Шо Богъ дастъ, каже, та туды. Колы ось показався дидъ старый, старый та бильый. Здоровъ, каже, сыну!—Здоровъ, дидусю!—Куды тебе Богъ несе?—Такъ и такъ, каже, диду: доли шукаю: або звирюка зъисть, або дійду до Велького Лугу въ Запорожжя. И ставъ ему Семень розказувать: спалывъ, каже, куринь и боюся гнива козацького: або кіямы забъють, або на шыбыныцю. Дидъ и каже: теперь за тобою погоня—сорокъ чоловікъ; тико ты не бійся: пиды до кошового, винь простыть. Дали показуе дидъ свою рушныцю и каже: тутъ таке цилке, тико наведешъ, такъ и е; давай, каже, поминяемось. Вгори литала очеретянка. Дидъ прыцилывся, бахнувъ, вона и упала.—Добра, каже Семень, рушныця, а моя ще лучша. Я, каже, не такого звиря убивъ. Отъ дидъ упъять и каже: ну, колы минять не хочешъ, то дарую я тоби цю рушныцю за те, шо убывъ сатану, тико шануй его. Будешъ ты, каже, велькый лыцарь и побиждатымешъ непрыателя; будешъ ты, каже, минятыця, якъ мисяць: мисяць зостаріетця, зостаріешся и ты, зійде молодыкъ—будешъ молодымъ и ты. Вертайся жъ, сыну, до кошового. Сказавъ це дидъ и Богъ зна де дився, бо не простый чоловікъ винь бувъ, а святий апостоль. Помолывся Семень и пишовъ до кошового. Прышовъ, та прямо въ куринь. А кошовый тико шо умывся, втерайтыця и молитву творе. Семень навколяшкы.—А шо, каже, еретычый сыну, прышовъ?—Не клады, каже, тату, велького гнива: то я спалывъ куринь.—Щастя жъ твое, каже, шо не піймала погоня,—заколола бъ. Дали кошовый и каже: за те, шо спалывъ куринь—будь же ты, еретычый сыну, *Паліємъ*. Ставь винь козакувать, ставъ такый сыльный, шо никто его не подужа. Було якъ воюють козаки, то де Палій, тамъ и удача. Выбраты его козацькимъ батькомъ, тобъ-то кошовымъ. Отъ прыхавъ Швецкій король до проклятого Мазепы и давай вони пыть. Пылы, пылы, а потимъ и поклыканы до себе Палія. Король и каже: погуляймо, братци, та визьмимось рубаты въ пень¹⁾. москаля.—Не диждешъ! каже Семень Палій. Якъ схопытыця король, якъ схопытыця проклятый Мазепа, та до Семена Палія. Берить, вяжыть, слугы, сякого такого! Взяты Семена Палія, скувалы въ зализо руки, ноги и замурованы въ темныцю. Не богато жъ винь

¹⁾ Рубаты въ пень—поголовно.

тамъ сидивъ, не ивше и не пывше,—двадцать годъ. Черезъ двадцать годъ пишовъ шведъ войною на царя Петра, пишовъ съ нымъ и проклятый Мазепа. Сталы пидъ Полтавою. У царя сыла вѣйска, а у шведа и проклятого Мазепы ще бильша. Ставъ шведъ побывать москаля, а Петро и каже: дай мини, шведо, хоть трохи отдыху. Той давъ, Петро пишовъ у свѣй станъ и пыта: чы нема, братци, мижь вамы богатыря, або характерныка? Вызався хлопецъ 16-ты литъ и каже: я бъ помигъ, та ще лита не выйшлы, а есть, каже, замуруваный въ темныци Семень Палій, той побидыть шведа. Пославъ царь за Паліемъ. Одмуrowалы его, глянулы, ажъ у его борода и коса по колина, вусы по поясъ. Сорочка, штаны на ему опалы,—страшно и глянуть. Надилы одѣжу, пидвели коня. Шо стане Семень Палій сидать,—кинь такъ и вгрузне по колина. Стыко не пидводылы,—ни одынъ кинь не здержавъ. Тоди прывелы царьского коня. Винъ сивъ и поихавъ. Приижжае до царя. Царь посадывъ его за дубовый стиль, угощае и правды пытае.—Шо, каже, Семене Палію, чы звоюемо шведа?—Звоюемо, каже, тико дай тры дни хлеба святого поисты та спочыть. У шведа була баба хымородныця ¹⁾. Отъ глянула вона на Петрове вѣиско и каже: ой шось за напастъ велика буде на насъ. Велы, каже, королю, кувать коней назадъ гакамы ²⁾, та нумо тикать. Покры шведъ покувавъ коней,—ось уже и Семень Палій спочывъ. Надивъ винъ дорогу одѣжу, сивъ на коня и сунувъ зъ вѣискомъ на шведа. Чы довго винъ тамъ бывся, чы ни,—выбигъ на могылу и пыта царя: бачышь шведа?—Бачу, каже: подався черезъ гору. Выбигъ тоди Палій на кряжь и пыта упъять: а теперь бачышь? Бачу, каже: одынъ другого черкае шаблями.—А короля бачышь?—Побигъ, каже, король степомъ, а за нымъ проклятый Мазепа, ажъ курява знялась. Якъ звоювавъ Палій шведа, Петро и каже: ну, Семене Палію, теперь я дамъ тоби грошей стико схочешъ, дамъ я тоби и паньски области. Ни, каже Палій, не треба мини ни грошей, ни паньскихъ областивъ: дай мини мылу украину, за котору я двадцать литъ страждавъ,—бильше у тебе ни прошу ничего. Давъ Петро Паліеву украину и ставъ винъ выжывать ворогивъ. Якъ вывивъ всихъ, тоди и самъ Богъзна де дився. Винъ, кажуть, и теперь десь жывыи и якъ Господь ему веливъ, миняйтця якъ мисяць: старіе и молодіе.

¹⁾ Колдунья, знахарка.

²⁾ Передней частью подковы назадъ; собственно гаки—острые зубцы снизу у подковы.

Право „презенты“ и его значеніе въ исторіи юго-западнаго края.

Скоро исполнится столѣтіе со времени присоединенія Юго-Западнаго края къ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упраздненія въ томъ краѣ уніи. Разныя историческія пертурбаціи, пережитыя Юго-Западнымъ краемъ подъ властью Польши, настолько богаты событіями изъ культурно-политической борьбы малоруссовъ съ поляками за преобладающую роль въ историческихъ судьбахъ края, что самыя выдающіеся наши историки съ особеннымъ вниманіемъ останавливались на „краевыхъ“ историческихъ фактахъ и событіяхъ малорусской народной жизни. Достаточно назвать такихъ авторовъ, какъ Костомаровъ, В. Б. Антоновичъ, Кулишъ, И. Дашкевичъ, Коляловичъ (по исторіи уніи) и мн. другіе. Тѣмъ не менѣе еще хранится подъ спудомъ и не разработана масса архивнаго матеріала, касающагося „краевой“ исторіи, разработка котораго можетъ пролить новый свѣтъ на прошлую и будущую судьбы юго-западнаго края. По исторіи культурно-политической борьбы католицизма съ православіемъ въ Юго-Западномъ краѣ цѣнныя свѣдѣнія и указанія можно было бы извлечь изъ архивовъ бывшихъ уніатскихъ консисторій брацлавской и радомысльской. Къ сожалѣнію, эти архивы, какъ извѣстно, почти не разрабатываются. Теперь-то, на канунѣ истеченія столѣтія со времени присоединенія юго-западнаго края къ Россіи, казалось бы, и время для разработки данныхъ памятниковъ прошлаго, предшествовавшаго присоединенію;—для извлеченія изъ архивныхъ историческихъ актовъ всего того, на что историкъ могъ бы опереться для спокойной, объективной оцѣнки прошлаго, и для того, чтобы бросить правильный, ретроспективный взглядъ на будущее. Впрочемъ, какъ видно изъ вновь вышедшаго XX тома „Кіев. Старина“, починъ въ указанномъ нами направленіи уже сдѣланъ каменецъ-подольской епархіальной администраціей. Мы заговорили о необходимости разработки бывшихъ уніатскихъ архивовъ еще и потому, что въ нихъ, безъ сомнѣнія, хранится не мало данныхъ, касающихся и затронутаго въ нашей замѣткѣ вопроса о правѣ „презенты“.—Право презенты по своему существу представляется актомъ чисто юридическимъ, входя въ составъ другихъ правъ помѣстнаго землевладѣльца и составляя одну изъ существенныхъ принадлежностей права вотчиннаго. Презента—въ переводѣ—это вообще рекомендація. Актъ же презенты,—это право польскаго помѣщика не только рекомендовать,

но и представлять въ свои помѣстья кандидатовъ на занятіе мѣстъ настоятелей церквей. Представленіе такого рода выдавалось обыкновенно рекомендуемому на письмѣ къ митрополиту; безъ нея трудно было получить мѣсто священника въ данномъ приходѣ. Право презенты установлено еще въ 1647 г. сеймовой конституціей, и предоставлено было польскимъ помѣщикамъ, какъ одна изъ важныхъ прерогативъ ихъ политическаго положенія и значенія въ краѣ (см. Vol. legit., т. IV, стр. 59). Правомъ презенты, какъ юридическимъ правомъ и какъ привилегіей, польскіе помѣщики воспользовались въ высшей степени умѣло и энергично, въ особенности во 2-й половинѣ XVIII в., обративъ данное юридическое право въ орудіе политической и культурной борьбы съ малорусскимъ населеніемъ, — съ его православіемъ, этикой и экономическими условіями жизни. Во 2-й половинѣ XVIII в., во время, предшествовавшее раздѣлу Польши, и въ особенности съ 1772 г. и до втораго ея раздѣла — культурно-политическая борьба папизма съ православіемъ и энергическая пропаганда уніи въ юго-западномъ краѣ идутъ самыми смѣлыми и быстрыми шагами; казалось даже, что коренному населенію трудно будетъ выйти побѣдителемъ изъ неравной борьбы. Борьба къ тому же со стороны поляковъ ведется такими рѣшительными и дѣятельными дипломатами, какимъ является бывший въ то время уніятскій митрополитъ Смогоржевскій, и при содѣйствіи такихъ вооруженныхъ всевластными правами лицъ, каковы магнаты края: Потоцкіе, Любомирскіе и т. д. (Кояловичъ „Унія въ Западной Россіи“). И въ самомъ дѣлѣ, право выбора и назначенія пастырей для „подданныхъ“ своихъ помѣстій давало помѣщику могущественное орудіе для распространенія черезъ сельское духовенство, какъ болѣе культурный классъ, своего политическаго и моральнаго вліянія на русское православное населеніе. Понятно также, что зависимое матеріально и юридически отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, сельское духовенство находилось въ безусловномъ подчиненіи у своихъ „презентаторовъ“ и творило волю пославшихъ его. Такимъ порядкомъ вещей только и можно объяснить усилившееся распространеніе уніи въ юго-западномъ краѣ, на канунѣ, можно сказать, разложенія самаго польскаго государственнаго организма. Удерживая подъ исключительнымъ своимъ протекторатомъ сельское духовенство, придерживаясь въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ единомыслія съ высшей духовной администраціей края, польское помѣстное дворянство не безъ основанія было увѣрено въ близкомъ торжествѣ ихъ культурно-

политическихъ идей,—въ скорой колонизаціи самаго края. Въ такомъ смыслѣ повималъ помѣстный правящій классъ право презенты и старался осуществить его на дѣлѣ. Такъ, графъ Францискъ-Салезій Потоцкій, владѣлецъ громаднѣхъ помѣстій въ Уманщинѣ и Брацлавщинѣ, основалъ въ своихъ владѣніяхъ болѣе 100 церквей уніятскихъ, съ условіемъ подчиненія и зависимости ихъ отъ уніятскаго митрополита; зависимость же духовенства этихъ церквей отъ Потоцкаго обоснована была *de jure* на правѣ презенты (см. В. В. Антоновича: Очерки состоянія православ. церкви въ юго-запад. Россіи, изд. 1876 г.). Для поощренія же уніятскаго духовенства къ культурной политической борьбѣ съ кореннымъ населеніемъ необходимо было по чисто политическому разсчету создать и этому духовенству болѣе привилегированное и сравнительно съ православнымъ духовенствомъ болѣе заманчивое общественное положеніе, для наглядности контраста. Въ видахъ такого рода политики рядомъ польскихъ сеймовъ 1667 и 1678 гг. издаются узаконенія, по силѣ которыхъ уніятское духовенство освобождается отъ всѣхъ военныхъ повинностей, всѣхъ вообще тягостей и взысканій и сравнивается въ своихъ политическихъ правахъ съ католическимъ духовенствомъ и дворянствомъ, такъ какъ данныя привилегіи признавались однѣми изъ важнѣйшихъ дворянскаго сословія (*Vol legum*, т. V, стр. 306). Не удивительно поэтому, что правящій въ краѣ классъ—польскіе магнаты, а за ними и вся помѣстная шляхта, пользуясь указанными выше благоприятными условіями своего юридическаго и политическаго положенія, шли увѣренными и смѣлыми шагами по пути колонизаціи юго-западнаго края. Но историческая судьба сулила краю другую жизнь и иную культурно-политическую судьбу... И вотъ, когда истекаетъ столѣтіе со времени присоединенія кореннаго русскаго края къ своей естественной метрополи, въ самомъ краѣ въ настоящее время уже въ значительной мѣрѣ изгладились и отошли въ забвеніе всѣ рѣзкія черты столь недавней и столь упорной культурно-политической борьбы поляка съ малоруссомъ. Теперь-то самое время и для разработкы матеріаловъ по исторіи этой борьбы; своевременна ея безпристрастная оцѣнка.

Въ заключеніе приводимъ текстъ презенты графа Салезія Потоцкаго, выдающагося пропагандиста уніи въ юго-западномъ краѣ, презенты, выданной одному изъ нашихъ предковъ и случайно сохранившейся въ фамилныхъ бумагахъ. Текстъ презенты излагаемъ въ переводѣ. Презента написана на польскомъ языкѣ на гербовой бумагѣ фор-

матомъ въ большой листъ почтовой бумаги, съ подписью въ концѣ Потоцкаго и за его фамиліной, гербованной печатью.

„Францъ Салезіушъ на Крыстинополѣ, Тартаковѣ, Струсовѣ, Могилевѣ, Браиловѣ, Тульчинѣ и Умани,—Потоцкій—воевода и генералъ земли кievской.

Его Высокопреосвященству Фелиціану-Филиппу Володковичу, съ Божьей и съ столицы апостольской милости архіепископу, митрополиту кievскому и всей Россіи. При засвидѣтельствovanіи покорныхъ желаній моихъ, до свѣдѣнія довожу, что въ имѣніи моемъ, въ селѣ Яроватеѣ, (уничтожено со введеніемъ военныхъ поселеній въ кiev. губ.) къ уманской волости принадлежащемъ, а въ епархіи вашей находящемся, имѣется церковь во имя св. Михаила Архистратига, въ которой, дабы хвала Божія „не уставала“ въ пользу спасенія рода человѣческаго, предположилъ Вашему Высокопреосвященству *рекомендовать въ настоятели* (presentować za parochia) урожденнаго ксендза Вас. Чеважевскаго, хорошо мнѣ аттестованнаго и въ униі съ костеломъ с-мъ римско-католическимъ соединеннаго. Официально его рекомендуя, прошу за него, дабы Ваше Высокопреосвященство *его, а никого другаго* (iego, a nie kogo innego) въ вышеупомянутую церковь яроватскую назначить изволили. Какую рекомендацію для большей вѣры и вѣсу рукою собственною при отискѣ обыкновенной печати моей свидѣтельствую и подписываю. Дано въ Крыстинополѣ, 27 іюня 1772 года. Францъ Потоцкій, воевода“. (М. П.).

В. Чеважевскій.

Херсонъ, 28 марта 1888 г.

„Прыказка“ о нюхаряхъ.

Съ усвоеніемъ козачествомъ первыхъ приемовъ куренія табуку пресловутая „люлька“ становится какъ бы непремѣнною принадлежностью козацкой „ясной зброи“. Она дѣляется для козака дороже „жинки“, которую онъ безъ сожалѣнія промѣниваетъ, по словамъ одной quasi—народной пѣсни, на необходимую для него въ степи люльку. Ею франтятъ, за нее даже кладутъ голову,—какъ типично изображено это въ гоголевскомъ Тарасѣ Бульбѣ.

Появленіе въ козацкихъ зубахъ люльки порождаетъ въ нѣкоторыхъ украинскихъ селахъ, особенно въ окрестностяхъ Зинькова полтавской губ. цѣлый, существующій и по настоящее время, кустар-

ный промысел — ея производство. Коренковая, окованная мѣдью „люлька-зинькивка“ съ красиво расположеннымъ узоромъ древесныхъ слоевъ достигаетъ величины хорошаго кулака и прокопченная, какъ бы лакированная, такъ наз. „муруга“, цѣнится охотниками въ рубль и дороже. Такою славою въ 50—60 годахъ еще пользовались „плесковати сорочинки“, выдѣлывавшіяся въ знаменитыхъ по мѣсту дѣйствія сорочинской ярмарки Сорочинцахъ.

Куреніе хотя и считалось въ народѣ грѣхомъ, но козакъ не могъ даже и ради спасенія разстаться съ единственнымъ зачастую развлеченіемъ въ степномъ одиночествѣ „на варті“, на попасѣ, какимъ для него являлась въ подобныхъ случаяхъ люлька; тѣмъ болѣе, что люлька тогда считалась признакомъ хорошаго тона и молодечества, которое было для него всѣмъ. Онъ ограничивался тѣмъ только, что, отправляясь въ церковь, вытряхивалъ изъ „кышень“ начисто всякіе остатки и признаки табаку, даже надѣвалъ новые, не окуренные табачнымъ дымомъ штаны... Это дѣлается и въ наше время, особенно пожилыми „куріями“.

Насколько было популярно куреніе, почитавшееся похвальнымъ молодечествомъ, настолько же было презираемо нюханіе, практиковавшееся по большей части людьми пожилыми и коренными хлиборобами. Народный юморъ осмѣялъ ихъ въ своихъ присказкахъ — поговоркахъ, въ которыхъ „нюхари“ являются въ довольно неприятельномъ видѣ.

Привожу одну „приказку“, записанную мною въ александровскомъ уѣздѣ екатеринославской губ. Она, кромѣ своего содержанія, обращаетъ на себя вниманіе еще тѣмъ, что составлена какъ-будто складомъ извѣстныхъ „думъ“, или же подъ ихъ вліяніемъ.

Якъ бувъ соби Свырьдъ
 Та Давыдъ;
 У Давыда дуда,
 А въ Свырыда нема.
 Давыдъ заснувь,
 А Свырьдъ за дуду тай махнувь.

Ставь до берега доплывать,
 Стала дуда намокать,
 Ставь Свырьдъ потопать,
 Ставь Господа-Бога прохатъ:

„Колы бѣ мени, каже, до берега доплывсты,
Братови Давыдови дуду однесты“.

—
Прыплывъ на краецъ,
Ажъ сыдыть дидъ Макарець,
А у его пидъ носомъ и кабаки на палець.
—Здоровъ тоби, диду Макарець!
—„А почимъ ты взнавъ, шо я Макарець?“
—А я глянувъ, каже, шо у тебе пидъ носомъ кабаки на палець,
Тай пизнавъ, шо ты Макарець“.
—„Ну здоровъ, Свырыдь!“
—А почимъ ты взнавъ, шо я Свырыдь?
—„А я, каже, глянувъ на выдь,
„Тай пизнавъ, шо ты Свырыдь“.

—Дай же, диду, кабаки, понюхать.
—„А хыба ты вжываешъ?“
—Вживаю.
„А батько? А маты?“
—Вжива,
Тилко те не вжива,
Шо въ колысци спочыва“.
—„На жъ тоби, хлопче, отцю роговыну,
„Та научы ту малу дытыну.“

—
Та дытына нюхнула, не нюхнула,
Богу душу оддала.
Якъ прылетило тры янголы—
Кудыхъ та мохнатыхъ,
Та вытришкуватыхъ....
Якъ взялы того гришного душечку—
На могузочку
Та понесли очеретами та болотамы...
Очерета та болота трицать,
От-то жъ того гришного душечку тацать.

Ив. Маджура.

**Отчетъ о рефератѣ проф. В. В. Антоновича, читан-
ный въ засѣданіи историческаго общества Нестора
Лѣтописца 3 апрѣля 1888 г.**

Предметомъ реферата В. В. Антоновича были нѣкоторыя замѣчания о городищахъ, осмотрѣнныхъ имъ во время археологической экскурсіи лѣтомъ 1887 года. Предварительно референтъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о городищахъ вообще. Вопросомъ о городищахъ занимались очень немногіе и его можно считать почти неразработаннымъ. Первая работа о городищахъ въ русской литературѣ принадлежитъ Ходаковскому, который собралъ значительный фактический матеріалъ, но въ обработкѣ имъ этихъ фактовъ при тогдашнемъ слабомъ развитіи археологіи онъ даетъ много мѣста своей фантазіи, строить апріорныя гипотезы и подгоняетъ подъ нихъ факты.

Гораздо серьезнѣе изслѣдованіе Срезневскаго, напечатанное во 2 изд. зап. одесск. общ. ист. и древ. Это добросовѣстная попытка дать классификацію городищъ, но писано это лѣтъ 50 назадъ, когда фактовъ было собрано еще мало. Съ того времени разработка вопроса о городищахъ почти не подвинулась впередъ. Въ новѣйшей литературѣ мы встрѣчаемся съ этимъ вопросомъ въ трудѣ г. Самоковскаго „Древніе города Россіи“; но въ сочиненіи этомъ нѣтъ попытки классификаціи городищъ; авторъ собралъ свѣдѣнія о городищахъ, находящихся на территоріи Сѣверской земли, и всѣ безразлично считаетъ укрѣпленіями древнихъ славянскихъ городовъ. Въ настоящее время, полагаю, слѣдуетъ собирать матеріалы и свѣдѣнія и прежде чѣмъ относить городище къ извѣстному опредѣленному времени, необходимо выработать методъ для ихъ классификаціи и установить признаки, по которымъ каждая категорія могла бы быть отнесена къ извѣстной эпохѣ. Референтъ предложилъ нѣсколько такихъ приѣмовъ.

Чтобы отнести данное городище къ извѣстной категоріи, нужно имѣть его планъ, затѣмъ слѣдуетъ собрать всѣ историческія данныя, къ нему относящіяся, если таковыя сохранились въ письменныхъ источникахъ; когда такимъ путемъ будетъ опредѣлена мѣстность, то, сопоставляя это опредѣленіе съ планомъ, можно приурочить данное городище къ извѣстному историческому времени. Но это, конечно, не всегда возможно. При отсутствіи историческихъ данныхъ нужно прибѣгнуть къ двумъ другимъ приѣмамъ: 1) раскопать курганы, состоящіе въ непосредственной связи съ городищемъ и слу-

жившіе мѣстомъ погребенія населявшихъ послѣднее жителей и по похоронному обряду можно будетъ примѣрно опредѣлить время возникновения городища, и 2) собрать по возможности вещи, находящіяся въ городищѣ, и по сравнительному изученію ихъ стараться опредѣлить эпоху существованія даннаго города. Пользуясь этими тремя способами, можно съ большей или меньшей точностью отнести городище къ извѣстной эпохѣ, хотя, конечно, здѣсь могутъ быть наслойки различныхъ эпохъ.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ В. Б. Антоновичъ ограничился райономъ отъ береговъ р. Раставицы, притока Роси, къ сѣверу до р. Тетерева и его притоковъ, обнимающихъ западную часть середины кievской губерніи и прилегающую къ ней небольшую часть житомирскаго уѣзда. Имъ изслѣдовано 24 городища, которыя можно раздѣлить на двѣ группы: первую по р. Раставицѣ и вторую по р. Тетереву и его притокамъ. Относительно первой, на основаніи историческихъ данныхъ, можно предполагать, что это городища черноглобуцкія, и даже точнѣе—бывшіе города берендичей. Референтъ привелъ въ пользу этого слѣдующія мѣста изъ лѣтописи: подъ 1071 г. „воеваша Половци у Растовца и Неятина“. Подъ 1169 г. разсказывается, что Владиміръ Мстиславичъ задумалъ козни противъ своего племянника Мстислава Изяславича, занимавшаго кievскій столъ, и хотя, будучи уличенъ въ этомъ, цѣловалъ племяннику крестъ, но не устоялъ на крестномъ цѣлованіи, вслѣдствіе подстрекательства черноглобуцкихъ князей „Чагровичей“ Чегъмана, брата его Топмана и Моначюка; Владиміръ обратился къ дружинѣ и, когда она отказалась слѣдовать за нимъ, поѣхалъ къ Берендичамъ только въ сопровожденіи лѣтскихъ „и снялся с Берендичи ниже Растовця“. Подъ 1177 годомъ разсказывается о набѣгѣ половцевъ на южные предѣлы кievской земли; княжившій тогда Романъ Ростиславичъ послалъ брата Рюрика и сыновей въ землю берендичей, гдѣ половцы „взяша 6 городовъ Берендиць и поидоша к Ростовцю“; тутъ то князья нагнали половцевъ, но были разбиты и едва убѣжали въ Растовець. Такимъ образомъ ясно, что въ Растовцѣ, Неятинѣ и 5 другихъ городахъ жили берендичи. Растовець—это нынѣшнее мѣстечко Бѣлиловка, одно изъ предмѣстій котораго называется этимъ именемъ и которое называлось Раставицею въ документахъ до конца XVII ст. (въ послѣдній разъ въ 1701 г. документъ говоритъ: „Раставица alias Бѣлиловка“). Неятинъ—это, вѣроятно, нынѣшнее с. Ягнятинъ. Сосчитавъ городища по Раставицѣ, получимъ 7 городищъ, т. е. счетъ лѣ-

тописи: 6 городов берендичскихъ и Растовець. Эти городища расположены такъ: у Растовца, у Ружина, (прежде до XVI в. называвшагося Щербовъ), у Ягвятина (2 городища), у Карабчіева, у Паволочи и у Бакожина (нынѣ село Буки, часть котораго удерживаетъ старое названіе).

Другая группа городищъ расположена по Тетереву и его притокамъ. Среди этихъ городищъ можно указать два извѣстныхъ изъ лѣтописи: Мичьскъ и Городескъ. Мичьскъ—это нынѣшній Радомысль, одно изъ предмѣстій котораго, лежащее въ углу между рѣками Тетеревомъ и Мыкою и сохранившее, хотя въ значительно испорченномъ видѣ, древнее городище, носить это имя. О Мичьскѣ упоминается подъ 1150 г. Когда Изяславъ Мстиславичъ шелъ на Владимірка Галицкаго, то дошелъ до р. Уши, встрѣтилъ тутъ Владимірка и отступилъ чрезъ Мичьскъ. Затѣмъ, когда походъ Владимірка на Кіевъ не удался и онъ отступилъ въ свою очередь, то, проходя чрезъ Мичьскъ, онъ потребовалъ у жителей серебра и мичанки должны были даже вынуть изъ ушей серьги и снять шейныя гривны для уплаты контрибуціи галицкому князю, чтобы спасти городъ отъ разоренія. Городескъ упоминается подъ 1257 г., гдѣ лѣтопись упоминаетъ о цѣломъ рядѣ городовъ по Тетереву, не перечисляя впрочемъ ихъ именъ. Здѣсь разсказывается о походѣ Шварна Даниловича, желавшаго отнять у татаръ добровольно имъ подчинившіяся области; въ лѣтописи сказано, что онъ взялъ Городескъ и города по Тетереву „до Жедечева“. О другихъ городахъ по Тетереву мы не имѣемъ свѣдѣній, за исключеніемъ Котельни, лежащей на притокѣ Тетерева рѣкѣ Гуйвѣ; мѣстечко это нѣкоторое время играло роль удѣльнаго города въ кіевскомъ княженіи. Подъ 1143 годомъ говорится о сильной бурѣ „около Котелничѣ“. Въ 1147 году она была отдана съ 4 другими городами Святославу Всеволодовичу. Въ 1148 году ее съ другими городами получилъ Ростиславъ Юрьевичъ. Въ 1162 году здѣсь снялись Рюрикъ Ростиславичъ съ Мстиславомъ Изяславичемъ, отправляясь на половцевъ. Въ 1169 г. Мстиславъ Изяславичъ отпускаетъ въ „Котелничю“ своего дядю Владиміра Мстиславича. Далѣе имѣемъ объ этомъ городѣ рядъ позднѣйшихъ фактовъ. Онъ продолжалъ быть укрѣпленнымъ мѣстомъ до конца XVI в. При описаніи житомирскаго замка 1545 г. люстраторы между прочимъ говорятъ: „Котельня, городище повидаютъ велми доброе, мало не такое якъ житомирское“. Въ 1581 г. городъ подаренъ былъ сеймомъ кн. Кирику Ружинскому, который перестроилъ

замокъ. Затѣмъ онъ перешелъ къ Концепольскимъ. Во время этихъ переходовъ слѣды древняго городища все болѣе и болѣе затемнялись.—Объ остальныхъ городищахъ, какъ объ укрѣпленныхъ мѣстахъ, нѣтъ письменныхъ данныхъ ни въ древней лѣтописи, ни въ позднѣйшихъ документахъ.

Всѣ городища, за исключеніемъ испорченныхъ и одного городища ясно позднѣйшаго происхожденія, у села Минійки, относятся къ типу, который можно назвать велико-княжескимъ. Изъ городищъ такого типа только немногіе находятся на ровной мѣстности, какъ Грубскъ, но обыкновенно расположены на возвышенности на берегу рѣки. Самымъ лучшимъ считалось положеніе въ видѣ уединенной горы, но, такъ какъ такое положеніе очень трудно найти, то выбиралась гора, которая мысомъ врѣзывалась между двумя оврагами, и эта гора отрѣзывалась отъ континента рвомъ, дно котораго по б. ч. лежитъ на одномъ уровнѣ съ дномъ овраговъ, которые ровъ соединяетъ. Такое городище окружалось по контурамъ горы довольно высокимъ валомъ, слѣдовавшимъ по контурамъ возвышенности и образовывавшимъ кривизны какъ выпуклыя, такъ и вогнутыя; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ валъ достигалъ весьма значительныхъ размѣровъ; съ наружной стороны городище окапывалось рвомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ является нѣсколько такихъ валовъ, расположенныхъ concentрически. Это видно во всѣхъ важнѣйшихъ городищахъ, сохранившихся отъ княжескихъ временъ. Какъ на примѣръ, можно указать въ окрестностяхъ Кіева на Вышгородъ съ 7 и Пересѣченъ съ 3 concentрическими кругами валовъ. Типъ этотъ, быть можетъ, можно отнести исключительно къ княжескому періоду. Нѣкоторые варианты представляютъ тѣ изъ городищъ этой эпохи, которыя стоятъ на равнинѣ, какъ Грубскъ и Щиглѣвка.

Городища у Карабчіева, Ивницы и Мининъ отличаются тѣмъ, что внутренняя площадь ихъ сдѣлана выпуклою къ серединѣ для того, чтобы избавиться отъ застоя воды.

О раскопкахъ кургановъ, находящи хся въ связи съ этими городищами, проф. Антоновичъ докладывалъ въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій. Характеристическій типъ древлянскаго похороннаго обряда встрѣчается во всѣхъ этихъ курганахъ безъ исключенія. Слѣдовательно, можно полагать, что эти курганы возникли въ то время, когда древлянское племя уже сложилось въ общественную группу, составлявшю союзъ древлянскихъ городовъ, о которомъ упоминаетъ лѣтопись при разсказѣ о походахъ Ольги на древлянъ.

Относительно предметовъ, находимыхъ въ городищахъ, референтъ указалъ на двѣ коллекціи, составленныя имъ въ городищахъ Грубскѣ и Городскѣ. Въ Грубскомъ городищѣ найдено значительное количество *пряслицъ*, употреблявшихся до конца XIV ст.; онѣ дѣлались изъ краснаго шифера (фабрика ихъ находилась въ овручскомъ уѣздѣ) и служили вмѣсто маховаго колеса для веретенъ. Въ томъ же городищѣ найдена печать изъ краснаго шифера съ изображенными на ней 4 крестами. Наконецъ, оттуда же бронзовая стрѣлка, (подобныя наконечности стрѣлокъ встрѣчаются почти исключительно въ полосѣ юго-восточныхъ русскихъ степей, т. е. въ той полосѣ, которую долго занимали кочевники тюркскаго племени. Въ этомъ городищѣ найдены были также тяжелые шары изъ стекла, называемые „гало“ и служившіе орудіемъ при производствѣ ткани для *намитокъ*, которыя въ древности носили замужнія женщины всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и княгини. Всѣ эти вещи подкрѣпляютъ мнѣніе, что это городище относится къ княжескому періоду.

То же можно сказать о городищѣ въ с. Городскѣ. Здѣсь кромѣ значительнаго количества пряслицъ, имѣемъ нѣсколько экземпляровъ крестовъ двухстворчатыхъ (тѣльниковъ), обломокъ креста изъ краснаго шифера, большой желѣзный боевой топоръ, нѣсколько рыболовныхъ снарядовъ, что вполне естественно, такъ какъ это городище расположено на большой, рыболовной рѣкѣ; большую фибулу, орнаментированную двумя удлинненными фигурами звѣрей. Всѣ эти вещи подтверждаютъ мнѣніе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ укрѣпленіями христіанской эпохи, существовавшими въ княжеское время.

Н. Н. Чернышевъ.

(Некрологъ).

Въ г. Кременчугѣ 22 марта текущаго года скончался на 28 году жизни Николай Николаевичъ Чернышевъ, извѣстный читателямъ „Кіевской Старины“ по статьямъ, помѣщеннымъ въ этомъ же изданіи въ прошломъ году. Статьи, появившіяся за подписью Чернышева, не велики по объему, но онѣ не могли затеряться въ журнальномъ матеріалѣ, не могли не обратить на себя серьезнаго вниманія читателей: въ такой степени работы его выдѣлялись изъ ряда прочихъ журнальныхъ статей по своей оригинальности, широтѣ воззрѣній автора и по тому методу, какой пытался примѣнять покой-

ный къ вопросамъ южно-русской этнографіи. За литературныя работы вообще онъ брался съ жаромъ даровитой натуры, къ сотрудничеству въ „Кіевской Старинѣ“ влекли его глубокія симпатіи къ родинѣ, живѣйшій интересъ къ изученію бытовыхъ особенностей роднаго края, и потому мы не можемъ не помянуть Н. Н. добрымъ словомъ, не можемъ не пожалѣть о безвременно утраченной силѣ, много общавшей въ будущемъ и подкошенной сначала нуждою, а потомъ тяжелой болѣзнію на самой зарѣ литературной дѣятельности... Н. Н. умеръ отъ чахотки, когда ему едва исполнилось 27 лѣтъ.

Биографическія свѣдѣнія наши о покойномъ весьма скудны, хотя, нужно сознаться, немногіе прожитые имъ годы и не могли изобиловать разнообразнымъ, интереснымъ биографическимъ матеріаломъ. Родился онъ въ Кіевѣ въ 1861 г.; родители его содержали частный приготовительный пансіонъ. Отецъ Чернышева оставилъ послѣ себя въ Кіевѣ добрую память какъ литераторъ. Въ пятидесятихъ годахъ онъ былъ редакторомъ неофициальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей въ то время, когда въ нашемъ городѣ не было еще ни одной газеты. Не смотря на скромныя рамки своего изданія, онъ успѣлъ его оживить въ значительной степени, умѣлъ найти мѣстныхъ интеллигентныхъ корреспондентовъ и значительно заинтересовать читающую публику; затѣмъ онъ издалъ 3 памятныхъ книжки кіевской губерніи (1856—1858 гг.), которыя послужили образцомъ для подобнаго рода изданій, появившихся въ послѣдствіи въ разныхъ другихъ губернскихъ городахъ и старавшихся собрать возможно полныя въ то время свѣдѣнія объ исторіи, географіи, статистикѣ и экономическихъ отношеніяхъ своей мѣстности. Послѣ 30 лѣтнаго промежутка времени, не смотря на все то, что въ продолженіи его успѣла приобрести наука, и губернскія вѣдомости и памятные книжки, издававшіяся Чернышевымъ, не потеряли интереса для лицъ, занимающихся изученіемъ кіевской земли, и приходится понынѣ не безъ пользы справляться съ этими изданіями.

Въ первой гимназіи Н. Н. началъ свое образованіе, но потомъ перешелъ въ кіевское реальное училище, которое и окончилъ въ 1878 г. Въ томъ же году онъ поступилъ въ петербургскій технологическій институтъ, гдѣ пробылъ недолго. Уволившись изъ института, Н. Н. уѣхалъ за-границу, въ Бернъ поступилъ на медицинскій факультетъ и съ особеннымъ усердіемъ занимался анатоміей. Тогда же онъ началъ серьезно интересоваться исторіей и на послѣдніе гроши составилъ себѣ порядочную бібліотеку капитальныхъ истори-

ческихъ сочиненій. 19—20 лѣтъ онъ снова въ Россіи, въ Петербургѣ, гдѣ пошли скитанія по урокамъ, конторамъ, переписка бумагъ и т. п. занятія ради насущнаго хлѣба, пока въ 1883 г. онъ не поступилъ на службу въ министерство путей сообщенія сначала на 25 р., потомъ на 40 и даже на 75 р. жалованья въ мѣсяцъ. Въ томъ же 83 году онъ женился на слушательницѣ высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, А. Я. А—вой.

Все свободное отъ службы время Н. Н. посвящалъ самообразованію, подготовкѣ себя къ литературной дѣятельности въ области южно-русской этнографіи. Ему казалось, что здѣсь онъ обрѣлъ свое настоящее призваніе, и онъ съ жадностью накидывался на всякую книгу по исторіи Малороссіи, на всякое изслѣдованіе или сообщеніе о вѣрованіяхъ, обычаяхъ, обрядахъ южно-русскаго племени. Новые языки онъ зналъ хорошо, читалъ въ подлинникѣ и древне-классическихъ писателей. Любимѣйшимъ чтеніемъ его были труды по описательной этнографіи англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ ученыхъ; добытая европейской наукой общія положенія по исторіи культуры онъ переносилъ на родную почву и съ помощью ихъ старался выяснитъ черты глубокой южно-русской старины, сохранившіяся въ обычаяхъ и обрядахъ. Въ послѣднее время сильно занимала его мысль объ изготовленіи для „К. Старины“ статьи о похоронныхъ малорусскихъ обычаяхъ и обрядахъ, объясняемыхъ на широкой основѣ сравнительной этнографіи.

Въ іюлѣ прошлаго года покойный по слабости здоровья вынужденъ былъ покинуть Петербургъ и поселиться въ г. Кременчугѣ, куда онъ былъ переведенъ на ту же должность по министерству путей сообщенія. Къ концу жизни судьба сжалилась надъ Н. Н.: матеріальныя обстоятельства его значительно улучшились,—даже завѣтная мечта его о поселеніи въ Кіевѣ близка была къ осуществленію. Здѣсь ему обѣщано было мѣсто въ томъ же вѣдомствѣ на 1800 р. жалованья. Но въ январѣ этого года онъ слегъ въ постель, а въ мартѣ его не стало... Люди, близко знавшіе покойнаго, всегда говорили о немъ съ любовью и сердечнымъ участіемъ, какъ о человѣкѣ замѣчательно скромномъ, одаренномъ отзывчивой, любящей душой, и неустанномъ работникѣ.

Изъ Кременчуга-то Н. Н. и присылалъ свои статьи въ „К. Старину“, свидѣтельствовавшія о разностороннемъ европейскомъ образованіи автора и о постоянномъ обращеніи его съ лучшими сочиненіями по общей и южно-русской этнографіи.

Въ „К. Старинѣ“ за подписью Н. Чернышева напечатаны: „Опытъ истолкованія обычая понедѣлкуванья“ (1887, апр.), пространная рецензія на книгу Змыгородскаго *die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes*, München. 1886 (1887, окт.) и „Къ вопросу о парубоцтвѣ, какъ особой общественной группѣ“ (тамъ же, ноябрь). Имена Леббока, Макъ-Леннана, Бахофена, Спенсера, Жиро-Телона, Плосса, Ефименка, Зибера, Ковалевскаго и др., часто упоминаемыя Чернышевымъ, съ достаточною ясностью опредѣляютъ то научное направленіе, въ которомъ работалъ покойный съ увлеченіемъ.

Путемъ анализа и многочисленныхъ сближеній онъ дѣлаетъ попытки проникнуть въ первоначальный смыслъ и прослѣдить судьбу особаго рода чествованія понедѣльника въ Малороссіи, выяснить значеніе т. н. „парубоцкой громады“ въ связи съ архаическими формами быта малорусскаго племени, а въ рецензіи на сочиненіе Змыгородскаго Н. Н. предлагаетъ нѣкоторыя поправки къ послѣднимъ и одностороннимъ выводамъ автора о нѣкоторыхъ свадебныхъ или передбрачныхъ обрядахъ въ Малороссіи. Во всѣхъ статьяхъ Н. Н. нисходитъ къ до-историческому прошлому, къ такимъ явленіямъ общежитія, коими характеризуются т. н. коммунальныя брачныя отношенія, періодъ материнства и эпоха перехода къ индивидуальному и моногамическому браку; съ наибольшимъ интересомъ Н. Н. останавливается на переходныхъ моментахъ и на свойственныхъ имъ явленіяхъ смѣшаннаго порядка. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ старается съ наибольшею вѣроятностью возстановить промежуточные звенья, лежація между нынѣ живущимъ обрядомъ или учрежденіемъ и тѣмъ архаическимъ общественнымъ и домашнимъ строемъ, въ которомъ измѣнившіеся отъ времени или окаменѣлые остатки были живыми бытовыми явленіями, полными реального смысла и практическаго значенія.

Разумѣется, работы Н. Н. не представляютъ собою въ общей сокровищницѣ этнографіи чего-либо крупнаго, тѣмъ менѣ законченнаго и цѣльнаго; но онѣ весьма интересны, какъ первые опыты даровитаго изыскателя, добросовѣстно, съ любовью прилагающаго сравнительный научный методъ къ отдѣльнымъ явленіямъ народной южно-русской жизни. Критическія замѣчанія на книгу Змыгородскаго яснѣе всего обличаютъ въ Н. Н. близкое, широкое знакомство съ этнографической иностранной литературой и умѣніе его воздерживаться отъ скороспѣлыхъ обобщеній въ такой области, гдѣ требуется

прежде всего осторожность въ заключеніяхъ и неослабное вниманіе къ подробностямъ объясняемаго явленія.

Что касается собственныхъ его попытокъ истолкованія „понеделкуванья“ и „парубоцтва“, то, во-первыхъ, онѣ приурочиваются къ слишкомъ небольшому, хотя и старательно собранному матеріалу гг. Василенка и Боржковскаго, появившемуся также на страницахъ „К. Старины“ (1887 г. янв., августъ, а не сентябрь, какъ отмѣчено у Чернышева). Во-вторыхъ, самый этотъ матеріалъ требуетъ болѣе детальнаго разбора, болѣе строгаго расчлененія на составные элементы, чѣмъ это сдѣлано въ статьяхъ Чернышева; только при соблюденіи этихъ условій слѣдуетъ приступать къ сближенію и сравнительному истолкованію данныхъ явленій малорусской жизни. Въ интересной статьѣ о „понеделкуванѣ“ авторъ самъ сознается, что въ обычаѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ эротическаго элемента, что однако не мѣшаетъ ему выводить обычай цѣликомъ изъ первобытной формы половыхъ отношеній. По нашему мнѣнію, авторъ былъ бы ближе къ истинѣ, если бы обратилъ больше вниманія на сопутствующее половымъ отношеніямъ экономическое положеніе замужней женщины въ архаическомъ періодѣ общежитія. Равнымъ образомъ въ статьѣ о „парубоцтвѣ“, наблюденномъ г. Боржковскимъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ литинскаго и винницкаго уѣздовъ, опущены при истолкованіи обычая нѣкоторыя существенныя подробности, какъ наприм., строгое воспрещеніе парубку „зачипаты“, или „займаты“ дѣвушку, съ которою онъ намѣренъ „шлюбъ браты“. Потомъ, въ рецензіи на сочиненіе Змыгородскаго, народъ, у котораго дѣти распределялись между неизвѣстными отцами по сходству ихъ съ послѣдними, ошибочно называется агаѣирсами вмѣсто насамоновъ, причеиъ должна быть сдѣлана ссылка на Геродота IV, 180, а не IV, 104, какъ у Чернышева. Нельзя не отмѣтить и того, что Н. Н. многократно, во всѣхъ статьяхъ упоминаетъ извѣстное сочиненіе Бахофена о материнствѣ, каждый разъ называя Бахофена (Bachofen) Баховеномъ и т. п.

Однако эти и подобныя несовершенства, понятныя и извинительныя въ первыхъ опытахъ молодаго изслѣдователя, не умаляютъ общаго значенія попытокъ такого рода. Не говоря о томъ, что при помощи данныхъ и приемовъ сравнительной этнографіи Н. Н. удалось въ одномъ исправить и восполнить своихъ предшественниковъ, другое вѣрно поставить и самостоятельно разъяснить, — не говоря уже объ этомъ, статьи Чернышева принадлежатъ къ весьма неболь-

шому пока числу работъ, убѣждающихъ читателя въ пригодности общихъ приѣмовъ научной этнографіи для разработки этнографическаго матеріала южно-руссовъ, въ необходимости широкой научной подготовки для успѣшнаго разрѣшенія частныхъ повидимому вопросовъ родиновѣдѣнія. Таковъ урокъ, преподанный покойнымъ Н. Н. молодому поколѣнію любителей родной старины, желающихъ поработать на пользу мѣстныхъ изученій.

Ө. М.

Къ редакторской дѣятельности Ө. Г. Лебединцева.

(Изъ письма въ редакцію).

Къ бібліографической замѣткѣ г. С. П. о трудахъ покойнаго Ө. Г. Лебединцева прошу прибавить моихъ два слова. Я хочу вспомнить о томъ невидимомъ, огромномъ трудѣ, который онъ вложилъ въ основанную имъ „Кіевскую Старину“, трудѣ, который онъ несъ въ значительной степени самостоятельно, до послѣднихъ мелочей и который свелъ его въ могилу. Этотъ трудъ на поприщѣ новомъ, обставленномъ многими тяжелыми данными, съ слабой и вялой общественной поддержкой, требуетъ всего человѣка. Какъ въ театрѣ публика не думаетъ о режиссерѣ, такъ, читая, журналъ онъ забываетъ о редакторѣ. Публика знаетъ только то, что появляется изъ журнальнаго матерьяла въ книгѣ. Она не знаетъ той массы недомыслия и умственной слабости, которую приходится отвергать, не знаетъ процесса переработки, предшествующаго появленію многого въ печати. Невидимая лабораторія, гдѣ продѣлывается все это—редакторскій столъ. У этого стола, едва покинувъ этотъ трудъ, и умеръ Лебединцевъ. Кто знаетъ размѣры этого труда, тотъ забудетъ и простить ошибки покойнаго, если онѣ были, и вспомнить только то высокое и доброе, что было плодами его работы.

Просматривая бібліографическій указатель къ нашему журналу за шесть истекшихъ лѣтъ, читатель не встрѣтитъ ни одной статьи съ полной подписью Ө. Г. Это обстоятельство могло обращать вниманіе и при жизни покойнаго, обращаетъ вниманіе и теперь. Знающимъ его изслѣдованія о южно-русскихъ церковно-общественныхъ братствахъ или о Мелхиседеѣ Яворскомъ кажется непонятнымъ, почему писатель, заливившій себя, хоть бы въ этихъ двухъ работахъ, крупнымъ историческимъ изслѣдователемъ, какъ бы воздер-

живался отъ участія въ своемъ собственномъ журналѣ. Дѣло въ томъ, что Ѳ. Г. обладалъ большою авторскою скромностью и писалъ постоянно подъ псевдонимами. На большое изслѣдованіе, на затяжную работу обязанности редактора не оставляли ему рѣшительно времени. Не успѣлъ онъ приступить и къ воспоминаньямъ своимъ, которыя для всѣхъ знавшихъ его талантъ рассказчика и неисчерпаемый юморъ обѣщали любопытнѣйшее явленіе. Имъ написано за шесть лѣтъ множество рецензій, замѣтокъ и маленькихъ очерковъ, никогда не превышавшихъ размѣра печатнаго листа и всегда писавшихся къ выходу книжки. Чаще всего писалъ онъ подъ псевдонимомъ К. Цыбульскій, имѣвшимъ анекдотическое происхожденіе. Другими псевдонимами его были: Лобода, Кулюмбашь, Б. Д—ръ, Холмскій Старожиль, Холмскій Братчикъ, Фратеркулусъ и въ послѣднихъ книжкахъ прошлаго года—Т. Шнейдеръ, рассчитанный на полное недоумѣніе лицъ, близко знавшихъ весь кругъ сотрудниковъ. Всѣ редакціонныя статьи и замѣтки принадлежатъ ему, также какъ и многія изъ появившихся безъ подписи. Изъ статей, имъ совершенно переработанныхъ, укажемъ для примѣра на любопытныя „Воспоминанія отшельника“, помѣщенныя въ послѣдней книгѣ прошлаго года. Участіе Ѳ. Г. въ обработкѣ этого матерьяла было такъ велико, что, по желанію самаго почтеннаго автора, статья подписана прозрачными инициалами Іер. Ѳ. Л—въ. О подробностяхъ издательской дѣятельности Ѳ. Г., о его даровитой и сложной натурѣ, быть можетъ, придется сказать когда-нибудь подробнѣе. Смерть его для того, кто зналъ его близко и искренно, слишкомъ большая потеря, чтобы быть въ состояніи съ необходимымъ спокойствіемъ начертать теперь его благородный образъ.

В. Г.

Для справокъ.

Воззваніе отъ Комитета по устройству соборнаго храма во имя Успенія Божіей Матери въ г. Переяславѣ, полтавской губерніи, какъ историческаго памятника.

8 января 1654 года въ соборной Успенской церкви г. Переяслава, нынѣ полтавской губерніи, совершилось событіе, закрѣпившее за этимъ храмомъ вѣчную славу въ отечественной исторіи: подъ сводами его въ тотъ день подданство Малороссіи царю великой Русской Державы запечатлѣно присягою знаменитаго гетмана, Богдана Хмельницкаго, съ малороссійскимъ народомъ по лѣвую сторону Днѣпра; а 20 февраля, 1674 года, и представители Задѣпровской Украины тамъ

же, подтвердили присягой свое вѣрнопопданство Россійскому Самодержцу. Малороссія, измученная въ ту пору цноземными притязаніями и кровопролитіями, такимъ образомъ, на всегда обезпечена въ своемъ политическомъ спокойствіи, а съ другой стороны, слітіе ея съ Великою Россіей, съ державою единовѣрною и единоплеменною, лучше всякихъ завоеваній способствовало возвеличенію нашего отечества. Славными дѣяніями нашихъ предковъ мы дорожимъ; стыдно предавать ихъ забвенію; мы даже роемся въ нѣдрахъ земли, чтобъ откопать и потомъ ознаменовать славное прошлое монументальными постройками. „Присоединеніе Малороссіи“—не такое маловажное происшествіе, чтобъ дѣятели въ немъ и святыни, бывшая пріятельницею и свидѣтельницею достопамятной присяги, оставлены были нами въ пренебрежительномъ невниманіи. Вотъ, въ настоящее время, на сборъ добротныхъ пожертвованій по всей Россіи, уже сооружается памятникъ главному виновнику совершившагося въ Переяславскомъ Успенскомъ храмѣ событія съ надписью: „Богдану Хмельницкому—единя недѣлимая Россія“,—чѣмъ ясно выражается ему признательность благодарнаго потомства. Самый же храмъ, въ которомъ совершилось вѣдвенное соединеніе Малой Россіи съ Великою, не уцѣлѣлъ до нашихъ дней. Въ 1660 годахъ, отъ бывшаго въ городѣ большаго пожара, онъ сгорѣлъ до основанія. Благовѣрный Царь Великія и Малыя Россіи, Алексѣй Михайловичъ, узнавъ о томъ, благоволилъ оказать царственное содѣйствіе переяславцамъ къ возсозданію на томъ же мѣстѣ новаго храма. Присланный изъ Москвы стрѣлецкій голова, Федоръ Михайловичъ Иртицевъ, (онъ же околицій и дворецкій большаго дворца Царя Алексѣя Михайловича), на Государевъ коштъ, (какъ сказано въ одномъ архивномъ документѣ Успенской церкви), при участіи въ дѣлѣ гражданъ Переяславскихъ, воздвигъ опять большую деревянную церковь, тоже во имя Успенія Божіей Матери и на томъ же самомъ мѣстѣ. Но и это зданіе Успенской церкви не уцѣлѣло до нашихъ дней: 30 марта 1761 года оно сгорѣло.

Въ 1767 году прихожанами, на счетъ своихъ и стороннихъ добротныхъ жертвъ, былъ снова построенъ, все на томъ же мѣстѣ, храмъ во имя Успенія Божіей Матери и деревянный же. Но это зданіе, въ настоящее время, до того обветшало, что Богослуженіе въ немъ не совершается.

Боголюбивые и отчизнолюбивые сыны православной Великой и Малой Россіи! Во имя Божіе и во славу отечества нашего, не оставьте безъ святаго усердія вашего святаго предпріятія: имѣется въ виду возсоздать храмъ каменный, во имя Успенія Божіей Матери, въ г. Переяславѣ. Съ 8 января 1654 года храмъ сей, такъ сказать, пересталъ уже быть мѣстнымъ приходскимъ храмомъ, а сталъ храмомъ всего Малороссійскаго края, такъ какъ всѣ представители его, съ разныхъ мѣстъ, тамъ молились и приносили присягу; съ того времени онъ дѣлается храмомъ, достойнымъ благоговѣйнаго вниманія всей Россіи. Храмъ этотъ въ роды родовъ, дѣтямъ и внукамъ нашимъ, будетъ напоминать о славномъ, незабвенномъ дѣяніи нашихъ предковъ и о нашей признательности къ ихъ дѣянію, будетъ отъ насъ—сыновъ единой недѣлимой Россіи—даромъ и жертвою святой православной Вѣрѣ христіанской, которая просвѣтила насъ и объединила, возвеличила и самодержавныхъ Царей нашихъ, и Землю нашу: въ храмъ семъ будетъ выну возноситься безкровная молитвенная жертва о упокоеніи въ селеніяхъ святыхъ всѣхъ братій нашихъ—ревнителей единенія земли Русской,—и о насъ живыхъ,—да благодаренствуемъ въ мирѣ и единеніи подъ державою, изъ рода въ родъ, Благочести-

вѣйшихъ, Самодержавнѣйшихъ, Великихъ Монарховъ нашихъ: пусть не отягощаютъ надъ нами и нашимъ временемъ герькій укоръ потомства въ равнодушнѣ къ святому патріотическому дѣлу.

Комитетъ по устройству соборной церкви въ г. Переяславѣ, какъ историческаго памятника, будетъ принимать пожертвованія съ глубокой благодарностію и проситъ адресовать таковыя въ г. Переяславъ, полтавской губерніи, прямо на имя его — Комитета.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

I. Обзорніе газетъ.

Кіевлянинъ (№№ 70—91). *Кіевское Слово* (№№ 356—375). *Подольскія Епарх. Вѣдомости* (№№ 13—16). *Подольскія Губернскія Вѣдомости* (№№ 1—30). *Волинскія Епарх. Вѣдомости* (№№ 10—12). *Волинскія Губерн. Вѣдомости* (№№ 1—30). *Екатери. Губ. Вѣдомости* (№№ 24—30). *Одесскій Вѣстникъ* (№№ 1—50). *Новороссійскій Телеграфъ* (№№ 3951—4044). *Крымъ* (№№ 7—17). *Полтавскія Епарх. Вѣдомости* (№№ 5—7). *Полт. Губ. Вѣдом.* (№№ 1—30). *Черниговск. Губ. Вѣдомости* (№№ 24—32). *Харьковскія Губ. Вѣдомости* (№№ 1—86). *Южный Край* (№№ 2488—2510). *Орловскій Вѣстн.* (№№ 1—51). *Донская Рѣчь* (№№ 1—45). *Донъ* (№№ 1—44).

Кіевлянинъ №№ 70—91.

№ 70. О реставраціи иконостаса св. Софіи кіевской.

№ 71. Изъ реставраціи черниговскаго кафедральнаго собора. Работы предположено произвести подъ наблюденіемъ А. В. Прахова и затрата на это будетъ простираться до 100,000 руб. Нѣсколько словъ объ исторіи собора и краткое описаніе его достопримѣчательностей.

№ 74. Некролозь т. с. Ф. С. Стоинскаго, бывшаго начальникомъ юнкерской и лапкстерской школъ въ Кіевѣ, а въ 1833—39 гг. предѣдателемъ черниговской гражданской палаты.

Очеркъ исторіи г. Милана. Заимствовано изъ корреспонденціи „Рус. Курьера“ по случаю приближающагося празднованія 300-лѣтняго юбилея этого города.

Перепечатка изъ „Южн. Края“ о томъ, что вся восточ. часть г. Полтавы стоитъ на минахъ, относимыхъ преданіемъ ко временамъ татарскихъ набѣговъ.

№ 76. Корреспонденція изъ Черниова о найденной въ р. Сновѣ близъ с. Кобылянки безмяшиной кости (os inopinatum) неизвѣстнаго животнаго; длина ея 1 арш. 4¹/₂ в. ширина — 1 арш. 2³/₄ в., вертлужная впадина 1¹/₄ арш., вѣсъ — 36¹/₄ фунт.

№№ 78, 80, 81, 83. *Между дѣломъ.* Путевые эскизы и наброски врача во время призыва новобранцевъ въ одной изъ юго-западныхъ губерній.

№ 80. *Засѣданіе историч. общества Нестора - Лѣтописца* 3 апрѣля. Отчетъ о докладахъ: пр. В. С. Иконникова „о X главѣ Наказа“, проф. В. Б. Антоновича „о городищахъ кіевской земли“ и пр. И. В. Лучицкаго „о сярбинномъ владѣніи“.

№ 81. Перепечатка отрывковъ изъ статьи „Варш. Дневн.“ объ украинно-фильствѣ.

№ 83. Археологич. находки въ Михайловскомъ монастырѣ. „Выемка земли для устройства калориферовъ подъ церковь Михайловскаго монастыря начата снаружи церкви, у западнаго входа въ южный прѣдѣлъ (св. Екатерины). Обнаженные фундаменты зданія состоятъ изъ кирпичей, съ промежутками бутового камня; по линіи поверхности почвы въ стѣнахъ лежатъ рядъ большихъ дикихъ камней. Какъ кирпичи, такъ и связывающій ихъ цементъ, повидимому, довольно хрупки. Въ глубину вырыто до 1¹/₂ саж., при площади около 4 кв. саж. Въ этомъ небольшомъ, сравнительно, пространствѣ найдено въ землѣ до десятка человѣческихъ скелетовъ. Кости находятся въ различной степени разрушенія: попадаютъ, особенно на большой глубинѣ, кости полуистлѣвшія; ближе къ поверхности—болѣе крѣпкія. Отъ гробовъ сохранились только слѣды, въ видѣ небольшихъ кусковъ гнилого дерева и древесной трухи. Костяки довольно бѣдны вещами. При нѣкоторыхъ скелетахъ найдены остатки одежды—куски черной шерстяной ткани. При одномъ изъ скелетовъ лежали въ землѣ монашескія четки. Всѣ найденныя кости вмѣстѣ съ оказавшимися при нихъ предметами складываются въ большой сундукъ, выставленный съ этою цѣлью возлѣ ямы, и уже до-верху его наполнили“.

№ 89. Археологич. раскопки. Говорится о курганахъ на границахъ смоленск., могил. и черниг. губ. по бер. р. Ипути у д. Доброносичъ краснозаборской вол. рославльск. у.

№ 91. *Новинки Владимірскаго собора.* Свѣдѣнія о ходѣ работъ въ этомъ храмѣ.

Народное преданіе. Перепечатка изъ Черниг. Губ. Вѣдом. преданія объ избавленія отъ татаръ, относимаго къ Троицкому или Елецкому монастырю въ г. Черниговѣ.

Въ разныхъ номерахъ замѣтки о предстоящемъ 900-лѣтнемъ юбилеѣ крещенія Руси.

Кіевское Слово №№ 356—377.

№ 357. Къ вопросу объ устройствѣ въ Кіево-Владимірскомъ соборѣ мозаичнаго пола по проекту проф. Прахова.

№ 359. *Охота за куницей* (въ лѣсахъ волынской губ.). Мих. Огіевского.

№ 393. *Отчетъ* о засѣданіи историч. общества Нестора-Лѣтописца 3 апрѣля и краткое содержаніе рефератовъ В. С. Иконникова, В. Б. Автоновича и П. В. Луцицкаго.

№№ 366 и 375. *Церковно-археологическая замѣтка.* Авторъ, между прочимъ, обращаетъ вниманіе на изображеніе св. еванг. Іоанна въ церкви свв. Бориса и Глѣба въ Кіевѣ. Икона эта, по мнѣнію автора, есть „удачная русская копія съ весьма древней греческой иконы, которой, очень можетъ быть, нельзя уже больше найти даже на Аѳонской горѣ“.

Къ вопросу о ѣдствіяхъ, причиняемыхъ р. Днѣпромъ въ Черкасскомъ уѣздѣ. В. Васильева.

Народное образованіе въ каменецкомъ уѣздѣ подольской губ.

№ 367. Замѣтка на замѣтку г. Завитневича. П. Годубовскаго.

№ 375. *Библиографическая замѣтка.* По поводу „Житія св. равноапостольнаго князя Владиміра“ соч. И. И. Малышевскаго. Гером. Августина.

Рядъ замѣтокъ въ разныхъ номерахъ по поводу 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости. Отчетъ священника Онуфірія Кашубскаго по осмотру харьковскаго свѣчнаго завода. Прод. (№ 12, ст. 155—162; № 13, ст. 174—184). Отчетъ свящ. Іоанна Миrowsича по осмотру херсонскаго епархіальнаго свѣчнаго завода вмѣстѣ съ свящ. О. Кошубскимъ (№ 14, стр. 194—200; № 15, стр. 208—215, № 16, стр. 234—245).

Памяти протоіерея Михаила Іоакимовича Орловскаго, (№ 12, стр. 257—278) извѣстнаго мѣстнаго изслѣдователя и историка.—К. Доброловскаго.

Освотательны ли притязанія поляковъ на юго-западную Русь (по поводу изданія ч. VII т. 1 Архива ю-з. Россіи. Акты о заселеніи ю-з. Россіи, Кіевъ 1886 г. (№ 14, стр. 308—320).

Нѣсколько словъ о церковномъ пѣвнѣ. Свящ. І. Суд—скій (№ 15, стр. 328—343).

Постановленіе общаго редакціоннаго собранія по изданію Под. Епарх. Вѣдомостей, утвержденное Его Преосвященствомъ Пр. Донатомъ 23 марта 1888 г., изъ котораго между прочимъ узнаемъ, что изданіе это задается между прочимъ весьма почтенною цѣлью—разработать исторію управлен. под. епархіи съ 1793 г., и съ этою цѣлью приглашаетъ всѣхъ сочувствующихъ къ помощи при собираніи нужныхъ для того свѣдѣній и матеріаловъ и разработкѣ ихъ.

Библиографія: XIV т. актовъ Виленской археографической комиссіи (№ 16, стр. 351—357).

Подольскія Губернскія Вѣдомости. № 9. Отчетъ распорядительнаго комитета каменец-подольской русской публичной бібліотеки за 1887 годъ.

№ 15. Отчетъ правленія общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ

и ученицамъ каменецъ - подольскихъ мужской и маріинской женской гимназіи за 1887 годъ.

Волинскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волинской епархіи (прод.) с. *Броники*, с. Новый Дворъ, с. Великій Житянь, с. Городище, с. Малый Житянь, с. Бармакл, с. Оборовъ, с. Тынное, с. Золотіевъ. *Ровенскій уѣздъ*. 1 благоч. округъ: м. Александрія, с. Арестовъ, с. Богдашевъ, с. Бѣлевъ, с. Старый-Жуковъ, с. Дпковъ, с. Городокъ, с. Грабовъ, с. Голышевъ, с. Глинскъ, с. Пятигоры, (№ 10; стр. 359—379), с. Гручивица, м. Деражно, с. Деревянное, с. Дюсинъ, с. Забороль, с. Зарицкъ, с. Короевичъ, (№ 11, стр. 411—417); м. Клеванъ, с. Корнинъ (№ 12, стр. 449—460).

Въ приложеніи. Предметный указатель содержанія неофициальной части Вол. Епарх. Вѣд. (1867—1887) стр. 75—94, (№ 10) стр. 95—110, (№ 11) стр. 111—126, (№ 12)

Волинскія Губернскія Вѣдомости. Въ №№ 6, 10, 13, 14, 18, 21, 24, 25, 26 и 27 помѣщена (еще пока неоконченная) статья „Исслѣдованіе Житомирскаго Могильника—С. С. Гамченка. № 30. Отчетъ о занятіяхъ волинскаго губернскаго статистическаго комитета за 1887 годъ, дающій точныя и подробныя свѣдѣнія о дѣятельности этого учрежденія, выразившейся между прочимъ въ послѣдніе годы издаваніемъ весьма почтенныхъ памятныхъ книжекъ волинской губерніи.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости. *Изъ церковной лѣтописи:* Я. П. Новицкій сообщилъ указъ 5 янв. 1604 г. изъ екатеринославской духовной консисторіи въ маріупольское духовное правленіе о перемѣщеніи согласно Высочайшаго указа повороссійскаго архіерейскаго дома съ консисторією и семинарією изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ и о именованіи архіепископа вмѣсто новороссійскаго и днѣпровскаго—екатеринославскимъ, херсонскимъ и таврическимъ (№ 24).

Матеріалы къ исторіи народнаго просвѣщенія Г. И. Чернявскій сообщилъ распоряженіе правителя екатеринославскаго намѣстничества бригадира Синельникова 7 авг. 1784 г. казенной палатѣ объ отпускѣ необходимыхъ суммъ на училища въ приказъ общественнаго призрѣнія (№ 25). Народное образованіе въ екатеринославскомъ уѣздѣ въ 1886—87 учебномъ году (№ 30).

Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. Изъ рукописнаго сборника Я. П. Новицкаго „Шолозь“ (№ 25), „Химородникъ“ (№ 26), „Каменные бабы“ (№ 27), Происхожденіе камней, чудовищныя змѣи, полозы. Великаны (№ 29).

Некрологи: В. М. Гаршина (№ 25, 26).

Бібліографич. замѣтки. Краткія рецензіи на вышедшія книги и брошюры: „Сусликъ и истребленіе его сѣрнистымъ водородомъ“ — К. Бербенка. „За правду. Изъ области сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной дѣятельности“ — И. Бѣловодскаго. „Кіевская Старина“ № 1—3. 1898 г. (№ 25).

Матеріалы къ исторіи губерніи. Предложеніе генерала Тутолмина — екатеринославскому приказу общественнаго призрѣнія 16 іюня 1784 г. объ открытіи въ немъ засѣданій (№ 26). Запорожскій храмъ въ Новомосковскѣ (заимствованъ изъ Кіевск. Стар.) (№ 28) Изъ бумагъ И. М. Скрыльника. Городъ подрядчикъ (окончаніе) А. Егорова (№ 30).

Корреспонденціи: изъ Александровска — Я. П. Новицкаго о старомъ заштатномъ городскомъ кладбищѣ.

Одесскій Вѣстникъ 1888 г. №№ 1—50.

Статьи, извѣстія и замѣтки. № 9. Очаковъ въ 1799. (Отрывокъ изъ путешествія Павла Сумарокова).

№ 32. Наиболье рѣдкія и дорогія изданія одесской городской публичной бібліотеки. (Указаны инкунабулы съ 1488 г. и книги съ 1634 г., находящіяся въ бібліотекѣ).

№ 31. Назначеніе бібліотеки П. О. Бурачкова. (Характеризовано пожертвованіе г. Бурачкова въ одесскую гор. бібліотеку и названы наиболье цѣнныя рукописи и изданія).

№ 46. Одесская городская публичная бібліотека.

№ 45. Археологическій музей А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. (Поименованы болѣе интересныя древности этого музея).

№№ 3, 6 и 11. Объ обычномъ правѣ и волостныхъ судахъ. (Полемика съ проф. Табачниковымъ и „Новоросс. Телеграфомъ“).

№ 38. Дѣло о Вишневецкомъ имѣніи (корреспонд. изъ Кіева).

№ 19. Народное преданіе о приѣмѣ запорожцевъ имп. Екатериною II. (Изъ Екатер. Губ. Вѣд.).

Критическія замѣтки и рецензіи. № 44. Трудъ комитета для историко-статистическаго описанія подольской епархіи.

№ 23. Последній томъ черниговской земской статистики.

№ 37. Къ двадцатилѣтію „Сборника херсонскаго земства“.

№ 38. Результаты подворной переписи александрійскаго уѣзда.

№ 50. „Безталанна“. Драма Карпенка-Карого.

№№ 34 и 47. „Мартынъ Боруля“. Комедія, его же.

Въ этой же газетѣ встрѣчаются беллетристическіе эскизы и очерки изъ народнаго быта, напр. „Маленькій Посѣвальщикъ“ Стрѣлки (№ 2), „Тюремщикъ“ Карла Францоа (№ 5), „Маленькій пассажиръ“ Ивана Колуцаго (№ 37), переводъ изъ Балуцкаго и др. польскихъ авторовъ и т. п.

„Новороссійскій Телеграфъ“ №№ 3951—4044.

Статьи, извѣстія и замѣтки. №№ 4027, 4036. О народной этимологии *В. И. Шерцля*. (Исслѣдованіе объ измѣненіи иностранныхъ словъ въ рѣчи разныхъ народовъ, преимущественно въ русскихъ и славянскихъ нарѣчіяхъ).

№ 4041. Новые матеріалы для исторіи новороссійскаго края. (Перечень книгъ, изданныхъ въ 1887 г. съ передачею наиболѣе интересныхъ фактовъ).

№№ 3941, 3945 и 3951. О волостныхъ судахъ. *Табачникова*. (Находя крестьянъ неподготовленными ни въ нравственномъ, ни въ юридическомъ отношеніи къ отправленію правосудія, авторъ считаетъ волостные суды излишними и предлагаетъ ихъ упразднить).

№ 4044. Сельское правосудіе. (Тоже съ приведеніемъ фактовъ изъ жизни херсонской губерніи).

№№ 3986, 3988. Пятидесятилѣтіе Ялты. 1837—87. (Библиографич. замѣтка).

№ 3976. Малорусская труппа. (Критич. замѣтка). Изъ очерковъ беллетристическаго содержанія въ этой газетѣ попадаютъ касающіеся отчасти народнаго быта южной россіи романы и рассказы Потапенка: „Возмущенный ангель“ (№ 3949), „Романъ“ (№ 3955), „Внезапный“ (№ 3964), „Заблужденіе“ (3992), „Молоко“ (3978), „Выборная должность“ (3971), „Оксана“ (4026, 4033, 4040). Общій ихъ характеръ—фотографичность безъ умѣлой ретушевки, но съ вѣрными подъ часъ изображеніями бытовыхъ чертъ отдѣльныхъ лицъ. Рассказы *Лидіи Пашковой*, *Назарьевой*, *Морскаго*, *Ляхачева* и др. касаются быта интеллигентныхъ слоевъ.

Крымъ №№ 7—17

№ 7. *Таврическая ученая архивная коммиссія.* *Ө.* Лашкова. Авторъ указываетъ на необходимость сосредоточить въ коммисіи и въ музеѣ при ней памятники мѣстной старины письменные и вещественные, которые находятся теперь въ рукахъ частныхъ лицъ.

№ 8. *Изъ исторіи г. Симферополя.* *Г. Т.* Авторъ обращаетъ вниманіе на двѣ надписи на стѣнѣ мечети „Джамигъ Кебиръ“ и на два надгробныхъ памятника на кладбищѣ при этой мечети.

Исторія виноградарства въ сѣверныхъ уѣздахъ таврич. губ.

№№ 9 и 10. *Херсонесь, какъ купль св. Владиміра.* (Оковчаніе). *Х.* Ящуржинскаго.

№ 11. *Учебная экскурсія симферопольской гимназіи въ Бахчисарай и его окрестности для ознакомленія учениковъ съ древними памятниками, историч. судьбой и замѣчательными мѣстностями Крыма.*

№ 14. *Упадокъ рыбнаго промысла въ таврич. губ.*

№ 15. *На туземной окраинѣ.* (Замѣтки туриста). Ф. Описаніе г. Алешекъ. **Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г.**

№№ 5 и 7. Свѣдѣнія о переяславско-полтавской семинаріи за время отъ 1798 по 1818 г., извлеченныя изъ дѣлъ архива полтавской духовной академіи. (Продолженіе).

Полтавскія Губернскія Вѣдомости 1888 г. № 1—30.

№ 12. Воззваніе отъ комитета по устройству соборнаго храма во имя Успенія Божіей Матери въ г. Переяславѣ, полтавской губ. какъ историческаго памятника (въ отдѣлѣ объявленій).

Черниговскія Губернскія Вѣдомости № 24—25.

Въ отдѣлѣ „Къ исторіи края“ распоряженія графа П. А. Руминцева по управленію Малороссіей (1779 г.). 60) По жалобѣ генеральнаго бунчужнаго Тарновскаго на Заводовскаго за разореніе д. Борковки. 61) О назначеніи секундъ-майора Гребелинча управляющимъ Бѣловежскою колонією. 62) По жалобамъ генеральнаго бунчужнаго Тарновскаго на Заводовскаго. 63). О мѣрахъ для безопаснаго отъ огня размѣщенія винокурень. 64) О принятіи мѣръ противъ корчемства на границѣ трубчевскаго уѣзда. 65) О производствѣ бунч. тов. Корочевскаго и есаула импер. артиллеріи Лихошерстова въ чинъ коллежскаго ассесора. 66) О запрещеніи выдавать заручныя листы. 67) О производствѣ Михайла Гудовича въ чинъ войсковаго товарища. 68) О принятіи мѣръ противъ дѣсныхъ пожаровъ. 69) Объ отправленіи казеннаго „серебряннаго“ сервиза въ Курскъ. 70) О порядкѣ рассмотрѣнія гродскими судами гвалтовныхъ дѣлъ. 71) О принятіи мѣръ къ уменьшенію винокуренія. 72) По жалобѣ пѣжынскаго полковаго хоружаго Клецунова за невозвращеніе движимости, взятой при отобраніи отъ него ранговаго села Ильинець. 73) Объ опредѣленіи канцеляристовъ и другихъ малороссіянъ на службу въ курское намѣстничество. 74) О производствѣ черниговскаго полковаго судьи Якова Бакуринскаго въ чинъ коллежскаго ассора. 75) По жалобамъ генеральнаго бунчужнаго Тарновскаго на генераль-маіора Заводовскаго. 76) О производствѣ канцеляристовъ Сидора Остренскаго и Ивана Ждановича въ чинъ войсковаго товарища.

№ 27. Изъ фамилнаго архива А. И. Ханенка: а) письмо гет. Іоанна Мазепы къ пану Василію Дуброховскому, обозному войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запороискаго енералному 11 мая 1680 г., съ присылкою „удовольствованія з справъ бывшаго гетмана Ивана Самойлова кунтуша ластроваго собольимъ обшитымъ и жупана ластроваго“. б) Оповѣщеніе Лазаремъ Барановичемъ, Архіепископомъ Черніговскимъ, Новгородскимъ и всего Сѣвера духовенства своей епархіи отъ 15 мая 1690 г. на съѣздъ въ Кіевъ „на елекцію“ Кіевскаго Митрополита послѣ смерти князя Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго. в) Універсалъ Гетм. Івана Мазепы 26 іюня 1691 г. по жалобѣ Загоровскаго

на Прокоповича за кронта, захваченные послѣднимъ у перваго и г) Объявленіе Александра Мевшикова 11 апр. 1709 г. о нечяненіи обидь ополчанскимъ жителямъ въ городахъ и мѣстахъ казанерскаго полка.

№ 30. Юсифъ Ж—ій передаетъ преданіе, по его словамъ относящееся къ Троицкому монастырю въ Черниговѣ.

№ 32. Изъ архива Л. С. Лишина напечатаны два документа, выданные представителямъ этого рода малороссійскою коллегіею на землевладѣніе въ 1738 и 1748 годахъ.

Харьковскія Вѣдомости 1888 года. № 28. Д. П. Балалій, Харьковскія ярмарки въ прошломъ столѣтіи. Въ этой статьѣ опредѣлены характеръ харьковскихъ ярмарокъ прошлаго столѣтія, какъ-то: какіе кушцы, откуда и какіе товары привозили и по какой цѣнѣ ихъ продавали.

№ 45. Н. О. Сумцова, О наводненіи въ г. Харьковѣ въ 1853 г.— небольшая статья о самомъ сильномъ наводненіи въ Харьковѣ, составленная по оффиціальнымъ даннымъ того времени.

№ 47. А. Н. Стояновъ, Памяти Александра Осиповича Михайлова, краткій некрологъ учителя гимназій А. О. Михайлова, около 50 лѣтъ преподававшего латинскій языкъ.

№№ 59—60. П. Т. О наборѣ пѣвчихъ въ Малороссіи къ Высочайшему Двору Елизаветы Петровны и Екатерины Великой, обширная и интересная статья, составленная по архивнымъ документамъ изъ историческаго архива при Харьковскомъ университетѣ.

№ 64. Н. О. Сумцовъ, Александра Матвѣевна Погорѣлко,— некрологъ и воспоминаніе объ А. М. Погорѣлко, имѣвшей въ 60-хъ годахъ въ Харьковѣ пансіонъ для воспитанія дѣтей обоаго пола.

№ 71 Н. К. К., Рецензія на обширное сочиненіе А. В. Гурова „Отчетъ полтавскому губернскому земству“, заключающее въ себѣ геологическое описаніе полтавской губерніи.

№ 77 Н. К. К. Библиографическая статья о первомъ томѣ „Описанія старой Малороссіи“ Ал. Лазаревскаго.

№ 86. О первой книжкѣ „Кіевской Старины“ подъ редакціей А. С. Лашкевича, изложеніе содержанія статей и сочувственный отзывъ.

Южный Край. Харьковъ 1888 г. № 2491, 2493, 2498. Малоземелье и крестьянскій поземельный банкъ. (Отчетъ крест. позем. банка 1886 г.). К—ъ.

№ 2494. Корреспонденція изъ Полтавы о происходившихъ и происшедшихъ недавно провалахъ въ восточной части города Полтавы, построенной на минахъ, куда скрывались было, по преданію, жители во время татарскихъ набѣговъ.

№ 2509. О предполагаемыхъ раскопкахъ проваловъ въ Полтавѣ, такъ какъ обнаружены цѣнные вещи для археологій: оружіе до-петровской эпохи, монеты, глиняные сосуды.

№ 2510. Корреспонд. изъ мелятопольск. уѣзда о находкѣ на ровномъ мѣстѣ нѣсколькихъ фунтовъ серебряныхъ монетъ съ изображеніемъ на нихъ арабскихъ буквъ, должно быть относящихся къ XIII в.

Орловскій Вѣстникъ 1888 г. № 51. 16-го апрѣля. Небольшая статья „Вербное воскресеніе въ старину на Руси“ интересна нѣкоторыми этнографическими указаніями, и „275-лѣтіе дома Романовыхъ“ — очеркъ, имѣющій общій интересъ.

Донская Рѣчь 1888 г. № 42. „Свадьба крестьянъ великороссовъ (на Дону)“ — интересна сравненіемъ свадебныхъ обрядовъ у великороссовъ и малороссовъ.

Донъ 1888 г. №№ 39, 40 и 43. Всеволодъ Веселовскій: „Колыбель русскаго флота“, историческій очеркъ — имѣетъ общій интересъ. Очеркъ составленъ хорошо и посвященъ весьма важнымъ событіямъ, происходившимъ на югѣ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Отчетъ одесской город. публичной библіотеки за 1888 г. 8^о 12 стр. Къ 1 янв. 1888 г. б-ка состояла изъ 23,593 назв. въ 52,266 тт. Въ отчетномъ году она обогатилась многими пожертвованіями (2,722 назв. въ 4,829 тт.), изъ которыхъ важнѣйшее П. О. Бурачкова (1776 названій въ 3,176 тт.); покупкою приобрѣтено 763 назв. въ 1501 т. Посѣтило б-ку 1640 лицъ 26,900 разъ. Наиболѣе требовались книги по беллетристикѣ, исторіи и журналы (изъ послѣднихъ наиболѣе Вѣст. Евр.). Для занятій въ б-кѣ пріѣзжали даже изъ другихъ городовъ Новороссіи.

Отчетъ комиссіи народныхъ чтеній въ Кіевѣ за 1882—87 гг. К. 1888. 8^о, 20 стр. Комиссія нар. чт. въ Кіевѣ, состоящая нынѣ подъ предсѣдательствомъ Н. А. Хржонщевского, начала свою дѣятельность въ 1882 г. Въ 1-мъ году чтенія были бесплатны, но затѣмъ была установлена небольшая плата отъ 5 до 40 к. (150 бил. выдается бесплатно), что увеличило скромныя средства комиссіи. Всѣхъ чтеній было 122 (религ.-нрав. — 13, историч. — 12, біогр. рус. писат. — 4, этнограф. — 2, по естествозн. — 18, медицина и гигиена — 10, произв. рус. писателей и повѣстей для народа — 11). Платныхъ посѣтителей было 38204, — ср. числомъ по 318 на чтеніи, бесплатныхъ не менѣе 300 чел. на каждомъ чтеніи. Замѣчается увеличеніе числа посѣтителей изъ рабочаго класса. Къ сожалѣнію комиссія располагаетъ весьма скромными средствами:

приходъ за всѣ 6 отчетныхъ годовъ—5577 р. 16 к. Съ 1885 г. комиссія получаетъ ежегодно 300 р. пособія отъ городской думы.

Отчетъ церковно-археологич. общества при Киев. Дух. Академіи за 1887 г. Н. Петрова. К. 1888. 8°. 30 стр. Въ отчетномъ году въ обществѣ считалось 166 членовъ. Въ музеѣ и его библиотекѣ числилось 18,921 предметъ, изъ нихъ 677 поступили въ 1887 г. Приходъ общества въ отчетномъ году равнялся 1471 р. 74 к., а расходъ 762 р. 72 к.

Пьянковъ Вас. Бѣдущимъ въ Крымъ на язвы: Справочная книжка города Евпаторіи и его уезда. Евпат. 1888. Толково составленная книга, необходимая для желающихъ воспользоваться черноморско-лиманнымъ купаньемъ и майноскою и сакскою грязелѣчебницами, съ нѣкоторыми историческими и статистическими свѣдѣніями.

Bañkowski.—Ruś Chełmska od szasu rozbioru Polski. Lwów 1887.

Barta.—Ryby, zyjące w Serecie i jego dopływach. Lwów 1887.

Батюшковъ.—Холмская Русь, историческія судьбы русскаго Забужья. С.-Петербургъ. 1887.

Борисъ и Глѣбъ свв. мученики ростовскіе, во св. крещ. нареченные Романъ и Давидъ. Изд. О. Лузиной. М. 12°. 36 стр.

Буренинъ В.—Критическіе этюды. Спб. 1888. 8° 398 стр. Есть этюды о Гоголѣ.

Waigiel.—O Hucułach, zarys etnograficzny. Krakow 1887.

Добролюбовъ В. А.—О положеніи каменноугольной промышленности Донецкаго бассейна и объ отношеніи къ ней ея руководителей и руководимыхъ. Ч. I. Съ прил. карты Донец. бас. Спб. 1888. 8° 224 стр. 1 р. 70 к.

Жизнь и страданіе св. муч. кн. Михаила черниг. и боярина его Θεодора. Изд. отд. распротр. дух.-прав. книгъ. М. 16°. 20 стр.

Жизнь преп. и богон. отца нашего Θεодосія печерскаго. Изд. Лузиной. М. 12°. 36 стр.

Заклинскій.—Географія Руси. I Русь галицкая, буковинская и угорская, съ картою. Львовъ. 1887.

Lindeman. K. (dr). Die schädlichsten Insekten des Tabak in Bessarabien. Moscau. 1888. 8°. 67 стр.

Nowicki.—Ryby dorzeczy Wisły, Styru, Dniestru i Prutu w Galicji. Kraków. 1887.

Petrovits.—Nationaltrachten Osterreichs: Galizien, Schlesien, Bukowina. Wien. 1887.

Polanski.—Karpatische Novellen iu Kleinrussisch Sprache. 2 B-de. 236 und 265 S. Leipz. 6 M.

Протоколь засѣданія общества одесскихъ врачей № 8. 24 янв. 1887. Од. 1887. 8° 8 стр.

Протоколь торжеств. годич. заѣданія общества одесск. врачей № 20, 3 окт. 1887 г. Од. 8° 16 стр.

Склябовскій Д. Штунда. Подробный разборъ и опроверж. ученія штундистовъ. М. 8° 52 стр.

Соколовъ А. А. Зиновій — Богданъ Хмѣльницкій, освободитель Малороссіи. Историч. романъ въ 2 част. Спб. 1888. 394 стр. 1 р. 50 к.

Справочная книжка на время контрактовъ для лицъ приѣзжающихъ и живущихъ въ Кіевѣ на 1888 г. Изд. В. Э. Бублика К. 1888. 8°. 117 стр. 20 коп.

Tarłowski — Statystyka pijaństwa w Galicji i na Bukowinie. Lwow. 1887.

Указатель статей, напечатанныхъ въ „Филологич. Запискахъ“ за весь 25-лѣтній періодъ этого изданія. Воронежъ 1888. 8° 58 стр. 40 к.

Фейлинъ А. А. Путеводитель по Крыму и справочная книжка. Съ 10 рис. М. 1888. 12° 152 стр. 1 р. 50 коп.

Szarowski Stanisławów i powiat stanisławowski pod względem historyczno-statystycznym. Stanisławów. 1887.

Янчукъ. Малорусская свадьба въ корницкомъ приходѣ константиновскаго уѣзда седлецкой губ. Москва. 1887.

Важнѣйшія опечатки въ № 4.

Стр. 23—послед. стр.	<i>напечатано:</i>	<i>нужно читать:</i>
	разсудительные и	разсудительные
Стр. 24—стр. 14 (свер.)	море	люде
„ стр. 21	Тыбтъен	Шыбтъки.

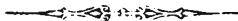

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

М а й , 1888 г.

	СТР.
I. Нѣжинская рада 1668 г. А. Востокова.	125—139
II. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебургскому праву. I—III. И. Каманина	140—168
III. Очеркъ литерат. исторіи малор. нарѣчія въ XVII в. — Книжная малорусская рѣчь въ XVII в. І. П. Житецнаго.	169—183
IV. Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. А. Потебни. .	184—208
V. На рубежѣ. Перев. съ польск. VI. К. М.	209—234
VI. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію Григоріанскій календарь. Н. Ѡ. Сумцова.	235—258
VII. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? П. Л.	259—264
VIII. Критика. Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ узгляденіемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. — Галицко-русская библіографія за 1887 г. Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. Мирона. Н. Н. Оглоблинъ. Провинціальныя архивы въ XVII вѣкѣ. И. Каманина. Украинскія легенды въ французскомъ журналѣ. В. Горленна. Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей съ 14-го ноября 1886 г. по 14 ноября 1887 г.—Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. В. Я.	25—44
IX. Документы, извѣстія и замѣтки. Проекты кіевской губернской канцелярїи, представленныя въ Елисаветинскую и Екатерининскую законодательныя комис-	

сін. Сообщ. М. Владимірскій-Будановъ . На комъ былъ женатъ Мазепа. А. Л. Письмо воронежскаго сотника Холодовича къ намѣстнику черниговской „кафедры“ Саввѣ Шпаковскому, 1721 г. А. Л. Легенда о Паліѣ. Право „презенты“ и его значеніе въ исторіи юго-западнаго края. В. Чезажевскій . „Прыказка“ о нюхарахъ. Ив. Манджура . Отчетъ о рефератѣ проф. В. Б. Антоновича, читанномъ въ засѣданіи историческаго общества Нестора Лѣтописца 3 апрѣля 1888 г. Н. Н. Чернышевъ (Некрологъ). Ө. М. Къ редакторской дѣятельности Ө. Г. Лебединцева . В. Г.	37—68
X. Для справокъ	66—68
XI. Библиографич. листокъ	17—
Приложенія: Наказы малор. депутатамъ 1767 г.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ

СПИСОКЪ ИЗДАНИЙ

КОММИССИИ ДЛЯ РАЗБОРА ДРЕВНИХЪ АКТОВЪ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденной

при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генераль-Губернаторѣ.

(Цѣны по возможности понижены).

Памятники Коммиссіи. Томъ IV, изд. 2-е 1859 г., стр. 950, ц. 2 р.

Лѣтопись Самоила Величка. Томъ IV, изд. 1864 г., стран. 420, ц. 1 р. 25 к.

Лѣтопись Самовида по новооткрытымъ спискамъ съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ, подъ ред. *О. И. Левицкаго*, изд. 1878 г., стран. 568, ц. 2 р.

Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи г. Кіева и его окрестностей, 1874 г., стр. 416, ц. 1 р. 50 к.

Архивъ юго-западной Россіи.

Часть первая, т. 2-й и 3-й. Матеріалы для исторіи православія въ Западной Украинѣ въ XVIII ст. Архимандритъ Мелхиседеъ Значко-Яворскій (1759—1771 г.). Изд. 1864 г. стр. во 2-мъ т. 897, въ 3-мъ 907. Ред. *Ө. Г. Лебединцевъ*. Оба тома составляютъ одно цѣлое и продаются вмѣстѣ, ц. 3 р.

Часть первая, т. 5-й. Акты о подчиненіи Кіевской митрополіи Московск. патриархату (1620—1694 г.). Изд. 1872 г. стр. 671. Подъ ред. *С. Терновскаго*. ц. 2 р.

Часть первая, т. 6-й. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-зап. Руси (1322—1648 гг.). Подъ ред. *О. И. Левицкаго*. Изд. 1883 г. стр. 1120, ц. 2 р.

Часть первая, т. 7-й. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссовъ съ латино-уніатами въ XVI—XVII вв. съ присоединеніемъ записокъ М. Петра Могилы и неизданныхъ сочиненій Іоанна Вишенскаго). Подъ ред. профес. *Голубева*. Изд. 1887 г. стр. 816, ц. 2 р.

Часть третья, томъ 2-й. Акты о козачкахъ (1679—1716 гг.). Изд. 1868 г.

стр. 1048. Подъ пед. проф. *В. Б. Антоновича*, ц. 2 р.

Часть третья, томъ 2-й. Акты о гайдамакахъ (1700—1768 гг.). Изд. 1876 г. стр. 1025. Подъ ред. проф. *Антоновича*. ц. 2 р.

Часть четвертая, томъ 1-й. Акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-зап. Россіи (1442—1760 гг.). Изд. 1867 г. стр. 577. Подъ ред. пр. *Антоновича*, ц. 2 р.

Часть шестая, томъ 1-й съ Приложеніемъ въ видѣ особаго тома. Акты объ эконоимическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ юго-зап. Россіи въ XVI—XVIII вв. (1499—1795 гг.). Изд. 1876 г. стр. 775+793. Подъ ред. *И. П. Новицкаго*. Оба тома продаются вмѣстѣ, ц. 4 р.

Часть седьмая, томъ 1-й. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Изд. 1886 г. стр. 744. Ред. пр. *Антоновичъ* изслѣдов. пр. *Владимірско-Буданова*, ц. 2 р.

Указатели къ изданіямъ Коммиссіи:

Томъ I. Имена личныя. Изд. 1878 г. стр. 892. Сост. *И. П. Новицкимъ*, ц. 2 р. 50 к.

Томъ II. Имена географическія. Изд. 1883 г. стр. 978. Состав. *И. П. Новицкимъ*, ц. 2 р. 50 к.

БРОШЮРЫ:

О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-зап. Россіи, *Н. Иоаннишева* 1863 г. стр. 73, ц. 50 к.

Отвѣтъ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ по поводу выхода въ свѣтъ 2-й части Архива юго-зап. Россіи. Изд. 1861 г. стр. 49, ц. 40 к.

Тотъ-же отвѣтъ на польскомъ языкѣ. Изд. 1861 г. стр. 152, ц. 40 к.

О началѣ христіанства въ Польшѣ. *Архивъ Иннокентія* 1886 г. стр. 50, ц. 40 к.

Тоже—на польскомъ языкѣ. 1886 г. стр. 51, ц. 40 к.

Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра (Предисловіе ко 2-му тому 3-й части Архива юго-зап. Россіи). *В. В. Антоновича*, ц. 1 р.

Окончены печатаніемъ и скоро поступятъ въ продажу:

Архивъ юго-зап. Россіи часть 2-я, томъ 2-й. Акты для исторіи провинціаль-

ныхъ семействъ юго-зап. края во 2-й половинѣ XVII вѣка. Изд. 1888 г. стр. 720, ц. 2 р.

Сборникъ Лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Изд. 1888 г., стр. 386, ц. 1 р. 50 к.

Печатаются или готовятся къ печати:

Архивъ юго-зап. Россіи часть VII т. 2-й. Акты о евреяхъ въ юго-зап. Россіи въ XVIII ст.

Акты о семейныхъ отношеніяхъ въ юго-зап. Россіи въ XVI—XVII ст.

Акты, относящіеся къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго.

Примѣчаніе. Каждый томъ каждой части „Архива“ составляетъ отдѣльное и самостоятельное цѣлое и снабженъ б. или м. обширнымъ изслѣдованіемъ по извѣстному вопросу.

Означенныя изданія продаются въ складѣ Коммиссіи, Кіевъ, Елисаветинск. ул. № 9.

Книгопродавцамъ дѣляется уступка въ 25% съ номинальной цѣны, но подъ условіемъ покупки за наличный деньгъ; коммиссіонерство вовсе не принимается. Учебнымъ заведеніямъ и служащимъ въ нихъ дѣляется также уступка въ 25%.

Пересылку Коммиссія принимаетъ на свой счетъ.

О ПОДПИСКѢ НА РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ на 1888 годъ.

Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ 12 ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1888 г. стоятъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки 15 р. 50 к., съ доставкою 16 руб., съ пересылкою по всѣмъ городамъ Россіи 17 руб.

Допускается взносъ въ два сроча, а именно: при подпискѣ 9 руб., а остальная сумма къ 1-му Юня.

Заграницу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Давію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—18 руб. Въ прочія мѣста за границей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ принимается въ Петербургѣ: для городскихъ—въ Конторѣ Журнала „Русскій Вѣстникъ“ въ Товариществѣ „Общественная Польза“ (В. Подъяч., 39), въ книж. магазинѣ „Новаго Времени“ (Невск., 38) и въ Редакціи (Большая Морская, д. 32 кв. 7); въ Москвѣ: въ Редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“—на Страт. бульв., въ книж. магазинѣ „Новаго Времени“ (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи).

Иногородные адресуются въ Контору „Русскаго Вѣстника“—СПБ., В. Подъяч., № 39, въ Товарищество „Общественная Польза“. Редакторъ, Фед. Ник. Бергъ, принимаетъ по вторникамъ и четвергамъ до 1 часу дня. (Большая Морская д. 32 кв. 7). Мелкія статьи и стихотворенія, признанныя редакціей неудобными для печатанія, не возвращаются.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ
„НЕДѢЛЯ“**

Съ прил. женіемъ ежемѣсячныхъ „КНИЖЕКЪ НЕДѢЛИ“.

Цѣна „НЕДѢЛИ“ съ „Книжками НЕДѢЛИ“ съ пересылкой и доставкой на годъ 9 р., на полгода 5 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, у Владимірской церкви, Ямская, 6.

La Nouvelle Revue.

18 boul. Montmastro-Pasis.

(Sommaire de la livraison du 15 mars 1888):

La Société de Paris: le monde politique, par le C-te P. Vasili.—*Notes d'Allemagne: A travers l'Empire*, par P. Melon.—*La Magistrature au XVII-e siècle sous Richelieu*, par le V-te G. d'Avencel.—*Après* (suite), par E. Jouan et J. Rolland.—*Napoléon I-er d'après quelques livres récents* (1-re partie), par F. Gallot.—*La Langue française avant et après la Révolution; étude sur les origines de la bourgeoisie moderne* (1-re partie), par Fergus.—*La Salle de portraits d'artistes au Musée du Louvre*, par H. de Chennevières.—*Le Musée de l'Ermitage et la collection Braun*, par Thiébauld-Sisson.—*Deux Livres: Edgard Quinet, La Jeunesse*, par Luchaire.—*Deux Livres: J. Michelet, Mon Journal*, par M. Peyrot.—*Revue du théâtre: Musique*, par L. Gallet.—*Revue du théâtre: Drame et comédie*, par L. Lacour.—*Lettres sur la politique extérieure*, par M-me J. Adam.—*Chronique politique*, par R. Frary.—*Revue agricole*, par G. Couanon.—*Revue financière*.—*Bulletin bibliographique*.

Correspondents de la Nouvelle Revue en Russie: *Moskou*: W. Gautier.—*Odessa*: Rousseau —*St.-Petersbourg*: Librairie de la Cour, Charles Ricker et Portier d'Are.—*Tifflis*: Chiddekel.—*Varsovie*: Gebethener et Wolff, Gustave Sennezald.—*Vilna*: G.-M. Strakouné.

Prix des abonnements: 3 mois 17 francs, 6 mois 32 francs, douze mois 62 francs .

СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ВЫХОДИТЬ ВЪ 1888 ГОДУ

ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатн. листовъ.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ предѣлахъ Россіи 13 руб. 50 коп. За границу 15 руб.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1888 годъ

(девятый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи.	12 р.	6 р.	3 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.
Отдѣльныя книги продаются по 1 р. 25 к. съ пересылкою.			

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, въ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Студенты, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанницы старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за 10 руб., причѣмъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и затѣмъ, съ 1 апрѣля, ежемѣсячно по 1 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналѣ.

Журналъ будетъ выходить подъ тою же редакціей и при томъ же составѣ сотрудниковъ, что обуславливаетъ неизмѣнность его программы, задачъ и направленія. Объемъ и вѣстность журнала, не смотря на пониженіе цѣны, останутся тѣ же, что и въ текущемъ году.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

посохи и денежныя годовые поборы, какъ имѣючіеся въ Магистратѣ Погарскомъ записныя старинныя книги явствуютъ; и содержаны были съ тѣхъ селъ и деревень къ полегченію мѣщанству Погарскому для переходячихъ и переѣзжающихъ регулярныхъ войскъ всякихъ чиновъ и подъ полковіе тягости конные вмѣсто почтъ стойки; а съ 1731 года разные владѣльцы полку Стародубовскаго тѣ ратушныя села и деревнѣ какъ стали умышленно называть уже не ратушными, но свободными, то отъ онога года села и деревнѣ отойшли безъ имянныхъ, безсмертной славы достойныхъ Всероссійскихъ Монарховъ, Ея Императорскаго Величества предковъ височайшихъ указовъ за разныхъ владѣльцовъ и тако чрезъ выше изъясненіи (завладѣніи) всѣ(хъ) какъ на урядъ Магистратовій принадлежащихъ маестностей, такъ и отъ древнихъ векуистыхъ годовъ бывшихъ подъ видѣніемъ ратуши Погарской (что нынѣ Магистратъ) селъ и деревень городъ Погаръ остался въ крайнемъ оскудѣніи и недостаткахъ. Прошлоежъ 729 года хотя Магистратъ Погарскій имѣлъ въ своемъ владѣніи устроеніи на реке Судости, подъ самимъ городомъ Погаромъ между обосторонними города Погару мѣскими землями текущей, на греблѣ мѣской о двухъ камняхъ млинъ, которій и отъ прежнихъ Гетмановъ: Скоропадскаго и Апостола, унѣверсалами утверждень, но какъ гребля Погарская отъ 1736 году чрезъ сильное наводненіе прорвалась и за нерачительствомъ и разногласіемъ устроившихъ на той греблѣ многими владѣльцами своихъ частей мелницъ въ неучиненіи Магистрату противъ тѣхъ частей спомоществованій даже доселѣ не загачена состоятъ въ пустѣ, то изъ оной мелницы бывшихъ приходовъ Магистратъ Погарскій лишился воеся. Хотяжъ, въ силѣ выше-прописанной памяти Хлоповой и Гетманскихъ подтвержденій и прежде бывшихъ Малороссійскихъ Коллегій и Генеральной Войсковой Канцеляріи указовъ, Магистратъ Погарскій имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ важницу мѣскую, съ коею съ вещей разныхъ товаровъ и прочего денежныя приходи Магистратъ Погарскій получалъ, но въ силѣ имяннаго блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти Великія Государини Императрицы Елисаветъ Петровны состоявшогося и въ Правительствующемъ Сенатѣ прошлаго 755 года Априля 2 дня напечатан-

ного указа, егда Малороссійская индукта и эвекта и протчіе національные зборы отрѣшены, то и тѣ важничіе приходы доселѣ приустановлены, но токмо подѣ присмотромъ Магистрата Погарского содержится та важница, да за опустѣніемъ наміненной мѣской Погарской гребли на реке Судости отъ Магистрата хотя и устроенъ перевозъ собственнымъ мѣскимъ коштомъ, токмо такъ ни зѣ важницы за вѣсь, яко и съ перевозу почти вовсе ничего въ Магистратъ не получается (кромѣ что хто развѣ добровольно дастъ). И такъ Магистратъ Погарскій для ресторраціи и подчинки себе и находящимся при немъ присутствующимъ урядникамъ, писарамъ и канцелярскимъ служителямъ по отходѣ селъ и деревень и всякихъ доходовъ ничего не имѣеть. Для того повѣряется вамъ, Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше рабски представя о пожалованіи вишеизображенныхъ отъ Магистрата отшедшихъ селъ и мельницы Савостяновской со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи и о подтвержденіи дву каменной млива на реке Судости, универсалами Гетмановъ Скоропадского и Апостола наданныхъ на содержание Магистрата и находящихся при немъ урядниковъ и для облегченія и вспомошествованія мѣщанамъ, на украшеніе града церквами Божіими и на призрѣніе бѣдственно страдающихъ вдовъ и сиротъ, нищихъ и убогихъ, неимѣющихъ своего препитанія, ко устроенію богодѣлень и всякихъ гражданскихъ потребностей и протчихъ чистотъ и благопорядочій и на всякіе крайне необходиміе нужные росходы, дабы въ томъ Магистратъ Погарскій противъ другихъ Малороссійскихъ упривилѣванныхъ городовъ недостатка и отмѣны не имѣлъ и безнуженъ быть могъ, по прежнему къ Магистрату Погарскому, и на то всемилостивѣйшей высочайшей Ея Императорскаго Величества жалованной подтвердительной грамоти просить.

2.

Каково имѣемъ мы по предкамъ нашимъ болѣе отъ ста лѣтъ Право Магдебурское, жалованное первоначально отъ Королей Польскихъ, на основаніи оныхъ жалованныхъ отъ Великихъ Государей Царей и отъ високославныхъ безсмертнія памяти достойныхъ монар-

ховъ всероссійскихъ грамотъ, книгу Порядокъ, на полскомъ языкѣ зъ латинскимъ напечатанное, коимъ по своимъ волностямъ предки наши судились и нинѣ судимся, употребляя къ оному и книгу Саксонъ; а яко съ тѣхъ правнихъ книгъ на россійскомъ діалектѣ печатнихъ неимѣемъ, что за нужно потребно, для того вамъ повераемъ: просить всеподданѣйше Ея Императорскаго Величества, дабы повелено было тѣ обѣ Правніе Книги на русскій языкъ подъ Превысочайшимъ Ея Императорскаго Величества титуломъ перепечатать зъ дополненіемъ въ оныхъ: 1) чтобъ мѣщане по жалобнимъ дѣламъ чрезъ писменніе позва о болшихъ дѣлахъ яко то: о земляхъ, знатнихъ долгахъ, о бояхъ и ранахъ и о протчемъ къ суду Магистратовому призывани были на четиронедельній, а въ случае дальней отлучки на шестонедельніе сроки, а по меншихъ дѣлахъ чрезъ слугу магистратового въ Магистратъ ссыкиванибъ были; 2) чтобъ мѣщане недвижиміе свои добра производили въ продажу другъ другу между собою, а не воинскимъ чиновникамъ, разночинцамъ и козакамъ, съ таковымъ обрядомъ, чтобъ на тѣ продажи купчіе крепости писани были, равнимъ образомъ какъ и Малороссійское шляхетство и козаки между собою чинятъ, съ подписомъ трехъ мѣщанъ рукъ и приложеніемъ ихъ печатей, и оніе при конфирмованіи урядовомъ вѣчно за дѣйствительніе признавани и принимани на всякихъ урядахъ были; 3) понеже многіе чины, не точію шляхетство и козаки, но и вышедшіе зъ мѣщанъ, первіе въ козаки, а потомъ и въ называючоеся шляхетство, урядниковъ и мѣщанъ города Погару, мужиками и посполитими причитая въ равенство зъ своими подданными, называютъ и порицають съ немалымъ намъ безчестіемъ и обидою и приключаютъ чрезъ разніе гвалти, нападеніи, бои и въ здоровьи увѣтча, для того побудило насъ поверить вамъ всеподданѣйше просить високомонаршей милости, чтобъ урядники и мѣщане Погарскіе отъ шляхетства и ни отъ кого другого впредъ мужиками и посполитими непорицани и не безчещени; 4) навязку бъ свою получали, равно какъ и въ привилѣгованнихъ городахъ Кіева, Нѣжина, Чернѣгова и Переясловля имѣють, и примѣромъ Кіевскихъ и Стародубовскихъ мѣщанъ дозволенно бъ было намъ при шабляхъ ходить въ знакъ

жалованной намъ височайшой Ея Императорскаго Величества на мѣщанское званіе милости; 5) чтобъ всѣ владѣющіе воинскаго званія разночинцы и козаки по крепостямъ правильнымъ и неправильнымъ мѣщанскими землями, по тяжбымъ дѣламъ, равножъ и всѣ пріежающіе купечество, какъ въ привилегіяхъ Королей Польскихъ Магистратамъ жалованныхъ точно изображено, подлеглими били праву Майдебурскому и судились на Магистратѣ, якожъ и въ подтвержденіе о битіи всѣмъ торговимъ людямъ указомъ Височайшимъ блаженной памяти и вѣчной славы достойной Императора Петра Великаго, Монарха Всероссійскаго, состоявшійся въ 1721 году Сентября дня, повелено тожъ по всякимъ дѣламъ купцамъ быть судимымъ въ Магистратѣхъ; 6) чтобъ впредь въ городъ Погарь отъ главной Малороссійской команды и ни отъ коль въ чини Войтовства Магистратоваго Погарскаго никто зъ воинскаго званія и ни съ какого другого чина опредѣляеми и насилаети не били, а избираеми бѣ были въ Войтовство Магистратовое по древнему обикновенію, въ силѣ Майдебурскогужъ жалованного намъ права, въ придаточныхъ артикулахъ напечатанного, между нами отъ природныхъ и оседлыхъ мѣщанъ Погарскихъ, достойныхъ къ тому людей, а не такъ какъ отъ прошлаго 757 году стали насилатись въ Малороссійскіе города, въ томъ числѣ и въ Погарь, зъ войскового званія Войти, кои не для должнаго правосудія и градскаго благоустройчія, но для собственного ихъ обогащенія и корыстей, а мѣщанамъ въ немалое избивденіе на властяхъ своихъ себе содержать.

3.

Состоящіе въ окрузѣ Погарскомъ землѣ со всѣми на нихъ застроенными селами и деревнями, футорами и мельницами и тѣми людьми, кои на оныхъ жителствуютъ со всѣми угодіями, чемъ прежде мѣщане здешніе Погарскіе издавно владѣли, просить во владѣніе Магистратовое и мѣщанское для построенія мѣсто обетшалаго нового двора Магистратоваго, лавокъ и протчїихъ нужныхъ необходимыхъ въ городѣ мѣскихъ потребностей, вмѣсто того что оними владѣльцы користуются неподлежаще; также чтобъ и состоящіе за разно-

чинцами по правильнымъ куплямъ отъ мѣщанъ доставшіесь, повелено было отъ Ея Императорскаго Величества: кто оными владѣеть, — употреблять въ повѣнность мѣщанскую и налагать на онихъ равно зъ мѣщанами Магистрату податѣ по препорціи тѣхъ земель, а безъ крепостей владѣміе землѣ и другія угодія отобрать Магистрату и наслѣдникамъ въ прежнее владѣніе отдать, чіи оніи были, и о всемъ на то всеподданнѣйше просить Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа.

4.

Всѣ владѣльцы, старшины всѣхъ приказовъ воинскихъ, разночинцы и козаки, какъ въ городѣ Погарѣ, такъ и въ сотнѣ Погарской живучіе и тѣхъ подданніе зъ допущенія командующихъ не мѣщанскаго званія, но воинскаго, Войтовъ и другихъ старшинъ, поустроили лавки и постоянные дома и шинки, понаселили въ городѣ на мѣщанской землѣ и неотбываютъ зъ онихъ къ Магистрату никакой общенародной повинности, ни сами отъ себѣ, ни подданныхъ своихъ недопускають отбывать указныхъ дачъ, нарядовъ и посылокъ; а отнявши промысли торговіе въ мѣщанъ, сами владѣльцы, старшины и разночинцы и подданніе ихъ, не записавшись въ мѣщанство и цехи, торгуютъ и всякое ремесло дѣлають; а и съ того мѣщанству Погарскому во всякихъ повинностяхъ жадного вспомошествованія не чиняютъ и цехмистромъ по ихъ цеховымъ порядкамъ послушенства, какъ у нихъ имѣющіесь зъ древнихъ годовъ урядовіе и отъ вишней власти конфирмованніе писменные документа гласяють, недѣлають; а при томъ инногороднимъ купцамъ и расколничихъ слободъ крестьяномъ, дома свои имѣя на мѣщанской землѣ построеніе, отдають въ найма и позволяютъ всякіе товары въ городѣ и въ уѣздахъ покупать и процавать въ розницу и оптомъ въ обиду всему мѣщанству, кои и торгуютъ досель. А Высокомонаршимъ указомъ, состоявшимся въ 1752 г. Октября 30 д., о недопущеніи инногороднимъ купцамъ и всякаго званія людямъ (торговать) въ рознь товары ни подкакимъ видомъ на чужихъ городѣхъ, въ подтвержденіе прежнихъ отъ 1705 года состоявшихся указовъ накрепко

всѣмъ иногородцамъ и разночинцамъ въ рознь торговать, покупать и продавать найстрожайше запрещено съ тѣмъ Высочайшимъ повелѣніемъ: еслибъ кто въ такой противъ указной торговлѣ былъ пойманъ и изобличенъ, въ онихъ тѣ ихъ товары отбирать безъ всякого послабленія безденежно; а будебъ находячіесь и въ услуженіи люде допущени были отъ своихъ хозяевъ къ розничной торговлѣ, то за несмотрѣніе съ тѣхъ хозяевъ штрафа за каждое преступленіе по 1000 рублей взимать за тѣхъ служителей. Да и по состоявшемуся в 1755 году Декабра 14 дня по собственной Ея Императорскаго Величества блаженной и вѣчно достойной памяти Великой Императрицы Елисаветъ Петровны конфирмаціи за подписаніемъ Высокоправительствующаго Сената указу, розничная продажа вовся отсѣчена. Въ силѣ которихъ Высочайшихъ указовъ и таможеннаго устава просить вамъ всеподданнѣйше у Ея Императорскаго Величества, чтобъ въ городѣхъ и во уѣздахъ какъ великороссійскіе и другіе купци въ рознь не покупали и не продавали никакихъ товаровъ, такъ и Малороссійское шляхетство, козаки и старшины козаціи и всѣ разночинцы и ихъ подданіе отнюдъ ничимъ не торговали, изъ рукъ въ мѣщанъ торговыхъ користей не выривали и себѣ не привлекали, а родившіесь бы въ нихъ товары городскимъ жителямъ продавали, а торговъ въ селѣхъ въ уѣзду Погарскомъ не имѣлѣ, всемилостивѣйшого въ подтвержденіе указа.

5.

Прежде сего изъ древнихъ годовъ какъ протчихъ Малороссійскихъ городовъ, такъ и города Погару мѣщанство имѣли свободное въ себе винное куреніе; а въ прошломъ 1761 году за бытіе въ Малой Россіи Гетманомъ Графа Кирила Григоривича Его Сіятелства Разумовскаго безыменного Вашего Императорскаго Величества указа, таково винное куреніе надъ прежнюю волность и свободу мѣщанству запрещено, а вмѣсто того Малороссійское шляхетство послѣ того запрещенія для своего большаго обогащенія и користей винокурныхъ котловъ противъ прежняго вновь пріумножили, въ немалую

мѣщанамъ обиду. О яковомъ свободномъ винномъ куреніи просить у Ея Императорскаго Величества всевысочайшого дозволительнаго указа.

6.

Въ имянномъ блаженія памяти и вѣчной славы достойнїа Великой Императрицы Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійской, въ прошломъ 1744 году, Іюля 15 дня, состоявшемся указѣ въ 4 пунктѣ изображено: всякіе казенніе доимки, какъ на купечествѣ въ пошлинахъ и на подрядчикахъ и откупщикахъ за неисправленія по контрактамъ и по векселямъ и на протчихъ всякого званія людехъ, такъ недоборы, какогобъ званія они ни были, по оконченнїимъ щетамъ на комъ суммою не болшь 500 рублей, кромѣ подушнаго збору, по тотъ 744 годъ невзискивать и изъ доимки исключить; да имяннїимъ Ея Императорскаго Величества прошлаго 762 году Сентябра 22 дня состоявшимися указомъ по 4-му пункту до 500 рублей всякая доимка прощена. А отъ Полковой Стародубовской Щетной Коммиссіи отъ Магистрата Погарского по комисарству порціонные и раціонные доимки за удовольствомъ полковъ и другихъ командъ за прежніе года взискуются къ немалому и несносному мѣщанству отягощенію. Чего рады поручается вамъ всеподданнѣйше просить въ Ея Императорскаго Величества, чтобъ такихъ доимокъ зъ города Погару въ силѣ вышеизображеннїихъ указовъ впредь было невзискivano, всемилостивѣйшого подтвердителнаго указа.

7.

Въ высочайшемъ указѣ блаженїа и вѣчно достойной памяти Великого Государя Петра Перваго, Императора и Самодержца Всероссийскаго, о винтеръ квартирахъ въ Гетманскомъ Региментѣ въ 1722 году генваря 8 дня состоявшимя, по прежнїимъ Правительствующаго Сената Приговорамъ сентябра 26, декабра 14 чиселъ 720 году, регулярные полки Всемилоствѣйше повелено квартирами ставить, не обходя никого: ни гетманскихъ, ни полковничихъ, ни

старшинскихъ, ни козачихъ, ни Великороссійскихъ особъ подданныхъ, ни расколщиковъ; цѣлимижъ ротами въ однихъ мѣстахъ не ставить, а ставить сколько гдѣ надлежитъ, толко не менше капралства; конюшень вновь не дѣлать, а содержать тѣхъ драгунскихъ лошадей въ сараяхъ здешнихъ обитателей, каковіе въ нихъ есть, развѣ гдѣ такихъ не будетъ, то дѣлать и вновь толко такіе, въ которыхъ можнобъ было содержать капралство лошадей; у заслуженныхъ особъ, у Полковниковъ, у сотниковъ и прочей старшины, у поповъ и у церковниковъ на дворѣ ихъ, гдѣ сами живутъ, кватеръ не имѣть; а на загородныхъ дворахъ и на подворкахъ, также и въ подданныхъ, ставить, отнюдь не виключая никого; какъ за драгуны, такъ и оберъ и штабъ офицеры смотритъ, чтобъ собою квартиръ не занимали, лишняго провіанта и фуража и дровъ не имали, и ничего сверхъ опредѣленнаго указами отнюдь не запрашивали, и ни вчемъ отягощенія малороссійскимъ обивателямъ не чинили. Нынѣ же по ордерамъ Полковой Стародубовской Канцеляріи сотенная Погарская старшина регулярныхъ полковъ штабъ и оберъ офицерства, карабинерныхъ и пехотныхъ полковъ чиновниковъ и рядовыхъ и полковыхъ служителей, въ отмѣнность того высочайшаго указа, минуя не токмо козачіе дома, разночинскіе, шинки, подварки и ихъ подданичскіе двори, выбирая саміе лучшіе по городу мѣщанскіе двори, не смотря очереди, где хотять по всему мѣщанству по своей волѣ, минуяжъ уѣздніе села и деревни и защищая своихъ и другихъ владѣльцовъ сѣлскихъ подданныхъ, отводятъ и разставляютъ; а на конюшнѣ саміе лучшіе товарные мѣщанскіе амбары занимають, въ немалую мѣщанскую обиду и всекрайнѣйшее утѣсненіе. И чтобъ въ томъ города Погару одни урядничіе и мѣщанскіе двори такими постоями впредъ безъ очереди незанимаемы были, а равнобъ поставляно было во владѣльческихъ и всякихъ разночинскихъ и козачихъ домахъ, Вамъ повѣряется всеподданнѣйше просить у Ея Императорскаго Величества, чтобъ повелено было квартирующихъ офицеровъ и рядовыхъ въ городѣ Погарѣ самому Магистрату по мѣщанскимъ и всякаго званія людей дворамъ безъ вистатченія дровъ, свечей и прочего, что нынѣ сверхъ рублевого оклада взимаются,

квартиры отводить, а въ уѣздныхъ селахъ и деревняхъ отъ сотенной команды разставлятъ, чтобъ не въ одномъ городѣ Погарѣ квартиры заниманы были.

8.

Чтожъ благоразумно славной Ея Императорскаго Величества арміи Генераломъ Аншефомъ, Губернаторомъ, Малороссійской Коллегіи Президентомъ и кавалеромъ, Его Сіятелствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Г-мъ Румянцовымъ, рублевій окладъ въ Малой Россіи учрежденъ на удовольствіе полковъ, то мѣщане Погарскіе будучи тѣмъ довольны, повѣряемъ всемъ всенижайше просить у Ея Императорскаго Величества високоматерняго милосердія и помилованія, чтобъ сверхъ того учрежденного платежа никакихъ окладовъ съ мѣщанъ впредъ не собираюбъ было, да и отъ всякихъ до сего бывшихъ и впредъ случающихся работъ былибъ свободны; да и чрезъ послѣдовавшую въ Малой Россіи въ прежнихъ годахъ чрезъ изяденіе саранчею, а паче что сряду чрезъ пять лѣтъ за неурожаемъ озимого и ярового хлѣба скудость и небывалую до селъ въ цѣнахъ дорожству, къ томужъ въ допущеніи Божіаго отъ ежечастныхъ пожарныхъ случаевъ, гражданомъ бедность приключилась, хотя малыйшаго въ облеченіе всенижайше просить помилованія.

9.

Состоявшимся Ея Императорскаго Величества за собственно ручнымъ подписаніемъ 1763 года декабря 10 д. и обнародованнымъ Малороссійскому народу манифестомъ соблагоизволено по нашимъ правамъ и вольностямъ съ мѣста на мѣсто свободній переходъ по прежнему имѣть, всемилостивѣйше, въ согласіе имянного высочайшаго блаженнія и вѣчно достойнаго памяти Великія Государыни Императрицы Елисаветѣ Петровны, самодержицы всероссійской въ прошломъ 1742 году августа 18 дня состоявшаго указа, подтвердить, и високоматернею милостію дозволено Малороссійскому народу стародавнюю волностію и прежними обикновеніи своими въ свободномъ переходѣ, какъ прежде пользовался, такъ безъ всякой неволѣ по оному высочайшему манѣ-

фесту ту же свободу имѣть и до указного (на представленіе отъ бывшаго Малороссійскаго Гетмана, Графа и Кавалѣра, Кирила Григоріевича Его Сіятельства Г-на Разумовскаго, Высокоправительству-Сената съ напечатаніемъ Малороссійскихъ статутювихъ правнихъ артикуловъ) запрещенія безотмѣнно содержано было. А съ того времени, егда кто съ посполитого народа, яко то зъ маестностей владѣльческихъ и другихъ местъ Малороссійскіе Государевы свободніе люде, по тѣмъ своимъ природнімъ прежнимъ волностямъ и найпаче которіе неимѣють своихъ прямихъ осѣдлостей, а проживаютъ токмо въ хозяйскихъ хатахъ для прокормленій заработками, переходятъ съ мѣста на мѣсто, между чемъ и въ городъ Погарь на жилия и по своимъ бедностямъ первія у мѣщанскихъ дворахъ и подворкахъ живутъ, послѣ же мѣщанскіе дворики, чрезъ работизненніи свои труда купя, подъ вѣдомствомъ Магистратовимъ жить желаютъ, то такихъ, желающихъ въ Погарѣ жительства имѣть, усиловуются владѣльци со всѣми ихъ собственными нажитки на прежнее свое подневольніе житіе сискивать, неразсуждая того, что тѣ переходячіе всѣ свои собственные осѣдлые и природные въ подданство отданіе грунта и протчіи угодіи при ихъ же владѣльцахъ оставляютъ, и оними единственно сами тѣ владѣльци, получая прибилѣ, користуются, да не будучи тѣмъ довольни, тѣхъ жиющихъ въ нихъ свободнихъ народа Малороссійскаго людей, какъ бы крепостнихъ во вѣчность имъ отданныхъ, отъ Магистрата надъ волность вѣчную сискиваютъ, и тѣмъ оніе владѣльци не точію той свободности не охраняютъ, но отваживаются въ отмѣнность Височайшихъ повелѣній, денегъ пожилыхъ, примерно крепостнихъ Великороссійскихъ крестьянъ напрасно искать; чего рады всеподданнѣйше повѣрается вамъ просить Ея Императорскаго Величества, чтобъ въ силѣ вышеупомянутыхъ всемилостивѣйшихъ о свободномъ съ мѣста на мѣсто малороссійскому народу переходѣ указовъ, кто въ городъ Погарь волній малороссійскаго народа человекъ самъ или изъ семьею своею на жиллѣ перейдетъ, такимъ дозволенообъ жить подъ вѣдомствомъ Магистрата Погарскаго, безъ отисканія онихъ владѣльцами на прежніе жилия, свободно.

И о всѣхъ вишеписанныхъ нуждахъ и недостаткахъ нашихъ донести Ея Императорскому Величеству, на всевысочайшую Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Високомонаршую волю, всеподданнѣйше рабски во всемъ предаемся.

1767 года мая 29 дня.

Х.

1767.

Наказъ жителей города Стародуба.

Въ силу Ея Императорскаго Величества высочайшаго Всемилоствивѣйшаго указа, гражданству Стародубовскому обнародованного, и приложеннаго при ономъ обряда, отъ насъ, того города гражданъ, выбранному въ комиссію, въ столицы Ея Величества о сочиненіи проекта новаго уложенія учрежденную, Депутату, Магистрату Стародубовского Буймистру, Давилѣ Родинскому,

наказъ.

Привилеемъ Короля Польскаго Третьяго Жигмонта, въ року 1620-мъ февраля 15 дня на волности и Магдебургское право даннымъ мѣщанамъ Стародубовскимъ, на вѣчные и потомные часы всѣмъ мѣщанамъ Стародубовскимъ торги, гандле и всякіе купеческіе промыслы имѣть позволено и утверждено купцомъ перекупнымъ, ремесленникомъ, шинкарямъ и всякого званія мѣскимъ людямъ, да естлибы якои кольвекъ кондиціи человѣкъ, либо шляхтичъ, либо козакъ запорожскій, домъ, городъ альбо грунтъ мѣскій Стародубскій якъ кольвекъ набувъ, либо гандлемъ, шинкомъ и ремесломъ якимъ кольвекъ въ томъ мѣстѣ Стародубѣ забавлялся, бытъ подлежащимъ праву Магдебургскому и уряду мѣскому Стародубовскому и повинности мѣскіе поносить; купцамъ пріѣзжимъ, ремесленникамъ, перекупнымъ и инымъ людямъ, которые бѣ, изъ иныхъ мѣстъ до Стародуба пріѣхавши, збытокъ альбо выступокъ якій пополнили, albo чимъ кольвекъ противу слушности и права поступили, бытъ потомужъ подь сѣдомъ уряду мѣского стародубовскаго, и о прибытіи своемъ до

мѣста, на томъ же мѣстѣ озаймовать, а товары свои въ дому мѣскомъ гостинномъ складать; Войта избирать съ межи себе доброго человѣка, способного и умѣснаго и присылать до Его Королевскаго Величества для подтвержденія его уряду; каждому мѣщанину напоемъ домовымъ и иностраннымъ шинковать безъ всякаго препятствія; на войтовство Стародубовское уволокъ двадцать съ подданными и млиномъ, на Бурмистровъ пятнадцать уволокъ, на писара уволокъ шесть, да на хуторъ ратушный двѣ деревни со всѣми принадлежностями и пожитками до скринки мѣской, а надъ тое всѣ сборы до той же скринки на мѣскіе потребности, торговое отъ всякихъ вещей привозныхъ и отъ пашень, также и важное отъ ваги, вѣчно на дано; дворъ гостинный въ мѣстѣ, баню посполитую, рѣзницкіе ятки устроить уряду мѣскому Стародубовскому, и отъ того всего доходы, также отъ купцовъ взглядомъ ихъ купечества, отъ рѣзниковъ, пекаровъ и всякихъ ремесленниковъ, ведлугъ общаго постановленія, въ рокъ до скринки мѣской отбирать уряду мѣскому, то есть Магистрату, и съ тѣхъ приходоу въ мѣстѣ дзегаръ содержать повелѣно; да и млинъ, подъ самимъ мѣстомъ, на рѣкѣ Бабинцу стоячій, до той же скринки мѣской на дано. Блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца грамотою, по челобитью Стародубовскаго Войта Андрея Шабловскаго и всѣхъ мѣщанъ, отъ созданія міра въ 7174-мъ году ноября 29 дня, мѣщанамъ Стародубовскимъ стародавнее ихъ право и вольности утверждено, и ихъ, мѣщанъ, Высочайшею Его Царскаго Величества милостію впродъ обнадежено; за силу которой Высочайшей грамоты и привилегія, граждане города Стародуба, подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовскаго состоящіе, по Магдебурскому праву всякіе росправы имѣли и имѣютъ.

По вышеописанной королевской привилегіи явственно, что въ то время, какъ та привилегія мѣщанамъ на право и вольность ихъ дана, въ городѣ Стародубѣ, кромѣ мѣщанства, другаго званія людей осѣдлости не было, и всѣ тѣ мѣщане состояли въ вѣдомствѣ уряду мѣскаго. А нынѣ въ томъ городѣ подъ вѣдѣніемъ Маги-

страта мѣщанъ осталось малое число; но большимъ числомъ бывшіи въ вѣдѣніи того Магистрата мѣщанскіе дворы, ихъ пашенные и сѣнокосные земли и другіе принадлежащіе мѣсту угодія, иные въ давнихъ, а другіе въ недавнихъ годѣхъ, владѣльцамъ, попамъ и другаго званія людямъ, въ Стародубѣ на мѣской землѣ, такожъ и въ другихъ мѣстахъ жительствовавшимъ, во владѣніе съ подѣльніи Магистратского одошли, коими иные сами, а другихъ наслѣдники, владѣя и имѣя нѣкоторые зъ владѣльцовъ и другаго званія людей въ Стародубѣ торги и промыслы, никакого гражданамъ, подѣльніемъ нынѣ магистратскимъ состоящимъ, въ гражданскихъ нуждахъ и малѣйшаго вспоможенія не чинять и подѣльнымъ Магдебурскимъ не состоять. Да и живущіе въ нѣкоторыхъ многихъ мѣщанскихъ, за владѣльцами и другаго званія людьми состоящихъ дворахъ, за наемъ, бывшіе прежде мѣщане и зашедшіе съ другихъ мѣстъ люде имѣютъ же свободный торгъ и промыслы, а въ вѣдѣніи магистратскомъ не состоятъ же, и состоящему нынѣ подѣльніемъ оного Магистрата гражданству въ нуждахъ ихъ градскихъ никакого вспоможенія не чинять, но, по защитѣ ихъ хозяевъ, отъ того въ свободѣ до сего состояли и нынѣ состоятъ. Да и съ прежде бывшихъ же мѣщанъ, подѣльніемъ Магистратскимъ состоявшихъ, нѣкоторые немалымъ числомъ отойшли въ званіе козацкое и пушкарское, и живя въ тѣхъ же дворахъ, въ коихъ они и до того жительство имѣли, а другіе, покупя мѣщанскіе дворы, мѣщанскими грунтами и другими угодіями владѣютъ и разные купеческіе промыслы, такожъ винное куреніе и шинки разнаго напою содержатъ, а никакихъ обще съ мѣщанами Магистрату гражданскихъ повинностей не отбываютъ, а шитятъ себе иные шляхетствомъ, а другіе козачествомъ, съ чего оставшимся нынѣ въ вѣдѣніи Магистратскомъ Стародубовскомъ мѣщанамъ въ торгахъ и промыслахъ препятствіи и обида слѣдовали и нынѣ есть, потому съ нихъ нѣкоторые во оскудѣніе пришли и дворы свои жилие, такожъ грунта, спродать разнымъ чинамъ принуждены.

2.

Во мѣсто жалованныхъ вышепрописаннымъ королевскимъ привилегіумомъ на Войта Стародубовскаго двадцати уволокъ, прежніе Войты, по уряду ихъ (какъ зъ данного въ 1709 году Сентября 15 дня отъ Гетмана Скоропадскаго универсала явственно), владѣли двома селами: Озаровкою и Сининомъ. А съ того году бывшій Войтъ Демянь Ермолаевичъ владѣль уже только однимъ селомъ Озаровкою, а Сининомъ владѣла бывшего до его, Ермолаевича, Войта Спиридона Ширая жена; а нынѣ онымъ Сининомъ наслѣдники ея владѣютъ, нынѣшній же Войтъ владѣеть только половино(ю) села Озаровки.

А вмѣсто по той привилегіи жалованныхъ на Бурмистровъ пятнадцати уволокъ, по надачѣ прежде бывшими Гетманами, во владѣніи всѣхъ обще урядниковъ Магистратскихъ, то есть: двухъ Бурмистровъ, двухъ Райцовъ и двухъ Лавниковъ, состоятъ въ Стародубовскомъ уѣздѣ два села: Хустичи и Сергіевскъ, съ которыхъ отъ тамошнихъ жителей въ годъ чиншоваго получается платежа только сто сорокъ четыре рублей, съ коихъ денегъ урядникамъ въ годъ, въ коемъ они въ Магистратѣ присутствіе имѣютъ (яко они, по стародавнему мѣскому обыкновенію, по третій годъ другими къ присутствію перемѣняются), на ихъ содержаніе по раздѣлу доводится получать каждому Бурмистру тридцать шесть рублевъ, Райцѣ двадцать четыре рублей, а Лавнику дванадцать рублей; якими деньгами они, урядники, имѣя всегдашнее въ Магистратѣ присутствіе и чрезъ то лишась торга и промысла, продовольствовать себе крайне не могутъ, но уже тотъ годъ, въ коемъ присутствіе имѣютъ, снабдѣвають они себе нужно тѣми прибылыми, а и не чрезъ два года, въ коихъ они въ Магистратѣ не присутствуютъ и торга и промысла получить могутъ.

Во владѣніи Писаря шесть уволокъ, такожъ и при Магистратѣ на хуторъ двѣ деревни за силу прописанной Королевской привилегіи въ прежнихъ давнихъ годахъ слѣдовательно были, но оныхъ уже въ Писаря и при Магистратѣ здавна не имѣется, и гдѣ оныя уволоки и деревни положеніе свое имѣютъ, за утераніемъ, во время

бывшого въ давнихъ годѣхъ отъ Литовскихъ людей разоренія, государственныхъ жалованныхъ грамотъ, о коихъ и въ вышепроеписанной, отъ созданія міра въ 7174 году данной, жалованной грамотѣ изображено, и прежнихъ давнихъ Гетмановъ универсаловъ, знать не можно, и за умертвіемъ старожиловъ, справки о томъ забрать не съ кимъ. Писару жъ Магистратскому жалованья производимо было и нынѣ производится по годно денегъ тридцать рублей, жита шесть четвертей да пшеницы двѣ четверти, изъ приходовъ зъ мельницы, вышеписаннымъ королевскимъ привилегіемъ къ Магистрату наданной, на рѣкѣ Бабинцу имѣющей, бывающихъ; которимъ жалованьемъ тотъ Писарь, яко уже онъ, по бытію его касающихся дѣлъ, торгоу и промысла не имѣеть, снабдѣваетъ себе съ нуждоу. Протчіежъ, по вышеизображенной привилегіи на мѣскіе потребности къ Магистрату жалованные приходы, хлѣбные и денежные, отъ состоянія Высочайшой блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, вышезначающагося грамоты, уже кромѣ ваговаго, которое отъ вѣсовъ Магистратъ въ устроенной отъ тогожъ Магистрата важницѣ, на мѣскіе необходимые расходы получаетъ, собираны въ казну Его Величества, а за жизни блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Великія Государини Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійской, по Высочайшому Ея Величества милосердію тѣ зборы отставлены и не собираются. Потому, нетокмо тому магистратскому Писару, къ безнужному его снабдѣнію, въ жалованьи прибавки учинить, но и дзегаря въ городѣ Стародубѣ и другихъ необходимыхъ Магистратскихъ нужностей содержать не съ чего.

Мельница вышезначащася, на рѣкѣ Бабинцѣ, помянутоу королевскоу привилегію къ Магистрату во вѣчность на расходы мѣскіе хотя вся надана и утверждена, однакъ только зъ двухъ частей въ Магистратъ на необходимые нужные расходы прибыли получаютъ, а третьей части таковыя прибыли нынѣшній повѣту Стародубовского Подкоморій Михайло Ширий, которого умершій дѣдъ Спиридонъ Ширий былъ въ Стародубѣ Войтомъ, получаетъ. А по какиимъ

обстоятельствамъ та часть мельницы во владѣніи его Ширия состоитъ, о томъ при Магистратѣ вида не съискуется.

На базарномъ мѣстѣ, близъ полисаду, гдѣ торги и ярманки бывають, къ продажѣ ѣстныхъ и питейныхъ потребъ и другихъ надобностей, не токмо амбары, но и жилые избы и дворы самовольно, а въ самомъ городѣ и крамные лавки и амбарчики нѣкоторые владѣльцы и козаки устроили, и за наемъ оныхъ получаютъ себѣ прибыль, а Магистрату на мѣскіе расходы никакова платежа не чинятъ.

Въ состоявшемся въ минувшемъ 1755 году декабря въ 1-й день таможенному уставѣ повелѣно въ главѣ шестой: „Пріѣзжимъ во всѣ города изъ другихъ городовъ купцамъ, товары свои складывать въ гостинныхъ дворахъ и въ протчихъ мѣстахъ, гдѣ въ которомъ городѣ складка товаровъ позволена; и продавать оные товары тамошнимъ гражданамъ и пріѣзжимъ купцамъ обтомъ, а врознь на чужихъ городахъ отнюдь не продавать“. Да въ десятой главѣ по четвертому пункту: „Крестьянамъ въ знатныхъ селахъ и деревняхъ, состоящихъ по большимъ дорогамъ, а не въ ближнемъ отъ городовъ разстояніи, ради проѣзжающаго народа и ихъ крестьянскихъ необходимыхъ нуждъ, по приложенному при томъ реестру по званіямъ товарами, мелочнымъ ядломъ, торговать, и которыхъ де въ деревняхъ недѣлается, покупать въ городахъ и на ярмонкахъ и съ лавокъ; а окромѣ тѣхъ товаровъ другими, такожъ въ городахъ и слободахъ городскихъ, и кои слободы и села отъ городовъ разстояніемъ не далѣе пяти верстъ, отнюдь не торговать“.—Въ городѣ же Стародубѣ иногородные купцы, иные сами, а другихъ прикащики, привозя товары, продаютъ мимо гражданъ пріѣзжимъ же купцамъ и другого званія людямъ врознь; такожъ, купя въ Стародубѣ и въ уѣздѣ оногo во владѣльцовъ и другого званія людей товары, въ нихъ родящіесь, якогo: пеньку, медъ, воскъ, олей, всякій звѣрь и протчое, отпускають къ порту; а на то и зъ Великороссійскихъ купеческихъ людей и крестьяне описныхъ раскольничіихъ слободъ, въ Стародубовскомъ подку находящихся, нѣкоторые, въ томъ городѣ покупивъ мѣшанскіе, а другіе разного званія людей нанявъ дворы, живутъ и всякіе купеческіе торги и промыслы имѣють не продажею

обтомъ по врознь. Да тѣжь слободскіе крестьяне въ городовыхъ крамныхъ лавкахъ продажу товаровъ производятъ; а въ слободахъ раскольничіихъ, не по большимъ дорогамъ состоящихъ, и въ нѣкоторыхъ селахъ въ недавнихъ годѣхъ заведены торги и ярманки, и тамошнихъ же слободъ крестьяне торгуютъ, кромѣ показанныхъ въ таможенномъ уставѣ по реестру товаровъ, портовыми, крамными и иностранными товарами. Отчего въ городѣ Стародубѣ торги и ярманки умалились, а купцамъ и промышленникамъ того города чинится въ купеческомъ производствѣ помѣшательство и убытокъ; да и не за присылкою на торги въ городъ Стародубъ тѣхъ сель и деревень, кои не въ дальности отъ тѣхъ слободъ и сель, въ которыхъ торги и ярмарки бывають, обивательми озимого и ярового хлѣба, дровъ, сѣна и прочихъ потребностей, въ томъ городѣ Стародубѣ недостатокъ происходитъ.

Ростовскому карабинерному полку, какъ гражданству Стародубовскому извѣстно, опредѣлены квартиры вѣчно въ Стародубѣ, якій полкъ, зъ вступленія его въ Стародубовскій полкъ, имѣль винтеръ-квартиры съ 1764 на 765 годъ въ городѣ Стародубѣ и въ уѣздахъ Стародубовского полку по швадронно, съ 765 на 766 въ единомъ городѣ Стародубѣ помѣщался; истекающей же винтеръ-квартиры, оного Ростовского полку въ другіе Стародубовского полку города, яко-то: Погаръ и Почепъ, выведено на квартиры только два эскадрона, а три и генералитетъ изъ его штабомъ въ Стародубѣ состоятъ. А кромѣ того полку, другихъ регулярныхъ полковъ командамъ, чрезъ Стародубъ переходячимъ и переѣзжающимъ, и по разнымъ комиссіямъ разного чина людямъ бывающимъ гражданскіе двory въ постои отводимы бывають, и тѣмъ гражданству Стародубовскому происходитъ утѣсненіе, а въ торгахъ и промыслахъ не малое помѣшательство и остановка. А тѣ Стародубовскіе граждане до сего, во время бывшей Прусской войны, чрезъ квартированіе и переходъ чрезъ Стародубъ многихъ Россійскихъ войскъ, немалое уже терпѣли утѣсненіе.

Въ облегченіе происходившаго Малороссійскому народу отъ довольствія натурою опредѣленныхъ къ беззаплатному отъ того Малорос-

сійского народа довольствію армейскихъ и компанейскихъ полковъ бывшаго обяженія, отъ Его Сіятельства Господина Генераль-Аншефа, Малороссійского Генераль-Губернатора, Украинского и Малороссійского корпусовъ главного Командира и Малороссійской Коллегіи Президента и Кавалера, Графа Петра Александровича Румянцова учинено полезное и неотяготительное тому народу распоряженіе, чтобъ на исправленіе покупкою къ продовольствію тѣхъ полковъ провіанта и фуража, по квартално съ хать тѣхъ, кои къ дачамъ состоятъ, съ каждой добирать въ годъ только по одному рублю, что и собирается. Какovýmъ Его Графского Сіятельства, яко учиненнымъ въ облегченіе народныхъ нужностей и недостатковъ, распоряженіемъ граждане довольны.

До 1740 году въ Стародубѣ лекаря такова, кой бы жалованья отъ Магистрата съ приходовъ оного либо отъ гражданъ могъ получать, не было; а съ того году опредѣленъ въ городъ Стародубъ полковый лекарь Иванъ Кобецъ, которому перво отъ одного Магистрата Стародубовского, зъ бывшихъ приходовъ зъ важницы, чрезъ нѣсколько годовъ, а потомъ уже отъ трехъ Магистратовъ, яко-то: Стародубовского, Погарского и Мглинского, съ повелѣнія зъ бывшей Генеральной Войсковой Канцеляріи, производилось жалованье въ годъ по сту сорокъ четыре рубли; нынѣшнемужъ, въ томъ городѣ находящемуся полковому лекарю Петру Адольфу Келлеру, за силу указа Малороссійской Коллегіи, такова жалованья одному Стародубовскому Магистрату, —потому, что уже зъ важницы приходу никакова нѣтъ, а бываемые въ оный Магистратъ съ вышепрописанной мельницы, зъ двухъ частей прибыли на необходимые мѣскіе расходы, яко то: на производство годового Магистратскому Писарю, подпискамъ и служителямъ жалованья, да на покупку въ оной же Магистратъ дровъ, бумаги, сургучу, свѣчей и протчихъ необходимыхъ нужностей, едва могутъ ставать, —брать не откуда.

Издревле при Стародубѣ и между поселянами мѣщанскими для выпуску и пастьбы скота имѣли свободные мѣста и заросли; но отнынѣ, иные въ давнихъ, а другіе въ недавнихъ годѣхъ разными чинами самовольно завладѣны, а одно мѣсто, называемое Березовка,

къ артиллеріи полковой отобрано, и потому въ пастыбѣ лѣтнимъ временемъ скота гражданскаго, и переѣзжающимъ во время ярмонковъ купцамъ и другимъ иногородцамъ, въ продовольствіи ихъ скота, состоитъ немалая нужда.

Мѣщане Стародубовскіе, по ихъ вольности и по стародавнему обыкновенію, винное куреніе свободно производили, всякъ кто зъ нихъ имѣлъ къ тому желаніе, для полученія себѣ съ того, къ своему продовольствію и для отбуванія общенародныхъ повинностей, прибыли; на потребности мѣскіе къ Магистрату Стародубовскому, надано Гетманомъ Скоропадскимъ 1717 году марта 18 млины: въ селѣ Газукахъ на рѣкѣ Виблѣ о единомъ колѣ, въ селѣ Шаршавичахъ на рѣкѣ Росусѣ о двухъ колахъ, въ селѣ Артюшкахъ о одномъ колѣ, да въ Вистриковѣ о одномъ же колѣ,—которые надачи тѣхъ млиновъ зъ универсала Гетмана Данила Апостола, даннаго въ 1728 году ноября 7 явственно; которые млины, кромѣ артюшковскаго, находятся зъ давнихъ лѣтъ, по причинѣ той, что свободные села и деревни, подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовскаго состоявшіе, коихъ сель обывателями означенные млины подчиняемы были, разныхъ чиновъ людямъ розданы, находятся въ пустѣ, а съ Артюшковскаго млина хотя въ Магистратъ получается розмироваго хлѣба весьма малое число, но и то на подчинку тогожъ млина, не неизмѣню чѣмъ оного подчинить, употребляется.

За мимошедшіе нѣкоторые годы, на мѣщанахъ Стародубовскихъ, подъ вѣдѣніемъ Магистратскимъ состоящихъ, комиссарскаго и другого збору денежныя доимки взыскуются; и тѣ деньги остались не на ихъ, но на иныхъ въ тѣхъ годѣхъ бывшихъ мѣщанахъ, съ которыхъ иные змерли, а другіе безвѣстно зъ Стародуба походили, и наслѣдниковъ ихъ въ Стародубѣ сыскать не возможно; и ежели оныя деньги за тѣхъ измерлыхъ и безвѣстно изшеднихъ тѣмъ, нынѣ подъ вѣдомствомъ магистратскимъ состоящимъ мѣщанамъ уплатить, то они могутъ притти въ отбуванію квартальныхъ рублевого оклада денегъ и въ снабдѣній себе во изнеможеніе.

Вышеизображенною Королевскою привилегією утверждено: мѣщанамъ Стародубовскимъ Войта зъ межи себе выбрать съ приржо-

ныхъ тамошнихъ; а нынѣшъ въ томъ городѣ Войтъ Войсковый Товаришъ Петръ Грозинскій находится, не по выбору гражданскому и не изъ мѣщанъ тамошнихъ прирожденныхъ.

А понеже за силу Высочайшого именного Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Всемилостивѣйшаго указа, кой въ городѣ Стародубѣ обнародованъ, въ комисію, въ первостольномъ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества городѣ Москвѣ учрежденную, о сочиненіи проекта новаго уложенія, отъ насъ, того города гражданъ, выбраны вы Депутатомъ; для того сей наказъ и при ономъ зъ вышепрописанныхъ: Высочайшія, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Великого Государя, Царя и Великого князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, грамоты, отъ созданія міра въ 7174 году ноября 29 дня, — Короля Польскаго Третьяго Зигмонта привилегіи въ 1620 году февраля 15 дня, мѣщанамъ Стародубовскимъ на вольности и право Макдебурское жалованныхъ, — да зъ универсаловъ отъ бывшихъ Гетмановъ: Ивана Скоропадскаго, въ 1709 году сентября 15-го, Данила Апостола, въ 1728 году ноября 7-го дня данныхъ, вѣрные копии, и къ Ея Императорскому Всепресвѣтлѣйшему Величеству отъ насъ рабское всеподданнѣйшее о вышепрописанномъ всемъ представленіе съ прошеніемъ вамъ препоручается; и вы, принявъ оныя, за прибытіемъ въ первостольный Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества городъ Москву, имѣете оное всеподданнѣйшее наше прошеніе въ высокоправительствующемъ Сенатѣ поднести, и яко согражданинъ нашъ, къ общей нашей гражданской пользѣ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Севисочайшаго и Всемилостивѣйшаго матеряго милосердія и конфермаціи всеподданнѣйше просить:

О утвержденіи Стародубовскимъ гражданамъ прежнихъ вольностей о Макдебурскаго права и о бытіи всѣмъ гражданамъ и пріѣзжимъ въ тотъ городъ купцамъ и промышленникамъ и другого званія людямъ въ судахъ и росправахъ и во всѣхъ гражданскихъ повинностяхъ подъ вѣдѣніемъ Магистрата Стародубовскаго.

О перепечатованіи Макдебурскаго права съ Польскаго на Россійскій языкъ, подъ превисочайшимъ Ея Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества титуломъ.

О пожалованіи вѣчне на урядъ войтовства Стародубовского двухъ селъ и мельницы, какъ и прежде бывшіе до Демьяна Ермолаевича Стародубовскіе Войты владѣли, а на Писара Магистратоваго шести уволокъ, да на хуторъ Магистратскій—двухъ деревень, и о прибавленіи Магистрата Стародубовского урядникамъ, къ ихъ безнужному содержанію, жалованья.

О выводѣ зъ города Стародуба иногородныхъ купцовъ и ихъ прикащиковъ, такожъ и раскольниковъ, кои тамъ въ городѣ жительствоуютъ, и о запрещеніи имъ и другимъ иногороднымъ купцамъ въ томъ городѣ ничего врознь не продавать и въ уѣздѣ того города во владѣльцовъ и другаго званія людей родящихся товаровъ, яко: пеньки, меду, воску, олеи, всякихъ звѣрей и протчаго ни явно, ни тайно не куповать, да и владѣльцамъ и другаго званія людемъ, въ Стародубовскомъ полку жительствоующимъ, никакихъ товаровъ какъ самимъ не покупать, такъ иногородскимъ купцамъ и раскольникамъ не продавать, а продавать здѣшнимъ гражданамъ.

О небытіи впредъ ярманкамъ и торгамъ въ раскольниковыхъ слободахъ и селахъ, въ Стародубовскомъ полку имѣющихся, въ недавнихъ годѣхъ заведенныхъ.

О имѣніи впредъ Ростовскому карабинерному полку въ другихъ въ Стародубовскомъ полку имѣющихся городахъ и принадлежащихъ къ нимъ уѣздахъ поочередно винтеръ-квартированія для обывательскаго облегченія по шквадронно, или на форпостахъ въ ономъ же Стародубовскомъ полку, гдѣ полкъ Псковскій карабинерный состоитъ, и о переведеніи того Псковскаго полку въ опредѣленные ему въ Малороссійскомъ Полтавскомъ полку вѣчные квартиры.

О увольненіи Магистрата Стародубовского отъ платежа въ Стародубѣ находящемуся полковому лекарю жалованья.

О приверненіи по прежнему къ городу въ общенародную пользу издавна бывшихъ для выпуска и пастбы скота свободныхъ мѣстъ, кои самовольно разными чинами завладѣнны и къ артилеріи здѣшной отобранны.

О свободномъ Стародубовскимъ мѣщанамъ по прежнему винномъ куреніи.

О невзысканіи съ мѣщанъ комисарскихъ и другихъ доимокъ.

О утвержденіи на мѣскіе расходы мельницы одной всей, королевскою привилегією на рѣкѣ Бабинцѣ жалованной, а четырехъ—Газуцкой, Шаршавицкой, Артюшковой и Вистриковской, Гетьманами наданныхъ, къ Магистрату Стародубовскому вѣчно.

О зборѣ по прежнему въ Магистратъ на мѣскіе жъ расходы зъ важницы мѣской вагового.

О небытіи нынѣшнему здѣшнему Воиту на томъ урядѣ; а о избраніи, въ силу прописанной королевской привилегіи, другаго зъ межи насъ, гражданъ, пригодного гражданина, къ тому уряду способного.

Ни подлинномъ подписано тако: мѣщанинъ Василь Петрила, мѣщанинъ Димитрій Ляшевка, мѣщанинъ Леонтей Животкевичъ, мѣщанинъ Степанъ Антроповъ, магистратовый Писарь Кондратъ Палкевичъ, мѣщанинъ Терентей Спасиба, райца Алексѣй Купкевичъ, мѣщанинъ Романъ Кибалмицъ, козакъ Романъ Брезкунъ, райца Никита Ивановъ, лавникъ Федосей Евтифьевъ, мѣщанинъ Семень Скопецъ, мѣщанинъ Лазарь Васковичъ, мѣщанинъ Якимъ Солодовникъ, мѣщанинъ Гаврило Цалабанъ, мѣщанинъ Петро Попольскій, мѣщанинъ Семень Чумаковъ, мѣщанинъ Петро Брезкунъ, мѣщанинъ Романъ Киболкинъ, мѣщанинъ Григорей Щербиновичъ, мѣщанинъ Петро Чечуй, мѣщанинъ Степанъ Спасиба, мѣщанинъ Степанъ Софроно, мѣщанинъ Петро Постоликъ, мѣщанинъ Иванъ Софроно, мѣщанинъ Іосифъ Нечаевъ, лавникъ Федоръ Коробовскій, мѣщанинъ Григорей Ладуха, мѣщанинъ Афанасей Бордиковскій, мѣщанинъ Власъ Галеевъ, лавникъ Петръ Гафмарешъ, мѣщанинъ Алексѣй Кривица, мѣщанинъ Марко Слесарь, абшитованный сотникъ Федоръ Прожика, райца Петро Ростургуй, лавникъ Семень Худыня, мѣщанинъ Алексѣй Гамзуль, мѣщанинъ Иванъ Худыня, козакъ Иванъ Мойсеевъ сынъ Мишковъ, значковый полку Стародубовского Товаришъ Леонъ Денбовскій, мѣщанинъ Козьма Дмитріевъ, мѣщанинъ Яковъ Коменокъ, мѣщанинъ Дорофей Медвѣдовъ, мѣщанинъ Алексѣй Гончаръ, мѣщанинъ Федосъ Поджарка, козакъ Степанъ Квитка, мѣ-

щанинъ Яковъ Ятрилокатовъ, мѣщанинъ Гаврило Филько, мѣщанинъ Илья Насека, мѣщанинъ Егоръ Полешодъ, мѣщанинъ Илья Гаменда, мѣщанинъ Григорій Чумаковъ, мѣщанинъ Иванъ Кашенокъ, мѣщанинъ Тимофей Злотниковъ.

XI.

1767.

Наказъ жителей города Полтавы.

Всепреспѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемиловитѣйшая!

Возшествіе Вашего Императорскаго Величества на Всероссийскій Императорскій престолъ мы вѣрнопопданніе рабы почитаемъ за особливій промыслъ Божій къ возстановленію какъ общаго всея Россіи, такъ и собственнаго нашего благополучія. Ваше Императорское Величество всемиловитѣйше опитомъ доказать уже соизволили Височайшее Свое матернее о благоденствіи нашемъ попеченіе, когда при учрежденіи Малороссійской Коллегіи всемиловитѣйше опредѣлили намъ ходатая Его Сіятелство Графа Петра Александровича Румянцева, и указали Его Сіятелству имѣть о возстановленіи мѣщанства торговъ и промысловъ ихъ старателство. Напоследки Ваше Императорское Величество всемиловитѣйше соизволили состоявшимся и въ народъ публикованнымъ Височайшимъ манифестомъ о присилки въ Комисію Сочиненія Нового Уложенія Депутатовъ, — открыть намъ свободной пути приносить наши всеподданнѣйшіе прошенія, о всѣхъ нашихъ нуждахъ. Мы воображая ежевременно ко всѣмъ вѣрнопопданнимъ Вашего Императорскаго Величества неисчетніе милости и щедрости во устроеніе на вѣчное время благоденствія ихъ, приносимъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее наше рабское благодареніе за оную Височайшую Вашего Императорскаго Величества милость, такожъ и за опредѣленіе намъ ходатаемъ Его Сіятелства, котораго отменное о возстановленіи нашемъ попеченіе за

особливое щастіе мы почитаемъ. И потому, пріемля, дерзость, написали сію нашу всеподданнѣйшую Вашему Императорскому Величеству челобитную, въ которой чрезъ избранного отъ насъ Депутата всеподданнѣйше представляемъ особливіе наши и общіе нужди и прошенія.

1.

Въ первомъ пунктѣ порученно(й) оному избранному Депутату отъ города Полтавы челобитно(й) всеподданнѣйше просимъ всѣ вообще граждане и жителствующіе въ городѣ Полтавѣ и дома свои пріѣзжные имѣющіе шляхетство, такожъ и мы нижеподписавшіесь о утвержденіи въ городѣ Полтавѣ имѣющагося нынѣ Магистрата во всемъ на основаніи Магдебурскихъ правъ, и о бытіи въ немъ судамъ и порядкамъ по темъ же Магдебурскимъ правамъ; но понеже жителствующіе въ городѣ Полтавѣ: Полковникъ, Старшина, владѣльцы и козаки до сего, не сохраняя установленій въ Правахъ Магдебурскихъ узаконенныхъ, во всемъ генерално Магистратъ здешній къ соблюденію по темъ правамъ принадлежащей должности не допускали, угѣняли, помѣшательство, обиди и отягощенія дѣлали, — то мы сею нашею особливою челобитною всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать на Магистратъ Височайшую привилегію; въ которой особливо для непремѣннаго и твердаго содержанія Всемилостивѣйше указать: 1) прісудствіе въ ономъ Магистратѣ иметь и онымъ по всемъ дѣламъ управлять, такъ какъ до сего зъ давнихъ годовъ въ насъ бывало и нынѣ есть: Войту, яко первому, и съ нимъ Бурмистрамъ, писару, раицамъ и лавникамъ; предъ которыми въ Магистратѣ судъ и расправу имѣтъ, всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать указать всемъ обывателямъ оного города и пріѣзжимъ, кои по Магдебурскому праву суть прилеглими къ Магистрату, по всемъ дѣламъ по темъ Магдебурскимъ правамъ, и на убылые онихъ Войта и урядниковъ мѣста избирать намъ другихъ волними голосами зъ между себя. 2) Всѣ порядки городовіе и между купечествомъ здешними обывателями и пріѣзжими

единственно въ Магистратѣ устроить имъ Войту и урядникамъ; а въ важнѣйшихъ дѣлахъ за согласіемъ съ мѣщанами, на такомъ точномъ и непремѣнномъ содержаніи, какъ о томъ въ правахъ законенно; и доходи по примѣру другихъ упривиліюванныхъ малоросійскихъ Магистратовъ собирать и употреблять только на общіе городскіе нужды; и чтобъ полковникъ, старшина и никакое другое здѣсь правленіе в касаячѣсь до учрежденія городскихъ порядковъ дѣла не вступались и не препятствовали. 3-е) Въ правѣ малоросійскомъ, книги статута, роздѣлу 3-го, въ артикулѣ 25-мъ напечатанно: „когда бы шляхтичъ, занехаевши имена и обистя своего шляхетскаго, и чрезъ худобу свою шукаючи себе поживеня, и вшедши до мѣста и мѣшкаль тамо, торги мѣскіе ведучи, або шинкъ въ дому маючи и локтемъ меручи, або ремесло робячи на верстати, таковой уже съ волностей шляхетскихъ веселитись не маеть“. Во исполненіе которого права, всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ: повелѣтъ живущимъ въ городѣ шляхтѣ, таковымъ какъ въ ономъ правѣ изображенно, торговъ и ремесла не имѣтъ, и оставить темъ ползоватся другихъ городскихъ обитателей. 4-е) Чтобъ какъ оные, такъ и всѣ жителствующіе въ городѣ Полтавѣ владѣльческіе жилие и пріѣзжіе доми во всемъ, что касается до гражданскихъ общенародныхъ нуждъ и повинностей, были не исключаемы и находились бы темъ въ Магистратѣ вѣдомими. 5-е) Чтобъ находячѣсь въ городѣ разніе майстровіе люде, живущіе подъ разными владѣльцами, въ томъ что принадлежитъ по ихъ мастерству и въ общихъ гражданскихъ повинностяхъ, равно какъ и магистратскіе, — вѣдоми и послушни были въ цехахъ и опредѣленныхъ въ онихъ цехмистировъ. 6-е) Чтобъ пріѣзжающіе съ другихъ городовъ и сельъ Великоросійскіе и Малоросійскіе промышленники и художники, никакими товарами не торговали, кроме ярмонковъ.

2.

Во время пожалованія височайшою грамотою Его Императорскаго Величества блаженна и вѣчнаго памяти Великого Государя Петра первого и Самодержца Всеросійскаго на городъ Полтаву

деревень, а именно: Ивашокъ, Ивончинець, Грабиновки и части Осмачокъ, и когда унѣверсаломъ Гетмана Скоропадскаго отданни по прежнему бывшіе издревле за магистратомъ села: Мачухи, половина Гуджуловъ, Тахтауловъ и Павленки къ городу Полтавѣ во владѣніе, подданныхъ въ вышесзначащихся деревняхъ, такожъ въ городѣ Полтавѣ мещанъ и другого званія людей въ Магистратскомъ видѣніи было знатное число, которые всѣ обще Государевы и гражданскіе повинности отбывали безъ изятія;—и что принадлежитъ до городовыхъ обывателей, то унѣверсаломъ Гетмана Мазепи 703 года состоявшимся—запрещенно отъ гражданскихъ повинностей всякого званія чинамъ ихъ укривати, но понеже невѣдомо какимъ образомъ Магистратъ взятъ былъ въ команду Полковой здешней Канцеляріи, гдѣ будучи подвластенъ, принужденъ всѣ порядки и власть свою, по правамъ Магдебургскимъ принадлежащую, уступить Полковнику и Старшинѣ; и между тѣмъ они Полковникъ и Старшина Полковая, нетокмо сами звладѣли подданическими, такожъ мѣщанскими и другого званія Магистратоваго ведомства дворами, грунтами и угодіями, но и многихъ стороннихъ къ тому допустили столко, что большая часть людей съ магистратскаго видѣнія вѣйшла въ разніе руки. А при томъ вписано не належно въ козаки и произведено въ чини не малое число; а тѣ все бывшіе въ видѣніи магистратскомъ граждане или дома ихъ находятся нынѣ въ Полтавѣ, иніе будучи въ чинахъ и протекціяхъ, а другіе въ владѣльцовъ, ползуются всѣми тѣми промыслами и торгами, которые гражданству принадлежать, а гражданскихъ повинностей не отбываютъ; и вся та тяжесть, которая несенна была бывшимъ великимъ числомъ обывателей и подданныхъ,—сложена на оставшееся малое число. А яко намъ нижеподписавшимся отъ того есть не малая общественная тяжесть, отъ которой гражданство ежечасно вмалается,—для того мы вѣрноподданіе Вашего Императорскаго Величества рабы всеподданныйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше указать: все то, что послѣ состоянія оной Височайшей грамоти, жалованной на помянутіе села, и Гетманскихъ унѣверсаловъ, кемъ что искупленно и завладѣнно, такожъ и вписанно не належно въ козаки, и произ-

веденно въ малороссійскіе чины, отдать по прежнему въ видѣніе Магистрата, къ отбуванію общенародныхъ повинностей и къ полученію съ оныхъ доходовъ, на украшеніе города потребныхъ. За понесеніе же нами чрезъ прошедшее время тяжести и за тѣхъ, которіе не належно съ гражданскаго видѣнія отторгнути, всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше повелѣть въ награжденіе,—части намъ, а части на городскіе нужніе расходы,—взыскать съ владѣльцовъ и съ техъ съ самихъ, которіе не належно или подложно испросили себѣ козачество и чины, все то, что нами за ихъ понесенно.

3.

Города Полтавы мы нижеподписавшіесь мещане суть всѣ вообще купно съ урядомъ своимъ о возстановленіи комерціи для приращенія казни Вашего Императорскаго Величества отмѣнное попеченіе имѣемъ, и при томъ несемъ, яко въ пограничномъ городѣ, разніе тяжести и повинности, какъ въ томъ височайшой Вашего Императорскаго Величества интересъ потребуеть; но за всѣмъ тѣмъ не имѣемъ на себя никакого уваженія, и по вшедшему здесь обикновенію, отъ большаго до меньшаго, каковихъ бы кто въ своемъ поведеніи достоинствъ ни былъ,—всѣ мы порицаемъ мужиками и презираемъ бываемо, колми паче отъ Великороссійскихъ квартирующихъ и переежающихъ Генералътета, штабъ и оберъ афицеровъ, даже до послѣднаго салдата претерпѣваемъ, какъ Воитъ и урядники, такъ и мещане, несносные утѣшенія, обиди и поруганія, и саміе побои, темъ найпаче, что намъ за нашу обиду положенъ въ правахъ небольшой платежъ. А съ Великороссійскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ мы частіе имѣемъ обыди и побои, никогда и удовольствія никакого не получаемъ, и уже до того дошло, что если кто съ нихъ чемъ насъ обидитъ или побьетъ, мы не смеемъ и въ искателства входить; чемъ самимъ отъемлетя въ насъ куражъ къ купеческой жизни и промисламъ, теряя отъ унінія все то, чемъ можемъ свой авантажъ, а казнѣ Вашего Императорскаго Величества доходъ сискать. Всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ, ради прославленія на будуще

вѣки благополучнѣйшаго царствованія Вашего Императорскаго Величества, зъ единого Своего Височайшаго матерного милосердія, всемилостивѣйше пожаловать намъ, мещанамъ города Полтавы, Вашего Императорскаго Величества Височайшую грамоту на навязку шляхетскую, а Войту и урядникамъ Магистратовимъ—уравненіе противъ Великороссійскихъ чиновъ, коими Ваше Императорское Величество насъ вѣрноподанныхъ своихъ рабовъ Височайше пожаловать по своему матерному милосердію благосозволите.

4.

Височайшою грамотою блаженна и вѣчно достойна памяти Государа Императора Петра Первого и Самодержца Всероссійскаго зъ умершему Гетману Скоропадскому, 1721 году состоявшюся, повелено въ Малороссійскихъ городѣхъ драгунскіе полки ставить на винтеръ квартирахъ, не обходя никого: ни полковничихъ, ни старшинскихъ, ни козачихъ, ни великороссійскихъ особъ подданныхъ, ни расколниковъ; а у заслуженныхъ особъ: у полковниковъ, у сотниковъ и протчихъ старшины, и у поповъ и церковниковъ, на дворѣ ихъ, гдѣ сами живутъ—квартиръ не имѣтъ; а на загородныхъ дворахъ, на подваркахъ, такожъ и въ подданныхъ—ставить отнюдь не включая никого. Но въ городѣ Полтавѣ какъ во время квартированія, такъ и во время переходу Великороссійскихъ Генералѣтетовъ, штабъ и оберъ афицеровъ и командъ, отъ полковой здешней канцеляріи поступается не въ согласіе вышеизображенной Височайшой грамоти, но въ отжѣну оной, съ немалымъ отягощеніемъ мещанъ и другого званія магистратскаго обивателей; ибо по силѣ одного Височайшаго указа должны волни быть отъ постою жилие толко доми полковника, сотника и старшины, поповъ и церковниковъ,—а здѣсь и въ другого разнаго званія людей, а особливо въ бунчуковихъ, войсковихъ и значковихъ товарищей, отводими въ квартиру не бывають; да и въ пріѣзжихъ загородныхъ дворахъ владѣльческихъ, старшинскихъ, сотничихъ, значковихъ товарищей и выборныхъ козаковъ, полковникъ здешній надъ точное вышеизображенное височайшее повелѣніе,—ставить постою не велѣлъ. А и съ техъ жителствующихъ въ городѣ

Полтавъ чиновниковъ многіе суть такови, которые недавно съ мѣщанъ повиходили и въ мещанскихъ домахъ живутъ и мещанскими грунтами владѣють, сверхъ того бавятся купеческимъ промыслѣмъ, а гражданскихъ нивакихъ не отбываютъ повинностей, лишая насъ при понесеніи нами за ихъ тяжести по праву принадлежащаго намъ промыслу; и хотя о томъ отъ насъ по командамъ нашимъ жалобы неоднократно были, но во удовольствие наше ничего не получили. Теперь Ваше Императорское Величество по Своему матернему милосердію сообразовали намъ вѣрноподаннымъ своимъ всемилостивѣйше дозволить представить намъ всѣ нашѣ предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ нужди; вышеизображеній же здесь поступокъ столь для насъ горестенъ и обиденъ, что мы болѣе его сносить не въ состояніи, потому что мы видимъ зъ своихъ собратевъ ежедневно такова, которій какъ скоро, захотя отъ гражданскихъ повинностей укрыться, — испрошуетъ себѣ чинъ или какое другое воинское званіе, или въ козаки впишется, то ни постою, ни вистатченія подводитъ, ни другихъ городскихъ тяжестей не знаетъ, но то заразъ снѣмается и слагается на насъ, остающихся при магистратѣ въ отбываніи гражданскихъ повинностей, а нехотящихъ по примѣру ихъ укрываться; отъ того Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ по своему матернему высочайшему милосердію, въ избавленіе насъ отъ вышеизображенныхъ тяжестей, всемилостивѣйше указать, яко здесь пограничное мѣсто, въ которомъ болѣе другихъ всегдашніе постои суть, чтобъ одинъ предъ другимъ въ постояхъ и другихъ городскихъ повинностяхъ обтяженни либо облегченни не были; но всѣ бъ равно граждане отбывали ту гражданскую повинность. А къ тому всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ всемилостивѣйше пожаловать указать, чтобъ квартируючіе въ насъ дровъ и свѣчъ не взимали и не требовали безденежно, и никакого утѣшенія намъ въ нашихъ домахъ занимаемъ кварталъ не утѣсняли, и стояли тамъ, гдѣ отъ Магистрата отведено будетъ; и въ случае каковой нужди обивательской сходили бъ съ оныхъ кварталъ тогда, когда отъ Магистрата потребованно будетъ, на другіе квартири безспорно.

5.

Городъ Полтава послѣ шведской войны приведенъ былъ, яко пограничное место, въ хорошее состояніе; и какъ крѣпость порядочная, такъ и другіе нужніе городовіе строенія были; но послѣ того, будучи въ полной дирекціи полковой здешней команды, допущенъ всемъ темъ въ крайнее опустеніе, и теперь какъ крепости, такъ и никакихъ публичныхъ строеній и приличного украшенія не имѣеть, а въ немъ все то имѣть противъ другихъ примѣрныхъ городовъ надлежить. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ: указать, чтобъ повеленно было Магистрату здешнему о украшеніи города попеченіе прилѣжное принять, и привести его въ хорошее состояніе потребными публичными строеніями, при вспоможеніи околичныхъ уезду полтавского мѣсть. Объ отпускѣ же на то потребной сумми всеподданнѣйше просимъ Вашего Императорскаго Величества височайшого матерного благопрізнанія; и притомъ височайше повелѣть собирать Магистрату доходи на оное украшеніе города со всего того, что издревле Магистрату принадлежитъ и нынѣ свободнымъ городовымъ есть; а къ тому

6.

Имперіи Вашего Императорскаго Величества во многихъ городахъ учрежденіи дворянскіе и купеческіе банки съ казни Вашего Императорскаго Величества, и темъ купечество російское имѣеть въ произвожденіи своихъ торговъ не малую выгоду; въ городѣ жъ Полтавѣ хотя имѣется довольно число малороссійскаго купечества такова, кои сѣуть къ умноженію и произведенію торговъ и промысловъ купеческихъ способными, но какъ всѣ здешніе обиватели, такъ и они въ денгахъ сѣуть недостаточни, и потому въ торгахъ своихъ имеютъ немалое затрудненіе и остановку. Къ разумноженію оного купечества и приведенію въ цвѣтущее его состояніе Всенижайше Вашего Императорскаго Величества просимъ, съ казни Вашего Императорскаго Величества, при Малороссійской Коллегіи, опредѣлить банковую сумму зѣ слѣдующими обстоятелствами: 1-е) Чтобъ платить процентъ въ казну Вашего Императорскаго Величества за то только

число, которое роздано будетъ. 2-е) Чтобъ отпускаемые были денги купечеству по атестатамъ урядовимъ, которіи и отвечать за то обязаны. 3-е) Чтобъ позволено, сверхъ казенныхъ шести, на выше-объявленное украшеніе города получать по два проценти.

7.

Въ 5-мъ пунктѣ сей, отъ насъ чрезъ избраннаго депутата подносимой Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшей челобитной, просили мы Вашего Императорскаго Величества, чтобъ повеленно было съ насъ доимокъ не взыскивать, потому, что мы въ казну Вашего Императорскаго Величества ничего не должны; а должны только одинъ другому; въ пополненіе того мы города Полтавы жители Магистратскаго видѣнія общественно въ семь пунктѣ всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству бьемъ челомъ о нижеслѣдующемъ: до учрежденія Его Сіятельствомъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовимъ во всей Малороссіи рублевого оклада, вистатчили мы на опредѣленныхъ въ Малую Россію отъ Вашего Императорскаго Величества консистентовъ и на переходящія, а въ многомъ числѣ и на несостоящія на доволствіи въ Малой Россіи полки, указное доволство такимъ образомъ: отъ главной нашей команды или по указамъ оной отъ полковыхъ здешнихъ канцеляріи ревизія было сочиняется по статьямъ; и въ полковыхъ канцеляріяхъ расположенія было дѣлаются по статьямъ же, то есть: на богатого болше, а на убогого менше раскладывается порціоновъ и раціоновъ, натурою или денгами, за себя и нацетъ другихъ полковъ; и потому было мы подлежащее всякое указное вистатченіе по расположенію здешней полковой канцеляріи и ассигнаціямъ чинимъ; однакъ мы тогда чувствовали немалую тяжесть по сему: 1-е при сочиненіи вышеобъявленныхъ ревизій, пишутъ насъ было не въ приличіи намъ статѣ, такъ какъ другихъ обывателей, а паче какъ полковникъ и старшины полковіе и другіе своихъ людей противъ насъ, и нашихъ подсуздковъ ставятъ было низше далеко и по темъ статьямъ располагая на насъ вистатченія взыскиють. 2. Въ случае пространаго квартированія консистентовъ въ полку Полтав-

скомъ, какъ то до сего было, асигнують намъ далекую возку, а случалось по сто и болѣе верстъ; а своихъ подданныхъ или вовсе минуютъ, или ставятъ надлежащее съ нихъ либо въ доимку, либо во взисканіе остаточныхъ отъ произвожденій денегъ; и мы по такимъ асигнаціямъ либо принужденни чрезъ такъ далекое разстояніе провіантъ и фуражъ возить, либо договариватся съ консистентами о принятіи за оніе денегъ. И часто случалось, что мы платили за рацію отъ трехъ до пяти рублей во мѣсто девяносто копѣекъ.

3. Уведенное въ насъ нащетное произвожденіе не менше намъ тяжело, какъ и вышеописанно, потому 1) Что мы за тое произвожденіе не получили напоследки многого числа денегъ; 2-е Мы нащетные раціоны и порціоны вистачаемъ было въ щеть другихъ полковъ въ разніе времена, а паче въ случае недороду, нещитая фуража и провіанта, денгами какъ и вышеописанно отъ трехъ до пяти рублей, а въ заплату себѣ получаемъ съ техъ полковъ, нащеть которыхъ произвожденіе делаемъ, по девяносто копѣекъ. И хотя сіе все касается до общества всего Малороссійскаго народа, однакъ мы города Полтавы видѣнія Магистратскаго обиватели чувствуемъ болше другихъ обиди, потому, что въ полковой здешней канцеляріи асигнаціи дѣланно о вистатченіи нащетныхъ раціоновъ неравномѣрно, а всегда облегчая другихъ, а магистратскаго видѣнія обтяжал; что часто случалось магистратовимъ въ двое противъ другихъ, не по статьямъ, но по единому полковничому изволенію платить. Теперичнимъ учрежденіемъ Его Сіятелства Графа Петра Александровича Румянцева о взисканіи съ насъ на доволство консистентовъ денгами—доволни и отъ всехъ техъ тяжестей, которіе мы до сего чувствовали—свободни. Но поелику чрезъ прошедшее время многіе съ подданныхъ магистратовихъ посполитихъ и подсуздковъ нашихъ обнищали, по вышеписаннымъ резонамъ, а паче недородомъ хлеба и надежемъ ежегодно скота, котормъ мы всѣ здешніе обиватели свое содержаніе имѣемъ, особливо безвиходними постоями и тяжестію переходящихъ командъ, то всеподданнѣйше Вашего Императорскаго Величества просимъ въ томъ всевисочайшого Вашего Величества благопрізнанія и отъ натуралнаго произвожденія консистентамъ насъ всемилостивѣйше

указать, во избежаніе вышевыраженныхъ намъ бывшихъ тяжостей—вѣчно уволнить; а собирать съ насъ по тому Его Сіятелства учрежденію деньгами наличное число штацкою ценою. Чтожъ касается до доимокъ, которые указомъ Малороссійской коллегіи повелѣвается съ насъ все възискивать на повелѣнное въ городѣ Глуховѣ строеніе, то яко по извѣстію намъ тая доимка есть не малая, а какъ мы по себѣ чувствуемъ, то состоятъ на некоторыхъ или вовсе мало, или вовсе ничего; и откуда бы такова великая народная доимка взялась, знать не можемъ, яко те и протчіе народніе денги собраніемъ входими были въ полковую здешнюю канцелярію и въ Щетную комиссію, въ которой и знатніе сумми находились; и ежели они и нынѣ есть, то должны быть тѣ самыя, которіе зъ насъ възискивать повелѣвается. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ, всемилостивѣйше повелѣтъ со възисканіемъ недоимки на насъ считае-мой обождать, и всемилостивѣйше указать первѣе между нами и здешними канцеляріями и комиссіями о всѣхъ вшедшихъ съ техъ годовъ, съ которыхъ доимки възискуются, роцетъ чрезъ надежныхъ нарочныхъ при нашемъ оправданіи учинить; и ежели за темъ по справедливости съ насъ на комъ таковіе недоимки сичутся, мы платить оныя должны будемъ.

Всеимилостивѣйшая Государиня, вишепрописанніе нашѣ общіе нужди чрезъ избраннаго отъ насъ Депутата Вашему Императорскому Величеству представляя, всеподданнѣйше просимъ по онымъ явить свое къ намъ, вѣрноподданнѣмъ Вашего Императорскаго Величества рабамъ, высочайшее матернее благопріизрѣніе.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣшію рабы города Полтавы... *(подписей нѣтъ)*.

XII.

1767.

1) Прошеніе гражданъ и разнаго званія жителей города Лубенъ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемилостивѣйшая!

Бьютъ челомъ Малороссійскаго Полковаго города Лубенъ разнаго чина и другаго званія граждане, а въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункта.

Ваше Императорское Всепресвѣтлѣйшее Величество отъ 14 декабря 766 года всевисочайшимъ манифестомъ обнародовать соизволили, что избраніе съ высокославной Вашего Императорскаго Величества Имперіи для сочиненія проэкта новаго уложенія Депутаты созываются нетовмо для того, чтобы выслушать отъ нихъ нужды и недостатки каждаго мѣста; но и допущени они быть имѣютъ въ комисію о сочиненіи упомянутого проэкта.

Такое Вашего Императорскаго Величества Матернее Всевисочайшее Милосердіе есть руководствомъ того дерзновенія, съ котормъ мы, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества раби, приедемъ трудить Всевисочайшее Вашего Императорскаго Величества лице въ слѣдующихъ нашихъ нуждахъ.

1.

Полковій городъ Лубнѣ весьма уже з давняго времени множественными и непрерывными несравненно противъ другихъ таковыхъ же городовъ постоями крайне обтяженъ. А именно: кромѣ давнѣйшаго времени, начавъ отъ 1735 году чрезъ тридцать и болѣе годовъ, чрезъ все бывшее съ Турками военное время, и послѣ онаго и донынѣ сколько когда каковы были и бывають Вашего Императорскаго Величества регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ движенія, многія Генералѣтети, полки и другія разная команды чрезъ городъ

Лубнѣ, яко на неуспящихъ главнихъ трактахъ состоящій, переходя, ночлегами и квартирами, чрезъ повеленное время бывая, доволствуются.

Чрезъ все тожь бившее съ Турками военное время тамъже въ городѣ Лубняхъ еще господа Генерали, Фелтмаршали, и другіи Генералътетъ, по тогдашнимъ военнымъ обращеніямъ собиравшіися, а къ тому главній Бригсъ Коммисариятъ, штапи и другіе жъ разніе чины и команды на винтеръ квартирахъ состояли; главная жъ Полевая Аптека съ еи чинами, служителями и караульными командами изъ давнѣйшаго времени, яко до пяти-десяти уже годъ несходно и до нинѣ квартируютъ.

Притомъ билъ зъ 752 году опредѣленной на квартирахъ Оберъ-Провиятмейстеръ съ коммисією и при ней разными чинами, канцелярскими служителями и командою.

Посля оного по виходѣ чрезъ нѣкоторое время въ другое место, опредѣленъ сюдажъ въ городѣ Лубнѣ проплаго 763 году Оберъ-Бригсъ-Комисаръ тожь съ коммисією и при ней находящимися разными чинами и канцелярскими служителями, которой и нинѣ въ городѣ на квартирахъ находится, и въ ту коммисію, какъ и въ полевую аптеку, зъ разнихъ многихъ полковъ въ коммисію за казною, изъ многихъ же провинцій ись казною, а въ Полевую Аптеку за медикаментами, почитай безперестанно разніе чины съ командами приѣзжаютъ, и въ городѣ имѣють до отправки ихъ квартированіе съ таковымъ утѣсненіемъ, а паче егда между тѣмъ прилучаются переходящие полки и команды, что биваетъ на одной квартирѣ по десяти и болѣе человекъ, то хозяямъ и мѣста уже не остается, и лишаются промысловъ и ремесла, и которіе уже не могутъ въ городѣ зъ хозяями вомѣщатся, то принужденни становится по околичнымъ около города местамъ по квартирамъ, где такожь отъ ежечастого квартированія немалая тяжесть противъ протчихъ мѣстъ слѣдуетъ.

А въ 765 году вступилъ въ городѣ опредѣленній на непремѣнныя квартиры Ряскій пехотній полкъ; и хотя по невмѣщенію оногo протчіе роты раставлены по околичнымъ мѣстечкамъ, но въ городѣ оставленъ полковій штабъ, полевая канцелярія, тягости, аммуниція, лазарети, и двѣ роты и къ нимъ и съ онихъ протчихъ

ротъ ежечасто приезжаютъ офицеры и другіе чина и прибываютъ на караули салдати и собираются по колкообразъ по полковимъ биваемимъ дѣламъ команды.

Да тамъ же еще въ городѣ полковая Лубенская Канцелярія, городскій и земскій Суда, полко(ва)я Лубенская Щетная Коммисія, Генеральной Описи Коммисія и повѣтовий Лубенскій, куда рублевого окладу денги привозятся Комисариятъ съ ихъ чинами и канцелярскими служителями. А городъ Лубяѣ небольшой и дворовъ со всеми духовного и мирскаго чына настоящихъ гражданскихъ малое число, всего триста шесть десять тры.

2.

Отъ такова множественного въ городѣ постою обиватели крайнюю узнають тяжесть, въ квартерахъ утѣсеніе; притомъ доволствуютъ постою своими дровами. Многие жъ, не имѣя своихъ лѣсовъ, а хотя и имѣють, да по малой части, для оплету нужныхъ, принуждени покупать на торгахъ дорогою цѣною; а последние беднѣйшіе отоплива(ю)тъ тростникомъ и соломою, покупая и тое по скудости дровъ недешевою цѣною. Покупка жъ дровъ на торгахъ весьма нужна: одно что многимъ для постояльцовъ купить надобно, другое что и въ Полевую Аптеку для казенной надобности всегда первѣйшая оныхъ на торгахъ покупка испуляется, сколко бъ ни било.

3.

По какимъ обстоятельствамъ обиватели, при томъ видя обстоящій чрезъ сколко уже годъ на хлебъ недородъ и происходящие съ того и отъ онога многаго въ городѣ постою въ хлебе, въ сѣстнихъ припасахъ и въ дровахъ возвишенние ценъ, и что тожъ ежечасто еще въ обивателей биваетъ скотскій падежъ, пришли въ конечное изнеможение, какъ самого тогожъ города поселеній обетшалость и ушустѣня еивствуютъ.

4.

Лкій при томъ городѣ самонужнѣйшій для обивателскаго домашнего рабочаго и другога скота, такожъ и домовихъ птицъ, для ви-

пуску зъ двохъ сторонъ города имѣлся небольшой выпускъ, искони всехъ обще гражданъ имъ единственно до города при(а)длежащий и то болше по горюватимъ местамъ находящийся, да сверхъ того за рекою Сулою, кромѣ древнихъ собственныхъ владѣльческихъ и обывательскихъ земель, якъ о томъ по учиненному между полковими городами Миргородомъ и Лубнями давнему разграничению значится, еще било общей же нѣсколко толочной и сенокосной землѣ, въ томужъ городу всемъ гражданамъ принадлежащей,—съ тѣхъ съ оного, что подъ самимъ городомъ, выпуску зъ одной стороны подъ Рясский пехотный полкъ для компоента и лагеровъ, для магазеновъ и конюшенъ того полку, а зъ другой стороны подъ Полевую Аптеку, для строений въновь и для огородовъ немалое число самого лутшого места занято. А за Сулою оная толочная и сѣнокосная земля всехъ гражданъ общая находится тожъ нинѣ въ разномъ владѣнии. Итакъ обывателямъ города Лубень въ прокормлении и содержании скота за немѣнѣемъ въ многихъ собственныхъ земель обстоить всекрайнѣйшая нужда и недостатки. Имѣется жъ въ городѣ въ старомъ замкѣ для вистройки Полевой Аптеки, а подъ тѣмъ замкомъ для садовъ и огородовъ аптечныхъ, мѣста на то способные.

5.

Города жъ Лубень, кромѣ вышеписанного многого постоя, обыватели еще многие понесли тяжести. Въ вышеписанное съ Турками бившее время военное вимались отъ нихъ воли, вози съ потребностями и погончиками, висилались зимного времени ко Двепру для безопасности отъ неприятельского нападения, для полонения лда, работники, дѣлались для того инструменти, а во время недавно прошедшого Прусского походу вимались отъ козаковъ и посполитихъ воли, отъ козаковъ же еще лошади, а отъ посполитихъ и восмотисячный зъ Малой Россіи бивший наборъ и люде, снабдѣвая онихъ указнимъ на дорогу одѣяниемъ, обувомъ и денгами. Доволствовано переходящіе въ обѣ тѣ времена и состоявшие на квартажахъ отъ войскъ команды провизантомъ и фуражемъ. Вистатчаеми были указные подъ тягости и подъ болнихъ подводы, и нинѣ о томъ какови биваютъ повелѣния, по тому и исполняются.

6.

Прежде зѣ давного времени чинени были по силѣ указовъ еже-
 часто козакамъ и посполитимъ по здешнему обивновению ревизии:
 по дворамъ, по хатамъ и по статямъ, различая на сколько статей
 ко уравнению обивателей въ консистентскихъ дачахъ, чтобъ однимъ
 предъ другими въ тѣхъ дачахъ тяжести битъ не могло; и подсу-
 сѣдки бѣдние и нищетные, которые въ однихъ хозяйскихъ хатахъ
 живутъ, не имѣя никакихъ грунтовъ и питаются зѣ одного поденного
 заработку, между настоящие посполитие, своими дворами и хатами
 живущие и грунта имѣющие, не верстани, а записивани особо и по-
 тому на нихъ и дача особо отличная полагана: на пѣшого на мѣ-
 сяцъ по двѣ, а на тягло по три и по четири копейки. А послѣ
 того 752 году по универсалу господина Генераль Фелдмаршала Се-
 натора и разнихъ орденовъ кавалера графа Кирила Григориевича
 Разумовского, по битности его у Малой Россіи Гетманомъ, таковыхъ
 подусуѣдковъ сверстанно между оние настоящие посполитие, между
 коими какъ того 752, такъ и 755 годовъ и въ ревизияхъ запи-
 сани, и съ того на нихъ въ дачахъ последовала тяжесть.

7.

Отъ тогожъ 755 году чрезъ немалое время ревизии не чи-
 ненно, но дача на консистентовъ полагается была по той 755 года
 учиненной ревизіи, по числу хатъ въ ней значащихся. По той же
 ревизіи чрезъ то время по свободному съ мѣста на мѣсто переходу
 иние безвѣстно походили, а иние позмѣрали, и принуженни за та-
 ковихъ наличные платить, а где нѣкому, тамо требуется уплаты
 отъ самихъ хозяевъ, коихъ те изшедшие и измершие подусуѣдки
 были и по нихъ пустие хати либо плечи пооставались, а хозяе за
 нихъ платить своимъ не одолжени.

8.

А 763 году учиненна отълична вновъ козакамъ и посполитимъ
 по дворамъ, по хатамъ и по душамъ перепись безъ статей, не минуя
 въ рядъ съ протчими подусуѣдковъ и годовихъ уже наемнихъ слу-

жителей; по которой прошлого 765 году и рублевымъ отъ хатъ окладомъ, какъ козаковъ подпомощниковъ и посполитихъ, такъ равно съ ними и оныхъ подсуѣдковъ и наемныхъ годовыхъ служителей обложено съ темъ, что если по кварталамъ чего отъ кого въ тотъ рублевой окладъ уплачено не будетъ, то взысканно будетъ въ сугубо, и хотя сложено на владѣльцовъ, чтобъ они на своихъ людей на можнѣйшихъ болше, а на убогихъ меньше полагали, почему и исходно на владѣльцовъ техъ, въ коихъ по надачамъ имѣются маетности и въ оныхъ находятся между убогими и може-грунтовыя люде, на которыхъ можно владѣльцу, смотря по имуществу болше, а на убогихъ меньше положить. На подсуѣдковъ же разнаго владѣнія, яко оныхъ въ нихъ по одной, въ другихъ по двѣ, въ некоторыхъ же по три или чемъ и болше хатъ самихъ крайне нищетныхъ, зъ одного поденного заработку питающихся, а къ тому и на наемныхъ годовыхъ служителей, которые въ той службѣ однолично пребываютъ, такой роскладки учинить не можно, и они не только болшимъ числомъ, но и того рублевого окладу съ чего платить несостоятели. Къ тому же на козаковъ подпомощниковъ прежде полагана дача противъ посполитого на всякого у-поль; нинѣ же какъ посполитихъ, такъ и козаковъ подпомощниковъ равно темъ отъ всякой хати рублевымъ окладомъ обложено. А якъ казаки подпомощники въ число выборныхъ козаковъ на места убили къ выборнымъ козакамъ убогимъ въ помощь опредѣляются и до того комендируются въ дальне места по указамъ на работи, яко то: предъ симъ отправляемы были на засѣчаніе по Полской границѣ, за Днепръ до крепости Святыя Елисавети на работи, а послѣ того чрезъ нѣсколько уже годъ комендируются зъ мѣсяца марта ежегодно на Донъ до крепости Святаго Дмитрія Ростовского на работу жъ, кроме проходу на шестомѣсячное время, исправляя себе подлежащимъ одѣяніемъ, обувомъ, провiantомъ, для подъему того провiantа повозками и скотомъ, и для покупки оному фуража денгами, а между тѣмъ и въ заграничній Прусскій походъ съ волами отправлялись, гдѣ на службѣ по нѣсколько годъ находились: то имъ тотъ рублевый окладъ отъ хатъ, да еще равно съ посполитыми, уплачивать съ тяжестию.

9.

Нынѣ, за учрежденіемъ Малороссійской Коллегии, нарочно опредѣленными штабъ и оберъ афицерами, съ Малороссійскими старшинами дѣлается еще отличная Генералная Опись: описуются жилие наши двори, пахатные и сѣпокосные земли, лѣса, луга, съ показаніемъ имъ мери, мелницы и протчіе угодия и требуется показанія, сколько хлеба засѣвается и на какомъ мѣстѣ, сколько сена укосивается, и сколько съ мелницъ приходу въ годъ биваетъ, также и о промыслахъ; требуется на владѣнныя крепостей, описывается скотъ и пчели, и ревизуются получаемые доходи и люде, въ кого есть, мужеска и женска полу души до наименьшого младенца и все ихъ имѣнныя и самихъ служителей описывается. А такой описи, яко оная Малороссійскимъ правамъ, привилегіямъ и обычаямъ, Высочайшими грамотами утвержденнымъ, несходственна, искони никогда еще въ Малой Россіи не бывало.

10.

По древнему жъ здѣсь въ Малой Россіи обыкновенію и волностямъ, разнаго воинскаго и другаго званія здѣшніе граждане, живучи въ городѣ, имѣютъ промысли, торгъ, а некоторые и ремесло свободно, которые и впредъ имъ гражданамъ, яко съ нихъ многие не имѣютъ земель, войсковую жъ службу, а протчіе другіе повинности съ того отправляютъ, имѣтъ необходимая нужда обстоить; но имъ гражданамъ съ Великороссійскихъ купцовъ приезжие и въ городѣ Лубняхъ своими купленными и наемными дворами жительствующие, а зъ гражданами указной службы не отправляющие, чинятъ въ промышлѣ, перекупая, помѣшательство, съ чего имъ гражданамъ явная въ томъ обида и недостатки.

11.

Здѣшніе мещане города Лубень, какъ они еще, по отбытіи Малой Россіи съ подъ депенденціи Полской, не подвержены въ подданство нѣкому и содержались отлично противу подданныхъ, а за упоминаемого Графа Разумовскаго, по полномочию уряда его гет-

манского, въ число другихъ послѣднихъ взяти подѣ вѣдѣние войскового скарбу.

12.

По правамъ Малороссійскимъ, Високомонарными грамотами утвержденимъ, бѣлое духовенство Малороссійское считается съ осядлостями своими въ числѣ шляхетства, и кромѣ того, что они по должности своей службу отправляютъ, ихъ дѣти происходить, за силу Духовного Реглямента, въ науки иностранныхъ языковъ, потомъ и въ войсковую службу, а за ними и наследные духовного ихъ чина грунта отходятъ. Почему и по древнему здешнего края обикновению, бѣлому духовенству какъ продажа, такъ и купля грунтовъ была какъ и прочимъ свободна; но послѣ того, рѣшительными пунктами уже духовенству такова покупка грунтовъ запрещена. Дѣтямъ же ихъ всѣмъ въ духовенство не умѣститься, и кои могутъ оставаться для войсковой службы—какъ то поповскихъ дѣтей по умершихъ отцахъ и велѣно уже употреблять въ войсковую службу—оной отправлять не съ чего. Къ тому-жъ иное духовенство, не имѣя къ прожитию моста, живутъ въ чужихъ хатахъ, да и жить инимъ, не имѣя грунтовъ, при паракіяхъ нѣ на чомъ, кромѣ одного добротного подаяния. Съ тогожъ, когда духовенству покупка грунтовъ была бѣ невозбранна, нетолько не било бѣ умаления въ войсковой службѣ, но еще могло бѣ битъ въ оной приращение, и отбивать съ чего би было.

13.

Города Лубень граждане какъ не имѣютъ достаточныхъ промысловъ, то къ лутшему состоянію своихъ служебъ для своихъ нуждъ инние собственнимъ своимъ скотомъ, а инние нанимая фуру, съ Криму и Сѣчи Запорожской ввозять было соль, бакалѣю и церковное вино. А какъ, за учрежденіемъ въ Малой Россіи по пограничнымъ местамъ таможенъ, началась тарифа взиматись, то потому и граждане уже начались лишаться своихъ вигодностей и чрезъ то подвергаться къ немалымъ недостаткамъ, такъ что до тарифи въ

продажѣ била соль пудъ по 15 копейкъ, а нинѣ по 50 копѣекъ продается.

Природное Вашего Императорскаго Величества человѣколюбие толь намъ чувствительно, что ми несумѣнно уповаемъ, что Ваше Императорское Величество выше донесенные нужды наши и отягощения принять соизволите лицемъ, во всемъ соответству(ю)щимъ премилосердному Вашему сердцу.

И сего рады всеподданиѣйше просимъ Вашего Императорскаго Величества пожаловать насъ, вѣрныхъ подданныхъ, всенижайшихъ рабовъ, височайшею Матернею милостию въ слѣдующемъ:

1. Всемилостивѣйше указать городъ Лубяѣ за толь многие понесенные его отъ давнего времени въ постояхъ и другихъ тягостяхъ изнеможения въ оныхъ постояхъ облегчить. Рязкій пехотный полкъ и Оберъ Критсъ Комисара съ комисіею съ оного города Лубень вывести, якожь бо кромѣ полевой аптеки изъ разныхъ многихъ полковъ, командъ за медикаментами къ оной приезжающихъ, еще и ежечасто чрезъ городъ Лубяѣ, поелику трактовой, переходящие полки и команды слѣдуютъ и имѣютъ въ городѣ квартиры.

2. Чинимую нинѣ жилищъ нашихъ дворовъ, имѣній и людей нашихъ генералную опись всемилостивѣйше повелѣтъ отставить, а чиненно би по прежнему ревизіи о дворовомъ числѣ, какъ височайшимъ 734 году августа 8 состоявшимся указомъ повелѣнно и по здешнему обикновению: по дворахъ, хатахъ и по статямъ.

3. Обивателей города Лубень отъ рублевого обладу, кои онымъ обложены, всемилостивѣйше уволить, а собирать съ техъ обивателей, которые по високомонаршимъ грамотамъ къ дачамъ подлежать на указно опредѣленныхъ консистентовъ, въ силѣ височайшихъ указовъ на одно наличество по статской ценѣ денгами, по расположениямъ таковыхъ, какъ прежде о томъ чинени по ревизіямъ, по хатахъ и по статямъ.

4. Отъ вистачения Генералѣтету, штабъ и оберъ афицерамъ дровъ для топлива всемилостивѣйше уволнить, а повелѣтъ довольствоватся имъ по прежнему, какъ Височайшимъ 742 года Августа 18 д. указомъ повеленно, покупкою.

5. Обивателей здешнихъ отъ платежа доимочныхъ денегъ всемилостивѣйше уволнить, а повелеть оные, яко уже отъ производства на количество консистентовъ остальные, отставить.

6. На наемныхъ годовыхъ служителей чтобы по прежнему обикновению дачи не полагать, а на подсусѣдковъ въ хозяйскихъ хатахъ жительствовавшихъ, кои само нищетные, при расположенияхъ консистенскихъ власть дачу по прежнему подсусѣдческую и для того ихъ и при ревизияхъ въ число дворовое между настоящихъ хозяевъ не ставить, а писано бѣ по прежнему особо, подсусѣдками.

7. Чтобы здешнимъ гражданамъ разного войскового и другаго звания людямъ промысли, торгъ и ремесло били и напредки по прежнему здешнему обикновению свободны; а зѣ Великороссійскихъ купцовъ дабы никто промысловъ и перекупокъ, въ городѣ и по селамъ ездя, здешнихъ продуктовъ не держалъ и своихъ товаровъ въ рознь не продавалъ, Всемилостивѣйше подтвердить Височайшою Вашего Императорскаго Величества грамотою.

8. Для вистройки полевой аптеки строений въ показанномъ старомъ Замку место, а для огородъ тамъ же подъ замкомъ пустую замлю отвесить; принадлежащей же до города Лубенъ общей гражданской землѣ по прежнему быть при томъ городѣ въ общемъ гражданскомъ владѣнии, какъ она и спрѣжде была, всемилостивѣйше повелѣть.

9. Всеподданнѣйше просимъ мещанъ Лубенскихъ съ той скарбовой канцелярии исключить, а бить имъ по прежнему мѣщанами свободными.

10. Всемилостивѣйше пожаловать Малороссійское бѣлое духовенство, чтобы имъ по давнему здешнему обикновению, правамъ и волностямъ для ихъ содержания и чтобы было дѣтямъ ихъ войсковую службу—кто съ нихъ въ оной останется—съ чего отправлять, была по прежнему покупка грунтовъ свободна.

11. Кто для своей собственной нужди и недостатку посылатиметь за соллю и бакалѣю, въ томъ числѣ и за церковнымъ вы-

номъ въ Сѣчь или Крымскую Область, въ такомъ случаи о облегченіи заплати по прежнему учинить всемилостивѣйшее помилованіе.

Сіе Всевисочайшее Милосердіе тѣмъ болѣе на височайшую степень славы возвисится и дойдетъ до самого владѣющаго всею тварию Бога, что въ ономъ имѣть будутъ участие самые бѣднѣйшіе и беспомощественнѣйшіе въ свѣте люди.

Ми вѣрноподданіе всенижайшіе раби всѣ совокупленными сердцама должностъ имѣемъ молить Всевишняго Творца, да благословитъ Ваше Императорское Величество тысячною милостию своею въ ннѣшнемъ и въ будущемъ вѣкѣ.

1767 году, Апрѣля 17 дня.

На подлинномъ тако:

Вашего Императорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества вѣрніе подданіе и всенижайшіе раби:

Намѣстникъ Лубенскій Герей Іоанъ Богдановичъ, Герей церкви Николской Лубенской Алексѣй Александровичъ, Герей Федоръ Иоакимовъ, вѣкарій Троицкои Лубенскои Ружной церкви Герей Іоанъ Прохоровъ, Герей церкви Николской Лубенской вѣкарій Михаилъ Алексѣевъ, Герей Іяковъ Михайловичъ, вѣкарій церкви соборной Лубенской Рождества Богоматери, Герей Федоръ Ивановъ Левенецъ соборной Лубенской церкви вѣкарій, Дияконъ церкви соборной Лубенской Іоанъ Евдокимовъ, Хоружій сотни Перволубенской Никифоръ Макаренко, Коморникъ повѣту Роменского Костантинъ Шулячевскій, Значковій Товаришъ Михайло Полунѣй, Значковій Товаришъ Михайло Майборода, Значковій Товаришъ Александръ Шимка, Значковій Товаришъ Стефанъ Ющенко, Асаулъ Полковой Лубенской Артилерии Уласъ Рублевскій, Полковой Артилерии Хоружий Игнатъ Щочка, Асаулъ сотеній Ефимъ Капуста, Городничій полкового Города Лубенъ Андрей Сидорскій, Козакъ Лубенскій Максимъ Касяновъ, Козакъ Лубенскій Андрѣй Коцарь, Козакъ городовій Лубенскій Осипъ Кондраченко, Козаки городовіе: Петро Лазоренко, Олѣфъръ Оробченко, Кондратъ Василенъ, Филонъ Крикуновскій, Иванъ Подгорний, Трохимъ Солодкий, Тимошъ Якименко, Василь Каруникъ, Мусѣй Нѣжинецъ, Грицко Солодовникъ, Семень Шапочникъ,

Яковъ Куханъ, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошению вишеписанный козакъ Осипъ Кондратченко руку приложилъ. Войсковой музыки габоистъ Данило Крошмахъ, Войсковой музыки Иванъ Андреевъ, Козаки Лубенские: Андрей Белий, Федоръ Глухий, Назаръ Дѣгтярь, Артемъ Чайка, Стефанъ Мацко, Иванъ Ищенко, Назаръ Бережний, Иванъ Работенко, Ефимъ Патѣкъ, Петро Оберемокъ, Михайло Ярошенко, Остапъ Тарасенко, Антонъ Сидоренко, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошению вишеписанный волторяѣтъ Иванъ Андреевъ подписался. Козакъ городской Лубенский Григорий Трилѣсвій, Козаки городовые Роменские: Иванъ Олѣйникъ, Савка Олѣйникъ, Динисъ Кравецъ, Макаръ Сученко, Андрѣй Дерѣй, Иванъ Камординъ, Иосифъ Бѣличевский, Кондратъ Гиркало, Иванъ Парпура, Павло Федоровъ, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошению Козакъ Лубенский Григорий Трилѣсвій подписался. Козакъ городской Лубенский Андрѣй Крапивка, Козаки городовые Лубенские: Демко Дѣгтярь, Максимъ Петрикъ, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошению вишеписанный козакъ Андрей Кропивка руку приложилъ. Мѣщане Лубенские: Дмитро Постольникъ, Павло Курначъ, Федоръ Ковнеръ, Грицко Рабуха, Иванъ Лисенко, Карпъ Лѣнко, Фома Хведоренко, Микита Боршиговецъ, Микита Горбъ, во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошению и за себе писарь Павло Холоднякъ подписался. Козаки: Федоръ Коваль, Павло Мазепа, Денисъ Мацко, Корнѣй Радченко и Грицко Дзекало, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ и за себе козакъ Лубенский Иванъ Петровъ подписался. Козаки: Федоръ Устименко, Грицко Чикисенко, Грицко Момотенко, Павло Устименко, Степанъ Сушко, Яковъ Устименко, Тимошъ Устименко, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошению и за себе Козакъ Иванъ Поповичъ подписался. Войсковой музыки трубачъ Михайло Малеча. Козаки: Иванъ Гринченко и Максимъ Пѣкуль, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошению трубачъ Михайло Малеча подписался. Мѣщане Артемъ Сивунъ, Андрей Рудъ, Зѣнецъ Николоаенко, Микола Римаръ и Григорий Брижаха, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошению козакъ городской Лубенский Иванъ Поповичъ подписался. Козаки: Панасъ Салко, Стефанъ Сопунъ,

Евтухъ Ламашенко, Лукянъ Винникъ и Мосѣй Литвинъ, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію Полковой Лубенской канцелярии Подканцеляристъ Марко Поддубній подпис(а)лся. Козакъ, ктиторъ соборной церкви Василь Михайловъ. Мещане: Степанъ Илченко, Иванъ Фесенко и Иванъ Сивуненко, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію Полковой Лубенской Канцеляріи Подканцеляристъ Марко Поддубній. Войсковой Полковой музыки довбишь Григорій Вѣтвицкій. Козаки: Иванъ Пасько, Андрей Сопуненко, Зѣноць Крошмаль, Трофимъ Слюсаренко, Андрей Макаренко и Федоръ Лебединецъ, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ рукоданному прошенію Градского Лубенского Суда Подканцеляристъ Андрей Запорожский подписался. Мѣщане: Лукянъ Галущенко, Василь Передериока и Ничипоръ Мисановъ зять, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію подканцеляристъ Андрѣй Запорожский подписался. Войсковой музыки волторнѣтъ Иванъ Макаренко. Козаки: Тимофѣй Макаренко, Яковъ Лоза, Карпъ Коваль, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Никифоръ Власовъ подписался. Мѣщане: Григорій Дрипаненко, Мивита Мисанъ, Фома Яценко, Харко Ганнотенко, Дмитро Кириленко, Иванъ Стельмахъ, Степанъ Вынникъ, Федоръ Комеръ и Максимъ Дацѣй, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію полковой музыки довбишь Григорій Вѣтвицкій подписался. Козакъ Никола Власовъ, за себе и за неграмотного козака Кондрата Карунника по его прошенію подписался. Мѣщане: Кондрать Гончаръ и Карпъ Левченко, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію писецъ Полковой Лубенской Канцеляріи Яковъ Ивановъ подписался. Цилюрикъ Полковой Иванъ Афанасиевъ. Козаки: Иванъ Рабка, Андрѣй Рибчинъ зять, Михайло Литовченко, Яковъ Лимаръ, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и вомѣсто отца своего Афанасиева по его повелѣнію синъ Яковъ Ивановъ, писецъ полковой Канцеляріи подписался. Козаки: Федоръ Шапочникъ, Каленикъ Булахъ и Павелъ Свѣтенко, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію Квартермистръ Семень Могилник(овъ) подписался. Козакъ Городовий Лубенский Давило Брижаха, а вомѣсто его по его велѣнію синъ его Кирило Брижаха подписался. Козаки: Федоръ Барабашъ, Никола

Сивуненко, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ и за себе козаць Петро Оробіовскій подписался. Мѣщане: Максимъ Холоднякъ, Василь Лазоренко, а вомѣсто ихъ по ихъ прошенію и за себе мѣщанинъ Евтихій Гриневиць подписался. Козаки: Назарь Лѣнко, Грицько Момотенко, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію козака городского Лубенского Данила Брижахи синъ Кирило Брижаха подписался. Козаки: Иванъ Салко и Иванъ Желѣзний, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію козаць Сенчанскій Стефанъ Сыдоровъ подписался. Козаки: Артемъ Музика, и Василь Охрѣменковъ зять, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козаць и понамарь Соборной Лубенской церкви Семенъ Григориевъ подписался. Козаць Мартинъ Свѣтъ, Пономарь Троицкой церкви Григорій Андреевъ и козаки: Савка Коваль и Яцко Солодовникъ, а вомѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію Польковой Лубенской Канцелярии подканцеляристъ Марко Поддубний подписался. Козаки: Семенъ Крикунъ, Илія Карбанъ, Павло Сподинъ и Павло Дирка, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и вомѣсто отца своего Семена Крикуна по его велѣнію синъ его Андрѣй Крикуненко подписался. Козаки: Максимъ Вербицкій, Сергій Швець, Онисько Кикулка и Павло Зайченко, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе козаць Мартинъ Кириленко подписался. Мѣщане: Олефѣръ Николаенко, Петро Илченко, Иванъ Бондарь, Грицько Пухирь и Дмитро Киренко, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію козака Лубенского Семена Крикуна синъ Андрѣй Крикуненко подписался. Козаць Лубенскій Василь Циганенко, за себе и за неграмотныхъ козаковъ Ивана Котляренка, Дороша Мазепенка, Василя Музики, Якова Кравця, Кліма Горба, Игната Чижя, Максима Заїку, Василя Кривеленка, Кирила Кухара, Артема Муренця, Романа Рубана, Данила и Корнѣя Рибовъ по ихъ прошенію подписался. Козаць Лубенскій Иванъ Божко. Войсковіе музики гобоисти Иванъ Орловскій и Савка Желѣзскій, а во мѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію вишечисанный волторнѣстъ Иванъ Андреевъ подписался.

2) Наказъ жителей г. Лубенъ.

Благородному почтенному господину Значковому Полку Лубенского Товарищу Григорию Иваненку

Наказъ.

Во исполненіе Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, въ 14 день декабря 766 году состоявшагося и во всей Имперіи обнаруженнаго, мы по приложенному при томъ манифестѣ гражданскому обряду зъ общаго согласія нашего выбрали отъ Полковаго города Лубенъ для сочиненія проекта Новаго Уложенія васъ Депутатомъ и сочинили наказъ Вамъ слѣдующаго содержанія.

1.

Болше ста лѣтъ прошло, какъ Малороссійской народъ, будучи въ прежнихъ вѣкахъ съ Поляками и Литвою, имѣлъ во всемъ равенство и пользовался тѣми жъ, что и они, вольностями, правами, и преимуществомъ, и напоследокъ озлобленъ и огорченъ многими неправдами, а паче чрезъ нарушеніе вѣры, правъ и волностей своихъ, послѣ многолѣтней кровопролитной войны и многихъ славныхъ надъ ними полученныхъ побѣдъ, то ихъ зъ себя звергъ и подъ предводительствомъ славнаго своего Гетмана Зѣновія Богдана Хмельницкаго, презря всѣхъ (которыя его ласкали постороннихъ государей протекціи) не по нуждѣ какой, но по доброму соизволенію и избрату единовѣрія пришелъ подъ высокочержавную руку блаженія и вѣчно достойна памяти Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Самодержца Всероссийскаго, добровольное подданство учинилъ, и къ Всероссийской Державѣ благоприсоединенъ, за что и по договорамъ, такъ какъ и въ жалованныхъ своихъ всѣмъ Малороссійскимъ чинамъ а именно: Гетману и войску Запорожскому, шляхетству, духовному чину и мѣщанству, грамотахъ Его Царское Величество все милостивѣйше снабдежилъ и подтвердилъ не токмо содержать и сохранять Малороссійской народъ при всѣхъ тѣхъ правахъ, обыкновенияхъ, привилегіяхъ, волностяхъ и преимуществахъ, на которыхъ онъ былъ подъ королями Польскими и Великими Князими Литовскими, но и

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ Кіевской Старинѣ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, не записанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для напечатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для речечзіи.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
„КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“.

1888 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками 10 р. съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ 8 р. 50 к., за 6 книгъ 5 р., на мѣстѣ 4 р. 25 к.

Для желающихъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ со внесеніемъ по 5 р. или по 4 р. 25 к. передъ началомъ полугодія.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Театральная ул. д. № 4, и на Крещатикѣ въ магазинахъ писче-бумажномъ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго и книжныхъ: Оглобина, Корейво, Гюнтера и Малецкаго, Динтера, Розова.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887 по 5 р. за 12 книжекъ, съ пересылкою 6 р., за 12 книжекъ 1886 г. 9 р., съ пересылкою 10 р., отдѣльныя книжки журнала по 60 к., съ пересылкою 80 к.

Редакторъ-издатель А. С. Лашневичъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.
І Ю Н Ъ.

Годъ седьмой.

ТОМЪ XXI.

1888 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ. П. Л. (265—283).
- II. Леонардъ Совинскій. А. В. С—ко. (284—313).
- III. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины (окончаніе). Н. Петрова. (314—340).
- VI. Молотники. Бытовой разсказъ. Ганны Барвиночь (341—364).
- V. На рубежѣ. Переводъ съ польск. VII. К. М. (365—383).
- VI. Очеркъ литерат. исторіи малор. нарѣчія въ XVII в.—II. Нижняя малорусская рѣчь въ XVII в. I. П. Житецкаго (389—408).
- VII. Воспоминанія объ архизѣ государственнаго совѣта. А. Романовичъ-Славатинскаго (409—432).
- VIII. Критика (45—64). Сводная Галицко-русская лѣтопись съ 1700 до конца Августа 1772 года. Составилъ А. С. Петрушевичъ. В. А. Diebold Wladimir. Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen. Dorpat. 1888.—(Дибольдъ.—Къ антропологіи Малороссовъ). В. А. Szybski Edward. Etnograficzno-statystyczny zarys liczebności i rozszelienia ludności polskiej. Ц. Неймана Александра Барсунова. Родъ Шереметевыхъ. Книга пятая. И. Камашина. Литургическій календарь луцко-житомірской епархіи и костеловъ подольской губ. изданный по распоряженію преосв. Спирона-Мартина Козловскаго, еп. луцко-житомірскаго, доктора богословія на 1888 г. Михайленко-Юреовскаго.
- IX. Документы, извѣстія и замѣтки (69—92). О происхожденіи гетмана Павла Тетери. В. А. Поѣздка гетмана К. Г. Разумовскаго въ Батуринъ и Мезеуецъ. Николая Бакала. Эпизодъ изъ исторіи малорусскихъ крестьянъ. Н. Стороженка. Изъ быта крѣпостнаго времени. А. Задѣскаго. Картины, рисунки и офорты Шевченка. В. Г. Два слова о рисункахъ Н. А. Трутвнскаго. Н. С. Замѣтка о старопечатныхъ книгахъ Харьковской духовной семинарии. Н. Сумцова.
- X. Для справокъ (90—92).
- XI. Библиографическій листокъ (29—54).

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1888.

Въ редакціи Кіевской Старины продаются:

Описаніе Старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Ал. Лазаревскаго. Томъ первый. Полкъ Стародубскій (Выпускъ первый) Кіевъ. 1888. XVI+288 стр. Цѣна два рубля съ пересылкою.

Сулимовскій Архивъ. Семейныя бумаги Сулимъ, Скороупъ и Войцеховичей. XVII—XVIII в. Съ пятью портретами и съ предисловіемъ Ал. Лазаревскаго. Кіевъ 8°. 1884. XVI+316 стр. Цѣна одинъ рубль съ пересылкою (вмѣсто двухъ).

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Жятецкій. Описаніе пересопнической рукописи XVI в. съ приложеніемъ текста евангелія отъ Луки, выдержекъ изъ другихъ евангелистовъ и 4-хъ страницъ снимковъ. Кіевъ. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

О. И. Левицкаго: Социніанство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XII—XVII вѣкахъ съ пер. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ пер. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и уніа, съ пер. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ пер. 55 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть приобретаемы.

Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1. 1873—1877. Цѣна 2 р. За пересылку прилагается 25 к.

Труды III-го Археологическаго Съѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. К. 1878. Ц. 10 р. (вмѣсто 25 р), съ пересылкою 11 р.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ св. Владиміра, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXI.

ІЮНЬ.

1888 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская : № 4.

Дозволено цензур. Київъ, 30-го Мая 1888 г.

О НАЧАЛѢ ХРИСТІАНСТВА ВЪ КІЕВѢ ДО ТОРЖЕСТВЕННАГО ПРИНЯТІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ ПРИ СВ. ВЛАДИМІРѢ.

Старые норманисты оспаривали только принадлежность намъ первыхъ князей русской земли и ихъ дружины, считая ихъ скандинавами, а не русскими славянами. Новѣйшіе норманисты, изъ коихъ нѣкоторые возсѣдаютъ на каедрѣхъ церковной исторіи, идутъ далѣе: усвояютъ варягамъ-норманнамъ начатки христіанства въ Кіевѣ и первую церковь, бывшую въ немъ при князѣ Игорѣ Рюриковичѣ. Чтобы отвѣтить на эти притязанія, не дѣлающія чести русскому народу, мы считаемъ необходимымъ разрѣшить три вопроса, которыми въ особенности можетъ интересоваться русское общество, имѣющее вскорѣ праздновать 900-лѣтіе крещенія кіевлянъ и всей Руси при св. благовѣрномъ князѣ Владимірѣ.

1.

Кому Кіевъ обязанъ первыми въ немъ начатками христіанства?

Преосвященный Филаретъ черниговскій, въ примѣчаніи къ 8-й страницѣ 1-го тома своей „Исторіи русской церкви“, замѣтилъ, что „кто-то изъ поклонниковъ варяжскихъ не на шутку сказалъ: „христіанствомъ мы (русскіе) обязаны варягамъ, также какъ и гражданскимъ устройствомъ“. Это сказалъ только одинъ Шлецеръ, непраеэславный, чужестранецъ, въ своей „Всеобщей сѣв. исторіи“ (стр. 544). Теперь тоже и далеко не на шутку утверждается уже не однимъ человѣкомъ русскимъ и православнымъ и утверждается по однимъ предположеніямъ, безъ всякой исторической почвы. Такъ авторъ одной „Исторіи Русской церкви“, сказавши,

что варяги давно ходили изъ своей Норманніи на службу въ Константинополь, дѣлаеть затѣмъ слѣдующіе выводы: „между членами дружины Рюриковой очень *могли* быть люди, служившіе прежде въ Константинополь, и слѣдовательно такіе, которые *могли* принять тамъ христіанство“. „Подобные крещенные Варяги *могли* приходять и послѣ Рюрика къ Аскольду съ Диромъ и къ Олегу изъ Константинополя“. „Если мы *предположимъ*, что Варяги находили службу у Русскаго князя болѣе выгодной и почетной для себя, чѣмъ у императора Константинопольскаго, и что въ слѣдствіе того они цѣлыми толпами переходили отъ послѣдняго къ первому, *то и получимъ* объясненіе того, какъ могли явиться въ Кіевѣ при Игорѣ весьма многіе христіане“. „Ничего не представляетъ *невѣроятнаго* и то, что самъ Игорь въ концѣ своего правленія былъ внутреннимъ христіаниномъ“¹⁾. На чемъ же основана эта вѣроятность? А вотъ на чемъ, по словамъ того же автора: „Ставъ христіанкою, Ольга *должна была* склонять къ христіанству и своего мужа, Игоря, а если *должна была* склонять, то нѣтъ ничего *невѣроятнаго*, что и дѣйствительно успѣла въ своихъ стараніяхъ“.—Все это по видимому резонно, выводится одно изъ другаго; но все это построено на „*могли*“, „*могли*“; „если *предположимъ*, то и получимъ“; „нѣтъ ничего *невѣроятнаго*“; если *должна была*, то и успѣла“. Хотя область возможнаго и вѣроятнаго весьма обширна, но не все то существуетъ, что кажется возможнымъ. Потому не признается вѣрнымъ заключеніе отъ возможнаго къ дѣйствительному существованію чего-либо, по старинному правилу здравой логики, которая учитъ, что a posse ad esse non valet consequentia. Многое изъ возможнаго существуетъ только въ нашемъ воображеніи, а должное остается только въ нашемъ внутреннемъ убѣжденіи. Руководясь началами, совершенно противными правиламъ логики, конечно, можно перестроить всякую исторію, по исторіи такъ не строится; на возможномъ и вѣроятномъ строятся только басни и сказки. Очевидно, что же-

¹⁾ Исторія русс. церкви. Е. Голубинскаго. Томъ I. 1-я половина. Москва. 1880 г., стр. 55, 60.

ланіе доказать излюбленную тему увлекло автора ученой исторіи до забвенія начала, которому долженъ быть вѣренъ историкъ. Оставивши въ сторонѣ возможное, вѣроятное и долженствовавшее быть по его мнѣнію, пусть онъ скажетъ намъ, откуда извѣстно, что въ Рюриковой дружинѣ были варяги, служившіе прежде въ Константинополь и тамъ принявшіе крещеніе, и что такіе же новокрещенные варяги находились въ числѣ дружинниковъ Аскольда, Дира и Олега? Откуда также извѣстно, что дружинники Игоря дѣйствительно перешли къ нему на службу отъ греческаго императора? Есть ли, наконецъ, какое-либо историческое указаніе на то, что Игорь былъ внутренней христіанинъ? Доколѣ на эти вопросы онъ не можетъ дать отвѣта, дотолѣ всѣ его разсужденія о томъ, что могло быть и что не вѣроятно, не имѣютъ никакого значенія въ вопросѣ о началѣ христіанства въ Кіевѣ до св. Владиміра.

Съ другой стороны, предположенію объ исключительномъ вліяніи варягъ на принятіе христіанской вѣры кіевлянами до св. Владиміра противорѣчатъ несомнѣнные историческіе факты, которые считаемъ необходимымъ привести здѣсь и напомнить г. автору „Исторіи русской церкви“. 1) По свидѣтельствѣ Константина Багрянороднаго, руссы крещенные, а не варяги служили при Константинопольскомъ дворѣ (*De ceremoniis Aulae Bizant. Lib. II, cap 15*). И арабамъ было извѣстно въ 922 г., что руссы, а не варяги обращались тогда въ христіанскую вѣру²⁾. По свидѣтельствѣ того же Константина Порфиророднаго приходили на службу въ Константинополь не одни руссы, но и молодые славяне съ береговъ Вислы, которымъ трудно было достаться въ Константинополь, чѣмъ славянамъ приднѣпровскимъ, и конечно они возвращались домой не безъ знакомства съ христіанскою вѣрою. Что касается въ частности кіевскихъ славяно-русовъ, то путь въ Константинополь для торговли съ греками былъ имъ извѣстенъ далеко раньше прибытія Аскольда и Дира въ Кіевъ съ варяжскою дружиной, такъ какъ еще во времена Геродота, за 5 вѣковъ до Рождества Христова, въ устьяхъ Днѣпра греки обмѣнивали свои товары на мѣха, воскъ и медь у при-

¹⁾ Ибнъ-Фолацъ — у Буткова, Оборона лѣтоп. 303.

днѣпровскихъ жителей, а въ послѣдствіи имѣли по Днѣпру и свои колоніи, которыя указываются въ кiev. губерніи названіями древнихъ городищъ „Триполья“, „Телехтемирова“, „Корсуна“ и находимыми въ нихъ греческими монетами. Для нихъ, конечно, для приднѣпровскихъ руссовъ, какъ гостей торговыхъ, а не для варяжскихъ дружинниковъ, являвшихся для военной добычи, отведено было и особое подворье въ Константинополѣ у св. Маммы, въ концѣ Золотаго Рога. 2) Обращеніе самыхъ норманновъ въ христіанскую вѣру началось не раньше времени Рюрика, въ половинѣ 9-го вѣка, и христіанство пришло къ нимъ, какъ извѣстно, не съ Востока, а съ Запада, чрезъ латинскаго монаха Ангарія, проповѣдывавшаго въ Даніи, Швеціи и Норвегіи и бывшаго потомъ гамбургскимъ архіепископомъ. Слѣдовательно, если въ дружинѣ нашихъ первыхъ князей и были христіане изъ варяговъ, то они никакъ не могли быть намъ учителями восточнаго православія или вѣры греческой. А изъ лѣтописи извѣстно, что эти дружинники при Святославѣ Игоревичѣ относились даже враждебно къ принимавшимъ христіанскую вѣру. Такъ, по свидѣтельству лѣтописца „аще кто (изъ кievлянъ) хотяше волею креститися, не браняху, но ругахуся ему“. И самъ Святославъ на увѣщаніе своей матери Ольги принять св. крещеніе отвѣчалъ: „како азъ хоцю инъ законъ одинъ принять, а дружина моя сему смѣяться начнутъ“. 3) Христіанство начало проникать въ южную Русь съ Востока еще за 4 вѣка до появленія въ Кіевѣ варяжскихъ дружинниковъ. Еще св. Іоаннъ Златоустъ въ 5 вѣкѣ посылалъ пастырей и учителей въ Скиѳію¹⁾; а по свидѣтельству Θεодорита, имъ—Златоустымъ созданы алтари у скиѳовъ. Въ странѣ же, прилегавшей къ Днѣпру, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, въ его время — въ 9 вѣкѣ сохранялись кресты изъ камня. Все это игнорируетъ г. Голубинскій, авторъ ученой исторіи русской церкви.

Не имѣя возможности отвергнуть фактъ нападенія руссовъ на Константинополь при императорѣ Михаилѣ III и полученія ими отъ патріарха Фотія епископа и учителей, онъ далѣе утверж-

¹⁾ Photii Biblioth. Cod. 273, p. 1518.

даеть, что подѣ этими руссами нужно разумѣть не кіевскихъ Руссовъ, предводимыхъ Аскольдомъ и Диромъ, а руссовъ азовскихъ—крымскихъ, не имѣвшихъ якобы никакого отношенія къ руссамъ кіевскимъ. Напротивъ, приазовская Русь была не только единоплеменна съ кіевскою Русью, но и была въ связи съ нею; это достаточно доказывается появленіемъ тамъ—именно въ Тмуторокани цѣлаго княжества, подвластнаго великому кіевскому князю безъ всякаго предшествовавшаго завоеванія или договора о подчиненіи однихъ другимъ, а основаніе считать кіевскими, а не азовскими руссовъ, напавшихъ въ 865 году на Константинополь, заключается въ словахъ патріарха Фотія, который называетъ ихъ „народомъ гиперборейскимъ, устремившимся съ сѣвера, отдѣленнымъ отъ Греціи судоходными рѣками и бурными пучинами“. Такіе эпитеты никакъ не идутъ къ приазовскимъ руссамъ. Епископа, посланнаго тогда Фотіемъ въ Русь, преданіе, записанное нашимъ лѣтописцемъ, называетъ Михаиломъ, а греческое сказаніе добавляетъ, что этому епископу сопутствовали два проповѣдника—*Кириллъ* и *Аванасій*, которые, видя, что руссы не понимаютъ славянскаго (глаголитскаго?) алфавита, начертали для нихъ 35 буквъ, которыя называются *азъ*, *буки*, *вѣди*... и что при этомъ пособіи руссы остаются непоколебимы въ познаніи христіанской вѣры¹⁾. Самъ Фотій говоритъ, что „Россы приняли христіанское богослуженіе съ великимъ усердіемъ и тцаніемъ“,—чего конечно, не могло бы быть, если бы богослуженіе у руссовъ введено было на непонятномъ для нихъ греческомъ языкѣ. Вещественнымъ подтвержденіемъ греческаго сказанія о первыхъ у насъ проповѣдникахъ христіанства—Кириллѣ и Аванасіѣ можетъ служить уцѣлѣвшая доселѣ изъ 12 вѣка церковь во имя святителей Кирилла и Аванасія, построенная вѣроятно на мѣстѣ древнѣйшей деревяной, съ монастыремъ при ней, упраздненнымъ въ концѣ прошлаго вѣка. А по древнему польскому сказанію, записанному польскимъ историкомъ Стредовскимъ, „къ намъ являлись въ половинѣ 9 вѣка восточные пропо-

¹⁾ Animadvers. ad Constant. Porpp. Bandurii tom. II, Imper. Orient. pag. 112—114.

вѣднѣи и отъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меодія, которые, посылая изъ Моравіи своихъ миссіонеровъ къ окрестнымъ славянамъ, отправили въ этомъ званіи въ Россію одного изъ своихъ учениковъ, по имени *Наврока*“. Такимъ образомъ кievская Русь не отъ варягъ услышала проповѣдь о Христѣ и не имѣла нужды въ нихъ въ этомъ дѣлѣ.

Для подрѣпленія своего мнѣнія о просвѣщеніи кievлянъ христіанскою вѣрою чрезъ варягъ-норманновъ, г. Голубинскій лишаетъ нашихъ предковъ даже имени руссовъ въ началѣ 1-го періода русской исторіи, усвоивъ это имя тѣмъ же варягамъ, хотя не отрицаетъ того, что сами норманны не называли себя руссами и что никто не называлъ ихъ руссами и на западѣ Европы, гдѣ они стали извѣстными гораздо раньше времени прибытія Рюрика въ Новгородъ. Онъ говоритъ, что норманновъ называли русью финны, а за финнами стали называть ихъ русью и новгородскіе славяне; впоследствии же стали называть норманновъ этимъ именемъ и греки, а за ними арабы. Но откуда Голубинскому извѣстно, что финны около 862 года называли норманновъ руссами? Это не вычитано гдѣ-нибудь въ лѣтописяхъ, а выводится имъ *a parte post ad partem ante*, при посредствѣ слѣдующихъ соображеній. Финны, говоритъ онъ, *нынѣ* называютъ шведовъ *Rotsi, Routsis, Roussi*, а шведы потомки бывшихъ норманнъ; слѣдовательно и финны 9 вѣка *могли* называть руссами норманнъ, прибывшихъ править и владѣть новгородцами въ 862 году, а если могли называть, то и называли, а если называли, то норманны и были такъ низываемые руссы. Но извѣстно ли и откуда извѣстно, что Рюрикъ и его первые дружинники были шведы, а не датчане или норвежцы, которыхъ нынѣшніе финны не называютъ *Rotsi, Routsis, Roussi*? Ни откуда неизвѣстно. Это совершенно произвольное предположеніе, а потому и выводъ на немъ основанный не вѣренъ. Между тѣмъ извѣстно, что и новгородскіе и кievскіе славяне называли норманновъ варягами, а себя руссами, русью; норманны же только обманно называли себя русью при дворѣ франкского императора Людовика Благочестиваго, въ 839 году, чтобы подъ этимъ именемъ пройти и просмотрѣть тайно всю Франк-

скую имперію. Но обманъ былъ открытъ во время, оказалось, что они не руссы, а норманны, хотѣвшіе пограбить чужое добро. И лѣтописи наши говорятъ, что новгородскіе славяне, выгнавъ отъ себя настоящихъ норманновъ—чистокровныхъ варягъ, призвали къ себѣ варяговъ-русь, племя по самому сходству своего имени съ названіемъ рѣки въ новгородской области сродное той руси, которая обитала близъ Чудскаго озера и единоплеменное руси приазовской, по близости своей къ Варяжскому морю упражнявшееся въ морскихъ промыслахъ, воинственное и владѣвшее оружіемъ, и потому въ отличіе отъ мирныхъ русскихъ племенъ называвшееся русью—варягами (оруженосцами). Эта то русь, не привнесшая къ намъ въ Новгородъ и Кіевъ ни скандинавскаго языка, ни скандинавскаго письма, ни скандинавскихъ нравовъ и обычаевъ, ничего кромѣ скандинавскаго своего придаточнаго имени, скоро сдружилась и совершенно слилась съ новгородскими и кіевскими славянами въ одинъ русскій народъ,—что достаточно подтверждается словами нашей лѣтописи, въ которой сказано: „Словенскій языкъ и Русскій одинъ“; „языкъ Словенскій бѣ имъ единъ“. Воинственные руссы или варяго-русы, прибывшіе сначала въ Новгородъ, а потомъ и въ Кіевъ, были, конечно, язычники, но потомъ, сблизившись въ Кіевѣ съ христіанами изъ мѣстныхъ жителей, они мало по малу стали обращаться къ вѣрѣ Христовой, а чрезъ сто лѣтъ, ко времени заключенія договора между Игоремъ и греками въ 945 году, въ Кіевѣ уже „мнози Варязи (дружинники Игоря) бяху христіане“, почему для утвержденія этого договора ихъ водили къ ротѣ (присягѣ) въ соборную церковь св. Ілии, которая была въ Кіевѣ „надъ ручаемъ, въ конецъ Хозаръ и Пасѣнчинѣ бесѣдѣ“.

2.

Гдѣ же въ Кіевѣ стояла церковь св. Ілии и кому она принадлежала?

Весьма щедрый для варягъ и скупой для мѣстныхъ славянъ, Голубинскій отдаетъ кіевскую церковь св. Ілии варягамъ, населявшимъ якобы Верхній Кіевъ, отрицая тѣмъ самимъ су-

ществованіе въ Кіевѣ при Игорѣ христіанъ изъ коренныхъ его жителей—полянь. Для близости къ своимъ варягамъ онъ помѣщаетъ эту церковь не на Подолѣ, гдѣ нынѣ существуетъ церковь этого имени (на среднемъ теченіи Почайны), а на уступѣ Михайловской горы, надъ воображаемымъ и нигдѣ не упоминаемымъ въ лѣтописяхъ и въ древнихъ актахъ крещатицкимъ ручаемъ; при чемъ Боричевъ взвозъ ведетъ не изъ Подола на Старый городъ, а съ Крещатики¹⁾, словомъ производитъ у насъ Овидіевы превращенія. На чемъ же все это построено? Ни на чемъ. Лѣтописецъ, говоря о договорѣ Игоря съ греками, упоминаетъ, что многіе и изъ варягъ были тогда христіанами, а Голубинскій уже выводитъ изъ сего, что кіевская церковь св. Ілии была варяжскою. Въ лѣтописи говорится, что при Владимірѣ варягъ Ѳеодоръ, имѣвшій сына Іоанна, жилъ въ Старомъ Кіевѣ, гдѣ въ послѣдствіи построена Десятинная церковь, а Голубинскій отсюда заключаетъ, что и всѣ варяги тогда жили въ Верхнемъ Кіевѣ. Очевидно—и то и другое заключенія неправильны. Варяги при Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ и Владимірѣ были не осѣдлыми жителями Кіева, а временными, проводившими большую часть времени въ военныхъ походахъ для отраженія враждебныхъ племенъ, для усмиренія непокорныхъ, для приобрѣтенія добычи въ чужихъ странахъ и при собираніи дани княземъ въ своихъ областяхъ; коренными же и постоянными жителями Кіева были славяне-поляне, которыхъ отцы слышали проповѣдь Христову отъ епископа Михаила, посланнаго въ Русь патріархомъ Фотіемъ, послѣ крещенія Аскольда и Дира. Для нихъ то и для грековъ—купцовъ, приходившихъ въ Кіевъ по Днѣпру изъ Царьграда для продажи золотыхъ вещей, шелковыхъ тканей и разныхъ произведеній Востока, а также для закупки меду, воска и кожъ, построена была въ Кіевѣ церковь св. Ілии пророка. Были туземцы и въ числѣ пословъ, заключавшихъ Игоревъ договоръ съ греками,—какъ показываютъ ихъ славянскія фамиліи „Синко, Боричъ“ и проч. изъ того же договора видно, что христіане были не въ одной княжеской дру-

¹⁾ Исторія рус. церкви. Т. 1-й стр. 62 и примѣч. къ ней 1. 2 и 3.

жинѣ, а тѣмъ менѣе между одними варягами, ибо тамъ постановлено, что если бѣжавшій отъ русскихъ къ грекамъ рабъ не отыщется, то за него платятъ греки лишь въ томъ случаѣ, если русскіе, какъ христіане, такъ и не крещенные, присягнутъ, что рабъ бѣжалъ дѣйствительно къ грекамъ, между тѣмъ ни откуда не видно, да и нельзя допустить, чтобы одни варяги, въ видѣ какой-то привилегіи, могли имѣть у насъ рабовъ.—Голубинскій Кіевскую церковь св. Іліи считаетъ дочерью Ильинской церкви, бывшей въ Константинополѣ, близъ св. Софіи, но эта послѣдняя устроена гораздо позже первой, именно въ 1075 году¹⁾, спустя 130 лѣтъ послѣ Игорева договора съ греками. Онъ думаетъ еще, что при заключеніи этого договора въ 945 г., крещеную русь приводили къ присягѣ два раза—въ константинопольской церкви св. Іліи и въ кіевской того же имени, а некрещеная русь присягала только одинъ разъ—въ Кіевѣ на холмѣ. Но думать такъ значило бы признавать, что греки болѣе довѣряли языческой присягѣ, чѣмъ христіанской. Чтобы не впасть въ эту нелѣпность, лучше думать, что въ лѣтописи по ошибкѣ переписчика стоитъ „вляхомся“ вмѣсто „кленемся“. Впрочемъ въ Константинополѣ была и раньше XI вѣка церковь во имя св. пророка Іліи, въ монастырѣ того же имени близъ Плаоты, не далеко отъ берега Пропонтиды. Но этотъ монастырь извѣстенъ съ VI вѣка²⁾, когда неизвѣстно еще было свѣту и самое

¹⁾ Исторія рус. ц. Т. I. стр. 60. прим. 2-е.

Церковь эта вѣроятно была построена для того отряда варягъ, который отпустилъ отъ себя вел. князь Ярославъ Владиміровичъ въ Константинополь, по минованіи въ нихъ надобности для себя, и гдѣ они могли обжиться, состоя на службѣ при константин. дворѣ и принять православіе, хотя могли оставаться и въ латинской своей вѣрѣ, такъ какъ извѣстно, что въ 11-вѣвѣ были въ Константинополѣ и латинскія церкви, въ которыхъ совершалась евхаристія на опрѣсножахъ. Цитируемое г. Голубинскимъ (стр. 63) и повторенное г. Малышевскимъ (въ Трудахъ Кіев. Д. Академіи.—Дек. 1887 г.) названіе другой констант. церкви во имя св. Богородицы—*Παναγίας Βασιλικῆς*, построенной по Голубинскому въ XIV вѣвѣ, а по Малышевскому въ XI вѣвѣ, не служить свидѣтельствомъ назначенія ея для варягъ. Вѣрнѣе думать, что эта церковь создана въ воспоминаніе побѣдъ надъ варягами при чудесной помощи Божіей Матери и потому названа церковью *св. Богородицы*—*Βασιλικῆς* (побѣдительницы варягъ, а не варяжской).

²⁾ Путешествіе архіеп. Антонія (Добрыни) въ Царьградъ въ 12 вѣвѣ—съ примѣч. П. Саввантова. С.-Петр. 1872 г. стр. 162—163.

имя варягъ. Итакъ 1-я Ильинская церковь построена въ Кіевѣ не варягами и не для варягъ. Гдѣ же она стояла?

Нѣтъ никакого историческаго основанія полагать, будто кіево-ильинская церковь во время Игоря существовала гдѣ-то на уступѣ Михайловской горы со стороны Крещатика. Голубинскій выноситъ ее на эту гору потому только, что по свидѣтельству лѣтописи въ 945 году, когда Ольга принимала древлянскихъ пословъ, „людіе не сѣдяху на Подолѣ, но на горѣ, бѣ бо вода текущи вдользъ горы“. Но что сказалъ бы Голубинскій, вычитавши откуда-нибудь, что въ апрѣлѣ 1845 года „людіе не сѣдяху на Подолѣ—за канавой, а въ Контрактовомъ домѣ“? Неужели онъ заключилъ бы изъ сего, что Кіевоподольская Введенская церковь въ 1845 году была тогда не на Подолѣ—за канавой, а гдѣ-нибудь на Крещатикѣ или на уступѣ одной изъ кіевскихъ горъ? Между тѣмъ она оставалась на томъ же мѣстѣ за канавой, до половины залитая разливомъ Днѣпра, въ томъ время какъ ея приходъ выселялся въ безопасныя отъ воды мѣста и бѣдняки ютились въ залахъ контрактоваго дома. Подобная картина и теперь у насъ предъ глазами—не одинъ введенскій приходъ залитъ водою, но съ кіевскихъ горъ видно на восточной сторонѣ Днѣпра нѣсколько деревень, покрытыхъ водою, которыхъ жители ютятся въ шалашахъ, среди смежнаго сосноваго лѣсу, оставивъ свои дома и приходскія церкви въ водѣ. Пусть же г. Голубинскій признаетъ, что и лѣтопись подъ 945 годомъ говоритъ не объ исконномъ нахожденіи подольской части Кіева подъ водою до Х вѣка, а о временномъ и случайномъ, бывшемъ въ этомъ году отъ необыкновеннаго разлива весеннихъ водъ Днѣпра, заставившаго жителей Кіево-Подола удалиться въ нагорную часть Кіева,—о наводненіи, повторяющемся отъ времени до времени и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Если и теперь весенній разливъ Днѣпра покрываетъ въ иные годы почти $\frac{1}{3}$ Подола, то тѣмъ болѣе это могло быть въ 10 вѣкѣ, когда не были истреблены приднѣпровскіе лѣса и когда притоки Днѣпра были обильны водою. Недоумѣніе относительно смысла приведенныхъ выше словъ лѣтописи не трудно разъяснить и соображеніемъ съ другими мѣстами той же лѣтописи, напр. о обложеніи печенѣгами Кіева въ 968 году при

Ольгѣ и о скотѣемъ богѣ Велесѣ, стоявшемъ при св. Владимірѣ на Оболонѣ, на мѣстности ниже Подола. Если бы Днѣпръ въ 968 г. шелъ вдоль кіевскихъ горъ, поверхъ Подола, то можноли повѣрить, что кіевляне тогда томились жаждою, сидя на длинной горѣ, покатою къ водѣ? Если вода покрывала тогда Подоль, то какъ могли печенѣги расположиться по восточной сторонѣ Кіева и какъ могъ кіевлянинъ-отрокъ бродить по кіевскому берегу Днѣпра, межъ печенѣгами, искать на пастбѣ между ними своего коня, и такимъ только образомъ пробраться къ Днѣпру, чтобы подать вѣсть жителямъ черниговской стороны объ опасности, въ которой находилась Ольга съ кіевлянами? Ясно, что тогда въ 968 году не были покрыты водою не только Подоль, но и Оболонь, на которой печенѣги пасли своихъ коней. Не въ водѣ стоялъ и скотій богъ Велесъ въ 988 г., а стоялъ на твердой почвѣ, на лугу Оболонья, гдѣ и теперь пасутся коровы кіевлянъ, близъ верхняго теченія Почайны, въ которую и бросили Велеса предъ крещеніемъ кіевлянъ. Голубинскій ищетъ на Крещатикѣ ручая, чтобы надъ нимъ поставить церковь св. Или, но напрасно. На Крещатикѣ не было и нѣтъ никакаго ручая, онъ появляется только на день, на два, и то весной, при таяніи снѣга, то лѣтомъ во время сильныхъ ливней, когда въ этомъ отлогомъ и широкомъ оврагѣ, отдѣляющемъ старый Кіевъ отъ Печерской горы, называемомъ „Крещатикомъ“, скопляется не малое количество воды, которая день, другой въ видѣ ручья направляется къ западу въ р. Лыбедь, но не къ востоку—въ Днѣпръ. Противъ Крещатика не было и въ началѣ 17 вѣка никакого ручья, впадающаго въ Днѣпръ, такъ какъ, по свидѣтельству Синопсиса, противъ мѣста, гдѣ теперь владимірскій павильонъ, была въ его время криница, съ деревяною часовней, у которой, по преданію, св. Владиміръ крестилъ своихъ сыновей. Эта криница существовала здѣсь, нѣсколько выше владимір. павильона, до 1812 года, когда кіевскіе граждане соорудили каменный павильонъ съ высокою надъ нимъ колонною и бассейномъ внутри, въ который вода проведена деревяною трубой изъ бывшей кринички, тогда закрытой. Это намъ извѣстно со словъ 80-лѣтняго старца, умершаго въ 1863 году. Что касается

положенія Боричева взвоза, то оно ясно и вѣрно опредѣляется и лѣтописнымъ сказаніемъ о пріемѣ древлянскихъ пословъ Ольгою, и сказаніемъ о сверженіи Перуна, и актами 16 и 17 вѣковъ на земли Кіево-Михайловскаго монастыря, и народнымъ преданіемъ; по всѣмъ этимъ указаніямъ Боричевъ взвозъ былъ на сѣверной, а не на южной сторонѣ Михайловскаго монастыря, а слѣдовательно не со стороны Крепчатика. Такимъ образомъ не оказывается никакихъ препятствій къ тому, чтобы церковь св. пророка Іліи, которая была при Игорѣ надъ ручаемъ въ концѣ Хозаръ и Пасѣвчины бесѣдѣ (улицы), существовала на Подолѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ она находится и нынѣ, надъ древнимъ русломъ Почайны, на углу двухъ пересѣкающихся улицъ Ильинской и Межигорской. Здѣсь и всего естественнѣй надлежало ей быть, на окраинѣ Подола, вдали отъ исповѣдавшаго язычество княжескаго двора и вблизи пристани, въ которую прибывали на судахъ купцы — христіане изъ Греціи и изъ греческихъ колоній, бывшихъ по берегу Чернаго моря, гдѣ, вѣроятно, жили, какъ указываетъ лѣтопись, и Хозары—племя того народа, къ которому ходилъ съ проповѣдью св. Кириллъ. На подобной низменной мѣстности и при томъ вблизи рѣки находятся издревле церкви св. Іліи пророка и въ другихъ древнихъ русскихъ городахъ—Новгородѣ, Москвѣ и въ Владимірѣ на Клязьмѣ, а извѣстно, что Кіевъ повторялся въ нѣкоторыхъ нашихъ городахъ не только названіями церквей, но и ихъ мѣстностью, подобно, тому какъ и самый Кіевъ подражалъ въ этомъ отношеніи Царьграду. Нужно при этомъ имѣть въ виду и обычай предковъ нашихъ замѣнять обветшавшіе храмы построеніемъ новыхъ того же имени на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они существовали издревле.

3.

КТО БЫЛА ОЛЬГА ПО СВОЕМУ ПРОИСХОЖДЕНІЮ И ГДѢ ОНА КРЕСТИЛАСЬ?

Голубинскій, заявившій себя открыто сторонникомъ норманистовъ, причисляетъ къ варяжскому роду и благовѣрную російскую княгиню Ольгу, бабу св. Владиміра, хотя она прибыла къ намъ не изъ за моря, а изъ русскаго города Пскова. Осно-

ваніемъ для сего ему служатъ простое сходство ея имени съ именемъ Олега, Игорева опекуна, и предположеніе, что неославянившемуся Игорю Олегъ не могъ избрать женою славянку. Но основанія эти имѣли бы нѣкоторое значеніе только въ томъ случаѣ, если бы открыто было, что у норманокъ дѣйствительно было въ употребленіи имя „Ольга“ и что норманны дѣйствительно избѣгали сожителства съ славянками. Но доколѣ первое остается неизвѣстнымъ, а второму противорѣчить то, что въ числѣ женъ Святослава и Владиміра не видимъ норманки, дотолѣ причисленіе св. Ольги къ варягамъ нельзя считать вѣрнымъ. Не отвергая путешествія княгини нашей Ольги въ Константинополь, Голубинскій отрицаетъ принятіе ею тамъ крещенія, а за тѣмъ и самому путешествію ея въ столицу Греческой имперіи не придаетъ религіозной цѣли. Чтобы дозвать истину, обратимся къ источникамъ извѣстій объ этомъ предметѣ.

О путешествіи Ольги и пребываніи ея въ Константинополѣ говорится въ книгѣ „О церемоніяхъ византійскаго двора“, составленной современникомъ Ольги, греческимъ императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ. О крещеніи Ольги тамъ же, въ Константинополѣ, и въ то же время, свидѣтельствуютъ греческіе лѣтописцы Кедринъ и Зонара, одинъ западный лѣтописецъ, современникъ сему событію, продолжатель Регинова, русскіе лѣтописцы—мнихъ Іаковъ въ „Похвалѣ св. Владиміру“, Несторъ въ своей лѣтописи и „Лѣтописецъ русскихъ царей“, дошедшій къ намъ въ спискѣ 12 вѣка. По ихъ указаніямъ цѣль прибытія Ольги въ Константинополь была не только религіозная, но и политическая, не только принятіе св. крещенія въ столицѣ православія и ознакомленіе съ ея святыней и благолѣпіемъ христіанскаго богослуженія, но и заключеніе мирнаго договора съ греками, а вмѣстѣ полученіе отъ византійскаго двора, по тогдашнему обычаю, правъ на извѣстную степень царскаго достоинства. Исслѣдователи полагаютъ, что Ольга прибыла въ Царьградъ въ началѣ іюля 957 года, но не выходя изъ пристани, ожидала приѣма при дворѣ до 9-го сентября того же года, т. е. почти два мѣсяца. Причину такого промедленія предполагаютъ въ предварительныхъ переговорахъ объ условіяхъ договора и о приѣмѣ Ольги

при императорскомъ дворѣ соотвѣтственно достоинству правительницы русскаго государства, которое Византія, конечно, старалась по возможности умалить, чтобы возвысить свое достоинство въ глазахъ варваровъ. Приѣмъ, по записи Константина Порфиророднаго, происходилъ мѣсяца сентября девятаго числа въ четвертый день (непѣли), т. е. въ среду, и былъ во всемъ подобенъ приѣму сарацинскаго посла, принятаго предъ тѣмъ. Русская княгиня вступила въ императорскій дворецъ съ княгинями—своими родственницами и съ избранными прислужницами; она шла впереди всѣхъ, а тѣ слѣдовали за нею, идя одна за другою, и стала на назначенномъ ей мѣстѣ. Послѣ княгини вошли послы и стряпчіе русскихъ князей и заняли мѣсто между занавѣсами. Ольгу принимала сначала императрица въ Юстиніановой залѣ, возсѣдая на тронѣ и имѣя при себѣ невѣстку въ золотомъ креслѣ. Русской княгинѣ при этомъ предложены были чрезъ препозита вопросы отъ лица императрицы. По окончаніи приѣма императрица вышла изъ залы, а Ольга, перейдя въ другое отдѣленіе дворца, сѣла. Непосредственно послѣ сего принялъ Ольгу императоръ во внутреннихъ покояхъ императрицы, въ присутствіи императрицы и своихъ дѣтей, при чемъ Ольга бесѣдовала съ императоромъ сидя. Въ тотъ же день былъ въ честь русской княгини парадный столъ въ Юстиніановой залѣ. Во время обѣда императрица и ея невѣстка сидѣли на тронѣ, а Ольга сидѣла за особымъ столомъ съ государственными почетными дамами. Во время стола играла музыка и пѣли пѣвчіе церкви св. Апостолъ. Въ другомъ отдѣленіи обѣдали послы русскихъ князей, придворные, родственники княгини и стряпчіе, пресвитеръ Григорій и 3 переводчика. Десертъ былъ приготовленъ въ другой залѣ на золотомъ столѣ и на блюдахъ, украшенныхъ эмалью и драгоценными камнями. За десертомъ здѣсь находились императоръ, сынъ его Романъ, прочія порфирородныя его дѣти, невѣстка и русская княгиня. При этомъ поднесено княгинѣ золотое, украшенное камнями блюдо съ 500 драхмъ въ 35 коп. каждая; денежные подарки получили всѣ лица, составлявшіе свиту Ольги. Второй парадный обѣдъ былъ въ честь русской княгини въ воскресенье 18-го октября. Императоръ и въ этотъ разъ обѣдалъ

также отдѣльно, въ особой залѣ, съ русскими послами, а императрица въ другой—съ своими дѣтьми, невѣсткой и съ русской княгиней Ольгой. При чемъ одарены деньгами—княгиня и лица ея свиты.

О крещеніи Ольги мнихъ Іаковъ говоритъ такъ: „Взыска (Владиміръ) спасенія и прія отъ бабы своей Ольги, како шедше Царюгороду и пріяла баше святое крещеніе“¹⁾. А нужно замѣтить, что и по мнѣнію г. Голубинскаго,—„этотъ монахъ заслуживаетъ въ своихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ всей нашей вѣры“ (Исторія рус. церкви.—т. I. стр. 68). Продолжатель Регинона (современникъ Ольги) подъ 959 годомъ записалъ: „Пришли къ королю (Оттону I.) послы Елены, королевы руссовъ, которая крещена въ Константинополѣ при константинопольскомъ императорѣ Романѣ“²⁾. Греческіе лѣтописцы говорятъ не менѣе опредѣленно. Кедринъ пишетъ: „Княгиня руссовъ Ольга прибыла въ Константинополь и крещена, показавши много любви и благочестія, и возвратилась домой, удостоившись почестей, соответственныхъ своему сану“³⁾. Зонара говоритъ: „Супруга русскаго князя Ольга по смерти мужа прибыла къ императору, крещена и, бывъ принята по достоинству своему, возвратилась домой“. Современная славянская запись о крещеніи Ольги, вошедшая въ Несторову лѣтопись въ сокращенномъ и отчасти поврежденномъ видѣ, лучше сохранилась въ „Лѣтописцѣ русскихъ царей“ по переяславскому списку 12 вѣка. Въ ней читаемъ: „Въ лѣто 6463-е Ольга иде въ Греки, приде къ Царьграду, и бѣ тогда Константинъ, сынъ Леоновъ, и видѣвъ ю *красну зѣло*⁴⁾ лицомъ и смыслену умомъ, и удивися Царь разуму ея и бесѣдова съ нею и рече ей слова къ *любви* (договору)⁵⁾—подобна еси цар-

¹⁾ Память и Похвала св. Владиміру—монаха Іакова.

²⁾ Исторія рус. церкви.—Е. Голубинскаго. т. I. стр. 89.

³⁾ Corpus Hist. Byzant. VIII, p. 499; XI, p. 152.

⁴⁾ Слова „красну зѣло“—не столько означаютъ красоту лица, сколько пріятность и сановитость въ извѣстной особѣ.

⁵⁾ Слово „любовь“ здѣсь значитъ „мирный договоръ“, „союзъ“, въ какомъ смыслѣ оно употреблено въ договорѣ Олега и въ договорѣ Игоря съ греками. Тамъ говорится: „такую *любовь* извѣстити и утвердити по вѣрѣ и закону нашему“ (въ договорѣ Олега); „сотворити *любовь* съ самими цари, и со всѣмъ боярствомъ и съ всеми людьми Грецкими“ (въ договорѣ Игоря).

*ствовати съ нами во градѣ семь*¹⁾). Она же разумѣвши рече ему: како то слово исполнится, царю, понеже азъ погана (язычница) есмь. Да аще мя хочещи крестити, то крести мя самъ; аще ли ни, то не крещюся. Царь же безмѣрно радъ бысть и рече ей: патриарху возвѣщу ли слово се? Она же рече: готовъ ли еси поручитися по мнѣ Богу и патриарху? И поручися патриарху и посла къ патриарху, да ю крестить. Ольга же, пришедъ къ церкви, не видѣ царя у церкви. Ольга же посла къ царю и рече; аще хочешь мя крестити, то самъ мя крести; аще ли не крестиши мя самъ, то не крещюся. И крестиша ю царь и патриархъ. Просвѣщена же бывши, радовашеся душою и тѣломъ. И научи ю патриархъ и рече ей о вѣрѣ. Благословена ты въ женахъ русскихъ, яко возлюби свѣтъ, а тму остави; благословити тя имуть сынове русїи и въ послѣдній родъ внуку твоихъ. И заповѣда ей о церковномъ уставѣ и молитвѣ и постѣ и милостыни и о воздержанїи тѣла чиста... Бѣ же ей имя въ крещенїи *Олена*, якоже и первая царица, мати великаго Константина. И благослови ю патриархъ и отпусти. И призва ю царь, рече: хочю ты ровняти женѣ. Она же рече: како мя хочещи ровняти женѣ, а крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерь? А во христїанахъ нѣсть того закона, ты и самъ вѣси. И рече царь: переключи (перехитрила) мя Ольга, и вдасть ей дары многи—злато и серебро и паволоки и сосуды различныи и отпусти ю, нарекъ дщерь собѣ²⁾.

¹⁾ Выраженіе это заключаетъ въ себѣ поданную императоромъ Ольгѣ надежду на усвоеніе ей нѣкоторыхъ знаковь царской почести, привличныхъ ей, какъ правительницѣ могущественнаго русскаго народа. Императоръ имѣлъ тогда уже соврателемъ своего сына Романа, потому говоритъ Ольгѣ: достойна еси царствовать „съ нами“. Ольга, домогаясь имѣть крестнымъ своимъ отцемъ императора, желала получить чрезъ названїе его „дщери“ право на цезарское достоинство, которое предъ тѣмъ дано было болгарскому царю Симеону чрезъ нареченїе его „сыномъ“ императора, званїемъ которымъ пользовался и современникъ Ольги болгарскїй царь Петръ.

²⁾ Болгарскїй царь Борисъ, крещенный императоромъ Михаиломъ, въ слѣдъ за крещенїемъ былъ нареченъ „цезаремъ сыномъ“ императора, которое было выше званїа „августы—жены императора. Константинъ Багрянородный, радуясь намѣренїю Ольги креститься, подалъ ей надежду на званїе императорской „дщери“ равное цезарскому достоинству, но уклонялся почему то отъ личнаго воспрїемничества при крещенїи, за которымъ обыкновенно слѣдовалъ особый обрядъ нареченїа

Такимъ образомъ, не смотря на умолчаніе Константина Багрянороднаго о крещеніи русской княгини Ольги въ сдѣланномъ имъ описаніи церемоній византійскаго двора, (умолчаніе, однако, естественное въ сочиненіи, которое не касалось церковныхъ обрядовъ), на основаніи вышеприведенныхъ свидѣтельствъ чужестранныхъ и русскихъ писателей нужно признать вѣрнымъ сказаніе нашей лѣтописи о томъ, что бабка св. Владиміра—Ольга приняла св. крещеніе въ Константинополь, а не „гдѣ-нибудь“. При этомъ нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что по свидѣтельству того же Константина Багрянороднаго, въ первый приемъ при константинопольскомъ дворѣ, княгиня Ольга обѣдала отдѣльно отъ императорской семьи, съ своей женской свитой, а во второй приемъ, спустя 5-ть недѣль послѣ перваго, она удостоена была уже обѣдать за однимъ столомъ съ императрицей, съ ея дѣтьми и невѣсткой. Такое отличіе послѣдняго приема само собою говоритъ, что въ промежутокъ времени между этими приемами русская княгиня приобрѣла высшее противъ прежняго значеніе, которое могло быть получено ею только чрезъ крещеніе.

Признавая лѣтописное сказаніе о крещеніи Ольги въ Константинополь не болѣе, какъ легендою, Голубинскій не обходитъ вопроса: зачѣмъ другимъ Ольга предприняла дальній и въ то время весьма трудный путь изъ Кіева въ Константинополь, но отвѣчаетъ на этотъ вопросъ своеобразно и легко. „Затѣмъ, говоритъ, чтобы удовлетворить своему любопытству, видѣть баснословный и великолѣпный Царьградъ, чтобы видѣть жизнь и быть тѣхъ царей, которые именовались повелителями вселенной“.

языческаго государя „сыномъ“ императора. Ольга, погрозивъ отказомъ креститься, заставила императора быть лично ея крестнымъ отцемъ, а на этомъ основаніи, какъ дочь императора, требуетъ себѣ цезарскаго достоинства, а не титула „августы“, лова, такъ сказать, его на словѣ. Въ этомъ и состоитъ вся хитрость Ольги, по изъясненію князя М. Оболенскаго въ его изслѣдованіи о первоначальной рус. лѣтописи. Въ греч. требникѣ Гоара есть и молитва „на князи, хотящія пріяти власть великую отъ царя“. Эту молитву произносилъ патріархъ, подавая императору епитрахиль, которую самъ императоръ возлагалъ на получающаго цезарское достоинство въ св. Софіи, на солеѣ. Епитрахиль возлагалась и на императрицу предварительно ея вѣнчанія.

Цѣль путешествія, очевидно, не совсѣмъ свойственная 67-лѣтней старицѣ, какою тогда была наша княгиня Ольга. Гораздо правильнѣе рѣшаетъ этотъ вопросъ нашъ покойный исторіографъ Н. Карамзинъ. „Ольга“, говоритъ онъ въ своей „Исторіи государства російскаго“, „достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій ея конецъ предъ собою и чувствуетъ суетность земнаго величія. Тогда истинная вѣра болѣе, нежели когда-нибудь служитъ ему опорой и утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ христіанства, могла бесѣдовать съ пастырями христіанской церкви и, будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣрится въ святости ея ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть христіанкою и сама отправилась въ столицу имперіи и вѣры греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ“¹⁾.

Кто былъ пресвитеръ Григорій, сопровождавшій княгиню Ольгу въ ея путешествіи въ Константинополь, наша лѣтопись не говоритъ. Нѣкоторые, какъ князь М. Оболенскій и Д. В. Полновъ, полагаютъ, что спутникомъ ея былъ „Григорій, пресвитеръ всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей“, одинъ изъ сотрудниковъ просвѣтительной дѣятельности болгарскаго князя Симеона, исчезнувшій изъ Болгаріи послѣ его кончины въ 927 году. На него, какъ знавшаго всѣ обычаи византійскаго придворнаго этикета и правила восточной церкви, естественно могъ пасть выборъ при избраніи руководителя въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково приготовленіе правительницы русскаго государства къ крещенію, и въ такомъ новомъ для нея дѣлѣ, каковымъ было представленіе ея императорскому двору. Если о прибытіи Ольги въ Константинополь и цѣли ея прибытія былъ предувѣдомленъ византійскій дворъ, что весьма вѣроятно, то можно полагать, что пресвитеръ Григорій, близкій по языку къ русскому народу, былъ отправленъ заблаговременно изъ Константинополя въ Кіевъ по распоряженію императора и патріарха. Князь М. Оболенскій

¹⁾ Исторія рос. государства. Т. I. стр. 166. Изд. 2-е.

и Д. В. Полѣновъ думаютъ, что этому же пресвитеру Григорію принадлежитъ и самое описаніе пребыванія Ольги въ Константинополь и ея крещенія, вошедшее въ русскую лѣтопись, и не только это описаніе, но и предшествующій ему рассказъ объ основаніи русскаго государства, вошедшій въ нашу лѣтопись и въ наименѣе искаженномъ видѣ сохранившійся въ „Лѣтописцѣ русскихъ царей“ по списку Переяславля Суздальскаго. Основаніе сему они видятъ въ томъ, что—а) *Григорій* мнихъ, переложившій Амартола, *Григорій* мнихъ, переложившій „Книгу царствъ“, и *Григорій* мнихъ, переложившій хронику Іоанна Малалы, должны быть признаны за одно и то же лицо; б) что во всѣхъ древнѣйшихъ редакціяхъ русскаго временника, въ не разъ повторенныхъ выраженіяхъ „глаголетъ бо *Григорій* въ Лѣтописцѣ“—стояло слово *Григорій*, а не *Георгій*, и в) въ параллели, проводимой въ началѣ нашей лѣтописи между событіями въ Руси и событіями въ Греціи и Болгаріи и въ употребленіи слова *царствовати* вмѣсто *княжити*. То же мнѣніе относительно имени „Григорій“ раздѣляетъ и Стрыйковскій, польскій историкъ, имѣвшій подъ рукою до 15 списковъ русскихъ лѣтописей.

Спутникомъ Ольги на обратномъ ея пути въ Кіевъ былъ пресвитеръ, данный ей патріархомъ, и конечно никто другой, какъ тотъ же Григорій болгаринъ. Ему, конечно, было поручено склонить соперника болгарскихъ царей на Дунаѣ, наслѣдника Ольги Святослава, къ принятію христіанской вѣры, но ученикъ этотъ оказался непонятливымъ и глухимъ къ слову о Христѣ. Впрочемъ старанія Ольги и ея пресвитера были въ Кіевѣ не тщетны. Православіе на югѣ Россіи при Ольгѣ сдѣлало такіе успѣхи, что ихъ узнали скоро и въ Римѣ, какъ видно изъ грамоты папы Іоанна XIII къ чешскому королю Болеславу II, писанной въ 972 г., въ которой онъ, разрѣшая учредить епископію въ Прагѣ, писалъ: *verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae, aut Slavonicae linguae*. Изъ этой же грамоты видно, что въ Кіевѣ до св. Владиміра богослуженіе совершалось не на готскомъ языкѣ, какъ думаетъ г. Голубинскій¹⁾.

¹⁾ Исторія русск. церкви. Т. I. стр. 83-я.

ЛЕОНАРДЪ СОВИНСКІЙ.

(Опытъ посмертной характеристики).

Біографія.—I. Лирическія поэмы „Привидѣніа“, „Изъ жизни“. II. Эпическая поэма „Петро“. III. Драма „На Украинѣ“. IV. Переводы изъ Шевченка. V. Школьныя воспоминанія. VI. Романъ „На перекрестныхъ дорогахъ“.—Заключеніе.

Со временъ люблинской уніи (1569 г.), многимъ полякамъ приходилось жить и дѣйствовать среди сплошнаго южно-русскаго населенія въ предѣлахъ Кіевщины, Волыни, Подолья, а до войнъ Богдана Хмельницкаго и лѣвобережной Украины. Большинство изъ нихъ относилось къ странѣ, ихъ пріютившей, и къ ея кореннымъ обывателямъ такъ, какъ указывали интересы польскаго шляхетскаго государства и вождедѣнія римскаго католицизма. Но нѣкоторые болѣе впечатлительные или болѣе развитые представители польскаго племени на южнорусской территоріи не могли оставаться постоянно слѣпными орудіями государства и церкви, сжились мало-по-малу со страной и народомъ своего новаго отечества, полюбили ихъ, хотя только какъ красивую декорачію, и, продолжая чувствовать себя поляками и католиками, стали интересоваться жизнью мѣстною, стали ее изучать и изображать. Отсюда получила свое начало такъ называемая украинская школа въ польской литературѣ.

Первые слѣды украинской школы мы находимъ еще въ XVI вѣкѣ. Однимъ изъ первыхъ ея представителей мы можемъ считать Севастіана Кленовича, который въ своей латинской поэмѣ *Woxolania* (1584 г.) сдѣлалъ едва ли не первую попытку изобразить южно-русскій край, описать его города и ознакомить читателей съ нравами и обычаями его обитателей. Въ XVII вѣкѣ представителями

украинской школы мы можем считать авторовъ „Селянокъ“ Симона Симоновича и Варфоломея Зиморовича. Первый изобразилъ нѣсколько живыхъ сценъ изъ южнорусской сельской жизни ¹⁾, а второй въ „Селянкахъ“ *Kosaczyzna* и *Burda ruska* ²⁾ попытался набросать поэтическій очеркъ похода Хмельницкаго и осады Львова въ 1648 г. Къ концу XVII в. и въ вѣкѣ XVIII-мъ, когда польская литература стала отличаться макаронизмомъ въ формахъ и панегиризмомъ въ соединеніи съ пустотою содержанія, въ сюжетахъ ея произведеній ослабѣлъ, само-собою размѣтается, и южнорусскій элементъ въ ней. Но когда прошли наполеоновскія войны и по всей Европѣ пышнымъ цвѣтомъ распустился романтизмъ во всѣхъ его видахъ и развѣтвленіяхъ, южнорусскіе поляки выступили съ цѣлымъ рядомъ романтическихъ произведеній, для которыхъ содержаніе они черпали исключительно изъ природы и народной жизни южнорусскаго края. Эти писатели объединяются въ исторіи литературы подъ именемъ украинской школы по преимуществу. Важнѣйшими ея представителями считаютъ обыкновенно Мальчевскаго, Гоцинскаго и Залѣскаго. Изъ крайнихъ козакофиловъ можно упомянуть типическихъ Грозу и Чайковскаго (Садыкъ-пашу) ³⁾.

Въ настоящее время мы хотимъ вспомнить объ одномъ изъ писателей польско-украинской школы второстепенныхъ, но все-таки интересныхъ для насъ какъ по мѣсту его рожденія, такъ и по идеямъ его литературной дѣятельности. Мы имѣемъ при этомъ въ виду Леонарда Совинскаго. Недавняя смерть его даетъ намъ къ этому подходящій поводъ. Леонардъ Совинскій родился въ Подоліи, а именно въ литинскомъ уѣздѣ, въ 1831 году. Отецъ его былъ польскій шляхтичъ, мать—южнорусская крестьянка, православная. Самъ Совинскій говоритъ (см. Воспоминанія, стр. 186), что отецъ его, Янъ, до приобрѣтенія земельного имуществва въ с. Березовкѣ литинскаго уѣзда былъ долгое

¹⁾ Таковы селянки *Czary* (Лейц. изд. Бобровича 1837 г., стр. 87), *Kołascze* (стр. 68), *Pastusi* (стр. 99) и *Żeńcy* (стр. 106).

²⁾ См. Лейпц. изд. Бобровича 1836 г. стр. 113 и 130.

³⁾ Ср. въ „Вѣстникѣ Европы“ 1886 г. ст. Пыпина „Эпизоды изъ литературныхъ отношеній польско-русскихъ“ гл. 2. (февраль).

время учителемъ музыки въ подольской губерніи. Онъ бѣгло игралъ на скрипкѣ и на фортепьяно. Большую часть своей молодости онъ провелъ въ домѣ подкоморія Борейки въ м. Шиковѣ. Онъ руководилъ музыкальнымъ образованіемъ своего наименьшаго брата, Войцѣха, и, хорошо его подготовивши, отправилъ для окончанія занятій за границу, гдѣ тотъ черезъ годъ могъ уже выступить передъ публикой въ концертахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Вѣнѣ, Миланѣ, а позднѣе и въ Парижѣ¹⁾. Женился Янъ Совинскій по смерти Борейки на его ключницѣ. Семья Яна Совинскаго была значительная. Кромѣ Леонарда, онъ имѣлъ еще сына и нѣсколькихъ дочерей, которыя по старому закону о смѣшанныхъ бракахъ сдѣлались православными. Братъ Леонарда въ 50-хъ годахъ славился въ кievскомъ университетѣ, какъ замѣчательный химикъ и горькій пьяница. За ничтожную плату и обильное угощеніе онъ охотно готовилъ фармацевтовъ къ экзамену по химіи. Впослѣдствіи онъ окончательно спился съ круга, жилъ, перекочевывая отъ одного знакомаго помѣщика къ другому, и кончилъ жизнь во время одного изъ своихъ пьяныхъ путешествій пѣшкомъ—отъ замерзанія.

Что касается до Леонарда, то первоначальное образованіе онъ получилъ дома, затѣмъ поступилъ въ межигбожское дворянское училище, отсюда въ житомирскую гимназію и, наконецъ, въ кievскій университетъ, куда поступилъ онъ въ 1847 году и окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету въ 1851 году. Черезъ годъ онъ снова поступилъ на медицинскій факультетъ, гдѣ пробылъ до 1855 года и вышелъ, не кончивши курса. Поѣздка за границу, во время которой Совинскій посѣтилъ почти все страны западной Европы, заняла весь 1857 годъ. Италия своими художественными произведеніями оказала особенное вліяніе на характеръ его поэтическаго творчества. Съ 1858 по 1862 г. Совинскій проживалъ частью въ Подоліи, частью въ Кіевѣ. Въ эти времена онъ былъ сотрудникомъ „Виленскаго Курьера“, въ ко-

¹⁾ Войцѣхъ Совинскій былъ между прочимъ авторомъ музыки къ известной пѣснѣ „Ieszcze Polska nie zginęła“. См. Павличевъ, Седмица польскаго мятежа, ч. 1, стр. 217—219.

торомъ помѣщаль постоянныя корреспонденціи изъ Кіева, а также мелкія стихотворенія и замѣтки.

Шесть лѣтъ затѣмъ—съ 1862 по 1868 г.—Совинскій жилъ въ курской губерніи. Въ 1868 году онъ снова былъ заграницей, а по возвращеніи оттуда поселился въ Варшавѣ и занялся журнальной работой. Напряженный трудъ изъ-за куска хлѣба, склонность къ хмѣльному и разныя неблагоприятныя обстоятельства преждевременно подорвали его здоровье, и онъ умеръ въ декабрѣ прошлаго 1887 г. въ с. Стетковцахъ на Волыни. Лирикъ и романистъ, историкъ литературы и критикъ, самостоятельный поэтъ и переводчикъ, Совинскій во всякомъ случаѣ оставилъ замѣтный слѣдъ въ польской литературѣ, и его произведенія заслуживаютъ подробнаго разбора. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: 1) маленькій сборникъ сонетовъ *Widziadła*. Кіевъ 1859. 2) Отрывки изъ поэмы *Z życia*. Кіевъ 1861¹⁾. 3) Поэма *Petro*. Переиздана въ „Библиотекѣ Мрувки“ № 9. 4) Драма *Na Ukrainie Roznai*. 1871. 5) Переводъ „Гайдамаковъ“ Шевченка. Переизданъ въ „Библиотекѣ Мрувки“ №№ 67 и 68. 6) *Szkolne wspomnienia*. W. 1885. 7) *Na rozstajnych drogach*. W. 1887. Нѣкоторыхъ мелкихъ его произведеній и компилятивныхъ работъ мы касаться не будемъ.

I.

Въ „Привидѣніяхъ“, фантастическомъ произведеніи, вышедшемъ въ Кіевѣ въ концѣ 1859 года, рассказывается исторія души поэта отъ колыбели до могилы. Отъ колыбели ржавчина печали вѣлалась ему въ сердце и духъ мрака оцуталъ дѣтскія мечтанія. Какъ ангель смерти, вступалъ онъ въ толпу дѣтей и своимъ печальнымъ, глубокимъ, страшнымъ, полнымъ проклятаго очарова-

¹⁾ Сочиненіе *Widziadła* и поэма *Z życia* переизданы въ собраніи стихотвореній Совинскаго, вышедшемъ въ Познани въ 1875 г. подъ общимъ заглавіемъ *Poezye* (см. Т. II, стр. 3—16 и Т. I, стр. 59—158). Въ этомъ сборникѣ изъ болѣе крупныхъ вещей помѣщены: *Satyra*, *Fragment powieści* и *Graf Jarosz*.

нія взглядомъ заставлялъ ее смѣнить веселый шумъ на боязливое молчаніе. Но вотъ ангель-хранитель сжалился надъ стономъ бѣдной души и далъ ей возможность увидѣть Пресвятую Дѣву съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ. Мракъ исчезъ и на пивѣ чувствъ возрасло тихое счастье. Между тѣмъ прошли года. Наука забросала душу кучей новыхъ понятій; голова трещала отъ напора вопросовъ; въ сердцѣ бурлила лава. Святые пороги духа переступилъ геній сомнѣнія. Мысль сорвала съ божественныхъ правъ ризы идеала. Наступили проклятыя минуты заблужденія. По счастью въ то время у кладбищенскихъ ямъ появилась поэзія и сняла съ нѣмой груди печать молчанія. Пѣснь ручьемъ полилась, а въ недосыгаемой дали заблесталъ огромный крестъ. Но все-таки ни упоенія поэзіи, ни любовь женщины не успокоили души поэта. Наконецъ, предъ нимъ зачернѣли нивы подвиговъ, выоранныя потомъ, засѣяныя слезами, а далеко впереди—вершины заслугъ. Чувство долга заняло мѣсто сомнѣній. Кровавый трудъ подъ крестомъ рисовалъ новую будущность, сіяющую вѣрой и могущественную своими подвигами. Святой трудъ облекся въ багряницу идеала. Между тѣмъ проклятый Духъ вступилъ на алтарь чистыхъ пожеланій и развернулъ знамя Славы. Но поэту нечѣмъ было увлечься, такъ какъ онъ понималъ, что грязь забвенія заноситъ всякое чело. Но вотъ повѣяла на душу смерть, молодая жизнь угасла и грудь подъ крестомъ отдохнула послѣ бесплодной борьбы.

Изложенное нами самое раннее изъ произведеній Совинскаго отлично характеризуетъ его поэтическую манеру, обнаруживающуюся и въ послѣдующихъ плодахъ его музыки. Постоянно занятый возвышенными мыслями, онъ никогда не умѣлъ выработать себѣ ясныхъ взглядовъ на природу и людей; осуждая настоящее, онъ стремился къ какимъ-то великимъ общечеловѣческимъ цѣлямъ, которыхъ ему никогда не удалось облечь въ ясно очерченные идеалы.

Отрывки поэмы „Изъ жизни“ при самомъ появленіи своемъ въ свѣтъ были недоброжелательно встрѣчены польскою критикою. И тогда справедливо упрекали ихъ автора въ стремленіи къ ми-

стицизму и холодному умствованію. Но онъ неправильно истолковалъ себѣ сущность упрековъ и полагалъ, что не права критика, стремящаяся замкнуть поэзію въ область чувства, тогда какъ ей должно быть доступно все поле умственной жизни человѣчества. Въ этомъ смыслѣ возражалъ Совинскій своимъ критикамъ въ предисловіи ко второму изданію поэмы „Изъ жизни“ (Кіевъ. 1861) „Духъ человѣческой“, говорилъ онъ, „безъ усталости стремится къ безконечности и эти-то именно порывы и составляютъ поэзію жизни. Условіями ея обладаетъ всякое внутреннее творчество, переступающее за предѣлы холоднаго наблюденія и вдохновенное стремленіемъ къ болѣе идеальнымъ формамъ и типамъ. Творческій духъ всегда является поэтическимъ, хотя внѣшнее выраженіе его творчества можетъ и не носить признаковъ поэзіи. Я не вижу поэзіи въ формулахъ Ньютона, но вижу ее въ его мысляхъ. Планы битвъ Наполеона принадлежатъ стратегіи; но духъ, который ихъ чертилъ, навсегда останется для поэзіи однимъ изъ лучезарныхъ гениевъ. Развѣ есть одна только форма духовной жизни? Развѣ одно только чувство наполняетъ человѣческую грудь? Наши критики хотѣли бы запретить поэзію въ какомъ-то любовномъ адептѣ... Для меня она во всемъ, что встряхиваетъ и влечетъ къ высшему существованію, что воспламеняетъ мысль и чувство. Лучше воспѣвать муки стремящагося къ высшей правдѣ духа, нежели стоны любовниковъ и свистъ соловья. Гулъ толпы, воспламененной общественной мыслью, гораздо могущественнѣе трогаетъ сердце, нежели невинная музыка майскаго утра“...

Не смотря на стремленіе поэта оправдаться передъ критикой, намъ кажется несомнѣннымъ, что поэма „Изъ жизни“ страдаетъ темнотою мыслей, неясностью образовъ и излишнею напыщенностью формы. Если ее неохотно читали при ея появленіи, то прочитать ее въ настоящее время, въ особенности русскому читателю, привыкшему къ болѣе реальному искусству, составляетъ сущее испытаніе долготерпѣнія.

Поэма Совинскаго „Изъ жизни“ состоитъ изъ вступленія и пяти картинъ. Она написана въ формѣ драмы—стихами самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. Главная мысль ея та же самая, какая

развивается поэтомъ и въ ранѣе изложенной поэмѣ „Привидѣнія“. Вѣрить не всякій способенъ, хотя только вѣра можетъ успокоить смятенную человѣческую душу; наука не въ силахъ удовлетворить человѣка, такъ какъ она не разрѣшаетъ всѣхъ сомнѣній, являющихся слѣдствіемъ умственной пытливости; любовь къ женщинѣ не даетъ прочнаго счастья и даже бываетъ часто причиной, затемняющей сознаніе; только подвиги для блага ближнихъ способны примирить человѣка съ жизнью, такъ какъ только они получаютъ немедленную оцѣнку и даютъ совершителю ихъ самое высшее благо—славу; вотъ то ученіе, которое поэтъ стремится подтвердить рядомъ картинъ своего произведенія. Уже въ первой картинѣ выступаетъ на сцену графъ Уго, представитель науки, не находящій въ ней удовлетворенія,—въ своемъ родѣ Фаустъ. Въ монологѣ второй картины онъ выражаетъ мысли автора о наукѣ: „Ахъ! напрасно измученная мысль летаетъ надъ колодеземъ науки... Онъ ужъ вычерпанъ до дна высохшими устами свѣта! Какъ растерзанная грудь Ніобы,—духъ окаменѣлъ въ старыхъ образахъ... Нигдѣ нѣтъ жизни!—одни только гробы, потрескавшіеся отъ усилій изслѣдующей мысли... Заваленный обломками мечтаній, горячешный, хрупкій, старый,—выпѣшный вѣкъ блуждаетъ съ нами, какъ блѣдныя полночныя тѣни надъ могилами упырей. Нигдѣ нѣтъ устоевъ, нигдѣ нѣтъ вѣры!

Вокругъ яснымъ отблескомъ краснѣютъ пожары битвъ... Всѣ солнца потухаютъ для очей—земля трескается подъ ногами... Не кончается ли свѣтъ?... О! пусть онъ гибнетъ! Но прежде, чѣмъ вѣчность его поглотитъ, отчего не откроется скрытый смыслъ его существованія, слово, трепещущее въ его лонѣ?!... Нельзя ли духу моему исчезнуть, прочитавши это слово?!..“

Въ дальнѣйшей рѣчи графъ Уго размышляетъ о тѣхъ вѣчныхъ проблемахъ человѣческой жизни и духа, которыхъ наука не въ силахъ разъяснить, терзается, отчаивается и, наконецъ, приходитъ къ убѣжденію, что жить нельзя среди развалинъ вѣры, цѣлей и желаній, что для человѣка необходима надежда. Въ послѣдней пятой картинѣ поэмы авторъ ея указываетъ, что можно найти примиреніе съ жизнью—въ работѣ для общаго

блага и въ славѣ благодѣтельныхъ для человѣчества подвиговъ.

Чтобы доказать суетность женской любви, авторъ выводитъ на сцену прелестную дѣвушку Еву и юношу Адама. Въ гостяхъ у Евы два молодыхъ человѣка—Генрихъ и Адамъ. Генрихъ—поэтъ, который свое искусство любить больше всего на свѣтѣ. Адамъ въ своемъ обращеніи къ Евѣ такъ себя обрисовываетъ: „Сударыня! У меня нѣтъ блестящаго краснорѣчія, я не слышу мудрецомъ; у меня только сердце въ благородной груди, полное честности и полное любви. Сударыня! я не взлечу съ тобою до неба, но охотно пойду на муки“... Между тѣмъ Ева уже въ такомъ возрастѣ, когда женское сердце рвется любить. Настроение ея выражается въ пѣсенкѣ, которую она поетъ гостямъ подъ аккомпаниментъ арфы: „Черноокая, гибкая, какъ изъ мрамора роскошно выточенная, — она оберегала пламя, какъ королева пламени... Грудь ея трепетала отъ вздоховъ, взглядъ ея, мрачный и задумчивый, ударялся мгlistымъ лучемъ о коринскія колонны. Бѣдная! бѣдная весталка! Святой огонь непрерывно трещитъ, а между тѣмъ во мракѣ ея духа кипятъ безуміе и борьба... За колонной въ полутьмѣ думалъ греческій лютнистъ: „Какая она благородная и чистая! Какой рай въ ея очахъ!“¹⁾).

Когда Адамъ признался ей въ своей любви, она приняла эту любовь и сдѣлалась женой его. Но вотъ прошло нѣсколько времени; любовь Евы къ Адаму начала остывать; когда на костюмированномъ балу она встрѣтилась снова съ Генрихомъ и онъ спросилъ ее о мужѣ: „И ты все-таки жъ его любишь?“, то она могла только съ горькой прозіей отвѣтить: „Кого?... его!... его!... ха, ха, ха, ха, ха!“ Адамъ, бывшій случайнымъ свидѣтелемъ этой сцены, не могъ перенести удара и сошелъ съ ума.

¹⁾ Типъ Евы повторяется въ небольшой поэмѣ Совинскаго „Графъ Ярошъ“ въ образѣ цыганки Дивы. Богатый подольскій графъ Ярошъ, пресыщенный разгуломъ, отправляется въ лѣсъ, гдѣ натывается на цыганскій таборъ. Его плѣняетъ необыкновенная красота двѣнадцатилѣтней дѣвочки Дивы и онъ покупаетъ ее. Черезъ нѣсколько лѣтъ Дива, получившая образование на средства графа, дѣлается его женой—графиней. У нихъ родится сынъ. Но старыя привычки берутъ свое: однажды

Такимъ образомъ одно только остается человѣку, чтобы придать смыслъ жизни,—работать для блага ближнихъ. По этому пути пошелъ Людмиръ, представитель дѣятельной воли; въ пятой картинѣ поэтъ рисуетъ, съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтили его благодарные сограждане.

II.

Въ поэмѣ „Петро“, посвященной знаменитому въ польской литературѣ Крашевскому, Совинскій переходитъ изъ области шумной, бурливой, неукротимой лирики въ область тихой, спокойной и разсудительной эпики. Въ талантѣ его сразу обнаруживаются инныя, болѣе симпатичныя стороны. Чтеніе этой поэмы „изъ жизни сельскаго люда въ Подоліи полвѣка назадъ“, какъ сказано въ заглавіи, доставляетъ гораздо болѣе эстетическаго удовольствія, чѣмъ погоня вмѣстѣ съ авторомъ за неясными образами его возвышенныхъ мыслей и чувствъ. Мѣстами авторъ является такимъ привлекательнымъ повѣствователемъ, что напоминаетъ великаго Гёте въ его несравненной поэмѣ „Германъ и Доротея“. Тотъ же спокойный величавый тонъ, та же отдѣлка мелкихъ подробностей, тѣ же тщательныя описанія природы—заставляютъ иногда читателя забыть Совинскаго и вспомнить Гёте, *si licet parva componere magnis*.

Но кромѣ художественнаго значенія поэма имѣетъ значеніе и для уясненія себѣ политическихъ и общественныхъ взглядовъ ея автора. Изъ послѣдующаго изложенія ея содержанія видно будетъ, что въ ней на ряду съ представителями простаго сельскаго люда выводятся на сцену и потомки расъ, ведшихъ продолжительную историческую борьбу съ этимъ людомъ,—пляхетско-польской и еврейской. Авторъ настолько проникся спокойнымъ тономъ своего произведенія, что забылъ войны Хмель-

ночью Дива бросаетъ графскій домъ и убѣгаетъ въ лѣсъ къ цыганамъ. Графъ, думавшій создать счастье на одной любви къ Дивѣ, приходитъ въ изступленіе, убиваетъ крошку-сына и наконецъ сжигаетъ себя вмѣстѣ съ предковскимъ замкомъ.

ницкаго, эпоху Руины, Уманскую рѣзню и другія событія, во время которыхъ широкіе потоки шляхетско-польской и еврейской крови были пролиты украинской рукой, и заставляетъ почтеннаго Петра искренне любить пана и симпатично относиться къ мѣстному шинкарю Іоськѣ. Автору кажется, что ни панъ, ни Іоська ничѣмъ не заслужили ненависти со стороны Петра, и что отношеніе его къ нимъ является должною данью уваженія къ родовитости перваго и къ денежному могуществу втораго. Впрочемъ, нужно сказать, что обрисовка „папа“ и „жида“ заставляетъ читателя примиряться съ невѣрнымъ освѣщеніемъ отношеній къ нимъ со стороны Петра. „Самъ панъ“ говоритъ авторъ, „очень любилъ, цѣнилъ и уважалъ его (т. е. Петра) и никогда не оскорблялъ Петра ѣдкимъ словомъ. За это и Петро отплачивалъ ему преданностью и уваженіемъ, которое выражалъ иногда добровольнымъ подаркомъ пану: въ панскомъ табунѣ прыгаютъ жеребята, подаренныя Петромъ; даже „карбованцы“ иногда имѣлъ онъ для пана въ запасѣ. Въ свою очередь и панъ,—что рѣдко случается на свѣтѣ, когда у него родилось первое дитя, то, не имѣя въ почтенномъ сердцѣ никакой задней мысли, пригласилъ Петра и Ивгу (жену Петра), хотя и крѣпостныхъ, къ себѣ въ кумы. Между тѣмъ кумовство—святое соотношеніе—особенно, когда его подкрѣпляетъ взаимное уваженіе“. Двѣнадцатилѣтняя дочечка пана „Маня“—это маленькій ангелъ, доброта котораго вызываетъ слезы на глаза старой Ивги. Описывая отношенія Мани къ внукамъ Петра и Ивги, авторъ прибавляетъ: „Дѣти панскія дружили съ сельскими и ихъ любилъ Тотъ Кто съ небесъ распростиралъ надъ ними крылья своей всемогущей опеки и не утиралъ въ это время сладкихъ слезъ Ивги“. Шинкаря Іоську авторъ также рисуетъ почтеннымъ бѣлгородымъ старцемъ, ищущимъ у Петра помощи и поддержки въ затруднительныхъ случаяхъ жизни. Такимъ образомъ ни гнетъ крѣпостной зависимости, ни тяжесть еврейской эксплуатаціи не возмутили спокойствія автора и не бросили своихъ мрачныхъ тѣней на его свѣтлое, жизне-радостное произведеніе. Онъ любитъ свое милое Подолье, съ сердечной теплотою изображаетъ его обитателей—православныхъ

украинцевъ, но не видитъ мрачной стороны ихъ жизни, и, какъ польскій шляхтичъ, не хочетъ замѣчать всего того зла, которое принесъ имъ шляхетско-польскій строй, существовавшій на Подолѣ почти до 1861 года.

Поэма „Петро“ написана вся шестистопнымъ ямбомъ. Она состоитъ изъ 4-хъ отдѣльныхъ пѣсень или главъ: I, Приготовленія; II, Праздникъ; III, Пиръ; IV, Осенній вечеръ. Содержаніе ея въ краткихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ: почтенный хозяинъ с. Березовки Петръ Голубъ задумалъ отпраздновать большимъ пиромъ храмовой праздникъ своего села и день своихъ именинъ—29-е июня. Въ первой главѣ описываются „приготовленія“, какія пришлось сдѣлать Петру для вкуснаго и обильнаго угощенія гостей. Во второй—церковное торжество храмоваго праздника съ его нарядной шумливой толпой, съ его живописнымъ крестнымъ ходомъ. Въ третьей развергивается роскошная картина сельскаго пира, гдѣ у всѣхъ красныя отъ выпивки лица; гдѣ мужчины ведутъ чинные разговоры; гдѣ кумушки то кудахтаютъ, какъ куры, то каркаютъ, какъ вороны, то жужжать, какъ пчелы; гдѣ дѣвчата весело поютъ, а дѣтвора прыгаетъ и рѣзвится, подымая шумъ и гамъ. Наконецъ, въ четвертой главѣ рисуется осенній вечеръ въ крестьянской хатѣ. „Вотъ поле зачернѣло уже стерномъ; пшеница, жито, ячмень просыхаютъ уже въ клунѣ. Пожилые крѣпкіе работники ежедневно ихъ молотятъ: не легкая это, но благодарная для пахаря работа. Боязнь граду, слякоти для него уже не существуетъ; богатство божьихъ даровъ улыбается ему въ мысляхъ. Онъ имѣетъ богатый урожай зерна, котораго хватитъ до новаго, и достаточно соломы для отопленія хаты. Радуются въ душѣ милыя хозяйки, не имѣя повода жаловаться на сборъ огородины. Жизнь въ селѣ въ эту пору самая веселая, а ухаживанья хлопцевъ—самыя пламенные и смѣлыя, потому что достаточно хлѣба, а извѣстно, что голодная любовь не бываетъ ни теплой, ни довольно выгодной. Любитесь и забавляйтесь, почтенные люди, послѣ цѣлаго лѣта, проведеннаго за упорнымъ трудомъ въ потѣ лица, а мы заглянемъ въ теплую Петрову хату, опоясанную вокругъ вѣнкомъ желтой присыбы“. Всѣ домашніе Петра сидятъ за работой,

самъ онъ отдыхаетъ подъ образами. Но вотъ входитъ шинкаръ Іоська и начинаются рассказы о грабежахъ и убійствахъ въ Чудновской пуцѣ, которые незамѣтно смѣнились рассказами о привидѣніяхъ и чертяхъ. Вдругъ въ хату вбѣгаетъ дочь Іоськи Сора съ маленькимъ Ицкомъ на рукахъ, котораго кагалъные въ отсутствіе отца хотѣли захватить въ кантонисты. Ицка прячутъ въ дѣжу съ пухомъ и успокаиваются только тогда, когда прибѣгаетъ жена Іоськи и извѣщаетъ, что кагалъные уже уѣхали. Послѣ этого всѣ разошлись и семья Петра заснула. „Каждый видѣлъ свои сны, но всѣмъ чужды были черныя угрызения испорченныхъ сердець и мыслей; всѣхъ охранялъ архангелъ чистыхъ душъ и прогонялъ прочь призраки печалей“. Въ этой четвертой и послѣдней главѣ Совинскій въ высшей степени правдиво уловилъ общій характеръ крестьянскихъ разговоровъ въ длинные осенніе вечера подъ завываніе бури и плескъ расходящагося дождя.

Языкъ поэмы очень гладкій и звучный, съ легкими подольскими провинціализмами, въ высшей степени красивый—особенно, если принять во вниманіе, что онъ постоянно ведетъ борьбу съ унылымъ однообразіемъ ямбическаго гексаметра.

III.

Мы уже ознакомились съ Леонардомъ Совинскимъ, какъ съ поэтомъ лирическимъ и эпическимъ. Теперь намъ надлежитъ рассмотреть его дѣятельность въ самой высшей области поэтическаго творчества,—въ области драмы.

Произведеніе, въ которомъ Совинскій выступилъ на новое для него поприще драматурга, это трагедія „На Украинѣ“. Нельзя сказать, чтобы названіе пьесы было выбрано вполне удачно; оно указываетъ только мѣсто драматическаго дѣйствія, но не опредѣляетъ ни времени, къ которому оно отно-

сится, ни среды, въ которой происходитъ, ни тѣхъ мотивовъ, которые даютъ такое или иное направленіе поступкамъ дѣйствующихъ лицъ.

Замками для пьесы служатъ извѣстныя событія 1863 года а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является собственно польская шляхта. Тогдашнее возстаніе представляется Совинскому катастрофою въ высокой степени трагическою. И въ этомъ случаѣ онъ правъ. Дѣйствительно, если гибель одного человека вслѣдствіе неблагопріятнаго для него стеченія обстоятельствъ печалитъ насъ и заставляетъ переживать вмѣстѣ съ нимъ весь ужасъ его положенія, то тѣмъ большее состраданіе возбуждаетъ въ насъ гибель цѣлаго сословія, какъ это случилось съ польской шляхтой въ 1863 году. Но всѣмъ не правъ Совинскій, когда говоритъ: „Авторъ настоящей трагедіи прежде всего стремился къ тому, чтобы выяснитъ элементы, выступавшіе въ личностяхъ и событіяхъ послѣдняго возстанія. Они указаны въ быстро смѣняющихся образахъ, въ немногихъ лицахъ и моментахъ: но за то здѣсь нѣтъ ни одного слова, сказаннаго наугадъ, ни одной силы, которая не дѣйствовала бы въ жизни, ни одной сцены, созданной для достиженія празднаго эффекта“. Напротивъ, Совинскій совершенно невѣрно освѣщаетъ дѣятели 1863 года и отнюдь не прочь ввести въ свою пьесу сцену, пожалуй не нужную, но способную произвести извѣстный эффектъ.

Но для кого въ настоящее время не тайна, что даже самые „красные“ представители возстанія стояли на почвѣ традиціи старой Рѣчи Посполитой. Забывая совершенно объ этнографическомъ составѣ населенія тѣхъ областей, которыя принадлежали польскому государству до его раздѣловъ, они стремились возстановить это послѣднее именно въ границахъ, предшествовавшихъ 1772 году. Точно также совершенно законными представлялись имъ стремленія польской шляхты

лишить бѣлорусскій и малорусскій народъ въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ политическихъ правъ и экономической свободы и вождельнія римской церкви его окатоличить. Поэтому крайне фальшиво звучить та рѣчь, которую влагаетъ Совинскій въ уста одного изъ вождей возстанія 1863 года, Мсцислава Сеппа: „какъ прекрасно раздаются въ устахъ нашихъ пановъ девизы: семья—народность—вѣра—право—порядокъ!... Но покажите ихъ намъ въ жизни и въ дѣлахъ вашихъ, покажите урожай, добытый этимъ хозяйничаньемъ!... Безсмысленный гнетъ и трупное безсиліе духа—намѣрены приковать молодежь въ неподвижной глыбѣ... Но безъ шутокъ: это общественная связь очень хрупкая! Вы говорите намъ о вѣрѣ, которая дѣлаетъ чудеса... Гдѣ она?—Въ дремотѣ мозговъ, заѣдаемыхъ предразсудкомъ? Въ обрядѣ, который если не нагоняетъ скуки, то забавляетъ? Неужели этой вѣрой вамъ удастся отразить враговъ? Вы говорите о враждѣ между сословіями, распространяемой нами... Шутите?!... Удивительно вы понимаете связь между сословіями, если мужикъ долженъ стоять на колѣняхъ, а панъ сидѣть у него на спинѣ!... Пусть старья знамена гнѣютъ въ старыхъ склепахъ... Мы поднимаемъ надъ головой народа иное знамя—гигантское, ибо общечеловѣческое—свѣжее, хотя и не новое! Девизами его будетъ нѣсколько истинъ, необыкновенно старыхъ, а первымъ девизомъ: Будемъ людьми! Это наша вѣра, на которую вы смотрите со старою ненавистью. Наше знамя—равенство! Только подъ этимъ знаменемъ можно въ будущемъ оставаться русскимъ или полякомъ!“ Что касается сценъ, рассчитанныхъ на эффектъ, то ихъ немало въ пьесѣ. Особенно выдѣляется одна — въ концѣ III-го акта. Когда повстанцы окружены солдатами и крестьянами, одинъ изъ нихъ Максимъ Грынъ, сынъ малорусскаго крестьянина, сознательно измѣнившій своей народности, говорить, обращаясь къ толпѣ крестьянъ:

„Безумные!... Позвольте намъ по крайней мѣрѣ погибнуть отъ московскихъ рукъ!“ Въ это время другой повстанецъ Янъ

ломають палашъ со словами: „Мы не сражаемся съ народомъ!“ Максимъ говоритъ: „Темное, забитое стадо!“, а всѣ повстанцы ломають оружіе. Мужики съ крикомъ „ура!“ бросаются на безоружныхъ. Очевидно, вся эта сцена рассчитана на впечатлѣніе чисто декоративное.

Вся роль старой кастелянши введена въ пьесу исключительно для эффекта. Въ 1863 году не могла уже оставаться въ живыхъ ни одна изъ женщинъ, бывшихъ свидѣтельницами раздѣловъ Польши. Появленіе ея въ драмѣ есть крупный анахронизмъ, допущенный авторомъ исключительно для освѣщенія его политическихъ взглядовъ и убѣжденій.

Пьеса Совинскаго представляетъ намъ не изображеніе дѣятельности какого-либо героя во время возстанія, а ходъ самаго возстанія въ отдѣльныхъ характеристикахъ, сценахъ и картинахъ. Она состоитъ изъ пролога, пяти актовъ и эпилога.

Въ прологѣ авторъ знакомитъ насъ съ прошлымъ тѣхъ лицъ, которыя являются потомъ главными дѣятелями возстанія. Это— молодой графъ Янъ Пилявецкій, сынъ мамки его Максимъ Грынъ и сестра Яна—графиня Марія, позднѣ невѣста Максима, послѣдовавшая за нимъ въ ссылку. При этомъ авторъ устами матери Максима, Ганны, характеризуетъ крѣпостное право со всѣми его мрачными чертами.

1-й актъ посвященъ передачѣ тѣхъ мнѣній и умственныхъ теченій, которыя существовали въ польскихъ студенческихъ кружкахъ кіевскаго университета передъ возстаніемъ и обусловили его возникновеніе. Сенпъ является представителемъ началъ гуманности и свободы (его *profession de foi* мы привели выше), Рольскій отстаиваетъ преданія шляхетско-католической Рѣчи Посполитой. Къ польскому лагерю примыкаетъ товарищъ графа Яна Пилявецкаго по университету Максимъ Грынъ, молочный его братъ, который, когда Янъ совѣтуетъ ему остаться въ сторонѣ отъ возстанія, говоритъ: „Да—я украинецъ

и крестьянскій сынъ; я подкидышъ въ польскомъ шляхетскомъ обществѣ; такъ вотъ поэтому ты мнѣ совѣтуешь смотрѣть издали на его погромъ!... Но отъ кого я получилъ самое дорогое для человѣка сокровище? Мои чувства, вѣра, языкъ, честь, понятія,—вѣдь они изъ вашей сокровищницы вошли въ мою грудь, когда я былъ ребенкомъ? Чье же дѣло долженъ я поддержать теперь, чтобы добыть для сердца миръ, а у людей — добрую славу?!... Наконецъ, отъ васъ я получилъ хлѣбъ и свободу... Отъ тебя — благородную дружбу, безцѣнный даръ... Вотъ почему я вмѣстѣ съ тобою отдамъ Польшу свою молодую жизнь... Смерть я встрѣчу охотно... Намѣреніе мое неизмѣнное!“ Стоять вдаль и относится критически къ затѣваемому возстанію учитель „русской семинаріи“, какъ выражается авторъ, въ Кіевѣ — Чарнышъ. Когда одна изъ дѣвушекъ, посѣщавшихъ студенческіе кружки, Уляна Титаренко говоритъ, обращаясь къ Чарнышу: „Вѣдь теперешняя польская пропаганда проповѣдуетъ равенство и братство... Неужели не искренне?..“, то послѣдній отвѣчаетъ: „Подожди!.. Это не народъ... Это толпа могильныхъ привидѣній! Неужели ты считаешь возможнымъ связать трупъ съ здоровымъ тѣломъ? Тамъ нѣтъ жизни!.. То, что кажется увлеченіемъ — въ сущности отчаяніе... Порывы ихъ молодой силы — это содраганія умирающихъ ... Царство ихъ — могилы! Передъ толпами они являются не съ творческой дѣятельностью, а съ книгою темныхъ пророчествъ и съ пересохшимъ въ порошокъ лавромъ... Неспособные къ работѣ, они пренебрегаютъ долею рабовъ и хотятъ остатки изможденной жизни предать на прекрасную смерть — послѣднюю оргію пресыщенія... Они не могутъ по-рыцарски жить, такъ хотятъ умереть! А что говорить о безтолбовости въ поступкахъ, въ желаніяхъ, въ словахъ! Объ удивительной путаницѣ представленій въ головахъ!.. Гдѣ только на кипяткѣ подымается гѣна — даже среди враговъ, — тамъ вездѣ сыновья шляхты!“

Во II-мъ актѣ изображается отношеніе къ предполагаемому возстанію помѣщичьей среды. Здѣсь графъ Свирскій находитъ

его безумнымъ, но за то женщины энергически побуждаютъ дѣйствовать. 26-лѣтняя княгиня Бѣльская говоритъ: „Въ сторону шутки! Если вы не думаете возставать, то мы возстанемъ—мы, какъ вы насъ тутъ видите“.—Князь Бѣльскій: „Но вѣдь это возмущеніе?“—Графиня Ядвига Кёнигштейнъ: „Возмущеніе... бунтъ мы поднимаемъ и очень-очень просимъ возставать“.—Графъ Пилявецкій (шутливо): „Невозможно отказать!“—Княгиня: „Итакъ—миръ?“—Ядвига (бьетъ въ ладони): „Bravissimo!.. Да здравствуетъ свобода! Сейчасъ сажусь вышивать хоругви“...

Въ III-мъ актѣ—разгаръ возстанія. Повстанцы стремятся привлечь на свою сторону крестьянъ, читая имъ „золотую грамоту“. Но рѣчь военнаго начальника барона Гольца дѣйствуетъ сильнѣе, и они помогаютъ русскому войску расправиться съ повстанцами. Только небольшая группа родственниковъ и знакомыхъ Максима Грыня относится сочувственно къ полякамъ. Взгляды Максима обнаруживаются яснѣе: „Я не буду сражаться оружіемъ клеветы“, говоритъ онъ; „я засвидѣтельствую то, что знаю: польское дѣло подаетъ народу свою братскую руку; самый искренній его девизъ—кровавая борьба за свободу, цѣль—побѣда или мученичество. У Москвы право народа только на цѣпи и насиліе, которое кулакомъ равняетъ сословія; примириться съ ними—позоръ и безуміе! Но знайте также, что самое благородное дѣло имѣетъ одну только будущность—страшную смерть... Одинъ урожай отъ нея—почетная слава. Поэтому я не хочу толкать васъ на эту печальную дорогу... Слушайте собственныхъ сердець: только свободное дѣйствіе достойно жить въ потомствѣ болѣе яснаго утра“.

Въ IV-мъ актѣ обнаруживается нелѣпость затѣяннаго возстанія. Одна банда разбита крестьянами, другая при помощи крестьянъ уничтожена регулярными войсками. Сами повстанцы въ эти трагическія для нихъ минуты заняты болѣе своими любовными отношеніями, нежели обороной отъ непріятели. Главный вождь, Мсциславъ Сенцъ, кончаетъ самоубійствомъ.

Въ V-мъ актѣ авторъ стремится представить въ возможно болѣе непривлекательномъ видѣ агента русской правительственной власти—барона Гольца. Въ донесеніяхъ начальству онъ преувеличиваетъ число убитыхъ и плѣнныхъ повстанцевъ, чтобы въ большемъ блескѣ выставить свои подвиги; онъ обѣщаетъ обѣлить передъ властями графа Яна Пилявецкаго и другихъ, если графиня Марія Пилявцкая выйдетъ за него замужъ; когда баронъ Гольцъ проживалъ въ Кіевѣ, то онъ поддерживалъ сношенія съ нѣкоторыми изъ тамошнихъ радикаловъ, но теперь, когда Ульяна Титаренко говоритъ ему съ упрекомъ: „Баронъ! Гдѣ же твой прославленный либерализмъ?“, онъ отвѣчаетъ: „последнее слово его—централизмъ, милостивая государыня!“ и излагаетъ необходимость крутыхъ мѣръ по отношенію къ повстанцамъ. Автору хочется, конечно, подчеркнуть отступничество барона Гольца, хотя послѣдній въ качествѣ русскаго офицера иначе и не могъ рассуждать, не измѣняя долгу присяги.

Дѣйствіе эпилога развивается на этапномъ пунктѣ за Ураломъ. Графъ Янъ Пилявцкій близокъ къ смерти. Его окружаютъ Максимъ Грынъ, мать Анна и сестра Марія Пилявцкія, невѣста Галина Свейская и мамка, мать Максима,—Ганна. Является влюбленная въ Максима Ульяна Титаренко, переодѣтая богомолкой, и предлагаетъ ему бѣгство, но онъ отказывается, не желая разстаться съ графиней Маріей Пилявцкой, которая сдѣлалась уже его невѣстой.

Если мы на основаніи драмы „На Украинѣ“ попытаемся опредѣлить политическіе взгляды Совинскаго, то придемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Осуществленіемъ идеальнаго государственнаго и общественнаго строя представляется Совинскому старая шляхетско-католическая Рѣчь Посполитая, хотя въ ней паны, по выраженію Боплана, блаженствовали, какъ въ раю, а хлопы мучились, какъ въ чистилищѣ. Тамъ искренняя христіанская вѣра, развитое чувство чести и справедливости, преданность долгу какъ по отношенію къ семьѣ, такъ и къ обществу—составляли обыкновенныя качества зауряднаго гражданина. Даже женщины того времени были насквозь проникнуты этими добродѣтелями. Представительницею такого типа женщинъ въ трагедіи

„На Украинѣ“ является старая каштелянша, которая въ минуты самой страшной опасности, грозящей ея близкимъ, не забываетъ своихъ общественныхъ и семейныхъ обязанностей (см. стр. 115—117, 162—168). Жалкими преемниками людей тѣхъ временъ являются въ глазахъ Совинскаго дѣятеля польскаго возстанія 1863 года. Въ нихъ нѣтъ предковскихъ доблестей, и въ лучшемъ случаѣ ихъ хватаетъ только на пассивное сопротивленіе. Нѣкоторые доходятъ до того, что обращаются къ русскому офицеру, умиряющему возстаніе, со словами: „Нашъ избавитель! Отъ имени цѣлаго общества мы приносимъ тебѣ самое торжественное выраженіе благодарности! Ты повергнулъ революцію подъ ноги порядка: итакъ еще разъ благодарю тебя отъ имени Европы и еще разъ жму твою мужественную руку“ (слова князя Бѣльскаго къ барону Гольцу—стр. 159). Будущее польскаго народа рисуется автору въ мрачныхъ и неясныхъ обликахъ. Изъ разбора его лирическихъ стихотвореній мы знаемъ, что любовь къ ближнимъ и работа на ихъ пользу должны быть, по мнѣнію автора, краеугольными камнями зданія этого будущаго.

IV.

Въ своихъ литературныхъ занятіяхъ Леонардъ Совинскій не ограничивался однимъ только самостоятельнымъ творчествомъ. Будучи уроженцемъ подольской губерніи и зная прекрасно помалорусски, онъ не могъ, какъ поэтъ, не увлекаться поэзіей Шевченка, и отсюда понятно, почему онъ такъ охотно занимался переводами изъ „Кобзаря“. Къ этому присоединялось желаніе ознакомить польскую публику съ писателемъ, который блескомъ огромнаго таланта по своему освѣщаетъ прошлое польскаго народа и отношеній его къ украинскому. Занимаясь переводами изъ Шевченка, Совинскій долженъ былъ, конечно, уяснить себѣ значеніе писателя, изъ котораго онъ переводилъ, и характеристическія черты его. Таково происхожденіе этюда „Тарасъ Шевченко“, составляющаго какъ бы введеніе въ переводъ „Гайдамаковъ“. Совинскій перевелъ сполна „Гайдамаковъ“, „Наймичку“ и „Пустку“ (изд. 1883 г. стр. 232—233), да кромѣ того въ

этюдъ приведено въ стихотворномъ переводѣ много отрывковъ изъ другихъ пьесъ Шевченка. Переводы Совинскаго отличаются близостью къ подлиннику при звучности и красотѣ стиха и въ этомъ отношеніи должны быть поставлены выше переводовъ Горжальчинскаго и Сырокомли.

Въ этюдѣ о Шевченкѣ Совинскій приводитъ въ переводѣ извѣстную автобіографію поэта, написанную имъ по приглашенію редактора журнала „Народное Чтеніе“, а затѣмъ подробно передаетъ содержаніе „Кобзаря“ 1860 г. Характеристическими чертами духовнаго образа Шевченка Совинскій считаетъ: 1) пламенную любовь къ крестьянскому люду; 2) ненависть и презрѣніе ко всякому насилію; 3) страстное сознаніе испытанныхъ горестей и униженій; 4) склонность къ простонародному фатализму, отрицающему Провидѣніе и волю; 5) сознаніе собственной правоты и искреннее проникновеніе народною мыслью, признаваемою съ полнымъ довѣріемъ справедливою и святою (стр. 14). „Наймичку“ Совинскій справедливо считаетъ самымъ христіанскимъ изъ всѣхъ произведеній поэта (стр. 40). За „Гайдамаковъ“ Совинскій слѣдующимъ образомъ осуждаетъ Шевченка:

„Воображеніе поэта остановилось на Колишвицѣ—и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь поэзія любитъ стоны тысячъ и окровавленные развалины. Тарасъ не первый опьянѣлъ отъ гайдамацкихъ пожарищъ; они вдохновили нѣсколько лѣтъ тому назадъ одного изъ знаменитѣйшихъ польскихъ пѣвцовъ¹⁾. Но Шевченко не ограничился только выборомъ предмета; онъ вознамѣрился оправдать дѣяніе, которое въ глазахъ исторіи навсегда останется самымъ гнуснымъ преступленіемъ. Для достиженія поставленной цѣли поэту необходимо было обострить тогдашнія отношенія обѣихъ сторонъ, обобщить значеніе мѣстныхъ взрывовъ и въ основу движенія, обнаруживающаго дезорганизацію и нравственный упадокъ племени, положить какую-либо творческую и благородную мысль. И вотъ пѣвецъ громоздитъ все то, что угнетало Украину отъ временъ Сигизмунда III, переноситъ ужасы военныхъ набѣговъ въ область долголѣтняго мира, самымъ

¹⁾ Словацкаго.

гнусливымъ образомъ клеветать на барскую конфедерацію; очернивши такимъ способомъ противный лагерь, онъ вывѣшиваетъ надъ своимъ знамя независимости исповѣданія и родины. Живое преданіе и свидѣтельства очевидцевъ достаточно опровергають вымыслы поэта. Ихъ можно объяснить только незнаніемъ, которое самъ Шевченко сознаетъ въ предисловіи. Впрочемъ, если мы прослѣдимъ развитіе, которое сообщилъ авторъ дѣйствию своей поэмы, то мы еще разъ убѣдимся, что исторіи сочинять нельзя и что памятная уманская катастрофа была въ лучшемъ случаѣ взрывомъ безумной мести и разрушительнымъ, на широкую ногу затѣяннымъ разбоемъ.

Болѣе тяжкимъ еще является другой упрекъ, который лежитъ у насъ на сердцѣ. Народный поэтъ долженъ быть христіаниномъ. Позлащая поэзіей чувства и поступки простаго народа, онъ тогда только стоитъ на высотѣ своего призванія, когда поднимается надъ ошибками и увлеченіями толпы, ставитъ ихъ на ряду съ идеаломъ на судъ предвѣчной правды, правящей судьбами личностей и народовъ. Душа сельскаго пѣвца является воспитательницею его народа. Плачь ея и веселье должны поднимать и облагораживать братьевъ. Пѣснь, раздраженная страстью, отравленная ненавистью и мщеніемъ, дышащая кровью и пламенемъ,—можетъ оказывать вліяніе, но не можетъ быть созидающей и облагораживающей. Подумалъ ли объ этомъ авторъ „Гайдамаковъ“? Трудно его оправдывать въ этомъ отношеніи. Въ цѣлой поэмѣ, отъ начала до конца, только немногія мѣста сіяютъ болѣе благородной мыслью. Почти вездѣ насъ поражаетъ солидарность пѣвца съ героями его пѣснопѣній, вездѣ историческое провидѣніе разбивается о бессмысленный фатализмъ, вездѣ идеалъ гражданско-христіанской свободы понижается до вождельной безтолковаго равенства и распуценнаго своеволія“.

Приведенныхъ отрывковъ, кажется, совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, на сколько невѣрное представленіе имѣлъ Совинскій о духовномъ образѣ Шевченка и о характерѣ его поэзии. Кто близко знакомъ съ произведеніями Шевченка, тотъ знаетъ, что поэтъ является въ нихъ не фаталистомъ, отрицающимъ волю и Провидѣніе, а скорѣе смиреннымъ христіаниномъ, безропотно

принимающимъ всѣ испытанія, какія волѣ Божіей угодно было на него ниспослать.

Какъ искреннему христіанину, Шевченку было крайне тяжело воспѣвать въ „Гайдамакахъ“ братоубійственную борьбу поляковъ съ украинцами, но онъ находилъ это для себя обязательнымъ: „серце болыть, а розказувать треба: нехай бачать сыны и внуки, що батьки ихъ помылялись, нехай братаються знову съ своими ворогами, нехай жытомъ—пшеницею, якъ золотомъ покрыта, нерозмижованою останеться на вики одѣ моря и до моря славянская земля“.

Не менѣе несправедливъ со стороны Совинскаго упрекъ въ томъ, будто Шевченко стремится въ изображеніи польско-украинскихъ отношеній „сочинять исторію“. Напротивъ, нужно только изумляться той прозорливости, съ какою поэтъ, не обладая никакою историческою подготовкою, успѣлъ тѣмъ не менѣе опредѣлить вполнѣ вѣрно основныя причины вражды украинцевъ къ полякамъ. Теперь историческая наука убѣждена, что къ разрыву между Польшей и Малороссіей повело два обстоятельства: стремленіе польскаго шляхетства закрѣпить украинскій народъ, лишивъ его гражданскихъ правъ и экономической свободы, и стремленіе римской церкви его окатоличить.

Указывая на невѣрное пониманіе Совинскимъ личности и поэзіи Шевченка, мы можемъ привести въ его оправданіе то обстоятельство, что въ то время, когда онъ писалъ свой этюдъ о Шевченкѣ, не были изданы не только всѣ русскія, но и многія изъ малорусскихъ сочиненій поэта. Теперь, когда „Кобзарь“ пополненъ всѣмъ, что только могло быть напечатано, и когда вышли въ свѣтъ всѣ русскія сочиненія Шевченка,—сужденія Совинскаго были бы непростительными.

V.

До сихъ поръ мы видѣли Леонарда Совинскаго, какъ экзальтированнаго, по выраженію проф. Неринга, поэта; теперь намъ предстоитъ познакомиться съ нимъ, какъ съ талантливымъ рассказчикомъ въ прозѣ.

Наиболѣе интересное изъ прозаическихъ произведеній Совинскаго—это, безспорно, его „Школьные Воспоминанія“. Они охватываютъ время пребыванія автора въ межибожскомъ сверхштатномъ дворянскомъ училищѣ и въ житомирской губернской гимназій, съ 1839 по 1847 годъ. Это было то переходное время, когда въ замѣнъ польской школы начала возникать и развиваться новая школа—русская.

„Воспоминанія“ Совинскаго, какъ всякія „школьныя“ воспоминанія, посвящены исторіи умственного и нравственного развитія ихъ автора и характеристикѣ товарищей и учителей. Этого рода литературныя произведенія приобрѣтаютъ интересъ въ зависимости отъ духовнаго достоинства ихъ автора, а также отъ мѣста и времени, къ которымъ они относятся. Нельзя, напримѣръ, сравнивать по степени интереса „Дневникъ стараго врача“ Н. И. Пирогова съ воспоминаніями какого-нибудь военнаго чловека прежнихъ временъ, которыми такъ щедро надѣляютъ своихъ читателей наши историческіе журналы. Если первый дѣйствуетъ на душу возвышающимъ и облагораживающимъ образомъ и оставляютъ по прочтеніи свѣтлое впечатлѣніе, то послѣдніе только раздражаютъ грубостью изображаемаго въ нихъ быта. „Воспоминанія“ Совинскаго заключаютъ въ себѣ всѣ условія, чтобы быть занимательными: талантливая личность автора, неустановившійся школьный бытъ, дающій широкій просторъ индивидуальному развитію, прелестная природа Подолья и Волыни, строй жизни, носящій на себѣ еще слѣды всевозможныхъ историческихъ наслоекъ,—все это переливается передъ очами читателя, освѣщенное лучами крупнаго литературнаго дарованія, и до того увлекаетъ, что нельзя оторваться отъ книги, не дочитавъ ее до конца.

Теперь представляется вопросъ: правдивъ ли рассказъ Совинскаго и можно-ли на него полагаться при изученіи людей той эпохи, къ которой онъ относится? Авторъ его говоритъ: „учителя мои—всѣ уже безъ сомнѣнія въ могилахъ (а можетъ гдѣ-либо между крестами и блуждаетъ какой ветеранъ, высматривая себѣ мѣстечко на могилу...); поэтому никакія личныя побужденія, никакія испытанныя оскорбленія не исказятъ правды

подъ моиѣ перомъ“; но мы имѣемъ данныя, чтобы сомнѣваться въ справедливости этого увѣренія. Дѣло въ томъ, что Совинскій, какъ было замѣчено выше, страстный польскій патриотъ, а всякій излишній патриотизмъ страдаетъ дальтонизмомъ и не замѣчаетъ ничего темнаго въ своихъ и ничего свѣтлаго въ чужихъ. Вотъ почему, когда ему приходится рисовать портреты своихъ учителей—русскихъ и поляковъ, то темныя краски щедрою рукою сгущаются на первыхъ и свѣтлыя—на вторыхъ. Въ подтвержденіе сказаннаго возьмемъ характеристики двухъ учителей межубожскаго училища—Демковича и Стульчинскаго. Изъ хода разсказа чувствуется, что оба были заурядными учителями заклустнаго межубожскаго храма наукъ и мало отличались другъ отъ друга какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону ¹⁾; между тѣмъ какая разница въ изображеніи!

Демковичъ—малороссъ. Авторъ цѣлый годъ прожилъ у него на квартирѣ, когда былъ ученикомъ приготовительнаго класса, и теперь, вспоминая о немъ, не упускаетъ случая, чтобы выставить на видъ его пьянство, грубость, невѣжество, неискренность, отсутствіе заботливости о вѣреннхъ ему ученикахъ. Жену его авторъ иначе не называетъ, какъ „грязной мегерой“. Стульчинскій—полякъ. У него авторъ также стоялъ на квартирѣ и теперь не жалѣетъ красокъ, чтобы представить его въ болѣе привлекательномъ видѣ: милый, образованный, сердечный—вотъ тѣ постоянныя epitheta ornantia, которыми онъ его надѣляетъ. Жена Стульчинскаго рисуется также милой подвижной дамочкой лѣтъ 40.

Не смотря однако на такое неравномѣрное распредѣленіе симпатій автора, книга его, цовторяю, интересна и навсегда останется однимъ изъ выдающихся литературныхъ произведеній въ области польскихъ мемуаровъ.

¹⁾ Развѣ одинъ былъ низкаго (Демковичъ), а другой—высокаго роста (Стульчинскій), хотя оба были рябые отъ оспы.

VI.

Едва ли не послѣднимъ литературнымъ произведеніемъ Совинскаго является большой романъ его въ 3-хъ томахъ, озаглавленный: „На перекрестныхъ дорогахъ“¹⁾. Въ концѣ авторской карьеры и жизненнаго пути ему вздумалось съ вершинъ поэзіи, гдѣ свободно разгуливала его фантазія, создавая идеальные образы и упиваясь благоуханіемъ правды, добра и красоты,—спуститься въ обыкновенный человѣческой муравейникъ. Совинскій поставилъ своей задачей изобразить аристократическое польское общество на Подоліи въ концѣ семидесятыхъ годовъ и показать то вліяніе, какое оказывали на него крайнія нигилистическія ученія, столь сильно волновавшія русское общество десять лѣтъ назадъ. Задача эта близко родственна той, которую преслѣдовалъ Тургеневъ въ романѣ „Новь“, и нужно признать, что выполнена она неудачно. Совинскій по слухамъ только зналъ людей, изображенныхъ въ его романѣ. Герои этого романа—не живые люди съ плотью и кровью, творящіе будничную дѣйствительность, а восковые манекены съ соответственными ярлычками: „террористъ“, „нигилистъ“, „добродѣтельная дѣвица“, „богомольная дамочка“, „дама для аѳинскихъ ночей“ и пр. На каждомъ шагѣ замѣтно, что авторъ беретъ краски для своихъ картинъ не изъ запаса собственныхъ наблюдений и впечатлѣній, а изъ слуховъ, которые доходили до него въ газетныхъ пересказахъ. Недавно Спасовичъ поднялъ вопросъ о „просачиваніи“ польской литературы въ русскую. Не интереснѣе ли будетъ поставить обратный вопросъ: о „просачиваніи“ русской литературы въ польскую, котораго поляки, конечно, не допускаютъ? Что касается романа Совинскаго, то въ немъ чувствуются осадки, оставшіеся въ сознаніи автора послѣ чтенія „Нови“ Тургенева и „Кружковщины“ Незлобина (Дьякова; онъ же—„Житель“).

Общая мысль, которую Совинскій проводитъ въ своемъ романѣ, заслуживаетъ полного одобренія, хотя она и отдаетъ трюизмомъ. Она заключается въ слѣдующемъ. Въ жизни каждую

¹⁾ Вышелъ въ Варшавѣ въ 1887 г.; цензурныя разрѣшенія помѣчены 18 декабря 1885 г. и 28 марта 1886 г.

минуту мы имѣемъ передъ собою много перекрестныхъ дорогъ. Вѣроятно, ни одна изъ нихъ не ведетъ къ правдѣ и къ абсолютному счастью. Но есть непогрѣшимый компасъ, который указываетъ, какую дорогу слѣдуетъ избрать, и всегда можетъ довести человѣка до цѣли его назначенія. Компасъ этотъ—общее благо. Въ семействѣ ли, или въ свѣтѣ и жизни общественной, но человѣкъ, руководящійся имъ, всегда остается чистымъ, почтеннымъ и сильнымъ. Жаль только, что ни одинъ изъ героев романа не принялъ ея къ свѣдѣнію; всѣхъ ихъ ожидаетъ поэтому печальный конецъ. Авторъ справедливо говоритъ о нихъ: „Не говоря уже о душахъ, испорченныхъ окончательно вслѣдствіе дурнаго воспитанія и отвратительныхъ примѣровъ, но даже благородныя сердца, подъ вліяніемъ ли наслѣдственности или стремленія къ плохо понятой самостоятельности,—очень часто истощаются въ ненужной ни для кого борьбѣ и отчаянномъ метаніи изъ стороны въ сторону. Одни мечтаютъ о наукѣ, о славѣ, о поэзій, о великой любви, другіе упиваются туманнымъ мистицизмомъ, а когда стануть передъ жизненной дѣйствительностью и увидятъ передъ собою множество перекрестныхъ дорогъ, то тогда, не зная, какую изъ нихъ выбрать, блуждаютъ во тьмѣ и очень часто падаютъ въ пропасть“. (т. III, стр. 250).

Въ заключеніе изложимъ фабулу романа. Петербургскій студентъ Горнъ, побочный сынъ графа Вальдбурга, пріѣзжаетъ на каникулы въ гости къ своему товарищу графу Станиславу Сасъ-Шшемскому, въ с. Сасово подольской губерніи. По дорогѣ онъ ночуетъ въ м. Тополицахъ въ корчмѣ Мошки Ушицкаго, гдѣ знакомится съ сыномъ корчмаря Ицкомъ, одесскимъ студентомъ. Оба оказываются принадлежащими къ нигилистической партіи.

Семейство графовъ Сасъ-Шшемскихъ состоитъ изъ старухи матери, двухъ вдовствующихъ сестеръ Цециліи и Розы, старшаго брата Петра, самого Станислава и младшей сестры Ксеніи. Мать женщина непріятнаго характера, занята исключительно молитвой и поддержаніемъ аристократическаго этикета. Изъ вдовствующихъ сестеръ одна, Цецилія, набожная девица, влюбленная въ родственника ксендза о. Прота; другая, Роза, легкомысленная дамочка, ищущая любовныхъ приключеній. Графъ Петръ—это ка-

кая-то невѣроятная смѣсь разгульнаго польскаго пана-козакофила 40-хъ годовъ съ русскимъ нигилистомъ 70-хъ. Онъ одновременно содержитъ обширный гаремъ и поддерживаетъ въ своемъ околоткѣ аграрное движеніе. Станиславъ—скромный малый, съ увлеченіемъ занимающійся химіей. Наконецъ, излюбленная авторомъ Ксенія—это поэтическая дѣвушка, преисполненная всякихъ возвышенныхъ добродѣтелей, но совершенно неспособная къ практической жизни.

Какъ только Горнъ поселился въ Сасовѣ, то тотчасъ же началъ вести различныя интриги, которыя были, повидимому, его сферой и замѣняли для него всякое серьезное дѣло. Началъ онъ съ Баси, служившей у Ксеніи горничной. Графъ Петръ похитилъ ее для своего гарема и спряталъ на время въ укромномъ уголкѣ, въ домѣ одного отставнаго учителя. Но неизвѣстно почему обратилъ на нее свое вниманіе Горнъ, открылъ ее убѣжище, влюбилъ въ себя и уговорилъ бѣжать отъ графа Петра въ Кіевъ, гдѣ сдѣлалъ ее послушнымъ орудіемъ нигилистической партіи.

Между тѣмъ имущественныя дѣла графини Сась-Пшъемской гаковы, что нужно было найти для Ксеніи богатаго жениха. Для этого она возобновляетъ давно прерванныя сношенія съ сестрой своей, княгиней Прусь-Бельзской, проживающей въ г. Самославѣ. У княгини, между прочимъ, дочь Берта—бойкая свѣтская дѣвица, нѣсколько циничная. Впослѣдствіи она настолько увлекаетъ распутнаго графа Петра, что тотъ на ней женится. Желанные женихи являются, но Ксенія не соглашается продать себя изъ за видовъ матери и предпочитаетъ выйти замужъ за своего опекуна—пожилаго Владиміра Щуку.

Съ другой стороны Горнъ долженъ бѣжать изъ Кіева, гдѣ онъ между тѣмъ проживалъ. На простой телѣгѣ въ крестьянской одеждѣ пробирается онъ въ Сасовъ, гдѣ и заболѣваетъ воспаленіемъ мозга. Когда онъ выздоровѣлъ, благодаря разумной медицинской помощи доктора Сальма, то графъ Петръ помогъ ему бѣжать за границу. Тамъ онъ соединился съ одной изъ вдовствующихъ дочекъ графини Сась-Пшъемской, Розой, и сталъ жить на ея счетъ, ведя какую-то пропаганду.

По сосѣдству съ Сасовымъ проживала нѣкая княгиня Свирская. Крестьянка по происхожденію, она была сначала у князя экономкой, но потомъ вышла за него замужъ. У нея была вѣббрачная дочь Эмма Былевская. Эта дѣвица страстно влюбилась въ графа Станислава и такъ какъ послѣдній колебался на ней жениться, то однажды она сама пріѣхала къ нему ночью верхомъ, заставила его лишиться ее невинности и такимъ образомъ женила на себѣ.

Женитьба Станислава и выходъ замужъ Ксеніи совершенно измѣнили строй жизни въ Сасовѣ. Тамъ остался Станиславъ съ молодой женой, между тѣмъ какъ Ксенія съ мужемъ переселились въ имѣніе послѣдняго Вѣнецъ, гдѣ хозяйничала сестра его Марцелина. Разныя волненія настолько разстроили здоровье Ксеніи, что мужъ, по совѣту врачей, повезъ ее въ Италію. Здѣсь, въ Венеціи, Ксенія встрѣтилась съ молодымъ польскимъ поэтомъ— Морой. Оказалось, что уваженіе къ мужу не въ состояніи заглушить потребность любви, и вотъ Ксенія со всею силою страсти привязывается къ Морѣ. Между тѣмъ и Горнъ, проживавшій также въ Италіи, оказывается влюбленнымъ въ Ксенію. Узнавши, что она равнодушна къ Морѣ, онъ рѣшается убить послѣдняго. Сообщниками его являются родственники любовницы Мору, неаполитанской рыбацки Пепиты. Они хотѣли отомстить поэту за то, что онъ обольстилъ Пепиту. И вотъ, подстерегши Мору съ Пепитой въ одной кофейнѣ, они сдѣлали покушеніе на ихъ жизнь. Пепита вскорѣ умерла въ больницѣ, но Мора остался живъ. Отношенія его къ Ксеніи перешли мало по малу въ пылкую взаимную любовь, которая кончилась паденіемъ Ксеніи. Горнъ не могъ перенести такого хода событій. Онъ снова покусился на жизнь Мору, хотя за нимъ слѣдили, какъ за убійцей одного банкира, но былъ во-время арестованъ.

Между тѣмъ въ Римѣ, гдѣ все это происходило, пріѣхалъ графъ Станиславъ. Онъ былъ очень несчастливъ съ женой и долженъ былъ окончательно разойтись съ нею въ Парижѣ. Свиданіе его съ сестрой было самое трогательное. Но онъ не могъ перенести своего несчастья и умеръ въ ту же ночь отъ удара.

На Ксені поѣздка въ Италію отразилась роковымъ образомъ. На чужбинѣ еще она перенесла воспаленіе мозга, а по возвращеніи домой въ родное Подолье у нея обнаружилась чахотка. Конецъ не заставилъ себя долго ждать.

Такова фабула романа Совинскаго. Нужно отдать справедливость автору, что онъ сумѣлъ сдѣлать ее необыкновенно запутанною, но отъ этого достоинство произведенія не выиграло. Отъ него такъ и вѣетъ парижскимъ бульваромъ. Тамъ бы ему и было мѣсто, а не на скромной лужайкѣ литературы польской.

Разсматривая литературную дѣятельность Совинскаго во всей ея совокупности, мы во всякомъ случаѣ должны признать, что поэтъ былъ представителемъ прогрессивнаго направленія въ польской литературѣ и что онъ неуклонно стремился утвердить въ сознаніи польскаго образованнаго общества убѣжденіе въ необходимости для нормальнаго развитія общественной жизни—общественныхъ идеаловъ, безъ которыхъ немыслимо и личное счастье. Эту мысль онъ настойчиво преслѣдуетъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, приводя въ подкрѣпленіе ея доводы и прямые, и отъ противнаго. Но традиціи того шляхетско-польскаго круга, къ которому онъ принадлежалъ, оказали все-таки на него свое могущественное вліяніе. Этимъ объясняется: 1) что общественный строй старой Рѣчи Посполитой представлялся ему иногда идеаломъ общественнаго устройства; 2) что онъ не сумѣлъ разглядѣть въ Шевченкѣ поэта всечеловѣческаго значенія; 3) что все русское возбуждало въ немъ невольную антипатію.

Что касается личнаго темперамента Совинскаго, то онъ самъ прекрасно характеризуетъ его словами Моря въ „Перекрестныхъ дорогахъ“ (см. Т. III, стр. 150):

„Я не легкомысленъ, но имѣю черезъ-чуръ живое воображеніе и не могу быть равнодушнымъ къ красотѣ въ самыхъ разнообразныхъ ея формахъ, хотя бы послѣднія окутывали самую отвратительную нравственную грязь. Въ подобныхъ случаяхъ со страстнымъ увлеченіемъ у меня никогда не соединяется языческое поклоненіе предмету моей страсти,—паденіе сердца и духа, отреченіе отъ болѣе высокихъ и благородныхъ цѣлей. Идеаль

мой всегда остается чистымъ и незапятнаннымъ. Вѣдь обо мнѣ сказалъ другой поэтъ: „Онъ всегда любилъ бездонныя пропасти, темныя вершины скалъ и полусонныя очи тигровъ, смерть въ объятіяхъ и мечъ, повисшій надъ шумнымъ пиромъ, и ту проклятую красоту, отъ которой на тысячу миль несетъ измѣной... Но онъ любилъ также долгъ съ суровымъ и блѣднымъ челомъ и славилъ—тѣрны мукъ, сіяющіе кресты жертвы, смиренныя дѣянія, святую выносливость въ ежедневной борьбѣ, и честь, незапятнанную предъ Богомъ и соборомъ братьевъ“¹⁾.

Устами Моры Совинскій какъ-бы говоритъ намъ: „Я хотѣлъ-бы, чтобы эти слова были вырѣзаны на моемъ гробѣ“.

А. В. С—ко.

¹⁾ См. пьесу „Fragment powieści“ п. VII. Poezye. Т. II, стр. 22. Пьеса эта имѣла, очевидно, для Совинскаго автобіографическое значеніе. Поэтому намъ кажется, что отрывокъ изъ нея, приводимый Морой, въ связи съ предыдущими его словами—можетъ быть разсматриваемъ, какъ поэтическая характеристика Совинскимъ самого себя.

КЪ ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦІИ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ.

(Окончаніе) ¹⁾.

II.

Наступательныя дѣйствія Россіи противъ крымскихъ татаръ начались еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1676 году. Въ этомъ году царь Алексѣй Михайловичъ, по соглашенію съ польскимъ королемъ, обѣщавшимъ дѣйствовать противъ турокъ на Дунаѣ, велѣлъ „чинить всякой воинской промыслъ надъ Крымомъ“ и для этого выступить въ походъ изъ Малороссіи боярину князю Григорію Григоріевичу Ромодановскому, гетману Самойловичу и стольнику князю Василию Васильевичу Голицыну; съ Дону—стольнику князю Петру Хованскому; изъ Бѣлгорода—окольничему и воеводѣ князю Константину Осиповичу Щербатову ²⁾. Вслѣдствіе этого повелѣнія, князь Ромодановскій сталъ приготовляться къ походу. Въ одной изъ отписокъ своихъ къ чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу онъ писалъ слѣдующее: „в нынѣшнемъ во 184 году указал великій государь царь і великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія і малыя і бѣлыя росіи самодержецъ с своими великого государя ратными и конными і с пѣшими людьми итти намъ в поход для крымьского промыслу, а что чего ратного к тому походу в драгунской і в

¹⁾ „Кіевск. Стар.“, т. XXI.

²⁾ „Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Θεодора Алексѣевича“ Е. Е. Замисловскаго, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, январь, 1888 г., стр. 1 и 2.

салдацкіе полки к обозному строю надобно, и то все по указу великого государя и по грамоте, какова его великого государя грамота прислана к нам из розряду за приписью дьяка Петра Ковелина, велено здѣлать і взять, а иные всякіе мелкіе статьи купить белгородскаго полку в городѣхъ повольною ценою без передачи, а иное в тѣхъ же городѣхъ взять или здѣлать безденежно, чтоб одноконечно во всѣхъ полкѣхъ все было готово до походовъ заранее, а в которыхъ городѣхъ что взято или куплено будетъ, и о томъ велено намъ писать къ великому государю к Москве. А ис Чюгуева для того походу довелось взять в пѣшей салдацкой генерала маеора в Оранцовъ полкъ Вулѣа пятьдесятъ кож барабанных, сорокъ хомутов ременных новых самыхъ добрыхъ с крышками и шлеи, пятьдесятъ аршин холсту на пушечные мехи, безменъ оуптъ вескъ вѣсить зелья и свинець. І тебе бѣ по указу великого государя то все вышеписанное велѣтъ взять с Чюгуевцовъ“ и проч. ¹⁾). 10 февраля того же года всѣ эти предметы получены были Ромодановскимъ въ Курскѣ ²⁾). 28 января Ромодановскій предписывалъ Осипу Яковлевичу прислать къ нему десять человѣкъ чюгуевскихъ кузнецовъ для государева дѣла „со всѣми кузнечными снастями и запасы“ и ямскія деньги ³⁾), что подтверждалъ и въ отпискѣ своей 9 февраля ⁴⁾). Тотъ же Ромодановскій въ одной изъ отписокъ своихъ писалъ чюгуевскому воеводѣ: „в нынѣшнемъ во 184 году Февраля въ 12 день прислана“ грамота царя Алексѣя Михайловича „к намъ ис Стрелецкаго приказу за приписью дьяка Леонтыя Кондратова, а в государеве грамоте написано. Велено намъ писать Белгородскаго и Сѣвскаго полковъ во всѣ города к вамъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, чтобъ вы московскаго выборнаго Агѣева полку Шепелева начальныхъ людей и урядниковъ и рядовыхъ салдатъ собрали всѣхъ и сказали имъ его государевъ указъ, чтобъ тѣ начальные люди и урядники и рядовые салдаты на службу великаго государя были готовы со всѣми полными запасы и живучи в

¹⁾ Свиток. III, док. 62.

²⁾ Тамъ же, док. 69.

³⁾ Тамъ же, док. 64.

⁴⁾ Тамъ же, док. 70.

домѣх своих готовили всякие запасы, а вперед гдѣ по наряду велятъ быть на государеве службѣ в каково время ни есть, и им на ту великого государя службу итти на указные мѣста с великим радѣнемъ и поспевать на указные сроки со всеми полными запасы“ 1). Приготавливались къ походу и рейтары бѣлгородскаго полка. 27 февраля 1676 года бѣлгородскаго полку рейтарскаго строю полковникъ Григорій Полтевъ подалъ князю Ромодановскому „въ Бѣлгородѣ в розрядной избѣ за рукою роспись, а въ росписи ево написано. Его ж Григорьева полку Чугуевскія рейтары в домѣх своих померли и по розбору от полковныя службы отставлены, а государева де ружья у тѣх рейтар корабинов и пистолей и латъ и шишаков не принято“. Вслѣдствіе этого, Ромодановскій послалъ изъ Бѣлгорода въ Чугуевъ поручика Тараса Смирного, для принятія оружія послѣ умершихъ и отставныхъ рейтаръ 2). Въ скоромъ времени рейтарскій полкъ Григорья Полтева высланъ былъ, для похода, въ Бѣлгородъ 3). Для продовольствія войска, потребованъ былъ четвериковый хлѣбъ какъ за 1676-й годъ, такъ и за предыдущіе годы. „В нынѣшнем во 184 году,—писалъ Ромодановскій Чугуевскому воеводѣ,—указал великій государь царь і великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія і малыя і бѣлыя росіи самодержецъ на жаловане своимъ великого государя ратнымъ людемъ, которымъ быть в крымскомъ промыслѣ, белгородскаго полку з городов со всякихъ чиновъ людей, которые платятъ и возятъ в Бѣлгородъ четвериковой хлѣбъ, собрать на прошлые годы из доимки, а на нынешней на 184 годъ по окладу сполна, а собравъ привезти в Бѣлгородъ тѣхъ же городовъ подводами“ 4). Въ началѣ марта послѣдовало дополнительное требованіе о доставленіи чугуевцами нѣкоторыхъ вещей для полка генераль-майора Франца Вульфа, „По указу великого, государя—писалъ Ромодановскій чугуевскому воеводѣ,—в походъ для крымскаго промыслу въ копейной и в рейтарскіе і в драгунскіе і в салдатскіе полки к обозному строю

1) Свиток. III, док. 4.

2) Тамъ же, док. 8.

3) Тамъ же, док. 26.

4) Тамъ же, док. 72

из городов что чего ратного взять или купить поволною ценою без передачи или что здѣлать безденежно, чтоб... во всѣх полкѣх одноконечно все было готово до походу заранѣя, и к обозному всякому строю для того походу ис Чюгуева довелось взять рейтарского и салдатцкого строю генерала майора в Оранцов полкъ Вулеа к прежнему в добавку воровины на припряжи к дватцати осми шлеам сто тритцать сажень косых по три аршина длина сажень, пядесят кос сенокосных і с колцы новых, і для того посланъ из Бѣлагорода нарочно в Чюгуевъ того ж полку порутчик Кирила Летягинъ. І как он в Чюгуевъ приѣдет, і тебѣ б по указу великого государя то всѣ выше писанное велѣтъ взять с Чюгуевцов со всякихъ чинов людей городовые службы, или им велѣтъ купить поволною ценою или здѣлать, а взяв или купя прислать въ Бѣлгород с ним Кирилою Летягиным безо всякого мотчаня тотчас, не описывалъ ничѣм, чтоб за тѣм государеву дѣлу порухи і нашему походу нималого мотчанья не учинилось. А будет, ты то выше писанное тотчас не пришлешь, или і пришлешь да не всѣ сполна, і учинишь о томъ хотя малоя мотчаня своею оплошкою, і о твоём нерадѣнье ево великого государя указ о том к тебѣ присланъ будетъ“¹⁾). Но, не смотря на строгость предписанія, оно исполнялось медленно. 24 марта получено было только 50 косъ сѣнокосныхъ, но воровины не прислано²⁾, и уже въ маѣ мѣсяцѣ послѣдовало подтвержденіе Ромодановскаго о присылкѣ въ Бѣлгородъ канату ворового³⁾, а 15 мая доставлено было изъ Чугуева въ Курскъ восемь колесъ окованныхъ пущечныхъ да образцовое колесо⁴⁾.

Причинами замедленія въ приготовленіяхъ къ походу, по всей вѣроятности, были кончина царя Алексѣя Михайловича и затянувшіеся переговоры Россіи съ Польшею о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ и татаръ⁵⁾). Наконецъ, въ маѣ 1676

1) Свиток. III, док. 6.

2) Тамъ же, док. 11.

3) Тамъ же, док. 22.

4) Тамъ же, док. 25.

5) „Сношенія Россіи съ Польшею въ царствованіе Θεодора Алексѣевича“ Е. Е. Замисловскаго, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, январь, 1888 г., стр. 2 и слѣд.

года послѣдовала грамота новаго царя Феодора Алексѣевича о мобилизаціи сѣвскаго и бѣлгородскаго полковъ. Во исполненіе этой грамоты, князь Григорій Ромодановскій писалъ чугуевскому воеводѣ Осипу Яковлевичу слѣдующее: „в нынешнем во 184 году мая въ 23 день прислана великого государя царя і великого князя Феодора Алексѣевича всеа великия и малыя и бѣлыя росіи самодержца грамота из розряду к намъ в Курескъ за приписью дьяка Петра Ковелина, а въ государеве грамоте написано. Указал он великіи государь намъ сѣвскаго и белгородскаго полков і с иными прибыльными его государевыми ратными людьми збиратца і к войсковому дѣлу против неприятельскихъ людей быти в готовности, царьскаго величества с подданным войска Запорожскаго обоих сторон Днѣпра з гетманомъ с Иваном Самойловичем ссылатца, а по вестямъ і по самым подлиннымъ вѣдомостямъ со всѣми ратными людьми итти против неприятельскихъ людей без мотчаня, і о высылке на его государеву службу к нам в полкъ его государевых полковые службы всяких чинов ратныхъ людей в города к вам воеводом і приказнымъ людям велено писать, чтобъ всяких чинов ратнымъ людямъ быть в полку в собране і совсѣмъ в готовности до походу заране. А его государевы грамоты из розряду сѣвскаго и белгородскаго полков во всѣ города к вам воеводамъ і приказнымъ людямъ о высылке на его государеву службу ратныхъ людей со всѣю службою и с полными запасы к нам в полкъ посланы. И тебѣ б по указу великого государя Чюгуевцомъ ратнымъ всяких чинов людямъ сесь великого государя указ сказать, чтобъ они одноконечно на его великого государя службу были готовы і к походу запасы готовили и лошади кормили. А какъ мы впредь о высылке ихъ ратныхъ людей к себѣ в полкъ писать учнем, и они б ратные люди на службу великого государя на назначенное мѣсто к нам в полкъ шли безо всякаго мотчаня тотчас, а ратныхъ же людей, которые на службе великого государя въ прошлом во 183 і в нынешнем во 184 годѣхъ по наряду в полкъ не бывали і которые быв до отпуску іс полку бежали, за воеводчиков і есоулов і сотенныхъ и копейщиковъ і рейтар и драгуновъ і солдатъ, по прежнимъ росписамъ, котрымъ велено быть для городового дѣла

на Торскихъ озерахъ, і копейщиковъ же, которые взяты нынѣ по разбору внов, со всею службою і с полными запасы выслать в Курскъ безо всякого мотчана тотчасъ і о томъ к намъ отписать“¹⁾. Послѣ этой грамоты вновь замѣтно оживленіе въ приготовленіяхъ къ крымскому походу. Въ концѣ мая опять выполняются какіе-то заказы на выдѣлку кожъ²⁾, и доставляется чугуевцами 130 сажень воровины³⁾, а въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ производится усиленное взысканіе денежныхъ недоимокъ за прежніе годы, на жалованье ратнымъ людямъ⁴⁾. 9 іюня 1676 года Ромодановскій послалъ изъ Бѣлгорода въ Чугуевъ рейтарскаго строю Григорьева полку Полтева ротмистра Дементья да прапорщика Акима Холиныхъ для осмотра и починки карабиновъ и пистолей у чугуевскихъ рейтаръ⁵⁾. 12 того же іюня Ромодановскій приказалъ чугуевскому воеводѣ оковать, для похода, по присланному образцу, десять колесъ въ запасъ, а желѣза купить изъ неокладныхъ доходовъ или, если этихъ доходовъ нѣтъ, взять съ градскихъ со всякихъ чиновъ людей городовая службы и доставить колеса въ Бѣлгородъ на чугуевскихъ подводахъ⁶⁾. Исполнивъ это предписаніе, чугуевцы получили новый наказъ оковать еще 8 колесъ. На этотъ разъ они заупрямились, и 21 іюня въ Курскѣ „подали челобитную Чюгуева города дѣти боярские и станичники, стрелцы и казаки и пушкари и воротники всѣмъ городомъ“. Изяснивъ, что они уже оковали 10 колесъ, и что имъ велѣно оковать еще 8, чугуевцы писали: „да они жъ купили 20 телѣгъ самыхъ добрыхъ глабчастыхъ, да 40 хомутовъ, а хомутъ купили по рублю и болши, да 50 кожъ дѣланныхъ яловичьихъ, 30 уздъ новыхъ, 50 аршин холстин, безменъ да фунтъ вески, 130 сажень воровины; да они жъ строятъ государевы арбузные и виноградные огороды безпрестанно, а в иныхъ городѣхъ государевыхъ арбузныхъ и виноградныхъ огородовъ нѣтъ, а ныне имъ тѣхъ ко-

¹⁾ Свиток. III, док. 34.

²⁾ Тамъ же, док. 29.

³⁾ Тамъ же, док. 24.

⁴⁾ Тамъ же, док. 40, 43, 44, 49, 51, 53, 55, 56 и 52.

⁵⁾ Тамъ же, док. 38.

⁶⁾ Тамъ же, док. 37.

лес оковать нѣчим“. Поэтому они просили освободить ихъ отъ оковки новыхъ 8 колесъ. Но въ отвѣтъ на эту челобитную Ромодановскій строго подтвердилъ чугуевскому воеводѣ оковать 8 колесъ въ скоромъ времени и прислать ихъ въ Бѣлгородъ ¹⁾).

Результатомъ этихъ приготовленій были два похода Ромодановскаго съ Самойловичемъ подъ Чигиринъ, въ первый разъ противъ Дорошенка, а во второй—противъ турокъ и татаръ ²⁾). Но эти походы еще болѣе раздражили турокъ и татаръ. Въ 1680 году турки, собираясь идти на Кіевъ, направили татаръ на московскія украины. Вслѣдствіе этого самъ ханъ сталъ во главѣ своихъ ордъ и пошелъ на Бѣлгородъ и города, находившіеся по чертѣ и за чертою. Эти послѣдніе страшно пострадали. Ханъ остановился кошемъ между Харьковомъ и Бѣлгородомъ и во всѣ стороны разослалъ разъѣзды. Къ Карпову, напимѣръ, подошло 5000 татаръ, разбили свой кошъ возлѣ города, выжгли посадъ и позабирали въ плѣнъ жителей селъ и деревень, расположенныхъ по рѣкѣ Ворсклѣ. Одновременно съ крымцами и, по всей вѣроятности, по взаимному соглашенію съ ними явились азовскіе татары съ калмыками и черкесами, рѣшившись въ одинъ, заранѣе опредѣленный день напасть на русскія украины ³⁾). Между прочимъ, они взяли въ плѣнъ цѣлый балыклейскій таборъ на Голаго долинѣ, не доходя торскихъ озеръ, и въ числѣ плѣнныхъ увели съ собой въ Азовъ балыклейца Савку Алексѣева или Алексѣенка, съ которыми встрѣтятся въ послѣдствіи. ⁴⁾). Въ виду этихъ набѣговъ, московское правительство сначала постаралось построить новую черту укрѣпленій и по рѣкѣ Мжѣ и нижнему теченію Сѣвернаго Донца и гуще заселить южную часть Слободской Украины, лежащую въ предѣлахъ нынѣшняго изюмскаго уѣзда, харьковской губерніи, а потомъ уже сдѣлало новыя попытки наступательнаго движенія на Крымъ.

Еще въ 1680 году генералъ Гр. Ив. Косоговъ тщательно измѣрялъ и изучилъ ту мѣстность, по которой предполагалось

¹⁾ Свнт. III, док. 54.

²⁾ „Исторія Россіи“ Соловьева, т. XIII, стр. 258, 259, 266 и слѣд.

³⁾ „Очерки“ Багалъя, I, стр. 254.

⁴⁾ Свнт. V, док. 26.

провести валъ, ровъ и засѣвки и построить рядъ городовъ, слободъ и стоялыхъ острожковъ. Исполнителемъ же плановъ Косогова былъ харьковскій полковникъ Гр. Ерофеевичъ Донецъ-Захаржевскій съ сыномъ Константиномъ. Онъ образовалъ изъ сотеннаго городка Изюма полковой городъ и вообще укрѣплялъ и заселялъ новый Изюмскій полкъ и употреблялъ для работы козаковъ своего харьковского полка. Укрѣпленіе этой линіи совершилось не вдругъ, а въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ¹⁾, и продолжалось до 1689 года, если не долѣе. Въ іюнѣ 1689 года бывший тогда въ Изюмѣ думный дворянинъ и воевода Степанъ Богдановичъ Ловчиновъ поручилъ „столнику князь Якову Ивановичу (Мансурову) по новопостроенной чертѣ до Бѣшкина городка досмотреть татарскихъ бродов, также і караулов, которые поставлены на тѣхъ бродахъ, и описать тѣ броды именно і сколько на тѣхъ бродахъ которыхъ городовъ служилыхъ людей нынѣ на стороже стоять, и всѣ ль с ружем, или хто із нихъ безъ ружья“. Въмѣстѣ съ тѣмъ „въ Савинской въ новопостроенный городъ, въ Балыклѣю, в Ондрѣева лозы, въ Лиман, в Бешкин воеводамъ и приказнымъ людямъ и Харьковскаго полку козацкой старшине“ послана память, въ которой сказано: „Сего числа по указу великихъ государей посланъ ис полку думнаго дворянина і воеводы полку ево столникъ князь Яковъ Емичѣвъ сынъ Мысыревъ по новопостроенной чертѣ до Бешкина городка, а велѣно ему у васъ воеводъ и у приказныхъ людей и у козацкой старшины в тѣхъ городѣхъ для указанія бродовъ имать вожей отъ города до города по скулку пристойно, и какъ онъ князь Яковъ в тѣ города приѣдетъ, і вышеписанныхъ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людямъ и козацкой старшине велѣтъ ему давать вожей отъ города до города, по сколько ему пригоже, безъ мотчаня“ ²⁾. Перечисленными городами и опредѣляется направленіе новоукрѣпленной линіи. Въ чемъ состояли укрѣпленія этой линіи,—это можно видѣть изъ слѣдующаго денесенія Ловчинова князю Василю Васильевичу Голицыну въ маѣ 1689 года: „По досмотру моему,—писалъ Лов-

¹⁾ „Очерки“ Багалѣя, I, стр. 440, 485—487.

²⁾ Свитокъ V, док. 9.

чиновъ,—прежние крѣпости, которые были построены по новопостроенной чертѣ по рѣке Донцу по перелазам татарскимъ, полою водою поламало и рознесло, а иные в вешнее время погорѣли, а засѣчные мѣста и заповѣдные лѣса во многих мѣстех подлѣ реки Донца новопостроенных городков жители вырубил и к ордам дороги наложили, а в рѣке Донце вода ныне стала мала, и приходу неприятельских людей от Азова к украинным городам через рѣку Донец тѣми перелазы ныне опасно, и по рѣке Донцу на тѣх перелазех и по причиннымъ мѣстам, которыми преж сего через реку Донецъ в черту под новостроенные городки прохаживали воинские люди, для бережения поставлены сторожи, чтоб неприятельских людей без вѣсти в черту не пропустить“¹⁾).

Придвинувшись, посредствомъ новопостроенной укрѣпленной черты, ближе къ татарскимъ кочевьямъ, московское правительство немедленно возобновило попытки наступательнаго движенія своего на татаръ, тщательно оберегая въ тоже время новую черту укрѣпленій отъ татарскихъ набѣговъ и все болѣе и болѣе продвигаясь вглубь татарскихъ кочевьевъ.

Наступательное движеніе Россіи на татаръ къ концу XVII вѣка выразилось въ крымскихъ походахъ, подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Голицына, въ 1687 и 1689 годахъ, и въ походахъ азовскихъ. Въ первый и второй крымскіе походы казаки раздѣлялись на двѣ очереди такимъ образомъ, что въ 1687 году одна половина ихъ отправилась въ походъ, а другая оставалась дома, тогда какъ во второй походъ 1689 года отправилась другая половина, съ прибавленіемъ нѣтчиковъ и дезертировъ перваго похода. Въ 1687 году, по чугуевскимъ смотреннымъ спискамъ, первая очередь состояла изъ 192 очередныхъ чугуевскихъ стрѣльцовъ, козаковъ, пушкарей и воротниковъ, слѣдовательно всѣхъ ратныхъ людей въ Чугуевѣ въ этомъ году было около 384 человекъ²⁾). Въ нашихъ документахъ имѣются только

¹⁾ Тамъ же, док. 13.

²⁾ Свиток. V, докум. 12. Въ этомъ документѣ упоминается еще Самарскій походъ 1688 г., вѣроятно для постройки крѣпостей на рѣкѣ Самарѣ, нынѣшней екатеринославской губерніи.

свѣдѣнія о приготовленіяхъ ко второму крымскому и первому азовскому походамъ.

Въ виду втораго крымскаго Голицынскаго похода, велѣно было чугуевскому воеводѣ Степану Богдановичу Ловчинову выслать чугуевскихъ стрѣльцовъ, козаковъ, драгуновъ и пушкарскаго чину людей очередныя половины и нѣтчиковъ и бѣглецовъ втораго крымскаго походу на государеву службу въ крымской походъ къ боярину и воеводѣ Леонтію Романовичу Неплюеву въ Межирѣчи, не позже 20 февраля 1689 года, всѣхъ до одного человѣка, давъ имъ ихъ великихъ государей жалованье. Ловчиновъ выслалъ 70 человѣкъ въ Межирѣчи къ Неплюеву и кромѣ того 19 человѣкъ въ большой полкъ въ Сумы къ князю Василю Васильевичу Голицыну и 8 человѣкъ въ полкъ къ стольнику, воеводѣ и полковнику Афанасію Алексѣевичу Чубарову въ Рыльскъ, для похода въ Переяславъ, всего 105 человѣкъ, оставивъ въ Чугуевѣ изъ очередной половины только 81 человѣка¹⁾. Конечно, подобныя распоряженія сдѣланы были и по другимъ городамъ слободской украины²⁾. Независимо отъ того, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, по указу великихъ государей и по грамотѣ изъ разряда, велѣно было воронежскому воеводѣ Никитѣ Головкину „для ихъ великихъ государей службы и промыслу над крымскими городами и для ходу морского взять на Воронеже і в иныхъ городехъ у промышленныхъ людей 40 лотокъ, а с тѣми лотками послать на Дон в гребцахъ полку ево Воронежскаго уѣзду села Яндовищъ 120 человѣкъ казаковъ“³⁾. Для обеспеченія сухопутнаго похода, построень былъ Новобородицкій острогъ на рѣкѣ Самарѣ, въ нынѣшней екатеринославской губерніи, куда посылались изъ Слободской Украины подводчики и проводники⁴⁾.

Большая часть служилыхъ людей и козаковъ Слободской Украины освобождена была отъ похода и оставалась дома, для обеспеченія тыла дѣйствующей арміи и охраненія государствен-

²⁾ Свит. V, док. 12.

³⁾ Напр., Харькову и Салтову. См. тамъ же, док. 17 и 1. Шесть салтовцевъ выслано къ боярину и воеводѣ Борису Петровичу Шереметьеву въ полкъ въ крымскій походъ. См. тамъ же, докум. 20.

⁴⁾ Свиток. V, док. 20; см. свит. VI, док. 1.

ныхъ границъ, и должна была нести довольно тяжелую сторожевую и оборонительную службу. Оставаясь дома для береженья своихъ городовъ, ратные люди должны были высылать подкрѣпленія въ важнѣйшіе пункты Слободской Украйны, въ Бѣлгородъ къ князю Михаилу Борисовичу Шереметеву ¹⁾, въ Ахтырку ²⁾ и Изюмъ, и въ то же время оставаться въ домахъ своихъ во всякой воинской готовности на случай новыхъ требованій для отраженія непріятельскихъ нападений ³⁾. Но важнѣйшимъ изъ этихъ пунктовъ былъ городъ Изюмъ съ новопостроенною чертою укрѣпленій, какъ по стратегическому положенію своему на самой крайней, отдаленной чертѣ московскаго государства, такъ и по своему значенію въ дѣлѣ дальнѣйшей русской колонизаціи на югѣ Россіи.

Во время крымскаго похода 1689 года, въ Изюмъ посланъ былъ со своимъ полкомъ чугуевскій воевода Степанъ Богдановичъ Ловчиновъ для храненія новопостроенной черты укрѣпленій отъ приходу непріятельскихъ людей. По указу великихъ государей „велѣно мнѣ,—писалъ Ловчиновъ князю Голицыну,—быть на ихъ великихъ государей службѣ по новопостроенной чертѣ на Изюмѣ с полкомъ для береженья украинныхъ городовъ одприходу непріятельскихъ людей, а в полку со мною велено быть ратнымъ людемъ по наряду іс приказу великие росіи Острогожскаго полку казацкому полковнику и столнику Ивану Сасу, а с ним полку ево казакомъ Коротояцкимъ, Урывскимъ, Воронежскимъ, Землянскимъ, Ольшанскимъ, Усердскимъ и Новооскольскимъ, всего 1000 человекъ, і стать им у меня в полку на Изюме на указной срокъ апрѣля 29 число нынешнего 197-го (1689) году, а досталнымъ полку ево казакомъ велено быть в домѣхъ своихъ во всякой воинской готовности. Да по указу жъ великихъ государей и по отписке отъ тебя, господине, іс болшого полку для малолюдства полку моего ратныхъ людей велено мне по вѣдомостямъ о приходе непріятельскихъ людей, буде у меня в полку учинятца какие вѣдо-

¹⁾ Свиток. V, докум. 1.

²⁾ Тамъ же, док. 17.

³⁾ Тамъ же, док. 13.

мости, писать от себя в города в Харьков, в Салтов. в Змиевъ, в Бѣшкин, в Лиман, в Андрѣевы Лозы, в Балыклѣю, в Савинской, на Изюм, в Царев Борисовъ, в Мояцкой, в Соленой, къ воеводам і к приказным людям о присылке к себѣ в полкъ тѣхъ городовъ жителей городовые службы, да Харьковскаго полку городовъ к казацкой старшинѣ о пресылке казаковъ, которые остались в домѣхъ за крымскимъ походом, посколку человекъ пристойно, на вспоможеніе на отпоръ неприятелскимъ людямъ“. Исполня приказаніе, Ловчиновъ выбралъ 140 человекъ чугуевцовъ изъ семей, для вѣстей, а одиночекъ оставилъ въ Чугуевѣ для береженья города. Но Острогожскій полкъ, назначенный въ Изюмъ, собирался неисправно и не въ назначенномъ составѣ. Лишь 4 мая пришелъ къ Ловчинову въ Изюмъ Острогожскаго Иванова полку Сасова наказной полковникъ Василій Тимоѣевъ съ козаками и подалъ отписку Ивана Саса съ именнымъ спискомъ козаковъ 1000 человекъ; но въ наличности оказалось только 538 человекъ, да впоследствии дослано 274 человекъ, а всего 812 человекъ, изъ коихъ многіе были пѣши и безъ ружья¹⁾. Изъ состава Острогожскаго полка явились въ Изюмъ: изъ Коротояка 60 человекъ, Урыва 108 человекъ съ сотникомъ, Землянска 246 съ сотникомъ, Ольшанска 146 съ сотникомъ, Усерда 71 съ сотникомъ и Новооскола 41, всего 812 человекъ. Не доставало въ указанное число 188 человекъ, изъ коихъ 34 померло въ запорожскомъ походѣ и въ домахъ, 62 козака изъ Ендовичъ посланы съ лодками на Донъ въ гребцахъ для промыслу надъ крымскими городами, 12 бѣжало въ разные города и 80 самовольно не явились въ Изюмъ и остались дома, а именно изъ Коротояка 8, Урыва 1, села Терлевки и деревни Гвоздевки воронежскаго уѣзду 13, Землянка 33, Ольшанска и села Тростянка 14, Усерда и Новооскола 5²⁾. По отпискѣ Ловчинова, Острогожскій полковникъ Иванъ Сасовъ выслалъ въ Изюмъ семь человекъ землянскихъ бѣглецовъ, бѣжавшихъ изъ полка; но изъ нихъ двое бѣжали дорогой отъ землянскихъ провожатыхъ³⁾.

¹⁾ Свиток. V, док. 6, 7, 13 и 14.

²⁾ Тамъ же, док. 14.

³⁾ Тамъ же, док. 5.

Между тѣмъ, еще до присылки въ Изюмъ острожскаго полка стали доходить до Ловчинова тревожныя вѣсти о приближеніи татарскихъ скопищъ къ изюмской чертѣ укрѣпленій. Поэтому воевода Ловчиновъ немедленно воспользовался предоставленнымъ ему правомъ требовать себѣ помощи изъ сосѣднихъ городовъ и около 2 мая писалъ „в города, которые в чертѣ, в Харьков к столнику і воеводе къ Ивану Кобякову, в Салтов к Ондрею Колпакову, да харковского полку къ салтовскому і к Мартовецкому і к Волченскому и к Печенежскому наказным сотником и атаманомъ о присылкѣ к себѣ в полкъ тѣхъ городов жителей, для отпора непріятелямъ, а въ новопостроенныхъ по Дону городкахъ велѣлъ держать сторожа по перелазамъ татарскимъ и всѣмъ и всѣмъ причиннымъ мѣстамъ, сообщивъ также вѣсти о приближеніи татаръ наказному харьковскому полковнику Ивану Сербину. Вслѣдствіе требованій Ловчинова, 12 мая ему прислано въ Изюмъ изъ Харькова стольникомъ и воеводой Иваномъ Кобяковымъ 19 русскихъ и 45 черкасъ, да 17 мая съ Салтова 21 человекъ дѣтей боярскихъ, всего 85 человекъ самыхъ скудныхъ, изъ коихъ только 9 человекъ было съ ружьемъ, тогда какъ въ Харьковѣ было до 100 русскихъ людей и до 1000 черкасъ, а въ Салтовѣ свыше 200 человекъ русскихъ людей а черкасъ. Кромѣ того, въ разныхъ числахъ мая прислано было къ Ловчинову въ Изюмъ изъ Зміева стольникомъ и воеводой Семеновъ Дурново 10 человекъ, изъ коихъ только 5 человекъ было съ ружьемъ, да харьковского полку съ Салтова 10, съ Печенегъ 25, съ Волчьихъ 19 и Мартовецкихъ 27 человекъ скудныхъ и пѣшихъ, изъ коихъ только 15 человекъ было съ ружьемъ. Всѣхъ этихъ козаковъ Ловчиновъ послалъ въ Савинской, и въ Бѣшкинъ, и въ иныя мѣста, и велѣлъ имъ быть на татарскихъ перелазяхъ съ наказнымъ харьковскимъ полковникомъ Гавриломъ Могилею ¹⁾. Получивъ новыя свѣдѣнія о приближеніи татаръ къ изюмской чертѣ укрѣпленій, Ловчиновъ 1 іюня требовалъ себѣ дополнительныхъ подкрѣпленій изъ сосѣднихъ городовъ, высылки бѣжавшихъ и смѣны прежде высланныхъ козаковъ новыми очередными

¹⁾ Тамъ же, док. 14.

Такъ, онъ писалъ въ Салтовъ Андрею Колпакову, чтобы этотъ послѣдній прислалъ въ полкъ на Изюмъ салтовцевъ городовыя службы всякихъ чиновъ служилыхъ людей конныхъ съ ружьемъ въ добавку къ прежнимъ салтовцамъ, на отпоръ непріятельскимъ людямъ ¹⁾. Того же 1 іюня послана была память печенежскимъ наказнымъ сотникамъ Ивану Леянку да Панку Лозовому, съ предписаніемъ выслать 20 печенежскихъ козаковъ конныхъ и оружныхъ на Савинскій бродъ, для осторожности отъ непріятельскихъ людей, на перемѣну прежней печенежской очереди, а также выслать въ Изюмъ пятерыхъ печенежскихъ козаковъ, бѣжавшихъ съ Савинскаго броду домой ²⁾. Но изъ Салтова отвѣчали Ловчинову, что въ Салтовѣ „городовыя службы дѣти боярскіе высланы на службу великихъ государей в полки к бояромъ и воеводамъ в указные мѣста і в Бѣлгород к столнику і воеводе к Михаилу Борисовичю Шереметеву с товарищи, и за тѣми высылками ныне осталось самое малое число, і в прибавки к темъ присланнымъ Салтовцемъ послать к тебѣ, господине, в полкъ некого; толко осталось ныне Салтовцовъ городовыя службы для перемены Салтовцомъ, которые ныне в полку у тебя двадцать же человекъ“ ³⁾. Даже и прежде посланные салтовцы смѣнены были новыми только послѣ нѣсколькихъ напоминаній Ловчинова ⁴⁾.

Вслѣдствіе такихъ неисправностей въ доставленіи военной помощи, воевода Ловчиновъ могъ оказаться въ Изюмѣ къ критическомъ положеніи. Назначенный въ его распоряженіе острогожскій полкъ присланъ былъ въ Изюмъ далеко не въ полномъ своемъ составѣ. А между тѣмъ изъ Харькова и Салтова не могли явиться въ Изюмъ немедленно, на отпоръ непріятельскимъ людямъ. Пока придетъ помощь, непріятельскіе люди могли повоевать страну и удалиться назадъ. Поэтому Ловчиновъ просилъ князя Василя Васильевича Голицына сдѣлать распоряженіе, чтобы выслано было въ Изюмъ недостающее число козаковъ острогож-

¹⁾ Свиток. V, док. 1.

²⁾ Тамъ же, док. 11.

³⁾ Тамъ же, док. 1.

⁴⁾ Тамъ же, док. 8, 16, 19, 20 и 21.

скаго полка ¹⁾. Вѣроятно, вслѣдствіе этой просьбы, 7 іюня 1689 г. прислана была грамота Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи Алексѣевны изъ приказу великія Россіи, за приписью дьяка Василя Бобинина, въ Харьковъ и Зміевъ, съ приказаніемъ здѣшнимъ воеводамъ, по вѣдомостямъ о приходѣ непріятельскихъ людей и по письму и по присылкѣ Ловчинова, посылать изъ Харькова и Зміева городовыя службы черкасъ въ полкъ въ Изюмъ, или въ тѣ мѣста, которыя укажетъ Ловчиновъ, по половинѣ конныхъ и оружейныхъ съ перемѣною, а напередъ послать въ полкъ къ Ловчинову для вѣстей по два человѣка ²⁾. Но и эта царская грамота исполнялась весьма туго и неохотно. Около 15 іюня 1689 года харьковскій воевода Иванъ Кобяковъ писалъ Ловчинову слѣдующее: „В Харкове ныне Харьковцовъ городовыя службы черкасъ объявилось мнѣ на смотрѣ 200 человѣкъ, а достольные городовыя службы харковскіе черькасы высланы на службу великихъ государей в разные полки бояръ і воеводъ, а иные многіе в Бѣлгород і в Охтырской, і в Харкове приставлены для сторожи и береженя Петацких лошадей и для работы в посылку в Бѣлгородъ уголя и лубя и бревенъ и достокъ. Да харьковской городской службы войтъ и сотники и харьковского уѣзду сель и деревень войты ж про тѣхъ харьковцовъ городовыя службы черкасъ сказали, которые на смотре передо мною не объявились, что многіе харьковскія мещане называютца козаками и их не слушаютъ, і выпровяся подлинно списками, тѣх мещан вышлю к тебѣ, господине, в другую перемѣну. А иные многіе харьковцы городовыя службы черкасы скудные и безлошадные и безружейные и от скудости пошли с Харькова и из уѣзду в иные города и слободы для работы, чтоб имъ зимою было чѣмъ прокормитца. А которые передо мною в Харкове на лицо объявились, и тѣх харьковцовъ городовыя службы черкас велѣл я росписать пополамъ и по указу великихъ государей и по грамоте изъ приказу великіе росіи за приписью дьяка Василя Бобинина одну половину выслал на службу великихъ государей

¹⁾ Тамъ же, док. 13.

²⁾ Тамъ же, док. 2, 3 и 4.

к тебѣ, господине, в полкъ июня въ 10 день конных и пѣших и с ружемъ, у которыхъ есть, 87 человекъ. А той же половины 13 человекъ объявились на смотре цѣлые и без ружья самые скудные и били челом великимъ государемъ, что им ити на службу великихъ государей нѣ с чимъ, запасу нѣтъ и не только в полку и в Харкове кормитца работою своею, а иные Христовымъ именемъ, и за скудостью выслать их к тебѣ, господине, в полкъ некоторыми дѣлами невозможно¹⁾. Но изъ 87 харьковцевъ, высланныхъ въ Изюмъ, по проверкѣ оказалось въ наличности только 62 человекъ. Поэтому Ловчиновъ писалъ харьковскому воеводѣ Ивану Григорьевичу Кобякову, чтобы онъ выслалъ въ Изюмъ харьковскихъ нѣтчиковъ, а также 20 русскихъ людей на смѣну прежнимъ²⁾. Исправнѣе противъ прежняго оказались салтовцы. 16 июня послано изъ Салтова на Изюмъ дѣтей боярскихъ русскихъ 20 и черкасъ 20, оставлено въ другую перемѣну 20 черкасъ, не смотря на то, что отправлено было къ боярину и воеводѣ Борису Петровичу Шереметеву въ полкъ въ крымскій походъ 6 салтовскихъ мѣщанъ съ воловыми подводами, выслано въ Новобогородицкій 6 мѣщанъ съ подводами и съ проводниками и разошлось въ иные города для работы и не сыскано 8 человекъ³⁾. Отъ начальниковъ укрѣплений по новопостроенной чертѣ Ловчиновъ требовалъ списковъ наличныхъ жителей и служивыхъ людей⁴⁾. Въ июнѣ 1689 года маяцкій сотникъ Семень Даценковъ писалъ Ловчинову: „По указу великихъ государей і по приказу вашей панской милости которыхъ козаковъ жителей Маяцкихъ велѣли полку Харьковского имени прислать, і я Сенко Даценковъ імена козаковъ списавши лействровие і которые поприходили полку Харьковского козаки і становятся у мужики, избываючи службу, которая стала по указу великихъ государей служба болшая, іс полку Харьковского пришло человекъ тридцать без одного, а тихъ то людей, которые поприходили з рознихъ полковъ, девять человекъ,

1) Свитокъ V, док. 10.

2) Тамъ же, док. 31.

3) Тамъ же, док. 19, 20 и 21.

4) Тамъ же, док. 32, 38, и 46.

і вторіе откуду пришли, і тих людей в росписѣ к вашей панской милости отсилаю“¹⁾).

Относительно сторожевой и оборонительной службы на новопостроенной чертѣ укрѣплений за 1689 годъ сохранились слѣдующія извѣстія. 2 мая писалъ къ Ловчинову „въ полкъ на Изюм Бышкнской наказной сотникъ Сидор Савелевъ: апрѣля де въ 30-м числѣ с Крымские стороны рѣки Донца от Тиндикова бояраку воинскихъ людей татар человекъ с тритцатъ приѣзжали к рѣке Донцу к Бешкинским бродам и осматривали бродов“. 3-го того же мая писалъ къ Ловчинову въ полкъ тотъ же сотникъ Савелевъ: „Маия ж де во 2-м числѣ к тѣмже вышеписанным бродам приходила многая орда явно и за болшою де водою табора к Бешкину городку не перешла и поворотилась де вверхъ по рѣчце Сухому Бешкину и в степи де запали“. Получивъ эти свѣдѣнія, Ловчиновъ требовалъ подкрѣплений изъ Харькова, Салтова и отъ салтовскаго, мартовецкаго, волченскаго и печенежскаго наказныхъ сотниковъ и атамановъ, для отпора неприятелямъ, а въ новопостроенныхъ по Донцу городахъ велѣлъ держать сторожи по татарскимъ перелазамъ и по всѣмъ причиннымъ мѣстамъ²⁾. 9 мая шли съ Тору (Славянска) съ солью въ дома свои жители города Гороховца Хмеленковъ и Смеляновскій, и въ дорогѣ въ урочищахъ на Мокатихѣ ихъ побрали воинскіе люди, а четыре бочки соли и съ тѣлегами побрали тарскіе жители и привезли въ Соленой. По приказу Ловчинова, соль и тѣлеги выданы были женамъ плѣнниковъ³⁾. Въ концѣ мая и въ началѣ іюня послѣдовало нѣсколько татарскихъ набѣговъ и нападеній на новопостроенную линію, о которыхъ воевода Ловчиновъ доносилъ князю Василю Васильевичу Голицыну слѣдующее: „в нынешнемъ во 197-м году Маия въ 29 день писали ко мнѣ в полкъ на Изюмъ с Соленого Левъ Авдѣевъ, да Мояцкой сотникъ Семен Даценко, а в отпискахъ ихъ написано. Маия ж де въ 28 день воинскіе люди татарова в урочище за долиною Мока-

¹⁾ Свят. V, док. 10.

²⁾ Тамъ же, док. 13.

³⁾ Тамъ же, док. 39.

тихою били на Торской дровяной табор, и того де табору всяких чинов людей от тѣхъ неприятельскихъ людей отошли боемъ до Тарскихъ озеръ в целости. Да того ж числа писал ко мнѣ в полькъ с Мояцкога Григорей Переверзевъ: воинские де люди татарова, которые били на Торской дровяной табор Маяя 28-го числа о полудне в дроворубе под Тепленскимъ лѣсомъ розбили і в полон побрала проѣзжихъ людей немногих, которые остались въ дроворубе отъ табору болшого“. Получивъ эти извѣстія, Ловчиновъ того же числа посылалъ полку своего Оедосѣя Степанова, да острогожскаго полку урывскаго сотника Ивана Лиходѣева со 120 человекъ¹⁾, потребовавъ въ то же время подкрѣпленія изъ Салтова и другихъ городовъ²⁾. Между тѣмъ татары уже ушли внизъ по Голаго долинь. Посыльные ходили по татарскимъ слѣдамъ до рѣчки Торда и за Торедь, но не догнали ихъ. „А июня въ 2 день,—значится далѣе въ донесеніи Ловчинова,—писал ко мнѣ с Соленого Лев Авдѣевъ: июня де въ 1 день пришелъ передъ него полоненикъ Водолажской житель черкашенинъ Матвѣй Жаданъ, а в роспросе передъ нимъ сказалъ: Маяя де въ 28-м числѣ не доходя Тарскихъ озеръ в дроворубе ево Матвѣя с товарищи 12 человекъ взяли неприятельские люди татарова Нагайцы и с тѣми де полонениками тѣ татарова пришли на рѣчку Тор в урочище в Росоши, остановились и от того де урочища тѣ татарова поворотились, а кошъ с полономъ оставили в тѣхъ вышеписанныхъ урочищахъ, а было де тѣхъ татар человекъ со ста, а от тѣхъ татар онъ Матвѣй Маяя противъ 29-го числа в ночи ушелъ“. 3 июня, по этимъ вѣдомостямъ, Ловчиновъ посылалъ своего полку харьковскаго наказнаго полковника Гаврила Могилку и съ нимъ 300 человекъ. Отрядъ этотъ переправился черезъ Донецъ на крымскую сторону, на устье рѣчки Бахмута, дошелъ до ея верховья, а съ верховья поворотилъ къ Тору, не встрѣтивъ татаръ³⁾. Сообщивъ эти вѣсти князю Голицыну, Ловчиновъ писалъ также о нихъ и въ Бѣлгородъ къ князю Михаилу Борисовичу Шереметеву, который отправилъ отписки съ

¹⁾ Тамъ же, док. 15.

²⁾ Тамъ же, докум. 1.

³⁾ Свитокъ V, док. 15.

гонцомъ въ Москву¹⁾. Новыя вѣсти о татарахъ получены были въ Изюмѣ 16 іюня. Въ этотъ день, въ 8-мъ часу дня, приближалъ къ Ловчинову „в обоз на рѣчку Изюмъ на лошади полонникъ черкаские породы, а сказался: зовут де ево Савкою Алексѣевъ, уроженецъ городка Балыклѣи, ушел де он от татар с рѣчки Белинкихъ“²⁾. Въ распросѣ онъ показаль слѣдующее: „Завут де ево Савкою Алексѣевъ, уроженецъ городка Балыклѣи. В прошлых годѣхъ тому лѣтъ с восьмъ взять он в полон с таборомъ на Голого долине, не дошед Торских озер, и был в полону в Озове у турченина, и тот де турченин ево босурманил, и тому другой год тот турченин умер, и по смерти ево он свободился на волю, а взят де он в полон лѣтъ в тринадцатъ. И ныне де тому десятой день, неприятельских людей татар Озовцов двѣсте, да Нагайцов сто, всего триста человекъ, пошли из Озова для войны великих государей под украинные города и ево де Савку взяли с собою потому, что де он Савка обусурманенъ. И он де Савка, напомя православную Христианскую вѣру, не дошед Торских озер, с рѣчки Беленких іюня 16 числа на заре от тѣх татар ушел. А как де он Савка был в Озове, и по вѣдомости де ис Крыму, что великихъ государей ратные многие люди идут для войны на крымские города, из Озова пошло тысяча пятьдесятъ человекъ Озовцовъ лутчихъ людей на помощь Крымскимъ ордам. А послѣ де походу донскихъ козаковъ в полки, воровскихъ козаковъ росколщиков, которые сошли из донскихъ городковъ на Куму рѣку, человекъ триста нынешние весны приходили к Озовцом, да с тѣми жъ росколщики приходил Черкаской мурза да с нимъ горскихъ черкасъ человекъ с триста, и случась с Озовцы вмѣсте ходили х Коголнику и к Голубымъ и к инымъ городкамъ и поймали отцовъ своихъ и жонъ и детей и свойственниковъ, у которыхъ были в тѣхъ городкѣхъ, и побравъ тѣ воровские козаки отцовъ своихъ и жонъ и детей и родственниковъ, пошли с тѣми же черкасы на Куму, а Озовцы де возвратились въ Озов. А донские де козаки, которые пошли судами на море, разбили

¹⁾ Тамъ же, док. 22.

²⁾ Тамъ же, док. 24.

на мори три судна болшихъ, а по прозванію де турецкому тѣ судна *Гимей*, и турчене де, которые на тѣхъ гимеяхъ были, тѣ донские козаки побрали, а полонениковъ де і грековъ и армянъ отпустили на волю, а в тѣхъ до гимеяхъ везена пшеница в Озове на продажу, и той де пшеницы они неймали. Да в Озове ж де будучи он Савва слышел, что у цесаря римского и у короля Французского и у Виницѣинъ и у Венгровъ с салтаномъ турецкимъ чинитца бои великие, и пять де каторгъ турецкихъ да три галены на море французские люди розбили. А про государевыхъ людей, которые стоят на Изюме, в Озове вѣдомо, да и про то де вѣдают, что по рѣкѣ Донцу на татарскихъ перелазехъ поставлены караулы, потому что де татарова, приѣзжая осматривать бродовъ, видели на тѣхъ бродахъ караулщиковъ, а въ Озове де и в иныхъ татарскихъ городкахъ на люди и на скоты мороваго поветрія нѣтъ¹⁾. Отправивъ Савву Алексѣева на жительство въ Балаклею, съ приказаніемъ наказному полковнику Гаврилу Могилѣ поручить балаклейскому протопопу справить Алексѣева къ вѣрѣ христіанской, или же обратно прислать для направленія изюмскому протопопу²⁾, Ловчиновъ вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ распросныя рѣчи Алексѣева въ розрядъ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову, также въ большой полкъ къ князю Василью Васильевичу Голицыну и въ Бѣлгородъ къ князю Михаилу Борисовичу Шереметеву, а о приближеніи татаръ увѣдомилъ харьковскихъ наказныхъ полковниковъ Гавриила Могилку и Ивана Сербина, начальствующихъ въ новопостроенныхъ городкахъ³⁾ и между прочимъ царевоборисовскаго наказнаго сотника Кирила Моисѣева, съ приказаніемъ держать караулы у города и по рѣкѣ Осколу и по Донцу по бродамъ⁴⁾. Но предостереженія Ловчинова оказались уже запоздалыми. 17-го же іюня пришелъ въ Соленый въ приказную избу Тарскій житель черкашенинъ Семень Карнѣевъ и передъ сотникомъ Львомъ Авдѣевымъ сказалъ: „в нынѣшнемъ де во 197 году іюня въ 17

1) Свитокъ V, докум. 26.

2) Тамъ же, док. 33, 45 и 34.

3) Тамъ же, док. 24, 25 и 31.

4) Тамъ же, док. 27.

день был он Семен въ Розищах у казенного броду на речки Тарца і видел воинских людей татар, на заре перелезли на том броду на сей бок Тарца, а по смете воинских людей коней с пятьдесят, а куда они воинские люди пойдут, про то невѣдома¹⁾. А слѣдующаго 18 іюня, въ два часа ночи, писалъ къ Ловчинову въ полкъ на Изюмъ съ Соленаго Левъ Авдѣевъ Соленаго же городка со сторожемъ съ Михайломъ Чернымъ, а въ отпискѣ его написано: „іюня де въ 17 день били воинские люди татарова под Соленой городоу і у Торского де жителя у Филипа Крамара взяли в полон челядника ево Ѳедку черкашенина, и с тѣми неприятелскими людьми былъ бой, а по смете де тѣх татар было коней с пятьсотъ и болши, а куды де тѣ неприятелские люди пошли, про то ему Лву невѣдомо“. Ловчиновъ переслалъ эти вѣсти въ Бѣлгородъ къ князю Михаилу Борисовичу Шереметеву и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ ихъ въ Харьковъ стольнику и воеводѣ Ивану Кобякову, въ Зміевъ, въ Салтовъ, въ новостроенные городки, въ Балаклею, въ Савинской, въ Лиманъ, Бѣшкінъ и др.²⁾ 21 іюня того же года торскій житель Грицко Зуба извѣщалъ словесно Льва Авдѣева, что „видел де он Гриц, ишли воинских людей татаръ две юрты от луга к Солянному і не доходя Соляного городка пошли въ Басарабиху, і тѣ воинские люди татарове нигды не обявились“³⁾. На самомъ же дѣлѣ они обявились въ тотъ же день. „В нынѣшнем во 197-м году іюня въ 21 день били под Соленой воинские люди татарова под город и побрали Соленого города жителей и приезжих людей, а было их воинскихъ людей человекъ со двѣсти и болши, и с тѣми воинскими людьми был бой“⁴⁾. Татарами убито 2 человекъ и между ними одинъ изъ Полтавы и одинъ изъ Колонтаева, и взято въ плѣнъ 10 человекъ и въ томъ числѣ одинъ изъ города Куземина, двое изъ Котелвы и одинъ изъ села Слицовъ, Гадячскаго полка⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, док. 28 и 29.

²⁾ Свитовъ V, док. 35.

³⁾ Тамъ же, док. 41.

⁴⁾ Тамъ же, док. 42 и 44.

⁵⁾ Тамъ же, док. 43.

Нельзя не замѣтить, что всё почти эти татарскіе набѣги направлены были на Торъ или Солёный (нынѣ Славянскъ), выдававшийся впередъ изъ новопостроенной черты укрѣплений и привлекавшій массу чумаковъ, прїѣзжавшихъ сюда за солью. Татарскихъ набѣговъ на какіе-либо центральные пункты Слободской Украины мы теперь не видимъ. Напротивъ, она становится теперь операціоннымъ базисомъ для дальнѣйшихъ наступательныхъ движеній Россіи противъ татаръ. Разыскивая и преслѣдуя татарскихъ хищниковъ, казацкіе сотники Степановъ и Лиходѣевъ, какъ мы видѣли, ходили по татарскимъ слѣдамъ до рѣчки Торда и за Торедь, а харьковскій наказной полковникъ Гавріиль Могилка переправлялся со своимъ отрядомъ черезъ рѣку Донецъ на крымскую сторону, на устье рѣчки Бахмута, въ нынѣшней екатеринославской губерніи, и доходилъ до верховья этой рѣчки. Во время походовъ Голицына на Крымъ, въ нынѣшней екатеринославской губерніи, на рѣкѣ Самарѣ, является Новобородицкое укрѣпленіе, а впоследствии и Сергіевское. Во время азовскаго похода 1694 и 1695 годовъ сюда и переносится центръ военныхъ дѣйствій противъ татаръ, тогда какъ Слободская Украина обезпечивала лишь тылъ дѣйствующей арміи и доставляла ей необходимую помощь и провіантъ.

Еще 13 іюня, 1693 года, бояринъ и воевода Борисъ Петровичъ Шереметевъ отпиской изъ Бѣлгорода велѣлъ чугуевскому воеводѣ Евстратію Алексѣевичу Ушакову, чтобы чугуевцы городовыя службы всякихъ чиновъ люди на кормъ государскимъ полковымъ лошадямъ накосили сѣна краснаго по возу и склали въ скирды, вслѣдствіе чего собрано было и сложено въ скирды 660 возовъ¹⁾. Во время же самаго азовскаго похода 1694 и 1695 годовъ, изъ Слободской Украины требовались и ратные люди, и сборъ и доставка хлѣба, овса и сѣна для дѣйствующей арміи, и нѣкоторыя принадлежности полковаго обоза.

7 декабря, 1694 года, князь Борисъ Петровичъ Шереметевъ писалъ изъ Бѣлгорода въ Чугуевъ къ племяннику покойнаго чугуевскаго воеводы Григорію Ушакову, „чтоб он Чугуев-

¹⁾ Свитокъ VI, док. 36.

цом ратным всякихъ чиновъ людямъ полковые службы сказалъ всѣмъ вслухъ, чтобъ они однолично къ походу были въ всякой готовности и лошадей кормили і запасы свои положили въ возы“. Подтверждая это приказаніе преемнику Ушакова Семену Еремѣвичу Пашкову, въ концѣ декабря Борисъ Шереметевъ писалъ ему: „и тебѣ бъ чюгуевцомъ ратнымъ всякихъ чиновъ людямъ полковые службы однолично сказать всѣмъ вслухъ зъ болшимъ подкреплениемъ і въ Чюгуевской уѣздѣ во всѣ станы і въ села і въ деревни послать изъ Чюгуева приказные избы подячихъ съ наказными памятми і велѣть имъ ратнымъ людямъ потому жъ сказывать зъ болшимъ подтверждениемъ, чтобъ они однолично въ службѣ і къ походу были во всякой готовности і лошадей кормили і запасы свои положили въ возы, а какъ о высылкѣ ихъ къ себѣ въ полкъ учну я къ тебѣ писать, и тебѣ бъ для высылки ихъ ко мнѣ въ полкъ ѣхать изъ Чюгуева во всѣ села і въ деревни самому і высылать ихъ ко мнѣ въ полкъ въ назначенные места денно и ночью съ великимъ поспешениемъ і велѣть имъ ко мнѣ въ полкъ итить днемъ і ночью наспехъ, не мешкая ни малюго времени, а что о томъ учинено будетъ, о томъ ко мнѣ писать“¹⁾. 4 января 1694 года Борисъ Шереметевъ вновь писалъ чюгуевскому воеводѣ Пашкову; „въ нынешнемъ въ 202-мъ году генваря въ 4-мъ числѣ вѣдомо мнѣ учинилось по вестовымъ письмамъ изъ разныхъ мѣстъ, что конечно многочисленныя орды изъ своихъ поганскихъ жилищъ рушились и по своему поганскому злему намѣренію хотятъ приходить войною подъ украинныя города сими часы вскоре, и тебѣ бъ отъ приходу тѣхъ неприятельскихъ людей однолично жить въ великой осторожности, а Чюгуевцомъ ратнымъ людямъ всякихъ чиновъ полковые службы однолично сказать всѣмъ вслухъ съ великимъ подкреплениемъ, чтобъ они къ службѣ и къ походу были во всякой воинской готовности, и лошади кормили и запасы свои положили въ возы конечно безо всякаго отлагателства, а какъ я учну къ тебѣ писать о высылкѣ ихъ ратныхъ людей къ себѣ въ полкъ, и тебѣ бъ ихъ ратныхъ людей высылать ко мнѣ въ полкъ денно и ночью съ великимъ поспешениемъ і велѣть имъ ратнымъ

¹⁾ Тамъ же, док. 9. О смерти Ушакова и приѣмѣ воеводства Пашковымъ см. тамъ же, док. 23, декабря 13.

людем ко мнѣ в полѣ итить не мешкая нигдѣ нималого времени, и что о том учинено будет, о томъ ко мнѣ писать“ 1).

Изъ послѣдняго предписанія можно видѣть, что слободскіе полки готовились собственно для защиты украинскихъ городовъ отъ непріятельскихъ людей, а не для отдаленнаго похода. Въ послѣднемъ участвовали преимущественно регулярныя войска, для которыхъ Слободская Украина должна была доставлять провіантъ и на мѣстѣ, и въ Новобогородицкое и Сергіевское укрѣпленія на рѣкѣ Самарѣ, въ нынѣшней екатеринославской губерніи. Грамотою царей Іоанна и Петра Алексѣевичей отъ 10 ноября, 1694 года, предписывалось слѣдующее: „Указали мы великие государи на кормъ нашимъ великихъ государей ратнымъ людемъ, будучимъ на Самаре въ Новобогородицкомъ і в Сергіевскомъ взять хлѣбныхъ запасовъ Белогородцкаго полку с указныхъ з деветнацати городовъ, сверхъ окладнаго четверикового и стрелецкаго хлеба, муки ржаные пятнатцать тысячъ четъ и отвезть тот хлѣбъ из указныхъ мѣстъ, ис Курска, ис Хотмышка, із Ахтырска по пяти тысячъ четей, и под тот хлѣбъ подводы с подвотчики взять Чугуевцовъ і иныхъ Белогородцкаго полку с тритцати городовъ полковые і городовые службы и со всякихъ чиновъ служилыхъ градскихъ жилаецкихъ и посадскихъ и с уѣздныхъ и с уѣздныхъ же со властелинскихъ и с монастырскихъ і вотчинниковыхъ с крестьянъ і бобылей, по перениснымъ книгамъ 188 (1680) и 192 (1684) и 199 (1691) годовъ і которые обявятца сверхъ переписныхъ книгъ, по розвытке с четырехъ дворовъ подводу с подвотчики, с кули и с рогожи и с веревками, і выслать тѣ подводы с Чугуева въ Ахтырской генваря къ 15-му числу нынешнаго 202-го году неотложно, а в Ахтырску положить того хлѣба по две чети на подводу и проводить тот хлѣбъ до Новобогородицкаго нашимъ великихъ государей ратнымъ людемъ пѣшого строю и черкасом, а в Новобогородицкомъ принявъ тотъ хлѣбъ у подвотчиковъ и отпустить тѣхъ подвотчиковъ с подводы с тѣми жъ ратными людами, которые будутъ за ними в провозатыхъ, в дома ихъ безъ задержанья“. По переписнымъ книгамъ 1684 года, въ Чугуевѣ и

1) Свитокъ VI, док. 22.

въ чугуевскомъ уѣздѣ градскихъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей числилось 672 двора ¹⁾; слѣдовательно, съ Чугуева и чугуевского уѣзда требовалось, полагая по одной подводѣ съ четырехъ дворовъ, всего 168 подводъ, каковое число прямо и указывается въ подтвердительной царской грамотѣ 10 декабря того же года ²⁾. 22 декабря чугуевцы выбрали 168 человекъ подводчиковъ, за поручными записями ³⁾, и составили имъ роспись ⁴⁾, а 9 января эти подводчики съ подводами отправлены были въ Ахтырку съ дьякомъ Осипомъ Пузиковымъ и съ провожатыми ⁵⁾.

Кромѣ сбора и доставки хлѣба въ Новобогородицкій и Сергiевскій, жители Слободской Украины обязаны были доставлять провiантъ для проходившихъ черезъ нее полковъ. Около 17 декабря, 1694 года, князь Борисъ Шереметевъ велѣлъ объявить чугуевцамъ, чтобы они продавали сѣно и овесъ для полковыхъ подъемныхъ лошадей и сѣстные и конскiе кормы ратнымъ людямъ ⁶⁾. Въ 20-хъ числахъ декабря Борисъ Шереметевъ велѣлъ харьковскому воеводѣ Степану Акимовичу Сумарокову отослать его отписки въ Царевоборисовъ къ Михайлу Моисеевичу Перверзеву, въ Маяцкой Андрею Степановичу Мокѣеву, въ Купенку Андрею Берестецкому, въ Каменку атаману Ивану Данилову, въ Сенковку сотнику Семену Осипову, въ Двурѣчной сотнику Игнатiю Матвѣеву и въ Острополь атаману Якову Согуну о коскѣ сѣна въ Маяцкомъ ⁷⁾. Особенно же обременителенъ былъ для Чугуева уманскiй полкъ солдатскаго строя, квартировавшiй въ Чугуевѣ. 20 декабря, 1694 года, выдано было въ уманскiй полкъ полковника Бориса Бенина къ обозному строю 30 лубковъ ⁸⁾. Того же числа Бенинъ писалъ къ Шереметеву въ Бѣлгородъ, что

¹⁾ Тамъ же, док. 1; см. подтвердительную грамоту 7 декабря тамъ же, док. 16, а также док. 8.

²⁾ Тамъ же, док. 3.

³⁾ Свитокъ VI, док. 18.

⁴⁾ Тамъ же, док. 19.

⁵⁾ Тамъ же, док. 17, 21, 25 и 27. Но изъ Печенѣжской Слободы прислано было 10 худыхъ лошадей, которыя замѣнены въ Чугуевѣ хорошими. Тамъ же, док. 14 и 15.

⁶⁾ Тамъ же, док. 2.

⁷⁾ Тамъ же, док. 4, 5 и 6.

⁸⁾ Тамъ же, док. 11.

въ наказѣ де у чугуевскаго воеводы „о даче государскимъ полковымъ подъемнымъ лошадямъ ничего не написана, а лошади стали от безкормицы всѣ худы, а есть де в Чюгуеве зборной стрелѣцкой овес, і без указу де того овса не даютъ, і о томъ бы ему указъ учинить“. Вслѣдствіе этого, Шереметевъ предписалъ чугуевскому воеводѣ выдать Бенину овса и сѣна, „а что дано будет, і вмѣсто того данога овса собрать з грацких і с уѣздныхъ людей, а собравъ положить в житницы без мотчанья“ ¹⁾. 26 тогоже декабря Бенинъ снова писалъ Шереметеву, „что де чюгуевцы конскихъ и съясныхъ кормовъ не продаютъ“, а Шереметевъ 31 декабря приказывалъ чугуевскому воеводѣ Пашкову: „і тебѣ б о даче подъемнымъ лошадямъ сѣна і овса і о скаске і о продаже Чюгуевцомъ съясныхъ і конскихъ кормовъ Усмонскаго полку солдатомъ учинить по прежнему і по сему великихъ государей указу, а что учинено будетъ, о томъ ко мнѣ писать“ ²⁾. 5 января, 1694 года, Борисъ Шереметевъ предписывалъ чугуевскому воеводѣ Пашкову собрать съ чугуевцевъ и печенежцевъ сѣна и овса для 69 подъемныхъ лошадей усманскаго полка полковника Бенина, по полувозу сѣна и по получетверичку овса съ двора. „И буде Чюгуевцы всякихъ чиновъ люди вскорѣ на продажу ратнымъ людямъ съясныхъ запасовъ и конскихъ кормовъ не повезутъ и указною ценою продавать не учнут, и тебѣ б у нихъ взять по возу сѣна со всякаго двора безденежно, а взявъ отдать полковнику Борису Бѣнину с роспискою без мотчанья“ ³⁾. Пашковъ отвѣчалъ Шереметеву, что сѣно и овесъ для лошадей Усманскаго полка собраны съ чугуевцевъ еще до пріѣзду его Пашкова, а по пріѣздѣ его собираютъ вновь; но жители сель Бабки и Телѣги сѣна не даютъ, такъ какъ Усманскій полкъ, идя въ Чугуевъ, потравилъ ихъ покосы на рѣкѣ Бабкѣ и позабиралъ сѣно. Поэтому Пашковъ просилъ у Шереметева дозволенія принимать отъ чугуевцевъ, вмѣсто сѣна, овесъ, присовокупивъ, что чугуевцы „конскіе кормы і съясныя запасы въ Чюгуев привозятъ і ратнымъ людямъ продаютъ поволюю

¹⁾ Тамъ же, док. 10.

²⁾ Тамъ же, док. 7.

³⁾ Свитовъ VI, докум. 12 и 13.

ценою“¹⁾. Въ отвѣтъ на это, Шереметевъ предписывалъ воеводѣ Пашкову наказывать батогами ратныхъ людей, если они тайнымъ обычаемъ учнутъ грабить сѣно“²⁾, но не отмѣнили прежняго своего распоряженія. 23 января Пашковъ посылаетъ въ Печенежскую слободу Петру Ивановичу Маслову подтвержденіе о присылкѣ сѣна и овса въ Чугуевъ для лошадей Усманскаго полка³⁾.

Походъ объявленъ былъ только на Крымъ. Огромное войско, подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева, отправилось къ низовьямъ Днѣпра, взявши съ собой и малороссійскихъ козаковъ. Шереметевъ и Мазепа взяли приступомъ два турецкіе городка Кази-Кермень и Тагань. Но войско новаго строя, созданное Петромъ Великимъ, полки Преображенскій, Семеновскій, Бутырскій и Лефортовъ, вмѣстѣ съ Московскими стрѣльцами, городовыми солдатами и царедворцами, всего 31,000, выступило подъ Азовъ подъ начальствомъ генераловъ Голована, Лефорта и Гордона; бомбардирскую роту велъ бомбардиръ Петръ Алексѣевъ, т. е. самъ царь⁴⁾. На этотъ разъ оно потерпѣло неудачу подъ Азовомъ, который взятъ былъ лишь въ 1696 году. Это было первое торжество Россіи надъ страшными дотолѣ турками и предвѣстіе дальнѣйшихъ побѣдъ ея надъ ними.

Н. Петровъ.

¹⁾ Тамъ же, док. 20.

²⁾ Тамъ же, док. 28.

³⁾ Тамъ же, док. 24.

⁴⁾ „Исторія Россіи“ Соловьева т. XIV, стр. 221 и 224.

МОЛОТНИКИ.

(Бытовой разказъ).

У насъ, кто не имѣеть своего *плѹха волмвз* и не сберется даже на то, чтобъ быть *супряжникомъ*, тотъ „становится молотить за коробку“.

Четверо такихъ убогихъ людей провѣдали, что у вдовы, соседней хуторянки, хорошій урожай, а поля у нея въ каждую руку по пятнадцати десятинъ.

Пришли: „Чы треба молотныка?“

„Треба, та ще й геть: бо я, колы хочете знаты, не люблю изнытись. Ярыну мени такъ перемочать та переточать, що скотъ понюхае й не йисть, а въ жыти повного колоса не знайдешъ“.

„Ну, яка жъ у васъ мирка?“

„Така, якъ и въ людей“.

„У людей, мы чулы, дванадцята“,

„А я чула, симнадцята“.

Стали договариваться. Дѣло пошло на ладъ. Согласились молотить за пятнадцатую коробку. Только старшій молотникъ, по прозванію Тупотунъ (у насъ ревизскія имена не всѣ въ ходу: одинъ другаго знаютъ по прозванію, которое дается случайно). Вотъ Иванъ Тупотунъ осмотрѣлся кругомъ и говорить:

„Усе гараздъ у васъ, добродійко, одно не гараздъ: пекарня тиснѣ“.

„Се не велика беда,— отвѣчаетъ вдова,—хиба не можна углы россунути?“

„Та воно то правда,—отвѣчалъ серьезно Тупотунъ.—Дакъ одъ же шд: не псуймо будивли; бо не дъ Велькодню йде, и дъ Риздву. Нехай товариство мистыця по лавкахъ, а я соби зробию осело пидъ столомъ, абы мени солома“.

Иванъ Тупотунъ былъ челоувѣкъ среднихъ лѣтъ, дюжій, румяный, круглолицый, русоволосый, средняго росту, глаза голубые, добрые. Но эти глаза всегда смотрѣли въ землю и только тогда поднималъ онъ ихъ спокойно на своего слушателя, когда его комическое слово вызывало смѣхъ. Самъ Тупотунъ смѣялся едва замѣтной улыбкой, но и тогда лицо его оставалось пасмурнымъ. Вообще онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто ему было смѣшно и удивительно одно: что люди могутъ отъ чего-нибудь смѣяться.

Молотники пришли вечеромъ, договорились, и тотчасъ каждый выбралъ себѣ мѣсто спанья. Но одинъ Тупотунъ нуждался въ соломѣ. Товарищи его преспокойно расположились на голыхъ лавкахъ, подложивъ подъ изголовье свои козюшки. Самый ветхій козюшокъ былъ у Кавуна. Звали онъ его *кажанокъ* и для теплоты носилъ подъ нимъ свѣтынку своей жинки, чтó никого не удивляло. Штаны изъ домашней выбойки у всѣхъ были въ протертыхъ заплаткахъ, на которые наложены новыя лѣтки, чтó также было въ порядкѣ вещей.

Радовалась вдова, что Богъ ей послалъ хорошихъ молотниковъ. Люди знакомые изъ сосѣдняго села, а жила вдова себѣ хуторкомъ. Держала свой плугъ воловъ: наймытъ ходилъ за плугомъ, а наймычка была за погонныча. Хозяйливая была вдова и не любила такихъ людей, которыхъ зовутъ у насъ необычайными. Да боялась таки, какъ хуторянка, людей захожихъ, которыхъ звала заводками.

Другаго молотника звали Карпо Кавунъ. Этотъ всегда молчалъ, но до смѣху былъ великій охотникъ и былъ себѣ, что называется у насъ, при здоровѣ челоувѣкъ. Волосы черные, курчавые, взглядъ спокойный и правдивый.

И двое остальныхъ, Хома Макитра да Харко Колотуша, люди были смиренные, нужды нѣтъ, что веселые. Всѣ были почти что ровесники, люди, что называется, подстарковатые. И это хорошо: а то молодые старика пожалуй ради *жарту* стануть, какъ у насъ

говорится, припекать. Вилать молотнику нельзя: молотникъ не ко-сарь: тотъ присядетъ въ гострилу, наточить косу и отдохнетъ; молотникъ и не жнецъ: тотъ самъ по себѣ гонитъ свою поstattъ. А тутъ трахъ, трахъ, трахъ, трахъ! не отставай!

Молотьбы у вдовы было довольно. Часть поля отдавала она половинщикамъ; но эта часть всё уменьшалась, и вотъ по какой причинѣ. Наймычка рѣдко дослуживала у нашей вдовы хуторянки до конца году: какъ разъ нагрнуть сваты послѣ Дмѣтра, а она свою наймычку всегда хвалитъ; умѣетъ, что называется, показать товаръ лицомъ, да умѣетъ кромѣ того и къ хозяйству приучить. Это послѣднее обстоятельство всёмъ было извѣстно. Смотри, сирота, вдовья дочка, идѣтъ отъ нея за отецкаго сына. Тогда сейчасъ находится другая наймычка, и непременно если не послѣ Покровы, то ужъ послѣ Дмѣтра будетъ засватана. Это привлекало во вдовѣ самыхъ красивыхъ и работающихъ дивчатъ изъ села, нужды нѣтъ, что въ хутора наши дивчата неохотно нанимаются.

Но въ парубкахъ ей не счастливилось: шли къ ней только такіе, которыхъ пахари браковали. Причина была та, что парубки любятъ сельскія собранія, а дѣвушки у нихъ передъ глазами на выборъ. Наконецъ сталъ служить у вдовы парубокъ, вездѣ извѣстный за дурака. И въ самомъ дѣлѣ онъ былъ недалекъ въ хозяйствѣ; но за то такъ послушенъ, что вдова не знала ему цѣны. Парня звали Антонъ, по уличному Куцый. Некрасивое прозвище: *Куцымъ* или *Куцакомъ* величаютъ у насъ того, что въ пеклѣ поджариваетъ грѣшниковъ. Да и не былъ онъ куцъ, то есть малорослый; напротивъ, очень выросъ изъ свитки, которая была у него повидимому на всю жизнь одна, какъ и кожа на тѣлѣ. Свитка сдѣлалась куца, а по бѣдности не за что было справить подлиннѣе. Такъ и утвердилось прозвище Куцый за бѣднымъ сиротой Антономъ.

Что касается дураковатости Антона, то въ этомъ люди были правы. Когда вдова скажетъ ему „Антонъ!“ онъ отзывается къ ней „хорошо!“ и вообще его отвѣты рѣдко соответствовали вопросамъ. Повидимому онъ это сознавалъ и никогда не принималъ участія ни въ какомъ разговорѣ; даже на вопросы отвѣчалъ только хозяйкѣ;

отъ постороннихъ же отдѣлывался упорнымъ молчаніемъ. И не смѣялся никогда Антонъ, какъ бы ни смѣшенъ казался другимъ разсказъ про жида, цыгана, ляха, литвина. Все это утвердило всѣхъ и cadaго во мнѣніи, что Антонъ—дуракъ. Такъ думала о немъ и вдова. Но однажды этотъ дуракъ говоритъ ей что называется ни съ сего, ни съ того: „Добродійко! чи вы бъ мене не оженны?“

А вдову ничто не озадачивало.

„Чому не оженны?“ отвѣтила она „абы ты заслужывъ того“.

„Я заслужу,—говоритъ общепризнанный дурень рѣшительно.— Сскільки вы запарали поля торикъ?“

„Висимъ десятинь толоки, та висимъ на зябъ ярыны?“

„А я пидіймаюсь по девяти запораты“.

„Нехай тобі поможе Богъ и Божа Маты. Дакъ оце тебе за се й ожены?“

„Ни, не за се, а ось за що, добродійко. Служытому я вамъ годъ, служытому два и тры, и що году прибавлятому запоранои толоки й ярыны; а вы карбуйте собя копы, снопы и вмолотъ. Якъ мало вамъ трѣхъ литъ, я ще послужу“.

Равнодушно приняла вдова предложеніе дурня,—не высказывала она никогда ни радости, ни печали, но въ душѣ восхищалась дурнемъ Антономъ Куцымъ. „Это мнѣ благодать Божія“,—думаетъ она, но испытанная въ жизни многими опытами, долго не довѣряла, чтобы исполнилось все то, что было ей обѣщано.

Но проходить годъ, другой, третій, и у ней обрабатывается поле собственнымъ плугомъ по одинадцати десятинь въ руку.

Вдова не хвалитъ своего дурака-наймыта ни ему самому, ни другому кому-нибудь: ему самому, чтобъ не возгордился, а сосѣдямъ, чтобъ „не одбили“. Даже свиты не справляютъ ему длинной: какъ пришелъ къ ней Куцый, такъ и остался. Стали однакожь люди замѣчать, что работа идетъ у вдовы на славу, да и хлѣба на десятинь родить больше претивъ другихъ ратаевъ.

„И, люде добри! говоритъ сосѣдямъ вдова.—Се все дурень за моимъ приводомъ робыть. Я раненько встану, скотынку выжену на пашу, а зимою сама й разивъ килько синця вскубну та волыкамъ

пидложу; отъ волыкы веселенько въ плузи ремыгають, а я дурня своего въ спыну поштовхую; де такъ и прыбавляю й прыбавляю оранкы. А що бильше въ мене хлиба родыть, то знайте—се мени Пречыста помагае про мое одиночество, а то ще я—самы бачыте—скоту доволи на пашу прыймаю. Хуторець мій одрубный; е де выпасты, а скоть мени гнойку прыдбовуе. И вже я въ осени й напровесни не дамъ Антону гавы ловыты: знай возы та й возы на поле гноёкъ. А вы сами здорови знаете: у кого руки въ гнойку, въ того душа въ лойку. Жывемо, хвалыты Бога, не згиршъ. Не жалуемо соби сытенькой бараныкы до що. За все, про все треба дякуваты Богу мылосердному“.

Такъ удаляла вдова догадки сосѣдей о старавіяхъ дурни Антона Куцаго, а между тѣмъ размышляла въ душѣ своей такъ:

„Забравъ Господь до себе дитокъ моихъ и чоловіка забравъ. Одружу я сѣго сыроту; нехай винъ живе въ мене. За нымъ усе: винъ мене й на свити держыть. А тутъ же й наймычка въ мене така трапылась, що не жалъ ій кусокъ города поступыты. Не показна вона съ себе, кирпатенька и трошкы глухенька, да до роботы руча, и голосомъ прыятна, вдачаю тыхенька. За такую жинкою чоловікы ни нудыгы, ни нузы не знатыме“.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ стали у вдовы молотники молотить за коробку.

Деликатные люди были молотники: они знали, что у такой хозяйки найдется что поужинать. У нея и салъ въ запасѣ, а подъ осень и бараны джикгыри. Но молотники поужинали дома и тотчасъ улеглись спать.

Вдова изъ своей свѣтлички долго слышала веселый смѣхъ убогихъ людей и благодарила мысленно Бога за то, что, оставшись одна на свѣтѣ, была, что называется, господынею заможною, такъ что и бѣдняку есть у нея заработокъ.

Интересно ей было знать, что заставляетъ молотниковъ такъ беззаботно, такъ весело смѣяться. И начала она замѣчать, что говоритъ одинъ только, именно Тупотунъ, прочіе смѣялись. Изрѣдка кто-нибудь произносилъ слова два-три, и опять смѣялись.

голоса слушателей Тупотуна совсѣмъ умолкли, но его голосъ продолжалъ ровнымъ тономъ непрерывную рѣчь. Такъ и уснула вдова, прислушиваясь какъ бы къ журчанью весенняго ручья-бурчака. Утромъ еще ни свѣтъ ни зоря, вдова встала и вмѣстѣ съ наймичкой стоговила снѣданья.

„Ні, господсю“, сказалъ Тупотунъ, „треба спершу вмолотыты на вдову, а тоди вже и йисти“.

Вдовѣ понравился добрый обычай, но тѣмъ не менѣе она пошла вслѣдъ за молотниками въ клуню и неотступно слѣдила за работой. Случалось ей имѣть такихъ молотниковъ, что прятали въ кули недомолоченные снопы жменями, или уменьшали отсчитанные снопы, откладывая на засторонку; а опытная хозяйка по числу перевеселъ видѣла фальшь, и, ничего не говоря плутоватымъ людямъ, никогда уже не давала имъ у себя заработка. Но такъ поступали съ нею тѣ, которые молотили за деньги; однакожъ вдова находила нужнымъ присутствовать и при молотбѣ тѣхъ, которые „становылись за коробку“.

Смолотилъ Тупотунъ съ товарищами десять сноповъ на вдову, и пошли снѣдать. Во все время работы, веселые бѣдняки не переставали балагурить, перекидывались отрывочными словами и смѣшили другъ друга: но тотъ, кому принадлежала острота, никогда не смѣялся, а Тупотунъ только съ удивленіемъ и легкой усмѣшкой поглядывалъ на товарищей.

Одинъ изъ молотниковъ Карпо Кавунъ сказалъ:

„Треба мени черезъ день збитаты до дому. Хлиба нема въ господи—хочъ груды тешы. Треба вготовыты, одвезты въ млынц: а то наши жинкы якъ уготовъ ій дровъ, хлиба, дакъ и мовчыты, а ви, до такъ и пре колинымы зъ хати. Ну, рушаймо жъ снѣдаты“.

Понравился молотникамъ завтракъ у вдовы.

„Такъ и моя жинка не втне“, сказалъ Карпо Кавунъ.

Обѣдъ еще больше понравился, такъ что вечеромъ, заканчивая молотбу, молотники говорили: „Ни, брацци, не хапаймось, а трепнимо ще на вдову“.

„Эге, эге!“—подхватили другіе,—„трепнимо хочъ снопивъ съ пять“.

А трепнувши вмѣсто пяти цѣлый десятокъ сноповъ, сгладили грядку жита, сдѣлали цѣномъ крестъ и говорили: „Нехай же теперь Маты Божа достерегае“.

„Бачъ, якъ гарно розумни люде говорятъ“, — сказала вдова своему Антону. — „Замичай, до й самъ колысь будешъ розумнымъ“.

А въ это время Антонъ возилъ изъ клѣныща навозъ.

„Та пора, добродійко, вже й теперь вашему дурню набратысь розуму“, — сказалъ Хома Макитра. — „Который ёму годъ?“

„А который же ёму годъ?“ отвѣчала вдова на вопросъ вопросомъ. — „Думаю, бильшь дваццаты двохъ. — Та винь безбачченко, до ничего сѣго й не знае. А маты, не вамъ кажучы, пидъ тыномъ умерла“.

„Сказано, самосійна дитина: тымъ и дурный“ — замѣтилъ Харко Колотуша.

При этомъ Хома Макитра вздохнулъ и сказалъ: — „Лучче бъ и въ мене бувъ дурный сынъ“.

„Що ты говоришь? нехай Богъ кресе!“ — сказала вдова.

„Те що чуєте. У мене такой розумный сынъ, що вже двичи сидивъ на грудяхъ“.

„Якъ се?“

„А такъ, що я ёго за чуба а винь мене за груди, та й пидгорнувъ пидъ себе, наче ведъмидъ“.

Разсмѣшило и это двоихъ слушателей. Но вдова не смѣялась, и когда на другой день пришла въ клуню къ молотникамъ, то сказала имъ:

„Сами выновати вы, добри люде, що диты васъ не поважають; на себе жалкуйте“.

„А що вы думаете, брѣття?“ — продолжалъ Харко Колотуша. — „Господыня наша, нехай такъ щасливо викуе, наче рае, вона, я чувъ, древнёго роду людныя: всячынну перѣказомъ знае; що ни рече, мовъ тоби съ письма бере. Ничого гриха таиты, мы сами выновати. Поки дитя малесеньке, николы не зупыняемо. Я й самъ теперь порозумнищавъ, якъ померлы мои диты, а то, якъ що, до мени, або свой матери, межы очы плюхъ! А иноди скдчыть роз-“

бадёрывшысь, та пугою тебе й набые. А мы регочемось. Далєби що такъ! А разъ, дакъ ось яке выгадало: де воно й почуло! Я васъ у Сибирь позавдаю! Оце жъ Богъ ихъ одибравъ, до туды имъ и дорога. Хай Богъ простыть. Оце чую—бодай було не чуты!—що вже й твій сынъ у тебе на грудяхъ сыдивъ, та й не жалкую, що й померлы. А якъ же ты ёму й догоджувавъ“!—

За вечерю вдова постоянно слышитъ изъ своей свѣтлички разговоръ въ поль-голоса, но не можетъ различить, что говорятъ: столько было смѣху. Потомъ уже наймычка донесла ей, что это всё Тупотунъ такъ оживляетъ застольную бесѣду. Разсказываетъ о своемъ путешествіи на Донъ, о вѣдьмахъ, о своей домашней жизни, и конца нѣтъ его разсказамъ. А когда легли спать, онъ опять продолжалъ безконечную сказку про голаго царя, что хотѣлъ поймать лебедя въ золотой коронѣ, про подстрѣленного орла и его сестеръ-царевенъ, про бабу въ лѣсу съ двѣнадцатю сыновьями разбойниками, и конца нѣтъ его сказкамъ.

„Уже яка я до нихъ охоча,—прибавила отъ себя наймычка,— та й мене сонъ зморыть, не дослухаю, покы замовкне“.

Ничего не отвѣчала вдова, но сама себѣ подумала:

„Усякъ чоловікъ заглушує свое горе: хто пьянствомъ, хто скаростью, а сей, бачъ, казками!“

Слѣдя однажды въ клунѣ за работою молотниковъ, вдова сказала имъ:

„Дивуюсь я, слушаючи васъ, яки вы люде весели! Цилый день працюете и про вдову, спасибі вамъ, не забуваете, потомытєсь, а знай жартуете“.

„Чомъ же намъ не жартуваты?—сказаль Иванъ Тупотунъ. Хыба журбою поле перейдешъ? Я, добродійко, виджурывся за себе тоди, якъ сватався“.

„Хыба жъ се журбова ричъ?“—спросиль Харко Колотуша.

„Добре тобі таке казаты. Тобі жывецца и на скыбку берецци“, сказаль Тупотунъ и замолчаль.

„Мабутъ, не дурно винъ учора, йдучи до клуни, спивавъ такои сумнои“,—замѣтилъ Макигѣа.

„Про гадыну?“ спросилъ лаконически Кавунъ.

„Эге: що журба коло сердца мовъ гадына вѣеця. Гарна пѣсня, та чы не самъ винъ и проложивъ? Якъ до ладу проложено, дакъ я заразы и перейму:

Чомусь мени, брате, горилка не пѣеця:

Коло мого сердца мовъ гадына вѣеця.

Коло сердца, брате, коло сердца мого,

А колы не вирышь, нехай коло твѣго!“

„Тымъ винъ и мени завидуе“.

„А вже жъ тымъ, заговорилъ опять Иванъ Тупотунъ. Нихто того не видае, якъ сырота обидае. Я жыву, брате Хомо, прыкунывши горя. А колы хочешъ знаты, дакъ за мене годивъ, може, десять не йде та й не йде не одна дивка. Хтось про себе онъ якъ проложивъ:

Ой выйду я за ворота,

Сюды туды гляну,

Одна несе вареныкы,

А друга сметану..

Взрывъ хохота смѣшливыхъ перебилъ его рѣчь, и сама вдова разсмѣялась.

„А я, не вамъ кажучы, выйду було на майданъ: дивчать стільки, що за день не перевишавъ бы, а пиды свататысь, дакъ и чоботы видтопчешъ. Та хустокъ не напяла, та рушныкы; та до Петра не пйде, та по жывахъ; та по обмолдтынахъ надумалась иты; та ще полотна не вбыла. Щобъ васъ дидько усихъ злызавъ! Бида вбогому чоловікови паруватысь. За думкамы и ничь мала, а за ходнею—день. Задумавъ нетяга женытысь,—тамъ пиде шапки позыче, де свытку, де пояса, де чоботы. Я пйшовъ, тилько гнива дойшовъ и добра не знайшовъ. Хотивъ бувъ уже въ чѣнци йты, дакъ тамъ усе треба мовчати, да нызько кланятысь. Тутъ хочъ горе свое кому розкажешъ, да й туга спаде зъ сердца, а тамъ творы молитву да мовчы“.

„А тоби се всёго гиришь, якъ мовчаты“, сказала Харко Колотуша

„Се справди була бѣ ёму бида!“ думала вдова, слушая печальную исповѣдь съ участіемъ. Женщина она была добрая.

„Ни, скажи мени, Иване“,—спросилъ Харко Колотуша,—„чомъ за тебе дивчата не йшли? Сѣго жѣ, кажуть, цвиту по всёму свиту“.

„Чому не йшли! Ось чому! Одно: що въ мене було стільки худобы, якъ у шолудывого чуба, а то ще прозвано мене злодіемъ. Злодій тай злодій,—всюды мене й цураюцца“.

„Хиба жѣ ты справді бувъ колы злодіемъ?“—сказалъ Колотуша „Мы знаемъ тебе одколы, а злодіемъ не звемо“.

„Я не злодій, братци, и не бувъ злодіемъ, а злодюжкою бувъ. Отъ люде зъ злодюжки та й зробылы трохи не злодіяку“.

„Якимъ же ты бувъ злодюжкою? Выбачай, що спытаю“,—сказала вдова.

„А ось якимъ, колы хочете знаты. Бувъ я хлопчыкомъ, ще й сырокою, у одного пана и паніи. Звисно, треба щось и сироти робыты. Щѣ жѣ такому невеличкому робыты? Давай ёму гусей пасты. Можна гусей пасты й неившы“.

„А воны таки, си пузаны!“—замѣтилъ Колотуша.

Тупотунъ далъ товарищамъ пересмѣяться и продолжалъ:

„Що жѣ я, малый? А ось що! Пасу, пасу, та й закуняю зъ голоду,—далоби! Дывлюсь, а воронне вже гусенятамы вгори телипае, воронятамъ несе. Буде мени теперь лыха годныя видъ моєи паніи! Та зъ велькой тугы—хипъ! хипъ! нахапавъ чужыхъ гусенятъ за пазуху четверо.—Якъ гайнувъ! А за мною дитвора. Я берегомъ деру,—я ставкомъ да въ воду! Дитвора надъ водою тыць! а я, сколько могы, да хляпъ у сины! И тычка въ мене въ рукахъ, щобъ нихто до мене не підійшовъ. Не ходы! держу на постраєи, а маленьки гусенятка змешалысь изъ велькымы и низнаты не можна. Стари гусы малыхъ не займають. Тутъ люде до паніи: „Вашъ хлопецъ покравъ гусей“.—„Нѣтъ, каже, у меня сполна“... Було бѣ мени одъ паніи, якъ бы я не поповнивъ: бо вороны та сорокы ажъ четверо перехапалы. Сказала:—„И не вертайся безъ гусенятъ!“—Оце прійду було до дому: жывить полапае: „Кто давалъ їсть? признавайсь!“ Признавсь разъ, такъ було имъ! Отъ и пересталы мени да-

ваты. Шйду пасты, выбижать сильски диты на майданъ изъ своимъ стадомъ. У кого пырожечокъ стремить изза пазухи, у кого палянычка. Исты такъ хочеця, я вырву да й ззимъ. Такй разбой, що й не показуйся мени на очы. А побижу—нихто й не наздожене. Пошле було индыкивъ пасты. Я попутая ихъ, наче кони. Лежать вони любенько цилый день на поли; не вмють у пути по-киньски пльгаты. А индычатка пасуця. У вечери прыжену,—ихъ погодують. А то и клочче валы, и индыкивъ пасы. Я пасъ и свыней, дакъ я й сю пеню знаю: порозбигаюця. Ниякъ до купы не жженешъ. Отъ я привляжу поросятко до пугы, та й воджу по полю, а якъ треба зозваты, до я й давай колинчыты. Воно кувькае, мовъ ёго колють; свыни позбигаюця,—я й пожену до дому гуртъ увесь. Та разъ позабигалы ажъ у попову леваду. Колинчывъ я, колинчывъ дурне порося, да й доколинчывъ, що тамъ и здохло. Ну, якось вывернувся. Оттакъ то журывся я соби журно зъ малку! Такъ и злодіякою зробывся. Сказано: сонъ мутьтъ, а голодъ краде. Да якъ выйшла воля, дакъ мене нихто и не наймае и поденно не бере: „Краде!“ кажутъ. Пожывъ; бильшь обизналы мене люде; стали найматы, а я ставъ лучше промышляти про себе. Теперь якъ хто пугу краде, дакъ у мене й тило трусыця, а тоди—голодъ не титка“.

Вдова никогда еще не слышала про такое горе, а товарищи только смѣялись. Она подумала.

„Оце жъ и о воні весели злыдни!“

Иногда эти веселые злыдни отшускали такія шутки:

„Ой лышенько!“ кричалъ одинъ, переставая молотить.

„Що тамъ таке?“—спрашивалъ спокойно другой.

„Запорошывъ око жытыною!“

„Жытына въ око впала?“—говорилъ третій.—„Ке сюды, я выкорпаю цыпыльномъ“.

„Хочъ бы бычемъ, а то цыпыльномъ“,—отвѣчалъ пострадавшій протирая полою глазъ.

„Хыба око мале? бычемъ не выкорпаешъ“.

Кавунъ только смѣялся: *жартуваты* не умѣлъ онъ.

„Оце, брацци, добре що насъ четверо молотыть“,—говорилъ Тупотунъ.—„Нема лучче. Молоты втрохъ, дакъ выходыть: чортъ, чортъ, чортъ: а вдвохъ способнійше: бо тоди выходыть: Богъ помичь! Богъ помичь! А найгиршь одному: ни съ переду въ нѣго, ни ззаду“.

Иванъ Тупотунъ вовсе не смѣялся, рассказывая о своихъ дѣтскихъ подвигахъ: ограничивался только усмѣшкой, глядя на хохочущихъ товарищей. Но не проходило минуты, чтобъ онъ чего-нибудь не сказалъ. Вдову это чрезвычайно занимало. Она упустила свои кухонныя дѣла и торопилась къ молотникамъ.

„Жыто парущя зъ пшеницею, горохъ—изъ чычевыцею, а овесъ—удовець“ объявилъ товарищамъ Тупотунъ.

Товарищи смѣются тѣмъ же самымъ смѣхомъ. Но Харко Колотуша, размышляя, какъ видно, о парованьѣ жита съ пшеницей, гороха съ чечевицей и о вдовствѣ овса, спросилъ:

„А якъ, Иване, лучче жывецця: чы гуртомъ, чы кожень самъ по соби?“

„Гуртове—чортове“—отвѣчалъ Иванъ Тупотунъ.—„Самъ соби голова: оце найкраще“.

„А на що жъ кажуть: у гурти й каша исця?“—сказалъ Хома Макитра.—„Та зновъ же кажуть: добре на одныъ снпъ жаты. Про що воно, добродійко? Вы розумни люде. Навчить насъ“.

„Навчыть васъ беда съ саломъ коржи исты, а я скажу хыба ось що: чула я що й по тры невесткы съ дитворою вкупи вживались, свекоръ и свекруха имъ порядокъ давали. Е стороны, що, кажуть, якъ батько вмре, дакъ старшого брата и невестку слухають, наче и стару голову. Оттакымъ то, мабуть, людямъ у гурти й каша исця“.

„Ну, Иване“,—сказалъ Харко Колотуша, „теперь ты, я думаю, не журыся журно. Було тай минуло“.

„Не журюсь, дакъ горюю, а хлиба не купую“,—отвѣчалъ веселымъ голосомъ Тупотунъ.—„Якъ прійдеця зъ петривського дня, дакъ и до спасивкы“.

„Се винь, добродійко, говорыть, абы горло не зашөрхало“, — сказала Хома Макитра. „Бо винь стариный одь усихъ насъ, а стари люде говирки.

„Который же тоби годь, Йване?“ — спросила вдова, — „ще старощи видь тебе далеки“.

„Не лига старощи роблять“, — отвѣчалъ все ровный годось Ивана Тупотуна. — „Чы не пора намъ обидаты? Отъ метлы не треба такъ становыты, якъ на насиння готуешъ, а треба класты; а забудешъ, дакъ стояны й будутъ у жыти. Ге, ге!“ — продолжалъ онъ, — „ось два колоскы въ купи, подвыиця! Добродійко, отдайте корови, дакъ и будутъ вамъ телятка-блязнятка“.

„Да ты, бачу, Йване, всячыну знаешъ“.

„Усячыну, добродійко, знаю, тилько не знаю, якъ свою долю втоптавъ. А свита багато бачывъ, да тропы не вхопывъ. Зъ малечку още було панію одбуду, дакъ панъ пълный оставыть мене на вколишкы: Давай, я тоби отправлю службу. Я говивъ саме. Се було въ писть. Що жъ? спивавъ, спивавъ, — паску поивъ не свячену и яйця. Отъ и одправывъ мени службу. Тоди мени давъ порцію. Треба було зновъ мени почынаты говиння“.

„А якъ выйшла видь царя воля, годи куды ты притулывся?“ — спросила вдова.

„Довго сновыдавъ“, продолжалъ Иванъ Тупотунъ. — „Ніхто не найма и поденно не бере. Хотивъ одружытысь, дакъ и жализни чоботы виттоптавыны, не знайшовъ бы соби пары. А послаи пишовъ на Чорноморію. Заробывшы грошей и дыва всякаго надывывшысь, людей лучче познавшы, вернувь изновъ у свое село. Тымъ часомъ мене тутъ прызабулы. Я прыдбавъ пивтори сотни карбованцивъ, прыйшовъ. Ажъ тутъ прысусидывсь до мене одынъ пройды-свить. Славъ мякко, а довелось спаты, дакъ твердищъ нижъ безъ соломы у васъ пидъ столомъ, не въ гнивъ мое слово. Се я про мого тестя вамъ розкажую. Якъ меи йты въ субботу до дому, дакъ лучче бь у въ ополнку. Прыймаку тамъ, якъ тому куцоу собаки. Якъ де побачите куцога собаку, то значить у прыймахъ бувъ. И свои пивтораста втопивъ; и тецерь безъ хлиба и безъ права седжу й роблю на ихъ. Якъ бы добрый до мене бувъ тесть, до я бь до ёго трычн!“

„Де жъ се такъ буває?“—спросилъ Харко Колотуша.

„Ей Богу правда! Винъ мене лаявъ не разъ, а я ёго николи. Разъ прыйшовъ родычъ, ничымъ шануваты; дакъ я четвертака й давъ на горилку“.

„И самъ же пывъ?“

„Ни, и губъ не обмочывъ: пійшовъ соби на заробитокъ мовчкы. А теща... Бодай ты на себе наглу смерть достала! Мени бъ легше, щобъ я прыйшовъ до дому, ажъ Богъ и зривнявъ усе. Выслае мене въ наймы, а я кажу: колы ты посылаешъ у наймы, до й сама служы. А жинка ажъ выскочыла зъ хаты, якъ почула таке ін слово. Якъ же не жалъ жинци? Якъ я у людяхъ молочу, до зъ яловычною борщъ; а якъ субота, мене ждуть до дому, до й нема, и свитла не засвятятъ. Ище жъ мене нихто зъ ряду не выкыдавъ. Накормы та й кыемъ жены, а воны й того не хочуть. А теща усе до другои дочкы зъ коморы выносить и мое зароблене. Сей тещъ тилько на практикы: сыдыть, да сміецця зъ усихъ, да прычты каже: на соби ничого не бачыть и робыты не хоче. Йимъ, та й гнусъ, щобъ менче зысты: такъ ихъ боюся“.

„Ну, се ты мени, Йване, тако сумне розказавъ, що я зроду й не чула“,—сказала вдова.

„Оттакъ якъ чуе“,—продолжалъ спокойно молотникъ. „Надало жъ мени встряты! и векселя не давъ, а тилько мяхко славъ. Якъ той жыдъ наймыщи: Ты зъ у мене нічого робыты не будешъ. Тилько поперы плаття да й сядь; коровы повыдой, да й сядь; самоваръ поставъ, да й сядь; людей отбудь, да й сядь; дытynu заколеси, да й сядь. Теперь и я сыджу, жовъ та жыдивська наймычка, що не здышецця. А ихъ годую“.

„Та й я“—сказалъ тѣмъ же тономъ Хома Макитра,—„прыйду до дому, дакъ и свитла не засвятятъ. Якъ бы не онукъ, до ни до кого бъ и загомониты. Заразъ озвецця, якъ не спыть: Диду, дидусю! А невестка и сорочки не залагае. А я то жъ, що зароблю, то й несу. Сынъ уже, кажу вамъ, не разъ у мене на грудяхъ сыдивъ“.

„Эге, теперь така пленіда настала“, — сказала Харко Колотуша, — „Оце жъ казали, що зъ нового году не буде уреджаю, дакъ сынъ устане на батька, а батько на сына“.

„Яке вы все гирке та важко говорите!“ — сказала вдова. — „Я такъ думаю: Не хороший се звычай, що дити ростуть у васъ ничего не знаючы. Навчыть, кажете, сама беда. Отъ и росте дочка въ матери господыни така, що тильки поле та пряде. Маты, бачъ, усе жалую дытны, да сама дило й робыть. Тымъ и втикае молода жинка видъ свекрухы до матери покы обвыкне въ чоловіка“.

„А се правда“, — подтвердили молотники. „Ни одна безъ утекивъ не вжыве, покы наломыцца. Да хочъ и наймытъ, або наймычна. Попереду втиче, а тоди вже й осядецца. А хазяйство у хазяйки й гыне“.

„Тымъ же то“, продолжала вдова, — „и прозвали свекруху лыхою; а вона бидна не знае що й робыты. Не вміе ничего вробыты не-вистка, а ни же не шупыть у господарстві. А хочъ бы й на мене. Се не свое дытя, що навчышь: чуже — якъ ёго вчиты?“

„Отто жъ про свекруху й проложено — сказалъ Иванъ Тупотунъ. — Хочъ не лае, дакъ ворчыть“.

„Отто жъ у кого е диты, нехай учыть; въ печи уси чугуны й горшки поперевертае, коло хатнёго дила не вміе повернутысь, а хыба копаты, або сино гребты. Якъ добра наймычка, до й ій добре. И чоловіку за нею буде добре: усе вміе, усёго соби приробыть. У насъ люде якось заздристи бояцца. Тильки трохи проворковате, заразы и кажутъ: изъ неи добра не буде: бо на ій шкура горыть. А котра працёвыта, дакъ маты й не вельты, щобъ не врекля. Такъ и прывыкають до лежачого хлиба зъ малку“.

„Ось, я щось вамъ роскажу“, — сказалъ Иванъ Тупотунъ. „Инаша дытыва вдасця розумнища за батька. Ото приехали старосты свататы панночку. Вона постерегла заразы и выбигла на рундучокъ до ихъ назустричь. Воны кажутъ: позвольте де прыпьясты коней. — Де хочте, каже: хочъ до зимы, хочъ до лета прыпьяните. Зглянулысь мижъ себе старосты. — Дурна! собі на думці. Увійшы въ комнаты. Де вашъ татонько? пытають. — Поихавъ сто рубливъ на

гривенника миняты.—Ну, думают старосты—та й дурни жь!—Да побудьмо трошки.—Панночка каже: Може, вамъ дать що закусыты.—Та колы вапа ласка, дайте.—Чого жь вамъ: чы прыбутного, чы одбутного, чи задеры-головы?—Воны уже й сами не знаютъ, що имъ робыты. А одынъ и каже: Та розкажить намъ, що воно оце все значыть що вы кажете? Не зрозуміемо ничого, хочъ убий! На ырыкладъ, щò се значыть: прывяжить до зимы, або до лета?—Значыть: хочъ до саней, хочъ до воза, що на подвирью стоялы.—А що значыть: сто рубливъ на гривенника миняты?—Заяць гривенника стоить, а коня заганяе въ сто карбованцивъ.—А прыбутне що?—Молоко: бо що дня беры и що дня прыбувае. А одбутне—сало; ёго кусочокъ визьмы тай нема на те мисце.—А задеры-голова?—Капуста“.

„Э, ни“,—тоди кажутъ старосты. „Вона дуже розумна. Добре, що мы боржій не вернулись до дому“. Та росныталысь, ума довида-лысь, да й засваталы“.

„Ну, въ тебе, Йване, не зашерхае въ роті!“ говорили товарищи.

„А то ще“,—продолжалъ черноморець, — „ійшовъ одынъ батько на заробиткы до багатого сына за коробку, такъ якъ оце мы стали. Уговоръ такій скільки зернятокъ улетыть батькови въ ротъ, стільки ёму коробокъ. Молотыть батько,—ни одно зерно въ ротъ не летыть. Сынъ радіе. Батько журыцца. Уже все жыто перемолотывъ батько: уже остаецця тры снопы. Якъ же ставъ домолочуваты, якъ стало жь ёму зерно въ ротъ летиты, дакъ сынъ уже й просыть, щòбъ рота такъ не роззявлявъ батько: бо прыйшлося не тилько тымъ, що въ клуня, а й тымъ що й за клунею я въ засикахъ доспаты“.

Смѣялись отъ души молотники, а раскащикъ продолжалъ:

„Такъ и я, що зѣмолочу, все до дому несу. Оце прыйду зъ работы пизно, дакъ и свитла не засвятятъ и не озвуща. А жинка не насміе. А я пять литъ роблю на чужу пельку, и своихъ пивто-раста, кажу вамъ, уложывъ у ихъ худобу. Тилько пійду до дому, щòбъ нужы не завесты. Тестъ якъ изъ людей насміятъся, дакъ и подай, а дила опустывся. Усе на мене здався. Щòбъ имъ тамъ хата згоріла! щòбъ и воны й мы въ наймы пошлы!“

Тогда Хома Макитра говорить:

„А якъ я прійду до свого сына та до невестки, да я жъ вамъ кажу: колы бѣ онукъ не озався, до й слова бѣ не почувъ. Се теперъ такъ: сынъ на дверы, батько въ викно. На грудяхъ у мене ажъ двичы сидивъ. А невестка сорочки не выпере, штанивъ не полатае. Щобъ я їи на лави побачывъ, покы дойду! А я имъ хату, городъ заробывъ. Симдесять карбованцивъ весилъя стало. А жинка моя Настя—нехай царствуе, перомъ їй земля,—уже висимъ литъ якъ мене покынула. Вергае було по симъ пудъ. Такой жинкы не найты, и жаловала мене здорово! А якъ у шынкъ було пиду, дакъ пугою й жене. Я якъ п'яный, до зо мною що хочъ зробишь. Якъ займе зъ шынку, дакъ ажъ спотыкаеця. А вже якъ тверезый, до и не пидходить!“

„Отъ же кажуть“,—замѣтилъ Иванъ Тупотунъ,—„якъ свиня укусыть, або жинка попобье, до на Страшный Судъ не встанешъ. Щобъ ты не попускався. Мени сего ничего остерегатысь: жинка въ мене покладывенька“.

„Та въ мене тежъ покладывенька“,—сказалъ Харко Колотуша, „та беда, що нехлюя. Якъ пійду зъ господы, до якъ покыну, такъ и застану,—такъ якъ у хлеви. Мабуть, николи й не вымете хаты. Тилько готове зводыть. Оце заходывсь коло неи зъ батогомъ, дакъ самого смиття висимнадцять коробочокъ вынесла. Свекрухы нема, никому прыводъ даваты. Вона въ матери жыла на свой воли. Матиркы ничего не навчають. Покы замижъ пійде, бигае по хатахъ зъ гребенемъ, да на улыцю гуляты. Отъ намъ и горе. Иншый самохитъ и въ москали йде, якъ жинка така нечумазна трапыци. Та й за коробку таки мабуть сами таки нетягы молотять“.

„Эге!“ сказалъ съ *прытискомъ* Иванъ Тупотунъ.—„Оце жъ, мабуть, про таку недбаху та нехлюю й писню проложено, що каже:

Чымъ я въ мужа не жона,

Чымъ не господиня?

Симъ день хаты не мела,

Смиття не носыла.

Та вымету разкомъ,

Та вывезу возкомъ.
 Кушци приижджало,
 Смитте куповало.
 Ой що тобі чепурухо,
 За се смитти дати?
 Сюды хипъ, туды хипъ,—
 За се смитти висимъ кипъ“.

„Ну, я до своей сёго не прыкладую“,—сказаль молчаливый Барпо Кавунъ.

На это Харко Колотуша сказаль:

„А моя язь спече гнздюка, дакъ и въ горло не вбѣшь“.

„А ты бѣ зъ нею такъ зробывъ, якъ нашъ Кучма Харко“,—сказаль Иванъ Тупотунъ.—Се чоловіга моторный. Якъ оженився, бачыть, що жинка ничего не тямыть. Отъ разъ молотыть у клуни, а жинка дома мисыла, мисыла хлибъ, ничего не вдіе: такъ, може, якъ и твоя не вчена. Прыбигла.—Ни, чоловіче, я лучше паляныць напечу.—Да зновъ мисыла, мисыла—и паляныць не спекла. Бижыть изновъ:—Чоловиче!—Чого, жинко? А тамъ, ажъ морозъ по шкури иде.—Я лучше кнышивъ напечу.—Да пачы жъ!—Зновъ бижыть, ажъ земля вынаецця отъ жыру:—Ось иды, чоловіче, якого я гнздюка *напекла!*—Та ходимо жъ.—Прышли въ хату.—Поможы жъ, чоловіче, вынаты зъ пачы—той гнздюкъ такъ и розплывся по черени и рострискався! Чоловикъ кочергою гребе, вона рогачемъ; выкотылы.—Ну, жинко, се жъ ты понесешъ батьку на гостынецъ.—Добре. Тилько поможы мени донести.—Добре, поможу.—Убралысь, дошли до батьковыхъ ворить. Несы жъ теперь ты, жинко: ты на те дочка, а то що я ёму?—Вона забрала и несе. Увийшла въ хату: Ось, тату, гнздюка тобі прынесла. Тогда батько взявъ пугу, да гнуздавъ, гнуздавъ. Дочку разъ, матюрь два, дочку разъ, матюрь два. А зяти поклыкавъ, посадывъ на покути и горилкы купывъ, и пошановавъ добре“.

„Такъ, такъ брате“, говорилъ Харко Колотуша. „И матирокъ треба вчыты“.

„А батькивъ треба вчиты за сынивъ“, сказалъ Иванъ Тупотунъ. „Я знаю парубка, двадцаты цѣты литъ. Нихто за ёго не йде. И полукопка не зложыть, рожна до кгринжолъ не затеше. Чы се жъ не батько вынувать! А здоровый, и въ дверы не влизе. Я такы разъ и запытавъ: Чому не учышь ни косыты, ни такъ що въ хазайстви робыты?—Жалуемо, каже: Добре, що въ тебе прыплидку нема; дакъ ты таке й верзешъ. Отъ и поговоры до горы. Ще й насупывся“.

„Ну, мій Антонъ хочъ и не вміе майструвати“ сказала вдова „дакъ винъ же про те й безбачченко: вырись дурцемъ пополамъ зъ бидою тай годи“.

„Не зовсимъ винъ и дурень“, сказалъ Колотуша, „не шуткуйте, добродійко, зъ вашимъ Антономъ. Винъ крѣцця зъ своимъ розумомъ. Ума вывидуе въ людей, а мовчки залыцяецця до вашои глухенькои Одаркы, усякъ їй услуговуе“.

„Не знаете вы ще мои Одаркы“, сказала вдова. „Вона зъ вами говорыть голоскомъ тоненькымъ, а на парубка знай гримае. Винъ їи боицця, наче мачухы. Що ни загадае, заразы кывецця й зробыть“.

„Та винъ и шутковаты вміе“, сказалъ Макитра. „Разъ пытаемо: чы не пора бѣ тоби, Антоне, женытысь? А винъ: бувъ я вже двичы жонатымъ, дакъ одна жинка на лёду розидралась, а друга пидъ кожухомъ у петривку замерзла“.

А Тупотунъ къ этому прибавляъ: „Отъ и вола, да й у тыхъ е розумъ. Одынъ вилъ каже другому волу: Якъ я, каже, боюся хуры! А другый каже: А я гаивъ, дерево возыты. Бо на хуру вагою кладуть, а дерево безъ вагы. Вилъ розумный. Разъ и съ конемъ закладався, хто швыдче побижыть. Кинъ каже: я, а вилъ каже: я, Да трошкы й пробигъ выбрыка. Тилько що земля, каже, пидомною провалыцця, тымъ Богъ и не веливъ довго бигаты. А ракъ ище хытрицый одъ вола. Зъ вовкомъ закладався, хто швыдче добижыть до якогось тамъ мисця.—Отъ вовкъ бижыть, а ракъ и прычепывся до вовчого хвоста: той прыбигъ до гряныци та й каже: обертась!—А я давно жду васъ. А вовкъ по-

вернеця, та й махне хвостомъ; ракъ и ставъ упередъ. То чомъ же людямъ не хитруваты? Я оце згадавъ про одного прояву, дакъ се вже правда. Тоди проморня була на дитей. Пійды бо до ликара, каже жинка. Ажъ тутъ и проявивсь у насъ докторъ. Усяки въ ёго пляшечкы де глына наколочена, де цегла, де яке сыныло. Ходыть по хатахъ, а жинкы облавою ёго обступылы. Такъ обійшовъ трохы не все село. Добру калытку грошей надбавъ. Каже, що ёго прислано. А въ дитей дехторыты чы що булы, гирла болилы. Посли каже: Треба мени верстовъ за десять поихаты ище всякого медикаменту набраты. А тутъ ёго просятъ, щобъ ище зайшовъ да поличывъ. Нема вже ликарства. Отъ одынъ заможнѣй чоловикъ дае коней и погоныча, гонивъ десяти хлопчыка, дарма що було пидъ робочу пору. Тилько доихалы до кущивъ чагарнякивъ, винъ заразы погоныча знявъ зъ воза за спыну, якъ цуцныка, скынувъ, а самъ по коняхъ, и бувъ такій, и по сей день ёго не знаишлы. Де якихъ дитей поризалы мертвыхъ, щобъ побачиты, отъ чого вони такъ мрутъ, а въ ихъ одъ ёго ликарства усе въ животи брусомъ побралось. Сказано, кинецъ свиту“.

„Така наша лыха годына, сказала вдова, що всякій заволока людей дурить“.

„Ну, у насъ тилькы ошукують людей, а инде, дакъ и розбывають, отвѣчалъ Иванъ Тупотунъ. Отъ якъ я бувъ у Чорноморіи, дакъ чувъ про Игната Голого: Савуръ Могыла близько Ростова, за Екатеринославомъ. Мы ходылы на Чорноморію, дакъ тамъ на Савуръ Могыли живъ чоловикъ Савуръ (такъ и зовуть) изъ дочкою и тяжко грабылы людей. Могыла высока, девять верстъ иты въ гору. Оце жъ по узъ ту гору йты и ихаты. Везуть люде рыбу, винъ никого не пропуститъ, усе грошы одбирае. А Игнатъ Голый та служывъ за наймыта у одного хазяина, та й прочувъ про це. Имъ треба було ихаты съ хазяиномъ по узъ Савуръ Могылу и платыты, оплачуватысь, щобъ не розбывалы. А Игнатъ Голый, зробывъ соби дротянку. Идутъ; хазяинъ боиця. А той узавъ мезынцемъ зачепывъ за пидтокы,—такъ воза й повернувъ. Отъ хазяинъ бачыть таку сылу, переставъ бояця. Доихалы до Савуръ Могылы; Игнатъ Голый и каже: Давайте я самъ

ѣму гроши однесу. Той давъ скилькось; винъ пишовъ и дротянку съ собою забравъ.—Нате, каже, гроши. А дочка Савурова ще щось ѣму сказала. Винъ якъ ударывъ дротянкою, такъ на двое й росколовъ, а послѣ й ёго. Тоди позабравъ уси гроши, що винъ грабовавъ у людей и прынисъ хазяину. Собѣ ничогысинького не зоставывъ. Силѣ коло осели, седять; ажъ иде чоловікъ и дуже журыцца, и таеый наляканный! Росказуе имъ, якъ выскочыло, каже, симъ чоловікъ та й позабиралы рыбу. Игнатъ Голый каже: Ходимъ до тыхъ заразъ: я ихъ розбышакъ усихъ поперевожу, якъ того Савура! Той боицца, а хазяинъ штовхае ёго да каже: да не бійся: винъ сылачь. Отъ и пишы. Идучы бачять долину таку превельку и тамъ хатка и багатечко. Подывылысь у виконце: бачять воны, за столомъ сидять, пють да гуляють. По стинахъ рыба порозвишована того чоловіка, що позабиралы. А хазяинъ лежытъ у перынахъ и росказуе имъ. Вы, каже, на одынця николи не нападайте. Одынъ ныколи такъ спроста не поиде, а непременно зъ якими-небудь хымородамы. А тутъ Голый у викно: одчыняйтъ! Не одчыняють. Винъ узывъ за замкы,—такъ и поодадалы. Увійшовъ и каже: подайте мени отого крайнёго, що въ перынахъ! да такъ дротянкою и росколовъ, и всихъ повбывавъ. Найшы погребъ роблений изъ цеглы. Що тамъ срибла, золота! усе позабиралы. Прынесли, а послѣ й поихали, тилькы Игнатъ Голый ничого собѣ не зоставывъ“.

„Да годи тоби вже верзты! про таке страхитте!“ сказаль Харко Колотуша. „Ось скоро й обмолотыны будуть. Кинчаймо вже; поздоровъ Боже господиню. Може такы и въ насъ одлыгне на серци“.

„Будуть, будуть, да ще й яки!“ сказала вдова. „Такихъ обмолотынь ще никто не справлявъ молотныкамъ“.

„Чы справди!“ заговорили молотники и даже Кавунъ прибавиль: „Се добра ричъ“.

Быстро завершили молотники свою работу. Въ субботу вечеромъ было назначено праздновать обмолотыны. Пекарня была убрана по-праздничному, а наймычка—въ *чохластой* сорочкѣ и въ мачкахъ на головѣ.

„Оттакъ вырядысь!“ сказаль Тупотунъ, „неначе молада“.

„Вона й є въ мене молода княгыня“ отвѣчала вдова „сѣгодні и свататымутъ?“

„Хто? звидѣли? за кого?“

„Вы сами, добри люде“.

„Ге, ге! теперь бачымо“ заговорилъ Тупотунъ. „Се жъ того такъ Антонъ ій и вслуговувавъ! Разъ изнявъ у неи коромысло съ плечей, та й понисъ видра въ пекарню. Отъ якъ винъ іи боицця“.

„А що жъ?“ продолжала вдова. „Винъ сырота, вона сырота. Не высоко литають обое. Нехай поберуцця, до веселище буде имъ у мене въ наймахъ. Я й хату имъ збудую и города вдилю, и поля дамъ по десятиници въ руку“.

„Спасенне дило вы робыте, добродійко“, сказалъ Тупотунъ, „тылько я не велю вамъ грунту запысувати, а чомъ не велю, дакъ ось: люде навчятъ, покыне випъ васъ. А якъ знатымутъ, що земля ваша, дакъ и жытымуть зъ упокоємъ, и Богу й вамъ дякуватымутъ. Я свить пройшовъ, дакъ надывывсь на всячynu“.

„Спасиби тоби за пораду“ сказала вдова, и не призналась, что она сама такъ думала. „Оце жъ тоби, Иване, приходыцця буты за свата въ Антона“.

„А мене“ сказалъ Макитра „берите за пидбрихача. Да нехай заразы ваша дивка внесе намъ воды, щобъ мы побачыли іи ходы“.

„А я хотивъ бы почуты говиркы женоховои“ сказалъ Колотуша. „Женылы мы одного такого, якъ вашъ Антонъ. Отъ и навчаемо: Ты жъ, Дороше, не мовчы, щобъ не сказали: дурный! А якъ переговорымо свои речи, дакъ и ты скажы що небудь кругленьке. Тылько що замовкылы, а винъ якъ бовкне: Обручь! Боже! якъ лякнувъ—дивка й батько й маты въ одно слово: да се жъ винъ дурный! Тоди мы за шанкы, та за пальцы! тылько й бачылы насъ. Боялысь, щобъ ище й не быто за таку насмишку“.

„А то маты ддавала слипувату дочку“ сказалъ Тупотунъ. „Дакъ ся мудро й навчыла: кынула заздалегидь проторга передъ собою, а слипувата дивка нагнулась та й подала: Ось, мамо, голочку вы загубылы! Такъ и взято іі за выдюшу. И добра зъ неи була господиня, не пекла гнзюкывъ, такъ якъ та Кучмына Харкова жинка“.

„Усе гараздъ у вашои молодой пары, добродійсо“, сказалъ Харко Колотуша, „одно не доладу: що чоловікъ буде надто смиренный, а жинка лауча. Бувъ у насъ одыня такой, що й пидъ пичъ кочергою було зажәне, ще й туды штырхае та крычыть: Бачъ який злый! ажъ за кочергу хапаеця!—А винъ изъ пидъ печы: А на що жъ ты за мене йшла, колы я такой злый“.

„А я тебе, дивонько, поражду“ сказалъ Тупотунъ: „не доймай виры Антоновій смирднѣ. Ось я тоби заспиваю писеньку, замисть весильной. Перенявъ я її въ лывынка, якъ бувъ у Черноморіи. Туды всякого языка находыть. Инший заволочеця зъ Мѣсквы. Ну, въ москаля, звисно, лубьяный языкъ. Чуе, якъ нижненько кругомъ понашому говорятъ: *плугъ воливъ*, а верне по-своесму: *плукъ валобѣ*. Ну, а лывынокъ хыба лыхо ёго нападе, щобъ не дзекнувъ. Не скаже по нашому *винъ, вона*, а *іонъ, яна*, не скаже *естъ*, а *ѣсть*. Оце жъ и писеньку я тоби заспиваю такъ, якъ винъ спивавъ, по литовськи:

„Васѣлитяся, красавицы,
Докуль ёсть урѣмья.
Вы ня вѣртя жаныхамъ,
Што яны бажаца.
Жаныхами забажаца,
Мужми пазабудуць,
А надъ вами младѣхными
Смѣятися будуць“.

Общій хототъ былъ наградой пасмурному раскащиву, который не имѣлъ въ жизни радостнаго времени и не научился смѣяться, а другихъ смѣшить былъ мастеръ.

Среди веселыхъ разговоровъ появился въ пекарнѣ Антонъ въ длинной новешенькой свитѣ и въ красномъ поясѣ.

„Отъ тоби й Куцый!“ заговорили въ одинъ голосъ молотники. Одарка между тѣмъ показала свою ходу. Начались *законныи речи*, пошло веселое угощеніе.

„Тисна въ васъ, добродійко, пекарня“ говорилъ Тупотунъ, „а якъ намъ було й простирно й затышно! Оце бъ мы молотылы въ васъ хочъ до самой косовыци, и про жинокъ своихъ позабували“.

„А мени зъ такими молотныками такъ було весело, наче въ гостяхъ“ отвѣчала вдова. „Якъ дасть Богъ, дождемо нового хлеба, дакъ уповаю, що не мынете вдовиной хаты. Мы зъ Одаркою за никольствомъ не понапрядали на рушныкы, та на хусткы, до я оце крамне вамъ покупыла“.

И счастливая наймичка поднесла всѣмъ четыремъ молотникамъ по длинному рушнику въ тканыхъ орлахъ и по нарядному платку въ разноцвѣтныхъ узорахъ.

„Оттеперь буде чимъ токову куряву бмитаты“ говорилъ Тупотунъ, принарядясь въ роскошные подарки, „такыхъ рушныкывъ и нашъ соцькый не дававъ за своею одыначкою!“

„Эге“! сказала, радуясь молча Кавунъ.

Въ знавъ благодарности Тупотунъ повторилъ вдовѣ свой совѣтъ: „Во хочъ винъ и дурень, а заразъ васъ покыне. На соли въ насъ не одно таке дыво було. Поки не дае вексоля, до й поважае старого. А хто не остеригся: Ты, мовлявъ, мене воспытуватимешъ за се до смерти,—дывысь, беззменныкъ та й выширае старенькыхъ изъ хаты! Иноди и одчепного старый дае, щобъ збавыця одъ напасти, позбутысь такого лыха, та й ничего не вдіе. То не велю, добродійко, й вамъ даватысь у руки дурневи. Отъ же й мій тесть видказуе мени на пидпытку: тоди оддамъ, якъ свини бигтнуть сами въ череду“.

„Нехай уже воно на сухой лисъ иде, те не людське лыхо, а въ нашій хати дай Боже, щобъ було тыхо!“ сказала вдова. „Не здывуйте на сырицьки подарункы. Николю було намъ самымъ по напрядаты; нехай за насъ крамъ одвичае. Дакъ за те жъ не дорека-тыме и Одарка мени такъ, якъ та дочка матери, що каже:

Скрыне моя, скрыне!

Не годъ, не два пряла,

Не вѣсну билила,—

За день роздильла.

Ой дбала жъ я, дбала,—

Маты надибрала

Боляръ даровала.

Ганна Барвинокъ.

НА РУБЕЖЪ.¹⁾

VII.

Зима прошла среди дѣятельныхъ приготовленій козаковъ къ войнѣ съ Польшею; наконецъ, блеснули первые дни нетерпѣливо и тревожно ожидаемой весны; приближался условленный срокъ борьбы, на которую возлагались надежды освобожденія отъ шляхетскаго господства въ краѣ. Едва сошелъ снѣгъ въ степи, къ Гордію явился посланецъ изъ Сичи съ извѣстіемъ, что охотники изъ Запорожья уже двинулись маленькими отрядами и незамѣтно пробираются вдоль Выси и Кодымы къ западу; хотя трава еще не показалась, рассчитывали пока прокормить лошадей въ степи, то останавливаясь въ уединенныхъ зимовникахъ, то, въ крайности, пользуясь изсохшею прошлогоднею травою; къ этому средству прибѣгали въ Запорожьи неоднократно, и оно, съ грѣхомъ пополамъ, вывозило до новой травы. Запорожцы двигались осторожно и медленно, рассчитывая въ половинѣ пути дожидаться свѣжаго корма.

Получивъ это извѣстіе, Гордій понялъ, что и ему пора собираться въ походъ, чтобы во-время послѣть въ Немировъ и Шаргородъ для соединенія съ Саввою и Верланомъ. Хотя по общему плану дѣйствія онъ долженъ былъ выступить нѣсколько позже сичовиковъ, тѣмъ не менѣе онъ сталъ энергично ускорять всѣ необходимыя приготовленія; его болѣе всего задерживала необходи-

¹⁾ „Кіевск. Стар.“, т. XXI, 1888

мость поджидать сбора охотниковъ изъ Гетманщины, эти же послѣдніе собирались медленно и безпорядочно. Притомъ приходившіе вели себя неосторожно и несдержанно; они привыкли къ другимъ, болѣе свободнымъ общественнымъ порядкамъ и не умѣли приноровиться къ обстоятельствамъ правобережной Украины; по мѣрѣ того, какъ они собирались, Гордій размѣщаль ихъ подъ благовидными предлогами въ сосѣднихъ селахъ и хуторахъ; болѣе развязныхъ и болтливыхъ онъ пряталь въ степныхъ пасѣкахъ и ярахъ, стараясь по мѣрѣ возможности менѣе обращать на себя вниманіе старостъ и помѣщиковъ. Въ домѣ Гордія происходила лихорадочная дѣятельность. Для всѣхъ участниковъ дѣла ясно было, что онъ долженъ подать сигналъ къ походу, хотя формально никого объ этомъ не предупреждали. Къ нему являлись и пріѣзжіе изъ-за Днѣпра, къ нему за справками и распоряженіями приходили крестьяне и козаки изъ окрестныхъ селъ. На левадѣ за его садомъ, среди зарослей, лозъ и осокорей, въ концѣ зимы еще появились двѣ кузницы: въ нихъ ковали новыя копья, исправляли старыя сабли и другое оружіе.

Домочадцамъ своимъ Гордій не говорилъ ни слова о своемъ предпріятіи,—по принципу онъ не довѣрять женской болтливости; онъ зналъ, что, конечно, женщины догадываются,—и пусть ихъ! но точно онѣ ничего знать не должны. Дѣйствительно, и въ его домѣ, и въ мѣстечкѣ было ясное сознаніе, что готовится нѣчто; народъ пережилъ много волненій и сумятицъ и чутьемъ угадываль предстоящее возстаніе по такимъ мелочнымъ признакамъ, которые ускользали отъ вниманія самаго чуткаго региментаря; но никто не зналъ подробностей задуманнаго дѣла и его размѣровъ, и потому молва носилась въ такихъ неопредѣленныхъ чертахъ, которыя не много вреда могли принести предпріятію, если бы даже и дошли до слуха старостъ.

Наконецъ Гордій приказаль прибавлять втеченіе нѣсколькихъ дней корму лошадямъ и каждый вечеръ вни-

мательно наблюдалъ съ крылечка своего дома солнечный закатъ. Домашніе догадались, что приближается время выступленія въ походъ. Въ одинъ изъ вечеровъ Гордій смотрѣлъ на горизонтъ: солнце медленно уходило за безоблачный небосклонъ, отсвѣчивая тихимъ желтымъ свѣтомъ, который медленно исчезалъ, смѣняясь ясною лазурью небеснаго свода. Гордій присѣлъ на скамейку и весело смотрѣлъ впередъ.—Совсѣмъ кстати, сказалъ онъ, погода надолго установилась. Затѣмъ, увидѣвъ стоявшаго на улицѣ Гнатка Голаго, онъ подозвалъ его:—Садись, сыну! сказалъ онъ.

— Что скажете, дядьку?.. Никто уже не является?..

— Нечего ждать долѣе. Кто опоздалъ, пусть старается догнать насъ на пути,—намъ пора. Вчера уже ушли перемыславскіе, сегодня уйдутъ батуринскіе, завтра наша очередь. Собирайтесь, хлопцы, и двигайтесь къ Черному шляху; сборный пунктъ на Татарской нивѣ; кто приѣдетъ раньше, пусть ждетъ сбора.

Въ слѣдующую ночь изъ разныхъ улицъ мѣстечка, повидимому въ различномъ направленіи, выѣхали два отряда всадниковъ. Ночь была темная, глухая; мѣстечко повидимому объялъ глубокой сонъ; среди тишины въ одной изъ отдаленныхъ улицъ слышались шаги и тихій говоръ: это осторожно двигался послѣдній отрядъ, состоявшій изъ двухъ десятковъ всадниковъ. Этотъ отрядъ, котораго неясные силуэты едва были замѣтны среди ночнаго мрака, остановился у воротъ большой бѣлой хаты; одинъ изъ всадниковъ спѣшился и сказалъ тихимъ, нѣсколько раздраженнымъ голосомъ, посмотрѣвъ на домъ: „Темно... спитъ онъ, что-ли“?

Сзади кто-то шепнулъ насмѣшливо:—Онъ сторожить молодую жену, боится, чтобы она не ушла въ походъ!—

Спѣшившійся направился черезъ „перелазъ“, прошелъ дворикъ и осторожно постучалъ въ окно хаты, затѣмъ сталъ ждать оклика, но отвѣта не было; въ хатѣ господствовала абсолютная тишина. Приѣхавшій смутился,

какъ будто явленіе это было неожиданно и неестественно, пожалъ плечами и постучалъ громче.—Въ хатѣ, наконецъ, послышался шорохъ.

— Наконецъ-то проснулись! сказалъ онъ съ укоризною. Онъ продолжалъ стоять у окна и прислушивался; изъ хаты послышался женскій голосъ.

— Гнатко! это ты?

— Я,—разбуди Грыця.

Бѣлая фигура приблизилась къ окну; это была Гандзя, жена Грыця.

— Зайди въ хату!

Вслѣдъ затѣмъ послышалось раздуваніе углей и вскорѣ запылала смолистая „лучина“. Гнатко входилъ въ хату въ то время, когда Гандзя освѣтила яркимъ пламенемъ лучины всю избу.

— Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ! отвѣтила хозяйка нѣсколько неувѣреннымъ голосомъ.

Гнатко окинулъ взоромъ избу. Грыцька здѣсь не было.

— Гдѣ мужъ? спросилъ онъ.

— Уѣхалъ въ степь... онъ сказалъ, что знаетъ, куда слѣдуетъ ѣхать, заупрямился и поѣхалъ.

— Напрасно! Мы условились ѣхать вмѣстѣ; онъ зналъ, что завернемъ.

— Что съ нимъ подѣлаешь! Я его удерживала:—не захотѣлъ...

Нечего было дѣлать, Гнатко попрощался съ хозяйкою и ушелъ. Козаки шагомъ выѣхали изъ мѣстечка и направились на западъ въ степь. Гнатко не могъ себѣ объяснить повода, почему Грыцько предпочелъ ѣхать одинъ; онъ не могъ угадать настоящаго повода; на дѣлѣ же вышло то, что жена не пустила его изъ дому; она молчала, пока онъ собирался въ путь, но когда узнала о срокѣ, назначенномъ для выѣзда, то собрала все его оружіе,—самопалъ, списъ, пистолеты и саблю, унесла въ комору и послѣднюю заперла на ключъ. Когда онъ по-

требовалъ ключа, она, вмѣсто отвѣта, напустилась на него съ укоризнами: попеременно то сыпала бранныя слова, то плакала, то приводила резоны.

— Вотъ такъ ладно, нечего сказать! Третій мѣсяць, какъ женился, и бросаетъ жену! Не пуцу, тай годи!— Вишь рыцарь какой: ему драться захотѣлось... не видали такого богатыря! А если такъ ужъ непремѣнно „кортыть“, то иди... бери дубину и иди сражаться съ ляхами, а оружія не дамъ, и не проси. Да и подумай: драться они будутъ не день, не два,—нечего торопиться, переждешь дома до „зеленыхъ святъ“ или до „св. Петра-Павла“, а тамъ и успѣешь догнать товарищей.

— Послушай, жинко! такъ нельзя,—что обо мнѣ подумаютъ люди, когда узнаютъ, что я остался за печью? Меня одѣнуть въ юбку, повяжутъ голову платкомъ, саблю подмѣнятъ „кудилью“!

— Пустяки! крикнула Гандзя: посмѣются, да живьемъ тебя не съѣдятъ, а ты сочини что нибудь: скажи, что выѣхалъ въ походъ, да заболѣлъ, или что тебѣ атаманъ приказалъ возвратиться, поджидать да собирать запоздавшихъ и направлять ихъ въ походъ; подумай,—ты вѣдь на выдумки мастеръ: захочешь, такъ „сбрешешь“ такъ гладко, что никто „брехни“ не замѣтитъ.

Грыцько спорилъ вяло, чесалъ затылокъ, но, видимо, не сдавался; въ глубинѣ души шевелилось у него какое-то неловкое, крайне непріятное ощущеніе; первый разъ ему приходилось сознавать полную свою несамостоятельность, склоняться передъ предприимчивостью и настойчивостью жены, да еще въ такомъ дѣлѣ, вмѣшательства въ которое онъ не ожидалъ. Въ его легкомысленной натурѣ вспыхнуло чувство досады, жена ему показалась противною; но чувство это вызвало лишь минутную вспышку; сладить съ энергіею жены онъ не умѣлъ и почувствовалъ инстинктивно, будто на рукахъ его затягиваются пута, которыя его крайне раздражаютъ, но снять которыя онъ не въ состояніи. Онъ уныло задумался: ..отъ тоби выми-

нявъ шло за швайку“, мелькнуло въ его головѣ. Ему вспомнились прожитые три мѣсяца и ясно обрисовались отношенія къ женѣ: вся ея природа мало по малу уходила въ одно господствующее чувство ревности; вслѣдствіе этого постоянное ея стремленіе не разлучаться съ мужемъ, не отпускать его отъ себя ни на шагъ. При каждой попыткѣ съ его стороны возвратить себѣ часть потерянной свободы происходили тяжелыя сцены, въ которыхъ она вела себя столь рѣзко и энергично, что легкомысленный супругъ отступалъ шагъ за шагомъ и сталъ въ грустную роль „попыхача“ своей жены, не давая себѣ въ томъ яснаго отчета. Теперь наступилъ рѣшительный моментъ семейной драмы: она вѣдъ ограничиваетъ его общественную дѣятельность, не допускаетъ его исполнять то, что общественное мнѣніе признаетъ священнымъ долгомъ; она его не считаетъ козакомъ, поступаетъ, будто съ мальчишкою, конфискуетъ его оружіе... Грыцько вспылить; онъ вскочилъ со скамьи и подбѣжалъ къ женѣ.

— Послушай, гадюко! вскричалъ онъ:—давай ключи!

— А зась тобі! крикнула Гандзя, вооружившись на всякій случай рогачемъ.

Но первый взрывъ вспышки мужа быстро прошелъ. Не столько видъ рогача, сколько рѣшительное выраженіе лица женщины, ея спокойно блестящія глаза, стиснутыя губы, на которыхъ мелькала ироническая улыбка, и вызывающая поза смирили его порывъ. Онъ перемѣнилъ тонъ и повелъ разговоръ нерѣшительнымъ, задыхавшимся голосомъ:

— Послушай, тебѣ вѣдъ стыдно будетъ; про твоего мужа пройдетъ молва, что онъ трусъ, баба, что спрятался „за пичъ“, что сидитъ „пидъ запаскою“ въ то время, когда всѣ его товарищи пошли „на ляха“. Вѣдъ на меня дѣти будутъ пальцами показывать. Мнѣ насмѣшками глаза выколуютъ.

— Не ихъ дѣло! А тебѣ бродяжничать нечего! Коли называешься хозяиномъ, сиди дома и присматривай за

хозяйствомъ: справься съ пахатью, а тамъ придетъ „косо-выця“, а тамъ „жныва“, а послѣ жнивѣ, если тебѣ такъ сильно захотѣлось „козаковать“, то „й пидешъ къ бису“.

Прокричавъ рѣзкимъ голосомъ послѣднюю фразу, Гандзя бросила съ досадою рогачъ на мѣсто и вышла изъ хаты, сильно хлопнувъ дверью. Грыцько остался посреди избы въ недоумѣніи. Очевидно объясняться вторично съ женою онъ не посмѣетъ, необходимо на нѣкоторое время исполнить ея волю, а тамъ можно будетъ улучшить удобную минуту и догнать товарищей; нужно только придумать благовидный предлогъ, чтобы объяснить людямъ причину своей остановки, а тамъ подойдетъ нѣсколько человѣкъ запоздавшихъ молодцовъ, и онъ укатитъ съ ними въ степь!... Тамъ меня и розыщи!...

Утѣшаясь такимъ образомъ, Грыцько взялъ свиту и благоразумно ушелъ на ночь въ „кlynю“, обдумывая планъ дальнѣйшихъ дѣйствій; онъ зналъ, что вечеромъ долженъ былъ по условію захватить Гнатко и, не давая самъ себѣ яснаго отчета, устривался такъ, чтобы избѣгнуть съ нимъ встрѣчи и объясненія. Гандзя, увидѣвъ, что мужъ удалился въ кlynю, самодовольно улыбаясь, внесла въ комору сѣдло и уздечку и, надѣвъ на коня „оборотъ“, увела его черезъ садъ въ огороженную леваду и пустила на пашу; затѣмъ, не принимаясь за приготовленіе ужина, улеглась спать.

На другой день послѣ выступленія козаковъ въ походъ, Грыцько весь день просидѣлъ безотлучно дома. Ему стыдно было показаться на улицѣ; чѣмъ болѣе тяготѣло надъ нимъ неопредѣленное и неловкое положеніе, въ которомъ онъ очутился, тѣмъ болѣе росло раздраженіе по отношенію къ женѣ; она его обезчестила передъ людьми и унизила въ собственныхъ глазахъ. Маленькая, до сихъ поръ незамѣченная имъ трещина стала теперь медленно разширяться, превращаясь въ глубокую пропасть, раздѣлившую его отъ жены; и по мѣрѣ того, какъ углублялась эта пропасть, все живѣе и явственнѣе шевелилось

въ душѣ его сожалѣніе; передъ нимъ вставалъ образъ тихой, кроткой, брошенной имъ дѣвушки... „Безумень я, просто глупъ, думалъ онъ, исполненный безотрадной тоски: я промѣнялъ добрую, искреннюю, горячо и давно меня любившую дѣвушку на веселую и бойкую, но безсердечную змѣю“.

Грыцько погрузился въ подобнаго рода размышленія, но кромѣ бесплоднаго сожалѣнія, кромѣ сознанія своего безвыходнаго положенія и унизительнаго малодушія ни до чего не могъ додуматься. Минуло нѣсколько дней, онъ поблѣднѣлъ, исхудалъ, двигался апатично, равнодушно смотрѣлъ тусклыми глазами, говорилъ мало и неохотно. Сосѣди, заходившіе въ его хату, сочли его дѣйствительно больнымъ и стали утѣшать; тогда Грыцько отважился выходить изъ дому, но общества избѣгалъ и обыкновенно вечеромъ отправлялся за „царину“ и безцѣльно бродилъ по полямъ. Возвращаясь съ прогулокъ, онъ всегда направлялъ путь мимо хаты Гордія, вида которой прежде онъ тщательно избѣгалъ; теперь какая-то сила тянула его мимо воли въ ту сторону.

Разъ, возвращаясь вечеромъ по излюбленной дорогѣ, онъ замѣтилъ издали Марусю, сидѣвшую на улицѣ у „перелаза“; сердце его тревожно забилося; онъ остановился въ недоумѣніи: идти ли дальше, или бѣжать назадъ? Маруся сидѣла неподвижно, смотрѣла въ его сторону, какъ бы поджидая его прихода. Постоявъ немного, онъ двинулся впередъ; чѣмъ ближе подходилъ къ дѣвушкѣ, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ потребность остановиться, обмѣняться хотя бы однимъ словечкомъ,—но ему было неловко и стыдно; онъ опустилъ голову и медленно подошелъ къ воротамъ; наконецъ рѣшился взглянуть на Марусю. Она сидѣла неподвижно и съ любопытствомъ и удивленіемъ разсматривала его своими кроткими голубыми глазами.

— Добрый вечеръ! сказалъ онъ застѣнчиво.

— Добрый вечеръ, отвѣтила спокойно Маруся:—откуда Богъ привелъ?

— Съ поля: иду домой... Онъ чувствовалъ себя неловко; ему казалось, что Марусѣ все извѣстно: и причина, почему онъ не ушелъ въ походъ, и его внутреннія тревоги и побужденія, заставлявшія его въ послѣднее время бродить около ея хаты. Онъ рѣшился пройти не останавливаясь.

— Спѣшишь домой? Съ того времени, какъ ты женился, полюбилъ ты свою хату. Люди тебя и встрѣчать перестали.

Голосъ Маруси былъ спокоенъ, но это именно спокойствіе показалось Грыцьку выраженіемъ глубокой ироніи, хуже самой язвительной насмѣшки. Онъ сознавалъ, что былъ неправъ по отношенію къ ней, онъ ожидалъ встрѣтить оскорбленное самолюбіе, нескрываемое озлобленіе и укоры, вызвать по этому поводу объясненіе и вмѣсто того встрѣтилъ невозмутимое спокойствіе и тотъ же прежній добрый взглядъ голубыхъ глазъ. Все это усилило его смущеніе.

— Да нѣтъ!... Ничто особенно не привлекаетъ меня домой.

— А жена?

Отвѣта не было. Она взглянула на собесѣдника; онъ стоялъ блѣдный, съ опущенными глазами. Она почувствовала къ нему глубокое состраданіе. Неужели такъ скоро случилось то, что она предугадывала? Неужели ихъ любовь уже кончилась? Неужели звонкій хохоть Гандзи вызываетъ уже въ легкомысленномъ мужѣ не веселость, а досаду и злобу? Скоро же кончилась ихъ любовь! Не желая продолжать разговора на эту, очевидно непріятную тему, Маруся быстро перешла къ другому предмету.

— Почему ты не ушелъ въ походъ?

— Я заболѣлъ, долженъ былъ возвратиться съ дороги, „нездужаю“: немного поправлюсь и пойду съ батурицами, которые должны подойти на дняхъ.

— Да батурицы вѣдь давно ушли.

— Ушли, да не всѣ; ожидаю новаго отряда.

Онъ поднялъ глаза; въ нихъ виднѣлась тяжелая скорбь, какая-то нѣмая, сердце раздиравшая жалоба.

— У тебя тяжелая „журба“ на сердцѣ?

— Да, тяжело мнѣ здѣсь, сказалъ Грыцько, отчаянно махнувъ рукою: хочу поскорѣе въ степь, на волю, да можетъ быть ляшская пуля не минетъ меня.

— Пожалѣль бы ты жены.

— Жены? Что ее жалѣть? Тебя я буду жалѣть. Любились мы съ тобою долго и разошлись безъ толку: должно быть нечистая сила попутала меня, и вышла доля моя такая горькая, такая безталанная, что лучше бы мнѣ сидѣть на турецкой каторгѣ или висѣть на ляшской „шибеницѣ“.

Дѣвушка смотрѣла на него широко раскрытыми глазами и какъ-будто не понимала его словъ. Грыцько вдругъ повернулся и опустил голову.

— Прощай!... Пойду искать для себя счастья въ томъ, въ чемъ люди видятъ несчастье. Вслѣдъ затѣмъ онъ быстрыми шагами удалился.— Маруся осталась на перелазѣ въ томъ же положеніи; она сидѣла неподвижно и смотрѣла вслѣдъ за уходившимъ, пока онъ не скрылся изъ ея глазъ. Немного спустя, изъ хаты вышла тетка Ярына.

— Зачѣмъ онъ сталъ вновь ходить? сказала она вслухъ, будто про себя: кончится это хожденіе бѣдою.

Дѣвушка упорно молчала. Въ душѣ ея волновались разнообразныя страсти: и сожалѣніе, и гнѣвъ, и неукротимая ревность; ей казалось, что сердце ея разрывается на части; она не думала, хорошъ ли, плохъ ли Грыцько... она чувствовала только, что другая отбила у нея „милого“, лишила ее „доли“, но не сумѣла ни ему доставить счастья, ни сама имъ не воспользовалась. Маруся чувствовала, что этого счастья ей не вернуть, но не была въ силахъ сладить съ прежнею любовью; ею овладѣла всецѣло ревность, и жажда мести мало по малу охватывала ея кроткую до того времени душу. Местъ нашептывала ей: онъ твой, былъ твоимъ раньше, отними его у разлучницы, пусть она понесетъ кару за посягательство на твое добро.

Солнце уже зашло за небосклонъ, а Маруся все еще сидѣла въ раздумьи на томъ же мѣстѣ, и мысли ея вылились невольно въ пѣснѣ:

„Два голубы воду пьлы, а два колотылы.

„Бодай лыхо тыхъ побыло, шчо насъ розлучыли!

Ярына опять вышла изъ хаты и прикрикнула на племянницу.

— Годи вже тоби, годи! ступай домой. Еще лѣто не наступило, еще рано по ночамъ сидѣть на улицѣ: сидишь себѣ „пропасныцю“ или другую бѣду!

Маруся поднялась и обѣ женщины вошли въ хату.

Между тѣмъ весь трагическій порывъ Грыцька ограничился сказанными имъ жалкими словами; возвратившись домой, сталъ онъ раздумывать, какъ бы ему отправиться поискать „лядської кули“,—думалъ онъ, тосковалъ, но не трогался съ мѣста, откладывая выѣздъ со дня на день подъ разными, болѣе или менѣе благовидными предлогами; онъ увѣрялъ самого себя, будто поджидаетъ товарищей, на приходъ которыхъ въ сущности не могъ рассчитывать; то его будто задерживала ненастная погода; наконецъ, онъ остановился на мысли, что онъ не знаетъ, куда слѣдуетъ ему ѣхать, что необходимо подождать вѣсти отъ Гордія, который исчезъ вмѣстѣ съ отрядомъ въ степи, какъ чайка въ открытомъ морѣ, не оставивъ слѣда и не сообщивъ о направленіи всего похода. Такъ онъ и порѣшилъ ожидать извѣстія и на томъ успокоился. А между тѣмъ жилось ему невесело: жена стала ему ненавистна, его устрашало общественное мнѣніе, которое могло проснуться и придавить его тяжелымъ позоромъ; но болѣе всего подавляло его сознаніе собственнаго безсилія и малодушія; онъ старался о немъ не думать, отбивался отъ этого сознанія всевозможными софизмами, но оно тѣмъ не менѣе все явственнѣе и яенѣ росло въ глубинѣ его души и подавляло его унижительными укорами и угрызениями совѣсти. Чѣмъ тяжелѣе слагалась его жизнь личная и семейная, тѣмъ болѣе тянуло его къ хатѣ

Гордія; но въ хату эту онъ не имѣлъ доступа; она была ограждена отъ него и церковнымъ обрядомъ, и незыблемымъ обычаемъ предковъ. Общественное мнѣніе, строгое и непреклонное, стояло на сторожѣ обычая, и Грыцько ясно сознавалъ, что „не годиться“ ему, женатому чело-вѣку, вести себя по прежнему, „по-парубоцьки“,—что если бы онъ и попытался стать въ прежнія отношенія, то Маруся, каковы бы ни были ея чувства, не только не пойдетъ ему навстрѣчу, но рѣзко дастъ ему почувствовать безнравственность его поведенія. Потому онъ не ходилъ въ домъ Гордія, не смѣлъ и помыслить о свиданіи съ Марусею; но каждый день, возвращаясь съ поля, невольно попадалъ на ту же улицу и самъ себя увѣрялъ, что совершенно случайно встрѣчается съ дѣвушкою и обмѣнивается двумя-тремя, повидимому безразличными, обыденными фразами.

Между тѣмъ Гордій съ своимъ отрядомъ чело-вѣкъ въ 300 или 400 „ярамы та манивцями“ пробирался къ границамъ Брацлавщины. Не желая обращать на себя вниманія, Гордій раздѣлилъ свой отрядъ на нѣсколько партій, изъ которыхъ каждая подвигалась на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, но иною дорогою, сносясь на пути одна съ другою. Козаки двигались по лѣсной полосѣ, тянувшейся мимо Таращи, Володарки и Тетіева, по южному берегу Роси, стараясь не выѣзжать изъ лѣсной мѣстности въ поле, во избѣжаніе встрѣчи съ польскими разъѣздами „украинской партіи“, и сохраняли на пути строгій порядокъ и всевозможныя предосторожности.

По тому же направленію, по которому выступилъ Гордій, вслѣдъ за нимъ выѣхалъ изъ сѣкирянской корчмы его сосѣдъ, Орунь. Согласно волѣ региментаря и инструкціи, сообщенной ему Цалинскимъ, еврей возвратился въ свою корчму; втеченіе зимы онъ наблюдалъ исправно за всѣмъ, что происходило вокругъ него, и, отъ времени до времени, давалъ отчеты черезъ посыльныхъ, которые пріѣзжали къ нему изъ Немирова; очевидно, отчеты его

были точны и обстоятельны: они обратили на себя вниманіе военнаго начальства. Орунъ сообщалъ свѣдѣнія и о гонцахъ, ѣздившихъ къ Гордію изъ Сичи и Шаргорода, и о сборѣ охотниковъ изъ-за Днѣпра, и объ агитаціи, которая велась въ селахъ и хуторахъ въ окрестности Мошенъ; онъ, конечно, не зналъ подробностей предположеннаго похода, но отчеты его давали возможность составить точное понятіе о настроеніи крестьянъ и о приготовлявшемся движеніи. Недѣли за двѣ до выступленія Гордія, къ Оруну явился послѣдній гонецъ изъ Немирова; онъ привезъ ему приказъ отъ Цалинскаго немедленно послѣ выступленія козаковъ изъ его мѣстности явиться въ Немировъ съ подробными свѣдѣніями о силахъ отряда, о пути, по которому онъ направится и вообще обо всѣхъ провѣданныхъ имъ подробностяхъ. Для того, чтобы поощрить рвеніе Оруна, гонецъ этотъ привезъ ему важный документъ: это было письмо отъ немировскаго губернатора (главноуправляющаго имѣніемъ) къ региментарю; въ письмѣ этомъ губернаторъ заявлялъ, что по ходатайству региментаря, въ виду доказанной вѣрности и полезныхъ для Речи-Посполитой услугъ „старозаконнаго“ Оруна Менделевича, губернаторъ намѣренъ предоставить вышешюменованному Оруну „генеральную корчемную аренду“ во всемъ немировскомъ „ключѣ“, въ случаѣ, если сообщенія, доставляемыя Оруномъ, региментарь найдетъ вполне достоверными. Такимъ образомъ будущее богатство Оруна было вполне обезпечено. Онъ сталъ щедро угощать заѣзжавшихъ къ нему козацкихъ гонцовъ и заходившихъ въ корчму гетманцевъ и за послѣднее время успѣлъ по частямъ выпытать кое-какія новыя важныя свѣдѣнія; онъ узналъ о выходѣ въ степь запорожцевъ, о числѣ охотниковъ, собранныхъ Гордіемъ, и о времени выступленія его отряда; онъ радостно потиралъ руки, не сомнѣваясь, что эти извѣстія окончательно утвердятъ за нимъ обѣщанную награду. Онъ немедленно снарядилъ возъ, для виду нагрузилъ его вяленою рыбою, и пустился въ путь, направ-

ляясь къ западу, но не придерживаясь большаго купеческаго „тракта“; онъ заѣзжалъ по сторонамъ въ мѣстечки. уединенные еврейскіе шинки и мельницы и тщательно собиралъ свѣдѣнія о времени и направленіи, по которому проходили гайдамацкіе отряды.

Вслѣдствіе необходимыхъ предосторожностей отрядъ Гордія подвигался медленно; пять дней спустя послѣ выступленія онъ остановился на ночлегъ на небольшой лѣсной полянѣ между Володаркою и Лобачевымъ, среди болотъ и озеръ, образуемыхъ лѣсною рѣчкою Торчею. На разсвѣтѣ Гордій, по обыкновенію, снарядилъ патруль для того, чтобы предварительно развѣдать безопасность предстоящаго пути. Патруль этотъ, состоявшій изъ четырехъ козаковъ, находился подъ начальствомъ Гнатка Голаго. Выѣхавъ изъ стоянки, онъ направился внизъ по теченію рѣчки и вскорѣ выѣхалъ на песчаный берегъ Роси, окаймленный дикою лѣсною пущею; козаки внимательно разсматривали мѣстность, въ надеждѣ встрѣтить пасѣку или хуторъ, въ которомъ бы они могли разспросить о состояніи мѣстности и безопасности пути,—но кругомъ не было никакого жилья. Пустынные берега Роси были окаймлены очеретомъ и айромъ, за каймою котораго виднѣлась черная зеркальная поверхность рѣки, изъ которой поднимался сѣрый утренній туманъ. Наконецъ, на противоположномъ берегу рѣки блеснулъ крестъ, и вскорѣ всадники увидѣли группу домовъ, покрытыхъ частью красною черепицею, частью соломенными крышами. Передъ ними лежало небольшое мѣстечко.

— Это Володарка! сказалъ одинъ изъ всадниковъ.

— Да, Володарка,—отвѣтилъ Гнатко; поѣдемъ дальше.

Козаки повернули обратно въ лѣсъ и, не выѣзжая на опушку, двигались параллельно теченію Роси. Пройдавъ версты двѣ, они очутились въ широкой долинѣ, спускавшейся къ Роси. Передъ ними вновь была рѣка, окаймленная камышемъ, и по ту сторону ея въ отдаленіи виднѣлось мѣстечко. Гнатко остановился и внима-

тельно осмотрѣлъ мѣстность; въ концѣ онъ замѣтилъ небольшую полосу дыма, расстилавшуюся по верхушкамъ деревьевъ.

— Должно-быть паромъ? замѣтилъ одинъ изъ козаковъ.

— Вѣроятно, паромъ, отвѣтилъ Гнатко: у парома должна быть хата.

Они молча направили лошадей въ ту сторону и вскорѣ увидѣли нѣсколько лачугъ, стоявшихъ на опушкѣ лѣса, а за ними виднѣлся паромъ, устроенный на дорогѣ, соединявшей Володарку съ Уманью.

Гнатко направился къ ближайшей хижинѣ, расположенной на песчаномъ холмѣ надъ рѣкою; возлѣ хаты, на кустахъ развѣшены были сѣти, среди аира стояла „душегубка“; очевидно, хозяинъ занимался рыбнымъ промысломъ.

На встрѣчу козакамъ изъ дверей хижины показалась сгорбленная фигура старика.—Ты кто такой? спросилъ Гнатко.

— Сторожъ при паромѣ.

— На панской службѣ?

— А тожъ.

— Кто живетъ въ другихъ хатахъ?

— Такіе же старики, какъ я. Кто „не здужае“ отбывать панщины, того посылаютъ сюда ловить рыбу на шабасъ жидамъ.

— Что у васъ слышно, старый?

— Все спокойно... Я, впрочемъ, знаю не много, никуда не хожу... Вотъ распросили бы вы у парома,—его арендуетъ жидъ: онъ долженъ знать все, онъ ѣздитъ „по всимъ свитамъ“.

Козаки направились къ парому. На берегу стоялъ еврей, дававшій распоряженія перевозчикамъ; тутъ-же остановилось нѣсколько крестьянскихъ повозокъ, ожидавшихъ переправы; рядомъ около еврейскаго дома, въ которомъ помѣщался шинокъ, стоялъ большой кованный возъ, нагруженный товаромъ и запреженный парю ло-

шадей. Гнатко окинулъ быстрымъ взглядомъ и группу, стоявшую на берегу рѣки, и корчму, и возъ; послѣдній особенно поразилъ его вниманіе: онъ узналъ хорошо ему знакомыхъ лошадей. Онъ подѣхалъ къ еврею; послѣдній, замѣтивъ вооруженныхъ всадниковъ, нѣсколько струсиль, но, стараясь сохранить спокойный видъ, пошелъ на встрѣчу козакамъ и, приподнявъ шапку, спросилъ:

— Вы, господа, въ Володарку?

— Можетъ быть и въ Володарку, отвѣтилъ Гнатко.

Неопредѣленный отвѣтъ, а еще болѣе видъ всадниковъ, которыхъ съ перваго взгляда нельзя было признать ни жолнерами, ни козаками любой „надворной милиціи“, усилили смущеніе еврея; онъ чувствовалъ, что можетъ случиться нѣчто неладное.

— Прошу обождать съ минутку, паромъ сейчасъ будетъ готовъ, сказалъ онъ и поспѣшно удалился въ корчму. Трое козаковъ спѣшились и, передавъ лошадей четвертому товарищу, послѣдовали за нимъ.

— Послушай, обратился Гнатко къ хозяину: не знаешь ли, гдѣ по близости стоитъ ляшская команда?

— Команда? спросилъ еврей, улыбаясь подобострастно; я не знаю, она мнѣ не нужна, мнѣ самому лучше жить безъ жолнеровъ.

— Смотри только,—не „бреши“, не вилай хвостомъ, какъ лисица, говори правду!

— Не вѣрите мнѣ, такъ у людей спросите: въ нашихъ мѣстахъ давно уже не видно жолнеровъ; больше я ничего не знаю... военные дѣла ко мнѣ не относятся, я чело-вѣкъ мирный, я занятъ своимъ промысломъ.

Гнатко подошелъ къ группѣ крестьянъ, стоявшимъ у парома, и сталъ съ ними бесѣдовать; очевидно, онъ собралъ нужныя извѣстія, потому что вскорѣ вошелъ въ корчму, спокойно сѣлъ на скамью у стола и приказалъ подать козакамъ пива. Посматривая какъ будто случайно въ окно, онъ спросилъ равнодушно хозяина:

— Чей это возъ съ товаромъ?

Еврей замѣтно поблѣднѣлъ. Не знаю, сказалъ онъ,—какой-то еврей пріѣхалъ на разсвѣтѣ, попросилъ присмотрѣть за его товаромъ, а самъ по дѣлу пошелъ въ Володарку и еще не возвращался.

— Откуда пріѣхалъ этотъ еврей? спросилъ Гнатко, всматриваясь пристально въ хозяина.

— Не знаю... Пріѣзжай, „тай годи“!

— Странно! Ты принялъ лошади и товаръ отъ проѣзжаго, не спросивъ, ни кто онъ, ни откуда?

Еврей растерялся; онъ пытался дать сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ, сбивался, путался и, чувствуя это, дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ страха. Смущеніе хозяина, равно какъ и исчезновеніе владѣльца повозки усиливали все болѣе и болѣе подозрѣнія Гнатка. Онъ вскочилъ изъ-за стола и прикрикнулъ:

— „Брешешь, собача віра“!—говори, кто такой пріѣзжай и гдѣ онъ! При этомъ онъ выхватилъ пистолетъ изъ-за пояса.

Еврей мгновенно выскочилъ съ крикомъ въ открытое окно; вслѣдъ за нимъ выбѣжалъ Гнатко и схватилъ его за воротъ халата.

— Гевульть! ратуйте! разбой! кричалъ еврей, барахтаясь и стараясь освободиться отъ сильной руки Гнатка.

Но крестьяне, стоявшіе у воевъ, смотрѣли хладнокровно на происходившую сцену; никто не спѣшилъ подать помощи арендатору,—крикъ его напрасно оглашалъ пустынный берегъ рѣки и лишь откликался эхомъ въ лѣсной чащѣ.

— „Алежь крычыть, неначе въ судный день въ школи“, замѣтилъ одинъ изъ зрителей, флегматично потягивая дымъ изъ коротенькой трубочки.

— „Крычыть невірна душа!“ — такъ же флегматично подтвердилъ другой.

— Говори, гдѣ проѣзжай! кричалъ Гнатко,—а то мы тебя свяжемъ и бросимъ въ рѣку... „туть тоби буде й капуть“!

— Ей-Богу, панове козаки, я не знаю!.. Можетъ быть онъ спрятался...

Передавъ арендатора въ руки одного изъ товарищей, Гнатко вмѣстѣ съ другими отправился обратно въ избу. Они стали тщательно обыскивать все углы; осмотрѣли „горище“, зашли въ сарай, на сѣноваль, приказали отпереть кладовую, буравили „ратыщами“ сѣно и солому, смотрѣли въ бочки, заглянули въ погребъ, но нигдѣ не оказывалось и слѣда таинственнаго проѣзжаго, наконецъ зашли въ „валькирь“, въ которомъ помѣщалась спальня хозяина. Комната была небольшая; у окна стоялъ столъ и рядомъ съ нимъ двѣ скамейки; у одной стѣны помѣщался огромный шкафъ съ посудою на верхнихъ полкахъ и съ выдвигаемыми ящиками для склада одежды и бѣлья внизу; противоположная стѣна занята была громадною хозяйскою кроватью, на которой высилась цѣлая гора перинъ и подушекъ; бѣлая простыня спускалась съ кровати, заслоняя ее почти до пола. Гнатко приподнял эту простыню и увидѣлъ въ углу какую-то темную массу, прислонившуюся къ стѣнѣ; не разсмотрѣвъ ее въ полумракѣ, онъ на всякій случай ткнулъ въ нее ратыщемъ; масса была мягкая; подъ вліяніемъ укола она вдругъ вздрогнула и испустила стонъ.

— Есть! сказалъ Гнатко.

— Ой вей! пане отамане! раздалось изъ-подъ кровати: оставьте меня несчастнаго въ покоѣ... я передъ вами ничѣмъ не провинился.

— Вылѣзай! познакоимся и поговоримъ: если ты не провинился, то нечего тебѣ и прятаться отъ людей. Вылѣзай, а то вновь пуцу въ ходъ ратыще.

— Зачѣмъ ратыще?—Я сейчасъ выйду.

Дѣйствительно, изъ подъ кровати показалась рыжая голова, затѣмъ выползла вся человѣческая фигура и, привставъ на колѣни, глянула на Игнатка,—это былъ Орунь.

— Тѣфу, нечиста сыла! Какой чортъ загналъ тебя подъ кровать? спросилъ Гнатко.

Орунь, блѣдный и встревоженный, медленно приподнимался на ноги, стараясь сохранить необходимое присутствие духа. Онъ обратился къ Игнату развязно, съ принужденною улыбкою.

— Это вы, панъ Гнатко! ну слава Богу! а я такъ испугался... я думалъ, что пришли гайдамаки.

Гнатко смотрѣлъ на него подозрительно. Онъ спросилъ спокойнымъ и отрывистымъ голосомъ:

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я!.. ничего!.. хозяинъ сказалъ, что ѣдутъ гайдамаки; я испугался, растерялся... ну, и залѣзъ подъ кровать. Теперь—слава Богу!.. я вижу, что это вы.

— Ну, ладно!—Откуда и куда ты ѣдешь?

— Я по торговымъ дѣламъ; я везу товаръ продавать.

-- Какой товаръ?

— Ну, извѣстно: какой попался... рыбу!

— Куда же ты везешь ее?

— Да туда, гдѣ купятъ;—продамъ, гдѣ найду сходнѣе цѣну!

— „Говори здоровъ“! рыба не оксамить и не китайка, далеко возить не зачѣмъ; ты могъ ее сбыть и въ Мошнахъ и въ Черкассахъ. Говори толкомъ: куда ѣдешь?

— Да мнѣ нужно посѣтить родственниковъ въ Немировѣ: при случаѣ продамъ товаръ,—тамъ цѣны лучше—да и дорога окупится.

Гнатко мрачно покачалъ головою.

— Кто же твои родственники въ Немировѣ? Не regimentарь ли случайно?

Орунь поблѣднѣлъ и вздрогнулъ, но продолжалъ вести разговоръ въ развязномъ тонѣ.

— Зачѣмъ шутить нехорошія шутки? У меня въ Немировѣ много настоящихъ родственниковъ: я вѣдь родомъ оттуда.

Онъ сталъ называть своихъ родныхъ, указывалъ ихъ занятія, перечислялъ ненужныя подробности, переплеталъ рассказъ торговыми соображеніями,—словомъ, старался придать своей поѣздкѣ самый обыценный характеръ

и, по мѣрѣ возможности, сыграть роль человѣка недалекаго, погруженнаго исключительно въ мелкіе личные интересы и соображенія.

Гнатко слушалъ разсказъ спокойно и внимательно, соображая, какъ ему слѣдуетъ поступить въ данномъ случаѣ. Онъ давно не довѣрялъ Оруну, замѣчалъ, что еврей очень искусно, будто нѣхотя, всегда умѣлъ свести со своими посѣтителеми бесѣду на текуція общественныя событія, незамѣтно выпытывалъ все, что было возможно, и подбиралъ по мелочамъ весьма щекотливыя свѣдѣнія. Онъ былъ увѣренъ, что еврей далеко не такъ простъ, какимъ хотѣлъ казаться; притомъ его выѣздъ одновременно съ выступленіемъ отряда, поѣздка въ Немировъ, очевидное желаніе уклониться отъ встрѣчи и неловкія объясненія при разспросѣ,—все это усиливало его подозрѣнія; оставить Оруна продолжать путь ему казалось опаснымъ,—выспросить больше онъ не былъ въ состояніи; потому рѣшился предоставить рѣшеніе дѣла атаману.

Онъ поднялъ голову и спокойно прервалъ разсказъ Оруна.

— А я думаю, что ты „брешешь“; но, чтобы выяснить дѣло, ты поѣдешь съ нами: тамъ правды добьемся.

Орунъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на окружающихъ, будто не понявъ предложенія.

— Ну, панъ Игнатъ, вы шутите, мнѣ съ вами нечего ѣхать: у васъ свои дѣла, у меня свои, вамъ одинъ путь, мнѣ другой.

— Тебѣ необходимо проѣхаться съ нами, сказалъ рѣшительно Гнатко:

Еврей попытался сопротивляться, но козаки быстро схватили его и вывели на дворъ; они посадили его на лошадь за сѣдломъ одного изъ товарищей и, связавъ его руки поясомъ, прикрѣпили ихъ къ сѣдлу; затѣмъ, вскочивъ на лошадей, отправились въ обратный путь.

Пріѣхавъ на стоянку, Гнатко далъ отчетъ Гордію о собранныхъ свѣдѣніяхъ и передалъ кратко свои подо-

зрѣнія по отношенію къ Оруну и причину его поимки. Еврея развязали и сняли съ лошади; отъ страха и непривычной верховой ѣзды онъ до того усталъ, что едва могъ держаться на ногахъ. Козаки, окруживъ его, шутили.

— Что, братъ, не любишь ѣздить верхомъ?

— Куда ему? онъ привыкъ ѣздить на языкѣ.

— Да, должно быть языкъ у него длинный, не придется ли его отрѣзать?

Между тѣмъ Орунъ обратился къ Гордію съ униженнымъ видомъ:

— Пане сотнику! Зачѣмъ это ваши хлопцы дѣлаютъ мнѣ непріятности? Они захватили меня на дорогѣ безъ всякой вины, потащили въ лѣсъ, не знаю зачѣмъ. Я бросилъ безъ присмотра лошадей и товаръ, перепугался, измучился... это совсѣмъ не умныя шутки: по-сосѣдски такъ не поступаютъ!

Гордій перекинулся между тѣмъ нѣсколькими словами съ окружающими его козаками и сказалъ спокойно.

— Да, нужно разъяснить наши сосѣдскія отношенія. Говори просто и ясно: куда и зачѣмъ ты ѣхалъ?

— Я ѣхалъ въ Немировъ по своимъ торговымъ и семейнымъ дѣламъ. Что же, развѣ мнѣ нельзя ѣздить по своей надобности? У меня есть родня, мнѣ нужно ихъ посѣтить.

— Поздно ты вспомнилъ про родню!—То сидѣлъ десять лѣтъ въ корчмѣ и забылъ объ ней, а теперь вотъ уже второй разъ я тебя встрѣчаю на пути къ Немирову.

— Ну!.. у меня тамъ случились дѣла: я вмѣстѣ съ своякомъ взялъ подрядъ въ экономіи; мнѣ необходимо получить слѣдующее у губернатора и свести счеты съ компаньономъ, потому и приходится ѣздить почаще.

— Посмотримъ! сказалъ Гордій и затѣмъ обратился къ Гнатку: вы осмотрѣли его возъ?

— Не догадались. Да онъ говорилъ, что везетъ рыбу.

Гордій неодобрительно покачалъ головою.—Обыщите же его! сказадъ онъ отрывисто. Козаки сняли съ Оруна

халатъ, затѣмъ принялись снимать особаго покроя жилетъ, такъ называемое „цыцеле“, и въ подкладкѣ оцупали зашитую бумагу; Грыцько разрѣзалъ ножомъ плотно и вынулъ сложенный вчетверо плотный листъ бумаги. Онъ развернулъ его и подалъ сотнику. Орунъ вздрогнулъ, но сейчасъ же оправился и подошелъ къ Гордію. Онъ зналъ, что сотникъ былъ грамотенъ и учился когда то въ школѣ, и въ головѣ его промелькнула послѣдняя надежда: должно быть Гордій знаетъ только русскую грамоту, бумага же была написана по-польски, а на оборотѣ были многочисленныя помѣтки, сдѣланныя имъ на еврейскомъ языкѣ.

— Я вамъ говорилъ, что у меня подрядъ въ экономіи: это мой контрактъ; вы, панъ сотникъ, человекъ ученый, вы знаете всякое письмо... посмотрите сами: это подпись немировскаго губернатора.

— Вижу, сказалъ Гордій, пробѣгая глазами бумагу съ безстрастнымъ видомъ. Орунъ вздохнулъ свободнѣе; онъ былъ увѣренъ, что Гордій, не желая признаться въ незнаніи передъ козаками, просмотритъ бумагу для виду и подтвердить его слова; спокойный видъ сотника и мнимое, какъ онъ полагалъ, чтеніе имъ бумаги про себя нѣсколько его успокоили.

— Да, это, дѣйствительно, контрактъ, сказалъ Гордій: а какой товаръ подрядился доставить Орунъ ляхамъ,— выслушайте, панове громадо.—Онъ медленно и отчетливо сталъ читать въ переводѣ письмо немировскаго губернатора къ regimentарю; съ первыхъ же словъ Орунъ смертельно поблѣднѣлъ; онъ понялъ, что дѣятельность его вполне открыта. Кончивъ чтеніе, Гордій сложилъ бумагу и спросилъ окружающихъ:—Такъ что жъ теперь?

— Повѣситъ! отвѣтили въ одинъ голосъ гайдамаки.

— Пане Гордію! крикнулъ Орунъ, повалившись къ ногамъ сотника: помилуй меня, я человекъ семейный:—у тебя вѣдъ также дѣти!..

Лицо Гордія на мгновеніе передернулось выраженіемъ страданія и досады, но вслѣдъ затѣмъ оно приняло грозный видъ.—А ты думалъ о нашихъ дѣтяхъ, когда продавалъ ляхамъ наши головы? Ты рассчитывалъ, можетъ быть, что они насъ помилуютъ? — Юда!.. ты торговалъ человѣческою кровью и смѣешь просить помилованія?! Нѣтъ,—собакѣ собачья смерть... тащите его на „гиляку“!

Два дюжіе козака схватили Оруна за руки, третій накинулъ на шею веревку; его увели на край поляны.

— Паны козаки! кричалъ Орунъ: подарите мнѣ жизнь,— буду по гробъ вашимъ другомъ!

— Хороша дружба, отвѣчалъ козакъ,—нечѣмъ хвалиться!

— Послушайте!.. пустите меня, я васъ озолочу: у меня много золота, много серебра, больше, чѣмъ вы воображаете: я все вамъ отдамъ до послѣдняго шеляга, самъ нищимъ останусь, только простите мнѣ, не убивайте...

— Подавись ты своимъ проклятымъ золотомъ, сказалъ мрачно козакъ, перекидывавшій веревку черезъ вѣтвь дуба, и онъ сильно потянулъ ея конецъ. Горло Оруна судорожно сжалось, голось его оборвался. Всѣ три козака потянули веревку; Орунъ поднялся на аршинъ отъ земли, по тѣлу пробѣжало нѣсколько судорожныхъ движеній, и оно вытянулось неподвижно. Козаки молча постояли нѣсколько минутъ, затѣмъ одинъ изъ нихъ толкнулъ слегка рукою висѣвшее тѣло и, убѣдившись, что все кончено, медленными шагами направился къ Гордію.—Вже! сказалъ онъ отрывисто.

— Ну, теперь въ походъ! скомандовалъ сотникъ.

Черезъ полчаса весь отрядъ пробирался уже по лѣсной чащѣ въ направленіи къ западу; на полянѣ видна была только измятая трава; вѣтеръ подбрасывалъ клочки разорванной бумаги, а въ сторонѣ мрачно покачивался окоченѣвшій трупъ Оруна.

Послѣ отъѣзда Гнатка съ Оруномъ, арендаторъ перевоза побѣжалъ въ мѣстечко и оповѣстилъ въ замкѣ о появленіи гайдамаковъ и похищеніи ими проѣзжаго купца;

но погони за ними не снаряжали: въ замкѣ была небольшая команда, состоявшая изъ 20 жолнеровъ надворной милиціи, но губернаторъ счелъ болѣе удобнымъ не рисковать своими незначительными силами, не зная численности гайдамацкаго отряда; онъ только принялъ мѣры предосторожности для охраненія мѣстечка и замка. Втеченіе нѣсколькихъ дней ходили конные патрули осматривать берега Роси, и на ночь, у воротъ замка, возводили подъемный мостъ и ставили стражу у палисада; но гайдамаки не появлялись, и черезъ недѣлю предосторожности были оставлены, и жизнь въ мѣстечкѣ потекла обыкновеннымъ порядкомъ. Въ то время появленіе мелкихъ гайдамацкихъ партій и нападенія ихъ на проѣзжихъ были дѣломъ слишкомъ обычнымъ и не особенно волновали публику. Прождавъ нѣсколько дней, арендаторъ перевоза доставилъ Оруновъ возъ и лошадей въ мѣстечко и сдалъ ихъ на попеченіе кагала. Владѣлецъ исчезъ безъ вѣсти, на томъ порѣшили и успокоились, не предпринимая поисковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ МАЛУРУССКАГО НАРЪЧІЯ ВЪ XVII В. ¹⁾.

II.

Классификація малорусскаго матеріала въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка.—Черты малорусскаго нарѣчія, сходныя съ церковнославянскими.—Звуки гласные и согласные.—Формы имени существительнаго.—Глагольныя формы.

„Людемъ потрібна ѣсть мѡва“, сказано въ панегирикѣ Петру Могилѣ, ибо „хто не глбый, зѡжъ не чѡтъ, що не мѡкитъ слѡка?“

Отсюда—важность грамматики, которая „ѡчитъ слѡвъ и мѡвы“ и даетъ возможность „то познати, гдѣ позкѡлно по нѣкомъ мѣстѣ“ человѣку, какъ „розмножъ зкѣрѣти“.

Очевидно, составитель этихъ стиховъ не довольствовался своею природною *мовою*, безъ которой онъ не могъ бы приступить къ изученію самой грамматики. Онъ имѣлъ въ виду *мову* книжную, принятую въ кругу людей болѣе или менѣе просвѣщенныхъ: „по мѡки, говорить онъ, знати рѣтора, поѣтъ“...

И однако же въ его собственной *мовѣ* замѣтны слѣды народнаго просторѣчія. Видно, не легко было ему подавить въ себѣ чувство родной рѣчи, которая сопровождаетъ, какъ извѣстно, всякое движеніе мысли, сообщая ей своеобразныя краски. Не легко было и другимъ малорусскимъ писателямъ отрѣшиться отъ впечатлѣній народнаго быта, народныхъ понятій, которыя переплетаются съ народною рѣчью въ одно неразрывное цѣлое. Это, можно сказать, стихійное вліяніе народной рѣчи поддерживалось

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1888 г., май.

и укрѣплялось необходимостью обращаться съ живымъ словомъ къ людямъ разныхъ общественныхъ положеній, разныхъ степеней образованія, начиная отъ представителей власти духовной и свѣтской до простой *челяди*. Издавая въ свѣтъ „Свѣтаніе корѣчкони наѣки ѡ арчикѣлахъ вѣры“, сотрудники Петра Могилы довольно обстоятельно указали кругъ читателей, для которыхъ предназначалась эта книга. „Публнкѣтска“ она, сказано въ предловѣ къ ней, „дла сынѣвъ цѣрки православної кадшличкони всхѣднені, къ тѣмъ цель и коніць, абы не тѣліко сімье Іерее къ парадѣлахъ своіхъ... наѣкѣ... подавали на кожій день“, но чтобы „и свѣцкіе православныі оумлѣючіи читати, не змѣючимъ и прѣстѣишимъ с повинности спѣсѣкомъ наѣкѣ преподаючіи заправсвали, а найкѣзѣи рѣдичѣ дѣтїи своіхъ, панскіе чѣладь, прѣложѣныі собѣ полїглыхъ, ѡсѣлѣвшимъ іднакѣ спѣсѣкомъ, абы по шкѣслахъ вѣкѣ дндакѣлашкѣ іакѣ найпїлнѣи своіхъ оучнѣвъ заправсвали“...

Такимъ образомъ народныя стихи и рѣчи вторгались и въ богословскія сочиненія не только полемическаго, но и догматическаго содержанія. Даже въ богослужебныхъ книгахъ, на примѣръ, въ Трїодяхъ, особенно постныхъ, мы встрѣчаемъ малорусскую рѣчь—именно въ *синаксаряхъ*, въ которыхъ обыкновенно разсказывается исторія праздника или святаго въ поучительномъ тонѣ. На смѣну „Учительныхъ евангелій“, преобладавшихъ въ первой половинѣ XVII вѣка, появились въ печати громадныя сборники проповѣдей, написанныхъ тою же книжною малорусскою рѣчью, во второй половинѣ XVII в. Мы разумѣемъ проповѣди Іоаннікія Галатовскаго и Антонія Радивиловскаго. Само собою разумѣется, что въ произведеніяхъ поэтическаго колорита—всякаго рода *виршахъ* и апокрифическихъ сказанійхъ—народная рѣчь должна была выступить съ особенною настойчивостью. То же нужно сказать и о малорусскихъ лѣтописяхъ, какъ первой, такъ и второй половины XVII вѣка.

Трудно разобратъся въ громадной массѣ изданныхъ и неизданныхъ произведеній, представляющихъ матеріалъ для изученія книжной малорусской рѣчи XVII вѣка. Въ основѣ ея лежала та же славянорусская рѣчь, черты которой указаны нами

были выше. Что касается до малорусскихъ особенностей ея, то у разныхъ писателей онѣ распредѣлены неравномѣрно. Большею частію ученость писателя обратно пропорціональна народности его рѣчи. Многое зависѣло также отъ предмета рѣчи: чѣмъ дальше онъ стоялъ отъ жизни, тѣмъ меньше считалось возможнымъ говорить объ немъ обыкновенною рѣчью. На этихъ отношеніяхъ предмета къ ученой эрудиціи писателя основаны разныя колебанія въ сторону книжнаго или народнаго строя рѣчи. Отсюда стилистическое разнообразіе книжной малорусской рѣчи, поддерживаемое также индивидуальностію писателя, тѣмъ или другимъ складомъ ума, тѣми или другими душевными навыками и вкусами его. Иногда ученый писатель обладалъ природною живостію мысли, поэтому о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ онъ говорилъ живою рѣчью. Таковъ, напримѣръ, былъ Іоанникій Галатовскій, составитель схоластической риторики, известной подъ заглавіемъ: „Наѣка ѣлко спсѣѡ ѡ зложѣнїа казѣнїа“. Наука эта не помѣшала ему сообщить книжнымъ, условнымъ формамъ выраженія рѣзвѣй колоритъ народной рѣчи.

Представляя опытъ научнаго анализа книжной малорусской рѣчи въ цѣломъ ея составѣ, а не въ отдѣльныхъ произведеніяхъ тѣхъ или другихъ малорусскихъ писателей, мы будемъ искать опорной точки въ тѣхъ условіяхъ обработки ея, которыя стояли независимо отъ личнаго авторства и даже подчиняли своему вліянію его своеобразные приемы и средства выраженія. Эти условія заключались въ самыхъ свойствахъ малорусскаго нарѣчія. Мы разумѣемъ прежде всего *черты сходства его съ нарѣчіемъ церковнославянскимъ*, располагавшія малорусскихъ писателей къ употребленію тѣхъ или другихъ славянскихъ звуковъ и формъ, которыя болѣе или менѣе свойственны были и древнерусскимъ нарѣчіямъ. Нѣкоторыя изъ этихъ звуковъ и формъ и донинѣ еще спорадически живутъ въ разныхъ говорахъ великорусскаго и малорусскаго нарѣчій, но въ этомъ послѣднемъ большинство изъ нихъ занимаетъ выдающееся положеніе, какъ типическая принадлежность *всего* малорусскаго нарѣчія, въ которомъ, вообще говоря, церковнославянская старина менѣе забыта, чѣмъ въ нарѣчїи великорусскомъ. — Нужно выдѣлить затѣмъ изъ книжной

малорусской рѣчи такъ называемые *общерусскіе* элементы ея, *чуждые церковнославянскому нарѣчію*. Одни изъ нихъ составляютъ общую принадлежность *всѣхъ* великорусскихъ и малорусскихъ говорѣвъ, другіе же можно назвать общерусскими въ томъ смыслѣ, что они встрѣчаются въ отдѣльныхъ говорахъ, какъ великорусскаго, такъ и малорусскаго нарѣчій. Встрѣчаются нѣкоторыя изъ нихъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, которыя самостоятельнымъ путемъ пришли къ тѣмъ же результатамъ, но мы въ данномъ случаѣ отправляемся отъ мысли, что въ великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіяхъ есть такія особенности, которыя удобнѣе всего объясняются отношеніями *ближайшаго* родства между ними, располагающаго думать, что оба они возникли изъ *одного ближайшаго* источника. Поэтому мы не желаемъ безъ нужды расширять кругъ аналогій, не справляясь съ основными свойствами матеріала, къ которому онѣ прилагаются.—Наконецъ, послѣ выдѣленія общерусскихъ звуковъ и формъ, въ остаткѣ получатся *собственно малорусскіе звуки и формы*. Они тоже восходятъ къ преданіямъ древнерусской письменности, но въ то же время они чужды, какъ церковнославянскому, такъ и великорусскому нарѣчію.

Весь этотъ матеріалъ рѣчи представляетъ устойчивую, твердую почву, отъ которой не могли отрѣшиться малорусскіе писатели,—не можемъ отрѣшиться и мы въ изслѣдованіи созданной ими книжной малорусской рѣчи. Мы остановимся, главнымъ образомъ, на звуковой сторонѣ ея, а также на формахъ имени существительнаго и глагола, оставляя въ сторонѣ мѣстоименныя и сложныя именныя формы, представляющія большую частію видоизмѣненіе простыхъ именныхъ формъ. Не войдутъ въ нашъ обзоръ также звуки и формы, которыя сохранились во *всѣхъ* русскихъ нарѣчіяхъ, какъ общее наслѣдство отъ праславянской эпохи. Вообще же—для устранения всякихъ недоумѣній, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы имѣемъ въ виду не столько грамматику книжной малорусской рѣчи, сколько ея стилистическія особенности, состоящія въ большей или меньшей зависимости отъ грамматическаго матеріала ея. Не всѣ звуки и формы, какъ общерусскія, такъ и малорусскія, вошли въ составъ

книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, поэтому не всѣ они встрѣчаются и въ нашемъ изслѣдованіи. Мы рѣшились сдѣлать исключеніе только для тѣхъ звуковъ и формъ, преимущественно малорусскихъ, отсутствіе которыхъ въ книжной малорусской рѣчи немаловажно для характеристики ея.

Гласный звукъ е безъ іотнаго призвука.

Одна изъ звуковыхъ особенностей современнаго намъ малорусскаго нарѣчія, сближающая его съ нарѣчіями южнославянскими—болгарскимъ, сербскимъ и словинскимъ, есть широкое е безъ іотнаго призвука и, слѣдовательно, безъ смягченія предшествующаго согласнаго. Оно звучитъ твердо: а) въ тѣхъ случаяхъ, когда употребляется между согласными, какъ бѣглый звукъ, для облегченія выговора: *вітеръ, сестѣръ*; б) въ полногласныхъ формахъ, а равно при сочетаніи согласныхъ съ слогами *ер, ре: бѣрегъ, простѣртый, хрѣст*; в) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда соответствуетъ церковнославянскому *ѣ: дѣнь*. Церковнославянское *ѣ* послѣ согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчіи сохранилось только въ сред. р. именъ прилагательныхъ, въ имен. и вин. един. ч: *сѣньейе, третъейе*, а въ сѣверно-малорусскомъ и галицкомъ говорахъ—при удвоенныхъ согласныхъ: *весѣлье, насѣнье*. Въ украинскомъ говорѣ въ этихъ формахъ слышится *я* вмѣсто *ѣ*. Слѣды этого превращенія *ѣ* въ *я* можно видѣть уже въ XIII в: *умножьнѣя, куръ машнѣя* (Типогр. еван. № 6, XIII в.)¹⁾. Конечно, въ древнѣйшемъ состояніи малорусскаго нарѣчія мягкое е (= *ѣ*) было звукомъ болѣе распространеннымъ, чѣмъ въ послѣдствіи: 2) по крайней мѣрѣ, въ древнерусскихъ памятникахъ не только сѣверныхъ, но и южныхъ, мы встрѣчаемъ *ѣ* тамъ, гдѣ по церковнославянской грамматикѣ можно бы было ожидать *е: клевета, оумножитѣ*, (Сбор. 1073 г.), *о съемъ* (Ж. Θ. XII в.), и даже въ сравнительно позднихъ южнорусскихъ памятникахъ изрѣдка стоитъ *ѣ* вмѣсто *е: тебѣ, всѣю* (Луц. еван. XIV в.)³⁾.

¹⁾ Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 84.

²⁾ Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 115.

³⁾ Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 81, 82.

Въ замѣнъ этого *je* постепенно развивалось въ малорусскомъ нарѣчій широкое *e*, которое въ церковнославянскомъ нарѣчій, безъ сомнѣнія, произносилось иначе, чѣмъ *je*. Теперь въ малорусскомъ нарѣчій это широкое *e* употребляется преимущественно въ открытыхъ слогахъ—въ тѣхъ сочетаніяхъ съ согласными звуками, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчій было простое, не іотированное *e*: *менѣ, тебѣ, себѣ* (род. ед.), *нѣ, нѣбо, ведѣть* и проч. Вотъ это старое *e*, тождественное съ церковнославянскимъ неіотированнымъ *e*, напоминало малорусскимъ писателямъ церковнославянское нарѣчіе, поэтому іотированное *e* (*je*), какъ замѣчаетъ Мелетій Смотрицкій, „нынѣшними пицѣи ѡгъакиа“. Въ правописаніи малорусскомъ рядомъ съ обыкновеннымъ *є* установилось долготязычное *ѣ*¹⁾. Мелетій Смотрицкій предлагаетъ употреблять эту букву въ иностранныхъ словахъ, напр., въ словѣ „ѣмманѣилъ“, а также въ падежахъ множ. ч. для отличія ихъ отъ падежей един. ч.: „гдѣи кльѣрѣтъ, чѣхъ кльѣрѣтъ“. Въ позднѣйшей малорусской печати эта буква выражала іотированное *e* въ началѣ словъ: *ѣгѣ, ѣже, ѣтъ* и проч.

Губные и гортанные согласные.

Непереходная мягкость согласныхъ въ малорусскомъ нарѣчій менѣе развита, чѣмъ въ великорусскомъ. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе представляетъ большее сходство съ южнославянскими, чѣмъ съ сѣверными славянскими нарѣчійми, изъ которыхъ въ лужицкомъ, польскомъ и великорусскомъ *всякій* согласный звукъ можетъ быть произнесенъ твердо и мягко. Эта особенность согласныхъ звуковъ, которую Срезневскій называетъ „строгимъ отличеніемъ слоговъ твердыхъ и мягкихъ“, и которую онъ считаетъ нормальной чертой „чистаго славянскаго языка“. Образцами наиболѣе „чистаго славянскаго языка“ онъ признаетъ языкъ Остромирава евангелія, Туровскаго евангелія, Чудовской псалтири, Сборника 1073 г., Сборника XIII

¹⁾ *ѣ* встрѣчается уже въ Служебникѣ XII в. (Москов. синод. библиот. Горс. и Новостр. кн. 5, стр. 4). Впрочемъ, стали употреблять *ѣ*, говоритъ Срезневскій, только въ концѣ XIV в. (Славянорус. палеографія, см. Ж. М. Н. Пр. 1867 г., Январь).

словъ Григорія Назіанзіна, Евгеніевской псалтири ¹⁾). Между тѣмъ, во всѣхъ этихъ памятникахъ XI вѣка есть уже болѣе или менѣе рѣзкіе слѣды смѣшенія твердыхъ слоговъ съ мягкими—съ преобладаніемъ первыхъ надъ послѣдними. Такъ, въ Остроміровомъ евангеліи часто стоитъ *ъ* вмѣсто *ь* послѣ шипящихъ,—буквы *а, о, ѡ* вмѣсто *я, ю, ѡ*, послѣ *з* и *р*: *кѣнѣза, пѣнѣзѣу, алгара* и проч. Срезневскій объясняетъ это смѣшеніе діалектическимъ наслоеніемъ разныхъ нарѣчій южнославянскихъ. Такъ или иначе, не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что въ древнѣйшей редакціи XI вѣка церковнославянскій языкъ представлялъ уже систему согласныхъ, значительно наклоненную къ твердому произношенію ихъ. Что касается до нарѣчій древнерусскихъ, то въ нихъ послѣ паденія *ъ* и *ь* появилась, какъ секундарная твердость, такъ и секундарная мягкость согласныхъ въ слѣдствіе новой группировки ихъ. На страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, сѣверныхъ и южныхъ, встрѣчаются явленія того и другаго рода, но воспользоваться ими для характеристики тѣхъ или другихъ древнерусскихъ говоровъ пока нѣтъ никакой возможности. То же нужно сказать и о превращеніи твердыхъ согласныхъ въ мягкіе, и наоборотъ, стоящемъ независимо отъ паденія глухихъ гласныхъ. Относительно южнорусскихъ говоровъ можно замѣтить только, что въ нихъ отверднѣніе согласныхъ развивалось по мѣрѣ развитія широкаго *е* и смѣшенія основнаго *и* съ основнымъ *ы*. Въ современныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія наибольшую твердость сохранили губные и гортанные согласные ²⁾). Правда, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ превращеній въ области гласныхъ звуковъ, губные согласные начали произноситься мягко въ малорусскомъ нарѣчій предъ *і* изъ *ъ, о, е, а* гортанные—предъ *і* изъ *о* и основнымъ *и*, въ нѣкоторыхъ же галицкихъ говорахъ и предъ другими іотированными гласными ³⁾). Тѣмъ не менѣе твердость губныхъ и гортанныхъ согласныхъ составляетъ господствующую черту мало-

¹⁾ Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, 169—184.

²⁾ Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 228—233, 248—253.

³⁾ Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. E. Ogonowski, 78, 79, 80.

русскаго нарѣчія, не чуждую и разнымъ говорахъ великорусскимъ, особенно бѣлорусскому, въ которомъ она, однако же, проведена съ меньшею послѣдовательностію, чѣмъ въ малорусскомъ нарѣчіи¹⁾. Отмѣтили эту черту и малорусскіе писатели XVII вѣка. Такъ, мы постоянно встрѣчаемъ у нихъ: *цѣкскѣ* (Рад. Ог. 156), *лкѣскѣ* (Г. М. 202), *кровѣ* (Лям. Бѣлоз.) и т. п. Нерѣдко послѣ губныхъ стоитъ *л*: *лкѣлтѣ* (Рад. Ог. 392), *лкѣлтѣ* (Ів. 301), *пѣлтѣ* (Ів. 42), *лѣло* (Ів. 29), но какъ произносились въ этомъ случаѣ губные, видно изъ начертаній: *здѣрѣ* (Рад. Ог. 29), *бѣздрѣ* (Ів.), *ѣю* (Ів. 1016). *кѣтѣ* (Ів. 1123). Только предъ *ь = i* губные произносились, какъ и теперь произносятся, мягко. Конечно, это правописаніе во многомъ отстываетъ отъ древнѣйшихъ образцовъ церковнославянской рѣчи, но и въ ней, какъ извѣстно, губные согласные мало способны были къ мягкому произношенію. Точно такъ же и гортанные согласные не соединяются въ малорусскомъ нарѣчіи съ іотированными и вообще съ мягкими гласными, поэтому они и донинѣ сохраняютъ старинную свою *переходную* мягкость: во флексіяхъ именъ существительныхъ, именно предъ *е*, они переходятъ въ шипящія: *небѣже*, *козѣче*, *птѣше*, а предъ *і*—въ свистящія: *небѣзі*, *на рѣчіі*, *у стрѣсі*. Такъ было и въ церковнославянскомъ языкѣ, о чемъ обстоятельно говоритъ въ грамматикѣ своей Мелетій Смотрицкій. Такимъ образомъ, подчиняясь своему природному выговору, малорусскіе писатели поддерживали въ книжномъ употребленіи эту старину церковнославянскую: *дрѣже* (Г. К. 24), *кѣ дѣрѣтѣ* (Ів. 213), *кѣ кнѣзѣ* (Г. М.), *кѣ рѣцѣ* (Ів.) *кѣ наѣцѣ* (Г. К. 219), *кѣ флѣшцѣ* (Ів. 210), *монѣрѣ* (Ів. 240).

Звучные согласные.

Есть еще одна черта малорусскаго консонантизма, созвучная съ церковнославянскимъ: это именно сохраненіе звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ частяхъ слова, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи они стояли предъ гласными звуками вообще и глухими гласными въ частности. Особенно рѣзко бросается въ глаза со-

¹⁾ Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 67, 69—70.

храненіе звучныхъ въ концѣ словъ: *скарбъ, рѣвъ, торы, городъ, нижъ, визъ* и проч. Но и въ срединѣ словъ звучные согласные выдерживаются не только тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчїи они встрѣчались съ гласными звуками, но даже тамъ, гдѣ этихъ послѣднихъ никогда не было: *гребти, стеретти, везти*. Собственно говоря, ни въ одномъ славянскомъ нарѣчїи эта количественная слабость согласныхъ не проведена съ такою послѣдовательностію, какъ въ малорусскомъ. Что касается великорусскаго нарѣчїя, то въ этомъ отношенїи оно представляетъ сплошную картину количественной силы согласныхъ, ибо въ немъ ассимилируются звучные въ отзвучные, какъ въ срединѣ словъ предъ отзвучными, такъ и въ концѣ словъ. Не повторяя того, что сказано нами было въ изслѣдованїи о количественной природѣ малорусскихъ согласныхъ ¹⁾, считаемъ не излишнимъ указать на звучное произношеніе ихъ въ малорусскомъ нарѣчїи, какъ на такую особенность, которая располагала малорусскихъ писателей къ сохраненїю на письмѣ звучныхъ согласныхъ въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ они стояли и въ церковнославянскомъ нарѣчїи подъ защитой гласныхъ звуковъ, и особенно глухихъ гласныхъ *з* и *ж*. Въ такихъ, напримѣръ, начертанїяхъ, какъ *тридцати* (Рад. Ог. 385), *пайдорѣжнихъ* (Ib. 11), звуки *д* и *ж* не только писались, но и произносились. Слѣдуетъ ли отсюда, что эти гласные въ малорусскомъ нарѣчїи жили долѣе, чѣмъ въ великорусскомъ ²⁾, объ этомъ можно спорить, но остается безспорнымъ тотъ фактъ, что потеря ихъ не отразилась въ малорусскомъ нарѣчїи на перестроѣ звучныхъ согласныхъ въ пользу отзвучныхъ, поэтому и теперь для малороссїянина не представляетъ никакого затрудненїя выдержать въ правописанїи звучные согласные звуки, соотвѣтствующіе церковнославянскимъ.

Чередованіе согласныхъ звуковъ съ гласными.

Въ связи съ звучной природой малорусскихъ согласныхъ стоитъ болѣе или менѣе равномерное чередованіе ихъ съ гласными звуками. Уже сами по себѣ звучные согласные заключаютъ въ себѣ нѣкоторый

¹⁾ Очеркъ звуковой исторїи малорусскаго нарѣчїя, 151—219.

²⁾ Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Spr. E. Ogonowski, 48.

оттѣнокъ гласности. А такъ какъ въ окончаніяхъ малорусскихъ словъ главнымъ образомъ сосредоточены гласно-звучные элементы, то понятно, почему звучные согласные скопляются большею частію въ началѣ словъ. Поэтому въ началѣ и въ концѣ малорусскихъ словъ чрезвычайная рѣдкость встрѣтить трехчленные и особенно четырехчленные согласныя группы, нерѣдко встрѣчаемыя въ нарѣчіяхъ западно-славянскихъ. Въ этомъ отношеніи малорусское нарѣчіе принадлежитъ къ типу южнославянскихъ, не уступая имъ въ легкости согласныхъ группъ, растворенныхъ обиліемъ гласнаго элемента. Мы имѣли случай указать техническія условія этого звуковаго строя малорусской рѣчи¹⁾. Это именно: 1) приставка и вставка гласныхъ звуковъ для облегченія выговора согласныхъ сочетаній: *и-рждъ*, *И-ловъз*²⁾, *и-шовъз*, *и-шлѣ* (Перес. еван. 26), *о-се-лѣдець*, *ис о-вторка* (Хм. л.), *у-аесь*, *сү къ ѓгѣнь* (Сбор. ц. ар. м.), *у въ олтари* (Кіев. л. 84), *у вошла* (Меж. л. 98), *у въ иншихъ мѣстахъ* (Пал. З. К. 1006), *лев-лева*, а не *льва*, *лобъ-лоба*, а не *лба*; 2) приставка согласныхъ къ началу слова для устраненія зіянія: *в-огонь*, *в-овця* (Гал. ев. XIII в.)³⁾, *в-олтарь* (Полн. ев. XIV)⁴⁾, *в-окно* (Грам. XV в.)⁵⁾, *г-оріа*, *г-ангол*; 3) отбрасываніе начальныхъ гласныхъ и вокализанія согласныхъ для той же цѣли: *волка*, *му* вмѣсто *ему*⁶⁾, *мамъ* (Полик. ев. XIV в.)⁷⁾, *спѣкѣдъ* (Г. кл. 31), *уся. уси* вмѣсто *вся*, *всі* (Грам. XV в.)⁸⁾, *оу* вмѣсто *въ*, *унукъ* вмѣсто *внукъ* (Гр. 1350)⁹⁾. Тѣ же явленія повторяются и въ срединѣ словъ¹⁰⁾. Конечно, въ церковнославянскомъ нарѣчіи они не имѣли того вида, какой имѣютъ теперь въ малорусскомъ нарѣчіи, но важно то, что, развиваясь постепенно на древнерусской почвѣ, они наклоняли малорусскій

¹⁾ Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 151—219.

²⁾ АЗР. I. 30.

³⁾ Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 105.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ АЗР. I. 43.

⁶⁾ АЮЗР. II. 102.

⁷⁾ Очерки изъ исторіи рус. яз. Соболевскаго, 99.

⁸⁾ Древніе памятники рус. письма и яз. Срезневскаго, 687.

⁹⁾ Гол. гр. № 2.

¹⁰⁾ Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 57. 63. 90. 95.

консонантизмъ къ равновѣсію его съ вокализмомъ, что, какъ извѣстно, составляетъ въ церковнославянскомъ нарѣчіи особенно рѣзкую, выдающуюся его особенность.

Не мало сохранилось въ малорусскомъ нарѣчіи церковнославянскихъ архаизмовъ и въ склоненіи именъ существительныхъ.

Именительный падежъ множ. ч.

Смѣшеніе темы *a* съ темой *y* въ именит. множ. явилось уже въ церковнославянскомъ нарѣчіи, встрѣчается нерѣдко въ древнерусскихъ памятникахъ, сохранилось и донынѣ преимущественно въ галицкихъ говорахъ малорусскаго нарѣчія: *птаховѣ* (Чуб. V, 223), *ляховѣ* (Пис. Б. X.) „а мои *сватовѣ*—у воді *раковѣ*“ (Гол. I. 74), „що то в полі за *димовѣ* (Ib. 37),—даже въ женск. р. *вромадовѣ* (Ib. II. 33), поэтому и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *пáновѣ*, *мсна́рхокѣ* (Г. К. 62), *жидовѣ*, *турковѣ* и *вси еретиковѣ* (Пал. З. К. 320). Есть въ ней и другія не менѣе древнія окончанія имен. множ. муж. р: *козаци* и *козацы* (Льв. II.), *мниси* (Ib.). И теперь еще не вполнѣ исчезли эти формы изъ народной рѣчи: *вовци*, *птасі*, *слузї*¹⁾. Совсе пѣтъ въ малорусскомъ нарѣчіи позднѣйшихъ великорусскихъ окончаній *a*, *я* для именъ существительныхъ муж. р.²⁾.

Родительный падежъ множ. ч.

Архаическія формы во множ. ч: *сім год*, *сім рік* послѣ именъ числительныхъ свойственны, какъ великорусскому нарѣчію, такъ и малорусскому. Впрочемъ, малорусскіе писатели, по видимому, избѣгали этихъ формъ. Въ галицкихъ пѣсняхъ живетъ еще старинная форма: *людїй* (Гол. I. 293), которая не встрѣчается не только въ великорусскомъ, но и въ остальныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Отсюда аналогическія формы въ именахъ темы *a* мягкаго склоненія: *плечїй* (Гол. III. 100), *конїй* (Ib. 226). Слѣды этой формы есть и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „*людїй погубили*“ (Хм. л.), *рáзїй* вмѣсто *разз* или *разовз* (Рад. Ог. 396).

¹⁾ Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 125.

²⁾ Эти окончанія появляются въ великорусскихъ грамотахъ только въ XV в. (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 140).

Дательный падежъ единст. и множест. ч.

Въ церковнославянскомъ нарѣчіи окончаніе *ови* въ единс. ч. употребляется не только въ именахъ темы *а*, но и въ именахъ темы *і* мужес. р: господки (Остр. еван.). Въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ была это форма очень распространенная, но настойчивѣе выдерживается она въ памятникахъ южнорусскихъ и западнорусскихъ. Въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка она составляетъ такое же обычное явленіе, какъ въ церковнославянскомъ и современномъ малорусскомъ нарѣчіи: *кумові, коневі* (въ галиц. *кумови, коневи*), при чемъ это окончаніе безразлично употребляется въ именахъ предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ.

Считаемъ нужнымъ отмѣтить также исконное согласіе малорусскаго нарѣчія съ церковнославянскимъ въ мягкомъ склоненіи именъ женс. р. *землі, души*,—утраченное въ великорусскомъ нарѣчіи. ¹⁾

Архаическія формы дат. множ. слышны еще въ галицкихъ говорахъ, какъ въ темѣ *а*, такъ и въ темѣ *і*: въ послѣднемъ случаѣ иногда безъ всякаго отличія отъ церковнославянскихъ: *костем, людем*, но часто съ малорусскимъ видоизмѣненіемъ *е* въ *і*, а въ именахъ темы *а*—звука *о* въ *і*. Не исчезла эта старинная форма, нѣкогда жившая во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ ²⁾. Въ книжной малорусской рѣчи часто восстанавливались церковнославянскія окончанія *омъ, емъ*, какъ такія формы, которыя не были еще утрачены въ чувствѣ языка, хотя въ народномъ употребленіи и были уже окрашены малорусской фонетикой: *паномъ, татаромъ* (Хм. л.), *ляхомъ* (Пис. Б. X.), *рѣднчомъ* (Г. К. 172), *непріятелемъ* (Льв. П.), *людіемъ* (Г. М. 84) и т. п.

Винительный падежъ множ. ч.

Во множ. ч. и теперь еще замѣтно въ народныхъ пѣсняхъ стремленіе сохранить старинный винит. падежъ, не замѣняя его въ именахъ предметовъ одушевленныхъ падежемъ родительнымъ:

¹⁾ Объ этомъ см. ниже.

²⁾ Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, Колосова, 219.

„ви, високі береги, не стискайте ми *сини*, а ти, тихий Дунай, моі *сини* не займай“ (Гол. III. 23); „присилайте *свати* въ хати“ (ib. 162). Точно такъ же и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „побили и пана, и паню, и *дѣти*“ (Льв. п.); „*Мисіа прадѣкый мѣль ѡкнѣти старозаконныи ѡфѣры* — колы, козлы, карань, ѡвцы, голуки, гѡранцы, корокѣ“ (Г. М. 224); „*невѣсты* протили“ (Хмѣл. л.); „на *козаки* пошли ляхи“, но въ той же фразѣ: „побили *козаковъ*“ (ibid).

Звательный падежъ.

Въ старину формы звательнаго падежа свойственны были всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, хотя уже въ XI в. въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ встрѣчается замѣна звательнаго падежа именительнымъ. Такъ, въ новгородскихъ минеяхъ XI в. рядомъ съ „*михаиле архистратиге*“ есть „*михаилъ архистратигъ*“. ¹⁾ Теперь зват. падежъ сохранился во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія со всѣми церковнославянскими особенностями его: въ именахъ темы *а* съ окончаніями *о*, *е*: *жінко. земле, куме*, въ именахъ темы *у*—съ окончаніемъ *у*: *сину*,—при чемъ въ малорусскомъ нарѣчіи дальше проведено церковнославянское смѣшеніе темы *а* съ темой *у*: *царю, коню, батьку, дядку* и проч. Сохранилось и церковнославянское смягченіе гортанныхъ въ этомъ падежѣ въ шипящѣ предъ гласнымъ *е*: *друже, чоловіче*. Въ галицкихъ пѣсняхъ удержались даже такія формы этого падежа, какъ *отче, жено*: „ой, *отче* мій, преч від мене, не розкравай сердце мое“ (Гол. I. 141); „ой рік же я до жепи: ходимъ, *жено*, до куми“ (Ibid. 216). Само собою разумѣется, что въ употребленіи этого падежа старинные малорусскіе писатели не чувствовали никакого различія между своимъ роднымъ нарѣчіемъ и церковнославянскимъ, поэтому зват. падежъ всегда составлялъ коренную принадлежность книжной малорусской рѣчи: *мáткo* (Г. Чуд. 136), *мáмо* (Рад. Ог. 783), *прáттелькo* (Г. К. 149), *надѣкѣ моѡ* (Стр.), *дѡшѣ* (Г. Чуд. 134), *дрѡже* (Г. К. 24), *стáрче* (Г. Чуд. 134), *сынѡ* (Ib. 107), *тáтѡ*,

¹⁾ Изв. Ак. т. II, вып. V, 436. О незначительныхъ остаткахъ этого падежа въ сѣверно-великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ см. Обзоръ звуъ. и форм. особенностей народнаго рус. языка, Колосова, 214.

мѣстѣнѣю (Ib. 185). Встрѣчается, хотя и рѣдко, зват. падежъ и въ темахъ *i*: „о лѣкостн земнѣа“ (Стр.).

Во множес. ч., какъ и въ церковнославянскомъ нарѣчїи, зват. падежъ замѣняется именительнымъ, и притомъ иногда въ старинной формѣ темы *у*: корожкѣнскѣ (Г. К. 168), пѣнскѣ, скѣчскѣ (К. X.).

Творительный падежъ един. и множ. ч.

Въ творит. единс. женс. р. въ малорусскомъ нарѣчїи, согласно съ церковнославянскимъ, окончанія *ою*, *сю*, никогда не переходятъ, какъ въ великорусскомъ, въ *ой*, *ей*. То же и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: рѣкѣю, землѣю, даже копѣю (Г. К. 71).

Во множ. ч. въ нѣкоторыхъ разнорѣчїяхъ галицкаго малорусскаго говора сохранились архаическія окончанія этого падежа, какъ въ именахъ темы *а*: *берегы*, *волы*, *плыы*, *цвѣты*, даже съ переносомъ окончанія мужес. р. на женс. р: *слѣзы*,—такъ и въ именахъ темы *i*: *кѣстѣми*¹⁾, при чемъ вліяніе первыхъ на послѣднія замѣтно не только въ галицкомъ, но и въ украинскомъ малорусскомъ говорѣ: *кѣнѣми*, *грѣшѣми*. Тѣ же старинныя формы и то же смѣшеніе темы *а* съ темой *i* въ этихъ формахъ замѣчается и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, хотя нѣкоторыя разнорѣчїя этого говора вовсе не знаютъ творит. падежа множ. ч., замѣняя его дательнымъ²⁾. Малорусскіе писатели XVII в. не различали въ этомъ падежѣ темы *а* отъ темы *i*, приписывая смѣшеніе этихъ темъ церковнославянскому нарѣчїю, въ которомъ, по мнѣнію М. Смотрицкаго, возможны были двоякія окончанія въ творит. множ: *пѣстыри*, *скѣдѣтели*, *кращѣ*, *знаменѣи* и *пѣстырѣми*, *скѣдѣтелѣми*, *кращѣми*, *знаменѣми*. Съ другой стороны, эти послѣднія окончанія они охотно употребляли въ такихъ выраженїяхъ, которыя носятъ всѣ признаки народной конструкціи рѣчи: „передъ зелеными *святѣми*“ (Льв. II.); „вѣчными *часы* у згодѣ жити“ (Ibid.).

Предложный падежъ един. и множ. ч.

Мягкое склоненіе именъ темы *а* въ един. ч. удерживаетъ церковнославянское окончаніе *и*: *на конѣ*, *на полѣ*, *на землѣ*. Въ вели-

¹⁾ Studien auf dem Gebiete der Ruth. Spr. Ogonowski, 127.

²⁾ Обзоръ зву.. и форм. особенностей народнаго русскаго языка, Колосова, 223

корусскомъ нарѣчїи старинное *и* замѣнено мягкимъ *е* (*ь*). Весьма можетъ быть, что *і* въ данномъ случаѣ сохранилось въ малорусскомъ нарѣчїи, благодаря раннему превращенію въ соответствующихъ окончанїяхъ твердаго склоненїя *ь* въ *і*, но отрицать непосредственную связь этого *і* съ тѣмъ *и*, которое мы видимъ въ церковнославянскомъ нарѣчїи, нѣтъ никакого основанїя. Если это *і* образовалось изъ *ь* твердаго склоненїя, какъ думаетъ г. Потенбня¹⁾, то что за звукъ былъ въ этомъ падежѣ до появленїя въ немъ *і=ь*, какъ не тотъ же звукъ *і* (*и*)? А если это былъ тотъ же звукъ, то онъ не вновь явился здѣсь, а только получилъ поддержку въ однородномъ звукѣ изъ твердыхъ окончанїй. То же *и* постоянно выдерживается и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: *при коньцїи* (Г. К. 155), *въ мѣри* (Ів. 52), *въ Полиціи* (Хм. л.) и т. п.

Во множ. ч. сохранились въ галицкихъ разнорѣчїяхъ старинныя окончанїя *ех* и даже *ох*: *сынех*, *монастырех*, *грїсех*, *столовех*, *торюех*²⁾, *громох*³⁾. Окончанїе *ех* появилось въ темѣ *а* изъ темы *і*, а *ох*, по нашему мнѣнїю, есть остатокъ стариннаго смѣшенїя темы *а* съ темой *у*. Уже въ Остромировомъ евангелїи есть слѣды этого смѣшенїя, напр: *въ дѣмьхъ*. Въ Добриловомъ еванг. XII в. встрѣчаемъ то же самое слово съ замѣной *з* посредствомъ *о*: *домоохъ*⁴⁾. Такія же формы не рѣдки и въ другихъ древнерусскихъ, а также и южнорусскихъ памятникахъ: *оу торюохъ*, (Ів. 513), *о полякоохъ* (Гр. 1543 г.)⁵⁾, *стольцоохъ* (Перес. еван. 72). Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго нѣтъ окончанїя *охъ*, но окончанїе *ехъ* Смотрицкій приписываетъ церковнославянскому языку не только въ именахъ темы *і*, но и въ именахъ темы *а*, какъ въ мягкомъ склоненїи именъ мужес. и сред. р., напр: *пастырехъ*, *врачехъ*, *сѣрдцехъ*, такъ и въ твердомъ: *кѣннехъ*, *дрѣвехъ*. Вся разница, по его мнѣнїю, твердаго склоненїя отъ мягкаго заключается въ томъ, что въ первомъ возможно ря-

1) Отчетъ о 20 присужденїи наградъ гр. Уварова, 782.

2) Studien... Ogonowski, 127, 128.

3) Отчетъ о занятїяхъ славян. нар. (1876 г.) Кочубинскаго, 48.

4) Очерки изъ исторїи рус. яз. Соболевскаго, 115.

5) АЗЮР. I. 99.

домъ съ *ехъ* окончаніе *ихъ*. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, М. Смотрицкій, очевидно, смѣшиваетъ старое съ новымъ: церковнославянское окончаніе *ехъ* темы *i*, перенесенное въ малорусскомъ нарѣчій на имена темы *a*, онъ распространяетъ и въ церковнославянскомъ нарѣчій на тѣ же имена. Въ другихъ малорусскихъ произведеніяхъ XVII в. есть, какъ *ехъ*, такъ и *охъ*: *въ послехъ* (Хм. л.), на *кѣнѣхъ* (Г. К. 36), *въ пѣсняхъ* (Лям. Бѣлос.), *ѡ зкѣрѡхъ* (Г. Наука). Смѣшиваясь съ *ехъ*, окончаніе *охъ* могло переходить въ малорусскомъ нарѣчій чрезъ *юхъ* въ *іихъ*.

Двойственное число.

Остатки разныхъ падежей двойств. ч. уцѣлѣли до настоящаго времени въ малорусскомъ нарѣчій: „вина *дві скляниці*“ (Гол. I. 186), „назадъ *руки* звязали“ (ib. I. 139), *дві яблучіи* дала“ (ib. I. 69), даже *дві слові* (ib. III. 217), *очи*, *очима*, даже *крыльма* (Гол. I. 38), *дворома* (ib. I. 18). У М. Смотрицкаго исчислены всѣ церковнославянскія формы двойств. числа, но, конечно, въ XVII вѣкѣ онѣ не могли уже существовать во всей полнотѣ ни въ народномъ употребленіи, ни въ книжной малорусской рѣчи. Въ этой послѣдней часто встрѣчаемъ: *очи*, *очима* (Лям. Бѣлос.), *двѣ нащѣ* (Г. М. 86), а черезъ строку: *двѣ нащкн* (ib.), *двѣ причинѣ* (Рад. Ог. 45). Творит. двойств. большею частію попадаетъ въ именахъ числительныхъ: *шест'ма* (Г. К. 62), *ѡксам* (ib. 72), *дканѡдцѡтма* (Г. М. 239).

Въ согласныхъ темахъ малорусское нарѣчіе представляетъ одну особенность, стоящую въ связи съ церковнославянскими формами. Мы разумѣемъ имена существительныя съ тематическимъ *т*, которыя въ малорус. означаютъ не только молодыхъ животныхъ, но и предметы неодушевленные въ значеніи именъ уменьшительныхъ, напр: *юрищѡ*, *колѣщѡ*. Суф. *т* въ этихъ именахъ удерживается въ малорусскомъ нарѣчій, какъ и въ церковнославянскомъ, и притомъ въ обоихъ числахъ, а не въ одномъ множ. числѣ, какъ въ нарѣчій великорусскомъ, гдѣ суф. *т* въ единс. ч. сохранился только въ словѣ *дитя*. Слова: *теля*, *ягня*, *поросѡ*, *утя*, *лошѡ* только въ творит. падежѣ единс. ч. теряютъ суф. *т*: *телям*, *ягням* и проч. Есть подобныя формы и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: „*бѣдѡчи дитѡмѡ малѡмѡ*“ (Г. М.

227), *звѣрѣтъ* (Г. Каз. 24), *мижи звѣрѣты* (Рад. Ог. 375), *въ звѣрѣтахъ* (Г. М. 94.), *ослѣ, на ослѣти* (Г. К. 61), *звѣрѣти* (Г. М. 227), *пташѣта, пташѣтъ* (Г. Каз. 49), *елизнѣтамъ, елизнѣтахъ* (Рад. Ог. 515).

Глагольныя формы.

Въ глагольныхъ формахъ малорусское нарѣчіе значительно отступило отъ церковнославянскаго. Можно указать только немногіе остатки старины.

Неопр. склоненіе сохраняетъ еще суф. *ти* не только подъ удареніемъ, какъ въ великорусскомъ нарѣчьи. Этотъ суффиксъ изрѣдка слышится и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ, и наоборотъ, въ малорусскихъ говорахъ, сѣверномъ и украинскомъ, рядомъ съ *ти* есть и *ть*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. окончаніе *ть* чрезвычайно рѣдко,—всюду господствуетъ въ ней *ти*—окончаніе столько же народное, какъ и церковнославянское.

Такъ называемые архаическіе глаголы не потеряли еще въ малорусскомъ нарѣчьи своихъ древнихъ окончаній во 2 л. единс. и множ. чиселъ: *даси, йиси, дастѣ, йистѣ*. Въ сѣверномъ говорѣ великорусскаго нарѣчія изрѣдка встрѣчаются архаическія формы во 2 л. единс., но не множ. числа¹⁾,—есть онѣ и въ бѣлорусскомъ нарѣчьи²⁾. Нерѣдки эти формы и въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка: *оуѣѣти* (Г. М. 304), *кѣдѣти* (Рад. Ог. 386), *даси, дастѣ* (Г. Каз. 3).

Есть даже остатки аориста въ одномъ изъ архаическихъ говоровъ малорусскаго нарѣчія (у Гуцуловъ): „ой пішла *бих* до сестриці, сестриця ми мила“ (Гол. I. 222); „ой дам же вам, ледіники, по пив-золото, ой *абисте* ми имили фусточку шовкову“ (ib. 223). Для обозначенія прошедшаго продолженнаго въ томъ же говорѣ употребляется причастіе на *лз* съ *јех*: *був јех*“, при чемъ въ помощь къ *јех* появляется иногда *есми*: „косив *јех сми*“, „дивив *јех си сми* з горы на нѣго“³⁾. Это *јех (ѣс)* образовалось по аналогіи съ *бих* въ слѣдствіе смѣшенія формъ

¹⁾ Обзоръ звуковыхъ и форм. особенностей народ. рус. яз. Колосова, 243.

²⁾ Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 141.

³⁾ Studien... Ogonowski, 145.

аориста съ формами наст. времени: такъ, въ Пересопницкомъ евангеліи встрѣчаемъ: *ѣхмо* вм. *есмо*: „вѣдѣли *ѣхмо*“. Въ той же формѣ аориста часто можно встрѣтить вспомогат. глаголь и въ книжной малорусской рѣчи XVII в.: „мысльмо *ѡ* *тѣ*“ *іа* *бѣмо* *могли* *тѣло* *ігѣ* *стѣ* *із* *кѣга* *іа* *лти*“ (Стр. 46); „мы суть присланы на тое, *абыхмо* унію приняли“ (Львов. П.); „то вабъ на васъ, же *бысте* не програли за выгране“ (ibid). Рядомъ съ *абыхмо*, *абыхмо* встрѣчаются формы: *абыхмы* (Пал. З. К. 321), *абыхмы* (ib. 320), при чемъ *ахмы*, *ахо* нерѣдко стоятъ вмѣсто *смы*, *смо* или же рядомъ съ этими послѣдними окончаніями: „*штохмы* увѣрили“ (Пал. З. К. 320), *повинныхмы* (ib. 319), *естехмы* (ib.), *естехмо* (ib. 1146), *заховалисмы* (ib. 320), *слышалисмо* (ib. 1000). По всему видно, что въ XVII вѣкѣ эти архаическія формы находили еще слабую поддержку въ живой рѣчи, но, вообще говоря, малорусскіе писатели употребляли формы аориста въ ихъ подлинномъ видѣ, и притомъ не отъ одного вспомогат. глагола, только въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли писать по церковнославянски. Это была одна изъ тѣхъ глагольныхъ формъ, посредствомъ которой они отличали *росскую мову* отъ церковнославянской. І. Галятовскій употребляетъ аористъ, а также прошедшее продолженное время только въ текстахъ священнаго писанія. Иногда одинъ и тотъ же глаголь онъ ставитъ въ обычной формѣ прошедшаго времени на *лз* и въ формѣ аориста или прошедшаго продолженнаго, напр: „*дѣврал* *ѣ* *дорѡга* *вѣрхѡны* *ѣ* *плз* *Петра* *і* *Пакала*, *кѡгѡрын* *ходачи* *по* *свѣтѣ* *плакали*, *кѣдлѡгѣ* *ѣ* *ла* *мнѣчч*: *і* *плакахѣ*“ (Г. Каз. 35).

Гораздо ближе къ народной рѣчи стоитъ прошед. сложное время изъ причастія на *лз* и вспомогательнаго глагола *іесми*, который не сливается съ причастіемъ въ одно слово, какъ и въ церковнославянскомъ нарѣчій. Въ народныхъ думяхъ довольно обычно 2 л. един. ч. вспомогат. глагола: „Ой хмеле, Хмельниченьку! *уинив* *еси* *ясѹ* и *між* *козаками* *великую* *трусѹ*“ (Дум.). Нерѣдка и 3 л. един. ч. того же глагола употребляется съ причастіемъ на *лз*: „не *ест* *се* *насъ* *куля* *яничарська* *пострѣляла*, а *ест* *се* *отцева* *и* *паніа* *матчина* *молитва* *покарала*“ (Дум.). Въ чувствѣ языка глаголь *ест*, очевидно, не имѣетъ морфологи-

ческаго значенія: онъ служить только риторическимъ средствомъ сдѣлать удареніе на сказуемомъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что форма *єсть* стоитъ иногда при личномъ глаголѣ въ настоящемъ времени: „*єсть* сія галера не *блудитъ*, ні світом *нудитъ*“ (Дум.),—стоитъ также вмѣсто 2 л: „не *єсть* ви козаки, *єсть* ви гайдамаки“ (Чуб. V. 706). 1-е л. множес. ч. глагола *єсмь* слышно только въ Галиціи, большею частію слитно съ причастіемъ на *лз*, иногда отдѣльно отъ причастія: „ой добре *єсмо* *учинили*, же *єсмо* Теклю *загубили*“ (Гол. I. 54). Не менѣе часто встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ, преимущественно галицкихъ, 2 л. множес. ч: „а насъ *єсте* *повінчали*, що би ми ся били“ (Чуб. V. 576)¹⁾. Тѣ же самыя формы прошед. сложнаго времени составляютъ постоянную принадлежность книжной малорусской рѣчи XVII в: „*взялъ* *ѣни* *євѣкѣ* *жонѣ* *лѣпшѣю*“ (Алек.),—„*се* *звѣрь* *лючѣ* *нзѣлѣ* *єсть* *їгѣ*—(Г. К. 5),—„*іакъ* *їмѣю* *жили* *на* *євѣтѣ*“ (Ів. 45),—„*где* *єтѣ* *єл* *подѣли*“ (Стр. 28). Выписанныя нами фразы не лишены народнаго колорита. Совѣмъ иное дѣло *єсмь* и *суть* съ причастіемъ на *лз*: „*отмѣтила* *їсмь*“ (К. X), „*грѣшныи* *люде* *єтъ* *затквѣдѣлы*“ (Г. К. 52). Въ XVII в. это были, какъ и теперь, формы книжныя, а не народныя.

Въ западныхъ говорахъ современнаго намъ малорусскаго нарѣчія распространена особенная форма будущаго времени, составленная изъ сочетанія *буду* съ причастіемъ на *лз*: „не *будеши* ти въ насъ *робила*,—срібломъ-злотомъ *будеши* *шила*“ (Гол. I. 28). Есть мнѣніе, что эта форма заимствована изъ польскаго языка²⁾,—но замѣчательно, что она не составляетъ обычнаго явленія въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, которая, какъ мы видѣли, не чуждалась заимствованій изъ языка польскаго. Мы нашли всего два примѣра въ памятникахъ, нами прочитанныхъ: „уступовати *будемо* *мусьми*“ (Пал. З. К. 1062), „*дѣлаємъ* не *єдѣтѣ* *могли* *звѣдѣти* и *єквѣдѣти*“ (Сбор. ц. ар. м.). Въ грамматикѣ М. Смотрицкаго нѣтъ о ней и помину, хотя она была свойственна нарѣчію церковнославянскому, судя по древнѣй-

¹⁾ Едва ли возможны въ народной рѣчи формы *єсмь* и *суть*, изрѣдка попадающіяся въ сборникѣ галицкихъ пѣсень Головацкаго: „пане ти мій, пане Копитане! пусти мене до дому, хоть *єсмь* заволаный“ (Гол. III. 91); „*суть* бо в мене два вартивничевки“ (Ів. 157); „ой *суть* у мене чари готові—білеє личко, чорні брови“ (Ів. I. 202 III. 30).

²⁾ Изъ записокъ по русской грамматикѣ, Потемкин, II. 211.

шимъ памятникамъ славянской письменности.¹⁾ Нерѣдко можно встрѣтить ее также на страницахъ древнерусскихъ и старинныхъ южнорусскихъ памятниковъ, начиная отъ XIII до XVI вѣка включительно²⁾. Едва замѣтные остатки ея сохранились и въ современномъ сѣверно-великорусскомъ говорѣ³⁾. Всѣ эти данныя едва ли могутъ служить къ подкрѣпленію мысли о польскомъ происхожденіи этой формы въ народной малорусской рѣчи. Она рѣдко встрѣчается въ книжной малорусской рѣчи просто потому, что оказалась излишнею рядомъ съ обычною формою сложнаго будущаго изъ глагола *буду* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, т. е. по той самой причинѣ, по которой отвергнута она и въ восточныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія.

Глаголы съ энклитическимъ *ся* въ великорусскомъ нарѣчій и въ восточныхъ говорахъ малорусскаго являются въ непосредственномъ сочетаніи съ *ся*, которое всегда стоитъ послѣ глагола⁴⁾. Въ западныхъ малорусскихъ говорахъ мѣстоименіе *ся* стоитъ впереди и послѣ глагола, отдѣляясь отъ него однимъ или же нѣсколькими словами, напр.: „не нагуляла *ся*, не находила *ся*, тилько молоденька щом нажурилася“ (Чуб. V. 218); „я таки *ся*, моя мати, втѣкаты надію“ (Гол. I. 151); „не смій же *ся*, дівчинонько, колы з ты *ся* не смію“ (Ів. I. 113). Это свободное употребленіе мѣстоименія *ся* при глаголахъ было свойственно церковнославянскому языку и всѣмъ вообще древнерусскимъ говорамъ⁵⁾. Совпадая съ народною рѣчью, оно составляетъ постоянную принадлежность и книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, напр.: „не кѣдѣ *ся* тѣ бо^лти ^нако тѣтъ ко^лниа“ (Г. К. 185); „крѣкѣю *ся* ѡкликала (церковь), кдѣ *ся* крѣкъ синѡкъ ^на ст^рѣмениаи тч^нла“ (Жир. Транк. 72. об.).

Таковы въ общихъ чертахъ церковнославянскіе архаизмы въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка. Они сообщаютъ ей народный характеръ не сами по себѣ, а въ связи съ такими особенностями рѣчи, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ нарѣчій церковнославянскомъ. Разумѣемъ прежде всего общерусскіе звуки и формы, къ обзору которыхъ мы и должны теперь обратиться.

П. Житецкій.

¹⁾ Vergleichende Syntax der Slavischen Spr. Miklosich, 806.

²⁾ Лекціи по исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 167—168.

³⁾ Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей нар. рус. яз. Колосова, 249.

⁴⁾ Глаголы эти, по Миелошичу, соотвѣтствуютъ какъ медіальнымъ, такъ и страдательнымъ формамъ глагола въ другихъ языкахъ (Vergleich. Syntax der Slav. Spr. 263).

⁵⁾ Ibidem 271.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ АРХИВЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА.

I.

Архивъ Государственнаго Совѣта заключаетъ въ себѣ историческій матеріалъ высокаго интереса, особенно важный и наглядный для исторіи нашего законодательства въ 19 столѣтіи. Со времени окончательнаго образованія Госуд. Совѣта въ 1810 г., всякій законодательный вопросъ обсуждался въ немъ, и изъ него восходилъ на Высочайшую санецію. Вотъ почему журналы Госуд. Совѣта, со множествомъ приложенныхъ къ нимъ справочныхъ актовъ и документовъ—живая лѣтопись нашего новѣйшаго законодательнаго развитія, меморіи-же, съ Высочайшими замѣтками и конфирмаціями—карандашемъ, увѣковѣченнымъ наведеннымъ на него лаковымъ составомъ въ такой степени, что автографы Александра I начала 19 в. какъ бы вчера написаны—завѣтный памятникъ государственной дѣятельности трехъ императоровъ. Подчасъ эти лаковическія замѣтки, эти категорическія конфирмаціи—представляютъ дорогія черты для историческихъ характеристикъ. Иногда особенности почерка и ореографіи, сантаксиса и слога даютъ живыя рельефныя черты, изъ которыхъ слагаются цѣльные историческіе образы. Вотъ, наприкладъ, размахистый почеркъ, крайне неправильная ореографія, чисто французская конструкція фразы Александра I. Какъ разнится отъ нихъ старательная и четкая каллиграфія, не вполне литературное, но здоровое и дѣловитое слово и чисто русская конструкція Николая I. Совсѣмъ другой видъ носятъ элегантный почеркъ, безукоризненная правильность ореографіи, литературная округлен-

ность фразы и какой-то аристократизмъ мысли Вѣнценоснаго ученика идеалиста Жуковскаго.

Работать въ Архивѣ Государственнаго Совѣта—работать, можно сказать, въ той лабораторіи, въ которой зарождались и слагались акты и законоположенія, опредѣлявшіе судьбы русской земли. Духъ захватываетъ отъ высокаго интереса архивнаго матеріала; читаешь—не начитаешься, и теряешь необходимое для всякой ученой работы самообладаніе: растериваешься, не зная за что схватиться.

Къ сожалѣнію, занятія въ Архивѣ Госуд. Совѣта затрудняются двумя обстоятельствами: нѣкоторою его недоступностію и разбросанностію прежнихъ его помѣщеній. Во-1-хъ, для этихъ занятій необходимо разрѣшеніе госуд. секретаря, которому нужно точно указать предметъ занятій, чтобы онъ формально сообщилъ г. помощнику статсъ-секретаря, завѣдывающему дѣлами архива, о допущеніи въ архивъ и сообщеніи документовъ по указанному предмету.

Архивъ Госуд. Совѣта, во-2-хъ, до сихъ поръ не имѣлъ одного помѣщенія и находился въ трехъ мѣстахъ: въ Зимнемъ дворцѣ, при прежнемъ помѣщеніи Госуд. Совѣта, въ дворцѣ Маріинскомъ, гдѣ такъ великолѣпно устроенъ Госуд. Совѣтъ въ настоящее время, и въ зданіи Сената, въ низкомъ и мрачномъ первомъ этажѣ, глядящемъ на сырую, холодную Неву.

Въ Зимнемъ дворцѣ, какъ мы слышали—дѣла Комитета 6 декабря 26 г., крайне интересныя, крестьянская и судебная реформы. Наибольшая же и главнѣйшая часть—въ сенатскомъ зданіи: здѣсь всѣ журналы и меморіалы и масса другаго драгоценнаго матеріала, о которомъ мы скажемъ ниже.

Нѣкоторая недотупность архива, а еще болѣе его разбросанность, объясняютъ, можетъ быть, почти полную неразработанность его драгоценнаго матеріала, составляющаго едва початую ниву.

Изданіе Архива Государственнаго Совѣта, задуманное и начатое незабвеннымъ Калачевымъ, за смертью его приостановилось, хотя, сколько мы знаемъ, Государственная канцелярія поручила продолженіе этого капитальнаго дѣла помощнику статсъ-

секретаря Г. Кауфману. Отъ автора записки „Дѣлопроизводство по комитету министровъ и присоединенныхъ къ комитету учрежденіямъ“ можно ожидать успѣшнаго продолженія дѣла столь важнаго для нашей исторической науки, начатаго покойнымъ Калачевымъ.

Въ Архивѣ Госуд. Совѣта работаютъ вообще очень мало: въ 1887 г., втеченіе 3 мѣсяцевъ изо дня въ день мы занимались въ немъ, и за все это время встрѣчали по временамъ одного только г. Дубровина, собиравшаго, съ Высочайшаго разрѣшенія, матеріалы для исторіи декабристовъ.

Впрочемъ, нынѣшній просвѣщенный Государственный Секретарь не отказываетъ въ допущеніи въ архивъ русскихъ ученыхъ. Вообще онъ обратилъ на архивъ гораздо большее вниманіе, чѣмъ его предшественники. Можетъ быть, по его почину устроено одно помѣщеніе для сосредоточенія въ одномъ пунктѣ разбросаннаго матеріала архива, съ приспособленіемъ этого помѣщенія для ученыхъ занятій. По мысли его, одинъ изъ чиновниковъ госуд. канцеляріи, г. Добряковъ былъ прикомандированъ къ археологическому институту для изученія, подъ руководствомъ Калачева, архивнаго дѣла. Подъ его наблюденіемъ возведено особое зданіе на Милліонной улицѣ, въ которомъ будетъ помѣщаться архивъ Госуд. Совѣта съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ актовъ изъ Государств. архива. Это образцовое зданіе, сооруженное по всѣмъ правиламъ архивнаго дѣла, будетъ заключать въ себѣ прекрасно освѣщенную залу для ученыхъ занятій. Русская историческая наука скажетъ глубокое спасибо нынѣшнему Государственному Секретарю, понявшему и оцѣнившему важность историческихъ матеріаловъ, накопившихся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, для русской исторической науки.

Сообщаемыя ниже свѣдѣнія коснутся только того матеріала, который сохраняется въ зданіи сената, и съ которымъ мы познакомились въ общихъ чертахъ втеченіе ежедневныхъ занятій въ архивѣ втеченіе трехъ мѣсяцевъ прошлаго года.

Мы перебирали тѣ журналы и меморіи, которые касаются только нѣсколькихъ занимавшихъ насъ вопросовъ: по исторіи

крѣпостнаго права и дворянства, по службѣ гражданской, компетенціи Госуд. Совѣта и т. п.

Но кромѣ меморій и журналовъ, главнымъ образомъ наполняющихъ архивъ, въ немъ сохраняются и многіе другіе матеріалы, драгоцѣнные не только для исторіи русскаго права, но и вообще для исторіи нашей культуры и нашихъ социальныхъ отношеній.

Изъ этого матеріала мы обозрѣли слѣдующія категоріи:

1) Завѣтный историческій матеріаль, состоящій изъ актовъ великой государственной важности, хранящихся въ отдѣльномъ портфель.

2) Дѣла комитета охраненія общей безопасности, учрежд. 13 янв. 1807 г.

3) Записки частныхъ лицъ: Жеребцова, Калашникова, Берха и др.

4) Бумаги нѣкоторыхъ госуд. лицъ, сохраняющихся въ архивѣ: Трощинскаго, Сперанскаго, кн. А. Н. Голицына, Д. Н. Блудова.

О содержаніи каждой изъ этихъ категорій—нѣсколько словъ.

I. Въ первой категоріи, между прочимъ, сохраняется пакетъ, адресованный императоромъ Александромъ I на имя председателя Госуд. Совѣта князя Лопухина, въ которомъ содержался актъ отреченія Константина Павловича отъ престола въ пользу Великаго Князя Николая Павловича, и который былъ предъявленъ кн. Лопухинымъ Госуд. Совѣту въ чрезвычайномъ засѣданіи 15 окт. 1823 г. Здѣсь также документъ высокаго историческаго интереса, и одинъ изъ наиболѣе характеризующихъ великую личность Государя-Страдника Николая I, для котораго русскіе государств. интересы были дороже семьи, друзей, его самого,—это его письмо къ пресѣдателю Госуд. Совѣта князю Кочубею—мелко исписанный автографъ, на листѣ почтовой бумаги большаго формата,—въ которомъ Государь изъявляетъ свое неудовольствіе на членовъ Госуд. Совѣта, допустившихъ недосмотръ, затронувшій нѣкоторыя приобрѣтенныя права, при обсужденіи таможеннаго тарифа, Государемъ конфирмованнаго, и преподаетъ, въ чемъ должны состоять обязанности членовъ Госуд.

Совѣта, и какъ онѣ должны быть исполняемы. Документъ, который можно было бы вставить въ зеркало, наравнѣ съ указами Петра В., поучительными столько же для Государей, какъ и для подданныхъ.

Здѣсь же сохраняются и журналы чрезвычайныхъ собраній Госуд. Совѣта ¹⁾, изъ которыхъ особенно достопамятны 27 ноября 1825 года, когда сдѣлалась извѣстной кончина Александра I, 13 и 14 декабря 1825 г. Между этими чрезвычайными засѣданіями: 26 апр. 1828 г. для выслушанія секретнаго Высочайшаго указа относительно управленія въ случаѣ внезапной кончины Государя и 1 ноября 1828 г. чтобы этотъ указъ былъ взятъ изъ Госуд. ²⁾ Совѣта и представленъ Государю. Достоинно вниманія также чрезвычайное засѣданіе 25 іюля 1834 г. по дѣлу о жестокихъ поступкахъ вдовы генераль-майора Твороговой съ родной своей дочерью Елизаветой. По этому дѣлу послѣдовала Высочайшая

¹⁾ Сохраняются журналы слѣдующія *чрезвычайныхъ* засѣданій Госуд. Совѣта. 15 окт. 1824 г. когда кн. Лопухинъ предъявилъ совѣту запечатанный пакетъ, въ которомъ хранился актъ отреченія Цесаревича.

27 ноября 1825 г., когда сдѣлалась извѣстной кончина И. Александра I. 13 и 14 дек. 1825 г.

26 апр. 1828 г. для выслушанія секретнаго Высоч. указа относительно управленія Государствомъ въ случаѣ внезапной кончины Императора.

1 ноября 1828 г., чтобы этотъ секретный указъ былъ взятъ изъ Госуд. Совѣта и представленъ Императору.

19 и 20 дек. 1829 г. о пониженіи банковыхъ процентовъ.

19 января 1831 г. о состояніи арміи.

25 мая 1831 г. о билетахъ Госуд. Казначейства.

25 іюля 1834 г. по страшному уголовному дѣлу о Твороговой.

2 янв. 1836 г. для выслушанія Высоч. рескрипта съ изъявленіемъ благодарности Госуд. совѣту, за успѣшное окончаніе всѣхъ дѣлъ въ 1835 г.

19 февр. 1855 г. для выслушанія Высочайшаго манифеста о кончинѣ Имп. Николая I.

19 апр. 1865 г. по случаю кончины послѣдника Николая Александровича.

26 мая 1867 г. по случаю покушенія на жизнь Императора Александра II. въ Парижѣ.

19 февр. 1880 г. по случаю 25-лѣтія царствованія Императора Александра II

²⁾ Вотъ текстъ этого секретнаго указа, даннаго дѣйстви. тайному совѣтнику гр. Кочубевъ, генералу отъ инфантеріи гр. Толстому и д. т. сов. кн. Голицыну.

„Поручивъ Вамъ главное наблюденіе за сохраненіемъ порядка и тишины въ Государствѣ, Я на ваше общее попеченіе возлагаю принятіе нужныхъ для сего мѣръ и въ томъ случаѣ, если Всевышнему будетъ угодно пресѣчь дни мои во время

резолуція „хотя дѣло сіе подлежитъ въ обыкновенномъ порядкѣ Уголовному Суду, но не желая сего для чести дворянства, предоставитъ сужденіе собранію дворянскихъ предводителей Московской губ., подъ предсѣдательствомъ губернскаго, облекая сіе собраніе властію Уголовнаго Суда“.

Воспослѣдовавшій приговоръ Высочайше назначеннаго собранія предводителей дворянства министръ Внутр. дѣлъ внесъ на ревизію не въ сенатъ, а въ Госуд. Совѣтъ, который обсуждалъ это дѣло въ упомянутомъ чрезвыч. засѣданіи. Эпизодъ этотъ представляетъ большой интересъ въ исторіи отношенія Верховной Самодержавной власти къ суду.

II. Считаемо не лишнимъ, по поводу дѣлъ второй категоріи, изложить исторію комитета 13 янв. 1807 г. весьма мало извѣстную.

5 сент. 1805 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи комитета для совѣщанія по дѣламъ высшей полиціи. Этотъ комитетъ состоялъ изъ трехъ министровъ: военно-сухопутныхъ силъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Секретное наставленіе въ 11 пунктахъ опредѣляло программу его дѣятельности. Онъ долженъ былъ, между прочимъ, сноситься съ дирекціей почтъ, дабы получать немедленныя и скорыя свѣдѣнія о подозрительныхъ перепискахъ. Существованіе комитета и его дѣятельность должны были сохраняться въ строжайшей тайнѣ, дабы не возро-

отсутствія Моего изъ столицы. Для руководства вашего въ сихъ обстоятельствахъ постановляются слѣдующія правила.

1) Официальное извѣстіе о кончинѣ моей долженствуетъ быть сообщено вамъ Любезнѣйшимъ Братомъ Моимъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, если Онъ будетъ свидѣтелемъ оной; въ противномъ же случаѣ Начальникомъ Моего Главнаго Штаба, или тѣмъ, кто въ сіе время при Мнѣ старшій находится будетъ..

2) Къ извѣстію имѣеть быть приложено подробное описаніе всѣхъ обстоятельствъ кончины Моей, утвержденное подписью медицинскихъ чиновниковъ и другихъ свидѣтелей;

3) До полученія сего официального извѣстія, вы обязаны наблюдать, чтобы несмотря на большую или меньшую достовѣрность всѣхъ иныхъ свѣдѣній, всѣ правительственныя и судебныя мѣста въ Имперіи продолжали дѣйствовать именемъ Моимъ, на основаніи Законовъ, получивъ-же оное по означенному выше сего порядку, вы имѣете немедленно донести о томъ Любезнѣйшему Брату Моему Великому Князю Михаилу Павловичу, который въ силу постановленій Манифеста Моего

дять въ обществѣ напрасныхъ опасеній. Высочайше утвержденное положеніе объ учрежденіи этого комитета скрѣплено по листамъ товарищемъ министра юстиціи Новосильцевымъ и хранилось у министра военно-сухопутныхъ силъ Вязмитинова.

Дѣятельность этого комитета, можно думать, не вполне оправдала виды правительства. Онъ скоро былъ замѣненъ другимъ. Именно: 2 Генваря 1807 г. послѣдовало Высоч. повелѣніе объ учрежденіи *Комитета охраненія общей безопасности*, по поводу тревогъ новой войны. Составъ комитета былъ образованъ изъ министра юстиціи кн. Лопухина и тайныхъ совѣтниковъ Новосильцева и сенатора Макарова—преемника Шешковского по Тайной экспедиціи. Къ этому составу, по мѣрѣ надобности, могли быть присоединяемы: министръ внутреннихъ дѣлъ и главнокомандующій въ столицѣ министръ военно-сухопутныхъ силъ. Комитету были предоставлены всѣ дѣла высшей полиціи, а существованіе его хранилось въ величайшей тайнѣ. Указъ Сенату объ учрежденіи комитета былъ изданъ 13 января 1807 г. Датой этого указа именовался и самъ комитетъ во все время своего существованія „Комитетъ 13 января 1807 г.“.

Засѣданія комитета открылись 15 января 1807 года, въ ночное время, въ домѣ министра юстиціи. Вязмитиновъ и графъ Кочубей присутствовали только въ первомъ засѣданіи. Обыкновенно же въ немъ бывали три члена: кн. Лопухинъ, Новосильцевъ и Макаровъ. А за отъѣздомъ Новосильцева за границу, засѣданія составлялись только изъ двухъ членовъ. Въ теченіе существованія комитета членами его были назначены слѣдующія

отъ 28 Генваря 1826-го года облекается саномъ и властію Правителя Государства и за подписаніемъ своимъ издаетъ Манифестъ отъ лица Наслѣдника Моего, сдѣлавъ всѣ надлежащіа распоряженія для приведенія къ вторичной Ему присягѣ;

4) Если въ сіе время Любезнѣйшій Братъ Мой Великій Князь Михаилъ Павловичъ будетъ въ отсутствіи, то Манифестъ Наслѣдника Моего, въ слѣдствіе даруемаго вамъ чрезъ сей Указъ полномочія, подписывается вами, и до прибытія Правителя Государства въ С.-Петербургъ вамъ предоставляется право завѣдывать всѣми дѣлами управленія, посылая указы и повелѣнія отъ имени новаго Императора, за общинѣ вашимъ подписаніемъ.

Императорскаго Величества рукою:

Николай.

лица: въ 1808 г. министр внутреннихъ дѣлъ кн. Куракинъ и министр просвѣщенія Завадовскій, въ 1809 году об-гофмейстеръ Кошелевъ и министр полиціи Балашевъ, въ 1810 г. министр юстиціи И. И. Дмитріевъ, въ 1812 министр полиціи Взмитиновъ, въ 1814 г. министр юстиціи Трощинскій, въ 1815 г. Аракчеевъ, въ 1817 г. министр юстиціи кн. Лобановъ-Ростовскій, въ 1819 г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей, въ 1824 г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ланской, въ 1825 г. дѣйствительный тайный совѣтникъ кн. Куракинъ. Изъ всѣхъ этихъ членовъ неизмѣнно оставался въ комитетѣ кн. Лопихинъ—съ самаго его основанія и до закрытія.

При комитетѣ состояла особая канцелярія: изъ правителя, секретаря, двухъ переводчиковъ и трехъ писцовъ. Правителемъ канцеляріи неизмѣнно былъ Лавровъ. Журналы канцеляріи подносились на высочайшее благоусмотрѣніе. Въ первыя засѣданія Комитетъ самъ назначалъ наказанія, но очень скоро, 31 янв. 1807 г., Государь повелѣлъ отсылать преступника въ надлежащее судебное мѣсто. Подсудимые содержались обыкновенно въ Петропавловской крѣпости, въ Алексѣевскомъ рavelинѣ.

Указъ Сенату о закрытіи Комитета послѣдовалъ 17 янв. 1829 г., вслѣдствіе образованія въ іюль 1826 г. III-го отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи, замѣнившей комитетъ, подобно тому какъ этотъ послѣдній былъ преемникомъ дѣйствовавшей при Екатеринѣ II и Павлѣ I Тайной экспедиціи, упраздненной Александромъ I 25 сент. 1802 г.

Такимъ образомъ, предметъ дѣйствій комитетовъ 5 сент. 1805 г. и 13 янв. 1807 г.—однороденъ съ предметомъ дѣйствій Тайной Экспедиціи и III отдѣленія: дѣла, входившія въ комитетъ, были преимущественно *политическаго* характера.

Значительную часть дѣлъ составляли дѣла о лицахъ разнаго рода—преимущественно французскихъ эмигрантахъ, патерахъ, аббатахъ, учителяхъ, гувернерахъ, а также польскихъ и другихъ иностранцахъ, проживающихъ въ Россіи или шатавшихся по разнымъ мѣстамъ и подозрѣваемыхъ въ тайной перепискѣ и сношеніяхъ съ непріателемъ: патеръ Монсо, французъ Стадлеръ и др.

Дѣла о разглашателяхъ слуховъ относительно возстановленія Польши. Между прочимъ въ февралѣ 1807 г. въ этомъ заподозрѣнъ былъ визитаторъ Кіевскихъ училищъ тайный совѣтникъ Чацкій, и по донесенію Кіевского военнаго генераль-губернатора гр. Голенищева-Кутузова онъ былъ вытребованъ полицейскимъ образомъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ отданъ подъ строгій присмотръ. Но едва комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію его дѣла, какъ 18 іюля состоялся рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія, коимъ повелѣвалось уничтожить дѣло Чацкого, съ почотомъ возвратившагося въ Кіевъ, дабы еще успѣшнѣе, при сильной поддержкѣ Государева друга Чарторыйскаго, продолжать колонизацію искони русскаго края.

Въ комитетъ поступало не мало дѣлъ о возбужденіи народа молвою о вольности крестьянъ, между которыми ходилъ, наприкладъ, слухъ, что Бонапартъ де писалъ Государю, чтобы тотъ освободилъ всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ, а безъ того де война никогда не прекратится. Слухи объ освобожденіи крестьянъ волновали общество и послѣ окончанія отечественной войны.

Въ 1817 г. одинъ изъ подсудимыхъ показывалъ въ Комитетѣ: „слухъ о вольности крестьянъ общій“...

Не мало также бывало дѣлъ по подозрѣнію и извѣстамъ о заговорахъ противъ Государя.

Между прочимъ, знаменитое дѣло о Турчаниновой, будто бы намѣревавшейся произвести революцію въ Россіи. Въ 1814 г. служившій въ провіантскомъ штатѣ коллежскій регистраторъ Баршневскій—Честнѣйшій донесъ на служащаго въ Петербургскомъ ополченіи подпоручика Калинина, будто бы послѣдній открылся ему въ томъ, что въ Петербургѣ де уже существуетъ заговоръ, имѣющій цѣлью принудить Государя отказаться отъ короны и просить императрицу Елисавету Алексѣевну принять оную. Калининъ, при его допросѣ въ Комитетѣ, показывалъ, что онъ де во время вѣнствія французовъ уже сочинилъ конституцію. Комитетъ постановилъ: запереть Калинина въ Шлиссельбургскую крѣпость навсегда, въ которой и содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ безъисходно. Въ томъ же году саксонскій подданный Игналинцевъ, служившій берейторомъ въ кавалергардскомъ полку

сдѣлалъ извѣтъ, что существуетъ де заговоръ на жизнь Государя и Наслѣдника съ тѣмъ, чтобы возвести на престолъ Великую Княгиню Екатерину Павловну. Такъ какъ извѣтъ былъ слишкомъ невѣроятенъ, то извѣтчикъ, по приговору комитета, былъ посаженъ для безвыходнаго содержанія въ Динамидскую крѣпость. Но извѣты все-таки не прекращались: въ 1815 г. канцеляристъ Снѣжницкій донесъ, что Нижегородское дворянство покушается на жизнь Государя Императора за его намѣреніе отобрать крестьянъ въ казенное вѣдомство.

Много также бывало дѣлъ по поводу составленія и распространенія возмутительныхъ воззваній и вредныхъ сочиненій. Напримѣръ: въ 1807 г. разсматривалось дѣло о шляхтичѣ Малицкомъ, у коего найдены прокламаціи къ полякамъ. Въ 1810 г. о задержанныхъ въ Гроднѣ книгопродавцахъ Щелинскомъ и Клецинскомъ, у которыхъ были найдены сатирическія сочиненія на польскомъ языкѣ, съ переложеніемъ молитвъ: Отче Нашъ, Вѣру, Богородице Дѣво и Заповѣдей въ пародіи.

Не рѣдко разсматривались дѣла о тайныхъ обществахъ и запрещенныхъ сходбищахъ. Напримѣръ: громадное дѣло гр. Грабіанки. Въ 1810 г. колонистъ Киришбаумъ донесъ на переводчика Новгородской опеунской конторы губернскаго секретаря Олея, что послѣдній де собираетъ шайку развратныхъ людей изъ русскихъ и нѣмцевъ „корпусъ рыцарей льва“, и обязываетъ ихъ присягою уйти съ нимъ въ Крымъ, а оттуда къ туркамъ, стараться возвратить Крымъ Турціи, сдѣлавъ его, Олея, Крымскимъ королемъ. Вытребованный въ Петербургъ, Олей въ комитетѣ показалъ, что на него и на его волонтеровъ большое уныніе произвелъ указъ 1809 г., запрещавшій производить въ высшіе чины тѣхъ чиновниковъ гражданской службы, которые не учились; что, желая сдѣлать ихъ полезными отечеству, онъ выдумалъ превратить ихъ изъ приказныхъ въ воиновъ и идти съ ними противъ турокъ. Взявъ же Константинополь, онъ былъ намѣренъ требовать, чтобы ему было назначено герцогство.

Дѣла о лицахъ, выдававшихъ себя или принимавшихся за особъ Высочайшей фамиліи. Напримѣръ; въ 1822 г. красноярскій мѣщанинъ Старцевъ доносилъ о поселенцѣ Петровѣ, что по-

слѣдній имѣть у себя на крыльцахъ между лопатками возложенный крестъ, котораго изъ подданныхъ никто имѣть не можетъ, кромѣ Высочайшей власти, а потому и онъ долженъ быть не простолюдинъ и не изъ дворянъ, а едвали не покойный Государь Императоръ, подъ образомъ смерти лишенный званія и подвергнутый отъ ненавистныхъ особъ на сію страдальческую жизнь.

Дѣла о преступленіяхъ по службѣ. Напримѣръ: дѣло чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Жерве, обвиняемаго въ передачѣ бумагъ бывшему Государственному секретарю Сперанскому.

О вредныхъ книгахъ: по донесенію попечителя Казанскаго округа Магницкаго о Нѣмецкомъ изданіи Real Encycl.

О грозившихъ общественному благоприличію поступкахъ разныхъ лицъ: въ 1808 г. взять въ вѣрность, а потомъ заключенъ въ Спасо-Евфиміевъ монастырь, гр. Кириллъ Андреевичъ Разумовскій, сынъ министра народнаго просвѣщенія Андрея Кирилловича, за безсразсудные поступки во время путешествія за границей и по возвращеніи въ Россію.

Ш. Изъ записокъ частныхъ лицъ въ архивѣ Госуд. Совѣта встрѣчаются записки: 1) капитанъ лейтенанта Берха, подавшаго Императору Николою Павловичу записку въ которой онъ излагалъ два предложенія: а) о возстановленіи коллегій и учрежденіи гласнаго судопроизводства и б) о повышеніи въ чины по государственной службѣ нераздѣльно съ мѣстомъ и о наградахъ за долговременное пребываніе въ одномъ и томъ же чинѣ. Эти предложенія обсуждалъ департаментъ законовъ 19 ноября 1830 г. Замѣчательно, что въ этомъ засѣданіи, въ которомъ обсуждалось и предложеніе Васильчикова о положеніи преграды въ полученію дворянства чрезъ чины, принималъ участіе и Сперанскій, болѣе всѣхъ содѣйствовавшій упраздненію коллегій.

2) Въ 1856 г. представлена была Жеребцовымъ записка объ устройствѣ министерствъ вообще и министерства финансовъ въ особенности. Она заключаетъ въ себѣ интересныя мысли о превосходствахъ коллегіальнаго порядка и недостаткахъ системы министерствъ.

3) По содержанію сходна записка Ив. Калашникова „Взглядъ вѣрноподданнаго на настоящее состояніе Россіи“. Развивается

то же мѣніе о министерствахъ, что они—учрежденія болѣе пригодныя въ государствѣ представительнаго строя.

Интересно очень, что традиція Петровскихъ коллегій такъ долго не исчезала, да едва ли она вполне исчезла и въ настоящее время, несмотря на столь продолжительное существованіе нашихъ министерствъ. Найдется и нынче не мало людей, готовыхъ повторить великія слова великаго создателя нашихъ коллегій „правленіе соборное въ государствѣ монаршескомъ есть наилучшее“.

IV. Бумаги Троцинскаго были привезены изъ Кагарлыка командированнымъ туда чиновникомъ, по смерти Екаторининскаго Статсъ-Секретаря. Между ними обращаетъ на себя вниманіе записка о Прибалтійскомъ Краѣ, которая могла бы быть руководительною для администраторовъ этой окраины и въ настоящее время. Основная ея мысль—возстановленіе екатеринославской программы—полное отождествленіе онѣмеченной окраины съ другими частями Имперіи. Въ бумагахъ Троцинскаго сохранилась его докладная записка о недоумѣніяхъ, встрѣченныхъ при редакціи дворянской грамоты. Въ ней сказано, что раздѣленіе книги дворянскихъ родовъ на части, дѣлая различіе между породою и заслугою, можетъ питать высокомѣріе, и что во избѣжаніе сего, лучше бы составить сію книгу по алфавиту. Резолюція „сіе раздѣленіе дѣлано не мною, но предками моими, какъ о томъ явствуетъ указъ Царя Ѳедора Алексѣевича ^{7190/1692}“. Здѣсь же встрѣчается упоминаніе о мнѣніи Теплова о существѣ формы въ нашемъ правительствѣ и ея недостаткахъ до восшествія на престолъ Екатерины II. Видно также, что Теплово принадлежалъ проектъ установленія Верховнаго Императорскаго Совѣта въ январѣ 1763 г.

Очень богата связка бумагъ Сперанскаго: черныяки его проектовъ по образованію нашихъ государственныхъ учреждений—особенно Сената, съ обзорѣніемъ основныхъ фактовъ по его исторіи. Между бумагами автографъ Екатерины II—то на русскомъ, то на французскомъ языкахъ—*О Сенату*. Мѣстами текстъ перечеркнутъ, а изложенъ на поляхъ въ другой редакціи. Иногда и текстъ на поляхъ переверкнутъ. На такомъ мѣстѣ прищиплены булавками, по преданіямъ архива, собственноручно вынутыми

изъ волосъ самой великой государыни, доскутокъ бумаги, на которомъ излагается мысль въ новой редакціи. Обращаетъ также вниманіе автографъ Александра I о распредѣленіи членовъ новообразованнаго Госуд. Совѣта между департаментами: намѣчено мѣсто на общемъ планѣ помѣщенія Госуд. Совѣта рукою самого императора для каждаго его члена. Такъ много заботился Государь объ этомъ созданіи Сперанскаго!

Въ бумагахъ вн. А. Н. Голицына встрѣчается интересная „Записка для составленія законовъ Россійскихъ“, составленная Безбородкомъ въ 1799 году. Вотъ нѣкоторыя изъ нея выдержки:

„Не было бы противно Самодержавной власти, если бы Государь (при коронованіи), по изреченіи Символа вѣры, произнесъ клятвенное обѣщаніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя являли бы народу Его непорочное намѣреніе царствовать во славу имперіи и во благо общественное. Такая присяга могла быть въ слѣдующей силѣ“. Сенаторы „для торжественныхъ засѣданій и случаевъ имѣютъ красныя бархатныя съ горностаемъ епанчи и шляпы съ перьями на подобіе орденскихъ“.

Сенатъ слѣдуетъ раздѣлить на департаменты „1) Дѣла политическія и исполнительныя (Губ. правленіе) 2) уголовныхъ дѣлъ, 3) гражданскихъ дѣлъ и 4) казенныхъ дѣлъ. Второй и третій могли бы быть раздѣлены на два и болѣе. Полезно было бы имѣть таковыхъ два въ Москвѣ и два въ Кіевѣ“.

Эта мысль, очевидно, согласуется съ проектомъ Екатерины, столь много думавшей объ организаціи сената, дабы привести ее въ соответствіе съ системой губернскаго управленія по закону 7 ноября 1715 г. Въ ней также зародышъ основной идеи Сперанскаго децентрализовать сенатъ, распредѣливъ его составныя части по важнѣйшимъ городамъ имперіи.

Говоря о сенатѣ, Безбородко цитуетъ выраженіе Державина „Петръ В. сдѣлалъ, что сенатъ былъ въ немъ, а онъ въ сенатѣ“.

Интересна мысль объ учрежденіи, напоминающемъ *missi dominici* Карла Великаго „Государь, не могуци объять своимъ собственнымъ осмотромъ столь обширную имперію, обозрѣваетъ оную по губерніямъ чрезъ довѣренныхъ его особъ, а именно одного сенатора, 2 дворянскихъ, 2 мѣщанскихъ и 2 *поселянскихъ* депу-

татовъ, которые всё раздѣляются такъ, чтобъ каждыя 3 года всякая губернія осмотрѣна была въ подробности“.

Особенно интересны бумаги гр. Блудова. Высокопросвѣщенный другъ и товарищъ Карамзина, былъ близкимъ совѣтникомъ двухъ императоровъ. Перомъ его написаны важнѣйшіе госуд. акты двухъ царствованій. Къ нему обращались государи по всемъ вопросамъ ученымъ, литературнымъ. Ему порученъ былъ, напримѣръ, просмотръ арестованныхъ бумагъ кн. Долгорукова, убѣжавшаго за границу. Къ нему нерѣдко посылалъ карандашемъ записки Императоръ Николай. Глубокій патриотъ и вѣрнопопдаанный, онъ всемъ сердцемъ своимъ и всею душою служилъ Россіи и ея Вѣнценоснымъ Руководителямъ. Его сослуживцы по госуд. совѣту вспоминаютъ, что, когда онъ умеръ, то секретарь госуд. совѣта Бутковъ донесъ Государю Императору, что у одного изъ первыхъ сановниковъ Имперіи не нашлось въ домѣ денегъ на похороны, на устройство которыхъ щедротами Императора Александра II была ассигнована необходимая сумма. Честное и свѣтлое имя покойнаго гр. Дмитрія Николаевича всегда будетъ украшать сонмъ лучшихъ государственныхъ мужей въ Россіи, всегда будетъ дѣлать честь Государямъ, выдвинувшимъ и приблизившимъ его къ себѣ.

Въ богатомъ, по своему содержанію, портфель гр. Блудова встрѣчается, между прочимъ, въ двухъ экземплярахъ (одинъ изъ нихъ испещренъ замѣтками Императора Николая) проектъ секретнаго манифеста о состояніяхъ. Этотъ проектъ, можно думать, относится къ 1830 г. Онъ могъ быть однимъ изъ результатовъ реформаторской дѣятельности комитета 6 дек. 1826 г., учрежденіе котораго—одинъ изъ замѣчательныхъ, хотя и мало оцѣненныхъ, памятниковъ государственной дѣятельности Императора Николая, реакціонная политика котораго еще ждетъ правильной оцѣнки историческаго психолога. Судьба этого проекта секретнаго манифеста о состояніяхъ намъ неизвѣстна. По содержанію своему онъ настолько интересенъ, что считаемъ не излишнимъ привести изъ него нѣкоторыя выдержки:

„Дворянское состояніе въ началѣ приобрѣталось или происхожденіемъ отъ родовъ именитыхъ, или возведеніемъ въ сіе

достоинство за отличныя отечеству заслуги по усмотрѣнію верховной власти.

Къ сямъ первоначальнымъ двумъ путямъ въ послѣдствіи времени присоединился третій: дворянство содѣлалось принадлежностію чиновъ.

Но чины въ намѣреніяхъ Великаго ихъ Учредителя были нераздѣльно соединены съ мѣстамп. Рѣдки и малочисленны, они достигались долготѣнею и многотрудною службою, и уваженіе къ нимъ естественно сливалось съ уваженіемъ къ роду.

Въ послѣдствіи мѣсто и чинъ раздѣлились. Чины, умножаясь почти ежедневно, потеряли прежнюю ихъ связь и соразмѣрность съ мѣстами. Но при семъ существенномъ ихъ измѣненіи не измѣнилось право, съ прежними чинами сопряженное, право на дворянство.

Отсюда общее стремленіе всѣхъ къ одному состоянію; отсюда непрестанная зыблемость въ путяхъ службы, частые переходы изъ одного вѣдомства въ другое, отсюда и нравственная порча и ложныя понятія объ обязанностяхъ службы, когда измѣряются онѣ не внутреннею ихъ силою, но внѣшними въ чинахъ успѣхами и быстрымъ въ нихъ прохожденіемъ. Изъ всѣхъ же сихъ послѣдствій бѣдственнѣйшее есть то, что дворянское достоинство, предоставленное въ началѣ быть вѣрнымъ изображеніемъ истиннаго благородства и чести, знаменемъ избраннѣйшей части народа, высшею наградою истинныхъ заслугъ Престолу и Отечеству, отъ безпредѣльнаго его раздробленія и смѣшенія, теряя первобытную его чистоту, можетъ наконецъ содѣлаться удѣломъ праздности и тяжкимъ бременемъ государству.

Давно уже было помышляемо о мѣрахъ къ предупрежденію сихъ послѣдствій. Сначала (1790) лѣтами службы затруднены были способы къ переходу изъ сословія личныхъ дворянъ въ потомственные. Потомъ (въ 1809) остановленъ былъ и вовсе переходъ изъ перваго сословія во второе, исключая только по успѣхамъ въ наукахъ. Такимъ образомъ, въ разныхъ разстояніяхъ времени, мудрость законодателей видѣла однѣ и тѣже неудобства, и искала прекратить ихъ сообразно обстоятельствамъ.

Время настало довершить сіи начатія, установить порядокъ службы не на чинахъ, но на должностяхъ, присвоивъ каждому мѣсту свойственное ему значеніе...

Для сего отнынѣ, возвращаясь къ своему первобытному установленію и свойству, чины гражданскіе будутъ неразрывно соединены съ мѣстами; всякое производство въ высшій чинъ безъ опредѣленія къ соотвѣтствующей оному должности прекращается, и дворянское достоинство, преставаая быть принадлежностію чиновъ какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ, будетъ особою наградою за отличныя заслуги, даруемое по усмотрѣнію верховной власти...

„По всѣмъ симъ уваженіямъ, *внявъ мнѣнію госуд. совѣта*, повелѣваемъ:

О ПОРЯДКѢ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ.

1. Производство въ чины по всѣмъ мѣстамъ гражданскаго вѣдомства прекратить.

2. На будущее время чины въ гражданскомъ порядкѣ имѣютъ означать единственно степень службы въ тѣхъ мѣстахъ и должностяхъ...

3. Чинъ нераздѣльно соединяется съ мѣстомъ. Опредѣленіе къ мѣсту присвоенъ чинъ.

.

О ГРАЖДАНСТВѢ.

Въ состояніи гражданства устанавливаются четыре сословія:

1. Гражданъ чиновныхъ.

2. Гражданъ именитыхъ.

3. Гражданъ почетныхъ.

и 4. Мѣщанъ.

Граждане чиновные, сверхъ общихъ правъ, надѣляются слѣдующими особенными преимуществами: 1) служебными, 2) правомъ быть избираемыми на мѣста, отъ выборовъ дворянства зависящія, исключая предводителя и депутата дворянства; 3) правомъ имѣть родовый гербъ, но безъ короны, составляющей отличительный знакъ дворянскаго достоинства; 4) правомъ помѣщать

своихъ дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, наравнѣ съ дѣтьми дворянъ, за исключеніемъ только пажескаго корпуса и лица (Училища Правовѣдѣнія въ то время еще не существовало).

Преимущества *чиновнаго гражданства* приобрѣтаются 1) рожденіемъ; 2) службою (въ военной об.-офиц. чиномъ, а въ гражданской VIII степени) и 3) орденомъ.

.

О дворовыхъ господскихъ людяхъ.

Въ проектѣ указа сенату объ ограниченіи раздробленія имѣній въ § 6 постановлялось „приписанныя къ селеніямъ земли могутъ быть продаваемы, даримы и инымъ образомъ отчуждаемы безъ крестьянъ, по усмотрѣнію и волѣ помѣщиковъ“. Противъ этихъ словъ на полѣ собственноручная замѣтка Императора Николая Павловича „что же будутъ дѣлать крестьяне, когда они безъ земли останутся“: антецедентъ аграрной идеи генерала Ростовцева и другихъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій.

Къ проекту манифеста приложена таблица „Общее Сравнительное росписаніе мѣстъ и должностей“, раздѣленныхъ на 12 степеней. Прежніе названія чиновъ оставлены только для II, III, IV и V классовъ, а затѣмъ: чинъ VI, VII и т. д. степени.

Кто писалъ проектъ секретнаго манифеста о состояніяхъ? Едвали самъ Блудовъ: карамзинскій стиль автора многихъ другихъ государственныхъ актовъ двухъ императоровъ замѣтно отличается отъ языка проекта, на одномъ экземплярѣ котораго рукою Императора Николая написано „сообщить Блудову“. Какая участь постигла этотъ проектъ? Онъ такъ и остался проектомъ, но можетъ служить иллюстраціей къ нѣкоторымъ законамъ Николая Павловича: на примѣръ учрежденія почетнаго гражданства—личнаго и потомственнаго, повышенія чиновъ, дающихъ право дворянства и многихъ постановленій по организаціи службы гражданской, которая всегда такъ сильно занимала Государя. Основная его мысль возстановить Петровскую идею чина, не отдѣляемаго отъ должности, сказалась и въ образованіи, вслѣдствіе доклада Министра Юстиціи гр. Панина 18 ноября 1846 г., комитета для пересмотра Уставовъ о службѣ гражданской изъ това-

рицей министровъ, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Танѣева, а впослѣдствіи генераль-адъютанта Анненкова 2-го. Въ руководство комитету были предложены начала, заимствованныя изъ разсмотрѣннаго нами проекта секретнаго манифеста о состояніяхъ: возвращеніе къ мысли, руководившей творцомъ табели о рангахъ. Занятія комитета продолжались 3 года и 9 мѣсяцевъ. Онъ имѣлъ 88 засѣданій и представилъ окончательный отчетъ государю 9 ноября 1850 г. Уставы о службѣ гражданской были сокращены на 306 статей, а всѣ статьи вновь проэктированныхъ уставовъ основывались на XI классной табели.

Интересны тѣ статистическія данныя относительно русской бюрократіи, которыя комитетъ приводилъ въ своемъ Всеподданнѣйшемъ докладѣ. Общее число чиновъ, занимавшихъ должности въ 1847 г.—81,000 человекъ. Въ числѣ ихъ чиновниковъ отъ XIV до V класса, служившихъ въ однихъ и тѣхъ же должностяхъ, было 1 янв. 1847 г.

Прослужившихъ 5 лѣтъ—15.165 человекъ.

”	10	”	—	6.077	”
”	15	”	—	2.614	”
”	20	”	—	1.194	”
”	25	”	—	968	”

Расходъ госуд. казначейства на содержаніе этихъ чиновъ съ 1 янв. 1847 г. простирался до 20 милліоновъ рублей.

Комитетъ предлагалъ росписаніе должностей по VI классной табели. Всѣхъ должностей имѣло бы быть 10.155. Изъ нихъ:

I класса	—	—	7	должностей	
II	”	—	—	28	”
III	”	—	—	75	”
IV	”	—	—	149	”
V	”	—	—	335	”
VI	”	—	—	680	”
VII	”	—	—	861	”
VIII	”	—	—	1318	”
IX	”	—	—	2557	”
X	”	—	—	2444	”
XI	”	—	—	1801	”

Возвращаясь къ портфелямъ гр. Блудова, отмѣтимъ составленную имъ 28 марта 1858 г., по повелѣнію государя, записку, заключающую въ себѣ краткое историческое обзорѣніе законовъ о порядкѣ представленія и разсмотрѣнія годовыхъ отчетовъ министровъ. Интересно очень, что государь занятъ былъ этимъ вопросомъ, на практикѣ очень запутавшимся. Не менѣе интересно и разрѣшеніе вопроса такимъ опытнымъ государственнымъ чело-вѣкомъ, какъ покойный графъ Дмитрій Николаевичъ.

Интересны также мнѣнія гр. Блудова о двухъ важныхъ памятникахъ нашей литературы: Запискѣ о древней и новой Россіи Карамзина и Исторіи Руссовъ Г. Конискаго. Считаемо не лишнимъ привести ихъ цѣликомъ.

Первое было отвѣтомъ на письмо тогдашняго министра императорскаго двора кн. П. М. Волконскаго, отъ 19 янв. 1852 г., слѣдующаго содержанія:

Мил. Государь Гр. Дмитрій Николаевичъ!

По Высочайшему повелѣнію, покорнѣйше прошу Ваше Сія-тельство увѣдомить меня, для доклада Е. И. Величеству, существуетъ ли рукописное сочиненіе Н. М. Карамзина: „Мысли о Россіи“, и въ какомъ духѣ оно написано?

Кн. *Волконскій*.

Милостивый Государь Петръ Михайловичъ!

Исполняя Высочайшее повелѣніе, объявленное мнѣ въ отно-шеніи Вашей Свѣтлости отъ 19 сего Генваря за № 256, поспѣ-шаю сообщить Вамъ, Милостивый Государь, что особаго руко-писнаго сочиненія покойнаго историографа Н. М. Карамзина, подъ заглавіемъ: Мысли о Россіи, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ. Но можетъ быть, что иные такъ называютъ писанную имъ въ 1811 году для Великой Княгини, въ послѣдствіи Королевы Вир-тембергской Екатерины Павловны, записку о древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ; или же другую читанную имъ самимъ (уже въ 1819 году) императору Александру, по случаю возникавшей въ то время мысли о при-соединеніи части возвращенныхъ отъ Польши областей къ цар-ству Польскому. Первая, какъ я сказала выше, составлена Карам-

зинымъ по желанію Великой Княгини Екатерины Павловны, вручена имъ Ея Высочеству въ Твери въ 1811 году, и, какъ должно полагать, Ею передана Императору. По крайней мѣрѣ она не была возвращена Карамзину, который, оправдывая довѣренность Великой Княгини, требовавшей отъ него глубочайшей тайны, не оставилъ у себя и копіи съ сей записки. По кончинѣ императора Александра, онъ имѣлъ случай говорить о семъ съ благополучно царствующимъ нынѣ Государемъ и просилъ Его Величество приказать отыскать его записку въ бумагахъ покойнаго Императора: но ее не могли найти въ нихъ ни тогда, ни въ послѣдствіи. Спустя потомъ нѣсколько лѣтъ, если не ошибаюсь въ 1834 или 1835 году (вскорѣ послѣ смерти Графа Аракчеева), вдругъ появилось нѣсколько экземпляровъ сей записки и одинъ доставленъ мнѣ. По слогу и содержанию оной, я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, что сія записка есть точно та, о которой мнѣ часто рассказывалъ покойный историографъ. Другая о присоединеніи нашихъ западныхъ губерній къ Царству Польскому оставалась въ рукахъ Карамзина; но онъ сохранялъ ее въ тайнѣ также, или еще болѣе, нежели первую, и только чрезъ мѣсяць послѣ кончины Императора Александра показалъ ее мнѣ и еще двумъ или тремъ своимъ пріятелямъ, не дозволивъ намъ даже и въ то время списать ее. Теперь, однакожь, есть копіи и сей послѣдней записки, но не знаю, совершенно ли вѣрныя.

Что касается духа, въ коихъ написаны, какъ одна такъ и другая, то на каждой страницѣ, можно сказать въ каждой строчкѣ оныхъ, мы находимъ выраженія самыхъ лучшихъ чистѣйшихъ намѣреній, самыхъ искреннихъ и живыхъ чувствъ, какъ истиннаго благоразумнаго патріотизма, такъ и пламенной безкорыстной приверженности къ престолу вообще и къ лицу императора Александра. Но сіи чувства и личная привязанность къ императору не препятствовали Карамзину по любви къ истинѣ, первому коренному свойству благородной души его, иногда судить строго, можетъ быть до нѣкоторой степени и не совѣмъ справедливо, иныя дѣйствія правительства. Онъ какъ будто заранѣе объявилъ о томъ, избравъ эпитафіемъ своей записки (о древней и новой Россіи) стихъ изъ 138 псалма. „Нѣсть лсти

въ языкѣ моемъ“. Основная, общая мысль сего замѣчательнаго, особливо въ отношеніи историческомъ, произведенія есть та, что Россія, какъ государство и государство сильное, создана и потомъ два раза спасена, успокоена и возвеличена самодержавіемъ; что въ немъ не только надежный, прочный, но и необходимый залогъ ея могущества и благоденствія, и что все противное правиламъ онаго можетъ имѣть вредныя, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, гибельныя для нея послѣдствія.

Съ сею главною мыслию и выводами изъ оной согласны всѣ разсужденія сочинителя и тѣмъ объясняются отзывы его, какъ я сказалъ уже, иногда слишкомъ рѣзкіе или не вполне основательныя о преобразованіяхъ Петра Великаго, и о тѣхъ, коихъ Карамзинъ былъ свидѣтелемъ въ первые годы царствованія Александра. Впрочемъ, читая сію записку его, надобно не терять изъ виду, что она есть почти конфиденціальная, составлена для одной близкой къ государю особы и что авторъ никогда никому другому ее не показывалъ¹⁾). Записка его о Польшѣ, составленная послѣ разговора о семъ съ императоромъ Александромъ, въ продолженіе одной ночи, принадлежитъ къ самымъ лучшимъ патріотическимъ его дѣйствіямъ, и въ ней можетъ быть красно-рѣчивѣйшія страницы изъ всѣхъ вышедшихъ изъ подъ пера его. Особеннаго замѣчанія достойно все сказанное имъ о духѣ и свойствѣ вѣры христіанской, о примѣненіи вѣчныхъ заповѣдей ея къ дѣламъ политическимъ. Иныя мѣста сей записки можно почти назвать пророчествами. Такъ на примѣръ, онъ говоритъ императору: „Государь! если вы возстановите древнюю Польшу, то или падетъ Россія или русскіе снова зальютъ Польшу кровью и возьмутъ Прагу штурмомъ“. Впрочемъ Карамзинъ, не являетъ себя въ семъ случаѣ и вообще никогда не былъ какимъ либо непримиримымъ врагомъ всего польскаго. Вотъ слова его въ самомъ заключеніи записки: „Пусть существуетъ и благоденствуетъ царство польское подъ скипетромъ Александра, какъ оно есть;

¹⁾ Часть чисто историческая, то есть первые листы сей записки напечатаны Пушкинымъ въ его *Современникѣ* (въ 1835 или 1836 г.), и потомъ въ концѣ *Исторіи Государства Россійскаго* въ пятомъ компактномъ оной изданіи Г. Эйнерлинга.

но да существуетъ да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ она оставлена вамъ Екатериною“.

Имѣю честь быть съ высокопочитаніемъ и преданностью Вашей Свѣтлости.

Мнѣніе объ Исторіи Руссовъ Г. Конискаго было изложено въ письмѣ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Евграфу Петровичу Ковалевскому отъ 19 февр. 1859 г. Стоя во главѣ Главнаго Управленія цензуры, высоко-просвѣщенный и либеральный, покойный Ковалевскій согласился съ его постановленіемъ о запрещеніи исторической работы архіепископа могилевскаго. Чтобъ понять этотъ актъ столь благопріятно относившагося къ свободѣ печати тогдашняго министра нар. просвѣщенія, слѣдуетъ припомнить, что 21 янв. 1859 г. былъ учрежденъ „комитетъ по дѣламъ книгопечатанія“, на обязанность котораго было возложено принятіе мѣръ къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы. Членами этого комитета были назначены: тайный совѣтникъ Мухановъ, генераль-адъютантъ Гр. Адлербергъ 2 и свиты Е. В. г.-майоръ Тимашевъ. Съ этимъ обстоятельствомъ покойному Ковалевскому тѣмъ болѣе нужно было считаться, что, будучи малороссомъ, по своему мѣсту рожденія въ харьковской губ., онъ долженъ былъ уклоняться отъ всякихъ подозрѣній въ украинофильствѣ, въ каковомъ, дѣйствительно, и готовы были упрекать его, когда сталъ выходить журналъ *Основа*.

Приводимъ письмо Гр. Блудова къ Ковалевскому въ полномъ его текстѣ:

Милостивый Государь Евграфъ Петровичъ!

Возвращая при семь доставленный мнѣ отъ Вашего Превосходительства Журналъ Главнаго Управленія Цензуры 10-го Генваря сего года, имѣю честь сообщить Вамъ, что я не подписалъ сего журнала, ибо меня остановила 21-ая онаго статья. По совѣсти и литературной и политической я не могу согласиться съ постановленіемъ сей статьи.

„Исторія Руссовъ“ Георгія Конискаго, одно изъ замѣчательныхъ, если не самое замѣчательное сочиненіе объ исторіи

Малороссіи, всѣмъ извѣстна, не столько еще по первому оной изданію въ 1846 году Московскимъ Обществомъ Исторіи и древностей Россійскихъ, сколько и гораздо болѣе и гораздо прежде сего изданія по рукописямъ, которыя во множествѣ распространены по всюду. Сочинитель сей книги, коего можно назвать самого лицомъ историческимъ, доказалъ всею своею жизнію преданность къ Православію и Россіи. Уважаемый не только въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, гдѣ онъ въ послѣдствіи, какъ Архіепископъ, боролся съ Римско-Католицизмомъ-Прозелитизмомъ и преобладаніемъ Польскаго элемента, онъ былъ удостоенъ особой милости и довѣренности Императрицы Екатерины II, и конечно никогда не думалъ оставлять въ тайнѣ сего сочиненія своего, писаннаго имъ по желанію депутатовъ Малороссіи на собраніи (въ 1767 году) Государственныхъ чиновъ въ Москвѣ. Съ того времени оно приобрѣло такую общую извѣстность, что въ губерніяхъ Полтавской, Черниговской, Харьковской и Кіевской нѣтъ почти ни одного семейства, между людьми болѣе или менѣе образованными, которое не имѣло бы списка сей исторіи. Сія извѣстность не ограничивается предѣлами бывшей Малороссіи и жители оной высоко цѣнятъ книгу Конисскаго, не по тѣмъ словамъ и выраженіямъ, въ коихъ дѣйствительно замѣчается нѣкоторый односторонній, такъ сказать провинціальный патріотизмъ, а по ученому и, осмѣлюсь прибавить, артистическому оной достоинству. Запрещать новое изданіе такого сочиненія, могущаго служить всегда важнымъ пособіемъ, а въ иныхъ случаяхъ и необходимымъ источникомъ для всѣхъ занимающихся исторіею, едва ли полезно и удобно въ какомъ бы то ни было отношеніи. Едва ли также по мнѣнію моему возможно согласиться съ мыслію, довольно странною, что лучше запретить всю книгу, которую мы сами признаемъ хорошею, нежели исключить изъ нее нѣсколько выражений или рассужденій, не совѣмъ умѣстныхъ и приличныхъ.

Я съ своей стороны полагаю, что слѣдовало бы даже разрѣшить изданіе Исторіи Руссовъ, безъ сокращенія и безъ выпуска тѣхъ мѣстъ, которыя прежде могли произвести дурное впечатлѣніе, но въ настоящее время утратили всякую возможность, какъ явленіе давно прошедшее. Впрочемъ, если сіе по-

чему либо найдено будет неудобнымъ, то во всякомъ случаѣ кажется должно позволить новое оной изданіе въ томъ видѣ, какъ первое съ немногими незначительными сокращеніями и пропусками.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

Подписаль Графъ *Д. Блудовъ*.

Оканчивая эти бѣглыя замѣтки о нѣкоторыхъ матеріалахъ архива государственнаго совѣта, я не могу не сказать, что занятія въ немъ считаю въ высокой степени полезными для русскаго государствовѣда,—можетъ быть болѣе полезными, чѣмъ слушаніе лекцій въ иностранныхъ аудиторіяхъ, чѣмъ изученіе нѣмецкихъ лербуховъ и хаотической политической литературы разныхъ вѣковъ и народовъ. Архивъ госуд. совѣта—школа, изъ которой можно вынести цѣльное, отчетливое пониманіе духа и структуры отечественныхъ государственныхъ установленій. Работая въ архивѣ госуд. совѣта, перебирая его журналы и меморіи, нельзя не вынести чувствъ истинной и глубокой лояльности и пietetа къ нашимъ монархамъ, которые были главными и неустанными работниками для блага и преуспѣванія родной земли. Вотъ почему я не могу не считать краткосрочнаго періода моихъ занятій въ архивѣ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ эпизодовъ въ моей ученой біографіи. Министру н. пр., разрѣшившему мнѣ пребываніе въ Петербургѣ для моихъ ученыхъ работъ, я буду вѣчно признателенъ. Не могу также не сказать моего душевнаго спасибо нынѣшнему государственному секретарю, дозволившему мнѣ доступъ въ архивъ, и статсъ-секретарю Красовскому, одному изъ питомцевъ университета св. Владимира, которымъ всегда будетъ гордиться *alma mater*, и который съ такимъ вниманіемъ и предупредительностію отнесся къ ученымъ трудамъ своего бывшаго профессора. Самое симпатичное воспоминаніе я всегда буду также сохранять о всѣхъ служащихъ въ госуд. архивѣ, трехмѣсячное общеніе съ которыми доставляло мнѣ столько удовольствія. За общее вниманіе и участіе я постараюсь отблагодарить тѣми результатами моихъ архивныхъ занятій, которые, смѣю надѣяться, скажутся на дальнѣйшей разработкѣ мною вопросовъ роднаго государственнаго права.

А. Романовичъ-Славатинскій.

КРИТИКА.

Сводная Галичско-русская летопись съ 1700 до конца Августа 1772 года.—Составилъ А. С. Петрушевичъ.—Часть I. Львовъ 1887.

Сборникъ, заглавіе котораго мы выписали, названъ первою частью вслѣдствіе того, что составитель намѣренъ помѣстить въ новомъ томѣ свѣдѣнія, относящіяся къ концу XVIII столѣтія, собственно-же говоря, вышедшій въ концѣ прошлаго года томъ есть 2-ой по отношенію ко всей серіи изданія. Первый томъ, содержащій историческій матеріалъ для XVII столѣтія, вышелъ еще въ 1874 году подъ тѣмъ-же общимъ заглавіемъ.

Изданіе, предпринятое А. С. Петрушевичемъ, должно совмѣщать, по мысли автора, всѣ письменные памятники, оставшіеся отъ даннаго періода времени: рукописные дневники и мемуары, записи на церковныхъ и богослужебныхъ книгахъ, надписи на надгробныхъ камняхъ, крестахъ, церковныхъ стѣнахъ, церковной утвари и т. п. Всѣ эти извѣстія издатель группируетъ по годамъ и помѣщаетъ въ хронологическомъ порядкѣ; методъ и цѣль группировки онъ самъ объясняетъ въ предисловіи къ I тому (1874 г.) слѣдующимъ образомъ: „Подъ каждымъ годомъ старался я размѣстити матеріалъ по относительной важности его, думая такимъ способомъ подлежащимъ хронологическимъ собраніемъ хотя-бы на первый взглядъ кажущихся маловажныхъ данныхъ, сдѣлати прислугу любознательному читателю, доставляючи тому способность пользоваться съ большимъ трудомъ собраннымъ богатымъ матеріаломъ, въ которомъ онъ найдетъ много любопытнаго по части исторіи нашего русскаго края и церкви..., тоже по части русской словесности такъ церковной якъ мірскаго, старопечатанныхъ книгъ и другихъ художественныхъ памятниковъ, наконецъ, по части происшествій элементарныхъ (стихійныхъ?) и другихъ природныхъ явленій въ нашемъ отечествѣ.“

Дѣйствительно матеріаль, собранный г. Петрушевичемъ, очень богатъ и разнообразенъ и изданная имъ книга по количеству данныхъ можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими археографическими сборниками. Въ теченіе многолѣтней своей ученой и литературной дѣятельности издатель успѣлъ списать или собрать при посредствѣ своихъ корреспондентовъ огромное количество надписей и краткихъ замѣтокъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ червоно-русскаго края на церковныхъ книгахъ, зданіяхъ, памятникахъ и т. д.; притомъ онъ приобрѣлъ, повидимому, значительное количество неизданныхъ рукописей, мемуаровъ, записокъ и т. п. и всѣ эти извѣстія онъ издалъ въ „сводной лѣтописи“. Этимъ онъ оказалъ значительную услугу русской исторіографіи, спасъ многія болѣе или менѣе важныя историческія свѣдѣнія отъ гибели и сдѣлалъ ихъ общедоступными для лицъ, интересующихся русскою исторіею.

Изданный матеріаль тѣмъ болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе спеціалистовъ, что собранъ онъ и изданъ ученымъ, пользующимся извѣстностью въ качествѣ автора, давно и очень усердно трудящагося на полѣ научной литературы. Въ прошломъ именно году г. Петрушевичъ праздновалъ сорокалѣтнюю годовщину своей литературной дѣятельности; началъ онъ ее въ 1847 году поэтическимъ произведеніемъ: „Радостная пѣснь русина Галичанина въ день праздника св. Архистратига Михаила, а именинъ такожь его Превосходительства, преосвященнаго архіепископа Митрополита Львовскаго, Галицкаго и епископа Каменецакаго, Курь Михаила“ (это произведеніе есть нѣчто въ видѣ торжественной оды въ честь уніатскаго митрополита Михаила Левицкаго, при которомъ г. Петрушевичъ состоялъ тогда „капеляномъ и нотаріемъ“¹⁾). Съ того времени г. Петрушевичъ писалъ очень много и по многимъ отраслямъ знанія; кажется, что излюбленныя его занятія посвящены были филологіи и библіографіи, но онъ нерѣдко писалъ статьи и историческаго содержанія, по большей части разрабатывая исторію церкви галицко-русской. Въ числѣ большаго количества статей, принадлежащихъ перу г. Петрушевича, правда, не встрѣчаемъ работъ, которыя бы обнимали цѣльныя и сколько нибудь обширныя эпохи—это по большей части коротенькія монографіи, посвященныя разработкѣ частныхъ, болѣе или менѣе мелкихъ вопросовъ, относящихся къ исторической жизни Червоной Руси. Этотъ именно характеръ дѣятельности почтеннаго автора и

¹⁾ Литературный сборникъ Галицко-Русской матицы 1887 г. стр. V.

заставляет предполагать развитіе въ немъ по преимуществу критическаго направленія и выработку строгаго критическаго метода, который конечно необходимъ и прежде всего желателенъ при изданіи сборника, составленнаго изъ столь разнородныхъ и разнообразныхъ источниковъ какова „Сводная галицко-русская лѣтопись“.

Къ несчастію эти ожиданія, основанныя на репутаціи автора, не вполне оправдываются изданною имъ книгою. Вслѣдствіе ли недосуга и поспѣшности, или по другимъ неизвѣстнымъ намъ причинамъ, издатель не только не соблюлъ критическихъ приемовъ, обязательныхъ для издателя всякаго археографическаго сборника, но какъ будто съ умысломъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее для того, чтобы затруднить „любопытнаго читателя“ при пользованіи его сборникомъ и лишить его возможности критическаго отношенія къ богатому его матеріалу. Мы постараемся указать главныя погрѣшности въ способѣ редакціи „сводной лѣтописи.“

Не ограничиваясь сводомъ разрозненныхъ и собранныхъ имъ рукописныхъ источниковъ, г. Петрушевичъ вводитъ въ свою лѣтопись огромное количество выписокъ изъ печатныхъ общеизвѣстныхъ историческихъ сочиненій, превращая такимъ образомъ свой археографическій сборникъ какъ-бы въ историческую хрестоматию, притомъ весьма плохо составленную. Плохо потому, что какъ въ выборѣ имъ авторовъ, такъ и въ выборѣ цитируемыхъ мѣстъ онъ руководился по видимому исключительно субъективными побужденіями. Такъ, чаще всего мы встрѣчаемъ выписки изъ Исторіи Малороссіи Маркевича, Исторіи Россіи Соловьева, изъ лѣтописей, изданныхъ г. Бѣлозерскимъ и изъ Исторіи кабаковъ въ Россіи Прыжова; на ряду съ ними вся книга испещрена цитатами изъ всевозможныхъ сочиненій, безъ всякаго вниманія къ степени компетентности компилируемыхъ источниковъ. Мы встрѣчаемъ рядомъ цитаты изъ Полнаго Собранія Законовъ, изъ Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей и изъ Холмскаго народнаго календаря, Газеты Львовской за 1875 г., Врачебнаго Журнала Полунина и даже изъ беллетристическихъ сочиненій (Украинскихъ оповиданій Стороженка) и этнографическихъ сборниковъ (Головацкаго). Затѣмъ къ крайнему нашему удивленію встрѣчаемъ выписки изъ цѣлага ряда минералогическихъ и технологическихъ нѣмецкихъ сочиненій¹⁾ и т. д. Со-

¹⁾ Zerrenner. Erdkunde des Gouvernements Perm.—Von Turner. Russlands Montan—Industrie. Grätze. Beiträge zur Geschichte des Gefässbilderei etc. bei den verschiedenen Nationen и т. и.

ставитель не поясняет ни въ предисловіи, ни въ примѣчаніяхъ, ни въ текстѣ, почему онъ оказалъ предпочтеніе этимъ именно авторамъ, а не какимъ либо инымъ, и, не будучи въ состояніи догадаться о причинѣ этого предпочтенія, мы невольно полагаемъ ее въ случайности или въ произволѣ составителя. Выборъ нѣкоторыхъ пособій только необъяснимъ; мы, напримѣръ, не знаемъ почему, цитируя Соловьева, г. Петрушевичъ игнорируетъ сочиненія Ешевскаго, Устрялова, Семевского, Корсакова и т. д.; почему онъ оказываетъ предпочтеніе лѣтописямъ Бѣлозерскаго передъ лѣтописями Рубана, Ригельмана, Симоновскаго, Лукомскаго и т. д.—Мы также не знаемъ, почему, находя нужнымъ внести свѣдѣнія естественно-научныя, г. Петрушевичъ ограничился минералогіею и технологіею и отрицаетъ ботанику, зоологію, антропологію, исторію медицины и т. п. Но иногда выборъ пособія крайне неудаченъ и болѣе, чѣмъ странно со стороны писателя, извѣстнаго многолѣтнею дѣятельностью и дающаго право ожидать съ его стороны строго критическаго выбора: таково по нашему мнѣнію предпочтеніе, оказанное имъ „Исторіи Малороссіи Маркевича“, сочиненію, котораго недостатки видны были еще во время его выхода въ свѣтъ и которое при настоящемъ состояніи науки ниже всякой критики; а между тѣмъ каждый годъ въ „сводной лѣтописи“ начинается огульнымъ перечнемъ фактовъ, заимствованнымъ изъ исторіи Маркевича, какъ поясняетъ самъ г. Петрушевичъ въ примѣчаніи на 1 страницѣ.—Конечно, значеніе цитатъ изъ беллетристическихъ сочиненій въ сборникѣ археографическомъ не требуетъ, по нашему мнѣнію, комментарія.

Если кажется намъ непонятнымъ выборъ цитируемыхъ авторовъ, то еще въ большее недоумѣніе приходимъ отъ выбора мѣстъ, приведенныхъ изъ этихъ авторовъ въ „сводной лѣтописи“. При всемъ искреннемъ желаніи уразумѣть схему, по которой выбиралъ извѣстія г. Петрушевичъ, мы ее постичь не были въ состояніи. Извѣстія выбраны и не по относительной важности самыхъ событій, и не по связи ихъ съ исторіею „Галичско-русскою“, какъ можно бы предполагать на основаніи заглавія изданія. Для образца приведемъ на угадъ нѣсколько выписокъ г. Петрушевича; можетъ быть кто нибудь будетъ счастливѣе насъ и уразумѣетъ, почему и къ чему они помѣщены въ сводной лѣтописи:

„1700 Всѣмъ питейнымъ дѣломъ въ Россіи завѣдывали бурмистры и т. д. (Прыжовъ Исторія кабаковъ).

1714. Учреждены Петромъ В. маіораты и т. д. (Полное Собр. Зак.).

1733. Заведена почта между Москвою и Тобольскомъ (Чулковъ).

Вторично запрещено всякаго рода азардовые игры. (Безъ ссылки).

1749. Папа соизволяетъ Гнезненскимъ архіепископамъ, яко примасомъ королевства, употребленіе пурпуры. (Безъ ссылки).

1750. Начало Россійской горновой музыки. Марешъ. Нарышкинъ (?).

1755. Трусъ земный разрушилъ городъ Лисабонъ, распространился на три десятии части (sic) міра. (Безъ ссылки).

1756. Импер. Елисавета основала близъ С.-Петербурга первый фарфоровый заводъ (Porcellanfabrik) и т. д. (Graetze).

1771. Появленіе русскихъ въ Мингреліи, взятіе Кутаиса. (Безъ ссылки).

1771. Возстаніе Яицкихъ козаковъ по причинѣ притѣсненія ихъ и приказа бритія бороды. (Castera).

1772. Открыты Олонецкіи первыи мѣдными рудокопы (sic). (Безъ ссылки).

Такого рода цитатъ можно бы набрать въ сводной лѣтописи многіе десятки; предоставляя „любознательному читателю“ рѣшить причину ихъ появленія и ихъ назначеніе въ книгѣ, мы позволимъ себѣ высказать предположеніе, что почтенный авторъ смотрѣлъ на свою лѣтопись до нѣкоторой степени какъ „кунсткамеръ, сирѣчь на собраніе курьезовъ и раритетовъ“ и старался набрать извѣстія подиковиннѣе, иначе въ нее не попали бы ни „трусъ лисабонскій“, ни тобольская почта, ни „пурпура примасовъ“ ни „мѣдные рудокопы“, ни „горновая музыка“, „маюраты, „Porcellanfabrik“ и безконечное количество другихъ монстровъ, которыхъ для краткости не перечисляемъ.

Если исключимъ изъ книги всѣ выписки изъ печатныхъ сочиненій, то объемъ ея уменьшится по меньшей мѣрѣ на половину; то, что за тѣмъ останется, и есть собственно настоящая сводная лѣтопись, составленная по плану издателя изъ расположеннаго по годамъ рукописнаго матеріала; впрочемъ въ отношеніи къ этому матеріалу приемы составителя также заставляютъ многого желать и о многомъ сожалѣть: значительное количество извѣстій или вовсе не отмѣчено ссылками, или же ссылки проставлены въ столь неопредѣленномъ и общемъ видѣ, что не даютъ возможности судить о достоинствахъ и качествахъ источника; какое, на примѣръ, можно себѣ составить понятіе о рукописи, о которой сказано только: „рукопись въ моемъ посиданіи“ или „изъ бібліотеки епископскаго собора въ Перемышли“, или „по источникамъ польскимъ“, или „по современной запискѣ“ и

т. п. Кромѣ мелкихъ надписей и отрывочныхъ помѣтокъ авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько объемистыхъ записокъ современниковъ, каковы напримѣръ: записки уніатскаго митрополита Льва Кишки, записки піарскаго монастыря въ Межиричѣ Корецкомъ, записки Павла Свѣдѣнскаго, священника Лодинскаго. Конечно, изданіемъ этихъ записокъ онъ оказалъ бы большую услугу русской исторіографіи и притомъ отъ г. Петрушевича, какъ отъ чловѣка вполне знакомаго съ правилами исторической критики, можно было ожидать соблюденія хотя важнѣйшихъ условій, необходимыхъ при изданіи историческихъ памятниковъ, т. е. описанія имѣющихся у него рукописей, возможныхъ данныхъ объ исторіи этихъ рукописей, біографическихъ данныхъ, опредѣляющихъ общественное положеніе, характеръ и убѣжденія ихъ составителей и т. п. Но мы ничего подобнаго не находимъ въ сводной лѣтописи, за то самъ текстъ записокъ распределенъ по годамъ и интерполированъ среди другихъ замѣтокъ и выписокъ; при этомъ издатель не объясняетъ: помѣстилъ ли онъ весь текстъ имѣющихся у него записокъ или только избранныя изъ нихъ по своему усмотрѣнію мѣста, чѣмъ конечно онъ отнялъ у читателя послѣднюю возможность критическихъ о нихъ соображеній.

При группировкѣ самыхъ извѣстій въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается большая небрежность; иногда одно и тоже извѣстіе помѣщено по одному и тому же источнику два раза; такова, напримѣръ, выписка замѣтки изъ Минеи церкви села Иванова о цѣнахъ на хлѣбъ въ Перемышлѣ 1737 г. (стр. 139 и 140); иногда тождественныя надписи изъ различныхъ книгъ списываются подъ рядъ безъ видимой нужды, напримѣръ надписи о подаркѣ церковныхъ книгъ Скитскому монастырю архимандритомъ Михаиломъ Чирскимъ (стр. 214); иногда, безъ всякихъ поясненій и комментаріевъ, приводятся въ качествѣ современныхъ записокъ, весьма наивныя и невѣжественныя мудрствованія книжниковъ XVIII столѣтія; вотъ для примѣра замѣтка священника Григорія Гаванскаго, составленная въ 1750 г. о времени основанія церкви въ селѣ Бущѣ: „Церковь эту поставила святая царица Елена въ то время, когда вела войну съ Бунякомъ Солдовымъ, во имя святыхъ Глѣба и Бориса, сыновей восточнаго царя Владиміра, убитыхъ собственнымъ братомъ... Баколарь изъ Почаева показалъ мнѣ книгу, въ которой записано было однимъ старикомъ, почаевскимъ монахомъ, что это событіе происходило въ 1180 году, слѣдовательно до настоящаго 1750 года прошло лѣтъ 570“

(стр. 186). Замѣтку эту, можетъ быть представляющую значительный историко-этнографическій интересъ, наврядъ ли можно помѣщать въ археографическомъ сборникѣ безъ комментарія или хотя бы краткаго примѣчанія о ея значеніи.

Въ иныхъ случаяхъ г. Петрушевичъ приводитъ извѣстіе объ одномъ и томъ же событіи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ, оставляя читателя въ недоумѣніи, повторялось ли это событіе периодически или, можетъ быть, существуетъ сомнѣніе къ какому году его слѣдуетъ отнести—сомнѣніе впрочемъ нѣсколько странное, такъ какъ сборникъ посвященъ исключительно событіямъ XVIII столѣтія. Вотъ примѣръ такой необъяснимой оплошности: возстаніе крестьянское, извѣстное подъ именемъ Коливщины, происходило въ 1768 году и продолжалось въ теченіи 3 мѣсяцевъ. Даты его можно весьма точно опредѣлить по документамъ; между тѣмъ въ „сводной лѣтописи“ возстаніе Желѣзняка, взятіе Умани и усмиреніе движенія Степковскимъ рассказаны 3 раза подъ 1768, 1769 и 1770 годомъ (стр. 272, 287, 293) и притомъ рассказаны отъ лица самого издателя, безъ указанія источниковъ и не въ качествѣ выписки изъ современныхъ замѣтокъ, а въ видѣ краткихъ положеній самого составителя. Вѣдь для читателя мало знакомаго съ исторіею этого событія книга г. Петрушевича явится источникомъ крайнихъ недоумѣній или грубыхъ ошибокъ. Мы совершенно не понимаемъ съ какою цѣлью почтенный авторъ устроилъ всю эту путаницу? Вѣдь въ знаніи его сомнѣваться нельзя, остается приписать эту ошибку весьма непохвальной небрежности. Впрочемъ по отношенію къ Коливщинѣ, мы можемъ указать одну ясную ошибку со стороны составителя: на 281 страницѣ приведены общеизвѣстныя вирши, надписывавшіяся на схематическомъ изображеніи запорожца XVIII столѣтія, такъ называемаго „Мамая“; вирши эти озаглавлены г. Петрушевичемъ „Стихи на портретъ Гонтъ“. Намъ непонятно вслѣдствіе какой предвзятой мысли г. Петрушевичъ отнесъ какъ самое изображеніе, такъ и вирши къ Гонтѣ; вирши эти давно уже извѣстны¹⁾ и не имѣютъ ничего общаго съ біографіею Гонтъ, напротивъ того въ самомъ текстѣ изображенный на картинѣ козакъ пространно поясняетъ, что онъ самъ точно не знаетъ ни своего имени, ни происхожденія и рассказываетъ, что онъ родился и воспитался въ запорожскихъ

¹⁾ Онѣ напечатаны, если не ошибаемся, въ первый разъ въ „Запискахъ о южной Руси“ Кулиша въ 1856 г. (т. I, стр. 316—319).

степеняхъ, что онъ не имѣеть никакой осядлости, „бурлакуеть“, занимается гайдамачествомъ, уже состарѣлся среди бездомной жизни и т. д. Что тутъ общаго съ Гонтою, человѣкомъ домовитымъ, семейнымъ, богатымъ и занимавшимъ видное служебное положеніе въ уманской милиціи?

Въ числѣ отрицательныхъ качествъ изданія мы не можемъ не отмѣтить неприличествующаго историческому писателю вообще, и издателю матеріаловъ въ особенности, субъективизма, заставляющаго невольно сомнѣваться въ безпристрастіи относительно полноты и выбора приводимыхъ фактовъ. Г. Петрушевичъ очень часто вставляетъ въ „сводную лѣтопись“ свои разсужденія и полемическія выходки, противъ разныхъ мнѣній и тенденцій, проявляющихся какъ въ современной литературѣ, такъ и въ текущей общественной жизни. Разсужденія эти могутъ быть очень почтенны по своему содержанію, но мѣсто для нихъ подобающее было бы на столбцахъ любой газеты; на страницахъ же археографическаго сборника они только роняютъ научное достоинство послѣдняго и возбуждаютъ сомнѣніе въ объективномъ подборѣ научнаго матеріала.

Наконецъ, придавъ своему сборнику видъ весьма хаотической *silvae rerum*, г. Петрушевичъ счелъ лишнимъ приложить къ нему хоть бы указатель личныхъ и географическихъ именъ. Если кому-либо понадобится забрать справку о любомъ историческомъ фактѣ по матеріаламъ изданнымъ г. Петрушевичемъ, онъ каждый разъ долженъ будетъ пересмотрѣть всю книгу отъ начала до конца; странствовать же въ этомъ лабиринтѣ не легко безъ указателя, который служилъ бы спасительною нитью Ариадны.

Вообще приходится искренно пожалѣть о томъ, что богатый историческій матеріалъ, собранный г. Петрушевичемъ, изданъ имъ въ столь небрежномъ видѣ, при совершенномъ отсутствіи даже элементарныхъ критическихъ приѣмовъ. В. А.

Diebold Wladimir.—Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen. Dorpat. 1886 (Дибольдъ.—Къ антропологии Малороссовъ—Дерптъ. 1886 г.).

Книжка эта написана въ качествѣ диссертациі для полученія степени доктора медицины и защищена авторомъ въ Дерптѣ. Въ предисловіи г. Дибольдъ поясняетъ, что онъ выбралъ указанную тему для своего сочиненія потому, что онъ жилъ во время его со-

ставленія на югѣ Россіи и имѣлъ возможность пользоваться, какъ онъ полагалъ тогда, весьма легко матеріаломъ для наблюдений въ средѣ мѣстнаго населенія; притомъ онъ желалъ выразить этимъ выборомъ свои симпатіи къ ближайшей своей родинѣ (*sollte dieses ein Act der Pietät gegen meine engere Heimath und ihre Bewohner sein*). Работа предпринята имъ была послѣ совѣщанія съ извѣстнымъ знатокомъ антропологии, профессоромъ Штидею, по указаніямъ котораго онъ рѣшился сдѣлать выводы, собравъ точныя наблюденія надъ 200 мужчинами и 100 женщинами; но, неожиданно для автора, онъ встрѣтилъ большія препятствія при собираніи матеріала. Крестьяне, озадаченные небывалыми вопросами и осмотромъ, отнеслись къ антропологу съ нѣкоторою подозрительностью и неохотно соглашались на предложенные имъ сеансы; его подозрѣвали то въ томъ, что онъ дѣлаетъ предварительные помѣры по порученію присутствія по исполненію воинской повинности, то въ томъ, что онъ выбираетъ людей способныхъ для предполагаеннаго будто переселенія въ приамурскій край и на Кавказъ, то считали его тайнымъ агентомъ, распространяющимъ штунду и т. п. Съ большимъ трудомъ удалось ему помѣрять и записать наблюденія о 200 мужчинахъ, что же касается женщинъ, то онъ долженъ былъ совершенно отказаться отъ наблюдений надъ ними, ибо по мотивамъ стыдливости и вслѣдствіе страха передъ общественнымъ мнѣніемъ женщины на отрѣзъ отказались служить субъектами для его наблюдений.

Всѣ наблюденія автора произведены въ 36 селахъ уманскаго уѣзда и только немногія данныя взяты имъ изъ наблюдений надъ лицами сосѣднихъ уѣздовъ; г. Дибольдъ обращалъ строго вниманіе на чистоту племеннаго происхожденія и потому совсѣмъ устранилъ чиншевицковъ и мѣщанъ; затѣмъ онъ обращался къ субъектамъ не моложе 18 лѣтъ. Измѣренія и распросы произведены были по схемѣ, составленной Брокà (*Instructions générales pour les recherches anthropologiques à faire sur les vivants*) и добытый матеріалъ тщательно внесенъ въ таблицы, въ которыхъ проставлены данныя о каждомъ изъ 200 субъектовъ по 76 вопросамъ, намѣченнымъ въ схемѣ.

Само сочиненіе распределено на 3 главы: первая, самая впрочемъ слабая, представляетъ очеркъ историко-географическій и этнографическій малорусскаго населенія. Авторъ, какъ не специалистъ, рассказывая общеизвѣстныя данныя, заимствованныя по большей части изъ труда Чубинскаго, дѣлаетъ нѣсколько довольно крупныхъ ошибокъ въ подробностяхъ; такъ онъ утверждаетъ, что южная Русь

была присоединена къ Польшѣ въ 1471 г. (вмѣсто 1569), полагаетъ, что кievская губернія была возсоединена съ Россіею по Андрусовскому договору 1667 г. (вмѣсто 1792), приводитъ сравнительныя данныя, относящіяся къ антропологии другихъ славянъ, къ числу послѣднихъ причисляетъ литовцевъ и латышей и т. п.

Во второй главѣ авторъ стоитъ на почвѣ своей спеціальности и потому она отдѣлана имъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Онъ здѣсь рассказываетъ приемы своихъ наблюдений и измѣреній и излагаетъ добытые имъ выводы.

Подводя общій итогъ на основаніи приведенныхъ имъ цифръ, г. Дибольдъ рисуетъ средній типъ малоросса слѣдующими словами: „Малороссы по большей части роста выше средняго, тѣлосложенія крѣпкаго. Преобладающій цвѣтъ кожи бѣлый (только 21% представляли разные оттѣнки смуглой кожи), распространеніе волосъ на кожѣ весьма слабое, довольно рѣдко умѣренное и еще рѣже сильное. Голова покрыта волосами темно-коричневыми, весьма рѣдко курчавыми. Блондины встрѣчаются рѣдко (29%), еще рѣже брюнеты (10%). Лице въ большинствѣ случаевъ овальное, иногда удлиненное (31%). Малороссы брѣютъ бороду, но если они ее отпускаютъ, то борода бываетъ довольно густая. Борода служитъ признакомъ почета, которымъ пользуется извѣстное лице вслѣдствіе возраста или положенія, занятаго имъ въ общинѣ.—Глазницы расположены горизонтально. Глаза средней величины, хотя встрѣчаются глаза большіе (43%) и малые (12%). По цвѣту преобладаютъ глаза каріе (43%) и сѣрые (41%), голубые встрѣчаются рѣдко (16%). Преобладающая форма носа прямая (71%), хотя встрѣчаются также носы горбатые (12%) и сѣдлообразные (17%). Губы довольно толстыя. Зубы хорошо сохраняются до преклоннаго возраста; карьезная порча встрѣчается рѣдко (19%), еще рѣже потеря нѣсколькихъ зубовъ.

Вообще малороссы хорошаго тѣлосложенія и члены тѣла развиты пропорціонально“ (стр. 36).

Къ этой характеристикѣ автора прибавимъ еще одну существенную, опущенную имъ подробность: по произведеннымъ имъ измѣреніямъ череповъ, всѣ безъ исключенія оказались короткоголовыми; средній черепной указатель=84,53.

Третья глава сочиненія посвящена сравненію типа малорусскаго съ антропологическими типами другихъ славянскихъ и неславянскихъ народовъ и сличенію этого типа съ среднимъ типомъ индоевропейца (*Сanon du beau*) по Топинару. Хотя сравненія эти

дѣлаются по совершенно точнымъ приѣмамъ науки, но намъ кажется, что авторъ выбралъ для сравненія народности, случайно попавшіяся ему типы въ пособіяхъ, которыми онъ пользовался, а не тѣ, сличеніе съ которыми представляло бы дѣйствительно этнологическій интересъ. Мы не ясно понимаемъ, какіе выводы можно извлечь изъ сопоставленія типа малорусскаго съ типами ливовъ, латышей, эстовъ, шѣмцевъ, евреевъ, минуя всѣ посредствующія звенія племеннаго родства. Намъ потому кажется, что сравнительная часть работы г. Дибольда носить характеръ нѣсколько случайный и произвольный.

Конечно, книжка д-ра Дибольда какъ по незначительному размѣру изслѣдованной имъ территоріи, такъ и по количеству собранныхъ наблюденій не можетъ доставить данныхъ для антропологической характеристики малороссовъ вообще, самъ авторъ не придаетъ ей такого значенія, почему онъ и озаглавилъ скромно свое сочиненіе только вкладомъ (Beitrag) къ изученію антропологии малороссовъ. Тѣмъ не менѣе она въ числѣ весьма немногочисленныхъ работъ, посвященныхъ избранному имъ сюжету, занимаетъ почетное мѣсто. По научному характеру приѣмовъ она стоитъ на одномъ уровнѣ съ изслѣдованіемъ гг. Коперницкаго и Мейера (Физическая характеристика народонаселенія Галиціи), превосходить точностью изслѣдованія, хотя уступаетъ по количеству матеріала труду Чубинскаго (Малоруссы юго-западнаго края) и гораздо опредѣленнѣе и точнѣе работы г. Эмме (Антропология и медицина кобыляцкаго уѣзда). Мы полагаемъ, что появленіе трудовъ, подобныхъ сочиненію г. Дибольда, заключающихъ въ себѣ антропологическія данныя, научно и добросовѣстно собранныя, для каждой отдѣльной мѣстности края, въ высшей степени желательно. Въ общей сложности, онѣ дадутъ со временемъ возможность опредѣлить какъ общій схематическій типъ южнорусса, такъ и указать дифференцировку этого типа на извѣстныя разновидности. Во всякомъ случаѣ мы искренно благодаримъ нашего земляка за полезный вкладъ въ небогатую пока литературу русской антропологии. **В. А.**

Czyński Edward. Etnograficzno-statystyczny zarys liczebności i roz-siedlenia ludności polskiej. Warszawa 1887 r.

Почтенный трудъ Эдуарда Чинскаго (псевдонимъ) изданъ въ первомъ томѣ молодаго польскаго географическо-этнографическаго журнала „Wisła“.—Авторъ задался цѣлью дать болѣе или менѣе точный

отвѣтъ на поставленный въ началѣ очерка вопросъ: „сколько насъ (поляковъ) и какъ мы размѣщены на занимаемой нами территоріи? Только послѣ разрѣшенія этого вопроса, заявляетъ авторъ, мы можемъ дать себѣ отчетъ *о нашемъ общественномъ и политическомъ значеніи*“.

Къ сожалѣнію, эта то ближайшая практическая цѣль, совершенно посторонняя для научной этнографіи, послужила отчасти помѣхой автору и до нѣкоторой степени испортила прекрасно задуманную и прекрасно исполненную работу. Разсматривая вопросъ о національности болѣе съ точки зрѣнія польскаго патриотизма, чѣмъ этнологіи, авторъ въ самомъ началѣ дѣлаетъ грубую ошибку, принимая для опредѣленія въ данномъ населеніи его народности два разнородные признака: національное самосознаніе и языкъ. Первый признакъ ненаучный и не поддающійся счисленію, присущъ только немногимъ и вытекаетъ изъ высшаго духовнаго развитія. Очень часто можно встрѣтить народныя массы безъ всякаго національнаго самосознанія, но это однако не значитъ, что эти массы не принадлежатъ ни къ какому племени. Принявъ самосознаніе за признакъ народности, авторъ допускаетъ новыя ошибки. Такъ напр., онъ не постѣснялся въ этнографическомъ трудѣ причислить къ польскому племени всю еврейскую интеллигенцію Царства Польскаго и Галиціи, на томъ единственно основаніи, что они будто бы сознательно считаютъ себя членами польскаго народа. Что интеллигентные евреи могутъ быть даже яркими патриотами польскими, французскими, германскими и т. д., спорить не буду, но никакая логика не позволитъ отнести этихъ патриотовъ къ другому племени, кромѣ семитическаго. Съ другой стороны авторъ по отношенію къ ю.-з. краю, не имѣя точныхъ данныхъ о языкѣ населенія, совершенно неосновательно признаетъ всѣхъ католиковъ поляками и, выдѣливъ предварительно изъ ихъ числа весьма проблематическія цифры нѣмцевъ и чеховъ, находитъ въ трехъ нашихъ губерніяхъ свыше $\frac{1}{2}$ милліона поляковъ. Въ дѣйствительности же около 400,000 изъ этого количества приходится на долю такъ называемой мелкой шляхты, при опредѣленіи народности которой приходится поставить большой вопросительный знакъ. Во всякомъ случаѣ авторъ не найдетъ въ нихъ ни національнаго польскаго самосознанія, ни польской рѣчи, о которой развѣ въ десятой хатѣ осталось смутное представленіе. Молятся они, правда, еще по-польски. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что въ скоромъ будущемъ они совершенно сольются съ малорусскимъ населеніемъ и въ дѣлѣ общественнаго и политическаго значенія польскаго народа никакой ровно роли играть не будутъ.

Не менѣ страннымъ въ этнографичеѣ работѣ показалось мнѣ ограниченіе территоріи польскихъ поселеній политическими границами польскаго государства 1772 года. Съ тѣмъ же успѣхомъ можно было расширить предѣлы напр. на востокъ за Черниговъ и Полтаву, а на югъ до Овидоваго озера. Вѣдь и эти края были подъ скипетромъ польскимъ, и въ нихъ живутъ поляки, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ екатеринославской, херсонской и бессарабской губ. они населены даже плотнѣе, чѣмъ, напр., въ разсмотрѣнныхъ авторомъ ольгопольскомъ, гайсинскомъ, звенигородскомъ, каневскомъ, чигиринскомъ черкасскомъ и уманскомъ уѣздахъ, гдѣ плотность польскаго населенія въ общемъ еле достигаетъ 1%. Между тѣмъ эти искусственныя рамки заставили автора пройти молчаніемъ такія значительныя польскія колоніи, какъ петербургская, одесская, вѣнская и американскія, не смотря на то, что въ ихъ средѣ національное самосознаніе далеко сильнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ разсмотрѣнныхъ авторомъ мѣстностяхъ.

Не смотря на эти и другія въ сущности второстепенныя погрѣшности, авторъ собралъ весь доступный для него матеріалъ и сдѣлалъ изъ него все, что только было возможно. Статистическіе матеріалы для опредѣленія польской народности оказались въ самомъ плачевномъ состояніи, особенно по отношенію къ Царству Польскому. „У насъ богаче и точнѣе статистическій матеріалъ о французскомъ Индокитаѣ, чѣмъ о варшавскій или келецкой губ.“, жалуется авторъ. Въ виду этого пришлось пополнять прямой матеріалъ косвенными данными изъ исповѣдныхъ росписей, неточными указаніями памятныхъ книжекъ и календарей и данными изъ русскихъ и нѣмецкихъ статистическихъ монографій. Надо отдать справедливость автору, что онъ весьма осторожно и умѣло воспользовался матеріаломъ, обрабатывая его съ помощью сличенія и выдѣленій, но цифры его и процентныя отношенія, какъ онъ самъ признаетъ, все-таки далеко не непредожны и имѣютъ лишь значеніе первой серіозной попытки къ счисленію народности. Въ 36 таблицахъ съ подробными къ нимъ комментаріями авторъ обзрѣваетъ послѣдовательно провинціи, находящіяся подъ прусскимъ и австрійскимъ скипетрами, затѣмъ западныя губерніи и наконецъ Царство Польское. При этомъ по каждому уѣзду показана плотность польскаго населенія и отношеніе его къ другимъ народностямъ. Вообще на разсмотрѣнной территоріи поляковъ числится:

Въ Пруссіи.	2.672.000 душъ, т. е. 21,8%	всѣхъ поляковъ
„ Австріи.	2.930.000 „ „ 23,2%	„ „

Въ девяти зап. губерніяхъ 1.500.000 душъ	} 55%
„ Царствѣ Польскомъ. . 5.400.000 „	

Всего около 12¹/₂ миллионъ; но если, по мнѣнію автора, прибавить число поляковъ, живущихъ внѣ разсмотрѣннаго района, то можно безъ ошибки опредѣлить число всѣхъ поляковъ на земномъ шарѣ въ 13.000.000 душъ. По вѣроисповѣданію поляки почти всѣ католики, за исключеніемъ только 4%, исповѣдующихъ другія религіи, а именно: лютеранъ—425.000, униатовъ свыше 65.000, *поляковъ-евреевъ* 18.000, *поляковъ-магометанъ* 9.000 и православныхъ 8.000 душъ.

Только по отношенію къ прусскимъ полякамъ удалось добыть кое-какія данныя о движеніи населенія, при чемъ обнаружено неожиданное явленіе. Начиная съ 1831 г. число поляковъ вплоть до 1867 года постоянно уменьшается, но съ того времени по 1880 годъ почти вездѣ довольно быстро возрастаетъ, такъ что „въ общемъ польская народность въ Пруссіи за послѣднія 13 лѣтъ успѣла пополнить ущербъ, причиненный германизаціей послѣ 1831 года“.

Въ Галиціи изъ 75 повѣтовъ, только въ 30 западныхъ поляки составляютъ преобладающее населеніе, въ остальныхъ преобладаютъ малороссы, при чемъ въ восточной Галиціи, какъ и у насъ въ западномъ краѣ, поляки по преимуществу принадлежатъ къ классу крупныхъ землевладѣльцевъ. Подобное явленіе, только въ обратномъ отношеніи замѣчается въ Силезіи; тамъ на народной польской массѣ наложена нѣмецкая богатая интеллигенція.

Въ западномъ краѣ поляки вездѣ составляютъ значительное меньшинство. Плотнѣе прочихъ они населяютъ гродненскую (29%) и виленскую губ. (23,6%). Еще довольно значительное ихъ число показано въ губ. минской (13,4%), волынской (10,7%) и подольской (10%), но здѣсь произошла указанная мною выше ошибка, вслѣдствіе причисленія къ полякамъ „шляхты“. Остальныя губерніи представляютъ совершенно ничтожный процентъ поляковъ.

Въ предѣлахъ Россіи только въ одномъ Царствѣ Польскомъ, да въ двухъ уѣздахъ гродненской губ. (сокольскомъ и бѣлостоцкомъ) польское населеніе составляетъ безусловно преобладающій элементъ.

Какъ интересную подробность къ характеристикѣ этнографическихъ отношеній, отмѣтимъ здѣсь, что евреи оказываются неравномѣрно расселенными на территоріи старой Польши. На западѣ ихъ очень мало; въ Пруссіи они почти незамѣтны. Но затѣмъ по направленію къ востоку плотность ихъ постепенно увеличивается и

достигаетъ максимума въ могилевской губ. (35,7%), въ оршанскомъ уѣз. (34,7%) и въ бердичевскомъ (37,4%). Въ 23 уѣздахъ западнаго края евреи составляютъ больше $\frac{1}{5}$ части всего населенія.

Ц. Нейманъ.

Александра Барсукова. Родъ Шереметевыхъ, книга пятая. Спб. 1888.

Въ октябрѣ 1885 года на страницахъ „Кіевской Старины“ мы познакомили своихъ читателей съ этимъ выдающимся изслѣдованіемъ нашего даровитаго историка; тогда мы обозрѣли четыре его книги „Рода Шереметевыхъ“; послѣдняя изъ нихъ оканчивалась 1658 годомъ, подъ которымъ авторъ изобразилъ происходившія по смерти Богдана Хмельницкаго смуты на Украинѣ, продолжавшіяся до тѣхъ поръ, пока истомленные ими жители Украины не обратились къ царю съ просьбой назначить въ Малороссію для успокоенія умовъ боярина Василя Борисовича Шереметева; мы указали тогда, что причиной этой просьбы была добрая память, сохранявшаяся о Шереметевѣ, какъ объ искренномъ пріятелѣ Богдана Хмельницкаго и доброжелателѣ украинцевъ. Теперь передъ нами пятая книга, въ которой продолжается прерванный разговоръ; онъ начинается сообщеніемъ о назначеніи Василя Борисовича Шереметева воеводой въ Кіевъ 6-го апрѣля 1658 года, чѣмъ желаніе мѣстныхъ обывателей было такимъ образомъ удовлетворено; изъ дальнѣйшаго изложенія этого разсказа мы узнаемъ, что нѣкоторое время смуты еще продолжались; среди нихъ избранъ былъ въ гетманы Иванъ Выговскій, но избраніе его не только не прекратило этихъ смутъ, а напротивъ было поводомъ къ проявленію ихъ въ болѣе рѣзкой формѣ; противникомъ Выговскаго открыто объявилъ себя полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь и запорожцы. Московское правительство тогда еще довѣряло гетману и предоставило ему возможность подавить неудовольствіе. Въ этой домашней войнѣ Шереметевъ не принималъ дѣятельнаго участія; онъ стоялъ лишь на сторожѣ; къ этому обязывали Шереметева отчасти наказы, данные ему изъ Посольскаго и Разряднаго приказовъ; дружбы съ Выговскимъ у него быть не могло: послѣдній былъ неискреннъ и дѣйствовалъ такъ, что легко возбуждалъ подозрѣнія; натянутыя отношенія между гетманомъ и воеводой съ перваго же дня назначенія Шереметева въ Кіевъ выразились въ жалобахъ гетмана на непокорность ему воеводы; Выговскій зна-

комъ былъ съ Шереметевымъ еще при жизни Хмельницкаго и потому зналъ теперь, какого опаснаго противника его планамъ назначили въ Малороссію; эти натянутыя дипломатическія отношенія перешли скоро въ открытую вражду, когда Выговскій вооруженной рукой хотѣлъ выпроводить непокорнаго воеводу изъ Кіева; началась открытая ожесточенная война, которая закончилась пораженіемъ Шереметева подъ Чудновымъ и татарскимъ плѣномъ его въ 1660 году,—пораженіемъ, которое было достигнуто лишь вслѣдствіе союза противниковъ да измѣны Юрія Хмельницкаго и полковника Тимофея Цицюры; съ окончаніемъ описанія чудновскаго побоища, оканчивается и пятая книга; вся она такимъ образомъ отъ начала до конца касается исторіи южной Россіи и въ частности гетманства Выговскаго и Юрія Хмельницкаго; на пространствѣ почти 500 страницъ этого тома авторъ излагаетъ событія мѣстной исторіи, въ которой однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ является В. Б. Шереметевъ; важнѣйшія событія этой исторіи съ большей или меньшей обстоятельностью уже извѣстны изъ произведеній корифеевъ нашей исторіи; тѣмъ не менѣе, г. Барсуковъ, излагая дѣятельность кіевскаго воеводы, сообщаетъ такую массу совершенно новыхъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ подробностей, что его трудъ является высокоцѣннымъ приобрѣтеніемъ для южно-русской исторіи; напр., подробности о борьбѣ Выговскаго съ Пушкаремъ, прибытіе въ Кіевъ Шереметева, одинъ изъ наказовъ ему (именно изъ Разряднаго приказа), описаніе состоянія Малороссіи, раздираемой усобицами, описаніе состоянія Кіева, которому угрожала осада козаковъ Выговскаго и татаръ; подробности объ осадѣ и побѣдахъ Шереметева; о наградахъ Шереметева и его сподвижниковъ; милостивое отношеніе царя къ кіевскому воеводѣ и просьба побыть еще малое время въ Кіевѣ; приказъ двинуться въ Польшу; подробности о движеніи Шереметева къ Межибожу и обратно; объ измѣнѣ Юрія Хмельницкаго и Цицюры; подробности боя подъ Любаромъ, Чудновымъ и проч. Всѣ эти новыя данныя авторъ заимствуетъ или изъ неизданныхъ матеріаловъ Архива Министерства Юстиціи, или изъ портфелей неизданныхъ документовъ Г. Карпова и Малиновскаго, или изъ старопечатныхъ польскихъ мемуаровъ, хранящихся въ Римской бібліотекѣ и доставленныхъ автору въ переводахъ обязательными бібліотекарями; мы не перечисляемъ массы новыхъ фактовъ, извлеченныхъ авторомъ изъ указанныхъ источниковъ, потому что такое перечисленіе заняло бы у насъ не мало мѣста.

Къ выдающимся достоинствамъ новаго произведенія г. А. Барсукова, на которыя мы отчасти указали въ прежней статьѣ о первыхъ его четырехъ книгахъ, надо отнести любовь автора къ изображаемому имъ герою, которая согрѣваетъ рассказъ, возбуждаетъ къ нему, герою, то же чувство въ читателѣ; не смотря на это, авторъ не закрываетъ глазъ и передъ недостатками героя, указывая на нихъ въ своемъ мѣстѣ; оживленію рассказа много содѣйствуютъ удачно дѣлаемые авторомъ цитаты изъ сыраго матеріала, которыя какъ бы переносятъ читателя къ давно минувшимъ временамъ. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что работы, подобныя разбираемой, рѣдко приходится читать въ нашей исторической литературѣ, какъ-будто обѣднѣвшей на изслѣдованія, касающіяся важныхъ и продолжительныхъ эпохъ въ народной жизни или дѣятельности выдающихся историческихъ героевъ.

Но какъ въ каждомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ есть всегда въкоторое несовершенство, такъ и въ трудѣ г. Барсукова мы желали бы видѣть больше вниманія къ общественнымъ настроеніямъ, выразителями которыхъ являются герои; а между тѣмъ, авторъ исключительно говоритъ о лицахъ; намъ кажется, что ему не можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ указаніе на одно изъ лицъ, какъ предметъ его монографіи.

Настоящая книга такъ же роскошна по виѣшности, какъ и предъидущая, и такъ же снабжена приложениями, коихъ здѣсь два: 1, снимокъ съ современнаго гравированнаго портрета боярина Василя Борисовича Шереметева, работы Лауренціо, приложеннаго къ сочиненію графа Галеацо Приорато: *Historia di Leopoldo Cesare*. Viena, 1670 г., и 2, снимки въ естественную величину съ подлинной отписки боярина Василя Борисовича Шереметева, отъ 22 мая 1658 года, хранящейся въ московскомъ архивѣ министерства Юстиціи, въ дѣлахъ Малороссійскаго приказа (столбецъ № 5850). Сочиненіе г. Барсукова заканчивается личнымъ, географическимъ и предметнымъ указателями.

Пожелаемъ, чтобы и слѣдующій томъ былъ такъ же интересенъ и важенъ для историка, какъ настоящій.

И. Каманинъ.

Р. S. Авторъ, говоря о приходѣ полковника Гоголя съ Левенцами подъ Кіевъ въ августѣ 1658 года, замѣчаетъ: „что это за Левенцы, мы не знаемъ. Всѣ розысканія о нихъ остались тщетными“. Намъ кажется, что Левенцы—это былъ отрядъ добровольцевъ, всякаго

сброда „гультяевъ“, получившихъ свое названіе отъ имени ватажка; кромѣ Левенцевъ извѣстны еще Дейнеки и гораздо раньше Лисовичики т. е. „своевольныя купы“, отряды Дейнеки и Лисовскаго. Сколько намъ помнится, Липинскій и Балинскій въ своей „Starozytna Polska“ называютъ левенцевъ „orgyszkami“, опричиной, разорывшими города юго-западнаго края.

Левенцы — терминъ, которымъ опредѣлялись исключительно жители или впослѣдствіи возстававшіе крестьяне подольскаго бережья т. е. нынѣшней южной части приднѣстровской подол. губерніи. Не знаю производства слова; если оно не турецкаго и не молдаванскаго происхожденія, то можетъ быть означаетъ жителей лѣваго берега Днѣстра.

Литургическій календарь луцко-житомірской епархіи и костеловъ подольской губ., изданный по распоряженію преосв. Симона Мартина Козловскаго, еп. луцко-житомірскаго, доктора богословія, на 1888 г. Житомиръ 1887, стр. CL+108.

Книжка эта, вышедшая недавно въ Житомирѣ, содержитъ много любопытныхъ данныхъ относительно состоянія католицизма въ нашемъ краѣ. Здѣсь мы находимъ подробный перечень всѣхъ костеловъ по декадатамъ (благочиніямъ), число прихожанъ, годъ основанія костела, перечень всѣхъ ксендзовъ, монаховъ и т. п.

Въ настоящее время весь юго-западный край, т. е. губ. кievская, подольская и волынская, составляетъ одну р. католическую луцко-житомірскую епархію, составившуюся изъ нѣсколькихъ епархій, ранѣе существовавшихъ.

Первое появленіе католицизма въ ю. з. краѣ относится къ XIV вѣку, когда въ 1364 г. при Казимирѣ Вел. была учреждена кафедра во Владимірѣ, въ 1427 г. перенесенная въ Луцкъ¹⁾. По присоединеніи края къ Россіи, къ луцкой епархіи была присоединена кievская, епископы которой жили въ Житомирѣ. Съ 1798 г. начинается рядъ луцко-житомірскихъ епископовъ, жившихъ въ Луцкѣ. Послѣ 1831 г. резиденція епископовъ была перенесена въ Житомиръ, гдѣ она пребываетъ и понынѣ. Въ 1866 г. къ луцко-житомірской епархіи была присоединена каменецкая, просуществовавшая около

¹⁾ Stecki Luck, 147.

5 вѣковъ, и так. обр. въ настоящее время лупко-житомірская епархія обнимаетъ 3 губерніи съ территоріей ок. 3 000 кв. миль.

На этомъ пространствѣ живетъ теперь ок. 555.000 католиковъ, составляющихъ во всемъ краѣ ок. 8%; по губерніямъ католики распределены такъ: въ кіевской ок. 86.000, подольской ок. 238.000 и волинской ок. 230.000, костеловъ всѣхъ 253 приход. и 53 филиальныхъ (приписныхъ): въ кіевской 53 прих., 23 фил., подольской 97 прих. и 6 фил., и въ волинской 103 прих. и 24 фил. Приходы составляютъ деканаты, которыхъ всѣхъ въ епархіи 27: въ кіевской 6, подольской 10 и волинской 11. Число прихожанъ по костеламъ совершенно неравномѣрно; есть приходы напр.. Новоградволинскъ, гдѣ болѣе 8.600 пр. и Старая Ушица, гдѣ всего ок. 200.

Любопытно распространеніе католиковъ по деканатамъ. Въ кіевской губ. болѣе всего католиковъ въ сѣверо-западныхъ деканатахъ; такъ въ радомысльскомъ болѣе 15.000 кат. и 10 кост., сквирскомъ 13.000 кат. и 14 кост., Бердичевскомъ 29.000 кат. и 19 кост., тогда какъ въ южныхъ деканатахъ,—въ уманскомъ, обнимающемъ уманскій, таращанскій и часть липовецкаго и каневскаго уѣздовъ, всего ок. 8000 кат. съ 7 пр. и 6 фил. костелами, а въ звенигородскомъ (звенигородскій, черкасскій и чигиринскій уѣзды) ок. 4500 катол. съ 6 пр. 4 фил. костелами.

Въ подольской губ. также бросается въ глаза неравномѣрное распределеніе католиковъ въ восточной и западной частяхъ губерніи. Какъ извѣстно, до конца XVIII в. нынѣшняя подольская губ. раздѣлялась на два воеводства—подольское и брацлавское. Первое раньше подверглось вліянію Польши, второе, находясь на самой окраинѣ Польши, всегда упорно держалось за свою вѣру, и католицизмъ здѣсь не успѣлъ пустить глубокихъ корней. Это раздѣленіе сказывается въ большемъ распространеніи католиковъ въ западныхъ деканатахъ чѣмъ въ восточныхъ: въ каменецк. дек. ок. 34.000 кат. съ 14 кост., проскуровскомъ ок. 32.000 съ 12 кост., въ ушицкомъ ок. 29.000 съ 15 костелами; въ брацлавскомъ, обнимающемъ два большихъ уѣзда—брацлавскій и гайсинскій, всего ок. 13.000 кат. съ 9 кост., а въ балтскомъ дек. на населеніе ок. 550.000 душъ, всего ок. 18.000 кат., съ 9 кост.

На Волини болѣе всего католиковъ въ житомирскомъ деканатѣ, гдѣ ихъ числится до 43.000 съ 14 кост., менѣе всего въ острогскомъ—11.000 съ 5 кост.

Что касается времени возникновенія костеловъ, то болѣе всего древнихъ костеловъ мы встрѣчаемъ въ зап. Волыни, гдѣ нѣкоторые костелы основаны еще въ XV вѣкѣ, большинство же костеловъ устроено въ XVIII вѣкѣ. Въ кіевской губ. и Брацлавщинѣ многіе костелы основаны въ XIX вѣкѣ, въ первой губ. 25 кост., а въ двухъ нынѣшнихъ деканатахъ брацлавскомъ и балтскомъ изъ 18 въ XIX вѣкѣ основано 8.

Въ прѣжнее время кромѣ приходскихъ костеловъ существовало въ нашемъ краѣ множество кляшторовъ различныхъ орденовъ; въ подольской губ. послѣднихъ было 28, въ кіевской 7, не говоря о Волыни, гдѣ въ одномъ Луцкѣ было 7. Въ настоящее время, послѣ событій 1831 и 63 годовъ, число это сильно уменьшено и теперь въ луцко-житомірской епархіи существуетъ только 4 монастыря: 3 мужскихъ—въ Заславѣ, волынской губ. бернардинскій съ 8 бернарда., въ Дедеркалахъ, т. губ. реформатскій съ 8 мон., и въ Винницѣ подольской губ. капуцинскій съ 19 монах., и 1 женскій въ Дубнѣ кармелитокъ съ 9 монахинями.

Большинство монаховъ живутъ по приходскимъ костелахъ, въ должностяхъ настоятелей и викаріевъ; такъ въ Заславѣ живетъ 2 бернардина, а ост. 6 по приходамъ, въ Дедеркалахъ 4, и по приходамъ 4, въ Винницѣ 5 капуц. и по приход. 14.

Кромѣ монаховъ вышеупомянутыхъ орденовъ, въ нашемъ краѣ доживаетъ свой вѣкъ нѣсколько монаховъ, оставшихся послѣ упраздненія ихъ монастырей: 1 тринитарь, 1 доминиканъ, 3 кармелита, 3 доминиканки и 7 францисканцевъ. Всѣхъ монашествующихъ въ луцко-житомірск. епархіи въ настоящее время только 56.

Численность ксендзовъ едва превышаетъ 300, что весьма недостаточно для 253 приходовъ; весьма немногіе костелы имѣютъ викаріевъ, а многіе управляются настоятелями ближайшихъ костеловъ; такихъ костеловъ мы насчитали въ кіев. губ. 7, подольской 10, волынской 11, всего 28. Въ семинаріи католической учится всего 48 чел., на послѣднемъ курсѣ 7 чел. а между тѣмъ ежегодно умираетъ отъ 10 до 15 ксендзовъ и все большее число настоятельскихъ мѣстъ остается незамѣщеннымъ.

Михаленко-Юрковскій.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

О происхожденіи гетмана Павла Тетеры.

(Письмо г. Э. Руликовскаго къ М. Александровичу)¹).

Происхожденіе и родословная Павла Тетеры весьма не ясны, и намъ случилось встрѣтить лишь нѣсколько неопредѣленныхъ намековъ, относящихся къ этому предмету. Это общая судьба многихъ историческихъ дѣятелей, достигшихъ въ теченіи своей жизни значительнаго положенія, но вышедшихъ изъ низшихъ слоевъ общества.

Въ источникахъ нашихъ встрѣчаемъ двѣ только замѣтки о происхожденіи Тетеры. Первую—у Апони́ма Рачинскаго, вторую—у Перетятковича. Въ первомъ источникѣ сказано очень глухо: что Павелъ Тетера родился на „Полѣсьѣ“; во второмъ—что Тетера былъ родомъ изъ Переяслава за Днѣпромъ, и что воспріемникомъ его при св. крещеніи былъ Богданъ Хмѣльницкій (былъ его крестнымъ отцемъ).

Значить, мы имѣемъ два сказанія о происхожденіи Тетеры. Между тѣмъ не безызвѣстно, что „Тетера“—это было прозвище (przydomek) гетмана, дѣйствительная же его фамилія была „Моржковскій“; (по крайней мѣрѣ самъ онъ подписывался такъ: „Павелъ Тетера Моржковскій“)²). Казалось бы, что выше помянутыя, разно-

¹) Письмо это было найдено въ бумагахъ покойнаго М. Н. Александровича и сообщено обязательно редакціи А. М. Лазаревскимъ. Мы помѣщаемъ его въ переводѣ (подлинное писанно по польски), желая подѣлиться съ читателями мнѣніемъ по невслѣдованному вопросу одного изъ ученѣйшихъ знатоковъ южно-русской старины. Хотя съ предположеніями почтеннаго ученаго мы во многихъ случаяхъ не вполне согласны, но тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ представить вниманію читателей К. Старины, мнѣніе г. Руликовскаго, какъ мнѣніе лица авторитетнаго, обладающаго громаднымъ запасомъ фактовъ, относящихся къ исторіи южно-русскаго края.—*Ред.*

²) Происхожденіе такого рода двойныхъ фамилій южно-русскихъ дворянъ по нашему мнѣнію объясняется иначе: то что почтенный авторъ считаетъ прозвищемъ,

рѣчивыя два сказанія о происхожденіи Тетеры (т. е. Анонима и Перетятковича) можно было бы примирить слѣдующимъ образомъ: „Полѣсьемъ“ мы привыкли называть мѣстности, лежащія вокругъ Житомира и Овруча. Также небезъизвѣстно, что на Полѣсьѣ овручкомъ жили, такъ называемые, „боярове Овруцкіе“. Жили они въ селахъ, отъ которыхъ получали и свои фамиліи; такъ напр., жившіе въ селѣ Васьковичи—носили фамиліи Васьковскихъ, Чоповичи—Чоповскихъ, Ходаковъ—Ходаковскихъ и т. п. И вотъ, въ староствѣ Овручкомъ имѣлось село „Мошки“—жили въ немъ „Мошковскіе“. Быть можетъ, что гетманъ Тетера, а скорѣе отецъ его, былъ выходцемъ изъ „Мошекъ“ Овруцкихъ, слѣдовательно изъ „Полѣсья“, какъ это утверждаетъ Анонимъ. Но почему гетманъ Тетера писалъ свою фамилію не черезъ „и“ (т. е. Мошковскій), а черезъ „ржс“ (т. е. Моржковскій)? Могло это произойти отъ того, что Тетера, сдѣлавшись гетманомъ, хотѣлъ уничтожить слѣды происхожденія отъ „бояровъ“ Мошковскихъ изъ Овруча, не признанныхъ еще въ то время дворянами и потому нарочно произвелъ замѣну буквъ въ своей фамиліи. Недоразумѣніе это могло бы быть разъяснено житомирской дворянской комиссіей. Слѣдовало бы справиться въ ея архивѣ, какой гербъ, въ настоящее время, присвоенъ дворянамъ Мошковскимъ изъ Овруча. Если у нихъ гербъ „Радванъ“ каковымъ пользовался и гетманъ Тетера, то это было бы яснымъ доказатель-

по нашему мнѣнію есть настоящее древнее русское фамильное названіе, то-же имя, которое авторъ считаетъ фамилію, есть позднѣйшая прибавка, заимствованная изъ прилагательной формы, составленной изъ названія помѣстья, принадлежавшаго дворянскому роду; такихъ примѣровъ можно привести десятки и сотни: Султанскіе-Проскуры, Тышкевичи-Догойскіе, Дедовичи-Трипольскіе, Обухи-Вошагынскіе Ленкевичи-Пногорскіе и т. д. Всѣ эти дворяне до второй половины XVI в. называются просто Проскуры, Тышкевичи, Дедовичи, Обухи Ленкевичи и т. д. и только впоследствии, послѣ Люблинской уніи, стали сочинять себѣ вторія фамиліи изъ названій своихъ помѣстій, фамиліи болѣе похожія на фамиліи, вошедшія въ употребленіе у польскихъ дворянъ. Относительно Тетеры мы полагаемъ, что было-бы натяжкой подпись его „Моржковскій“ передѣлывать на *Мошковскій* и вслѣдствіе этого искать его предковъ среди бояръ, населявшихъ село Мошки. Намъ кажется гораздо проще предположить, что самъ Павелъ Тетера, послѣ того, какъ оставилъ гетманство и уѣхалъ въ Польшу, прибавилъ себѣ фамилію Моржковскій, составилъ ее на польскій ладъ изъ названія одного изъ пожалованныхъ ему помѣстій. Намъ извѣстны два села, носящія названія *Моржковъ*: одно въ дубенскомъ уѣздѣ волинской губ.,—другое въ соколовскомъ уѣздѣ сѣдлецкой. Полагаемъ, что скорѣе всего послѣднее могло принадлежать Тетерѣ, такъ какъ на сеймѣ 1658 г. ему были пожалованы обширныя имѣнія въ лежащей рядомъ землѣ Берестейской (Акты южной и запад. Рос. т. 1V, стр. 215).—*Ред.*

ствомъ, что гетманъ Тетера происходилъ изъ бояровъ Мошковскихъ изъ Овруча, а не отъ польскихъ дворянъ Моржковскихъ, гербъ которыхъ „Слеповронъ“.

Идемъ дальше; откуда же Тетера, родившись на „Полѣсьѣ“, (какъ этого хочетъ Анонимъ),—очутился онъ самъ или его отецъ въ Переяславль, какъ это утверждаетъ Перетятковичъ? Случилось это, кажется, такимъ образомъ, что шляхта или какъ ихъ звали „боярове“ Овручскіе, хлопотавшіе объ утвержденіи ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ, вели, въ описываемые времена, процессы съ своими старостами, которые не признавали ихъ дворянами, а „боярами“, подлежащими какъ замковому управленію, такъ и обязанными отбывать повинности въ пользу замка. Нечего и говорить, что помянутая шляхта, во что бы то ни стало, желала освободиться отъ замковаго управленія. Процессуальныя дѣла объ этомъ были запутаны и бесконечно длились; конецъ этимъ процессамъ] окончательно былъ положенъ только во времена короля Понятовскаго признаніемъ помянутыхъ бояръ дворянами¹⁾.

Такимъ образомъ и отецъ Тетеры могъ имѣть какія нибудь неудовольствія съ мѣстнымъ старостой, вслѣдствіе чего бѣжалъ изъ Мошекъ въ Переяславль и тамъ уже записался въ козаки.

Извѣстно, что въ спискахъ козаковъ, находившихся подъ Зборовомъ, много было Мошковскихъ въ рядахъ войскъ Хмѣльницкаго. Это могли быть большею частью недовольные люди, поссорившіеся

¹⁾ Присутствіе околичныхъ шляхтичей (бывшихъ бояръ Овруцкаго замка), въ козацкихъ рядахъ было явленіемъ далеко не рѣдкимъ и не исключительнымъ. Причинъ ихъ участія въ козацкихъ движеніяхъ, намъ кажется не возможно усматривать исключительно въ ихъ процессѣ съ Овруцкими старостами. Процессъ этотъ тянулся 200 лѣтъ съ лишнимъ, проходилъ различныя фазы, но по большей части не выходилъ за границы хроническаго юридическаго спора. Тяготѣніе околичныхъ шляхтичей къ козачеству было естественнымъ послѣдствіемъ ихъ тождества этнографическаго, національнаго, религіознаго и бытоваго со всею массою южно-русскаго народа. Въ рядахъ козаковъ Хмѣльницкаго были не одни Мошковскіе; жители всѣхъ боярскихъ овручскихъ селъ зачислились въ составъ овруцкаго козацкаго полка и приняли дѣятельное участіе въ войнѣ. Изъ рядовъ ихъ вышли: гетманъ Иванъ Выговскій, полковники: Даниилъ и Константинъ Выговскіе, сотники: Самуиль и Криштофъ Выговскіе, Григорій Закусило и т. д. Въ рядахъ козаковъ мы встрѣчаемъ представителей почти всѣхъ боярскихъ околицъ какъ во время Хмѣльницкаго, такъ и послѣдствіи при Паліѣ; въ актахъ упоминаются многочисленныя „оказавшіеся“: Выговскіе, Недашковскіе, Ушаловскіе, Кубылинскіе, Кончаковскіе, Сныгавскіе, Пашковскіе, Закусиля, Меленевскіе, Бараповскіе и т. д. (См. Архивъ юго-западной Россіи, часть IV, т. I).—*Ред.*

съ своими старостами и преслѣдуемые послѣдними, вслѣдствіе чего искавшіе убѣжища у козаковъ. Это же самое могъ продѣлать отецъ Тетеры, только немного ранѣе. Все это мои догадки, на которыхъ я не настаиваю, но полагаю, что въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ точныхъ данныхъ, невольно приходится ихъ замѣнять гипотезами. Продолжая слѣдить за біографіею Тетеры, мы встрѣчаемъ свѣдѣніе о томъ, что онъ учился въ Минскѣ, гдѣ учителемъ его былъ униатскій священникъ Яковъ Суша, впослѣдствіи холмскій униатскій епископъ (Гораневичъ *Annales eccles: ruth.* стр. 348). Анонимъ у Рачинскаго говоритъ, что Тетера „смолоду учился не дурно“. Окончивъ ученіе въ Минскѣ, куда же дѣвался ученикъ униатъ-священника Суши, крестный сынъ Хмѣльницкаго и будущій гетманъ украинскій?

Мы находимъ его въ Мазовшѣ, въ селѣ Пражмовѣ, у пановъ Пражмовскихъ. Самъ Тетера въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: „что былъ издавна слугою ихъ семьи“.

Какимъ же образомъ онъ попалъ къ Пражмовскимъ? Это новая загадка. Въ прежней Польшѣ большею частью всё дѣлалось черезъ семейныя связи. Не случилось ли такъ, что въ то время, когда Тетера учился въ Минскѣ у свящ. Суши, воеводой минскимъ былъ Гедeonъ Раецкій, близкій родственникъ Пражмовскихъ, не по его ли рекомендаціи былъ онъ принятъ Пражмовскими?

Имѣть на своихъ замкахъ козаковъ было въ обычаѣ польскихъ пановъ; это была, такъ сказать, тогдашняя мода, продолжавшаяся и во время Хмѣльницкаго.

Историкъ Морачевскій говоритъ: „что Хмѣльницкому подробно было извѣстно все, что происходило на совѣтахъ въ Польшѣ, потому что не было пана, при дворѣ котораго не было бы русина... отъ этихъ служилыхъ людей главные агенты козацкіе собирали свѣдѣнія по всей Польшѣ и быстро посылали таковыя на Украину“.

Тетера въ Пражмовѣ подружился съ молодымъ Николаемъ Пражмовскимъ, который впослѣдствіи, какъ извѣстно, былъ канцлеромъ и помогъ прежнему слугѣ или домочадцу отца своего утвердиться въ должности гетмана Украины. Еще одинъ фактъ бросающійся въ глаза: анонимъ у Рачинскаго говоритъ, что Тетера въ молодости „много путешествовалъ“. Слово „путешествовалъ“ на тогданнемъ польскомъ языкѣ употреблялось только по отношенію къ дальнему и заграничному путешествію. Насколько намъ извѣстно изъ послѣдующаго жизнеописанія Тетеры, онъ только разъ ѣздилъ съ посольствомъ

въ Москву и можетъ быть еще разъ, но это сомнительно, въ Царьградъ; но путешествія эти онъ совершалъ, будучи среднихъ лѣтъ, но не въ „молодости“. Итакъ не ѣздилъ ли онъ въ Римъ, въ качествѣ компаньона съ молодымъ Пражмовскимъ (впослѣдствіи канцлеромъ и примасомъ), который, какъ извѣстно, былъ посланъ въ Римъ для дополненія своего образованія, гдѣ въ томъ же Римѣ, впервые, встрѣтился и познакомился съ путешествовавшимъ по Италіи Яномъ Казиміромъ (будущимъ королемъ); тогда то будущій король близко познакомился съ Пражмовскимъ, и потомъ въ продолженіи своего царствованія благоволилъ къ нему и, какъ извѣстно, возвелъ его на самую высшую іерархическую ступень.

Тамъ же и Тетера, какъ товарищъ „путешественника“, могъ пригласиться королю; конечно это только возможная догадка.

Изъ „путешествія“ Пражмовскій возвратился до 1648 года; около того же времени находимъ Тетеру въ должности „подписка“ или регента луцкой гродской канцеляріи. Писаремъ въ томъ же гродѣ былъ, впослѣдствіи извѣстный своими дѣяніями, Станиславъ-Казиміръ Бѣневскій; отсюда начались знакомство и дружба Тетеры съ Бѣневскимъ, бывшимъ впослѣдствіи каштеляномъ волынскимъ и очень вліятельнымъ человѣкомъ, содѣйствовавшимъ наравнѣ съ Пражмовскимъ, какъ извѣстно, къ достиженію гетманства Тетерою. Въ Луцкѣ также завязалось повидимому первое знакомство Тетеры съ проживавшимъ тамъ временно Иваномъ Выговскимъ, (тоже будущимъ гетманомъ), на сестрѣ котораго Павелъ Тетера женился. Но вотъ наступили войны Хмѣльницкаго. Козаки сожгли Луцкъ;— въ это время Тетера очутился въ рядахъ войскъ крестнаго своего отца, Богдана Хмѣльницкаго вмѣстѣ съ своимъ шуриномъ Иваномъ Выговскимъ, который еще въ 1648 г., въ Желтоводской битвѣ, находясь въ рядахъ польскихъ войскъ, былъ взятъ татарами и выкупленъ отъ нихъ Хмѣльниками.

Дальнѣйшее пребываніе Тетеры среди козаковъ, а равно и роль, какую онъ тамъ игралъ, въ достаточной степени извѣстны исторіи.

Мнѣніе г. Алекс. Яблоновскаго о томъ, что Певель Тетера, боярынъ остерскій, упомянутый въ сказкахъ (люстраціи) за 1639 г., былъ впослѣдствіи „несомнѣнно“ гетманомъ, не имѣютъ достаточнаго основанія,— такъ какъ около того же времени (т. е. 1637 г.) ксендзь Суша, учитель Тетеры, уѣхалъ изъ Минска въ Холмъ, начальникомъ тамошняго училища,—а вѣдь Тетера, послѣ выѣзда ксендза Суши, быть можетъ еще нѣсколько времени продолжалъ

ученіе въ Минскѣ,—но во всякомъ случаѣ также „несомнѣнно“, что въ 1639 г. онъ долженъ былъ быть въ Пражмовѣ, въ Мазовшѣ.

И такъ, дѣйствительная фамилія Тетеры была, какъ это мы видѣли, „Моржковскій или Мошковскій“; а „Тетера“, было только прозвище (przydomek).

Яковъ Собѣскій повѣствуя о козакахъ говоритъ: „есть между ними (козаками) не мало дворянъ, приговоренныхъ къ лишенію дворянскаго достоинства, которые, забросивъ родовыя названія, принимали простонародныя прозвища“ (o wojnie Chocimskey st. 43).

По Костомарову же, „Тетерою“ называлась у козаковъ пища, родъ каши.

Въ тогдашней Украинѣ, много людей носило названіе Тетеръ. Кромѣ Терешка и Павла Тетеръ, упоминаемыхъ въ сказкахъ (люстраціяхъ) за 1639 годъ, я встрѣтилъ еще, въ моихъ бумагахъ, относящихся къ г. Остру, Ивана Тетеру боярыня Остерскаго подъ 1550 г., который долженъ былъ служить военную службу „о дву конь“ и при этомъ былъ обязанъ, наравнѣ съ другими боярами Остерскаго Староства, объѣзжать и досматривать татарскіе шляхи. Въ тѣхъ же моихъ бумагахъ находимъ еще одного Тетеру, который былъ атаманомъ въ селѣ Летковцахъ. Однако, мнѣ кажется, что всѣ эти Тетеры изъ Остра никакой не имѣютъ связи съ родомъ извѣстнаго дѣятеля, гетмана Павла Тетеры-Моржковскаго.

В. А.

Поѣздка гетмана К. Г. Разумовскаго въ Батуринъ и Козелець ¹⁾.

Въ первыхъ числахъ сентября 1751 г. въ Глуховѣ распространился слухъ, что гетманъ К. Г. Разумовскій выѣзжаетъ отсюда на дняхъ осматривать г. Козелець и новую свою резиденцію—г. Батуринъ. Слухъ этотъ вскорѣ подтвердился и официальнымъ извѣстіемъ объ отъѣздѣ гетмана. Скучный городъ на время оживился. По улицамъ Глухова, а особенно возлѣ гетманской квартиры замѣчалось значительное движеніе: конные козаки чаще пріѣзжали за распоряженіями, старшины полковые и сотенные чаще заглядывали въ гетманскіе покои. Въ самомъ гетманскомъ дворѣ шли оживленныя приготовленія къ отъѣзду: въ одномъ мѣстѣ укладывали посуду

¹⁾ Харьковск. Историч. Архивъ, № 22151.

гетмана, въ другомъ десятки рукъ возились съ постелью „ясневельможнаго“, для перевозки которой понадобилось 6 лошадей, въ третьемъ—лѣкарь и фельдшеры укладывали походную аптеку, въ четвертомъ—егеря чистили охотничьи принадлежности; словомъ всей дворнѣ гетмана, скучавшей подчасъ отъ бездѣлья, нашлась теперь работа. Суетились въ Глуховѣ, но еще больше суетились въ другихъ городахъ Черниговщины (Кролевецѣ, Батуринѣ, Борзвѣ, Нѣжинѣ, Носовкѣ и Козельцѣ), по которымъ приходилось проѣзжать гетману. Распоряженія генеральной старшины, привезенныя сюда курьерами, заставили встрепенуться и мѣстную старшину и обывателей. Полковники и сотники спѣшили поскорѣе сдѣлать смотръ своимъ командамъ, такъ какъ „при слѣдованіи его ясневельможности надлежало быть стрѣльбѣ (по городамъ) и препровождать гетмана самимъ панамъ сотникамъ съ командами своими и знаменами, а въ Козельцѣ всѣмъ господамъ полковымъ старшинамъ съ полковыми клейнотами надлежало встрѣчу учинить господину гетману съ салютаціей пушечной“. Обыватели суетились съ доставкой подводъ; нужно было выставить къ каждому городу—станціи по 116 лошадей: подъ карету его ясневельможности—10, подъ коляску четверомѣстную—6, подъ постель (гетмана)—6, подъ постель другихъ чиновъ—6, архитектору—4, лѣкарю—4, генеральному писарю—6, канцеляристамъ—7, полковнику Кочубею—3, ординарцамъ—7, фелькнеру—3, подъ фуры—6, подъ фрязскій погребъ—3, подъ серебро—3, подъ кофейную—3, подъ кухню—12, камердинерамъ—4, фельдшеру—3, подъ охоту—10, егерямъ—2, лакеямъ—6, ихъ помощникамъ—2; да между станціями нужно было выставить по 30 лошадей „въ случаѣ усталости какой“, при этомъ требовалась крѣпкая ременная упряжь. Такія требованія значительно затрудняли обывателей; тѣмъ болѣе, что всѣхъ лошадей необходимо было доставить въ теченіе 3-хъ дней. Однако настойчивыя приказанія старшины взяли свое: къ сроку все было приготовлено и „гетманскій поѣздъ“, двинувшись 13 сентября съ Глухова по улицамъ, запруженнымъ народомъ, продолжалъ безпрепятственно свое путешествіе; а спустя недѣлю въ скарбовую канцелярію потянулись обыватели получать поверстную плату по копейкѣ за лошадь. Не много истратилъ войсковою скарбъ: онъ выдалъ лишь 350 рублей; но и этотъ расходъ былъ чувствителенъ,—конечно, не скарбу войсковому, а мѣстному обывателю.

Николай Банай.

Эпизодъ изъ исторіи малорусскихъ крестьянъ.

Въ началѣ 1828 года дѣйствительный статскій совѣтникъ Семень Михайловичъ Кочубей, бывшій нѣкоторое время полтавскимъ губернскимъ маршаломъ (1803—5 гг.), подалъ слѣдующее прошеніе на Высочайшее имя:

„Всемиловѣйшій Государь! Принадлежавшіе мнѣ крестьяне деревни Кочубеевки Херсонской губерніи въ 1815 году вышли изъ повиновенія отъ невѣжественнаго ихъ мечтанія, якобы они могутъ сдѣлаться свободными, и отъ того, что таковыя внушенія дѣлалъ имъ коллежскій регистраторъ Фурнаевъ, за что и преданъ былъ онъ суду. Съ моей же стороны не было подано крестьянамъ никакой причины къ неповиновенію. Я просилъ Правительство, непокорныхъ изъ нихъ принять, куда оно заблагоразсудитъ, а меня удовлетворить на основаніи законовъ. По положенію Комитета Министровъ, состоявшемуся въ 1821 году, всѣ крестьяне упомянутой деревни Кочубеевки съ ихъ семействами, числомъ мужескаго пола 162 и женскаго 172 души, сосланы въ Сибирь на поселеніе, а мнѣ не сдѣлано никакого удовлетворенія за столь значительную потерю собственности. Претерпѣвъ отъ сего великое расстройство въ моемъ ограниченномъ состояніи, я приѣмлю смѣлость повергнуть къ Престолу Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшее мое прошеніе. Обратите, Всемиловѣйшій Государь, на оное дѣло Высочайшее Ваше вниманіе и по отеческимъ попеченіямъ Вашимъ о благѣ всѣхъ вѣрноподданныхъ повелите оказать мнѣ за упомянутыхъ крестьянъ соотвѣтственное удовлетвореніе по милосердію Вашему. Да возмогу чрезъ такую Высокочайшую милость Вашего Императорскаго Величества хотя нѣсколько улучшить разстроенное свое состояніе. Всемиловѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Семень Михайловъ сынъ Кочубей. 10 января 1828 г. Жительство имѣю Полтавской губ. и уѣзда въ д. Демидовкѣ“.

Въ концѣ января 1828 г. статсъ-секретарь Лонгиновъ извѣстилъ С. М. Кочубея, что прошеніе его по Высочайшему повелѣнію передано на разсмотрѣніе комитета министровъ. Комитетъ министровъ передалъ прошеніе управляющему министерствомъ юстиціи князю Алексѣю Долгорукову съ тѣмъ, чтобы онъ „по соображеніи онаго съ существующими узаконеніями и съ бывшими въ подобныхъ случаяхъ примѣрами представилъ комитету свое заключеніе“.

По распоряженію князя Долгорукова были выянены обстоятельства дѣла. Оказалось слѣдующее:

С. М. Кочубей, получивъ въ 1811 году въ херсонской губ. и уѣздѣ, по Высочайшему повелѣнію, 12,000 десятинъ земли, *перевелъ* туда въ 1812 году *изъ полтавской губ. 250 крестьянъ съ ихъ семействами*. Въ 1815 году Кочубей продалъ это и еще одно полтавское имѣніе съ крестьянами коллежскому совѣтнику Михайлу Кирьяку. Крестьяне скоро вышли изъ повиновенія у новаго владѣльца и, несмотря на всѣ принятыя мѣстными властями мѣры, ничего нельзя было съ ними подѣлать, такъ что Кочубей въ 1817 году принужденъ былъ вернуть въ свое владѣніе оба имѣнія и уплатить Кирьяку полученныя за имѣніе деньги, съ вознагражденіемъ за убытки, всего 367,000 рублей. Послѣ этого крестьяне полтавскаго имѣнія успокоились, а херсонскаго все-таки продолжали волноваться и выражали желаніе попасть въ число казенныхъ крестьянъ. Кочубей обратился къ властямъ съ просьбой принять строгія мѣры къ усмиренію крестьянъ, вслѣдствіе чего *была сослана въ Сибирь на поселеніе цѣлая деревня*, въ количествѣ 162 душъ мужскаго и 172 душъ женскаго пола, *кромѣ одной только дѣвки*. Кочубей въ этомъ распоряженіи, несмотря на то, что оно было послѣдствіемъ его просьбы, увидѣлъ нарушеніе своихъ имущественныхъ правъ и нанесеніе убытка, а потому и сталъ просить о выдачѣ ему денежнаго вознагражденія или же зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій за тѣхъ изъ сосланныхъ крестьянъ, которые по своему возрасту годятся въ рекруты.

Комитетъ министровъ въ засѣданіи 1 мая 1828 года, выслушавъ составленную на основаніи этихъ данныхъ записку князя Долгорукаго, постановилъ слѣдующую резолюцію:

„Просьба Кочубея о пожалованіи ему какого-либо вознагражденія за сосланныхъ крестьянъ не можетъ быть удовлетворена; впрочемъ, какъ случай сей есть необыкновенный, ибо крестьяне по заблужденію своему были столь упорны въ неповиновеніи, что правительствомъ принужденнымъ нашлось сослать въ Сибирь на поселеніе цѣлую деревню, кромѣ одной дѣвки, и помѣщикомъ Кочубей повидимому безъ всякой съ его стороны вины лишился своей собственности, то въ семъ уваженіи комитетъ полагаетъ просьбу его предать на Всемиловѣйшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе“.

Въ засѣданіи 19 іюня комитету было объявлено, что на просьбу Кочубея послѣдовало слѣдующее собственноручное повелѣніе Государя: *„я не вижу причины уважить просьбу дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кочубея.*

Приведенный эпизодъ изъ исторіи крѣпостнаго права, по нашему мнѣнію, въ высшей степени типиченъ: помѣщикъ перевелъ крестьянъ изъ насиженныхъ родныхъ мѣстъ въ пустынные и не всегда удобныя херсонскія степи, крестьяне взволновались, по просьбѣ помѣщика власти приняли участіе въ ихъ усмиреніи и принуждены были прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣрамъ, и послѣ этого помѣщикъ еще просить о вознагражденіи за понесенные чрезъ ссылку крестьянъ убытки. Глубокое чувство справедливости подсказало благородному Императору Николаю I истинное рѣшеніе.

Н. Стороженко.

Изъ быта крѣпостнаго времени.

Въ мало изслѣдованной еще эпохѣ крѣпостнаго быта есть уголокъ, сообщенія о которомъ могли бы представить значительный интересъ, рисуя съ одной стороны помѣщичій нравъ и произволь въ его утонченныхъ видахъ, съ другой — изображая положеніе людей изъ народа въ условіяхъ совершенно исключительныхъ. Мы говоримъ о крѣпостныхъ помѣщичьихъ хорахъ, музыкантскихъ оркестрахъ, театральныхъ труппахъ и т. п. Въ литературѣ попадались уже свѣдѣнія объ отдѣльныхъ явленіяхъ такого рода, но невѣроятный теперь, быть подневольныхъ артистовъ заслуживалъ бы болѣе внимательнаго наблюденія. Извѣстное значеніе могутъ представлять и нотныя партитуры, бывшія въ употребленіи крѣпостныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ: въ нихъ попадаются пѣсни, неизвѣстныя собирателямъ, и сохранена музыка многихъ извѣстныхъ, по большей части, впрочемъ, слабо переданная.

Намъ доставлена г. А. Залѣскимъ коротенькая справка о явленіяхъ этого рода въ одной мѣстности полтавской губерніи.

„Въ пирятинскомъ уѣздѣ, въ 30-хъ годахъ, пишетъ онъ, существовалъ оркестръ Марковича, пользовавшійся извѣстностью въ околѣдкѣ. Оркестръ состоялъ исключительно изъ собственныхъ крестьянъ, употреблявшихся и для другихъ надобностей. Такъ, существуетъ преданіе, что большая каменная церковь въ с. Кулажинцахъ (пирятинскаго уѣзда) была построена музыкантами изъ оркестра Марковича.

Можно думать, что музыкальное образованіе крѣпостныхъ артистовъ было болѣе или менѣе удовлетворительное, судя по тому, что крѣпостные оркестры исполняли пьесы классическихъ авторовъ. Намъ

приходилось видѣть партитуру И. П. Томары, слышшаго въ свое время за большого меломана. Здѣсь встрѣчаются увертюры и аріи изъ оперъ Беллини, Галеви, Доницетти, Меербера, Моцарта и др. Русскихъ композиторовъ нѣтъ.

Что до хоровъ, то они главнымъ образомъ организовались для церковныхъ богослуженій. Хористы, какъ и музыканты, исполняли работы наравнѣ съ остальными крестьянами.

Въ репертуарѣ духовныхъ пьесъ главенствовали: Бортнянскій и Львовъ; народныя пѣсни были также необходимымъ элементомъ прежнихъ барскихъ пирушекъ. Большой хоръ существовалъ (тоже въ 30-хъ годахъ) у извѣстнаго хлѣбосола пирятинскаго Д. П. Селецкаго.

Вотъ перечень пѣсень этого хора. *Малорусскія*: Болыть моя головонька; Дивчино, серденько, здорова була; И сплю и мени снытьця; Симъ день молотыла; Ой за гаемъ, гаемъ; Ихавъ козакъ за Дунай; Ой беда чайци небози; Переходомъ въ чистымъ поли зацвилы волоньки; И шуметь и гуде; Северынъ; Ой выхавъ козакъ да изъ Украины; Ой послала мене маты зеленого жыта жаты; Хожу я по улыци да не нахожуся; Да не люблю ни Стецька не Грыцька; Добрывечоръ дивчино; Самило, пожены козы на стигло. *Великорусскія*: Наши въ полѣ не робѣють; Я цыганка молодая; Скажи лапушка моя; Охъ зачѣмъ было огородъ городить; Ахъ, барыня, ахъ сударыня; Чта такъ рано солнце встало; Господь природы; Сватался на вдовушкѣ. *Польская*: Поїдемъ на вловы и др.

Преданія крѣпостныхъ увеселеній сохранились, какъ видно, въ полтавской губерніи довольно прочно и до сихъ поръ. Намъ передавали за вѣрное, что въ одномъ изъ уѣздовъ этой губерніи проживаетъ господинъ содержащій домашній балетъ, Кадры артистокъ его пополняются изъ крестьянъ той же деревни, получающихъ плату и господское содержаніе. Выстроены и особыя постройки, какъ для квартиръ артистокъ такъ и для театральныхъ представленій. Въ свободное время помѣщикъ дѣлитъ свои досуги съ импровизированными артистками. Тоже предоставляется и его гостямъ. На „спенѣ“ идутъ небольшіе балеты, вродѣ „Свадьбы въ Ойцовѣ“ и т. п. Всѣ артистки вольнонаемныя. Разница этой безобразной затѣи отъ крѣпостныхъ предпріятій того же рода въ томъ, что свою блажь помѣщикъ оплачиваетъ и вѣроятно не дешево. Но въ „партитурахъ“ его театра едва ли найдется ужъ хоть слово достойное вниманія.

А. Залѣсскій.

Картины, рисунки и офорты Шевченка.

Въ двухъ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ „Кіевск. Стар.“ (1886 г. № 2 и 1888 №№ 1—3), отмѣчено мною нѣсколько художественныхъ работъ Шевченка, принадлежащихъ частнымъ лицамъ или находящихся въ печатныхъ изданіяхъ. Я имѣю возможность продлить теперь этотъ списокъ, хотя и въ этомъ видѣ онъ будетъ все же только началомъ перечня шевченковскихъ рисунковъ и гравюръ. Они разсѣяны по рукамъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, попадали случайно къ лицамъ не дававшимъ имъ цѣны, будучи проданы или самимъ поэтомъ или его друзьями, многіе погибли. Печатая эти случайныя замѣтки, проспѣмъ тѣхъ изъ владѣльцевъ рисунковъ Ш—ка кому попадутся на глаза эти строки сообщать въ редакцію нашего журнала хотя краткія свѣдѣнія о нихъ. Болѣе или менѣе полный перечень живописныхъ трудовъ Ш—ка полезень и для біографіи его и какъ пособіе коллекціонерамъ. Работъ Ш—ка масляными красками намъ извѣстно очень мало. Рисунковъ его—сеіей, акварелью и карандашомъ сохранилось, сравнительно, довольно много. Свѣдѣнія о тѣхъ и другихъ дорисовываютъ кругъ духовныхъ интересовъ, наблюденій и вкусовъ поэта, какъ бы раздвигаютъ предъ нами его творческій горизонтъ Офорты Ш—ка и теперь уже очень рѣдки. Современемъ они сдѣлаются конечно еще рѣже и, сообразно съ этимъ, возрастеть и ихъ стоимость. Работать этимъ способомъ Ш—ко началъ однимъ изъ первыхъ въ Россіи. Его гравюры интересны уже по этому одному. Но достоинство ихъ признается и лицами спеціально вѣдающими дѣло, граверами и художниками, ставящими ихъ очень высоко, Послѣ первыхъ своихъ опытовъ въ 40-хъ годахъ Ш—ко занимался гравюрой въ послѣдніе три года жизни. Сверхъ шести листовъ „Живописной Украины“, мнѣ извѣстно еще четырнадцать офортовъ его, списокъ которыхъ я сообщаю. Едва ли наберется еще нѣсколько неизвѣстныхъ. Такимъ образомъ, если сохранившіеся картины и рисунки Ш—ка нельзя опредѣлить числомъ, то количество его гравюръ можно установить почти уже близко къ настоящей цифрѣ. Всѣхъ ихъ сдѣлано имъ двадцать или двадцать съ небольшимъ.

Рисунки Ш—ка дѣланы большею частью съ натуры. Это или виды мѣстностей, этюды природы, или бытовые сценки, фигуры и лица. Малороссійскіе мѣстности и типы наполняютъ альбомы академической поры; отдѣльные рисунки почти всѣ изображаютъ виды

надъ Каспіемъ или въ пустынѣ, киргизскіе типы, сцены изъ жизни ссыльныхъ и казарменныя сцены. Въ своемъ послѣдовательномъ ходѣ, всѣ они—наилучшія иллюстраціи къ жизни самого художника, рисующія и людей и природу, каторные окружали его въ разныя годы его жизни. Рисунки-композиціи (кромѣ первыхъ, этнографическихъ и историческихъ), опять таки взяты изъ среды и жизни прошедшей передъ глазами художника. Серія „Блудный сынъ“, описаніе которой сообщается ниже, вся наполнена отмѣтками того что видѣлось имъ въ его печальной жизни. Герой этой серіи—глубоко несчастный человѣкъ, безумно увлекавшійся и жестоко наказанный судьбой. Удары судьбы ведутъ эту безпокойную натуру, эту отчаянную голову отъ неистовой оргіи—къ дѣлнмъ каторжника и къ ужасной сценѣ наказанья шпипрутенами. Такихъ „несчастныхъ“ не разъ видѣлъ поэтъ въ своемъ изгнаніи... Одинъ изъ офортовъ его изображаетъ падшую женщину. Она вернулась домой съ своего промысла и здѣсь, хоть на минуту, она, всѣмъ принадлежащая,—„сама собі господня въ хати“. Такъ и называется эта гравюра, отъ которой вѣетъ глубокой горечью, ѣдкимъ сарказмомъ, какой встрѣчаемъ въ бытовыхъ рисункахъ Гойя и Гаварни.—Нѣтъ надобности говорить о томъ, какимъ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ было бы воспроизведеніе и изданіе всего этого, помощью одного изъ усовершенствованныхъ новыхъ способовъ, въ формѣ совмѣстнаго собранія. Тогда только опредѣлилась бы фізіономія Ш—ка какъ рисовальщика, тогда можно было бы подвести итогъ его прерванной дѣятельности живописца-художника.

Сюжетами офортовъ Ш—ка служатъ или воспроизведенія картинъ великихъ мастеровъ (Рембрандта, Мурильо, Брюллова, Лебедева) или портреты. Изъ жанровъ, кромѣ только что указаннаго, мнѣ извѣстна только копія хорошенькой картины Соколова „Пьяницы“. Два портрета изображаютъ художниковъ бар. Клодта и Бруни. Существуетъ еще, кажется, портретъ академика Горностаева; мнѣ не удалось его видѣть. Большая часть портретовъ изображаетъ самого поэта. Это обстоятельство объясняется не тщеславіемъ, а инымъ, весьма далекимъ отъ этого, мотивомъ. На этихъ портретахъ Ш—ко учился своему любимому офорту и, для оригиналовъ, ему незачѣмъ было тратиться на наемъ натуры, когда, по обычаю художниковъ, онъ могъ при посредствѣ зеркала, рисовать себя самого. Портреты эти, при жизни поэта, извѣстны были только небольшому кружку ближайшихъ лицъ, дѣлались въ самомъ ограниченномъ количествѣ

и не продавались. Во всякомъ случаѣ не мы будемъ сѣтовать на то, что по смерти кобзаря осталось нѣсколько изображеній имъ самимъ съ себя писанныхъ.

Списокъ нашъ дѣлимъ на три группы и располагаемъ по возможности хронологически. Намъ извѣстны еще собранья рисунковъ Ш—ка у Л. М. Жемчужникова, В. В. Коховскаго и А. В. Прахова. Усердно просимъ этихъ лицъ не отказать подѣлиться свѣдѣнiami о нихъ.

Картины Шевченка масляными красками.

Писичникъ—рисунокъ на холстѣ, въ формѣ удлиненнаго треугольника. Писанъ до ссылки, кажется въ 1846 г. и оставленъ Ш—комъ въ видѣ визитной карточки одному знакомому въ конотопскомъ уѣздѣ, котораго онъ не засталъ дома. Принадлежитъ А. М. Лазаревскому.

Портретъ г-жи Маевской, 1843 года, съ подписью художника и датой. Принадл. В. Горюеву.

Собственный портретъ, круглый. Былъ въ Петербургѣ на академической выставкѣ 1859 или 1860 гг.—Оригиналъ приобрѣтенъ Вел. Княгини Еленой Павловной. Повтореніе, работы Ш—ка, принадлежитъ В. М. Лазаревскому, въ Петербургѣ.

Рисунки разными способами.

Сцена изъ „Тараса Бульбы“ Гоголя. Рисунокъ сепіей, сдѣланный въ 40-хъ годахъ. Принадлежалъ петербургскому коллекционеру Н. Д. Быкову. Нынѣ собраніе его распродано.

Итальянка у фонтана. Акварель съ Брюллова. Въ февралѣ нынѣшняго года была въ Петербургѣ на выставкѣ въ пользу вдовъ и сиротъ архитекторовъ, въ академіи художествъ.

Слѣдующіе рисунки, до новой отмытки, принадлежатъ В. М. Лазаревскому.

Пять отдельныхъ рисунковъ сепіей.

1) Сцена изъ жизни ссыльныхъ. Ш—ко сидитъ за столомъ въ казармѣ и рисуетъ кого то изъ товарищей, который взялъ рисунокъ и разсматриваетъ его. На полу, возлѣ самовара, сидитъ третій и пьетъ чай. На землѣ валяется книжка съ заголовкомъ: G. Sand 1851. На стѣнѣ видна сабля, на землѣ—манерка съ ремнемъ, снятыя послѣ ученія. Ш—ко изображенъ въ бородѣ.

2) Возлѣ малороссійской хаты, подъ стрихою, два скванныхъ между собою челоѣка, одинъ въ бородѣ, постарше, другой, русскаго типа, безъ бороды, полуобнаженный. Караульные солдаты расположились по сторонамъ. Одинъ спитъ возлѣ бочки, близъ которой стоитъ чумакъ. Въ сторонѣ видна какая то пляшущая женщина и смутныя очертанія людей, несущихъ „корогову“.

3) Внутренность кибитки киргизовъ. Киргизка на ручныхъ жерновахъ мелетъ муку. На первомъ планѣ лежитъ киргизъ и играетъ на балалайкѣ удлиненной формы. Въ отверстіе юрты заглядываетъ корова.

4) Внутри комнаты Ш—ко лежитъ на кровати. Передъ нимъ столъ и родъ чайника причудливой восточной формы. Посреди комнаты, лицомъ къ зрителю, стоитъ

полуобнаженный человѣкъ. Съ этого рисунка были сдѣланы воспроизведенія въ иллюстраціяхъ.

5) Внутренность кабинки. Киргизъ грѣется возле огня. Стоитъ сосудъ для варки кирпичнаго чая. Киргизка въ малахавѣ сидитъ на полу.

Пять листовъ видовъ (сепіей и акварелью).

а) Полуоткрытый грошъ. Стоитъ пара осѣдланыхъ лошадей. Близъ нихъ, на землѣ сидитъ человѣкъ въ широкополой шляпѣ и рисуетъ. Подписано: Далисменъ-мула-аулье.

б) Соборъ и часть городской площади въ Нижнемъ Новгородѣ. Подписано: Соборъ Благовѣщенія. (См. „Дневникъ“ Шевченка въ „Основѣ“ 1861 г.—Сентябрь 1858 г.)

с) Видъ церкви и площади, тамъ же. Подпись: Архангельскій соборъ. „Дневникъ“ 10—12 окт. 1858 г.

д) Берегъ рѣки въ Нижнемъ Новгородѣ, съ барками и фигурами. Подпись: Видъ на Заочье („Дневникъ“. 15 окт. 1858 года).

е) Акварельный рисунокъ рѣчнаго побережья съ фигурами.

Похожденія Блуднаго Сына (8 листовъ рисованныхъ сепіей).

1) Сцена игры въ карты близъ стойки шинна.

2) Убийство женщины. Снимаютъ съ убитой крестъ; вдали гротъ съ разбойниками.

3) Сцена въ трактирѣ. Блудный сынъ полуобнаженъ. Нѣсколько фигуръ.

4) Блудный сынъ въ опьяненіи, съ бутылкою въ рукахъ.

5) Блудный сынъ на кладбищѣ, въ рубашкѣ.

6) Блудный сынъ, скованный съ другимъ преступникомъ, на привалѣ. Онъ изображенъ полуголымъ. На головѣ бѣлая шапка.

7) Блуднаго сына только что прогнали сквозь строй. Его, полумертваго, одѣваютъ. Цѣпи сняты. Видны ряды солдатъ.

8) Блудный сынъ въ казармѣ, съ колодкой вложенной въ ротъ. Внутренность казармы въ перспективѣ.

В. М. Лазаревскому принадлежатъ еще 2 портрета тушью и бѣлымъ карандашомъ: М. М. Лазаревского (1858 г.) и А. А. Лазаревской (1859 г. 9 августа).

У него же находится *Альбомъ рисунковъ* перомъ, сепіей и карандашомъ: виды въ Мошнахъ, Черкасахъ, Межиричѣ, Корсуни (хата, бережокъ, деревья) около Канева (низкій берегъ Днѣпра) этюды деревьевъ, два вида съ подписью „въ Лыхвинѣ“ (тульск. губ.) Рисунки перомъ: малороссіянинъ, идущій съ водой отъ криницы, Мулла передъ раскрытой книгой.

Г. Н. Честоховскому принадлежитъ два рисунка Ш—ка.

— Рисунокъ сепіей для офорта „Сама собі госпожня въ хатѣ“.

— Балька съ офорта „Малороссіянки у криницы“. Въ глубинѣ картинки видны вобзарь съ хлопцемъ, на гравюрѣ отсутствующіе.

Въ статьѣ г. Суханова—Подколзина „Воспоминанье о Ш—кѣ“ (Кіевск. Стар. 1885 № 2) указаны слѣдующіе рисунки, принадлежащ. автору статьи:

1) Рисунокъ тушью, изображающій Ш—ка въ казармѣ, ночью, во время солдатской попойки, утешающимъ кренделемъ маленькаго киргизенка.

2) Портретъ меньшаго брата г. Подколзина, простымъ карандашомъ, помѣченъ 1858 г.

- 3) Большая сенія. Сюжетъ: двѣ малороссіянки, стоящія съ ведрами у колодца; вдали сидитъ кобзарь.
- 4) Сенія. Мать, стоящая на кофѣняхъ у колыбели ребенка.
- Портретъ ребенка итальянскимъ карандашомъ и бѣлилами. Принадлежитъ А. Ф. Новицкому, въ Кіевѣ.

Офорты Ш—на по годамъ ихъ исполненія.

- 1858 г. *Святое Семейство*. Съ картины Мурильо. Дата 1858 г. 16 іюля. Въ экземплярѣ, принадлежащемъ г- Честоховскому, на оборотѣ рукой Ш—ка написано его стихотвореніе „На пашвыни пшеницю жала“...
- Два офорта съ картины Рембрандта „Притча о виноградь (1637 г.) одинъ пробный, съ едва намѣченными фигурами, другой болѣе окончанный.
1859. *Львеной пейзажъ*. Подпись на лѣво: Лебедевъ 1836 г. На право: Грав. Шевченко 1859. Оригиналъ картины Лебедева, съ котор. сдѣлана гравюра, находится въ музеѣ петербургской академіи художествъ.
- *Шляпницъ*, съ картины И. Соколова, принадлежащей П. А. Кочубею. Три малороссіянина у стола въ шинелѣ.
- *Сама собі господыня въ хати*. Подпись на лѣвой сторонѣ. Женщина, раскинувшись, спитъ на кровати. На стѣнѣ виситъ криволинь; на столикѣ, у кровати, свѣча и коробка съ пудрой.
1860. Портретъ Фед. Ант. Бруви. Подпись на правой сторонѣ, на оборотѣ. Дата также.
- *Вирсавія* (съ картины Брюллова). На право подпись: Карль Брюлловъ 1831 г. На лѣво—Шевченко 1860. Одинъ изъ самыхъ большихъ офортовъ Ш—ка.
- Собственный портретъ въ молодости. Бюстъ, со свѣчей въ рукахъ, въ шарфѣ, безъ бороды и усовъ. Съ портрета сеніей, сдѣланнаго до ссылки.
- Портретъ въ бѣломъ лѣтнемъ пальто. Копія была помѣщена въ „Художественномъ Листкѣ“ Гима.
- Портреты въ черномъ сюртукѣ, безъ шапки; первый—черной манерой (pointillage), второй съ бѣлымъ фономъ, болѣе отдѣланный.
- Портретъ въ шапелѣ и шубѣ. Типъ извѣстный по позднѣйшимъ литографіямъ, сначала въ воспроизведеніи Лемерсье (для перваго выпуска парижскаго изданія „Портретовъ украинскихъ писателей“), потомъ петербургской работы Мюнстера. Онъ же, въ искаженномъ видѣ приложенъ при изданіи „Кобзаря“ 1867 г. Направо подпись: Т. Шевченко 1860. Въ срединѣ кружокъ съ монограммой: Т. Ш.
1861. Портретъ барона П. К. Клодта, 1861 г. Дата вышла на оборотѣ. Обѣ подписи на правой сторонѣ.
- Неизвѣстнаго года. Малороссіянки у криницы. Крестьянки, идущія съ ведрами отъ криницы, изображаютъ портреты г-жъ Кулишь и Бѣлозерской. Сохранился, кажется, одинъ лишь пробный оттискъ этой гравюры.
- Существовали еще мѣдныя доски, съ награвированными на нихъ Шевченкомъ рисунками. Не знаю, были ли сдѣланы оттиски со всѣхъ этихъ досокъ, но ихъ видѣли многія лица въ числѣ вещей, оставшихся послѣ смерти Ш—ка. Доски эти приготовлены были для слѣдующихъ офортовъ:

а) „Ростовщакъ“ (съ карт. Рембрандта).

б) Пейзажъ (съ карт. Мецерака).

в) Нищія на кладбищѣ.

г) Портретъ гр. Ф. П. Толстаго.

Кѣмъ куплены эти доски и у кого находятся теперь — мнѣ неизвѣстно.

В. Г.

Два слова о рисункахъ К. А. Трутовскаго.

Константинъ Александровичъ Трутовскій родился въ Курскѣ въ 1826 году. Онъ получилъ художественное образованіе въ петербургской Академіи художествъ; академикомъ живописи состоитъ съ 1861 г. ¹⁾ Въ Малороссіи имя К. А. Трутовскаго пользуется почетной извѣстностью, какъ имя художника, во многихъ рисункахъ талантливо воспроизведшаго характерныя явленія южнорусскаго народнаго быта. Къ сожалѣнію, рисунки Трутовскаго разбросаны въ разныхъ малоизвѣстныхъ и малодоступныхъ художественныхъ изданіяхъ, и тѣ рисунки, которые наиболѣе извѣстны публикѣ, помѣщенные въ Пчелѣ и Нивѣ, большею частью не принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ художника.

Не претендуя на полноту обзора рисунковъ Трутовскаго, укажемъ здѣсь только нѣсколько выдающихся и притомъ малоизвѣстныхъ его произведеній.

К. А. Трутовскій неоднократно останавливался на Гоголѣ, именно на его рассказахъ изъ малорусскаго народнаго быта. Къ 1872 г. относится его прекрасная картина „Сорочинская ярмарка“. Здѣсь на полотно взять тотъ моментъ, когда на мостъ взѣхалъ возъ, на которомъ сидѣла красивая дивчина и ея злая мачиха, и толпа стоявшихъ на мосту парубковъ привѣтствуетъ первую похвалами, а вторую насмѣшками. Въ картинѣ К. А. Трутовскаго всѣ подробности въ высшей степени граціозны, характерны и вѣрно воспроизводятъ малорусскій народный бытъ. У Гоголя эта сцена происходитъ на берегу Псла; на картинѣ Трутовскаго вдаль на возвышенности видѣется городъ со многими церквами. Кто бывалъ въ г. Сумахъ, тотъ легко ихъ припомнить, смотря на картину, — такъ много въ ней правды и точности. Лица, положенія и костюмы парубка въ сѣрой свитѣ, дивчины и ея отца въ высшей степени характерны и ти-

¹⁾ Собко, 25 лѣтъ рус. искусства. 1832. 34.

пичны для массы украинскихъ дивчатъ, парубковъ и „плохихъ“ т. е. добродушныхъ и слабохарактерныхъ мужиковъ. Чтобы оцѣнить картину Трутовскаго съ точки зрѣнія бытовой ея вѣрности и характерности, нужно сравнить ее съ рисункомъ г. Рѣпина, изображающимъ тотъ же эпизодъ изъ Сорочинской ярмарки Гоголя. Не смотря на то, что г. Рѣпинъ является первостепеннымъ талантомъ, въ данномъ случаѣ онъ остается далеко позади Трутовскаго. На рисункѣ г. Рѣпина хорошо вышли волю и отчасти дивчина; все же прочее представляется крайней утрировкой гоголевскаго разсказа. Мачиха и въ особенности парубки носятъ каррикатурный характеръ, по грубости лица и положеній. Парубки всѣ безобразны, а одинъ изъ нихъ просто уродливъ, что не оправдывается даже разсказомъ Гоголя, гдѣ одинъ изъ парубковъ обрисованъ красивымъ молодцомъ.

К. А. Трутовскій помѣстилъ нѣсколько весьма удачныхъ рисунковъ въ извѣстномъ изданіи Голяшкина „*Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*—Н. Гоголя“ 1874 г. Какъ извѣстно, въ Гоголевскихъ разсказахъ изъ малорусскаго быта много фантастическихъ преувеличеній и романтическихъ прикрасъ. Художнику иллюстратору здѣсь нужно сдерживать свою личную фантазію. К. А. Трутовскій и здѣсь почти вездѣ удержался въ предѣлахъ изящнаго.

Карандашъ К. А. Трутовскаго касался также произведеній другаго выдающагося южно-русскаго писателя Т. Г. Шевченка. Въ „Сѣверномъ Сіяніи“ Генкеля мы находимъ *четыре* весьма любопытныхъ рисунка Трутовскаго къ „*Наймичкѣ*“. Рисунки эти мало извѣстны, и на нихъ нѣтъ указанія въ составленномъ г. Комаровымъ „Библиографическомъ указателѣ матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Шевченка“¹⁾. Первый рисунокъ на слова Шевченка: „якъ тополя похилилась молодыця молодая, щось до лоня пригортае, та съ туманомъ розмовляє“. Въ открытомъ полѣ на пригоркѣ сидитъ молодлица, грустно склонивъ голову и прижавъ къ груди своего малютку; вдали небольшіе курганы. Другой рисунокъ на слова „та до ворить... прибѣгають“... Рѣчь идетъ о подкидышѣ. Домохозяинъ и жена его, стоящіе у воротъ и съ изумленіемъ смотрящіе на непрошеннаго маленькаго гостя, очень типичны. На лицахъ ихъ, особенно на лицѣ жены, лежитъ печать добродушія и челобколюбія. Глядя на нихъ, легко угадать, что они примутъ ребенка, какъ роднаго сына. Третій рисунокъ на слова: „и ввучатамъ изъ клуночка гостынци выймала,

¹⁾ *Кіевская Старина* 1886. III. 577.

а дидови три свичечки“... самый содержательный и изящный. Наймичка, возвратившись изъ Кіева съ богомолья, раздаетъ подарки подъ хатой на присьбѣ. Тутъ и невѣстка ея, и внучата, и ихъ общій благодѣтель дѣдъ. Всѣ лица, ихъ положеніе и костюмъ вполне украинскіе. Въ особенности хороши дѣдъ, богомолка-наймичка и молодыця. Вообще, этотъ рисунокъ производитъ отрадное, успокоительное впечатлѣніе. На зрителя вѣетъ отъ него чѣмъ то въ высшей степени благодушнымъ и сердечнымъ. На лицѣ богомолки-наймички столько доброты и ласки; на лицѣ ея невѣстки столько любопытства... Четвертый рисунокъ на слова наймички „прости мене, мій сыночку, я... твоя маты“ представляетъ кончину наймички.

Къ числу наилучшихъ въ художественномъ и бытовомъ отношеніяхъ рисунковъ Трутовскаго изъ украинскаго быта принадлежитъ *Сцена у креста*. Этотъ малоизвѣстный рисунокъ былъ на академической выставкѣ 1869 г. Снимокъ съ него находится въ Художественномъ Автографѣ, изданномъ петербургской артелью художниковъ. Содержаніе рисунка: на дорогѣ на деревянномъ столбикѣ въ трехъ-угольной деревянной рамѣ или кіотѣ стоитъ икона. На верху рамы крестикъ, а на одной ея сторонѣ шитый ручникъ. Около креста сидитъ старикъ съ небольшимъ кошелькомъ въ рукахъ, куда прохожіе бросаютъ деньги на икону. Передъ иконою двѣ женщины; одна стоитъ, имѣя въ правой рукѣ грабли, въ лѣвой ребенка, сзади на спинѣ дѣтскую колыбель; другая молодая, но уже замужняя, что видно изъ головной повязки, стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ и горячо молится. Около нея лежатъ серпъ и грабли; вблизи на краю дороги виднѣтся высокій созрѣвшій хлѣбъ. Женщины—типичныя семьянинки труженицы, и горячая мольба одной изъ нихъ естественно наводитъ зрителя на вопросъ, о чемъ она такъ усиленно молить?—Знакъ ли это благодарности за созрѣвшее жито, или тутъ скрыта горькая жалоба на тяжелую семейную долю.

Въ иллюстрированныхъ журналахъ разбросано довольно много рисунковъ Трутовскаго изъ малорусскаго быта, напимѣръ, *Возвращеніе съ праздника* (толпа подвыпившихъ крестьянъ обоюго пола съ музыкой и пляской возвращается домой въ зимнее время), *Колядки въ Малороссіи* (дѣти колядуютъ подъ окнами хаты), *Вз бурю* (въ полѣ находитъ гроза и крестьянская семья, убиравшая жито, спѣшитъ домой), *Чумаки у колодца* (пьютъ воду у дѣвушки изъ ведра) и нѣкоторыя другія. Однимъ изъ характерныхъ въ мѣстномъ этнографическомъ смыслѣ рисунковъ представляется *Подръзываніе со-*

товъ на малороссійской пасѣлкѣ слѣдующаго содержанія: въ уединенномъ садикѣ не вдалекѣ отъ хаты, покрытой очеретомъ, старый пасѣчникъ присѣлъ къ улью и осторожно залѣпливаетъ круглое отверстіе, или очко, служащее для выхода пчелъ, чтобы потомъ подкуриваніемъ перегнать пчелъ въ другой улей, и вырѣзать медъ. Красивая дивчина, дочка или племянница, стоитъ подлѣ улья, держа на—готовѣ расписную деревянную чашку, что-бы принять душистые круги полныхъ сотовъ. Лица типичныя малорусскія. Старикъ серіозенъ, даже суровъ. Дѣвушка красива. На пасѣлкѣ стоитъ на пнѣ въ треугольной деревянной рамѣ образъ Зосимы и Савватія, святыхъ покровителей пчеловодства. Рисунокъ чрезвычайно оригинальный и содержательный. Здѣсь выражень и подчеркнутъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ въ трудовой жизни крестьянина, когда самый трудъ озаряется радостнымъ свѣтомъ. „Подрѣзываніе сотовъ“ Трутовскаго помѣщено въ „Пчелѣ“ 1876. № 2. Характерныя малорусскія особенности картины опредѣляются по сравненію ея съ оригинальнымъ выпуклымъ офортомъ И. И. Шишкина: *Пчельникъ*, бывшимъ на пятой передвижной выставкѣ картинѣ, рисунокъ котораго помѣщенъ въ той же „Пчелѣ“ 1876 г. № 7. Пчельникъ г. Шишкина имѣетъ своеобразный великорусскій характеръ.

Кромѣ рисунковъ изъ малорусской народной жизни, Трутовскому принадлежитъ еще довольно много рисунковъ съ содержаніемъ, взятымъ изъ семейной жизни мелкопомѣстнаго дворянства, напримеръ, *Пріѣздъ гостей*, *Земское собраніе*, *Дѣтская*, *Поминки*, *Любители* (три старичка разсматриваютъ картинки съ нагими женщинами), *Имянины* (дѣти поютъ отцу поздравительный стихъ), *Отцы* (толстяки помѣщики смотрятъ на домашней вечеринкѣ, какъ танцуютъ ихъ молоденькія дочки) и др. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ напоминаютъ слободско-украинское дворянство прошлаго и начала текущаго столѣтія, какъ оно изображено въ разказахъ Г. О. Квитки на русскомъ языкѣ.

К. А. Трутовскій настойчиво разрабатываетъ излюбленныя темы изъ украинскаго народнаго быта. Въ теченіи многихъ лѣтъ онъ трудится надъ воспроизведеніемъ разныхъ сторонъ этого быта на полотнѣ, съ неослабнымъ интересомъ къ южнорусскому народу, къ его семейной и общественной жизни. На послѣдней академической выставкѣ, еще не выѣзжавшей изъ Петербурга, есть картина К. А.

Трутовскаго „Праздничная бесѣда“ съ содержаніемъ изъ малорусскаго быта,—новое доказательство старыхъ симпатій художника къ южнорусскому народному быту.

Н. С.

Замѣтка о старопечатныхъ книгахъ Харьковской духовной семинаріи.

Харьковскій коллегіумъ, нынѣ духовная семинарія, возникъ въ 1726 году, и тогда же въ его бібліотеку вошло много старопечатныхъ книгъ по богословію, философіи и церковной исторіи. Въ составъ бібліотеки коллегіума вошла часть бібліотеки Стефана Яворскаго, заключающая много весьма рѣдкихъ книгъ церковно-славянской и польской печати семнадцатаго вѣка. Въ составленномъ въ 1866 г. каталогѣ однихъ латинскихъ книгъ значится 1707 названій. Въ рукописномъ каталогѣ бібліотеки мы насчитали 169 книгъ шестнадцатаго и 678 книгъ семнадцатаго вѣковъ.

Пробѣгая каталогъ мы находимъ здѣсь Словено-россійскій лексиконъ Памвы Беринды въ 2 изданіяхъ, Лиѳосъ Петра Могилы, „Okulary“ Кассьяна Саковича, „Kalendarz prawdziwy“ Яна Дубовича „Іерахію“ и „Голіафъ“ Рутки, почти всѣ сочиненія Іоанникія Галятовскаго, нѣсколько сочиненій Лазаря Барановича. Книги находятся въ порядкѣ. На многихъ книгахъ есть помѣтка о принадлежности ихъ Стефану Яворскому причемъ видно, что Стефанъ Яворскій нѣкоторыя изъ нихъ приобрѣлъ еще будучи іеромонахомъ.

Въ семинарской бібліотекѣ находится большая часть тѣхъ сочиненій, на которыя ссылаются южнорусскіе ученые XVII вѣка, какъ на пособіе, напримѣръ, сочиненіе Корнелія и Ляпиде—комментаріи на Ветхій и Новый Завѣтъ, Іоанна Картагенскаго—*Nomiliae catholicae libri XIV* 1618 г., Кальвина—*Institutio christ. religionis* женевского изданія 1590 г., тридцать томовъ Исторіи Польши Кромера 1589 года, *Colloquia familiaria* Эразма Роттердамскаго базельскаго изданія 1525 года, *Ennarationes* Ѳомы Аквинскаго парижскаго изданія 1540 г., *Summa totius Theologiae* Ѳомы Аквинскаго въ трехъ изданіяхъ 1570, 1604 и 1624 годовъ, сочиненія Беллярмина противъ еретиковъ 1608 г. и о псалмахъ 1611 г., *De purgatorio igne* Петра Аркудія 1637 г., *Compendium Theologiae veritatis* Альберта Великаго изданія 1649 г., *Opera omnia theologica* Гуго Гроція амстер-

дамскаго изданія 1679 г., 23 тома *Corpus Historiae bizantinae* Филиппа Лаббе парижскаго изданія 1648 г., *Meditationes de prima philosophia* Декарта амстердамскаго изданія 1642 г. въ 2 экз., полныя собранія сочиненій Раймунда Люлія 1651 г., Гассенди 1658 г., Бэкона 1665 г., *Theatrum historicum* Стратемана 1681 г., Всеобщая географія Бернгарда Варенія Ис. Ньютона 1681 г.

Кто возьметъ на себя трудъ обозрѣть харьковскія изданія, тотъ въ семинарской библиотекѣ найдетъ подходящий матеріалъ. Такъ, здѣсь находится любопытный сборникъ рѣчей, сказанныхъ при погребеніи перваго ректора харьковскаго университета Рижскаго, сочиненія горемычнаго прафессора Шада *Institutiones philosophiae universae* 1812 г., и *De viris illustribus urbis Romae* 1815 г., и сочиненія многихъ другихъ старинныхъ харьковскихъ писателей.

Н. Сумцовъ.

Д л я с п р а в о к ъ .

Замѣтка объ указателѣ къ лѣтописи по Ипатскому списку.

Давно занимаясь Ипатской лѣтописью, я не могъ не убѣдиться, что приложенный ко второму ея изданію (1872 г.) указатель (составленный г. Труворовымъ) не отличается ни полнотой, ни точностью.

Хорошій указатель къ лѣтописямъ, актамъ и всякимъ вообще историческимъ памятникамъ во 1) вещь вполне необходимая ибо въ значительной степени облегчаетъ ученымъ пользованіе изданнымъ памятникомъ, во 2) далеко не такая легкая и простая вещь, какъ можно бы думать. Составитель указателя не просто переписчикъ,—это долженъ быть ученый, хорошо знакомый съ исторіей времени, къ которому относится памятникъ, человекъ умѣющій вчитаться въ самый памятникъ. Не даромъ извѣстный знатокъ архивнаго дѣла П. М. Строевъ такъ высоко цѣнилъ составленный имъ указатель къ исторіи Карамзина и надѣялся даже получить за него премію.

Конечно, мы не можемъ требовать отъ составителя указателя ряда изслѣдованій и объясненій по поводу отмѣченныхъ имъ въ памятникѣ словъ и именъ, но извѣстнаго рода изслѣдовательская, т. е. негласная работа непременно должна быть имъ произведена, если только указатель претендуетъ на какое-нибудь значеніе. Въ случаяхъ спорныхъ, сомнительныхъ, неясныхъ, лучше оставлять названіе или имя такъ, какъ оно стоитъ въ памятникѣ, но тамъ, гдѣ раскрытіе т. е. скобокъ

совершенно очевидно, составитель указателя имѣетъ не только право, но даже обязанъ это сдѣлать, иначе въ его указаніяхъ произойдетъ путаница: одно и то же лице, мѣстность или предметъ появятся подъ различными наименованіями въ разныхъ мѣстахъ указателя и совершенно затруднятъ пользованіе имъ. Составитель указателя къ Ипат. лѣтописи отнесся къ своей задачѣ довольно небрежно, списывая названія подъ рядъ, не вчитываясь въ лѣтопись, не справляясь съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Въ результатѣ—множество ошибокъ и притомъ ошибокъ тѣмъ болѣе странныхъ, что отъ нихъ легко могло спасти составителя одно только внимательное чтеніе текста.

Приведу нѣсколько примѣровъ подобныхъ ошибокъ.

Бастѣва чадь—*дѣти* Берендеи Бастія—тутъ составитель указателя превратился въ учителя—и неудачно.

Борись, *кн.* Межибожскій—откуда взялъ составитель свѣдѣніе о княжескомъ достоинствѣ Бориса?

Василій, *кн.* Белзскій Ип. 485—какъ новое лице, происхожденіе котораго неизвѣстно. Стоило только перевернуть страницу, дабы узнать, что это Василько Романовичъ, братъ Даниила—Александръ приа Угровескъ... да Василекови Бѣлзъ (Ип. 483).

Левъ Даниловичъ (*с.* Дан. Ром-ча)—509—а здѣсь читаемъ: „въ томъ же го-нѣше Левъ съ боденъ бысть, бѣ бо храбръ и во величѣ чести умертъ... Ясно, что дѣло идетъ о *бояринѣ* или *воинѣ* Левѣ, такъ какъ Левъ Даниловичъ тогда еще (1231) вѣроятно и не родился т. е. 1245 онъ былъ еще такъ малъ, что не могъ участвовать въ сраженіи (Даниилъ же и Василко посласта Лва млада суща, и яко ни во бой ему внити младу сущу).

Кондрать Сомовитовичъ *кн.* *литовскій*—никогда имъ не былъ, былъ княземъ польскимъ.

Романъ Даниловичъ, сынъ *кн.* Даниила Романовича *кн.* Галицкій 428, 479, 480, 483, 484, 489, 492, 494—всѣ эти мѣста относятся къ знаменитому Роману Мстиславичу, дѣду Романа Даниловича. Ошибка тѣмъ болѣе непростительная что въ періодъ, къ которому относятся указанные мѣста лѣтописи о Романѣ Даниловичѣ не могло быть и помину, ибо самому то Даниилу было всего нѣсколько лѣтъ (а 428 Даниила и не существовало на свѣтѣ).

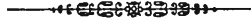
Тугортоканъ—жена в. *кн.* Святополка Изяславича—157 въ указанномъ мѣстѣ—„святополкъ поя дщеръ Тугортоканю, князя Половецкаго, т. е. дочь Тугортокана.

Святая Гора—не *Авоиъ*, а монастырь подлѣ Владиміра.

Родна, бая, *минер. воды* въ Карп. горахъ; бая не значитъ минеральная вода, а копи (солиныя или рудныя).

Примѣровъ подобныхъ этимъ можно бы привести множество. Очень жаль, что въ хорошему изданію Ип. лѣтописи приложенъ столь небрежно составленный указатель. Будемъ надѣяться, что при новомъ изданіи этой лѣтописи будетъ обращено болѣе вниманія на указатель, имѣющій для всякаго обширнаго историческаго памятника весьма важное значеніе.

Д. И.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

I. Обзорные журналовъ и газетъ за 1888 г.

1. Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія (№№ 3—4) 2. Вѣстникъ Европы (3—5). 3. Русская Мысль (2—4). 4. Русскій Филологич. Вѣстникъ (1, т. XIX). 5. Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (1). 6. Филологическія Записки (1). 7. Русское Богатство (1—4). 8. Юридическій Вѣстникъ (1—4). 9. Наблюдатель (3—4). 10. Новь (т. т. XIX—XXI). 11. Свѣтлый Вѣстникъ (3—5). 12. Пантеонъ Литературы (1—5). 13. Русскій Вѣстникъ (1—4). 14. Русская Старина (3—5). 15. Русскій Архивъ (1—5). 16. Журн. Гражд. и Уголовн. Права (1—4). 17. Православный Собесѣдникъ (1—4). 18. Историческій Вѣстникъ (3—5). 19. Странникъ (1—4). 20. Экономическій Журналь (1—3). 21. Восходъ (1—2). 22. Кіев. Университетскія Извѣстія (1—4). 23. Kwartalnik historyczny (1—2). 24. Вѣстникъ Народнаго Дома (64—66). 25. Русскій Паломникъ (1—19). 26. Зоря (1—9). 27. Ндѣля (7—17). 28. Свѣръ (1—18). 29. Нива (1—16). 30. Русское Судожодство (1—15). 31. Głos. 32. Крај. 33. Церковный Вѣстникъ (1—20). 34. Кіевлянинъ (92—105). 35. Кіевское Слово (376—391). 36. Кіев. Епарх. Вѣдомости (1—14). 37. Волинь (37—54). 38. Волинск. Епарх. Вѣд. (13—14). 39. Подольск. Епарх. Вѣд. (17—19). 40. Полтавск. Епарх. Вѣд. (8—9). 41. Черниг. Губ. Вѣд. (33—39). 42. Харьк. Губ. Вѣд. (87—124). 43. Южный Край (2511—2534). 44. Екатеринос. Губ. Вѣд. (31—36). 45. Крымъ (18—25). 46. Донъ (45—52). 47. Донская Рѣчь (46—52). 48. Орловскій Вѣстникъ (52—59). 49. Смоленскій Вѣстникъ (41—55). 50. Червоная Русь (24—50). 51. Кубанскія Вѣдомости (1—16). 52. Сибирскій Вѣстникъ (1—45).

1, Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1888 г. № 3 и 4. «Паденіе Польши» въ исторической литературѣ. Н. И. Карѣева (№ 3 стр. 1—71); продолженіе слѣдуетъ. Начало этой статьи, помѣщенное въ № 1 текущаго года (смотри извѣстіе въ «Кіевск. Стар.» 1888 г. т. XX), познакомило читателей съ мнѣніями объ этомъ вопросѣ польскихъ публицистовъ 18-го вѣка. Теперь является еще двѣ главы, изъ которыхъ первая представляетъ сводъ мнѣній польскихъ историческихъ школъ 19-го вѣка по вопросу о паденіи Рѣчи Посполитой, а вторая—возрѣнія на этотъ вопросъ западно-европейской публицистики прошлаго вѣка.

Очерки изъ исторіи русской драмы П. О. Морозова (№ 3 стр. 72—117 и № 4 стр. 348—379 продолженіе слѣдуетъ). Въ 5-ой главѣ своего изслѣдованія авторъ разсматриваетъ русскую драму въ новый періодъ ея существованія, когда при Алексѣѣ Михайл. появился театръ иноземнаго происхожденія. Тутъ въ концѣ статьи въ № 3 находимъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ рѣшенію вопроса, кто былъ переводчикъ «Іудифи», что приписывалось обыкновенно Симеону Полоцкому, но что отвергается авторомъ; въ статьѣ же въ № 4 находимъ краткія извѣстія о Степанѣ Чижинскомъ, Львовскаго повѣту шляхетскомъ сынѣ, стоявшаго въ послѣдній годъ царствованія Алекс. Михайл. во главѣ руководителей комидійнаго дѣла въ Москвѣ.

Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Θεодора Алексѣевича. Е. Е. Замысловскаго (№ 3) (161—197 стр.). Это—окончаніе статьи, начатой въ № 1 журнала. Данныя объ этихъ сношеніяхъ касаются 1680—82 г.г., при чемъ здѣсь сравнительно меньше находимъ свѣдѣній объ отношеніи Малороссіи къ Польшѣ.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены статьи по поводу слѣдующихъ книгъ, касающихся юга Россіи: 1) Родъ Шереметевыхъ. А. Барсукова кн. V-я—реценз. К. Бестужева—Рюмина (№ 3) (стр. 198—201); 2) Очерки изъ психологіи славянскаго племени М. Урсина—реценз. И. Филевича, гдѣ между прочимъ говорится о мнимомъ мессіанизмѣ Гоголя и Шевченка (№ 3) (стр. 201—207); 3) *Poczet rodów w wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku.* Adam Boniecki—реценз. П. Н. Петрова (№ 3) (стр. 274—282); 4) Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Е. Барсова—реценз. И. Анненскаго (№ 4, стр. 501—512).

Новыя свѣдѣнія о Кафѣ и Крымскихъ татарахъ изъ начала XV вѣка. Александр. Веселовскаго (№ 4) (332—338 стр.). Это есть краткое сообщеніе о книгѣ, изданной Черрути въ Генуѣ по рукописи, написанной около 1421 года Альбертомъ Альфіери, генуезскимъ гражданиномъ, учителемъ латинскаго яз. въ Кафѣ. Содержаніе книги составляютъ разговоры о прошломъ Генуи и сѣверной Италіи, среди чего не мало мѣста удѣлено воспоминаніямъ о Кафѣ и о татарахъ—скнезахъ.

Замѣтки о Супрасльской рукописи. П. Бобровскаго. (№ 4, 339—347 стр.). Написано по поводу напечатанныхъ В. Ягичемъ двухъ писемъ М. К. Бобровскаго объ этой рукописи (*Archiv für slavische philologie, X Band*). Приведены въ этой замѣткѣ оба письма въ русскомъ переводѣ. (Въ связи съ этой замѣткой см. статью «Судьба Супрасльской рукописи» П. Бобровскаго въ Ж. М. Н. П. 1887 г. № 10).

2, Вѣстникъ Европы 1888 г. 3, 4 и 5. *Среди Крымскихъ татаръ.* Ѳ. Воропонова. (№ 3, стр. 148—179). Статья представляетъ рядъ наблю-

деній во время путешествія автора по Крыму преимущественно надъ экономическимъ положеніемъ сельскаго татарскаго населенія, а также надъ нѣкоторыми частностями его быта.

Русскія сочиненія Шевченка. А. Пытина. (№ 3, стр. 247—286). Статья написана по поводу книги: «Поэмы, повѣсти и рассказы Т. Г. Шевченка,» изданной редакц. «Кіевской Старины» въ началѣ текущаго года. Начало ея посвящено уясненію положенія малорусской письменности въ прошломъ и настоящемъ, а затѣмъ авторъ переходитъ къ обзору содержанія и значенія этихъ русскихъ произведеній Шевченка, находя въ нихъ черты, связывающія ихъ съ малорусской его поэзіей.

Сибирь и изслѣдованія ея. А. Пытина. (№ 4; стр. 684—724). Въ этой статьѣ находимъ нѣсколько страницъ, сообщающихъ свѣдѣнія о Григоріи Новицкомъ, малороссіянинѣ по происхожденію и воспитанникѣ Кіево-могилянской академіи, сосланномъ въ началѣ XVIII в. въ Сибирь, идѣ онъ и составилъ въ 1715 г. «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ».

Въ *литературномъ обзорѣ* помѣщены статьи по поводу слѣдующихъ книгъ, касающихся юга Россіи: 1) Очерки изъ психологіи славянскаго племени. М. Урсина, въ которыхъ затрогивается между прочимъ вопросъ о мессіанизмѣ Гоголя и Шевченка (№ 3, стр. 413—419); 2) Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. П. Владимірова.

3, *Русская Мысль 1888 г. 2, 3 и 4. Изъ исторіи русскаго законодательства XVI—XVIII столѣтій. И. Дитятина.* (№ 4; стр. 48—71). Въ этой статьѣ, составляющей продолженіе обширной работы автора, нѣсколько страницъ посвящено краткому обзору дѣятельности Малороссійской комиссіи, учрежденной при Петрѣ II для Свода въ одно цѣлое и перевода на великороссійскій языкъ тѣхъ правъ, которыми судится малороссійскій народъ.

Въ *библиографическомъ отдѣлѣ* помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, касающіяся юга Россіи: 1) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные черниговскимъ статистическимъ отдѣленіемъ при губернской земской управѣ т. XV-й. Кролевецкій уѣздъ составилъ Петръ Червинскій (№ 2, стр. 82—83); 2) Семейная старина. Г. Давилевскаго. (№ 3, стр. 118); 3) Исторія литературы руской. Написавъ Омелянъ Огоновскій. Часть 1-я. (№ 3, стр. 125—127); 4) Очерки помѣщичьяго хозяйства въ уѣздахъ Гадяцкомъ и Лубенскомъ (№ 3, стр. 135—136); 4) Kwartalnik Historyczny, organ Towarzystwa historycznego pod redakcyą Xawerego Liskego. Lwow. (№ 4, стр. 173—174).

Во *внутреннемъ обзорѣ* № 4 затронутъ вопросъ о ходатайствѣ полтавскаго дворянства о предоставленіи ему права учреждать заповѣдныя имѣнія (стр. 186—193).

4, **Руссий Филологическій Вѣстникъ 1888 г. 1-й (т. XIX).** *Говоръ Пинчуковъ. М. Карпинскаго.* (стр. 45—54). Небольшая замѣтка написана по поводу труда г. Карскаго «Обзоръ звуковъ и формъ Бѣлорусской рѣчи.» въ которомъ говоръ Пинчуковъ причисленъ къ бѣлорусскимъ говорамъ. Авторъ замѣтки, на основаніи нѣкоторыхъ звуковыхъ особенностей этого говора, причисляетъ его къ сѣверно-малорусскому нарѣчію.

Южно-русскій Апостолъ XV вѣка. М. Карпинскаго. (стр. 68—73). Эта маленькая замѣтка знакомитъ насъ съ палеографическими особенностями рукописи XV вѣка, доставленной недавно изъ кременецкаго уѣзда (Волын. губ.) въ Археологическій музей при Кіевской духовной Академіи. На основаніи особенностей языка, авторъ замѣтки причисляетъ рукопись къ памятникамъ южной Руси, въроятнѣе всего Волынской земли. Въ концѣ приложенъ отрывокъ изъ рукописи для знакомства съ особенностями текста.

Разборъ книги В. Шимановскаго: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ“; съ приложеніемъ полнаго текста Сборника Святослава 1076 года. А. Смирнова (стр. 74—117). Это обширная и обстоятельная критическая статья, указывающая громадное количество промаховъ, допущенныхъ г. Шимановскимъ, какъ при изданіи текста Сборника Святослава, такъ и въ его изслѣдованіи.

Соболевскій А. Лекціи по исторіи русскаго языка. Кіевъ 1888 г.— краткая рецензія А. С. (стр. 118—121). Авторъ рецензіи придаетъ громадное значеніе труду г. Соболевскаго, считая, что эта книга составитъ у насъ эпоху въ ознакомленіи общества съ исторіей русскаго языка, т. к. по достоинству своему она является выше работъ Срезневскаго, Буслаева и Колосова.

Въ библиографическихъ замѣткахъ помѣщена небольшая рецензія на книгу П. Владимірова: «Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ» (стр. 122—123).

5, **Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. № 1.** *Въ отдѣлѣ библиографическомъ* помѣщенъ разборъ книги Омелана Огоновскаго «Исторія литературы руской». Часть 1-я. Львовъ—рецензія Е. П. (стр. 45—47). Авторъ рецензіи упрекаетъ г. Огоновскаго въ тенденціозности и считаетъ книгу его не отвѣчающей самымъ элементарнымъ требованіямъ, которыя теперь могутъ быть предъявлены къ научному сочиненію.

6, **Филологическія Записки. 1888 г. вып. 1-ый.** *Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ. А. Потебни* (продолженіе; стр. 45—60). Въ настоящей 5-ой главѣ уясняется значеніе множественнаго числа при обозначеніи времени, при чемъ дается весьма много примѣровъ изъ современной малорусской рѣчи въ сопоставленіи ея съ памятниками старинной русской письменности.

7, **Русское Богатство. №№ 1—4. № 2. М. К. Башкирцева.** Біографико-психологическій этюдъ *Л. Гуревичъ* (стр. 73—122). Возбудившая своими картинами самые восторженные отзывы французовъ и преждевременно сошедшая въ могилу (на 24-мъ году), Марья Константиновна Башкирцева была, какъ извѣстно, уроженка южно-русскаго края: она была дочь полтавскаго предводителя дворянства и родилась въ имѣніи своей матери (урожденной Бабониной) въ харьковской губерніи. На родинѣ своей М. К. Башкирцева провела только дѣтство до 10-ти лѣтняго возраста, а затѣмъ послѣдующіе годы ея жизни и дѣятельности принадлежать Франціи, откуда М. К. наѣзжала на родину только изрѣдка, и на короткое время. Въ одной изъ залъ люксембургскаго музея въ Парижѣ, какъ рассказываетъ г-жа Гуревичъ, есть сдѣланная по заказу французскаго правительства статуя скульптора Ложенье: она изображаетъ молодого гевія, умирающаго у ногъ ангела смерти, который въ рукѣ своей держитъ списокъ великихъ людей, преждевременно сошедшихъ въ могилу, но уже завоевавшихъ себѣ безсмертіе на землѣ; статуя эта такъ и называется — „Безсмертіемъ“; здѣсь, въ этомъ спискѣ, среди восьми французскихъ именъ, стоитъ имя М. К. Башкирцевой. Это показываетъ, на сколько высоко цѣнили во Франціи талантъ Башкирцевой.

Преждевременная смерть М. К. Башкирцевой напоминаетъ намъ преждевременную смерть другой женщины-художницы, также малороссянки по рожденію: Ольги Антоновны Шишкиной, урожденной Лагода. Хотя отзывы о картинахъ Лагоды-Шишкиной были скромнѣе сравнительно съ отзывами французовъ о картинахъ Башкирцевой, тѣмъ не менѣе многіе находили (таково, напримѣръ, было мнѣніе „Художественнаго Журнала“), что это былъ самый сильный художественный талантъ изъ всѣхъ когда либо писавшихъ картины русскихъ женщинъ-художницъ. Такимъ образомъ, обѣ эти женщины, умершія приблизительно въ одномъ возрастѣ, за свои художественныя произведенія удостоились: одна — въ Россіи, другая — во Франціи признанія ихъ самыми сильными художественными талантами между когда либо существовавшими женщинами-художницами, и обѣ эти женщины были малороссянки.

8, **Юридическій Вѣстникъ №№ 1—4 (Январь—Апрѣль).** 2. Отчетъ о рефератѣ В. Ф. Левицкаго въ московскомъ юридическомъ обществѣ „о чиншевомъ владѣніи“ и о преніяхъ по поводу этого реферата.

9, **Наблюдатель №№ 3—4. 3.** О неотчуждаемости крестьянскихъ земель — г. Сазонова.

4. Переселенческая эпопея — Я. В. Абрамова (стр. 26—76). — Авторъ даетъ данныя о первомъ фазисѣ переселенческаго движенія, начинающемся съ появленія мысли о переселеніи и оканчивающемся выходомъ переселенцевъ изъ роднаго села. — Среди данныхъ обѣихъ статей многія относятся и къ южной Россіи.

10, **Новь 1888 г. Т. XIX, XX, XXI.** Въ отдѣлѣ „по Россіи“. Виды городовъ и замѣчат. мѣстностей „Харьковъ—видъ съ университетской горки“ фот. съ натуры Дасѣкинъ (№ 1). „Гурзуфъ Аю Дагъ“ фот. съ нат. (№ 2). „Ялта“—видъ набережной съ гостинницей Россія фот. съ нат. (№ 4). „Малороссы херсонской губерніи“ съ фот. Федоровца въ Одессѣ (№ 5). „Одесса—зданіе новаго городского театра“ рисун. съ нат. (№ 7). „Въ Балаклавской бухтѣ“ фот. съ нат. (№ 11).

Въ отдѣлѣ иллюстрацій къ произведеніямъ клас. лит. „Мазепа“ картина г. Маркса (№ 7).

Исторія Россіи въ картинахъ русскихъ художниковъ: „Свиданіе Святослава I съ Иоанномъ Цимисхіемъ“ карт. Малышева (№ 7). „Обрядъ св. крещенія кн. Ольги“ карт. Дмитріева-Оренбургскаго (№ 9).

Деревенскій романъ (изъ хроникъ южно-русской деревни) И. П. Потапенко (№№ 8, 9, 10, 11, 12). Не окончень.

11, **Сѣверный Вѣстникъ 1888 г. №№ 3—5. 3. 4. 5. А. Шибельская.** Три теченія, ром. въ 3 ч.

3. **Степь** (Исторія одной поѣздки) Антова Чехова. Художественное описаніе нынѣшнихъ южно-русскихъ степей.

Областной отдѣлъ: Странствующие учителя и подвижныя школы въ курской губерніи—Б. Кислякова (стр. 48—57).

Въ отдѣлѣ новыя книги: Рецензія на книгу пр. Багалѣя. „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства“.—Л. В. Ходскаго.

4. **Области.** Отд. Ф. Щербина. Крестьянскіе бюджеты—результатъ разработки бюджетныхъ данныхъ крестьянскаго хозяйства по острогожскому у. воронежской губ. по статистическимъ свѣдѣніямъ 1885 г. (стр. 50—77) и нѣкоторыя сообщенія, взятая изъ мѣстныхъ изданій южной Россіи въ отдѣлѣ „Изъ провинціальной печати“.

12, **Пантеонъ Литературы №№ 1—5. 1888 г. 1.** Въ отдѣлѣ Современная Лѣтопись замѣтка библ. о книгахъ: „Объясненія малорусскихъ и средныхъ народныхъ пѣсень“—А. Потебни (стр. 20). Ив. Ем. Левицкіи Галицко-русская библиографія XIX ст. съ увзглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Буковинѣ и Угорщинѣ (1801—1886) (стр. 26—27) и въ хроникѣ извѣстія о сочиненіяхъ Н. И. Костомарова „Славянская міеологія“ 1847 г., задержанной въ типографіи въ томъ же 1847 г. и „Семейныя пѣсни малорусскаго народа“ не появившейся въ печати, и служащей продолженіемъ его статей, помѣщенныхъ въ Бесѣдѣ и Русской Мысли.

2. Въ томъ же отдѣлѣ С. Л. библ. замѣтки о книгахъ: Е. Р. Романова. „Бѣлорусскій Сборникъ Т. I. Губ. Могилевская Вып. 3. Сказки“ (стр. 11).

13, Русскій Вѣстникъ 1888 г. №№ 1—4. С.-Петербургъ № 1. Г. II. *Данилевскаю*. Имяныи Прабабушки. Разказъ изъ семейной старины. Бытовая картинка жизни конца XVIII в. Слободской Украины (стр. 47—67).

3. И. А. *Бычковъ*. *Пріобрѣтеніе Имп. Публ. Библ. Архива В. С. Лопова* (въ отд. Сообщенія и извѣстія стр. 348—352) отъ его правнучка изъ с. Рѣшетиловки полтав. губ. Архивъ этотъ бывшаго правителя канцеляріи кв. Потемкина и Статсъ Секретаря Импер. Екатерины II заключаетъ въ себѣ массу пѣннаго неразработаннаго матеріала.

Древности Россійскаго Государства Кіевскій Софійскій Соборъ. Изд. Имп. Русск. Археологич. Общества вып. IV. Рецензія (въ отд. Новости литературы стр. 266—271), съ оцѣнкою трудовъ Проф. Прахова по возстановленію археологическихъ кіевскихъ памятниковъ.

3. 1) *Барсовъ Н.* Матеріалы для біографіи Иннокентія Борисова архіеп. Херсонскаго и Таврическаго. Вып. II. С.-Пб. 1888 г. 2) *Кн. Щербатовъ Лев.-Фельдм. кн. И. Ѳ. Паскевичъ*. Его жизнь и дѣятельность. Т. I. С.-Пб. 1888 г. Двѣ рецензіи въ отдѣлѣ Новости литературы (стр. 324—330).

4. *Любимовъ А. Н.* Михайлъ Никифоровичъ Катковъ (по личнымъ воспоминаніямъ). Въ главѣ 6. «Годы общественнаго броженія, предшествовавшіе польскому возстанію 1863 г.» нѣсколько словъ удѣлено и украинофильству того времени (стр. 289—295).

Каптеревъ Н. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Вып. I. Время патріаршества Іосифа М. 1887 г. Рецензія подчеркиваетъ выводъ автора, что патріархъ Іосифъ былъ предшественникомъ Никона не только по времени, но и по характеру своей дѣятельности, такъ какъ онъ первый рѣшился обратиться для книжныхъ исправленій къ грекамъ и кіевлянамъ и онъ первый встрѣтилъ сопротивленіе, а Никонъ продолжалъ борьбу. (Отд. нов. литературы ст. 384—389).

14, *Русская Старина* 3—5. *Николай Васильевичъ Гоголь*. Незданная его статья «1834 г.» и письма къ гр. Уварову и Демидову. Сообщ. А. А. Гатцукъ. Весьма важный матеріалъ для біографіи великаго писателя.

Къ біографіи Н. В. Гоголя Сообщ. Н. В. Быковъ.

Петръ Кононовичъ Меньковъ. Эпизодъ изъ его жизни 1848 г. Сообщ. въ 1874 г. П. К. Меньковъ. Имѣетъ отношеніе къ извѣстной исторіи съ Н. И. Костомаровымъ.

Зимѣтки ко дню XXVII годовщины 19 февр. Сообщ. Н. П. Семеновъ и Редакція заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, біографическія свѣдѣнія о С. И. Зарудномъ и бывшемъ впоследствии черниг. губернаторомъ кн. С. П. Голицынѣ.

4. А. О. *Смирнова* и Н. В. *Гоголь*. Сообщ. Шепрокъ.

Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ, основатель и первый президентъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Николай Ивановичъ Костомаровъ. Къ 3-й годовщинѣ дня его кончины. Сообщ. А. Θ. Селивановъ. Къ статьѣ приложены два письма Костомарова, имѣющіе значеніе для Харькова и пожертвованныя авторомъ статьи Харьковскому университету для основанія при немъ Костомаровскаго музея.

По поводу 900-лѣтія крещенія Руси. Письмо Д. И. Иловайскаго къ редактору Рус. Старины.

5. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и 1-й полов. XIX в. Очеркъ В. И. Семевского.

Василій Трофимовичъ Наръжнѣй. Историко-біографич. изслѣдованіе. Очеркъ 1-й Н. А. Бѣлозерской.

Воспоминанія Ильи Ефимовича Рѣпина объ Ив. Ник. Крамсколь.

Въ библиографическомъ листкѣ отзывы о слѣдующихъ книгахъ: Въ № 5. Письма гр. Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмарш. гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому, 1762—1779 г.г. съ портретомъ и факсимиле. Изд. гр. Д. А. Толстой. С.-Пб. 1888—В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до нач. XVIII в. С.-Пб. 1887 г.—Евреи земледѣльцы 1807—1887 г. В. Н. Никитина С.-Пб. 1887.

15, Русскій Архивъ 1888 г. 1—5. № 1. Нѣмецкія письма Екатерины В. къ фонъ-Польману съ объясненіемъ и послѣсловіемъ издателя. Между этими письмами письма 29 апр., 14 марта имѣютъ непосредственное отношеніе къ ю.-р. краю. (стр. 1—16). *Мелочи* Н. К. Загряжская—изъ воспоминаній княжны Ренниной.

№ 2. Путешествіе Стольника Петра Андреевича Толстого 1697, съ предисловіемъ Гр. Д. А. Толстого.

№ 4 и 5. Записная книжка гр. Павла Христофоровича Граббе 1828—1855 годы. Въ ней мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни того времени въ кievской и полтавской губерніи.

№ 5. Встрѣча съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1819 г. Изъ дѣтск. воспом. кн. Н. В. Ренниной.

16, Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права 1888 1—4. № 1. Критика и Библиографія: Рецензія на книгу *Н. Д. Градовскаго*.—«Торговья и другія права евреевъ въ Россіи» С.-Пб. 1886 г. ч. I. (стр. 123—128).

№ 2. Крит. и Библиогр. рецензія на книгу *М. В. Шимановскаго* «Законъ о чиншевикахъ съ приведеніемъ статей, на которыя сдѣланы въ немъ указанія» Од. (стр. 112.) Систематизированный указатель къ журналу Гражд. и Уг. Права за 1887 г. (стр. 1—8).

17, **Православный Собесѣдникъ**. Изданіе Казанской духовной академіи 1888. 1—4. № 1. *Е. Будринъ*: Отношеніе разума къ откровенію по доктринамъ соцініанъ (стр. 51—88.).

18, **Историческій Вѣстникъ**. 3—5. 3. 1) «Изъ семейной хроники» Павлищева (продолженіе.) 2) «Воспомяванія М. А. Кретчера» интересны по даннымъ о бытѣ кантонистовъ на югѣ (продолженіе ихъ въ 4 и 5 №.)

Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» для насъ интересны рецензіи на слѣдующія книги: 1) «Москва и Лондонъ» — С. Б. Иппо С.-Пб. 1888; 2) «Матерьялы для біографіи Иннокентія, архіепископа херсонскаго» — Н. И. Барсова в. II. С.-Пб. 1888; 3) «Руководство по исторіи и обличенію старообрядскаго раскола, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о сектахъ мистическихъ и рационалистическихъ.» Въ трехъ частяхъ. Составилъ Н. Ивановскій. Казань 1887 г.

Въ отдѣлѣ «Замѣтки и поправки»: Еще къ вопросу о могилѣ іеромонаха Арсенія въ Верхнеудинскѣ, — Пушилова.

4. «Изъ семейной хроники», Павлищева.

Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія»: интересны рецензіи на слѣдующія книги: 1) Викентій Лоурео. Мондовскій епископъ, папскій нунцій въ Польшѣ 1547, 1578 г.г. и его неизданныя донесенія кардиналу Комскому, статсъ-секретарю папы Григорія XIII, разъясняющія политику римской куріи въ теченіе вышеуказанныхъ лѣтъ по отношенію къ Польшѣ, Франціи и Россіи, собранныя въ Ватиканскомъ Архивѣ и изданныя Ѳеодоромъ Вержбовскимъ, профессоромъ Варшавскаго Университета. Варшава. 1887 г.

2) «Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ.» Изданъ подъ редакціей О. Ѳ. Миллера. Рисунки К. А. Гезенкампа. Изданіе комитета грамотности. С.-Пб. 1888 г.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь»: 1) «Девятисотлѣтіе крещенія Руся» съ изложеніемъ церемоніала торжества. 2) «Юбилей Ѳеодора Григорьевича Солнцева» — который 1843—1853 г. работалъ въ Кіевѣ надъ возстановленіемъ древнихъ фресокъ въ Софійскомъ соборѣ и Лаврѣ.

5. Бильбасова: «Шлюссельбургская пелѣна», — интересно по новымъ даннымъ о дѣлѣ Мировича.

А. С. Трачевскій: «Пруссія въ Крымскую войну».

«Карьера Паскевича». Паскевичъ былъ сынъ полтавскаго дворянина.

Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» для насъ интересны рецензіи на слѣдующія книги: 1) «Еврей—земледѣльцы». Историч., законодат. и бытовое положеніе колоній со времени ихъ возникновенія до нашихъ дней. 1807—1887. В. И. Никитина С.-Пб. 1887 г. 2) «Литературная борьба съ протестанствомъ въ Московскомъ государствѣ» Цвѣтаева. Москва. 1887. 3) «Двадцатипятилѣтіе церковно-литературной дѣятельности протоіерея А. Ѳ. Хойнацкаго. (7 Октября 1862 г.—1887 г.). Почаевъ. 1887г. 4.) Личность и дѣя-

тельность Симеона Полоцкого. (По поводу сочинения о немъ Татарскаго). Г. Я. Кіевъ. 1887.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь»: «Древности Винницы».

19, Странникъ т. I. №№ 1—4. *Мои воспоминанія объ Иннокентіи*. VII—X. Палимпсестова (стр. 44—58, 266—290, 486—507). Продолженіе и окончаніе интересныхъ воспоминаній объ архипастырѣ, оставившемъ о себѣ несомнѣнную память въ Кіевѣ и Одессѣ.

Официальныя записки о дарованіи раскольникамъ правъ и свободы въ отправленіи богослуженія. Отзывъ проф. Сиб. дух. акад. И. О. Нильскаго (стр. 59—97, 334—355, 524—553).

Какъ въ простотѣ люди живутъ. Разказъ изъ галицко-русской жизни. IV—XV. Прот. И. Г. Наумовича (стр. 115—135, 356—399, 554—572).

Изъ воспоминаній о недавнемъ. Устные разказы объ архіепископѣ Смагдѣ Крыжановскомъ (стр. 432—438).

Равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси. Ив. Матченца (стр. 663—699).

Обзоръ журналовъ: Перепечатка изъ „Руков. для сельск. пастырей“ обращенія къ пастырямъ по случаю 900-лѣтія крещенія Руси. Два анекдота объ одесскихъ архіереяхъ (перепеч. изъ «Сѣвера») стр. 400—407. Перепечатка изъ «Черниг. Епарх. Изв.» воззванія къ жертвователямъ для возобновленія черниг. кафедр. собора. (стр. 419—422). Двадцатипятилѣтіе святительскаго служенія преосв. Іоанна, бывш. архіеп. полтавскаго (стр. 422—425).

Православное Свято-Владимірское Братство въ г. Владиміръ-Волынскомъ (стр. 619—621).

Одесское Свято-Андреевское Братство въ 1886—87 г. (стр. 621—24).

20, *Экономическій журналъ*. №№ 1—3. № 1. Городъ {Харьковъ и его хозяйственная дѣятельность. Извлеченіе изъ отчета городск. управл. за 1886-й г.

2. *А. Исеевъ*. Для чего нужна земская статистика. Упомянуется о статистикѣ въ чернигов., херсонской и др. губ.

А. С. Въ чертѣ еврейской осѣдлости. V. Бѣлостокъ и его районъ.

21, *Восходъ 1888*. №№ 1—2. *Минскій*—«Осада Тульчина» драма въ 5 дѣйствіяхъ съ прологомъ—написана бѣлыми стихами. Сюжетъ заимствованъ изъ временъ Хмѣльницкаго 1648 г. по разказу заславскаго раввина Натанъ-Нега-бенъ-Мозе, помѣщенному въ его сочиненіи, озаглавленномъ Яванъ-Мезула.

22, *Университетскія Извѣстія*. 1888. Кіевъ. № 1—2. № 1, январь. Записка о состояніи и дѣятельности императорскаго университета св. Владиміра въ 1887 г.

Отчетъ о состояніи кievскаго централнаго архива для древнихъ актовыхъ книгъ губ. кievской, подольской и волицкой въ 1887 году.

Отчетъ о дѣятельности кievскаго общества естествоиспытателей за 1887 г.

Лоначевскій-Петруляка. Технический контроль по газоснабженію г. Кіева, организованный кievскимъ городскимъ управленіемъ.

23, **Kwartalnik historyczny**—органъ историческаго львовскаго общества, издается подъ редакціей профессора Ксаверія Лиске (почти исключительно посвящено исторической библиографіи)—Львовъ, 1888. № 1. Помѣщены пространныя рецензіи на слѣдующія историческія сочиненія.

Стасовъ—Славинскій и восточный орнаментъ—рецензія М. Соколовскаго.

Ковдаковъ—Histoire de l'art byzantin—его-же.

Каталогъ собранія гр. А. С. Уварова—его-же.

О. Огоновскій—Исторія литературы русской—I. Третьяка.

Nogaj—Rozbiór krytyczny sielanek Bartłomieja Zimorowicza (критическій разборъ «Селянокъ» Б. Зиморовича)—Мазановскаго.

Nehring—Z młodych lat Bohdana Zaleskiego (воспоминанія о молодости Богдана Залескаго)—Б. Чарвика.

Архивъ князей Сапугшовъ—Квятковскаго.

Akta grodzkie i ziemskie, томъ XII—Бальцера.

Пташицкій—Описаніе книгъ и актовъ литовской метрики—Прохаска.

Барвинскій—Русская историческая бібліотека т. V и VI—А. Левицкаго.

Партицкій—Скандинавщина въ древней Руси—Дѣдицкаго.

Кievская Старина, 1887, т. XVIII—Гоздавы.

Труды комитета для историко-статистическаго описанія подольской губерніи, т. III—его-же. *

Похилевичъ—Уѣзды кievскій и радомысльскій—его-же.

Городецкій—Памятники древняго православія въ мазовецкомъ уѣздѣ—его-же.

Петровъ—Кременецкое православное Богоявленское братства—его-же.

Шыпинъ—Бѣлорусская этнографія—его-же

Павлищевъ—Седмицы польскаго мятежа—его-же.

2. *Прохаска*—Переводъ русскаго лѣтописца на латвискій языкъ. Помѣщенъ отрывокъ перевода древнѣйшей литовско-русской лѣтописи (изданной Даниловичемъ и Поновымъ) переводъ найденъ въ книгѣ «Liber legationum», т. III, 1502 г., хранящейся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Слѣдовательно текстъ перевода древнѣе обоехъ дошедшихъ до насъ списковъ подлинника. Изданію перевода предисланы весьма обстоятельный комментарий и изданный текстъ сличенъ съ текстомъ Длугоша.

Лисевичъ. Новыя матеріалы для біографіи Станислава Хвальчевскаго. Это выборка данныхъ изъ русскихъ археологическихъ изданій, относящихся къ біографіи Хвальчевскаго.

Помѣщены рецензіи на слѣдующіе сочиненія:

Stecki—Radziwiłłowska Оўка—рецензія Горчака.

Rokossowska—Przyczynek do etnografji ludu ruskiegona Wołyniu (къ этнографіи русскаго народа на Волыни)—И. Франка.

Урсинъ—Очерки изъ психологіи славянскаго племени—его же.

Закляинскій—Географія Руси, часть I—его-же.

Лучаковскій—Антонъ Любичъ Могилянцкій, его жизнь и значеніе—его-же.

Андріашевъ—Очеркъ исторіи волинской земли—И. Липниченка.

Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси—его-же.

Архивъ юго-западной Россіи, часть VII, т. I—И. А. М.

Кіевская Старина 1887 года, томъ XIX—Гоздавы.

Мельникъ—На Днѣстровскомъ побережьи—И. А. М.

Бобровскій—Судьба Супрасльскаго рукописи—его-же.

Воніеcki—Poczet rodów w W. X. Litewskim (Родословная книга В. К. Литовскаго) Радзминскаго.

Пузыревскій—Польско-русская война 1831 г.—Лисяцкаго.

24, **Вѣстникъ Народнаго Дома.** №№ 64—66. 64, 65, 66. *О предградіи Галича за рѣкою Днѣстромъ.*

25, **Русскій Паломникъ 1888 г.** №№ 1—17. № 1. *Высокопреосв. архіеп. Θεοσιότης, владимірскій.* Краткая біографія и портретъ владыки, бывшаго ректоромъ подольской семинаріи, викаріемъ подольской епархіи и епископомъ подольскимъ.

Святѣи Кіева. Рядъ очерковъ по поводу предстоящаго 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. 1-й очеркъ посвященъ церкви Спаса на Берестовѣ. Къ статьѣ приложенъ и видъ храма.

Лѣтопись наукъ и искусствъ. Здѣсь рѣчь идетъ о собираемыхъ имп. академіею художествъ свѣдѣніяхъ о памятникахъ древняго зодчества посредствомъ разосланныхъ по епархіямъ метриковъ съ вопросными пунктами. По 5 октября 1887 г. было разсмотрѣно до 3000 метриковъ съ описаніемъ памятниковъ, поступившихъ изъ разныхъ епархій, въ томъ числѣ: изъ волинской—281 памятн. (съ X в.), кіевск.—157 (съ X в.), курской—90 (съ XVI в.), литовск.—33 (съ X в.). минск.—42 (съ XII в.), могилевск.—37 (съ XII в.), полтавск.—71 (съ XVII в.), таврич.—7 (съ VI, сюда не вошли пещерные храмы), харьковской—22 (съ XVII в.), холмско-варшавск.—39 (съ языч. капища, построеннаго, по преданію, въ легендарное время Щека и потомъ обращеннаго въ христіанск. храмъ), черняговск.—108 (съ XI в.).

2. *Рецензія* на книгу свящ. Н. Лопатинскаго «Поученія для сельскаго возсоединеннаго отъ уніи народа».

3. *Почаевская икона Божіей Матери. А. Величкова.* Вкратцѣ разсказана исторія этой святыни и приложено ея изображеніе.

Василій Григоровичъ Барскій. О. Ч-на. Краткая біографія знаменитаго паломника и нѣсколько словъ объ изданіяхъ его путешествія.

7. *Преосв. Гермогенъ, еписк. псковскій.* Краткая біографія и портретъ преосвященнаго, занимавшаго въ теченіе 3 лѣтъ таврическую кафедру и издавшаго описаніе тавричesk. епархіи (Псковъ. 1887).

Святыни Кіева. Богородицкая Десятинная церковь. Къ статьѣ приложенъ видъ храма, хотя святѣй, повидимому, очень давно, такъ какъ построекъ, нарисованныхъ возлѣ храма, теперь уже не существуютъ.

8. *Преосвященный Владиміръ, еписк. алеутскій,* съ портретомъ его. Преосв. Владиміръ родомъ изъ с. Великой Паськовки (Жирковки), полтавской губ. константиноград. у.

9. *О. Г. Солнцева и ея художеств. церк.-археологич. дѣятельность.* Проф. Солнцевъ былъ въ 1843 г. командированъ въ Кіевъ для исправленія Успенскаго собора въ Лаврѣ, открылъ фрески и мозаику XI в. въ Софійскомъ соборѣ и трудился надъ возобновленіемъ ихъ до 1853 г., иллюстрировалъ изданія Кіево-Печ. Лавры, рисовалъ кіевск. виды для митр. Филарета, приготовилъ рисунки для серебряной раки и сѣни надъ нею въ церкви св. великомуч. Варвары въ кіевск. Михайл. Златоверхомъ м-рѣ, составилъ проектъ бронзовой ниши и каменнаго гроба для мошей лѣтоп. Нестора. Къ статьѣ приложенъ портретъ О. Г. Солнцева.

10 и 12. *Русскія церковныя древности.* Приведены результаты разбора г. Кибальчичемъ матеріаловъ (метрикъ) о памятникахъ древне-русскаго искусства, поступившихъ въ имп. акад. художествъ отъ епархіал. архіереевъ и губ. стат. комитетовъ. Всѣхъ метрикъ представлено 6114, изъ нихъ 449 безъ отиѣтокъ. Приводимъ число метрикъ, внесенныхъ въ списокъ памятниковъ и не внесенныхъ, поступившихъ изъ западной и южной Россіи:

Епархіи.	Вошедшихъ въ списокъ.	Не вошедшихъ.
волинская	329	96
витебская	9	—
воронежская	31	—
донская	32	91
екатеринославская .	18	61
кіевская	158	29
курская	101	500

литовская	33	—
мянская	42	5
могилевская	39	12
полтавская	71	5
таврическая	10	—
харьковская	26	4
холмско-варшавская	49	4
черниговская	113	8

Въ списокъ не вошла: а) нѣсколько пещерныхъ храмовъ Крыма; б) языч. капища, обращенныя въ храмы; в) монастыри (всѣ постройки въ нихъ приняты за единицу); г) приходскія и приписныя къ нимъ церкви. Списокъ этотъ, по мнѣнію составителя, долженъ еще значительно пополниться, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ епархій получено мало матеріаловъ, а изъ нѣкоторыхъ (изъ южныхъ — подольской и херсонской) и вовсе не доставлены. Кромѣ списка памятниковъ (по епархіямъ), предполагается издать еще карту монументальныхъ художественныхъ памятниковъ Россіи съ первыхъ вѣковъ христіанства по 1764 г. (годъ учрежденія акад. худож.). Въ списки вносятся: годъ основанія памятника, имя мастера и всѣ предметы, относящіеся къ искусству даннаго района.

12. *Русская церковная летопись.* Извѣстія о реставраціи церквей: Трехсвятительской въ Кіевѣ, Успенской въ Черыяславлѣ и кафедральнаго собора въ Черниговѣ.

13. *Русская церковная летопись.* Извѣстія: о предполагаемой постройкѣ въ Каменецъ-Подольскѣ церкви св. Александра Нев. въ память 100-лѣтія присоединенія Подолія къ Россіи въ 1893 г., о присоединеніи къ православію униатовъ въ холмско-варш. епарх. и чеховъ въ волынской, о рефератѣ проф. Соболевскаго въ общ. Нестора-Лѣтописца о годѣ крещенія Руси.

14. *Святѣи кіевскаго края.* I. Кирилловское урочище.

17. Святѣи кіевск. края. II. Межигорскій монастырь.

26. *Зоря* (письмо литературно-научное, Львовъ), №№ 1—9. *Исторія литературы руской.* Написавъ Омелянъ *Оооновскій.* Періодъ новый III Амвросій *Метлинскій* (№ 1). — IV. Тарасъ *Шевченко* (№№ 2—5). — Продолженіе обширнаго труда, который печатался въ прошломъ году и о началѣ котораго было извѣстіе въ „Кіевской Старинѣ“ (1877, № 2, стр. 345—349). Настоящія главы, посвященныя А. Л. Метлинскому и Т. Г. Шевченко (послѣдняя еще не окончена), заключаютъ въ себѣ біографическія свѣдѣнія о жизни авторовъ и оцѣнку ихъ литературной дѣятельности.

Олена Пчолка, Біографична замѣтка (№№ 1 и 3). Краткая автобіографія г-жи Ольги Косачъ, пишущей подъ псевдонимомъ Олены Пчилки (псевдонимъ этотъ раскрывается въ настоящей автобіографіи).

Де льпше? Экономични эскизы, написавъ Семень *Жукъ* (№№ 3 и 4). Сравнительный очеркъ экономического благосостоянія народа въ Галиціи и Украинѣ.

Въ библиографическомъ отдѣлѣ журнала *рецензій* слѣдующихъ книгъ: 1) *Kleinrussische Volkslieder*. Metrisch übersetzt von Ludwig Adolf Stauff-Simiginowicz. Leipzig, 1888 (№ 1).—2) *Про руско-українські народкі читальні*, зложивъ М. Павликъ. Науково-библиотеки, кн. II—III (№ 1).—3) *Руска исторична библиотека*, подъ ред. Ол. Барвѣньского, т. IX: Богданъ Хмельницкій, Мик. Костомарова (№ 4).

Въ указанныхъ номерахъ «Зоря» (1--9) помѣщенъ переводъ на малорусскій языкъ (еще не оконченный) повѣсти И. Левицкаго: «*Старосвѣтскіе батюшки и матушки*», печатавшейся по русски въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г.

6. Замятка М. Зубрицкаго о стараніи Мях. Максимовича убѣдить Дениса Зубрицкаго писать по южно-русски и о симпатіяхъ Максимовича къ галицкому письменству.

7. Замятка О. Я. Конисскаго объ Анатоліѣ Свидницкомъ.-- Небольшая замятка о библиографіи Е. Левицкаго.

8. Огоновскій въ своихъ очеркахъ новой малорусской литературы переходитъ отъ Шевченка къ Петренку.

Щурковский. Къ біографіи Федьковича.

9. *Огоновскаго* Ол. Чужбинскій и Як. Щеголевъ.

27, «Недѣля» № 7. «Научныя работы на земскія средства» — изъ дѣятельности херсонскаго земства.

9. «Столѣтняя параллель» (по поводу выхода XV т. Матерьяловъ для оцѣнки земельныхъ угодій черниговской губерніи). Тутъ же въ «Недѣльныхъ замяткахъ» — о образованіи «Свято-Владимірскаго братства во Владиміръ-Волинскомъ».

12. «Великое передвиженіе русскихъ людей» — затрогивается весьма интересный и для насъ вопросъ переселенческой.

14. «Фальшивая статистика» — по поводу неточностей земскихъ отчетовъ о больницахъ и школахъ.

17. «Запущенный городъ» — письмо изъ Харькова.

«Книжки Недѣли». Мартъ. — «Лихіе подарки» — рассказъ Руновой. Сюжетъ взятъ изъ южно-русскаго быта.

Май. — «Умершее сословіе», — изъ юношескихъ воспоминаній Лѣскова. Очеркъ имѣетъ мѣстный кіевскій интересъ по нѣкоторымъ даннымъ о губернаторѣ Фундуклеѣ и др.

28, **Сѣверъ**. Спб. 1888 г. № 1—18. № 2. И. Н. Крамской съ портретомъ (стр. 15—17). Краткая біографія талантливаго живописца, уроженца г. Острогожска, ворон. губ.

3. Титяна, рисунокъ Рѣпина (стр. 13—15).

Маслово: Изъ разсказовъ старыхъ людей: а) Архипастырское правосудіе, б) Добрый архипастырь,—относятся къ быту южно-русскаго духовенства 1830—50 годовъ (№ 1).

Шалости военныхъ—изъ быта культурныхъ слоевъ той же мѣстности и тѣхъ же годовъ (№ 16).

№ 10. *Надъ бѣздною*. Этюдъ Вячеслава Потапенко изъ жизни украинскаго села.

14. Тарась Бульба оригин. рисун. Р. Ф. Шейна (стр. 5 и 15).

17. В. М. Гаршинъ. Краткій біографическій очеркъ съ портретомъ. (Стр. 16).

29, **Нива**. Спб. 1888 г. № 1—16. 1. Иллюстрація «Домой съ базара» лѣпная работа П. А. Сомонова съ фотогр. грав. Г. Флюгеля (стр. 13 и 20).

4. Иллюстрація «Село Павловка на Днѣпрѣ въ кiev. губ.». Акварель К. Крыжицкаго грав. М. Рашевскій (стр. 100 и 109).

11. Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ рис. Гюбнера (стр. 285, 290).

15. Портретъ Гаршина съ его некрологомъ (стр. 394, 396).

16. Церковь въ м. Великой Бураткѣ (полтав. губ.) и могила Княжевича съ фотографіи гр. Рашевскій (стр. 416).

30, **Русское Судоходство** № 1—15. № 4. *Предстоящія работы на рѣкахъ кievскаго округа*. Въ этой замѣткѣ приводится смѣта расходовъ по исправленію русла рѣкъ Припяти, Днѣпра, Сожа и Десны.

6. *Каналь отъ Херсона*. Доказывается выгода отъ соединенія каналамъ Херсона съ Джарылгацкимъ заливомъ (на протяженіи около 50 верстъ). Приложенъ чертежъ проэктируемаго авторомъ канала.

Въ статьѣ «Наше судоходство» приводится цѣлый рядъ свѣдѣній изъ мѣстныхъ (кievскихъ) газетъ, касающихся исторіи урегулированія Днѣпра главнымъ образомъ у Кіева, а также очеркъ судоходства по Днѣстру.

7. *Отъ Ялты до Одессы*. Путевой очеркъ и вмѣстѣ съ тѣмъ краткое описаніе и характеристика рейсовыхъ линій по Черному морю.

9. *Добровольный флотъ и Русское общество пароходства и торговли передъ государствомъ М. И. Казы*. Статья эта занимаетъ весь № (70 страницъ). Въ концѣ приложены подробныя таблицы приходо- и расходовъ по всѣмъ предположеннымъ линіямъ сообщеній добровольнаго флота.

10 *По поводу декабрьской бури въ Азовскомъ морѣ* (бывш. 19 декабря 1887 г.) Гидрографическое изслѣдованіе, основанное на соч. П. Е.

Бѣлявскаго „Донскія гирлы“ и „Что такое Таганрогскій портъ?“ Приводится также извѣстіе о сильной бурѣ, разразившейся въ 1698 г. надъ таганрогскимъ портомъ.

11. *Русское судоходство*. Рядъ извѣстій, касающихся географическаго гидрографическаго и статистическаго описанія портовъ: Николаева, Севастополя, Ялты, Поты, Новороссійска, Батума и торговаго ихъ значенія.

30, *Głos (Голось)*. № 10 и 11. *Ө. Рылъскій* «Изъ исторіи Коливщинны» записки современника Ромуальда Рылъскаго о бѣгствѣ его изъ Умани въ 1768 году (переводъ былъ помѣщенъ въ Кіевской Старинѣ за 1887 годъ кн. I) Съ предисловіемъ объ историческомъ значенія этого народнаго движенія.

10. *Адамъ Новицкій*. Рецензія на сочиненіе «Ганка, повѣсть подольская И. С. Вержбицкаго». Г. Вержбицкій издалъ стихотворную повѣсть подъ вышеизложеннымъ заглавіемъ. По словамъ рецензента сюжетъ повѣсти заимствованъ изъ современнаго быта подольскихъ крестьянъ и отличается совершенно реальнымъ воспроизведеніемъ крестьянской жизни. Рецензентъ при этомъ сообщаетъ весьма мѣткія замѣчанія о развитіи и постепенной перемѣнѣ направленій такъ называемой «украинской» школы въ польской литературѣ.

11. Р. Р. Рецензія на сборникъ «Степь», вышедшій въ Херсонѣ — очень сочувственный отзывъ о разсказахъ Д. Марковича.

12. *Иванъ Франко*. «Очерки изъ исторіи русской литературы въ Галиціи» (продолженіе). Оживляющее вліяніе на Галицію возрожденія и новыхъ направленій въ другихъ славянскихъ литературахъ (Дубровскій, Копитаръ, Ганка, Шафарикъ и т. д). Вліяніе новой школы польской литературы (Бродзинскій). Первые собранія народныхъ южно-русскихъ сборниковъ: Поль (отецъ) и Вацлавъ изъ Олеска (Залевскій). Отголоски харьковскаго литературнаго движенія: Котляревскій, Гоголь (отецъ). Появленіе сборника стихотвореній Падурры. Сочиненія Котляревскаго и Падурры распространяются въ Галиціи въ рукописныхъ копіяхъ. Образование среди молодежи литературныхъ кружковъ польскихъ и русскихъ.

№ 18. Р. Р. Рецензія драмы Карпенка-Карого «Наймчыка». Рецензентъ упрекаетъ автора въ излишней сентиментальности, по его мнѣнію, характеры дѣйствующихъ лицъ неестественны и напоминаютъ пошибъ идиллическихъ писателей французской литературы XVIII ст. Въ драмѣ интересъ дѣйствія раздвоенъ и одинъ сюжетъ слабо связанъ съ другимъ. Замѣчается несамостоятельность творчества и заимствованіе характеровъ и положеній у Шевченка.

31, *Kraj 1888*. № 8. *Обертинъ* — Корреспонденція изъ Черневца — Краткое обзорѣніе состава народонаселенія въ Буковинѣ.

Въ литературномъ прибавленіи къ № 8. (Przegląd literacki Kraju), *Янъ Илювскій* „Экскурсія въ степь“. Это путевые замѣтки изъ путешествія по кievской губерніи, въ которыхъ обращено по преимуществу вниманіе на предметы древности, коллекція археологическія и нумизматическія и бібліотека.

33, *Церковный Вѣстникъ. 1886. №№ 1—20. № 1. Положеніе религіозныхъ дѣлъ въ юго-западномъ краѣ.* Указывается, какъ на отрядный фактъ, на ослабленіе распространенія штунды. Переходя затѣмъ къ фактамъ рѣзко характеризующимъ постоянный антагонизмъ между католическимъ и православнымъ духовенствомъ въ юго-зап. краѣ, авторъ въ то же время приводитъ примѣры, показывающіе, что не всѣ католическіе ксендзы питаютъ традиціонную вражду къ русскому духовенству и что между ними попадаются люди, которые за свою толерантность подвергаются даже гоненію со стороны представителей высшаго катол. духовенства. Далѣе авторъ говоритъ о затруднительномъ положеніи чеховъ-колонистовъ, желающихъ принять православіе, но не могущихъ при богослуженіи употреблять церковно-славянскій языкъ по причинѣ отъ непониманія его.

Святитель Тихонъ Зидонскій. Разсказъ объ его житіи и прославленіи. Сост. протоіерей П. Троицкій. Кіевъ 1887. Библиографическая замѣтка.

Корреспонденціи: Изъ ставропольской епархіи. (Объ епархіальномъ съѣздѣ духовенства). Изъ полтавской епархіи. (По поводу увольненія преосвящ. Іоанна).

3. Въ обзорѣни духовныхъ журналовъ изложено содержаніе статьи г. Малышевскаго „Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ“, помѣщ. въ Тр. Кіев. дух. Ак.

4. Корреспонденція изъ Владиміра-Волинскаго *о новомъ православномъ братствѣ на Волини.*

Замѣтка о томъ, что с.-петербургское славянское благотворительное общество въ память 900-лѣтія крещенія Руси издаетъ въ сотняхъ тысячъ экз. житіе св. равноапостольнаго кн. Владиміра, составленное пр. Малышевскимъ.

6. Обращаетъ на себя вниманіе статья: *Что способствуетъ подрыву и упадку религіозно-нравственныхъ началъ въ южно-русскомъ народѣ?*

Черниговскій кафедральный соборъ церквей Спасова Преображенія и Борисоглѣбской. Историческая замѣтка.

8. *О штундистахъ и ихъ молитвенныхъ домахъ.* (Корреспонденція изъ Кіева). Очеркъ состоянія штунды въ Кіевѣ и характеристика ея выдающихся дѣятелей: Андреева, Образцова и Сибрина. Мѣры мѣстнаго духовенства и администраціи въ борьбѣ со штундой.

12. Краткое извѣстіе о смерти бывшаго редактора „Кіевской Старины“ *Ө. Г. Лебединцева.*

14. Церковное пѣніе въ народныхъ училищахъ юго западнаго края. Положеніе православія въ нѣкоторыхъ деревняхъ радомысльскаго уѣзда. (Ссылки по этимъ вопросамъ на статьи въ „Гражд.“).

16. *Святѣиши и древности холмскаго края. Составилъ М. П. Г. Съ 21-мъ рисункомъ. Спб. 1888 г.* Библиографическая замѣтка.

18. О духовно-просвѣтительной дѣятельности военнаго духовенства. (Корреспонденція изъ Дубно, волын. губ.).

19. Причины успѣха сектантской пропаганды на югѣ Россіи. (Изложеніе мнѣній по этому вопросу нѣкоторыхъ епархіальныхъ и свѣтскихъ органовъ).

34, *Кіевлянинъ №№ 92—105. 93. Состояніе церковно-приходскихъ школъ въ юго-западномъ краѣ.*

97. *Некролозь ген.-ад. графа Ад. Ад. Ржевусскаго*, уроженца кіевской губ.

100. *Некролозь Н. И. Зибера*, уроженца таврич. губ., бывшаго доцента універс. св. Владимира по кафедрѣ политической экономіи.

101. *Интересная археологич. находка.* О вислой свинцовой печати, найденной въ г. Переяславѣ и принесенной въ даръ кіев. церковно-археол. музею.

102. *Библиографическая замѣтка.* По поводу соч. Ив. Ем. Левицкаго „Галицко-русская библиографія XIX ст.“.

104. *Изъ раскопокъ въ Аккерманѣ.* О присылкѣ г. Чеченою въ кіев. церк.-археологич. музей глиняной небольшой урны, высотой фута въ 2, глиняной ручки отъ амфоры, съ клеймомъ мастера, нѣсколькихъ бронзовыхъ тессарь (монета), бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и маленькаго глинянаго свѣтильника.

105. *Мозаики и фрески кіев. Софійскаго собора.* Разсказывается исторія снимковъ въ изданіи имп. русск. археол. общества „Кіево-Софійскій соборъ“ и о предположеніи возстановить одну изъ фресокъ, обезображенную при реставраціи ея.

Рядъ замѣтокъ по поводу 900-лѣтія крещенія Руси.

35, *Кіевское Слово №№ 376—391. 376. Къ празднованію 900-лѣтняго крещенія Руси.* Краткая исторія г. Василькова—древняго Васильева.

378. *Золотыя ворота. А—ва.* Краткая исторія Золотыхъ воротъ.

379—380. *Волостное безправіе.* Н. К—аго.

382. Замѣтка о неудачной реставраціи одной изъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора.

383. Замѣтка о горѣ Щекавицѣ и Щекавицкомъ кладбищѣ.

Борзенскій уездъ (корреспонденція). Рецензія на „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій по крелевецкому уѣзду“.

386. *Церковно-археологическая замѣтка. I. Августина.*

О началѣ празднованія въ Киевѣ дня перенесенія мощей св. Николая Мирлякійскаго.

387. *Литературная хроника.* Перепечатанъ изъ разсказа Н. С. Лѣскова, „Умершее сословіе“ (майская книжка „Недѣли“) анекдотъ о бывшемъ кievскомъ губернаторѣ Н. И. Фундуклеѣ и кн. П. И. Трубецкомъ.

Рядъ замѣтокъ въ разныхъ №№ по поводу 900-лѣтія крещенія Руси.

36, *Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г. №№ 1—14.* **5.** Сообщеніе духовнаго собора Кіево-Печерской Успенской лавры 27 янв. 1888 г. № 609 въ редакцію Кіев. Еп. Вѣд. для напечатанія письма унтеръ-офицера Ломака объ испѣленіи его малолѣтней дечери, совершившемся въ Кіево-Печ. лаврѣ (стр. 75—79).

8. Предложеніе Его Высокопреосвященствѣ о сборѣ пожертвованій на устройство Кіево-Межигорскаго монастыря и предполагаемыхъ при немъ учреждений (стр. 117—119).

9—10. Опредѣленіе святѣйшаго синода отъ 17 фев. 1888 г. № 375 о празднованія 900-лѣтія крещенія русскаго народа (стр. 137—141).

37, *Волянскія №№ 37—54.* **51, 53, 54.** *Къ чествованію 900-лѣтія крещенія Руси.*

52. *Краткій некролоъ Я. Ѳ. Головацкаго.*

54. *Краткій некролоъ Н. И. Зибера.*

38, *Волянскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 13. 14. 13. 14.* Историкостатистическое описаніе церквей и приходоѡ волянскіей епархіи: ровенскій уѣздъ: с. Колоденка, с. Кустянь, с. Коптевичи, с. Милостовъ, с. Новый-Жуковъ, с. Ново-селки, с. Оржевъ, с. Омеляна, с. Пересоппица (стр. 491—507). Предметный указатель содержанія неоф. ч. Вол. Епарх. Вѣд. за первые 20 лѣтъ ихъ существованія (стр. 127—134).

39, *Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г. №№ 17—19. 17. 18.* Отчетъ священника Іоанна Мироновича по осмотру херсовскаго свѣчнаго завода оконч. (стр. 251—256).

19. О св. антиминыхъ конца XVII, XVIII и начала XIX столѣтій, представленныхъ изъ разныхъ церквей подольской епархіи и хранящихся при крестовой архіерейской церкви (стр. 423—434). Высокопреосвященный Платонъ митрополитъ кievск. (стр. 434. 443). Поминки или „проводы“ (переп. изъ „Кіевл.“).

40, *Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости 1888 г. №№ 8. 9. № 8.* Свѣдѣнія о переяславско-полтавской семинаріи за время отъ 1798 по 1818 г., извлеченныя изъ дѣлъ архива полтавской духовной консисторіи. Прод. (стр. 331—372).

8. Библиографія «Поученія для сельскаго возсоединенаго отъ униі народа» Лопатинскаго К. 1887 г. (Перепеч. изъ «Рус. Цалом»).

41, Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1888 г. № 33—39. № 33. Къ исторіи края: «Черпа могяла» преданіе о курганѣ, находящемся въ Черниговѣ. Юсыфа Ж—аго.

36. Некрологъ члена стародубскаго окруж. суд. Ив. И. Надпорожскаго, заслужившаго своею почтенною дѣятельностью общее уваженіе.

42, Харьковскія Губ. Вѣд. №№ 87—124. № 92. Извлеченіе изъ печат. стенограф. отчета о засѣданіи спб. собранія сельскихъ хозяевъ; сообщеніе г. Бильдерлинга о харьковской сельско-хозяйственной выставкѣ.

98. Сообщеніе въ мѣстной хроникѣ о состоявшемся 9-го апрѣля засѣданіи историко-филологическаго общества, гдѣ членомъ его, учителемъ исторіи Н. Н. Бакаемъ, былъ прочитанъ рефератъ „о колонизаціи Сѣверщины и Полтавщины въ 15 и 16 вв.“, представляющій введеніе къ его работѣ о колонизаціи этихъ мѣстъ въ 17 и 18 вв. Указавъ на незначительность историческихъ данныхъ для взятаго имъ періода, референтъ на основаніи имѣющихся скудныхъ свидѣтельствъ исторіи набросалъ вѣрную картину служилой, монастырской и угоднической колонизаціи лѣвобережной Украины, доведши свой трудъ до начала 17 в. Послѣ сдѣланныхъ нѣсколькихъ поясненій по поводу реферата со стороны Д. И. Багалѣя и Н. О. Куплеваскаго, члены общества приступили къ обсужденію вопроса объ изданіи «Сборника историко-филологическаго общества» и малорос. пѣсенъ и сказокъ Манжуры; но не пришли ни къ какому заключенію за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній о расходахъ за печатаніе предполагаемыхъ изданій. Затѣмъ обществомъ были утверждены нѣкоторые мелкіе расходы, касающіеся архива малороссійской коллегіи, состоящаго при историко-филологическомъ обществѣ.

99. Корреспонденція изъ Чугуева о скончавшемся бывшемъ тамъ соборнымъ діакономъ Улановѣ 90 л., отличавшемся въ свое время необыкновеннымъ голосомъ, за который не разъ былъ награжденъ императоромъ Николаемъ I.

104. О памятникѣ В. Н. Каразину. Н. К.

106. О защитѣ въ петербургскомъ университетѣ кандидатомъ харьк. унив. М. Е. Халанскимъ магистерской диссертациі «Великорусскія былины кievскаго, цикла».

109. Народныя празднества и обычаи въ Свѣтлую недѣлю. «Красное яичко».

112. Извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ труда г. Эварницкаго «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа».

115. Садовые параллели.—Н. Ф. Сумцова.

116. Библиографическая замѣтка Н. К. К. о вышедшей книгѣ «Харьковскій сборникъ», литературное и научное приложеніе къ харьков. календарю на 1888 г., очень цѣнному сборнику, о которомъ мы дадимъ особый отчетъ.

117—20. Некрологъ б. директора 1 харьков. гимназіи Поликарпа Васильевича Тихоновича.

118. «Недѣля Фомина» этнографическая замѣтка.

119. «Врачебный калейдоскопъ»; подъ этимъ заглавіемъ помѣщена библиограф. замѣтка о вышедшей въ 1887 г. въ г. Полтавѣ книгѣ «Изъ записокъ Д. А.», въ которой излагаются профессиональныя наблюденія врача, занятаго практикою ежечасно не менѣе 12 часовъ.

124. Чествованіе 50-лѣтней дѣятельности Н. И. Морера, посвященной преимущественно южной Россіи.

43, Южный Край №№ 2511—2534. № 2520. *Корреспонденція изъ Полтавы* о раскопкахъ въ открытыхъ тамъ подземныхъ галлерейхъ. Найдено много серебряныхъ и золотыхъ монетъ, шлемъ и кольчуга, желѣзная наковальня и тяжеловѣсный молотъ.

Корреспонденція изъ Василькова. Въ нѣсколькихъ словахъ излагается исторія города.

2525. *Торгово-промышленная жизнь г. Харькова сто лѣтъ тому назадъ.* Очеркъ этотъ составленъ по сочиненіямъ: «Топографическое описаніе харьковск. намістничества съ историч. предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ. М. 1878 г.» и Д. И. Багалѣя «Краткій историч. очеркъ торговли въ харьковск. краѣ въ XVII и XVIII ст.» въ «Харьк. сборникѣ».

2526. О празднованія 600-лѣтняго юбилея Успенскаго свѣнскаго монастыря (въ 3 в. отъ Брянска), основаннаго въ 1288 г. черниг. княземъ Романомъ Михайловичемъ. Перепечатка изъ «Рус. Курьера».

2528—30. О диспутѣ г. Гурова, защищавшаго въ харьк. унив. диссертацию «Геологическое описаніе полтавской губ.».

2533. Корреспонденція изъ Кіева о принесенной въ даръ кіев. церк.-археол. музею «вислой» свинцовой печати, найденной въ г. Переяславѣ.

44, Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости 1888. №№ 33—36. № 32. Библиографическая замѣтка о книгахъ—«Воспоминанія декабриста А. С. Гангелова», уроженца екатериносл. губ. и Бораковского «Сборникъ драмат. произвед. на малор. языкѣ».

33. Такая же замѣтка о кн. «Очеркъ коммерческой географіи и хозяйств. статистики Россіи сравнительно съ другими государствами»—Д. Морева.

35. Нѣсколько словъ о задолженности частныхъ владѣльческихъ хозяйствъ—М. Б—въ.

35. Къ исторіи Запорожья (грамота тур. султана къ запорожскимъ козакамъ съ отвѣтомъ отъ запорожцевъ. Титулъ султана) Я. Новицкаго.

36. Изъ бумагъ И. М. Скрыльникова: городъ Подрядчикъ.

45, Крымъ 18, 25, 19, 21, 24, 25. *Какъ мы защищались.* (Народно-бытовой очеркъ)

20. *Корреспонденція изъ с. Веселая*, мелитопольскаго уѣзда о вырѣзѣ кладѣ въ 3½ фунта турецкой мелкой серебряной монеты; есть монеты 176 года магомет. эры.

22. *Экскурсія симферопольской мужской гимназіи.*

Народные благодѣтели. Очеркъ изъ народнаго быта.

23. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ Д. И. Эварницкаго «Запорожье».

25. *Экскурсія къ пещернымъ городамъ Крыма.* К. Д—на.

46, «Донъ» № 45—47. № 46 47. Веселовскій «Колыбель рус. флота» (продолженіе).

47, «Донская Рѣчь» № 46—52. № 50, 51, 52. «Къ вопросу объ открытіи на Дову ученой архивной комиссіи».

48, «Орловскій Вѣстникъ» № 52—59. № 52. «600-лѣтній юбилей брянскаго Успенскаго Свѣнскаго монастыря», замѣтка интересна для насъ, ибо Брянскъ вначалѣ былъ удѣльнымъ городомъ чернигово-сѣверской области, а потомъ въ концѣ XIII в. главнымъ ея городомъ. Монастырь основанъ послѣднимъ выдающимся ея княземъ Романомъ Михайловичемъ.

59 и 60. «600-лѣтіе основанія брянскаго Свѣнскаго монастыря». (1288—1888 гг.). Описаніе (интересное) самаго монастыря и исторія его возникновенія.

49, «Смоленскій Вѣстникъ» 41—55. № 51. Замѣтка по поводу 600-лѣтняго юбилея брянскаго Успенскаго Свѣнскаго монастыря, основаннаго въ 1288 г. черниг. княземъ Романомъ Михайловичемъ.

52. *Географическая номенклатура смоленской губерніи.*

50, «Червоная Русь» № 24—50. № 24. *О картѣ Австріи и Галичины*, изд. обществомъ Качковскаго.

О старинномъ иконостасѣ въ Свистельникахъ, около Рогатина въ Галиціи.

25, 26 и 27. *Вопросъ церковныхъ пѣвцевъ.* Объ организаціи церковнаго пѣнія въ Галиціи.

26. *Изъ Угорской Руси.* О мадяризаціи русской церкви въ Угорщинѣ.

28. *Caveant consules!* Статья по поводу проекта проф. Черновицкаго универс. Смаль-Стоцкаго и Гартнера объ официальномъ введеніи фонетическаго правописанія («кулишовки») въ народныхъ и среднихъ школахъ Галичины и Буковины.

Библиографія. Краткія рецензіи на брошюры Я. О. Головацкаго: «Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшья» и «Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина».

29. *Москалефилство 100 лѣтъ тому назадъ.*— А. Е. Приведень рескриптъ Іосифа II о введеніи въ Буковинѣ метричь.

30. *Юбилей крещенія Руси.* Передовая статья о необходимости праздновать юбилей и въ Австріи.

Библіографія. Краткія рецензіи на книги: «Галицко-русская библіографія за 1887 г. составилъ Иванъ Эм. Левицкій», II и III вып. «Русской библіотеки», содержащія 1 ч. «Мертвыхъ Душъ» Гоголя и «Княжна Галя», изд. общ. Качковскаго.

Некроль Мих. Банаха, писавшаго по сел. хозяйству въ изд. общ. Качковскаго.

30, 31, 32, 33, 34, 35, 36 и 37. *О лингвистично-историческихъ разсужденіяхъ А. С. Петрушевича,* докладъ Вас. Залозецкаго.

34. *Въ которомъ году состоялось крещеніе Руси?* Изложеніе реферата проф. А. И. Соболевскаго въ истор. общ. Нестора-Лѣтописца.

38. *Земля въ Галичинѣ.* Извлеченіе изъ «Статистичныхъ извѣстій о краевыхъ отношеніяхъ».

39. *Некроль д-ра Эмилія Чирнянскаго,* проф. химіи въ краков. университетѣ, русина по происхожденію и греко-уніата по вѣроисповѣданію.

40, 41, 45 и 48. *Звокиміра. Картина изъ нашего языческаго быта.* Написалъ Вас. Залозецкій. Дѣйствіе происходитъ въ III в. по Р. Х. на берегахъ р. Черемоша.

42. *Библіографія.* Объ «Исторіи литературы русскои» Эм. Огоновскаго.

43. *Смалъ-Стоцкій.* Полемическая статья по поводу проекта о введеніи фонетическаго правописанія въ школахъ.

Библіографія. Рецензія на IV вып. «Галицко-русской библіографіи XIX ст.» Ив. Эм. Левицкаго.

47 и 48. *Къ чествованію 900-лѣтія крещенія Руси.*

51, «Кубанскія областныя вѣдомости». 1888. № 1—16. *Фелицынъ* «Статистическія свѣдѣнія о бывшемъ Черноморскомъ войскѣ». Сравнительное статистическое описаніе за 1821 и 1887 года 49-ти станицъ, лежащихъ въ ейскомъ, екатеринодарскомъ и кавказскомъ уѣздахъ кубанской области (продолж. впереди).

52, «Сибирскій Вѣстникъ» № 1—45. № 30, 38, 41, 45. *На новыхъ мѣстахъ.* Крестьянина-старожила. Очеркъ жизни переселенцевъ. Рѣчь идетъ, между прочимъ, и о переселенцахъ изъ южной Россіи.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Вольнъ. Изд. П. Н. Батюшкова. Спб. 1888.

Галаганъ I. Къ торжеству открытія въ Одессѣ училища для слѣпыхъ мальчиковъ. Одесса 1888 г., 8 д., 18 стр.

Г. М. Н. Святыни и древности Холмскаго края. Сиб. 1888 г., 8 д., 68 стр.

236-е засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 3 февр. 1888 г. Одесса 1888 г., 8 д., 8 стр.

Дмитренко. Кузь-мрошникъ, або сатана у бочці. Украинська шутка-водевиль въ 1-й діи. Кіевъ. 1888 г., 16 д., 32 стр.

Замысловскій Е. Свошенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Θεодора Алексѣевича. Спб. 1888 г., 8 д., 90 стр.

Квачевскій А. Положеніе о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевикомъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ, съ объясненіемъ статей положенія по ихъ основаціямъ, судебнымъ рѣшеніямъ и дополненіямъ другими законами. Варшава 1888 г., 8 д., 203 стр.

Кондаковъ Н. П. О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора. Съ 4 табл. Спб. 1888 г., 8 д., 20 стр.

Мальшевскій. Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Спб., 4 д.

Маценко В. А. Прилукщина. Историческое и статистическое описаніе территоріи прилукскаго уѣзда, полтавской губерніи, въ 2 хъ частяхъ съ картой уѣзда и съ планомъ города. Ромны 1888 г., 8 д., 238 стр.

Носороговъ В. Харьковскій календарь-альманахъ на 1888 г. Харьковъ 1888 г., 8 д., 151+13 стр. не нум.

Носъ Ст. Д. (врачъ). У всякаго народа своя природа (путешествіе къ родному пепеляшу). Черн. 1888. 31 стр.

Описаніе Кіево-Печерской Лавры. 3-е изд. Москва. 1888. 16 д., 60 стр.

Отчетъ о дѣятельности харьковскаго медицинскаго общества за 1888 г., Харьковъ. 1888 г., 8 д., 77 стр.

П. А. Дѣтскій театръ. Гетманъ Мазепа. Москва. 1888 г., 32 д., 8 стр.

По поводу приближенія 1000-лѣтней годовщины успенія святѣйшаго патріарха Фотія. Кіевъ. 1888.

Процессъ о Вишневецкомъ имѣніи по иску графа Плятеръ противъ Толли. Кіевъ. 1888 г., 16 д., 78 стр.

Рисунокъ: изображеніе Божіей Матери Козельщанской. Одесса.

Русская правда. Текстъ, изданный по тремъ спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ, составленнымъ А. Б. Гицбургомъ. Спб. 1888 г., 8 д., 48 стр.

Соболевскій. А. И. Лекціи по исторіи русскаго языка. Кіевъ 1888 г., 8 д., 216 стр.

Соколовъ А. Зиновій-Богданъ Хмельницкій освободитель Малороссіи. Истор. романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1888 г., 8 д., 393 стр.

Токмаковъ И. Историко-статистич. описаніе города Мглина, черн. губ., въ связи съ церковно-археологич. обзоромъ священныхъ достопримѣчательностей этого края со времени первоначальнаго его заселенія. Съ приложеніемъ историч. очерка мѣстечка Почена. Кіевъ. 1888 г., 8 д., 119 стр.+1 карт.

Харьковскій Сборникъ подъ ред. чл. секр. В. И. Касперова. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому календарю» на 1888 г., выи. 2.

Chlebowski B. i Walewski W. Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Według planu F. Sulimierskiego. Zeszýt 99. T. IX. Варшава. 1888 г., 4 д., съ 161—240.

Эварницкій Д. И. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. 2 т. Спб. 1888.

Въ ст. А. В. Романовичъ-Славатицкаго на стр. 245 въ строкѣ 14 сверху вм. „Андреевичъ“ слѣдуетъ читать „Алексѣевичъ“, а въ строкѣ 15 вм. „Андрея“ — „Алексыя“.

Въ номер. стр. напечатано: 235, 236, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258.

Слѣдуетъ читать: стр. 409, 410, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Іюнь, 1888 г.

	СТР.
I. О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ. П. Л.	265—283
II. Леонардъ Совинскій. А. В. С—но	284—313
III. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины (окончаніе). Н. Петрова	314—340
IV. Молотники. Бытовой разсказъ. Ганны Барвинокъ. . .	341—364
V. На рубежѣ. Перев. съ польск. VII. Н. М.	365—388
VI. Очеркъ литерат. исторіи малор. нарѣчія въ XVII в.—Книжная малорусская рѣчь въ XVII в. II. П. Житецнаго.	389—408
VII. Воспоминанія объ архивѣ государственнаго совѣта. А. Романовичъ-Славатинскаго	409—432
VIII. Критика. Сводная Галичско-русская лѣтопись съ 1700 до конца Августа 1772 года. Составилъ А. С. Петрушевичъ. В. А. Diebold Wladimirr.—Ein Beitrag zur Anthropologie der Kleinrussen. Dorpat 1886 (Дибольдъ.—Къ антропологии Малороссовъ). В. А. Czyński Edward, Etnograficzno-statystyczny zarys liczebności i rozsielenia ludności polskiej. Ц. Неймана. Александра Барсукова. Родъ Шереметевыхъ. Книга пятая. И. Наманина. Литургическій календарь луцко-житомірской епархіи и костеловъ подольской губ., изданный по распоряженію преосв. Симона Мартина Козловскаго, еп. луцко-житомірскаго, доктора богословія на 1888 г. Михаленно-Юрковскаго	45—64
IX. Документы, извѣстія и замѣтки. О происхожденіи гетмана Павла Тетеры. В. А. Поѣздка гетмана К. Г. Разумовскаго въ Батуринъ и Козелець. Николая	

Баная. Эпизодъ изъ исторіи малорусскихъ крестьянъ.	
Н. Стороженна. Изъ быта крѣпостнаго времени.	
А. Залѣсснаго. Картины, рисунки и офорты Шевченка.	
В. Г. Два слова о рисункахъ К. А. Трутовскаго.	
Н. С. Замѣтка о старопечатныхъ книгахъ харьковской духовной семинаріи.	
Н. Сумцова.	69—92
X. Для справокъ	90—92
XI. Библиографическій листокъ	29—54
